ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА

.НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№6 2024

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Голованова Е.И., Шингарева Н.В., Хачатурян М.В. Законодательные основы борьбы со взяточничеством судебных должностных лиц в Московском государстве в XVI–XVII вв..... 6

Диденко А.Н. Деятельность федерального органа исполнительной власти по интеллектуальной собственности в условиях цифровой трансформации 10

Задорожная Е.В., Задорожный Г.А. Правовое регулирование служебной деятельности: на примере делового этикета в деятельности юристов 14

Митина Е.С. Роль физической подготовки в формировании профессиональных и прикладных навыков в правоохранительных органах..... 19

Михалев В.Е. Сравнительно-правовой анализ регулирования корпоративного управления в Голландской и Французской Ост-Индских компаниях ... 24

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Гридина М.Р., Шаталова А.А., Карпенко О.Д., Дюльгяров О.В. Ограничения правового регулирования экологического сектора национальной экономики России..... 29

Кучкаров З.А., Деревянко М.С. Формирование механизма регулирования правотворческой деятельности органов государственной власти в условиях трансформации системы общественных отношений..... 34

Царегородцев А.В., Елин В.М. Цифровой суверенитет России в условиях построения мирового информационного общества 39

Елфимов Д.Б. Сравнительно-правовой анализ санкций за дисциплинарные проступки адвокатов России и Юго-Восточной Азии 44

Ерошов В.А. Формирование системы принципов правового регулирования общественных отношений экосистемы цифровой экономики 51

Кабацкая Е.А. Процессуальные формы дистанционного доступа к правосудию..... 55

Никифоров И.Е. Неправомерность шпионажа с точки зрения международного права: аспекты защиты суверенитета государства..... 59

Пищальников Г.В. Реализация принципов федерализма в развитии правовой модели формирования представительства в верхней палате парламента Российской Федерации..... 64

Страхов И.А. Электронное государство как новый тип современного государства..... 69

Учредитель: **ООО «Издательство КНОРУС»**

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-74313 выдано 23.11.2018
ISSN 2220-5500

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д.14, корп. 2
E-mail: jurscience@mail.ru *Сайт:* www.jurnauka.ru

Главный редактор: **Кашкин Сергей Юрьевич,** доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

Заместитель главного редактора: **Коровяковский Денис Геннадьевич,** доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, доцент, Российская таможенная академия; доцент кафедры Института макроэкономических исследований, старший научный сотрудник Совета Института макроэкономических исследований, Всероссийская академия внешней торговли

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Ашмарина Елена Михайловна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой правового обеспечения экономической деятельности Российского государственного университета правосудия; **Багреева Елена Геннадиевна,** доктор юридических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ; **Барабанова Светлана Васильевна,** доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры инновационного предпринимательства, права и финансового менеджмента, Казанский национальный исследовательский технологический университет; **Бирюков Павел Николаевич,** доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и евразийского права юридического факультета, Воронежский государственный университет; **Галушкин Александр Александрович,** кандидат юридических наук, доцент, первый проректор – проректор по научной работе АНО «Международный институт информатизации и государственного управления им. П.А. Столыпина», академик РАЕН; **Казачкова Земфира Мухарбиевна,** доктор юридических наук, профессор кафедры административного и финансового права, Всероссийский государственный университет юстиции; **Калиниченко Пауль Алексеевич,** доктор юридических наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Кожанков Антон Юрьевич,** кандидат юридических наук, доцент кафедры «Торговое дело и торговое регулирование», Московский государственный институт международных отношений (университет); **Липатов Эдуард Георгиевич,** доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Липски Станислав Анджеевич,** доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой земельного права ФГБОУ ВО «Государственный университет по землеустройству»; **Малько Александр Васильевич,** доктор юридических наук, профессор, Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции; **Мамитова Наталия Викторовна,** доктор юридических наук, профессор кафедры государствоведения, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессор кафедры публичного права, МГИМО; **Махтаев Махтай Шапиевич,** доктор юридических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; **Мещерякова Ольга Михайловна,** доктор юридических наук, профессор кафедры международного права, Российский университет дружбы народов; **Панченко Владислав Юрьевич,** доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории, истории государства и права, Всероссийский государственный университет юстиции; **Рузакова Ольга Александровна,** доктор юридических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет); **Сангаджиев Бадма Владимирович,** доктор юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», профессор РАО; **Степанян Армен Жоресович,** кандидат юридических наук, доцент, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Цареградская Юлия Константиновна,** доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры Финансовое право, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чаннов Сергей Евгеньевич,** доктор юридических наук, профессор, Саратовская государственная юридическая академия; заведующий кафедрой служебного и трудового права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Четвериков Артем Олегович,** доктор юридических наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чихладзе Леван Теймуразович,** доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, профессор кафедры юриспруденции, МГУУ Правительства Москвы, Университет Правительства Москвы; **Шохин Сергей Олегович,** доктор юридических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет), академик РАЕН и РАЮН; **Щукина Татьяна Владимировна,** доктор юридических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Павликов Сергей Герасимович,** доктор юридических наук, профессор Кафедры правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ; **Скитович Виктор Викторович,** доктор юридических, наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»; **Шагиева Розалина Васильевна,** доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Джинджолия Рауль Сергеевич,** доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминального права, Российский новый университет; **Стойко Николай Геннадьевич,** доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет

Отпечатано в типографии ООО «Издательство «КноРус»,
117218, Москва, ул. Кедрова, д.14, корп. 2
Тираж 300 экз. Формат А4. *Подписано в печать:* 30.06.2024

Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»

Васильева С.В., Купченко К.В., Комиссарова Е.А., Шерашенкова Е.А., Федоскин Н.Н. Проблемные вопросы административно-правового регулирования в сфере охраны здоровья граждан Российской Федерации 77

Школик О.А. Основные аспекты публично-правового регулирования страховой деятельности в государствах Центральной Европы 82

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Алхамед Абдулазиз. Возвращение беженцев в Сирию и обеспечение их трудовых прав 88

Апоревич В.Н. Возможности и ограничения нормативного определения статуса преподавателя вуза как государственного служащего 92

Банный Д.С. Обеспечение прав членов саморегулируемых организаций при выборе страховой организации 96

Бахтин Д.О. Формирование доктринальных представлений о правовом статусе малоэтажного жилого комплекса 101

Губанова О.А., Бруевич М.Ю., Игбаева Г.Р., Зуев А.В., Проходимова Е.М. Пенсия по инвалидности 105

Дмитриев П.А. Понятие и содержание судебной истины в цивилистическом процессе 108

Егоров Д.П. Формы участия в кредите в международной финансовой практике: сравнительно-правовой анализ 111

Ерофицкий А.С. Допустимость доказательств в международном арбитраже: аспекты выбора применимого права 115

Закиров Д.А. Нормативное определение категории «музыкальное произведение» в российском законодательстве о защите интеллектуальной собственности 118

Дмитриев П.А. Реализация судебных полномочий доказывания по делам о несостоятельности (банкротстве) 122

Клименко А.И. Развитие нормативного регулирования сферы электронной торговли: аспекты классификации правоотношений по защите информации на цифровых площадках 126

Красильников А.А. Режим собственности водных объектов 131

Кузнецов Д.А. О методике выявления процессуальных особенностей разрешения отдельных категорий дел в цивилистическом процессе 136

Курбатов Д.Е. Развитие правового регулирования института медиации 143

Курносов Б.И. Основания и последствия признания недействительности антисоциальных сделок и сделок, совершенных вопреки запрету на злоупотребление правом 148

Федоренко Н.В., Левина Ю.В. Практические вопросы свидетельствования обстоятельств непреодолимой силы в гражданско-правовых отношениях 153

Луговенко К.А., Гриб В.Г. Налоговые риски производителя лекарственных препаратов при приобретении маркетинговых услуг 157

Параскевова С.А., Мазуренко М.А. Субъектный критерий предметной компетенции арбитражных судов 163

Максимова А.Д. Защита исключительного права на невизуальные товарные знаки 168

Малфыгин А.А. Механизм поддержки добросовестной конкуренции: российский опыт 173

Михайловская С.А. Развитие института определения категории «недвижимость» в гражданско-правовых отношениях: аспекты выявления экономических признаков 177

Морозова Т.Б. Субсидиарная ответственность лиц, контролирующих должника, проблемы правовой определенности 181

Переверзев И.О. Развитие правового института сноса самовольной постройки: возможности принятия административного порядка реализации положений п. 2 ст. 222 ГК РФ 185

Носенко Л.И., Окшин В.В. Выявление содержания процессуальной ответственности субъектов конкурентных отношений 188

Носов А.А. Злоупотребление принципом диспозитивности и свободы договора как вид злоупотребления правом на примере договора дарения и прощения долга 193

Овсянников В.И. Механизм правового регулирования субсидиарной ответственности 198

Осипов С.А. Развитие нормативно-правового регулирования договорных отношений розничной купли-продажи товаров 201

Переверзев И.О. Доктринальное определение правовой природы объекта самовольного строительства 205

Саратов А.С. Понятийный аппарат как критерий самостоятельности корпоративного права в российской законодательной системе 209

Семенова Н.А. Правовая природа договоров по предоставлению пользователю доступа к программному обеспечению 213

Тарасов И.А. Антимонопольный комплаенс хозяйствующих субъектов как инструмент корпоративного управления 216

Тихонов С.А. Институт регуляторной гильотины в российском праве: цели внедрения и сфера применения 221

Тюменцев И.А. Квалификация приобретения подарочных сертификатов или карт как заключения опционной договорной конструкции 225

Чаштанова Д.П. Развитие института предоставления гарантий дистанционным работникам: на примере «права на отключение» 229

Федин Д.А. Проблемы законодательного закрепления и обеспечения соблюдения принципов судебно-экспертной деятельности 234

Филатов К.С. Правовое обеспечение развития электронного документооборота: на примере строительной отрасли 239

Холмов И.Е. Сроки и размеры субсидиарной ответственности руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве 243
Чаштанова Д.П. Формирование модели правового регулирования платформенной занятости 247
Чеклинова В.В. Содержания правовых категорий соединения, разъединения, выделения требований, объединение дел 250
Шерстобитов А.А. Правовой режим защиты интеллектуальных прав на многопользовательские онлайн-игры 255

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Андреева Я.В. Обобщение доктринальных позиций по определению целей наказания несовершеннолетних 259
Баграмян В.В. Предъявления прокурорами гражданских исков в уголовном судопроизводстве: проблемы теории и практики 266
Бордакова А.Г., Киселёва Е.А. Современные возможности раскрытия и расследования преступлений по электронным следам 271
Волохова О.В. Реализация концепции «юридического дизайна» в уголовно-процессуальной сфере 276
Дунаева М.С. Соблюдение информационных прав граждан в уголовно-процессуальном законодательстве 281
Косарева Б.П. Процессуальное и доказательственное значение материалов налогового контроля в делах о налоговых преступлениях 285
Латкин А.А. Домашний арест как мера пресечения в уголовно-процессуальных кодексах Российской Федерации и Французской Республики 289
Лукожев Х.М., Самаркина Ю.Э. Представление прокурора как основание для возбуждения апелляционного производства при обжаловании промежуточных судебных решений 293
Лукьянов С.А. Критерии для разграничения злоупотребления полномочиями со смежными составами преступлений: сопоставление нормативного закрепления в уголовном праве России, Белоруссии и Казахстана 297
Медведкина Е.А. Стратегии преодоления противодействия расследованию преступлений: систематизация российского и международного опыта 302
Латкин А.А. Исторические предпосылки установления института судебных следователей в Российской империи 1860 года 307
Соболев Н.Г., Ляпин А.И., Овсюков Д.А. Особенности пенитенциарной преступности в местах лишения свободы 312
Пономарев В.Е. Технико-криминалистическое обеспечение хранения электронных доказательств 316
Резникова Е.А. Криминологическая детерминация публичного распространения ложной информации о деятельности Вооруженных сил Российской Федерации 321
Росляков В.Д. Проблемы применения бланкетных диспозиций уголовно-правовых норм и влияния арбитражного судопроизводства на процесс квалификации криминальных банкротств 326
Проваткина В.Е., Квасникова Т.В., Рубан П.О., Коркин М.С. Законодательная регламентация пределов ответственности за соучастие в преступлениях, совершенных по неосторожности 332
Садыкова Э.В. Криминологическая характеристика использования криптовалют в коррупционных контрактах 335
Тарасов А.А. Правовые инструменты повышения правозащитного потенциала судебного контроля за обыском в жилище 342
Ушаков А.А. Уголовно-правовая характеристика криптовалюты как предмета и средства совершения преступления 348
Садыкова Э.В. Эволюция правового регулирования мер противодействия коррупции в России 352

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Блоцкий Е.В. Правовые основы определения форума в электронной торговле в Европейском союзе и Соединенных Штатах Америки 357
Данилова Д.П. Международно-правовые основы проведения международных расчетных операций в условиях санкционного давления 363
Евсеев А.П. Международно-правовой статус многосторонних институтов развития Латинской Америки и Карибского бассейна 368
Багирян А.Г., Заиченко Е.А., Каграманян А.А., Туко А.Р. Сравнительно-правовой анализ регулирования применения технологий ИИ в странах БРИКС и ЕС 374
Данилова Д.П. Правовые основы таможенно-тарифного регулирования Российской Федерации в рамках ЕАЭС 379
Чувахин П.И. Международно-правовой анализ некоторых способов изменения государственной территории 384

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА

Гончаров Д.К. Особенности тактики отдельных следственных действий на первоначальном этапе расследования незаконных организации и проведения азартных игр 391
Каширин К.Д., Куровский С.В., Мишин Д.А., Макаренко В.С., Рукавишникова Т.А. Правовые аспекты применения автоматизированных систем мониторинга и контроля в IT-индустрии 399

TABLE OF CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Golovanova E.I., Shingareva N.V., Khachaturyan M.V. The legislative framework for combating bribery of judicial officials in the Moscow State in the XVI–XVII centuries..... 6
Didenko A.N. The activities of the federal executive authority for intellectual property in the context of digital transformation 10
Zadorozhnaya E.V., Zadorozhny G.A. Legal regulation of official activities: on the example of business etiquette in the activities of lawyers..... 14
Mitina E.S. The role of physical training in the development of professional and practical skills in law enforcement agencies..... 19
Mikhalev V.E. Comparative legal analysis of corporate governance regulation in the Dutch and French East India companies 24

PUBLIC LAW (STATE LEGAL) SCIENCES

Gridina M.R., Shatalova A.A., Karpenko O.D., Dyulgyarov O.V. Limitations of legal regulation of the environmental sector of the Russian national economy 29
Kuchkarov Z.A., Derevianko M.S. Formation of a mechanism for regulating law-making activities of public authorities in the context of transformation of the system of public relations..... 34
Tsaregorodtsev A.V., Elin V.M. Digital sovereignty of Russia in the context of building a global information society39
Elfimov D.B. Comparative legal analysis of sanctions for disciplinary offenses of lawyers in Russia and Southeast Asia..... 44
Eroshov V.A. Formation of a system of principles of legal regulation of public relations in the digital economy ecosystem..... 51
Kabatskaya E.A. Procedural forms of remote access to justice 55
Nikiforov I.E. The illegality of espionage under international law: aspects of the defence of state sovereignty 59
Pishchalnikov G.V. Implementation of the principles of federalism in the development of a legal model for the formation of representation in the upper house of the Parliament of the Russian Federation 64
Strakhov I.A. Electronic state as a new type of modern state..... 69
Vasilyeva S.V., Kupchenko K.V., Komissarova E.A., Sherashenkova E.A., Fedoskin N.N. Problematic issues of administrative and legal regulation in the field of health protection of citizens of the Russian Federation 77
Shkolik O.A. The main aspects of public law regulation of insurance in the central european states 82

PRIVATE LEGAL (CIVILITY) SCIENCES

Alhamed Abdulaziz. The return of refugees to Syria and ensuring their labor rights..... 88
Aporevich V.N. Possibilities and limitations of the normative definition of the status of a university teacher as a civil servant 92
Bannyi D.S. Ensuring the rights of members of self-regulatory organizations when choosing an insurance organization 96
Bakhtin D.O. Formation of doctrinal ideas about the legal status of a low-rise residential complex 101
Gubanova O.A., Bruevich M.Yu., Igbaeva G.R., Zuev A.V., Prokhodimova E.M. Disability pension 105
Dmitriev P.A. The concept and content of judicial truth in the civil process..... 108
Egorov D.P. Forms of participation in a loan in international financial practice: comparative legal analysis..... 111
Erofitskiy A.S. Admissibility of evidence in international arbitration: aspects of the choice of applicable law 115
Zakirov D.A. Regulatory definition of the category "musical work" in Russian legislation on the protection of intellectual property..... 118
Dmitriev P.A. Implementation of judicial powers of evidence in cases of insolvency (bankruptcy)..... 122
Klimenko A.I. Development of regulatory regulation in the sphere of electronic commerce: aspects of the classification of legal relations on information protection on digital platforms..... 126
Krasilnikov A.A. Ownership regime of water bodies 131
Kuznetsov D.A. On the issue of the methodology for identifying the procedural features of resolving certain categories of cases in the civil process 136
Kurbatov D.E. Development of legal regulation of the institution of mediation..... 143
Kurnosov B.I. Grounds and consequences of rekognizing the invalidity anti-social transaktions and transaktions made contratary to the prohobition on abuse of law..... 148
Fedorenko N.V., Levina Yu.V. Practical issues of witnessing force majeure circumstances in civil law relations..... 153
Lugovenko K.A., Grib V.G. The tax risks of a drug manufacturer when purchasing marketing services 157
Paraskevova S.A., Mazurenko M.A. The subject criterion of the subject competence of arbitration courts 163
Maksimova A.D. Protection of the exclusive right to non-visual trademarks..... 168
Malfigin A.A. Mechanism to support fair competition: Russian experience..... 173
Mikhailovskaya S.A. Development of the institution of determining the category "real estate" in civil law relations: aspects of identifying economic characteristics... 177
Morozova T.B. Subsidiary liability of persons controlling the debtor, problems of legal certainty..... 181
Pereverzev I.O. Development of the legal institution of demolition of unauthorized construction: the possibility of adopting an administrative procedure for implementing the provisions of paragraph 2 of Art. 222 Civil Code of the Russian Federation 185
Nosenko L.I., Okshin V.V. Identification of the content of procedural responsibility of subjects of competitive relations..... 188
Nosov A.A. Abuse of the principle of dispositivity and freedom of contract as a type of abuse of law 193

Ovsyannikov V.I. Mechanism of legal regulation of subsidiary liability 198
Osipov S.A. Development of legal regulation of contractual relations for the retail purchase and sale of goods 201
Pereverzev I.O. Doctrinal definition of the legal nature of an unauthorized construction project 205
Saratov A.S. Conceptual apparatus as a criterion for the independence of corporate law in the Russian legislative system 209
Semenova N.A. Legal nature of agreements to provide user access to software 213
Tarasov I.A. Antimonopoly compliance of business entities as a corporate governance tool 216
Tikhonov S.A. The institution of regulatory guillotine in russian law: goals of implementation and scope of application 221
Tyumentsev I.A. Qualification of the purchase of gift certificates or cards as the conclusion of an optional contractual structure 225
Chashtanova D.P. Development of the institution of providing guarantees to remote workers: using the example of the "right to disconnect" 229
Fedin D.A. Problems of legislative consolidation and ensuring compliance with the principles of forensic expertise 234
Filatov K.S. Legal support for the development of electronic document management: the example of the construction industry 239
Kholmov I.E. Terms and amounts of subsidiary liability of the debtor's director and other persons in a bankruptcy case 243
Chashtanova D.P. Formation of a model of legal regulation of platform employment 247
Cheklinova V.V. Contents of the legal categories of connection, separation, identification of requirements, consolidation of cases 250
Sherstobitov A.A. Legal regime for the protection of intellectual rights for multiplayer online games 255

CRIMINAL LEGAL SCIENCES

Andreeva Ya.V. Generalization of doctrinal positions on determining the goals of punishment of minors 259
Bagramyan V.V. Presentation of civil lawsuits by prosecutors in criminal proceedings: problems of theory and practice 266
Bordakova A.G., Kiseleva E.A. Modern possibilities of solving and investigating crimes by electronic traces 271
Volokhova O.V. Implementation of the concept of "legal design" in the criminal procedure sphere 276
Dunaeva M.S. Compliance with information rights of citizens in criminal procedural legislation 281
Kosareva B.P. Procedural and evidentiary value of tax control materials in cases of tax crimes 285
Latkin A.A. House arrest as a measure of prestression in the criminal procedure codes of the Russian Federation and the French Republic 289
Lukozhev Kh.M., Samarkina Yu.E. Representation of the prosecutor as a basis for initiating appeal proceedings in the appeal of interim court decisions 293
Lukyanov S.A. Criteria for distinguishing abuse of power from related crimes: comparison of normative provisions in the criminal law of Russia, Belarus and Kazakhstan 297
Medvedkina E.A. Strategies for overcoming resistance to crime investigations: systematization of Russian and international experience 302
Latkin A.A. Historical background for the establishment of the institution of forensic investigators in the Russian Empire in 1860 307
Sobolev N.G., Lyapin A.I., Ovsyukov D.A. Features of penitentiary crime in places of deprivation of liberty 312
Ponomarev V.E. Technical and criminalistic support for the storage of electronic evidence 316
Reznikova E.A. Criminological determination of public dissemination of false information about the activities of the Armed Forces of the Russian Federation 321
Roslyakov V.D. Problems of application of blank dispositions of criminal law norms and the influence of arbitration proceedings on the process of qualification of criminal bankruptcies 326
Provatkina V.E., Kvasnikova T.V., Ruban P.O., Korkin M.S. Legislative regulation of the limits of liability for complicity in crimes committed through negligence 332
Sadykova E.V. Criminological characterisation of the use of cryptocurrencies in corruption contracts 335
Tarasov A.A. Legal tools to increase the human rights potential of judicial control over home searches 342
Ushakov A.A. Criminal law characteristics of cryptocurrencies as an object and means of committing a crime 348
Sadykova E.V. Evolution of legal regulation anti-corruption measures in Russia 352

INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

Blotsky E.V. The legal basis for defining an e-commerce forum in the European Union and the United States of America 357
Danilova D.P. The international legal framework for conducting international settlement transactions under the conditions of sanctions pressure 363
Evseev A.P. The international legal status of the multilateral development institutions of Latin America and the Caribbean 368
Bagiryan A.G., Zaichenko E.A., Kagramanyan H.A., Tuko A.R. Comparative legal analysis of regulation of the use of AI technologies in the BRICS countries and the EU 374
Danilova D.P. Measures of customs and tariff regulation of Russia in the EAEU 379
Chuvakhin P.I. International legal analysis of some ways of changing the state territory 384

CURRENT ISSUES OF MODERN LAW-MAKING

Goncharov D.K. Features of tactics of individual investigative actions at the initial stage of investigation of illegal organization and conduct of gambling 391
Kashirin K.D., Kurovsky S.V., Mishin D.A., Makarenko V.S., Rukavishnikova T.A. Legal Aspects of the Application of Automated Monitoring and Control Systems in the IT Industry 399

Законодательные основы борьбы со взяточничеством судебных должностных лиц в Московском государстве в XVI–XVII вв.

Голованова Екатерина Игоревна,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: alex_13–93@mail.ru

Шингарева Наталья Викторовна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры правовых дисциплин Российского православного университета святого Иоанна Богослова
E-mail: shingareva@list.ru

Хачатурян Михаил Владимирович,
доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: mh_1905@mail.ru

Статья посвящена анализу законодательных основ, регулирующих борьбу со взяточничеством должностных лиц судов в Московском государстве. Процесс консолидации русских территорий стимулировал необходимость создания единой системы законодательства и судебного аппарата, функционирующего и осуществляющего правосудие на твердой правовой основе. В конце XV – первой половине XVI века активно шел процесс формирования административно-судебного аппарата Московского государства. Наиболее распространенным видом противоправного деяния, совершаемого должностным лицом, было получение взятки. В связи с этим возникла необходимость законодательно закрепить некоторые запреты, связанные с осуществлением должностными лицами своих полномочий. Судебники XV–XVI вв. и Соборное уложение 1649 г. установили уголовную ответственность за недобросовестное исполнение работниками судебного аппарата своих обязанностей, а также преследовали взяточничество (мздоимство) судейских чиновников. К уголовной ответственности привлекались не только судьи, но и взяткодатели.

Ключевые слова: взяточничество, взятка, посул, суд, судебный чиновник, недельщик, тиун, дьяк, система кормлений, уголовная ответственность за взятку, должностные лица органов местного самоуправления.

Коррупция в форме взяточничества является одной из древнейших проблем функционирования государственного аппарата независимо от уровня развития общества и формы правления. За свою многовековую историю феномен взяточничества в Российском государстве принимал разнообразные формы и распространенность, то поражая почти весь управленческий аппарат, то принимая более скромные масштабы. Особую озабоченность у власти всегда вызывала коррумпированность судей, поскольку она приводила к решению конфликтов вне правового поля. Первые указания о «посуле» в русских правовых источниках XIV–XV вв. (Двинская судная грамота, Новгородская и Псковская судные грамоты, отдельные княжеские договоры и жалованные грамоты) либо имеют нечеткий характер, допускающий прямо противоположные толкования, либо их запретительное действие характеризуется узкой направленностью. В Псковской судной грамоте «посул» упоминается при вершении суда посадником и князем: «а тайных посулов не имать ни князю, ни посаднику» [7]. Однако ответственность за взятие «посула» в Псковской судной грамоте не была установлена.

Формирование в XV в. единого русского государства сопровождалось созданием правовых начал функционирования новых государственных структур, в связи с чем возникла необходимость законодательно закрепить санкции за нарушение должностными лицами своих полномочий. Судебник 1497 г., последующие Судебники и, наконец, Соборное уложение 1649 г. ввели деятельность судов в правовые рамки. Одновременно устанавливалась ответственность за недобросовестное исполнение судебными чинами своих обязанностей, стало преследоваться мздоимство судей. В Судебниках уделялось много внимания преступлениям против правосудия и примыкавшим к ним преступлениям судебных чиновников, что доказывало осознание законодателем важнейшей роли суда и лиц, участвующих в отправлении правосудия, в обеспечении правопорядка и охране жизненно важных интересов общества.

Статьи 1 и 38 Судебника 1497 г. вводили прямой запрет на получение посула как московскими, так и провинциальными судьями: «а посулов бояром и околничим, и диаком от суда и от печалования не имати…» и «а посула им от суда не имати, и их тиуном и их людем посула от суда не имати же, ни на государя своего, ни на тиуна, и пошлинником от суда посулов не просити» [11]. Этот запрет, помимо судей, касался всех должностных лиц суда: дьяков, недельщиков, тиунов, сборщи-

ков пошлин. Применительно к недельщикам законодатель вообще старался предусмотреть все возможные варианты злоупотреблений с их стороны, поскольку прекрасно понимал, что «кормленная основа должности» толкала недельщиков «к получению как можно большего «корма» в виде пошлин, как законных, так и незаконных» [3, с. 194]. Статья 31 запрещала недельщику брать вознаграждение за назначение поручителей при выезде на расследование и предписывала ездить с приставными: «а от поруки им с приставными ездячи не имати ничего» [11]. Статья 33 воспрещала недельщикам брать взятки как в свою пользу, так и в пользу судей: «а неделщиком на суде на боярина, и на околничих, и надиаков посула не проекты и не мати, а самимь от порукы посулов не имати» [11]. Статья 34, устанавливая обязанности недельщика в деле о татьбе и разрешая производить арест и пытки татей, также подчеркивала, что недельщик не должен поддаваться на подкуп, а должен действовать непредвзято: «а изымав ему татя, не отпустити, ни посула не взяти; а опришних ему людей не имати» [11]. Статья 36 предписывала без всякой волокиты выдавать бессудные грамоты: «а срочные их Христианом отписывать и бессудные давати не волокитно, а от безсудных им у христиан не имати ничего» [11]. Статья 67 устанавливала запрет на дачу взяток с целью более эффективной борьбы со взяточничеством, причем об этом было объявлено всенародно: «велети прокликать по торгом на Москве и во всех городех Московские земли и Новогородцкие земли и по всем волостем заповедати, чтобы ищея и ответчик судиам и приставом посулу не сулили в суду» [11].

Однако Судебник 1497 г. не устанавливал ответственности за взятку, что явно снижало превентивный потенциал уголовно-правовых норм. Такое положение объясняется низкой степенью развития законодательства о должностных преступлениях. Отсутствие уголовной санкции в самом законе, бесспорно, ставило вопрос об ответственности в крайне неопределенное положение: все зависело от воли государя, от его личного отношения к правонарушителю, государь мог казнить и миловать каждого по собственному усмотрению [8, с. 592].

Судебник 1550 г. внес коррективы в правовое регулирование ответственности за преступления против правосудия, и непосредственно с ними связанные должностные преступления, совершенные судейским корпусом и вспомогательным аппаратом судов. Статья 1 Царского судебника, по аналогии с Судебником 1497 г., установила законодательный запрет на взятки: «а судом не дружити и не мстити никому, и посулу в суде не имати. Также и всякому судье посула в суде не имати» [11]. Статья 3 ввела гражданскую ответственность судьи за взяточничество: вынесение решения «не по суду» влекло за собой обязанность судьи уплатить обвиненному лицу сумму иска и возвратить в тройном размере все судебные издержки пострадавшего лица. Однако об уголовной ответственности судьи ничего сказано не было, скорее всего это было оставлено на усмотрение государя согласно бытующей формулировке – «что государь укажет».

Статьи 4 предусматривала ответственность дьяка за получение взятки: «… на том дьаке взяти перед боярином вполы да кинути его в тюрму», то есть дьяк, составивший за взятку подложный протокол судебного заседания, либо неправильно записавший показания сторон или свидетелей, уплачивал половину суммы иска. Другую половину возмещал боярин, который, будучи высшим по должности лицом, должен был следить за своим подчиненным. Дьяк, кроме того, подлежал тюремному заключению. Статья 5 вводила ответственность подъячего: «подьачей, которой запишет не по суду для посула без дьячего приказу, и того подьячего казнити торговою казнью, бити кнутьем», т.е. подьячий подвергался за то же преступление торговой казни.

Статья 32 предусматривала ответственность недельщика за получение взятки на имя боярина, окольничнего, дворецкого, казначея, дьяка, а также для себя. Наказание состояло в торговой казни, штрафе в размере троекратной суммы взятки и увольнении с должности. Также в статье 53 устанавливалась ответственность недельщиков за отпуск преступника за взятку: «а изымав ему татя и разбойника, не отпустит, ни посула не взята; в опричних людей ему не имати. А поноровит которой неделщик татю или разбойнику по посулом, а его отпустит, и уличат его в том, ино на том неделщике исцев иск доправити, а его казнити торговою казнью да вкинути в тюрму, а в казни что государь укажет» [11]. В статье 68 еще раз был подтвержден запрет: «и посула в суде наместником и волостелем и их тиуном не имати». Статья 71 с целью пресечения злоупотреблений должностным положением лишила наместников и волостелей права окончательного суда по лихим делам. Аналогично статье 67 Судебника 1497 г. в статье 99 было указано об оглашении по всей территории Московского государства запрета на дачу взятки.

Борьба со взяточничеством судебных должностных лиц продолжилась в Уставной книге Разбойного приказа. Уставная книга открывается Уложением от 18 января 1555 г., которая представляет собой ответы на специальные запросы Разбойного приказа, как это обычно имело место в законодательной практике XVI в. Статья 13 Уложения отмечает злоупотребления, которые совершают над тюремными сидельцами «тиуновы люди», живущие в качестве приставов при московских тюрьмах, в частности, требуют с заключенных взяток («поминок») [5, с.23–49].

В Судебник Федора Иоанновича 1589 г. было добавлено 67 новых статей, в основном, касающихся вопросов судопроизводства и закрепивших передачу судебных полномочий от волостелей земским судьям, которые не имели «корма» с судных дел. Также для всех судей (бояр, наместников, земских судей) Судебником было предписано при вступлении в должность принести присягу, в которой следовало дать клятву не брать посулов [1].

Соборное уложение 1649 г. знаменовало новую стадию развития социально-экономических отношений, политического строя, юридических норм, судоустройства и судопроизводства Русского государства. Статьи 5, 6, 7, 8, 9 главы X «О суде» развивают законоположения Судебников об ответственности за взяточничество. Вынесение судьей любого ранга несправедливого приговора за посул расценивалось как уголовное преступление и влекло наказание в зависимости от чина судьи: для думных чинов наказание состояло в лишении чина и штрафе в пользу потерпевшей стороны и государства, а для недумных чинов полагалось более суровое наказание – торговая казнь и лишение места. В этой части Уложение 1649 г. повторяет соответствующие установления Судебника 1550 г. В отличие от Судебников в Уложении тема о посуле разработана более углубленно: затронут вопрос о взятии посула третьими лицами, родственниками судьи, с его ведома или нет. Можно предположить, что в основе пристального внимания властей к царящим в судах порядках лежит ряд челобитных от населения, в частности, челобитная от 23 июля 1641 г. царю Михаилу Федоровичу от дворян и детей боярских, которые просили устранить обычай давать судьям посулы, когда стороны до «судоговорения» обещали судьям вознаграждение, если их дело будет выиграно: «… и посулы б государь велел вывесть». Также в челобитной содержалась просьба провести расследования по поводу неправедно решенных дел: «а которые судьи учнут судить не по правде, и теми б судьями в ых неправедных судех велел бы государь перед бояры давати очные ставки» [12, с. 367–370].

Положения Соборного уложения были нацелены на ликвидацию одного из институтов обычного права, сохранившегося с давних времен и состоявшего в своеобразной форме (посулов) вознаграждения судей. Однако в условиях централизованного государства, когда судьи стали получать поземельное и денежное жалованье посул переродился в обычную взятку, стал законодательно запрещаться и преследоваться. Несмотря на законодательный запрет, взяточничество не было изжито в деятельности государственного аппарата. Г.К. Котошихин писал, что «… хотя на такое дело положено наказание и чинят о тех посулах крестное целование с жестоким проклинателством, что посулов не имати и делати вправду, по царскому указу и по Уложению, ни во что их есть вера и заклинателство, и наказания не страшатся, от прелести очей своих и мысли содержат не могут и руки свои ко взятию скоро допущают». Судьи берут не сами лично, но «по задней лестнице через жену, или дочерь, или чрез сына и брата, и человека, и не ставят того себе во взятые посулы, бутто про то и не ведают» [4]. Вина судьи была увязана с его указанием родственникам или любому другому лицу взять для него посул. И хотя Уложение во многих случаях практиковало равную ответственность для всех лиц, причастных к совершению преступления, но в данном случае исполнитель наказывался в меньшей степени, чем инициатор преступления, потому что инициатором выступало должностное лицо. Если же судья не знал о получении взятки на свое имя, то Уложение приравнивает это деяние к мошенничеству. Виновный наказывался кнутом, взысканием взятого в тройном размере и тюремным заключением. По данной категории дел всегда проводился розыскной процесс – «да будет сыщется допряма».

Наказуемой являлась волокита, направленная на вымогательство взятки или с иной корыстной целью. При этом замешанными в таком деянии в равной мере могут быть как судья, так и дьяк и подьячий. В случае подтверждения правоты жалобы («а сыщется про то допряма») судье определялось наказание по указу царя, а с дьяка и подьячего взыскивали штраф в пользу челобитчика с момента поступления дела в приказ и до дня подачи жалобы по «две гривны на день».

Были поставлены в жесткие рамки недельщики и их помощники («заговорщики»). Недельщик получал вознаграждение в форме строго фиксированных в законе судебных пошлин, идущих в его пользу. Закон запрещал недельщикам и их помощникам брать с тяжущихся сторон больше того, что предусмотрено в законе, то есть посулы, поминки и т.п. Нарушение запрета влекло наложение наказания в виде возмещения убытка, а также наказание батогами. При трехкратном совершении подобного деяния полагался кнут и снятие с должности. Любопытно, что недельщикам воспрещалось выполнять свои обязанности без заговорщиков. Видимо, действия в одиночку сулили большие выгоды и возможности «спрятать концы в воду» [9, с. 201].

В главе XXI определяются условия функционирования органов государственной власти, включая губное управление, в компетенцию которых входило рассмотрение уголовных дел. Статьи 82–86, определяя обязанности губных старост, целовальников и недельщиков по розыску разбойников и татей и по расследованию разбойных дел, также содержат запреты различного рода злоупотреблений должностных лиц. Например, статья 83 запрещает недельщику отпускать татя за посул и устанавливает ответственность в виде взыскания «исцова иска», битья кнутом и тюремного заключения. Статья 86 содержит запрет «недельщику татей без докладу на поруки не давати» и устанавливает наказание в виде взыскания исцова иска в двойном размере, битья кнутом и тюремного заключения «до государева указу». Статьей 84 предусмотрен тот же состав служебных преступлений, совершенных вспомогательным персоналом губных старост – губными целовальниками.

Таким образом, посул, первоначально представляя собой добровольное частное вознаграждение должностному лицу и имея вполне легальный характер, постепенно превращается в уголовно-наказуемое деяние. В Судебнике 1497 г. окончательно закрепляется криминальный характер посула, хотя без установления санкции.

Судебник 1497 г. вводил для судебных должностных лиц запрет брать «посулы» и решать дела, исходя из личной выгоды как моральной, так и материальной. В середине XVI в., когда злоупотребления властью кормленщиков стали приобретать массовый характер, в Судебники 1550 г. и 1589 г. были включены статьи, устанавливающие уголовную ответственность за принятие посула. Был установлен запрет на дачу взяток. В Соборном уложении 1649 г., в результате обобщения всего предшествовавшего опыта борьбы со взяточничеством было сформировано понятие специального субъекта – должностного лица административно-судебного аппарата или выборного лица органа местного самоуправления. Уложение предусматривало дифференциацию ответственности за взяточничество: для бояр, окольничьих, воевод, думных чиновников был установлен штраф и лишение чина, однако вид наказания оставался на усмотрение монарха. Для нижестоящих должностных лиц предусматривалась торговая казнь и исключению из службы, отсечению руки, ссылке, битью батогами, возмещению ущерба, тюремному заключению.

Литература

1. Владимирский-Буданов М.Ф. Судебник 1589 года. Его значение и источники. Киев, 1902.
2. Голованова Е.И. Правовые основы борьбы с коррупцией в России в XVI–XIX вв.: Историко-правовое исследование: автореферат дис. … кандидата юридических наук. М., 2002.
3. История суда и правосудия в России: в 9 т. / отв. Ред. В.В. Ершов, В.М. Сырых. – М.: Норма, 2017.
4. Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича / Подгот., комм. и указ. проф. Г.А. Леонтьевой. М. РОССПЭН, 2000.
5. Носов Н.Е. Уставная книга Разбойного приказа 1555–1556 гг. / Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XIV. Л., 1983.
6. Полное собрание законов Российской империи. Собр.1. Т. I. № 1.
7. Псковская судная грамота. М., 1940.
8. Сергеевич В.И. Лекции и исследования по истории русского права. СПб., 1883.
9. Соборное Уложение 1649 года. Текст. Комментарии. Л., 1987.
10. Судебник царя Федора Иоанновича 1589 г. По списку собрания Ф.Ф. Мазурина. Издание Комиссии печатания государственных грамот и договоров при Московском Главном Архиве Министерства Иностранных Дел. М.: Тип. Г. Лисснера и А. Гешеля, 1900.
11. Судебники XV–XVI веков. М.-Л., 1952.
12. Хрестоматия по истории СССР. XVI–XVII век. М., 1962.

THE LEGISLATIVE FRAMEWORK FOR COMBATING BRIBERY OF JUDICIAL OFFICIALS IN THE MOSCOW STATE IN THE XVI–XVII CENTURIES

Golovanova E.I., Shingareva N.V., Khachaturyan M.V.
Russian Orthodox University Saint John the Evangelist; Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot

The article is devoted to the analysis of the legislative framework governing the fight against bribery of court officials in the Moscow state. The process of consolidation of Russian territories stimulated the need to create a unified system of legislation and a judicial apparatus that functions and administers justice on a firm legal basis. At the end of the XV – first half of the XVI century, the process of forming the administrative and judicial apparatus of the Moscow state was actively underway. The most common type of illegal act committed by an official was taking a bribe. In this regard, it became necessary to legislate some prohibitions related to the exercise of their powers by officials. The judicial officers of the XV–XVI centuries and the Cathedral Code of 1649 established criminal liability for unfair performance of their duties by employees of the judicial apparatus, and also prosecuted bribery (bribery) of judicial officials. Not only judges, but also bribe-takers were brought to criminal responsibility.

Keywords: bribery, bribe, promise, court, judicial official, nedelshchik, tiun, dyak, feeding system, criminal liability for bribery, local government officials.

References

1. Vladimirsky-Budanov M.F. Sudebnik of 1589. Its meaning and sources. Kiev, 1902.
2. Golovanova E.I. The main fights with the corporation in Russia in the XVI–XIX centuries: Historical and legal research: abstract of the dissertation of the candidate of Legal Sciences. M., 2002.
3. History of court and justice in Russia: in 9 volumes / ed. V.V. Ershov, V.M. Syrykh. – M.: Norma, 2017.
4. Kotoshikhin G.K. About Russia in the reign of Alexei Mikhailovich / Preparation, comm. and the decree. Prof. G.A. Leontieva, M. ROSSPAN, 2000.
5. Nosov N.E. The established book of the Robbery translation of 1555–1556 / Modern Historical Sciences. Vol. XIV. L., 1983.
6. The Complete collection of laws of the Russian Empire. Meeting.1. T. I. N. 1.
7. Pskov court charter. M., 1940.
8. Sergeevich V.I. Lectures and research on the history of Russian law. St. Petersburg., 1883.
9. The Cathedral Code of 1649. Text. Comments on. L., 1987.
10. The court book of Tsar Fyodor Ioannovich in 1589. According to the list of F.F. Mazurin's collection. Publication of the Commission for Printing State Letters and Treaties at the Moscow Main Archive of the Ministry of Foreign Affairs. M.: Type. G. Lissner and A. Geschel, 1900.
11. Sudebniki of the XV–XVI centuries. M.-L., 1952.
12. Anthology on the history of the USSR. XVI–XVII centuries. M., 1962.

Деятельность федерального органа исполнительной власти по интеллектуальной собственности в условиях цифровой трансформации

Диденко Артем Николаевич,
аспирант, Университет «Синергия»

Целью исследования является определение места Федерального органа исполнительной власти по интеллектуальной собственности (Роспатента) в системе охраны интеллектуальной собственности, а также определение путей развития его деятельности в условиях цифровой трансформации. В доктрине высказывались разные мнения относительно классификации субъектов правоотношений, связанных с объектами интеллектуальной собственности, однако состав, и классификация субъектов интеллектуальных прав в отношении различных объектов интеллектуальной собственности не были обоснованы в полной мере. Также их состав был значительно ограничен в сравнении с реально существующими субъектами интеллектуальных прав. В результате исследования предлагается выделить пять основных групп по степени их отношения к объекту права интеллектуальной собственности, а также определено, что Федеральный орган исполнительной власти по интеллектуальной собственности (Роспатент) является субъектом интеллектуальных прав и в условиях цифровой трансформации России от него требуется расширение перечня и полноты услуг, предоставляемых им всем субъектам интеллектуальной собственности именно в цифровом виде, а также, в рамках межведомственного взаимодействия, обеспечение предоставления таких услуг в полном объеме на единой платформе Госуслуг.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, субъективные права, субъект правоотношений, платформа Госуслуги, Федеральный орган исполнительной власти по интеллектуальной собственности (Роспатент), Федеральный институт промышленной собственности, цифровая трансформация, личный кабинет.

Как определяется в теории государства и права субъективные права – это мера юридически возможного поведения, призванная удовлетворять собственные интересы лица. Эти права закрепляются в нормах объективного права и обеспечиваются системой государственных гарантий [1, с. 197]. В связи с этим актуальным является вопрос о возможности рассматривать в качестве субъекта права в отношении объектов интеллектуальной собственности Федеральный орган исполнительной власти по интеллектуальной собственности (Роспатент). В отношении интеллектуальных прав высказывались разные мнения относительно того, кого можно считать субъектом таких правоотношений. Так в книге О.Е. Котеневой [2, с. 16] полагается, что основными субъектами права в сфере интеллектуальной собственности являются: автор (физическое лицо (лица), чьим творческим трудом в результате интеллектуальной деятельности был создан объект интеллектуальной собственности: писатель, исполнитель, изобретатель и т.п.); правообладатель – физическое и (или) юридическое лицо, имеющее законные основания использовать исключительное право при введении объекта интеллектуальной собственности в гражданский оборот. Кроме того, к их числу она относит: наследников и иных правопреемников; организации, управляющие имущественными правами авторов на коллективной основе; организации, занимающиеся использованием произведений, например, издательства и театры; патентных поверенных.

И.О. Павлова и Д.А. Михайлов в издании «Интеллектуальная собственность» по-разному определяет состав субъектов в отношении различных объектов интеллектуальной собственности [3, с.с.24, 43, 55].

В диссертации К.С. Хатламаджиян [4, с. 8] сделан вывод о том, что «субъектами интеллектуальных прав могут быть только авторы, их наследники; и лишь в отношении исключительного права – иные субъекты».

Однако состав, и классификация субъектов интеллектуальных прав в отношении различных объектов интеллектуальной собственности не были обоснованы в полной мере. Также их состав был значительно ограничен в сравнении с реально существующими субъектами интеллектуальных прав. Так, в частности, не были учтены в качестве субъектов интеллектуальных прав лица, заинтересованные в получении, прекращении и аннулировании интеллектуальных прав, а также организации, осуществляющие регистрацию и охрану этих прав. Вместе с тем все эти субъекты принимают

активное участие в судьбе объектов интеллектуальной собственности, и, следовательно, не могут исключаться из числа субъектов интеллектуальных прав.

Представляется, что более обоснованной является классификация субъектов интеллектуальных прав исходя из их отношения к объекту права интеллектуальной собственности.

При этом очевидно, что авторы и исполнители могут быть объединены в одну (первую) группу, поскольку все интеллектуальные права первоначально возникают у создателей объектов интеллектуальной собственности. К этой же группе субъектов могут быть отнесены правообладатели, а также лицензиаты, как обладающие отдельными правами на использование объектов интеллектуальной собственности.

Во вторую группу субъектов интеллектуальных прав следует объединить всех субъектов, которые имеют отношение к государству: законодателей, государственные органы, осуществляющие регистрацию и защиту прав интеллектуальной собственности, суды, а также аккредитованные государством организации по коллективному управлению отдельными объектами интеллектуальной собственности и патентные поверенные, а также их объединения.

В третью группу целесообразно объединить всех лиц, которые по каким-либо причинам заинтересованы в приобретении, в том числе наследники и правопреемники субъектов из первой группы, а также в прекращении интеллектуальных прав, в том числе нарушители интеллектуальных прав.

В четвертую группу предлагается объединить лиц, деятельность которых по отношению к объектам интеллектуальной собственности не регулируется государством, но тем не менее, они осуществляют взаимодействие между разными группами субъектов интеллектуальных прав. Это организации, содействующие созданию новых результатов интеллектуальной деятельности, в том числе, работодатели авторов, заказчики результатов интеллектуальной деятельности, инновационные центры и фонды, центры коммерциализации технологий, а также организации по коллективному управлению отдельными видами интеллектуальной собственности, организации депонирующие объекты интеллектуальной собственности, юристы, адвокаты и медиаторы, а также их объединения.

В пятую группу предлагается объединить всех пользователей объектов интеллектуальной собственности, в том числе конечных пользователей и различные организации осуществляющие посреднические услуги, включая, галереи, художественные салоны, аукционные дома, библиотеки и архивы, образовательные организации, издатели, торговые и экспортно-импортные организации, а также лица, использующие результаты интеллектуальной деятельности после введения их правообладателем или с его согласия в гражданский оборот на территории РФ, а в отношении отдельных объектов на территории ЕАЭС и для отдельных товаров в мире (через параллельный импорт).

Федеральный орган исполнительной власти по интеллектуальной собственности (Роспатент), таким образом, может быть отнесен к группе субъектов интеллектуальных прав, которые имеют отношение к государству, и является субъектом правоотношений, связанных с объектами интеллектуальной собственности, а активно развивает взаимодействие с другими субъектами правоотношений, в том числе, упрощая этот процесс.

В условиях цифровой трансформации общества одной из задач Роспатента является улучшение взаимодействия с иными субъектами правоотношений, в том числе, путем налаживания электронного взаимодействия по выполнению работ в сфере интеллектуальной собственности.

Федеральный институт промышленной собственности (ФИПС), как подразделение Роспатента, начиная с 2010 г. предоставляет возможность широкий спектр государственных услуг через электронные сервисы. Возможность использования этих сервисов доступна в любое время суток, что позволяет избежать необходимости выходить из дома или офиса. Для доступа к сервисам необходимо обязательно получить сертификат электронной подписи. Пользование сервисами абсолютно бесплатно, что делает их еще более привлекательными для пользователей.

Разработаны и активно применяются пользователями следующие сервисы электронного взаимодействия, доступные на официальном сайте Федерального института промышленной собственности (далее ФИПС) https://new.fips.ru/ (подразделения Роспатента): «АРМ Регистратор», «Личный кабинет ФИПС», «Калькулятор патентных и иных пошлин».

- В онлайн сервисе «АРМ Регистратор» («**Подача заявки на изобретение, полезную модель, товарный знак, НМПТ/ПНМПТ**») можно подать заявку на оформление патента на изобретение или полезную модель, зарегистрировать товарный знак или наименование места происхождения товара, получить уведомления о ходе рассмотрения заявки и вести переписку с ФИПС в электронном виде через личный кабинет этого сервиса.
- Возможность подавать заявления на выдачу патента на промышленный образец, регистрацию программы для ЭВМ или базы данных, а также возражения в Палату по патентным спорам предоставляется через сервис «**Личный кабинет**». Также в этом сервисе доступна подача заявлений на международный промышленный образец по Гаагскому соглашению и международную заявку на регистрацию товарного знака в рамках Мадридского Протокола.
- Сервис «**Калькулятор патентных и иных пошлин**», который позволяет рассчитать размер пошлин за совершение юридически значимых действий.

Несмотря на широкий спектр представленных сервисов, они предлагают в электронном формате

только часть оказываемых Роспатентом государственных услуг.

Также государственные услуги, предоставляемые Роспатентом, предлагаются в цифровом виде на портале Госуслуги https://www.gosuslugi.ru/, и тоже не в полном объеме.

При этом часть услуг на портале и на сайте Роспатента дублируется, однако в случае подачи документов с помощью средств электронного взаимодействия, разработанных Роспатентом, субъектам правоотношений становится доступным ведение дальнейшей переписки также в электронном виде, и вероятность потери корреспонденции сводится к минимуму, а при подаче заявок через систему Госуслуг они поступают в Роспатент только спустя 1–2 недели и дальнейшее ведение переписки в электронном виде через эту систему уже невозможно.

Таким образом, с учетом осуществляющейся в настоящее время всесторонней цифровой трансформации России рациональным представляется перевод (или полное дублирование) всех доступных на портале Госуслуг государственных услуг в личный кабинет или Сервис АРМ Регистратор Федерального органа исполнительной власти по интеллектуальной собственности, что позволит ускорить и упростить взаимодействие между субъектами правоотношений, поскольку несмотря на простоту взаимодействия пользователей через портал Госуслуги ограничивается возможность коммуникации с представителями подразделений Роспатента, которая фактически, сводится только к подаче заявки.

Цифровая трансформация России требует от государственных организаций, в том числе от Роспатента, который является субъектом интеллектуальных прав, расширения перечня и полноты услуг, предоставляемых им всем субъектам интеллектуальной собственности именно в цифровом виде, а также, в рамках межведомственного взаимодействия, предоставления таких услуг в полном объеме на единой платформе Госуслуг.

Литература

1. Громова Е.А. Правовые барьеры и ограничения, препятствующие созданию цифровых инноваций, и способы их преодоления // Право интеллектуальной собственности. № 03/2023. С. 21–25.
2. Долгих Ф.И. Теория Государства и права: учебник. М.: Университет «Синергия», 2023. – 464 с.
3. Котенева О.Е. Правовая охрана объектов интеллектуальной собственности: учебно-методическое пособие. СПб.: Университет ИТМО, 2018, 92 с.
4. Массальцева А.И. Гражданско-правовое регулирование коллективного управления авторскими и смежными правами. / Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. 2022 г.
5. Павлова И.О., Михайлов Д.А. Интеллектуальная собственность: учеб. пособие. Самара: Изд-во Самарского университета, 2018, 88 с.
6. Пономарева Е.В. Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения / Автореферат к диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук, 2019 г. 32 с.
7. Слюсарев А.В. Субъекты интеллектуальной собственности в отношении сложных объектов интеллектуальных прав / Актуальные проблемы гражданского и предпринимательского права: история и современность. Сборник научно-практических статей III Международной научно-практической конференции (симпозиума) молодых ученых. 2018 г.
8. Сулайманова М., Сорокин В.П. Субъекты охраны авторских прав в международном частном праве. / Евразийский научный журнал. 2020 г.
9. Хатламаджиян К.С. Права авторов результатов интеллектуальной деятельности нормативно неопределенной природы. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук, 2013 г., 204 с.
10. Шаблова, Е.Г. Право интеллектуальной собственности: учебное наглядное пособие / Е.Г. Шаблова, О.В. Жевняк, А.В. Соснин; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. – 159 с.: ил. – Библиогр.: с. 157.

THE ACTIVITIES OF THE FEDERAL EXECUTIVE AUTHORITY FOR INTELLECTUAL PROPERTY IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION

Didenko A.N.
University "Synergy"

The purpose of the study is to determine the place of the Federal Executive Authority for Intellectual Property (Rospatent) in the system of intellectual property protection, as well as to identify ways to develop its activities in the context of digital transformation. The doctrine expressed different opinions regarding the classification of subjects of legal relations related to intellectual property objects, however, the composition and classification of subjects of intellectual rights in relation to various intellectual property objects were not fully justified. Also, their composition was significantly limited in comparison with the actual subjects of intellectual property rights. As a result of the study, it is proposed to identify five main groups according to the degree of their relationship to the object of intellectual property rights, and it is also determined that the Federal Executive Authority for Intellectual Property (Rospatent) is a subject of intellectual rights and, in the context of Russia's digital transformation, it is required to expand the list and completeness of services provided to all intellectual property subjects in particular digitally, as well as within the framework of interdepartmental cooperation, ensuring the provision of such services in full on a single Public Services platform

Keywords: intellectual property, subjective rights, subject of legal relations, public Services platform, Federal Executive Authority for Intellectual Property (Rospatent), Federal Institute of Industrial Property, digital transformation, personal account

References

1. Gromova E.A. Legal barriers and restrictions preventing the creation of digital innovations, and ways to overcome them // Intellectual Property Law. No. 03/2023. P. 21–25.

2. Dolgikh F.I. Theory of State and Law: textbook. M.: Synergy University, 2023. – 464 p.
3. Koteneva O.E. Legal protection of intellectual property: educational and methodological manual. St. Petersburg: ITMO University, 2018, 92 p.
4. Massaltseva A.I. Civil regulation of collective management of copyright and related rights. / Dissertation for the degree of candidate of legal sciences. 2022
5. Pavlova I.O., Mikhailov D.A. Intellectual property: textbook. allowance. Samara: Samara University Publishing House, 2018, 88 p.
6. Ponomareva E.V. Subjects and quasi-subjects of law: theoretical and legal problems of differentiation / Abstract of the dissertation for the degree of candidate of legal sciences, 2019, 32 p.
7. Slyusarev A.V. Intellectual property subjects in relation to complex objects of intellectual rights / Current problems of civil and business law: history and modernity. Collection of scientific and practical articles of the III International Scientific and Practical Conference (Symposium) of Young Scientists. 2018
8. Sulaymanova M., Sorokin V.P. Subjects of copyright protection in private international law. / Eurasian scientific journal. 2020
9. Khatlamadzhiyan K.S. The rights of authors of the results of intellectual activity are of a normatively uncertain nature. Dissertation for the degree of candidate of legal sciences, 2013, 204 p.
10. Shablova, E.G. Intellectual property rights: educational visual aid / E.G. Shablova, O.V. Zhevnyak, A.V. Sosnin; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin. – Ekaterinburg: Ural Publishing House. University, 2020. – 159 p.: ill. – Bibliography: p. 157.

Правовое регулирование служебной деятельности: на примере делового этикета в деятельности юристов

Задорожная Евгения Владимировна,
к.ю.н., доцент кафедры истории, теории, государства и права и международного права, АНОВО «Московский международный университет»
E-mail: evgenia.zadorojnaia@yandex.ru

Задорожный Григорий Андреевич,
студент 3 курса Института международных транспортных коммуникаций РУТ (МИИТ)
E-mail: zadorozhnyj2004@bk.ru

В современном мире актуальны вопросы коммуникации в самых различных сферах, в том числе, в профессиональной деятельности юриста. В статье проанализированы вопросы совершенствования качества делового общения, как с точки зрения развития бизнеса и организации коммуникации с деловыми партнёрами, так и с точки зрения юридического сопровождения бизнеса. Отмечена важность изучения вопросов практического применения делового этикета в профессиональной деятельности юриста в качестве инструмента преодоления и профилактики потенциально возможных кризисных ситуаций. Сделан акцент на различиях понятий «этика» и «этикет». Деловой этикет является неотъемлемым и значимым элементом профессиональной деятельности юриста, но в отличие от этических норм, которые регулируют его поведение с точки зрения морально-нравственных принципов, в первую очередь обращен к внешней стороне поведения. Проанализированы функции делового этикета. Рассмотрены аспекты правового регулирования служебной деятельности юристов ОАО «РЖД».

Ключевые слова: правосознание, юрист, деловой этикет, этика, деловое общение, юридическая служба.

В современном мире актуальны вопросы коммуникации в самых различных сферах, в том числе, в профессиональной деятельности юриста. Зачастую условия взаимодействия не совпадают с национально-культурными стереотипами мышления и поведения.

Для делового общения важны как соблюдение норм и ценностей трудообмена, так и учет форм взаимодействия людей. В основе лежат тактика и стратегия достижения целей, используемые способы убеждения и воздействия. Чрезвычайно актуальна задача совершенствования качества делового общения, как с точки зрения развития бизнеса и организации коммуникации с деловыми партнёрами, так и с точки зрения юридического сопровождения бизнеса.

Кризис в сфере нравственности способен породить любой из иных видов кризисов – социальных, политических, экономических. В то же время моральное обоснование поступков человека, в том числе занимающего определенную должность, именно в кризисный период способно стать инструментом к его преодолению.

Нельзя смешивать понятия «этика» и «этикет», т.к. может последовать их подмена. Между тем, перед нами слова однокоренные, родственные этимологически. «Этика» – учение о нравственности, теория нравственности и, одновременно, дублёр самого понятия «нравственность». «Этикет» – свод правил приличия, алгоритм поведения субъекта вида homo sapiens в человеческом же сообществе. Следовательно, поведение человека диктуется этическими правилами общества [4]. Этикет является одним из ярко выраженных феноменов культуры, вбирающим в себя всю гамму чувств эмоций, обогащающим человеческое общение.

Само слово «Этикет» пришло к нам из Франции (фр. Etiquette – этикет); оно означает совокупность правил, которые предполагают под собой оптимальные модели поведения при любых ситуациях в общении [1].

В современной научной литературе этикет связан с культурой общения. Синонимами, отражающими внешнее выражение данного понятия, являются «правила поведения», «формы общения», «стандарты поведения» и др. Однако такие определения не отражают глубокий смысл и нравственный компонент этикета. Совокупность норм этикета предполагает наличие в их основе духовных ценностей человека.

Рассматривая это понятие как особую форму связи между объектом и субъектом, можно сказать, что ценностное отношение субъекта к объек-

ту имеет двойственную основу. Эта двойственность является важным элементом анализа ценностей объектов, позволяя выявлять конкретный смысл их оценки с точки зрения субъекта.

Философский подход предполагает рассматривать не саму по себе ценность или ценностную оценку, а целостное ценностное отношение, при этом любая ценностная ситуация, а значит и этикетная, выступает как форма субъектно-объектных отношений, где ценностное отношение со стороны субъекта реализуется всегда в единстве отнесения к ценности оцениваемого объекта и его осмысления субъектом. Такое понимание ценности позволит нам рассмотреть соотношение категорий «ценности» и «нормы».

Ценности и нормы имеют огромное отличие. Преподаватель Ленинградского университета М.С. Каган обосновал его следующим образом: «Норма является чисто рациональным и формализованным регулятором поведения людей, который они получают извне – из традиции, нравственного кодекса, религиозного установления, языковых правил, этикета поведения, юридического закона и т.п.; люди должны подчиняться ей, даже если не понимают ее смысла, целесообразности, соответствия собственным интересам; между тем, ценность – это внутренний, эмоционально освоенный субъектом ориентир его деятельности, и поэтому воспринимается им как его собственная духовная интенция, а не имперсональный, надличностный, отчужденный от него регулятор поведения» [2, С. 164].

Таким образом, ценности являются внутренним регулятором поведения, а нормы внешним. Ценности и нормы являются одним из объединяющим факторов всех видов этикета. Нормы этикета – это наставления по конкретным формам поведения в обществе. Общение при их соблюдении становится значительно более приятным, чем в случаях их нарушения или пренебрежения ими [5, С. 383].

Успешность человека сегодня зависит не только от его профессиональных навыков, но также и от умения выстраивать деловые контакты, эффективные и доброжелательные отношения, общаться с людьми, которые отличаются в различных областях по своей культуре, нормам и ценностям. В этом можно преуспеть, если развивать в себе качества обычного и делового общения.

Деловой этикет – это сложное системное знание, важный инструмент общения и адаптации личности в условиях деловой среды [3. С. 93.]. Дипломатический этикет и протокол являются фундаментом или стержнем, который обуславливает имиджевый и представительский характер делового этикета. Деловой протокол необходим, так как это прежде всего официальные формы общения, которые включают в себя: деловую переписку, переговоры, нормы телефонного разговора, официальные встречи и приёмы, а также деловой стиль одежды.

Служебный этикет юриста имеет свою специфику, т.к. ограничен жесткими рамками официальных форм поведения. Под служебным этикетом юриста понимают устойчивый порядок поведения юриста при выполнении служебных полномочий (напр., решении юридического дела), выражающий внешнее содержание принципов морали и состоящий из правил вежливого обхождения в обществе (манеры, формы обращения и приветствия, одежда и др.) [7].

В юридической деятельности этикет выполняет определенные функции. Перечислим наиболее важные:

1. Функция установления контакта. Заключается в привлечении внимания, организации начала взаимодействия.

2. Функция поддержания контакта. За приветственными словами следует беседа. Важен выбор темы, соответствующей ситуации, интересам и статусу собеседников.

3. Функция создания атмосферы взаимного комфорта. Взаимная вежливость позволяет выстроить диалог и решить задачи каждого, одновременно создавая себе имидж человека, с которым легко и приятно общаться.

4. Регулятивная функция. Определяет поведение людей, варианты их поведения, что становится индикатором принадлежности человека к определенной социальной и культурной среде.

5. Функция профилактики конфликтов. Соблюдение норм этикета позволяет уменьшить вероятность конфликтов с окружающими.

Круг общения юриста многообразен. Предусмотреть нормы для каждого варианта взаимодействия невозможно. Обстоятельства постоянно варьируются. Выделяют две стороны этикета: этическую и эстетическую. Первая характеризует респондентов с точки зрения взаимного проявления уважения и заботы, а вторая позволяет оценить красоту поведения. В связи с этим важным для юриста является чувство такта. Именно оно способствует проявлению внимания к личности собеседника, минимизации возникновения ситуаций неловкости.

На профессиональную деятельность юриста влияют особенности его правового статуса. Во-первых, юрист является членом общества, участвуя как частное лицо в структуре гражданского общества, взаимодействуя с людьми как гражданин своей страны. Во-вторых, служебный статус юриста и уровень его профессионального правосознания определяют его особые права и обязанности как частнопрактикующего специалиста, представителя определенной организации или государственного учреждения.

Правительство Российской Федерации 02 апреля 2002 года Постановлением № 207 утвердило «Типовое положение о юридической службе федерального органа исполнительной власти», которым определены ее функции – участие в законопроектной работе, визирование проектов правовых актов, обобщение практики применения законодательства, методическое руководство правовой работой органов и организаций, входящих в систему

федерального органа и др. В федеральных органах государственной власти созданы или реорганизованы правовые службы.

В настоящий момент в министерствах действуют соответствующие департаменты, в агентствах и службах – управления. Например, в Министерстве здравоохранения, в Министерстве цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации сформированы Правовые департаменты.

Следует подчеркнуть, что деятельность юридической службы современной организации регламентируется не только федеральными и региональными нормативными актами, но и внутренними локальными актами, принимаемыми непосредственно самими хозяйствующими субъектами. К ним относятся, в частности:

- Положение о юридической службе;
- Положение об организации договорно-правовой работы;
- Положение об организации претензионно-исковой работы;
- Должностные инструкции начальника отдела, старшего (ведущего) юрисконсульта, юрисконсульта;
- Утверждаются распоряжениями организации Методические рекомендации по вопросам делового общения.

Указанные акты, принятые в соответствии с законодательством уполномоченными органами управления организации, являются обязательными не только для сотрудников юридических служб, но и для других структурных подразделений и должностных лиц организации. Последние должны не препятствовать юридической службе в осуществлении возложенных функций и, более того, оказывать необходимое содействие в формах и порядке, закрепленных локальными актами, в том числе выполнять законные просьбы и требования юристов.

Любая компания – живой организм. Эффективность работы ее сотрудников (и юристов в том числе) зависит от степени взаимодействия с другими сотрудниками и подразделениями. Именно юристы сталкиваются с негативными сторонами работы компании: несвоевременными поставками, жалобами клиентов, исками. На первый взгляд, многие сложности работы компании от них не зависят. Но любое отклонение от условий договора – это вызов юристу. В случаях, когда требуется найти приемлемое решение проблемы, организовать процесс переговоров, следует придерживаться норм делового этикета, принятых в организации. Именно проявление такта и соблюдение этикета является стержнем духовной культуры юриста в различных формах делового общения.

Например, юристы ОАО «Российские железные дороги» (далее – ОАО «РЖД») осуществляют профессиональную деятельность в соответствии с Положением ОАО «РЖД» от 20.04.2009 № 25 «О правовом департаменте открытого акционерного общества «Российские железные дороги»», приказом ОАО «РЖД» от 14.02.2020 № 18 «О договорной и претензионной работе в ОАО «РЖД»», Кодексом деловой этики ОАО «Российские железные дороги», утвержденным распоряжением ОАО «РЖД» от 18.07.2023 № 1792р и Методическим пособием «Деловое общение в ОАО «РЖД»: поведение и стиль», утвержденным распоряжением ОАО «РЖД» от 19.07.2023 № 1809/р.

В процессе делового общения юристов ОАО «РЖД» регламентированы вопросы: устного общения; невербальных коммуникаций; проведения совещаний и переговоров; общения по телефону; цифрового делового общения; этикета времени; стандартов стиля деловой одежды.

Все вышеперечисленное напрямую влияет на формирование культуры компании и создание положительного имиджа ОАО «РЖД», подкрепленного соответствующим внешним обликом и стилем делового общения. Под корпоративным деловым этикетом понимаются принятые в компании порядок и форма общения с коллегами, а также дресс-код и внешний облик работников.

Рассмотрим некоторые правила делового этикета, которых следует придерживаться юристам ОАО «РЖД», с учетом деления способов коммуникации на две основные группы: вербальные (речевые) и невербальные (все остальные).

Первое впечатление о человеке складывается в процессе слушания. Обращаем внимание на то, как он излагает свои мысли, говорит. Устное деловое общение может осуществляться в различных формах: докладах, переговорах, выступлениях в суде и т.д. В этих случаях следует соблюдать официальный формат общения. В процессе совещания допустим полуофициальный тон, а в повседневном общении с коллегами – неофициальный.

Установлению контакта способствует развитый навык активного слушания, который следует комбинировать с умением деликатно остановить собеседника, когда тот отступает от обсуждаемой темы.

Многое зависит от правильного приветствия. В конкретной ситуации важно учитывать так называемый «вектор уважения». В процессе делового общения следует соблюдать правило, при котором первыми приветствуют:

- подчиненный – руководителя или работника, который выше по должности;
- член делегации – ее руководителя;
- проходящий мимо – стоящего;
- входящий в комнату – находящихся в комнате;
- обгоняющий – идущего.

В процессе общения важно помнить об особенностях «Вы-общения», которое является единственно приемлемым в официальной обстановке, например, во время переговоров с контрагентом при обсуждении текста договора. Такой вариант используется для демонстрации взаимного уважения и определения дистанции между собеседниками. «Ты-общение» допустимо только в условиях неформальных повседневных ситуаций.

Отдельно стоит сказать том, как следует в процессе решения служебных задач выбирать стратегию ответа на наиболее сложные вопросы, когда ответ неочевиден. Приведем несколько советов, которые адресованы в том числе и юристам ОАО «РЖД».

Рекомендуется использовать паузу, примерно 5–7 секунд. За это время можно вспомнить информацию или обдумать формулировку оптимального ответа. Вопрос можно повторить в собственной интерпретации. Его можно перефразировать, уточнив, правильно ли Вы поняли собеседника. Длинный и сложносочиненный вопрос можно мысленно разделить на части, а затем последовательно ответить на короткие вопросы.

В крайнем случае, от ответа всегда можно вежливо отказаться, но при этом следует соблюдать все нормы делового этикета, принятого в компании.

Для эффективной коммуникации юристам требуется учитывать не только требования, предъявляемые к устному общению, но и уметь держаться в соответствии с ситуацией, а также адекватно «считывать» жесты, мимику, позы собеседника, т.е. владеть приемами невербального общения [6].

Именно эти индикаторы дополняют устную речь, т.к. при знакомстве способствуют установлению контакта, помогают создать образ делового человека, дополняют смысл словам, позволяют оценить реакцию собеседника, спрогнозировать его поведение.

Для решения служебных вопросов не имеют значения гендерные и возрастные различия не имеют значения. Все сотрудники компании воспринимаются как деловые партнеры. Между тем, галантность поощряется. Проявление вежливости и знаков уважения – признак хорошо воспитанного человека.

Деловой этикет является неотъемлемым и значимым элементом профессиональной деятельности юриста, но в отличие от этических норм, которые регулируют его поведение с точки зрения морально-нравственных принципов, в первую очередь обращен к внешней стороне поведения.

Главной задачей делового этикета является необходимость создания условий для сбалансированного сочетания эффективной деятельности юриста и представляемых ими лиц. От того, насколько хорошо юристы знают деловой этикет, правильно понимают этику поведения и соизмеряют свои действия с руководящими документами, зависит успех выполняемой работы. Умение правильно вести себя в профессиональной среде имеет большое значение: оно облегчает установление контактов, способствует достижению взаимопонимания, создает устойчивые взаимоотношения.

Литература

1. Житкевич Александр Викторович Этикет: исторические черты и современные метаморфозы // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/etiket-istoricheskie-cherty-i-sovremennye-metamorfozy (дата обращения: 26.05.2024).
2. Каган М.С. Философская теория ценностей. – СПб.: Петрополис, 1997.
3. Мамина Р..И. Деловой этикет: сущность, структура, функции (философско-культурологический анализ): дис. д-р фил. Наук Санкт-Петербург, 2005.
4. Некрасова Нина Андреевна, Тригубенко Фёдор Александрович Этика и этикет // Научный вестник МГТУ ГА. 2015. № 215 (5). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/etika-i-etiket (дата обращения: 26.05.2024).
5. Профессиональная этика и служебный этикет: учебник П84 для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Юриспруденция», «Правоохранительная деятельность» / [В.Я. Кикоть и др.]; под ред. В.Я. Кикотя. – М.: ЮНИТИ- ДАНА: Закон и право, 2012. – 559 с.
6. Профессиональные коммуникации юриста: Практикум [Электронный ресурс]: учебное пособие – Эл. изд. – Электрон. текстовые дан. (1 файл pdf: 103 с.). – З.В. Баишева. 2024. – Режим доступа: http://scipro.ru/conf/lawyer_communications3_24.pdf.
7. Седова Ксения Валерьевна, Усманова Елена Фанильевна Этикет в профессиональной деятельности юриста // Мир науки и образования. 2018. № 3 (15). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/etiket-v-professionalnoy-deyatelnosti-yurista (дата обращения: 26.05.2024).

LEGAL REGULATION OF OFFICIAL ACTIVITIES: ON THE EXAMPLE OF BUSINESS ETIQUETTE IN THE ACTIVITIES OF LAWYERS

Zadorozhnaya E.V., Zadorozhny G.A.
Moscow International University, Russian Academy of Sciences (MIIT)

In the modern world, issues of communication in various fields are relevant, including in the professional activity of a lawyer. The article analyzes the issues of improving the quality of business communication, both from the point of view of business development and organization of communication with business partners, and from the point of view of legal business support. The importance of studying the practical application of business etiquette in the professional activity of a lawyer as a tool for overcoming and preventing potential crisis situations was noted. The emphasis is placed on the differences between the concepts of “ethics” and “etiquette”. Business etiquette is an integral and significant element of a lawyer’s professional activity, but unlike ethical norms that regulate his behavior from the point of view of moral principles, it is primarily addressed to the external side of behavior. The functions of business etiquette are analyzed. The aspects of legal regulation of the official activity of lawyers of JSC “Russian Railways” are considered.

Keywords: legal awareness, lawyer, business etiquette, ethics, business communication, legal service.

References

1. Zhitkevich Alexander Viktorovich Etiquette: historical features and modern metamorphoses // Social and humanitarian knowledge. 2013. No. 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/etiket-istoricheskie-cherty-i-sovremennye-metamorfozy (date of access: 05.26.2024).
2. Kagan M.S. Philosophical theory of values. – St. Petersburg: Petropolis, 1997.

3. Mamina R..I. Business etiquette: essence, structure, functions (philosophical and cultural analysis): dis. Dr. Phil. Sciences St. Petersburg, 2005.
4. Nekrasova Nina Andreevna, Trigubenko Fedor Aleksandrovich Ethics and etiquette // Scientific Bulletin of MSTU GA. 2015. No. 215 (5). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/etika-i-etiket (access date: 05/26/2024).
5. Professional ethics and official etiquette: textbook P84 for university students studying in the specialties "Jurisprudence", "Law Enforcement" / [V.Ya. Kikot and others]; edited by V. Ya. Kikotya. – M.: UNITIDANA: Law and Law, 2012. – 559 p.
6. Professional communications of a lawyer: Workshop [Electronic resource]: textbook – El. ed. – Electron. text data (1 pdf file: 103 pp.). – Z.V. Baisheva. 2024. – Access mode: http://scipro.ru/conf/lawyer_communications3_24.pdf.
7. Sedova Ksenia Valerievna, Usmanova Elena Fanilievna Etiquette in the professional activities of a lawyer // World of Science and Education. 2018. No. 3 (15). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/etiket-v-professionalnoy-deyatelnosti-yurista (date of access: 05.26.2024).

Роль физической подготовки в формировании профессиональных и прикладных навыков в правоохранительных органах

Митина Елена Сергеевна,
аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации; начальник отдела договорной и правовой работы, Бюджетное учреждение Орловской области «Межрегиональное бюро технической инвентаризации»
E-mail: hellen-81@inbox.ru

В статье рассматривается роль физической подготовки и физического воспитания в профессиональном становлении сотрудников правоохранительных органов. Особое внимание уделяется развитию необходимых физических качеств, таких как сила, скорость, выносливость и гибкость, которые являются фундаментальными для успешного выполнения профессиональных обязанностей. Также освещается значение физического воспитания в формировании психологической устойчивости, навыков анализа ситуации и принятия быстрых решений в условиях, требующих немедленного реагирования. Акцентируется важность комплексного подхода к физической подготовке, адаптированного к специфике профессиональной деятельности правоохранителей.

Ключевые слова: физическая подготовка, физическое воспитание, правоохранительные органы, профессиональное становление, психологическая устойчивость, принятие решений.

Профессиональная деятельность, государственных служащих сопряжена с постоянным преодолением отрицательного воздействия как внешних, так и внутренних факторов. Для решения этой проблемы требуется комплексный подход, в рамках которого особое место занимает развитие и улучшение профессиональных и прикладных навыков.

Физическое воспитание не только способствует укреплению здоровья, но и играет ключевую роль в формировании и развитии необходимых профессиональных качеств.

К основным задачам физического воспитания в специальной литературе относят:

1. Развитие физических качеств – силы, скорости, выносливости, гибкости. Эти качества жизненно важны для успешного выполнения профессиональных обязанностей, особенно в областях, требующих высокой физической подготовки.

2. Обучение основам физической культуры, включая регулярные упражнения, техники безопасности, правильное дыхание и другие важные аспекты.

3. Повышение устойчивости организма к неблагоприятным воздействиям окружающей среды через систематические тренировки, закаливание и развитие адаптивных механизмов.

4. Воспитание волевых качеств, необходимых для преодоления трудностей, стойкости в экстремальных и стрессовых ситуациях.

5. Развитие умений анализировать ситуацию и оценивать возможности, что крайне важно для принятия быстрых и верных решений в условиях, требующих немедленного реагирования.

Эффективность деятельности сотрудников, осуществляющих правоозранительную деятельность находится в прямой зависимости отв сфере правоохранения зависит от множества факторов, в числе которых ключевую роль играет уровень профессиональной физической подготовки. Данный аспект интегрирован в структуру общей профессиональной компетентности и поддерживается посредством регулярного выполнения специализированных физических упражнений, целью которых является формирование и развитие специфических навыков, необходимых для эффективного исполнения профессиональных обязанностей в данной области. Такие упражнения должны соответствовать специфике и условиям профессиональной деятельности и быть адаптированы к особенностям конкретного вида труда.

Профессионально-прикладная физическая подготовка (ППФП) требует особого подхода в про-

цессе физического воспитания специалистов различных сфер трудовой деятельности. Этот подход предполагает не только обучение физическим упражнениям, но и интеграцию этих упражнений в контекст профессиональных задач и требований. ППФП является специализированной областью физической культуры, которая направлена на обогащение профессиональных знаний и умений, развитие двигательных навыков и физических способностей, которые напрямую или косвенно влияют на профессиональную эффективность.

Одним из ключевых принципов ППФП является тесная связь физического воспитания с практической деятельностью в рамках профессии. Это подразумевает, что физическая подготовка должна быть максимально приближена к реальным условиям и задачам, с которыми сталкиваются специалисты в своей ежедневной работе. Такой подход позволяет не только улучшить физическое состояние сотрудников, но и значительно повысить их профессиональную компетентность и адаптивность к возможным вызовам.

Сегодняшний день характеризуется повышенными требованиями к физической подготовленности многих специалистов, среди которых особо выделяются сотрудники правоохранительных органов, пожарные, военные и другие профессионалы, получающие образование в специализированных учебных заведениях соответствующих ведомств. В свете этих требований становится все более актуальным улучшение и повышение статуса профессионально-прикладной физической подготовки в рамках учебного процесса, что, в свою очередь, способствует повышению профессиональной эффективности в дальнейшей карьере данных специалистов [1].

В структуре Министерства внутренних дел России активно ведется работа над улучшением и развитием спортивной деятельности. Особое внимание уделяется популяризации спорта среди сотрудников, благодаря доступности определенных видов спорта, которые не требуют сложного оборудования и связаны с профессиональной деятельностью. Практически все сотрудники периодически занимаются различными видами массового спорта, что способствует не только укреплению физического здоровья, но и повышению общей устойчивости организма к негативным воздействиям современной экологии и стрессам. Это, в свою очередь, способствует улучшению профессиональной долговечности сотрудников [5].

В рамках образовательных учреждений Министерства внутренних дел Российской Федерации, широкое распространение получила практика организации и проведения спортивных событий. Эти мероприятия, включающие в себя соревнования между учебными группами, курсами и факультетами, а также университетские чемпионаты, играют ключевую роль в физической подготовке студентов. Особенностями данных соревнований являются массовые старты, такие как кроссы, эстафеты и лыжные гонки, которые не только способствуют укреплению физического состояния участников, но и способствуют развитию спортивного духа. Таким образом, массовый спорт в данных учебных заведениях выполняет схожие функции с спортивной подготовкой, целью которой является повышение общей физической готовности и компетентности студентов [12].

В современных условиях профессиональной деятельности в органах внутренних дел России ставятся все более высокие требования к уровню профессиональной подготовки сотрудников. Это обуславливает необходимость отказа от традиционных методов физического воспитания и поиска новых, более эффективных подходов к формированию профессиональных компетенций. В рамках этого процесса особое внимание уделяется заданиям, которые имитируют реальные условия работы и способствуют всестороннему физическому развитию, включая преодоление различных препятствий и полосы препятствий [6].

В рамках образовательного процесса в учебных заведениях, функционирующих под эгидой правоохранительных органов, активно применяются специализированные методики и инструменты, предназначенные для обучения сотрудников преодолению различных препятствий, как естественного, так и искусственного характера. Эти методики способствуют систематическому развитию физических качеств, имеющих критическое значение для выполнения профессиональных обязанностей в сфере правоохранительной деятельности. Процесс обучения ориентирован на совершенствование ключевых физических атрибутов, включая силу, скорость, выносливость и ловкость, каждый из которых играет важную роль в формировании и развитии двигательных навыков. Эти аспекты физической подготовки необходимо учитывать при разработке и внедрении учебных программ, направленных на улучшение профессиональных компетенций сотрудников правоохранительных органов [11].

На данный момент методические ресурсы, используемые в системе физической подготовки обучающихся в учебных заведениях МВД РФ, рассматриваются как комплексные и результативные в контексте подготовки сотрудников к исполнению профессиональных обязанностей. Эти ресурсы обеспечивают важный вклад в решение задачи постоянного поддержания высоких стандартов физической готовности персонала [3].

Методические материалы разработаны с учетом специфики оперативно-служебной деятельности сотрудников, которая характеризуется высокой интенсивностью служебной нагрузки, дефицитом времени для занятий физическими упражнениями и спортом, а также ограниченным количеством спортивного инвентаря и оборудования. Несмотря на эти факторы, разработанные методики позволяют в сжатые сроки формировать у сотрудников прикладные двигательные навыки и совершенствовать их общую физическую подготовленность.

Методическое обеспечение учебно-тренировочного процесса представляет собой

комплексный подход, включающий специально разработанные программы, пособия, рекомендации и другие материалы, призванные обеспечить систематическое и целенаправленное развитие физических качеств и навыков, необходимых для успешного выполнения оперативно-служебных задач. Особое внимание уделяется развитию выносливости, силы, скоростных качеств, ловкости и гибкости, а также формированию специальных навыков, таких как боевые приемы борьбы, преодоление препятствий и другие [2].

В процессе выполнения оперативно-служебных обязанностей сотрудники правоохранительных органов регулярно сталкиваются с ситуациями, требующими пресечения противоправных действий и задержания лиц, подозреваемых в совершении преступлений или правонарушений. Зачастую такие задержания связаны с необходимостью применения физической силы, специальных боевых приемов борьбы и использования специальных средств принуждения.

В этой связи особую важность приобретает качественная физическая подготовка сотрудников, направленная на формирование и совершенствование служебно-прикладных навыков и развитие необходимых физических качеств. В рамках учебно-тренировочного процесса по физической подготовке необходимо уделять значительное внимание отработке практических ситуаций, максимально приближенных к реальным условиям оперативно-служебной деятельности [4].

Это предполагает акцент на развитие таких качеств, как выносливость, сила, скоростные способности, ловкость и гибкость, а также освоение и совершенствование техники различных боевых приемов борьбы, включая приемы самообороны, задержания и сопровождения правонарушителей. Кроме того, важным аспектом подготовки является обучение правильному и эффективному применению специальных средств, таких как наручники, резиновые палки, слезоточивый газ и др.

Акцент на практическую составляющую физической подготовки позволяет сотрудникам не только поддерживать высокий уровень физической формы, но и приобретать необходимые навыки для грамотного и безопасного применения силы в служебных ситуациях, что повышает их профессиональную компетентность и эффективность в борьбе с преступностью [10].

Научные исследования и методические ресурсы, посвященные усовершенствованию учебно-тренировочного процесса в области физической подготовки, предоставляют основу для разработки комплекса рекомендаций. Эти рекомендации нацелены на улучшение эффективности выполнения боевых техник и способствуют развитию необходимых физических атрибутов среди персонала правоохранительных структур.

В контексте оптимизации использования физической силы и боевых техник при задержании правонарушителей, необходимо подчеркнуть значимость специализированных учебно-тренировочных программ в области физической подготовки. Такие программы должны быть строго ориентированы на служебно-прикладные аспекты, обеспечивая развитие специфических физических качеств и двигательных навыков, которые требуются сотрудникам для эффективного выполнения оперативных задач в реальных условиях. Это означает, что в ходе проведения занятий необходимо акцентировать внимание на развитии тех физических качеств и формировании двигательных навыков, которые непосредственно требуются сотрудникам при выполнении оперативно-служебных задач в реальных условиях.

При этом крайне важно, чтобы изучаемые боевые приемы борьбы были относительно простыми в освоении и надежными в применении, соответствовали уровню физической подготовленности обучающихся, но в то же время оставались эффективными для задержания правонарушителей. Это позволит сотрудникам быстро и уверенно овладеть необходимыми навыками, снизив риск получения травм как для самих сотрудников, так и для задерживаемых лиц.

Кроме того, важным аспектом является создание максимально реалистичных условий обучения, имитирующих ситуации, с которыми сотрудники могут столкнуться на практике. Это может включать в себя использование специальных тренажеров, макетов оружия, имитаторов различных препятствий и т.д. Такой подход позволит сотрудникам лучше адаптироваться к стрессовым ситуациям, отработать навыки принятия решений и действий в условиях, приближенных к реальности [8].

Также следует уделять внимание развитию психологической устойчивости и способности к концентрации внимания в сложных ситуациях, что является неотъемлемой частью профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов [7].

Освоение специализированных прикладных навыков, необходимых для правоохранительной деятельности, эффективно достигается через систематическое проведение учебно-тренировочных боев. Такие бои предоставляют возможность актуализировать и применять навыки в контексте, который максимально симулирует реальные боевые и стрессовые условия, с которыми сотрудники сталкиваются в процессе выполнения своих профессиональных обязанностей.

Учебно-тренировочные поединки не только позволяют отработать технику боевых приемов, но и способствуют развитию таких важных качеств, как терпение, настойчивость, воля к победе, умение действовать по заранее намеченному плану, несмотря на нарастающее утомление. Эти качества имеют огромное значение для успешного выполнения оперативно-служебных задач в условиях повышенного физического и психологического напряжения [9].

Эффективность боевых техник в значительной мере определяется уровнем физической подготовленности сотрудников правоохранительных орга-

нов, включая развитие силы, выносливости, скорости, ловкости и гибкости. Для достижения такой подготовленности применяются высокоинтенсивные интервальные тренировки, организованные в групповом формате. Важно акцентировать внимание на многоповторных упражнениях с использованием собственного веса, таких как подтягивания, приседания, отжимания и упражнения на мышцы живота, а также на тяжелоатлетические и гиревые упражнения. Эти подходы не только способствуют развитию необходимых физических характеристик, но и укрепляют общую выносливость, что является критически важным для исполнения служебных обязанностей в правоохранительных органах.

Кроме того, регулярное проведение учебно-тренировочных поединков в сочетании с высокоинтенсивными тренировочными комплексами позволяет сотрудникам адаптироваться к экстремальным ситуациям, развивать психологическую устойчивость, навыки принятия решений и действий в условиях стресса и ограниченного времени.

Суммируя вышесказанное необходимо подчеркнуть критическую важность интеграции практической физической подготовки в профессиональную деятельность сотрудников правоохранительных органов. Применение боевых приемов, развитие физических качеств и психологическая устойчивость, укрепляемые через реалистично симулированные тренировочные условия и регулярные учебно-тренировочные поединки, оказывают значительное влияние на повышение эффективности и безопасности выполнения служебных задач. Эффективность предложенных методов подтверждается не только улучшением физической подготовленности, но и более высокой адаптацией к экстремальным условиям, что способствует успешному преодолению как внешних, так и внутренних вызовов. Таким образом, данное исследование обосновывает необходимость дальнейшего развития и внедрения целенаправленных программ физического воспитания, ориентированных на специфику профессиональных задач в правоохранительных органах.

Литература

1. Афов, А.Х. Значимость физической подготовки в профессиональной деятельности слушателей, обучающихся в вузах МВД России / А.Х. Афов // Образование. Наука. Научные кадры. – 2019. – № 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/znachimost-fizicheskoy-podgotovki-v-professionalnoy-deyatelnosti-slushateley-obuchayuschihsya-v-vuzah-mvd-rossii (дата обращения: 23.05.2024).
2. Баранов, А.М. Организационно-методическое обеспечение профессиональной служебной подготовки сотрудников органов внутренних дел к решению задач в особых условиях как педагогическая структурно-функциональная модель / А.М. Баранов // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2023. – № 4 (95). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsionno-metodicheskoe-obespechenie-professionalnoy-sluzhebnoy-podgotovki-sotrudnikov-organov-vnutrennih-del-k-resheniyu (дата обращения: 23.05.2024).
3. Карданов, А.К. Физическая подготовка в образовательных организациях МВД России как педагогический процесс / А.К. Карданов // Образование. Наука. Научные кадры. – 2019. – № 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/fizicheskaya-podgotovka-v-obrazovatelnyh-organizatsiyah-mvd-rossii-kak-pedagogicheskiy-protsess (дата обращения: 23.05.2024).
4. Кодзоков, А.Х. Направленность физической подготовки сотрудников органов внутренних дел / А.Х. Кодзоков // Образование. Наука. Научные кадры. – 2019. – № 3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/napravlennost-fizicheskoy-podgotovki-sotrudnikov-organov-vnutrennih-del (дата обращения: 23.05.2024).
5. Кофанова, А.А. Роль и значение физической культуры и спорта в жизни сотрудников органов внутренних дел / А.А. Кофанова, Р.Г. Панферов // Автономия личности. – 2021. – № 1 (24). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-i-znachenie-fizicheskoy-kultury-i-sporta-v-zhizni-sotrudnikov-organov-vnutrennih-del (дата обращения: 23.05.2024).
6. Кузнецов, С.В. Роль физической подготовки и физического воспитания в профессиональном становлении сотрудников правоохранительных органов / С.В. Кузнецов, А.Г. Подойникова // Научные известия. – 2022. – № 29. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-fizicheskoy-podgotovki-i-fizicheskogo-vospitaniya-v-professionalnom-stanovlenii-sotrudnikov-pravoohranitelnyh-organov (дата обращения: 23.05.2024).
7. Овчарова, Е.В. Психологическая устойчивость сотрудников уголовно-исполнительной системы к экстремальным условиям служебной деятельности / Е.В. Овчарова, А.А. Левичев // Прикладная юридическая психология. – 2022. – № 4 (61). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskaya-ustoychivost-sotrudnikov-ugolovno-ispolnitelnoy-sistemy-k-ekstremalnym-usloviyam-sluzhebnoy-deyatelnosti (дата обращения: 23.05.2024).
8. Сафронов, А.А. Применение активных форм обучения при подготовке сотрудников оперативных подразделений полиции к решению служебных задач по раскрытию преступлений / А.А. Сафронов, А.Н. Горбунов // Вестник КРУ МВД России. – 2011. – № 4 (14). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-aktivnyh-form-obucheniya-pri-podgotovke-sotrudnikov-operativnyh-podrazdeleniy-politsii-k-resheniyu-sluzhebnyh-zadach-po (дата обращения: 23.05.2024).
9. Серебрянников, В.А. Раздел «Боевые приемы борьбы» как основная составляющая

структуры наставления по физической подготовке сотрудников органов внутренних дел / В.А. Серебрянников // Ученые записки университета Лесгафта. – 2022. – № 1 (203). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razdel-boevye-priemy-borby-kak-osnovnaya-sostavlyayuschaya-struktury-nastavleniya-po-fizicheskoy-podgotovke-sotrudnikov-organov (дата обращения: 23.05.2024).
10. Славко, А.Л. Физическая подготовка как одна из составляющих компонентов в профессиональной подготовке сотрудника органов внутренних дел / А.Л. Славко // Вестник БелЮИ МВД России. – 2017. – № 2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/fizicheskaya-podgotovka-kak-odna-iz-sostavlyayuschih-komponentov-v-professionalnoy-podgotovke-sotrudnika-organov-vnutrennih-del (дата обращения: 23.05.2024).
11. Троян, Е.И. Использование полосы препятствий для совершенствования координационных способностей / Е.И. Троян // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2013. – № 1 (52). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-polosy-prepyatstviy-dlya-sovershenstvovaniya-koordinatsionnyh-sposobnostey (дата обращения: 23.05.2024).
12. Хажироков, В.А. Формирование и совершенствование профессионально-прикладной физической подготовки слушателей образовательных организаций МВД России / В.А. Хажироков // Образование. Наука. Научные кадры. – 2020. – № 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-i-sovershenstvovanie-professionalno-prikladnoy-fizicheskoy-podgotovki-slushateley-obrazovatelnyh-organizatsiy-mvd (дата обращения: 23.05.2024).

THE ROLE OF PHYSICAL TRAINING IN THE DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL AND PRACTICAL SKILLS IN LAW ENFORCEMENT AGENCIES

Mitina E.S.
Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

The article examines the role of physical training and physical education in the professional development of law enforcement personnel. Special attention is paid to the development of necessary physical qualities such as strength, speed, endurance, and flexibility, which are fundamental for successfully carrying out professional duties. The importance of physical education in building psychological resilience, situational analysis skills, and quick decision-making in conditions requiring immediate response is also highlighted. Emphasis is placed on the importance of a comprehensive approach to physical training, adapted to the specific nature of law enforcement professionals' work.

Keywords: physical training, physical education, law enforcement agencies, professional development, psychological resilience, decision-making.

References

1. Afon, A. Kh. The significance of physical training in the professional activities of listeners studying at the universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia / A. Kh. Afon // Education. Science. Scientific personnel. – 2019. – No.1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/znachimost-fizicheskoy-podgotovki-v-professionalnoy-deyatelnosti-slushateley-obuchayuschihsya-v-vuzah-mvd-rossii (accessed: 23.05.2024).
2. Baranov, A.M. Organizational and methodological support for the professional training of law enforcement officers to solve tasks in special conditions as a pedagogical structural-functional model / A.M. Baranov // Psychopedagogy in law enforcement agencies. – 2023. – No.4 (95). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsionno-metodicheskoe-obespechenie-professionalnoy-sluzhebnoy-podgotovki-sotrudnikov-organov-vnutrennih-del-k-resheniyu (accessed: 23.05.2024).
3. Kardanov, A.K. Physical training in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia as a pedagogical process / A.K. Kardanov // Education. Science. Scientific personnel. – 2019. – No.1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/fizicheskaya-podgotovka-v-obrazovatelnyh-organizatsiyah-mvd-rossii-kak-pedagogicheskiy-protsess (accessed: 23.05.2024).
4. Kodzokov, A. Kh. The focus of physical training for law enforcement officers / A. Kh. Kodzokov // Education. Science. Scientific personnel. – 2019. – No.3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/napravlennost-fizicheskoy-podgotovki-sotrudnikov-organov-vnutrennih-del (accessed: 23.05.2024).
5. Kofanova, A.A. The role and significance of physical culture and sports in the lives of law enforcement officers / A.A. Kofanova, R.G. Panferov // Personal autonomy. – 2021. – No.1 (24). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-i-znachenie-fizicheskoy-kultury-i-sporta-v-zhizni-sotrudnikov-organov-vnutrennih-del (accessed: 23.05.2024).
6. Kuznetsov, S.V. The role of physical training and physical education in the professional development of law enforcement officers / S.V. Kuznetsov, A.G. Podoynikova // Scientific news. – 2022. – No.29. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-fizicheskoy-podgotovki-i-fizicheskogo-vospitaniya-v-professionalnom-stanovlenii-sotrudnikov-pravoohranitelnyh-organov (accessed: 23.05.2024).
7. Ovcharova, E.V. Psychological resilience of employees of the penal system to extreme conditions of service / E.V. Ovcharova, A.A. Levichev // Applied legal psychology. – 2022. – No.4 (61). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskaya-ustoychivost-sotrudnikov-ugolovno-ispolnitelnoy-sistemy-k-ekstremalnym-usloviyam-sluzhebnoy-deyatelnosti (accessed: 23.05.2024).
8. Safronov, A.A. The use of active learning methods in the training of police operational units to solve tasks related to crime prevention / A.A. Safronov, A.N. Gorbunov // Bulletin of the KRUP Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2011. – No.4 (14). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-aktivnyh-form-obucheniya-pri-podgotovke-sotrudnikov-operativnyh-podrazdeleniy-politsii-k-resheniyu-sluzhebnyh-zadach-po (accessed: 23.05.2024).
9. Serebryannikov, V.A. Section "Combat techniques" as a main component of the structure of training on physical training for law enforcement officers / V.A. Serebryannikov // Scientific notes of the Lesgaft University. – 2022. – No.1 (203). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razdel-boevye-priemy-borby-kak-osnovnaya-sostavlyayuschaya-struktury-nastavleniya-po-fizicheskoy-podgotovke-sotrudnikov-organov (accessed: 23.05.2024).
10. Slavko, A.L. Physical training as one of the components in the professional training of law enforcement officers / A.L. Slavko // Bulletin of BelUI Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2017. – No.2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/fizicheskaya-podgotovka-kak-odna-iz-sostavlyayuschih-komponentov-v-professionalnoy-podgotovke-sotrudnika-organov-vnutrennih-del (accessed: 23.05.2024).
11. Troyan, E.I. Using obstacle courses to improve coordination abilities / E.I. Troyan // Psychopedagogy in law enforcement agencies. – 2013. – No.1 (52). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-polosy-prepyatstviy-dlya-sovershenstvovaniya-koordinatsionnyh-sposobnostey (accessed: 23.05.2024).
12. Khajirokov, V.A. Formation and improvement of applied physical training for listeners of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia / V.A. Khajirokov // Education. Science. Scientific personnel. – 2020. – No.1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-i-sovershenstvovanie-professionalno-prikladnoy-fizicheskoy-podgotovki-slushateley-obrazovatelnyh-organizatsiy-mvd (accessed: 23.05.2024).

Сравнительно-правовой анализ регулирования корпоративного управления в Голландской и Французской Ост-Индских компаниях

Михалев Владимир Евгеньевич,
студент-магистрант, кафедра предпринимательского и корпоративного права, Институт бизнес-права, ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
E-mail: vladimirm.mihalev77@yandex.ru

В статье проведен сравнительный анализ правовых механизмов управления Голландской и Французской Ост-Индских компаний. Обе организации играли ключевую роль в колониальной экспансии своих стран в Азии в XVII–XVIII веках, но их организационные структуры и методы управления существенно различались. В статье рассматриваются основные юридические аспекты управления этими компаниями, включая правовые основания их создания, внутренние управленческие структуры, регулирование торговой деятельности и взаимодействие с государственными органами. Анализ позволяет выявить как общие черты, так и уникальные особенности правовых механизмов, применяемых в обеих компаниях, что способствует более глубокому пониманию эволюции корпоративного управления в колониальных империях.

Ключевые слова: Голландская Ост-Индская компания, Французская Ост-Индская компания, сравнительное правоведение, корпоративное управление, колониальная экспансия, правовые механизмы.

Актуальность темы исследования правовых механизмов управления Голландской и Французской Ост-Индских компаний обусловлена значимостью этих организаций в истории мировой торговли и колонизации. Голландская Ост-Индская компания (VOC), основанная в 1602 году, и Французская Ост-Индская компания (CIO), основанная в 1664 году, стали важнейшими инструментами колониальной политики своих государств. Эти компании не только способствовали экономическому развитию своих стран, но и оказали значительное влияние на международные торговые пути и межкультурные контакты. [6, с. 71]

Изучение правовых механизмов управления в этих компаниях позволяет понять, как юридические структуры и регулятивные механизмы способствовали их успешной деятельности. Сравнительный анализ правовых основ управления в VOC и CIO раскрывает различия в подходах к корпоративному управлению и взаимодействию с государственными органами, что позволяет сделать выводы о влиянии правовой культуры и политического контекста на организацию торговых компаний.

Голландская Ост-Индская компания была первой транснациональной корпорацией, которая использовала акционерный капитал и обладала значительными привилегиями, предоставленными государством. [2, с. 68] Она имела право заключать договора, вести войны и управлять колониями, что делало ее уникальной по сравнению с другими торговыми предприятиями того времени. Французская Ост-Индская компания, несмотря на свои амбиции, сталкивалась с более жесткой конкуренцией и внутренними проблемами, что также отразилось на ее правовых механизмах управления.

Целью данной статьи является сравнительный анализ правовых механизмов управления в Голландской и Французской Ост-Индских компаниях, выявление общих и специфических черт их организационной структуры и правового регулирования. Анализ будет проведен с учетом исторического контекста и особенностей национальных правовых систем, что позволит глубже понять природу и эволюцию корпоративного управления в колониальных империях.

В следующем разделе статьи будут рассмотрены исторические предпосылки создания и развития обеих компаний, что позволит лучше понять контекст их правовых механизмов управления.

Голландская Ост-Индская компания (VOC)

Голландская Ост-Индская компания (Vereenigde Oostindische Compagnie, VOC) была основана

в 1602 году в Амстердаме. Основными предпосылками ее создания стали экономические и политические обстоятельства, сложившиеся в Нидерландах в конце XVI – начале XVII веков. В этот период Нидерланды находились в процессе борьбы за независимость от Испании, что стимулировало поиск новых торговых путей и рынков для обхода испанских монополий.

Основной причиной создания Голландской Ост-Индской компании стала жесткая конкуренция между голландскими купцами, которая разгорелась после успешной экспедиции братьев Корнелис. Осознавая, что их соотечественники вынуждены соперничать не только друг с другом, но и с Испанией, голландское правительство приняло решение объединить торговцев в единую организацию с капиталом в 6,5 миллионов флоринов. Так и была основана Голландская Ост-Индская компания (VOC). [1]

Официальным инициатором создания VOC стал политик Йохан ван Олденбарневелт, и формальная регистрация компании была завершена в 1602 году. Ей были переданы все торговые поселения и владения в Ост-Индии на начальный срок в 21 год. VOC многократно продлевала свои права на управление этими территориями, продлевая аренду у государства 12 раз. [5]

Несмотря на внушительный стартовый капитал и организационные усилия, Голландская Ост-Индская компания столкнулась с серьезными вызовами со стороны Португалии и Испании, которые имели значительное влияние в азиатских регионах. Эти конкуренты обладали устоявшимися торговыми сетями и сильными позициями, что создавало серьезные препятствия для расширения влияния VOC.

Эта ситуация подтолкнула VOC к развитию более сложной и гибкой системы управления, которая позволила компании не только выжить, но и стать одной из самых мощных торговых организаций своего времени. VOC разрабатывала стратегии, направленные на минимизацию рисков и укрепление своих позиций через построение крепостей, заключение договоров с местными правителями и развитие торговой сети, что в конечном итоге обеспечило ее долгосрочную устойчивость и влияние на мировой рынок. [4, с. 535]

VOC получила от правительства Нидерландов исключительные права на торговлю в Индии, Китае и других частях Азии, а также право заключать договора с местными правителями, строить форты и вести военные действия. Эти привилегии обеспечили компании значительное влияние и автономию в управлении своими делами, что сделало ее одной из самых мощных и влиятельных торговых организаций своего времени. [2, с. 69]

Французская Ост-Индская компания (CIO)

Подписание Компьенского договора в 1624 году позволило устранить военную угрозу со стороны Голландской Ост-Индской компании. В последующие годы Франция предприняла несколько попыток создания частных торговых компаний, что стало частью стратегии кардинала Ришелье. Были учреждены компании «Морбихана», «Молуккских островов» и «Востока», однако лишь последняя смогла успешно отправить корабль «Святой Луис» в 1643 году, уже после смерти кардинала. [3, с. 152]

Франция также предприняла усилия по обеспечению транспортного обслуживания своей колонии на Мадагаскаре с использованием частных судов, что привело к образованию местной компании. Разрозненные экспедиции, организованные в 1645, 1648, 1653 и 1655 годах, а также создание компании Китая в 1660 году, стали важными шагами в этом направлении. Однако их результаты оставались ограниченными из-за внутренней конкуренции. [3, с. 154]

Этот факт негативно сказался на торговле и подорвал обороноспособность французских колоний и размывала монопольные положения хартий, что способствовало неудачам в колониальной деятельности и подчеркнуло необходимость создания собственной конкурентоспособной Ост-Индской компании.

Французские купцы проявили слабую интеграцию в хозяйственные товарищества, что вынудило правительство принять директивное решение о создании Французской Ост-Индской компании (Compagnie des Indes Orientales). Это решение было формализовано декларацией, подписанной Людовиком XIV 27 августа 1664 года и инициированной государственным деятелем Жан-Батистом Кольбером. [9]

Под руководством Кольбера, который был убежденным сторонником меркантилизма, Франция начала активную политику экономического протекционизма и поддержки национальных торговых инициатив, что стало важным элементом общей стратегии экономического развития страны.

Подобно аналогичным компаниям в других странах, Французская Ост-Индская компания получила освобождение от налогов, 50-летнюю монополию на торговлю в Восточном полушарии (включая Индийский океан и Азиатско-Тихоокеанский регион до мыса Горн) и квазигосударственные права, такие как право вести войны, заключать мир и назначать посланников. Было также утверждено фирменное оформление компании, включавшее герб, флаг и девиз «Florebo quocumque ferar» («Я буду цвести везде, куда меня пронесёт»), который впоследствии был нанесен на герб Реюньона.

Первым генеральным директором компании был назначен Франсуа Карон, известный путешественник и исследователь, который стал первым французом, побывавшим в Японии. Под его руководством компания начала активно развивать свою торговую и колониальную деятельность, стремясь укрепить позиции Франции на международной арене и создать устойчивую торговую империю в Восточной Азии. [3, с. 158]

Историческими предпосылками создания CIO стали политические и экономические реформы,

проводимые Кольбером, направленные на укрепление французской экономики и развитие колониальной торговли. Французская корона предоставила компании значительные привилегии, включая монопольное право на торговлю с Восточной Индией, налоговые льготы и субсидии. Эти меры должны были способствовать быстрому росту и развитию компании.

Однако CIO столкнулась с рядом проблем, включая жесткую конкуренцию со стороны уже устоявшихся голландских и английских компаний, недостаток капитала и внутренние организационные трудности. Несмотря на это, компания смогла установить торговые связи и создать ряд колоний в Индии и на Маскаренских островах, что внесло вклад в расширение французского влияния в регионе.

Сравнение предпосылок создания

Сравнение исторических предпосылок создания Голландской и Французской Ост-Индских компаний показывает, что обе компании возникли в контексте национальных стремлений к расширению торгового и колониального влияния. В то время как VOC появилась как результат объединения усилий частных торговых компаний и была движима экономическими интересами, создание CIO было инициировано государством как часть широкой стратегии экономических реформ и усиления государственной поддержки торговли.

Таким образом, различия в исходных условиях и мотивациях создания этих компаний отражаются в их правовых механизмах управления и организационных структурах, что будет подробно рассмотрено в следующих разделах статьи.

Правовые основы торговых компаний

Голландская Ост-Индская компания была создана на основании правительственной хартии, предоставленной Генеральными Штатами Нидерландов в 1602 году. Эта хартия обеспечивала компании исключительные права на торговлю в азиатском регионе и предоставляла широкий спектр полномочий, включая право на ведение войны, заключение договоров с иностранными правителями, строительство крепостей и управление завоеванными территориями. [10]

Основной организационной единицей VOC была Генеральная дирекция (Heeren XVII), состоящая из 17 директоров, представляющих шесть городов с наиболее развитой торговлей. Дирекция определяла стратегию компании и контролировала ее деятельность. Внутри компании существовала строгая иерархия: региональные управления, называемые Камерами (Amsterdam, Zeeland, Delft, Rotterdam, Hoorn, Enkhuizen), управляли деятельностью компании в разных частях Нидерландов и представляли интересы различных городов. [11]

Камеры отправляли свои делегации на собрания Генеральной дирекции, где принимались ключевые решения Каждая Кама имела собственный капитал и флот, но их действия координировались Генеральной дирекцией. Система управления VOC включала также генерал-губернаторов, назначаемых для управления колониями и фортами в Азии. Эти губернаторы обладали значительными полномочиями и могли принимать решения на месте, что обеспечивало оперативность и гибкость управления.

Французская Ост-Индская компания была учреждена в 1664 году на основании королевского указа, подписанного Людовиком XIV. Этот указ предоставлял компании монопольные права на торговлю в Индийском океане, а также значительные финансовые и юридические привилегии, включая налоговые льготы и государственные субсидии. Организационная структура CIO была более централизованной по сравнению с VOC. Высшим органом управления компании являлся Совет директоров, состоящий из назначенных королем лиц, ответственных за стратегическое планирование и контроль над деятельностью компании. Президент компании возглавлял Совет и имел значительное влияние на принятие решений. [8]

Для управления деятельностью компании в колониях и торговых постах назначались генерал-губернаторы и управляющие, которые подчинялись непосредственно Совету директоров. Такая структура обеспечивала более тесный контроль со стороны государства и позволяла оперативно реагировать на изменения внешнеполитической и экономической ситуации. [7]

Сравнение правовых основ и организационных структур

Сравнительный анализ правовых основ и организационных структур VOC и CIO показывает ряд ключевых различий, обусловленных национальными особенностями правовых систем и политическими условиями.

Мы можем сделать вывод о том, что Голландская торговая компания имела более децентрализованную структуру управления. Этот факт отражал традиции самоуправления и сильные позиции городских торговых элит. VOC обладала значительной автономией, позволяя ей гибко реагировать на изменения в торговой и политической обстановке.

Французская компания, напротив, была тесно интегрирована в государственную систему управления. Такая особенность отражала абсолютистскую природу французской монархии. CIO находилась под сильным контролем короны, а значит государство было заинтересовано в помощи компании, но это и ограничивало ее оперативную гибкость, а также способность к самостоятельному принятию решений.

Регулирование торговой деятельности

Голландская Ост-Индская компания (VOC) обладала значительной автономией в регулировании своей

торговой деятельности благодаря предоставленной ей хартии. Основные направления деятельности компании включали торговлю специями, шелком, чаем и другими ценными товарами из Азии. VOC имела право самостоятельно устанавливать торговые маршруты, строить торговые посты и форты, а также заключать договоры с местными правителями.

Регулирование внутренней торговли и коммерческой деятельности компании осуществлялось через систему Камер, каждая из которых отвечала за определенный регион (определенный по географическому признаку). Камеры координировали свои действия через Генеральную дирекцию, которая принимала стратегические решения и определяла приоритеты. Внутренняя структура компании включала систему отчетности и контроля. Такая модель управления позволяла поддерживать высокий уровень организации и эффективности. Обратная сторона этой модели – высокий уровень бюрократии.

Для обеспечения своих интересов в Азии VOC создавала разветвленную сеть торговых постов и крепостей, где находились постоянные представительства компании. Генерал-губернаторы и местные управляющие отвечали за управление и взаимодействие с местным населением и правителями. Такой вид контактов с населением на подконтрольной территории часто включал как заключение торговых договоров, так и действия военного характера, что позволяло компании одновременно поддерживать и расширять свои торговые позиции. [10]

Французская Ост-Индская компания (CIO) также обладала монополией на торговлю в Восточной Индии. Это право было установлено королевским указом. Основные направления деятельности компании включали торговлю специями, текстилем и другими товарами из Индии и других азиатских регионов.

Совет директоров компании, назначенный королем, определял стратегию и основные направления деятельности компании. Для управления торговыми операциями создавались различные комитеты и подкомитеты, которые отвечали за конкретные аспекты деятельности, например такие как финансирование, снабжение и транспортировка товаров.

Важной частью регулирования торговой деятельности CIO было взаимодействие с французскими государственными органами. Компания получала значительные субсидии и налоговые льготы. Однако такая зависимость от государственной поддержки делала компанию уязвимой к политическим изменениям и влиянию государственных интересов. [7, с. 538]

Сравнительный анализ влияния правовых механизмов

Сравнительный анализ показывает, что децентрализованная структура управления и автономия в принятии решений были ключевыми факторами, способствовавшими успеху Голландской Ост-Индской компании (VOC). Правовые механизмы, закрепленные в хартии, позволяли компании эффективно управлять своими ресурсами и быстро адаптироваться к изменениям внешней среды.

Французская Ост-Индская компания (CIO), наоборот, находилась под жестким контролем государства, что ограничивало ее оперативную гибкость и делало зависимой от политической воли. Несмотря на значительные привилегии, централизованная структура управления и зависимость от государственной поддержки препятствовали ее самостоятельному развитию и эффективному управлению.

Таким образом, правовые механизмы и организационные структуры, заложенные в основу обеих компаний, оказали существенное влияние на их эффективность и устойчивость. Успех VOC был обусловлен ее автономией и гибкостью, тогда как зависимость CIO от государственной поддержки и централизованная структура управления стали основными препятствиями на пути к долгосрочному успеху.

Анализ правовых механизмов управления Голландской и Французской Ост-Индских компаний показывает, что различия в подходах к корпоративному управлению и взаимодействию с государством играли ключевую роль в определении их успеха и устойчивости. Голландская компания продемонстрировала высокую степень автономии и гибкости, что способствовало ее долгосрочному успеху, тогда как французская компания, несмотря на значительную государственную поддержку, не смогла достичь аналогичных результатов из-за жесткого контроля и ограниченной оперативной гибкости.

Понимание этих различий важно для изучения эволюции корпоративного управления и колониальных империй, а также для анализа современного состояния корпоративного управления и взаимодействия бизнеса с государственными структурами.

Литература

1. Губер А. А. К истории голландского проникновения в Индонезию // Учёные записки Московского городского педагогического института. 1941. Т. 3, вып. 1.
2. Попов М.Е. Предпосылки возникновения и упадка голландской ост-Индской компании / М.Е. Попов // Международный научно-исследовательский журнал. 2018. № 1–3(67). С. 68–70.
3. Сапунцов, А.Л. Инициативы по приватизации колониальной деятельности в рамках Французской Ост-Индской компании, 1664–1769 / А.Л. Сапунцов // Genesis: исторические исследования. – 2020. – № 12. – С. 150–160.
4. Скворцова, Е.К. История Голландской ост-Индской компании / Е.К. Скворцова // Гуманитарные науки в современном вузе: вчера, се-

годня, завтра: материалы IV международной научной конференции, Санкт-Петербург, 10 декабря 2021 года. Том 3. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2021. – С. 534–537.
5. Шатохина-Мордвинцева, Г.А. Две ветви власти и первые лица государства в Республике Соединенных провинций: великий пенсионарий и статхаудер / Г.А. Шатохина-Мордвинцева // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2017. – № 10–1(31). – С. 74–82.
6. Шатохина-Мордвинцева Г.А. История Нидерландов / Г.А. Шатохина-Мордвинцева. – М.: Дрофа, 2007. – 515 с.
7. Cussen O. Empire and Enlightenment after John Law: Merchant Capitalism and Political Economy in the French East India Company / O. Cussen // Journal of Modern History. 2023. Vol. 95, No. 3. P. 519–556.
8. Richard D. The Globalisation of France: Provincial Cities and French Expansion, c. 1500–1800 // History of European Ideas. 2008. Vol. 34. P. 424–430; see also: Rothschild E. Isolation and Economic Life in Eighteenth-Century France // American Historical Review. 2014. Vol. 119, No. 4. P. 1055–1082.
9. Frydman R., Murphy K., Rapaczyński A. Capitalism With a Comrade's Face: Studies in the Postcommunist Transition / Roman Frydman, Kenneth Murphy, Andrzej Rapaczyński. – Budapest: Central European University Press, 1998. – 306 p.
10. Gaastra F. S., Daniels P. The Dutch East India Company: Expansion and Decline / Femme S. Gaastra. – Zutphen: Walburg Pers, 2003. – 192 p.
11. Heeren XVII // encyclopedia.com URL: https://www.encyclopedia.com/history/encyclopedias-almanacs-transcripts-and-maps/heeren-xvii (дата обращения: 12.06.2024).

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF CORPORATE GOVERNANCE REGULATION IN THE DUTCH AND FRENCH EAST INDIA COMPANIES

Mikhalev V.E.
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

The article conducts a comparative analysis of the legal mechanisms of governance in the Dutch and French East India Companies. Both organizations played a key role in the colonial expansion of their respective countries in Asia during the 17th and 18th centuries, but their organizational structures and management methods differed significantly. The article examines the main legal aspects of the governance of these companies, including the legal foundations of their creation, internal management structures, regulation of trade activities, and interaction with state authorities. The analysis reveals both common features and unique characteristics of the legal mechanisms applied in both companies, contributing to a deeper understanding of the evolution of corporate governance in colonial empires.

Keywords: Dutch East India Company, French East India Company, comparative law, corporate governance, colonial expansion, legal mechanisms.

References

1. Guber A.A. On the History of Dutch Penetration into Indonesia // Scientific Notes of the Moscow City Pedagogical Institute. 1941. Vol. 3, no. 1.
2. Popov M.E. Prerequisites for the Rise and Fall of the Dutch East India Company / M.E. Popov // International Research Journal. 2018. No. 1–3(67). Pp. 68–70
3. Sapuntsov A.L. Initiatives for Privatization of Colonial Activities within the Framework of the French East India Company, 1664–1769 / A.L. Sapuntsov // Genesis: Historical Research. 2020. No. 12. Pp. 150–160.
4. Skvortsova E.K. History of the Dutch East India Company / E.K. Skvortsova // Humanities in the Modern University: Yesterday, Today, Tomorrow: Materials of the IV International Scientific Conference, St. Petersburg, December 10, 2021. Vol. 3. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, 2021. Pp. 534–537.
5. Shatokhina-Mordvintseva G.A. Two Branches of Power and the First Persons of the State in the Republic of the United Provinces: the Grand Pensionary and the Stadtholder / G.A. Shatokhina-Mordvintseva // Bulletin of RSUH. Series: History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies. 2017. No. 10–1(31). Pp. 74–82.
6. Shatokhina-Mordvintseva G.A. History of the Netherlands / G.A. Shatokhina-Mordvintseva. Moscow: Drofa, 2007. 515 p.
7. Cussen O. Empire and Enlightenment after John Law: Merchant Capitalism and Political Economy in the French East India Company / O. Cussen // Journal of Modern History. 2023. Vol. 95, No. 3. Pp. 519–556.
8. Richard D. The Globalisation of France: Provincial Cities and French Expansion, c. 1500–1800 // History of European Ideas. 2008. Vol. 34. Pp. 424–430; see also: Rothschild E. Isolation and Economic Life in Eighteenth-Century France // American Historical Review. 2014. Vol. 119, No. 4. Pp. 1055–1082.
9. Frydman R., Murphy K., Rapaczyński A. Capitalism With a Comrade's Face: Studies in the Postcommunist Transition / Roman Frydman, Kenneth Murphy, Andrzej Rapaczyński. Budapest: Central European University Press, 1998. 306 p.
10. Gaastra F. S., Daniels P. The Dutch East India Company: Expansion and Decline / Femme S. Gaastra. Zutphen: Walburg Pers, 2003. 192 p.
11. Heeren XVII // encyclopedia.com URL: https://www.encyclopedia.com/history/encyclopedias-almanacs-transcripts-and-maps/heeren-xvii (accessed on: 12.06.2024).

Ограничения правового регулирования экологического сектора национальной экономики России

Гридина Маргарита Руслановна,
студент кафедры теории государства и права, Северо-Кавказский университет
E-mail: margoluu@mail.ru

Шаталова Анастасия Андреевна,
студент кафедры теории государства и права, Северо-Кавказский университет
E-mail: nastya.shatalova.2002@mail.ru

Карпенко Олег Денисович,
студент кафедры административного и финансового права, Северо-Кавказский университет
E-mail: olegatti2003@gmail.com

Дюльгяров Орест Владиславович,
студент кафедры административного и финансового права, Северо-Кавказский университет
E-mail: orestdyulgyarov@gmail.com

Статья нацелена проанализировать существующее правовое регулирование экологического бизнеса в РФ и выявить его недостатки, препятствующие развитию этого сектора. В статье используется комплексный подход, включающий анализ нормативно-правовых актов, изучение практики применения законодательства, а также анализ экспертных мнений. Исследование показало, что в России отсутствует комплексное правовое регулирование экологического бизнеса. Действующее законодательство фрагментарно, не учитывает специфику этого сектора и не обеспечивает достаточной правовой защиты для экологических предприятий. Результаты исследования представляют интерес для государственных органов, занимающихся разработкой и внедрением законодательства в сфере экологии, а также для предпринимателей, работающих в сфере экологического бизнеса. В статье предлагается комплексный анализ правового регулирования экологического бизнеса в РФ, выявляющий его пробелы и предлагающий конкретные решения для их устранения. Отсутствие комплексного правового регулирования экологического бизнеса является одним из ключевых факторов, сдерживающих его развитие в России. Для активизации этого сектора экономики необходима разработка и принятие специального законодательства, гармонизирующего отношения между государством, бизнесом и обществом в сфере экологической деятельности.

Ключевые слова: экопредпринимательство; природоохранное законодательство; государственная поддержка; устойчивая архитектура; гражданское общество.

Введение

В условиях растущей потребности в экологически чистых товарах и услугах, развитие экологического бизнеса становится ключевым фактором устойчивого развития. Однако в России этот сектор сталкивается с серьезными барьерами, в первую очередь, с отсутствием комплексного правового регулирования. Несовершенство правовой базы препятствует привлечению инвестиций, ограничивает доступ к финансированию и сдерживает рост экологически ответственного бизнеса.

Основная часть

Экологический бизнес занимает важное место в сфере устойчивого развития, ориентированного на восстановление и улучшение окружающей среды, а также на переработку отходов и производство энергии из вторичного сырья. Защита экологических прав граждан играет ключевую роль в формировании устойчивого социально-экономического развития государства. Строительство системы экологической безопасности напрямую влияет на качество жизни граждан, что является основой государственной политики в области экологического развития Российской Федерации до 2030 года.

Глобальные экологические проблемы, связанные с изменением климата, потерей биологического разнообразия и опустыниванием, в настоящее время представляют собой приоритетные интересы Российской Федерации и ее граждан. Наряду с этим, свидетельствуется растущее воздействие экологических катастроф и стихийных бедствий, загрязнение атмосферного воздуха, поверхностных и подземных вод, а также морской среды на окружающую среду [2].

Важную роль в управлении экологической политикой играет государство, выступающее в роли регулятора использования природных ресурсов и финансового спонсора программ по их восстановлению.

В современной экономической ситуации Российской Федерации высока активность в области инвестиционных инициатив, особенно в контексте производства товаров из вторичного сырья, приуроченных к сегменту малого и среднего бизнеса и получающих поддержку со стороны государства, сфокусированную на экологических приоритетах. Тем не менее, реализация устойчивых проектов по охране окружающей среды на российской территории пока что ограничена, а степень стимулирования подобной предпринимательской деятельно-

сти государством оценивается как недостаточная, что в итоге утрачивает интерес инвесторов к сектору экологически ориентированных проектов [3].

Одним из двигателей «зелёных» инноваций в России выступает Центр содействия экопредпринимательству. Он подобен инкубатору для экологических инициатив, способствуя внедрению передовых технологий, формированию современной инфраструктуры и привлечению инвестиций. Центр реализует многообразие экологических программ, среди которых выделяется программа безвозмездных консультаций для экопредпринимателей, получившая высокую оценку Департамента природопользования и охраны окружающей среды города Москвы и поддержку Фонда президентских грантов. Однако, самым сложным аспектом остаётся материальная поддержка эко-инициатив. Финансовые, имущественные и налоговые льготы необходимы не только экологическим организациям, но и малому и среднему бизнесу, вносящему вклад в оздоровление окружающей среды, например, занимающемуся переработкой и утилизацией отходов. Государство должно активно вовлекать предпринимателей в экологическую деятельность, создавая привлекательные условия и стимулы:

1. Формирование организационных структур для стимулирования и регулирования производства экологических товаров и услуг;
2. Развитие эффективной финансово-кредитной системы для экопредпринимательства, включая государственный заказ, налоговые и кредитные льготы;
3. Стимулирование закупок природоохранного оборудования и услуг;
4. Привлечение внешнего финансирования для поддержки эко-инициатив.

Необходимо также отметить, что развитие экологического бизнеса в России сталкивается с реальными рисками и вызовами, вызванными отсутствием должного правового регулирования. Одним из основных рисков является неопределенность нормативно-правовой среды, в которой действуют экологически ориентированные предприятия. Эта неопределенность создает препятствия для долгосрочного планирования и инвестиций, так как компании не могут быть уверены в стабильности своих прав и обязательств.

Отсутствие четких правовых рамок также затрудняет доступ к финансовым ресурсам. Банки и инвесторы стремятся минимизировать свои риски, и отсутствие правовой защиты для экологических бизнесов делает инвестиции в данный сектор менее привлекательными. Это особенно важно для малого и среднего бизнеса, который потенциально может сыграть ключевую роль в развитии устойчивой экономики. Правовая неопределенность также ведет к повышенным административным издержкам. Бизнесы вынуждены тратить значительные ресурсы на юридические консультации и анализ правовых рисков, что увеличивает их операционные расходы. Кроме того, отсутствие стандартов и норм в области экологического предпринимательства создает почву для неоправданного увеличения бюрократических барьеров и коррумпированных практик, когда госслужащие могут требовать взятки за “решение” вопросов, связанных с экологической сертификацией и лицензированием.

Еще одной сложностью является недостаток конкретных стимулов и субсидий для предприятий, занимающихся экологическими инновациями. Введение законодательных мер, направленных на поддержку таких предприятий, упростило бы процесс внедрения зеленых технологий и снижало бы риски, связанные с высокими капитальными затратами на начальных этапах. В отсутствие таких мер, компании вынуждены полагаться на собственные средства или поиски международных грантов, что существенно ограничивает их потенциальный рост и развитие. Критичный аспект заключается также в недостатке четких критериев и стандартов для оценки экологической эффективности компаний. Это приводит к проблемам в области мониторинга и контроля, когда недобросовестные предприятия могут эксплуатировать лазейки и выдавать себя за экологически ответственных, не придерживаясь реальных экологических норм. Это также подрывает доверие потребителей к экологическим маркам и создает негативную репутацию для всего сектора.

Экологическим предпринимателям приходится сталкиваться с проблемой координации и взаимодействия с государственными органами на разных уровнях управления. В отсутствие единой правовой базы региональные и местные органы власти могут устанавливать свои собственные правила и требования, что приводит к фрагментации правового поля и усложняет деятельность компаний. Это особенно актуально в условиях федеративного устройства России, где региональные различия могут быть значительными.

Важным вызовом является и недостаточная интеграция экологической политики в общие стратегии экономического развития страны. Экологические инициативы часто рассматриваются как второстепенные по отношению к традиционной промышленности и ресурсодобывающему сектору. В результате, экологический бизнес не получает должного внимания и поддержки со стороны государственных программ и стратегий, направленных на стимулирование экономического роста.

Исходя из закона «Об основах экологического предпринимательства» [5], государство обладает полномочиями в оказании поддержки экологического производства малого и среднего бизнеса. Такая поддержка осуществляется через выделение средств из бюджета на программы и проекты по охране окружающей среды, а также проведение соответствующих мероприятий. Указанные положения закона, принятого 10 января 2002 года «Об охране окружающей среды», определяют широкий спектр экологического предпринимательства.

В качестве примера реализации экологического предпринимательства погрузимся в мир «зелё-

ных» инноваций. Одним из ярких вариантов таких инноваций является устойчивая архитектура – симбиоз передовых технологий и экологической ответственности. Её цель – минимизировать воздействие на окружающую среду через оптимальное использование ресурсов: материалов, энергии, пространства и природных экосистем. Проектирование таких зданий подобно созданию живого организма, где каждая деталь направлена на энергоэффективность и гармонию с природой.

Однако, несмотря на неоспоримые преимущества, устойчивая архитектура в России пока не получила широкого распространения. Отсутствие государственной поддержки и стимулирования тормозит развитие этого направления, что негативно отражается на экологической обстановке страны и качестве жизни населения.[9] Обратимся к данным Аналитического центра при Правительстве РФ: почти половина всех энергетических ресурсов тратится на отопление многоквартирных домов. Более того, функционирование зданий и сооружений ответственны за 45% выбросов вредных веществ в атмосферу. Устойчивая архитектура способна кардинально изменить эту ситуацию, обеспечив существенное снижение энергопотребления и загрязнения окружающей среды.[10]

Также, ключевым фактором развития устойчивой архитектуры является целенаправленная подготовка специалистов, способных воплощать принципы «зелёного» строительства. Будущие архитекторы и строители должны длительное время погружаться в методики оценки жизненного цикла здания в университетах, однако в российской системе образования эта тема практически не раскрывается.

Внедрение обязательного расчёта и оценки жизненного цикла зданий на стадии проектирования способно коренным образом изменить подход к строительству. Анализ затрат на возведение и эксплуатацию зданий на протяжении 25 лет показывает, что энергоэффективные, комфортные и экологичные здания оказываются гораздо более экономичными в долгосрочной перспективе, чем дешёвые, но неэффективные сооружения.

Ядро устойчивой архитектуры – это создание здоровой и комфортной среды обитания для человека в гармонии с природой. Это не просто строительство зданий, это искусство создания пространства, где человек и окружающий мир существуют в едином ритме.

Однако, экологическая политика Российской Федерации остается недостаточно эффективной, что может быть обусловлено несколькими причинами. Во-первых, отсутствие государственной поддержки экологического предпринимательства через дотации и налоговые льготы. Во-вторых, отсутствие благоприятных условий для развития предпринимательства в сфере охраны окружающей среды. И, в-третьих, недостаточное совершенство законодательства, регулирующего экологическую сферу.

Согласно Федеральной службе государственной статистики, на экологические нужды выделяется менее 2% бюджетных средств России. [1,4]

Для стимулирования развития рынка экологического предпринимательства требуется создание благоприятной среды для процветания этой отрасли. В России функционирует крупный центр по содействию экологическому предпринимательству, целью которого является продвижение новых экологических технологий и инновационной инфраструктуры, привлечение предпринимателей в область экологии и привлечение инвестиций. Данный центр предлагает разнообразные программы, включая программу содействия экологическому предпринимательству, которая обеспечивает экопредпринимателей безвозмездными консультациями. Эта программа получила поддержку департамента природопользования и охраны окружающей среды города Москвы и фонда президентских грантов.

Информационная поддержка также играет важную роль в развитии экологического бизнеса. Участники рынка должны быть осведомлены о существующих мерах поддержки, нормативных актах и передовых технологиях. В этом контексте важно отметить деятельность различных специализированных форумов, конференций и семинаров, на которых освещаются успешные практики и опыт разных регионов.

Финансовые институты также начинают обращать больше внимания на экологическое инвестирование. Банки и инвестиционные фонды предлагают различные программы, направленные на поддержку экопроектов, включая льготное кредитование и прямые инвестиции. Поддержка финансовых институтов позволяет обеспечить стабильное финансирование экологически чистых проектов и повысить их инвестиционную привлекательность.

Несмотря на указанные меры и инициативы, необходимо отметить, что отсутствие систематического правового регулирования создает значительные барьеры для экологического бизнеса в России. Отсутствие чётких норм и стандартов может приводить к неопределенности и недостаточной защите интересов предприятий. Более того, недостаточная координация между различными уровнями власти и бизнесом затрудняет реализацию экологических проектов.

Для решения этих проблем требуется комплексный подход. Одним из возможных решений является разработка и внедрение национальной стратегии по развитию экологического бизнеса, включающей чёткие нормативные акты и стандарты. Важно также усилить взаимодействие между различными государственными органами и бизнесом для создания благоприятных условий для инвестиций в экологические проекты. Введение обязательных требований по использованию экологически чистых технологий и материалов на государственном и региональном уровне также может стать значимым шагом к стимулированию развития «зелёного» бизнеса.

Гражданское общество играет ключевую роль в развитии экологического бизнеса и создании правовой базы в этой сфере. В условиях отсутствия четкого правового регулирования, активность общественных объединений и организаций приобретает особую значимость. Эти структуры способствуют популяризации экологических стандартов, повышеню осведомленности населения о необходимости защиты окружающей среды и внедрению экологических инноваций в бизнес-практики.

На первом этапе, влияние гражданского общества проявляется через просветительскую деятельность. Негосударственные организации, такие как «Гринпис Россия» и «Экологическая Вахта по Северному Кавказу», организуют информационные кампании, целевую работу в школах и университетах, семинары и тренинги для предпринимателей. Действуя в качестве общественных экспертов, они оказывают давление на правительство с целью ускорения разработки и принятия правовых норм, регулирующих экологический бизнес. Важное значение при этом имеет партнерство с научными учреждениями, обеспечивающими исследовательскую поддержку.

Второй важной составляющей является мониторинг и контроль деятельности бизнес-структур. Гражданское общество осуществляет независимый экологический аудит, выявляя нарушения и привлекая внимание к экологически небезопасным методам производства. Общественный контроль оказывает стимулирующий эффект на бизнес, побуждая руководителей компаний внедрять экологоэффективные технологии и соблюдать международные стандарты. Благодаря деятельности гражданских активистов, информация о нарушениях становится доступной широкой аудитории, что усиливает общественный запрос на экологическое законодательство.

Третье направление деятельности гражданского общества – это участие в законотворческой работе. Общественные организации активно взаимодействуют с государственными органами, внося предложения и рекомендации по проектам нормативно-правовых актов. В условиях демократии консультативная функция гражданского общества способствует учету мнения различных стейкхолдеров и балансировке интересов бизнеса и экологии. Примеры инициатив, таких как «Российский экологический союз», демонстрируют возможности нелинейного подхода к решению возникающих проблем через диалог и компромиссы.

Особенно следует отметить и важность международного сотрудничества. Взаимодействие с международными экологическими организациями и участие в транснациональных проектах позволяет гражданскому обществу России перенимать лучшие практики и стандарты, обеспечивая конкурентоспособность отечественных экобрендов на мировом рынке. Кроме того, международное сотрудничество создает дополнительные каналы давления на национальное правительство, стимулируя его к более активному и оперативному принятию необходимых правовых решений.

В настоящее время одними из наиболее сложных видов государственной поддержки являются финансовая, имущественная и общая материальная поддержка, направленные на улучшение состояния природы и экологии. Для достижения этой цели предлагается предоставлять финансовые, правовые и налоговые льготы как для организаций, занимающихся экологической деятельностью, так и для предпринимательских субъектов малого и среднего бизнеса, вносящих вклад в оздоровление природной среды, например, занимающихся утилизацией и переработкой отходов. Естественно, для осуществления утилизации отходов требуются соответствующие лицензии, однако государство должно активно привлекать субъектов малого и среднего предпринимательства к ведению такого рода экологической деятельности.[6]

Вдобавок следует отметить, что существующее законодательство в области экологического предпринимательства является в основном декларативным и требует тщательной доработки в части налогового регулирования. Основные изменения, необходимые в Федеральном законе «Об охране окружающей среды» [7], включают добавление четкого определения экологического предпринимательства, а также введение специального принципа в Статье 3 данного закона, закрепляющего роль государства в поддержке данной сферы предпринимательства.[8]

Заключение

Проблема развития экологического бизнеса в России, связанная с отсутствием признания экологического предпринимательства в качестве обособленного объекта правового регулирования, требует немедленного внимания и принятия мер со стороны государства. Поддержка и развитие экологического бизнеса способствует сохранению нашей планеты и созданию устойчивой экономики для будущих поколений.

Литература

1. Филичева Татьяна Петровна Проблемы развития экологического предпринимательства//Территория новых возможностей. 2018. № 1 (40). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-razvitiya-ekologicheskogo-predprinimatelstva (дата обращения: 28.02.2024). (дата обращения: 20.05.2024)
2. Ключникова Ярославна Анатольевна, Венгеровский Евгений Леонидович К вопросу о правовом обеспечении экопредпринимательства в Российской Федерации // Юридическая наука. 2018. № 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-pravovom-obespechenii-ekopredprinimatelstva-v-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 28.02.2024). (дата обращения: 20.05.2024)

3. Романова Е.Е. Проблемы развития экологического предпринимательства / Е.Е. Романова, И.С. Пелымская. – Текст: электронный // XVII международная конференция «Российские регионы в фокусе перемен»: сборник докладов (Екатеринбург, 17–19 ноября 2022 г.). – Екатеринбург: ООО Издательский Дом «Ажур», 2023. – С. 343–346. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/122085/1/978–5– 91256–577–9_2022_081.pdf. (дата обращения: 21.05.2024)
4. Расходы на экономику в России впервые за 7 лет превысят траты на оборону [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/QvZPV. (дата обращения: 21.05.2024)
5. Модельный закон «Об основах экологического предпринимательства» от 13.06.2000 (дата обращения: 22.05.2024)
6. Центр содействия экологическому предпринимательству. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ecobiz-center.ru/ru/main. (дата обращения: 22.05.2024)
7. Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 N 7-ФЗ (последняя редакция) (дата обращения: 20.05.2024)
8. Правовые проблемы развития экологического предпринимательства в Российской Федерации. Рыженков А.Я. URL: https://wiselawyer.ru/poleznoe/99828-pravovye-problemy-razvitiya-ekologicheskogo-predprinimatelstva-rossijskoj-federacii. (дата обращения: 23.05.2024)
9. Сетевое издание «Московская перспектива» зарегистрировано в Роскомнадзоре 16.01.2023, ЭЛ № ФС 77–84449. Редакция газеты «Московская перспектива»: свидетельство о регистрации СМИ № 012265 от 30.12.1998. URL: https://mperspektiva.ru/topics/ekoustoychivoe-stroitelstvo-v-rossii-poka-udel-inostrantsev-i-entuziastov/. (дата обращения: 23.05.2024)
10. Фомина, Л.В. Проблемы развития устойчивого строительства в России / Л.В. Фомина. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2022. – № 5 (400). – С. 56–59. – URL: https://moluch.ru/archive/400/88639/. (дата обращения: 23.05.2024)
11. Барков А. В., Гришина Я.С. Правовое обеспечение государственной поддержки эколого-ориентированных социальных предприятий в зарубежных странах // Exjure. 2020. No2. С.31–42. DOI:10.17072/ 2619–0648–2020–2–31–42. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-obespechenie-gosudarstvennoy-podderzhki-ekologo-orientirovannyh-sotsialnyh-predpriyatiy-v-zarubezhnyh-stranah. (дата обращения: 23.05.2024)

LIMITATIONS OF LEGAL REGULATION OF THE ENVIRONMENTAL SECTOR OF THE RUSSIAN NATIONAL ECONOMY

Gridina M.R., Shatalova A.A., Karpenko O.D., Dyulgyarov O.V.
North Caucasus University

This article aims to analyze the existing legal regulation of environmental business in the Russian Federation and identify its shortcomings that impede the development of this sector. The article uses an integrated approach, including analysis of regulations, study of the practice of applying legislation, as well as analysis of expert opinions. The study showed that in Russia there is no comprehensive legal regulation of environmental business. Current legislation is fragmented, does not take into account the specifics of this sector and does not provide sufficient legal protection for environmental enterprises. The results of the study are of interest to government agencies involved in the development and implementation of environmental legislation, as well as to entrepreneurs working in the field of environmental business. The article offers a comprehensive analysis of the legal regulation of environmental business in the Russian Federation, identifying its gaps and proposing specific solutions to eliminate them. The lack of comprehensive legal regulation of environmental business is one of the key factors hindering its development in Russia. To activate this sector of the economy, it is necessary to develop and adopt special legislation that harmonizes relations between the state, business and society in the field of environmental activities.

Keywords: eco-entrepreneurship; environmental legislation; governmental support; sustainable architecture; civil society.

References

1. Filicheva Tatyana Petrovna Problems of development of environmental entrepreneurship // Territory of new opportunities. 2018. No. 1 (40). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-razvitiya-ekologicheskogo-predprinimatelstva (date of access: 20.05.2024)
2. Klyuchnikova Yaroslavna Anatolyevna, Vengerovsky Evgeniy Leonidovich On the issue of legal support for eco-entrepreneurship in the Russian Federation // Legal science. 2018. No. 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-pravovom-obespechenii-ekopredprinimatelstva-v-rossiyskoy-federatsii (date of access: 20.05.2024
3. Romanova E.E. Problems of development of environmental entrepreneurship / E.E. Romanova, I.S. Pelymskaya. – Text: electronic // XVII international conference “Russian regions in the focus of change”: collection of reports (Ekaterinburg, November 17–19, 2022). – Ekaterinburg: LLC Publishing House “Azhur”, 2023. – P. 343–346. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/122085/1/978–5–91256–577–9_2022_081.pdf. (date of access: 21.05.2024)
4. Spending on the economy in Russia will exceed spending on defense for the first time in 7 years [Electronic resource]. URL: https://clck.ru/QvZPV. (date of access: 21.05.2024)
5. Model Law “On the Fundamentals of Environmental Entrepreneurship” dated June 13, 2000 (date of access: May 22, 2024)
6. Center for the Promotion of Environmental Entrepreneurship. [Electronic resource]. URL: http://www.ecobiz-center.ru/ru/main. (date of access: 21.05.2024)
7. Federal Law “On Environmental Protection” dated January 10, 2002 N 7-FZ (latest edition) (date of access: 21.05.2024)
8. Legal problems of the development of environmental entrepreneurship in the Russian Federation. Ryzhenkov A.Ya. URL: https://wiselawyer.ru/poleznoe/99828-pravovye-problemy-razvitiya-ekologicheskogo-predprinimatelstva-rossijskoj-federacii. (date of access: 21.05.2024)
9. The online publication “Moscow Perspective” is registered with Roskomnadzor on 01/16/2023, EL No. FS 77–84449. Editorial office of the newspaper “Moskovskaya Perspective”: media registration certificate No. 012265 dated 12/30/1998. URL: https://mperspektiva.ru/topics/ekoustoychivoe-stroitelstvo-v-rossii-poka-udel-inostrantsev-i-entuziastov/. (date of access: 21.05.2024)
10. Fomina, L.V. Problems of development of sustainable construction in Russia / L.V. Fomina. – Text: immediate // Young scientist. – 2022. – No. 5 (400). – P. 56–59. – URL: https://moluch.ru/archive/400/88639/. (date of access: 21.05.2024)
11. Barkov A.V., Grishina Ya.S. Legal support of state support for environmentally-oriented social enterprises in foreign countries // Exjure. 2020. No2. pp.31–42. DOI:10.17072/ 2619–0648–2020–2–31–42. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-obespechenie-gosudarstvennoy-podderzhki-ekologo-orientirovannyh-sotsialnyh-predpriyatiy-v-zarubezhnyh-stranah. (date of access: 21.05.2024)

Формирование механизма регулирования правотворческой деятельности органов государственной власти в условиях трансформации системы общественных отношений

Кучкаров Захирджан Анварович,
к.т.н., д.э.н., заведующий кафедрой концептуального анализа и проектирования МФТИ, академик РАЕН, член Экспертного совета при Правительстве РФ, член Комитета РСПП по экологии и природопользованию
E-mail: kuchkarov@acconcept.ru;

Деревянко Мария Сергеевна,
независимый исследователь, Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации, заместитель директора Департамента государственной политики и регулирования в сфере развития особо охраняемых природных территорий
E-mail: meretsi@yandex.ru

Актуальность темы статьи обусловлена важностью повышения качества и эффективности реализации государственных функций. В настоящее время в условиях стремительного развития государства важно быстро и грамотно, а главное, целостно и полно, без пробелов и противоречий регулировать вводимые новые и динамично развивающиеся общественные отношения. Это – необходимое условие обеспечения законности и правопорядка в обществе.
Целью настоящего исследования является предложение механизма системного совершенствования правотворческих процедур всех органов государственной власти Российской Федерации.
Задачи исследования:
– определить место правотворческой деятельности органов государственной власти Российской Федерации среди форм осуществления функций государства;
– охарактеризовать деятельность органов государственной власти Российской Федерации по созданию правовых норм в настоящее время;
– показать необходимость применения новых технологий в процессе правотворческой деятельности органов государственной власти Российской Федерации;
– дать предложения по совершенствованию процессов правотворческой деятельности органов государственной власти Российской Федерации.
Результаты настоящего исследования могут быть использованы органами государственной власти всех уровней для значительного повышения эффективности управленческого воздействия. Это обусловлено возможностью применения технологии концептуального проектирования при создании правовых норм, благодаря которой может быть построен и реализован новый механизм единого формирования крупных комплексов взаимосвязанных нормативно-методических документов. Использование этого механизма обеспечивает быстрое, исчерпывающее, полное, гарантированно непротиворечивое, функционально точно ориентированное и юридически корректное формирование указанных комплексов, включая документы от высших уровней (Конституция, Законы, постановления Правительства) до низовых конкретных методик и инструкций, СНиПов, ГОСТов и СанПиНов.
Для решения обозначенных задач использованы **методы** описания, экспертных оценок, индукции, обобщения, сравнения, системный метод.

Ключевые слова: правотворческая деятельность, нормотворчество, нормативный правовой акт, законопроект, концептуальный анализ и проектирование.

Государственные функции осуществляются посредством ряда специализированных форм фундаментальной прикладной деятельности государства, направленной на осуществление стоящих перед ним задач и достижение большого количества разноплановых целей.

Такие формы пребывают в динамике и меняются так же, как меняется и само государство. Эффективность реализации функций государства, гармония его развития, отсутствие угрозы кризисного состояния напрямую зависят от состояния форм реализации государственных функций.

Вопрос недостаточной эффективности нормотворческой работы федеральных органов исполнительной власти длительное время остается нерешенным.

Совершенствование реализации правотворческой деятельности органов государственной власти Российской Федерации, как формы осуществления государственных функций, представляет собой актуальную проблему деятельности государства. Она требует глубокого анализа и исследования для повышения эффективности и качества такой деятельности.

В научных источниках, содержащих классификацию форм реализации функций государства, принято выделять правовую форму в качестве основной и относить к ее содержанию правотворческую деятельность органов государства.

Правотворческая есть форма осуществления функций государства, воплощаемая в жизнь в виде издания нормативных актов, принятия или санкционирования, изменения или отмены юридических норм. Данная форма играет особую роль в реализации функций, придает функциональной деятельности правовое закрепление [1].

В ходе правотворческого процесса формируются регулятивные основы общественной и государственной жизни, внедряются определенные способы, средства и способы правового воздействия на правовую систему общества, создаются и изменяются правовые системы, регулирующие общественные отношения, а также общие ограничительные программы [3].

Сам правотворческий процесс включает в себя различные формы. В частности, правотворческая форма может воплощаться в виде правовой регламентации правотворчества. Это проявляется в принятии регламентов законотворческих органов, нормативных актов различных ведомств, предполагающих как правовые, так и неправовые формы [2].

Проанализировав мнения ученых-правоведов, можно прийти к выводу, что понятие «правотворчество» включает в себя понятия «нормотворчество» и «законотворчество», поскольку первое существенно шире.

В существующей действительности к основополагающей деятельности государства, которая создает фундамент для законности и правопорядка в обществе, ошибки в которой должны быть полностью исключены в связи с тем, что могут явиться причиной обвала больших масштабов, государство в целом недооценивает эту угрозу, не прилагая всех возможных усилий по ее усовершенствованию и идеализации.

Опираясь на проведенное автором исследование вопросов реализации нормотворческих полномочий федеральными органами исполнительной власти [8] необходимо сделать вывод о том, что организация нормотворческого процесса в указанных органах государственной власти не соответствует нынешним реалиям, в нем не задействованы все имеющиеся у государства ресурсы, процесс не цифровизирован.

По-прежнему затрачивается большое количество времени на согласование проектов нормативных правовых актов и другие необходимые внутриведомственные и межведомственные процедуры. Это делает невозможным своевременное регулирование общественных отношений.

Используемые в настоящее время способы написания законов не могут точно, достоверно и быстро внедрить выработанные идеи и подходы правового регулирования общественных отношений в нужные нормы права, при этом исключив наличие противоречий. Механизмы создания нормативных правовых актов должны гарантировать их правильность и полноту.

Применительно к функциям государства технологии становятся средством их реализации и наиболее тесно «прижимаются» к методам и ресурсам публичной власти и управления [4].

Цифровое нормотворчество развивается на основе двух подходов: «от модели» (формирование нормативных правовых актов на основе цифровых моделей) и «от бумаги» (трансформация классического бумажного законодательства в правила, пригодные одновременно для использования как человеком, так и машиной) [10].

В перспективе цифровые технологии помогут уменьшить ошибки, допускаемые вследствие «человеческого фактора», так как определенный объем работы выполнит правильно налаженная автоматизированная система [9].

По мнению авторов статьи, вопрос изменения подходов к организации правотворческой деятельности и ее серьезной реструктуризации в настоящий момент стоит уже достаточно остро. В этой связи нами предприняты попытки исследовать данный вопрос и предложить возможный механизм его решения.

Главной функцией правотворческих органов должно стать не написание и редактирование текстов законов, внесение поправок, контроль за их логичностью и непротиворечивостью, а рассмотрение и отбор подлежащих проведению в законодательстве содержательных идей, разрешение выявленных противоречий между различными общественными интересами и целями, достижение компромиссов и расстановка приоритетов.

Следует решительно отказаться от управленческого метода «проб и ошибок», который до недавнего времени был распространен в отечественной и мировой практике социального управления, но сейчас отвергается из-за высокой стоимости масштабных опытов и катастрофических последствий ошибок социальных экспериментов. В противовес ему надо опираться на научные методы гипотетико-дедуктивного, информационного, математического, эвристического и социального моделирования, прогнозирования и управления общественными процессами [14].

Для управления сложившимися большими системами стало недостаточно классических методов и моделей управления. Все чаще и чаще наблюдается потеря управляемости в различных областях государственной деятельности.

По описанным проблемам может быть достигнуто полное и исчерпывающее решение. Хотелось бы остановиться поподробнее на таком механизме.

Проанализировав причины, авторы настоящей статьи пришли к выводу, что регламентация общественных отношений осуществляется тысячами правовых норм, зачастую безадресных и разрозненных между собой. Способ решения – применение концептуального анализа и концептуального проектирования для создания системы управления нормотворческой деятельностью.

Одними из первых способы формально-логического представления нормативно-правовых документов с целью последующего создания на его основе соответствующих правовых систем, которые принципиально отличаются от справочных тем, что выдают пользователю конкретные рекомендации о его дальнейших действиях, а не тексты целиком, в своей статье рассмотрели Г.И. Иванов, Н.Б. Ельчанинова, А.Э. Саак [11].

Концептуальный анализ и концептуальное проектирование дают возможность сделать сложную и емкую область общественных отношений понятийно доступной и обозримой, и представляют собой многократное последовательное использование определенного спектра приемов, концептуальных схем, операционных технологий и средств автоматизации.

При концептуальном анализе областей общественных отношений целью являются теоретические данные о них, а при концептуальном проектировании – проект управленческого или регуляторного механизма, в нашем случае – законодательства.

За основу концептуальный анализ взял общую теорию систем и системный анализ в адаптированном виде. Системы взаимосвязанных понятий фор-

мально описываются на языке математической теории структур Н. Бурбаки.

Способ концептуального создания текста нормативного правового документа впервые опробован в 1988 году в ЦНИИЭУС Госстроя СССР, что доказало возможность разработки проектов нормативных правовых актов посредством применения ряда специальных процедур.

Правотворческая деятельность, как и любая другая деятельность государства, связанная с реализацией его функций и управлением, должна быть строго упорядочена в рамках некоторой системы по логическим основаниям таким образом, чтобы в эту систему всегда можно было внести изменения в соответствии с новыми запросами государства и общества.

В целях совершенствования управляемости нормативный правовой акт должен обладать совершенной прозрачной структурой, которую можно легко оценить и изменить. При этом необходимо разделить процесс правотворчества с точки зрения идеи и технологий.

Так, совершенно необходимо, чтобы в правотворческом процессе принимали участие несколько групп специалистов:

– представители государства, отвечающие за реализацию его правотворческой функции в контексте конкретной цели и результатов;
– специалисты и правовики (юристы), обладающие специальными познаниями в заданной области законодательства;
– эксперты, досконально знающие проблемы регулируемой сферы деятельности
– логики и концептуалисты, отвечающие за формирование результата посредством концептуального анализа и проектирования.

Таким образом, прежде всего, требуется систематизация всех актов, регулирующих правотворческий процесс, их непротиворечивое объединение в едином документе, регламентирующем данную деятельность.

При этом необходимо создание единой цифровой платформы, внутри которой и должны происходить все процессы по согласованию и принятию нормативных правовых актов.

И, наконец, самым главным аспектом является организация единой (для всех органов государственной власти и иных субъектов нормотворчества) системы, обладающей искусственным интеллектом, специализированной нейросетью, которая бы позволяла исчерпывающим образом выявлять недостатки в законодательстве в целом, в отдельных нормативных правовых актах, подзаконных актах, а также на основе заданных целей регулирования обозначать (подсвечивать) законодательные и иные акты, которые должны быть подвергнуты пересмотру в связи с предлагаемыми изменениями, и, наконец, формировать готовые предложения в проекты нормативных правовых актов.

Представляется очевидным, что внедрение описанного нами механизма правотворчества, как метода реализации управленческой функции государства, неизбежно влечет полное обновление законодательного и нормотворческого процессов.

Литература

1. Новикова А.С. О формах реализации функций государства // Научный журнал КубГА У. 2015. № 113. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-formah-realizatsii-funktsiy-gosudarstva (дата обращения: 21.03.2024).
2. Гринько А.А. К вопросу о формах осуществления функций современного государства // Вестник КГУ. 2020. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-formah-osuschestvleniya-funktsiy-sovremennogo-gosudarstva (дата обращения: 21.03.2024).
3. Панкратов И.С., Баровских М.Д. Правовой анализ функций государства // Юридическая наука. 2023. № 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-analiz-funktsiy-gosudarstva (дата обращения: 21.03.2024).
4. Пожарский Д.В., Радько Т.Н. Функции государства: пределы цифровых технологий // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 2 (62). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/funktsii-gosudarstva-predely-tsifrovyh-tehnologiy (дата обращения: 21.03.2024).
5. Солонченко А.А. О формах осуществления функций государства // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-formah-osuschestvleniya-funktsiy-gosudarstva (дата обращения: 21.03.2024).
6. Арзамасов Ю.Г. Нормография: теория и технология нормотворчества: учебник для вузов [Электронный ресурс] / Ю.Г. Арзамасов [и др.]; под редакцией Ю.Г. Арзамасова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2023. – 542 с. – Режим доступа: https://urait.ru/bcode/512079/p.2 (дата обращения: 26 марта 2023 года).
7. Кордик Д.Н. Понятие и содержание нормотворческой деятельности федеральных органов исполнительной власти: теоретические и правовые аспекты [Электронный ресурс] /Д.Н. Кордик // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2015. – № 5. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-soderzhanie-normotvorcheskoy-deyatelnosti-federalnyh-organov-ispolnitelnoy-vlasti-teoreticheskie-i-pravovye-aspekty (дата обращения: 26 марта 2023 года).
8. Деревянко М.С. О некоторых вопросах реализации нормотворческих полномочий федеральными органами исполнительной власти Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 8А. С. 112–122. DOI: 10.34670/AR.2023.81.83.015.
9. Гвоздецкий Д.С., Залоило М.В. Цифровизация ведомственного нормотворчества как прорывное направление в государственном управ-

лении // Право и государство: теория и практика. 2019. № 10 (178). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-vedomstvennogo-normotvorchestva-kak-proryvnoe-napravlenie-v-gosudarstvennom-upravlenii (дата обращения: 22.03.2024).
10. Аверьянов М.А., Баранова О.В., Кочетова Е.Ю., Сиваков Р.Л. Цифровая трансформация процессов нормативного регулирования: тенденции, подходы и решения // International Journal of Open Information Technologies. 2018. № 11. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-protsessov-normativnogo-regulirovaniya-tendentsii-podhody-i-resheniya (дата обращения: 22.03.2024).
11. Иванов Г.И., Ельчанинова Н.Б., Саак А.Э. Методы формализации нормативно-правовой информации на основе декларативного программирования // Известия ЮФУ. Технические науки. 1998. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metody-formalizatsii-normativno-pravovoy-informatsii-na-osnove-deklarativnogo-programmirovaniya (дата обращения: 22.03.2024).
12. Катрин Е.В. «Цифровизация»: научные подходы к определению термина // Вестник ЗабГ У. 2022. № 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-nauchnye-podhody-k-opredeleniyu-termina (дата обращения: 22.03.2024).
13. Скородумова О.Б. Структурализм и его влияние на философию математики Н. Бурбаки // Научный вестник МГТУ ГА. 2006. № 101. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/strukturalizm-i-ego-vliyanie-na-filosofiyu-matematiki-n-burbaki (дата обращения: 23.03.2024).
14. Сливицкий А.Б. Методология концептуального анализа и синтеза нормативно-правовых актов // Россия: тенденции и перспективы развития. 2021. № 16–2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metodologiya-kontseptualnogo-analiza-i-sinteza-normativno-pravovyh-aktov (дата обращения: 23.03.2024).
15. Кучкаров З.А., Мишенин Д.В. и др. Логический анализ системы понятий (на примере экологического законодательства). Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», кафедра теории права и сравнительного правоведения; Центр инноваций и высоких технологий «Концепт», М.: НИУ ВШЭ, 2013. – 106.
16. Кононенко А.А., Кучкаров З.А., Никаноров С.П., Никитина Н.К. Технология концептуального проектирования. – М.: Концепт. 2004. – 580 с.
17. Экологический кодекс. В части промышленной экологии. Российский союз промышленников и предпринимателей. Комитет по экологии и природопользованию. Некоммерческой партнёрство Центр инноваций и высоких технологий Концепт. Проект Экологического Кодека М.: – 2015. – 66 с.
18. Экологическая промышленная политика российской федерации. комитет по экологии и природопользованию РСПП. М.: 2014. – 77 с. Экологическая Промышленная Политика.

FORMATION OF A MECHANISM FOR REGULATING LAW-MAKING ACTIVITIES OF PUBLIC AUTHORITIES IN THE CONTEXT OF TRANSFORMATION OF THE SYSTEM OF PUBLIC RELATIONS

Kuchkarov Z.A., Derevianko M.S.
MIPT, Ministry of Natural Resources and Ecology of the Russian Federation

The relevance of the topic of the article is due to the importance of improving the quality and effectiveness of the implementation of state functions. Currently, in the context of the rapid development of the state, it is important to quickly and competently, and most importantly, holistically and fully, without gaps and contradictions, regulate the introduced new and dynamically developing social relations. This is a necessary condition for ensuring law and order in society.
The purpose of this study is to propose a mechanism for the systematic improvement of law-making procedures of all public authorities of the Russian Federation.
Research objectives:
– to determine the place of law-making activities of state authorities of the Russian Federation among the forms of implementation of state functions;
– to characterize the activities of the state authorities of the Russian Federation on the creation of legal norms at the present time;
– to show the need to apply new technologies in the process of law-making activities of public authorities of the Russian Federation;
– to give suggestions on improving the processes of law-making activities of public authorities of the Russian Federation.
The results of this study can be used by public authorities at all levels to significantly increase the effectiveness of managerial influence. This is due to the possibility of using conceptual design technology in the creation of legal norms, thanks to which a new mechanism for the unified formation of large complexes of interrelated normative and methodological documents can be built and implemented. The use of this mechanism ensures a rapid, exhaustive, complete, guaranteed consistent, functionally precisely oriented and legally correct formation of these complexes, including documents from the highest levels (Constitution, Laws, Government Resolutions) to grassroots specific methods and instructions, SNIPS, GOST standards and SanPiNs.
To solve these problems, methods of description, expert assessments, induction, generalization, comparison, and a systematic method are used.

Keywords: law-making, rule-making, normative legal act, draft law, conceptual analysis and design.

References

1. Novikova A.S. On the forms of realization of the functions of the state // Scientific journal KubGA U. 2015. No.113. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-formah-realizatsii-funktsiy-gosudarstva (date of appeal: 03/21/2024).
2. Grinko A.A. On the question of the forms of implementation of the functions of the modern state // Bulletin of KSU. 2020. No.1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-formah-osuschestvleniya-funktsiy-sovremennogo-gosudarstva (date of application: 03/21/2024).
3. Pankratov I.S., Barovskikh M.D. Legal analysis of the functions of the state // Legal science. 2023. No.5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-analiz-funktsiy-gosudarstva (date of reference: 03/21/2024).
4. Pozharsky D.V., Radko T.N. Functions of the state: limits of digital technologies // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No.2 (62). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/funktsii-gosudarstva-predely-tsifrovyh-tehnologiy (date of application: 03/21/2024).
5. Solonchenko A.A. On the forms of implementation of the functions of the state // Gaps in Russian legislation. 2017. No.6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-formah-osuschestvleniya-funktsiy-gosudarstva (date of reference: 03/21/2024).
6. Arzamasov Yu.G. Normography: theory and technology of rulemaking: textbook for universities [Electronic resource] / Yu.G. Arzamasov [et al.]; edited by Yu.G. Arzamasov. – 2nd ed., ispr. and add. – M.: Yurayt Publishing House, 2023. – 542

p. – Access mode: https://urait.ru/bcode/512079/p .2 (accessed March 26, 2023).
7. Kordik D.N. The concept and content of the normative activity of federal executive authorities: theoretical and legal aspects [Electronic resource] / D.N. Kordik // Bulletin of the Moscow University. Episode 11. Right. – 2015. – No.5. – Access mode: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-soderzhanie-normotvorcheskoy-deyatelnosti-federalnyh-organov-ispolnitelnoy-vlasti-teoreticheskie-i-pravovye-aspekty (accessed March 26, 2023).
8. Derevyanko M.S. On some issues of the implementation of normative powers by the federal executive authorities of the Russian Federation // Issues of Russian and international law. 2023. Volume 13. No. 8A. pp. 112–122. DOI:10.34670/AR.2023.81.83.015.
9. Gvozdetsky D.S., Zaloilo M.V. Digitalization of departmental rulemaking as a breakthrough direction in public administration // Law and the state: theory and practice. 2019. No.10 (178). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-vedomstvennogo-normotvorchestva-kak-proryvnoe-napravlenie-v-gosudarstvennom-upravlenii (date of application: 03/22/2024).
10. Averyanov M.A., Baranova O.V., Kochetova E.Yu., Sivakov R.L. Digital transformation of regulatory processes: trends, approaches and solutions // International Journal of Open Information Technologies. 2018. No.11. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-protsessov-normativnogo-regulirovaniya-tendentsii-podhody-i-resheniya (date of application: 03/22/2024).
11. Ivanov G.I., Yelchaninova N.B., Saak A.E. Methods of formalization of regulatory information based on declarative programming // News of the Southern Federal University. Technical sciences. 1998. No.1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metody-formalizatsii-normativno-pravovoy-informatsii-na-osnove-deklarativnogo-programmirovaniya (date of reference: 03/22/2024).
12. Katrin E.V. "Digitalization": scientific approaches to the definition of the term // Bulletin of ZabG U. 2022. No.5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-nauchnye-podhody-k-opredeleniyu-termina (date of application: 03/22/2024).
13. Skorodumova O.B. Structuralism and its influence on the philosophy of mathematics N. Bourbaki // Scientific bulletin of MGTU GA. 2006. No.101. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/strukturalizm-i-ego-vliyanie-na-filosofiyu-matematiki-n-burbaki (date of reference: 03/23/2024).
14. Slivitsky A.B. Methodology of conceptual analysis and synthesis of normative legal acts // Russia: trends and prospects of development. 2021. No.16–2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metodologiya-kontseptualnogo-analiza-i-sinteza-normativno-pravovyh-aktov (date of application: 03/23/2024).
15. Kuchkarov Z.A., Mishenin D.V. and others. Logical analysis of the system of concepts (using the example of environmental legislation). National research. Higher School of Economics, Department of Theory of Law and Comparative Law; Center for Innovation and High Technology "CONCEPT", Moscow: Higher School of Economics, 2013. – 106.
16. Kononenko A.A., Kuchkarov Z.A., Nikanorov S.P., Nikitina N.K. Technology of conceptual design. – M.: Concept. 2004. – 580 p.
17. The Environmental Code. In terms of industrial ecology. The Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs. Committee on Ecology and Nature Management. Non-profit partnership Center for Innovation and High Technology CONCEPT. The project of the Ecological Codec M.: – 2015. – 66 p.
18. Environmental industrial policy of the russian federation. committee on ecology and nature management of the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs. Moscow: 2014. – 77 p. Environmental Industrial Policy.

Цифровой суверенитет России в условиях построения мирового информационного общества

Царегородцев Анатолий Валерьевич,
д.т.н., профессор, главный научный сотрудник ИЦТ ФИТиАБД, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
E-mail: anvtsaregorodtsev@fa.ru

Елин Владимир Михайлович
к.п.н., доцент, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: elin_VM@mail.ru

В статье рассматривается научные подходы к понятию цифрового суверенитета, раскрываются обстоятельства, способствующие и ограничивающие построение цифрового суверенитета в Российской Федерации в условиях активного применения информационно-коммутационных технологий. Авторами раскрываются ключевые элементы стратегии построения цифрового суверенитета как в Российской Федерации, так и в зарубежных странах. Проведен анализ российского законодательства, обеспечивающий решения задач построения цифрового суверенитета в России.

Ключевые слова: цифровой суверенитет, информационная безопасность, безопасность критической информационной инфраструктуры.

В настоящее время наша страна прилагает титанические усилия по обеспечению национального государственного суверенитета во всех сферах, подавляя волю и возможности иностранных государств по ограничению возможностей России в проведении независимой внутренней и внешней политики. Именно сейчас представляется уникальная возможность для государства и общества формирования информационной политики, регулирования информационных потоков и обеспечения информационной безопасности Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, т.е. построения цифрового суверенитета.

Так, по мнению, А.К. Жаровой в качестве цифрового суверенитета следует рассматривать способность государства самостоятельно осуществлять функции в сфере информационных отношений, разработки и использования объектов информатизации, информационных систем, сайтов в сети Интернет, сетей связи, информационных технологий, регулирования деятельности субъектов в области формирования и обработки информации, развития и использования названных технологий, обеспечения информационной безопасности, а также регулирования соответствующих общественных отношений[1], обеспечивая тесную взаимосвязь между обеспечением информационной безопасности и обеспечением информационного суверенитета.

Объем совокупных общественных отношений в сфере построения национального цифрового суверенитета включает в себя как отношения по поводу безопасности информационных технологий, так и построения собственной национальной системы взаимодействия информационно-телекоммуникационных посредников, ИТ-компаний, аппаратно-программного комплекса к территории Российской Федерации.

В дальнейшем каждое направления обеспечения цифрового суверенитета может быть подразделено на правовую, технологическую и аппаратно-программную составляющие. По мнению Э.В. Талапиной “технологический суверенитет в первую очередь связан с областью разработки и стандартизации информационных, коммуникационных технологий и преодоления информационного неравенства между развитыми и развивающимися государствами посредством использования информационных технологий”[2].

[1] Жарова А.К. Обеспечение информационного суверенитета Российской Федерации //Юрист, 2021, № 11, с. 78–87

[2] Талапина Э.В. Права человека и цифровой суверенитет // Государственная власть и местное самоуправление, 2020, № 6,

Ряд экспертов придерживаются мнения о многогранности цифрового суверенитета и его связи с уровнем развития национального производства электронных устройств и комплектующих к ним, а также комплекса интегрированных и взаимодополняющих цифровых сервисов[1]. В качестве базовых элементов цифрового суверенитета следует рассматривать: технологический потенциал и независимость государства от внешних поставщиков «высоких технологий», способность обеспечить автономное функционирование национального сегмента цифрового пространства на основе собственной технологической инфраструктуры; способность противостоять, угрозам информационной безопасности, таким как кибератаки, цифровой шпионаж, попытки разрушения объектов национальной инфраструктуры посредством использования цифровых каналов коммуникации; компетентностный аспект цифрового суверенитета включающий в себя способность использования цифровых ресурсов (находится в зависимости от цифровых технологий и инфраструктуры, законодательной и нормативной правовой базы, навыков, умений и компетенций по их использованию); наличие эффективной образовательной компоненты, обеспечивающей подготовку квалифицированных кадров для всех уровней цифровой экономики, способных осуществлять передовые исследования и разработки, находить новые решения в цифровой сфере; политическую составляющую и государственно- управленческий аспект цифрового суверенитета как стратегии развития. Отмечается, что что одним из главных условий, необходимых для формирования и поддержания национального цифрового суверенитета выступает независимая внешняя и внутренняя политика в цифровом пространстве[2].

Российскими учеными отмечается то обстоятельство, что построение цифрового суверенитета в нашей стране осложняется распределенным характером электронных информационных ресурсов и сетей, их принадлежностью зарубежным компаниям и частным владельцам, независимо от того, касается ли это прав собственности на вещные объекты или правообладения правами на результаты интеллектуальной деятельности средства индивидуализации. Закрепление цифрового суверенитета в национальном законодательстве при отсутствии материальных условий для этого будет означать, что цифровой суверенитет государства всегда будет производным от суверенитета компаний – поставщиков IT-ресурса, предоставляющих ему для осуществления функций управления виртуальную платформу и техническую инфраструктуру[3].

При изучении классиков теории сетей и систем передачи данных возникает допущение о том, что имеющиеся теории игнорируют саму возможность обеспечения государственных интересов при построении сетей. Так, по мнению В.Г и Н.А. Олифер, при классификации локальных сетей следует выделять локальные сети на небольшой территории (Local Area Networks, LAN), городские сети (Metropolitan Area Networks, MAN) и глобальные сети (Global, World Area Networks, GAN)[4]. Возникает вопрос, почему между городскими и глобальными сетями не предусматривается дислокация национальных сетей. Представляется, что это сделано сознательно, поскольку интернет мыслился и разрабатывался как военный проект, направленный на обеспечение лидерства США в военной сфере.

Разработка концепции Интернета осуществляло Агентство по перспективным исследованиям

Министерства обороны США (Advanced Research Project Agency, ARPA) в целях обеспечения функционирования компьютерной сети США в случае нанесения по территории массированного ядерного удара[5]. После отработки технологии маршрутизации данных и разработки надлежащих протоколов и стандартов, с переходом с протокола NCP на протокол TCP\IP в середине 80-х годов прошлого века произошло разделение на сети MiNET(Military) и собственно ARPANET, ставший предтечей интернета. При этом, в процессе распространения интернета неоднократно предпринимались попытки осуществлять управление интернетом под контролем международного сообщества[6], однако уже сейчас можно сделать вывод о безуспешности предпринимаемых усилий в данной сфере. Фиаско следует связывать с рядом обстоятельств, таких как ассиметрия власти между национальными государствами и собственниками компонентов информационных технолошгий, (транснациональных компаний с собственной системой правового регулирования, нормами морали и интересами, выходящими за пределы интересов национальных государств, что приводит к перераспределению сил на международное арене[7], поскольку новые акто-

С. 28–36

[1] Собственная аппаратная база, технологические решения в области доставки контента, национальные цифровые платформы (социальные сети, облачные хранилища, мессенджеры, сервисы хранения информации и т.д.), наличие собственных эффективных и высококонкурентных программных продуктов для решения широкого круга задач (национальные операционные системы, инструменты работы с Big Data, программные системы мониторинга, аналитики и прогнозирования, разработки в области искусственного интеллекта и т.д.).

[2] Никонов В.А., Воронов А.С., Сажина В.А., Володенков С.В., Рыбакова М.В. Цифровой суверенитет современного государства: содержание и структурные компоненты (по материалам экспертного исследования) // Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология. 2021. No 60, С. 206–216

[3] Гаврилов Е.О. Цифровой суверенитет в условиях глобализации: философский и правовой аспекты // Вестник КемГ У. Гуманитарные и общественные науки, 2020, 4(2), С. 146–152; DOI: 10.21603/2542-1840-2020-4-2-146-152

[4] Олифер В.Г., Олифер Н.А. Компьютерные сети принципы, технологии, протоколы учебник

[5] Paloque-Berges C., Schafer V. (2019) ARPANET (1969–2019). Internet Histories, vol. 3, no 1, pp. 1–14. Available at: https://doi.org/10.1080/24701475.2018.1560921.

[6] Van Horenbeeck M. (2018) The Future of Internet Governance and Cyber-Security. Computer Fraud & Security, no 5, pp. 6–8. Available at: https://doi.org/10.1016/S1361–3723(18)30042–3.

[7] Nye J.S. (2014) The Regime Complex for Managing Global Cyber Activities. Global Commission on Internet

ры имеют больше возможностей для применения «жесткой» и «мягкой»

силы в киберпространстве, чем в иных областях международной политики ввиду несоразмерности мощи национальных государств (что связано с их традиционной ролью в международных делах) и весьма ограниченными возможностями государственной системы обеспечения информационной безопасности в сфере информационно-коммуникационных технологий.

При этом следует учитывать особенности влияния не только государства (напрямую, через федеральные органы исполнительной власти и опосредованно, через аффилированные структуры) физических и юридических лиц, имеющие собственные интересы в указанной сфере, негосударственных акторов. Особые механизмы влияния функционируют в современном нам киберпространстве за счет адресной системы и технических стандартов (нормам технического регулирования), благодаря которым происходит обработка данных на различных уровнях представления информации. Указанные нормы принимаются и утверждаются казалось бы абсолютно нейтральными организациями, такими как Institute of Electrical and Electronics Engineers (IEEE, I triple E – «Ай трипл и», Институт инженеров электротехники и электроники) – некоммерческая ассоциация, разрабатывающая широко применяемые в мире стандарты, США; DARPA, DOD (Department of Defense), – разработавшие сетевую модель передачи данных TCP/IP от источника информации к получателю, -США; Conseil Européen pour la Recherche Nucléaire ((CERN), ЦЕРН, Европейский совет по ядерным исследованиям, Европейский Центр ядерных исследований); Стэнфордский исследовательский институт; Internet Engineering Task Force (Инженерный совет Интернета, IETF) и т.д. Научные подразделения указанных организаций принимали непосредственное участие в разработке компонентов современных информационных систем, сетей и систем передачи данных. Именно указанные организации обладают надлежащими правами и обеспечивают функционирование интернет и информационных систем на технологическом уровне.

Помимо этого существуют «некоммерческие» организации предоставляющие услуги в интернете, администрирование сервисов интернета, от которых отказаться невозможно, такие как: Корпорация по присвоению доменных имен (ICANN), Общество Интернета (Internet Society, ISOC); Internet Assigned Numbers Authority (IANA) и т.д. Указанные участники не только зарабатывают средства, но и являются локомотивами политики США в киберпространстве.

Дополнительно следует отметить такие механизмы как, например, 13 корневых серверов DNS, обеспечивающих работу корневой зоны DNS в интернет, которые управляются двенадцатью различными организациями (университеты, организации Министерства обороны США, некоммерческие ассоциации), действующими на основании соглашений с Корпорацией по управлению доменными именами и IP-адресами (Internet Corporation for Assigned Names and Numbers, ICANN, «Айкэн»), созданной Правительством США, каковая стала формально независимой международной организацией с 1 октября 2016 года.

Таким образом, в настоящее время в сфере управления интернетом сложилась система технического, правового и финансового регулирования полностью подчиненная интересам США, от которой независимые участники, тем не менее, отказаться не могут.

Поскольку интернет был и остается инструментом доминирования США, постольку встал вопрос кто первым начнет проводить политику обеспечения национального суверенитета в данной сфере. Так, в КНР в конце XX века разработана и начата к внедрению концепция«Великой китайской Интернет-стены» в качестве технической системы контроля и фиксации контента. В основу концепции положены принципы: возможности нацинального суверенитета и полного контроля над национальным сегментом интернета; возможность государственной защиты указанного национального сегмента от любых внешних атак; равенство прав стран на использование ресурсов интернет и невозможность сторонних государств контролировать корневые DNS-серверы, через которые осуществляется доступ к национальному сегменту Интернета[1]. Геополитическое лидерство при этом базируется прорывных технологиях и цифровизации. В 2016 г. в Китае были обнародованы «Закон о кибербезопасности» и «Национальная стратегия безопасности киберпространства», подчеркивающие важность суверенитета и национальной безопасности в киберпространстве, защиты информационной инфраструктуры, борьбы с кибертерроризмом и преступностью.

По всей видимости, после провала попыток осуществить международное сотрудничество в области управления интернетом, в 2019 году в Российской Федерации принят закон, получивший негласное название «Закон о суверенном интернете»[2] направленный на обеспечение безопасности российского сегмента интернет и положивший, по сути, начало формированию национальной системы маршрутизации интернет-трафика, в связи с реальностью угрозы отключения Российского сегмента сети от интернет-трафика.

При этом, законом определен ряд основных направлений, включающие в себя: установку операторами связи государственного оборудования внутри страны и трансграничных линиях связи (точках обмена трафиком) для его анализа и фильтрации (Deep Packet Inspection), причем точки обмена тра-

Governance.

[1] Зиновьева Елена, Яцзе Бай РСМД:: Практика цифрового суверенитета в России и КНР

[2] Федеральный закон от 1 мая 2019 года № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О связи“ и Федеральный закон „Об информации, информационных технологиях и о защите информации“»//СПС Консультант плюс

фиком должны быть внесены в регистр и использоваться в порядке, определенном Правительством Российской Федерации; централизованное управление Рунетом осуществляется исключительно Роскомнадзором, который также ограничивает доступ к запрещенным в России сайтам; в России создается национальная система доменных имен; и в дальнейшем в российском сегменте сети должны проводиться учения для проверки готовности участников.

Новеллой в сфере информационной безопасности выступило принятие ряда норм в области безопасности критической информационной инфраструктуры (далее: КИИ), под которой законодатель понимает информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, автоматизированные системы управления субъектов критической информационной инфраструктуры, а также сети электросвязи, используемые для организации взаимодействия таких объектов[1]. Следует обратить внимание на то, что Законом определены две категории федеральных органов исполнительной власти (ФОИВ): уполномоченного в области обеспечения безопасности КИИ Российской Федерации (Федеральная служба по техническому и экспортному контролю (ФСТЭК России), а также уполномоченного в области обеспечения функционирования государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации (Федеральная служба безопасности Российской Федерации).

В рамках заявленных правоотношений предусмотрено функционирование Государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации (ГосСОПКА), выступающей в качестве SIEM-системы.

В составе ГОССОПКА в качестве SOC-Центра функционирует Национальный координационный центр по компьютерным инцидентам (НКЦКИ), который организует и осуществляет обмен информацией о компьютерных инцидентах в рамках соглашения о качестве оказываемых услуг SLA (Service Level Agreement) с использованием ключевых показателей эффективности KPI (Key Performance Indicators) для команд реагирования SOC-Центров и определенные типы шагов по реагированию на кибератаки, их сдерживанию, локализации и нейтрализации угроз информационной безопасности, которые будут предприниматься командой SOC в рамках обработки инцидентов.

Правительством Российской Федерации установлены[2] Правила категорирования объектов КИИ Российской Федерации, а также Перечень показателей критериев значимости объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации и их значений. Правительство Российской Федерации также определяет правила[3] проведения плановых и внеплановых проверок в области обеспечения безопасности значимых объектов КИИ, а также устанавливает[4] приоритетность категорий сетей электросвязи, которые могут использовать субъекты КИИ для обеспечения функционирования значимых объектов и определяет обязанности оператора связи при подключении значимых объектов к сети связи общего пользования.

Центр ГосСОПКА создается как структурное подразделение организации, ориентированное на решение определенного набора задач по противодействию компьютерным атакам:
- инвентаризация;
- выявление уязвимостей;
- анализ угроз;
- регистрация инцидентов;
- реагирование на инциденты;
- расследование инцидентов;
- анализ результатов реагирования на инцидент.

Центры ГосСОПКА могут быть как ведомственными, так и корпоративными: ведомственные защищают информацию органов государственной власти, а корпоративные – расследуют инциденты в своих системах и могут предоставлять такие услуги на коммерческой основе. Центры ГосСОПКА – это, упрощенно говоря, еще один пример государственного Центра SOC, по аналогии с НКЦКИ. Сразу отметим, что создание своего корпоративного Центра ГосСОПКА потребует не только закупки средств защиты (например, систем SIEM и IRP) и найма специалистов-аналитиков ИБ, но и получения лицензии ФСТЭК России на осуществление деятельности по мониторингу информационной безопасности, а также налаживания взаимодействия с НКЦКИ для обмена информацией об инцидентах КИИ.

Одновременно с принятием закона о безопасности КИИ России разработаны и внесены в Уголовный кодекс Российской Федерации правовые нормы ст. 274.1 УК РФ, предусматривающие ответственность за преступления в отношении компьютерной информации в сфере КИИ РФ. По своей сути содержание ст. 274–1 УК РФ представляет собой переработанные диспозиции ст.ст. 272–274 УК РФ, предполагая в качестве материальных последствий преступления наступление вредоносно-

[1] Федеральный закон от 26.07.2017 N 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»// «Собрание законодательства РФ», 31.07.2017, N 31 (Часть I), ст. 4736

[2] Постановление Правительства РФ от 08.02.2018 № 127 «Об утверждении Правил категорирования объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации, а также перечня показателей критериев значимости объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации и их значений» // «Собрание законодательства РФ», 19.02.2018, N 8, ст. 1204.

[3] Постановление Правительства Российской Федерации от 17.02. 2018 № 162 «Об утверждении Правил осуществления государственного контроля в области обеспечения безопасности значимых объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»

[4] Постановление Правительства Российской Федерации от 08.06. 2019 № 743 «Об утверждении Правил подготовки и использования ресурсов единой сети электросвязи Российской Федерации для обеспечения функционирования значимых объектов критической информационной инфраструктуры» // СПС “Консультант плюс”

го воздействия и причинения вреда и иные противоправные действия в отношении объектов КИИ Российской Федерации. В качестве незаконного деяния определен: незаконный доступ к охраняемой законом информации; использование вредоносного программного обеспечения и нарушение правил функционирования сети ЭВМ. Подход законодателя к построению правовой нормы представляется не совсем оправданным поскольку доспозиция ст. 274.1 УК РФ вступает в противоречие с требованиями Закона «О безопасности КИИ». В диспозиции уголовно-правовой нормы отсутствуют такие ключевые понятия как: «компьютерная атака» или «компьютерный инцидент» в качестве результата атаки.

Таким образом, Закон «О безопасности КИИ» в качестве объекта вредоносного воздействия рассматривает объекты КИИ Российской Федерации и используемые для организации взаимодействия объектов КИИ сети электросвязи. При этом информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, а также автоматизированные системы управления субъектов КИИ, представляют собой объекты КИИ Российской Федерации и не подпадают под охрану нормами уголовного законодательства.

В настоящее время возникает потребность более тщательного подхода к формированию системы уголовного-правового инструментария направленного на обеспечение безопасности КИИ Российской Федерации, направленной, прежде всего, на противодействие компьютерным атакам или компьютерным инцидентам. В основу подхода следует положить необходимость предупреждения и наказания за совершение компьютерных атак на объекты КИИ с учетом разработок федеральных органов исполнительной власти осуществляющих деятельность в данной сфере.

Литература

1. Приказ ФСТЭК России от 20 марта 2012 г. № 28 «Об утверждении требований к средствам антивирусной защиты»

DIGITAL SOVEREIGNTY OF RUSSIA IN THE CONTEXT OF BUILDING A GLOBAL INFORMATION SOCIETY

Tsaregorodtsev A.V., Elin V.M.
Financial University under Government of the Russian Federation

The article examines scientific approaches to the concept of digital sovereignty, reveals the circumstances that promote and limit the construction of digital sovereignty in the Russian Federation in the context of the active use of information and switching technologies. The authors reveal the key elements of the strategy for building digital sovereignty both in the Russian Federation and in foreign countries. An analysis of Russian legislation has been carried out, providing solutions to the problems of building digital sovereignty in Russia.

Keywords: digital sovereignty, information security, security of critical information infrastructure

References

1. Order of the FSTEC of Russia dated March 20, 2012 No. 28 “On approval of requirements for anti-virus protection means”

Сравнительно-правовой анализ санкций за дисциплинарные проступки адвокатов России и Юго-Восточной Азии

Елфимов Дмитрий Борисович,
аспирант, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина
E-mail: dmitry_elfimov@mail.tu

В рамках статьи, посредством применения метода сравнительно-правового исследования, уточнены понятия «дисциплинарная ответственность», «дисциплинарные взыскания» и «дисциплинарные проступки» в контексте российского законодательства. Исследованы концептуальные подходы к понятию «дисциплинарная ответственность адвокатов», ее правовая природа и сущность. Рассмотрены вопросы, касающиеся защиты прав адвокатов и применения санкций за дисциплинарные проступки. Определена роль дисциплинарного проступка в структуре дисциплинарной ответственности. Проанализированы основные аспекты санкций за дисциплинарные проступки в России, а также в странах Юго-Восточной Азии: Вьетнаме, Сингапуре, Индонезии и Камбодже. Проведен сравнительный анализ подходов к понятию «дисциплинарные проступки» и применяемых к ним санкций.

Ключевые слова: дисциплинарная ответственность, дисциплинарные взыскания, дисциплинарные проступки, дисциплинарная ответственность адвокатов, закон «Об адвокатуре».

В течение продолжительного времени в академических кругах активно проводятся дебаты, касающиеся юридической сущности и легитимности критериев, используемых для наложения дисциплинарных взысканий на адвокатов в рамках их профессионального ведения дел [13,14]. Однако возникает вопрос: ограничивается ли область дисциплинарной ответственности только этим? Что, если адвокат не перечисляет взносы в адвокатскую палату субъекта? Так например, Решением Совета Адвокатской палаты Московской области № 01/25–41 от 24 января 2024 «О дисциплинарном производстве № 19–12/23 в отношении адвоката Ю.О.Г. за нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и КПЭА, а именно: пп. 4 и 5 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившегося в неисполнении обязанности по обязательному отчислению средств на общие нужды адвокатской палаты в размере, установленном п.п. 5, 6 Решений XXII очередной конференции адвокатов Московской области от 03.03.2023 года, адвокат привлечен к дисциплинарной ответственности в виде замечания [21].

Практика последних десятилетий показывает, что предпосылками к дисциплинарной ответственности также становятся действия, выходящие за рамки профессиональной деятельности адвокатов, например, неподобающее поведение адвоката в тот момент, когда он не оказывает квалифицированную юридическую помощь [17].

В современной правозащитной практике вопросы привлечения адвокатов к ответственности и защиты их прав приобрели особую значимость и потребовали более глубокого и детального анализа, а также установления пределов дисциплинарной ответственности адвоката, что и обуславливает актуальность исследуемой проблематики.

Понятие «дисциплинарная ответственность» признается аксиомой юридической науки и в разрезе действующего законодательства и правовой теории рассматривается как элемент трудового права Российской Федерации [12]. Анализ трудового законодательства РФ указывает на отсутствие прямой формулировки исследуемого понятия. Основные положения его правовой природы вытекают из главы 30 Трудового кодекса РФ (ТК РФ), согласно которой «дисциплинарную ответственность» следует рассматривать как применение дисциплинарного взыскания в случае, если подтверждается факт совершения дисциплинарно-

го проступка. При этом под «дисциплинарным взысканием» (санкциями) законодатель подразумевает применение одной из мер к нарушителю ТК РФ (замечание, выговор, увольнение), а под «дисциплинарным проступком» – действия, дающие основания для утраты доверия, либо соответственно аморальный проступок совершены работником по месту работы и в связи с исполнением им трудовых обязанностей [1].

Таким образом, несмотря на неприменимость норм трудового права к деятельности адвокатов, восприятие дисциплинарной ответственности видится вполне уместным в данном контексте, о чем свидетельствует наблюдаемая преемственность между нормами о дисциплинарной ответственности работника в ТК РФ (ст. 192) и Кодексе профессиональной этики адвоката (п. 6 ст. 18) в рамках профессиональной деятельности адвокатов, что способствовало формированию понятия «дисциплинарная ответственность адвокатов».

Анализ научной литературы свидетельствует о том, что искомое понятие имеет множество концептуальных подходов.

1. Исследователь Е.О. Бусурина в своей работе 2013 года выразила мнение, что дисциплинарная ответственность, которая возлагается на адвокатов, представляет собой уникальный вид дисциплинарных мер, специфически направленный против адвокатов как особых участников дисциплинарных юридических отношений [6, с. 10]. Этот вид ответственности наступает в случаях, когда адвокат не выполняет или выполняет не должным образом свои профессиональные обязательства. В соответствии с установленными процедурами, это влечет за собой применение определенных дисциплинарных санкций. Таким образом, основанием для возникновения такой ответственности является выполнение адвокатом его профессиональных функций недобросовестно или их полное игнорирование.

2. В. Широян (2022) интерпретирует «дисциплинарную ответственность адвоката» как особую категорию юридической ответственности [17]. Суть данной категории заключается в действиях, предпринимаемых Советом Палаты адвокатов на основании выводов квалификационной комиссии в отношении адвоката, который допустил нарушение дисциплины (п. 9.3 Рекомендаций по рассмотрению дисциплинарных дел в отношении адвокатов от 2022 г). Следовательно, наступление дисциплинарной ответственности является последствием решения, принятого Советом Палаты адвокатов в случае установления и подтверждения дисциплинарного нарушения со стороны адвоката.

Поводами для возбуждения дисциплинарного производства являются: жалоба доверителя или его законного представителя, сообщения от другого адвоката, представления вице-президента адвокатской палаты, представление органа государственной власти, обращение суда (судьи).

После получения информации о возможном нарушении, президент адвокатской палаты субъекта Российской Федерации либо лицо, его замещающее, при наличии достаточных оснований возбуждает дисциплинарное производство и передает дисциплинарное дело в квалификационную комиссию, уполномоченную на проведение разбирательства по обстоятельствам жалобы (представления). По итогам разбирательства квалификационная комиссия готовит заключение по дисциплинарному производству и передает в Совет адвокатской палаты.

Таким образом, Совет адвокатской палаты принимает окончательное решение о наложении дисциплинарного взыскания, однако обнаружение дисциплинарного нарушения может происходить различными способами. Важно подчеркнуть, что ключевым элементом является не только обнаружение нарушения, но и последующее всестороннее разбирательство для подтверждения фактов и определения степени вины адвоката перед принятием решения о дисциплинарной ответственности.

В контексте защитной правовой практики такое нарушение следует оценивать, как действие или бездействие, нарушающее нормы законодательства, регулирующего адвокатскую деятельность, а также принципы Кодекса профессиональной этики адвоката (Далее – КПЭА). Это может быть деяние, совершенное как сознательно, так и вследствие невнимательности, которое бросает тень на репутацию адвоката и понижает престиж адвокатского сообщества. Кроме того, к дисциплинарным нарушениям относятся и действия, связанные с неисполнением или ненадлежащим исполнением профессиональных обязательств перед доверителем, а также несоблюдение решений органов адвокатской палаты.

3. Ш. Ваграм, руководитель «Комиссии по защите прав адвокатов» г. Севастополя, утверждает, что дисциплинарная ответственность представляет собой уникальную форму правовой ответственности, которая относится к определенной категории субъектов правоотношений и связана с внутренним ощущением обязательств и серьезным отношением адвоката к своим обязанностям. С точки зрения возложения ответственности, это специфическая санкция, применяемая к адвокату в установленной процедуре за его несоответствующее выполнение профессиональных задач [20]. При этом автор констатирует, что основанием для наступления дисциплинарной ответственности адвоката является совершение проступка в форме умысла, простой и/или грубой неосторожности. К «простой неосторожности» (небрежности) следует отнести деяния, формально содержащие признаки нарушения (п. 1 ст. 18 КПЭА), но не влекущие за собой последствия, предусмотренные п. 2 ст. 18 КПЭА (в силу малозначительности, не порочащие честь и достоинство адвоката, не умаляющие авторитет адвокатуры и т.д.).

Таким образом, анализ концептуальных подходов к моделированию понятия «дисциплинарная ответственность адвокатов» показал, что, несмо-

тря на существующие отличия в формулировках, следует вывод о том, что «дисциплинарная ответственность адвокатов» – это, во-первых, юридическая ответственность, наступающая в результате совершения проступка, порочащего честь и достоинство адвоката или умаляющего авторитет адвокатуры. Во-вторых, субъектом данного вида ответственности всегда является адвокат. В-третьих, применяемые меры (санкции) за проступок адвоката налагаются органом адвокатской палаты. Следовательно, понятие «дисциплинарная ответственность адвокатов» следует рассматривать как вид юридической ответственности, наступающей в результате совершения адвокатом проступка, который порочит не только честь и достоинство самого адвоката, но и негативно отражается на адвокатском сообществе, а также требующий обязательного реагирования в виде применения санкций.

Таким образом, основными составляющими элементами дисциплинарной ответственности адвокатов являются – дисциплинарный проступок и наложение санкций.

Обзор законодательной и доктринальной основы показал, что санкции, которые накладываются на адвокатов за совершение дисциплинарных проступков, регламентируются рядом нормативных актов:

1. Федеральным законом от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», который с одной стороны, определяет права и обязанности адвоката, с другой стороны, регламентирует исполнительные органы адвокатской палаты, уполномоченные привлекать адвокатов к дисциплинарной ответственности и порядок создания квалификационных комиссий.[2].

2. Кодексом профессиональной этики адвоката, представляющий собой свод правил, регулирующих поведение адвокатов, принципы осуществления их деятельности, а также порядок их привлечения к дисциплинарной ответственности [4]. В рамках данного кодекса в качестве санкций за дисциплинарные проступки адвокатов предусмотрены: а) замечание; б) предупреждение; в) прекращение статуса адвоката.

3. Внутренними актами Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации (далее по тексту – ФПА), (например, «Рекомендации по рассмотрению дисциплинарных дел, утвержденные решением Совета ФПА от 15 декабря 2022 года № 18») (с изменениями и дополнениями, принятыми Комиссией по этике и стандартам Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 18 декабря 2023 г. и утвержденными решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 14 февраля 2024 г., протокол № 11), обобщающие дисциплинарную практику и регулирующие делопроизводство.

Очевидно, что нормативная база, регламентирующая основания и порядок наложения санкций за дисциплинарные проступки адвокатов в России, невелика. Это обусловлено тем, что применение мер дисциплинарных взысканий к адвокату входит в компетенцию исключительно Совета Адвокатской палаты субъекта Российской Федерации (далее по тексту – Совет АП).

Такое делегирование прав Совета АП по наложению санкций за дисциплинарные проступки адвокатов поддержал и Конституционный Суд Российской Федерации. В своем Определении от 17 июня 2013 года № 907-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Балдакова Игоря Васильевича на нарушение его конституционных прав подпунктом 4 пункта 1 статьи 7 и пунктом 2 статьи 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» Конституционный Суд Российской Федерации определил, что адвокатура является профессиональным сообществом адвокатов и возложение на адвоката обязанности соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката и решения органов адвокатской палаты, а также наделение адвокатской палаты правом прекращения статуса адвоката направлены на обеспечение адвокатуры квалифицированными специалистами, обладающими высокими профессиональными и морально-нравственными качествами.

Анализ содержания правовой природы санкций за дисциплинарные проступки адвокатов показал, что ответственность в виде «замечания» и «предупреждения» формально не имеет принципиальных отличий в последствиях, которые влечет их применение. Исследования М.А. Жениной (2009) указывают на то, что в случае их наложения для адвокатов не наступают никаких неблагоприятных последствий. Кроме того, автор подчеркнула, что и в дальнейшем поведении адвоката наложение ранее этих санкций не учитывается и не имеет никакого значения [10]. То есть, за одно и то же нарушение решение о повторном применении замечания или предупреждения может приниматься бесконечное количество раз.

Кроме того, стоит отметить, что по своей правовой природе отсутствует фактическое отличие между замечанием и предупреждением, то есть помимо факта их наложения для адвоката никаких значимых для него последствий не наступает.

Неоднородность применения санкций за дисциплинарные проступки подтверждает практика даже в пределах адвокатской палаты одного субъекта. Так например, решением Совета адвокатской палаты Ленинградской области по дисциплинарному производству № 58/23, возбужденному в отношении адвоката К. в связи с неисполнением им обязанности по уплате обязательных ежемесячных отчислений на нужды АП ЛО и ФПА РФ на протяжении четырех месяцев применена мера дисциплинарного характера в виде предупреждения. При этом адвокат К. длительное время не исполняет обязанности по уплате ежемесячных отчислений на нужды адвокатской палаты Ленинградской области без уважительных причин. Задолженность погашена [22].

Кроме того, при аналогичных обстоятельствах адвокату Л. объявлено также предупреждение в рамках дисциплинарного производства № 99/23, при этом задолженность погашена в полном объеме [22].

Таким образом, анализируя вышеуказанные примеры, установлено, что при нарушении обязанностей адвокатом по уплате ежемесячных отчислений на нужды адвокатской палаты объявляется предупреждение.

Вместе с тем, в соответствии с преобладающим большинством решений Совета адвокатской палаты Ленинградской области при обстоятельствах, изложенных выше, при погашении задолженности адвокатам объявляется замечание.

Кроме того, в вышеуказанном реестре решений Совета адвокатской палаты Ленинградской области за I полугодие 2023 года, в рамках дисциплинарного производства № 43/23 статус адвоката К. прекращен сроком на 1 год в связи с неисполнением им обязанности по уплате обязательных ежемесячных отчислений на нужды АП ЛО на протяжении 5 месяцев.

Таким образом, при аналогичных нарушениях адвокатами могут применяться различные меры дисциплинарного характера: замечание, предупреждение, прекращение статуса адвоката. При таких обстоятельствах следует вывод, что при неоднородности применения таких мер нарушается единообразие применения мер дисциплинарной ответственности.

Для сравнения, мы проанализировали применение санкций за дисциплинарные нарушения адвокатов в странах Юго-восточной Азии:

1. Социалистическая республика Вьетнам. Адвокатская деятельность во Вьетнаме регламентируется законом № 65 «Об адвокатуре» от 2006 года Согласно данному закону вьетнамским адвокатам коллегией адвокатов накладываются следующие виды взысканий: выговор, замечание, приостановление членства в адвокатской палате на срок от 6 до 24 месяцев, исключение из списка членов адвокатской палаты [11, 23]. Основания для использования данных санкций являются: параллельное оказание юридической помощи двум сторонам по делу, побуждение подсудимого к даче ложных документов и доказательств и к незаконным действиям, разглашение сведений, полученных в рамках профессиональной деятельности, обман клиента. Кроме того, нарушения могут включать в себя запросы адвокатом дополнительных финансовых средств от доверителя, взаимодействие с участниками судебного разбирательства и государственными служащими с целью подрыва процессуального права.

2. Республика Сингапур. Исследования Д.Б. Елфимова (2023) установили, что в Сингапуре решения о допустимости и необходимости проведения разбирательства по факту нарушений в адвокатской практике принимаются Верховным судом. Дисциплинарная ответственность сингапурских адвокатов зависит от применяемой модели адвокатуры, которые в большей мере обусловлены коммерческими интересами по принципу деятельности американской адвокатской системы. Дисциплинарная ответственность адвокатов в Сингапуре регламентируется «Правилами профессиональной деятельности (профессионального поведения) адвоката от 2015 года», которые акцентируют внимание на нравственной стороне вопроса адвокатской деятельности и «Законом о юридической профессии», определяющим правовое положение адвокатов. Анализ данных нормативных документов показал, что в рамках адвокатской деятельности к адвокатам применяются следующие санкции: а) предупреждение (порицание); б) отстранение от практики на срок более 5 лет; в) выплата штрафа в размере не более ста тысяч долларов США [9, 16].

3. Республика Индонезия. Исследователи (Я. Риянто, С.Варка и Х. Хуфрон; 2020) утверждают, что в Индонезии нет четкого и твердого законодательного регулирования вопросов по злоупотреблению прав адвокатов с юридической точки зрения. При этом с позиции правовой теории существует множество концепций и доктрин, касающихся юридических злоупотреблений в сфере адвокатуры. Социологи также подтверждают, что индонезийская адвокатская практика имеет достаточно много случаев злоупотребления при реализации адвокатской практики. Опираясь на юридические, социологические, теоретические и философские аспекты индонезийской адвокатской деятельности, автор пришел к выводу, что злоупотребление служебным положением адвоката в Индонезии обусловлено следующими признаками [11]:

а) юридическая помощь оказывается адвокатом;

б) оказываемая юридическая помощь соответствуют установленным профессиональным стандартам, но характеризуются нарушением «фидуциарного» обязательства адвоката (адвокат не исполнил свои обязательства по договору об юридических услугах, или предоставил их в грубом нарушении нормам действующего законодательства и кодексу поведения адвокатов);

в) действия адвоката носят противоправный характер;

г) доверитель понес убытки от оказания адвокатом юридических услуг.

Индонезийская адвокатская практика выделяет две группы дисциплинарного взыскания: за незначительные проступки адвокатов предусмотрены дисциплинарные взыскания, за значимые проступки – от незамедлительного увольнения до уголовной ответственности. Как следствие, на практике в Индонезии существует три формы ответственности: нравственная ответственность, юридическая ответственность и административная ответственность [11].

4. Королевство Камбоджа. В Камбоджийском законе «Об адвокатуре» от 1995 года закреплено, что адвокат, который нарушает профессиональные правила или совершает какие-либо действия,

затрагивающие этику или честь адвокатов, подлежит дисциплинарному взысканию, даже если такое действие было совершено за пределами выполнения его или ее профессиональной деятельности [5]. В рамках закона адвокаты обязаны соблюдать абсолютную конфиденциальность, под которой следует понимать: консультации, советы и неофициальные документы, подготовленные адвокатом для своего клиента, а также переписка, пересылаемая между адвокатом и его клиентом. Нарушение конфиденциальности влечет за собой применение следующих санкций: а) предупреждение, б) обвинение, в) запрет на занятие профессией на срок не более 2 лет; г) исключение из списка адвокатов или из списка подготовки адвокатов или лишение звания «Почетный юрист». При этом закон предусматривает, что наложенное наказание может быть дополнено дополнительным наказанием в виде запрета, а решение о наложении наказания подлежит публикации в СМИ.

Таким образом, сравнительный анализ подходов к санкциям за дисциплинарные проступки адвокатов России и стран Юго-Восточной Азии показал, что существует ряд принципиальных различий в санкциях дисциплинарной ответственности в Российской Федерации и стран Юго-Восточной Азии. В законодательстве Российской Федерации предусмотрен исчерпывающий список санкций: замечание, предупреждение, прекращение статуса адвоката.

В то время как в странах Юго-Восточной Азии предусмотрен ряд отличных от российского законодательства санкций таких как выговор, приостановление членства в адвокатской палате на срок от 6 до 24 месяцев (Вьетнам), порицание, штраф в размере до 100 000 долларов США (Сингапур), запрет на адвокатскую деятельность на срок не более 2-х лет, в худшем случае – исключение из списка адвокатов и лишение звания «Почетный юрист» (Камбоджа).

В заключение, необходимо констатировать, что в российской системе санкций за дисциплинарные проступки отсутствуют промежуточные предупредительно-профилактические меры, которые способствовали бы существенному влиянию на поведение адвокатов и их отношение к своим обязанностям, а также к росту профессиональных качеств адвокатского состава в целом, к таким мерам можно отнести штраф в размере, установленный Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации.

Кроме того, за ряд нарушений, которые совершались впервые и не связаны с правовой поддержкой доверителя таких, например, как ненадлежащее уведомление об изменении членства в адвокатской палате одного субъекта Российской Федерации на членство в адвокатской палате другого субъекта Российской Федерации, применять меру дисциплинарного характера в виде приостановлении статуса адвоката на срок от 6 до 12 месяцев, при повторном случае – до 36 месяцев и приостановлении статуса адвоката за незначительные проступки.

Литература

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 04.08.2023, с изм. от 24.10.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2023). URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения 28.11.2023).
2. Федеральный закон от 31.05.2002 N 63-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ». URL: https://sudact.ru/ (дата обращения 28.11.2023).
3. Определение Конституционного Суда РФ от 17 июня 2013 г. № 907-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина И.В. Балдакова на нарушение его конституционных прав подпунктом 4 пункта 1 статьи 7 и пунктом 2 статьи 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». URL: https://www.garant.ru (дата обращения 28.11.2023).
4. Кодекс профессиональной этики адвоката, (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003) (ред. от 15.04.2021). URL: https://sudact.ru/ (дата обращения 28.11.2023).
5. Закон о коллегии от 1995 г. (принят Национальной ассамблеей Королевства Камбоджа) // Сборник законов Камбоджи, том I, 1995. 16 с.
6. Бусурина Е.О. Дисциплинарная ответственность адвоката в правозащитной деятельности: автореферат дис. … кандидата юридических наук: 12.00.11 / Бусурина Елена Олеговна; [Место защиты: Моск. гос. юрид. акад. им. О.Е. Кутафина]. Москва, 2013. 30 с.
7. Гудалина В. Адвокат из Якутска лишился работы из-за пьяной езды в Самарской области, 2013. URL: https://tolyatty.ru/text/criminal/2023/03/28/72169484/ (дата обращения 28.11.2023).
8. Гурьев А. Прекращение статуса адвоката с последующими ограничениями. 2021. URL: https://zakon.ru/blog/2021/4/4/prekraschenie_statusa_advokata_s_posleduyuschimi_ogranicheniyami (28.11.2023).
9. Елфимов Д.Б. Дисциплинарная ответственность адвокатов в Сингапуре / Д.Б. Елфимов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 9. С. 129–133.
10. Женина М.А. Теоретические и практические проблемы дисциплинарной ответственности адвоката: диссертация … кандидата юридических наук: 12.00.11 / Женина Мария Александровна; [Место защиты: Рос. акад. адвокатуры и нотариата]. Москва, 2009. 232 с.
11. Зрелов А.П., Правовое регулирование адвокатской деятельности в социалистической республике Вьетнам / А.П. Зрелов // Адвокат. 2007. № 10. С. 88–100.
12. Орловский Ю.П. Трудовое право в 2 т. Том 2. Особенная часть. Международно-правовое регулирование труда: учебник для бакалавриата и магистратуры / Ю.П. Орловский [и др.];

ответственный редактор Ю.П. Орловский. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2019. 506 с.
13. Пипиленко Ю.С. К вопросу о пределах дисциплинарной ответственности адвоката / Ю.С. Пипиленко // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина, 2014. № 1 (1). С. 38–47.
14. Сысоева Т.В. Некоторые вопросы, связанные с дисциплинарной ответственностью в отношении адвокатов / Т.В. Сысоева // Право и государство: теория и практика. 2023. № 11(227). С. 211–212.
15. Риянто Я. Профессия адвоката по врачебной халатности в Индонезии / Я. Риянто, С. Варка, Х. Хуфрон // Международный журнал мультикультурного и мультирелигиозного взаимопонимания. 2020. № 7(8). С. 477–483.
16. Официальный сайт Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации / XI Всероссийский съезд адвокатов. URL: https://fparf.ru/fpa-rf/congress/xi-vserossiyskiy-sezd-advokatov/ (дата обращения 28.11.2023).
17. Широян, В. Дисциплинарная ответственность адвоката в аспекте определения формы вины / Адвокатская газета, 2022. URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/distsiplinarnaya-otvetstvennost-advokata-v-aspekte-opredeleniya-formy-viny/ (дата обращения 28.11.2023).
18. Официальный сайт Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации / XI Всероссийский съезд адвокатов. URL: https://fparf.ru/fpa-rf/congress/xi-vserossiyskiy-sezd-advokatov/ (дата обращения 28.11.2023).
19. Официальный сайт Коллегия адвокатов Республики Хакасия / Дисциплинарная ответственность адвоката. URL: https://rulawer.ru/disciplinarnaja-otvetstvennost-advokata (дата обращения 28.11.2023).
20. Официальный сайт Органа Федеральной палаты адвокатов РФ / Дисциплинарная ответственность адвоката в аспекте определения формы вины. URL: https://www.advgazeta.ru/ mneniya/distsiplinarnaya-otvetstvennost-advokata-v-aspekte-opredeleniya-formy-viny/ (дата обращения 28.11.2023).
21. Официальный сайт Адвокатской палаты Московской области. URL: https://apmo.ru/distsiplinarnaya-praktika/resheniya-soveta/ (дата обращения 20.05.2024).
22. Официальный сайт Адвокатской палаты Ленинградской области. URL: https://aplo.fparf.ru/documents/chamber/dokumenty-soveta-ap-lo-/reestr-resheniy-soveta-ap-lo-za-2023-goda-/ (дата обращения 20.05.2024).
23. База данных юридических документов ICC. URL: https://www.legal-tools.org/doc/a1b3b6/ (дата обращения 20.05.2024).

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF SANCTIONS FOR DISCIPLINARY OFFENSES OF LAWYERS IN RUSSIA AND SOUTHEAST ASIA

Elfimov D.B.
Moscow State Law University named after O.E. Kutafina

Within the framework of this article, through the use of the method of comparative legal research, the concepts of «disciplinary liability», «disciplinary sanctions» and «disciplinary offenses» in the context of Russian legislation are clarified. Conceptual approaches to the concept of «disciplinary liability of lawyers», its legal nature and essence have been studied. Issues related to the protection of the rights of lawyers and the application of sanctions for disciplinary offenses are considered. The role of disciplinary offense in the structure of disciplinary liability is determined. The main aspects of sanctions for disciplinary offenses in Russia, as well as in the countries of Southeast Asia: Vietnam, Singapore, Indonesia and Cambodia are analyzed. A comparative analysis of approaches to the concept of «disciplinary offenses» and the sanctions applied to them is carried out.

Keywords: disciplinary liability, disciplinary sanctions, disciplinary offenses, disciplinary liability of lawyers, law «On the Bar».

References

1. Labor Code of the Russian Federation dated December 30, 2001 N 197-FZ (as amended on August 4, 2023, as amended on October 24, 2023) (as amended and supplemented, entered into force on September 1, 2023). URL: https://www.consultant.ru/ (accessed November 28, 2023).
2. Federal Law of May 31, 2002 N 63-FZ (as amended on July 24, 2023) “On advocacy and the legal profession in the Russian Federation.” URL: https://sudact.ru/ (accessed November 28, 2023).
3. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated June 17, 2013 No. 907-O “On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen I.V. Baldakov for violation of his constitutional rights by subparagraph 4 of paragraph 1 of Article 7 and paragraph 2 of Article 17 of the Federal Law “On Advocacy and the Bar in the Russian Federation.” URL: https://www.garant.ru (accessed November 28, 2023).
4. Code of Professional Ethics for Lawyers (adopted by the First All-Russian Congress of Lawyers on January 31, 2003) (as amended on April 15, 2021). URL: https://sudact.ru/ (accessed November 28, 2023).
5. Law on the College of 1995 (adopted by the National Assembly of the Kingdom of Cambodia) // Collection of laws of Cambodia, volume I, 1995. 16 p.
6. Busurina E.O. Disciplinary liability of a lawyer in human rights activities: abstract of dissertation. … Candidate of Legal Sciences: 12.00.11 / Busurina Elena Olegovna; [Place of protection: Moscow. state legal acad. them. O.E. Kutafina]. Moscow, 2013. 30 p.
7. Gudalina V. A lawyer from Yakutsk lost his job due to drunk driving in the Samara region, 2013. URL: https://tolyatty.ru/text/criminal/2023/03/28/72169484/ (access date 11/28/2023).
8. Guryev A. Termination of the status of a lawyer with subsequent restrictions. 2021. URL: https://zakon.ru/blog/2021/4/4/prekraschenie_statusa_advokata_s_posleduyuschimi_ogranicheniyami (11/28/2023).
9. Elfimov D.B. Disciplinary liability of lawyers in Singapore / D.B. Elfimov // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2023. No. 9. pp. 129–133.
10. Zhenina M.A. Theoretical and practical problems of disciplinary liability of a lawyer: dissertation … candidate of legal sciences: 12.00.11 / Zhenina Maria Aleksandrovna; [Place of protection: Ros. acad. legal profession and notary office]. Moscow, 2009. 232 p.
11. Zrelov A.P., Legal regulation of advocacy in the socialist republic of Vietnam / A.P. Zrelov // Lawyer. 2007. No. 10. P. 88–100.
12. Orlovsky Yu.P. Labor law in 2 volumes. Volume 2. Special part. International legal regulation of labor: a textbook for undergraduate and graduate studies / Yu.P. Orlovsky [etc.]; executive editor Yu.P. Orlovsky. 2nd ed., revised. and additional M.: Yurayt, 2019. 506 p.
13. Pipilenko Yu.S. On the issue of the limits of disciplinary liability of a lawyer / Yu.S. Pipilenko // Bulletin of the O.E. Kutafin University, 2014. No. 1 (1). pp. 38–47.
14. Sysoeva T.V. Some issues related to disciplinary liability against lawyers / T.V. Sysoeva // Law and State: Theory and Practice. 2023. No. 11(227). pp. 211–212.
15. Riyanto Y. Profession of a lawyer in medical negligence in Indonesia / Y. Riyanto, S. Varka, H. Hufron // International Journal of

Multicultural and Multireligious Understanding. 2020. No. 7(8). pp. 477–483.
16. Official website of the Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation / XI All-Russian Congress of Lawyers. URL: https://fparf.ru/fpa-rf/congress/xi-vserossiyskiy-sezd-advokatov/ (accessed November 28, 2023).
17. Shiroyan, V. Disciplinary liability of a lawyer in the aspect of determining the form of guilt / Lawyer's newspaper, 2022. URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/distsiplinarnaya-otvetstvennost-advokata-v-aspekte-opredeleniya-formy-viny/ (access date 11/28/2023).
18. Official website of the Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation / XI All-Russian Congress of Lawyers. URL: https://fparf.ru/fpa-rf/congress/xi-vserossiyskiy-sezd-advokatov/ (accessed November 28, 2023).
19. Official website of the Bar Association of the Republic of Khakassia / Disciplinary liability of a lawyer. URL: https://rulawer.ru/disciplinarnaja-otvetstvennost-advokata (accessed November 28, 2023).
20. Official website of the Body of the Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation / Disciplinary liability of a lawyer in the aspect of determining the form of guilt. URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/distsiplinarnaya-otvetstvennost-advokata-v-aspekte-opredeleniya-formy-viny/ (accessed November 28, 2023).
21. Official website of the Moscow Region Bar Association. URL: https://apmo.ru/distsiplinarnaya-praktika/resheniya-soveta/ (date accessed 05/20/2024).
22. Official website of the Leningrad Region Bar Association. URL: https://aplo.fparf.ru/documents/chamber/dokumenty-soveta-ap-lo-/reestr-resheniy-soveta-ap-lo-za-2023-goda-/ (accessed 05.20.2024).
23. ICC Legal Document Database. URL: https://www.legal-tools.org/doc/a1b3b6/ (accessed 05/20/2024).

Формирование системы принципов правового регулирования общественных отношений экосистемы цифровой экономики

Ерошов Владислав Анатольевич,
ассистент кафедры информационного права и цифровых технологий, Саратовской государственной юридической академии
E-mail: vladislav@spravedlivost64.ru

Цифровизация пронизывает все общество она появилась в конце 20 века и принесла с собой трансформацию общественных отношений. В ходе данной трансформации появилось новое явление цифровая экономика. Данное исследование посвящено экосистеме цифровой экономики, а именно принципам правового регулирования, которые должны стать основой для создания эффективной регулятивной среды. Цель работы рассмотреть экосистему цифровой экономики и предложить ряд принципов, которые будут основополагающими началами правового регулирования экосистемы цифровой экономии. Методология исследования построена на системно-структурном и сравнительно-правовом подходах. В работе предлагается 12 следующих принципов правового регулирования экосистемы цифровой экономики: Технологический суверенитет России, баланс интересов и потребностей всех участников цифровой экосистемы, открытость, безопасность, гибкость и адаптивность, стабильность, стимулирования поддержка конкуренции, риск-ориентированный подход, человека-ориентированность, отсутствие ограничения выбора и приоритет отечественных экосистем. Предлагаемые в исследование принципы в настоящий момент времени соответствует новым вызовам, пришедшим вместе с появлением цифровой экономики, и должны стать основой для строительства эффективной экосистемы цифровой экономики, что позволит нашему государству быть в мировых лидерах.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровизация, принципы, цифровая экосистема, стратегия развития, информационное общество.

Введение

В конце 20 века в мире начала происходить трансформация общественных отношений, обусловленная новым на тот момент явлением цифровизацией. Л.И. Сергеев даёт следующее определение цифровизации – это внедрение современных цифровых технологий в различные сферы жизни и производства [8, с. 6]. Благодаря данному явлению, общество на данный момент существует в эпоху повсеместного использования цифровых технологий. Ученные назвали цифровизацию основой 4-й промышленной революции [11, с. 24] основной инструмент данной революции интернет его используют повсеместно для различных целей начиная от поиска информации заканчивая банковскими переводами и онлайн подписанием документов. Цифровизация затронула все виды отношений, и экономические в том числе, активное использование цифровых технологий в экономической сфере привело к появлению цифровой экономики. Цифровая экономика новое явление, которое принесло с собой трансформацию системы общественных отношений, вследствие использования таких новых инструментов, как облачные сервисы и хранилища, система блокчейн, искусственный интеллект, цифровые платформы и т.д. Несмотря на то, что цифровая экономика только появилась она уже включена в государственную политику указом президента от 9 мая 2017 года № 203 «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [1] такое быстрое включение цифровой экономики в государственный приоритет обусловлен тенденциями развития цифровых технологий в мире.

Появление цифровой экономики для ученых юристов поставило задачу в виде создания объективной регулятивной среды, в которой будут учтены все особенности цифровой экосистемы и всех ее элементов. Это среда должна найти баланс сочетания в себе интересов общества, государства, бизнеса и остальных участников цифровой экономики с комфортными условиями развития и внедрения цифровых технологий. Нахождения баланса между всеми участниками цифровой экономики затрудняет создание эффективной регулятивной среды из-за фактора разности понимания данного баланса в научном мире. Для создания эффективной регулятивной среды необходимо выработать систему принципов, на которых она будет базироваться.

Вопрос правового регулирования и создания системы принципов цифровой экосистемы уже активно изучается ученными и находит свое от-

ражение в работах: В.А. Вайпна [3], Е.П, Губина, М.А. Егоровой [4], С.В. Зубарева [5], А.А. Карцхия [6], М.Н. Конягина [7], Л.И. Сергеева [8], Л.Н. Соловьевой [9], И.В. Чернова [10] и у многих других.

Несмотря на то, что данная тема активно изучается ученные еще, не смогли ввести в научный оборот ряд принципов регулирования цифровой экосистемы и тем самым данный вопрос остается без ответа.

Все вышеизложенное говорит о необходимости проведения дополнительных изысканий на обозначенную тему.

Цель исследования заключается в предложение ряда принципов, на которых будет основываться регулирование экосистемы цифровой экономике.

Методология работы включает в себя системно-структурный, сравнительно-правовой подходы.

Основная часть

Цифровая экономика это новое явление, которое своим приходом вызвала необходимость переосмысления ряда правовых принципов и предложения новых принципов регулирования экономических отношений. Правовое регулирование экономической деятельности построено на базовых принципах финансового и гражданского права, но многие учёные, к примеру В.А. Вайпан говорят о том, что «Необходимо применять к отношениям, складывающимся в сферах цифровых технологий, специальные принципы характерные сугубо для этого вида отношений» [3 с. 15–35]. Данный подход имеет ряд неоспоримых преимуществ в виде создания новой специальной системы принципов, которая создаст необходимые начала и баланс в вопросах правового регулирования экосистемы цифровой экономике его поддерживает и М.А. Егорова [4].

Важно отметить, что институт правового регулирование цифровой экономики в России только зарождается, большим толчком вперёд для его развития стало Послание Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина, направленное в 2019 году Федеральному Собранию, в котором он обозначил научно-технологическое развитие страны приоритетом государства и сказал уделить особое внимание цифровой экономике. Для выполнения задач, которые есть в данном послании Государственной думе и Федеральному Собранию предстоит выполнить огромный пласт работы по настройке российского законодательства в соответствии с новыми технологическими реалиями. Для этого необходимо будет: оперативно принимать законы, которые будут помогать быстрому развитию цифровой экономики. В.В. Путин отмечает важность не ограничивать перспективы цифровой экономики, а стимулировать ее [2].

Для ответа на вопрос, какие принципы должны регулировать экосистему цифровой экономике необходимо понять, что данная экосистема представляет из себя для этого обратимся к Указу президента от 9 мая 2017 года № 203 «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» согласно, которому экосистема цифровой экономики это – партнерство организаций, обеспечивающее постоянное взаимодействие принадлежащих им технологических платформ, прикладных интернет-сервисов, аналитических систем, информационных систем органов государственной власти Российской Федерации, организаций и граждан [1]. Из данного определения можно выделить основные идеи законодателя по вопросу экосистемы цифровой экономики, согласно которым она должна строиться на партнёрстве и постоянном взаимодействие всех ее участников, а ее участниками могут быть, как организации и государство, так и обычные граждане. При этом, согласно данному определению, законодатель понимает важность организаций в экосистеме цифровой экономики обусловленную тем, что различные технологии такие как технологические платформы, интернет-сервисы и аналитические системы могут принадлежать организациям. На практике так и происходит у организаций у первых очень часто появляются новейшие технологии, к примеру у «Яндекса» и «Сбера» уже есть свои собственные цифровые экосистемы, работающие на алгоритме искусственного интеллекта.

Проведя анализ понятие экосистемы цифровой экономики, можно предположить ряд принципов, которые будут помогать развитию цифровых рынков, развитию экосистем, и они станут базисом, на котором будет основываться правовое регулирование цифровой экономики:

1. Технологический суверенитет России данный принцип должен быть основополагающим, в настоящее время виден тренд на деглобализация государств считающимися мировыми лидерами. Например, Китай уже имеет полностью закрытую цифровую экосистему внутри своего государства следствии чего их компании создающие цифровые технологии и продукты, несмотря на огромное количество санкций, применяемых к ним, научились быть конкурентоспособными на рынке пример такой компании это Хуавей, находящаяся в мировых лидерах своей сферы. О важности технологического суверенитета говорят и последние события, когда наши бывшие партнеры нарушили все подписанные договора в попытке навредить нашему государству. Согласно данному принципу России должна сама обеспечивать себя цифровыми технологиями и не зависть от других государств, что в свою очередь будет способствовать развитию отечественных компаний;

2. Баланс интересов и потребностей всех участников цифровой экосистемы. Данный принцип исходит из определения экосистемы цифровой экономики, согласно которому ее важным аспектом является партнерство всех ее участников, а без учета интересов всех сторон мы не сможем достичь эффективного функционирования цифровой экосистем в целом так, как при нарушения баланса в пользу какого либо участника цифровой экосистемы, это даст ему преимущество над остальными участниками, что приведёт к невозможности

на равных выстраивать партнёрские отношения. Поэтому при создание новой регулятивной среды для цифровой экономики, так важно учитывать интересы и потребности всех ее участников;

3. Открытость, направленная на оптимизацию диалога государства с субъектами цифровой экосистемы. Основной двигатель цифровой экономики – это частный сектор он же и непосредственный ее субъект, к примеру такие компании, как СБЕР и Яндекс создают большинство новых технологий и продуктов, на которых базируется цифровая экосистема, а это только две компании из большого числа субъектов цифровой экономики разного масштаба. Поэтому так важно построить, открытый диалог государства и всех субъектов цифровой экосистемы, который поможет быстро выявлять проблемы, которые существуют в данной сфере и предлагать варианты их решения.

4. Безопасность цифровых платформ. В определение экосистемы цифровой экономики, говорится о том, что у ее субъектов есть свои технологические платформы включая в том, числе цифровые платформы, которыми пользуются обычные граждане. Это означает, что пользователи должны быть защищены и чувствовать, себя в безопасности, в первую очередь это касается их персональных данных, которые, к сожалению, на данный момент не на всех цифровых платформах надежно защищены вследствие, сего происходят частые утечки. Из-за которых не все пользователи доверяют цифровым технологиям, чтобы это исправить владельцам цифровых платформ необходимо, уделять большее значение безопасности своих платформ;

5. Гибкость и адаптивность, способствующие стабильности нормативного регулирования в условиях изменяющихся цифровых технологий. Современные технологии развиваются в очень быстром темпе еще несколько лет назад мы и представить не могли, что почти у каждого человека будет возможность общаться с искусственным интеллектом, давать ему задания и он будет эффективно их выполнять, как пример студент, которому дипломную работу написал чат GPT, это только один аспект развития цифровых технологий поэтому так важна гибкость и адаптивность нормативного регулирования данных технологий, которые являются основной цифровой экономики;

6. Стабильность и непрерывность функционирования, способствующие устойчивости цифровой экосистемы к изменению условий и внедрению инноваций. Экосистема цифровой экономики, пронизывает все общественные отношения вследствие чего от ее работа напрямую отражается на всем обществе. Физические и Юридические лица уже привыкли пользоваться онлайн платежами, документооборотом, возможность быстро зыкать почти любую справку через портал Госуслуг и т.п;

7. Стимулирование экосистем, согласно данному принципу, государство напрямую заинтересованно в развитие цифровых экосистем путем налоговых льгот, государственных грантов, льготных условий кредитования и т.д. данные стимулирования помогут развивать экосистемы быстрее и привлекать новые инвестиции в них, что в свою очередь приведет к лидирующим позиция нашего государства в мире цифровых технологий;

8. Приоритет национальных экосистем этот принцип тесно связан с такими принципами, как принцип технологического суверенитета, стимулирования и принципа поддержки конкуренции его сущность в создание в первую очередь благоприятных условий для отечественных продуктов и компаний путем налоговых льгот, стимулирования через выделения грандов. О важности данного принципа говорят последние события, когда большинство зарубежных компаний просто ушло с нашего рынка в попытке навредить экономики России в следствие ухода данных компаний пользователи из нашей страны, столкнулись с массой неудобств в сфере цифровых технологий. Поэтому так важно развивать в первую очередь национальные цифровые экосистемы и создавать для них наилучшие условия.

9. Поддержка конкуренции, конкуренция двигатель прогресса в любой сфере. Основная задача данного принципа не дать одной из компаний стать монополистом на рынке цифровых технологий, это принцип тесно связан с принципом баланса интересов, в нем одну из ключевых ролей занимает ФАС. Для понимания важности данного принципа можно обратиться к зарубежному опыту, так в Китае в 2019–2020 годах было огромное количество исков к трем компаниям, а именно Alibaba, JD.com и Tencent ставшими монополистами рынка, они использовали свое доминирующие положение для получения сверх выгоды в ущерб интересам граждан и государства, что повлекло ужесточения в антимонопольного законодательства в Китае;

10. Риск-ориентированный подход правового регулирования экосистемы цифровой экономики, согласно этому подходу у государства будет правовой рычаг давления в случаях возникновения угроз безопасности общества от цифровых технологий. Данный принцип обуславливается, активным развитием искусственного интеллекта;

11. Человеко-ориентированность, согласно данному принципу, использование цифровых технологий в том числе и искусственный интеллект, не должно вредить людям, так как у человека есть приоритет над цифровыми технологиями и нельзя нарушать его права и свободы в том, числе путем цифрового контроля над ним.

12. Отсутствие ограничения выбора потребителя, согласно данному принципу, потребитель должен сам решать, каким цифровыми экосистемами, цифровыми платформами и продуктами пользоваться. Потребитель должен иметь возможность свободно переходить с одной платформы на другую без ущерба своим интересам, а компании недолжны создавать дискриминирующие условия для потребителя.

Заключение

Принципы – это основополагающие начала, на базисе которых должна существовать цифровая экосистема, поэтому так важно разработать эффективную принципы, которые будут основой, для строительства адекватного правового регулирования экосистемы цифровой экономики и самой цифровой экономики. Принципы, которые предлагаются в работе на данный момент времени отвечают новым вызовам, пришедшим вместе с цифровой экономикой при этом это всего лишь варианты, которые законодатель может сделать основой на свое усмотрение. Экосистема цифровой экономики продолжает активно развиваться и приносит с собой все больше новых продуктов, которые не так давно считались выдумкой фантастов поэтому так сложно выработать принципы и создать адекватную регулятивную среду об этом еще в 2019 году сказал глава Минэкономразвития РФ М.С. Орешкин «законодательство в сфере цифровой экономики – это качественно новая сущность. Прорывные технологии очень чувствительны к регуляторным ошибкам, поэтому так долго и тяжело идет поиск баланса интересов»

Литература

1. Указ Президента РФ от 09.05.2017 г. N 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»
2. Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»
3. Вайпан В.А., Егорова М.А. Проблемы создания цифровой экосистемы: правовые и экономические аспекты. М.: Юстицинформ, 2021. 15–35 с
4. Егорова М.А. Основные подходы к формированию моделей нормативного регулирования отношений в сфере цифровых технологий// Актуальные проблемы современного права и экономики Европы и Азии: кол. Монография. М.: Юстицинформ, 2018. С. 133–134.
5. Зубарев С.М. Правовые риски цифровизации государственного управления // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 6. С. 28
6. Карцхия А.А. Цифровая трансформация права // Мониторинг правоприменения. 2019. № 1 (30). С. 27
7. Конягина М. Н., Основы цифровой экономики. М., 2022. С. 30.
8. Сергеев, Л.И. Цифровая экономика. М., 2022. С. 6
9. Соловьева Л.Н. Цифровая идентичность как новый вид идентичности человека информационной эпохи // Общество: философия, история, культура. 2018. № 12 (56). С. 41
10. Чернов И.В. Цифровизация как тенденция развития современного общества: специфика научного дискурса // Гуманитарий Юга России. 2021. № 1. С. 124.
11. Шваб К. Технологии четвертой промышленной революции. М., 2018. С. 24

FORMATION OF A SYSTEM OF PRINCIPLES OF LEGAL REGULATION OF PUBLIC RELATIONS IN THE DIGITAL ECONOMY ECOSYSTEM

Eroshov V.A.
Saratov State Law Academy

Digitalization permeates the entire society; it appeared at the end of the 20th century and brought with it a transformation of social relations. During this transformation, a new phenomenon, the digital economy, emerged. This study is devoted to the ecosystem of the digital economy, namely the principles of legal regulation, which should become the basis for creating an effective regulatory environment. The purpose of the work is to consider the digital economy ecosystem and propose a number of principles that will be the fundamental principles of legal regulation of the digital economy ecosystem. The research methodology is based on system-structural and comparative legal approaches. The work proposes the following 12 principles of legal regulation of the digital economy ecosystem: Technological sovereignty of Russia, balance of interests and needs of all participants in the digital ecosystem, openness, security, flexibility and adaptability, stability, incentives, support for competition, risk-based approach, human-centeredness, no restrictions choice and priority of domestic ecosystems. The principles proposed in the study at this moment in time correspond to the new challenges that came along with the advent of the digital economy, and should become the basis for building an effective ecosystem of the digital economy, which will allow our state to be among the world leaders.

Keywords: digital economy, digitalization, principles, digital ecosystem, development strategy, information society.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation dated May 9, 2017 N 203 “On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030”
2. Decree of the President of the Russian Federation dated July 21, 2020 No. 474 “On the national development goals of the Russian Federation for the period until 2030”
3. Vaypan V.A., Egorova M.A. Problems of creating a digital ecosystem: legal and economic aspects. M.: Justitsinform, 2021. 15–35 s.
4. Egorova M.A. Basic approaches to the formation of models of normative regulation of relations in the field of digital technologies // Current problems of modern law and economics of Europe and Asia: coll. Monograph. M.: Justitsinform, 2018. pp. 133–134.
5. Zubarev S.M. Legal risks of digitalization of public administration // Current problems of Russian law. 2020. No. 6. P. 28
6. Kartskhia A.A. Digital transformation of law // Monitoring of law enforcement. 2019. No. 1 (30). P. 27
7. Konyagina M.N., Fundamentals of digital economics. M., 2022. P. 30.
8. Sergeev, L.I. Digital economy. M., 2022. P. 6
9. Solovyova L.N. Digital identity as a new type of human identity in the information era // Society: philosophy, history, culture. 2018. No. 12 (56). P. 41
10. Chernov I.V. Digitalization as a trend in the development of modern society: the specifics of scientific discourse // Humanitarian of the South of Russia. 2021. No. 1. P. 124.
11. Schwab K. Technologies of the fourth industrial revolution. M., 2018. P. 24

Процессуальные формы дистанционного доступа к правосудию

Кабацкая Елизавета Алексеевна,
аспирант, кафедра организации судебной и правоохранительной деятельности Российского государственного университета правосудия,
E-mail: el.kabatskaya@gmail.com

Внедрение коммуникационных технологий в судебную деятельность привело к трансформации судебных институтов и появлению нового правового феномена «дистанционный доступ к правосудию». Дистанционный доступ к правосудию представляет собой возможность обращения к суду, совершения процессуальных действий и получения информации на расстоянии от здания суда через автоматизированные информационные системы (цифровые платформы). В настоящей статье рассматриваются процессуальные аспекты дистанционного доступа к правосудию. Предметом исследования являются правовые нормы и практика России и отдельных зарубежных стран по применению автоматизированных информационных систем и цифровых платформ правосудия. На основании проведенного анализа автором определены процессуальные формы дистанционного доступа к правосудию, сформулированы предложения по совершенствованию правового регулирования дистанционного участия в судебных заседаниях, обосновывается необходимость организации дистанционного доступа к правосудию на всех этапах судопроизводства.

Ключевые слова: доступ к правосудию, цифровая платформа правосудия, видеоконференц-связь, веб-конференция, судебная деятельность.

Построение электронного государства и цифровизация государственной власти обуславливают потребность современного общества в дистанционном доступе к правосудию. Критерием эффективности правовой защиты в условиях построения цифровой среды выступает электронная доступность судов [1].

Доступ к правосудию в дистанционном формате – это гарантированная государством возможность граждан осуществить право на судебную защиту, включая, обращение к суду, участие в судопроизводстве и совершение процессуальных действий в определенных, установленных законодателем, формах, на расстоянии от здания суда с использованием автоматизированных информационных систем (цифровых платформ).

Настоящий этап развития дистанционного доступа к правосудию характеризуется многообразием автоматизированных информационных систем и сервисов (Далее – АИС), что объясняет различие форм дистанционного доступа к правосудию в зависимости от вида судопроизводства, звена судебной системы и особенностей конкретного дела.

В Верховном Суде система автоматизации судопроизводства обеспечена АИС Верховного Суда Российской Федерации, состоящей из информационной системы «Судебный документооборот и делопроизводство Верховного Суда Российской Федерации», официального сайта Верховного Суда, информационных систем «Мой арбитр», «Картотека арбитражных дел», «Банк решений арбитражных судов».

В Конституционном Суде функционирует система для подачи документов в электронном виде «Обращение в КС РФ», АИС «Судопроизводство».

На федеральном уровне для судов общей юрисдикции действует Государственная автоматизированная система «Правосудие», для судов общей юрисдикции города Москвы создана Комплексная информационная система судов общей юрисдикции города Москвы.

Работа арбитражных судов организована через совокупность сервисов: «Мой арбитр», «Картотека арбитражных дел», «Банк решений арбитражных судов», «Электронный страж», «Календарь судебных заседаний», «Перерывы в судебных заседаниях», «Информирование о графиках рассмотрения дел в арбитражном суде».

В системе мировых судей наблюдается различная практика в регионах. АИС «Организация делопроизводства мирового судьи» функционирует на 44 участках мировых судей Республики Мордовия, в Санкт-Петербурге Государственная информационная система «Автоматизация деятельности

судебных участков мировых судей», в Москве АИС «Единое информационное пространство мировых судей города Москвы».

В четвертом квартале 2024 года запланирован запуск суперсервиса «Правосудие онлайн». Суперсервис обеспечит интеграцию уже существующих автоматизированных информационных систем и сервисов судебной системы и инфраструктуры электронного правительства в единую технологическую платформу, которая станет безопасным и открытым пространством для осуществления процессуальных действий и отправления правосудия в электронном виде.

На основании анализа действующих АИС и процессуального законодательства, нами выделены следующие **процессуальные формы дистанционного доступа к правосудию**.

Дистанционное обращение в суд

О востребованности дистанционного обращения к суду говорит судебная статистика: за 2023 год в суды поступило более 9 млн документов в электронном виде, количество обращений через систему ГАС «Правосудие» превысило 5 млрд[1].

Дистанционное обращение в суд включает в себя направление исковых заявлений, ходатайств и других процессуальных документов в электронном виде. Правовое регулирование дистанционного обращения в суд установлено процессуальными кодексами, регламентом Конституционного Суда, приказами Судебного департамента[2] и предусмотрено для всех видов судопроизводства.

Обращение в суд в электронном виде равнозначно обращению в суд в традиционной форме, однако является более доступным, способствует уменьшению временных и финансовых затрат лиц, участвующих в деле. Учитывая то, что не все граждане РФ обеспечены должным уровнем информационной грамотности и наличием цифровых средств, особую роль приобретает возможность дистанционного обращения в суд через многофункциональные центры.

Говоря о зарубежной практике, интересными представляется опыт Казахстана, где дистанционное обращение в суд организовано через электронный информационный сервис «Судебный кабинет», который действует на базе единого веб-портала «Электронное правительство»[3]. Стороны могут не только направить документы в суд в электронном виде, но и оплатить государственную пошлину через личный кабинет.

Дистанционное участие в судебных заседаниях

Дистанционное участие в судебных заседаниях представляет собой возможность участвовать в судебном заседании и совершать процессуальные действия на расстоянии от здания суда, в котором рассматривается дело с применением программно-технических средств. Два способа дистанционного участия (видеоконференц-связь и веб-конференция) разработаны для того, чтобы позволить заинтересованным лицам участвовать в судебном разбирательстве без физического присутствия в зале суда, тем самым облегчая доступ к правосудию и обеспечивая судопроизводство ов в цифровой среде.

Дистанционное участие в судебных заседаниях приравнено к непосредственному (физическому присутствию) в судебном заседании, с предоставлением участвующим лицам всех процессуальных гарантий. Для обеспечения дистанционного участия сторон в судебном заседании установлено два условия: 1) техническая возможность в судах; 2) ходатайство заинтересованного лица или инициатива суда об этом.

Согласно последним статистическим данным, в 2023 году было проведено в общей сложности 490 000 заседаний с использованием видеоконференций, а еще 611 000 заседаний с использованием веб-конференций[4]. Важно подчеркнуть, что правоприменитель отождествляет понятия «видеоконференц-связи» и «веб-конференции», исходя из информации Верховного Суда[5] и официальных отчетов Судебного департамента[6].

Однако нам представляется, что данные понятия не являются тождественными и имеют ряд существенных отличий.

Процессуальные аспекты использования видеоконференц-связи и веб-конференции урегулированы разными правовыми нормами[7].

[1] Число обращений через ГАС «Правосудие» превысило 5 млрд. URL: https://pravo.ru/news/250241/ (дата обращения: 09.01.2024).

[2] См.: Порядок подачи в Верховный Суд РФ документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, утв. приказом Председателя Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 46-П; Регламент Конституционного Суда РФ, Порядок подачи в арбитражные суды Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, утв. приказом Судебного департамента от 28.12.2016 № 252; Порядок подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, утв. приказом Судебного департамента от 27.12.2016 № 251; Порядок подачи мировым судьям документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, утв. приказом Судебного департамента от 11.09.2017 № 168.

[3] Технические требования к электронному документу и Правила его обращения в автоматизированной информационной системе суда, утв. приказом Руководителя Департамента по обеспечению деятельности судов при Верховном Суде Республики Казахстан (аппарата Верховного Суда Республики Казахстан) от 29 июля 2020 года № 18. URL: https://sud.gov.kz/rus/content/ob-utverzhdenii-tehnicheskih-trebovaniy-k-elektronnomu-dokumentu-i-pravil-ego-obrashcheniya (дата обращения: 09.11.2023).

[4] Число обращений через ГАС «Правосудие» превысило 5 млрд. URL: https://pravo.ru/news/250241/ (дата обращения: 09.01.2024).

[5] Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2020–2022 годы // URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 05.12.2023).

[6] Информация Верховного Суда РФ от 20 апреля 2020 г. «Верховный Суд России внедряет новый вид судебного производства». URL: http://base.garant.ru/73920796/ (дата обращения: 13.08.2023).

[7] См.: Регламент организации применения видеоконференц-связи в федеральных судах общей юрисдикции, утв. приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ

Видеоконференц-связь в отличии от веб-конференции требует личного присутствия гражданина в суде, оказывающем содействие, а также требует участия двух судов при проведении одного судебного заседания (суд, рассматривающий дело и суд, оказывающий содействие), что возлагает дополнительную нагрузку на судебный аппарат и судей.

Видеоконференц-связь доступна для всех видов судопроизводства, технология веб-конференции применяется ограничено только в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве и обеспечивает участие заинтересованных лиц в судебном заседании через электронную платформу. Участнику судебного процесса достаточно иметь доступ к компьютеру, оснащенному видеокамерой и микрофоном, или, в качестве альтернативы, смартфон с аналогичными функциями для беспрепятственного подключения.

Концепция дистанционного участия в судебных слушаниях по своей сути основывается на фундаментальном принципе свободы выбора, согласно которому заинтересованные стороны обязаны подать заявление на судебное разбирательство с использованием технологий веб-конференций и видеоконференций, тем самым прямо заявляя о своем добровольном согласии и согласии на цифровое разбирательство без какого-либо принуждения или принуждения со стороны судебных органов.

Дистанционное участие в судебных заседаниях основано на принципе свободы выбора, согласно которому заинтересованные стороны ходатайствуют о проведении заседания с использованием технологий веб-конференций или видеоконференций, тем самым прямо заявляя о своем добровольном согласии на цифровое разбирательство без какого-либо принуждения.

В качестве примера интересными представляются практические указания для судов в Сингапуре[1], в соответствии с которыми урегулированы технические, процессуальные и этические аспекты слушаний посредством видеоконференций или телефонных конференций с использованием утвержденной технологии удаленной связи.

Веб-конференция может стать полноценной заменой традиционной видео-конференц-связи, поскольку обеспечивает удобство и экономичность судебного разбирательства.

Однако высказываются опасения относительно психологического влияния веб-конференции на стороны и суд. В Китае было проведено исследование, которое показало трудности, возникающие при оценке достоверности показаний свидетелей (суд более позитивно оценивают внешность свидетеля, когда показания даются лично, а не в видеоформате) [2]. Было доказано, что плохое освещение, ракурс камеры и тюремные условия могут повлиять на восприятие судьей подсудимого как менее и/или более опасного. Кроме того, дистанционная коммуникация влияет на восприятие судьей сторон и свидетелей, в частности, вербальный, визуальный, жестовой аспекты воспринимаются иначе, чем при физическом контакте.

Дистанционный доступ к материалам судебного дела

В соответствии со статьей 228 АПК РФ упрощенный порядок производства по делу предусматривает ознакомление с материалами дела в электронном виде в режиме ограниченного доступа.

Однако отсутствует правовое регулирование процесса ознакомления с делом в режиме ограниченного доступа. Исходя из судебной практики, код доступа к материалам дела направляется участникам процесса в определении о принятии искового заявления к производству или на электронную почту, код доступа действует ограниченное время (24 часа)[2]. Чтобы восстановить доступ к делу, необходимо подать ходатайство об ознакомлении с материалами дела в электронном виде и дождаться его одобрения.

В некоторых случаях арбитражные суды предоставляют доступ к материалам дела при рассмотрении дела в общем порядке. Ознакомиться можно только с теми документами, которые были поданы в электронном виде, так как только они автоматически загружаются в картотеку арбитражных дел.

Дистанционный доступ к материалам судебного дела требует правовой регламентации и внедрения такой процессуальной возможности в другие виды судопроизводства. Примером может послужить опыт Индии, где организована национальная сеть судебных данных (NJDG), которая является централизованной базой данных, объединяет информацию о делах из судов по всей стране, позволяя сторонам в судебном процессе и адвокатам получать доступ к материалам дела в режиме онлайн[3].

Дистанционное исследование и представление доказательств

Проведение судебного заседание в дистанционной форме требует обеспечения возможности представления и исследования доказательств онлайн

от 28.12.2015 № 401; Инструкция по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации (первой, апелляционной и кассационной инстанций), утв.постановлением Пленума ВАС РФ от 25.12.2013 № 100). Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 30.12.2023).

[1] State Courts Practice Directions 2014. URL: https://epd2014-statecourts.judiciary.gov.sg/part-i-introduction (дата обращения: 26.05.2023).

[2] См.: Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 20.01.2023 № 05АП-6861/2022 по делу № А51–11813/2022 – URL: https://kad.arbitr.ru/Card/b08f9f51–0d09–418a-b06f-a78e995a8017 (дата обращения: 30.12.2023).

[3] E-committee Supreme Court of India, «Policy and Action Plan Document Phase II of the ECourts Project». URL: https://sci.gov.in/pdf/ecommittee/PolicyActionPlanDocument-PhaseII-approved-08012014-indexed_Sign.pdf (дата обращения: 23.02.2024).

в судебном заседании. На данном этапе развития электронного правосудия, стороны могут исследовать только те доказательства, которые были заблаговременно, до начала судебного заседания, представлены в суд. Мгновенный обмен документами между лицами, участвующими в деле и судом не обеспечен, что ограничивает право граждан на судебную защиту.

Для того, чтобы дистанционное участие в судебных заседаниях было настолько же эффективно, как и очное присутствие, необходимо разработать рекомендации по исследованию, проверке достоверности доказательств, представленных в судебных заседаниях онлайн. В связи с этим особо актуальным остается вопрос об организации исследования и представления доказательств непосредственно во время веб-конференции и мгновенного обмена документами между участниками процесса и судом через техническую платформу.

Такая возможность уже реализована в Китае с помощью платформы «Обмен доказательствами и перекрестный допрос» [3]. Электронную копия доказательств загружается через платформу смарт-суда, а другие стороны получают загруженные доказательства в режиме реального времени. В ходе судебного разбирательства стороны процесса демонстрируют суду и другим сторонам подлинные доказательства через видеокамеру. Некоторые суды требуют, чтобы оригиналы доказательств были отправлены суду, если возникают сомнения в дистанционном исследовании доказательств.

На основании изложенного, автором определены следующие процессуальные формы дистанционного доступа к правосудию: дистанционное обращение в суд; дистанционное участие в судебных заседаниях; дистанционный доступ к материалам судебного дела; дистанционное исследование и представление доказательств.

На настоящем этапе развития электронного правосудия не обеспечен полный цикл дистанционного доступа, как в техническом, так и в правовом поле, что в некоторых случаях возлагает дополнительную нагрузку на судебный аппарат и увеличивает время рассмотрения дела.

Уровень дистанционного доступа различается в зависимости от звена судебной системы, от вида судопроизводства, а также от особенностей конкретного дела. Создание суперсервиса «Правосудие онлайн» должно привести к унификации практики применения форм дистанционного доступа к правосудию во всех видах судопроизводства.

Литература

1. Бурдина Е.В. Цифровой доступ к суду в Российской Федерации: проблемы правового регулирования // Российский судья. 2022. № 10. С. 49–53.
2. Tang. Z. Smart Court in Cross-border Litigation. 2023. – URL: https://conflictoflaws.net/2021/virtual-hearing-in-chinas-smart-court/ (дата обращения: 06.01.2024).
3. Wang Z. Chew M. A new way to justice? Multimodal meaning construction in videoconferencing technology-based online criminal courts in China // Social Semiotics. 2023. – URL: https://doi.org/10.1080/10350330.2023.2247354 (дата обращения: 10.01.2024).

PROCEDURAL FORMS OF REMOTE ACCESS TO JUSTICE

Kabatskaya E.A.
Russian State University of Justice

The introduction of communication technologies into judicial activity has led to the transformation of judicial institutions and the emergence of a new legal phenomenon “remote access to justice”. Remote access to justice is an opportunity to address the court, perform procedural actions and receive information at a distance from the courthouse through automated information systems (digital platforms). This article discusses the procedural aspects of remote access to justice. The subject of the study is the legal norms and practice of Russia and certain foreign countries on the use of automated information systems and digital platforms of justice. Based on the analysis carried out, the author defines the procedural forms of remote access to justice, formulates proposals for improving the legal regulation of remote participation in court sessions, justifies the need to organize remote access to justice at all stages of legal proceedings.

Keywords: access to justice, digital justice platform, video conferencing, web conference, judicial activities.

References

1. Burdina E.V. Dgital access to the court in the Russian Federation: Problems of Legal Regulation // Russian judge. 2022. № 10. pp. 49–53. (in Russian).
2. Tang. Z. Smart Court in Cross-border Litigation. 2023. – URL: https://conflictoflaws.net/2021/virtual-hearing-in-chinas-smart-court/ (date accessed: 06.01.2024).
3. Wang Z. Chew M. A new way to justice? Multimodal meaning construction in videoconferencing technology-based online criminal courts in China // Social Semiotics. 2023. – URL: https://doi.org/10.1080/10350330.2023.2247354 (date accessed: 10.01.2024).

Неправомерность шпионажа с точки зрения международного права: аспекты защиты суверенитета государства

Никифоров Илья Евгеньевич,
аспирант кафедры публичного права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения
E-mail: i.nikiforov@outlook.com

Рассмотрен вопрос о правомерности шпионажа с точки зрения международного права. Доводы о его правомерности опровергнуты. Сделан вывод, что данное действие подрывает суверенитет государств. Кроме того, нынешняя международно-правовая система позволяет квалифицировать шпионаж как противоправное поведение. Отсутствие специальных норм международного права по шпионажу не означает, что это поведение не подлежит регулированию со стороны международного права. Также рассмотрен вопрос о том, нарушает ли шпионаж в сети «Интернет» суверенитет государства, и где находится допустимый порог такого несанкционированного вмешательства, ведь шпионаж сам по себе не сопровождается каким-либо физическим ущербом потерпевшей стороне. Разные государства по-разному реагируют на такое вмешательство. Для одних достаточно просто несанкционированного факта проникновения в принадлежащие ему сети (Франция, Иран), другие считают, что границы допустимого и недопустимого еще не до конца определены. Перечислены достоинства и недостатки таких подходов.

Ключевые слова: шпионаж, суверенитет, вмешательство во внутренние дела государства, международное право, Интернет.

В традиционном понимании шпионаж представляет собой сбор информации разведывательного характера. Первоначально такую информацию собирали торговцы, миссионеры и путешественники. «Сбор сведений происходил разным способом, как открытым, визуальным, так и с помощью подкупа, шантажа тех лиц, которые обладали необходимыми данными. Иногда нужную информацию приносили добровольные осведомители или перебежчики из неприятельской армии» [1]. До настоящего времени сотрудники спецслужб ряда стран используют дипломатическое прикрытие для своей деятельности. Государства всегда использовали технический прогресс для разработки более эффективных методов шпионажа, поэтому неудивительно, что с момента своего появления киберпространство стало использоваться в этих целях. Интернет предоставляет шпионам поистине впечатляющие возможности для своей деятельности. Во-первых, в нем хранится большой объем информации, представляющей интерес. Во-вторых, Интернет, обеспечивая анонимность, позволяет шпионам получать доступ к конфиденциальной информации с минимальной вероятностью быть раскрытыми. В-третьих, даже если личность шпиона будет раскрыта, шпионаж может осуществляться удаленно и вне юрисдикции иностранного государства, что делает его относительно безрисковым видом деятельности.

В центре нашего внимания находится вопрос о правомерности шпионажа с точки зрения международного права. Хотя ни одно международное соглашение шпионаж не оправдывает, также нет и документа, однозначно запрещающего его. Это придает шпионажу видимость законной деятельности: раз шпионаж существовал на протяжении всей истории человечества и никак не запрещен, его следует считать сложившейся практикой т.е. правилом в международных отношениях, обычной нормой международного права. Следовательно, данное поведение государства не противоречит международному праву. Также есть мнение о допустимости шпионажа, так как он якобы способствует соблюдению государствами своих международных обязательств. Современное международное общество сталкивается с целым рядом сложных угроз, и справиться с этим оно может только в том случае, если его члены тесно и эффективно сотрудничают друг с другом. Преимущество шпионажа заключается в том, что он позволяет государствам проверять, выполняют ли другие государства свои международные обязательства. И если в процессе слежки это подтверждается, значит, между ними

возникает чувство доверия и открывается перспектива расширения сотрудничества. Следовательно, шпионаж способствует поддержанию международного мира и безопасности, и поэтому международное право должно демонстрировать терпимость к данному виду деятельности [2]. Поэтому кибершпионаж следует воспринимать правильно, а именно как инструмент поддержания международной стабильности.

Считаем, что ни с первым, ни вторым аргументом согласиться нельзя. Несмотря на свою неурегулированность, шпионаж может быть квалифицирован имеющимися в настоящее время правовыми нормами как деяние, противоречащее международному праву. Помимо территориального суверенитета, государства имеют суверенитет экономический. Сегодня способность государства защитить свой суверенитет – важнейшие аспекты своей государственности – зависит не только от контроля над его границами, но также от контроля над его экономикой. Угрозы экономическим аспектам целостности государства все чаще возникают через киберпространство. Из этого следует, что суверенитет также запрещает внешние попытки посягать на национальное экономическое пространство государства, в том числе предпринимаемые в киберпространстве. Идея экономического суверенитета прослеживается в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, а именно в

- принципе о невмешательства во внутренние дела государства и принципе равноправия и самоопределения народов («… всякие угрозы, направленные против … его экономических … основ, являются нарушением международного права», «Ни одно государство не может ни применять, ни поощрять применение экономических, … мер или мер любого иного характера с целью добиться подчинения себе другого государства в осуществлении им своих суверенных прав и получения от этого каких бы то ни было преимуществ…» [3])
- Принципе равноправия и самоопределения народов («… все народы имеют право свободно … осуществлять свое экономическое … развитие, и каждое государство обязано уважать это право в соответствии с положениями Устава» [3]).

Есть еще несколько положений данного документа, смысл которых не демонстрирует никакой толерантности к шпионажу: «напоминая об обязанности государств воздерживаться в своих международных отношениях от … экономической или какой-либо другой формы давления, направленного против политической независимости или территориальной целостности любого государства»; «государства осуществляют свои международные отношения в экономической, социальной, культурной, технической и торговой областях в соответствии с принципами суверенного равенства и невмешательства».

Также в практике Международного Суда ООН имеются решения на тему принципа уважения государственного суверенитета, а также принципа невмешательства государства во внутренние дела другого государства. Таким решением является, в частности, решение Международного суда ООН от 27 июня 1986 года по делу «О военной и военизированной деятельности в Никарагуа и против Никарагуа (Никарагуа против Соединенных Штатов Америки)» [4]. Суд признал в действиях США на территории Никарагуа и против Никарагуа прямые нарушения обязательств США в рамках международного обычного права не вмешиваться во внутренние дела другого государства, не использовать силу против другого государства и не нарушать его суверенитет, а также не препятствовать мирной морской торговле. Этот вывод поддерживает норму о том, что государство является суверенным в своем экономическом, а не только территориальном, пространстве и что принцип невмешательства приводит к запрету на вмешательство государства в экономическую деятельность другого государства. Таким образом, экономический суверенитет, вытекающий из решения суда, налагает на государства обязательства воздерживаться от вмешательства в деятельность экономических субъектов частного сектора посредством использования тактики принуждения, что может теоретически включать в себя кибершпионаж. Поэтому шпионаж в киберпространстве следует рассматривать как форму принуждения и (или) недопустимого вмешательства как во внутренние, так и во внешние дела государства.

Наконец, еще один довод в пользу противозаконности кибершпионажа – нормы об ответственности государств. Международно-правовая система позволяет государствам принимать меры самопомощи, когда они становятся жертвами международно-противоправных действий. В частности, международное право разрешает государствам принимать контрмеры в той мере, в какой это необходимо для побуждения государства-нарушителя к соблюдению закона и ответственного поведения [5].

Таким образом, имеющиеся нормы международного права позволяют нам сказать о том, что данное поведение государств ему противоречит. Хищение конфиденциальной информации государства подрывает его способность принимать решения и, по сути, ставит под угрозу его суверенную власть. Исходя из принципа суверенного равенства, государства осуществляют суверенную власть над всеми субъектами, находящимися под их юрисдикцией. Таким образом, шпионаж представляет собой вмешательство во внутренние дела государства.

Аргумент о том, что шпионаж способствует поддержанию мира и безопасности, также не выдерживает критики. Во-первых, в кибершпионаже не прослеживается традиции поддержания международного мира и безопасности, о сохранении которых государства должны заботиться. Если тра-

диционный шпионаж еще возможно интерпретировать через призму безопасности и глобальной стабильности, так как знание государства о военном потенциале своих противников позволяет ему застраховаться от угрозы или предотвратить ее, то польза для глобальной безопасности, которую дает кибершпионаж, явно не прослеживается. Наиболее часто такое поведение обусловлено мотивами экономического характера: заполучить нужные технологии, инновации или передовой опыт.

Во-вторых, тайный сбор конфиденциальной информации, осуществляемый без согласия сторон, подрывает принцип суверенного равенства государств, порождает недоверие и враждебность, и не способствует развитию сотрудничества. Он может стать барьером на пути сотрудничества и тем самым препятствовать усилиям государств по устранению угроз международному миру и безопасности. В качестве примера можно привести случай, связанный с раскрытием Эдвардом Сноуденом информации о том, что США регулярно осуществляли кибершпионаж в отношении Бразилии. В ответ на это президент Бразилии Дилма Русеф отменила запланированную встречу с представителями администрации Обамы в Вашингтоне для обсуждения вопросов региональной безопасности в Северной и Южной Америке. Вместо этого она отправилась в Нью-Йорк и официально осудила деятельность АНБ (агентства национальной безопасности) перед Генеральной Ассамблеей ООН. При этом она объяснила, что кибершпионаж посягает на государственный суверенитет, что, в свою очередь, препятствует эффективному межгосударственному сотрудничеству: «Дружественные правительства и общества, которые стремятся построить настоящее стратегическое партнерство, как в нашем случае, не могут позволить повторяющимся незаконным действиям происходить так, как будто это нормально. Они неприемлемы» [6]. При таком рассмотрении возникает убедительное нормативное обоснование того, почему международное право должно ограничивать практику политического кибершпионажа.

Неопределенность относительно законности шпионажа с точки зрения международного права порождает и другую проблему – проблему законности кибероперации против государств. Это происходит по той причине, что в настоящее время наличие суверенитета государства в киберпространстве международным правом строго не оговорено. Отдельные страны считают, что принцип территориального суверенитета применим к цифровому пространству. Однако данный подход пока не стал общепринятым. Применительно к шпионажу на поверхность выходит вопрос о том, каков порог, при котором кибероперации, такие как кибершпионаж с удаленным доступом, нарушают это правило.

Суверенитет позволяет государствам осуществлять свои функции в пределах своей территории без вмешательства извне. Что касается физической территории государства – суши, внутренних и территориальных вод, национального воздушного пространства, – то любое вторжение без согласия государства квалифицируется как нарушение принципа территориального суверенитета. Само вторжение на территорию представляет собой международно-противоправное деяние. Аналогичным образом можно предположить, что кибершпионаж нарушает принцип территориального суверенитета в силу того, что он предполагает вторжение агента государства на территорию другого государства без его согласия. Вопрос о том, как принцип территориального суверенитета применяется к кибероперациям, проводимым дистанционно, вызывает разногласия у государств и юристов-международников. Этот вопрос рассматривался международной группой экспертов, и в соответствии с правилом 4 Таллиннского руководства по международному праву, применимому в кибер-войне, «Любое вмешательство государства в кибер-инфраструктуру на борту платформы, где бы она ни находилась, которая пользуется суверенным иммунитетом, представляет собой нарушение суверенитета» [7]. Однако эксперты не смогли прийти к единому мнению относительно того, когда это происходит. Некоторые эксперты считали, что любого кибервторжения, каким бы минимальным ни было его воздействие, достаточно для констатации того, что имело место нарушение принципа суверенитета. Большинство же полагало, что нарушение суверенитета в киберпространстве может иметь место при наличии двух оснований: «(1) степень посягательства на территориальную целостность государства-цели; и (2) имело ли место вмешательство или присвоение присущих правительству функций» [8].

Поскольку посягательство на территориальную целостность подразумевает собой физическое воздействие на территорию иностранного государства, то возникла проблема относительно понимания, как именно кибер-операции приводят к нарушению территориальной целостности. Ведь они по своему характеру могут быть разными, начиная от простого сканирования портов и заканчивая выводом технической аппаратуры из строя. Ученые согласились с утверждением, что нарушение суверенитета имеет место в том случае, если враждебная кибер-атака повлекла за собой реальный ущерб, такой как вывод из строя компьютерных серверов. По их единодушному мнению, государство нарушает суверенитет другого государства, когда оно посредством кибер-операций препятствует реализовывать исключительно государственные функции. Например, таких как предоставление социальных услуг, проведение выборов, сбор налогов, эффективное ведение дипломатии или выполнение критически важных мероприятий в области национальной обороны. Применительно к шпионажу эта дискуссия имеет ряд особенностей, в частности, для операций кибершпионажа с удаленным доступом, которые не сопровождаются каким-либо физическим ущербом или потерей функциональности. Достаточно ли простого взлома компьютерной системы или сети государства, хранящей конфиденци-

альную информацию, для нарушения принципа территориального суверенитета?

Мнения государств разделились. Согласно первой точке зрения, любое трансграничное проникновение в компьютерные системы или сети, поддерживаемые кибернетической инфраструктурой, физически расположенной на территории государства, может представлять собой нарушение этого правила, независимо от того, приводит ли оно к какому-либо ущербу, и независимо от того, находится ли кибернетическая инфраструктура, в которую было совершено вмешательство, в государственной или частной собственности.

Второй подход основан на позиции, что для нарушения принципа территориального суверенитета в киберпространстве необходим определенный (минимальный) порог.

Разные государства поддерживают различные подходы. Так, например, позиции Франции и Ирана наиболее близки к первому подходу. По мнению Франции, «любое несанкционированное проникновение государства во французские системы или любое производство эффектов на французской территории с помощью цифрового вектора может представлять собой, как минимум, нарушение суверенитета» [9]. Таким образом, для нарушения правила достаточно простого несанкционированного проникновения, которое лишь ставит под угрозу конфиденциальность, целостность или доступность информации. Аналогичным образом, Иран выразил мнение, что территориальный суверенитет распространяется «на все элементы» киберпространства и что «любое использование, связанное с незаконным проникновением в (государственные или частные) киберструктуры», находящиеся под контролем другого государства, может представлять собой нарушение суверенитета другого государства [10].

Нидерланды, напротив, поддерживают подход о пороге минимального вмешательства, хотя и признают, что «точные границы допустимого и недопустимого еще не до конца определены» [11]. Они объясняют отсутствие консенсуса между государствами тем, что традиционная концепция суверенитета имеет ярко выраженный территориальный и физический оттенок. В отношении данных, хранящихся в «облачных» системах, отмечается, что, поскольку данные часто перемещаются из одного места в другое, «далеко не всегда можно установить, включает ли кибероперация трансграничный компонент и, следовательно, нарушает ли она суверенитет страны».

Оба подхода имеют свои достоинства. С одной стороны, подход о минимальном пороге позволяет проявить гибкость и сформировать специфическое для киберпространства понимание принципа территориального суверенитета. Кроме того, подобная оговорка может быть экстраполирована на практику государств, существовавшую до появления киберпространства. Так, например, деятельность по дистанционному зондированию, осуществляемая из космоса с помощью спутников, не вызывает в основном нареканий у государств, поскольку спутники физически не вторгаются в суверенитет государств, с которыми ведется съемка, и все время находятся в космическом пространстве. Как бы то ни было, деятельность по дистанционному зондированию не является полностью безобидной: она все же сопряжена с минимальным элементом вторжения, когда со спутника посылается электромагнитный импульс на территорию зондируемого государства и измеряется его отражение. С этой точки зрения можно утверждать, что деятельность по дистанционному зондированию нарушает суверенитет зондируемых государств. Однако мало кто из государств протестовал против этого технического аспекта деятельности. Следовательно, случай со спутниками может быть применен к киберпространству по аналогии.

С другой стороны, существуют не менее весомые причины в пользу понимания суверенитета в киберпространстве с позиции о недопустимости кибероперациий вообще. Во-первых, данный подход обеспечивает полную защиту от вторжения в суверенные дела. Это особенно актуально для государств со слабыми техническими возможностями в области Интернета. Во-вторых, подходу о минимальном пороге вмешательства присуща неопределенность, в частности, какие виды деятельности являются достаточно серьезными, чтобы считаться нарушением. В конечном итоге вопрос о том, какие виды кибероперациий нарушают принцип территориального суверенитета, может быть решен только на практике. Поскольку пока нет однозначного ответа на вопрос о том, как действует правило территориального суверенитета в киберпространстве, нет однозначного ответа и на вопрос о том, нарушают ли операции по кибершпионажу с удаленным доступом это правило. При этом государственная практика в области кибершпионажа, скорее всего, будет оставаться довольно ограниченной.

Несмотря на вышесказанное, представляется, что добиться стопроцентной защиты от кибершпионажа не получится. Теоретически она может быть нивелирована международным правом, а также двусторонними соглашениями между государствами, декларирующие помощь благожелательные намерения относительно друг друга. Однако вызывает больше сомнения то, как это будет работать на практике.

Литература

1. Ермолович Г.П. Представительство государств на международной арене и разведка // Учёные записки юридического факультета. Выпуск 22 (32). СПбГУЭФ. 2011. С. 83.
2. Christopher D Baker Tolerance of International Espionage: A Functional Approach // American University of International Law Review p.1095 [Электронный ресурс]: – 2003 – Режим доступа: Tolerance of International Espionage: A Functional Approach (american.edu), свободный. (дата обращения: 05.12.2023).

3. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций (Принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 года) [Электронный ресурс] // Вебсайт ООН: [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 05.12.2023).
4. Nicaragua v United States of America – Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua – Judgment of 27 June 1986 – Merits – Judgments [1986] ICJ 1; ICJ Reports 1986, p 14; [1986] ICJ Rep 14 (27 June 1986). URL: http://www.worldlii.org/int/cases/ICJ/1986/1.html (дата обращения: 05.12.2023).
5. Статьи 49–54 Резолюции 56/83 Генеральной Ассамблеи ООН «Ответственность государств за международно-противоправное деяние» (12 декабря 2001 г.) [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: [сайт]. URL: Резолюция 56/83. Ответственность государств за международно-противоправные деяния от 12 декабря 2001 – docs.cntd.ru (дата обращения: 05.12.2023).
6. Julian Borger. Brazilian President: US surveillance a breach of international law // The Guardian. 24.09.2013. URL: TRANSCEND MEDIA SERVICE » Brazilian President: US Surveillance a 'Breach of International Law' (дата обращения: 05.12.2023).
7. Michael N. Schmitt Tallinn Manual on the International law, applicable to cyber warfare p.31 // Cambridge University Press, 2016.
8. Schmitt, M. and Vihul, L. Sovereignty in cyberspace: lex lata vel non? // American Journal of International Law [Электронный ресурс]: – 2017 – Режим доступа: https://centaur.reading.ac.uk/89705/4/sovereignty_in_cyberspace_lex_lata_vel_non.pdf, свободный. (дата обращения: 05.12.2023).
9. Droit International Appliqué aux Opérations dans le Cyberespace p.6 [Электронный ресурс] // URL: droit-internat-appliqué-aux-opérations-cyberespace-france.pdf (justsecurity.org) (дата обращения: 05.12.2023).
10. Подп. 4 ст. 2 Заявления Генерального штаба вооруженных сил Ирана // Nournews. 18.08.2020. URL: General Staff of Iranian Armed Forces Warns of Tough Reaction to Any Cyber Threat:: nournews (дата обращения: 05.12.2023).
11. Netherlands, Appendix: International Law in Cyberspace p.2. [Электронный ресурс] // URL: Internationale rechtsorde in het digitale domein (ceipfiles.s3.amazonaws.com) (дата обращения: 05.12.2023).

THE ILLEGALITY OF ESPIONAGE UNDER INTERNATIONAL LAW: ASPECTS OF THE DEFENCE OF STATE SOVEREIGNTY

Nikiforov I.E.
St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

The issue of the legality of espionage from the point of view of international law is considered. Arguments about its legality have been refuted. It is concluded that this action undermines the sovereignty of states. In addition, the current international legal system allows espionage to be classified as illegal behavior. The absence of specific rules of international law on espionage does not mean that this behavior is not subject to regulation by international law. The question of whether espionage on the Internet violates the sovereignty of the state is also considered, and where is the permissible threshold for such unauthorized intervention, since espionage itself is not accompanied by any physical harm to the injured party. Different states react differently to such interference. For some, simply the unauthorized fact of penetration into their networks (France, Iran) is enough; others believe that the boundaries of what is acceptable and what is unacceptable have not yet been fully defined. The advantages and disadvantages of such approaches are listed.

Keywords: espionage, sovereignty, interference in the internal affairs of the state, international law, Internet.

References

1. Ermolovich G.P. Representation of states in the international arena and intelligence // Scientific notes of the Faculty of Law. Issue 22 (32). SPbGUEF. 2011. p.83.
2. Christopher D Baker Tolerance of International Espionage: A Functional Approach // American University of International Law Review p.1095 [Electronic resource]: – 2003 – Access mode: Tolerance of International Espionage: A Functional Approach (american.edu), free. (date of application: 05.12.2023).
3. Declaration on Principles of International Law concerning Friendly Relations and Cooperation between States in accordance with the Charter of the United Nations (Adopted by Resolution 2625 (XXV) of the UN General Assembly on October 24, 1970) [Electronic resource] // UN website: [website]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (date of application: 05.12.2023).
4. Nicaragua v United States of America – Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua – Judgment of 27 June 1986 – Merits – Judgments [1986] ICJ 1; ICJ Reports 1986, p 14; [1986] ICJ Rep 14 (27 June 1986). URL: http://www.worldlii.org/int/cases/ICJ/1986/1.html (date of application: 05.12.2023).
5. Articles 49–54 of UN General Assembly Resolution 56/83 "Responsibility of States for an internationally wrongful act" (December 12, 2001) [Electronic resource] // Electronic fund of legal and regulatory documents: [website]. URL: Resolution 56/83. Responsibility of States for internationally wrongful acts of December 12, 2001 – docs.cntd.ru (date of application: 05.12.2023).
6. Julian Borger. Brazilian President: US surveillance a breach of international law // The Guardian. 09/24/2013. URL: TRANSCEND MEDIA SERVICE " Brazilian President: US Surveillance a 'Breach of International Law' (accessed 05.12.2023).
7. Michael N. Schmitt Tallinn Manual on the International law, applicable to cyber warfare p.31 // Cambridge University Press, 2016.
8. Schmitt, M. and Vihul, L. Sovereignty in cyberspace: lex lata vel non? // American Journal of International Law [Electronic resource]: – 2017 – Access mode: https://centaur.reading.ac.uk/89705/4/sovereignty_in_cyberspace_lex_lata_vel_non.pdf, free. (accessed: 05.12.2023).
9. Droit International Appliqué aux Opérations dans le Cyberespace p.6 [Electronic resource] // URL: droit-internat-appliqué-aux-opérations-cyberespace-france.pdf (justsecurity.org) (date of application: 05.12.2023).
10. Subpart 4 of Article 2 of the Statement of the General Staff of the Armed Forces of Iran // Nournews. 08/18/2020. URL: General Staff of Iranian Armed Forces Warns of Tough Reaction to Any Cyber Threat: nournews (accessed 05.12.2023).
11. Netherlands, Appendix: International Law in Cyberspace p.2. [Electronic resource] // URL: Internationale rechtsorde in het digitale domein (ceipfiles.s3.amazonaws.com) (date of application: 05.12.2023).

Реализация принципов федерализма в развитии правовой модели формирования представительства в верхней палате парламента Российской Федерации

Пищальников Глеб Вячеславович,
студент магистратуры, Высшая школа экономики
E-mail: gvpischalnikov@edu.hse.ru

В статье рассматриваются актуальный вопрос о применении оптимальной модели формирования Совета Федерации РФ, анализируются ее эффективность и соответствие демократическим принципам. В работе представлен анализ международного опыта формирования верхней палаты парламента, предлагаются адаптированные к российским реалиям механизмы формирования Совета Федерации. Автор предлагает новый подход к формированию верхней палаты парламента, который учитывает как исторический опыт России, так и современные тенденции развития федерализма. Основное внимание уделяется вопросам сбалансированности представительства различных субъектов Федерации, сменяемости власти и прозрачности процесса назначения сенаторов. В исследовании проводится анализ текущей системы назначения сенаторов и выявления её слабых сторон, включая отсутствие ограничений на количество сроков и возможность пожизненного членства в СФ. В статье представлены конкретные предложения по изменению законодательства, направленные на устранение выявленных недостатков и оптимизацию процесса формирования Совета Федерации, которые позволят укрепить отношения между федеральной властью и субъектами Российской Федерации.

Ключевые слова: Совет Федерации, верхняя палата парламента, Президент РФ, сенаторы Совета Федерации, субъекты Российской Федерации, порядок формирования, срок полномочий, Конституция РФ.

Формирование структуры парламента каждого государства сам по себе процесс довольно сложный, который обязательно должен учитывать предшествующий опыт, правовые обычаи, традиции и исторические особенности. На первых этапах формирования бикамерализма верхняя палата парламента рассматривалась как необходимая преграда для сверх демократических идей или радикальных устремлений нижней палаты парламента. По мнению В.Е. Чиркина такую роль изначально выполнял французский Сенат, Палата Лордов в Великобритании и даже верхние палаты парламентов США и Швейцарии являлись более консервативными.[1] На сегодняшний день при формировании двухпалатного парламента верхняя палата выступает как орган, который способствует повышению качества законов и законодательного процесса, и в большинстве случаев представительства интересов субъектов федерации или крупных территориальных образований государства. М. Фабр утверждает, что «бикамерализм является лучшей конституционной техникой для того, чтобы парламентский суверенитет не перерос в парламентскую диктатуру».[2]

Российский бикамерализм также имеет уникальные черты и основан на соблюдении баланса власти, при котором верхней палате предназначено представлять интересы субъектов РФ, а нижней общенациональные интересы. Аккумулирование опытных и авторитетных членов элиты в верхней палате парламента все же предполагает определенный механизм сдерживания по отношению к нижней палате, а также нацеленность на большую стабильность (в частности, это достигается невозможностью роспуска Совета Федерации РФ и отличным от нижней платы порядком формирования).

В настоящее время государства используют все многообразие способов формирования верхних палат парламента с учетом особенностей, применимых к каждой конкретной стране. Так в некоторых государствах формирование верхней палаты парламенты происходит путем прямых выборов (США, Бразилия).

Такие страны как Индия или Казахстан используют немного иной способ формирования, а именно двухстепенные выборы. Членов верхней палаты парламента избирают нижестоящие представительные органы, избранные прямыми выборами. В свою очередь другие страны используют косвенные выборы для формирования верхней па-

латы парламента. Так ст. 24 Конституции Франции закрепляет, что сенат избирается косвенными выборами.[3] В каждом департаменте сенаторов избирает избирательная коллегия, составленная особым образом: члены нижней палаты, проживающие в данном департаменте, члены совета региона, члены совета департамента члены муниципальных советов коммун. Плюсами такой модели являются дифференцированный подход в формировании и независимость избирательной коллегии, поскольку данная коллегия не собирается как единый орган.

Помимо формирования верхней палаты парламента путем выборов, на практике также используются такие способы как назначение и делегирование.[4] Назначение членов парламента может быть как полным, так и частичным. В Великобритании, а также всех государствах – членах британского содружества с монархической формой правления происходит назначение всего состава верхней палаты парламента. Если говорить о частичном назначении, то его можно увидеть в Италии, где президент может назначить пять сенаторов.

Самым малочисленным способом формирования является делегирование (избрание на основе корпоративного подхода). Он используется в Ирландии, а также Словении и осуществляется на основе комплектования верхней палаты парламента корпоративными группами населения, такими как: работники, крестьяне, представительство от университетов.

Уникальная черта Совета Федерации РФ заключается в том, что он формируется не по единой схеме. Некоторые сенаторы выбираются высшими должностными лицами субъекта РФ, в то время как другие получают статус сенатора от законодательных органов субъектов РФ посредством выборов большинством голосов депутатов. Кроме того, Президент России имеет право назначить до тридцати сенаторов в качестве представителей Российской Федерации, с возможностью пожизненного назначения для семи из них. Заключительным элементом является полномочие бывшего Президента РФ занимать пост сенатора Совета Федерации РФ.[5]

Представляется, что данный способ формирования верхней палаты парламента хотя и учитывает особенности и исторический опыт Российской Федерации, все же реализован недостаточно оптимально. Авторская позиция данной работы не предполагает полное и коренное изменение способа формирования Совета Федерации, однако выдвигает конкретные предложения по некоторым изменениям уже существующего способа формирования верхней палаты Федерального собрания РФ с целью доведения его до наиболее подходящего и оптимального в контексте существующих социально-правовых реалий. Важно отметить, что все преобразования, которые будут предложены, соответствуют принципу демократического государства, а также учитывают интересы субъектов федерации.

Первое предложенное изменение связанно с количественным критерием сенаторов Совета Федераций, представляемых каждым субъектом Российской Федерации. На сегодняшний день в состав Совета Федераций входит 178 сенаторов, по 2 сенатора от каждого субъекта РФ. Российская Федерация является государством с самым большим количеством субъектов в своем составе (89 субъектов), при этом важно понимать, что размеры государства предопределяют численность населения того или иного субъекта. С одной стороны, существующий порядок формирования верхней палаты парламента в России гарантирует равное представительство каждому субъекту федерации, тем самым предполагая возможность в равной степени представлять и отстаивать интересы своего населения, а также участвовать в управлении государством, что как кажется полностью соответствует принципу демократии и равенства.

С другой стороны можно отметить, что Чукотский АО с численностью населения менее 50 тысяч человек или даже Республику Калмыкия с численностью населения 270 тысяч человек представляет столько же сенаторов сколько и Республику Башкортостан и Краснодарский край, численность населения которых превышает Чукотский АО более чем в 80 раз, а Республику Калмыкия в 14 раз. Таким образом возникает ситуация, когда абсолютно разные по численности субъекты представляет одно и тоже количество сенаторов. Из этого вытекает несколько факторов: на сенаторов от больших по численности населения субъектов накладывается большая ответственность перед своим населением, поскольку они представляют большее количество человек. Необходимость представления интересов многомиллионных субъектов возлагается лишь на двух человек. Представляется важным учесть представительство субъектов исходя из численности их населения. Таким образом распределение мест в Совете Федерации от субъектов РФ может происходить следующим образом:

1) Для субъектов РФ с населением до двух миллионов человек – по одному представителю от законодательного и исполнительного органа власти субъекта РФ.

2) Для субъектов РФ с населением от двух до пяти миллионов человек – по два представителя от законодательного и исполнительного органа власти субъекта РФ.

3) Субъекты РФ, население которых превышает пять миллионов человек, делегируют по три представителя от законодательного и исполнительного органа государственной власти субъекта РФ.

Это неравное представительство весьма приблизительно, однако оно поспособствует балансу интересов субъектов федерации и позволит сенаторам качественнее выполнять свою работу. При этом неравное представительство не должно и не будет сказываться при голосовании сенаторов Совета Федерации РФ, поскольку изначально

будет закреплено, что каждый субъект имеет один голос.

Другим преобразованием должно стать введение ограничений на количество сроков, на которые Сенатор Совета Федерации может быть назначен. В текущем законодательстве нет положений, запрещающих многократное переназначение члена верхней палаты парламента Российской Федерации на новый срок. Это может привести к ситуации, когда сенатор, не являющийся пожизненным членом СФ РФ, будет назначаться каждый раз на новый срок. Несмотря на то, что каждый сенатор обладает опытом и авторитетом, необходимыми для выполнения своих обязанностей, статья 1 Конституции РФ утверждает, что Россия – это демократическое государство,[6] поэтому сменяемость власти важна даже в коллегиальных органах. Предложенное изменение заключается в ограничении возможности одного лица занимать должность сенатора Совета Федерации более чем на два срока подряд.

Одно из ключевых нововведений заключается в установлении процедуры, по которой Президент РФ может назначать сенаторов Совета Федерации РФ как представителей Российской Федерации. Сам процесс назначения сенаторов Президентом до сих пор не имеет четкой законодательной регламентации. В 2014 году, после изменения статьи 95 Конституции РФ, было заявлено, что назначение сенаторов Президентом РФ способствует балансу полномочий между федеральным центром и субъектами РФ.[7] Так, А.Р. Акчурин А.Р. отмечает, что Совет Федерации РФ должен отражать интересы федерации в целом, а не только региональных элит, которые могут препятствовать решению общенациональных задач.[8] Однако такое мнение не полностью соответствует роли и полномочиям представителей субъектов при их назначении в Совет Федерации РФ, поскольку они представляют не только свои территории, но и интересы всей Российской Федерации.

Таким образом необходимо четкое нормативное закрепление определения правового статуса представителей Российской Федерации в Совете Федерации, а также механизм изменения состава представителей Совета Федераций РФ. Отсутствие нормативной базы создает правовую неопределённость. Например, сможет ли новоизбранный президент назначить 7 пожизненных представителей РФ – сенаторов СФ отличных от избранных предыдущим президентом. С одной стороны новоизбранный Президент РФ имеет такое право согласно ст. 95 Конституции РФ, с другой Президенту РФ дана возможность назначить лишь 7 пожизненных сенаторов СФ, и в случае, если действующий Президент РФ решит в полной мере реализовать это право, у следующих такого права уже не будет).

Все эти небезосновательные рассуждения наталкивают на необходимость еще одного изменения, аналогичного изменению связанному со сроками исполнения полномочий сенаторами СФ РФ, выдвинутых региональными органами государственной власти. Процесс присвоения статуса пожизненного сенатора Совета Федерации до сих пор не урегулирован должным образом. **Более предпочтительной альтернативой является вариант, при котором лицо с выдающимися заслугами может быть назначено сенатором Совета Федерации на срок в двенадцать лет (что в два раза дольше, чем обычный срок службы сенатора от субъекта РФ).**

Представляется, что предложенная модель формирования Совета Федераций РФ с учетом изменений может выглядеть следующим образом:

1. В состав Совета Федерации Российской Федерации входят:

0.1 От двух до шести сенаторов от каждого субъекта РФ, число которых зависит от населения субъекта (от одного до трех членов от законодательной власти и от одного до трех членов от исполнительной власти субъекта).

0.2 Бывший Президент Российской Федерации, ушедший с поста по окончании срока или в случае досрочной отставки, который становится сенатором пожизненно.

0.3 До 30 членов, назначаемых Президентом РФ в качестве представителей Российской Федерации.

2. Сенаторы Совета Федерации РФ не могут занимать свои посты более двух сроков подряд.

3. Срок полномочий сенаторов Совета Федерации РФ – представителей Российской Федерации составляет шесть лет, для тех, кто имеет особые заслуги перед страной, – двенадцать лет.

В последние десять лет процесс формирования верхней палаты парламента России претерпел изменения, включая конституционные поправки. Конституция РФ, как фундаментальный закон, направлена на обеспечение стабильности в различных сферах жизни страны. Однако поиск идеальной модели формирования Совета Федерации и последующие изменения Конституции РФ могут привести к правовой неопределенности и конфликтам.[9] Возможно, что на данном этапе более целесообразно менять механизм формирования Совета Федерации без внесения поправок в Конституцию РФ, что позволит быстрее адаптировать и внедрять новые подходы к структурированию верхней палаты парламента, не нарушая национальное законодательство.

В контексте вопроса о представительстве федеральных территорий в процессе формирования Совета Федерации РФ, следует осознавать, что федеральные территории подчиняются непосредственно федеральному правительству. Несмотря на то, что федеральные территории могут быть включены или не включены в состав субъектов РФ,[10] прямое управление федеральным центром делает невозможным их объединение с региональным представительством в единую систему формирования верхней палаты. Одним из решений может стать назначение представителей фе-

деральных территорий в качестве сенаторов Президентом РФ из числа 30 возможных представителей, что предотвратит умышленное расширение состава сенаторов за счет федеральных представителей, так как глава государства будет выбирать их из заранее определенной квоты.

Изложенный в данном исследовании метод формирования верхней палаты парламента РФ кажется наиболее предпочтительным и осуществимым. Этот подход не требует радикального пересмотра текущей системы, закрепленной в Конституции и федеральном законодательстве, и в то же время полностью соответствует и отражает ключевые принципы правового демократического и федеративного государства.

Литература

1. Чиркин В.Е. Элементы эволюции верхних палат современного парламента // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2012. № 1. С. 107.
2. Faber M.H. Principes républicaines de droit constitutionnel. 1984. P. 281.
3. Конституция Французской Республики 1958 г. // URL: http://lawers-ssu.narod.ru/subjects/constzs/france.htm (дата обращения: 03.03.2024)
4. Антюшин Н.А. Роль «верхних» палат в бикамеральных парламентах в укреплении парламентаризма в условиях обновления их состава (на примере России, Казахстана и Франции) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 3. С. 128.
5. Федеральный закон от 22.12.2020 № 439-ФЗ (в ред. от 15.05.2024) «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ. 2020. № 52 (Часть I). ст. 8585.
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.). – Текст: электронный // Официальный интернет–портал правовой информации от 04.07.2020. – Ст. 1. // URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 07.03.2024)
7. Пояснительная записка от 07.03.2014 г. «Обоснование необходимости принятия проекта Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» // URL: https://base.garant.ru/57710381/ (дата обращения: 07.03.2024)
8. Акчурин А.Р. Порядок формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: опыт и перспективы // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 8. С. 41–42.
9. Медведева Т.П. Правовой статус Совета Федерации в контексте поправок к Конституции Российской Федерации // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 3. С. 197–199.
10. Василькова Е.А. Федеральная территория как вид территориальной организации публичной власти в Российской Федерации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 4. С. 33–34.

IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLES OF FEDERALISM IN THE DEVELOPMENT OF A LEGAL MODEL FOR THE FORMATION OF REPRESENTATION IN THE UPPER HOUSE OF THE PARLIAMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Pishchalnikov G.V.
Higher School of Economics

The article discusses the current issue of applying the optimal model for forming the Federation Council of the Russian Federation, analyzing its effectiveness and compliance with democratic principles. The work presents an analysis of international experience in the formation of the upper house of parliament, and proposes mechanisms for the formation of the Federation Council adapted to Russian realities. The author proposes a new approach to the formation of the upper house of parliament, which takes into account both the historical experience of Russia and modern trends in the development of federalism. The main attention is paid to the issues of balanced representation of various subjects of the Federation, turnover of power and transparency of the process of appointing senators. The study analyzes the current system for appointing senators and identifying its weaknesses, including the lack of limits on the number of terms and the possibility of lifelong membership in the Federation Council. The article presents specific proposals for changing legislation aimed at eliminating identified shortcomings and optimizing the process of forming the Federation Council, which will strengthen relations between the federal government and the constituent entities of the Russian Federation.

Keywords: Federation Council, upper house of parliament, President of the Russian Federation, senators of the Federation Council, constituent entities of the Russian Federation, formation procedure, term of office, Constitution of the Russian Federation.

References

1. Chirkin V.E. Elements of the evolution of the upper chambers of modern parliament // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2012. No. 1. P. 107.
2. Faber M.H. Principes républicaines de droit constitutionnel. 1984. P. 281.
3. Constitution of the French Republic of 1958 // URL: http://lawers-ssu.narod.ru/subjects/constzs/france.htm (access date: 03/03/2024)
4. Antushin N.A. The role of the “upper” chambers in bicameral parliaments in strengthening parliamentarism in the context of updating their composition (on the example of Russia, Kazakhstan and France) // Oikumena. Regional studies. 2019. No. 3. P. 128.
5. Federal Law No. 439-FZ dated December 22, 2020 (as amended on May 15, 2024) “On the procedure for forming the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation” // “Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 52 (Part I). Art. 8585.
6. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020). – Text: electronic // Official Internet portal of legal information dated 07/04/2020. – St. 1. // URL: http://www.pravo.gov.ru (access date: 03/07/2024)
7. Explanatory note dated 03/07/2014 “Rationale for the need to adopt the draft Law of the Russian Federation on an amendment to the Constitution of the Russian Federation “On the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation” // URL: https://base.garant.ru/57710381/ (access date: 03/07/2024)
8. Akchurin A.R. The procedure for forming the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation: experience

and prospects // State power and local self-government. 2014. No. 8. pp. 41–42.
9. Medvedeva T.P. Legal status of the Federation Council in the context of amendments to the Constitution of the Russian Federation // Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 3. pp. 197–199.
10. Vasilkova E.A. Federal territory as a type of territorial organization of public power in the Russian Federation // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2021. No. 4. pp. 33–34.

Электронное государство как новый тип современного государства

Страхов Игорь Андреевич,
соискатель кафедры фундаментальной юриспруденции
и международного права РУАН им. Г.Б. Мирзоева

В статье предпринята попытка дать обоснование и описание «электронного государства» как нового самостоятельного типа современного государства. В сегодняшнем потоке научной и учебной литературы присутствуют различные авторские взгляды на современное электронное государство. Однако данными, как правило, известными взглядами не исчерпываются взгляды в современной юридической науке. Тем более, сегодня, интерес к электронному государству и его трансформации в связи с текущими геополитическими и национально-историческими процессами весьма актуален. Сложности в понимании заключаются не только в ограниченности и бессистемности представлений о таком современном государстве, интерес к которому на новом этапе развития науки возродился, но и в появлении новых, ранее не существовавших модификаций такого государства в мире. Несмотря на общие и во многом идентичные представления исследователей, современная наука, все-таки в своем проблемном дискурсе рассматривает электронное государство как некий срез современного государства. Однако по нашему мнению, электронное государство в настоящий момент приобретает состояние нового явления, ранее не существовавшего. В своей статье, в результате комплексной систематизации и обобщения научной литературы, мы попытались утвердить новую в науке мысль о том, что электронное государство – это совершенно новый тип современного государства.

Ключевые слова: электронное государство, современное государство, юридическая наука, электронное правительство, информационное общество.

Самым важным моментом развития теоретико-правовых взглядов на электронное государство стали 90-е гг. XX в. и исследования данной проблемы зарубежными учеными[1]. Отечественные ученые подхватили данную тенденцию у зарубежных авторов и стали исследовать проблемы «информационного общества», «цифровой реальности» и «электронного государства»[2].

[1] Making government work: Electronic Delivery of Federal Services. Washington, DC: U.S. Government Printing Office, September 1993. Режим доступа: http://www.fas.org/ ota/reports/9333.pdf (дата обращения: 21.05.2017 г.). Nerone J.C. Last Rights. Revision of Four Theories of the Press. – Urbana: University of Illinois Press, 1995. – P. 151. Heeks R. Failure, Success and Improvisation of Information Systems Projects in Developing Countries // Development Informatics. Working Paper Series. No. 11. January 2002. P. 1–4. Andersen K. Reengineering public sector organizations using information technology // Reinventing government in the information Age, – L: Routledge, 1999; Reyes D.R. Public Sector Reengineering: Practice, Problems and Prospect // Asian review of public administration. P. 42–56; Bellamy C., Taylor J. Governing in the Information Age, Open University Press, 1998; Bhatnagar S. E-Government: from Vision to Implementation, Sage Publications, New Delhi / Thousand Oaks. L., 2005. P. 29–30; Grönlund A. Electronic Government: Design, Applications, and Management. – Umeå University, Sweden: Idea Group Publishing, 2002 – P. 1–2.; Garson G.D. Digital Government: Principles and Best Practices, IDEA, 2004; Reinventing government in the information age/ ed. by R. Heeks, L.: Routledge, 1999; Druke H.A Comparative Study (Routledge Research in Information Technology and Society) – London: Routledge, 2004; Malkia M., Antiroikko AV., Savolainen R. E-transformation in Governance: new directions in government and politics, Idea Group Publishing, 2004; National Electronic government: comparing governance structures in multi-layer administrations, ed. by M. Eifert, O. Pushel, L: Routledge, 2004; Schedler K., Summermatter L. Egovernment: What countries do and why: A European Perspective // The World of E-government ed. by G. Curtin, The Haworth, 2003; Fang Z. EGovernment in Digital Era: Concept, Practice, and Development // International Journal of the Computer, the Internet and Management. 2002. Vol. 1. No. 2. P. 1–22; McDonagh J. A Strategic advisory note on «e-government and the challenge of change in public sector management». – Bratislava: UNDP Bratislava Regional Centre, 2005. – P. 3.

[2] Рассолов И.М. Право и Интернет Теория кибернетического права. НОРМА ИНФРА-М, Москва, 2022; Авдейчикова Е. В, Трубицина С.П., Бургат В.В. Инновации в торговой деятельности: российский и зарубежный опыт: монография / Авдейчикова Е. В, Трубицина С.П., Бургат В.В.; М-во образования и науки РФ, Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования Российский экономический ун-т им. Г.В. Плеханова, Омский ин-т (фил.). Омск: Омский ин-т (фил.) РГТЭУ, 2015; Голоскоков Л.В. Теория сетевого права: курс лекций / Л.В. Голоскоков, М.: МПСУ; Воронеж: МОДЕК, 2012; Миненкова Н.В. Международно-правовое и национально-правовое регулирование электронной торговли: автореф. дис. … кандидата юридических наук: 12.00.03 / Миненкова Н.В.; [Место защиты: Рос. гос. социал. ун-т]. – Москва, 2008; Еманова Е.С, Дефиниция понятия «электронная торговля» // Актуальные проблемы права России и стран СНГ, 2013: материалы XV Международной научно-практической конференции с элементами научной школы (Юридический факультет Южно-Уральского государственного университета, 29–30 марта 2013 г.). Ч. II; Талимончик В.П. Международно-правовое регулирование отношений электронного обмена: монография, 2011; Особенности правового регулирования трансграничной

Нельзя не отметить огромный вклад в исследование данной проблематики матерью основательницей новой отрасли права – «информационное право» И.Л. Бачило [2], по мнению которой именно разработка системного метода в юридической науке (В.Н. Кудрявцев, Д.А. Керимов, В.П. Казимирчук, М.М. Рассолов) способствовало стимулированию познания и разработки концепции «электронного государства». В этой связи появились новые научные категории: «информационное общество», «цифровое общество», «электронное государство», «электронное правительство», «электронное правительство», «цифровая реальность», «цифровая личность», «искусственный интеллект», «интернет», которым необходимо дать объяснение. Само понятие «электронное государство» возникло изначально в международной практике и лишь после этого стало применяться в России[1].

Проблематика становления и развития электронного государства, как и собственно самой идеи о нем, начинает обращать на себя внимание многих ученых правоведов[2]. Во многих отраслях права и, в целом, в обществоведении формируются новые теоретико-правовые направления, которые затрагивают различные аспекты данного феномена[13].

Изучением вопросов формирования и развития теоретической мысли электронного государства, непосредственно связанной с категорией информационного общества, занимались Н.А. Храмцовская, Е.В. Чистилина, Г.Д. Джурабаев, А.С. Киселев, М.Н. Рахмонов, М.М. Рассолов, И.М. Рассолов, С.А. Дятлов, И.Ю. Богдановская, И.Л. Бачило[3].

Само понятие «информационное общество» было предложено японским учёным Ю. Хаяши, который рассматривал информационное общество как постиндустриальное общество, с приоритетом человеческих ценностей. Он полагал, что информационное общество представляет собой эволюционировавшее постиндустриальное общество, последнюю и самую совершенную стадию его развития. Это объясняется тем, что изначально постиндустриальное общество не может сразу перейти к этапу электронного взаимодействия, необходимо поступательное и поэтапное развитие общества[4].

Однако принадлежность данного понятия, отнюдь не бесспорно, принадлежит, по мнению А.Н. Шевцова, и японскому теоретику К. Кояме, теоретические труды которого получили непосредственное прикладное воплощение в принятой в Японии ещё в 1972 г. программе «План информационного общества: национальная цель 2000». Популяризация и развитие концепции «информационное общество» в дальнейшем способствовал труд Е. Масуды «Информационное общество как постиндустриальное общество» (1981), а также труды Ф. Фукуямы, О. Тоффлера, Дж. Нейсбита[5].

Безусловно, сегодня «электронное государство», в первую очередь, рассматривается через призму активно развивающейся новой отрасли права – информационного права, как отрасли гибридизации правового и технического регулирования в тесной связи с информационно-коммуникационными технологиями. В то же время необходимо принимать во внимание, что границы

электронной торговли: автореферат дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03 / Козинец Никита Владимирович. Москва, 2017; Федорченко, А.А. Правовое пространство: концептуальные теоретические основы: монография / А.А. Федорченко, Е.В. Федорченко. – Москва: Издательство Юрайт, 2022.

[1] Киселев А.С. Формирование идеи «электронное государство» и особенности её реализации: теоретико-правовое исследование: дисс. …канд. юрид. наук, 2018; Кузнецов С.Л. Электронное правительство – что это такое? // Делопроизводство. – 2010. – № 1; Храмцовская Н.А. Базы данных в структуре «Электронного правительства»: достоинства и недостатки // Государственная служба. – 2009. – № 2; Чистили-на Е.В. Анализ развития электронного Правительства РФ в плоскости взаимодействия граждан с государственными структурами // Научный альманах Центрального Черноземья. – 2014. – № 1; Джурабаев Г.Д., Рахмонов М.Н. Модель совершенствования управленческих структур в контексте концепции электронного правительства // Вестник Таджик. нац. ун-та. Сер. соц.-эконом. и обществ. наук. – 2015. – № 2–7 (178); Дятлов С.А. Электронное правительство: понятие, структура, функции // Технологии информационного общества – Интернет и современное общество: труд. V Всерос. объединен. конф. Санкт-Петербург, 26–27 ноября 2002 г. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2002; Бачило И.Л. Правовая платформа построения электронного государства // Информационное право. – 2008. – № 4; Богдановская И.Ю. Сетевая нейтральность: политико-правовые аспекты (на примере опыта США) // Информационное право. – 2015. – № 4; Рассолов И.М. Право и Интернет. Теоретические проблемы (2-е изд., доп.). – М.: Норма, 2009.

[2] Данилов Н.А. Правовое регулирование электронного правительства в зарубежных странах: дис. …канд. юрид. наук: 12.00.01. – М., 2013; Иншакова Е.Г. «Электронное правительство» в публичном управлении: административно-правовые проблемы организации и функционирования: дис. …канд. юрид. наук: 12.00.14. – М., 2015; Хабибуллин Р.И. Электронное правительство как элемент инструментария политической модернизации России: дис. …канд. полит. наук: 23.00.02. – Уфа, 2012; Кашина Е.А. Формирование электронного правительства в Российской Федерации: социально-политический аспект: дис. … канд. полит. наук: 23.00.02. – М., 2009; Шустова М.С. Электронное правительство: содержательная характеристика политической системы современной России: дис. … канд. полит. наук: 23.00.02. – Ростов н/Д, 2011; Кашина Е.А. Формирование электронного правительства в Российской Федерации: социальнополитический аспект: дис. … канд. полит. наук: 23.00.02. – М., 2009; Стырин Е.М. Электронное правительство: стратегии формирования и развития: дис. … канд. социол. наук: 22.00.08. – М., 2006; Храмцовская Н.А. Историография понятия «электронное правительство»: по материалам англо-американской историографии: дис. … канд. ист. наук: 07.00.09. – М., 2010; Пантелеев А.А. Современные организационно-экономические формы развития государственного сектора сферы услуг: автореф. дис. … канд. эконом. наук: 08.00.05. – Санкт-Петербург, 2011; Зайченко Е.В. Информационное обеспечение в гражданском и арбитражном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.15. М., 2013; Полякова Т.А. Правовое обеспечение информационной безопасности при построении информационного общества в России: дис. … док. юрид. наук: 12.00.14. М., 2008; Кузнецов П.У. Теоретические основания информационного права: дис. … док. юрид. наук: 12.00.14. Екатеринбург, 2005.

[3] Бачило И.Л. Государство реальное и виртуальное. М., 2005.

[4] Амиржан К.Ж. Становление теории информационного общества // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2014. – № 3 (40). – С. 52.

[5] Швецов А.Н. Информационное общество: теория и практика становления в мире и в России / А.Н. Швецов; Российская акад. наук, Ин-т системного анализа. – Москва: URSS: ИСА РАН, 2011. С. 11.

между отраслями права становятся более размытыми ввиду нарастающей многогранности общественных отношений. Нередки случаи, когда один объект исследования изучается с позиций нескольких наук. Именно поэтому электронное государство может рассматриваться в рамках предмета теории государства и права, как новый тип современного государства, а может рассматриваться как этап развития постиндустриального общества. Э. Тоффлер выделял информационное общество не как следующий этап общественного развития, а как одну из форм постиндустриального общества[1]. Важно то, что предпосылки возникновения электронного государства связаны с поступательной эволюцией индустриального общества. Тот же Д. Белл впервые ввёл термин «постиндустриальное общество», с выделением таких стадий: «доиндустриальное, индустриальное и постиндустриальное»[2].

По мнению Н.А. Данилова, развитие идеи электронного государства связано с «переходом от индустриального общества к обществу постиндустриальному (информационному). В связи с существенными социальными изменениями, которыми характеризуется такой переход, аппарат государства вынужден перестраивать свои социальные функции. Это необходимо для того, чтобы аппарат государства, выступающий в качестве субъекта социального управления, соответствовал объекту такого управления – информационному обществу. При этом формирование электронного государства обусловлено не только целями социального управления, но и необходимостью участия государства в формировании и развитии информационного общества»[3]. Электронное государство способствует полномасштабному переходу к информационному обществу, создавая правовые и социально-экономические условия для распространения и широкого использования информационно-коммуникационных технологий. Развитие информационно-коммуникативных технологий стало предпосылкой для формирования информационного общества, а само информационное общество стало отождествляться со свободой функционирования информации и обеспечением прав информационного доступа для граждан и организаций.

В настоявшее время в российской и зарубежной юридической науке отсутствует единый подход к определению понятия, сущности, содержания и структуры электронного государства, и это, несмотря на то, что построение электронного государства определено в Российской Федерации в качестве основного драйвера развития в соответствии с флагманскими национальными проектами. Неслучайно уже несколько десятилетий во всем мире, да и в нашей стране происходят изменения, которые обусловлены научно-технической революцией, глобализацией и становлением нового типа общества – информационного. Данные обстоятельства предопределили появление новых очертаний электронного государства, которые обуславливают наличие ранее не существовавших процессов взаимодействия органов власти и общества, новых способов управления обществом и правового регулирования на основе использования современных информационно-коммуникативных технологий.

Безусловно, сегодня «электронное государство», может быть понято сквозь призму формирующегося нового типа права – информационного или цифрового (кибернетического) (по И.М. Рассолову), поскольку в процессах функционирования электронного государства высока роль новой отрасли права – информационного, с его новыми институтами информационно-коммуникационных технологий. В то же время, необходимо учитывать, что границы между отраслями права становятся более прозрачными ввиду гибридизации самого правового способа регулирования общественных отношений. Как справедливо отмечают А.С. Киселев и А.Н. Нифанова, переосмыслить в целом вопрос о природе государства и государственности, сложившиеся в современной теории и практике, понимания таких новых явлений как «электронное государство», «электронное правительство», «электронная демократия», «электронная юстиция», «электронное правосудие» и т.д. Однако появившись в сфере информатики и кибернетики, в нынешнее время вышеназванные, уже ставшие юридическими конструкциями и одновременно социально-политические явления продолжают оставаться малоизученными.

Сам А.С. Киселев считает, что «идея электронного государства – это способ выстраивания диалога органов государственной власти, местного самоуправления с населения в рамках реализации государственных функций, государственного управления и решения вопросов местного значения с учетом сокращения временных, физических и иных издержек посредством использования современных информационных технологий»[4].

По его мнению, данный тип государства подразумевает соблюдение демократических прав и свобод личности в процессе взаимодействия государственных органов власти и населения на основе использования современных технологий, что не должно подменять саму суть этих отношений. Также оно подразумевает развитие системы электронного документооборота, включая так называемые электронные реестры для общества и бизнеса. В то же время электронное государство предполагает создание каналов двухсторонних связей между государством и гражданами, личностью.

[1] Тоффлер Э. Третья волна. – М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2004. – С. 114.

[2] Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986. – С. 330–342.

[3] Данилов Н.А. Правовое регулирование электронного правительства в зарубежных странах: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2013. С. 27–28

[4] Киселев А.С. Формирование идеи электронного государства и особенности ее реализации: теоретико-правовое исследование: монография. М., 2022. С. 58.

Использование данного института позволяет обеспечить возможность участия граждан в вопросах местного, регионального и федерального значения. Что немаловажно – это обеспечение постоянного контроля со стороны граждан и общества за деятельностью государства и чиновников, что соответствует Федеральному закону «Об общественном контроле в Российской Федерации». Нельзя не отметить, что электронное государство качественно может способствовать повышению роли правовой, информационной и политической активности и грамотности, культуры граждан, хотя не без проблем. Как показывает практика, это наоборот, способствует крайней поляризации общества по политическим и правовым взглядам. Достижение всех этих целей и характеристик потребует не только времени, но и огромных инвестиций, как со стороны государства, так и со стороны бизнеса, общества. И в этой связи вполне очевидно, что процесс построения электронного государства является скорее целью будущего развития любого государства, требующего от общества принципиальных новаций и решений в области перспективных технологий, что, в конечном счете, может предопределить то, каким будет наше государство и страна. Во многом в этом плане мы зависим от тех стран, которые уже достигли в построении электронного государства значительных успехов, потому как существует фундаментальная закономерность – менее развитый попадает в зависимость от более развитого. В условиях же постиндустриального общества может произойти переход к новому историческому типу государства, именуемому нами постсовременным или государство постмодерна. По всей вероятности, этот переход, так же как и в других сходных случаях, будет представлять собою мутацию современного государства, влекущую за собою приобретение им качественно новых свойств. Это же касается и признаков государства, которые модифицируются в зависимости от подхода и этапа исторического рассмотрения того или иного периода.

Концепт «электронное государство» – это есть ничто иное как сформированное под влиянием современных научно-технических и социально-экономических факторов новое явление и феномен информационного порядка, когда мы доверяем (или наоборот, не доверяем) новым технологиям свою политическую жизнь и политическую судьбу и новым государственным функционированиям. Электронная демократия – это новый тип демократии, по примеру афинской демократии, или советской демократии, либеральной демократии. Однако, как мы считаем, вопреки сложившемуся в научной литературе взгляду, переход к электронному государству может быть и без демократической и правовой основы. Другими словами, необязательно изначально государство должно быть правовым и демократическим, чтобы стать «электронным».

Как показывает сегодняшняя действительность, такие государства как Россия, Индия и Китай не являются правовыми де-факто, однако это не мешает им совершенствовать свои технологические основы, выстраивая структуры и институты «электронного государства» в основе которых лежит *информация*. Тем более В.С. Нерсесянц считал, что у каждой страны свой собственный путь к утверждению правовой государственности[1], а, соответственно, и пути становления «электронного государства.

В настоящий момент, понятия «электронное государство» и «электронное правительство» часто отождествляют: в связи с возможным лингвистическим переводом «e-goverment» (от англ. – электронное правительство) может иметь множество семантических значений, иногда очень близких, что вносит смысловую неопределенность[2]. Поэтому законодательно требуется закрепить более релевантное понятие, чтобы не было разночтений в процессе правореализации данного сложного института.

М.А. Буринов отмечал, проблемы толкования англоязычного термина: «распространенный в мировой практике термин «e-goverment» имеет множество значений. В России наиболее популярным переводом является «электронное правительство». Тем не менее, в английском языке, в том числе в документах международно-правового значения, таких как Европейского Суда по правам человека, термин «e-goverment» выступает для обозначения государства в целом как общественно-политического института, представляемого всеми тремя ветвями власти, а не только правительством (исполнительной властью)»[3]. Другие авторы дают толкование термина «электронное государство» как обозначение всего государства в целом, представленного тремя ветвями власти, использующими в своей деятельности современные информационно-коммуникативные технологии[4]. Третьи, считают, что «электронное государство» являет собой совокупность инструментов реализации государственных полномочий в сфере оказания услуг гражданам, организациям, бизнесу, взаимодействия органов власти между собой в целях обеспечения интерактивного участия и прозрачности принимаемых решений, а также для улучшения демократических взаимоотношений и выстраивания демократического диалога между гражданами и государством[5]. Четвертые, полагают, что «электронное государство» – это способ организации государственной власти, ос-

[1] Нерсесянц В.С. Конституционно-правовой контроль / В.С. Нерсесянц. – М.: Юрид. лит., 2010.

[2] Там же, С. 58.

[3] Буринов М.А. Построение электронного государства как фактор модернизации государственного управления в регионах // Философия социальных коммуникаций. 2013. № 1. (22). С. 125.

[4] Решетняк В.И., Смагина В.С. Информационные технологии в гражданском судопроизводстве (российский и зарубежный опыт). М. 2017. С. 10.

[5] Понкин И.В. Концепт цифрового государства: понятие, природа, структура и онтология. // Государственная служба. 2021. Том 23. № 5. С. 47–53.

нованный на информационно-коммуникативных технологий[1].

Практически все эти и другие определения электронного государства весьма схожи, где-то более развернутые, где-то более сжатые, но концептуально мало отличающиеся друг от друга. Есть отличающаяся позиция, как например, Н.В. Лаврика, который полагает, что «электронное государство» есть форма электронного администрирования: «расширение доступа граждан к законотворческой деятельности в процессе реализации электронного государства создает предпосылки для формирования принципиально новой модели демократии – электронной демократии»[2].

Пожалуй, данный подход больше ориентирован на весьма специфическое и достаточно ограниченное «узкое» коммуникативно-административное понимание электронного государства, подразумевающее использование электронного государства как способа политической коммуникации общества и реального государства. Мы же считаем, что электронное государство как новый тип государства предлагает абсолютно новую модель функционирования и взаимодействия граждан с реальным государством.

Большинство этих представлений ограниченно смотрят на современное государство и его возможности с точки зрения технологического развития. А вот позиция Р.В. Азирова, вероятно, близка к истинной, согласно которой: «электронное государство» – наиболее широкий термин, предполагающий «электронизацию» всех элементов механизма государства, в том числе государственных органов, государственных учреждений, государственных предприятий, а также создание соответствующих механизмов взаимодействия с гражданским обществом. Термин «электронное правительство» уже в собственном смысле обозначает использование электронных технологий в деятельности органов исполнительной власти («правительства»)[3].

Все эти точки зрения, так или иначе, отражают некоторые отдельные моменты электронного государства, связанные в основном с механизмом государства в широком смысле. Но недостаток этих дефиниций заключается в том, что затрагивается только содержание электронного государства, а не его сущность и типология. Ведь принципиальный вопрос касается исследования и видения не столько функциональных характеристик электронного государства, сколько трансформации традиционного, классического государства как территориальной публично-властной организации в нечто совершенно новое. Вопрос в том, что происходит с традиционными свойствами государства в связи с тотальной цифровизацией всех сторон его жизнедеятельности. Например, когда в один прекрасный момент все органы государства – министерства, будут заменены на единственное ведомство – министерство по искусственному интеллекту (!). Мы утверждаем, что так называемые квазисовременные государства, по типу исламских государств, беря какие-то характеристики (свойства), присущие современным государствам по сути их имитируют. Анализируя практику государственного строительства государств ближневосточного региона, произошедшие там «цветные революции», мы можем констатировать, что фактически там наблюдается культурно-цивилизационный и эволюционный сдвиг[4]. Это и свидетельствует о том, что в науке сегодня нет глубокого понимания электронного государства. Это же касается как классических категорий теории государства и права, так и новых, таких как – «электронное правительство», «электронное правосудие», «электронная юстиция», «электронная адвокатура», «электронная демократия», «электронный нотариат».

По нашему мнению, содержательно «электронное государство» как новый тип государства, может быть охарактеризован появлением таких особенностей, как: 1) появление электронной бюрократии и электронной демократии; 2) обеспечение государством условий для выбора гражданами формы участия в государственном управлении; 3) подготовкой квалифицированных кадров, ответственных и обслуживающих ресурсы и документооборот электронного государства; снижение коррупции; усиление гражданской активности и инициативности; 4) формированием электронного правительства; 5) формированием механизма «одного окна» («государство сервис») в рамках интеграции государственных и муниципальных стандартов оказания услуг; 6) высоким уровнем компьютерной грамотности населения и создание консультационных, обучающих и сопровождающих центров; 7) гибридизацией инфраструктуры электронного государства негосударственных структур; 8) осуществлением системы электронного документооборота и полным переводом органов власти на него; 9) достижением высокого уровня правовой культуры граждан и их цифровой гражданской активности; 10) новым этапом развития гражданского и сетевых обществ; 11) готовность и заинтересованность государства в коммуникации в новом формате с гражданами и выполнения своих функций.

Безусловно, все эти характеристики «электронного государства» не являются исчерпывающими,

[1] Приходько Л.В. Зарубежный опыт внедрения и использования системы «электронный суд» // Государство и право. 2007. № 9. С. 82.

[2] Лаврик Н.В. Электронная демократия: проблемы и перспективы развития в России. // Вестник Забайкальского гос. ун-та. 2015. № 1 (116). С. 82.

[3] Азизов Р.Ф. Проблема соотношения термина «электронное правительство» и «электронное государство» в современном информационном праве. // Вестник Владимир. юрид. института. 2014. № 4 (33). С. 139.

[4] В той же Саудовской Аравии государство начинает расширять свободы своих граждан, гуманизировать традиционное исламское законодательство (мусульманское право), предоставлять расширенные права женщинам, ограничивая действие религии во многих сферах жизни общества (даже разрешая в специально отведенных местах употребление алкоголя, например в ОАЭ), то нам отнюдь не кажется, что они эмитируют современные государства. Скорее они становятся государствами переходного типа от традиционных к нетрадиционным, заимствуя отдельные их элементы и реально воплощая в политике государственного строительства.

учитывая то обстоятельство, что каждый день, что-то изобретается в сфере информационно-телекоммуникационных технологий и эти технологии практически сразу, порой без обсуждения с обществом внедряются в политико-правовую практику. Иногда это происходит неудачно, как например, объединение информационных баз тех или иных государственных органов, учреждений или служб, что потом признается и самим государством.

Для этого нам необходимо совершенствовать методологию научного познания, в сторону системности, что позволит: 1) преодолеть подход, предполагающий однонаправленную государственно-правовую трансформацию общества; 2) обозначить возможные альтернативные направления в государственно-правовом развитии общества; 3) определить тенденции преемственности и прерывности в развитии государственно-правовых явлений; 4) комплексно оценить как общие факторы всемирно-исторической эволюции государства и права, так и пространственно-временные и социальные (в том числе идеология, технология, информация, коммуникация, гражданин) факторы и условия развития государства и права; 5) сфокусировать внимание на роли и значении личности в развитии государства и права.

В целом можно выделить следующие модели электронного государства в зависимости от особенностей их ресурсов, инструментов и платформ:

- *Азиатская модель.* Особенностями данного типа электронного государства является специфика модели информационно-государственного управления. Главный аспект в политике данной модели – это всемерное удовлетворение информационных потребностей граждан, внедрение ИТ-технологий в систему образования, политики и культуры. Благодаря созданию единого информационного пространства позиции государства усиливаются, а также поддерживается основной принцип демократии, где народ выступает как источник и носитель власти.
- *Англо-американская модель.* Эти модели встречаются в Канаде, США и Великобритании. Особенности политической системы – создание информационных каналов для получения гражданами необходимой информации в процессе электорального цикла и политических отношений. Все услуги прозрачны, правительство несет ответственность за свои действия перед гражданами. Основной акцент в данной модели сделан на решении следующих задач – расширение сферы предоставления услуг, медицинских и правовых, максимально эффективное использование социальной информации, достижение полного охвата. Так, в Великобритании основная цель программы заключается в освобождении государственных служащих от выполнения рутинных задач.
- *Континентально-европейская модель.* Типичные особенности данной модели – наличие государственных институтов, рекомендации которых исполняются всеми странами Евросоюза, особенно Швейцарии. Система предполагает высокую степень интеграции – единое информационное пространство, единая валюта, единая система законодательства, регулирующая информационные отношения, единая экономическая зона, шенгенская.
- *Построссийская модель* (Россия, Беларусь, Казахстан, Узбекистан). Основные задачи системы электронного государства – повышение эффективности функционирования государственного, регионального и местного управления, создание конгломераций в экономике, обеспечение свободного доступа к информации и получения максимального спектра государственных услуг гражданами. Существующие нормативные правовые акты Российской Федерации в данной области предусматривают развитие по десяти направлениям, среди которых – обеспечение открытости в работе органов государственной власти и совершенствование их деятельности.

Можно ещё назвать пятую модель, которая формируется в странах Ближнего Востока (*Ближневосточная и африканская модель*), учитывая специфику в целом регионов – отличающуюся инновациями в различных сферах государственного управления, начиная с налогового администрирования и услугами туризма и заканчивая бизнесом и недвижимостью.

Таким образом, электронное государство является закономерным итогом развития информационно-коммуникативных технологий, с одной стороны, а с другой – результатом эволюции постиндустриального общества, где информация стала ключевым фактором общественного разделения труда и продуктом экономического развития рынка производства товаров, услуг и рекламы.

Литература

1. Афанасьева О.В. Электронное государство: правовые аспекты. М., ВШЭ. 2012.
2. Бачило И.Л. Государство и право XXI в. Реальное и виртуальное. / И.Л. Бачило. М., 2012.
3. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 1999.
4. Голоскоков Л.В., О Делл Мария, Голоскокова Т.И. Сетевые аспекты развития права, государства, общества. Монография. / Голоскоков Л.В. Изд-во Лань. Москва, 2021.
5. Глобальная геополитика. Колл. монография / Под редакцией И.И. Абылгазиева, И.В. Ильина, И.Ф. Кефели. – М.: Издательство Московского университета, 2017.
6. Данилов Н.А. Правовое регулирование электронного правительства в зарубежных странах: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2013. С. 27–28.
7. Дятлов С.А. Информационно-сетевая экономика: структура, динамика, регулирование: монография / ред. кол. С.А. Дятлов, В.П. Марьянен-

ко, Т.А. Селищева. – Санкт-Петербург: Астерион, 2008. – 413 с.
8. Зайченко Е.В. Информационное обеспечение в гражданском и арбитражном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.15. М., 2013.
9. Иншакова Е.Г. «Электронное правительство» в публичном управлении: административно-правовые проблемы организации и функционирования: дис. …канд. юрид. наук: 12.00.14. – М., 2015.
10. Иншакова Е.Г. Электронное правительство в публичном управлении: монография / Е.Г. Иншакова. – Москва: Издательство Юрайт, 2023.
11. Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М., 2000.
12. Кашина Е.А. Формирование электронного правительства в Российской Федерации: социально-политический аспект: дис. … канд. полит. наук: 23.00.02. – М., 2009.
13. Киселев А.С. Формирование идеи электронного государства и особенности ее реализации: теоретико-правовое исследование: Дис. …к.ю.н.: 12.00.01 / Киселев Александр Сергеевич: Белгород. гос. нац. исслед. ун-т. Белгород, 2018.
14. Киселев А.С. Формирование идеи электронного государства и особенности ее реализации: теоретико-правовое исследование: монография. / Киселев А.С. Белгород, 2022. С. 51.
15. Корниенко С. И., Гагарина Д.А., Поврозник Н.Г. Исторические информационные системы: теория и практика: монография / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики. – 2021. – С. 89.
16. Маслова Н.Р. Информационно-аналитические методы в системе электронного правительства Югры: опыт ситуационного анализа и прогнозирования долгосрочного социально-экономического развития региона: монография / Н.Р. Маслова, А.Е. Севастьянова, В.В. Шмат; под ред. В.Д. Кривых. – Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2009. – 65 с.
17. Рассолов М.М. Информационное право: анализ и решение практических задач. М., 1998.
18. Сединкин М.А. Электронное правительство. Или как открыть власть для общества?: монография / М.А. Седенкин. – Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2011. – 255 с.
19. Формирование общественной потребности в развитии систем электронного правительства и электронной демократии в современной России: монография / под ред. А.А. Коробова, Т.С. Мельниковой, Н.В. Митяе-вой. – Саратов: Саратовский соц.-эконом. ин-т РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2016. – 148 с.
20. Хабриева Т.Я. «Цветные революции» и «арабская весна» в конституционном измерении: политолого-юридическое исследование: монографии / Т.Я. Хабриева, В, Е. Чиркин. – М.: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2018.
21. Чиркин В.Е. Территориальная организация публичной власти: монография / В.Е. В.Е. Чиркин. Москва: Норма: Инфора – М, 2021. С. 10–41.
22. Четвернин В.А. Демократическое конституционное государство: введение в теорию / В.А. Четвернин; Рос. АН, Ин-т государства и права. – Москва: ИГПАН, 1993. – 140 с.
23. Ценность права в условиях цифровой реальности: монография / под общ. ред. О.Ю. Рыбакова. Москва: Проспект, 2023.
24. Хабибулин А.Г. Идеологическая деятельность государства и типология государственности: монография / А.Г. Хабибулин, Р.А. Рахимов; М-во внутр. дел РФ. С.-Петерб. ун-т МВД РФ. – Санкт-Петербург, 1998.
25. Цифровизация правотворчества: поиск новых решений: монография / Д.А. Пашенцев, М.В. Залоило, О.А. Иванюк, А.А. Головина; под общей редакцией доктора юридических наук, профессора Д.А. Пашенцева; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – Москва: Инфра-М, 2019.
26. Цифровизация правоприменения: поиск новых решений: монография / Д.А. Пашенцев, М.В. Залоило, О.А. Иванюк, А.А. Головина; под общей редакцией доктора юридических наук, профессора Д.А. Пашенцева; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – Москва: Инфра-М, 2022. С. 11–34.
27. Юртаев А.Н. Электронное правительство: концептуальные подходы к построению: монография / А.Н. Юртаев. – Казань: Казанский гос. ун-т, 2007. – 183 с.

ELECTRONIC STATE AS A NEW TYPE OF MODERN STATE

Strakhov I.A.
RUAN named after G.B. Mirzoev

This article attempts to provide a justification and description of the “electronic state” as a new independent type of modern state. In today’s stream of scientific and educational literature, there are various author’s views on the modern electronic state. However, these, as a rule, well-known views are not limited to views in modern legal science. Moreover, today, interest in the electronic state and its transformation in connection with the current geopolitical and national-historical processes is very relevant. Difficulties in understanding lie not only in the limited and unsystematic ideas about such a modern state, interest in which has been revived at a new stage in the development of science, but also in the emergence of new, previously non-existent modifications of such a state in the world. Despite the common and largely identical ideas of researchers, modern science, nevertheless, in its problematic discourse, considers the electronic state as a kind of cross-section of the modern state. However, in our opinion, the electronic state is currently acquiring the status of a new phenomenon that did not exist before. In our article, as a result of a comprehensive systematization and generalization of scientific literature, we tried to establish a new idea in science that the electronic state is a completely new type of modern state.

Keywords: electronic state, modern state, legal science, electronic government, information society.

References

1. Afanasyeva O.V. Electronic state: legal aspects. M., Higher School of Economics. 2012.
2. Bachilo I.L. State and law of the XXI century. Real and virtual. / I.L. Bachilo. M., 2012.
3. Bell D. The Coming Post-Industrial Society. M., 1999.
4. Goloskokov L.V., O Dell Maria, Goloskokova T.I. Network aspects of the development of law, state, society. Monograph. / Goloskokov L.V. Publishing house Lan. Moscow, 2021.
5. Global geopolitics. Coll. monograph / Edited by I.I. Abylgazieva, I.V. Ilyina, I.F. Kefeli. – M.: Moscow University Publishing House, 2017.
6. Danilov N.A. Legal regulation of e-government in foreign countries: dis. …cand. legal Sciences: 12.00.01. M., 2013. pp. 27–28.
7. Dyatlov S.A. Information-network economy: structure, dynamics, regulation: monograph / ed. count S.A. Dyatlov, V.P. Maryanenko, T.A. Selishcheva. – St. Petersburg: Asterion, 2008. – 413 p.
8. Zaichenko E.V. Information support in civil and arbitration proceedings: abstract. dis. …cand. legal Sciences: 12.00.15. M., 2013.
9. Inshakova E.G. "Electronic government" in public administration: administrative and legal problems of organization and functioning: dis. …cand. legal Sciences: 12.00.14. – M., 2015.
10. Inshakova E.G. Electronic government in public management: monograph / E.G. Inshakova. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2023.
11. Inozemtsev V.L. Modern post-industrial society: nature, contradictions, prospects. M., 2000.
12. Kashina E.A. Formation of electronic government in the Russian Federation: socio-political aspect: dis. …cand. watered Sciences: 23.00.02. – M., 2009.
13. Kiselev A.S. Formation of the idea of an electronic state and features of its implementation: theoretical and legal research: Dis. …candidate of legal sciences: 12.00.01 / Kiselev Alexander Sergeevich: Belgorod. state national research univ. Belgorod, 2018.
14. Kiselev A.S. Formation of the idea of the electronic state and features of its implementation: theoretical and legal research: monograph. / Kiselev A.S. Belgorod, 2022. P. 51.
15. Kornienko S.I., Gagarina D.A., Povroznik N.G. Historical information systems: theory and practice: monograph / National Research University Higher School of Economics. M.: Publishing house. house of the Higher School of Economics. – 2021. – P. 89.
16. Maslova N.R. Information and analytical methods in the e-government system of Ugra: experience in situational analysis and forecasting of long-term socio-economic development of the region: monograph / N.R. Maslova, A.E. Sevastyanova, V.V. Shmat; edited by V.D. Curves. -Khanty-Mansiysk: Polygraphist, 2009. – 65 p.
17. Rassolov M.M. Information law: analysis and solution of practical problems. M., 1998.
18. Sedinkin M.A. Electronic government. Or how to open up power for society?: monograph / M.A. Sedenkin. – Ekaterinburg: AMB Publishing House, 2011. – 255 p.
19. Formation of public need for the development of e-government and e-democracy systems in modern Russia: monograph / ed. A.A. Korobova, T.S. Melnikova, N.V. Mityae-howl. – Saratov: Saratov Soc.-Economy. Institute of Russian Economics named after. G.V. Plekhanov, 2016. – 148 p.
20. Khabrieva T.Ya. "Color revolutions" and the "Arab spring" in the constitutional dimension: political science and legal research: monographs / T. Ya. Khabrieva, V, E. Chirkin. – M.: IZiSP: Norma: INFRA-M, 2018.
21. Chirkin V.E. Territorial organization of public authority: monograph / V.E. V.E. Chirkin. Moscow: Norma: Infora – M, 2021. P. 10–41.
22. Chetvernin V.A. Democratic constitutional state: introduction to theory / V.A. Chetvernin; Ross. AN, Institute of State and Law. – Moscow: IGPAN, 1993. – 140 p.
23. The value of law in the context of digital reality: monograph / edited by. ed. O. Yu. Rybakova. Moscow: Prospekt, 2023.
24. Khabibulin A.G. Ideological activity of the state and typology of statehood: monograph / A.G. Khabibulin, R.A. Rakhimov; M-internal Affairs of the Russian Federation. St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. – St. Petersburg, 1998.
25. Digitalization of lawmaking: search for new solutions: monograph / D.A. Pashentsev, M.V. Zaloilo, O.A. Ivanyuk, A.A. Golovina; under the general editorship of Doctor of Law, Professor D.A. Pashentsev; Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. – Moscow: Infra-M, 2019.
26. Digitalization of law enforcement: search for new solutions: monograph / D.A. Pashentsev, M.V. Zaloilo, O.A. Ivanyuk, A.A. Golovina; under the general editorship of Doctor of Law, Professor D.A. Pashentsev; Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. – Moscow: Infra-M, 2022. P. 11–34.
27. Yurtaev A.N. Electronic government: conceptual approaches to construction: monograph / A.N. Yurtaev. – Kazan: Kazan State. univ., 2007. – 183 p.

Проблемные вопросы административно-правового регулирования в сфере охраны здоровья граждан Российской Федерации

Васильева Светлана Валерьевна,
к.ю.н., доцент кафедры юридических дисциплин Смоленского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: smol@ranepa.ru

Купченко Константин Владимирович,
к.и.н., доцент кафедры юридических дисциплин Смоленского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: smol@ranepa.ru

Комиссарова Елена Александровна
ст. преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Смоленского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: smol@ranepa.ru

Шерашенкова Екатерина Алексеевна,
к.п.н., доцент кафедры юридических дисциплин Смоленского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: smol@ranepa.ru

Федоскин Николай Николаевич
к.п.н., доцент кафедры юриспруденции Смоленского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
E-mail: nnfedoskin@yandex.ru

В статье анализируются проблемные вопросы регулирования административно-правовых отношений и разграничения полномочий в системе здравоохранения. Современное общество нуждается в государственном контроле и надзоре в сфере здравоохранения, который выражается в санитарно-эпидемиологическом благополучии населения, в защите прав потребителей в области применения медицинских услуг и многое другое. Исследование темы и правоприменительная практика определила наличие проблемы в области административно-правового регулирования, что обусловило необходимость разработки механизма защиты общества и государства от коллизий и пробелов в области охраны здоровья граждан и здравоохранения в целом. Поэтому реформирование невозможно без совершенствования законодательства. Авторы отмечают, что при реализации законодательства, необходимо обратить внимание организационно-правовым вопросам управления здравоохранением, т.е. административной составляющей. К ним можно отнести: источники финансирования, нарушение поставок медицинского оборудования, лекарственных средств, нарушение установленных социальных гарантий медицинскому персоналу. Важным и острым вопросом остается кадровая политика (нехватка квалифицированного медицинского персонала, маленькая оплата труда). Много вопросов вызывает система лицензирования медицинских услуг при осуществлении деятельности, связанной с организацией и финансированием, обеспечением медицинской деятельности. Одной из проблем административно-правовых отношений в области медицины является ее правовая регламентация. Авторы приходят к выводу, что своевременное решение и анализ проблем позволит внести соответствующие поправки в законодательство об оказании медицинских услуг населению.

Ключевые слова: медицинское право, административно-правовое регулирование, правоприменительная практика, оказание услуг, надзорные полномочия.

В ст. 41 Конституции Российской Федерации [1] гарантируется право граждан как получение бесплатной медицинской помощи квалифицированными специалистами в муниципальных и государственных учреждениях здравоохранения. Соответственно от качественного регулирования административных правоотношений в области охраны здоровья зависит и реализация данного права.

Охрана здоровья населения и его административно-правовое регулирование взаимосвязано и влияет на качество предоставляемых услуг населению. Ошибки в сегменте государственного управления неблагоприятно отражаются на качестве жизни граждан, их состоянии здоровья, а также на их продолжительности жизни.

Так, по официальным данным уровень жизни и ее продолжительность постепенно растет. В 2023 году средняя продолжительность жизни населения составила 73,4 года. В 2022 году средняя продолжительность составила 72,7[2]. Эти данные свидетельствуют об определенном уровне развития медицины, причем не только в стране, но и в мире в целом, детской смертности, различных заболеваниях 21 века, условиях работы и заработка и многие другие факторы. Ключевую роль в регулировании данного процесса выполняют различные органы государственно-административного контроля и надзора.

Министерство здравоохранения является одним из главных субъектов который в области медицины осуществляет государственную политику, координирует, и контролирует все действия других субъектов. К таким субъектам можно отнести Федеральную службу по надзору в сфере здравоохранения, Федеральное медико-биологическое агентство (ФМБА), Фонд обязательного медицинского страхования, государственные и муниципальные учреждения здравоохранения. Каждый субъект действует строго на основании нормативных актов. Так, Министерство здравоохранения РФ осуществляет свою деятельность основываясь на положениях Постановления Правительства РФ от 19.06.2012 № 608 «Об утверждении Положения о Министерстве здравоохранения Российской Федерации» [3].

Еще одним субъектом в области контрольно-надзорной деятельности является Росздравнадзор. Как орган исполнительной власти данный субъект организует свою деятельность в рамках Постановления Правительства РФ от 30.06.2004 № 323 «Об утверждении Положения о Федеральной службе по надзору в сфере здравоохранения» [4]. Росздравнадзор в рамках закона имеет право проводить плановые и внеплановые проверки медицинских организаций, а именно осуществлять кон-

троль за предоставлением качественных медицинских услуг населению, надзор за реализацией программ в области здравоохранения на региональном и федеральном уровнях и многое другое. Федеральное медико-биологическое агентство России (ФМБА) еще один субъект в области административно-правового регулирования здравоохранения. Его деятельность регулируется нормами установленными Постановлением Правительства РФ от 11.04.2005 № 206 «О Федеральном медико-биологическом агентстве» [5]. На данный субъект возложены следующие функции: контроль и надзор за эпидемиологической ситуацией в государстве и санитарно-эпидемиологический надзор в отраслях промышленности, где присутствуют опасные условия труда, управление госимуществом в медицинской сфере, контроль обеспечение и предоставление безопасной донорской крови и т.д.

Как мы видим, для охраны здоровья граждан, государством создан и действует государственно-правовой механизм, который выражается в надзорно-контрольной деятельности органов государственной власти по охране права человека на предоставление медицинской помощи и охраны здоровья населения. Значимость имеющегося административного аппарата обуславливает и анализ проблем существования административно-правового регулирования.

В частности, множественность нормативно-правовых актов в области здравоохранения их несогласованность и разрозненность. Возможно было бы целесообразно объединить ряд нормативных актов в кодифицированный источник. Это дало бы упорядочивание отрасли права. Еще одной существующей проблемой можно считать отсутствие четкого понимания таких терминов как “контроль” и “надзор”, а также их применение. Эти два понятия очень часто отожествляются, что сильно затрудняет деятельность подконтрольных и поднадзорных субъектов. Как отмечают многие авторы, например, Т.О. Шилюк, для решения данной проблемы необходимо разделить исполнительный орган власти от административного органа контроля, который определяет политику в области здравоохранения и ее реализацию. Все это поможет обеспечить «обратную связь в системе: норма правового акта – подпадающая под ее регулирование медицинская организация – уполномоченный орган власти. Как результат, реализация контролирующих функций должна приводить к выявлению и устранению правовых коллизий и способствовать обеспечению конституционных прав граждан» [6, с.132]. И третьей проблемой можно отметить организационную деятельность органов здравоохранения, а именно отсутствие единой системы контроля органов государственной и муниципальной власти. Государственная политика в области управления здравоохранения министерствами и ведомствами на сегодняшний день не имеет единого комплексного подхода и их деятельность раскоординирована, отсутствует межведомственное взаимодействие.

Государственный контроль и надзор – это механизм обеспечения законности и безопасности. Эффективность государственного контроля и надзора напрямую зависит от множества факторов, влияющих на его организацию и осуществление. Все государственно-управленческие функции в области здравоохранения реализуются через административно-надзорное производство.

Главная цель государственного контроля и надзора – обеспечить соблюдение законов, конституционных прав и свобод граждан, а также защитить безопасность государства. По мнению В.А. Юсупова, «правоприменительная деятельность органов государственного управления осуществляется с целью реализации норм материального права, что невозможно без системы процессуальных норм, тесно связанных с ними» [8, с.764].

На основании статистических данных за 2023 год Росздравнадзором было проведено 426 внеплановых проверок, связанных с государственным контролем в области здравоохранения при предоставлении медицинскими организациями услуг. Что касается проведения плановых проверок контрольно-надзорными организациями, то с 2022 года по 2030 года введен мораторий. Статьей 2 Постановлением Правительства РФ от 10.03.2022 № 336 «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля» дается перечь организаций, в отношении которых допускается проведение плановых контрольно-надзорных проверок и которые относятся к категории «с чрезвычайным высоким риском» и с «высоким риском». Однако, несмотря на мораторий многие учреждения здравоохранения в 2023 году получили административные штрафы: за отсутствие лицензии, смерть пациента или причинение вреда, невыполнение стандартов, отсутствие или недостаточность необходимого медицинского оснащения и т.д.

Анализ статистики говорит о том, что нарушение установленных законом требований медицинскими организациями явление достаточно частое, которое требует постоянного контроля со стороны государственных надзорных (контрольных) инстанций.

В соответствии с нормами Федерального закона от 21.11.2011 года № 323-ФЗ контроль качества и безопасность деятельности медицинских организаций осуществляется в форме внутреннего, ведомственного и государственного контроля. С точки зрения административно-правового регулирования все три формы контроля обеспечивают безопасность предоставления медицинских услуг и охрану здоровья населения.

Основной формой надзорно-контрольной деятельности в области здравоохранения является проведение проверок. Многие практики считают проведение плановых проверок неэффективными, в связи с чем Министерство экономического развития Российской Федерации внесло предложение заменить плановые проверки медицинских организаций на профилактические визиты надзор-

ных органов. Минэкономразвития указывает, что такие визиты будут носить обязательный характер, а вместо административных штрафов будут выдаваться предписания об устранении нарушений. Однако, в случае неисполнения выданных предписаний должностное лицо может получить штраф. По мнению министерства такие профилактические визиты обеспечат комплексную проверку контролирующими органами выполнения обязательных требований, установленных для медицинских организаций и принятие мер по устранению выявленных нарушений.

Так, Росздравнадзор в 2020 году приостановил в Российской Федерации производство и применение аппарата легких ИВЛ» АВЕНТА-М», которые использовались для оказания экстренной медицинской помощи при повреждении легких. Данные аппараты использовались в городской клинической больнице города Москвы и Санкт-Петербурга, где произошли пожары.

Росздравнадзором была проведена внеплановая проверка на качество и безопасность эксплуатации данных аппаратов как на заводе производителе, так и в больницах.

На этапе проверки были выявлены нарушения, связанные с производственными процессами, а именно с существенными нарушениями завода -производителя и несоответствия товара, эго эксплуатационных и технической документации.

При этом надзорной инстанций взаимосвязь пожара и эксплуатации ИВЛ АВЕНТА-М установлено не было.

Был составлен акт, где надзорной инстанцией Росздравнадзор АО «Уральскому приборостроительному заводу» предписывалось произвести корректирующие действия в отношении аппаратов ИВЛ АВЕНТА-М и тщательно их перепроверить [9].

С 1 июля 2021 года был введен в действие Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» от 31.11.2020 г. № 248-ФЗ, в соответствии с которым был расширен перечень контрольных мероприятий по государственному надзору. В силу статьи 70 указанного закона появилась новая модель контроля – инспекционный визит. Суть ее состоит в том, что контролирующий орган без предупреждения с конкретным контролирующим лицом проводит надзорно-контролирующие действия. Такая форма дает возможность контролирующему органу проводить осмотр, осуществлять опрос, получать объяснения как в письменной, так и в устной формах, истребовать необходимые документы. Возможно, такая мера как расширение перечня надзорно-контрольных мероприятий в сфере здравоохранения положительно скажется в дальнейшем на повышение эффективности государственного контроля. Также это должно благоприятно сказаться на применение правоприменительной практики в разрешении возможных противоречий в пользу контролируемых субъектов.

При применении государственного контроля в сфере здравоохранения отдельно можно выделить контроль и надзор государства в области охраны здоровья в отношении трудоспособного населения. Данная форма контроля хоть и имеет схожие черты с государственным контролем медицинских учреждений, однако обладает рядом специфических черт. Во-первых, она обладает специфической направленностью, во-вторых, контролируется исключительно органами исполнительной власти разной подведомственности, это значит, что контроль может осуществляться не только органами здравоохранения.

Не смотря на ново введения и расширения форм надзорно-контрольной деятельности в области здравоохранения основной формой контроля и надзора со стороны государственной власти остается проведение внеплановых проверок, которые осуществляет Росздравнадзор. С учетом происходящих реформ, оптимизации в здравоохранении трудовых и экономических затрат расширение перечня контролирующих мероприятий возможно является правильным решением законодателя.

Федеральная монопольная служба указывает на существование такой проблемы в правоприменительной практике, как раскоординация деятельности контролирующих органов государственной власти при проведении мероприятий по проверке и отсутствие межведомственного взаимодействия. Все это приводит к превышению своих должностных полномочий и дублирования контролирующих функций друг друга. Так, Росздравнадзор выполняет контролирующие функции других надзорных органов, например деятельность Росстандарта в обязанности которого входит контролировать вопросы, связанные с метрологическим надзором или проведением измерений. Также Росздравнадзор в соответствии с проанализированными актами вместо Федеральной службы по труду и занятости осуществляет функции по проверке должностных инструкций медицинского персонала.

Исходя из предоставленных ежегодных докладов, статистических исследований различными надзорными органами можно сделать вывод о стабильном росте административных правонарушений в области здравоохранения и достаточно низком уровне проводимых мероприятий по контролю и надзору охраны здоровья населения и предоставления медицинских услуг.

Контролирующие и надзорные функции реализовываются не только в виде внеплановых проверок, но и в других формах, предусмотренных законодательством.

Таким образом можно сделать вывод, что с принятием нового закона методы осуществления государственного контроля стали более разнообразны. Возникающие проблемы в правоприменительной практике разрешаются на основании установленных правовых норм, где приоритет отдается нормам административного права так как именно административные нормы, устанавливают ответственность за правонарушения связанные с медицинской деятельностью и выявленные в ходе государственного контроля.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)//Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru
2. Продолжительность жизни в России: по годам и регионам в 2024 году https://gogov.ru/articles/life-expectancy
3. Постановление Правительства РФ от 19.06.2012 № 608 (ред. от 30.11.2023) «Об утверждении Положения о Министерстве здравоохранения Российской Федерации»// Собрание законодательства РФ, 25.06.2012, № 26, ст. 3526.
4. Постановление Правительства РФ от 30.06.2004 № 323 (ред. от 13.10.2022) «Об утверждении Положения о Федеральной службе по надзору в сфере здравоохранения»//Российская газета, № 144, 08.07.2004.
5. Постановление Правительства РФ от 11.04.2005 № 206 (ред. от 28.07.2022) «О Федеральном медико-биологическом агентстве»// Российская газета, № 84, 22.04.2005.
6. 5. Шилюк, Т.О. Административно-правовое регулирование в области здравоохранения: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.14 / Т.О. Шилюк. – М., 2010. – 232 с.
7. Решение Дзержинского районного суда г. Новосибирска № 2А-1160/2020 2А-1195/2020 2А-1195/2020~М-444/2020 М-444/2020 от 14 февраля 2020 г. по делу № 2А-1160/2020// https://sudact.ru
8. Юсупов, В.А. Труды по административному праву: в 3 т. – М.: НП «Евразийская акад. адм. наук», 2011. – Т. 1. – 764 с.; 2012. – Т. 2. –780 с.
9. Обзор правоприменительной практики контрольно-надзорной деятельности Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения за 2020 год (утв. Федеральной службой по надзору в сфере здравоохранения)//https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400258669/
10. Постановление Правительства РФ от 16.07.2009 № 584 (ред. от 03.02.2023) «Об уведомительном порядке начала осуществления отдельных видов предпринимательской деятельности» (вместе с «Правилами представления уведомлений о начале осуществления отдельных видов предпринимательской деятельности и учета указанных уведомлений»)//Собрание законодательства РФ, 27.07.2009, № 30, ст. 3823.
11. Федеральный закон от 30.03.1999 № 52-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»//Российская газета, № 64–65, 06.04.1999.
12. Воронкова С.В. Государственный контроль и надзор в сфере охраны здоровья трудоспособного населения: административно-правовые аспекты: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.14 / С.В. Воронкова – М., 2020–302 с.

PROBLEMATIC ISSUES OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION IN THE FIELD OF HEALTH PROTECTION OF CITIZENS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Vasilyeva S.V., Kupchenko K.V., Komissarova E.A., Sherashenkova E.A., Fedoskin N.N.

Smolensk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article analyzes the problematic issues of regulation of administrative and legal relations and the division of powers in the healthcare system. Modern society needs state control and supervision in the field of healthcare, which is expressed in the sanitary and epidemiological well-being of the population, in the protection of human rights consumers in the field of medical services and much more. The study of the topic and law enforcement practice identified the existence of a problem in the field of administrative and legal regulation, which necessitated the development of a mechanism to protect society and the state from collisions and gaps in the field of public health and healthcare in general. Therefore, reform is impossible without improving legislation. The authors note that when implementing legislation, it is necessary to pay attention to organizational and legal issues of healthcare management, i.e. the administrative component. These include: sources of financing, violation of the supply of medical equipment, medicines, violation of established social guarantees to medical personnel. Personnel policy remains an important and pressing issue (lack of qualified medical personnel, low wages). The licensing system of medical services raises many questions in the implementation of activities related to the organization and financing, provision of medical activities. One of the problems of administrative and legal relations in the field of medicine is its legal regulation. The authors conclude that timely solution and analysis of problems will allow making appropriate amendments to the legislation on the provision of medical services to the population.

Keywords: medical law, administrative and legal regulation, law enforcement practice, provision of services, supervisory powers.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020)//The official Internet portal of 0legal information http://www.pravo.gov.ru
2. Life expectancy in Russia: by year and region in 2024 https://gogov.ru/articles/life-expectancy
3. Resolution of the Government of the Russian Federation dated 06/19/2012 No. 608 (as amended on 11/30/2023) “On approval of the Regulations on the Ministry of Health of the Russian Federation”//Collection of Legislation of the Russian Federation, 06/25/2012, No. 26, Article 3526.
4. Resolution of the Government of the Russian Federation of 30.06.2004 No. 323 (as amended on 10/13/2022) “On approval of the Regulations on the Federal Service for Supervision of Healthcare”//Rossiyskaya Gazeta, No. 144, 08.07.2004.
5. Decree of the Government of the Russian Federation dated 11.04.2005 No. 206 (ed. dated 07/28/2022) “On the Federal Medical and Biological Agency”//Rossiyskaya gazeta, No. 84, 04/22/2005.
6. Shilyuk, T.O. Administrative and legal regulation in the field of healthcare: dis. … cand. Jurid. sciences’: 12.00.14 / T.O. Shilyuk. – M., 2010. – 232 p.
7. Decision of the Dzerzhinsky District Court of Novosibirsk No. 2A-1160/2020 2A-1195/2020 2A-1195/2020~M-444/2020 M-444/2020 dated February 14, 2020 in case No. 2A-1160/2020// https://sudact.ru
8. Yusupov, V.A. Proceedings on administrative law: in 3 volumes. – M.: NP “Eurasian Academy of Administrative Sciences”, 2011. – Vol. 1. – 764 p.; 2012. – Vol. 2. –780 p.
9. Review of law enforcement practice of control and supervisory activities of the Federal Service for Supervision in the field of healthcare for 2020 (approved by the Federal Service for Supervision of Healthcare)//https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400258669/

10. Decree of the Government of the Russian Federation dated 07/16/2009 No. 584 (as amended on 02/03/2023) “On the notification procedure for the commencement of certain types of entrepreneurial activity” (together with the “Rules for submitting notifications on the commencement of certain types of entrepreneurial activity and accounting for these notifications”)//Collection of Legislation of the Russian Federation, 07/27/2009, No. 30, Article 3823.
11. Federal Law No. 52-FZ of 30.03.1999 (as amended on 07/24/2023) “On sanitary and epidemiological welfare of the population”//Rossiyskaya Gazeta, No. 64–65, 04/06/1999.
12. Voronkova S.V. State control and supervision in the field of health protection of the able-bodied population: administrative and legal aspects: dis. … cand. Jurid. sciences’: 12.00.14 / S.V. Voronkova – M., 2020–302 p.

Основные аспекты публично-правового регулирования страховой деятельности в государствах Центральной Европы

Школик Олег Александрович,
кандидат экономических наук, доцент, Уральский юридический институт МВД России
E-mail: o.shkolik@mail.ru

В статье освещаются результаты исследования практики национального и международного правового регулирования деятельности финансовых компаний, оказывающих финансовые услуги в сфере страхования. Территориальный охват исследования ограничен юрисдикцией государств Центральной Европы, как являющихся членами Европейского Союза – Австрия и Германия, так и не являющихся членами данного межгосударственного объединения – Швейцария. Рассматриваются актуальные новации в законодательстве отдельных европейских стран и в законодательстве Европейского Союза, а также освещаются перспективные направления для расширения публично-правового регулирования деятельности на европейских финансовых рынках. На примере реального субъекта европейского страхового рынка анализируются особенности правового регулирования экстерриториальной деятельности страховых компаний. Освещаются и характеризуются виды общих и секторальных требований, предъявляемых к финансовым компаниям, в разрезе указанных требований систематизируются конкретные правовые акты регулирующие публичные отношения в сфере страхования. С позиции выявленных регулятивных недостатков исследуются актуальные тенденции в правовом регулировании страховой деятельности, рассматриваются и анализируются негативные правовые материальные и процессуальные последствия и непредвиденные экономические эффекты негативного свойства, которые обусловлены недостатками регулирования, а также приводится авторское видение базовых принципов публично-правового регулирования на финансовых рынках.

Ключевые слова: страхование; финансовые компании; финансовые рынки; финансовые институты; государственное регулирование; страховая деятельность; страховой надзор.

На протяжении временного отрезка равного веку можно наблюдать, как мировая финансовая система развивалась и с каждым новым десятилетием становилась все более сложной. С ее развитием естественно развивалось и усложнялось публично-правовое регулирование деятельности на мировых финансовых рынках. Это проявлялось как в развитии фундаментальных аспектов – введения финансовых нормативов, установления требований и обязательных процедур, формирования и применения административных санкций и т.д., так и в элементарных физических аспектах. Взять, к примеру Закон Гласса-Стиголла (Banking Act), который был принят в США в 1933 году и на протяжении 66 лет регулировал обособленное функционирование коммерческого банкинга и инвестиционного сервиса, препятствуя консолидации рисков свойственных совмещению классической банковской деятельности с оказанием инвестиционных услуг. При этом физический объем данного правового акта ограничивался всего 37 страницами. Напротив, федеральный закон Додда-Франка о реформе Уолл-стрит и защите прав потребителей (Dodd-Frank Act), принятый в 2010 году и призванный обеспечить финансовую стабильность в национальной финансовой системе США, вместе со всеми дополнениями и приложениями содержит более 8000 страниц.

Аналогичная ситуация наблюдается и в развитых государствах Европы, где только за период 2008–2018 годов были разработаны и внедрены в публично-правовое регулирование финансовых рынков нормативные акты, насчитывающие более 5000 страниц. Многие из этих актов содержат положения о создании специальных надзорных органов, о требованиях к капиталу финансовых организаций, а также о внедрении методов и нормативов обеспечения их финансовой стабильности. Примерами здесь могут служить акты, в соответствии с которыми осуществлено создание Европейского совета по системным рискам и трех надзорных органов – Европейского банковского управления (EBA), Европейского управления по ценным бумагам и рынкам (ESMA) и Европейского управления по страхованию и пенсионному обеспечению (EIOPA), внедрены Постановления о регулировании рыночной инфраструктуры, Директива о требованиях к капиталу в рамках Базеля III, Европейские Директивы о регулировании рынка финансовых инструментов (MiFID I, MiFID II).

Активное нормотворчество, вызвало множество споров по поводу эффекта от объема, интенсивности и сложности регулирования для европей-

ских финансовых рынков в целом, и страхового сектора в частности. Например, в рамках нескольких отраслевых исследований было установлено, что публично-правовое регулирование рассматривается как самый значимый риск для страхового сектора [1, 2]. Так в рамках опросных исследований было установлено, что 95% всех респондентов, из числа высшего менеджмента европейских страховых компаний, отмечают зарегулированность страховой деятельности в своей национальной юрисдикции [3]. Более того, 29% из опрошенных относят изменения в публично-правовом регулировании к числу основных факторов риска, при том имеющих наиболее разрушительное воздействие на стабильность и перспективы страхового сектора [4].

Учитывая преимущественно негативное восприятие вектора развития публично-правового регулирования финансовых рынков, сформировавшееся среди представителей профессионального сообщества, одним из наиболее актуальных становятся исследования о том насколько верным ответом на усложнение финансовых рынков является усложнение их регулирования. При этом, некоторые исследования, проведенные в данном направлении, показывают, что подобное реакционное развитие не является адекватным с точки зрения эффективности. Например, результаты исследования американских профессоров из Университета Джорджии (США) – Стивена Потье и Дэвида Соммера, демонстрируют это наиболее наглядно. В частности, компаративный анализ введения в США регулятивных стандартов, устанавливающих императивное правовое требование по соблюдению страховыми компаниями финансовых нормативов, базирующихся на сложной методике оценки капитала, основанного на риске (risk-based-capital – RBC), показал, что регулятивный критерий, базирующийся на расчете простого коэффициента собственного капитала (equity-to-assets ratio), является более эффективным [5].

Рассмотрим текущую ситуацию в части регулирования деятельности страховых организаций на примере реального субъекта европейского страхового рынка. В качестве исследуемого объекта мы возьмем страховую компанию – Generali Switzerland, зарегистрированную в Швейцарии и осуществляющую свою профессиональную деятельность преимущественно на территории Центральной Европы, но не ограничиваясь ею. Основными территориальными направлениями реализации своих страховых продуктов, для указанной компании являются Швейцария, Германия и Австрия. Напомним, что Швейцария, в отличие от Германии и Австрии, не является государством-членом Европейского Союза (ЕС). Данное обстоятельство предполагает то, что при ведении страхового бизнеса на территории указанных стран и межгосударственного объединения, коим является ЕС, ей необходимо соблюдать не только национальное финансовое законодательство каждой из указанных стран, но руководствоваться едиными нормами европейских директив и постановлений (Табл. 1).

Таблица 1. Нормативные акты, регулирующие деятельность страховых компаний.

п/п	ТРЕБОВАНИЯ	ШВЕЙЦАРИЯ	АВСТРИЯ	ГЕРМАНИЯ
1.	Секторальные требования к риск-менеджменту и актуарной оценке обязательств	AVO, RS 2017/04, RS 2017/02, RS 2013/5, VA	VU-ARKtBY, Директива 2002/87 /EC, kV -EEV, VUGBV, GPV, HZV, R FEA 2004, R GR 2006, R IMEG 2003, KAV, PZV-ZRV, RUL 2005, SWRV, VAG, LV–VMGV	AnlV, AktuarV, DeckRV, Директива 2002 /87/EC /R4/2018, FinkVV, EAGB, KEVAYV, MaRisk BA/R, M2017, MindZv /R 9/2020, R 12/2008, VAG
2.	Секторальные требования к организации системы корпоративного управления и внутреннего контроля	RS 2008/32, VAG	BorseG, R CRB 2017 /2018, SCC, VAG	DCGK, TransPuG, VAG
3.	Секторальные требования к организации и реализации дистрибуции страховых продуктов	VVG	InfoV, RRVV 2012, VAG, VersVG	AltZetG, FinVermV, KfzPf1VV, KWGVermV, R 10/2014, VersVermV, VVG, VVG-InfoV, SStellV–VVG
4.	Секторальные требования к капиталу в целях обеспечения платежеспособности	AVO, RS 2016/03, RS 2017/03, RS 2012/1, VA	Директива 2002/87/EC, Директива 2008/138/EC, Директива 2014/51/EU	Директива 2002/87/EC, R 4/2018, Директива 2009/138/EC, Директива 2014/5 1/EU, KapAusstV, FinRVV, R 4/2005, R 4/2009
5.	Секторальные требования по раскрытию информации перед регулятором и предоставлению специализированной отчетности	RS 2008/15, RS 2008/25, RS 2016/03, RS 2016/04, VAG	VU-AKtBY, Директива 2002/87/EC, FK-QUAB-V, VUMV, VAG, SFT-Vollzugsgesetz	BerVersV, Директива 2002/87/EC, R 4/2018, FKAG, R 1/2004, EAKAV, InhKontrollV, PFAV, специализированная надзорная отчетность

Окончание

п/п	ТРЕБОВАНИЯ	ШВЕЙЦАРИЯ	АВСТРИЯ	ГЕРМАНИЯ
6.	Секторальные требования по публичному раскрытию информации	VAG	VU-ARtBV, BEV–InfoV, EKV, InfoV, FK-QUAB-V, PRIIP нормы о документальном раскрытии ключевой информации, VAG	PrufV, RechPensV, RechVersV, TransPuG
7.	Секторальные требования по соблюдению правовых норм о борьбе с дискриминацией	Отсутствует / не регулируется	Директива 2006/54/EC, Директива 2004/113/EC, RUE. 2012	Директива 2006/54/EC, Директива 2004/113/EC
8.	Квалификационные требования к руководству и персоналу страховой организации	AVO, RS 2017/02, VAG	VAG	MaRisk BA, VAG
9.	Секторальные требования по формированию гарантийных (обеспечительных) фондов	VAG	VAG, FinStaG, 10	FinStabG, FMStFG
10.	Общие требования для финансовых компаний по соблюдению правовых норм антиотмывочного законодательства	GwG, GwV	GTV, SoV, циркулярные предписания и запросы	GwG, циркулярные предписания и запросы
11.	Общие требования для финансовых компаний по возмещению материального вреда	VAG, RS 2010/1	R 1/2018, VU-TGV	VersVergV, FinDAGKostV
12.	Общие требования для финансовых компаний по обеспечению конфиденциальности и защите данных	DSG	DSG, DSGVO	BDSG, DSGVO
13.	Общие требования для финансовых компаний по соблюдению антимонопольного законодательства	KG, UWG	TFEU, UWG	TFEU, UWG

Представленная таблица достаточно четко иллюстрирует то огромное количество правил, содержащихся в национальном финансовом законодательстве и в единых европейских директивах, которым должна следовать финансовая компания, осуществляющая страховую деятельность на территории государств Центральной Европы. При этом необходимо отметить, что данная таблица не учитывает регулятивные новации, которые расширяют охват публично-правового регулирования европейских финансовых рынков в целом, а также страховой деятельности в частности. Например, новые направления разработки нормативных актов в Европейском Союзе включают в себя распространение регулирования на вопросы налогообложения финансовых компаний и их операций с финансовыми инструментами, расширение надзорных полномочий регуляторов, увеличение требований по предоставлению отчетности и раскрытию информации, а также по активной публичной защите прав потребителей финансовых услуг, в т.ч. страховых.

Здесь стоит отметить наличие некоторых разнонаправленных тенденций в регулировании финансовых рынков. Прежде всего, нужно обратить внимание на естественную тенденцию к глобализации нормативно-правового регулирования, которая выражается во внедрении в трансграничное регулирование единых международных и европейских стандартов. В частности, это касается, например установления требований к капиталу и обеспечению платежеспособности (Solvency II) или внедрения глобального стандарта страхового капитала (Insurance Capital Standard – ICS). В то же время нужно обратить внимание на обратную тенденцию, в рамках которой национальные регулирующие органы не только сохраняют применимость старых национальных правил, но и дополняют их новыми национальными нормами и стандартами, а также практикуют ограниченное (избирательное) применение международных правил. Таким образом, принятие международных и европейских стандартов в теории должно снижать уровень сложности в регулировании финансовых рынков, в силу унификации норм и гармонизации методов их публично-правового регулирования, а на практическом уровне имеют обратный эффект, наоборот усложняя юридический комплаенс для финансовых компаний, деятельность которых не ограничивается одной территориальной юрисдикцией в границах Европы.

Однако, в данном случае нельзя все объяснить позицией национальных правотворческих органов и профильных регуляторов, поскольку межна-

циональная унификация несет с собой и некоторые регулятивные недостатки. Например, переход к межотраслевому регулированию финансовых рынков, определение системно важных финансовых институтов (SIFI) и рынков в Директивах о финансовых инструментах (MiFID I и MiFID II) являются примерами, в которых унифицируются банкинг и страховая деятельность, т.е. они рассматриваются как сопоставимые объекты для регулирования в рамках единой нормативно-правовой базы. Иными словами, регулятивная унификация является не всегда уместной в дифференцированных секторах финансовых рынков, где необходимо учитывать специфические особенности финансовых институтов и их профильного сектора.

Более того, недостатки в публично-правовом регулировании экономических отношений, складывающихся в данном случае между финансовыми организациями и потребителями финансовых услуг, имеют не только правовые материальные и процессуальные последствия, но и приводят к непредвиденным экономическим эффектам негативного свойства. Причем с точки зрения сути и назначения публично-правового регулирования, такие негативные экономические эффекты делают бессмысленным само регулирование. Классическим примером этого являются требования о формировании гарантийных фондов на финансовых рынках или их разновидности – гарантийных обязательств по доходности финансовых продуктов. Предполагаемый эффект от такого регулятивного института заключается в защите интересов и имущества клиентов финансовых организаций в случае ее неплатежеспособности. Однако вместо достижения этой цели такие регулятивные новации препятствуют развитию и формируют повышенные риски в финансовой системе. Например, данный тезис был доказан в рамках научных исследований, проведенных еще в конце прошлого века, результаты которых ясно демонстрируют стабильно проявляемый негативный экономический эффект от стремления направить публично-правовое регулирование на императивную защиту финансовых интересов частных лиц, которым свойственен рыночный (свободный/диспозитивный) характер [6, 7]. В российской практике также имеются свидетельства, подтверждающие закономерность данного негативного эффекта [8]. Так, введение института гарантированной доходности финансовых продуктов пенсионного страхования привело к ущемлению инвестиционных интересов потребителей данных финансовых услуг и к финансовой стагнации всего сектора негосударственных пенсионных фондов.

Итак, попробуем систематизировать негативные эффекты и последствия от текущего публично-правового регулирования страховой деятельности на территории государств Центральной Европы.

Первая категория эффектов и последствий связана с такими последствиями как сдерживание инвестиционной активности и концентрация рисков. В частности, для участников страхового рынка стало очевидным, что новые правила оценки активов и обязательств «по рынку», оказывают существенное влияние на распределение активов между инвестиционными инструментами. Например, принятая Директива Solvency II, в части устанавливаемых ею требований к оценке стоимости и учету рисков активов и обязательств, поощряет компании к формированию относительно недиверсифицированного портфеля суверенных облигаций, поскольку необходимый капитал для этих облигаций очень низок. Это противодействует использованию макропруденциальных инструментов, направленных на предотвращение накопления рисков среди участников рынка. Привлекательность иных инвестиционных инструментов, как секьюритизированных, так и не секьюритизированных, например инструментов категории real estate (недвижимости) также снижается. Таким образом, абсолютно очевидно, что Директива Solvency II способствует принятию неэффективных инвестиционных решений.

Вторая категория эффектов и последствий связана с такими последствиями как непреднамеренное давление и ограничение доступности и дистрибуции финансовых продуктов. Реализация текущих тенденций в публично-правовом регулировании, направленных на защиту потребителей финансовых услуг, могут эффективно защитить потребителей от недобросовестных финансовых компаний, однако они также негативно влияют на условия ведения бизнеса в финансовой отрасли, вплоть до того, что компании пересматривают продуктовые линейки в сторону их сокращения или переориентации на иные продуктовые сегменты. Иными словами, излишнее публично-правовое регулирование способно делать условия бизнеса настолько непривлекательными, что финансовые компании не смогут получать доход, адекватный комплаенс-рискам.

Третья категория эффектов и последствий связана с такими последствиями, которые именуются как регулятивный арбитраж, т.е. получение экономических выгод от дифференцированных условий нормативного регулирования в разных юрисдикциях. Новации в публично-правовом регулировании, приводящие к существенному усложнению условий жизнедеятельности субъекта, находящегося под регулятивным давлением, особенно если комплаенс становится дорогостоящим и сложным, повышают вероятность использования таким участником рынка регулятивного арбитража. В последнее время регулятивный арбитраж становится весьма актуальным направлением как в области научных исследований, так и в области практической деятельности. Это обусловлено тем, что количество практических примеров постоянно нарастает, из которых наиболее наглядным является теневое перестрахование, при котором зарегулированные американские страховщики, реализующие услуги в сфере страхования жизни передают риски менее регулируемым страховщикам из других юрисдикций. Аксиома регуляторного арбитража на финансовых рынках сводится к тому, что если предприятие в сфере финансовых услуг ре-

гулируется в соответствии с жесткими принципами и требованиями, то учреждения, регулируемые с меньшими ограничениями, имеют конкурентное преимущество именно в том, что дает им возможность работать в условиях наименее жесткой нормативно-правовой базы.

Базисом проблемы поиска оптимальной и эффективной системы публично-правового регулирования финансовых рынков в целом и страховой деятельности в частности, является абсолютное отсутствие каких-либо фундаментальных регулятивных методов, параметров и инструментов. Из выше приведенного очевидно, что вектор развития регулирования пролегает в основном через такие точки как регулирование вопросов о контроле и обеспечении платежеспособности финансовых компаний, а также регулирование взаимоотношений финансовых компаний с клиентами. Однако большое количество исследований по данным направлениям подтверждают отсутствие здесь каких-либо фундаментальных положений, обеспечивающих оптимальность и эффективность регулирования.

Например, как уже было сказано ранее, императивное регулирование и обеспечение платежеспособности финансовых компаний в большинстве случаев является сложным, а потому традиционно приводит к нежелательным экономическим эффектам. Так результаты исследований показывают, что использование простых финансовых показателей либо сопоставимо по своему результату с использованием сложных показателей, либо даже превосходит результаты от использования сложных показателей [9]. Тем более, как показывает практика сложные модели приводят к чрезмерной параметризации и менее надежным результатам [10].

В сфере регулирования взаимоотношений финансовых компаний с клиентами ситуация аналогичная. Например, регулирование порядка и процедур продажи финансовых продуктов и борьба с гендерной дискриминацией в страховании повысили требования к документации и раскрытию информации для страховщиков и их агентов при отсутствии ощутимого положительного эффекта для их клиентов. При этом проявился нежелательный побочный эффект от такого регулирования, проявившийся в фактах неблагоприятного отбора потенциальных клиентов и повышении цен на страховые продукты. В части информирования клиентов и публичного раскрытия информации для заинтересованных лиц из числа потенциальных потребителей наблюдается схожая ситуация. Ведь кажется очевидным, что повышение прозрачности и информированности приведет к принятию потребителями более эффективных решений. Однако социологические исследования финансовых рынков показывают, что потребители по-разному реагируют на информацию в зависимости от того, как она представлена – избыток информации приводит к информационной перегрузке, которая для принятия решений побуждает потребителей погружаться с теорию вопроса, в то время как большая часть потребительской массы, наоборот, переходят к принятию интуитивных решений [11].

Основываясь на приведенных доводах, в условиях отсутствия фундаментальных регулятивных методов, параметров и инструментов, представляется очевидным то, что в основу оптимальной и эффективной системы публично-правового регулирования финансовых рынков в целом и страховой деятельности в частности, прежде всего должны быть положены фундаментальные принципы.

На наш взгляд, первым принципом является простота методов, инструментов и параметров регулирования. Будем считать доказанным тезис о том, что простое регулирование есть лучшее регулирование, потому что сложное менее эффективно и влечет за собой негативные эффекты. Важным шагом на пути к упрощению регулирования было бы согласование и стандартизация различных подходов к моделированию. В этой связи упрощение методики расчета рискового капитала может оказаться полезным. С другой стороны, здесь также нужно отметить и то, что простое регулирование также имеет свои недостатки, поскольку простыми мерами невозможно учесть всю сложность реального мира. Однако концепция регулирования, основанного на принципах, может сыграть здесь важную роль. Если использовать менее сложное регулирование в сочетании с принципом, согласно которому все соответствующие риски должны быть признаны и задокументированы, то, например стимулы для регулятивного арбитража сократятся.

Следующим принципом должно стать поддержание прозрачности финансового рынка на едином регулятивном уровне – стандартизированный формализованный набор обязательной информации, раскрываемой или предоставляемой клиентам или неограниченному кругу лиц. При этом должно быть обеспечено отсутствие нормативных ограничений на добровольное раскрытие финансовыми компаниями информации, за исключением информации являющейся проявлением недобросовестной конкуренции или иного недобросовестного поведения.

Финальным принципом регулирования должно стать системное обоснование регулятивных новел с позиции анализа затрат и выгод от их внедрения. В этом смысле, например отечественная система правового регулирования публичных финансовых отношений – в сфере бюджета и налогов, имеет большой опыт и наработанную практику, что обусловлено наличием базового процессуального принципа законодательных новаций – это расчет и анализ финансового эффекта и последующее его обоснование.

Литература

1. Цыганов А.А. Перспективы и последствия современных технологий страхования: постановка проблемы // ЭТАП. 2020. № 1. – С. 126–135.

2. Insurance Trends 2019. Part of PwC's 22nd Annual Global CEO Survey trends Series. – C. 1–211.
3. PwC's 21st CEO Survey. Maintaining Optimism while Grappling with Transformational Changes. – C. 1–144.
4. The Future of Talent in Insurance. Deloitte, 2018. https://www.deloitte.com/ie/en/Industries/financial-services/research/the-future-of-talent-in-insurance.html (дата обращения 01.06.2024).
5. Pottier S., and D. Sommer 2002. "The Effectiveness of Public and Private Sector Summary Risk Measures in Predicting Insurer Insolvencies," Journal of Financial Services Research, 21(1) – C. 101–116.
6. Joskow P.L., 1973. "Cartels, Competition and Regulation in the Property-Liability Insurance Industry," The Bell Journal of Economics and Management Science, 4(2). – C. 375–427.
7. Hill R.D., 1979. "Profit Regulation in Property-Liability Insurance," The Bell Journal of Economics, 10(1). – C. 172–191.
8. Файзрахманова Л.М. Особенности осуществления надзора на рынке страховых услуг // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 10 (107). – С. 47–55.
9. Haldane A.G., 2012. "The Dog and the Frisbee," Speech, Bank of England accessed at http://www.bankofengland.co.uk/publications/Pages/speeches/2012/596.aspx. (дата обращения 01.06.2024)
10. Eder A.S. Keiler, and H. Pichl, 2014. "Interest Rate Risk and the Swiss Solvency Test," European Actuarial Journal. – C. 55–68. DOI: 10.1007/s13385-014-0085-0.
11. Glenzer F.H. Gründl, and C. Wilde, 2013. "And Lead Us Not Into Temptation": Presentation Formats and the Choice of Risky Alternatives, Working Paper – C. 1–73.

THE MAIN ASPECTS OF PUBLIC LAW REGULATION OF INSURANCE IN THE CENTRAL EUROPEAN STATES

Shkolik O.A.
Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article highlights the results of a study of the practice of national and international legal regulation of financial companies providing financial services in the field of insurance. The territorial scope of the study is limited by the jurisdiction of the Central European States, both those that are members of the European Union – Austria and Germany, and those that are not members of this interstate association – Switzerland. Current innovations in the legislation of individual European countries and in the legislation of the European Union are considered, as well as promising areas for expanding public law regulation of activities in European financial markets are highlighted. Using the example of a real subject of the European insurance market, the features of the legal regulation of the extraterritorial activities of insurance companies are analyzed. The types of general and sectoral requirements imposed on financial companies are highlighted and characterized, and specific legal acts regulating public relations in the field of insurance are systematized in the context of these requirements. From the perspective of the identified regulatory shortcomings, current trends in the legal regulation of insurance activities are investigated, negative legal material and procedural consequences and unforeseen economic effects of a negative nature are considered and analyzed, which are due to regulatory deficiencies, and the author's vision of the basic principles of public law regulation in financial markets is given.

Keywords: insurance; financial companies; financial markets; financial institutions; government regulation; insurance activities; insurance supervision.

References

1. Tsyganov A.A. Prospects and consequences of modern insurance technologies: problem statement // STAGE 2020. No.1. – pp. 126–135.
2. Insurance Trends 2019. Part of PwC's 22nd Annual Global CEO Survey trends Series. – pp.1–211.
3. PwC's 21st CEO Survey. Maintaining Optimism while Grappling with Transformational Changes. – pp.1–144.
4. The Future of Talent in Insurance. Deloitte, 2018. https://www.deloitte.com/ie/en/Industries/financial-services/research/the-future-of-talent-in-insurance.html (date of the application 06/01/2024)
5. Pottier S., and D. Sommer, 2002. "The Effectiveness of Public and Private Sector Summary Risk Measures in Predicting Insurer Insolvencies," Journal of Financial Services Research, 21(1). – pp.101–116.
6. Joskow P.L., 1973. "Cartels, Competition and Regulation in the Property-Liability Insurance Industry," The Bell Journal of Economics and Management Science, 4(2). – pp.375–427.
7. Hill R.D., 1979. "Profit Regulation in Property-Liability Insurance," The Bell Journal of Economics, 10(1). – pp.172–191.
8. Fayzrakhmanova L.M. Features of supervision in the insurance services market // Actual problems of Russian law. 2019. No.10 (107). – pp.47–55.
9. Haldane, A.G., 2012. "The Dog and the Frisbee," Speech, Bank of England accessed at http://www.bankofengland.co.uk/publications/Pages/speeches/2012/596.aspx. (date of the application 06/01/2024).
10. Eder, A.S. Keiler, and H. Pichl, 2014. "Interest Rate Risk and the Swiss Solvency Test," European Actuarial Journal. – pp.55–68. DOI: 10.1007/s13385-014-0085-0.
11. Glenzer, F.H. Gründl, and C. Wilde, 2013. "And Lead Us Not Into Temptation": Presentation Formats and the Choice of Risky Alternatives, Working Paper. – pp.1–73.

Возвращение беженцев в Сирию и обеспечение их трудовых прав

Алхамед Абдулазиз,
Аспирант кафедры гражданского права и процесса, Уральский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
E-mail: azez6670@gmail.com

Статья посвящена исследованию возвращения беженцев в Сирию и вопросов обеспечения их трудовых прав. Автором обосновывается актуальность и значимость темы исследования. Дается краткое обоснование национального законодательства в сфере миграции. Постулируется о том, что в настоящее время комитет по трудящимся-мигрантам признает исключительные условия, но выражает обеспокоенность в связи с утверждениями о жестоком обращении с сирийскими беженцами, возвращающимися на родину. Заключается о необходимости дальнейшего содействия государства по возвращению трудовых мигрантов в Сирию, предоставляя информацию о возможностях возврата, организуя программы реинтеграции, предоставляя социальную и юридическую поддержку. Важно также учитывать мнение и интересы самих мигрантов и обсуждать с ними возможные варианты возвращения.

Ключевые слова: беженцы, трудовые права, мигранты, трудящиеся-мигранты, изменения в законодательстве, миграционная политика.

Актуальность проведения исследования в области миграционного законодательства обусловлена активизацией и политизацией в последнее десятилетие международной миграции различных видов: трудовой, политической, экономической, религиозной, климатической.

Миграционные потоки влекут за собой серьезную социальную нагрузку на государства. Последствия резкого увеличения числа беженцев в регионе, находящемся в состоянии войны, редко рассматриваются с точки зрения рынка труда, а скорее с точки зрения «чрезвычайной ситуации», проблем жилья, здравоохранения, образования, безопасности и, в более широком смысле, социальных последствий их присутствия в принимающих странах.

Часто беженцы оказываются в положении, когда им оказывается помощь, которая не способствует их интеграции на рынке труда.

Так, беженцы из Сирии, как и другие мигранты, сталкиваются с различными проблемами в области трудовых прав. Они могут быть подвержены эксплуатации, недостаточным условиям труда, несправедливому вознаграждению и другим нарушениям их прав. Кроме того, из-за своего статуса беженцев они могут сталкиваться с дискриминацией и ограничениями в доступе к работе.

Комитет по защите прав всех трудящихся-мигрантов играет важную роль в защите трудовых прав беженцев из Сирии и других стран. Он занимается мониторингом соблюдения прав мигрантов на рабочем месте, обеспечением их защиты от эксплуатации и дискриминации, а также разработкой рекомендаций по улучшению законодательства и мер по защите их интересов.

Комитет может проводить кампании по информированию беженцев о их правах, оказывать им юридическую поддержку в случае нарушений, а также содействовать улучшению условий труда и интеграции беженцев на рынок труда. Важно, чтобы права всех трудящихся-мигрантов, включая беженцев из Сирии, были защищены и соблюдены с уважением и доверием.

Так, в 2022 году, в Женеве, г-ном Хуссамом Эдином Аала, был представлен Доклад в котором заверил, что страна привержена выполнению своих национальных обязательств в соответствии с международными договорами, участником которых она является, в том числе ее обязательство защищать и поощрять права трудящихся-мигрантов и других лиц. члены их семей, несмотря на исключительные обстоятельства, с которыми он столкнулся.

Важно подчеркнуть, что Сирия с 2011 года сталкивается с террористической войной, поддерживаемой извне, а также с иностранной оккупацией части своей территории и односторонними прину-

дительными мерами. Эти меры затрагивают несколько секторов, таких как коммерческий, финансовый, банковский, энергетический и транспортный секторы, данная ситуация вынудила многих сирийцев покинуть страну. Сирия приложила все усилия, чтобы максимально адаптироваться к этим вызовам, продолжая при этом внедрять и развивать национальную систему защиты трудящихся-мигрантов и членов их семей, чтобы обеспечить их прием в соответствии с положениями Конвенции.

Как известно, Сирия подписала и ратифицировала ряд конвенций и договоров, предусматривающих защиту трудовых прав в соответствии с международным правом, хотя она не подписала Конвенцию о статусе беженцев. Многие из этих конвенций находятся под контролем Международной организации труда (МОТ).

К числу основных договоров, ратифицированных Сирией, относятся следующие:

- Конвенция о принудительном труде 1930 года (№ 29)
- Дискриминация (в сфере занятости и занятий)
- Конвенция 1958 года (№ 111)
- Конвенция о равном вознаграждении 1951 года (№ 100)
- Конвенция 1947 года об инспекции труда (№ 81)
- Конвенция 1949 года о праве на организацию и ведение коллективных переговоров (№ 98)
- Конвенция 1973 года о минимальном возрасте (№ 138)
- Конвенция 1999 года о наихудших формах детского труда (№ 182).

К другим международным конвенциям по правам человека, подписанным Сирией, включая соответствующие положения о труде, относятся следующие:

- Конвенция о правах ребенка
- Международный пакт о гражданских и политических правах
- Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах
- Международная конвенция о защите трудящихся-мигрантов и членов их семей.
- Сирийский закон о труде обеспечивает основные правовые рамки для работников частного сектора в Сирии.

Основной закон о государственных служащих (“BLPE”) регулирует права и привилегии лиц, работающих в органах государственного управления. Эти сотрудники имеют статус “государственных служащих” и пользуются отдельными льготами в зависимости от того, в какой сфере государственного управления они работают.

Наиболее важными законами и нормативными актами, регулирующими занятость в частном секторе в Сирии, являются следующие:

- Закон о труде № 17 от 2010 года (“Закон о труде”), который применяется к отношениям между работодателями и наемными работниками в частном секторе.
- Закон о сельскохозяйственных отношениях № 56 от 2004 года, который распространяется на физических лиц, занятых в сельскохозяйственном секторе;
- Законодательный декрет № 65 от 2013 года, Закон о труде и правила об иностранных работниках, предусмотренные Постановлением Министерства социальных дел и труда № 888 от 2016 года, которые применяются к иностранным домашним работникам;
- Постановление Министерства социальных дел и труда № 482 от 2017 года, которое предусматривает конкретные меры правовой защиты женщин на рабочем месте;
- Законодательный декрет № 92 от 95910 года (“Закон о социальном обеспечении”), касающийся вопросов социального обеспечения;
- Постановление Министерства социальных дел и труда № 12 от 2010 года, регулирующее трудоустройство несовершеннолетних.

Министерство социальных дел и труда отвечает за регулирование занятости сирийских трудящихся и обеспечение их благосостояния и прав на основе двусторонних и многосторонних соглашений.

Проблему миграции необходимо рассматривать в целом, чтобы проанализировать ее причины и последствия и найти решения. Таким образом, необходимо активизировать двусторонние соглашения между странами-экспортерами рабочей силы и принимающими странами, поскольку эти соглашения будут служить «предохранительным клапаном» для регулирования миграции и, таким образом, предотвращения роста нелегальной миграции и нарушений, совершаемых в этом контексте [8].

С другой стороны, развитие является одним из ключей к решению проблемы незаконной миграции и основой долгосрочной стратегии в этой области, поддерживая достижение целей в области устойчивого развития в странах происхождения мигрантов. Выполнение обязательств стран поможет обеспечить средства к существованию и возможности трудоустройства в странах происхождения, подчеркнул сирийский представитель.

Незаконная миграция больше не должна восприниматься как организованная преступность, а скорее как гуманитарный, социальный и экономический кризис, особенно в свете растущего числа нарушений в сочетании с эскалацией проявлений расизма, расовой дискриминации и ксенофобии, от которых страдают многие страны, принимающие мигрантов.

С нашей точки зрения, следует отметить исключительные условия, в которых находится сирийское общество, и проблемы, связанные с серьезными нарушениями прав трудящихся-мигрантов. Следует приветствовать прогресс, достигнутый со времени последнего обзора, в частности ратификацию новых договоров, обеспечивающих лучшую защиту трудящихся-мигрантов, особенно с учетом того, что Сирия в настоящее время является страной происхождения трудящихся-мигрантов и что многие нарушения могут наблюдаться как внутри страны, так и за рубежом. Так, многие сирийцы,

проживающие сегодня за границей, должны заключить двусторонние договоры, чтобы гарантировать, что они пользуются защитой, предусмотренной Конвенцией.

Отметим, что сирийская делегация во время заседания в 2022 г. удостоверила, что ее страна делает все возможное для выполнения положений Конвенции без какой-либо дискриминации. Что касается законов, конкретно касающихся арабских трудящихся, делегация заявила, что законодательство не предусматривает какой-либо формы дискриминации в отношении происхождения или религии. Законопроект также предусматривает защиту иностранных домашних работников. Мигрантам было выдано много разрешений на работу, в том числе многим неарабским гражданам. Таким образом, в 2021 году 494 разрешения на работу были выданы неарабским гражданам и 916 – арабам, проживающим в Сирии.

В настоящее время, возвращение сирийцев на родину является приоритетным вопросом для правительства, поскольку они должны сыграть свою роль в содействии восстановлению своей страны с учетом их компетентности в различных областях, в которых они работают. Двери Сирии открыты для всех ее граждан для добровольного и безопасного возвращения в страну, настаивала она. Освобождение большинства районов, сокращение масштабов терроризма, разминирование и восстановление государственной власти помогли устранить наиболее важные причины, побудившие сирийцев покинуть их, гарантируя условия, необходимые для этого возвращения [9].

Власти работают над достижением этой цели путем восстановления инфраструктуры и услуг, а также путем принятия процедур, облегчающих возвращение тех, кто желает вернуться в свои дома, и обеспечение их основных потребностей в соответствии с имеющимися возможностями и в сотрудничестве с соответствующими учреждениями. гуманитарных организаций Организации Объединенных Наций и других международных организаций. Правительство уделяет этому вопросу приоритетное внимание и стремится устранить препятствия для добровольного и достойного возвращения сирийцев на родину. В этом контексте с 2020 года в Дамаске были проведены три конференции в интересах беженцев, на которые были приглашены Организация Объединенных Наций и многие страны мира. и результаты которых подчеркнули важность поддержки усилий по восстановлению инфраструктуры и помощи Сирии в реализации проектов по защите беженцев. реконструкция и разминирование, заявила делегация. В соответствии с итоговыми документами этих конференций Министерство внутренних дел издало инструкции по содействию возвращению тех, кто покинул страну незаконно, и исправлению их положения в течение 72 часов. Эти правительственные меры, а также успех стратегии национального примирения, принятой правительством, способствовали возвращению около миллиона перемещенных лиц из Ливана, Иордании, Ирака и Турции.

Стоит сказать, что возвращение трудовых мигрантов в Сирию является сложным вопросом, требующим комплексного подхода и учета множества факторов. В первую очередь, необходимо обеспечить безопасные условия для возвращения мигрантов, учитывая сложную политическую и гуманитарную ситуацию в Сирии.

Государство может содействовать возвращению трудовых мигрантов в Сирию, предоставляя информацию о возможностях возврата, организуя программы реинтеграции, предоставляя социальную и юридическую поддержку. Важно также учитывать мнение и интересы самих мигрантов и обсуждать с ними возможные варианты возвращения.

При этом необходимо учитывать такие аспекты, как обеспечение безопасности при возвращении, сохранение трудовых прав и гарантий мигрантов, их интеграция в общество после возвращения. Государство также должно сотрудничать с международными организациями и строить партнерские отношения с другими странами для успешного возвращения трудовых мигрантов в Сирию.

Литература

1. Международную конвенцию о правах ребенка. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.ohchr.org (Дата обращения 05.06.2024)
2. Международный пакт о гражданских и политических правах (МПГПП) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.ohchr.org (Дата обращения 05.06.2024)
3. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.ohchr.org (Дата обращения 05.06.2024)
4. Закон Сирии о труде № 17 от 2010 года. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.ohchr.org (Дата обращения 05.06.2024)
5. Статья 5 трудового законодательства Работники благотворительных ассоциаций и организаций первоначально были освобождены от страхового покрытия, но теперь на них распространяется действие Трудового законодательства в соответствии с Законом № 68/2010. Сюда входят работники, на которых распространяются положения Закона № 59 от 1958 года (Закон об ассоциациях и частных учреждениях). [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.ohchr.org (Дата обращения 05.06.2024)
6. Закон № 56 Об отношениях в сельском хозяйстве от 2004 года. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.ohchr.org (Дата обращения 05.06.2024)
7. Основной закон о государственных служащих № 50 от 2004 года. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.ohchr.org (Дата обращения 05.06.2024)

8. Лушников А.М. Трудовое право: учебник. М.: Проспект, 2021. С. 123.
9. Матвеев И.А. Современное экономическое законодательство арабских стран на примере Сирийской Арабской Республики. Учебное пособие. М.: ГАУГН-Пресс, 2021. 320 с.

THE RETURN OF REFUGEES TO SYRIA AND ENSURING THEIR LABOR RIGHTS

Alhamed Abdulaziz
Ural Institute of Management Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article is devoted to the study of the return of refugees to Syria and ensuring their labor rights. The author substantiates the relevance and significance of the research topic. A brief justification of the national legislation in the field of migration is given. It is postulated that the Committee on Migrant Workers currently recognizes exceptional conditions, but expresses concern about allegations of torture and ill-treatment of Syrian refugees returning to their homeland. It is about the need for the State to further facilitate the return of migrant workers to Syria by providing information on the possibilities of return, organizing reintegration programs, and providing social and legal support. It is also important to take into account the views and interests of migrants themselves and discuss possible return options with them.

Keywords: refugees, labor rights, migrants, migrant workers, changes in legislation, migration policy.

Reference

1. The International Convention on the Rights of the Child. [Electronic resource] – Access mode: https://www.ohchr.org (Accessed 06/05/2024)
2. The International Covenant on Civil and Political Rights (ICCPR) [Electronic resource] – Access mode: https://www.ohchr.org (Accessed 06/05/2024)
3. The International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights. [Electronic resource] – Access mode: https://www.ohchr.org (Accessed 06/05/2024)
4. Syrian Labor Law No. 17 of 2010. [Electronic resource] – Access mode: https://www.ohchr.org (Accessed 06/05/2024)
5. Article 5 of the labor legislation Employees of charitable associations and organizations were initially exempt from insurance coverage, but now they are subject to Labor Legislation in accordance with Law No. 68/2010. This includes employees who are subject to the provisions of Law No. 59 of 1958 (the Law on Associations and Private Institutions). [Electronic resource] – Access mode: https://www.ohchr.org (Accessed 06/05/2024)
6. Law No. 56 On Relations in Agriculture of 2004. [Electronic resource] – Access mode: https://www.ohchr.org (Accessed 06/05/2024)
7. Basic Law on Civil Servants No. 50 of 2004. [Electronic resource] – Access mode: https://www.ohchr.org (Accessed 06/05/2024)
8. Lushnikov A.M. Labor law: textbook. M.: Prospect, 2021. P. 123.
9. Matveev I.A. Modern economic legislation of Arab countries on the example of the Syrian Arab Republic. Textbook. Moscow: GAUGN-Press, 2021. 320 p.

Возможности и ограничения нормативного определения статуса преподавателя вуза как государственного служащего

Апоревич Вера Николаевна,
к.ю.н., доцент кафедры «Гражданское, предпринимательское и транспортное право», Дальневосточный государственный университет путей сообщения
E-mail: vera.nika.72@bk.ru

Представленная статья посвящена проблеме правового перехода наиболее важных для государства сфер деятельности в категорию государственной службы с целью обеспечения работников данной сферы большими гарантиями и правами. К таким категориям работников относятся преподаватели вузов, которые являются не просто субъект, умеющий передать информацию, владеющий современными технологиями, науками, методами, это субъект, на которого государство возлагает функцию воспитания всесторонней личности. Преподавательская деятельность в современных условиях является одной из самых сложных и ответственных видов деятельности. Преподаватель передает не только свои знания по дисциплине, но и формирует определенное ответственное отношение к дисциплине и к своей профессии. Таким образом и закон, и общество определяет преподавателя вуза как субъекта, который выполняет очень важную для государства роль. И можно сказать выполняет такую важную функцию государственной службы, как целеполагание – это одна из основных (первая) функций управления.

Ключевые слова: преподаватель вуза, правовой статус педагогических работников, учебная деятельность, учебно-методическая деятельность, воспитательная деятельность, научная деятельность, функции преподавателя вуза, государственный служащий, государственная власть.

В статье рассматриваются мало разработанные в науке трудового права способы перехода наиболее важных для государства сфер деятельности в категорию государственной службы с целью обеспечения работников данной сферы большими гарантиями и правами. Автор анализирует причины перехода наиболее важных для государства сфер деятельности в категорию государственной службы и высказывает свое мнение по поводу проблем, связанных правовым регулированием перехода преподавателя вуза в категорию государственного служащего.

Роль преподавателя вуза в современном мире постепенно меняется. Преподаватель сегодня не просто личность, умеющая передать информацию, владеющая современными технологиями, науками, методами, это личность, на которую государство возлагает функцию воспитания всесторонней личности. Преподавательская деятельность в современных условиях является одной из самых сложных видов деятельности, так ка включает в себя и учебную деятельность, и воспитательную, и научную.

Под преподавателем вуза в соответствии со статьей 50 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» [5], являются преподавательские кадры вузов, т.е. все лица в образовательных организациях, осуществляющих реализацию образовательных программ высшего образования и дополнительных профессиональных программами, которые в течение полного или неполного рабочего дня занимаются преподаванием и (или) научной работой и (или) исследованиями. Это определение дает преподавателю вуза закон, общество же вкладывает в это понятие большее значение. Общественное значение преподавателя предполагает, что преподаватель сможет передать не только свои знания по дисциплине, но и сможет сформировать определенное отношение к дисциплине, сможет заинтересовать специальностью и сформирует специалиста, который уже работая по полученной профессии будет качественно и ответственно к ней относится. Таким образом и закон, и общество определяет преподавателя вуза как субъекта, который выполняет очень важную для государства роль. И можно сказать выполняет такую важную функцию государственной службы, как целеполагание – это одна из основных (первая) функций управления [4].

Ее предназначение состоит в том, чтобы определить параметры оптимального функционирования общества или модель его будущего развития. Эта функция осуществляется посредством влия-

ния на студентов. Именно студенты, прошедшие хорошее обучение в вузе, получившие качественное высшее образование станут основой оптимального функционирования общества в будущем.

Правовой статус педагогических работников определен статьей 47 федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» [5], в соответствии с которой преподаватель вуза – педагогический работник осуществляет планирование, организацию и контроль учебной, воспитательной и учебно-методической работы по курируемым дисциплинам. Организует, руководит и ведет научно-исследовательскую работу по профилю кафедры (факультета). Ведет все виды учебных занятий, руководит курсовыми и дипломными проектами и научно-исследовательской работой обучающихся (студентов, слушателей), преимущественно магистров и специалистов. Таким образом служит на благо государства, обучая и воспитывая студентов, которые должны стать в будущем надежной его опорой.

Учебная деятельность в вузе является для преподавателя вуза основной – главной. Она заключается в обучении студентов определенным в рабочей программе дисциплины компетенциям, знаниям, умениям и навыкам. Основной задачей сегодня в учебном процессе является обеспечение освоения студентами современными знаниями, умениями и навыками, которые позволят им стать конкурентными специалистами на рынке труда. Хорошие специалисты – это сильное государство, которое самостоятельно сможет функционировать и создавать материальную и духовную основу. Для этого преподавателю вуза необходимо владеть современными знаниями по преподаваемой дисциплине и уметь преподать их посредством современных педагогических технологий. Обучение сегодня ориентировано на формирование продуктивного мышления, на формирование организованного процесса развития учащихся, на постоянное совершенствование навыков и умений.

Кроме этого, современный преподаватель сегодня – это не просто специалист в своей сфере, это человек который постоянно учиться сам, что требует и времени и сил.

Учебно- методическая деятельность преподавателя вуза заключается в разработке современных учебно-методических разработок в виде методических указаний, пособий, практикумов, деловых игр, тестов, которые должны максимально обеспечить учебный процесс по дисциплине. Причем все сегодня очень быстро все меняется, появляются новые информационные технологии, меняется и содержание дисциплин особенно по юридическим дисциплинам. Поэтому постоянно требуется разрабатывать новое методическое обеспечение. Это безусловно требует больших затрат времени. Но без методической деятельности невозможно представить учебную деятельность. Качественное методическое обеспечение позволяет на высоком уровне преподать свою дисциплину, а студентам позволяет хорошо ее освоить и в дальнейшем быть максимально полезным для своего государства и его граждан.

Воспитательная деятельность преподавателя вуза заключается в постоянной работе со студентами с целью формирования гармоничной личности. Основными направлениями воспитательной работы как правило считают культивирование навыков здорового образа жизни, формирование этических принципов личности, воспитание патриотических качеств. Ошибочно было бы предполагать, что преподаватель вуза только дает знания. Собственный пример в воспитании всегда имеет большое значение, т.е. внешность, поступки, отношения к своим коллегам и студентам, внутренняя культура и самоорганизация в личности преподавателя оказывает большое значение для правильного воспитания личности студента.

Преподаватель в вузе выполняет такую важную функцию государственной службы, как целеполагание – это одна из основных (первых) функций управления. Ее предназначение состоит в том, чтобы определить параметры оптимального функционирования общества или модель его будущего развития. Эта функция осуществляется посредством влияния на студентов. Именно студенты, прошедшие хорошее обучение в вузе, получившие качественное высшее образование и хорошее воспитание станут основой оптимального функционирования общества в будущем.

И научная деятельность является для преподавателя важнейшей составляющей его деятельности. В процессе работы преподаватели проводят различные исследования, опыты, эксперименты, анализируют и систематизируют полученные знания, ездят в научные командировки по стране и за рубеж, выступают на конференциях и симпозиумах.

Причем научную деятельность, поскольку она является творческой деятельностью, очень сложно регулировать.

Таким образом преподаватель в вузе в соответствии с правовым статусом, определенным действующим законодательством выполняет целый ряд функций. Преподаватели вуза занимаются обучением студентов, т.е. проводят лекционные и практические занятия, принимают зачеты и экзамены, используя самые современные педагогические технологии. Преподаватели вузов занимаются научной деятельностью, т.е. исследуют актуальные научные для государства темы, на основе которых разрабатывают и публикуют научные статьи, пособия, разрабатывают практикумы, методические указания, пособия, тесты, учебники. В процессе работы преподаватели проводят различные исследования, опыты, эксперименты, анализируют и систематизируют полученные знания, ездят в научные командировки по стране и за рубеж, выступают на конференциях и симпозиумах. Преподаватели вуза создают модель будущего общества, т.е. выполняют такую важную функцию государственной службы, как целеполагание – это одна из основных (первых) функций управления. Ее предна-

значение состоит в том, чтобы определить параметры оптимального функционирования общества или модель его будущего развития. Эта функция осуществляется посредством влияния на студентов. Именно студенты, прошедшие хорошее обучение в вузе, получившие качественное высшее образование и хорошее воспитание станут основой оптимального функционирования общества в будущем.

Поэтому каждый преподаватель вуза – это личность, которая по содержанию своей преподавательской деятельности должна обладать качествами, соответствующими требованиям государства, т.е. универсальными качествами достойных государственного служащего.

Он должен обладать способностями организатора, оратора, аналитика, психолога, тренера, пользоваться логикой педагогического процесса и воспитания, устной и письменной речью, быть высококомпетентным экспертом в своей области и эрудитом в различных областях знаний. Преподавательская деятельность требует от человека наличие таких важных качеств как: самообладание, стрессоустойчивость, целеустремленность, умение находить общий язык с разными типами собеседников, организаторские и лидерские способности, грамотная письменная и устная речь, ораторские способности, развитые внимание, память, аналитическое мышление и еще многие другие качества.

Вуз обеспечивает преподавание в соответствие с образовательными стандартами, поэтому для вуза очень важно, чтобы каждый преподаватель обладал перечисленными качествами. Но не смотря на высокие требования к преподавателю вуза, данная категория работников не относится к государственным служащим. А отнесение их к государственным служащим предоставило бы преподавателям определенные льготы, например получение пенсии за выслугу лет.

Но преподаватели вузов не осуществляют законодательную, исполнительную или судебную власть, не относятся к сотрудникам правоохранительных органов и контролирующих органов, т.е. государственную власть не осуществляют и в статус государственного служащего не переходят. Несмотря на всю важность и ответственность их деятельности они не обладают всеми признаками государственного служащего в период ведения занятий, написания статей и методических указаний, воспитательных мероприятий. Но в период сессии у преподавателя вуза появляются признаки государственного служащего – должностного лица. Как известно должностное лицо определено в ст. 285 УК РФ [2], как лицо, постоянно или временно осуществляющее функции представителя власти либо выполняющее организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в органах государственной и муниципальной власти. Но на практике, например функция принимать экзамены и зачеты признается организационно-распорядительной функцией.

Таким образом только на период сессии преподаватель вуза переходит в статус должностного лица, т.е. государственного служащего. Из буквального смысла конституционной нормы, содержащейся в ч. 3 ст. 97 Конституции Российской Федерации [1], следует, что лица, занимающиеся оплачиваемой преподавательской и научной деятельностью, к числу государственных служащих не относятся. Таким образом, нет оснований считать преподавателей государственных вузов государственными служащими ввиду отсутствия универсального для последних признака – содержания их за счет только соответствующего бюджета.

Литература

1. Конституция Российской Федерации [электронный ресурс]: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 //Справочно-правовая система «Консультант Плюс» [Электронный ресурс] / НПП «Консультант». – Последнее обновление 21.05.2024.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» [Электронный ресурс] / НПП «Консультант». – Последнее обновление 21.05.2024.
3. Трудовой кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» [Электронный ресурс] / НПП «Консультант». – Последнее обновление 21.05.2024.
4. О системе государственной службы РФ: Федеральный закон от 27.05.2003 г. № 58-ФЗ // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» [Электронный ресурс] / НПП «Консультант». – Последнее обновление 21.05.2024.
5. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ Справочно-правовая система «Консультант Плюс» [Электронный ресурс] / НПП «Консультант». – Последнее обновление 21.05.2024.
6. Апоревич, В.Н. Образовательно-воспитательные функции лекции при подготовке юристов / Апоревич В.Н. В сборнике: Актуальные проблемы развития профессионального образования в России. материалы межрегиональной научно-методический конференции, Хабаровск, 22–24 ноября 2010 г.: [в 2 т.]. М-во транспорта Российской Федерации, Федеральное агентство ж.-д. транспорта, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования «Дальневосточный гос. ун-т путей сообщения»; под ред. А.Н. Гануса. – Хабаровск: Издательство ДВГУПС, 2010. С. 4–6.
7. Апоревич, В.Н. Современные тенденции развития юридического образования в России / Апоревич В.Н. В сборнике: Проблемы и перспективы развития образования в технических вузах: Сборник материалов научно-методической

конференции, посвященной памяти В.Г. Григоренко / Под редакцией А.Н. Гануса. –Хабаровск: Издательство ДВГУПС, 2016. С. 7–11.
8. Апоревич, В.Н. Некоторые правовые проблемы аттестации педагогических работников, относящихся к профессорско-преподавательскому составу / Апоревич В.Н. -Альманах мировой науки, 2015. № 2–3 (2). С. 147–150.
9. Железнов, Д.В. Поддержка принятия решения по представлению научно-педагогических работников к награждению / Железнов Д.В., Асабин В.В., Гаранин М.А. – Самарский научный вестник. 2018. Т. 7. № 3 (24). С. 321–327.
10. Комментарий к Трудовому Кодексу Российской Федерации / под ред. Ю.П. Орловского. – М., ИНФРА-М, 2023. – 665с.

POSSIBILITIES AND LIMITATIONS OF THE NORMATIVE DEFINITION OF THE STATUS OF A UNIVERSITY TEACHER AS A CIVIL SERVANT

Aporevich V.N.
Far Eastern State University of Railways

The presented article is devoted to the problem of the legal transition of the most important spheres of activity for the state into the category of public service in order to provide workers in this field with greater guarantees and rights. Such categories of employees include university professors, who are not just a subject who knows how to transmit information, who owns modern technologies, sciences, methods, this is a subject on whom the state assigns the function of educating a comprehensive personality. Teaching in modern conditions is one of the most difficult and responsible activities. The teacher transmits not only his knowledge of the discipline, but also forms a certain responsible attitude to the discipline and to his profession. Thus, both the law and society define a university teacher as an entity that performs a very important role for the state. And it can be said that it performs such an important function of public service as goal setting – this is one of the main (first) functions of management.

Keywords: university teacher, legal status of teaching staff, educational activities, educational and methodological activities, educational activities, scientific activities, functions of a university teacher, civil servant, state power.

References

1. The Constitution of the Russian Federation [electronic resource]: adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020 //Legal reference system “Consultant Plus” [Electronic resource] / NCE “Consultant”. – Last updated on 05/21/2024.
2. The Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law No. 63-FZ of 06/13/1996 // Legal reference system “Consultant Plus” [Electronic resource] / NCE “Consultant”. – Last updated on 05/21/2024.
3. The Labor Code of the Russian Federation: Federal Law No. 197-FZ dated 12/30/2001 // Legal reference system “Consultant Plus” [Electronic resource] / NPP “Consultant”. – Last updated on 05/21/2024.
4. On the civil service system of the Russian Federation: Federal Law No. 58-FZ of 05/27/2003 // Legal reference system “Consultant Plus” [Electronic resource] / NCE “Consultant”. – Last updated on 05/21/2024.
5. On education in the Russian Federation: Federal Law No. 273-FZ of December 29, 2012 Legal reference system “Consultant Plus” [Electronic resource] / NPP “Consultant”. – Last updated on 05/21/2024.
6. Aporevich, V.N. Educational and educational functions of lectures in the training of lawyers / Aporevich V.N. In the collection: Actual problems of the development of professional education in Russia. materials of the interregional scientific and methodological conference, Khabarovsk, November 22–24, 2010: [in 2 volumes]. Ministry of Transport of the Russian Federation, Federal Agency for Railway Transport, State Educational Institution of Higher Education. education “Far Eastern State University of Railways”; edited by A.N. Ganus. Khabarovsk: DVGUPS Publishing House, 2010. pp. 4–6.
7. Aporevich, V.N. Modern trends in the development of legal education in Russia / Aporevich V.N. In the collection: Problems and prospects of education development in technical universities: A collection of materials of a scientific and methodological conference dedicated to the memory of V.G. Grigorenko / Edited by A.N. Ganus. Khabarovsk: DVGUPS Publishing House, 2016. pp. 7–11.
8. Aporevich, V.N. Some legal problems of certification of teaching staff related to the teaching staff / Aporevich V.N. -Almanac of World Science, 2015. No. 2–3 (2). pp. 147–150.
9. Zheleznov, D.V. Support for adoption decisions on the presentation of scientific and pedagogical workers for awarding / Zheleznov D.V., Asabin V.V., Garanin M.A. – Samara Scientific Bulletin. 2018. Vol. 7. No. 3 (24). pp. 321–327.
10. Commentary on the Labor Code of the Russian Federation / edited by Yu.P. Orlovsky. – M., INFRA-M, 2023. – 665c.

Обеспечение прав членов саморегулируемых организаций при выборе страховой организации

Банный Денис Сергеевич,
студент магистратуры, кафедра предпринимательского и корпоративного права МГЮА им. О.Е. Кутафина
E-mail: dejkal909@gmail.com

Статья знакомит читателя с некоторыми проблемами страхования в саморегулировании. В частности, автором были затронуты проблемы коллективного страхования, в числе которых: отсутствие конкуренции при определении страховщика по коллективному страхованию; отсутствие свободного выбора членами СРО страховщика. Для решения проблемы отсутствия конкуренции при определении страховщика по коллективному страхованию предлагается установить обязательность применения торгов в форме открытого конкурса. Для устранения же проблемы отсутствия свободного выбора членами СРО страховщика предлагается закрепить право члена СРО на отказ от присоединения к коллективному страхованию с одновременным наложением обязанности заключить индивидуальный договор страхования имущественной ответственности с выбранной им страховой организацией. Кроме того, автором были затронуты проблемы страхования в сфере арбитражного управления. В частности, затронута проблема правовой неопределённости при установлении коллегиальным органом СРО арбитражных управляющих страховой суммы в случае осуществления дополнительного страхования в порядке п. 2.1 ст. 24.1 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ. Решение этой проблемы автор видит в закреплении предельной страховой суммы, которую вправе установить коллегиальный орган СРО при страховании ответственности арбитражного управляющего.

Ключевые слова: саморегулирование; саморегулируемые организации; способы обеспечения имущественной ответственности; страхование; коллективное страхование; обязательные торги; арбитражный управляющий; открытый конкурс; компенсационный фонд; страховая сумма.

Согласно Федеральному закону от 01.12.2007 № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» (далее – Закон о саморегулировании) ключевой функцией саморегулируемых организаций является обеспечение дополнительной имущественной ответственности (п. 3 ч. 3 ст. 3 ФЗ) [16].

Доктрина вслед за законодателем также признаёт придаёт особое значение именно этой функции СРО. Например, профессор Д.А. Петров в своей докторской диссертации относит её к числу статусных функций [10, с. 279][1]. Обеспечительную функцию в качестве ключевой рассматривают и многие другие учёные (например, А.В. Белицкая, Е.Б. Лаутс [15, с. 611]; С.Ю. Морозов [14, с. 271] и др.). Обеспечительная функция СРО проявляется прежде всего в законодательном комплексе способов обеспечения имущественной ответственности членов СРО. Одним из таких способов является страхование имущественной ответственности членов СРО. Однако, как указывается в Концепции совершенствования механизмов саморегулирования, утверждённой распоряжением Правительства № 2776-р от 30.12.2015, страхование в деятельности саморегулируемых организаций пока ещё не имеет значимого регулятивного эффекта и выполняет скорее функцию предохранителя для компенсационного фонда [16]. Признаются указанные проблемы и в доктрине [1, с. 183; 18, с. 353].

В частности, огромное количество вопросов вызывает такой способ обеспечения имущественной ответственности как коллективное страхование. Как справедливо пишет Д.А. Петров, отношение к коллективному страхованию «осторожное, если не сказать предвзятое» [10, с. 323]. Так, например, С.Л. Сотников полагает, что применение коллективного страхования вовсе недопустимо в силу п. 2 ст. 932 ГК РФ [17, с. 186].

Фундамент этого «осторожного» отношения был заложен письмом ФАС РФ, где контрольный орган высказал позицию, что коллективное страхование может применяться лишь как дополнительный механизм обеспечения ответственности членов СРО, поскольку в противном случае, не обеспечивались бы свободный выбор страховой организации и конкуренция между страховщиками (ст. 11 Федерального закона от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [9]). Позже указанная позиция получила распространение и в письмах других органов государственной власти [8]. Между прочим, несмотря на указанную позицию ФАС РФ, напри-

[1] В понимании Д.А. Петрова статусными являются те функции, которые индивидуализируют СРО в качестве особых субъектов права.

мер, в кадастровой деятельности преимущественно применяется именно коллективное страхование [3]. То есть в кадастровой деятельности коллективное страхование – основной способ обеспечения имущественной ответственности членов СРО.

Отметим, что многие учёные согласны с приведённой позицией ФАС РФ [6, с. 40; 1, с. 183]. Противоположную, однако, позицию занял профессор Д.А. Петров. В частности, он пишет, что наличие в Законе о саморегулировании механизма коллективного страхования не позволяет по формальным причинам считать его антиконкурентным [10, с. 324]. Именно позиция Д.А. Петрова представляется более обоснованной. Однако неоспоримым фактом является то, что институт коллективного страхования требует законодательных изменений и доработок, чтобы в полной мере отвечать правовым нормам Российской Федерации.

Анализируя зарубежный опыт, можно отметить, что в разных странах существуют разные подходы к регулированию коллективного страхования саморегулируемых организаций. Так, например, во Франции коллективное страхование может применяться исключительно как вспомогательный механизм обеспечения имущественной ответственности членов профессиональных объединений [20]. Тогда как в Италии указанное ограничение отсутствует [21].

Разбирая позицию ФАС РФ, можно заметить следующее. Действительно, исходя из формулировки закона неясно, каким именно образом можно обеспечить конкуренцию при заключении договора коллективного страхования. Тем не менее порок антиконкурентности можно легко устранить посредством применения обязательных торгов (ч. 1 ст. 447 ГК РФ) [7, с. 60], которые могут применяться, в том числе, на добровольной основе при заключении любых гражданских договоров [2, с. 1036], в том числе и договоров страхования ответственности членов СРО. В связи с этим нам видится необходимым предусмотреть в Законе о саморегулировании обязанность СРО проводить торги при определении страховщика по коллективному страхованию.

Наиболее же подходящей формой торгов видится открытый конкурс. Выбор открытой формы обусловлен тем, что позволит обеспечить участие любых лиц, а значит и максимальное обеспечение конкуренции. Выбор же такой формы торгов как конкурс обусловлен тем, что при заключении договора коллективного страхования для страховщика важное значение имеют неценовые условия [5, с. 71] (опыт деятельности в сфере страхования, деловая репутация страховщика и др.). Такие неценовые условия могут быть оценены лишь посредством конкурса.

Касаемо ограничения права выбора страховой организации следует отметить, что сама по себе конструкция коллективного страхования исходя из толкования ст. 13 Закона о саморегулировании не предполагает лишения права застрахованного лица права на свободный выбор страховой организации. Ведь саморегулируемые организации могут самостоятельно разработать механизм реализации права члена СРО на свободный выбор страховой организации. Однако всё равно видится необходимым дополнить ст. 13 Закона о саморегулировании пунктом 3.1 следующего содержания: «В случае применения в качестве способа обеспечения ответственности членов саморегулируемой организации перед потребителями произведенных ими товаров (работ, услуг) и иными лицами системы коллективного страхования, член саморегулируемой организации имеет право отказаться от присоединения к договору коллективного страхования в порядке, установленном внутренними документами саморегулируемой организации. При отказе от присоединения к договору коллективного страхования член саморегулируемой организации обязан самостоятельно заключить индивидуальный договор страхования в порядке и на условиях, предусмотренных законодательством Российской Федерации и внутренними документами саморегулируемой организации». Примечательно, что сам порядок реализации права на отказ от присоединения к коллективному страхованию, согласно нашему замыслу, должен определяться самой СРО. Указанное законодательное положение предоставит члену СРО право выбора и обеспечит реализацию его права на свободный отказ от коллективного страхования.

Со страхованием много проблем и в отдельных сферах экономики. Например, при страховании по требованию коллегиального органа СРО (п. 2.1 ст. 24.1 ФЗ от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)») последний не ограничен в определении максимальной страховой суммы. Отсутствие же предельных страховых сумм по дополнительному страхованию свидетельствует о нарушении принципа правовой определённости. Принцип правовой определённости – универсальный правовой принцип, согласно которому правовая норма должна быть ясной, определённой и недвусмысленной [11]. Неопределённость в отношении страховых сумм создаёт ситуацию, при которой коллегиальный орган полностью произволен в определении максимального размера страховой суммы. Устанавливаемая СРО сумма поэтому может быть сильно завышена.

Анализ судебных решений показал, что такая проблема действительно часто возникает в практике арбитражных управляющих. Так, по одному из дел Союз «УрСО АУ» обязал арбитражного управляющего заключить договор страхования ответственности с размером страховой суммы в 400 000 000 рублей. Судом указанная сумма признана чрезмерной [12]. В другом деле всё тот же Союз «УрСО АУ» предписал арбитражному управляющему произвести страхование ответственности на сумму 250 000 000 рублей. Суд также указал на чрезмерность и произвольность указанной суммы [13]. Следует сказать, что во многих странах, в отличие от России, отсутствует обязанность дополнительного страхования ответственности арби-

тражных управляющих (например, Германия [22], Франция [20], Молдова [4]).

Дискреционность полномочий коллегиального органа при определении максимальной страховой суммы по дополнительному страхованию ответственности арбитражного управляющего может не только нарушить конституционное право арбитражного управляющего на свободное осуществление профессиональной деятельности, но и ограничить конкуренцию в анализируемой сфере. По нашему мнению, п. 2.1 ст. 24.1 ФЗ от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» должен содержать максимальную величину страховой суммы, которую может установить коллегиальный орган СРО. Указанную максимальную величину страховой суммы можно привязать к размеру компенсационного фонда, поскольку именно за счёт него производится взыскание при недостаточности страхового возмещения. Таким образом, можно установить правило, согласно которому, максимальная страховая сумма по дополнительному страхованию имущественной ответственности арбитражного управляющего в случае, предусмотренном п. 2.1 ст. 24.1 ФЗ от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», не может превышать более 50% размера компенсационного фонда той СРО, по требованию которой осуществляется дополнительное страхование.

Литература

1. Васючкова О.А. Способы обеспечения имущественной ответственности членов саморегулируемых организаций: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03. – М., 2020. – 227 с.
2. Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / А.К. Байрамкулов, О.А. Беляева, А.А. Громов, Под ред. А.Г. Карапетова. – М.: М-Логос, 2020. – 1072 с.
3. Доклад Министерства экономического развития РФ «О состоянии развития саморегулирования предпринимательской и профессиональной деятельности в Российской Федерации» от 2021 года. // Сайт Министерства экономического развития РФ URL: https://economy.gov.ru (дата обращения: 14.06.2024).
4. Закон Республики Молдовы № 161 от 18–07–2014 «Об авторизованных управляющих» // Государственный реестр правовых актов Молдовы URL: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=136558&lang=ru (дата обращения: 14.06.2024).
5. Кондратьев В.А. Конкурс как форма торгов: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03. – М., 2017. – 219 с.
6. Лебединов А.П. К вопросу о коллективном страховании ответственности членов СРО // Юридическая и правовая работа в страховании. – 2011. – №№ 1. – С. 35–42.
7. Молчанов А.В. Антимонопольные требования к торгам: правовой аспект: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03. – М., 2019. – 188 с.
8. О Методических рекомендациях: Письмо Минрегиона России от 09 июня 2010 № 23587-ИП/08 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.
9. О рассмотрении обращения: Письмо ФАС РФ от 28 мая 2009 № ИА/16304 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.
10. Петров Д.А. Правовой статус саморегулируемой организации в сфере предпринимательства: дис. … д-р. юрид. наук: 12.00.03. – СПбГУ, 2016. – 433 с.
11. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2012 № 19-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 1, части 1 статьи 2 и статьи 3 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» в связи с запросом Законодательного Собрания Ростовской области». // Сайт Конституционного Суда РФ URL: http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision106000.pdf (дата обращения: 14.06.2024).
12. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 19.04.2021 № 17АП-3123/2021-ГК по делу № А60–49770/2020 // Банк решений арбитражных судов URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/3dce6d60–6776–4084–9779–59ef65d17b1e/3db30c81–5f53–423a-85bb-2ff78ad8af7a/A60–49770–2020_20210419_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 14.06.2024).
13. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 03.08.2021 № 17АП-1606/2021-ГК по делу № А60–59308/2020. – Текст: электронный // Банк решений арбитражных судов: [сайт]. – URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/89b4a49d-fd5d-43cf-b1e1–6be7e01e9934/f910c274-e397–490d-a6b6–2ba819828fc2/A60–59308–2020_20210803_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 18.02.2024).
14. Право и экономическое развитие: проблемы государственного регулирования экономики: монография / В.К. Андреев, Л.В. Андреева, К.М. Арсланов [и др], Под ред. В.А. Вайпана, М.А. Егоровой. – М.: Юстицинформ, 2017. – 432 с.
15. Предпринимательское право Российской Федерации: учебник / Под ред. Е.П. Губина, П.Г. Лахно. – 3-е изд. изд. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. – 992 с.
16. Российская Федерация. Законы. О саморегулируемых организациях: Федеральный закон от 01 декабря 2007 г. № 315-ФЗ. – Текст: непосредственный: [принят Государственной думой 16 ноября 2007 года: одобрен Советом Феде-

рации 23 ноября 2007 года] // Российская газета. – № 273. – 06.12.2007.
17. Российская Федерация. Правительство. О Концепции совершенствования механизмов саморегулирования: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 30 дек. 2015 г. № 2776-р. – Текст: непосредственный // СЗ РФ. – 2016. – № 2. – (ч. 2). – Ст. 458.
18. Сотников С.Л. Страхование профессиональной деятельности: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03. – Красноярск, 2010. – 231 с.
19. Шишмарева Т.П. Правовые средства обеспечения эффективности процедур несостоятельности в России и Германии: дис. … д-р. юрид. наук: 12.00.03. М., 2022. 546 с.
20. Code des assurances // Légifrance – Le service public de la diffusion du droit URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006073984/LEGISCTA000006143141?init=true&page=1&query=R243–1&searchField=ALL&tab_selection=all&anchor=LEGIARTI000020049639#LEGIARTI000020049639 (дата обращения: 14.06.2024).
21. Decreto del presidente della Repubblica 7 agosto 2012, n. 137. // Gazzetta Ufficiale URL: https://www.gazzettaufficiale.it/eli/id/2012/08/14/012G0159/sg (дата обращения: 14.06.2024).
22. Insolvency Code of 5 October 1994 // Bundesministerium der Justiz URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_inso/englisch_inso.html#p0016 (дата обращения: 14.06.2024).

ENSURING THE RIGHTS OF MEMBERS OF SELF-REGULATORY ORGANIZATIONS WHEN CHOOSING AN INSURANCE ORGANIZATION

Bannyi D.S.
Moscow State Law Academy named after. O.E. Kutafin

The prepared article introduces the reader to some problems of insurance in self-regulation. In particular, the author touched upon the problems of collective insurance, including: lack of competition in determining the insurer for collective insurance and lack of free choice of the insurer by the SRO members. In order to solve the problem of lack of competition in determining the insurer for collective insurance, it is proposed to establish the mandatory use of bidding in the form of an open competition. In order to eliminate the problem of lack of free choice of the insurer by the SRO members, it is proposed to secure the right of the SRO member to refuse to join the collective insurance with the simultaneous imposition of the obligation to conclude an individual property liability insurance contract with the insurance organization of his choice. In addition, the author touched upon the problems of insurance in the field of arbitration management. In particular, the problem of legal uncertainty was touched upon when establishing the insurance amount by the collegial body of the SRO of arbitration managers in the event of additional insurance in accordance with paragraph 2.1 of Article 24.1 of the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" dated October 26, 2002 No. 127-FZ. The author sees the solution to this problem in fixing the maximum insurance amount that the collegial body of the SRO has the right to establish when insuring the liability of the arbitration manager.

Keywords: self-regulation; self-regulatory organizations; methods of ensuring property liability; insurance; collective insurance; compulsory tenders; arbitration manager; open competition; compensation fund; insurance amount.

References

1. Vasyuchkova O.A. Methods of ensuring property liability of members of self-regulatory organizations: dis. …cand. legal Sciences: 12.00.03. – M., 2020. – 227 p.
2. Contract law (general part): article-by-article commentary to articles 420–453 of the Civil Code of the Russian Federation / A.K. Bayramkulov, O.A. Belyaeva, A.A. Gromov, Ed. A.G. Karapetova. – M.: M–Logos, 2020. – 1072 p.
3. Report of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation "On the state of development of self-regulation of entrepreneurial and professional activities in the Russian Federation" dated 2021. // Website of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation URL: https://economy.gov.ru (access date: 06/14/2024).
4. Law of the Republic of Moldova No. 161 of 07/18/2014 "On authorized managers" // State Register of Legal Acts of Moldova URL: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=136558&lang=ru (date of access: 06/14/2024).
5. Kondratyev V.A. Competition as a form of bidding: dis. …cand. legal Sciences: 12.00.03. – M., 2017. – 219 p.
6. Lebedinov A.P. On the issue of collective liability insurance of SRO members // Legal and legal work in insurance. – 2011. – No. 1. – P. 35–42.
7. Molchanov A.V. Antimonopoly requirements for bidding: legal aspect: dis. …cand. legal Sciences: 12.00.03. – M., 2019. – 188 p.
8. About Methodological Recommendations: Letter from the Ministry of Regional Development of Russia dated June 09, 2010 No. 23587-IP/08 // Access from the reference legal system "ConsultantPlus". – Text: electronic.
9. On consideration of the appeal: Letter of the Federal Antimonopoly Service of the Russian Federation dated May 28, 2009 No. IA/16304 // Access from the reference legal system "ConsultantPlus". – Text: electronic.
10. Petrov D.A. Legal status of a self-regulatory organization in the field of entrepreneurship: dis. … dr. legal Sciences: 12.00.03. – St. Petersburg State University, 2016. – 433 p.
11. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated July 18, 2012 No. 19-P "In the case of verifying the constitutionality of Part 1 of Article 1, Part 1 of Article 2 and Article 3 of the Federal Law "On the procedure for considering appeals from citizens of the Russian Federation" in connection with the request of the Legislative Assembly of the Rostov Region region". // Website of the Constitutional Court of the Russian Federation URL: http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision106000.pdf (date of access: 06.14.2024).
12. Resolution of the Seventeenth Arbitration Court of Appeal dated April 19, 2021 No. 17AP-3123/2021-GK in case No. A60–49770/2020 // Bank of decisions of arbitration courts URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/3dce6d60–6776–4084–9779–59ef65d17b1e/3db30c81–5f53–423a-85bb-2ff78ad8af7a/A60–49770–2020_20210419_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (date of access: 06.14.20 24).
13. Resolution of the Seventeenth Arbitration Court of Appeal dated August 3, 2021 No. 17AP-1606/2021-GK in case No. A60–59308/2020. – Text: electronic // Bank of decisions of arbitration courts: [website]. – URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/89b4a49d-fd5d-43cf-b1e1–6be7e01e9934/f910c274-e397–490d-a6b6–2ba819828fc2/A60–59308–2020_20210803_Reshenija _i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (date access: 02/18/2024).
14. Law and economic development: problems of state regulation of the economy: monograph / V.K. Andreev, L.V. Andreeva, K.M. Arslanov [etc.], Ed. V.A. Vaipana, M.A. Egorova. – M.: Justitsinform, 2017. – 432 p.
15. Business law of the Russian Federation: textbook / Ed. E.P. Gubina, P.G. Lakhno. – 3rd ed. ed. – M.: Norma: INFRA-M, 2017. – 992 p.
16. Russian Federation. Laws. On self-regulatory organizations: Federal Law of December 1, 2007 No. 315-FZ. – Text: direct: [adopted by the State Duma on November 16, 2007: approved by the Federation Council on November 23, 2007] // Russian newspaper. – No. 273. – 06.12.2007.
17. Russian Federation. Government. On the Concept of Improving Self-Regulation Mechanisms: Order of the Government of Russia. Federation from December 30. 2015 No. 2776-r. – Text: direct // SZ RF. – 2016. – No. 2. – (part 2). – St. 458.
18. Sotnikov S.L. Insurance of professional activities: dis. …cand. legal Sciences: 12.00.03. – Krasnoyarsk, 2010. – 231 p.

19. Shishmareva T.P. Legal means of ensuring the effectiveness of insolvency procedures in Russia and Germany: dis. … dr. legal Sciences: 12.00.03. M., 2022. 546 p.
20. Code des assurances // Légifrance – Le service public de la diffusion du droit URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006073984/LEGISCTA000006143141?init=true&page=1&query=R243–1&searchField=ALL&tab_selection =all&anchor=LEGIARTI000020049639#LEGIARTI000020049639 (date of access: 06.14.2024).
21. Decreto del presidente della Repubblica 7 agosto 2012, n. 137. // Gazzetta Ufficiale URL: https://www.gazzettaufficiale.it/eli/id/2012/08/14/012G0159/sg (access date: 06/14/2024).
22. Insolvency Code of 5 October 1994 // Bundesministerium der Justiz URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_inso/englisch_inso.html#p0016 (access date: 06/14/2024).

Формирование доктринальных представлений о правовом статусе малоэтажного жилого комплекса

Бахтин Данила Олегович,
аспирант кафедры гражданского и предпринимательского права, Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)
E-mail: dbakhtinstuff@yandex.ru

В современном гражданском и жилищном обороте малоэтажные жилые комплексы (далее – МЖК) представляют собой кварталы, состоящие из индивидуальных, блокированной, многоквартирных или смешанной застройки домов, отделенные от окружающей городской застройки каким-либо заграждением в едином архитектурном стиле и собственной инфраструктурой. Их также называют коттеджными, загородными, закрытыми, элитными или иными поселками. После Всемирного финансового кризиса 2008 года девелоперский сегмент переориентировался на этот рынок жилья, в связи с чем на сегодняшний день проживание в нем пользуется большой популярностью. Тем не менее, вопрос правового статуса таких объектов остается всё так же актуальным. В данной статье автор рассматривает возможности правового регулирования для таких объектов и предлагает пути решения для усовершенствования законодательства.

Ключевые слова: право собственности, жилые помещения, малоэтажные жилые комплексы, право собственности на землю.

Появление, становление и развитие этих объектов в гражданском обороте стало возможным благодаря принятию всенародным голосованием в 1993 году Конституции Российской Федерации, когда земля перестала находится исключительно в государственной собственности. С.А. Боголюбов писал по этому поводу, что принципиальное значение для утверждения права собственности на землю оказал новый Гражданский Кодекс Российской Федерации, он ввёл основные понятия и категории, распространяющихся и на отношения собственности на землю, устранив множество пробелов в этой области[1].

Вопрос правового статуса является в принципе определяющим для любого вида вещей, поскольку он является определением совокупности правовых средств, направленных на реализацию целей в отношении этого объекта, а собственник, опираясь на него, осуществляет владение, пользование и распоряжение. Представляется, что важным признаком для определения правового статуса МЖК являются его конструктивные особенности, а именно из каких домов он состоит.

Например, если МЖК состоит полностью из малоэтажных МКД, то он будет подчинен режиму МКД, сам комплекс будет существовать только с технической точки зрения, а недвижимыми вещами будут выступать квартиры, каждая из которых участвует в обороте самостоятельно. Собственники квартир также будут обладать долей в праве собственности на обслуживающее и имущество общего пользования, и на земельный участок под домом. В подтверждение такому доводу можно привести дело из судебной практики, в котором кредитная организация требовала обратить взыскание на жилой дом должника, который фактически являлся МКД, в котором помимо должника были и другие собственники[2]. Суд отказал в иске кредитной организации, указывая, что регистрация права собственности на МКД как на самостоятельный объект прав недопустима, поскольку в действующем правовом режиме многоквартирный дом рассматривается не как самостоятельный объект гражданских прав, а как совокупность нескольких помещений – квартир, находящихся в раздельной собственности нескольких лиц и совокупности общего имущества.

[1] Земельное право: учебник / под ред. С.А. Боголюбова. – 3-е изд., перераб. И доп. – Москва: Проспект, 2021. – 376 с;

[2] Апелляционное определение СК по гражданским делам Верховного Суда Республики Дагестан от 18 апреля 2023 г. по делу N 33–1214/2023 // СПС Консультант Плюс

Возникает логичный вопрос, возможно ли применять правовой режим МКД к МЖК, в случае если он состоит не из квартир, а из индивидуальных жилых или домов блокированной застройки по аналогии закона? Ведь исходя из системного анализа статей 6 и 7 Гражданского и Жилищного Кодекса установлено, что если отношения не урегулированы законодательством и отсутствует применимый к ним обычай, то в случае не противоречия существу таких отношений, применяется законодательство, регулирующее сходные отношения.

В практике Конституционного суда сформировалась позиция, согласно которой в отсутствие какого-либо регулирования правового режима и статуса МЖК в действующем законодательстве возникновение имущественных прав юридических и физических лиц, в том числе не являющихся собственниками таких жилых домов, на отдельные объекты обслуживающей их инфраструктуры требует обеспечения справедливого баланса интересов указанных лиц, понесших расходы на создание, приобретение, реконструкцию и восстановление работоспособности соответствующих объектов, и интересов собственников домов в МЖК[1]. Дома в МЖК, в отличие от квартир в МКД, существуют отдельно от общей инфраструктуры. Разрешая вопрос о допустимости применения аналогии закона в другом деле, коллегия указала, что применение аналогии закона допустимо и представляет собой реализацию дискреционных полномочий суда, но это не должно приводить к нарушению конституционных прав и свобод, а также баланса интересов субъектов соответствующих отношений[2]. В рассматриваемом же деле применение к дому в МЖК правового режима МКД позволяло судам взыскивать с собственника плату за управление и содержание общего имущества, находящегося в собственности третьего лица, без определения потребительской ценности, а также стандарта качества оказываемых услуг.

Помимо применения режима МКД стоит рассмотреть возможность применения режима иных видов недвижимого имущества. Оптимальными для проведения сравнительно-правового анализа являются единый недвижимый комплекс (далее-ЕНК) и садовый дом, территории садоводства и огородничества, и садовые некоммерческие товарищества.

Исходя из статьи 133.1 Гражданского Кодекса, ЕНК – это совокупность объединенных единым назначением зданий, сооружений и иных вещей, неразрывно связанных физически или технологически, этот режим предназначен для обеспечения эффективности управления сложными техническими и инженерно-коммуникационными объектами недвижимого имущества, с момента включения имущества в его состав, оно также теряет возможность становится самостоятельным предметом сделки. Применение этого режима по аналогии закона неуместно, так как его правовая конструкция изначально предназначалась не для объектов жилой недвижимости, кроме того дома в МЖК обладают большей автономностью, чем объекты в ЕНК, следовательно потеря самостоятельности будет негативно сказываться на их экономической привлекательности и затруднит гражданский оборот.

Возможным вариантом для решения проблем с правовым статусом МЖК могло бы стать применения к нему по аналогии правового режима садовых домов, территорий садоводства и огородничества, и садовых некоммерческих товариществ, поскольку, во-первых, данные объекты схожи по своим физическим свойствам, во-вторых, применение данного правового режима позволит решить проблемы МЖК, связанные с использованием общего имущества, поскольку в таком случае, в силу закона, на него будет распространяться режим общей собственности пропорционально площади земельных участков собственников домов. Однако, такой подход не поддерживается в практике Верховного суда, в одном деле коллегия указывала, что в МЖК не осуществляется деятельность, связанная с ведением гражданами садоводства, огородничества и дачного хозяйства, это принципиально другие отношения, в связи с чем применение этого режима по аналогии недопустимо[3].

Применение режима садовых домов, территорий садоводства и огородничества, и садовых некоммерческих товариществ к МЖК по аналогии могло бы стать решением многих проблем, связанных с существованием и оборотоспособностью таких объектов.

В юридической науке такие объекты также не раз становились предметами дискуссий. Например, вопрос правового регулирования МЖК обсуждался на Петербургском международном юридическом форуме в 2016 году, в дискуссии участвовали А.А. Иванов, А.В. Егоров, Р.С. Бевзенко, и другие известные специалисты[4]. А.А. Иванов, высказывал мысли о том, что вопрос о правовом режиме МЖК требует специального решения, так как в зависимости от вида МЖК способы оформления прав на дома в них могут отличаться, в связи с чем создавать для них всех единую модель регулирования затруднительно. Являясь последовательным и убежденным сторонником концепции единого объекта недвижимости, Р.С. Бевзенко в данной дискуссии предлагал применять данную

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 10.11.2016 N 23-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второго пункта 1 статьи 2 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» в связи с жалобой гражданина Н.Н. Марасанова // СПС Консультант Плюс.

[2] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28.12.2021 N 55-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 7, части 1 статьи 44, части 5 статьи 46, пункта 5 части 2 статьи 153 и статьи 158 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Т.С. Малковой» // СПС Консультант Плюс.

[3] Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 06.10.2020 № 5-КГ20–107-К2 по делу 2–4463/2018 // СПС Консультант Плюс

[4] Единый объект недвижимости: необходимость и пути создания (по материалам круглого стола) // Антон Иванов. Персональный сайт [Электронный ресурс]. URL: https://antonivanov.ru/news/news-1_457.html

концепцию также и к МЖК, с правовой конструкцией из трех элементов: индивидуального права собственности помещение, доли в праве общей собственности и членства собственников помещений в сообществе. А.В. Егоров, также высказался с некоторым скпетицизмом о возможности регулирования режима МЖК без принятия соответствующих изменений в законодательство.

В.Н. Субботин[1] предлагал внести изменения в Гражданский Кодекс с целью закрепления правового статуса таких объектов. Он предлагал закрепить понятие МЖК как недвижимую вещь, состоящую из зданий, сооружений, земельного участка и иных вещей, неразрывно связанных физически или технологически, предназначенных для обеспечения благоприятных и безопасных условий проживания граждан в жилых помещениях, находящихся на территории этого комплекса. Представляется, что данное определение было сформулировано путем синтеза из положений о МКД и едином недвижимом комплексе, закрепленных в действующем законодательстве.

Законодателем были предприняты меры по разработке и нормативному закреплению правового статуса МЖК в действующем гражданском обороте. Так, был принят 476-ФЗ, которой установил, что МЖК – это совокупность индивидуальных жилых домов и иных объектов, которые определены в проектной декларации как общее имущество и строительство (создание) которых осуществляется застройщиком в соответствии с утвержденной документацией по планировке территории, а право собственности на общее имущество приобреталось одновременно с приобретением дома в МЖК и следовало судьбе этого дома[2]. Однако, данные изменения коснулись только случаев, когда строительство МЖК было осуществлено за счет денежных средств граждан и юридических лиц для долевого строительства, на иные случаи строительства он не распространяется. Сейчас также ведется разработка другого законопроекта, он дополняет и генерализирует положения выше названного 476-ФЗ[3]. В настоящее время законопроект получил некоторую критику со стороны профильных комитетов, но успешно прошел первое чтение в Государственной Думе.

Исходя из изложенного становится очевидно, что МЖК представляют собой новый вид недвижимой вещи, ранее не известной законодательству, и, как и любая другая вещь нуждается в разработке своего собственного правового режима. Существующие правовые режимы иных недвижимых вещей не позволят в полной мере устранить правовую неопределенность для собственников таких объектов, поскольку они существенно отличаются по материальным или юридическим признакам, а создание комплексного отдельного регулирования усилит его свойства легализации и улучшит его оборотоспособность.

[1] Субботин В.Н. Понятие, особенности и правовой статус малоэтажного жилого комплекса // Журнал Теория и практика общественного Развития 2016, № 1

[2] Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 30.12.2021 N 476-ФЗ // «Российская газета» от 11 января 2022 г. N 2–3

[3] Законопроект № 155842–8 О жилых комплексах, об управлении имуществом общего пользования в жилых комплексах (в части регулирования отношений, касающихся имущества общего пользования в комплексе индивидуальных жилых домов и земельных участков с общей инфраструктурой) [Электронный ресурс]: Система обеспечения законодательной деятельности / URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/155842–8

Литература

1. Земельное право: учебник / под ред. С.А. Боголюбова. – 3-е изд., перераб. И доп. – Москва: Проспект, 2021. – 376 с;
2. Апелляционное определение СК по гражданским делам Верховного Суда Республики Дагестан от 18 апреля 2023 г. по делу N 33–1214/2023 // СПС Консультант Плюс;
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 10.11.2016 N 23-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второго пункта 1 статьи 2 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» в связи с жалобой гражданина Н.Н. Марасанова // СПС Консультант Плюс;
4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28.12.2021 N 55-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 7, части 1 статьи 44, части 5 статьи 46, пункта 5 части 2 статьи 153 и статьи 158 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Т.С. Малковой» // СПС Консультант Плюс;
5. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 06.10.2020 № 5-КГ20–107-К2 по делу 2–4463/2018 // СПС Консультант Плюс;
6. Единый объект недвижимости: необходимость и пути создания (по материалам круглого стола) // Антон Иванов. Персональный сайт [Электронный ресурс]. URL: https://antonivanov.ru/news/news-1_457.html;
7. Субботин В.Н. Понятие, особенности и правовой статус малоэтажного жилого комплекса // Журнал Теория и практика общественного Развития 2016, № 1;
8. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 30.12.2021 N 476-ФЗ // «Российская газета» от 11 января 2022 г. N 2–3;
9. Законопроект № 155842–8 О жилых комплексах, об управлении имуществом общего пользования в жилых комплексах (в части регулирования отношений, касающихся имущества общего пользования в комплексе индивидуальных жилых домов и земельных участков с общей инфраструктурой) [Электронный ресурс]: Система обеспечения законодательной деятельности / URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/155842–8;

FORMATION OF DOCTRINAL IDEAS ABOUT THE LEGAL STATUS OF A LOW-RISE RESIDENTIAL COMPLEX

Bakhtin D.O.
All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Moscow

In modern civil and residential circulation, low-rise residential complexes (hereinafter – MZhK) are blocks consisting of individual, blockaded, multi-apartment or mixed-use buildings, separated from the surrounding urban development by some kind of barrier in a single architectural style and their own infrastructure. They are also called cottage, suburban, gated, elite or other settlements. After the Global Financial Crisis of 2008, the development segment shifted to this housing market, which is why living in it is very popular today. Nevertheless, the issue of the legal status of such facilities remains relevant. In this article, the author examines the possibilities of legal regulation for such facilities and suggests solutions for improving legislation.

Keywords: ownership, residential premises, low-rise residential complexes, land ownership.

References

1. Land law: textbook / edited by S.A. Bogolyubov. – 3rd ed., reprint. And additional – Moscow: Prospekt, 2021. – 376 s;
2. The appeal ruling of the IC on civil cases of the Supreme Court of the Republic of Dagestan dated April 18, 2023 in case N 33–1214/2023 // SPS Consultant Plus;
3. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 11/10/2016 N 23-P "In the case of checking the constitutionality of the provisions of the second paragraph of paragraph 1 of Article 2 of the Federal Law "On State Registration of Rights to immovable Property and transactions with it" in connection with the complaint of citizen N.N. Marasanov // SPS Consultant Plus;
4. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 12/28/2021 N 55-P "In the case of checking the constitutionality of part 1 of Article 7, part 1 of Article 44, part 5 of Article 46, paragraph 5 of part 2 of Article 153 and Article 158 of the Housing Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen T.S. Malkova" // SPS Consultant Plus;
5. The ruling of the IC on civil cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06.10.2020 No.5-KG20–107-K2 on the case 2–4463/2018 // SPS Consultant Plus;
6. A single real estate object: the need and ways of creation (based on the materials of the round table) // Anton Ivanov. Personal website [Electronic resource]. URL: https://antonivanov.ru/news/news-1_457.html;
7. Subbotin V.N. The concept, features and legal status of a low-rise residential complex // Journal Theory and Practice of social Development 2016, No.1;
8. Federal Law "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" dated 12/30/2021 No. 476-FZ // Rossiyskaya Gazeta dated January 11, 2022 No. 2–3;
9. Draft Law No. 155842–8 On residential complexes, on the management of public property in residential complexes (in terms of regulating relations concerning public property in a complex of individual residential buildings and land plots with common infrastructure) [Electronic resource]: Legislative support system / URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/155842–8;

Пенсия по инвалидности

Губанова Ольга Александровна,
кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры переподготовки и повышения квалификации специалистов, Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева
E-mail: gubanova-olga@mail.ru

Бруевич Марина Юрьевна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры переподготовки и повышения квалификации специалистов, Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева
E-mail: bruevich1709@mail.ru

Игбаева Гузель Римовна,
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин, Санкт-Петербургская академия Следственного комитета
E-mail: Ya.fromufa.ru@yandex.ru

Зуев Андрей Вячеславович,
кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Ленинградский областной филиал Санкт-Петербургского университета МВД России
E-mail: univerandrey@mail.ru

Проходимова Елена Михайловна,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры сервис безопасности, Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева
E-mail: prohodimova.e@igps.ru

В статье рассмотрена одна из видов пенсий для сотрудников ФПС МЧС России: пенсия по инвалидности. Изучены все основания для ее оформления, в частности это является многофакторной оценкой состояния здоровья, которую может устанавливать как военно-врачебная комиссия (ВВК) так и медико-социальная экспертиза (МСЭ), определяющая группу инвалидности. Показан расчет данной пенсии, обусловленной присвоенной группой. Объяснено, какое повышение пенсии за выслугу лет определено для инвалидов. Рассмотрены два обстоятельства для начисления пенсии по инвалидности военнослужащим и сотрудникам «силовых» ведомств. На примере разъяснен расчет **пенсии по инвалидности сотрудникам ФПС МЧС России. Рассказано о курсах повышения квалификации** для специалистов кадровых подразделений МЧС России, в которых рассматриваются данные практические вопросы.

Ключевые слова: пенсия, состояние здоровья, установление размеров пенсии, группа инвалидности, повышение квалификации.

Введение

Согласно законодательства России для сотрудников ФПС и членов их семей введены определенные пенсии: за выслугу лет, по инвалидности, по случаю потери кормильца. [1,2,3,4,5,6,7]. В публикации мы изучим пенсию по инвалидности.

Основная часть

Для получения данной пенсии необходимо получение инвалидности I, II или III группы. Стоит заметить, что I группа инвалидности – самая тяжелая, является не рабочей, при наличии II и III групп инвалидности можно работать, с учетом различных ограничений.

Рассмотрим два условия, от которых зависит назначение пенсии по инвалидности для сотрудников ФПС:

а) сотрудники, ставшие инвалидами в период прохождения службы или если инвалидность наступила не позднее 3 месяцев после увольнения;

б) если инвалидность наступила позднее 3 месяцев после увольнения, но вследствие ранения, контузии, увечья или заболевания, полученных на службе.

Напомним, группа инвалидности сотруднику ФПС может быть назначена в период прохождения службы, а не только после увольнения, как МСЭ так и ВВК.

Пенсия по инвалидности имеет следующие размеры:

а) инвалиды вследствие военной травмы I и II групп – 85% соответствующих сумм денежного довольствия, III группы – 50%;

б) инвалидам вследствие заболевания, полученного в период прохождения службы, I и II групп – 75%, III группы – 40%.

Состав суммы денежного довольствия для начисления пенсии: оклады по должности и званию, процентная надбавка за выслугу лет, % пенсии (зависит от выслуги лет), понижающий коэффициент, районный коэффициент. [8]

Пенсия по инвалидности определена умножением пенсии за выслугу лет на процент расчетного размера пенсии.

В нашем примере увольняется сотрудник ФПС с 3 группой инвалидности, полученную от военной травмы при выполнении служебных обязанностей. Вследствие чего сотрудник получает 50% соответствующих сумм денежного довольствия:

РАЗМЕР ПЕНСИИ = (оклады по должности и званию + процентная надбавка за выслугу лет) х понижающий коэффициент х % пенсии х районный

коэффициент х 50% (3 группа инвалидности, полученная по причине военной травмы)

Пенсия по инвалидности будет оформлена при подаче заявления и необходимых документов через кадровые подразделения по месту прохождения службы сотрудника ФПС МЧС России в пенсионные отделы МВД России и оформляется со дня установления инвалидности.

Сроки рассмотрения документов не позднее 10 дней с момента их поступления. Индексация пенсий по инвалидности сотрудникам ФПС происходит одновременно с повышением денежного довольствия сотрудников ФПС МЧС России.

Учтено увеличение пенсии за выслугу лет:

– инвалидам вследствие военной травмы: 1 группы (на 300% расчетного размера пенсии), 2 группы (на 250%), 3 группы (на 175%).
– инвалидам вследствие заболевания, полученного в период военной службы: 1 группы (на 250%), 2 группы (на 200%), 3 группы (на 150%).

В 2020 году кафедрой переподготовки и повышения квалификации специалистов Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России разработан курс повышения квалификации для специалистов кадровых подразделений МЧС России для дистанционного обучения.

Данный курс нацелен на улучшение теоретических и практических знаний слушателей данной категории обучения. Повышение квалификации может способствовать систематизации полученных знаний и повышению компетенций в выполняемой работе. [9,10,11,12,13]

Наряду с этим следует учесть, что формирование новых современных компетенций у слушателей МЧС России будет наиболее эффективным только при варьировании дистанционного обучения с практической деятельностью. [14,15,16,17]

Заключение

Пенсионные выплаты определяются множеством показателей и зависят от того насколько сильно нарушено здоровье, от тяжести травмы и т.д.

С наступлением возраста у мужчин – 60 лет, у женщин – 55 лет, группа сохраняется без переосвидетельствования. Переосвидетельствование возможно только по их желанию, для оформления более тяжелой группы инвалидности. До этого периода нужно каждый год подтверждать группу инвалидности, если только группа не установлена бессрочно, если перспектив для полного восстановления здоровья нет.

Стоит подчеркнуть, что вышедшие на ведомственную пенсию сотрудники имеют право на вторую пенсию за страховой стаж, при наличии необходимых требований: стаж, пенсионные баллы и возраст выхода на пенсию. Напомним, что вторую пенсию начисляют без учета фиксированной выплаты. [18]

Обратим внимание, что страховые пенсии индексируются каждый год для неработающих пенсионеров, а начиная с 2025 году будет возобновлена индексация пенсий также для работающих пенсионеров, которая будет очень долгожданной для данной категории.

Литература

1. Закон РФ от 12.02.1993 N 4468–1 (ред. от 29.05.2023, с изм. от 27.11.2023) «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей» Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Воробейчикова О.П., Губанова О.А. Правовые аспекты социальных гарантий сотрудников Федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы МЧС России// Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2013 № 2(19) С. 58–63
3. Губанова О.А. История и реформирование пенсионного обеспечения в России // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. 2018 № 2 (39). С. 79–82
4. Губанова О.А. Реформирование пенсионной системы в Российской Федерации // Тезисы междунар. конф.// СПбУГПС 2019. СПб., 2019. С. 212–215
5. Бородин М.П., Губанова О.А. Исторические этапы срочной службы в России. Журнал «Казачество». 2021 № 55 (5). С. 51–55
6. Губанова О.А. Зарубежный опыт подготовки пожарных. Науч.-аналит. журн. «Вестник С.-Петерб. ун-та ГПС МЧС России». 2018 № 2. С. 169–174
7. Воробейчикова О.П., Губанова О.А. Технологии по работе с резервом кадров в Санкт-Петербургском университете ГПС МЧС России. Науч.-аналит. журн. «Вестник С.-Петерб. ун-та ГПС МЧС России». 2010 № 2. С. 62–70
8. Губанова О.А., Зуев А.В., Османов Ш.А., Завьялов Д.Е. Пенсия за выслугу лет» // Юридическая наука, 2024, № 4. С. 37–40
9. Губанова О.А., Бородин М.П., Алибеков А.А. Применение электронного учебно-методического комплекса при дистанционном освоении слушателями курса повышения квалификации // Педагогический журнал. 2021. № 5–1. С. 412–418.
10. Губанова О.А. Модульное обучение в образовательной деятельности вуза // Педагогический журнал. 2022. № 1–1. С. 313–318.
11. Лобжа М.Т., Романенко Н.В., Губанова О.А., Багреев С.Р. Модульный подход к формированию программ дополнительного профессионального образования // Актуальные пробле-

мы физической и специальной подготовки силовых структур. 2022. № 4. С. 42–47.
12. Михайлов В.А., Михайлова В.В. Особенности адаптации молодых преподавателей образовательных организаций высшего образования МЧС России к профессиональной деятельности в области пожарной безопасности / Актуальные проблемы обеспечения пожарной безопасности защиты от чрезвычайных ситуаций. Железногорск. 2021. С. 649–652.
13. Губанова О.А. Информационно-педагогические технологии в системе профессиональной подготовки курсантов вузов МЧС России: дис … канд. пед. наук: 13.00.08 / О.А. Губанова. – СПб., 2008. – 154 с.
14. Губанова О.А. Демография в России // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. 2020. № 3 (48). С. 53–56.
15. Губанова О.А. Информационно-педагогические технологии в системе дополнительного профессионального образования слушателей МЧС России: монография. СПб.: Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, 2022. 176 с.
16. Губанова О.А., Зелинская И.А. Электронная информационно-образовательная среда в системе дополнительного профессионального образования для слушателей МЧС России: монография. СПб.: Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, 2023. 248 с.
17. Губанова О.А., Степанов Р.А., Шелепенькин А.А. Электронная информационно-образовательная среда в системе повышения квалификации слушателей МЧС России» // Педагогический журнал, 2023, № 6–1. С. 265–271
18. Губанова О.А., Бруевич М.Ю. Право на вторую пенсию // Закон и власть. 2023. № 1. С. 26–28.

DISABILITY PENSION

Gubanova O.A., Bruevich M.Yu., Igbaeva G.R., Zuev A.V., Prokhodimova E.M.
Saint Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia named after Hero of the Russian Federation, General of the Army E.N. Zinichev, Saint Petersburg Academy of the Investigative Committee, Leningrad Regional Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article examines one of the types of pensions for employees of the Federal Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia: a disability pension. All the grounds for its registration are studied, in particular, it is a multifactorial assessment of the state of health, which can be established by both the military medical commission (VVK) and the medical and social examination (MSE), which determines the disability group. The calculation of this pension, conditioned by the assigned group, is shown. It is explained what increase in the pension for length of service is determined for the disabled. Two circumstances for calculating a disability pension for military personnel and employees of "power" agencies are considered. An example is used to explain the calculation of a disability pension for employees of the Federal Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia. The article tells about advanced training courses for specialists of the personnel departments of the Ministry of Emergency Situations of Russia, which consider these practical issues.

Keywords: pension, health status, establishing the amount of a pension, disability group, advanced training.

References

1. Law of the Russian Federation of 12.02.1993 N 4468–1 (as amended on 29.05.2023, as amended on 27.11.2023) "On pension provision for persons who served in the military, in the internal affairs agencies, the State Fire Service, drug and psychotropic substance control agencies, institutions and agencies of the penal system, troops of the national guard of the Russian Federation, enforcement agencies of the Russian Federation, and their families" Access from the reference and legal system "ConsultantPlus".
2. Vorobeychikova O.P., Gubanova O.A. Legal aspects of social guarantees for employees of the Federal Fire Service of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia// Law. Security. Emergencies. 2013 No. 2 (19) P. 58–63
3. Gubanova O.A. History and reform of pension provision in Russia // Psychological and pedagogical problems of human and society security. 2018 No. 2 (39). P. 79–82
4. Gubanova O.A. Reforming the pension system in the Russian Federation // Abstracts of the international. conf. // SPbUGPS 2019. SPb., 2019. P. 212–215
5. Borodin M. P., Gubanova O.A. Historical stages of conscription in Russia. Magazine "Cossacks". 2021 No. 55 (5). P. 51–55
6. Gubanova O.A. Foreign experience in training firefighters. Scientific and analytical journal. "Bulletin of St. Petersburg. University of the GPS EMERCOM of Russia". 2018, No. 2, pp. 169–174
7. Vorobeychikova O.P., Gubanova O.A. Technologies for working with the personnel reserve at the St. Petersburg University of the GPS EMERCOM of Russia. Scientific and analytical journal. "Bulletin of the St. Petersburg University of the GPS EMERCOM of Russia". 2010, No. 2, pp. 62–70
8. Gubanova O.A., Zuev A.V., Osmanov Sh.A., Zavyalov D.E. Pension for length of service" // Legal science, 2024, No. 4, pp. 37–40
9. Gubanova O.A., Borodin M.P., Alibekov A.A. Application of the electronic educational and methodological complex in distance learning by students of the advanced training course // Pedagogical Journal. 2021. No. 5–1. Pp. 412–418.
10. Gubanova O.A. Modular training in the educational activities of the university // Pedagogical Journal. 2022. No. 1–1. Pp. 313–318.
11. Lobzha M.T., Romanenko N.V., Gubanova O.A., Bagreev S.R. Modular approach to the formation of additional professional education programs // Actual problems of physical and special training of law enforcement agencies. 2022. No. 4. Pp. 42–47.
12. Mikhailov V.A., Mikhailova V.V. Features of adaptation of young teachers of higher education institutions of the Ministry of Emergency Situations of Russia to professional activities in the field of fire safety / Actual problems of ensuring fire safety protection against emergency situations. Zheleznogorsk. 2021. Pp. 649–652.
13. Gubanova O.A. Information and pedagogical technologies in the system of professional training of cadets of universities of the Ministry of Emergency Situations of Russia: diss … Cand. Ped. Sciences: 13.00.08 / O.A. Gubanova. – St. Petersburg, 2008. – 154 p.
14. Gubanova O.A. Demography in Russia // Psychological and pedagogical problems of human and society safety. 2020. No. 3 (48). Pp. 53–56.
15. Gubanova O.A. Information and pedagogical technologies in the system of additional professional education of students of the Ministry of Emergency Situations of Russia: monograph. SPb.: St. Petersburg University of the GPS EMERCOM of Russia, 2022. 176 p.
16. Gubanova O.A., Zelinskaya I.A. Electronic information and educational environment in the system of additional professional education for students of the Ministry of Emergency Situations of Russia: monograph. SPb.: St. Petersburg University of the GPS EMERCOM of Russia, 2023. 248 p.
17. Gubanova O.A., Stepanov R.A., Shelepenkin A.A. Electronic information and educational environment in the system of advanced training of students of the Ministry of Emergency Situations of Russia // Pedagogical Journal, 2023, No. 6–1. P. 265–271
18. Gubanova O.A., Bruevich M. Yu. The right to a second pension // Law and Power. 2023. No. 1. P. 26–28.

Понятие и содержание судебной истины в цивилистическом процессе

Дмитриев Павел Александрович,
Магистрант, Правосудие по гражданским, административным делам и экономическим спорам, Российский государственный университет правосудия
E-mail: pauldmitriev1691@gmail.com

Предметом настоящей статьи является исследование понятия и содержания судебной истины в рамках гражданского и арбитражного процесса. Исследование опирается на разнообразные методы познания, включая как общенаучные, так и частнонаучные. Среди них можно выделить системный подход, который позволяет изучать явления с учётом их взаимосвязей и взаимозависимостей, формально-логический метод, а также формально-юридический подход. Эти методы позволяют рассмотреть проблему с разных сторон и получить более полное представление о рассматриваемом вопросе. Теоретическую базу исследования формируют научные труды отечественных учёных и правовых теоретиков, которые затрагивают вопрос о понятии судебной истины, ее месте и роли для полного и всестороннего разрешения дела. Целью исследования является уяснение и разъяснение понятия судебной истины. Нормативной основой исследования являются Конституция Российской Федерации, гражданское и арбитражное процессуальное законодательство.

Ключевые слова: право, суд, доказательства, стороны, судебная истина, абсолютная истина.

Введение

Понятие истины относится к области ценностей и теории, объединяющих знания предметной области и процессуальной сферы. Это понятие предполагает рефлексивное и конструктивное развитие критериев совершенства и улучшения знания. Понятие включается в систему ценностей, где идеал совершенства определяется через взаимосвязь с другими категориями ценностей.

Истина в философском ключе рассматривается в качестве основной категории, описывающей соответствие между теоретическим знанием и реальностью. Истину можно воспринимать как объективное, не зависящее от субъективных мнений, понятие. Для определения истинности философы стремятся установить критерии истины.

Основная часть

Как одна из основных категорий философии, науки, культуры, истина обозначает соответствие субъективных человеческих знаний объективной реальности, а также включает идеал знания и, соответственно, метод его достижения.

В судебном процессе понятие истина играет ключевую роль в вынесении справедливых, правосудных решений.

В философии истина рассматривается более абстрактно и широко, в то время как в праве она применяется конкретно к судебным решениям и правовым фактом. Однако основа в понимании соответствия между высказываниями и реальностью в философии и цивилистическом процессе общая. Таким образом, категория истины в философии и в праве соотносятся как целое и частное.

В данной статье задачей стояло определение и исследование понятия конкретно судебной истины в контексте цивилистического процесса.

Интерпретация понятия «судебная истина» разнится не только в науках философии права и цивилистического процесса, но и у разных авторов и теоретиков.

Некоторые считают, что судебная истина является центральным элементом судебного процесса и формируется на основе реальных данных. Данной позиции придерживается, например, Э.М. Мурадьян.

С иной стороны подходит к понятию судебной истины А.С. Александров, отмечая ее возникновение путем аргументации суда и его доводов. По его мнению, истина скорее представляет собой внутреннее убеждение самого судьи, которое основано на законе и логике, несет юридическую правду. Также А.С. Александров подчеркивает, что судебная истина должна быть правдоподобной, а ее разумность должна проявляться в отсутствии сомнений [1].

Судебная истина может быть абсолютной, а может – относительной. Абсолютность выражается в полном и точном соответствии фактам и обстоятельствам. Относительной можно назвать истину, которая наиболее вероятно и правдоподобно характеризует представление о произошедшем, учитывая имеющиеся доказательства и применимые нормы права.

По мнению Л.Г. Спиркина, абсолютная истина обладает следующими признаками: она не может быть опровергнута развитием науки, подтверждается жизнью и содержит полное и неопровержимое знание о предмете или действительности. В отличие от неё, относительная истина представляет собой лишь частичное понимание того же предмета. Многие исследователи, изучая природу судебной истины, приходят к выводу, что суд должен стремиться к установлению абсолютной истины.

Н.Б. Зейдер рассматривает понятие истины в контексте судебных дел и области познания, подчеркивая ее важность как в судопроизводстве, так и в других сферах знания. Судебная деятельность имеет свои особенности, и одной из ключевых задач суда является установление истины, которая должна полностью отражать реальные отношения между участниками процесса.

Абсолютные знания о предмете и его сущности могут быть тождественными только в идеальном случае. В реальности же всегда существуют погрешности и ограничения, которые не позволяют получить абсолютно точные знания. Наши знания всегда ограничены нашими возможностями и опытом. Например, знания археологов о динозаврах основаны на изучении ископаемых останков и других косвенных свидетельств, которые не могут полностью раскрыть сущность этих животных.

Кроме того, сущность предмета может меняться со временем или в зависимости от контекста. Хотя всегда будут оставаться некоторые неопределенности и погрешности, важно и нужно стремиться к максимально точному знанию.

Понятие судебной истины часто рассматривается через призму взглядов А.Л. Ривлина, который подчеркивал, что в процессе судебного разбирательства устанавливается так называемая «материальная истина». По его мнению, эта истина не попадает ни в категорию абсолютных, ни в категорию относительных истин.

Ю.К. Осипов, указывал, что в судебной системе соотношение между абсолютной и относительной истиной проявляется в том, что выводы суда относительно наличия юридических фактов, спорных правоотношений и нарушений прав сторон должны быть обоснованы и иметь абсолютный характер.

Перспектива пересмотра судебного постановления и указанных в нем обстоятельств, а также установление новых данных, уже делают судебную истину не полностью абсолютной, а относительной. В определенных ситуациях одно судебное решение может стать основой для другого, как, например, в рассмотрении регрессивных исков.

Учитывая изменчивость спорных правовых отношений истина всегда будет носить относительный характер. Судебная истина применяется к конкретным фактам взаимодействия спорящих сторон и объективна, так как соответствует выводам суда, выраженным в приговоре или решении, и отражает реальность.

По сравнению со сложными познавательными процессами, например, естественнонаучными (изучение строения планет, структуры мозга человека и пр.), судебная истина ориентирована на конкретные факты в рамках взаимоотношений между сторонами. Поэтому судебная деятельность может рассматриваться как фактологическая, объединяющая в себе элементы как абсолютности, так и относительности. Необходимо отметить, что судебная истина признается объективной, так как соответствует выводам суда, выраженным в приговоре или решении, и соответствует действительности.

Итак, подводя промежуточный итог, можно сказать, что достижение абсолютной истины в рамках судебного разбирательства, невозможно.

Познание по своей сути невозможно без столкновения различных, иногда противоположных взглядов, борьбы убеждений, мнений и дискуссий, так же как и без заблуждений и ошибок. Как утверждал Г. Галилей, избежать ошибок при наблюдении просто невозможно [5].

Стоит отметить, что, понятия абсолютной и судебной истины не тождественны.

Характер судебного познания не может утвердить абсолютную истинность судебных решений. Познание зависит от уровня интеллекта, опыта, технологического развития познающего субъекта [4].

Понятие юридической истины подразумевает, что суд должен основывать свое решение на доказательствах, представленных сторонами в ходе судебного разбирательства. Однако это не означает, что суд не должен принимать мер для установления обстоятельств дела. В некоторых случаях суд может запросить дополнительные доказательства или провести собственное расследование.

С уверенностью можно утверждать, принцип юридической истины имеет важное значение для судебных процессов. Суд должен основываться только на доказательствах, представленных сторонами, но не может самостоятельно доказывать факты дела. Если сторона не смогла подтвердить свои требования, то суд может отказать в удовлетворении иска. Это подчеркивает значимость активной и эффективной защиты прав и интересов каждой стороны в судебном процессе. А самое главное – он позволяет говорить о незаинтересованности суда в исходе дела.

Гражданско-процессуальный кодекс Российской Федерации содержит нормы, которые косвенно содержат принцип объективной истины в ряде статей. Данный принцип подчеркивает важность независимости, объективности и беспристрастности судов при проведении процесса. Как указано в ч. 2 ст. 12 ГПК РФ, суд не только руководит процессом, но и разъясняет участникам дела их права и обязанности, предупреждает об последстви-

ях различных процессуальных действий, а также оказывает содействие в реализации их прав. Суд обязан создавать условия для полного всестороннего и тщательного изучения доказательств, установления фактических обстоятельств по каждому делу и правильного применения законодательства в гражданских делах. Суд обязан определить, какие обстоятельства считаются значимыми для дела, и на какую из сторон следует возложить бремя доказывания. Даже в случае, если стороны не упомянули какие-либо обстоятельства, суд может посчитать необходимым включить такие обстоятельства в предмет доказывания по делу по своей инициативе. Такая повышенная активность суда позволяет наиболее полно и объективно разрешить спорное правоотношение [3].

Предполагается, что суд признает важность истинности информации, предоставленной государственными органами правосудия о реальном существовании или отсутствии определенных событий. Принцип объективной истины в цивилистическом процессе направлен на обеспечение справедливого и правильного разрешения споров.

На данный момент содержание судебной истины может быть выведено из общего смысла ряда норм ГПК РФ. Такие положения отражены в нормах глав 6, 14–16, 39 ГПК РФ, в частности, в статье 2, закрепляющей задачи гражданского судопроизводства, ч. 2 ст. 56, ст. 148, ч. 2 ст. 156, а также в ст. 53, 54 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ) [2].

При тщательном анализе отечественного процессуального законодательства можно выявить особую значимость тех статей, которые касаются последствий нарушения установления истинных обстоятельств дела и регламентируют порядок взаимодействия суда с доказательственными материалами.

Вышеуказанные положения играют крайне важную роль в определении понятия судебной истины, затрагивая различные аспекты ее формирования и использования в ходе рассмотрения дела в судебном порядке. Понятие судебной истины является основой для всестороннего и справедливого разрешения спорных правоотношений, данное понятие подтверждает установление истинных фактов дела. Суд во время подготовки дела к судебному разбирательству, выявляет необходимые юридически значимые факты, даже если стороны на них не ссылаются.

Достижение максимально объективного результата является результатом установления фактических обстоятельств спора.

Заключение

Подводя итог судебную истину можно назвать адекватным и полным отражением реальных фактов, обстоятельств и сути дела в юридическом смысле, определяемом процессуальным законом, истина устанавливаемая в процессе судопроизводства и зависящая от правильного истолкования и понимания всех относящихся к делу фактов.

Не утихание до сих пор научных дискуссий посвященных судебной истине являются подтверждением ее неоспоримого значения для системы цивилистического процесса. Понятие судебной истины является ядром механизма гражданского и арбитражного процесса, направляя суд в поиске и установлении обстоятельств дела.

Литература

1. Александров А. С. О природе аргументации в уголовном процесса // Сибирская ассоциация лингвистов-экспертов: сайт. URL: http://siberia-expert.com/publ/konferencii/kon-ferencija_2012/10–1–0–248 (дата обращения: 01.09.2023).
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 302.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // СПС КонсультантПлюс
4. Спиркин А.Г. Философия: Учебник. М., 2001. С. 465.
5. Философия: Учебник. – 2-е изд. – М.: Гардарики, 2006. С. 402.

THE CONCEPT AND CONTENT OF JUDICIAL TRUTH IN THE CIVIL PROCESS

Dmitriev P.A.
Russian State University of Justice

The subject of this article is to study the concept and content of judicial truth within the framework of civil and arbitration proceedings. The research is based on a variety of methods of cognition, including both general scientific and special scientific ones. Among them we can highlight a systematic approach, which allows us to study phenomena taking into account their interrelations and interdependencies, a formal logical method, as well as a formal legal approach. These methods allow you to look at a problem from different angles and get a more complete understanding of the issue at hand. The theoretical basis of the study is formed by the scientific works of domestic scientists and legal theorists, who address the issue of the concept of judicial truth, its place and role for the full and comprehensive resolution of the case. The purpose of the study is to understand and clarify the concept of judicial truth. The normative basis of the study is the Constitution of the Russian Federation, civil and arbitration procedural legislation.

Keywords: law, court, evidence, parties, judicial truth, absolute truth.

References

1. Aleksandrov A.S. On the nature of argumentation in criminal proceedings // Siberian Association of Linguistic Experts: website. URL: http://siberia-expert.com/publ/konferencii/kon-ferencija_2012/10–1–0–248 (access date: 09/01/2023).
2. Arbitration Procedural Code of the Russian Federation dated July 24, 2002 No. 95-FZ (as amended on December 25, 2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 30. – Art. 302.
3. Civil Procedure Code of the Russian Federation dated November 14, 2002 N 138-FZ (as amended on December 25, 2023) // SPS ConsultantPlus
4. Spirkin A.G. Philosophy: Textbook. M., 2001. P. 465.
5. Philosophy: Textbook. – 2nd ed. – M.: Gardariki, 2006. P. 402.

Формы участия в кредите в международной финансовой практике: сравнительно-правовой анализ

Егоров Даниил Петрович,
аспирант, Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
E-mail: egorov.danya98@gmail.com

Статья посвящена рассмотрению правовых форм одного из наиболее актуальных инструментов вторичного рынка кредитования – участия в кредите. В начале статьи описывается общее понимание участия в кредите, а также приводятся правовые формы участия в кредите, известные международной практике. При анализе первой формы участия в кредите автор проводит сравнительно-правовой (компаративный) анализ ее правовой природы, в результате которого выявляется повышенная степень риска при использовании англо-правового участия в кредите в сравнении с нью-йоркской моделью. Во второй части статьи автором анализируются правовая природа и правовые особенности второй формы участия в кредите, после чего автор осуществляет сравнительный анализ между двумя формами участия в кредите (в том числе, по их коммерческим целям, возникающим рискам и иным критериям).

Ключевые слова: участие в кредите, суб-участие, фондированное участие, вторичный рынок кредитования, синдицированный кредит, нефондированное участие (участие в риске).

В международной финансовой практике участие (суб-участие) в кредите (*англ.* «loan (sub)participation») (далее – участие в кредите) является общим понятием, охватывающим инструменты вторичного рынка кредитования, предполагающие экономическую передачу кредитором кредитного риска по заключенному им кредитному договору в пользу участника (третьего лица), которому передается указанный риск без уступки прав кредитора по кредитному договору [1].

Предметом настоящей статьи является рассмотрение форм участия в кредите, известных в международной финансовой практике, среди которых традиционно выделяются: фондированное участие (*англ.* “funded participation”) и участие в риске (нефондированное участие) (*англ.* “risk participation” или “unfunded participation”) [2].

Фондированное участие в кредите

Идея фондированного участия в кредите заключается в следующем. Кредитор, заключивший (или планирующий заключить) кредитный договор с заемщиком, вступает в договорные правоотношения с участником в таком кредите путем заключения специального соглашения (соглашения о фондированном участии в кредите), согласно которому участник после заключения такого соглашения обязуется выплатить кредитору определенного количество денежных средств для целей возмещения (полностью или в части) расходов кредитора, связанных с предоставлением кредита, а кредитор берет на себя обязательство по выплате участнику фактически получаемых доходов кредитора по кредитному договору (в части пропорциональной участию в кредите), включая возврат основного долга, уплату причитающихся процентов и иных платежей, пропорционально размеру участия в кредите. Ключевой характеристикой рассматриваемой правовой формы участия является то, что в случае неполучения соответствующей доходности по кредитному договору (например, дефолта заемщика и невозврата денежных средств кредитору), кредитор, в свою очередь, также не обязан возвращать какие-либо денежные средства участнику по соглашению об участии в кредите [3].

Важнейшее значение для целей понимания правовой природы фондированного участия имеет вопрос о правовой природе прав, которые получает участник по соглашению об участии в кредите. Рассмотрим данную проблему подробнее.

Подход английского права

В английском праве соглашение об участии в кредите традиционно понимается в качестве контракта, который лишь имитирует экономический эффект кредитного договора, в отношении которого заключается участие в кредите. Иными словами, с точки зрения английского права заключение соглашения об участии в кредите влечет возникновение стандартных правоотношений по модели кредитор – должник, которые по своей природе напоминают заемные правоотношения с той лишь разницей, что обязанность кредитора вернуть участнику заем поставлена под условие (напрямую зависит) от исполнения обязательств заемщика по кредитному договору, в котором происходит участие [4, с. 42]. Эта правовая особенность ставит участника в кредите в уязвимое положение, поскольку в дополнение к риску банкротства заемщика и дефолта по кредитному договору (как было указано выше, неплатеж по кредиту будет означать неплатеж по соглашению об участии в таком кредите [5]) участник также принимает на себя риск банкротства своего контрагента – кредитора, в случае материализации которого участник скорее всего также понесет убытки, поскольку даже в случае надлежащего исполнения заемщиком обязательств по кредитному договору, указанная доходность кредитора войдет в состав его конкурсной массы и будет делиться между большим количеством конкурсных кредиторов.

Описанная выше логика нашла отражение в деле *Lloyds TSB Bank v Clarke* (Lloyds TSB Bank v Clarke [2002] UKPC 41), в котором один из описанных выше рисков материализовался – а именно, произошло банкротство кредитора, ранее заключившего соглашение о фондированном участии с участником и получившим по нему соответствующие денежные средства. Анализируя правовую природу прав участника по договору, суд сделал вывод о том, что участник является простым необеспеченным кредитором впавшего в банкротство кредитора, не имеющим каких-либо преимуществ по сравнению с иными кредиторами банкрота (в том числе, в отношении выплат заемщика по кредитному договору).

Помимо этого, нельзя также и не упомянуть об ином риске для участника, связанным с невозможностью участника напрямую принимать решения и осуществлять права кредитора по кредитному договору. Указанная ситуация может приводить к тому, что кредитор при осуществлении своих прав по кредитному договору может принимать решения или воздерживаться от реализации своих прав в ущерб интересам участника, при этом все негативные последствия от таких действий будет нести именно участник, как лицо, несущее соответствующий кредитный риск по кредитному договору.

Долгое время банки-кредиторы, не желающие предоставлять какие-либо дополнительные защитные механизмы участникам, старались игнорировались описанные выше риски, однако в связи с наступлением мирового финансового кризиса в 2008 году указанные вопросы снова получили повышенное внимание всех участников рынка. В целях снижения указанных рисков и защиты интересов потенциальных участников Ассоциация кредитного рынка в Лондоне выпустила специальную статью (разъяснения), в которой был предложен целый ряд способов по митигации описанных выше рисков [4, с. 42].

Подход права штата Нью-Йорк

Фондированное участие в кредите по праву штата Нью-Йорк почти полностью соответствует модели фондированного участия, известной английскому праву, за исключением одного важного отличия. Отличие это заключается в том, что нью-йоркское участие в кредите позволяет передавать от кредитора к участнику специальные права, называемые в общем праве бенефициарными интересами, в отношении денежных средств, подлежащих выплате заемщиком по кредитному договору, а также обеспечения по такому договору [6, с. 55], при этом, передача таких интересов не представляет собой уступку прав кредитора, соответственно, кредитные правоотношения между кредитором и заемщиком сохраняются в исходном виде [6, с. 56]

В одном из наиболее известных судебных прецедентов по данному вопросу (FDIC v Mademoiselle of California (1967)) суд, анализируя правовую природу прав участника по соглашению об участии в кредите, сделал вывод о том, что, если соглашение об участии структурировано по модели действительного участия, то к участнику переходит бенефициарный интерес (*англ.* «undivided interest») в отношении пропорциональной соответствующему участию в кредите части платежей, которые будут сделаны заемщиком в будущем по кредитному договору. Некоторые исследователи квалифицирует указанный интерес в качестве инструмента, близкого к частичной уступке, а другие полагают, что в результате заключения такого соглашения в отношении платежи, причитающиеся с заемщика в пользу кредитора, считаются включенными в траст, бенефициаром по которому является участник [7].

Из описанной выше возможности передачи бенефициарного интереса в отношении будущих платежей к участнику следует несколько очень важных преимуществ американского подхода над английским с точки зрения интересов участника. Ключевым правовым следствием получения участником описанного выше бенефициарного интереса является то, что участник находится в более защищенном положении в ситуации банкротства кредитора. В случае, если соответствующий риск материализуется, то участник благодаря наличию указанного интереса в платежах, поступающих кредитору от заемщика, будет иметь преимущество перед другими обычными кредиторами в банкротстве в отношении соответствующих денежных средств, причитающихся кредитору по кредитному договору (указанная логика нашла отражение в деле In

re Drexel Burnham Lambert Group Inc. (1990)). Таким образом, существующая в английском праве проблема «двойного кредитного риска» может быть в значительной степени устранена в рамках нью-йоркского соглашения об участии в кредите.

Помимо этого, в случае, если обязательства заемщика по кредитному договору были каким-либо образом обеспечены, то в случае банкротства заемщика участник в кредите также будет иметь бенефициарный интерес в отношении такого обеспечения (при условии, что необходимые требования по созданию такого обеспечения были выполнены) [1, с. 505].

Участие в кредитном риске (нефондированное участие)

Вторая форма участия в кредите отличается от фондированного участия в кредите тем, что участник обязуется предоставить денежные средства кредитору и закрыть соответствующий кредитный риск по кредитному договору лишь при условии наступления в будущем заранее определенных обстоятельств (материализации кредитного риска), под которыми обычно понимается платежный дефолт заемщика или наступление иных обстоятельств, свидетельствующих о том, что кредит не будет возвращен заемщиком [8]. При этом, описывая правовую природу данной формы исследователи зачастую отмечают ее сходство с обязательством по возмещению потерь (убытков) кредитора в связи с кредитным договором [9, с. 209].

Несмотря на описанные выше отличия рассматриваемых правовых форм участия в кредите заключение соглашения об участии по любой из них по общему правилу не приводит к необходимости направления уведомления заемщику по кредитному договору, поскольку прямые правоотношения между заемщиком и кредитором не затрагиваются участием в кредите (вне зависимости от формы).

Участник в рамках нефондированного участия получает от кредитора лишь комиссию, при этом, в случае наступления указанных обстоятельств и выплаты участником денежных средств кредитору (покрытия убытков по кредитному договору участником) участник обычно получает право на возмещение уплаченных средств от заемщика [1, с. 496] (очевидно, что после выплаты денежных средств рассчитывать на указанное право участнику вряд ли приходится, учитывая произошедший дефолт заемщика) (в этом смысле, соглашение об участии в риске похоже на модель страхования или кредитно-дефолтного свопа).

С точки зрения кредитора участие в кредитном риске является инструментом перекладывания кредитного риска заемщика на соответствующего участника, который будет обязан покрыть убытки кредитора, понесенные по кредитному договору в случае дефолта заемщика. В то же время, основным недостатком рассматриваемого соглашения для кредитора является то, что кредитор, перекладывая кредитный риск заемщика на участника, взамен при заключении соглашения об участии в кредитном риске кредитору не удается. При этом, нельзя не упомянуть о том, что указанная форма участия в кредите не позволяет кредитору полностью избавиться от кредитного риска, поскольку фактически здесь имеет место замена риска неплатежа одной стороны (заемщика) на риск неплатежа другой стороны (участника). Согласно позиции исследователей, именно наличие указанного риска кредитора в рамках рассматриваемой формы участия в кредите обуславливает ее нечастое использование на практике [9, с. 209].

Учитывая описанные выше правовые особенности, представляется что выбор той или иной формы участия в кредите зависит от экономических целей, которые преследует кредитор как продавец кредитного риска. В случае, если кредитор имеет намерение полностью избавиться от кредитного риска (в том числе для регуляторных требований к достаточности капитала) и в экономическом смысле «продать» выданный кредит (полностью или в части), сохранив при этом формальную связь с заемщиком, кредитор заключает соглашение о фондированном участии в кредите. Если же речь идет о ситуации, когда кредитор хочет лишь минимизировать (диферсифицировать) имеющиеся риски по кредитному договору, но при этом продолжить (как юридически, так и экономически) выступать кредитором по кредитному договору (в том числе, сохранив право на получение доходности по кредиту), кредитор заключает соглашение о об участии в кредитном риске.

Аналогичное отличие между формами участия в кредите прослеживается и по такому критерию как цели, преследуемые участником. Если интерес участника состоит в том, чтобы экономически стать кредитором по кредитному договору (т.е. приобрести как право на получение дохода по кредитному договору, так и кредитный риск по такому договору), при этом юридически не вступая в прямые правоотношения с заемщиком и избегая необходимости оформления уступки, участник делает выбор в пользу фондированного участия. Если же участник планирует извлечь прибыль лишь за счет получения комиссии от кредитора (не претендуя на какой-либо доход по кредитному договору) в расчете на то, что заемщик надлежащим образом исполнит кредитный договор, и какие-либо обязательства участника перед кредитором не возникнут, нефондированное участие является для участника подходящей опцией.

Литература

1. Campbell M. Syndicated Lending: Practice and Documentation Sixth Edition. Euromoney Institutional Investor PLC Nestor House, London, 2013.
2. Loan transfers: toolkit, Practical Law UK Practice Note w-018–6465 <URL: https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/w-018–6465> (дата обращения – 20 июня 2024 г.).

3. Попкова Л.А. Правовая конструкция синдицированного кредита: дисс. … кандидата юрид. наук: 12.00.03 / М., 2017. С. 177.
4. Gray R., Mehta S. Loan Participations. US and UK compared. ILRF / October 2009.
5. Wright S. International Loan Documentation. – Palgrave Macmillan, 2006.
6. Clancy P., Sherman S., Bjerke B. Bridge across the pond. Loan participations. ILFR / April 2016.
7. Simpson D., 'Loan Participation: Pitfalls for Participants', 31 The Business Lawyer 4 (July 1976) 1977.
8. Guide to Secondary Loan Market Transactions <URL: https://www.lma.eu.com/news-publications/lma-guides> (дата обращения – 10 июня 2024 г.).
9. A Practitioner's Guide to Syndicated Lending 2nd ed // edited by Andrew Shutter. – Sweet & Maxwell Ltd, 2017.

FORMS OF PARTICIPATION IN A LOAN IN INTERNATIONAL FINANCIAL PRACTICE: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

Egorov D.P.
Moscow Financial and Industrial University "Synergy"

The paper is focused on the consideration of legal types of one of the most relevant instruments of the secondary loan market – loan participation. The article begins by decribing the general understanding of loan participation is described, and the legal forms of loan participation known in international practice are given. When analysing the first form of loan participation, the author conducts a comparative analysis of its legal nature, which reveals an increased degree of risk in the use of English-law loan participation in comparison with the New York model. In part two of the article, the author examines the legal nature and legal characteristics of the latter form of loan participation, after which the author makes a comparative analysis between the two forms of loan participation (including their commercial purposes, risks involved and other criteria).

Keywords: loan participation, sub-participation, funded participation, syndicated loan, secondary loan market, unfunded (risk) participation.

References

1. Campbell M. Syndicated Lending: Practice and Documentation Sixth Edition. Euromoney Institutional Investor PLC Nestor House, London, 2013. P. 495.
2. Loan transfers: toolkit, Practical Law UK Practice Note w-018–6465 <URL: https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/w-018–6465> (date of reference: 20 June 2024).
3. Popkova L.A. Legal construction of a syndicated loan: dissertation. … candidate of law sciences: 12.00.03 / M., 2017.
4. Gray R., Mehta S. Loan Participations. US and UK compared. ILRF / October 2009.
5. Wright S. International Loan Documentation. – Palgrave Macmillan, 2006.
6. Clancy P., Sherman S., Bjerke B. Bridge across the pond. Loan participations. ILFR / April 2016.
7. Simpson D., 'Loan Participation: Pitfalls for Participants', 31 The Business Lawyer 4 (July 1976) 1977.
8. Guide to Secondary Loan Market Transactions <URL: https://www.lma.eu.com/news-publications/lma-guides> (date of reference: 10 June 2024).
9. A Practitioner's Guide to Syndicated Lending 2nd ed // edited by Andrew Shutter. – Sweet & Maxwell Ltd, 2017.

Допустимость доказательств в международном арбитраже: аспекты выбора применимого права

Ерофицкий Андрей Сергеевич,
аспирант, МФПУ «Синергия»
E-mail: andrei.erofitskii@gmail.com

Международное третейское разбирательство, как и любое разбирательство сопряжено с необходимостью представлять доказательства и при представлении доказательств, которые не могут считаться допустимыми возникает необходимость определять право, которое подлежит применению при разрешении вопроса о допустимости. В статье анализируются различные коллизионные привязки, которые могут использоваться при разрешении вопроса о допустимости доказательства в международном арбитраже, а также приводятся аргументы, указывающие на достоинства и недостатки при применении той или иной привязки. В статье также приводится анализ необходимости установления применимого права при решении вопроса о незаконности доказательств, а также последствий обязательности определения такого применимого права. Делается вывод о том, что обязание арбитров осуществлять выбор применимого права приведет к увеличению времени рассмотрения спора, а также стоимости разбирательства.

Ключевые слова: допустимость, незаконные доказательства, применимое право, международный арбитраж

Доказательством в рассматриваемом судом споре является полученное надлежащим и законным способом сведение, подтверждающее тот или иной факт, который государственный или третейский суд может положить в основу принимаемого решения. На основании представленных доказательств суд устанавливает наличие или отсутствие фактов, которые влияют на рассмотрение дела.

Сбор доказательств является важнейшей частью судебного разбирательства, однако в попытках доказать суду или арбитражу свою позицию сторона может прибегнуть к нарушению закона того или иного государства.

Третейское разбирательство отличается от государственного суда тем, что в нем может не применяется публичный закон того или иного государства. В третейском разбирательстве отсутствуют единые стандарты допустимости незаконно полученных доказательств, в связи с чем могут возникать ситуации, когда арбитры принимают практически любые доказательства, в том числе и те, которые были получены с нарушением закона.

Третейский суд, в отличие от государственного суда не является публичным органом, который уполномочен применять к сторонам те или иные публичные санкции, либо правом сообщения иным публичным органам в случае, если у него есть подозрения, что какая-либо из сторон получила доказательства незаконно.

Тем не менее, арбитры могут в качестве санкции за такое недобросовестное поведение как представление незаконных доказательств, например, могут исключить такие доказательства из доказательной базы или распределить судебные расходы не в пользу недобросовестной стороны, которая была уличена в нарушении закона при сборе доказательств[1].

Особое затруднение при определении применимого права вызывает тот факт, что арбитрам доступно большое количество вариантов коллизионных привязок, в зависимости от применения которых применимое право может меняться. В связи с этим можно выделить несколько возможных привязок[2].

Наиболее простым решением является применение права места арбитража. Данная коллизионная привязка означает применение правопорядка

[1] Ерофицкий А.С. Доказательства в международном гражданском процессе: магистерская диссертация / Ерофицкий А.С. Москва, 2023 г. С. 72–73.

[2] Rutz F.V. Admissibility of Unlawfully Obtained Evidence in International Arbitration in Switzerland. Para. 75 // https://papers.ssrn.com/abstract_id=3678586 (accessed May 29, 2024).

той страны, в которой находится арбитраж, рассматривающий спор. Аргументами против применения данной коллизионной привязки может быть ситуация, когда доказательство получено незаконно в третьей стране, а представлено в арбитраж в другой. Вопросом здесь будет обоснованность применения права страны, которая не имеет никакого отношения к незаконно полученному доказательству. Другим аргументом против может быть нарушение принципа автономии воли, когда стороны для своих правоотношений избрали право одного государства, но при этом к их правоотношениям применяется другое. Тем не менее, право места арбитража выглядит как наиболее предсказуемая коллизионная привязка, когда стороны заранее знают каким будет применимое право к вопросу о допустимости доказательств.

Другой возможной коллизионной привязкой может быть право места ведения деятельности стороны, которая представила доказательства или её домицилий. Тем не менее, представляется, что такая привязка напрямую нарушала бы принципы арбитража, когда стороны, вступая в договорные отношения, намеренно изменили применимое право.

Право места возникновения полученных доказательств как право страны, где такие доказательства получены может также быть использована арбитрами, однако такое применение может быть сопряжено с недобросовестными действиями стороны, которая способствует наступлению материального результата в более чем в одном государстве, как попытка выбрать подходящий правопорядок (forum shopping).

Иной привязкой, применение которой выглядит наиболее логичным является право места совершения противоправного действия. Незаконные доказательства получаются стороной с нарушением норм конкретного государства, соответственно, представляется правильным применять санкции по отношению к такому лицу с точки зрения правопорядка где были совершены незаконные действия.

Наиболее очевидным применимым правом к вопросу о допустимости доказательств представляется право, регулирующее договорные отношения сторон. Первое, что должен проверить арбитраж – факт согласования права, которое будет применимым к допустимости доказательств. Тем не менее, вызывает сомнения, что стороны когда-либо могли специально сделать оговорку о праве, применимом к допустимости. Несмотря на это, существует возможность при условии широкого формулирования оговорки о применимом праве сформулировать позицию, согласно которой стороны распространили оговорку о применимом праве и в отношении доказательств. Например, если недобросовестные действия стороны находятся за пределами договора можно согласиться, что лицо совершило деликт. Если этот деликт является связанным с договором, то в этом случае применимым будет право, регулирующее существо сделки, т.е. договорные правоотношения сторон.

Если же такой деликт не будет связан с договором, то применимое право будет определяться на основании коллизионной привязки применимого права такого государства. Однако, в этом случае возникает проблема локализации в национальном праве конкретной страны всех нарушений, так как они являются сферой публичного регулирования.

Дополнительным аргументом против использования применимого к договору права в отношении допустимости доказательств является принцип автономии воли сторон. Является недопустимым толкование воли сторон таким образом, когда она охватывает действия лиц, совершенных не в рамках исполнения договора или задолго до вступления сторон в договорные отношения. Иным вопросом, возникающим при применении данной коллизионной привязки, является распространение её на третьих лиц, которые не являются сторонами соглашения о применимом праве. Так, в случае, когда такое доказательство получено незаконно третьей стороной, применение правопорядка по отношению к третьей стороне, которая этот правопорядок не выбирала, является недопустимым.

Большинство арбитражных регламентов ведущих арбитражных учреждений не регулируют вопрос допустимости незаконно полученных доказательств, отдавая право определять допустимость арбитрам самостоятельно.

Например, Арбитражный регламент Лондонского международного третейского суда (London Court of International Arbitration (далее – *LCIA*) 2020 г. в п. (vi) ст. 22 делает указание, на право состава арбитража принимать решение о применении строгих правил доказывания в отношении вопроса о допустимости доказательств. Тем не менее, в правилах отсутствует указание на применение того или иного правопорядка при разрешении вопроса о том, является ли доказательство незаконным или нет, а соответственно допустимым[1].

В соответствии с п. 3 § 29 «Правил арбитража международных коммерческих споров» МКАС при ТПП РФ арбитраж оценивает допустимость по своему внутреннему убеждению. Данную формулировку можно понять как возможность арбитража не разрешать вопрос о применении конкретного правопорядка при определении вопроса о допустимости того или иного доказательства.

Представляется, что какая возможность дает возможность более быстрого разрешения спора в связи со следующим. В случае, если у арбитров возникают обоснованные сомнения в допустимости доказательства, когда последние обязаны определить применимое право возникают следующе сложности. В случае, когда применимое право не регламентировано арбитрам необходимо определить какой правопорядок подлежит применению с обоснованием такого выбора. Далее, в случае, если такой правопорядок отличается от права, применяемого при рассмотрении спора, необходимо

[1] LCIA Arbitration Rules (effective 1 October 2020) // URL: https://www.lcia.org/Dispute_Resolution_Services/lcia-arbitration-rules-2020.aspx (Дата доступа: 30.05.2024).

проведение экспертизы для установления норм иностранного права. Только после выполнения всех этих действий у арбитров появится возможность для того, чтобы разрешить вопрос о том, является ли представленное доказательство допустимым. Вся описанная процедура влечет за собой существенное повышение стоимости арбитражного разбирательства, а также значительное увеличение времени рассмотрения спора.

Также нельзя утверждать факт того, что вопрос допустимости полностью находится во власти арбитров и стороны лишены возможности повлиять на будущее решение арбитров. Если принять тот факт, что для решения вопроса о допустимости арбитры могут принять решение лишь на внутреннем убеждении без выбора конкретного правопорядка стороны разбирательства вольны обеспечить предсказуемость данного вопроса до начала арбитражного разбирательства. Так, регламенты большинства арбитражных учреждений предоставляют сторонам возможность осуществить выбор арбитра, который будет в дальнейшем уполномочен рассматривать спор. При анализе профессионального бекрграунда, решений, которые были приняты при участии такого арбитра возможно оценить какое именно примет решение примет последний при представлении ему того или иного доказательства.

Отдельный интерес для вопроса о применимом к незаконно полученным доказательствам праве представляет регламент Международного арбитражного центра в Сингапуре (Singapore International Arbitration Centre (SIAC), в правиле 19.2 которого указывается следующее:

«Состав арбитража устанавливает относимость, значение и допустимость всех доказательств. Не требуется, чтобы Состав арбитража применял при разрешении данного вопроса нормы о доказательствах какого-либо применимого права»[1].

Данный регламент уже прямо указывает, что арбитры не связаны необходимостью самостоятельно разрешать вопрос о применении того или иного права к вопросу о допустимости доказательства.

Разбирательства в третейских судах отличаются большой процессуальной свободой и широкой свободой усмотрения арбитров. В любом случае, ответ на вопрос о возможном применимом праве при решении вопроса о допустимости доказательств будет разрешаться с учетом обстоятельств конкретного спора.

Представляется, что обязание арбитров выбирать применимое право при решении вопроса о допустимости доказательств приведет к увеличению времени, а также стоимости рассмотрения спора, что негативно может повлиять на выбор третейских судов, как механизмов альтернативного разрешения спора.

[1] Арбитражный регламент Международного арбитражного центра в Сингапуре (6я редакция, 1 августа 2016 г.) // URL: https://siac.org.sg/wp-content/uploads/2022/06/SIAC-Rules-2016-Russian-version_Complete.pdf (Дата доступа: 30.05.2024).

Литература

1. Ерофицкий А.С. Доказательства в международном гражданском процессе: магистерская диссертация / Ерофицкий А.С. Москва, 2023 г. С. 72–73.
2. Rutz F.V. Admissibility of Unlawfully Obtained Evidence in International Arbitration in Switzerland. Para. 75 // https://papers.ssrn.com/abstract_id=3678586 (accessed Jul. 21, 2023).
3. LCIA Arbitration Rules (effective 1 October 2020) // URL: https://www.lcia.org/Dispute_Resolution_Services/lcia-arbitration-rules-2020.aspx
4. Правила арбитража международных коммерческих споров (приложение 2 к приказу ТПП РФ от 11 января 2017 г. № 6) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Арбитражный регламент Международного арбитражного центра в Сингапуре (6я редакция, 1 августа 2016 г.) // URL: https://siac.org.sg/wp-content/uploads/2022/06/SIAC-Rules-2016-Russian-version_Complete.pdf.

ADMISSIBILITY OF EVIDENCE IN INTERNATIONAL ARBITRATION: ASPECTS OF THE CHOICE OF APPLICABLE LAW

Erofitskiy A.S.
MFIU "Synergia"

International arbitration proceedings, like any proceedings, involve the need to present evidence and, when presenting evidence that cannot be considered admissible, it becomes necessary to determine the law to be applied in resolving the issue of admissibility. The article analyzes various conflict-of-laws bindings that can be used to resolve the issue of the admissibility of evidence in international arbitration, and also provides arguments pointing to the advantages and disadvantages of applying one or another binding. The article also provides an analysis of the need to establish the applicable law when deciding on the illegality of evidence, as well as the consequences of the obligation to determine such applicable law. It is concluded that the obligation of arbitrators to choose the applicable law will lead to an increase in the time for consideration of the dispute, as well as the cost of the proceedings.

Keywords: admissibility, illegal evidence, applicable law, international arbitration.

References

1. Erofitsky A.S. Evidence in international civil proceedings: master's thesis / Erofitsky A.S. Moscow, 2023, pp. 72–73.
2. Rutz F.V. Admissibility of Unlawfully Obtained Evidence in International Arbitration in Switzerland. Para. 75 // https://papers.ssrn.com/abstract_id=3678586 (accessed Jul. 21, 2023).
3. LCIA Arbitration Rules (effective 1 October 2020) // URL: https://www.lcia.org/Dispute_Resolution_Services/lcia-arbitration-rules-2020.aspx
4. Rules for arbitration of international commercial disputes (Appendix 2 to the order of the RF Chamber of Commerce and Industry of January 11, 2017 No. 6) // ATP "ConsultantPlus".
5. Arbitration Rules of the International Arbitration Center in Singapore (6th edition, August 1, 2016) // URL: https://siac.org.sg/wp-content/uploads/2022/06/SIAC-Rules-2016-Russian -version_Complete.pdf.

Нормативное определение категории «музыкальное произведение» в российском законодательстве о защите интеллектуальной собственности

Закиров Дамир Азатович,

аспирант, кафедра гражданского права и процесса и международного частного права, Академия труда и социальных отношений
E-mail: Zakirov6119@scientifictext.ru

В предложенной статье автор рассматривает понятие «музыкальное произведение». Данное понятие фигурирует в законодательстве об авторском праве, но не имеет определения. Сам по себе объект может быть слишком сложен для определения. Поэтому цель статьи – сформулировать предложение по формулировке определения в законодательстве. Методы исследования: общенаучные (наблюдение сопоставление анализ), частнонаучный (социологический метод) и специальные (сравнительно-правовой и формально юридический). Автор делает вывод о том, что понятие «музыкальное произведение» целесообразно внести в нормативно-правовые акты, при этом список того, что может быть определено данным образом, сделать открытым, действуя на основании презумпции авторского права и по отношению к результатам творческой деятельности, не полностью подпадающим под данное определение. Статья может быть полезна специалистам по охране авторских прав и работникам СМИ.

Ключевые слова: авторское право, интеллектуальная собственность, музыкальные произведения, терминология.

Введение

В современной России постиндустриальные отношения в значительной мере вытеснили отношения индустриального общества. Характерно, что в постиндустриальном обществе сфера услуг и развлечения выходит на первый план, становится лидирующей сферой экономики и демонстрирует быстрый рост. В России огромное количество граждан становятся потребителями произведений искусства – в том числе, музыки.

Первая статья Конституции РФ определяет Россию как правовое государство [1] и логично, что сфера создания, а особенно продажи и другого коммерческого использования музыки регулируется законом.

Сам принцип защиты авторских прав в России проистекает из статьи 44 Конституции РФ, которая гласит: «Каждому гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества. [2]

В соответствии со ст. 1259 ГК РФ «Объекты авторских прав» [3] музыкальные, а также музыкально-драматические произведения являются объектом авторских прав. Однако в настоящее время Гражданский кодекс РФ, говоря об авторском праве, использует обобщенную формулировку «произведения науки, литературы и искусства». При этом и понятие «произведение» не имеет четкого определения, а вопрос о более четкой дифференциации произведений по жанрам – музыкальные, литературные и так далее остается дискуссионным.

Однако в связи с тем, что правоотношения в сфере авторского права становятся все более сложными, автор считает нужным остановиться на уточнении как общего понятия «произведение», так и частного – «произведение музыкальное», хотя в сфере защиты прав на музыкальные произведения и накоплен большой опыт правоприменения. Отсутствие данной дефиниции и в целом однозначной категоризации в этой сфере – одна из важных проблем авторского права. Автор считает нужным отдельно обсудить вопрос понятие «произведения» применительно к музыкальным произведениям в связи с их особенностями.

Актуальность исследования

Актуальность статьи состоит в том, что для более полной защиты прав автора на музыкальны произведения, требуется дать точное определение самого понятия «музыкальное произведение».

Цель исследования

Целью данной статьи является уточнение того, как можно преодолеть сложности с определением понятия «музыкальное произведение» в юридической практике.

Методология

Методология статьи состоит как из общенаучных методов исследования – наблюдение, сопоставление, анализ, так и из частнонаучных: прежде всего социологического метода, а так же специальных методов: сравнительно-правового и формально юридического.

Научная новизна

Научная новизна статьи состоит в том, что автор расширил анализ важного для сферы авторского права понятия «музыкальное произведение».

Степень научной разработанности темы исследования

Изучением, анализом и систематизацией проблем авторского права занимались множество авторов, в том числе: С.С. Алексеев, О.В. Богданова, О.С. Болдырев, И.А Зильберштейн, С.Б. Кокина, С.А. Чернышева, Н.В. Щербак и др.

Обсуждение понятий «произведение» и «музыкальное произведение» в юридической литературе привело к высказыванию целого спектра мнений. Так Н.А. Покидова полагает, что «сложности с определением обсуждаемого понятия связаны с тем, что произведение является сложным многоплановым объектом, и те или иные определения могут выдвигать на первый план лишь некоторые его характеристики». [4, с. 50]

Э.П. Гаврилов предлагает рассматривать произведение широко вне его сущностных характеристик «как результат творческой деятельности автора, выраженный в объективной форме». [5, с. 20]

К сожалению, автор вынужден указать на отсутствие специализированных научных работ (в том числе диссертаций), посвящённых музыкальному произведению как целостному объекту авторского права, при том, что именно целостность является одним из главных признаков любого художественного произведения. Так, например, существует множество научных работ, изучающих поэтическую составляющую творчества Вертинского или пианизм Рахманинова, но до сих пор не существует объемных полноценных исследований, рассматривающих их творчество в целом. Это мешает верно выделить объект авторского права и его защиты. К тому же нет работ, цель которых – исследовать комплексно, используя правоведческие методы и инструменты, бытование музыкального произведения, включая все способы и формы исполнения, воспроизведения, копирования, взаимодействие его частей и элементов.

Практическая значимость результатов исследования состоит в уточнении того, как в правоприменительной практике используется понятие «произведение», что поможет эффективно защищать авторские и смежные права в этой области. Так же автор сформулировал рекомендации по совершенствованию законодательства в части применяемой в авторском праве терминологии.

Основная часть

Точно и однозначно определить понятие «музыкальное произведение» представляется очень сложным. И правоведческая наука в данном случае вынуждена пользоваться результатами искусствоведения, чтобы однозначно выявить круг объектов защиты.

Например, возникает вопрос: является ли «музыкальным произведением» произведение Джона Кейджа «Четыре минуты тридцать три секунды», во время «исполнения» которого музыканты не извлекают из своих инструментов ни звука. С точки зрения искусствоведов это – музыкальное произведение, следовательно, с точки зрения юридической науки, оно должно являться объектом охраны. Тем не менее, не представляется в полной мере ясным, что в данной ситуации должен защищать закон. Видимо, замысел и идею, но закон не защищает идеи и концепции. Из одного этого примера видно, что ситуация с защитой авторского права на музыкальные произведения отличается определенной неординарностью и движение de generali ad specifica «от общего к частному» (лат.) в данном случае не всегда возможно.

Как мы видим, если построить определение «музыкального произведения» как последовательности звуков, «четыре минуты тридцать три секунды» под него не попадет. Тем не менее – это музыкальное произведение!

Принято определять музыкальное произведение как целостный завершенный результат композиторской деятельности. Это определение соответствует идее о том, что целостность – основной критерий художественности. Так с точки зрения современного искусствоведения музыкальное произведение это система, в которой вступают во взаимодействие композиторский замысел, нотный текст, исполнительская интерпретация (а интерпретатор становится носителем смежных прав), факт исполнения и восприятие слушателей. Это определение казалось бы целостным и полным, если бы не один момент: при композиторской деятельности не всегда создается нотный текст. Например, А.Н. Вертинский не знал нот, что не мешало ему создавать свои произведения. Однако в его ситуации сочинение музыки и ее нотная фиксация производились разными людьми. Возможно, главное в музыкальном произведении индивидуальность формы, отражающая личность автора и в случае Вертинского это будет созданная им форма «ариеток» или «печальных песенок».

Не будем так же забывать, что произведения, относящиеся к народной культуре, изначально не имеют нотной записи.

Нельзя не отметить, что, в отличие от литературного произведения, произведение музыкальное кроме нотной формы существует еще и в «живой», то есть исполняется публично. Полемически заостряя данное утверждение можно сказать, что по- настоящему музыкальное произведение существует тогда и только тогда, когда исполняется. М.А. Зильберквит писал: «Одна из главных особенностей музыки в том, что она реально существует только в исполнении, в живом звучании». [6, с. 9]

Возникает вопрос: является ли мелодия, как составная часть произведения, объектом авторских прав.

Ряд ученых, например Н.Л. Зильберштейн, полагают, что мелодия не подлежит охране в качестве объекта авторского права. [7, с. 10]

При этом другие ученые, например, В.Я. Ионас [8 с. 112] и А.П. Сергеев [9, с. 133] полагают, что мелодия должна быть объектом охраны. Эта точка зрения представляется автору более обоснованной, так как мелодия – это одноголосый, композиционно целый музыкальный фрагмент, часто являющийся основой музыкального произведения (песня) или его узнаваемым маркером (к примеру, начало 40-й симфонии Моцарта). Следовательно, он может быть скопирован и использован с коммерческой целью.

Как говорилось выше, произведение всегда представляет собой результат деятельности, выраженный объективно, то есть являющийся объектом, чем-то, на что направлена деятельность субъекта, в данном случае творческая созидательная деятельность, в которой субъектов является автор. Данный объект (произведение), появившееся в результате деятельности субъекта-автора, в дальнейшем может стать объектом экономической деятельности, которые закон определяет как легальную и требующую правового регулирования в интересах общества. Как мы видим, произведение, будучи объектом и результатом творческой созидательной деятельности, должно и может стать еще и объектом правовой защиты. В силу природы творчества и созидательного характера большей части деятельности человека вопросы правовой защиты произведения важны для развития и существования общества в целом и в условиях правового регулирования и саморегулирования в частности.

В диссертационной работе Н.В. Иванова, посвященной защите авторских прав в сфере музыки в РФ выдвигается положение о том, что «Оригинальное музыкальное произведение состоит из трех элементов – мелодии, гармонии и ритма. Все звуки и звукосочетания, которые не являются необходимыми для передачи указанных трех элементов, относятся к производному произведению – аранжировке, которая подлежит самостоятельной правовой охране. Объектом авторского права в Российской Федерации является не только оригинальное музыкальное произведение в целом, но и его важнейший элемент – мелодия. При условии оригинальности гармонии или ритма, они также могут быть признаны охраняемыми элементами музыкального произведения – объектами авторского прав». [10, с. 11]

В тоже время В.С. Илларионов в своей работе отмечает, что «в настоящий момент многочисленные проблемы, связанные с осуществлением, охраной и защитой авторских прав на музыкальные произведения, распространённые в сети Интернет, не получили в современной цивилистике комплексного монографического исследования, адекватного их научной значимости и практической ценности» [11, с. 2]. Данная работа была написана 10 лет назад, однако данная проблема до сих пор не решена.

Правоприменительная практика

Сложности с определением понятие «произведение» в большинстве случаев не затрудняют правоприменительную практику. Естественно, что данный комментарий относится к тем случаям, когда правонарушители нелегально используют музыкальное произведение целиком – песню, марш, крупные музыкальные формы. В условиях цифровизации данное преступление часто выражается в виде нелегального использования аудиофайла (к примеру, его нелегальной загрузки в социальные сети).

В других же случаях – плагиата мелодии и текста песни, нелегальной записи музыкального концерта и дальнейшего использования записи и так далее – чаще всего важнейшим доказательством является результат экспертизы. Надо отметить, что и тут в случае выявления совпадения сторона ответчика может аргументировать, что имел место быть не плагиат, а пародия.

Пока правоведы размышляли, что есть законченное музыкальное произведение, музыкальная индустрия сама дала ответ на этот вопрос. Так объектом покупки и продажи стали так называемые биты и джинглы.

То есть сама музыкальная индустрия различает музыкальные (даже можно сказать, звуковые) произведения очень небольшого размера, а крупные разделяет на составные части.

Так джингл отличается от классических привычных музыкальных форм тем, что он короткий и имеет совершенно другую функцию. Джингл маркирует определённую радио-передачу, имеет очень короткую продолжительность.

Бит отличается тем, что это только составная часть общего произведения, ритмическая секция, которая призвана создать насроение всей композиции. Тем не менее без бита композиция, музыкальное произведения не будет полным. При этом бит можно продать, купить, заказать и композиторов, которые специализируются на создании битов. Такие композиторы называются «битмейкеры».

Заключение

Как мы видим, в законодательстве используется термин «произведение». Тем не менее он не опре-

деляется. В то же время существует ряд сложностей с тем, чтобы точно определить данное понятие. К тому же музыкальное произведение часто состоит из нескольких отдельных объектов авторского права, таких как нотный текст, текст песни, авторское исполнение, бит и так далее.

Проведенное исследование позволило автору более конкретно выделить те признаки произведений, которые являются критериями их охраноспособности. Итогом работы стало выделение характерных признаков именно музыкального произведения: особенности репрезентации, тесная связь со смежными правами исполнителя, особые требования к типу охраны. Предложенная категоризация поможет уточнению правового статуса их авторов и поиску эффективных способов защиты их прав.

Исходя из результатов проведенного исследования автор предлагает рассмотреть возможность внести в тексты нормативно-правовых актов понятие «музыкальное произведение». Чтобы данное определение не было слишком расплывчатым и пространным, автор предлагает не обобщать в нем все различные варианты музыкального произведения, а сделать список открытым. Возможно, лучше будет дать авторам возможность публично заявлять о создании музыкального произведения, будь то бит, музыкальная партия или концепция выступления, не содержащего каких-либо звуков принципе. При этом подобное заявление может быть сделано на основании презумпции авторского права и по отношению к результатам творческой деятельности, не полностью подходящим под определение «музыкальное произведение».

Литература

1. Конституция Российской Федерации, статья 1: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Официальный интернет– портал правовой информации. – URL: Статья 1 \ КонсультантПлюс (consultant.ru) (дата обращения: 29.01.2024).
2. Там же, статья 44. (дата обращения: 29.01.2024)
3. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая)» от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 30.01.2024) // СПС КонсультантПлюс – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения 14.04.2024)
4. Покидова Н.А. Музыкальные произведения как объекты авторского права // Современное право. – 2008. – № 3. – С. 50–54 С. 50
5. Гаврилов Э.П. Комментарий Закона об авторском праве и смежных правах / Э.П. Гаврилов. – Москва: Фонд «Правовая культура», Б. г. (1996). – 248,[1] с.; 20
6. Зильберквит М.А. Мир музыки: Очерк. М., 1998. С. 9
7. Зильберштейн М.Л. Авторское право на музыкальные произведения. М.,1960. С. 10
8. Ионас В.Я. Произведения творчества в гражданском праве. М., 1972, с. 12
9. Сергеев А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации: учебник для вузов. 2-е издание. Москва.: Велби, 2004, с. 113
10. Правовая охрана результатов интеллектуальной деятельности в области музыки в Российской Федерации: автореферат дис. … кандидата юридических наук: 12.00.03 / Иванов Никита Витальевич; [Место защиты: Рос. гос. ин-т интеллектуал. собственности Роспатента]. – Москва, 2007. – 22 с. 11 с.
11. Илларионов В.С. Авторские права на музыкальные произведения, распространенные в сети Интернет. Москва 2013, с. 2.

REGULATORY DEFINITION OF THE CATEGORY “MUSICAL WORK” IN RUSSIAN LEGISLATION ON THE PROTECTION OF INTELLECTUAL PROPERTY

Zakirov D.A.
Academy of Labor and Social Relations

In the proposed article the author considers the concept of “musical composition”. This concept appears in the Russian copyright law, but has no definition. The object itself is too difficult to define. Therefore, the purpose of the article is to formulate a proposal to formulate a definition in the legislation. Research methods: general scientific (observation, comparison and analysis), private scientific (sociological method) and special (comparative-legal and formal-legal). The author concludes that the concept of “musical composition” should be introduced into normative legal acts, and the list of what can be defined in this way, to make open, acting on the basis of the presumption of copyright and in relation to the results of creative activity, not fully falling under this definition. The article may be useful for copyright specialists and media professionals.

Keywords: copyright, intellectual property, musical composition, terminology.

References

1. Constitution of the Russian Federation, Article 1: [adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020] // Official Internet portal of legal information. – URL: Article 1 \ ConsultantPlus (consultant.ru) (date of access: 01/29/2024).
2. Ibid., article 44. (date of access: 01/29/2024)
3. “Civil Code of the Russian Federation (Part Four)” dated December 18, 2006 N 230-FZ (as amended on January 30, 2024) // SPS ConsultantPlus – URL: http://www.consultant.ru (date accessed April 14, 2024)
4. Pokidova N.A. Musical works as objects of copyright // Modern law. – 2008. – No. 3. – P. 50–54 P. 50
5. Gavrilov E.P. Commentary on the Law on Copyright and Related Rights / E.P. Gavrilov. – Moscow: Legal Culture Foundation, B. (1996). – 248,[1] p.; 20
6. Zilberkvit M.A. The world of music: Essay. M., 1998. P. 9
7. Zilbershtein M.L. Copyright for musical works. M., 1960. P. 10
8. Jonas V. Ya. Works of creativity in civil law. M., 1972, p.12
9. Sergeev A.P. Intellectual property rights in the Russian Federation: a textbook for universities. 2nd edition. Moscow: Welby, 2004, p. 113
10. Legal protection of the results of intellectual activity in the field of music in the Russian Federation: abstract of thesis. … Candidate of Legal Sciences: 12.00.03 / Ivanov Nikita Vitalievich; [Place of protection: Ros. state int intellectual. property of Rospatent]. – Moscow, 2007. – 22 p. 11 p.
11. Illarionov V.S. Copyright for musical works distributed on the Internet. Moscow 2013, p. 2.

Реализация судебных полномочий доказывания по делам о несостоятельности (банкротстве)

Дмитриев Павел Александрович,
магистрант, правосудие по гражданским, административным делам и экономическим спорам, Российский государственный университет правосудия
E-mail: pauldmitriev1691@gmail.com

Предметом статьи является исследование роли места суда в процессе доказывания по делам о несостоятельности (банкротстве). Исследование опирается на разнообразные методы познания, включая как общенаучные, так и частно-научные. Среди них можно выделить системный подход, который позволяет изучать явления с учётом их взаимосвязей и взаимозависимостей, формально-логический метод, а также формально-юридический подход. Эти методы позволяют рассмотреть проблему с разных сторон и получить более полное представление о рассматриваемом вопросе. Теоретическую базу исследования формируют научные труды отечественных учёных и правовых теоретиков, которые затрагивают вопрос о роли суда в процессе доказывания в арбитражных спорах. Целью исследования является более глубокое понимание роли суда в доказывании в арбитражных делах. Нормативной основой исследования являются Конституция Российской Федерации, арбитражное процессуальное законодательство, федеральные законы, а также акты официального толкования арбитражных процессуальных норм. Эмпирическую основу исследования статистические данные, материалы судебной практики высших и арбитражных судов

Ключевые слова: суд, бремя доказывания, доказательства, стороны, процесс доказывания.

Введение

Арбитражный суд – это судебный орган государственной власти, функционирующий в соответствии с законодательством Российской Федерации. Его главная задача заключается в осуществлении судебной власти в форме правосудия в сфере предпринимательства и связанных с ним экономических дел. Каждый арбитражный суд представляет собой юридическое лицо, обладающее собственной печатью, на которой указано его наименование и изображение Государственного герба России, в соответствии с Федеральным конституционным законом от 28 апреля 1995 года.

Система арбитражных судов состоит из нескольких уровней: суд первой инстанции, апелляционный суд, кассационный суд, Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации, а также специализированного арбитражного суда – Суда по интеллектуальным правам. В суде первой инстанции начинается рассмотрение споров, апелляционный суд рассматривает апелляционные жалобы на решения суда первой инстанции, кассационный суд занимается проверкой законности и обоснованности судебных решений нижестоящих судов, не рассматривая дело по существу. Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации является надзорной инстанцией рассмотрения арбитражных дел.

Арбитражные суды играют ключевую роль в обеспечении справедливости и защите интересов сторон в экономических спорах, способствуя развитию предпринимательства и обеспечивая правовую стабильность в обществе. Работа этих судов имеет большое значение для государства и граждан, обеспечивая правовую защиту и соблюдение законов в сфере предпринимательской деятельности.

Арбитражные суды реализуют властные, организационные функции по отношению к лицам, участвующим в деле, содействуя движению процесса.

Основная часть

Государство наделяет суд широким спектром полномочий, которые напрямую влияют на достижение целей, установленных процессуальным законодательством. Особенность Закона о банкротстве состоит в том, что арбитражный суд, выступая в качестве государственного судебной власти, реализует также контрольно-административные функции, такие как надзор за добросовестностью арбитражного

управляющего, включая рассмотрение жалоб на его действия и др.

С учетом смысла и содержания понятия доказывания, или судебного доказывания – в широком смысле слова, суд относится к субъектам доказывания. С тем лишь условием, что суд является субъектом познания представленных сторонами доказательств, он их интерпретирует и воспринимает через свои чувства, знания и понимание законодательства. Однако ввиду отсутствия у суда материально правового интереса в исходе дела, суд исключается учеными из состязательного процесса [6].

Исследователи представляют аргументы, активное участие суда является не только правом, но и обязанностью на определенных этапах судебного процесса. Примером может быть этап подготовки дела к судебному заседанию. Данное обстоятельство возникает в связи с поиском судом объективной истины в арбитражном процессе, что делает невозможным исключительное поручение формирования доказательственной базы сторонам. В противном случае могут возникнуть злоупотребления со стороны того, кто лучше информирован, у кого есть доступ к определенным доказательствам, которого нет у иных лиц, умышленную фальсификацию содержащейся в документах информации, что в итоге приводит к судебным ошибкам выражающихся в незаконных и необоснованных судебных постановлениях.

Мнения ученых содержащиеся в отечественной доктрине о роли и месте суда в процессе доказывания в течении последних ста лет позволяют посмотреть на данную проблему под разным углом.

По мнению М.К. Треушникова для суда недоказанность равносильна отсутствию судебной истины, поэтому отказ в иске ввиду неимения доказательств со стороны лиц, участвующих в деле, воспринимается как его отказ признать наличие судебной истины в обстоятельствах, указанных в исковом заявлении. [10].

А. Бабенко утверждает, что освобождение суда от обязанности доказывания представляется ошибочным и противоречит основам правосудия. Суд, как независимый и беспристрастный орган, играет ключевую роль в установлении истины по делу. Он не может быть пассивным наблюдателем, а должен активно участвовать в процессе доказывания, чтобы обеспечить полное и объективное рассмотрение дела [3]. По его мнению принцип состязательности, лежащий в основе судебного процесса, не означает, что суд должен быть бездействующим. Напротив, суд должен активно участвовать в исследовании доказательств, задавать вопросы сторонам, запрашивать дополнительные материалы, назначать экспертизы, чтобы максимально полно изучить все обстоятельства дела. Только таким образом суд может восполнить пробелы в представленных сторонами доказательствах и создать условия для вынесения справедливого и обоснованного решения.

М. Адмайтис указывает, что при повышении активности суда в доказывании, понижается его качество беспристрастности [1]. Повышенная доказательственная активность суда вырабатывает у него личное отношение в к фактам лежащим в основе спорных правоотношений.

Напротив С. Бурмагин отмечает что устранение суда из числа субъектов доказывания было бы равносильно передаче всей ответственности за установление судебной истины сторонам процесса. При этом также он отмечает, что спорящие стороны по определению заинтересованы в том, чтобы представить доказательства, максимально выгодные для них, а не для установления объективной истины. [5].

Роль суда в установлении истины: баланс активности и пассивности. В вопросе о роли суда в процессе доказывания существует множество мнений. Два из них, представленные В.А. Лазаревой и А.Ф. Клейнманом, ярко иллюстрируют дискуссию о границах активности суда.

По мнению В.А. Лазаревой активная роль суда необходима для достижения истины. Она подчеркивает, что без активного участия суда в инициировании сбора доказательств истина может остаться невыявленной. Лазарева считает, что суд должен обдуманно принимать доказательства, представленные сторонами. По ее мнению, чрезмерная активность суда может привести к формированию у него личного отношения к предмету спора. Такое положение опасно, так как суд может утратить объективность и превратиться в одну из сторон спора, что подрывает доверие к судебной системе.

А.Ф. Клейнман, в свою очередь, считает, что главная функция суда заключается во все стороннем и правильном разрешении спора между сторонами. По его мнению, истина в судебном процессе субъективна и определяется аргументами и доказательствами, представленными сторонами. Клейнман допускает, что суд может взять на себя инициативу в сборе доказательств, если стороны не в состоянии сделать это самостоятельно. При этом подчеркивая, что суд не должен становиться субъектом доказывания, а должен оставаться арбитром, решающим спор на основе представленных доказательств.

Обе представленные позиции признают важность активности суда, но с разных точек зрения. Лазарева видит в активной роли суда необходимый инструмент для установления истины, в свою очередь Клейнман рассматривает активность суда как средство разрешения спора и помощи сторонам в сборе доказательств. Оба подхода констатируют сложность вопроса о роли суда в процессе доказывания. Ключевым является достижение баланса между необходимостью активности суда и недопустимости склонения его на одну из сторон спора.

В целях рассмотрения дела по существу суд обязан реализовывать свои полномочия по организации и руководству процессом. Одним из главных полномочий суда является содействие в защи-

те нарушенных или оспариваемых прав, которое реализуется при:

Рассмотрении судом заявлений о признании должника банкротом;

Утверждении арбитражного управляющего, где суду необходимо убедиться в компетентности и соответствии кандидата для управления активами должника;

Продлении сроков процедур банкротства, когда необходимо подтвердить необходимость продления и учитывать интересы всех сторон;

Введении оздоровительных процедур банкротства на основании решения собрания кредиторов.

Наконец, в редких случаях подписания сторонами мирового соглашения в рамках дела о банкротстве, суду приходится проводить анализ условий такого соглашения и убеждаться в их законности и справедливости для всех заинтересованных сторон.

Несмотря на доводы правоведов, указывающих на ограниченность конкретных доказательств в случаях несостоятельности должника, преимущество можно признать за позицией авторов, которые называют суд необходимым участником процесса доказывания.

С этой точки зрения, объектом доказывания является набор обстоятельств, определяющих признаки несостоятельности должника.

Когда стоимость активов юридического лица, которое находится в процессе ликвидации, оказывается недостаточной для удовлетворения требований его кредиторов, закон требует ликвидации данного юридического лица в строгом соответствии с законом о банкротстве. Для того чтобы подтвердить невозможность полного погашения долгов перед кредиторами, что в свою очередь является основанием для объявления должника банкротом, необходимо доказать факт недостаточности имущества у должника. При проведении процедуры ликвидации должника, необходимо учитывать интересы всех заинтересованных сторон, включая кредиторов, работников должника и участников должника. Важно обеспечить прозрачность и объективность в процессе распределения имущества должника среди кредиторов, чтобы избежать возможных споров и конфликтов. Таким образом, процесс ликвидации юридического лица в случае недостаточности его активов является сложной и ответственной процедурой, требующей безапелляционного подтверждения всех необходимых фактов, в целях защиты заинтересованных сторон.

Суд часто без ходатайств лиц участвующих в деле определяет необходимость истребования доказательств для установления признаков банкротства у должника. Соответствующие запросы документов суд по своей инициативе, реализуя предоставленные ему властные полномочия, направляет в различные государственные органы, в частности ФНС, ФССП, Росимущество.

Однако довольно часто суды ожидают первичных действий по сбору доказательств на участников дела о банкротстве, без проявления доказательственной инициативы со своей стороны.

Также, например, суд требует от саморегулируемых организаций арбитражных управляющих предоставить информацию о соответствии их кандидатур требованиям закона, что подтверждает активное участие суда в сборе доказательств.

Заключение

Подводя итог можно сказать, что в состязательном значении слова субъект доказывания, суд таковым абсолютно точно не является, более того, он занимает организационное, руководящее положение и отстраняется ввиду отсутствия у него материально правового интереса относительно предмета спора, суд без сомнения является адресатом доказательственной информации от сторон, получаемой в результате состязательного процесса. Даже в широком смысле слова, суд не является субъектом доказывания, несмотря на то, что может проявлять большую самостоятельность в истребовании доказательств и в целом участвовать в процессе доказывания, распределяя бремя доказывания, указывая сторонам на ошибки и допустимые доказательства, во многом подсознательно формируя еще на стадии оценки доказательств свое отношение относительно предмета спора. Все перечисленные действия суда – это организация процесса по делу. Суд не является участником процесса (ст. 40 АПК, ст. 34, 35 ФЗ) и не обязан ничего доказывать (ст. 65 АПК).

Таким образом, субъектами доказывания в деле о несостоятельности банкротстве на стадии принятия и проверки заявления о банкротстве являются: сам должник, конкурсный кредитор, уполномоченные органы, также работник и бывший работник должника.

Литература

1. Адамайтис М. Право суда на инициативу в исследовании доказательств мешает его беспристрастности // Российская юстиция. 2003. – № 11. – С. 32
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 29.05.2024)
3. Бабенко А., Черкасова Н. Суд должен проявлять активность при сборе и исследовании доказательств // Советская юстиция. 1993. – № 12. – С. 1.
4. Балакшин В. Состязательность или оптико-акустический обман? // Законность. 2001. – № 12.
5. Бурмагин С. Принцип состязательности в теории и судебной практике // Российская юстиция. 2001. – № 5. – С. 33–34.
6. Ванеева Л.А. Судебное познание в советском гражданском процессе: Учебное пособие / Под ред. Н.А. Чечиной. Владивосток: Дальневосточный университет, 1972; Амосов С.М. Су-

дебное познание в арбитражном процессе. М.: РАП, 2003. С. 131–132.
7. Клейнман А.Ф. Основные вопросы теории доказательств в советском гражданском процессе // Клейнман А.Ф. Избранные труды. Краснодар: Совет. Кубань, 2008. С. 143.
8. Лазарева В.А. Судебная власть и ее реализация в уголовном процессе. – Самара, 2004. – С. 3.
9. Самсонов, В.В. Арбитражное процессуальное право: курс лекций / В.В. Самсонов, Т.А. Григорьева. – Москва: Экзамен, – 2006. – С. 67.
10. Треушников М.К. Доказательства и доказывание в советском гражданском процессе. – М., 1982. – С. 48
11. Федеральный конституционный закон от 28.04.1995 N 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) «Об арбитражных судах в Российской Федерации»

IMPLEMENTATION OF JUDICIAL POWERS OF EVIDENCE IN CASES OF INSOLVENCY (BANKRUPTCY)

Dmitriev P.A.
Russian State University of Justice

The subject of this article is to study the role of the place of court in the process of proof in insolvency (bankruptcy) cases. The research is based on a variety of methods of cognition, including both general scientific and special scientific ones. Among them we can highlight a systematic approach, which allows us to study phenomena taking into account their interrelations and interdependencies, a formal logical method, as well as a formal legal approach. These methods allow you to look at a problem from different angles and get a more complete understanding of the issue at hand. The theoretical basis of the study is formed by the scientific works of domestic scientists and legal theorists, who address the issue of the role of the court in the process of proof in arbitration disputes. The purpose of the study is to gain a deeper understanding of the role of the court in evidence in arbitration cases. The normative basis of the study is the Constitution of the Russian Federation, arbitration procedural legislation, federal laws, as well as acts of official interpretation of arbitration procedural norms. The empirical basis of the study is statistical data, materials of judicial practice of higher and arbitration courts.

Keywords: arbitration court, evidence, parties, process of proof, fact, bankruptcy.

References

1. Adamaitis M. The court's right to initiative in the study of evidence interferes with its impartiality // Russian Justice. 2003. – No. 11. – P. 32
2. Arbitration Procedural Code of the Russian Federation" dated July 24, 2002 N 95-FZ (as amended on May 29, 2024)
3. Babenko A., Cherkasova N. The court must be active in collecting and studying evidence // Soviet justice. 1993. – No. 12. – P. 1.
4. Balakshin V. Competitiveness or optical-acoustic deception? // Legality. 2001. – No. 12.
5. Burmagin S. The principle of adversarialism in theory and judicial practice // Russian justice. 2001. – No. 5. – pp. 33–34.
6. Vaneeva L.A. Judicial knowledge in Soviet civil procedure: Textbook / Ed. ON THE. Chechina. Vladivostok: Far Eastern University, 1972; Amosov S.M. Judicial knowledge in the arbitration process. M.: RAP, 2003. pp. 131–132.
7. Kleinman A.F. Basic questions of the theory of evidence in Soviet civil proceedings // Kleinman A.F. Selected works. Krasnodar: Council. Kuban, 2008. P. 143.
8. Lazareva V.A. Judicial power and its implementation in criminal proceedings. – Samara, 2004. – P. 3.
9. Samsonov, V.V. Arbitration procedural law: a course of lectures / V.V. Samsonov, T.A. Grigorieva. – Moscow: Exam, – 2006. – P. 67.
10. Treushnikov M.K. Evidence and proof in Soviet civil proceedings. – M., 1982. – P. 48
11. Federal Constitutional Law of April 28, 1995 N 1-FKZ (as amended on July 31, 2023) "On Arbitration Courts in the Russian Federation"

Развитие нормативного регулирования сферы электронной торговли: аспекты классификации правоотношений по защите информации на цифровых площадках

Клименко Алевтина Игоревна,
аспирант, кафедра гражданского и предпринимательского права Новосибирского государственного университета экономики и управления
E-mail: k9137470535@ya.ru

В статье автор рассматривает легальное определение рекомендательных технологий, выделяет его признаки, рассматривает предпосылки возникновения правовой категории алгоритмов в российском законодательстве. За последние двадцать лет экономика интернета вещей сильно продвинулась, показатели колоссального роста обязывают законодателя обратить внимание на необходимость правового регулирования данной области. Автором рассмотрены аспекты классификации правоотношений по защите информации на цифровых площадках, приведены видовые характеристики некоторых нарушений в области защиты информации. В заключении автор предлагает ряд мер по уточнению правовой регламентации алгоритмов для обеспечения реализации правовой защиты пользователей агрегаторов. Работа обладает новизной и уникальностью, работу возможно использовать как инструмент для классификации правоотношений по защите информации на цифровых площадках, а также в качестве научного комментария или подсобного учебного материала к статье 10.2–2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

Ключевые слова: рекомендательные технологии (системы), алгоритмы, правовое регулирование электронной торговли, защита информации, маркетплейсы, недобросовестные практики

Все интернет-ресурсы для потребителей открываются одинаково: акцент сделан на витрину с предложениями – представлены карточки товаров различных продавцов, предложения о выполнении работы или оказании услуг и покупатель/заказчик может двигаться по товарам, отправляя интересующий товар/предложение о работе/услуге в корзину. Из корзины покупатель может заказать товар к покупке, для этого необходимо выбрать способ доставки, оплаты, зарегистрироваться.

Основные положения продажи и покупки товаров, приобретения услуг, работы через маркетплейсы покупатели редко читают, информация, как то: пользовательское соглашение, Правила продажи/публичная оферта – доступны, но найти ее, сразу не получится, следует прокрутить всю многостраничную витрину вниз, т.к. сайты маркетплейса не рассчитаны на информационно-юридический поток, а ориентированы в первую очередь на быстрые продажи товаров и услуг.

Для быстрых продаж используются рекомендательные технологии. Алгоритмы, встроены практически во все интернет-сервисы – от доставки продуктов до бронирования отелей.

Механизмы рекомендательных систем действует уже достаточно давно, ими пользуются Google и другие ИТ-гиганты и до 1 октября 2023 г. в России эта сфера никак не была урегулирована.

Многие замечают, что после того, как они пообщались со своими друзьями или коллегами в интернете (соцсетях), просмотрели какой-либо товар в интернете или на маркетплейсе они могут неожиданно и внезапно наткнуться на рекомендацию в рекламе того же маркетплейса или в соцсетях, возникает эффект слежки.

На эту особенность было обращено внимание научным сообществом при исследовании эффекта привязанности людей к покупкам в интернете.

В июле 2022 г. в статье, опубликованной в журнале «The New Yorker» К.Чайка «Эпоха алгоритмической тревоги» [1]1 был приведен опыт английской 23-летней студентки обеспокоенной проблемами покупки ею продуктов онлайн с точки зрения того, кто делает эти покупки и что именно он покупает. При этом автор статьи описывал проблему манипуляции интернет-ресурсами с позиции взаимодействия человека и машины. Именно человек

[1] The Age of Algorithmic Anxiety6., которая недавно вышла в издании The New Yorker. https://www.newyorker.com/culture/infinite-scroll/the-age-of-algorithmic-anxiety (дата обращения 01.05.2024)

обучает машину алгоритмам своих предпочтений, искусственный интеллект индексирует все поведенческие решения пользователя и выдает результат в форме конкретно сгенерированного алгоритма, рекомендации, учитывающих предыдущий опыт пользователя, это происходит автоматически. В статье содержится вывод о том, что интернет-ресурс вмешивается в сознание человека, манипулирует им, вызывает тревожность, поскольку присутствует полная неизвестность проблемы того, как это вмешательство происходит. Этот эффект получил обозначение как «алгоритмическая тревожность» из-за того, что человек становится пассивным наблюдателем большого количества контента, который прямо бомбардирует его навязчивыми рекомендациями о покупке того или иного продукта или выполнения того или иного действия, которые изначально ему не свойственны.

Еще один интересный аспект данной проблемы находится в области использования цифровых площадок несовершеннолетними. Так, определенные «дефекты» на платформах, в том числе в рекомендательных технологиях, могут заставлять детей просиживать в соцсетях и маркетплейсах значительное время, вызывать привыкание, зависимость, что несомненно наносит вред психике ребенка и кошельку родителя.

Приведенные проблемы применения информационных технологий были объектом внимания российских парламентариев в июне 2023 г.

Горелкин А., депутат ГД РФ в июне 2023 года внесен законопроект «О внесении изменения в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», позже зарегистрированный за № 387593–8, который устанавливал особенности предоставления информации в области рекомендательных технологий. Практически за месяц законопроект прошел необходимые согласования, вступил в силу 01.10.2023 г.

Ранее существовавший, технический термин «алгоритмы», обрел правовую форму, получил правовую регламентацию благодаря Федеральному закону № 408-ФЗ» [2]1

Под рекомендательными технологиями понимаются «информационные технологии предоставления информации на основе сбора, систематизации и анализа сведений, относящихся к предпочтениям пользователей сети «Интернет», находящихся на территории Российской Федерации» (п. 1 ч. 1 ст. 10.2–2 Закона об информации).

Признаки рекомендательных технологий на цифровых площадках:

1. Специальный субъект: интернет-сервисы: маркетплейсы, соцсети, интернет-магазины и любые другие сайты, приложения;
2. Специальные способы обработки и предоставления информации – приемы цифровых технологий, специальные способы сбора, систематизации и анализа информации (фильтрация, генерализация, коллаборативная фильтрация и др),
3. Специальный объект информации – предпочтения пользователей соответствующих сайтов,
4. Территориальность – информационные технологии используются на территории Российской Федерации.

Интернет-сервисы используют различные методы, в том числе нейросети для продвижения своих товаров/услуг и быстрых продаж, эти технологии улавливают поведения покупателей, как пользователей ПК по определенному уровню «*кликабельности*» в отношении определенной группы рекламных объявлений, выстраивают алгоритмы предпочтений и выдают на выходе те объявления, которые соответствуют предыдущему положительному опыту пользователя. Например, если при поиске кроссовок покупатель несколько раз кликал на обувь белого цвета, то именно белую обувь сервис будет предлагать изначально в последующем.

В области информационных технологий в обороте используются еще несколько понятий, являющихся частью рекомендательных систем – «фильтрация на основе контента» (алгоритмы рекомендуют товары или контент, похожие на те, которые пользователю нравились в прошлом или которые он изучает в настоящее время) и «*коллаборативная фильтрация*», эта технология основана на анализе предсказаний предпочтений похожих пользователей. [3]2.

Принятый Федеральный закон № 408-ФЗ отразил новые обязанности владельцев интернет-ресурсов в области информации, в том числе установил три основных требования к использованию рекомендательных технологий.

1) использование рекомендательных технологий не должно нарушать права и законные интересы вовлечённых лиц,

2) агрегатор обязан известить о применении рекомендательных технологий,

3) обязательная публикация на сайте Правил применения рекомендательных технологий, и каналов связи и контактов.

Невыполнение предписанных обязанностей, игнорирование требований Роскомнадзора приведет к тому, что ресурс заблокируют.[4]3

Законом установлены запреты нарушения прав и законных интересов применением рекомендательных технологий, но какими именно могут быть такие нарушения или как их определить с точки

[1] Федеральный закон от 31.07.2023 N 408-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»

[2] Нейронная коллаборативная фильтрация Кс. Хе, Л. Ляо, Х. Жанг, Л. Ни, Кс. Ху, Ц. Чуа – Материалы 26-й международной конференции по World-Wide Web, 2017

[3] . Приказ Роскомнадзора от 06.10.2023 № 149»Об утверждении требований к содержанию информации о применении информационных технологий предоставления информации на основе сбора, систематизации и анализа сведений, относящихся к предпочтениям пользователей сети «Интернет», находящихся на территории Российской Федерации, и размещению такой информации на информационном ресурсе» (Зарегистрировано в Минюсте России 30.11.2023 N 76197)

зрения информационной безопасности из закона не следует.

Согласно Заключения правового управления на стадии рассмотрения законопроекта замечаний правового, юридико-технического и лингвистического характера на проект федерального закона не имелось.

[1] В рамках правовой экспертизы нормативного правового акта проводится правовая оценка формы правового акта, его целей и задач, предмета правового регулирования, компетенции органа, принявшего правовой акт, содержащихся в нем норм, порядка принятия, обнародования (опубликования) на предмет соответствия требованиям Конституции Российской Федерации и федеральных законов, а также оценка соответствия правового акта требованиям юридической техники, (в том числе проверка наличия необходимых реквизитов)» [5].

Следовательно, до разработки федерального закона № 408 состояние правового регулирования в сфере правоотношений по информационной безопасности в области рекомендательных систем было изучено авторами, в том числе изучены видовые особенности таких нарушений и их характер, проанализированы формы противодействия им. Однако из закона и подзаконных актов такие видовые характеристики неявны.

Полагаем, что список вероятных нарушений возможно заимствовать из «Принципов взаимодействия участников цифровых рынков».[6][2]

В феврале 2022 на сайте ФАС России появился документ под вышеприведённым названием. Это меморандум самоорганизации цифровых платформ, результат встречи представителей цифровых платформ и экспертного совета при ФАС России. Представители общались на тему недобросовестных практик на платформах, в том числе обсуждались виды недобросовестного поведения платформ. Среди них: различные манипуляции выдачи информации в собственных интересах или в интересах конкретных третьих лиц; умышленные действия платформ (вынуждения) решений пользователей, в том числе ограничения самостоятельного поведения пользователей платформ, предоставление преимуществ внутренним сервисам, навязывание товаров, работ, услуг, не имеющих отношения к деятельности платформ, включение в договор формулировок, предусматривающих неограниченное усмотрение со стороны платформ.

Меморандум с принципами о добросовестном поведении был подписан представителями крупнейших цифровых платформ, среди них – Lamoda, Авито, 1С, Wildberries, AliExpress Россия, Ozon, Сбер, Яндекс, др[3].

Протокол совещания об утверждении Принципов безусловно не обеспечено государственным принуждением. Такой подход – свидетельство использования государством механизмов самонастраивания неурегулированной области отношений путем реализации системы саморегулирования, сочетания жесткого правоприменения с развитием механизмов «мягкого права» [7].

В статье А.В. Андреевой «Правовые формы содействия государства добросовестному поведению субъектов предпринимательства», автор делает вывод, что правовое регулирование цифровых платформ будет развиваться по принципу саморегулирования.[8][4]

Основными критическими замечаниями такого подхода являются замечания о диктатуре платформ. Предоставляя площадку для реализации соответствующих продуктов, платформа навязывает «правила игры», нарушение их нередко выносится за рамки платформы, в том числе с помощью судебных механизмов. Зачастую основания блокировки пользователя могут быть просто скрыты, то есть условия существования пользователя на платформе обусловлено одобрением такого существования цифровой платформой.

Таким образом, пользователь остаётся без эффективных методов защиты своих цифровых прав. В будущем возможно появление специализированных интернет-судов или уполномоченных, которые смогут рассматривать жалобы пользователей на необоснованные блокировки. Это бы позволило сбалансировать права платформ и пользователей, обеспечив справедливое разрешение интернет-споров.

Благодаря Федеральному закону № 408, на нарушение прав цифровыми площадками теперь можно пожаловаться в Роскомнадзор.

Регулятор вправе запросить у владельца маркетплейса информацию, по применению рекомендательных технологий, при обнаружении нарушений у владельца сайта 10 дней на исправление нарушения. При отсутствии исправления нарушения Роскомнадзор потребует прекратить использование рекомендательных технологий, а в последствии блокировки ресурса. Владельцу сайта угрожает административная, уголовная, иная ответственность в соответствии с законодательством РФ.

Заметим, инциденты с маркетплейсами в 2023 г.[9][5] почти свели на нет возможность ин-

---

[1]. Методические рекомендациями по проведению правовой экспертизы нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, утверждены приказом Минюста России от 31.05.2012 № 87

[2] Принципы взаимодействия участников цифровых рынков, утвержденные протоколом заседания Экспертного совета при ФАС России по развитию конкуренции в области информационных технологий от 22.09.2021 URL: https://fas.gov.ru/p/protocols/1666, дата обращения 10.05.2024

[3]. Модельные принципы и стандарты деятельности участников цифровых рынков государств – участников СНГ URL: https://fas.gov.ru/news/32682 (дата обращения 10.05.2024)

[4] Л.В. Андреева Правовые формы содействия государства добросовестному поведению субъектов предпринимательства // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2023. № 8 (108). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-formy-sodeystviya-gosudarstva-dobrosovestnomu-povedeniyu-subektov-predprinimatelstva (дата обращения: 03.05.2024).

[5] Забастовка сотрудников Wildberries в марте 2023 г. подробнее URL: https://daily.afisha.ru/relationship/25358-vsya-

ститута саморегулирования цифровых площадок. На деятельность маркетплейсов все чаще оглядывается законодатель [10][1] и требует особого внимания парламентариев в части законодательного регулирования деятельности маркетплейсов.

Анализируя информационную среду маркетплейсов, последний должен следить за применением технологий на своем сайте для достижения целей продвижения товаров/работ и услуг, иное использование информации недопустимо и будет истолковано как нарушение. Это означает, что распространение фейков, информации, призывающей к насилию, распространению запрещенных веществ, их популяризации, совершению преступлений или действий приводящих к совершению преступлений или наступлению рисков совершения преступлений и другие действия, противоречащие законам и этическим нормам, конституции и основам правопорядка Российской Федерации недопустимы.

Во вторых, применение рекомендательных технологий использует сбор и систематизацию личных данных пользователей. Следовательно, проблема с утечкой персональных данных становится очевидной и требует особого внимания к безопасности ее хранения, использования.

В-третьих, ранее упомянутые сбор, систематизация и анализ сведений могут спровоцировать погружение пользователя в «информационный пузырь».

Понятие «информационный пузырь» введено оборот американцем Эли Паризер в 2011 г. В книге «За стеной фильтров» [11][2]. Э.Паризер описал работу технологий, привел подробные и ясные картины манипуляций интернет среды, на примерах автор аналитически показал, как цифровые гиганты планомерно, последовательно настраивают результаты поиска, ленту новостей, чтоб вовлекать пользователей увеличить свой временной трафик на определенных страницах, переходить по определенным ссылкам. Позднее, в США среди интернет-пользователей был проведен эксперимент по обличению «информационного пузыря». В эксперименте приняли участие люди совершенно различных политических и социально-культурных взглядов, убеждений. Определенным группам пользователей предложена была предложена информация только определенного значения, категории противоположные убеждениям – отбраковывались. В качестве оппонентов были предложены только единомышленники. Таким образом, было доказано, что что алгоритмы выстраивают информационные барьеры, преодолеть которые возможно лишь поняв, как они действуют включиться в противодействие.

Таким образом, «информационный пузырь» исключает возможность увидеть объект под другим углом, увидеть новую идею, мешает объективно воспринимать реальность, заставляет избегать обсуждений спорных тем и вопросов, враждебно относиться ко всем, кто выражает иное мнение или думает иначе. Убеждения становятся сильнее за счет того, что многократно повторяются внутри группы, на этом основан эффект эхо-камеры, однако очевидно, что такие убеждения могут быть ложными, а преодолеть их нельзя, если не знаешь, что находишься внутри информационного пузыря.

Информационные барьеры на маркетплейсах выстраиваются по принципу манипуляции сознания по определенной стоимости товаров или услуг или направления (назначения) товара или определенного продавца (продавцов).

Изучив опыт правоприменения ст. 10.2–2 Закона об информации известными цифровыми площадками Валдберрис, Озон, Ламода, Яндекс очевиден вывод, что в целом, владельцы агрегаторов соблюдают требования нового закона. Однако наличие информации, сведений о владельце агрегатора, размещение Правил применения рекомендательных систем не исключает проблем нарушения прав граждан и организаций, риска наступления неблагоприятных последствий от кибермошенничества, хакерских атак, взлома, вмешательства в сознание пользователя. Агрегатор помимо публикации Правил, данным по контактам должен проводить просветительскую работу, объясняя как работают алгоритмы в действии, как могут вмешиваться в решения пользователей. Информирование о применении алгоритмов должно носить осознанный, явный характер, что поможет пользователю понять сущность процессов манипуляции его сознания и воли, уровень такого вмешательства.

Литература

1. The Age of Algorithmic Anxiety, которая недавно вышла в издании The New Yorker. https://www.newyorker.com/culture/infinite-scroll/the-age-of-algorithmic-anxiety (дата обращения 01.05.2024),
2. Нейронная коллаборативная фильтрация Кс. Хе, Л. Ляо, Х. Жанг, Л. Ни, Кс. Ху, Ц. Чуа – Материалы 26-й международной конференции по World-Wide Web, 2017.
3. Э. Паризер, Пузырь фильтров: от чего прячется Интернет (Penguin Press, Лондон, 2011) URL: https://www.researchgate.net/publication/276067921_Political_science_Exposure_to_ideologically_diverse_news_and_opinion_on_Facebook (дата обращения 10.05.2024),
4. Принципы взаимодействия участников цифровых рынков, утвержденные протоколом заседания Экспертного совета при ФАС России

zarplata-uhodit-na-shtrafy-pochemu-sotrudniki-wildberries-reshilis-na-zabastovku/ (дата обращения 10.05.2024)

[1] Законопроект № 568223–8 URL: https:// https://storage.consultant.ru/ondb/attachments/202403/06/iddoc_279193_idnews_50195_Proekt_6oa.pdf (дата обращения 10.05.2024); № 445923–8 https:// storage.consultant.ru/ondb/attachments/202309/27/iddoc_273693_idnews_46033_marketlejsja_Eve.pdf (дата обращения 10.05.2024)

[2] Э. Паризер, Пузырь фильтров: от чего прячется Интернет (Penguin Press, Лондон, 2011) URL: https://www.researchgate.net/publication/276067921_Political_science_Exposure_to_ideologically_diverse_news_and_opinion_on_Facebook (дата обращения 10.05.2024)

по развитию конкуренции в области информационных технологий от 22.09.2021 URL: https://fas.gov.ru/p/protocols/1666 (дата обращения: 03.05.2024),
5. ФАС и крупнейшие IT -компании подписали принципы взаимодействия участников цифровых рынков URL: https://fas.gov.ru/news/31803,
6. Л.В. Андреева Правовые формы содействия государства добросовестному поведению субъектов предпринимательства // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2023. № 8 (108). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-formy-sodeystviya-gosudarstva-dobrosovestnomu-povedeniyu-subektov-predprinimatelstva (дата обращения: 03.05.2024).
7. Модельные принципы и стандарты деятельности участников цифровых рынков государств – участников СНГ [Электронный ресурс] URL: https://fas.gov.ru/news/32682 (дата обращения 10.05.2024)
8. Забастовка сотрудников Wildberries в марте 2023 г. подробнее URL: https://daily.afisha.ru/relationship/25358-vsya-zarplata-uhodit-na-shtrafy-pochemu-sotrudniki-wildberries-reshilis-na-zabastovku/ (дата обращения 10.05.2024),

DEVELOPMENT OF REGULATORY REGULATION IN THE SPHERE OF ELECTRONIC COMMERCE: ASPECTS OF THE CLASSIFICATION OF LEGAL RELATIONS ON INFORMATION PROTECTION ON DIGITAL PLATFORMS

Klimenko A.I.
Novosibirsk State University of Economics and Management

The Russian Internet of Things is different in economics and law. The legal regulation of the Internet of Things in Russian legislation is not presented enough. Over the past twenty years, the economy of the Internet of Things has advanced greatly, growth indicators oblige the legislator to pay attention to the need for legal regulation of this area. Digitalization has reached the scale of the formation of a special sub-branch of civil law – digital law. The author has taken an approach to determining the essence of some changes in the legislative regulation of electronic commerce of relations between B2B and B2C, due to the lack of research in this area, the work has novelty and uniqueness, the work can be used as an instrument for the classification of legal relations for the protection of information on marketplaces, as well as a scientific commentary or auxiliary educational material to Article 10.2–2 of the Federal Law «On Information, Information Technologies and Information Protection».

Keywords: Internet of Things, recommendation technologies (systems), legal regulation of electronic commerce, Information Security, marketplaces.

References

1. The Age of Algorithmic Anxiety6., which was recently published in The New Yorker. https://www.newyorker.com/culture/infinite-scroll/the-age-of-algorithmic-anxiety (accessed 05/01/2024),
2. Neural collaborative filtering Kc. He, L. Liao, H. Zhang, L. Ni, X. Hu, C. Chua – Proceedings of the 26th International Conference on World-Wide Web, 2017.
3. E. Pariser, The Filter Bubble: What the Internet is Hiding From (Penguin Press, London, 2011) URL: https://www.researchgate.net/publication/276067921_Political_science_Exposure_to_ideologically_diverse_news_and_opinion_on_Facebook (accessed 05/10/2024),
4. Principles of interaction between participants in digital markets, approved by the minutes of the meeting of the Expert Council of the FAS Russia on the development of competition in the field of information technology dated 09.22.2021 URL: https://fas.gov.ru/p/protocols/1666 (date of access: 03.05. 2024),
5. FAS and the largest IT companies signed the principles of interaction between participants in digital markets URL: https://fas.gov.ru/news/31803,
6. L.V. Andreeva Legal forms of state assistance to the conscientious behavior of business entities // Bulletin of the O.E. Kutafin University. 2023. No. 8 (108). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-formy-sodeystviya-gosudarstva-dobrosovestnomu-povedeniyu-subektov-predprinimatelstva (date of access: 05/03/2024).
7. Model principles and standards for the activities of participants in digital markets of the CIS member states [Electronic resource] URL: https://fas.gov.ru/news/32682 (access date 05/10/2024)
8. Strike of Wildberries employees in March 2023. more details URL: https://daily.afisha.ru/relationship/25358-vsya-zarplata-uhodit-na-shtrafy-pochemu-sotrudniki-wildberries-reshilis-na-zabastovku/ (access date 05/10/2024),

Режим собственности водных объектов

Красильников Александр Андреевич,
аспирант кафедры «Гражданско-правовые дисциплины»,
Московский финансово-юридический университет (МФЮА)
E-mail: kras57.ak@gmail.com

Гражданско-правовой оборот является центром экономической деятельности всех лиц, обладающих достаточной правоспособностью и дееспособностью. Юридически верное и справедливое оформление режима собственности объектов гражданского оборота является важнейшей и основополагающей целью деятельности государства в этой части экономической деятельности.
В статье рассматриваются вопросы правового режима водных объектов. Изучены виды и характеристики водных объектов. Высказывается мнение о неполноте и недостаточности норм, регулирующих все аспекты права собственности на поверхностные водные объекты. Определены сложности юридического оформления данных объектов, обусловленные постоянным изменением их объема и занимаемой территории. Рассмотрены водные объекты, как общественная форма собственности. Изучена вероятность определения водных объектов, как объектов недвижимости. Указывается на необходимость приведения отечественного законодательства о водах в соответствие с современными научными воззрениями.

Ключевые слова: водный объект, право собственности, федеральная собственность, режим собственности, движимое и недвижимое имущество.

Современные научные воззрения в сфере управления и пользования собственности разнообразны и во многом противоречивы. Один из примеров подобного явления – вопрос участия публичной власти в гражданско-правовом поле.

Участие государства в возникающих правоотношениях строится на двух позициях:
– административная роль, как регулятора гражданско-правовых взаимоотношений;
– роль участника, как субъекта возникающих правоотношений, регулируемых согласно гражданско-правовой доктрине.

В юридической судьбе водных объектов также существуют подобные научные противоречия, находящие отражение как в нормативно-правовых актах разных уровней, так и в процессуальных решениях/постановлениях/определениях разных уровней [1;12].

Согласно дефинитиву, содержащемуся в Водном кодексе РФ, водный объект – это природный или искусственный водоем, водоток либо иной объект, постоянное или временное сосредоточение вод, в котором имеются характерные формы и признаки водного режима [6].

Приведём ссылку ещё на одно определение, содержащееся в дефинитивной норме (ст. 1 Водного кодекса), для объяснения понятия водного режима: водный режим – это изменение во времени уровней, расхода и объема воды в водном объекте [6].

Т.к. правовые институты, регулирующие режим подземных вод, в большей степени регулируется законодательством о недрах и имеют отличия от гражданско-правового оборота поверхностных водных объектов, как объектов, состоящих из поверхностных вод и покрытых ими земель в пределах береговой линии, их режим в данной работе не рассматривается.

В свою очередь в тексте Водного кодекса ст. 8 постулируется следующее:

«1. Водные объекты находятся в собственности Российской Федерации (федеральной собственности), за исключением случаев, установленных частью 2 настоящей статьи.

2. Пруд, обводненный карьер, расположенные в границах земельного участка, принадлежащего на праве собственности субъекту Российской Федерации, муниципальному образованию, физическому лицу, юридическому лицу, находятся соответственно в собственности субъекта Российской Федерации, муниципального образования, физического лица, юридического лица, если иное не установлено федеральными законами».

Из выше указанных определений законодателя нельзя сделать однозначного вывода, к какому

режиму регулирования собственности относятся поверхностные водные объекты, в дефиниции нет точного на это указания.

Сегодняшний научный диспут нередко высказывает мнение: водные объекты по свой сути, природным характеристикам, не могут являться объектом собственности какого-либо строго определённого лица, причисляя их к общественному достоянию всего народа [7].

Объем и территория, занимаемая водами, относимых к водным объектов не постоянны и стремятся к изменениям, т.е. водные объекты не могут попадать под владение любого лица, будь то физическое, юридическое или публичная организация, т.е. причисляет её к общественной форме собственности, по причине того, что их колебания обусловлены природными характеристиками и никоим образом справедливо не могут быть юридически оформлены. Проводится прямая аналогия с воздухом, солнечным светом и т.д. [8]

Общественная форма собственности представляет из себя такую форму господства, когда выгодоприобретателем благ [9], получаемых от рассматриваемого объекта, становится не частное лицо и не публичная организация, а совокупность людей в целом, гражданам, проживающим на определённой улице, регионе, территории.

Общественная собственность может быть реализована в различных формах. Например, в социалистических странах она проявлялась в виде государственной собственности, когда все средства производства принадлежали государству и использовались для общественного блага. В других случаях общественная собственность может проявляться в форме кооперативов, где средства производства принадлежат членам кооператива и используются для их общей выгоды.

Такая форма собственности обеспечивает возможность получения равного доступа всем «собственникам» к объекту собственности. Нечто подобное можно встретить и сейчас в многоквартирных домах на всей территории современной России, общая долевая собственность на имущество в многоквартирных домах, не закрытый перечень которого содержится в ст. 36 Жилищного кодекса РФ

Согласно же «конституции» водных объектов, Водного Кодекса РФ, водные объекты – федеральная, публичная, собственность, как сказано выше.

Пользуясь методом доктринального толкования нормативно-правовых актов, автор попробует разобраться: «Каков режим собственности Водных объектов в РФ?»

По гражданскому законодательству РФ к объектам недвижимости относятся такие объекты, перемещение которых невозможно без нанесения им несоразмерного ущерба, так же в продолжении статьи 130 ГК приводится не исчерпывающий перечень подобных объектов: земельные участки, участки недр, здания, строения, сооружения, объекты незавершённого строительства. Если следовать логике и букве кодификации, то вполне легально относить любые сооружения и строения к классу недвижимости.

Заметим, что в той же 130 статье к объектам недвижимости относятся и суда водного транспорта и космические корабли во всём их многообразии, а их неотъемлемым свойством является перемещение и передвижение. Но в свою очередь рассматриваемые объекты не обладают указанными в нормативно-правовых актах характеристиками, способствующими его причислению к объектам недвижимости [2]. Здесь вступает в силу продолжение п. 1 стать 130: «…Законом к недвижимым вещам может быть отнесено и иное имущество».

Ни в одном нормативно-правовом акте или законе любого уровня не указывается относятся ли водные объекты к объектам недвижимости. И если с гидротехническими сооружениями, как сказано выше, вопрос можно решить, применяя принцип аналогии закона и докторальное толкования, то в случае с поверхностными водными объектами, естественные характеристики придают этому вопросу сложность и остроту. Постараемся получить ответ на вопрос, являются ли по законодательству Российской Федерации водные объекты объектами недвижимости, а в следствии этого и объектами вещных и обязательственных прав?

Согласно определениям ВК, поверхностные водные объекты, представляют собой поверхностные воды, не уточняется движимые или находящиеся в покое, и покрытые ими земельные угодья, и участки. В свою очередь земельные участки находятся в нерушимой, очень глубокой связи с самими поверхностными водами, к числу этих участков можно отнести ложе, бечевник, надпойменные террасы. Это связь настолько сильна, что без неё водные объекты юридически не подходили бы под определение, даваемое в ВК [2]. В свою очередь лишенный водных ресурсов объект, превращается в самый обыкновенный земельный участок, на который, после исключения участка из категории земель водного фонда и перевода его в другую категорию земель, будут распростятся иные нормативно-правовые акты статьи, имеющие, возможно, более мягкий характер административного регулирования [10;11].

Вывод напрашивается сам по себе, и возведенные человеком, под воздействием ГТС, и естественные, природные объекты, по вышеуказанным обстоятельствам, в соответствии с современным законодательствам могут являться объектами недвижимости и собственности в целом.

Может показаться, что, делая заявление такого рода, автор причисляет и саму воду, подвижную, бесформенную жидкость, к объектам права собственности, но это не так. Именно комплекс из земельного участка и водных ресурсов, занимающих эту территорию, может быть отнесен и классифицирован, как собственность. В работах Д.О. Сивакова можно найти подобное мнение: «…связь движущей, подвижной воды не связывается с категорией недвижимости. Суда водного транспорта хоть и являются подвижными, меняющими своё место-

положение, в чём и есть цель их существования, так же являются элементами недвижимости» [1].

Автор полностью разделяет принципы современного водного законодательства, в части запрета свободного оборота водных объектов. Такая недвижимость по своему режиму использования является неотчуждаемой («некоммерческой») государственной собственностью.

Отметим, в законодательстве РФ нет такого механизма или нормы как приращения участка естественным путём в результате действия текучих вод, подобный вопрос решён в гражданских кодификациях ряда стран (ст. 556–559 Гражданского кодекса Франции, ст. 965–967 Гражданского кодекса Квебека).

В свою очередь в законодательстве РФ, присутствует особый механизм, защищающий земли водного фонда от потери ими режима государственной собственности, а именно ст. 8 ч. 5. ВК РФ: «Естественное изменение русла реки не влечет за собой прекращение права собственности Российской Федерации на этот водный объект». Вопрос приращения земельного участка, это не решает.

Ряд авторов указывает, на проблемы трактовки вообще такового определения, как поверхностный водный объект, ведь его границы, а следовательно, и земельные участки, покрываемые ей не постоянны [7].

В-целом для определения рационального режима собственности для водных объектов, необходимо разобраться с понятием государственной собственности и её разновидностей, т.к. подавляющее число объектов водного права, согласно статье 8 ч. 1, находится в собственности РФ

Итак, водные объекты в юридической науке Российского государства долгое время имели статус общественной собственности, имели свой особый режим. Подтверждением этому могут служить слова, высказанные К. Скворцовым в заключение юридической части Управления внутренних водных путей и шоссейных дорог по вопросу о разрешении предприятий, имеющих средством использовать электрическую энергию силы падения воды на реках общего пользования в 1912 г. В заключении говорится, что если бы текущая вода была объектом собственности, то собственник участка водоема, лежащего выше передавал бы, как дар свою собственность. В случае же отказа в принятии дара, верхний собственник нарушал бы чужое право, так как «…в большинстве случаев удержать и отвести текущую воду он не в силах» [4].

В подобном же толке высказывался Кассационный департамент, он высказывался против применения конструкции владелец-собственник. В 1875 и 1884 гг. Департамент вынес постановление, что «по свойству текучих вод к ним не применимо понятие материального обладания» и что «вода <…> не входит в сферу имущественных их (береговых землевладельцев) прав, а, как общее благо, предоставлена в пользование всем и каждому» [3].

Решения, высказанные юристам имперского времени, полностью соответствуют одному из принципов классического права, а именно «существуют вещи, которые по своей природе не могут быть собственностью, но только «всеобщими» (res omnium communes)».

В дополнении к этому принципу в праве древнего Рима существовал и ещё один принцип, оправдывающий подобные выводы: «текущая вода – вещь всеобщая». Этот принцип имеет следующее значение: «вода, которая течет в русле реки или ручья, является собственностью всех людей. Это означает, что каждый человек имеет право пользоваться текущей водой для своих нужд, таких как питье, полив, орошение, и т.д.»

Выходит, что в соответствии с исторической действительностью, руководствуюсь перенятыми в дореволюционное время принципами из Германского права, которое и содержало в себе реципированные римские нормы, водные объекты, объектами собственности, т.е. вещных прав не являются?

Положения о том, что водные объекты в Римской Империи были в государственной собственности, можно найти в римском праве, в частности, в работах юристов Гая, Тития и Ульпиана. Например, в трудах Гая говорится о том, что реки, озера, моря и прочие водные объекты признавались общегражданской собственностью, то есть принадлежали государству, т.к. в Риме понятие гражданин и проживающий на территории Рима и его провинций разделялись.

Своё отражение положение с общегражданской собственностью на водные объекты было и в законодательстве Российской империи. Для прохода по водным объектам транспортного назначения, для иностранных судов взималась пошлина [5].

В XVII веке, согласно Торговому уставу 1653 года, иностранные купцы были обязаны платить пошлину в размере 12 денег (6%) при продаже товара в России, а для проезда в глубь страны еще 1,5–2%. Кроме того, существовал сбор под названием «мыт», который взимался при провозе товаров через заставы у городов и крупных селений. В XVIII веке, согласно Новоторговому уставу, европейские купцы платили при продаже в Архангельске 4–5% от стоимости товаров, в других городах 6%, при покупке русских товаров 10%.

Подобных пошлин и налогов не было предусмотрено для отечественных купцов. Плата за пользование водными объектами взималась с них только в пользу используемого водного объекта, в осуществление принципа «вода платит за воду», для поддержания его в работоспособном состоянии.

«Вода платит за воду» – принцип ценообразования на воду, основанный на том, что водопользователь оплачивает все затраты на забор воды из источника и её очистку перед подачей потребителю.

Каким же образом в законодательстве Рима и законодательстве Российской Империи сочеталось противоположные по смыслу юридические

понятия, при не отнесении поверхностных водных объектов к собственности?

Суть вопроса раскрывается в представлении римского права на собственность, как таковую. В нем существовали вещи, которые могли быть только в собственности государства, как раз к таким и относились водные объекты, водные сооружения, общественные здания и т.п.; так же существовали вещи, которые по своей природе могли являться, как объектами собственности частных лиц, так и объектом собственности государства. Государственные и частные поля, сады, инструменты труда, скот и многое другое.

Разбирательство этого юридического феномена получило развитие в современных кодификациях некоторых государств, в Франции, существуют понятия domaine public – domaine privé (публичный домен – частный домен).

В публичный домен входят блага, которые служат для выполнения публичных функций или для доступа всех членов общества, а остальные блага являются элементом частного домена.

Другими словами, объекты входящие в сферу власти публичного домена имеют статус аналогичный статусу общественной вещей (общая собственность жильцов многоквартирных домов и т.д.), только вещи эти не могут быть объектом гражданского оборота, они принадлежат государству и не отчуждаемы. Объекты же частного домена являются самыми обыкновенными объектами собственности и уже они могут использоваться в гражданско-правовом обороте свободно и быть объектом вещных и обязательственных прав и обязанностей.

Можно предположить, что водные объекты в РФ имеют статус сходный с статусам собственности, относимой по иностранному законодательству к публичному домену, но в Водном кодексе ст. 22, подчинённые ему объекты всё же учувствуют в гражданско-правовом обороте, как объекты вещных, находятся на праве собственности в федеральной собственности, так и обязательственных, могут заключаться договоры водопользования (аренды) водных объектов, правоотношений, хотя и с ограничениями: «Оборот водных объектов осуществляется в соответствии с требованиями настоящего Кодекса. Продажа, залог и совершение других сделок, которые влекут или могут повлечь отчуждение водных объектов, не допускаются»

Выводы

1. Водные объекты, согласно законодательству РФ, имеют федеральную, публичную форму собственности, т.е. владеть водными объектами может только Российская Федерации, с незначительными исключениями, указанными в законодательстве
2. Законодатель не относит водные объекты ни к одному известному законодательству типу собственности. Не определено дефиницией является ли водный объект недвижимым или движимым имуществом.
3. Анализируя действующую нормативно-правовую базу, можно обнаружить характерные черты недвижимости в водных объектах, в соответствии с определениями, указанными в ст. 1 ВК РФ
4. Законодатель разделяет понятия водные ресурсы и водные объекты. Вода, как основа жизнедеятельности, не является объектом собственности ни публичных лиц, ни частных, но в составе водного объекта вода является объектом публичной собственности. Существует юридический диссонанс.
5. Понятие государственной, федеральной собственности в современном отечественном законодательстве не раскрыто. Автор считает целесообразным применение практики зарубежных государств при регулировании правоотношений возникающих как при обороте водных объектов, так и при определении режима собственности.

Литература

1. Сиваков Д.О. Водное право: Учебно-практическое пособие. – М.: Юстицинформ, 2019. – 360 с.
2. Сиваков Д.О. Водное право России и зарубежных государств: учебник для вузов. – М.: Проспект Велби, 2018. – 192 с.
3. Заключение юридической части Управления внутренних водных путей и шоссейных дорог по вопросу о разрешении предприятий, имеющих средством использовать электрическую энергию силы падения воды на реках общего пользования. СПб.: МПС, 1912. – С. 6.
4. Лохтин В.М. Значение водяных путей и их нужды. – СПб, 1907. – С. 5.
5. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. – Т. 1. – СПб., 1830. – С. 302.
6. Водный кодекс Российской Федерации от 03.06.2006 № 74-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства РФ. – 2006 – № 23. – ст. 2381.
7. Беляков А.А. Классическое право и законы Российской Империи в связи с правовыми проблемами регулирования, охраны и использования водных ресурсов Российской Федерации // Труды Академии водохозяйственных наук. – 1996. – Вып. 3.
8. Беляков А.А. Римское право и законы Российской Империи в связи с проблемой рационального водопользования // Древнее право. – 1998. – № 1. – С. 125–135.
9. Бевзенко Р.С. Какой правовой режим у публичного имущества, изъятого из оборота? // Аналитика. Земля. Недвижимость. – 2023/ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://shortread.ru/kakoj-pravovoj-rezhim-u-publichnogo-imushhestva-izyatogo-iz-oborota-

kolonka-romana-bevzenko/ (дата обращения 25.05.2024)
10. Земельный кодекс Российской Федерации с изменениями на 14 февраля 2024 года (редакция, действующая с 1 апреля 2024 года) // Собрание законодательства РФ.
11. Закон Российской Федерации «О Недрах» в редакции Федерального закона от 3 марта 1995 года N 27-ФЗ (с изменениями на 25 декабря 2023 года) (редакция, действующая с 1 марта 2024 года) // Собрание законодательства РФ.
12. Калачук Т.Г., Наумова С.С. Правовой режим земель водного фонда // Вектор Геонаук. – 2021. – Т. 4 – № 1. – С. 66–69.

OWNERSHIP REGIME OF WATER BODIES

Krasilnikov A.A.
Moscow University of Finance and Law (MFUA)

Civil law turnover is the center of economic activity of all persons with sufficient legal capacity and legal capacity. The legally correct and fair registration of the ownership regime of objects of civil turnover is the most important and fundamental goal of the state's activities in this part of economic activity
This article discusses the issues of the legal regime of water bodies. The types and characteristics of water bodies have been studied. The opinion is expressed about the incompleteness and insufficiency of the norms governing all aspects of ownership of surface water bodies. The difficulties of legal registration of these objects are determined due to the constant change in their volume and occupied territory. Water bodies are considered as a public form of ownership. The probability of defining water bodies as real estate objects has been studied. It is pointed out that it is necessary to bring domestic legislation on waters in line with modern scientific views.

Keywords: water body, property rights, federal property, property regime, movable and immovable property.

References

1. Sivakov D.O. Water law: An educational and practical guide. – M.: Justicinform, 2019. – 360 p.
2. Sivakov D.O. Water law of Russia and foreign countries: textbook for universities. – M.: Prospect Velbi, 2018. – 192 p.
3. Conclusion of the legal part of the Department of Inland Waterways and Highways on the issue of allowing enterprises that have the means to use electric energy of the force of falling water on public rivers. St. Petersburg: MPS, 1912. – p. 6.
4. Lokhtin V.M. The importance of waterways and their needs. – St. Petersburg, 1907. – p. 5.
5. The Complete Collection of laws of the Russian Empire, since 1649. – Vol. 1. – St. Petersburg, 1830. – p. 302.
6. The Water Code of the Russian Federation dated 06/03/2006 No. 74-FZ (ed. dated 07/29/2017) // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2006 – No. 23. – Article 2381.7.
7. Belyakov A.A. Classical law and laws of the Russian Empire in connection with legal problems of regulation, protection and use of water resources of the Russian Federation // Proceedings of the Academy of Water Sciences. – 1996. – Issue 3.
8. Belyakov A.A. Roman law and the laws of the Russian Empire in connection with the problem of rational water use // Ancient law. – 1998. – No. 1. – pp. 125–135.
9. Bevzenko R.S. What is the legal regime for public property withdrawn from circulation? // Analytics. Earth. Realty. – 2023/ [Electronic resource]. – Access mode: URL: https://shortread.ru/kakoj-pravovoj-rezhim-u-publichnogo-imushhestva-izyatogo-iz-oborota-kolonka-romana-bevzenko /(accessed 05/25/2024)
10. The Land Code of the Russian Federation as amended on February 14, 2024 (revision effective from April 1, 2024) // The Collection of Legislation of the Russian Federation.
11. The Law of the Russian Federation "On Subsoil" as amended by Federal Law No. 27-FZ of March 3, 1995 (as amended on December 25, 2023) (version effective from March 1, 2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation.
12. Kalachuk T.G., Naumova S.S. The legal regime of the lands of the water fund // Vector Geosciences. – 2021. – Vol. 4 – No. 1. – pp. 66–69.

О методике выявления процессуальных особенностей разрешения отдельных категорий дел в цивилистическом процессе

Кузнецов Дмитрий Алексеевич,
аспирант кафедры гражданского и корпоративного права Санкт-Петербургского государственного экономического университета (СПБГЭУ)
E-mail: 79818103325@yandex.ru,

В исследовании описывается проблема выявления процессуальных особенностей производства по отдельным категориям дел в цивилистическом процессе (в доктрине практически не встречается предложений о введении методики выявления процессуальных особенностей, несмотря на наличие значительного количества кандидатских диссертаций, в данном направлении научных исследований, первые диссертации начали появляется еще в советский период развития цивилистического процесса) проводится частотный анализ изучения отдельных процессуальных особенностей по кандидатским диссертациям, выясняется, что может являться процессуальными особенностями, предлагается методика (порядок) их выявления. Для целей настоящего исследования были изучены 34 кандидатские диссертации, подготовлена таблица, описывающая, то какие процессуальные особенности производства по отдельным категориям дел изучаются в диссертациях. Помимо предложения о методологии, автор пришел к выводу о возможности признать в качестве процессуальной особенности: применение принципов цивилистического процесса, применение альтернативных методов урегулирования споров по отдельным категориям дел. Кроме того, нами был поставлен вопрос о целесообразности выделения и обоснования самостоятельной категории «процессуальные особенности исполнительного производства по отдельным категориям дел», однако, данная проблема требует самостоятельного изучения.
Во ведении кратко поставлена проблема, цели и задачи, которые автор пытается решить (достигнуть) в ходе проведения исследования, далее, в следующем разделе проводится анализ диссертаций и доктрины, выявляется какие процессуальные особенности изучаются в отдельных работах и в завершении представляются выводы по результатам проведенного исследования.

Ключевые слова: цивилистический процесс, методика выявления процессуальных особенностей, анализ диссертаций, производство по отдельным категориям дел.

Введение

В условиях продолжающейся судебной реформы, модернизации цивилистического процесса, усложнения общественных отношений и развития материального права, процессуальные особенности рассмотрения и разрешения отдельных категорий дел представляются весьма важной практико-ориентированной сферой для исследования цивилистов-процессуалистов. Основной задачей таких исследований является выявление наиболее существенных аспектов производства по отдельным категориям дел, рассматриваемых судами, для наиболее эффективного, скорейшего и продуктивнейшего разрешения споров судом. Авторы настоящей статьи проанализировали ряд работ данной направленности и обнаружили отсутствие методологической основы поиска процессуальных особенностей производства по отдельным категориям дел, в связи с чем решили предпринять попытку создания простейшей методики или, если это будет более прагматично «дорожной карты» позволяющей исследователю процессуалисту, выявить, с наибольшей долей вероятности и наименьшими время и трудо затратами процессуальные особенности производства по отдельной категории споров в цивилистическом процессе и административном судопроизводстве, возможно, результаты настоящего исследования могут быть полезны и для иных процессуальных исследований.

Общая характеристика исследований процессуальных особенностей

Некогда данные исследования были весьма популярны в отечественной процессуальной науке, однако, в последствие, стали относительно редки. Одно из наиболее ранних постсоветских исследований по данной тематике, является работа Грось Людмилы Алексеевны «Влияние норм материального права на гражданско-процессуальное право (научно-практические аспекты)» [1]. В диссертации автором обращается внимание на вопросы подведомственности и подсудности, соотношения императивности и диспозитивности в цивилистическом процессе, право на досудебное урегулирование спора, мировые соглашения, определение субъективного состава участников дела, правопреемство, процессуальное соучастие, доказательственная деятельность, судебное решение. Данным автором так же проводились исследования: «Гражданское и арбитражное процессуальное право – взаимосвязь с материальным правом» [2] и «Научно- прак-

тическое исследование влияния норм материального права на разрешение процессуально- правовых проблем в гражданском и арбитражном процессе» [3], где рассматривались аналогичные институты цивилистического процесса. На основе анализа трудов Людмилы Алексеевны, мы можем сделать несколько выводов.

1. Связь материального права и процесса выявлена Грось Л.Ю. практически во всех институтах цивилистического процесса.

2. Взаимосвязь имеет прямой и (или) косвенный характер, подлежащий выявлению для каждой категории дел отдельно.

3. Процессуальные особенности производства по отдельным категориям дел следует искать в тех институтах процессуального права, которые наиболее связаны с материальным правом.

Нередко в доктрине исследуются и отдельные процессуальные институты, в части предмета взаимосвязи процесса и материального права: например, О.Ю. Фомина пришел к выводу о значительной взаимосвязи норм материального и процессуального права в институте правопреемства[4].

Со временем вопросы выявления процессуальных особенностей и взаимосвязи материального права и процесса снова стали одной из сфер острых дискуссий процессуалистов, что во многом связано, по-видимому, со специализацией цивилистического процесса и проектом ЕГПК и КАС РФ.

Один из исследователей в настоящее время, изучающих данную проблематику это Е.Г. Потапенко. Так в одной из своих работ, изучая проблематику взаимосвязи процессуального и материального права, так же приходил к выводу об абстрактности характера влияния материального права на процесс, в то же время выражая скепсис по поводу «центрального» положения спорного материального правоотношения, предмета рассмотрения, а также предмета судебной защиты[5]. В качестве основания специализации в цивилистическом процессе, по мнению данного автора, выступает эффективность и качество судебной деятельности. Данным автором так же исследовались вопросы специализации права, где он приходил к следующим выводам: «Таким образом, специализация права осуществляется при помощи конкретизации правовых норм в форме правотворческой, правоприменительной и право интерпретационной деятельности. Данный вывод служит основой для определения специфики реализации метода и форм специализации в рамках отдельных отраслей права, в т.ч. цивилистического процессуального права» [6]. Далее, Е.Г. Потапенко выдвигает тезис о существовании процессуальных комплексов: «Таким образом, если не ограничиваться рассмотрением строения отраслевой процессуальной системы как упорядоченной совокупности позитивных предписаний и обратиться к действительному правовому регулированию процессуальных отношений, то специализация права приводит к образованию процессуально-правового комплекса в качестве реально существующего регулятивного элемента. Под процессуально-правовым комплексом предлагается понимать совокупность общей и специальных процессуальных норм, а также специальных интерпретационных и индивидуальных положений, обеспечивающих эффективное регулирование цивилистических процессуальных отношений» [7].

Елена Евгеньевна Укусова в своей работе «Специализация гражданского процессуального права в России: от теории к практике» [8] исследовала теоретические аспекты специализации процессуального права. Под специализацией понимается: «Специализация гражданского судопроизводства, как процессуальной формы – это такая его характеристика, в качестве системной модели организации юридических знаний о ней, относительно определённой категории (группы) гражданских дел (предмета защиты), когда её качества и свойства её назначение специфика и содержание, составное элементы определяются гражданским процессорным правом, но при этом также установятся выраженные межотраслевые связи процессуального права (законодательства) и других отраслей право (законодательства) определенное и представленные в основных правовых категориях, понятиях, юридических конструкциях, разработанных теорий права и отраслевой наукой гражданского процессуального права» [8, с. 30]. Краеугольным камнем является «предмет судебной защиты» который являет собой конкретное право (объект правовой охраны) защищаемый в конкретном деле или категории споров, опосредованно которому возникает влияние на процессуальную форму[8, с. 32]. Автор так же указывал на специализацию процесса и специализацию судебной системы[8, с. 49]. Выделялось четыре уровня специализации: 1) процессуального и материального права, 2) форм судебной и не судебной защиты, 3) гражданского судопроизводства и других процессуальных отраслей, 4) гражданского судопроизводства и других судебных форм судопроизводства[8, с. 62]. Взаимосвязи между отраслями права обусловлены следующим: назначение процессуального права и его всеобъемлющий характер, специфика судебной деятельности, предмет судебной деятельности[8, с. 140]. Основные задачи выявления процессуальных особенностей: обеспечение разумного учета процессуальных особенностей при создании процессуальных норм, выявление взаимосвязей, их оценка, анализ[8, с. 149]. Далее, рассмотрим ряд диссертационных исследований в рамках исследуемой нами проблематики.

Что исследуется в доктрине на предмет процессуальных особенностей

Ю.А. Артемьева[9], описывала особенности разрешения налоговых споров судом, изучая полномочия налогового органа, субъективный состав, доказательства и доказывание, особенности рассмотрения дела в арбитражном суде.

Е.Я. Бескаков изучая разрешение споров в сфере авторского права, обращал внимание на субъективный состав и судебные расходы, доказательства и доказывание, отдельные подкатегории дел и санкции публично-правового характера в исковом производстве по исследуемой категории дел[10].

Процессуальные особенности усыновления несовершеннолетних иностранцами изучала С.А. Абрамова[11]. Автором уделялось внимание содержанию правоотношений, субъектному составу, подготовке дела к судебному разбирательству, доказательственной деятельности, решению суда и его исполнению.

Р.Р. Янева[12] изучая защиту прав граждан по делам, вытекающим из наследственных правоотношений, анализировала подведомственность и подсудность, субъектный состав, иски применяемые в данной категории дел (наследственные иски), подготовку к судебному разбирательству, судебное решение.

Процессуальные особенности земельных споров изучал А.Р. Емалтынов [13]. Данный специалист обращал внимание на субъектный состав, подсудность, доказательства и доказывание, специализацию судебной системы. По схожей категории споров в работе Г.А. Свешникова[14] изучались возбуждение земельных споров, подготовка дела к судебному разбирательству, судебное решение.

При исследовании процессуальных особенностей дел, вытекающих из публичных правоотношений М.А. Иванова[15], изучала ряд принципов процессуального права, доказательства и доказывание, материально-правовое основание иска, судебное решение.

В сфере жилищных споров А.Г. Невоструев[16, с. 174] исследовал подведомственность и подсудность, стороны по делу, доказательства и доказывание, судебное решение. Этим специалистом была предпринята попытка создания методики выявления процессуальных особенностей: сперва выявляются специальные нормы материального и процессуального права, далее изучаются акты высших судебных инстанций, затем проводится проверка применяемых норм Конституции Российской Федерации, только после всего этого обращается внимание на вопросы процессуального права (подсудность, подведомственность, третьи лица и участники дела участники, доказательства и доказывание) [16, с. 28].

Особенности разрешения споров в сфере экологических правоотношений изучал А.К. Мукаметов[17]. Данный автор выдвинул тезис согласно которому процессуальные особенности – отдельный процессуальный институт, содержащий в себе нормы материального и процессуального права[17, с. 10]. Данным автором уделялось внимание иску и определению его цены, субъектному составу, досудебное урегулирование споров, подсудность[17, с. 12].

По вопросам отмены усыновления Е.А. Семенова[18], уделяла внимание подготовке дела к разбирательству, возбуждении дела, материально- правовым основаниям, особенностям рассмотрения дела, доказательственной деятельности, судебному решению.

Корпоративные споры изучались Е.И Вялых[19] в диссертационном исследовании, где обращалось внимание на предмет спора, особенности совершения нотариальных действий, косвенные иски, распределение имущества, обнаруженного после ликвидации юридического лица.

Н.А. Иваненко[20] рассматривая процессуальные особенности банкротства кредитных организаций, изучала досудебное урегулирование (санация кредитной организации), субъективный состав, доказательства и доказывание, отдельные материально-правовые вопросы, связанные с деятельностью временной администрации и ЦБ РФ и АСВ,

М.А. Желаев[21] изучая энергетические споры, исследовал: возбуждение производства, досудебный порядок урегулирования споров, субъективный состав, компетенцию суда, предмет спора, особенности подготовки дела к судебному разбирательству и особенности рассмотрения дела в первой инстанции.

Исследуя индивидуальные трудовые споры и их разреше5ние судом Н.Ю. Комлев, Р.Х. Галиулина[22], обращали внимание на материально-правовое содержание, досудебный порядок урегулирования спора, суббектный состав, подготовку дела к судебному разбирательству, рассмотрение дела и вынесения пересмотр и исполнение решений суда.

Е.С. Недосека, Ю.Н. Туганов, В.К. Аулов[23] изучали процессуальные особенности участия ФТС России в цивилистическом процессе и административном судопроизводстве, подвергая анализу порядок обжалования действий, бездействий ФТС России, нормативных и иных актов, вынесенных ведомством, а также постановлений по делам об административном правонарушении.

А.В. Есянц исследуя участие органов внутренних дел в арбитражном процессе, рассматривала материально-правовое регулирование (указывается на комплексный характер), правосубьектность и субъективный состав представительство и участие эксперта[24].

Матросов Н.А. рассматривая споры о расторжении брака анализировал возбуждение производства и подготовку дела к судебному разбирательству, производство по делу, судебное решение, особенности исполнительного производства[25].

Умнова Е.Д. выявляла особенности производства по делам из алиментных обязательств, рассматривала право на иск, процессуальное положение лиц, участвующих в деле и предмет доказывания[26].

Карпова А.А. анализировал процессуальные особенности признания сделок недействительными изучала иски по данной категории дел, подсудность и компетенцию судов, доказывание, решение суда и исполнение решения[27].

Кобзаренко Е.М. [28] исследовала споры о диффамации в судах общей юрисдикции, изучала лиц, участвующих в деле, возбуждение производства, подготовку дел к судебному разбирательству, судебное разбирательство доказывание, судебное решение.

Кроме того, встречаются диссертационные исследования, посвящённые отдельным процессуальным особенностям. Например, Д.Д. Толкачов [29] рассматривал вопросы доказательств и доказывания по налоговым спорам. В данной работе рассматривались правовая позиция суда, влияние судебной практики и позиций высших судов на доказывание, досудебное урегулирование, распределение бремени доказывания и некоторые другие аспекты.

Цуканова В.И. [30] Рассматривала особенности судопроизводства по делам, о лишении родительских прав, изучала процессуальный статус и участие Уполномоченного по правам ребенка, доказательства и доказывание, материальное содержание правоотношений, заочное производство, процессуальные аспекты обследования условий жизни ребенка в гражданском и семейном законодательстве мировое соглашение.

Данилов Д.Б. [31] при изучении процессуальных особенностей производств по делам, о незаконном использовании товарного знака, с участием МВД России, анализировал подсудность, обеспечительные меры, доказательства и доказывание, досудебное урегулирование, судебное разбирательство, вопрос о единстве процессуальной формы по разрешению данной категории споров (двойное регулирование КоАП и АПК).

Бобылева Ю. А, [32] изучала судебные споры, связанные с самовольной постройкой, изучала компетенцию третейского суда, материальное право, субъективный состав (прокурор и специалист), исполнение судебного решения, подсудность.

Симонов И.Д. [33] анализировал проблематику производства по делам о присуждении компенсации за нарушения прав на судопроизводства в разумный срок, изучал материальные правоотношения, возбуждение, подготовку и производство по делу, субъективный состав и доказательства по делу правильность выбора законодателем процессуальной формы (пришел к выводу о необходимости рассмотрения данных споров по КАС РФ).

Тхазеплов К.А. [34] выявлял процессуальные особенности рассмотрения дел, об усыновлении ребенка или об установлении прав доступа, рассматривал материальное право, применение медиации, пределы отсрочки исполнения решения суда субъективный состав (участие органов опеки) (табл. 1).

Из выше описанного становится ясно, что доктрина не содержит методики выявления процессуальных особенностей, однако, исследуется в целом сходный перечень институтов. Это: особенности, закреплённые в материальном праве, участники дела, подготовка дела к судебному разбирательству, доказательства и доказывание, производство в суде первой инстанции, судебное решение, АРС, производство в проверочных инстанциях и принципы процессуального права, а также некоторые другие институты. Авторы статьи полагают возможным сформулировать подход (или методику), с применением которого, выявление процессуальных особенностей станет более простым, эффективным и менее трудозатратным.

Таблица 1. Частотный анализ исследуемых процессуальных особенностей.

Институты цивилистического процесса, изучаемые авторами при выявлении процессуальных особенностей (количественный анализ) (на основании положений, выносимых на защиту и содержания диссертаций)	
Процессуальная особенность	Количество работ, в которых она изучалась (всего работ 27)
Субъективный состав	17
Материальное право в том числе иски	17
Доказательства и доказывание, в том числе отдельные аспекты	15
Подготовка дела к судебному разбирательству	9
Производство в суде первой инстанции, в том числе отдельные подкатегории дел.	12
Судебное решение и исполнение судебного решения	13
Производство в суде второй инстанции	2
Досудебное урегулирование и АРС	9
Подведомственность и подсудность	6
Принципы процессуального права	Единожды в диссертации Ивановой И.А.

Предлагаемая методика. Выводы

Мы считаем, что, существует две крупные группы процессуальных особенностей (деление основано на влиянии материального права и общественных отношений на процесс).

1. Проявляющиеся непосредственно (материально-правовое содержание дела и его основание, субъектный состав, подсудность и подведомственность, компетенция суда, порядок досудебного урегулирования и применения альтернативных методов урегулирования споров, особенности в сфере доказательств и доказывания). Данные процессуальные особенности обусловлены материальным правом или самими общественными отношениями, выступающими объектом правового регулирования. Данные процессуальные особенности проявляются наиболее явно, систематично и могут быть установлены при ведении исследования с наибольшей долей вероятности.

2. Опосредованно проявляющиеся процессуальные особенности (особенности подготовки дела к производству, особенности производства в суде первой инстанции, применение принципов процессуального права, судебное решение и его

исполнение). Данные процессуальные особенности не имеют прямого материально-правового содержания, проявляются не явно, опосредованно, могут быть основаны на влиянии процессуальных особенностей первой группы (например, судебное решение), выявлению поддаются с трудом, для выявления необходимо определить прежде всего, процессуальные особенности первой группы. Для данной группы характерно именно косвенное влияние, так как само материальное право не воздействует на процессуальную форму и отправление правосудия, в связи с этим данные особенности и проявляются косвенно. Вместе с тем, возникает вопрос о том, можно ли вообще тогда полагать, что в судебном решении проявляются самостоятельные процессуальные особенности (ведь на судью все возможное «влияние», к моменту вынесения судебного решения, материальным правом, доказательствами и сторонами уже оказано, и выявляемые в судебном решении процессуальные особенности могут являться следствием прочих процессуальных особенностей. Так же в доктрине не было озвучено вопроса о возможности выявления процессуальных особенностей в проверочных инстанциях, что требует отдельного исследования, однако, сразу оговоримся о существовании процессуальных особенностей (если они и есть) лишь в апелляционной инстанции). В кассационной инстанции их существовать не может, интерес может представлять лишь основание, по которому суды данной инстанции отменяют решения нижестоящих судов. Таким образом, мы можем сформулировать следующий подход к поиску процессуальных особенностей:

Прежде всего выявляются процессуальные особенности, имеющие непосредственное проявление Последовательность выглядит следующим образом:

1) материально-правовое содержание дела и его основание (дифференцировать категории дел, необходимо выявить все нормы материального права, воздействующие на процесс),

2) субъектный состав,

3) подсудность и подведомственность, компетенция суда,

4) порядок досудебного урегулирования и применения альтернативных методов урегулирования споров, судебное примирение (факультативно),

5) особенности подготовки дела к производству (расположение объясняется последовательностью выявления, но не вероятностью),

6) особенности в сфере доказательств и доказывания,

7) в случае, если рассматриваются споры с органами государственной власти, особенности оспаривания НПА и иных актов органов государственной власти, постановлений по делам об административных правонарушениях (носит факультативный характер),

8) судебная практика (так же факультативно).

Далее, выявляются процессуальные особенности второй категории (после того, как были исследованы ранее описанные категории, сделать вывод о существовании ниже перечисленных будет проще и быстрее):

– особенности производства в суде первой и апелляционной инстанции,
– судебное решение
– применение принципов процессуального права.
– процессуальные особенности исполнительного производства и исполнения судебного решения (факультативно).
– особенности специализации судебной системы (факультативно)

Еще раз отметим, процессуальные особенности второй группы могут не быть выявлены, поскольку прямого материально-правового контекста возникновения они не имеют, обнаруживаются лишь в процессе изучения судебной практики: процессуальная форма для всех едина (за исключением отдельных категорий споров, рассматриваемых с учетом специальных правил) В связи с этим для отдельной категории споров может и не существовать каких-либо процессуальных особенностей или чего-то особого. Поэтому при проведении подобных исследований необходимо предполагать в том числе и отрицательный результат (который в прочем, так же является результатом).

Что касается вопросов исполнительного производства, то мы полагаем, что следует говорить о процессуальных особенностях исполнительного производства по отдельным категориям дел, как о самостоятельном явлении, однако, для этого требуется проведение самостоятельного исследования, специалистами в сфере исполнительного производства, поэтому, на данный момент, мы включили данную процессуальную особенность во вторую категорию.

Литература

1. Грось Л.А. Влияние норм материального права на гражданско-процессуальное право (научно-практические аспекты) / Автореф. дисс… докт. юрид. наук. М.: 1999. –62 с.
2. Грось Л.А. Гражданское и арбитражное процессуальное право – взаимосвязь с материальным правом. / Владивосток.: изд. Дальневост. Университета. – 1997. – 272 с.
3. Грось Л.А. Научно- практическое исследование влияния норм материального права на разрешение процессуально- правовых проблем в гражданском и арбитражном процессе: учебное пособие. /Хабаровск.: 1999. – 216 с.
4. Фомин О.Ю. Влияние норм материального права на процессуальное правопреемство в гражданском судопроизводстве. // Правовая политика и правовая жизнь. – 2015. – № 4. –С.138–142.
5. Потапенко Е.Г. К вопросу о роли материального права в специализации цивилистического процессуального права. //Вестник СГЮА. –2018. – № 6. –С.126–133.

6. Потапенко Е.Г. Понятие, формы и методы специализации права (в контексте исследования специализации цивилистического процессуального права). // Вестник СГЮА. –2018. – № 2. – С. 156–164.
7. Потапенко Е.Г. Процессуальный комплекс (обоснование понятия) // Российский судья. – № 3. –2021. – С. 3–5.
8. Укусова Е.Е. Специализация гражданского процессуального права в России: от теории к практике. / М.: Проспект. – 2022. – 280 с.
9. Артемьева Ю.А. Рассмотрение арбитражными судами РФ споров, вытекающих из налоговых правоотношений. / Автореф. дисс… канд. юрид. наук. М.: 2003. –23 с.
10. Баскаков Е.Я. Особенности рассмотрения и разрешения авторских споров. / Автореф. дисс… канд. юрид. наук. – 2004. –20 с.
11. Абрамова С.А. Судебное разбирательство гражданских дел об усыновлении российских детей иностранными гражданами. / Благовещенск. – 2005. –192 с.
12. Янева Р.Р. Защита наследственных прав граждан в порядке искового судопроизводства. Учебное пособие. / Оренбург. – Пресса. – 2010. – 84 с.
13. Емальынов А.Р. Процессуальные особенности рассмотрения земельных споров. / Автореф. дисс… канд. юрид. наук.: Екатеринбург., 2012. –25 с.
14. Свешников Г.А. Особенности рассмотрения отдельных категорий земельных споров. / Нижний Новгород. – 2014. –126 с.
15. Иванова М.А. Процессуальные особенности рассмотрения отдельных категорий дел, возникающих из публичных правоотношений. / Автореф. дисс… канд. юрид. наук. Саратов., 2012. –25 с.
16. Невоструев А.Г. Процессуальные особенности рассмотрения и разрешения жилищных дел. / М.: Статут. – 2015. – 174 с.
17. Мухаметов А.К. Процессуальные особенности рассмотрения споров, возникающих из экологических правоотношений. / Автореф. дисс… канд. юрид. наук. – 2016. –СГЮА. – 27 с.
18. Семенова Е.А. Процессуальные особенности рассмотрения дел об отмене усыновления. / Автореф. дисс… канд. юрид. наук. Саратов, 2017. –22 с.
19. Вялых Е.И. Процессуальные особенности рассмотрения корпоративных споров в Российской Федерации. / Автореф. дисс… канд. юрид. наук. 2018. – Екатеринбург. – 40 с.
20. Иваненко Н.А. Процессуальные особенности банкротства кредитных организаций / Автореф. дисс… канд. юрид. наук. 2021. –Саратов. –31 с.
21. Желаев М.А. Процессуальные особенности рассмотрения арбитражным судом споров в сфере энергетики. / Автореф. дисс… канд. юрид. наук. –Саратов. –2020. –20 с.
22. Комлев Н.Ю. Галиулина А.Х. Рассмотрение индивидуальных трудовых (служебных) споров в гражданском судопроизводстве. / Казань. – КЮИ МВД России. –2020. –112 с.
23. Недосека Е.С., Туганов Ю.Н., Аулов В.К. Специализация судебной детальности: споры с участием федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации и механизм формирования судебной практики. / М.: Граница. –2022. –168 с.
24. Есянц А.В. Участие органов внутренних дел в арбитражном процессе. / Автореф. дис. … канд. юрид. наук. СПб. – 2006. –26 с.
25. Матросов Н.А. Особенности судопроизводства по делам о расторжении брака и связанных с ним споров. / Автореф… дис. канд. юрид. наук. Саратов, 2015. – 22 с.
26. Умнова Е.Д. Особенности гражданского судопроизводства по делам, возникающим из алиментных обязательств. / Автореф… дисс. канд. юрид. наук. Саратов, 2021. – 28 с.
27. Карпова А.А. Процессуальные особенности рассмотрения дел о признании сделок недействительными и применении последствий недействительности сделок в гражданском судопроизводстве. / Автореф… дисс. канд. юрид. наук. Самара, 2022. – 28 с.
28. Кобзаренко Е.М. Особенности судопроизводства по спорам о диффамации в судах общей юрисдикции. / Автореф… дисс. канд. юрид. наук. Саратов, 2022. – 24 с.
29. Толкачев Д.Д. Проблемы доказывания по делам из налоговых правоотношений в арбитражном процессе. / Автореф. дисс… канд. юрид. наук. М.: 2012. – 29 с.
30. Цуканова В.И. Особенности судопроизводства по делам о лишении родительских прав. / Автореф… дис. канд. юрид. наук. М.: 2012. –27 с.
31. Данилов Д.Б. Производство по делам об ответственности лиц за незаконное использование товарного знака по инициативе органов внутренних дел. / Автореф… дис. канд.юрид. наук. Саратов, 2012. –31с.
32. Бобылева Ю.А, Судебное рассмотрение и разрешение споров, связанных с самовольной постройкой. / Автореф… дис. канд. юрид. наук. Саратов, 2012. – 23с.
33. Симонов И.Д. Производство по делам о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок. / Автореф… дис. канд. юрид. наук. Саратов, 2015. –31с.
34. Тахзеплов К.А. Рассмотрение в судах дел о возвращении ребенка или об осуществлении ребенка прав доступа. / Автореф… дис. канд. юрид. наук. М.: 2021. – 27с.

ON THE ISSUE OF THE METHODOLOGY FOR IDENTIFYING THE PROCEDURAL FEATURES OF RESOLVING CERTAIN CATEGORIES OF CASES IN THE CIVIL PROCESS

Kuznetsov D.A.
St. Petersburg State University of Economics (SPBGEU)

This study describes the problem of identifying procedural features of proceedings in certain categories of cases in the civil process (in the doctrine there are practically no proposals for the introduction of a methodology for identifying procedural features, despite the presence of a significant number of PhD theses, in this area of scientific research, the first dissertations began to appear in the Soviet period of the development of the civil process) a frequency analysis of the study is carried out individual procedural features of the candidate's dissertations, it turns out, what may be procedural features, the methodology (procedure) for their identification is proposed. For the purposes of this study, 34 PhD theses were studied, and a table was prepared describing what procedural features of proceedings in certain categories of cases are studied in dissertations. In addition to the proposal on methodology, the author came to the conclusion that it is possible to recognize as a procedural feature: the application of the principles of civil procedure, the use of alternative methods of dispute resolution in certain categories of cases. In addition, we raised the question of the expediency of allocating and justifying an independent category of "procedural features of enforcement proceedings in certain categories of cases", however, this problem requires independent study.
The second briefly sets out the problem, goals and objectives that the author is trying to solve (achieve) during the research, then, in the next section, an analysis of dissertations and doctrine is carried out, it is revealed which procedural features are studied in individual works and at the end conclusions are presented based on the results of the research.

Keywords: The civil process, the methodology for identifying procedural features, the analysis of dissertations, the production of certain categories of cases.

References

1. Gros L.A. The influence of substantive law on civil procedural law (scientific and practical aspects) / Abstract. diss… doc. legal Sci. M.: 1999. –62 p.
2. Gros L.A. Civil and arbitration procedural law – relationship with substantive law. / Vladivostok: ed. Dalnevost. University. – 1997. – 272 p.
3. Gros L.A. Scientific and practical study of the influence of substantive law on the resolution of procedural and legal problems in civil and arbitration proceedings: a textbook. /Khabarovsk: 1999. – 216 p.
4. Fomin O. Yu. The influence of substantive law on procedural succession in civil proceedings. // Legal policy and legal life. – 2015. – No. 4. –P.138–142.
5. Potapenko E.G. On the question of the role of substantive law in the specialization of civil procedural law. // Bulletin of SSLA. –2018. – No. 6. –P.126–133.
6. Potapenko E.G. The concept, forms and methods of specialization of law (in the context of studying the specialization of civil procedural law). // Bulletin of SSLA. –2018. – No. 2. – P. 156–164.
7. Potapenko E.G. Procedural complex (justification of the concept) // Russian judge. – No. 3. –2021. – P. 3–5.
8. Ukusova E.E. Specialization of civil procedural law in Russia: from theory to practice. / M.: Prospekt. – 2022. – 280 p.
9. Artemyeva Yu.A. Consideration by arbitration courts of the Russian Federation of disputes arising from tax legal relations. / Author's abstract. diss… cand. legal Sci. M.: 2003. –23 p.
10. Baskakov E. Ya. Peculiarities of consideration and resolution of copyright disputes. / Author's abstract. diss… cand. legal Sci. – 2004. –20 p.
11. Abramova S.A. Trial of civil cases on the adoption of Russian children by foreign citizens. / Blagoveshchensk. – 2005. –192 p.
12. Yaneva R.R. Protection of citizens' inheritance rights through legal proceedings. Tutorial. / Orenburg. – Press. – 2010. – 84 p.
13. Emalynov A.R. Procedural features of consideration of land disputes. / Author's abstract. diss… cand. legal Sciences: Ekaterinburg, 2012. –25 p.
14. Sveshnikov G.A. Peculiarities of consideration of certain categories of land disputes. / Nizhny Novgorod. – 2014. –126 p.
15. Ivanova M.A. Procedural features of consideration of certain categories of cases arising from public legal relations. / Author's abstract. diss… cand. legal nauk.Saratov., 2012. –25 p.
16. Nevostruev A.G. Procedural features of consideration and resolution of housing cases. / M.: Statute. – 2015. – 174 p.
17. Mukhametov A.K. Procedural features of consideration of disputes arising from environmental legal relations. / Author's abstract. diss… cand. legal Sci. – 2016. –SGUA. – 27 s.
18. Semenova E.A. Procedural features of consideration of cases on revocation of adoption. / Author's abstract. diss… cand. legal Sci. Saratov, 2017. –22 p.
19. Vyalykh E.I. Procedural features of consideration of corporate disputes in the Russian Federation. / Author's abstract. diss… cand. legal Sci. 2018. – Ekaterinburg. – 40 s.
20. Ivanenko N.A. Procedural features of bankruptcy of credit organizations / Abstract. diss… cand. legal Sci. 2021. –Saratov. –31 s.
21. Zhelaev M.A. Procedural features of arbitration court consideration of disputes in the energy sector. / Author's abstract. diss… cand. legal Sci. -Saratov. –2020. –20 s.
22. Komlev N. Yu. Galiulina A. Kh. Consideration of individual labor (service) disputes in civil proceedings. / Kazan. – KUII of the Ministry of Internal Affairs of Russia. –2020. –112 s.
23. Nedoseka E.S., Tuganov Yu.N., Aulov V.K. Specialization of judicial detail: disputes with the participation of federal executive authorities of the Russian Federation and the mechanism for the formation of judicial practice. / M.: Border. –2022. –168 s.
24. Yesyants A.V. Participation of internal affairs bodies in the arbitration process. / Author's abstract. dis. …cand. legal Sci. St. Petersburg – 2006. –26 p.
25. Matrosov N.A. Features of legal proceedings in cases of divorce and related disputes. / Abstract… dis. Ph.D. legal Sci. Saratov, 2015. – 22 p.
26. Umnova E.D. Features of civil proceedings in cases arising from alimony obligations. / Author's abstract… diss. Ph.D. legal Sci. Saratov, 2021. – 28 p.
27. Karpova A.A. Procedural features of consideration of cases on recognition of transactions as invalid and application of the consequences of invalidity of transactions in civil proceedings. / Author's abstract… diss. Ph.D. legal Sci. Samara, 2022. – 28 p.
28. Kobzarenko E.M. Peculiarities of legal proceedings in disputes over defamation in courts of general jurisdiction. / Author's abstract… diss. Ph.D. legal Sci. Saratov, 2022. – 24 p.
29. Tolkachev D.D. Problems of proof in cases of tax legal relations in arbitration proceedings. / Author's abstract. diss… cand. legal Sci. M.: 2012. – 29 p.
30. Tsukanova V.I. Features of legal proceedings in cases of deprivation of parental rights. / Abstract… dis. Ph.D. legal Sci. M.: 2012. –27 p.
31. Danilov D.B. Proceedings in cases of liability of persons for illegal use of a trademark on the initiative of internal affairs bodies. / Abstract… dis. Candidate of Law Sci. Saratov, 2012. –31 p.
32. Bobyleva Yu.A. Judicial review and resolution of disputes related to unauthorized construction. /authoref…dis. Ph.D. legal Sci. Saratov, 2012. – 23 p.
33. Simonov I.D. Proceedings in cases of awarding compensation for violation of the right to a trial within a reasonable time or the right to execution of a judicial act within a reasonable time. / Abstract… dis. Ph.D. legal Sci. Saratov, 2015. –31 p.
34. Takhzeplov K.A. Consideration in courts of cases on the return of a child or on the exercise of a child's rights of access. / Abstract… dis. Ph.D. legal Sci. M.: 2021. – 27 p.

Развитие правового регулирования института медиации

Курбатов Дмитрий Евгеньевич,
аспирант кафедры гражданского и арбитражного процесса юридического факультета, ФГАОУ ВО «ОмГУ им. Ф.М. Достоевского»
E-mail: dimesg@mail.ru

В статье дается характеристика института несудебной медиации в России, раскрываются достижения и тенденции его развития на современном этапе. Процедура медиации обладает нераскрытым потенциалом позитивного воздействия на различные сферы общественных отношений, однако раскрыть этот потенциал мешают существующие законодательные пробелы и противоречия. Автором с применением общенаучных методов освещается ряд актуальных проблем, присущих российской медиации, приводится обзор и анализ позиций и предложений, направленных на совершенствование института альтернативного разрешения споров с участием посредника. Основываясь на изученной юридической литературе по заданной теме, автор статьи делает вывод о необходимости законодательного урегулирования неразрешенных вопросов. Результаты исследования могут использоваться для совершенствования правовой базы для развития института несудебной медиации в Российской Федерации, а также для последующего более развернутого анализа и систематизации присущих несудебной медиации проблемных аспектов.

Ключевые слова: медиация, несудебная медиация, процедура медиации, проблемы медиации, медиатор, обязательная медиация, судебная нагрузка, несудебная защита прав.

Введение

Современное состояние развития института медиации в России характеризуется ее планомерным становлением в качестве неотъемлемого института гражданского общества. Все большее распространение получает практика заключения спорящими сторонами медиативных соглашений, количество которых измеряется у некоторых медиаторов и организаций медиаторов уже не единицами, а десятками и сотнями. Применительно к виду медиации, который осуществляется сторонами на стадии судебного рассмотрения дела, нельзя не отметить возросшую активную роль судей в инициировании медиативных процедур. Кроме того, на фоне популяризации специальности «медиатор» среди обучающихся, стремительно растет число курсов и образовательных программ в области медиации, издается специальная научно-практическая литература, дополнительное профессиональное образование получают адвокаты, нотариусы, государственные служащие. Медиация получает свое распространение во многих сферах общественных отношений: в семейных, трудовых, экономических, административных, корпоративных и международных отношениях, в областях медицины, строительства, ритейла, недвижимости, банкротства, интеллектуальной собственности, банковской, страховой и иной деятельности. Во многих регионах страны открываются новые центры медиации [4, с. 199], в судах функционируют комнаты примирения, а некоторые государственные органы занимаются внедрением института медиации в свою деятельность [11]. Вопросы обеспечения исполнимости медиативных соглашений сменяются вопросами недопущения использования таких соглашений в заведомо противоправных целях, а представители профессиональных сообществ, например, адвокатов и нотариата активно высказываются в пользу своих прав на активную роль посредника в процедуре альтернативного урегулирования споров.

Основная часть

В то же время, несмотря на развитие, в том числе в форме самоорганизации, которое российский институт медиации получил в последние годы, нерешенными остаются еще многие дискуссионные вопросы, в том числе и фундаментальные, рассматриваемые и представляемые учеными как отдельные проблемы медиации и препятствия на пути повсеместному применению. Попробуем рассмотреть некоторые проблемные вопросы медиации, сохраняющие и приобретшие актуальность на современном этапе.

В трудах многих исследователей в качестве основного препятствия на пути массового использования медиативных процедур отмечаются проблема массового непонимания медиации, неосведомленности о ней как о способе урегулирования споров и защиты прав, отмечается наличие правового нигилизма, отрицания и непринятия медиации в качестве альтернативы привычному судебному разбирательству. Н.И. Минкина объясняет сложившееся положение дел через историю внедрения медиации в российскую правовую систему. Новые правила поведения и нормы, диктуемые законом о медиации по принципу «сверху – вниз», общество и его социальные группы в большинстве случаев в 2011 г. не были готовы воспринять и реализовывать в жизнь. Во многом это было связано с присущей россиянам консервативностью мышления и образом жизни, настороженностью к новым явлениям [6, с. 60].

Медиация по своей природе относится к внеюрисдикционным способам урегулирования правовых споров, составляет альтернативу судебным процедурам. В рамках юрисдикционных процедур спор разрешается путем применения права, в медиации урегулирование спора осуществляется путем согласования интересов сторон. Поэтому медиатор не занимается правоприменением, его задача заключается в организации совместной работы участников спора, направленной на поиск взаимоприемлемого для каждой стороны спора решения [3, с. 302].

Как известно, российская медиация при законодательном закреплении опиралась на опыт зарубежных стран, в частности западных, где популярность процедуры, помимо прочего, была и является в настоящее время обусловленной значительной финансовой нагрузкой на стороны спора при судебном разбирательстве дел. Однако подобный «стимул» в системе отечественного судопроизводства по настоящее время пока отсутствует, а финансовая доступность судебного разрешения споров в России не вызывает сомнений. Но стоит отметить, что председатель Совета судей РФ В.В. Момотов, выступавший 21.05.2024 г. на пленарном заседании Совета судей РФ, в контексте возможного способа снижения нагрузки на судей высказался в пользу повышения размера госпошлины при обращении в суды, акцентировав внимание на том, что низкий уровень госпошлины делает правосудие сверхдоступным [14]. Указанное создает предпосылки для возможного будущего повышения государственной пошлины, однако отразится ли такое повышение на популяризации практики медиации?

В вопросе распространения практики медиации дело не только в доступности правосудия. Отдельные ученые указывают на наличие иных, социально-экономических предпосылок непопулярности этой альтернативной формы урегулирования споров в России. В частности, М.З. Шварц выразил следующее мнение: – «Не может быть медиации, если каждые пять лет мы впадаем в экономические кризисы, каким бы причинами они ни были вызваны» [10, с. 12]. Указанное утверждение заслуживает внимания, однако не совсем понятным представляется его обоснование, ведь в ситуации экономического кризиса растет число правовых конфликтов, которые потенциально являются предметом потенциального альтернативного урегулирования.

Безусловно, многие бенефициары применения медиации заинтересованы в ее популяризации «здесь и сейчас», но для российского общества медиация является молодым, предложенным «сверху» институтом, и для получения от общества должного отклика по поводу ее применения должны пройти годы, а возможно, и десятилетия «самонастройки» и самоорганизации общества. Сосредоточившись в основном на подходе к изучению медиации с точки зрения способа снижения судебной нагрузки, некоторые исследователи не принимают во внимание, что медиация – в первую очередь призвана способствовать формированию новой правовой культуры дружественного разрешения разногласий и конфликтов в обществе, которая в будущем способна положительно отразиться социально-экономическом благополучии общества. Справедливыми следует признать высказывания Ц.А. Шамликашвили, рассуждающей по поводу недостаточно широкого применения процедуры: – «…это лишь вопрос времени. Ведь речь идет практически о культуре урегулирования споров с использованием новых процедур и подходов, а такие изменения не происходят в одночасье» [5, с. 4].

Одним из актуальных дискуссионных вопросов уже продолжительное время остается вопрос установления медиации в качестве обязательной досудебной процедуры урегулирования споров. У данного подхода много сторонников, и представляется вполне логичным определение наиболее медиабельных категорий споров для законодательного закрепления по ним медиативного досудебного порядка. На сегодняшний день, при выборе в качестве разрешения спора процедуры медиации стороны заключают медиативное соглашение (либо включают медиативную оговорку в текст обязательства). Процессуальные последствия таких договоренностей состоят в том, что несоблюдение досудебного порядка в виде медиации должно приводить к тому, что суд, выявив несоблюдение досудебного порядка, возвратит иск либо оставит его без рассмотрения. Однако, согласно п. 1 Постановления Пленума ВС РФ от 22.06.2021 № 18, указанное может быть актуальным в случае, если для категории спора установлен обязательный досудебный порядок и, если закон позволяет его заменить в тексте обязательства (на медиацию). В иных случаях наличие соглашения о применении медиации, и связанное с ним непосредственное проведение этой процедуры, не является препятствием для обращения в суд или третейский суд, если иное не предусмотрено федеральными законами. В этой связи одни ученые предлагают придать медиатив-

ной оговорке обязывающий характер по аналогии с арбитражным соглашением и отразить это в процессуальном законодательстве (ГПК, АПК, КАС РФ), а другие приводят аргументы о противоречии этого подхода принципу добровольности медиации. Камнем преткновения здесь является противоречие между добровольными началами медиации и возможностью императивного понуждения сторон к ее использованию. Так или иначе, законодатель придавать обязательный статус медиации по-прежнему не спешит, как бы оставляя этот вариант в качестве «запасного плана». В то время как соблюдение обязательного досудебного претензионного порядка в сегодняшней действительности не требует от участников возникшего спора значительных временных и финансовых затрат, а инициирование спора идет по вполне понятной схеме «нарушение права – претензия – судебная защита (при отсутствии добровольного удовлетворения)», перспектива обязательного досудебного медиативного порядка обнажает ряд острых и насущных вопросов: кто оплатит услуги медиатора, какова стоимость таких услуг, где найти медиатора, как урегулировать спор при территориальной удаленности сторон, каковы будут последствия «притворного» согласия либо отказа второй стороны от участия в процедуре, как медиативный досудебный порядок будет синергировать с институтом предварительных обеспечительных мер и др. Полагаем, что до реального введения обязательной досудебной медиации требуется дать ответы на такие обоснованно возникающие вопросы.

Одной из обособленных попыток внедрения обязательной медиации в отношения по поводу защиты прав потребителей и придания ей всероссийского масштаба, сегодня является законодательная инициатива Правительства РФ, выраженная в проекте федерального закона № 1138398–7 [2]. В пояснительной записке к проекту отмечается интенсивный рост рынка интернет-торговли, повлекший увеличение числа жалоб и споров в этой области, разрешать которые, согласно проекту закона, предлагается посредством онлайн-механизмов, в том числе с участием медиаторов. Напрямую законопроект не содержит указаний на обязательность применения онлайн-урегулирования взамен текущего претензионного порядка, однако следует учесть, что популярные сервисы интернет-торговли осуществляют свою деятельность на основе договоров публичной оферты: самописных правил и условий продажи товаров, и потребитель фактически может быть вынужден соглашаться на изменение досудебного порядка, акцептуя оферту маркетплейса, содержащую изложенные выше условия, что в перспективе придаст обязательность и массовость медиации в этой сфере. Выбор области защиты прав потребителей в качестве своеобразного пилотного проекта для развития медиации представляется вполне логичным. Во-первых, не вызывает сомнений кратный рост числа интернет-покупок и количества возникающих в связи с этим споров, разрешить которые только лишь юрисдикционным органам вскоре может быть проблематично, а во-вторых, столь распространенный тип правоотношений торговли как нельзя лучше может быть использован для повышения осведомленности населения о медиации (в том числе в онлайн-формате) и формирования культуры сторон договариваться во внесудебном порядке.

Вместе с тем полагаем, что обоснованно определить иные сферы общественных отношений, в которых медиация была бы предпочтительнее судебного разбирательства, законодателю на текущем этапе проблематично. Это связано с проблемой недостаточно быстрого формирования медиативной практики и с отсутствием единообразной исчерпывающей статистики в сфере применения несудебных медиативных процедур. На сегодня в обществе нет четкого представления об активной численности корпуса профессиональных медиаторов, членство медиаторов в профессиональных объединениях не является обязательным, сведения и опыт проведенных медиативных процедур не отражаются в информационных системах, а необходимые для этого реестры не созданы. Несмотря на то что налоговое законодательство с 2016 года ставит медиаторов как субъектов налогообложения в один ряд с адвокатами, нотариусами, арбитражными управляющими, оценщиками и патентными поверенными, единого реестра медиаторов не создано, хотя его появление является необходимым, как минимум для того, чтобы «сосчитать» количество профессиональных медиаторов, коль скоро им предполагается делегировать вопросы, направленные на «разгрузку» судебной системы. Н.И. Минкина, разделяя данный подход, также полагает целесообразным ведение учета проведенных медиаторами процедур (по определенным категориям споров с отражением результата и прочих возможных сведений) [4]. Появление информационно-правовых решений в данной области (например, единая информационная система медиации, единый реестр медиаторов) с возможностью их использования в статистических, информационных и процессуальных (применительно к процедуре медиации) целях, интеграция с зарекомендовавшими себя едиными государственными порталами, позволили бы придать новый импульс развитию рассматриваемого института, а полученные при помощи реестров статистические сведения могли бы стать основой для последующего точечной законодательной настройки и корректирующего воздействия.

Другим импульсом развития медиации, по мнению исследователей, могло бы стать расширение гарантий исполнимости заключаемых медиативных соглашений. Е.В. Михайлова, проводя параллели между медиативным соглашением и решением третейского суда, отмечает, что наличие медиативного соглашения процессуально не будет иметь правопрепятствующего значения при обращении стороны такого соглашения в суд, то есть суд не откажет лицу в принятии искового заявления по данному основанию [8, с. 15]. Несмотря на дополнение

законодательства о медиации в 2019 году положениями о придании нотариально заключенному медиативному соглашению силы исполнительного документа, часть критиков осталась в неудовлетворении и предлагает, например, исполнение любого медиативного соглашения, в случае неисполнения, обеспечить гарантией судебной защиты, к примеру, выдавать исполнительный лист по заявлению стороны соглашения. Отдельные представители нотариата, предлагая законодательно закрепить за ними функции медиаторов, закономерно рассуждают на тему обязательного нотариального удостоверения всех медиативных соглашений [9, с. 123]. Отдельной проблемой, присущей заключаемым в нотариальной форме медиативным соглашениям является затруднительность, а порой и невозможность принудительного исполнения обязательств, предметом которых являются требования нематериального характера.

Кроме того, к сфере медиации с момента придания нотариальному медиативному соглашению силы исполнительного документа проявляют интерес представители криминального мира [12]. Притворные медиативные сделки могут быть использованы для транзита и легализации денежных средств, добытых преступным путем. Центр медиации при РСПП по этому поводу в 2021 году выпустил информационное сообщение [13], призывающее медиаторов проявлять должную осмотрительность и проводить проверку сторон соглашений на наличие признаков подозрительности. В случае непроявления требуемой внимательности и анализа медиаторы в ряде случаев могут быть признаны соучастниками незаконных схем и привлечены к ответственности, в том числе уголовной.

В контексте необходимой осмотрительности уместно обратить внимание на широко обсуждаемую и весьма значимую проблему профессиональной подготовки и требований, предъявляемых к медиаторам. Текущая редакция закона о медиации [1] в качестве требований к профессиональным медиаторам устанавливает возрастной ценз – не менее двадцати пяти лет, наличие высшего образования, дополнительного профессионального образования по вопросам применения процедуры медиации. Указанное подразумевает, что не все медиаторы обладают специальными познаниями, позволяющими осуществить тщательный юридический анализ правоотношений сторон, ведь обязательного требования о наличии высшего юридического образования законом не предусмотрено. Проблематика данного вопроса широко и аргументированно освещена в соответствующей работе Н.И. Минкиной [7, с. 65], где автором исследуются проблемы качества и организации профессионального обучения медиаторов, которое, без сомнения, в перспективе своей должно быть единообразным.

Заключение

В контексте обозначенных вопросов и позиций следует заключить, что практика применения российской медиации не стоит на месте. Многие исследователи по-прежнему рассматривают ее как панацею от перегруженности судов, однако законодатель не спешит в придании процедуре обязательного характера. В то же время наметившиеся и воплощаемые преобразования в области процессуального права (предлагаемое повышение госпошлины, увеличение процессуальных сроков, упрощение и цифровизация судебного производства), несомненно, будут побуждать стороны к апробации такой альтернативной формы урегулирования как медиация. Наметившийся рост внимания к процедуре медиации должен быть поддержан государством в виде нормотворческого разрешения основных дискуссионных вопросов, обозначенных в данной статье, содержание которой может быть использовано для последующего более развернутого анализа и систематизации присущих несудебной медиации проблемных аспектов.

Литература

1. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): Федеральный закон от 27.07.2010 N 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // Собрание законодательства РФ. 2010. N 3. Ст. 4162.
2. Проект Федерального закона «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» и Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» в части создания правовой основы для развития системы альтернативных онлайн-механизмов урегулирования споров» (от 29.03.2021 N 1138398–7. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1138398–7/ (дата обращения: 21.05.2024)
3. Актуальные проблемы гражданского и административного судопроизводства / Д.Б. Абушенко, К.Л. Брановицкий, С.К. Загайнова и др.; под ред. В.В. Яркова. Москва: Статут, 2021. 460 с.
4. Конвергенция частноправового регулирования общественных отношений сквозь призму эффективности права: монография / К.А. Абдуллаев, А.В. Абрамова, Э.А. Абызова и др.; отв. ред. А.Н. Левушкин, Э.Х. Надысева. М.: Юстицинформ, 2023. 672 с.
5. Интервью с Ц.А. Шамликашвили журналу «Правовые вопросы строительства» // Правовые вопросы строительства. 2015. N 2. С. 4–9.
6. Минкина Н.И. Медиация как институт современного российского общества // Журнал российского права. 2023. N 10. С. 55–67.
7. Минкина Н.И. Правовая основа подготовки профессиональных медиаторов в России: опыт прошлого и перспектива будущего // Юрист. 2024. N 5. С. 61–66.
8. Михайлова Е.В. Нотариально удостоверенное медиативное соглашение: вопросы правовой

природы и исполнения // Нотариус. 2024. N 1. С. 14–18.
9. Степанова И.А. Соглашения, заключаемые в рамках процедуры медиации: вопросы эффективности // Правовая парадигма. 2018. Т. 17. N 4. С. 117–124.
10. Шварц М.З. Высшая школа – это не клуб по интересам // Закон. 2023. N 1. С. 8–14.
11. В ЗАГСе Якутска открыли кабинет медиации // Официальный информационный портал Республики Саха (Якутия) – 2024 [Электронный ресурс]. URL: https://www.sakha.gov.ru/news/front/view/id/3401710 (Дата обращения 05.06.2024 г.).
12. Досудебный беспорядок: в РФ набирает обороты новая схема обналичивания денег // Росфинмониторинг – 2021 [Электронный ресурс]. URL: https://www.fedsfm.ru/mediaaboutus/5295 (Дата обращения 29.05.2024 г.).
13. Информационное сообщение Центра медиации при РСПП и Федеральной службы по финансовому мониторингу «О повышении внимания медиаторов к заключению фиктивных сделок» // Росфинмониторинг – 2021 [Электронный ресурс]. URL: https://www.fedsfm.ru/news/5246 (Дата обращения 29.05.2024 г.).
14. Совет судей предложил повысить размер госпошлины при подаче иска // РБК – 2024 [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/society/21/05/2024/664c891e9a794741581b179a (Дата обращения 25.05.2024 г.).

DEVELOPMENT OF LEGAL REGULATION OF THE INSTITUTION OF MEDIATION

Kurbatov D.E.
Dostoevsky Omsk State University (OmSU)

The article characterizes the institution of non-judicial mediation in Russia, reveals the achievements and development trends of this institution at the present stage. The mediation procedure has an untapped potential for a positive impact on various areas of public relations, but existing legislative gaps and contradictions prevent this potential from being revealed. The author, using general scientific methods, highlights a number of pressing problems inherent in Russian mediation, provides a review and analysis of positions and proposals aimed at improving the institution of alternative dispute resolution with the participation of a mediator. Based on the studied legal literature on a given topic, the author of the article concludes that there is a need for legislative regulation of unresolved issues. The results of the study can be used to improve the legal framework for the development of the institution of non-judicial mediation in the Russian Federation, as well as for subsequent more detailed analysis and systematization of the problematic aspects inherent in non-judicial mediation.

Keywords: mediation, non-judicial mediation, mediation procedure, mediation problems, mediator, mandatory mediation, judicial burden, non-judicial protection of rights.

Referents

1. On an alternative procedure for resolving disputes with the participation of a mediator (mediation procedure): Federal Law of July 27, 2010 N 193-FZ (as amended on July 26, 2019) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2010. N 3. Art. 4162.
2. Draft Federal Law “On Amendments to the Law of the Russian Federation “On the Protection of Consumer Rights” and the Federal Law “On an Alternative Dispute Resolution Procedure with the Participation of a Mediator (Mediation Procedure)” in terms of creating a legal basis for the development of a system of alternative online dispute resolution mechanisms “(from 03/29/2021 N 1138398–7. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1138398–7/ (date of access: 05/21/2024)
3. Current problems of civil and administrative proceedings / D.B. Abushenko, K.L. Branovitsky, S.K. Zagainova et al.; edited by V.V. Yarkova. Moscow: Statute, 2021. 460 p.
4. Convergence of private law regulation of public relations through the prism of the effectiveness of law: monograph / K.A. Abdullaev, A.V. Abramova, E.A. Abyzova and others; resp. ed. A.N. Levushkin, E. Kh. Nadyseva. M.: Justitsinform, 2023. 672 p.
5. Interview with Ts.A. Shamlikashvili to the journal “Legal Issues of Construction” // Legal Issues of Construction. 2015. N 2. S. 4–9.
6. Minkina N.I. Mediation as an institution of modern Russian society // Journal of Russian Law. 2023. N 10. P. 55–67.
7. Minkina N.I. Legal basis for training professional mediators in Russia: past experience and future prospects // Lawyer. 2024. N 5. P. 61–66.
8. Mikhailova E.V. Notarized mediation agreement: issues of legal nature and execution // Notary. 2024. N 1. P. 14–18.
9. Stepanova I.A. Agreements concluded within the framework of the mediation procedure: issues of efficiency // Legal paradigm. 2018. T. 17. N 4. pp. 117–124.
10. Shvarts M.Z. Higher school is not a club of interests // Law. 2023. N 1. P. 8–14.
11. A mediation office was opened in the registry office of Yakutsk // Official information portal of the Republic of Sakha (Yakutia) – 2024 [Electronic resource]. URL: https://www.sakha.gov.ru/news/front/view/id/3401710 (Date of access: 06/05/2024).
12. Pre-trial chaos: a new cash-out scheme is gaining momentum in the Russian Federation // Rosfinmonitoring – 2021 [Electronic resource]. URL: https://www.fedsfm.ru/mediaaboutus/5295 (Date of access: 05/29/2024).
13. Information message of the Mediation Center at the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs and the Federal Service for Financial Monitoring “On increasing the attention of mediators to concluding fictitious transactions” // Rosfinmonitoring – 2021 [Electronic resource]. URL: https://www.fedsfm.ru/news/5246 (Date of access: 05/29/2024).
14. The Council of Judges proposed to increase the state duty when filing a claim // RBC – 2024 [Electronic resource]. URL: https://www.rbc.ru/society/21/05/2024/664c891e9a794741581b179a (Date of access: 05/25/2024).

Основания и последствия признания недействительности антисоциальных сделок и сделок, совершенных вопреки запрету на злоупотребление правом

Курносов Борис Ильич,
аспирант, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова
E-mail: boris.kurnosov@gmail.com

В статье проводится сопоставление сделок, противоречащих запрету на злоупотребление правом, и антисоциальных сделок. Сопоставлены позиции о возможности квалификации в качестве антисоциальных сделок, не нарушающих конкретные правовые нормы, но, тем не менее, посягающих на основные интересы общества и государства, и сделок, нарушающих особо значимые правовые нормы. Сделаны выводы об отсутствии как в части оснований, так и в части предусмотренных по общему правилу последствий недействительности существенных отличий антисоциальных сделок от сделок, противоречащих закону, в том числе запрету на злоупотребление правом, об избыточно широком толковании специальных норм о конфискационных последствиях отдельных антисоциальных сделок и об отсутствии необходимости в сохранении антисоциального характера сделок в качестве самостоятельного основания их недействительности.

Ключевые слова: недействительность сделок, злоупотребление правом, добросовестность, антисоциальные сделки, реституция, конфискационные последствия недействительности сделок, основы правопорядка и нравственности, иностранные инвестиции.

В настоящее время вопрос о возможности признания сделки недействительной в связи с ее противоречием не каким-либо конкретным правовым нормам, а общему запрету на недобросовестное поведение исчерпывающе разъяснен Пленумом ВС РФ [4]. При этом, понятие недобросовестности, равно как и понятие «основ правопорядка и нравственности» носит неконкретный, оценочный характер. В этой связи возникает вопрос о соотношении понятий антисоциальных и злоупотребительных сделок.

Можно выделить две основные точки зрения на понятие антисоциальных сделок.

Согласно первой точке зрения, к антисоциальным сделкам относятся те сделки, которые не нарушают конкретные правовые нормы, но, тем не менее, посягают на основные интересы общества и государства [17, с. 24] (вывод о чем может быть сделан, в частности, исходя из принципов права). Причина выделения таких сделок в особую категорию (отдельную от сделок, противоречащих нормативным актам) заключается не в самой по себе их особой опасности для общества, а в невозможности описать в специальных правовых нормах все случаи антисоциальных сделок. Например, ВС РФ в качестве примеров антисоциальных сделок указал не только сделки с объектами, ограниченными в обороте, поддельными ценными бумагами и т.д. (см. ниже), но и сделки, противоречащие основам отношений между родителями и детьми [4].

При таком подходе антисоциальные сделки крайне сближаются со злоупотребительными сделками (квалифицируемыми как незаконные наравне со сделками, противоречащими специальным правовым нормам).

Так, понятие добросовестности в объективном смысле связанно с существующей в обществе системой моральных норм, представлений и добре и зле, нравственности, справедливости, а также учетом интересов иных лиц, минимальным уровнем альтруизма (необходимость которого вытекает из таких норм) [16, с. 9]. Например, Богдановой Е.Е. указывается, что поведение, отражающее представление общества о добре – добросовестное, о зле – недобросовестное [14, с. 13].

При этом, представления о морали, нравственности, справедливости у разных лиц и социальных групп могут различаться; в связи с этим отмечается, что при определении того, какие именно представления о нравственности должны быть положены в основание оценки поведения лица как добросовестного или недобросовестного, должны учитываться, с одной стороны, представления большин-

ства населения (аналогичный подход применяется и в отношении понятия «основы нравственности», которое в судебной практике определяется как фундаментальные этические ценности, разделяемые большинством населения внутри страны [6]), а с другой стороны – ценности и принципы, закрепленные в законодательстве [19, с. 187]. Иными словами, как указывает Нам В.С., «принцип добросовестности призван обеспечивать … справедливость … предписываемую законом, правом и общепринятыми в обществе и поддерживаемыми правом ценностями» [18, с. 206].

Таким образом, добросовестность понимается как основы нравственности в той мере, в которой они, во-первых, признаются большинством населения, и, во-вторых, взаимосвязаны с основами правопорядка; это приводит к смешению понятий добросовестности и основ правопорядка и нравственности.

Так, некоторые сделки признаются недействительными как антисоциальные и злоупотребительные одновременно. Например, Пленум ВАС РФ указал на право слабой стороны ссылаться как на недопустимость применения несправедливых условий договора в связи с их противоречием запрету на злоупотребление правом, так и на их ничтожность в связи с квалификацией такого договора как антисоциальной сделки [3].

Можно также привести следующий пример. Между ООО и АО, действующим в качестве представителя иного ООО, был заключен договор поставки. В дальнейшем АО предъявило к ООО иск о взыскании задолженности по нему. Требование было удовлетворено, произведено взыскание задолженности, однако в дальнейшем решение суда было отменено по заявлению налогового органа, поскольку реальной хозяйственной деятельности данные организации не вели, поставка осуществлена не была, а иск был предъявлен с целью легализации мнимой сделки. Позднее был предъявлен иск о признании данной сделкой недействительной как антисоциальной и обращении полученного по ней в доход РФ. Удовлетворяя требования, суды указали, что недобросовестной поведение сторон сделок исключает возможность применения двухсторонней реституции [12]. Между тем, учитывая, что последствием недействительности сделки противоречащей закону, в т.ч. запрету на недобросовестное поведение, является именно двухстороння реституция, очевидно, что суд подразумевал под «недобросовестным поведением» антисоциальный характер сделки. Данным пример подтверждает смешение понятий «добросовестности» и «основ правопорядка и нравственности».

Таким образом, исходя из данной позиции, к антисоциальным сделкам относятся сделки, характеризующиеся «особо злостной недобросовестностью» [13, с. 212]; иными словами, антисоциальные сделки – частный случай злоупотребительных сделок.

Согласно альтернативной позиции, к антисоциальным относятся сделки, противоречащие требованиям правовых актов, закрепляющим принципы общественного устройства, иными словами – наиболее значимые правовые нормы, в том числе публично-правового характера. В качестве таковых норм выделяются нормы, устанавливающие государственную монополию на определенные виды деятельности или запрещающие вывоз определенных товаров, а также уголовно-правовые нормы [15]. Так, ВС РФ указал на квалификацию в качестве антисоциальных сделок с объектами, ограниченными в обороте (см. выше), а КС РФ – дачи взятки и коммерческого подкупа [5]; исходя из данных разъяснений можно сделать вывод об отнесении к основам правопорядка норм, ограничивающих определенные объекты в обороте, уголовно-правовых норм, запрещающих дачу взятки и коммерческий подкуп. Широкое распространение получило признание антисоциальными сделок по приобретению акций хозяйственных обществ, имеющих стратегическое значение (далее – стратегические общества), в отсутствие согласия антимонопольного органа. Суды ссылаются на то, что такие сделки влекут нарушение российского правопорядка в сфере экономики, противоречит публичным интересам [8]. В этой связи необходимо отметить следующее. Само по себе противоречие сделки публичным интересам не свидетельствует о ее антисоциальном характере, поскольку нарушение данных интересов (или интересов третьих лиц) по общему правилу является признаком не только антисоциальной сделки, но и ничтожной сделки вообще (более того, как разъяснил Пленум ВС РФ, к публичным интересам, нарушение которых влечет ничтожность сделки, относится в том числе обеспечение обороны [4]; следовательно, нарушение публичной интересов именно в данной сфере само по себе также не свидетельствует об антисоциальном характере сделки). Таким образом, даже в случае нарушения при совершения совершении сделки публичных интересов, в том числе в данной сфере, для ее квалификации как антисоциальной необходимо установление дополнительных признаков, свидетельствующем об особой опасности такого нарушения. Так, например, признавая недействительными сделки, повлекшие установление контроля иностранного инвестора над АО «Калиниградский морской торговый порт», суды указали, что их совершение предоставило иностранным инвесторам возможность ознакомления с информацией о грузообороте, что оказывает влияние «на продовольственную, энергетическую и военную безопасность» не обычного, а «эксклавного субъекта РФ» [11] (вопрос об обоснованности квалификации в качестве не только незаконных, но и антисоциальных сделок по установлению контроля за стратегическими обществами со стороны иностранных юридических лиц, конечными бенефициарами которых являются граждане РФ, лежит за рамками темы статьи).

В период действия старой редакции ст. 169 ГК РФ разделение требований правовых актов на относящиеся и не относящие к основам правопорядка

и нравственности имело существенное значение, поскольку нарушение последних влекло не двухстороннюю реституцию, а недопущение такой, то есть специальные конфискационные последствия. Между тем, согласно действующему законодательству правовым последствием как противозаконных, так и антисоциальных сделок по общему правилу является двухсторонняя реституция, конфискационные последствия применяются лишь в случаях, предусмотренных специальными нормами.

Можно привести следующий пример. К лицу, осужденному за получение взятки, был предъявлен иск о признании сделок по получению им вознаграждения (взяток) антисоциальными и обращении полученного вознаграждения в доход РФ. Суды данный иск удовлетворили. ВС РФ согласился с квалификацией действий по получению вознаграждения в качестве антисоциальных сделок (в силу очевидности нарушения основ правопорядка при нарушении уголовно-правового запрета), однако указал следующее. Уголовно-правовые нормы не могут рассматриваться как устанавливающие специальные конфискационные последствия сделок, поскольку применение данных норм в порядке гражданского производства в отношении лица, ранее уже осужденного приговором суда без применения данных мер, означало бы повторное осуждение за одно и то же преступление. Между тем иных норм, устанавливающих специальные конфискационные последствия антисоциальных сделок, судами приведено не было. В этой связи ВС РФ не согласился с выводами о наличии оснований для их применения [9].

При этом, норма о возможности применения конфискационных последствий антисоциальных сделок подвергается как буквальному, так и расширительному толкованию.

Согласно буквальному толкованию, конфискационные последствия недействительности могут применяться лишь в тех случаях, когда они прямо предусмотрены соответствующими специальными нормами. В качестве таковых рассматриваются, например, как сказано выше, нормы о уголовно-правовой конфискации. Впрочем, в доктрине высказывается позиция, согласно которой конфискация на основании публично-правовых норм не может рассматриваться как специальное последствие недействительности антисоциальной сделки, поскольку под нормами, устанавливающими специальные последствия недействительности сделок, могут пониматься лишь гражданско-правовые нормы [13, с. 212] (что соответствует вышеизложенной позиции ВС РФ). С 2023 года такие нормы содержит ст. 15 ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» (далее – ФЗ-57), предусматривающий конфискационные последствия недействительности сделок противоречащих ему сделок [2].

Согласно расширительному толкованию, в качестве специальной нормы, допускающей применение конфискационных последствий антисоциальных сделок, может рассматриваться любая норма, которая прямо не предусматривает конфискационных последствий недействительности совершенных с ее нарушением сделок, но отсылает к гражданскому законодательству.

Можно привести следующий пример из судебной практики. ФАС РФ был предъявлен иск об обращении в доход РФ акций АО, над которым в нарушение ФЗ-57 был установлен контроль иностранного инвестора. На момент как совершения соответствующих сделок, ФЗ-57 не предусматривал специальных конфискационных последствий недействительности сделок, совершенных с его нарушением, а лишь отсылал к гражданскому законодательству. Суд первой инстанции, признав данные сделки недействительными, применил двухстороннюю реституцию, указав, что ФЗ-57, как сказано выше, отсылал к гражданскому законодательству, а гражданское законодательство в качестве общего последствия недействительности устанавливает реституцию. Суд апелляционной инстанции, с выводами которого согласился суд кассационной инстанции, указанное решение отменил, и применил в качестве последствия сделки конфискацию, указав, что поскольку ФЗ-57 отсылает к гражданскому законодательству, то, следовательно, он отсылает и к ст. 169 ГК РФ, и, таким образом, предусматривает конфискационные последствия. Таким образом, суды истолковали совокупность двух бланкетных норм – ст. 169 ГК РФ и ст. 15 ФЗ-57, ни одна из которых сама по себе не предусматривала конфискационных последствий недействительности сделок, как допускавшую такие последствия [7]; такое толкование представляется избыточно широким (отметим, что впоследствии законодатель, внося изменения в ст. 15 ФЗ-57, исходил из того, что предыдущая редакция ст. 15 ФЗ-57 в совокупности с действующим гражданским законодательством конфискационных последствий недействительности данных сделок не предусматривала, то есть из буквального толкования ст. 169 ГК РФ, а не из расширительного, как суды при рассмотрении вышеуказанного дела) [20].

В некоторых случаях вышестоящие суды исправляют ошибки нижестоящих судов, допускающих избыточно расширительное толкование ст. 169 ГК РФ. Так, например, суд апелляционной инстанции применил конфискационные последствия недействительности сделок на основании аналогичного толкования совокупности новой редакции ст. 169 ГК РФ и старой редакции ст. 15 ФЗ-57. Суд кассационной инстанции, хотя и оставил постановление суда апелляционной инстанции без изменения, однако привел иное обоснование – а именно, что первые из «цепочки» взаимосвязанных сделок были совершены в 2010 году, т.е. в период действия предыдущей редакции ГК РФ, устанавливающей конфискационные последствия антисоциальных сделок независимо от наличия соответствующих специальных норм [8].

Между тем, как сказано выше, имели место случаи спорного, представляющегося избыточно широким толкования соответствующих норм со стороны судов не только апелляционной, но и кассационной инстанции.

Более того, имеют место случаи применения специальных конфискационных последствий антисоциальных сделок вообще в отсутствие какой-либо специальной нормы, их предусматривающей. Так, у банка, допускавшего неоднократные нарушения законодательства о противодействия легализации, была отозвана лицензия, после чего, в нарушение соответствующего предписания ЦБ РФ, были произведены платежи в пользу аффилированных с учредителем банка лиц. Данные платежи были оспорены как антисоциальные сделки. В этой связи суды указали следующее. Во-первых, общим последствием антисоциальных сделок является реституция, а не конфискация. Во-вторых, законодательство о противодействии легализации специальных норм, предусматривающих обратное, не содержит. Между тем, требования об обращении перечисленных денежных средств в доход РФ были удовлетворены со ссылкой на то, что отсутствие в законодательстве «отдельного нормативного требования» о конфискации легализованного имущества «не может является основанием для непринятия мер по его конфискации», а также на то, что Концепцией развития национальной системы противодействия легализации в качестве одной из задач такого развития отнесено совершенствование механизмов конфискации легализованного имущества [10]. Учитывая, что данная Концепция ни законом, ни иным нормативно-правовым актом не является (что было признано и судами, указавшими на отсутствие «отдельного нормативного требования» о конфискации), подобная позиция представляется внутренне противоречивой и не соответствующей буквальному содержанию ст. 169 ГК РФ.

Исходя из изложенного, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, те антисоциальные сделки, которые не противоречат каким-либо специальным правовым нормам, могут быть признаны недействительными на основании не только ст. 168 ГК РФ, но и совокупности ст. 10 и ст. 168 ГК РФ.

Во-вторых, квалификация противоречащих специальным нормам закона сделок по ст. 168 ГК РФ или по ст. 169 ГК РФ в большинстве случаев значения не имеет, так как правовым последствием подобных сделок в любом случае будет двухсторонняя реституция.

В-третьих, даже если специальными нормами установлены конфискационные последствия таких сделок, квалификация по ст. 168 ГК РФ или по ст. 169 ГК РФ также значения иметь не будет, так как возможность установления и применения иных, чем двухсторонняя реституция, правовых последствий недействительности сделки установлена не только ст. 168 ГК РФ, но и ст. 167 ГК РФ.

В-четвертых, сохранение ст. 169 ГК РФ создает риск ее избыточно расширительного толкования, допускающего применение конфискационных последствий недействительности сделок даже в отсутствие прямого указания на них в соответствующих специальных нормах, и, как следствие, правовой неопределенности и нестабильности гражданского оборота.

Исходя из изложенного, представляется, что нормы об антисоциальных сделках в настоящее время дублируют нормы о сделках, противоречащих закону (в том числе запрету на злоупотребление правом), в связи с чем их сохранение может быть нецелесообразным.

Литература

1. “Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (опубликован в изданиях «Собрание законодательства РФ», 05.12.1994, N 32, ст. 3301, «Российская газета», N 238–239, 08.12.1994);
2. Федеральный закон от 29.04.2008 N 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» (ред. от 28.04.2023) (опубликован в изданиях «Собрание законодательства РФ», 05.05.2008, N 18, ст. 1940, «Российская газета», N 96, 07.05.2008, «Парламентская газета», N 33, 15.05.2008);
3. Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 N 16 «О свободе договора и ее пределах» (опубликовано в изданиях «Вестник ВАС РФ», N 5, май, 2014, «Экономика и жизнь» (Бухгалтерское приложение), N 16, 25.04.2014);
4. Постановление Пленума ВС 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой ГК РФ» (опубликовано в изданиях Российская газета», N 140, 30.06.2015, «Бюллетень ВС РФ», N 8, август, 2015);
5. Определение КС РФ от 24.10.2019 N 2858-О;
6. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 14.11.2019 по делу N А53–17507/2019;
7. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 05.05.2022 по делу № А42–10735/2019; – 7
8. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 27.02.2023 по делу № А50–10758/2017; – 8
9. Определение ВС РФ от 13.06.2023 N 88-КГ23–2-К8–9
10. Апелляционное определение Московского городского суда от 24.08.2023 по делу № 33–27769/23–10
11. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 15.11.2023 по делу N А21–2269/2023; – 11

12. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 29.01.2024 по делу N А43–10721/2023–12
13. Богданов Е.В. Проблемы социализации и гуманизации гражданского законодательства России: монография. – М.: Проспект, 2023–272 с.;
14. Богданова Е.Е. Добросовестность и право на защиту в договорных отношениях: монография – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2010. – 159 с.;
15. Брагинский М. И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. 3-е изд., стер. – М.: Статут, 2011–847 с.;
16. Егоров А.В. Принцип добросовестности в Гражданском кодексе РФ: первые шаги реформы – М.: Legal insight, 2013, № 2 – с. 4–10.;
17. Ем В. С. – Ничтожность сделок по действующему гражданскому законодательству – М.:»Вестник гражданского права», 2018, N 4 – с. 12–45.;
18. Нам К.В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики. – М.; – Статут, 2019–397 с.;
19. Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / Отв. ред. А.Г. Карапетов. – Москва: М-Логос, 2020. – 1469 с.;
20. Заключение Комитета СФ ФС РФ по экономической политике от 25.04.2023 N 3.6–02/1690@ «По Федеральному закону «О внесении изменений в Федеральный закон «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства». [Электронный ресурс]/ URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgireq=doc&rnd=zuWHQ&base=PRJ&n=233504#iDIKH1UWufASShwz (дата обращения: 30 мая 2024 года).

GROUNDS AND CONSEQUENCES OF REKOGNIZING THE INVALIDITY ANTI-SOCIAL TRANSAKTIONS AND TRANSAKTIONS MADE CONTRATARY TO THE PROHOBITION ON ABUSE OF LAW

Kurnosov B.I.
Russian Economic University named after G.V. Plekhanov

It is considered in this article contradicting abuse of right prohibition transactions and antisocial transactions. It is conducted a comparison of positions about qualification as antisocial transactions, not contradicting concrete law rules but explaining basic society and state interests. It is made conclusion about absence of significant differences between antisocial deals and ilegal (including contradicting to abuse right prohibition) deals eather in part of basics of invalidity or in part of its consequences, provided by general rule, about excessively wide interpretation special rules about confistation consequences of antisocial deals and about absence of conservation of antisocial character of deal as independent base of invalidity.

Keywords: invalidity of deals, abuse of right, good faith, antisocial transactions, restitution, invalidity of deals confiscation consequences, basics of law and order, foreign investments.

References

1. “Civil Code of the Russian Federation (Part One)” dated November 30, 1994 N 51-FZ (as amended on July 24, 2023) (published in the publications “Collected Legislation of the Russian Federation”, December 5, 1994, N 32, Art. 3301, “ Rossiyskaya Gazeta”, N 238–239, 12/08/1994);
2. Federal Law of April 29, 2008 N 57-FZ “On the procedure for making foreign investments in business entities of strategic importance for ensuring the country’s defense and state security” (as amended on April 28, 2023) (published in the publications “Collected Legislation of the Russian Federation”, 05/05/2008, N 18, art. 1940, “Rossiyskaya Gazeta”, N 96, 05/07/2008, “Parliamentary Gazette”, N 33, 05/15/2008);
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated March 14, 2014 N 16 “On freedom of contract and its limits” (published in the publications “Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation”, N 5, May 2014, “Economy and Life” (Accounting Appendix), N 16, 04/25/2014);
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court on June 23, 2015 No. 25 “On the application by courts of certain provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation” (published in Rossiyskaya Gazeta, No. 140, 06/30/2015, “Bulletin of the Armed Forces of the Russian Federation,” No. 8, August, 2015);
5. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of October 24, 2019 N 2858-O;
6. Resolution of the Fifteenth Arbitration Court of Appeal dated November 14, 2019 in case No. A53–17507/2019;
7. Resolution of the Thirteenth Arbitration Court of Appeal dated 05/05/2022 in case No. A42–10735/2019; – 7
8. Resolution of the Arbitration Court of the Ural District dated February 27, 2023 in case No. A50–10758/2017; – 8
9. Determination of the Armed Forces of the Russian Federation dated June 13, 2023 N 88-KG23–2-K8–9
10. Appeal ruling of the Moscow City Court dated August 24, 2023 in case No. 33–27769/23–10
11. Resolution of the Arbitration Court of the North-Western District dated November 15, 2023 in case No. A21–2269/2023; – eleven
12. Resolution of the First Arbitration Court of Appeal dated January 29, 2024 in case No. A43–10721/2023–12
13. Bogdanov E.V. Problems of socialization and humanization of civil legislation of Russia: monograph. – M.: Prospekt, 2023–272 p.;
14. Bogdanova E.E. Conscientiousness and the right to protection in contractual relations: monograph – M.: UNITY-DANA: Law and Law, 2010. – 159 pp.;
15. Braginsky M.I., Vitryansky V.V. Contract law. Book one: General provisions. 3rd ed., erased. – M.: Statute, 2011–847 p.;
16. Egorov A.V. The principle of good faith in the Civil Code of the Russian Federation: the first steps of reform – M.: Legal insight, 2013, No. 2 – p. 4–10.;
17. Em V.S. – Nullity of transactions under the current civil legislation – M.: “Bulletin of Civil Law”, 2018, N 4 – p. 12–45.;
18. Nam K.V. The principle of integrity: development, system, problems of theory and practice. – M.; – Statute, 2019–397 pp.;
19. Basic provisions of civil law: article-by-article commentary to articles 1–16.1 of the Civil Code of the Russian Federation [Electronic edition. Revision 1.0] /Ans. ed. A.G. Karapetov. – Moscow: M–Logos, 2020. – 1469 p.;
20. Conclusion of the Committee of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation on economic policy dated April 25, 2023 N 3.6–02/1690@ “According to the Federal Law “On Amendments to the Federal Law “On the Procedure for Making Foreign Investments in Business Companies Having Strategic Importance for Ensuring the Defense of the Country and security of the state.” [Electronic resource] / URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgireq=doc&rnd=zuWHQ&base=PRJ&n=233504#iDIKH1UWufASShwz (accessed 30 May 2024).

Практические вопросы свидетельствования обстоятельств непреодолимой силы в гражданско-правовых отношениях

Федоренко Наталия Владимировна,
д. соц.н., к.ю.н., профессор кафедры процессуального права, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
E-mail: gr_process38@mail.ru

Левина Юлия Владимировна,
к.э.н., доцент кафедры процессуального права, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
E-mail: kochurau@gmail.com

Статья посвящена анализу практики применения законодательства об ответственности лица, не исполнившего либо исполнившего обязательство ненадлежащим образом при осуществлении предпринимательской деятельности, в сложившихся экономических условиях, обусловленных в том числе введением и последующим ужесточением санкций в отношении Российской Федерации и отдельных субъектов со стороны недружественных государств. Установленные ограничения и запреты непосредственным образом затронули существующие хозяйственные связи контрагентов и логистические цепочки поставки товаров, повлияв на своевременность и полноту исполнения принятых ранее обязательств.
Возникновение указанных обстоятельств определяет актуальность исследования вопросов о порядке освобождения должника от юридической ответственности вследствие гражданского правонарушения.

Ключевые слова: обстоятельства непреодолимой силы (форс-мажор), ответственность субъекта предпринимательской деятельности, освобождение от юридической ответственности, заключение об обстоятельствах непреодолимой силы, торгово-промышленная палата.

По общему правилу, установленному гражданским законодательством, должник несет предпринимательскую имущественную ответственность, если не докажет, что причиной невозможности надлежащего исполнения является непреодолимая сила [1].

Федеральным законом право свидетельствования обстоятельств непреодолимой силы (далее – ОНС или форс-мажор) по внутренним сделкам закреплено за уполномоченными ТПП России территориальными торгово-промышленными палатами (далее – ТПП) [2].

Организация работы по реализации процедур выдачи заключений об обстоятельствах непреодолимой силы (форс-мажора) при исполнении внутрироссийских договоров (соглашений) согласно рекомендациям Правительства Российской Федерации осуществляется ТПП [3].

Таким образом, речь идет о различных подходах федерального закона и Правительственной комиссии к основаниям возникновения сделок, стороны которых могут обратиться в ТПП для свидетельствования ОНС – из предпринимательских либо более широких по смыслу экономических отношений, о чем мы уже ранее писали [4, с. 62–66].

В силу закона свидетельствование форс-мажора производится в порядке, установленном российской палатой, в связи с чем такой порядок регулирует права и обязанности не только уполномоченных ТПП, но и юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, которые выступают заявителями в рамках указанной процедуры.

Порядок свидетельствования ОНС закреплен в Положении, которое утверждено на уровне постановления Совета ТПП РФ (далее – Положение) [5].

В настоящей работе мы хотим остановиться на некоторых положениях указанной процедуры, очевидно, по нашему мнению, не соответствующих закону и нарушающих права субъектов экономической (предпринимательской) деятельности.

Под обстоятельствами форс-мажора в пункте 1.3 Положения понимаются возникшие в ходе исполнения договора обстоятельства, характеризующиеся такими признаками, как чрезвычайность, непредвиденность и непредотвратимость, которые нельзя было разумно ожидать при его заключении либо избежать (преодолеть) в ходе его исполнения, находящиеся вне контроля сторон такого договора (контракта) [6].

В Положении дается определение ОНС и приводится перечень таких обстоятельств (стихийные катаклизмы, запреты органов государственной или

муниципальной власти, военные действия и другие), наступление которых ТПП России рассматривает в качестве форс-мажора, а также указываются события и (или) действия, не относящиеся к ОНС в силу характерной природы предпринимательского риска.

То есть, коллегиальный орган управления Российской ТПП в Положении о свидетельствовании форс-мажора прямо перечислил обстоятельства, которые должны рассматриваться уполномоченными ТПП как основания наличия или отсутствия ОНС. Нарушение требований Положения (соответственно и указанного требования) может повлечь аннулирование ТПП России заключения территориальной палаты [7]. Такой подход российской палаты вызывает ряд вопросов.

Во-первых, свобода договора, признание равенства участников гражданских отношений, недопустимость произвольного вмешательства в реализацию их прав своей волей и в своем интересе и (или) любого ограничения свободы усмотрения субъектов таких отношений, являются ключевым принципам гражданского законодательства [8]. Ограничение пределов осуществления гражданских прав может быть обусловлено только положениями федерального закона и только в той мере, в какой это необходимо для защиты конституционных ценностей и обеспечения безопасности личности и государства [9].

Во-вторых, норма законодательства об освобождении от юридической ответственности за нарушение гражданско-правового обязательства носит явно выраженный диспозитивный характер («если иное не предусмотрено законом или договором»).

Утвержденное ТПП России Положение законом либо договором (статья 420 ГК РФ) не является.

Правовая норма является императивной во всех случаях, когда сторонам прямо запрещено договариваться об ином [10].

Обеспечение баланса публичных и частных интересов в гражданских правоотношениях, предоставляющих сторонам широкую свободу, осуществляется только федеральным законодательством [11].

В предпринимательских отношениях стороны, осуществляющие свои права и обязанности добросовестно (пункт 3 статьи 1 ГК РФ), действуют самостоятельно и на свой риск, не ставя под угрозу интересы государства и общества, отдельных граждан, что исключает необходимость избыточного влияния государства.

Следовательно, исключая случаи, когда законом установлены особенности ответственности лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, стороны договора свободны в определении оснований такой ответственности.

Отсюда следует, что положения статьи о закреплении оснований ответственности за нарушение гражданско-правовых обязательств носят диспозитивный характер и обстоятельства, которые могут выступать освобождающими от ответственности, стороны вправе определять самостоятельно.

Возможно, именно этим обусловлены и неудачные попытки изменения действующего правового регулирования оснований ответственности предпринимателей [12].

В-третьих, Верховный Суд РФ неоднократно выражал правовую позицию, основывающуюся на относительном характере непреодолимой силы. Одно и тоже обстоятельство не может рассматриваться (квалифицироваться) как «непреодолимая сила для всех обязательств вообще, а критерий непредотвратимости последствий подлежит проверке по каждому конкретному обязательству» [13].

Относительный характер форс-мажора исключает и заранее установленные запреты на отнесение тех или иных обстоятельств к ОНС.

При таком подходе следует поставить под сомнение законность требования ТПП РФ к уполномоченным палатам о приостановке рассмотрения заявлений о выдаче заключений об обстоятельствах непреодолимой силы в связи с санкционными ограничениями в отношении иностранных комплектующих и оборудования [14].

Получается, что даже в случаях, когда стороны прямо указали в договоре на возможность освобождения от ответственности в порядке пункта 3 статьи 401 ГК РФ в силу санкционных ограничений, непосредственно повлиявших на исполнение договора, уполномоченная ТПП под угрозой аннулирования заключения должна приостанавливать рассмотрение обращения заинтересованной стороны.

Да и на какой срок следует приостановить рассмотрение обращения? В письме ТПП РФ говорится о приостановлении до принятия федерального закона, предусматривающего расширение понятия «обстоятельство непреодолимой силы». Поскольку такие изменения в ГК РФ явно вносить не планируется, срок приостановления рассмотрения заявлений не определён (неделя, месяц, год…). Создаются условия для обращения заявителей в суды в порядке пункта 3 части 2 статьи 1 Кодекса административного судопроизводства (оспаривание решений, действий (бездействия) некоммерческих организаций, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями) [15].

Достаточно интересным представляется и закрепленное в Положении право уполномоченных палат либо ТПП России аннулировать уже выданное заключение о наличии ОНС при выявлении в нем ошибок, противоречии законодательству и правоприменительной практике, настоящему Положению либо в случае выдачи заключения на основании подложных документов, недостоверных или неполных сведений.

При этом сама ТПП РФ рассматривает заключения территориальных торгово-промышленных палат об обстоятельствах непреодолимой силы в качестве экспертных заключений независимых специализированных экспертных организаций, оформляемых и выдаваемых на основании

подпунктов «д» и «з» пункта 1 статьи 12 Закона о ТПП. Такие заключения являются доказательствами в отношениях между сторонами договора и при рассмотрении спора в суде [16].

Но поскольку такие заключения выступают только в качестве доказательств, они не нарушают и не могут нарушать права и охраняемые законом интересы организаций и физических лиц. Другая сторона договора или суд с заключением может как согласиться, так и не согласиться.

Кроме того, если ТПП РФ признает такие заключения в качестве экспертных заключений, выданных на основании прав, предоставленных федеральным законом, какие правовые основания существуют тогда у российской палаты для аннулирования таких заключений. Закон таким правом ТПП РФ не наделяет, а право на утверждение процедуры выдачи заключений уполномоченными ТПП далеко не равнозначно праву как влиять на результаты рассмотрения обращения независимой экспертной организацией, так и отменять такие заключения. Иной подход с неизбежностью будет означать только отсутствие независимости специализированных экспертных организациях в силу административного влияния ТПП РФ.

Можно обратить внимание еще на то обстоятельство, что на свидетельствование ОНС ТПП РФ уполномочены 87 территориальных палат [17]. Отсюда следует, что ТПП РФ просто не в состоянии дать объективную оценку каждому из выданных заключений о наличии форс-мажора в гражданско-правовых отношениях. Этим можно объяснить и отсутствие в Положении указания на сроки возможного аннулирования заключений территориальных ТПП.

Допускаются достаточно широкие пределы вариативности действий ТПП РФ, возможность применения выборочного подхода к оценке заключений той или иной палаты и принятия решения о его аннулировании, что создает условия для проявления коррупции [18].

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 51-ФЗ от 30.11.1994: принят Государственной Думой 21.10.1994 // СПС КонсультантПлюс. – П. 3 ст. 401.
2. Закон Российской Федерации от 07.07.1993 № 5340–1 «О торгово-промышленных палатах в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс. – Подп. «н. 1» п. 3 ст. 15.
3. Протокол заседания Правительственной комиссии по повышению устойчивости развития российской экономики от 20.03.2020 № 3 // СПС КонсультантПлюс. – П. 1 разд. IV.
4. Федоренко Н. В., Левина Ю.В. // Научно-практический журнал «Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление». – № 3 (166). – 2024. – с. 62–66.
5. Постановление Совета ТПП РФ от 24.06.2021 № 7–2 (ред. от 21.12.2023) «Об утверждении положения о свидетельствовании уполномоченными торгово-промышленными палатами обстоятельств непреодолимой силы по договорам (контрактам), заключенным в рамках внутрироссийской экономической деятельности» // СПС КонсультантПлюс.
6. Там же. – П. 1.3.
7. Там же. – П. 7.3.
8. Гражданский кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 51-ФЗ от 30.11.1994: принят Государственной Думой 21.10.1994 // СПС КонсультантПлюс. – П. 1 ст. 1.
9. Там же. – П. 2 ст. 1.
10. Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» // СПС КонсультантПлюс.
11. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2018), утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26.12.2018 (ред. от 01.06.2022) // СПС КонсультантПлюс.
12. Проект Федерального закона № 92282–8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» (СОЗД ГАС «Законотворчество»): 2024. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/92282–8 (дата обращения 20.03.2024).
13. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1, утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 21 апреля 2020 г. // СПС КонсультантПлюс.
14. Письмо ТПП РФ от 22.03.2022 № ПР/0181 (с изм. от 07.04.2022) «О приостановлении рассмотрения заявлений о выдаче заключений об обстоятельствах непреодолимой силы по договорам, заключенным в рамках внутрироссийской экономической деятельности, в связи с санкционными ограничениями в отношении иностранных комплектующих и оборудования» // СПС КонсультантПлюс.
15. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: Федеральный закон № 21-ФЗ от 08.03.2015: принят Государственной Думой 20.02.2015 // СПС КонсультантПлюс. – П. 3 ч. 2 ст. 1.
16. Письмо ТПП РФ от 17.04.2020 № 04в/0088 «О предоставлении разъяснений» // СПС КонсультантПлюс.
17. Приказ ТПП РФ от 29.12.2023 № 81 «О внесении изменений в Перечень торгово-промышленных палат, уполномоченных выдавать заключения об обстоятельствах непреодолимой силы по договорам (контрактам), за-

ключенным в рамках внутрироссийской экономической деятельности, утвержденный приказом ТПП РФ от 08 июля 2021 года № 64» [Электронный ресурс] // официальный сайт ТПП РФ: 2024. URL: https://uslugi.tpprf.ru/ru/services/415445/ (дата обращения 20.03.2024).
18. Федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ (ред. от 19.12.2023) «О противодействии коррупции» // СПС КонсультантПлюс. – П. 1 ст. 1.

PRACTICAL ISSUES OF WITNESSING FORCE MAJEURE CIRCUMSTANCES IN CIVIL LAW RELATIONS

Fedorenko N.V., Levina Yu.V.
Rostov State University of Economics (RINH)

The article is devoted to the analysis of the practice of application of the legislation on the liability of a person who failed to fulfill or improperly fulfilled an obligation in the course of entrepreneurial activity in the current economic conditions, caused, among other things, by the introduction and subsequent tightening of sanctions against the Russian Federation and certain entities on the part of unfriendly states. The established restrictions and prohibitions have directly affected the existing economic relations of counterparties and logistics chains of goods supply, affecting the timeliness and completeness of fulfillment of previously assumed obligations.
The emergence of these circumstances determines the relevance of the study of the issues on the procedure for releasing the debtor from legal liability due to a civil offense.

Keywords: force majeure circumstances (force majeure), liability of a subject of entrepreneurial activity, exemption from legal liability, conclusion on force majeure circumstances, chamber of commerce and industry.

References

1. The Civil Code of the Russian Federation: Federal Law № 51-FZ from 30.11.1994: adopted by the State Duma 21.10.1994 // SPS ConsultantPlus. – P. 3, Art. 401.
2. Law of the Russian Federation from 07.07.1993 № 5340–1 «On Chambers of Commerce and Industry in the Russian Federation» // SPS ConsultantPlus. – Subp. «н. 1» p. 3 of Art. 15.
3. Minutes of the meeting of the Government Commission on increasing the sustainability of the Russian economy from 20.03.2020 № 3 // JPS ConsultantPlus. – Item 1 of Section. IV.
4. Fedorenko N. V., Levina Y.V. // Scientific and Practical Journal «Science and Education: economy and economy; entrepreneurship; law and management». – № 3 (166). – 2024. – c. 62–66.
5. Resolution of the Council of the RF CCI from 24.06.2021 № 7–2 (ed. from 21.12.2023) «On approval of the provision on certification by authorized chambers of commerce and industry of force majeure circumstances under agreements (contracts) concluded within the framework of intra-Russian economic activity» // JPS ConsultantPlus.
6. Ibid. – П. 1.3.
7. Ibid. – П. 7.3.
8. The Civil Code of the Russian Federation: Federal Law No. 51-FZ of 30.11.1994: adopted by the State Duma 21.10.1994 // SPS ConsultantPlus. – P. 1, Art. 1.
9. Ibid. – P. 2 Art. 1.
10. Resolution of the Plenum of the HAC RF from 14.03.2014 № 16 «On the freedom of contract and its limits» // SPS ConsultantPlus.
11. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation № 4 (2018), approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 26.12.2018 (ed. from 01.06.2022) // JPS ConsultantPlus.
12. Draft Federal Law No. 92282–8 «On Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation» [Electronic resource] // System for ensuring legislative activity of the State automated system «Legislation» (SOZD GAS «Legislation»): 2024. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/92282–8 (date of circulation 20.03.2024).
13. Review on certain issues of judicial practice related to the application of legislation and measures to counteract the spread on the territory of the Russian Federation of a new coronavirus infection (COVID-19) No. 1, approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on April 21, 2020 // SPS ConsultantPlus.
14. Letter of CCI RF from 22.03.2022 № PR/0181 (amended on 07.04.2022) «On suspension of consideration of applications for issuance of conclusions on force majeure circumstances under contracts concluded within the framework of domestic economic activity in connection with sanctions restrictions on foreign components and equipment» // JPS ConsultantPlus.
15. Code of administrative legal proceedings of the Russian Federation: Federal Law No. 21-FZ of 08.03.2015: adopted by the State Duma 20.02.2015 // SPS ConsultantPlus. – Item 3 part. 2 of Art. 1.
16. Letter of the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation from 17.04.2020 № 04v/0088 «On providing clarifications» // JPS ConsultantPlus.
17. Order of the RF CCI from 29.12.2023 № 81 «On Amendments to the List of Chambers of Commerce and Industry authorized to issue opinions on force majeure circumstances under agreements (contracts) concluded within the framework of domestic economic activity, approved by Order of the RF CCI from July 08, 2021 № 64» [Electronic resource] // official site of the RF CCI: 2024. URL: https://uslugi.tpprf.ru/ru/services/415445/ (date of circulation 20.03.2024).
18. Federal Law of December 25, 2008 № 273-FZ (ed. of 19.12.2023) «On counteraction to corruption» // JPS ConsultantPlus. – P. 1 Art. 1.

Налоговые риски производителя лекарственных препаратов при приобретении маркетинговых услуг

Луговенко Кирилл Антонович,
аспирант негосударственного образовательного частного учреждения высшего образования «Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
E-mail: ugaluga1@yandex.ru;

Гриб Владимир Григорьевич,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, профессор кафедры правового регулирования бизнеса и прикладной юриспруденции негосударственного образовательного частного учреждения высшего образования «Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
E-mail: vg-profesor@yandex.ru.

Производитель лекарственных препаратов вынужден приобретать маркетинговые услуги в отношении своего товара у аптечных сетей. В статье приводится перечень наиболее популярных маркетинговых услуг, оказываемых как в помещениях аптечных учреждений, так и в сети Интернет, в том числе на цифровых платформах.
Однако приобретение указанных услуг связано для производителя лекарственных препаратов с налоговыми рисками в контексте исчисления налога на прибыль и налога на добавленную стоимость. В исследовании приводятся основные трудности, возникающие при доказывании экономической обоснованности и реальности оказания маркетинговых услуг. Приводится возможное решение для снижения указанных рисков.

Ключевые слова: налог на прибыль; внереализационные расходы; маркетинговые услуги; производитель лекарственных препаратов; продвижение товаров; критерий экономической целесообразности; критерий реальности; товаропроводящая цепочка; доказывание.

Экономическая необходимость продвижения своего товара на рынке заставляет производителя лекарственных средств (далее по тексту – «Производитель») приобретать оказание маркетинговых услуг у широкого круга субъектов, осуществляющих свою торговую деятельность в розничных аптечных учреждениях и в сети Интернет, в том числе в различных мессенджерах и цифровых платформах. При этом под «продвижением товаров» в настоящей статье подразумевается «совокупность разных мер, усилий, действий, предпринимаемых в целях повышения спроса на товары, увеличения их сбыта, расширения рыночного поля товаров» [10], а под «цифровой платформой» – программы (совокупности программ) для электронных вычислительных машин в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет», обеспечивающей совершение сделок между продавцами и покупателями определённых товаров, в соответствии с п. 4.1 ст. 4 Федерального закона «О защите конкуренции» [6].

Приобретаемые Производителем маркетинговые услуги условно можно разделить на два класса: услуги, оказываемые в помещениях аптечных учреждений, и, с учётом тренда на все большую цифровизацию, аналогичные услуги, но оказываемые в Интернет среде. Перечень наиболее распространённых услуг приведён в Таблице 1.

Добавим, что на практике могут встречаться и ещё ряд других маркетинговых услуг, предоставляемых аптечной сетью Производителям, не упомянутые выше из соображений их редкости. Отметим также, что в маркетинговых соглашениях могут использоваться различные комбинации вышеназванных услуг друг с другом.

Однако подобные соглашения несут в себе ряд налоговых рисков, рассмотренных ниже, которые, прежде всего, касаются услуг, указанных в пунктах с первого по четвертый вышеприведённой таблицы.

Статья 252 Налогового Кодекса [2] устанавливает, что «налогоплательщик уменьшает полученные доходы на сумму произведённых расходов…», при этом «расходами признаются обоснованные и документально подтверждённые затраты, осуществлённые (понесённые) налогоплательщиком… Под обоснованными расходами понимаются экономически оправданные затраты, оценка которых выражена в денежной форме».

Также ключевым документом для разъяснения этих и других норм, связанных с рассматриваемым вопросом налогообложения, является Постановление Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 г. № 53

«Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» [4]. Пункт 3 данного Постановления раскрывает критерий экономической целесообразности, а пункт 4 разъясняет критерий реальности сделок налогоплательщика.

Таблица 1.

№ п/п	Услуги, оказываемые в помещениях аптечных учреждений	Услуги, оказываемые в сети Интернет
1.	Услуги по вводу товара ассортимента Производителя в ассортимент аптек (в некоторых случаях употребляется фраза: «в товарную матрицу аптек»)	Услуги по вводу товара ассортимента Производителя в ассортимент сайта аптечной сети и (или) цифровой платформы (аналог: «создание карточки товара»)
2.	Услуги по поддержанию в аптеках непрерывного (в некоторых редакциях «бездефектурного») товарного запаса ассортимента Производителя	Услуги по поддержанию доступности к заказу на сайте и (или) цифровой платформе аптечной сети товаров ассортимента Производителя и обеспечение возможности выдачи этих товаров в аптечных учреждениях
3.	Услуги по выкладке товаров ассортимента Производителя на определённых полках, категорийных шкафах	Услуги по размещению товаров ассортимента Производителя на специальных страницах сайта аптечной сети, например раздел «скидки», «акции» и т.п.
4.	Услуги по размещению в помещениях аптек рекламы товаров ассортимента Производителя (в форме листовок, плакатов, шелфтокеров, воблеров и т.д.)	Услуги по размещению на сайте аптечной сети рекламы товаров ассортимента Производителя, в том числе так называемых «баннеров», рассылка push-уведомлений, создание нативных интеграций, размещение отзывов о товаре.
5.	Услуги по предоставлению отчётов о движении товара ассортимента Производителя за определённый период	Услуги по предоставлению статистики поисковых запросов (вариант «статистики показов») на сайте или цифровой платформе аптечной сети товаров ассортимента Производителя за определённый период

К расходам на маркетинговые услуги налоговые органы предъявляют указанные критерии. Рассмотрим проблематику применения каждого из них применительно к вышеперечисленным соглашениям.

Налоговыми органами критерий экономической оправданности понимается в «установлении объективной связи понесённых налогоплательщиком расходов с направленностью его деятельности на получение прибыли» [5]. При этом «обоснованность расходов, учитываемых при расчёте налоговой базы, должна оцениваться с учётом обстоятельств, свидетельствующих о намерениях налогоплательщика получить экономический эффект в результате реальной предпринимательской или иной экономической деятельности [8].

В контексте рассмотрения процесса доказывания соблюдения налогоплательщиком критерия экономической целесообразности отметим, что «экономическая оправданность» и «обоснованность затрат (расходов) налогоплательщиков» – оценочные понятия налогового права. Наличие в законе общих оценочных понятий, по мнению Конституционного Суда РФ [7], «не свидетельствует об их неопределённости: поскольку нормы законодательства о налогах и сборах различны по характеру и значению, пределы детализации таких его норм, как абстрактно сформулированные нормы-принципы, определяются законодателем с учётом необходимости их эффективного применения к неограниченному числу конкретных правовых ситуаций».

По мнению исследователя данной темы А.Ю. Ильина, «…оценочные понятия в налоговом праве широко используются на практике и остаются острым научно-практическим вопросом… Данные понятия не могут быть полностью и универсально закреплены законодателем, так как перспективы развития данных понятий неясны и их содержание динамично… При этом, указанные оценочные понятия в НК РФ не интерпретируются и не разъясняются. Законодателем это право предоставлено самим участникам правоотношений, применяющим нормы налогового права, содержащие оценочные понятия. Использование данных понятий в системе налогового права обусловлено необходимостью учесть конкретные обстоятельства рассматриваемого дела и выбрать применительно к ним одно из перечисленных в законе или следующих из смысла закона решений. Правоприменение при использовании оценочных понятий предполагает создание юридической основы конкретного решения. Многозначность содержания оценочных понятий не позволяет сформулировать единственно допустимый ответ и предоставляет свободу выбора, возможность различной интерпретации налоговой нормы с учётом конкретных обстоятельств, что во многом зависит от уровня правосознания и профессионализма правоприменителя. Наличие оценочных понятий в налоговом праве предоставляет возможность правоприменителю максимально точно и правильно отреагировать на любую сложившуюся ситуацию, и индивидуально урегулировать правовой спор» [1].

Отметим, вслед за процитированным автором, и негативную сторону данного подхода: возможность для волюнтаризма правоприменителя и коррупционную ёмкость. Полагаем, что в данном контексте уместно привести мнение И.А. Покровского, выдающегося дореволюционного цивилиста:

«Одно из первых и самых существенных требований, которые предъявляются к праву развивающейся человеческой личностью, является требование определённости правовых норм. Если каждый отдельный человек должен подчиняться праву, если он должен приспособлять своё поведение к его требованиям, то очевидно, что первым условием упорядоченной общественной жизни является определённость этих требований. Всякая неясность в этом отношении противоречит самому понятию правопорядка и ставит человека в весьма затруднительное положение: неизвестно, что исполнять и к чему приспособляться» [9].

Теперь посмотрим на товаропроводящую цепочку, по которой перемещается товар из ассортимента Производителя. Как правило, после изготовления товар поставляется дистрибьюрам, сменяя собственника. Затем дистрибьюторы (их может быть несколько уровней) перепродают товар в аптечные сети, и смена владельца товара происходит ещё несколько раз.

Исходя из изложенного, складывается следующая ситуация. Производитель, заключая соглашение об оказании маркетинговых услуг с аптечными сетями, оплачивает эти услуги в отношении товара, принадлежащего другому лицу. В этой связи встает вопрос о том, как Производителю доказать налоговому органу экономическую обоснованность произведённых затрат в отношении не своего товара. Этот вопрос уместен не только в контексте исчисления упомянутого налога на прибыль организаций, но и при расчете налога на добавленную стоимость, если стороны маркетингового соглашения применяют общую систему налогообложения, и Производитель принимает к вычету «исходящий» НДС по данному соглашению. Наглядным примером уязвимости налогоплательщика, оказавшегося в описанной ситуации, является Решение Арбитражного суда Липецкой области [11], устоявшее в вышестоящих судах.

Напомним, что «обязанность доказывания обстоятельств, послуживших основанием для принятия государственными органами, органами местного самоуправления, иными органами, должностными лицами оспариваемых актов, решений, совершения действий (бездействия), возлагается на соответствующие орган или должностное лицо. В то время как сложившаяся арбитражная практика исходит из того, что бремя доказывания экономической обоснованности полностью лежит на плечах налогоплательщика» [1].

Иными словами, Производителю необходимо показать налоговому органу или суду, что его затраты на приобретение маркетинговых услуг в отношении товара, к этому моменту уже принадлежащего аптечным сетям, окупаются ростом закупок этого товара у Производителя. Под ростом закупок мы в данном случае понимаем не только количественное увеличение закупок какой-либо товарной позиции, но и расширение представленного в аптечной сети ассортимента. При этом очевидно, что продажи аптечной сетью товара конечным потребителям не обязательно приводит к закупке этой аптечной сетью у Производителя нового товара через дистрибьюторов. Аптечная сеть, как правило, не связана жёсткими контрактами на поставку каких-либо видов товара, осуществляя закупку ассортимента в порядке предварительного заказа наиболее выгодных к дальнейшей продаже позиций. То есть, продав товар, в отношении которого Производитель оплатил маркетинговые услуги, аптечная сеть вполне может отказаться в дальнейшем от закупки этих товаров или части из них. Такая ситуация является неприемлемой для Производителя ни в контексте коммерческих рисков, ни в контексте налоговых рисков.

Ещё одним требованием, содержащимся в упомянутом выше Постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ и предъявляемым налоговыми органами к расходам на маркетинговые услуги для отнесения их к затратам, является требование о документальном подтверждении факта оказания услуг, реальность операций. «Налоговым органам необходимо исходить не только из формального представления налогоплательщиком всех необходимых документов, но также устанавливать реальность финансово-хозяйственных отношений налогоплательщика и его контрагента» [3].

Применительно к услугам, указанным в пунктах с первого по четвёртый вышеприведённой таблицы, эта проблема является весьма существенной. Очевидно, что документооборот между заказчиком и исполнителем маркетинговых услуг, как между заинтересованными лицами, может быть признан налоговой инспекцией фиктивным, созданным только для уменьшения налоговой базы по налогу на прибыль и налогу на добавленную стоимость, получения необоснованной налоговой выгоды. Отсюда вытекает ненадёжность таких доказательств реальности оказания вышеназванных услуг как отчёты исполнителя, акты об оказанных услугах, подписанные сторонами маркетинговых соглашений, счета-фактуры, счета.

Попытки решения названной проблемы зависят от характера заказанных услуг. В отношении услуг, оказываемых в помещениях аптечных учреждений, Производитель может подкрепить свою доказательственную базу следующими способами:

во-первых, представители Производителя (либо нанятые им сторонние организации) проводят обход (обзвон) аптек, в которых заказаны маркетинговые услуги, выявляя факт нахождения или ненахождения товара Производителя в продаже, фиксируя выкладку товара или наличие рекламы; во-вторых, в подобных соглашениях заказчик обязывает исполнителя предоставлять регулярные (например, ежедневные или еженедельные) фотоотчеты выкладки товаров или присутствующей рекламы Производителя в аптеках соответствующей аптечной сети.

В отношении услуг, указанных в пунктах с первого по четвертый Таблицы 1 и оказываемых в сети Интернет, применяются соответствующие сним-

ки экрана интернет – страниц аптечной сети исполнителя.

Однако указанные способы фиксации факта оказания услуг имеют существенные недостатки. Первым из них является невозможность использовать указанные способы в отношении большого количества аптек (или товаров) в удалённых местах расположения аптек. Ещё одной причиной, затрудняющей использование подобных практик, является их трудоёмкость и, как следствие, дороговизна. Главной же проблемой применения обозначенных способов контроля факта оказания услуг является их доказательственная ненадёжность, происходящая по тем же причинам, что и ненадёжность отчётов исполнителя и актов, свидетельствующих об оказании услуг: необъективность и заинтересованность лиц, фиксирующих доказательства.

Решение проблемы доказывания экономической целесообразности маркетинговых услуг, приобретаемых Производителем у аптечных сетей, и проблемы контроля за фактом оказания этих услуг нам видится в следующем.

На наш взгляд целесообразно устанавливать стоимость услуг, указанных в пунктах с первого по четвёртый Таблицы 1, не в фиксированном размере, а в относительных величинах, привязав их расчёт к стоимости и (или) объёму товара Производителя, закупленного аптечной сетью за период оказания маркетинговых услуг у дистрибьюторов. Иными словами, аптечная сеть, осуществляя то или иное продвижение товаров Исполнителя, экономически заинтересовано фактически оказать эти услуги и при этом оказать их наиболее качественно, так как увеличение продаж товаров Производителя приводит к увеличению объёмов закупки аптеками соответствующих позиций у дистрибьюторов, что является показателем качества оказания услуг по маркетинговому соглашению, к которому, соответственно, привязан размер вознаграждения исполнителя.

Отметим также, что размер вознаграждения может быть привязан к стоимости объёма закупки у дистрибьюторов различными способами.

Во-первых, через применение понижающих коэффициентов к стоимости каждой закупленной упаковки товара у дистрибьюторов в определённый период. Например, стоимость оказания исполнителем маркетинговых услуг в течение квартала в отношении товара «X» исчисляется как общая стоимость всех закупленных аптечной сетью упаковок товара «X» у дистрибьюторов Производителя за указанный квартал, умноженная на понижающий коэффициент. Перечни дистрибьюторов, товаров, аптек, а также цены Товаров и понижающие коэффициенты для подобных расчётов необходимо зафиксировать в маркетинговом соглашении. Повышенными коэффициентами Производителю возможно заинтересовать аптечную сеть продвигать на рынке не только легко продаваемые позиции товара, но и закупать непопулярные позиции товаров.

Во – вторых, возможно ввести градацию коэффициентов в зависимости от объёма закупки (в упаковках), либо от стоимости объёма закупки (в рублях). Скажем, при достижении определённого уровня закупок товара «X» начинают действовать более выгодные для аптечной сети коэффициенты. Другим возможным способом применения данного метода Производителем, как заказчиком маркетинговых услуг, является включение в соглашение условий об обязательных закупках аптечной сетью у дистрибьюторов товаров ассортимента Производителя, которых аптечная сеть считает низко маржинальными. К примеру, оплата за продвижение товаров «X» и «Y» производится только при достижении объёмов закупки по обеим позициям. При достижении объёма закупки только по одной позиции и не достижении по другой, маркетинговые услуги признаются оказанными с ненадлежащим качеством и не оплачиваются (или оплачиваются минимально).

В предложенном варианте построения маркетинговых договоров имеется немаловажное достоинство: легко вычисляется эффективность затрат как на одну пачку товара, так и на маркетинговые затраты в целом по данному контрагенту. При этом эффективность в рамках настоящего исследования следует понимать как степень соответствия реального результата к ожидаемому, а показатель эффективности – как меру степени этого соответствия. Демонстрация эффективности затрат на маркетинговые услуги, выраженная в конкретных рублёвых величинах закупки товаров Производителя у дистрибьюторов, как показателе этой эффективности, снимает вопрос доказывания экономической целесообразности и обоснованности таких затрат.

Следующим достоинством предложенной схемы построения маркетинговых соглашений является возможность доказывания реальности факта оказания услуг через документы, предоставленные третьей, независимой стороной – через отчёты дистрибьюторов. Эти отчёты позволяют верифицировать отчёты аптечной сети и доказать обоснованность размера произведённых затрат, исходя из объёма и уровня качества оказанных маркетинговых услуг.

Отдельно стоит упомянуть услуги, указанные в п. 5 вышеприведённой таблицы, то есть услуги по предоставлению статистической информации. Данный вид услуг должен соответствовать обозначенными выше критериям: обоснованности и реальности. Однако наличие овеществлённого результата в виде отчёта исполнителя снимает вопрос реальности оказания услуг. Выполнение же другого критерия, упомянутого выше, а именно экономической обоснованности данных затрат, может осуществляться через соблюдение соответствия стоимости услуг по соглашению средней стоимости подобных услуг на рынке.

Исходя из сказанного выше, полагаю необходимым предложить для обсуждения и применения изложенные рекомендации по снижению налоговых

рисков производителей лекарственных средств при приобретении маркетинговых услуг у аптечных сетей.

Однако необходимо отметить, что главные характеристики налогового риска состоят в следующем: «отсутствие возможности благоприятного исхода события; высокий уровень субъективной оценки и возможность возникновения новых рисков, предусмотреть появление которых в момент принятия решения было невозможно или сложно; тесная связь с неопределённостью экономической и правовой информации» [12].

Сказанное позволяет сделать необходимую оговорку о том, что предложенные рекомендации не могут исключить полностью налоговые риски производителя лекарственных препаратов при приобретении маркетинговых услуг.

Литература

1. Ильин А.Ю. Критерии оценки обоснованности и необоснованности налоговой выгоды / Ильин А.Ю. // Правовой альманах. – 2020. – № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kriterii-otsenki-obosnovannosti-i-neobosnovannosti-nalogovoy-vygody (дата обращения: 21.03.2024).
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федер. закон от 05.авг. 2000 г. № 117-ФЗ: принят Государственной Думой 19 июл. 2000 г.: одобрен Советом Федерации 26 июл. 2000 г.: [ред. от 22.04.2024]// Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 32 – ст. 3340;
3. Новосвитная Б.В., Антонова Л.И., Пономарёв О.В. О совершенствовании практики по борьбе с фирмами-однодневками // Образование и право. 2021. № 11. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-sovershenstvovanii-praktiki-po-borbe-s-firmami-odnodnevkami (дата обращения: 21.03.2024).
4. Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды: Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12 окт. 2006 г. № 53. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 16.06.2024). – Режим доступа: КонсультантПлюс: [справ.-правовая система] платн. версия,
5. Об учете расходов, уменьшающих налогооблагаемую прибыль, в виде арендной платы: Письмо Управления Федеральной Налоговой Службы России по г. Москве от 19 окт. 2012 № 16–15/099933@ // «Московский налоговый курьер», – 2012 г. – № 23–24.
6. О защите конкуренции: Федер. закон от 26 июл. 2006 № 135-ФЗ: принят Государственной Думой 8 июля 2006 г.: одобрен Советом Федерации 14 июл. 2006 года: [ред. от 19.04.2024]// Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 (1 ч.), – ст. 3434.
7. Определение Конституционного Суда РФ от 01.10.2009 № 1270-О-О»Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Кислой Любови Анатольевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 221 и пунктом 3 статьи 237 Налогового кодекса Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 16.06.2024). – Режим доступа: КонсультантПлюс: [справ.-правовая система] платн. версия,
8. О расходах на доступ к информационной базе: Письмо Управления Федеральной Налоговой Службы России по г. Москве от 07 сент. 2012 № 16–15/084482@ //»Московский налоговый курьер», – 2012 г. – № 23–24.
9. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. – Петроград: Издание Юридического книжного склада «Право»,1917. URL: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/pokrovsky_ia_osnovnye_problemy_grazhdanskogo_prava (дата обращения: 18.06.2024).
10. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 12.08.2021 № С01–451/2019 по делу № СИП-635/2018. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 16.06.2024). – Режим доступа: КонсультантПлюс: [справ.-правовая система] платн. версия,
11. Решение Арбитражного суда Липецкой области от 21.08.2017 по делу № А36–4222/2017. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 16.06.2024). – Режим доступа: КонсультантПлюс: [справ.-правовая система] платн. версия,
12. Ромашкина И.В., Венедиктов М.В. налоговые риски как специфический вид финансовых рисков коммерческой организации // Экономика и бизнес: теория и практика. 2024. № 2–2 (108). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nalogovye-riski-kak-spetsificheskiy-vid-finansovyh-riskov-kommercheskoy-organizatsii (дата обращения: 21.03.2024).

THE TAX RISKS OF A DRUG MANUFACTURER WHEN PURCHASING MARKETING SERVICES

Lugovenko K.A., Grib V.G.
Moscow Financial and Industrial University "Synergy",

A drug manufacturer is forced to purchase marketing services for its product from pharmacy chains. The article provides a list of the most popular marketing services provided both in the premises of pharmacies and on the Internet, including on digital platforms.
However, the purchase of these services is associated with tax risks from the manufacturer of medicines in the context of calculating income tax and value added tax. The study presents the main difficulties encountered in proving the economic feasibility and reality of providing marketing services. A possible solution to overcome these risks is provided.

Keywords: income tax; non-operating expenses; marketing services; manufacturer of medicines; promotion of goods; criterion of economic feasibility; criterion of reality; commodity distribution chain; proof.

References

1. Ilyin A. Yu. Criteria for assessing the validity and unreasonableness of tax benefits / Ilyin A. Yu. // Legal Almanac. – 2020. – No.1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kriterii-otsenki-

obosnovannosti-i-neobosnovannosti-nalogovoy-vygody (date of application: 03/21/2024).
2. The Tax Code of the Russian Federation (part two): Feder. Law No. 117-FZ of 05.Aug. 2000: adopted by the State Duma on July 19, 2000: approved by the Federation Council on July 26, 2000: [ed. dated 04/22/2024]// Collection of legislation of the Russian Federation. – 2000. – № 32 – Article 3340;
3. Novosvitnaya B.V., Antonova L.I., Ponomarev O.V. On improving the practice of combating one-day firms // Education and Law. 2021. No.11. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-sovershenstvovanii-praktiki-po-borbe-s-firmami-odnodnevkami (date of appeal: 03/21/2024).
4. On the assessment by arbitration courts of the validity of the taxpayer's tax benefit: Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated October 12, 2006 No. 53. URL: http://www.consultant.ru (date of application: 06/16/2024). – Access mode: ConsultantPlus: [help.-the legal system] is paid. version,
5. On accounting for expenses that reduce taxable profit in the form of rent: Letter from the Office of the Federal Tax Service of Russia for Moscow dated October 19, 2012 № 16–15/099933@ // "Moscow Tax Courier", – 2012 – № 23–24.
6. On protection of competition: Feder. Law No. 135-FZ of July 26, 2006: adopted by the State Duma on July 8, 2006: approved by the Federation Council on July 14, 2006: [ed. dated 04/19/2024]// Collection of legislation of the Russian Federation. – 2006. – № 31 (1 h.), – Art. 3434.
7. The ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 01.10.2009 № 1270-O-O "On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Kislaya Lyubov Anatolyevna for violation of her constitutional rights by paragraph 1 of Article 221 and paragraph 3 of Article 237 of the Tax Code of the Russian Federation". URL: http://www.consultant.ru (date of application: 06/16/2024). – Access mode: ConsultantPlus: [help.-the legal system] is paid. version,
8. On the costs of access to the information base: Letter from the Office of the Federal Tax Service of Russia for Moscow dated September 07, 2012 № 16–15/084482@ //"Moscow Tax Courier", – 2012 – № 23–24.
9. Pokrovsky I.A. The main problems of civil law. – Petrograd: Publishing house of the Legal book warehouse "Pravo", 1917. URL: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/pokrovsky_ia_osnovnye_problemy_grazhdanskogo_prava (date of application: 06/18/2024).
10. Resolution of the Presidium of the Intellectual Property Rights Court dated 08/12/2021 № C01–451/2019 in the case № SIP-635/2018. URL: http://www.consultant.ru (date of application: 06/16/2024). – Access mode: ConsultantPlus: [help.-the legal system] is paid. version,
11. The decision of the Arbitration Court of the Lipetsk region dated 08/21/2017 in the case № A36–4222/2017. URL: http://www.consultant.ru (date of application: 06/16/2024). – Access mode: ConsultantPlus: [help.-the legal system] is paid. version,
12. Romashkina I.V., Venediktov M.V. tax risks as a specific type of financial risks of a commercial organization // Economics and Business: theory and practice. 2024. No.2–2 (108).URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nalogovye-riski-kak-spetsificheskiy-vid-finansovyh-riskov-kommercheskoy-organizatsii (date of application: 03/21/2024).

Субъектный критерий предметной компетенции арбитражных судов

Параскевова Светлана Андреевна,
доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный университет
E-mail: svet_andr@mail.ru

Мазуренко Максим Александрович,
кандидат юридических наук, доцент, Кубанский государственный университет
E-mail: mazurenko.maxim@bk.ru

Разграничение предметной компетенции судов общей юрисдикции и арбитражных судов в Российской Федерации связано с установлением критериев характера спора и субъектного состава его участков. Данный принцип получил нормативное закрепление с момента создания арбитражных судов и сохранился до настоящего времени. Вместе с тем за более чем тридцатилетний период существования отечественного экономического судопроизводства произошло несколько значимых процессуальных реформ, направленных на сближение двух судебных систем, однако подход к разграничению их полномочий на законодательном уровне не изменился. В современной доктрине, как и в научных трудах более раннего периода, высказывались мнения о том, что субъектный критерий компетенции арбитражных судов отошел на второй план, а решающим критерием при определении полномочий арбитражного суда на разрешение спора является связь спорного правоотношения с предпринимательской или иной экономической деятельностью. В настоящей статье авторы пытаются отойти от этих подходов и предлагают рассмотреть субъектный критерий как первичный критерий предметной компетенции арбитражных судов и вообще специализированных судов в целом. На основе исследования принципов формирования специализированного правосудия и исторических особенностей его развития авторы приходят к выводу о вторичности критерия характера спорного правоотношения по отношению к субъектному составу его участников. Результаты проведенных исследований могут стать основанием для более глубокого погружения в проблематику и научную дискуссию, а также иметь практическое значение с учетом перспектив сохранения или развития специализированного экономического правосудия в России.

Ключевые слова: арбитражный процесс, гражданский процесс, судопроизводство, предметная компетенция, подведомственность, подсудность, специализированный суд, субъектный критерий.

Введение

Современная система федеральных судов России состоит из двух подсистем: суды общей юрисдикции и арбитражные суды[1]. Разграничение их полномочий на рассмотрение споров и иных дел определяется по достаточному простому принципу – общие суды рассматривают все дела, за исключением дел, отнесенных федеральным законом к компетенции арбитражных судов. Такие положения содержатся в ч. 3 ст. 22 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) и ст. 19 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ). В свою очередь ст. 27 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ) определяет категории дел, рассматриваемых арбитражными судами. Существующий подход к определению предметной компетенции судов Российской Федерации в целом характерен для разграничения полномочий между общими судебными органами, не имеющими определенной специализации, и другими судами или иными органами, наделенными полномочиями на рассмотрение отдельных категорий дел (специализированные суды). Во второй половине XIX – начале XX века, когда в России наряду с общими судами правосудие осуществляли особые суды (коммерческие, волостные, духовные), их компетенция определялась аналогичным образом. Современник того периода Е.А. Нефедьев отмечал, что основное правило для определения подсудности общих судебных мест состоит в том, что окружным судам подсудны все иски, не подлежащие ведомству судов особенным и мировых. Вследствие этого пределы ведомства окружных судов определяются сами собой, если определить пределы ведомства судов особенных и мировых[2]. Аналогичной позиции придерживался М.И. Малинин, подтверждая, что общие суды ведают все споры о праве гражданском, кроме дел, которые по закону предоставлены ведомству особых судов; особые же суды ведают только те дела, которые предоставлены законом каждому из них[3]. С началом образования советского государства все специализированные суды были упразднены, однако вскоре были созданы арбитражные комиссии, а затем ведомственные

[1] О судебной системе Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 01.01.2023). Ст. 4. // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Нефедьев Е.А. Учебник русского гражданского судопроизводства. М.: тип. Имп. Моск. ун-та, 1909. С. 95.

[3] Малинин М.И. Труды по гражданскому процессу: Убеждение судьи в гражданском процессе. Судебное признание в гражданских делах. Комментарий к ст. 366 Устава гражданского судопроизводства. Теория гражданского процесса. Выпуски 1 и 2. М.: Статут, 2014. С. 468.

арбитражи и государственный арбитраж СССР. Эти государственные органы хотя формально судами не назывались, однако по роду своей деятельности фактически осуществляли правосудие по делам, отнесенным к их компетенции. Перечень дел, подведомственных общим (народным) судам и арбитражам определялся в соответствующих нормативных актах достаточно конкретно, поэтому говорить об определении предметной компетенции народных судов по принципу «от обратного» не совсем правильно. В то же время, в науке советского процессуального права существовали и иные подходы. Так Н.В. Крыленко отмечал, что основным и решающим моментом при разрешении вопроса, представляют ли собой арбитражные комиссии суд или не суд, является факт, что все споры имущественного характера между госорганами составляют исключительную компетенцию арбитражных комиссий и посему исключаются из ведения общих судов[1]. Следовательно, если из целого изымается часть, то в оставшемся целом остается все остальное, т.е. народные суды рассматривали дела, которые не рассматривали арбитражные комиссии. Если согласиться с данным рассуждением, то современный подход к определению компетенции общих судов становится применим и для советского периода.

Разграничение компетенции специальных и общих судов оставалось важной проблемой на всем периоде существования отечественного судопроизводства. Несмотря на значительное количество научных исследований и законодательного регулирования данного института ошибки в определении судебной компетенции остаются актуальными и в настоящее время. Более того, выявление нарушений установления подсудности спора в судах проверочных инстанций влечет отмену судебных актов нижестоящих судов именно по этим основаниям, несмотря на правильное рассмотрение спора по существу. Поэтому нарушение норм о компетенции не только нарушает фундаментальные конституционные принципы судебной защиты, но и противоречит целям эффективного правосудия. Определение решающего критерия судебной компетенции может стать значительным вкладам в решение указанной проблемы, чем и обуславливается актуальность настоящего исследования.

Основная часть

Современный АПК РФ выделяет два вида предметной компетенции арбитражных судов, имеющих значение для разграничения их полномочий с судами общей юрисдикции: общая и специальная. Общая компетенции основывается на двух критериях: характер спора (или иного дела) и субъектный составе его участников (ч. 1, 2 ст. 27 АПК). Специальная компетенция устанавливается федеральным законом в отношении определенных категорий дел и не зависит от критериев общей компетенции (ч. 6 ст. 27 АПК РФ). Специальная компетенция, как правило, не представляет сложностей в правоприменении, в том время как общая связана с необходимостью правильного определения юридических фактов, лежащих в основе ее критериев. Кроме того, в некотором роде приходится говорить и о конкуренции этих критериев.

По смыслу ч. 1 и 2 ст. 27 АПК РФ арбитражные суды рассматривают дела по экономическим спорам и другие дела, связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности. Участниками данных правоотношений могут быть организации, являющиеся юридическими лицами или граждане, имеющие статус индивидуального предпринимателя. Следовательно, для возникновения компетенции арбитражного суда на разрешение спора, он должен быть связан с осуществлением предпринимательской или иной экономической деятельности, а его участниками должны быть юридические лица и/или индивидуальные предприниматели.

Дело может быть принято к производству арбитражного суда и рассмотрено им по существу, только при наличии одновременно двух критериев общей компетенции, поэтому можно говорить о том, что оба эти критерия имеют одинаковое, равное значение. В настоящей статье авторы выдвигают предположение, что критерий субъектного состава спора имеет большее значение, для целей определения компетенции арбитражного суда, чем его характер.

Подход к определению судебной компетенции (подведомственности) на основании критериев характера спора и субъектного состава его участников в 60-х годах XX века был предложен Ю.К. Осиповым[2]. Почти через 10 лет он же в своей новой работе отметил характер спора, в качестве решающего критерия подведомственности юридических дел. В частности, Ю.К. Осипов писал, что именно различный характер общественных отношений предопределяет дифференцированный подход к их правовому регулированию, а последнее обусловливает многообразие юридических дел, вызывающее потребность в существовании различных форм их разрешения[3]. В современной доктрине также существует мнение о том, что критерий субъектного состава хотя и остался, но отошел постепенно на второй план, тем самым обеспечивая специализацию каждого из судов гражданской юрисдикции[4].

Соглашаясь с мнением классиков отечественной процессуальной науки о зависимости компетенции судебных органов от вида правоотношения, по поводу которого возник спор, все же отметим некоторые иные обстоятельства.

Под предметной компетенцией Ю.К. Осипов понимал указание круга объектов, относительно

[1] Крыленко Н. В. В последний раз об арбитражных комиссиях // Еженедельник советской юстиции. 1923. № 23. С. 530.

[2] Осипов Ю.К. Подведомственность и подсудность гражданских дел. М.: Госюриздат, 1962. С. 7–8.

[3] Осипов Ю.К. Подведомственность юридических дел // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2004. № 3. С. 822.

[4] Арбитражный процесс: учебник / отв. ред. В.В. Ярков. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2017.

которых определенный орган государства, общественная организация, должностное лицо могут осуществлять свои функции, т.е. круга объектов, подведомственных им[1]. Е.В. Васьковский писал, что применение юридических норм к частным случаям жизни производится целым рядом судебных, судебно-административных и административных учреждений и должностных лиц. При этом, во избежание столкновений между ними, каждому из них отведен определенный круг деятельности, в границах которого ему предоставлено право и вместе с тем вменено в обязанность совершать определенные действия. Этот круг деятельности называется компетенцией[2].

Предметная компетенция арбитражных судов основывается на рассмотрении споров и иных дел, связанных с предпринимательской и иной деятельностью. Обычной и ожидаемой такая деятельность является для субъектов экономических отношений и предпринимательской деятельности, которыми являются индивидуальные предприниматели (ст. 23 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)) и коммерческие организации (ст. 50 ГК РФ). Следовательно, компетенция арбитражного суда на рассмотрение спора будет иметь место в том случае, если он возник из правоотношений между субъектами предпринимательской деятельности, по поводу самой этой деятельности. Однако, если спорные экономические отношения возникнут с участием гражданина, не имеющего статуса индивидуального предпринимателя, то такое дело не может быть принято к производству арбитражного суда[3]. Более того, если спор связан с предпринимательской деятельностью гражданина, утратившего статус индивидуального предпринимателя до обращения суд, то он так же должен рассматриваться судом общей юрисдикции[4]. Поэтому арбитражный суд, специализирующийся на рассмотрении экономических споров, компетентен только тогда, когда сторонами спора являются субъекты, наделенные законом правом на занятие предпринимательской деятельностью. Возникновение же спора из предпринимательской деятельности является последствием наличия у лица соответствующего правового статуса, а утрата этого статуса в будущем нивелирует характер спора, в качестве критерия арбитражной компетенции. Вступление индивидуального предпринимателя в отношения, не связанные с экономической деятельности, не обусловлены наличием у него этого статуса, поэтому спор, возникший из этих правоотношений, подлежит рассмотрению в суде общей юрисдикции. Пока достаточно условно, но можно предложить следующее утверждение: арбитражный суд – это суд в большей мере для рассмотрения дел с участием субъектов экономической деятельности, чем для разрешения экономических споров. Конечно, мы не отрицаем необходимости наличия двух критериев предметной компетенции, однако определяем первичный из них.

В продолжение рассуждения обратимся к сравнению критериев компетенции арбитражных судов и еще одних, по своей сути, специализированных судов РФ – военных судов. Подсудность дел военным судам определяется исходя из субъектного состава (военнослужащий либо бывший военнослужащий и орган военного управления), а также характера правоотношений (отношения, возникающие в связи с прохождением военной службы; права нарушены в период прохождения военной службы)[5]. Как мы видим критерии предметной компетенции арбитражных и военных судов совпадают. При этом возникновение спорных правоотношений по поводу прохождение военной службы связанно с приобретением гражданином статуса военнослужащего, иначе они возникнуть и не могли бы.

Далее обратимся к истории формирования компетенции специализированных или особых судов. В ст. 40 Устава судопроизводства торгового в редакции 1903 года предусматривалось, что к ведомству коммерческих судов относятся все споры и иски по торговым оборотам, договорам и обязательствам словесным и письменным, торговле свойственным, как между частными лицами всех состояний взаимно, так и по искам государственных кредитных установлений к частным лицам[6]. С одной стороны, закон не устанавливал специальных требований к субъектам спора в торговом судопроизводстве, определяя лишь характер спорного правоотношения как критерий компетенции коммерческих судов. С другой стороны, Е.В. Васьковский писал, что торговыми сделками для обеих сторон являются лишь те, которые заключаются между посредниками, ибо только в этом случае оба контрагента преследуют посредническую цель. Таковы сделки между профессиональными купцами, приобретающими товары друг у друга не для личного потребления, а с целью перепродажи. Кроме того, к торговому обороту относятся посреднические сделки, совершаемые в виде промысла, каковыми являются сделки профессиональных торговцев, банкиров, маклеров и т.д. Случайное (разовое) посредничество не составляет торговой сделки и не подлежит ведению коммерческого суда[7].

К.И. Малышев отмечал, что купля-продажа может быть торговой сделкой для одного контра-

[1] Осипов Ю.К. Подведомственность юридических дел // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2004. № 3. С. 734.

[2] Васьковский Е.В. Курс гражданского процесса. Т. 1. Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М.: Изд-во бр. Башмаковых, 1913. С. 484.

[3] О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 6, Пленума ВАС РФ № 8 от 01.07.1996 (ред. от 25.12.2018). П. 13 // СПС «КонсультантПлюс».

[4] Там же.

[5] Определение Верховного Суда РФ от 13.04.2010 № 78-В10–8 // СПС «КонсультантПлюс»

[6] Устав Судопроизводства Торгового. Выпуск 1 (ст. 1–384) / сост. Добровольский А.А. СПб., 1909. 272 с.

[7] Васьковский Е.В. Курс гражданского процесса. Т. 1. Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М.: Изд-во бр. Башмаковых, 1913. С. 504–506.

гента и не торговой для другого. То же самое следует сказать и о поставке. Например, одно лицо обязуется поставлять другому бараньи кишки для струн; со стороны фабриканта струн эта сделка будет торговой, а со стороны поставщика, если он поставлял свой материал, а не имел в виду приобретать его для поставки из третьих рук, она будет неторговой. Но для того, чтобы дело подлежало ведомству коммерческого суда, нужно, чтобы сделка для обоих контрагентов была торговой[1].

Таким образом, предметная компетенция исторических предшественников арбитражных судов была связана с рассмотрением дел, возникающих их торговых сделок, при этом сделка считалась торговой, если она совершена лицами, во-первых, занимающимися торговлей на постоянной основе, во-вторых, с целью извлечение прибыли между ценой покупки и ценой продажи товара. Все эти признаки свидетельствуют о том, что контрагентами торговой сделки, а значит и участниками судебного процесса в коммерческом суде, могли выступать только купцы, т.е. лица, для которых предпринимательская деятельность является обычной и ожидаемой. Кроме того, возникновение в начале XIX века первого коммерческого суда в г. Одессе было связано с просьбой купеческого сословия об организации судебного органа для рассмотрения дел, свойственных купцам[2].

После упразднения в 1917 г. всех специализированных судов органы, специализирующиеся на рассмотрении хозяйственных (экономических споров), на законодательном уровне были воссозданы Декретом ВЦИК и СНК РСФСР 21.09.1922 «Положение о порядке разрешения имущественных споров между государственными учреждениями и предприятиями»[3]. В ст. 1 данного документа устанавливалось, что имущественные споры между государственными учреждениями и предприятиями разрешались арбитражными комиссиями, действующими на основании данного Положения в центре при Совете Труда и Обороны и на местах при Областных Экономических Совещаниях. А.Я. Максимович писал, что процесс обмена товаров и услуг не мог не привести к возникновению хозяйственных споров, которые требовали оперативного разрешения. В то же время ст. 15 Декрета ВЦИК от 07.03.1918 № 2 «О суде»[4] не допускала судебные разбирательства между казенными учреждениями. В этих условиях возникла потребность в специальных органах для разрешения споров между социалистическими хозяйственными организациями. Такими органами стали арбитражные комиссии – предшественники государственных и ведомственных арбитражей[5]. Позднее, говоря об органах государственного арбитржа СССР, П.С. Дружков отмечал, спор о праве, возникающий из гражданских правоотношений, подведомствен суду, когда хотя бы одной стороной в споре является гражданин либо колхоз, и арбитражу, когда обе стороны в нем – социалистические организации (кроме колхозов)[6].

Как мы видим формирование органов экономического правосудия в советской России было связано с необходимостью разрешения споров между определенными субъектами – социалистическими хозяйственными организациями. В зависимости от их участия или неучастия в споре разграничивалась компетенция общих судов и арбитражей.

Приведенные примеры организации специализированных судов в современных условиях, а так же на историческом этапе их развития свидетельствуют о том, что субъектный состав участников спора (или иного дела) имел первостепенное значение для определения предметной компетенции. Безусловно характер спора также являлся значимым, а в настоящий время неотъемлемым критерием предметной компетенции, однако в данной статье мы хотим обратить внимание на его вторичный характер. На наш взгляд, создание специализированных судебных органов связано именно с необходимостью разрешения споров между специальными субъектами: купцами, хозяйственными организациями, юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями. Характер спорных правоотношений, возникающих между этими субъектами напрямую связан с реализацией ими действий, обусловленных их специальным статусом. Данные рассуждения могут выступить отправной точкой к более глубокому погружению в проблематику и научную дискуссию, с тем чтобы с иной стороны посмотреть на перспективы сохранения или создания новых специализированных судебных органов современной России.

Литература

1. Арбитражный процесс: Учебник / А.В. Абсалямов, Д.Б. Абушенко, К.Л. Брановицкий и др.; отв. ред. В.В. Ярков. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2017.
2. Васьковский Е.В. Курс гражданского процесса. Т. 1. Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М.: Изд-во бр. Башмаковых, 1913.
3. Дружков П.С. Судебная подведомственность споров о праве и иных правовых вопросов, рассматриваемых в порядке гражданского судопроизводства: Автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Свердловск, 1966.

[1] Малышев К.И. Курс гражданского судопроизводства. Т. 1. СПб: тип. М. Стасюлевича, 1874. С. 157.

[2] Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. В 4 т. Т. 4. Торговый процесс. Конкурсный процесс. М. : Из-во бр. Башмаковых, 1912. С. 11.

[3] Положение о порядке разрешения имущественных споров между государственными учреждениями и предприятиями: Декрет ВЦИК и СНК РСФСР 21.09.1922 // СПС «КонсультантПлюс».

[4] О суде: Декрет ВЦИК от 07.03.1918 № 2 // СПС «КонсультантПлюс».

[5] Максимович А.Я. Арбитраж в системе министерства, ведомства. М.: Норма, 1987. С. 8.

[6] Дружков П.С. Судебная подведомственность споров о праве и иных правовых вопросов, рассматриваемых в порядке гражданского судопроизводства: Автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Свердловск, 1966. С. 8–10.

4. Крыленко Н. В. В последний раз об арбитражных комиссиях // Еженедельник советской юстиции. 1923. № 23.
5. Максимович А.Я. Арбитраж в системе министерства, ведомства. М.: Норма, 1987.
6. Малинин М.И. Труды по гражданскому процессу: Убеждение судьи в гражданском процессе. Судебное признание в гражданских делах. Комментарий к ст. 366 Устава гражданского судопроизводства. Теория гражданского процесса. Выпуски 1 и 2. М.: Статут, 2014.
7. Малышев К.И. Курс гражданского судопроизводства. Т. 1. СПб: тип. М. Стасюлевича, 1874.
8. Нефедьев Е.А. Учебник русского гражданского судопроизводства. М.: тип. Имп. Моск. ун-та, 1909.
9. Осипов Ю.К. Подведомственность и подсудность гражданских дел. М.: Госюриздат, 1962.
10. Осипов Ю.К. Подведомственность юридических дел // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2004. № 3.
11. Устав Судопроизводства Торгового. Выпуск 1 (ст. 1–384) / сост. Добровольский А.А. СПб., 1909.
12. Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. В 4 т. Т. 4. Торговый процесс. Конкурсный процесс. М.: Из-во бр. Башмаковых, 1912.

THE SUBJECT CRITERION OF THE SUBJECT COMPETENCE OF ARBITRATION COURTS

Paraskevova S.A., Mazurenko M.A.
Kuban State University

The differentiation of the subject competence of courts of general jurisdiction and arbitration courts in the Russian Federation is associated with the establishment of criteria for the nature of the dispute and the subject composition of its sections. This principle has been normalized since the creation of arbitration courts and has been preserved to the present day. At the same time, over the more than thirty-year period of the existence of domestic economic judicial proceedings, several significant procedural reforms have taken place aimed at bringing the two judicial systems closer together, but the approach to the delimitation of their powers at the legislative level has not changed. In modern doctrine, as well as in scientific works of an earlier period, opinions were expressed that the subjective criterion of the competence of arbitration courts has receded into the background, and the decisive criterion in determining the powers of an arbitration court to resolve a dispute is the connection of a disputed legal relationship with entrepreneurial or other economic activity. In this article, the authors try to move away from these approaches and propose to consider the subject criterion as the primary criterion of the subject competence of arbitration courts and specialized courts in general. Based on the study of the principles of the formation of specialized justice and the historical features of its development, the authors conclude that the criterion of the nature of the disputed legal relationship is secondary in relation to the subject composition of its participants. The results of the conducted research can become the basis for a deeper dive into the problems and scientific discussion, as well as have practical significance, considering the prospects for the preservation or development of specialized economic justice in Russia.

Keywords: arbitration process, civil procedure, judicial proceedings, subject competence, jurisdiction, jurisdiction, specialized court, subject criterion.

References

1. Arbitration process: Textbook / A.V. Absalyamov, D.B. Abushenko, K.L. Branovitsky, etc.; ed. by V.V. Yarkov. 7th ed., reprint. and additional. Moscow: Statute, 2017.
2. Vaskovsky E.V. Course of civil procedure. Vol. 1. Subjects and objects of the process, procedural relations and actions. Moscow: Publishing house of br. Bashmakov, 1913.
3. Druzhkov P.S. Judicial jurisdiction of disputes on law and other legal issues considered in the civil procedure legal proceedings: Abstract. diss. … cand. Jurid. sciences'. Sverdlovsk, 1966.
4. Krylenko N.V. For the last time about arbitration commissions // Weekly of Soviet Justice. 1923. № . 23.
5. Maksimovich A. Ya. Arbitration in the system of the ministry, department. Moscow: Publishing house Norma, 1987.
6. Malinin M.I. Works on civil procedure: The conviction of a judge in civil proceedings. Judicial recognition in civil cases. Commentary to Article 366 of the Statute of Civil Proceedings. Theory of civil procedure. Issues 1 and 2. Moscow: Statute, 2014.
7. Malyshev K.I. Course of civil procedure. Vol. 1. St. Petersburg: type. Moscow: Stasyulevich, 1874.
8. Nefediev E.A. Textbook of Russian civil procedure. Moscow: type. Imp. Moscow. University, 1909.
9. Osipov Yu.K. Jurisdiction and jurisdiction of civil cases. Moscow: Gosyurizdat, 1962.
10. Osipov Yu.K. Jurisdiction of legal cases // The Russian Yearbook of Civil and Arbitration Proceedings. 2004. No. 3.
11. The Statute Of the Commercial Court Proceedings. Issue 1 (articles 1–384) / comp. Dobrovolsky A.A. St. Petersburg, 1909.
12. Shershenevich G.F. Course of commercial law. In 4 t.t. 4. The trading process. The competitive process. Moscow: From the Bashmakov Brothers, 1912.

Защита исключительного права на невизуальные товарные знаки

Максимова Алина Денисовна,
бакалавр Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: alina.maximova2002@mail.ru

Цель работы заключается в проведении сравнительно-правового анализа современных подходов о возможности регистрации и охраны «нетрадиционных» средств индивидуализации, закрепленных в законодательстве об интеллектуальной собственности России. Отсутствие законодательного регулирования отдельных видов товарных знаков приводит к неоднозначному их восприятию как регистрирующими органами, так и самими участниками правоотношений. Многие хозяйствующие субъекты вовсе не осведомлены о возможности регистрации товарных знаков, по мимо, изобразительных и словесных. В рамках настоящей работы рассматриваются особенности невизуальных товарных знаков, возможность их регистрации в России. Автором отмечается ряд сложностей, возникающих в процессе подачи заявки на регистрацию невизуального товарного знака, а также устарелость существующих правил. Автором рассматривается практика зарубежных стран, особенности процесса регистрации и подачи заявок на регистрацию средств индивидуализации. Анализируется применение теории функциональности при определении возможности регистрации определенного товарного знака. Автор приходит к выводу о том, что регистрация «нетрадиционных» товарных знаков является одной из перспективных задач, которые на данном этапе могут ставить перед собой компании. В заключении определяется круг проблем, существующих в российском праве в настоящее время и возможные пути их решения.

Ключевые слова: средства индивидуализации, товарные знаки, знак обслуживания, «нетрадиционные» товарные знаки, невизуальные товарные знаки.

Введение: Развитие бизнеса и соответственно конкуренции побуждает компании вкладываться в создание уникального бренда, продукции, чтобы привлечь как можно больше внимания потребителей. Регистрации средств индивидуализации – это наиболее распространенный легальный механизм защитить свой бред. Развитие конкуренции побуждает компании находить новые способы защиты бренда. Так, регистрация изобразительных или словесных товарных знаков стала обыденностью для большинства компаний, что нельзя сказать о других видах товарных знаков. В рамках данной работы будет рассмотрен вопрос о регистрации «нетрадиционных» товарных знаков, в частности будет сделан акцент на невизуальных товарных знаков.

Российский законодатель в ст. 1477 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) определяет товарный знак как обозначение, которое индивидуализирует продукцию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей [8]. То есть товарный знак предназначен для идентификации товаров и услуг от конкретного производителя. На сегодняшний день данное средство индивидуализации наиболее распространено. Кроме того, формы обозначений, на сегодняшний день, очень многообразны, в связи с чем возникают различные классификации, одной из которых является деление знаков на «традиционные» и «нетрадиционные».

Статья 1482 ГК РФ, посвященная видам товарных знаков, не детализирует каждый вид отдельно, а лишь упоминает, что они могут быть словесными, изобразительными, объемными и др. Таким образом, законодатель не определяет цветовые, звуковые, голографические, вкусовые, обонятельные, световые, динамические и другие возможные виды товарных знаков. Согласно положениям Соглашения ТРИПС [5] и Сингапурского соглашения [4], существует классификация товарных знаков, основанная на восприятии их органами чувств человека, разделяющая их на визуальные и невизуальные. Часть визуальных и все невизуальные товарные знаки в доктрине определяются как «нетрадиционные».

Постоянный комитет по законодательству в области товарных знаков, промышленных образцов и географических указаний ВОИС (далее – ПКТЗ ВОИС) еще в 2006 г. издал документ, в котором определен перечень видов товарных знаков [2], в котором представил их классификацию. Так, к невизуальным товарным знакам, ПКТЗ ВОИС отнес следующие: звуковые знаки, вкусовые знаки, обонятельные знаки, тактильные знаки.

Исследование данного акта позволяет прийти к выводу о том, регистрация «нетрадиционных» обозначений в качестве товарных знаков вызывает ряд вопросов, требующих дальнейшего углубленного изучения и решения. Так, например, Комиссия сосредоточила внимание на правильном способе введения новых типов товарных знаков для целей регистрации. Стоит отметить, что в каждой стране существует своя система.

Правило 3 Инструкции к Сингапурскому договору содержит требования к подаче заявки на товарный знак. Оно предусматривает, что заявитель должен избрать необходимую форму для каждого из «нетрадиционных» знаков, чтобы максимально точно передать все их ключевые элементы. Хотя возможная форма может варьироваться в зависимости от типа знака, инструкция также предусматривает возможность приложения словесного описания. Однако следует отметить, что регистрация таких знаков затруднительна из-за ограниченных способов подачи заявок. Это приводит к трудностям для заявителей, желающих зарегистрировать звуковые, голографические и вариативные товарные знаки.

Отмена требования о графическом изображении знака при регистрации товарного знака в национальном законодательстве государств, а позднее и на международном уровне видится одним из эффективных путей решения проблемы. Принимая во внимание развитие технологий в последние десятилетия, можно сделать вывод, что в компетенцию государств входит разрешение национальным органам власти принимать заявки на регистрацию «нетрадиционных» обозначений не только в графическом виде, но, например, и в цифровом виде. Очевидно, что экспертиза звуковых товарных знаков станет более объективной и эффективной, если она будет включать прослушивания регистрируемой мелодии или звука, а не прочтения словесного описания [1].

Европейский Союз уже изменил правила, введя с начала 2019 года новые правила по регулированию защиты товарных знаков. Согласно этим правилам, заявка теперь не обязательно должна включать графический элемент и может быть представлена в любой форме, соответствующей современному уровню технологий [6].

США и Великобритания, как представители стран общего права, одними из первых продвинулись в вопросе охраны «нетрадиционных» товарных знаков. Так, в США впервые был зарегистрирован невизуальный товарный знак – запах лаванды и ванили для предметов канцелярии. В Великобритании вскоре был зарегистрирован цветочный запах для автомобильных покрышек.

Рассматривая тему «нетрадиционных» товарных знаков, нельзя не обратиться к американской правовой системе. Особенно интересно в данном контексте рассмотреть доктрину «функциональности», которая появилась в США и активно используется в государстве.

Данная концепция была создана с целью охраны конкуренции. При регистрации «нетрадиционного» товарного знака важно разграничивать – уникальность и неповторимость объекта и неотъемлемые потребительские товара. Так, последние свойства не могут быть монополизированы.

Необходимо прояснить, что потребительские свойства товара – это те, признаки, которые проявляются при использовании определенного предмета и непосредственно направлены на удовлетворения потребностей, из-за которых возникла необходимость использовать данный товар. Например, запах освежителя воздуха нельзя зарегистрировать как запаховый товарный знак, поскольку он носит функциональный характер. Потребитель использует продукт для того, чтобы устранить неприятный аромат, то есть потребительское свойство освежителя воздуха – это приятный запах.

Теория функциональности гласит, что товарный знак не может подлежать регистрации и последующей охране, если он имеет только утилитарный или эстетический характер [10]. Таким образом, утилитарная функциональность товарного знака ограничивает возможность его регистрации, поскольку необходимо обеспечить конкуренцию на рынке и предотвратить монополизацию функциональных характеристик товара. В случае наличия различительной способности, когда потребители ассоциируют знак с конкретным производителем или услугой, регистрация может быть разрешена. Однако важно учитывать, что использование утилитарных элементов в дизайне товарного знака может повлечь за собой отказ в его защите, если он лишь повторяет основные характеристики товара.

Товарный знак является только эстетически функциональным, если его роль заключается только в придании предмету более привлекательного вида, но сам он не идентифицирует источник происхождения товара. Однако цель средств индивидуализации заключается именно в этом.

Однако использование учения о функциональности может быть связано с определенными рисками. С одной стороны, это учение защищает товарные знаки от монополизации и способствует свободной экономической конкуренции, но с другой стороны, оно может повлиять на защищенность прав субъектов хозяйствования, так как различные характеристики товара могут вызывать ассоциации с конкретным производителем у потребителей, но законодатель лишает возможности субъектов использовать возможность зарегистрировать их в качестве средства индивидуализации.

Важно обратиться к системе подачи заявки на регистрацию нетрадиционного товарного знака. Ранее уже был рассмотрен опыт Европейского союза, который со временем отменил императивную норму, обязывающую заявителя предоставить графический рисунок товарного знака. В США подобные правила в целом не действовали. Законодательство не предусматривает обязательное графическое представление знака. Данное представляется достаточно логичным, поскольку, как было

ранее отмечено, подобные правила не позволяют в должной степени охранять и беспроблемно регистрировать невизуальные товарные знаки.

В соответствии с руководящими принципами Ведомства по патентам и товарным знакам США (United States Patent and Trademark Office, далее – «USPTO») заявитель на нетрадиционную заявку на товарный знак должен представить четкий чертеж с оригинальной заявкой, чтобы получить дату подачи заявки на регистрацию товарного знака. Рисунок используется для воспроизведения знака в Официальном вестнике товарных знаков и в свидетельстве о регистрации.

Однако, процедура регистрации невизуальных знаков также была учтена USPTO, установив специальную классификацию, которая используется для звуков, ароматов и других невизуальных знаков. Существование этого чертежного классификатора показывает, что в соответствии с законодательством США формальные требования допускают защиту нетрадиционных знаков, в том числе невизуальных.

Если подвести итог к наиболее важным требованиям, позволяющим зарегистрировать нетрадиционные товарные знаки в США, то можно отметить следующее. Необходимо, чтобы товарный знак соответствовал теории функциональности, то есть не был связан с непосредственными признаками товара или услуги, это не отражалось на процессе производства. Например, наличие у товара определенного запаха не должно влиять ни на цену, ни на качество товара. Чтобы понять, о чем идет речь, можно обратиться к практической ситуации, где компания Pohl-Boskamp GmbH & Co. KG имела намерение зарегистрировать мятный аромат, который присущ производимому компанией спрею от боли в горле. Проводя экспертизу регистрирующий орган установил. Что экстракт мяты в составе спрея оказывает лечебные свойства и благоприятно влияет на итоговый эффект после применения спрея.

Товарный знак должен обладать различительной способностью. То есть конечный потребитель должен определять производителя товара, видя товарный знак. Если говорить о невизуальных товарных знаков, то использование кем-либо схожих ароматов не свидетельствует о факте невозможности зарегистрировать товарный знак. Необходимо, чтобы знак был отличим в конкретной сфере деятельности.

Четвертая часть ГК РФ не включает в себя нормы, позволяющие установить порядок использования и распоряжения правами на «нетрадиционные» товарные знаки, в связи с чем имеется необходимость обращаться к положениям о товарных знаках, чтобы определить данное.

Ст. 1484 ГК РФ регламентирует, что правообладатель может использовать свой товарный знак любым законным способом. П. 2 данной статьи в свою очередь устанавливает следующую возможность использования: размещения товарного знака на этикетках, документах, касающихся товаров или услуг, которые вводятся в гражданский оборот под конкретным знаком. Также товарный знак можно использовать при рекламной деятельности и на просторах сети Интернет.

Если рассмотреть возможные действия с товарными знаками, изложенные в ст. 1484 ГК РФ, то можно увидеть, что законодатель написал данные положения исключительно для словесных и изобразительных знаков, поскольку большинство действий невозможно осуществить с некоторыми «нетрадиционными» товарными знаками. Например, рассмотрим вкусовые или запаховые знаки. Их невозможно продемонстрировать напрямую через экран компьютера или телевизора, разместить на этикетке [7, с. 22]. Ввиду чего, думается, что вопрос использования «нетрадиционных» товарных знаков несправедливо отведен на второй план.

Как ранее было указано, что «нетрадиционные» товарные знаки могут одновременно являться секретом производства. Наиболее распространенные примеры – это обонятельные товарные знаки. Например, существует зарегистрированный обонятельный товарный знак запах жареного миндаля в отношении ювелирных изделий. Предполагается, что достичь ароматизированности ювелирных изделий, которые сами по себе не обладают каким-либо запахом, – это нетривиальная задача, которая, очевидно, охраняется как секрет производства в компании.

В связи с этим, при отчуждении исключительного права на подобный товарный знак, очевидно, предполагает и отчуждение секрета производства, поскольку в противном случае приобретатель исключительных прав не сможет использовать товарный знак должным образом. То есть отчуждение одного объекта невозможно при отчуждении второго. Если речь идет о предоставлении права пользования, то стороны должны заключать договор коммерческой концессии, поскольку два объекта будут составлять самостоятельный концессионный комплекс.

Защита исключительных прав на все товарные знаки, включая «нетрадиционные» начинается с момента их государственной регистрации. Субъект, зарегистрировавший товарный знак получает свидетельство о регистрации. Лицо не может иметь преимущество в защите, если оно придумало товарный знак раньше, но не зарегистрировал его.

Что касается непосредственной защиты исключительных прав на «нетрадиционные» товарные знаки, то тут можно сказать, что законодатель не выделил какие-либо особенности в нормативных актах. Ввиду чего при защите прав должны применяться общие положения о защите исключительных прав средств индивидуализации. Так, данному вопросу посвящены статьи – 1252, 1253, 1515 ГК РФ.

Думается, что наиболее неоднозначны в регулировании невизуальные товарные знаки. Например, любой запах или вкус чаще всего включают

в себя различные компоненты, которые совместно создают единство. Однако при тестировании вкуса или запаха человеку может быть сложно определить, что именно является доминантой. Поэтому чаще всего суды обращаются к словесному описанию знака, которые включают в себя определенные химические формулы, описание составов.

Наука и развитие технологий позволяет применять различные инновационные средства для сравнения запахов и вкусов. Однако в рамках судебного процесса подобные процедуры могут быть затратными для сторон. Зачастую в судебных решениях могут фигурировать хроматографические описания обонятельных обозначений. Данные описания включают в себя компоненты, которые создают определенный запах.

При этом судьи в подобных судебных процессах некомпетентны в данных описаниях и формулах. Поэтому в похожих спорах всегда привлекается профессиональное лицо – эксперт, который анализирует документы и делает заключение по схожести элементов [11]. О привлечении эксперта также говорит и Верховный Суд РФ в Постановлении № 10 в п. 75 [3].

Предполагается, что обонятельные и вкусовые характеристики различимы с самого начала, если они не присущи продукту, не являются функциональными и не вводят потребителей в заблуждение относительно предоставляемых товаров или услуг. Ароматы также должны служить средством индивидуализации.

Думается, что запаховые знаки могут быть нанесены на упаковку продукта, но в этом случае сложно сохранить аромат в течение долгого периода времени, пока покупатель не купит продукт. Более того, запах упаковки должен быть достаточно стойким и сильным, чтобы привлекать потребителей. При этом у тех же потребителей не должно складываться впечатление, что товар является оригинальным ароматизатором для комнат. Следует отметить, что даже если потребители воспринимают запах упаковки как средство индивидуализации, возникают сложности в том, что этот запах может самостоятельно идентифицировать товар, то есть без привязки к вербальным и визуальным элементам на упаковке.

Возможность персонализировать продукты перед покупкой на основе маркировки вкуса кажется еще менее вероятной, поскольку на упаковку можно добавить аромат, но не вкус. В качестве потенциального решения этого вопроса предлагается использование цифровых пробников. Например, продавцы, которые оцифровывают вкус продуктов, способны заблаговременно передать предполагаемым потребителям цифровой файл вкуса, что позволит им оценить продукты перед принятием решения о покупке [9]. Стоит отметить, что запахи тоже можно оцифровывать, например, в Японии разработан специальный прибор «Scentee», который дает возможность после подключения к нему чувствовать разные запахи. Данные технология дают возможность невизуальным знакам индивидуализировать товар до момента их приобретения.

Заключение: российское законодательство сохраняет требование графического отображения обонятельных и вкусовых знаков во избежание субъективизма в процессе идентификации и восприятия без использования каких-либо образцов. Однако, графическая заявка может неточно отражать признаки конкретного знака ввиду ряда особенностей. Кроме того, представляется невозможным, идеально точно воссоздать в графическом или цифровом варианте вкус или запах чего-либо. С учетом пересмотренных требований Европейского Союза, предъявляемых к заявкам на регистрацию товарных знаков, предлагается отменить обязательное предоставление графической иллюстрации обозначения. Тенденция отказа от графических изображений свидетельствует о том, что правовое регулирование становится более лояльным к регистрации «нетрадиционных» товарных знаков.

Предполагается, что обонятельные и вкусовые характеристики различимы с самого начала, если они не присущи продукту, не являются функциональными и не вводят потребителей в заблуждение относительно предоставляемых товаров или услуг. Ароматы также должны служить средством индивидуализации.

В свете развития гражданского оборота создание благоприятных условий для использования необычных обозначений в качестве товарных знаков в Российской Федерации представляется целесообразным. Необходимо разработать всесторонний регламент требований к таким «нетрадиционным» товарным знакам, включая такие аспекты, как запах, вкус и другие, а также создать базу данных для учета таких образцов и специальные программы для их использования.

Представляется, что в скором времени «нетрадиционные» товарные знаки будут гораздо более перспективными для регистрации компаниями, поскольку многие обзаведутся классическими средствами и захотят нарастить свой экономический потенциал.

Действующее законодательство практически не содержит никаких положений о «нетрадиционных» товарных знаках и не позволяет установить критерии их регистрации. Также существует проблема, что многие суды и сами субъекты путают объект охраны, пытаясь зарегистрировать в качестве товарного знака то, что не может подлежать охране. Неясность во многих вопросах безусловно требует модернизации законодательства. Ключевые изменения должны коснуться следующих аспектов: характеристика «нетрадиционных» товарных знаков, выделение их видов, регламентация особенностей процесса регистрации, защиты, отчуждения.

Литература

1. Директива Европейского парламента и Совета Европейского союза 2015/2436 (ЕС)

от 16.12.2015; Регламент Европейского парламента и Совета Европейского союза 2017/1001 (ЕС) от 14.06.2017 о товарном знаке Европейского союза.
2. Новые типы знаков: информационный документ Постоянного комитета по законодательству в области товарных знаков, промышленных образцов и географических указаний ВОИС (подготовлен секретариатом), 13–17.11.2006.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации». // СПС «Консультант Плюс».
4. Сингапурский Договор о законах по товарным знакам (Сингапур, 27.03.2006) // СПС «Консультант Плюс».
5. Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС/TRIPS) [рус., англ.] (Заключено в г. Марракеше 15.04.1994) (с изм. от 06.12.2005) // Собрание законодательства РФ. 10.09.2012. № 37 (приложение, ч. VI). С. 2818–2849.
6. Сультимова Е.Б. Нетрадиционные товарные знаки: классификация и особенности международно-правовой охраны // «Актуальные проблемы российского права», 2022, № 9.
7. Терещенко, О.И. Проблема регистрации позиционных товарных знаков в России // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2018. № 11.
8. Часть четвертая Гражданского кодекса Российской Федерации от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Российская газета. 22.12.2006. № 289.
9. John T. Cross. Trademark issues relating to digitalized flavor. 19 Yale J.L. & Tech. 366 p.
10. Rettew D.A., Jarquin M. «Useful» to Know: Recent Developments on Utilitarian and Aesthetic Functionality, 2021.
11. Sherrell Perfumers, Inc v. Revlon, Inc., 483 F. Supp. 188 – Dist. Court, SD New York 1980.

PROTECTION OF THE EXCLUSIVE RIGHT TO NON-VISUAL TRADEMARKS

Maksimova A.D.
Financial University under the Government of the Russian Federation

The purpose of this work is to conduct a comparative legal analysis of modern approaches to the possibility of registration and protection of "non-traditional" means of individualization, enshrined in the legislation on intellectual property of Russia. The lack of legislative regulation of certain types of trademarks leads to an ambiguous perception of them both by registration authorities and by the participants in legal relations themselves. Many business entities are not at all aware of the possibility of registering trademarks, including visual and verbal ones. Within the framework of this work, the features of non-visual trademarks and the possibility of their registration in Russia are considered. The author notes a number of difficulties that arise in the process of filing an application for registration of a non-visual trademark, as well as the obsolescence of existing rules. The author examines the practice of foreign countries, the specifics of the registration process and the submission of applications for registration of means of individualization. The application of the theory of functionality in determining the possibility of registering a certain trademark is analyzed. The author comes to the conclusion that the registration of "non-traditional" trademarks is one of the promising tasks that companies can set themselves at this stage. The conclusion defines the range of problems that currently exist in Russian law and possible ways to solve them.

Keywords: means of individualization, trademarks, service mark, "non-traditional" trademarks, non-visual trademarks.

References

1. Directive of the European Parliament and of the Council of the European Union 2015/2436 (EC) of 12/16/2015; Regulation of the European Parliament and of the Council of the European Union 2017/1001 (EC) of 06/14/2017 on the trademark of the European Union.
2. New types of marks: Information document of the Standing Committee on Legislation in the Field of Trademarks, Industrial Designs and Geographical Indications of WIPO (prepared by the secretariat), 13–17.11.2006.
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 04/23/2019 No. 10 "On the application of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation". // ATP Consultant Plus.
4. Singapore Treaty on Trademark Laws (Singapore, 03/27/2006) // ATP Consultant Plus.
5. Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights (TRIPS) [Russian, English] (Concluded in Marrakech on 04/15/1994) (with amendments. dated 06.12.2005) // Collection of legislation of the Russian Federation. 09/10/2012. No. 37 (appendix, part VI). pp. 2818–2849.
6. Sultimova E.B. Non-traditional trademarks: classification and features of international legal protection // "Actual problems of Russian law", 2022, No.9.
7. Tereshchenko, O.I. The problem of registration of positional trademarks in Russia // Intellectual property. Industrial property. 2018. № 11.
8. Part Four of the Civil Code of the Russian Federation No. 230-FZ dated 12/18/2006 // Rossiyskaya gazeta. 22.12.2006. № 289.
9. John T. Cross. Trademark issues relating to digitalized flavor. 19 Yale J.L. & Tech. 366 p.
10. Rettew D.A., Jarquin M. «Useful» to Know: Recent Developments on Utilitarian and Aesthetic Functionality, 2021.
11. Sherrell Perfumers, Inc v. Revlon, Inc., 483 F. Supp. 188 – Dist. Court, SD New York 1980.

Механизм поддержки добросовестной конкуренции: российский опыт

Малфыгин Алексей Андреевич,
аспирант кафедры «Гражданско-правовых дисциплин»,
АО ЧУ ВО «Московский финансово-юридический университет МФЮА»
E-mail: alexmalf@mail.ru

В статье излагаются результаты исследования правовых и прикладных аспектов поддержки добросовестной конкуренции, как одного из приоритетных направлений внутренней политики государства в России. Развитие рынка предполагает допустимость определенного вмешательства со стороны государства, но не прямого контроля, недопустимого в условиях рыночной экономики. В России государство ориентировано не только на оздоровление экономики в целом, но и на развитие предпринимательства, стабилизации его функционирования. В свете признания того, что конкуренция является необходимым элементом рынка, создан механизм, основанный на противодействии недобросовестной конкуренции и поддержке добросовестной. Невзирая на то, что комплексный механизм поддержки добросовестной конкуренции в России создан, его функционирование подвергается критике в силу несовершенства. При этом акцент выставляется как на правовое регулирование, так и на деятельность государственных органов, выполняющих функцию поддержки конкуренции и противодействия недобросовестной конкуренции. Анализ данной сферы в современных условиях необходим, в том числе вследствие того, что экономика государства подвергается активному санкционному давлению. От того, насколько будет выполнена государственная функция обеспечения стабильности функционирования рынка во многом зависит, и социально-экономическая стабильность в целом. Исследование позволяет выявить возможности совершенствования механизма поддержки добросовестной конкуренции с учетом российской специфики. По результатам исследования сделаны выводы относительно особенностей создания и функционирования российского механизма поддержки добросовестной конкуренции и определены возможные направления дальнейшего развития правового регулирования данной сферы, а также совершенствования механизма в целом.

Ключевые слова: конкуренция, добросовестная конкуренция, меры поддержки, функции государства, защита конкуренции, монополия, экономическая безопасность.

Добросовестная конкуренция необходима в условиях рыночной экономики, потому что она может рассматриваться в качестве фактора, обуславливающего ее развитие. Признание важности добросовестной конкуренции, необходимости ее поддержки со стороны государства, создания условий, при которых недобросовестная конкуренция пресекается, обуславливают разработку и функционирование механизма поддержки.

По своему характеру механизм поддержки добросовестной конкуренции является комплексным, включающим в себя как нормы права, так и систему государственных органов, обеспечивающих реализацию норм права, а также совокупность иных мер, направленных на создание благоприятных для добросовестной конкуренции условий. В силу того, что в России рыночная экономика стала развиваться относительно недавно, поскольку в советский период существовала только плановая экономика, развитие конкуренции в нашей стране имеет свои особенности. Как следствие, присутствует и специфика как самой конкуренции, так и механизма обеспечения добросовестности конкуренции. Исследование данного механизма с учетом присутствующих особенностей необходимо для определения возможности его совершенствования.

Цель исследования заключается в проведении комплексного анализа российского опыта реализации механизма поддержки добросовестной конкуренции. Исходя из поставленной цели определены следующие задачи:

- проанализировать понятие добросовестной конкуренции с позиции теоретических воззрений и нормативного определения;
- исследовать существующий механизм поддержки добросовестной конкуренции в России;
- определить возможные направления совершенствования механизма поддержки добросовестной конкуренции.

Исследованию конкуренции в целом, а также механизма обеспечения добросовестной конкуренции посвящено достаточно большое количество исследований как на уровне диссертационных, так и научных статей. Подавляющая часть работ правоведов затрагивает вопросы понятия конкуренции, а также поддержки предпринимательства, как способа повышения его конкурентоспособности. Присутствуют и работы, в рамках которых защита конкуренции рассматривается с позиции административного, конституционного и уголовного права.

В числе авторов диссертаций можно выделить А.Д. Байдарова, исследующего административно-

правовые основы поддержки конкуренции, А.С. Сухорукова, рассматривающего регулирование конкуренции с точки зрения конституционных норм, А.И. Багандова, который делает акцент на деятельности государственных органов, обеспечивающих функционирование механизма защиты конкуренции.

Следует отметить также авторов, внесших вклад в развитие доктрины права, как основы для последующего совершенствования законодательства, регламентирующего добросовестную конкуренцию, в частности, А.Н. Варламову. Обращает на себя внимание то, что в значительной части работ защита конкуренции рассматривается с более узкой позиции – в аспекте обеспечения интересов малого и среднего бизнеса.

Вместе с тем, в настоящее время отсутствуют комплексные исследования механизма защиты конкуренции, что свидетельствует о потребности в дальнейшем изучении данной сферы.

В рамках настоящего исследования были применены такие научные методы познания, как формально-правовой, сравнительно-правовой, а также методы анализа и синтеза.

Рыночные отношения подразумевают наличие конкуренции. Как с позиции теории, так и с точки зрения норм права конкуренция разделяется на добросовестную и недобросовестную. Российское законодательство определяет конкуренцию, как соперничество между хозяйствующими субъектами, при котором одностороннее воздействие на рынок ограничено[1]. Необходимость правового регулирования конкуренции обуславливается потребностью не только развития рынка и улучшения социально-экономической ситуации в государстве, но и, как справедливо отмечают исследователи, необходимостью обеспечения экономической безопасности государства [1, с. 85], потому что недобросовестная конкуренция несет в себе экономические риски [2, с. 41].

Понятие добросовестной конкуренции законодатель не раскрывает, но, анализируя понятие недобросовестной конкуренции, можно выделить признаки добросовестной, а именно: деятельность осуществляется в соответствии с требованиями законодательства, предполагает добросовестность, разумность, справедливость, исключение возможности причинения убытков иным хозяйствующим субъектам за счет отказа от совершения действий, при которых хозяйствующий субъект неправомерно получает для себя преимущества в аспекте его функциональной деятельности. Можно согласиться и с утверждением о том, что добросовестная конкуренция, в отличие от недобросовестной, не приводит к причинению вреда деловой репутации конкурента [3, с. 34].

Законодательное определение понятия недобросовестной конкуренции, как противоположности добросовестной, в мире понимается единообразно и, как отмечается исследователями, основано на том, что недобросовестные конкуренты поступают неразумно и несправедливо по отношению к иным хозяйствующим субъектам, а также к потребителям, что приводит к нарушению или ограничению их прав и законных интересов, препятствует свободному развитию рынка [4, с. 271].

Как следствие встречается в научной литературе утверждение о том, что как добросовестную надлежит рассматривать ту конкуренцию, которая не содержит признаков недобросовестности [5, с. 94]. В целом с таким пониманием можно согласиться и признать отчасти обоснованным подход законодателя, выделяющего понятие недобросовестной конкуренции и раскрывающего его в нормах закона. При отсутствии законодательно закрепленных признаков недобросовестности конкуренцию следует рассматривать, как добросовестную.

Регулирование государством отношений в сфере конкуренции преимущественно предполагает установление запретов и ограничений на определенное поведение. Подобное определение сущности правовой регламентации исследуемой сферы в научной литературе распространено [6, с. 308]. Добросовестная конкуренция может существовать и в отсутствие вмешательства со стороны государства, но это, скорее, своего рода идеальный вариант функционирования рынка, при котором все хозяйствующие субъекты действуют, полностью соблюдая требования законодательства, не нарушая запретов, разумно. На практике же потребность в государственном регулировании присутствует, оно может быть определено как неизбежное в силу ряда причин – от дифференциации в аспекте наличия ресурсов, до необходимости пресечения недобросовестных действий в отношении более слабых участников рыночных правоотношений.

Реализация государством политики, ориентированной на обеспечение добросовестности конкуренции предполагает создание механизма, который включает правовое регулирование, как основу деятельности, систему государственных органов, функциональные обязанности которых охватывают обеспечение соблюдения антимонопольного законодательства, а также деятельность государства, направленную на поддержку наиболее слабых субъектов предпринимательской деятельности.

Необходимость поддержки добросовестной конкуренции акцентирована главой государства, указавшего на то, что содействие конкуренции – это приоритетное направление деятельности как государственных органов, так и органов местного самоуправления[2]. Механизм поддержки добросовестной конкуренции базируется на ряде принципов, определенных непосредственно в подписанном главой государства указе. В их числе следует выделить такие, как:

[1] Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (ред. от 19.04.2024) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3434.

[2] Указ Президента РФ от 21.12.2017 № 618 «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 52 (ч. I). Ст. 8111.

- стремление сократить долю участия государства в хозяйствующих субъектах. Толковать данный принцип допустимо как отказ от значительного участия государства в качестве учредителя субъектов предпринимательской деятельности во всех случаях, когда это признается допустимым. Однако при наличии определенных оснований, с учетом специфики деятельности организации государственное участие рассматривается, как обязательное, что является обоснованным;
- обеспечение равных условий для всех субъектов предпринимательства, что предполагает преимущественно поддержку малого и среднего предпринимательства;
- развитие наименее слабых субъектов предпринимательства, то есть тех, которые принадлежат к числу малого и среднего бизнеса. При этом не ограничиваются способы развития и поддержки. Они могут существовать в виде субсидий, в виде вовлечения в инновационную деятельность, предоставления льготных кредитов и иных, хотя выделение инновационной деятельности, как способа поддержки добросовестной конкуренции подвергается критике исследователями [7, с. 99];
- реализация государственной политики, в рамках которой государственные инвестиции должны быть направлены на обеспечение добросовестной конкуренции;
- изменение способа осуществления контрольной деятельности за счет внедрения риск-ориентированного подхода, который, как обоснованно указывают авторы научной литературы, позволяет решать сразу несколько задач: повышать эффективность государственного контроля, снижать административную нагрузку на бизнес и снижать издержки предпринимательства [8, с. 251];
- ограничение вмешательства со стороны государственных органов в деятельность хозяйствующих субъектов, что подразумевает не только внедрение риск-ориентированного подхода, но и в целом снижение воздействия со стороны государственных органов, как в аспекте недопустимости излишнего правового регулирования, то есть возложения дополнительных обязанностей и установления ограничений и запретов, так и прямого воздействия;
- повышение доступности участия субъектов малого и среднего предпринимательства в закупках для удовлетворения государственных нужд. Данный принцип на протяжении длительного времени рассматривается, как один из ключевых, имеющих значение не только для поддержки субъектов предпринимательства, но и для повышения прозрачности закупок для удовлетворения публичных нужд, для противодействия коррупционным схемам.

В научной литературе в качестве наиболее важного принципа функционирования механизма поддержки добросовестной конкуренции выделяется принцип создания равных условий [7, с. 100]. В некоторых случаях данный принцип определяется, как предполагающих равенство законных интересов [9, с. 138].

Некоторое отличие в терминологии и в сущности определения отмеченного выше принципа присутствует. Более корректным представляется выделение равных условий, а не равных интересов. Следует принимать во внимание то, что законные интересы субъектов предпринимательства существенно отличаются, хотя объединяет их общее стремление к получению системной прибыли, то есть достижения цели предпринимательской деятельности в контексте ее понимая в нормах российского законодательства[1].

В полной мере создать равные условия для всех хозяйствующих субъектов невозможно, в том числе в силу разделения субъектов предпринимательства, в зависимости от уровня дохода, сферы осуществления деятельности и иных факторов. Малый и, особенно, микробизнес в своих возможностях участия в рыночных отношениях не может сравниться с крупным. Вместе с тем, государство, за счет использования механизма поддержки добросовестной конкуренции стремится предоставить субъектам малого и среднего бизнеса своего рода преференции. Например, в России активно используются возможности субсидирования, применяются различные системы налогообложения, разрабатываются и реализуются государственные программы поддержки, как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов РФ.

Помимо этого, в качестве своего рода поддержки добросовестной конкуренции допустимо рассматривать принятие мер к тем субъектам правоотношений, чье поведение подпадает под определение недобросовестной конкуренции. Сам термин «добросовестность», как подразумевающий реализацию прав в соответствии с нормами закона и без нарушений его требований [10, с. 84], при этом в законодательстве не используется. Однако государство, предоставляя поддержку, во всех случаях ориентировано именно на добросовестное поведение субъектов предпринимательства при осуществлении поддержки, что направлено на обеспечение добросовестной конкуренции.

Подводя итог проведенному исследованию, можно сделать вывод, что политика государства в России в части осуществления поддержки добросовестной конкуренции ориентирована на поддержание стабильности рынка. В основу механизма поддержки положен ряд критериев, исходя из которых вырабатываются меры, применяемые по отношению к субъектам предпринимательской деятельности.

В целом механизм поддержки добросовестной конкуренции включает правовую основу, систему государственных органов, а также систему мер противодействия недобросовестной конкурен-

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

ции и поддержки добросовестных хозяйствующих субъектов. В России поддержка добросовестной конкуренции в аспекте пресечения недобросовестного поведения преимущественно ориентирована на крупный бизнес, то есть субъектов, которые доминируют или стремятся занять доминирующее положение на рынке. В отношении малого и среднего бизнеса государство ориентировано на осуществление иных мер поддержки, в том числе предоставления субсидий, признания права на применение отдельных систем налогообложения.

В современных условиях механизм поддержки добросовестной конкуренции имеет тенденцию к совершенствованию в силу того, что государство стремится снизить административную нагрузку на бизнес, применять инновационные практики, повышать доступность участия в закупках для удовлетворения публичных нужд малого и среднего бизнеса. Тем самым создаются условия, которые близки к равным для разных категорий предпринимательства.

Литература

1. Шелакова В.А. Управление рисками в условиях недобросовестной конкуренции в целях обеспечения экономической безопасности России // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. 2023. № 4. С. 77–89.
2. Сапожникова Н.Г., Уточкина Л.А. Недобросовестная конкуренция: сущность, признаки, формы // Современная экономика: проблемы и решения. 2022. № 5 (149). С. 41–53.
3. Газзаева М.Т. Проблемы недобросовестной конкуренции в предпринимательской деятельности // Право и государство: теория и практика. 2022. № 6(210). С. 34–36.
4. Ursu, V., Musteata, E. Unfair competition – an attack on the patrimonial rights of natural and legal persons // Analytical and Comparative Jurisprudence. 2024. pp. 269–275.
5. Белозор Ф.И. Закупки для государственных нужд: гармонизация добросовестной конкуренции и экономической эффективности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2021. № 1. С. 93–101.
6. Фомичёв О.А. Защита от недобросовестной конкуренции // Научный аспект. 2023. Т. 3. № 8. С. 307–312.
7. Борзенко Ю.А. Принцип добросовестной конкуренции как фактор развития экономики // Теория и практика социогуманитарных наук. 2022. № 4 (20). С. 98–107.
8. Кольцов М.П. Правовые аспекты реализации риск-ориентированного подхода при назначении выездных налоговых проверок // Наукосфера. 2024. № 2–1. С. 250–254.
9. Мельников М.Н. Особенности антимонопольного регулирования малого и среднего бизнеса // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 105–7. С. 137–141.
10. Султонова Т.И. Категория добросовестности в гражданском и конкурентном праве // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2022. Т. 22. № 1. С. 84–90.

MECHANISM TO SUPPORT FAIR COMPETITION: RUSSIAN EXPERIENCE

Malfigin A.A.
Moscow Financial and Legal MFUA University"

The article presents the results of the study of legal and applied aspects of fair competition support as one of the priority directions of domestic policy of the state in Russia. Market development implies the admissibility of certain intervention by the state, but not direct control, which is inadmissible in a market economy. In Russia, the state is focused not only on the recovery of the economy as a whole, but also on the development of entrepreneurship and stabilisation of its functioning. In light of the recognition that competition is a necessary element of the market, a mechanism has been created based on countering unfair competition and supporting fair competition. Despite the fact that a comprehensive mechanism to support fair competition has been created in Russia, its functioning has been criticised for its imperfections. The emphasis is placed both on legal regulation and on the activities of government agencies that perform the function of supporting competition and counteracting unfair competition. Analysis of this sphere is necessary in modern conditions, including due to the fact that the state economy is subjected to active sanctions pressure. The socio-economic stability in general largely depends on the extent to which the state function of ensuring the stability of market functioning will be fulfilled. The study allows us to identify opportunities to improve the mechanism of fair competition support taking into account the Russian specifics. Based on the results of the study, conclusions are drawn regarding the peculiarities of the creation and functioning of the Russian mechanism of fair competition support and possible directions of further development of legal regulation of this sphere, as well as improvement of the mechanism as a whole are identified.

Keywords: competition, fair competition, support measures, government functions, competition protection, monopoly, economic security.

References

1. Shelakova V.A. Risk management in conditions of unfair competition in order to ensure the economic security of Russia // Scientific journal of NRU ITMO. Series: Economics and environmental management. 2023. No. 4. pp. 77–89.
2. Sapozhnikova N.G., Utochkina L.A. Unfair competition: essence, characteristics, forms // Modern economics: problems and solutions. 2022. No. 5 (149). pp. 41–53.
3. Gazzaeva M.T. Problems of unfair competition in entrepreneurial activity // Law and State: Theory and Practice. 2022. No. 6(210). pp. 34–36.
4. Ursu, V., Musteata, E. Unfair competition – an attack on the patrimonial rights of natural and legal persons // Analytical and Comparative Jurisprudence. 2024. pp. 269–275.
5. Belozor F.I. Procurement for public needs: harmonization of fair competition and economic efficiency // State and municipal management. Scientific notes of SKAGS. 2021. No. 1. P. 93–101.
6. Fomichev O.A. Protection from unfair competition // Scientific aspect. 2023. T. 3. No. 8. P. 307–312.
7. Borzenko Yu.A. The principle of fair competition as a factor in economic development // Theory and practice of socio-humanitarian sciences. 2022. No. 4 (20). pp. 98–107.
8. Koltsov M.P. Legal aspects of implementing a risk-based approach when assigning on-site tax audits // Naukosfera. 2024. No. 2–1. pp. 250–254.
9. Melnikov M.N. Features of antimonopoly regulation of small and medium-sized businesses // Trends in the development of science and education. 2024. No. 105–7. pp. 137–141.
10. Sultonova T.I. Category of good faith in civil and competition law // Bulletin of the South Ural State University. Series: Law. 2022. T. 22. No. 1. P. 84–90.

Развитие института определения категории «недвижимость» в гражданско-правовых отношениях: аспекты выявления экономических признаков

Михайловская Светлана Александровна,
аспирант, кафедра «Гражданское право», Университет «Синергия»
E-mail: mikhaylovskaya@yandex.ru

Недвижимость всего занимает главное место в экономических отношениях. Введение в современное гражданское законодательство категории «недвижимое имущество» способствовало оживлению имущественного оборота. Несмотря на то, что на законодательном уровне положения о совершении сделок с недвижимостью урегулированы подробно, а Конституционный и Верховный суды в рамках своей работы устранят неточности и пробелы, темпы развития общественных отношений в сфере осуществления сделок с недвижимым имуществом настолько велики, что ни законодательная деятельности, ни работа правоприменителей за ними не успевают. Все это обуславливает значимость проведения научных исследований динамично развивающегося гражданско-правового института недвижимого имущества и сделок с ним, а также пересмотра в современных реалиях подходов к определению традиционных для правовой науки категорий, к числу которых относится недвижимое имущество

Ключевые слова: недвижимость, регистрация, сделки, стоимость, связь с замлей, объекты недвижимости.

Недвижимость традиционно является объектом повышенного внимания участников гражданского оборота, особенно в период экономического развития страны на фоне санкций и политики импортозамещения. В рамках современной экономической реальности, объекты недвижимости выполняют функции:

– Оперативного и локационного фундамента (к примеру, строения и инженерные конструкции);
– Первостепенного и несменяемого актива для аграрного производства (почвенные угодья);
– Интегрального элемента естественной среды или же натурального экологического комплекса (лесные массивы, водные объекты, а также земельные пласты);
– Объекта коммерческой деятельности, а в отдельных ситуациях – источника прибыли (жилые и нежилые помещения).

Недвижимое имущество воспринимается с позиции стоимостной характеристики как самое ценное, что принадлежит гражданам. Заключая сделки с недвижимостью, граждане активно используют право, особенно когда требуется защита права на недвижимость, в отличие от пассивного соблюдения законодательных требований в отношениях бытового и потребительского характера.

Для субъектов хозяйственной сферы недвижимость становится активом экономической деятельности, а также ресурсом для исполнения обязанностей в случае наступления гражданско-правовой ответственности в установленном законом порядке.

Как часть института сделок недвижимость – это особый товар, обладающий рядом отличительных признаков:

1. Высокая стоимость с тенденцией долгосрочного роста;
2. Источник пассивных финансовых поступлений при передаче в использование иными субъектами;
3. Устойчивость к кризисным экономическим колебаниям и инфляции;
4. Наиболее безопасный способ сохранности капитала.

Как товар, приобретаемый для удовлетворения потребностей, недвижимое имущество имеет такие важные качества, как редкость, ограниченность, полезность и долговечность.

Для качественного осмысления недвижимости как предмета гражданских сделок необходимо принимать во внимание разнообразие и сложность объектов недвижимости, таких как земель-

ные участки, недра, воздушные и морские суда, жилые и нежилые помещения. Сделки с недвижимостью требуют особых условий, формы и определенного содержания правоотношений. При заключении сделок с недвижимостью важно учитывать форму договора, права на распоряжение имуществом и цену, чтобы избежать потенциальных убытков. Непрерывное правовое регулирование в данной области служит реакцией непосредственно на необходимость в действенных инструментах обеспечения защиты прав и законных интересов как индивидуальных граждан, так и государственных институтов, и помимо этого является важнейшим откликом на возникновение тех или иных новых форм собственности на недвижимое имущество, которые требуют, соответственно, установления уникального статуса в рамках правового поля.

Необходимо обратить внимание на тот факт, что в законодательстве РФ отсутствует общее определение относительно такой категории, как «правовой режим недвижимого имущества», несмотря на большое количество нормативно-правовых актов, положения которых устанавливают требования к сделкам в отношении недвижимости. Это становится фактором размытости полномочий участников конкретной сделки с недвижимостью, для которой такой режим предусмотрен, так как систематически принимаются законы, устанавливающие особенности и виды объектов недвижимости.

Статья 130 ГК РФ [1] использует понятия «недвижимость», «недвижимое имущество" и «недвижимые вещи" как синонимы, что означает, что они равноценны и могут использоваться взаимозаменяемо.

Определение, приведенное в ГК РФ, классифицирует недвижимое имущество на 2 основные группы. До некоторой степени они взаимоисключающие: с одной стороны, имеются объекты, стационарные по своей сущности, а с другой – объекты, предназначенные для перемещения. Заслуживает внимания тот факт, что в контексте правоприменительной деятельности к числу НИ причисляются также асфальтовые дорожные настилы, тротуары, автомобильные магистрали, железобетонные изделия, бетонированные площади, железнодорожные колеи, зоны для песчаного отдыха и гидротехнические объекты. Гидротехнические постройки, а также островные и кустарные формации, следует относить к категории земельных массивов [2].

В академических кругах ведутся обширные обсуждения относительно того, какие объекты классифицировать как недвижимость; отдельные исследователи, такие как В.А. Горемыкин, утверждают, что недвижимое имущество представляет собой актив, который характеризуется особенностями, включая, собственно, саму недвижимость, материальность, ценность, прочность, изнашиваемость, разнообразие, уникальность и единственность в своем роде [3].

В научном сообществе, как мы сказали выше, ведутся многочисленные споры о том, какие активы следует относить к категории недвижимости. В частности, Кущенко В.В., полагает, что недвижимое имущество представляет собой объекты – они могут быть материальными, осязаемыми, уникальными и невосполнимыми (природного происхождения или же разработанные непосредственно в результате трудовой деятельности человека), которые обладают неотъемлемой характеристикой устойчивого соединения непосредственно с землей. Кроме того, к недвижимому имуществу относятся и перемещаемые по своей природе объекты, такие как воздушные и морские судна, катера речного флота, космические аппараты, которые подлежат официальной регистрации и обладают экономическими характеристиками товара, следовательно, они являются предметами гражданских правоотношений [4].

Параметры классификации элементов как имущества недвижимого типа (недвижимости), представляют собой ключевую тему непосредственно для правовой сферы и интересующих лиц, включая таких участников, как владельцы, торговцы и пользователи имущества недвижимого типа. Установление того, относится ли элемент к категории недвижимости, способно оказать серьёзное воздействие на привилегии и задачи участников в рамках транзакции, а также на фискальные задолженности и прочие правовые аспекты.

Индивидуальный признак причисления элементов к категории недвижимого имущества заключается непосредственно в их способности функционировать как предметы экономических взаимоотношений; и упомянутый тип имущества – один из самых основополагающих активов, не подлежащий утрате или же похищению – может являться предметом экономических взаимоотношений.

Объекты недвижимости (далее – ОН) обладают комплексом характеристик, среди которых выделяются уникальность, многообразие, ценностные атрибуты, долговечность, стационарность, специфичность и неповторимость. Данные свойства ОН находят своё отражение в различной степени в секторах рыночного пространства недвижимости, и, более того, нужно отметить, что их учет оказывает прямое влияние на выполнение разнообразных транзакций с ОН (осуществляемых с умом и при этом с максимальной точностью). Анализируемое имущество включает в себя не только объекты жилой недвижимости, но и коммерческие, производственные площади, земельные участки и прочее. Рынок анализируемого имущества представляет собой один из наиболее активных и важных сегментов экономической системы, оказывающий влияние на множество других отраслей, включая строительство, финансовую сферу и подобные. Таким образом, понимание особенностей ОН и его роли в экономическом прогрессе является значимым для широкого круга субъектов, в числе которых инвесторы, девелоперы, агенты по недвижимости и граждане [5].

Особенное внимание акцентируется непосредственно на таком аспекте рассматриваемого нами

типа имущества, как его значительная ценность; для поддержания состояния на должном уровне необходимы существенные финансовые вложения. Однако, упомянутый аспект не может быть признан как уникальный, так как: 1) стоимостные показатели объектов недвижимости складываются под воздействием обширного спектра факторов, и далеко не каждый объект недвижимости может похвастаться высокой ценовой категорией; 2) значительные экономические интересы могут представлять и объекты, способные к перемещению; кроме того, вне зависимости от стоимости приобретения объектов недвижимости, владельцы обязаны учитывать расходы, связанные с проведением текущего ремонта и обеспечением технического обслуживания, выплатой страховых премий и уплатой налогов на имущество; в определённых обстоятельствах, капиталовложения в объекты недвижимости могут оказаться экономически нецелесообразными, особенно в ситуациях, когда владелец не располагает необходимыми ресурсами для их адекватного содержания [6].

С юридической точки зрения, фундаментальное определение «недвижимого объекта» (имущества недвижимого) не указывает непосредственно на одиночный элемент недвижимости (как на субъект гражданского права). В соответствии с представленными выше положениями, дифференцируются четыре разновидности объектов недвижимости:

– характеризуемые естественными особенностями: земельные парцеллы, месторождения полезных ископаемых;
– закреплённые за землёй неотъемлемой физико-правовой связью: постройки, архитектурные структуры и иные компоненты, транспортировка которых без причинения значимого вреда является невозможной;
– установленные в силу законодательных предписаний: летательные аппараты и суда морского флота, суда речного флота, объекты космонавтики;
– определенные как недвижимое имущество именно на основании иных правовых актов: предприятия, комплексы имущественного характера, задействованные непосредственно в предпринимательской деятельности и объединяющие при этом в себе элементы как движимого, так и недвижимого характера, функционирование которых подчиняется общей экономической цели; жилые пространства; многоквартирные дома; объекты недостроенного строительства [7].

Определение характеристик НИ с учетом анализа норм гражданского права:

– обладают специфическими особенностями;
– подлежат разделению;
– не подвергаются замещению;
– их местоположение остаётся стабильным;
– правовой статус отличен непосредственно от статуса движимого имущества.

В доктрине гражданского права, среди критериев, дифференцирующих НИ от движимых объектов, выделяются следующие: 1) Стационарность при перемещении в иное местоположение такие объекты подвергаются ущербу значимого характера; 2) Привязанность к земельной территории. Это отношение проявляется как в правовом, так и в физическом измерении; Индивидуализация: габариты, дизайн и прочее; 3) Функциональность: отвечают потребностям общества; Долговечность: превосходит непосредственно срок службы движимых объектов; Необходимость управления: регламентация данных объектов способствует продолжительному использованию, ввиду того, что они предполагают необходимость в проведении, к примеру, реконструкции, ухода, юридической регистрации и так далее; 4) Устойчивое увеличение стоимости. Объекты НИ дороже движимых объектов: их ценность на рынке повышается постоянно; 5) Правовое регулирование. Правоотношения, в рамках которых функционирует недвижимость, строго нормируются государственными институтами и требуют точного соблюдения законодательных процедур документирования; Проблематика конфиденциальности. Данный критерий дифференциации от объектов, обладающих мобильностью, то есть движимых, был описан автором О.Д. Лейсманом [8], и эта позиция нами признается, поскольку в силу объёмных размеров подобные объекты представляют сложность для сокрытия, например, от органов налогового контроля.

Одним из экономических атрибутов объектов недвижимости (далее – ОН) является их функционирование в качестве предмета договорных отношений, при этом ОН могут быть объектами купли-продажи, дарения, аренды или залога. ОН отвечают определённым потребностям, обладают специфическими качественными и количественными параметрами. Однако, в сравнении с иными категориями товаров, ОН выделяются повышенной ценовой оценкой и значительной социальной значимостью. Экономическая сущность ОН проявляется в их свойстве быть объектом коммерческого оборота, доступным для покупки, продажи, безвозмездной передачи или предоставления во временное пользование.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // Собрание законодательства РФ. 1994. N 32, ст. 330;
2. Харьковский И.Д., Радионова М.В. Оценка стоимости объектов недвижимости: эконометрический подход // Экономика и бизнес: теория и практика. 2022. № 3–2 (85);
3. Горемыкин В.А Экономика недвижимости: учебник / В.А. Горемыкин. – 6-е изд., перераб. И доп. – М.: Издательство Юрайт. – 2011;

4. Кущенко В.В. Правовой режим недвижимости: проблемы и пути их решения // Законодательство и экономика. 2006. No 10;
5. Гаджиев М.Р. Понятие и признаки недвижимости в современном гражданском праве // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 1–1 (76);
6. Черемушкин Р.П. О некоторых вопросах к договору купли-продажи недвижимости // Трибуна ученого. 2022. № 10;
7. Гонгало Э.О. Анализ понятия и роли недвижимости на основании действующего законодательства Российской Федерации // Закон. Право. Государство. 2023. № 1 (37);
8. Лейсман О.Д. Недвижимые вещи как объекты гражданских прав // Молодой ученый. 2020. № 19 (309).

DEVELOPMENT OF THE INSTITUTION OF DETERMINING THE CATEGORY "REAL ESTATE" IN CIVIL LAW RELATIONS: ASPECTS OF IDENTIFYING ECONOMIC CHARACTERISTICS

Mikhailovskaya S.A.
University Synergy

Real estate occupies a central place in economic relations. The introduction of the category "real estate" into modern civil legislation contributed to the revival of property turnover. Despite the fact that at the legislative level the provisions on real estate transactions are regulated in detail, and the Constitutional and Supreme Courts, as part of their work, will eliminate inaccuracies and gaps, the pace of development of public relations in the field of real estate transactions is so great that neither legislative activities, nor the work of law enforcement officers can keep up with them. All this determines the importance of conducting scientific research on the dynamically developing civil law institution of real estate and transactions with it, as well as revising, in modern realities, approaches to defining categories traditional for legal science, which include real estate

Keywords: real estate, registration, transactions, cost, connection with the land, real estate.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (part one) dated November 30, 1994 N 51-FZ (as amended on March 11, 2024) // Collection of legislation of the Russian Federation. 1994. N 32, art. 330;
2. Kharkovsky I.D., Radionova M.V. Estimation of the value of real estate: an econometric approach // Economics and business: theory and practice. 2022. No. 3–2 (85);
3. Goremykin V.A. Economics of real estate: textbook / V.A. Goremykin. – 6th ed., revised. And additional – M.: Yurayt Publishing House. – 2011;
4. Kushchenko V.V. Legal regime of real estate: problems and ways to solve them // Legislation and Economics. 2006. No. 10;
5. Gadzhiev M.R. The concept and characteristics of real estate in modern civil law // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2023. No. 1–1 (76);
6. Cheremushkin R.P. On some questions regarding the real estate purchase and sale agreement // Scientist's Tribune. 2022. No. 10;
7. Gongalo E.O. Analysis of the concept and role of real estate based on the current legislation of the Russian Federation // Law. Right. State. 2023. No. 1 (37);
8. Leisman O.D. Immovable things as objects of civil rights // Young scientist. 2020. No. 19 (309).

Субсидиарная ответственность лиц, контролирующих должника, проблемы правовой определенности

Морозова Татьяна Борисовна,
аспирант, кафедра гражданского права и процесса
и международного частного права, Российский университет
дружбы народов
E-mail: tanya197599@mail.ru

Процесс реформирования института банкротства был поэтапным и динамичным. Основные изменения в правовом регулировании произошли после революции и в советский период. Законодатель понимал необходимость регулирования экономической ситуации в стране, учитывая увеличение числа неплатежеспособных предприятий в корпоративном секторе. Это стало отправной точкой для разработки и принятия актуальных нормативно-правовых актов о банкротстве.
К январю 2024 года ситуация в Российской Федерации остается сложной из-за международных санкций и серьезных внутренних проблем. Одним из ключевых вопросов остается правовое регулирование судебных процедур в рамках конкурсного производства, включая анализ заключенных должников гражданских сделок и порядок их оспаривания в соответствии с гражданским законодательством РФ. Этот аспект вызывает значительный интерес ученых и специалистов, провоцируя научные дебаты.

Ключевые слова: банкротство, корпорации, юридические лица, неплатежеспособность, должник.

Рост объема ответственности лиц, привлекаемых к субсидиарной ответственности в России, является важной тенденцией, которая требует внимания. На протяжении последних лет этот объем уже достигает десятков миллиардов рублей. Однако стоит отметить, что в некоторых случаях размер предъявленных требований может быть несоразмерен действительному ущербу, нанесенному ответчиком.

Согласно данным Федресурса, в 2023 году было подано 3,4 тыс. заявлений о привлечении бизнесменов к субсидиарной ответственности. Из них было удовлетворено 1,4 тыс. на общую сумму 303 млрд рублей. Эти цифры свидетельствуют о значительной необходимости внимательного анализа и подготовки к возможным рискам для бизнеса.

Субсидиарная ответственность представляет собой возможность привлечения лиц, связанных с деятельностью банкротного должника, к ответственности по его обязательствам.

Это означает, что при недостаточности имущества должника для погашения долгов, кредиторы могут требовать удовлетворения своих требований от определенных лиц, например, учредителей или руководителей компании.

Понимание и изучение субсидиарной ответственности при банкротстве важно для различных сторон: для предпринимателей и участников деловой деятельности, чтобы быть осведомленными о возможных последствиях и рисках банкротства; для кредиторов, которые должны знать о возможности привлечения к ответственности определенных лиц; а также для адвокатов, судей и других юристов, занимающихся банкротством, чтобы правильно применять и толковать нормы и законодательство в этой сфере.

Изучение данной темы позволяет более глубоко понять механизмы, правила и ограничения, связанные с банкротством и субсидиарной ответственностью.

Кроме того, в современных условиях конкурентной экономики и нестабильной финансовой ситуации, развитие и изменение данной области права может быть актуальным для обеспечения благоприятного бизнес-климата и защиты интересов участников рынка [1].

Субсидиарная ответственность в гражданском праве Российской Федерации – это принцип, согласно которому лицо, которое несет субсидиарную ответственность, может быть привлечено к расчетам с кредиторами, если должник не имеет достаточного имущества для погашения своих обязательств.

Субсидиарная ответственность предусмотрена в основном в случае, когда должник-юридическое лицо или индивидуальный предприниматель банкротится или не выполняет свои обязанности по долгу. В этих ситуациях кредиторы имеют право требовать удовлетворения своих требований у других лиц, которые являются субсидиарно ответственными.

Обязанность субсидиарной ответственности возникает у ряда лиц, определенных законодательством, таких как учредители (акционеры, участники) юридического лица, его директоры и другие органы управления, а также лица, связанные с деятельностью должника (например, в случае незаконного истребования с ущербом или другими пагубными последствиями).

Субсидиарная ответственность требует обоснованности и наличия подтверждений, что должник не в состоянии выполнить свои финансовые обязательства. Законодательство определяет правила и процедуры, которые должны быть соблюдены при привлечении субсидиарно ответственных лиц к расчетам с кредиторами.

Субсидиарная ответственность при банкротстве или невыполнении обязательств имеет цель защитить права кредиторов и обеспечить удовлетворение их требований, даже в случае, когда должник не в состоянии расплатиться по своим обязательствам [4].

Субсидиарная ответственность возникает в случаях, предусмотренных законом, и может быть применена по решению суда [5].

В современный период такое правовое явление как институт банкротства, активно исследуется в доктрине. Также расширяется судебная практика использования данного института в практической деятельности [2], выявляются проблемы данного института, которые находят свое решение в толковании высшей судебной инстанцией [6].

Несмотря на это, проблемы института несостоятельности все также обнаруживаются в ходе правоприменительной деятельности. Так несмотря на то, что активно исследуются вопросы сущности и правового положения хозяйствующих субъектов, неоднозначно еще решаются вопросы природы несостоятельности хозяйствующих субъектов, ответственности участников таких хозяйственных обществ.

Проблемы правовой определенности субсидиарной ответственности контролирующего должника могут включать следующие аспекты:

– Неясность и расплывчатость критериев. В российском законодательстве недостаточно определено, какие действия или бездействие контролирующего лица могут привести к его субсидиарной ответственности. Отсутствие четких критериев приводит к субъективному толкованию и проблемам в применении ответственности.
– Обратные доказательства.

При наложении субсидиарной ответственности на контролирующее лицо в некоторых случаях возникает проблема обратных доказательств. Иногда может быть сложно доказать, что контролирующее лицо несет ответственность за обязательства должника, особенно если ведение бизнеса контролирующим лицом и должником между собой затрудняет отграничение их действий и рассмотрение их как отдельных юридических субъектов.

– Недостаточность обеспечения субсидиарной ответственности. Существует проблема недостаточности обеспечения субсидиарной ответственности контролирующего лица.

Субсидиарная ответственность может оказаться неэффективной в случае, если контролирующее лицо не имеет достаточных активов, чтобы покрыть обязательства должника. Субсидиарная ответственность обычно предусматривает ограничение ответственности участников юридического лица.

Их обязательства ограничены исключительно размером неисполненных обязательств юридического лица перед кредиторами.

Это может приводить к неосуществимости взыскания субсидиарной ответственности.

– Противоречия между различными законами.

В российском законодательстве существуют противоречия между отдельными законами, регулирующими субсидиарную ответственность контролирующего лица.

Некоторые нормативные акты могут иметь несогласованные или нечеткие положения, что приводит к правовому неопределенности и затрудняет применение ответственности [3].

Важно отметить, что банкротство является сложным и многоэтапным процессом, в котором применяются различные юридические и финансовые меры для регулирования финансового потенциала должника и удовлетворения требований кредиторов.

Для решения этих проблем необходимо усовершенствование и проработка законодательства, включая четкое определение критериев субсидиарной ответственности, установление презумпции виновности контролирующего лица, а также введение механизмов, обеспечивающих эффективное взыскание субсидиарной ответственности, таких как повышение требований к доле субсидиарного ответчика и более строгое контролирование их финансовых активов.

Субсидиарная ответственность – это форма ответственности, применяемая к некоторым участникам юридического лица (обычно к участникам с ограниченной ответственностью), которые несут дополнительную персональную ответственность за обязательства лица перед третьими лицами.

Кроме того, необходимо гармонизировать нормативные акты, чтобы устранить противоречия и обеспечить однозначность в правовом регулировании субсидиарной ответственности контролирующего лица.

Специфические проблемы банковского сектора России, такие как ограниченная капитализация, проблемы прозрачности, высокая концентрация

и макроэкономическая неустойчивость, требуют особого внимания в контексте финансовой стабильности предприятий.

В свете изложенного, понимание, что разработка стратегий предотвращения банкротства предполагает многоэтапный, непрерывный процесс, ключевое для обеспечения долгосрочного процветания и стабильности бизнеса.

Это – коренная основа для поддержания финансового здоровья и обеспечения роста в будущем.

В условиях комплексных экономических трансформаций, спровоцированных глобальным финансовым кризисом, императивом для России становится адаптация и модернизация её банковской системы. Этой задачей обязаны озаботиться как центральные регуляторы, так и индивидуальные банковские институты, стремясь не только к улучшению показателей качества предлагаемых услуг и ассортимента продуктов, но и к усиление прозрачности любых финансовых операций. Особенно это касается тех, что предположительно могут быть использованы для витиеватых схем финансирования терроризма или отмывания доходов, полученных преступным путём.

Усиление контроля за операциями на биржевом рынке и своевременное пресечение сговоров по созданию иллюзии востребованности ценных бумаг указывает на необходимость комплексных мер по борьбе с непрозрачностью и крепление доверия к финансовой системе.

Значительным образом, основываясь на повышении эффективности аккумуляции сбережений и их конверсии в инвестиции, банковский сектор обретет способность к укреплению собственной роли в экономике. Тем же, кто занят в коммерческом банковском сегменте, важно сосредоточить усилия на развитии независимой промышленной политики, заграждая путь к фиктивной капитализации, где рециркулирование собственных средств не приносит реальной прибыли, а лишь подрывает стабильность финансового института на рынке.

Для преодоления вызовов ненадёжности, прозрачно демонстрируемой неликвидными банками, предлагающими высокие процентные ставки по вкладам без возможности предоставления кредитов, Центральный Банк и Правительство должны принять курс на создание условий для формирования самодостаточной банковской системы.

Система, способная эффективно противостоять инфляции, укреплять национальную валюту и поощрять экономическое возрождение, будет способствовать расширению ресурсной базы и доступности кредитования малого бизнеса.

Развитие конкурентоспособности коммерческих банков требует внедрения стратегического планирования, укрепления капиталовой базы, увеличение мер контроля за кредитными рисками и разработки комплексных обучающих программ для сотрудников.

Только систематическое следование этим направлениям позволит банкам не просто укрепить своё положение на рынке, но и расширить прибыльность и клиентскую базу.

Таким образом, реализуя обозначенные стратегии и требования, российская банковская система обретёт возможность не просто выжить в условиях экономических потрясений, но и начать активно конкурировать с зарубежными финансовыми структурами, обеспечивая при этом стабильное развитие национальной экономики.

В современной экономической среде, отмеченной кризисными явлениями, банковские учреждения сталкиваются с необходимостью адаптации и поиска инновационных подходов к управлению своей деятельностью.

Сохранение лицензий банками, испытывающими временные трудности, через введение специфических санкций и остановку их операций для корректировки всех выявленных дефектов, представляет собой один из перспективных путей обеспечения стабильности в финансовом секторе. На данной стадии развития финансового пространства акцентируется внимание на модернизации кредитной системы и повышении качества обслуживания клиентов с целью привлечения их капиталов, что стимулирует формирование юркой и прочной инфраструктуры банковской системы.

Назначенные цели, такие как ускорение финансовых потоков, интеграция материальных активов в оборот, активизация банковской отрасли, разработка современных нормативов, совершенствование доступности услуг и продвижение экономической образованности среди населения, ожидают немедленного выполнения через реализацию строго заданных программ. Стабилизация макроэкономических условий и увеличение капиталов в ведущих банках является следствием повышения доверия общества и усиленного контроля за банковским сектором со стороны Центрального Банка.

Литература

1. Избранные труды по общей теории права / Магазинер Я.М.; Отв. ред.: Кравцов А.К. – С.-Пб.: Юрид. центр Пресс, 2020. – 352 с.
2. Барциц И. Н., Быков В.П., Черникова Е.В., Маркелова И.В. Правовое регулирование прав конкурсных кредиторов в процедурах банкротства юридических лиц // Современное право. 2020. № 6. С. 87.
3. Балдин К.В. Учет и анализ банкротств: Учебное пособие / К.В. Балдин, В.И. Джеффаль, А Рукосуев. – М.: КноРус, 2020. – 192 с.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ [Электронный ресурс]. // СПС Консультант Плюс. – URL: http: www.consultant.ru (дата обращения 01.06.2023).
5. Письмо ФНС России от 16.08.2017 № СА-4–18/16148@ «О применении налоговыми органами положений главы 111.2 Федерального закона от 26.10.2002 N 127-ФЗ».

6. Постановления Девятого арбитражного апелляционного суда от 24.06.2020 № 09АП-24715/2015 по делу № А40–119763/2020

SUBSIDIARY LIABILITY OF PERSONS CONTROLLING THE DEBTOR, PROBLEMS OF LEGAL CERTAINTY

Morozova T.B.
Peoples' Friendship University of Russia

The reform of the bankruptcy institution took place in stages, but very rapidly. The main leap in the development of legal regulation occurred in the post-revolutionary period, as well as during the Soviet period. The legislator clearly understood the need to regulate the economic situation in the country with a significant increase in the number of insolvent enterprises in the corporate sector, which was an important starting point for the development and adoption of current bankruptcy regulations.
As of January 2024, the Russian Federation, being under pressure from international sanctions and fundamental problems permeating Russian society, one of the key positions is given to the mechanism of legal regulation of the judicial procedure of bankruptcy proceedings, issues of the validity of civil legal transactions concluded by debtors, as well as the procedure for challenging them in system of civil legislation of the Russian Federation, while this aspect causes numerous scientific debates.

Keywords: bankruptcy, corporations, legal entities, insolvency, debtor.

Reference

1. Selected works on the general theory of law / Ya.M. Shopiner; Ed.: Kravtsov A.K. – S.-Pb.: Legal Center Press, 2020. – 352 p.
2. Bartsits I. N., Bykov V.P., Chernikova E.V., Markelova I.V. Legal regulation of the rights of bankruptcy creditors in bankruptcy procedures of legal entities // Modern law. 2020. No. 6. P. 87.
3. Baldin K.V. Accounting and analysis of bankruptcies: A textbook / K.V. Baldin, V.I. Jeffal, and Rukosuev. – M.: KnoRus, 2020. – 192 p.
4. The Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated 11/30/1994 No. 51-FZ [Electronic resource]. // SPS Consultant Plus. – URL: http: www.consultant.ru (date of appeal 06/01/2023).
5. Letter of the Federal Tax Service of Russia dated 08/16/2017 No. ZA-4–18/16148@ "On the Application by Tax Authorities of the Provisions of Chapter 111.2 of Federal Law No. 127-FZ dated 10/26/2002".
6. Decisions of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated 06/24/2020 No.09AP-24715/2015 in case No.A40–119763/2020

Развитие правового института сноса самовольной постройки: возможности принятия административного порядка реализации положений п. 2 ст. 222 ГК РФ

Переверзев Илья Олегович.
студент, кафедра гражданского права, Институт философии и права Новосибирского государственного университета
E-mail: ilya.pereverzev.2002@gmail.com

Автор ставит перед собой *цель* определить необходимость введения такого института, как административный порядок сноса самовольной постройки в статью 222 ГК РФ и необходимость его реформирования, которая остро возникла на современном этапе развития законодательства. *Методологической основой* исследования выступают формально-юридический, системный и методы. В работе рассматривается, порядок сноса административной постройки, в частности, речь идет о внесудебном порядке сноса, который был введен законодателем в 2015 году. Существует, необходимость в реформировании данной процедуры борьбы с самовольным строительством, так как она ограничивает конституционные права владельцев, самовольных построек и нарушает принципы правосудия (принцип состязательности.
Автор приходит к выводу о том, что существуют, как положительные стороны административного порядка сноса самовольной постройки, так и отрицательные стороны. Также нет необходимости упразднять эту процедуру или вообще исключать ее из ГК, необходимо лишь добавить порядок судебного оспаривания решения органов местного самоуправления о сносе самовольной постройки.

Ключевые слова: самовольная постройка, административный порядок сноса, конституционный суд, легализация самовольной постройки, нарушение принципа состязательности сторон.

Введение

Конституционный Суд не раз в своих решениях неоднократно разрешал вопросы, касающиеся правовой природы самовольной постройки, порядка ее сноса, а также иные вопросы, непосредственно связанные с ней (Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2016 № 1748-О, Определение Конституционного Суда РФ от 25.05.2017 N 966-О и иные).

Актуальность данной темы продиктована тем, что с 2015 года, а именно со времен внесения законодателем изменений в статью 222 Гражданского Кодекса Российской Федерации, институт самовольного строительства заслужил повышенное внимание. Это обусловлено тем, что территория крупных городов постоянно расширяется и растет, отсутствует адекватное градостроительное планирование, разработанная правовая база этого вопроса, которая бы регулировала последствия самовольности в области создания объектов недвижимого имущества, что приводит к появлению объектов самовольного вопроса, это требует серьезных правовых решений и необходимо более качественное регулирование, в области создания объектов недвижимого имущества строительства.

Содержательная часть

Самовольная постройка, несмотря на то, что её можно легализовать, приобрести на нее право собственности, исправив нарушения [1], которые присутствовали во время строительства, все-таки признается государством как правонарушение и поэтому существует ряд негативных последствий, которые выражаются в следующим: застройщик «не может воспользоваться гражданско-правовыми способами защиты своих интересов в отношении данной постройки. В частности, застройщик не может заявить иск об истребовании самовольной постройки из чужого незаконного владения» [2].

Как предусматривает, законодательство Российской Федерации существует два варианта трансформации незаконно возведенного объекта в иной правовой режим, либо суд признает за лицом, которое возвело самовольную постройку право собственности, либо данное строение подвергнется сносу, потому что является правонарушением и угрожает жизни и здоровью граждан.

До появления пункта 4 статьи 222 в ГК РФ, снести объект самовольного строительства можно было только по решению суда в соответствие с установленными требованиями. Но все-таки сно-

су по пункту 4 могут быть подвержены не все самовольное строения существуют и определенные ограничения сноса.

Для признания объекта самовольной постройкой необходим ряд условия и пункт 4 статья 222 ГК РФ, включает в себя только одно такое условие, что земельный участок не предоставлен в установленном законе порядке [3]. На все остальные случаи применение административного сноса не распространяется. Несоответствие разрешенного использования целям строительства, неполучение необходимых разрешений или нарушение градостроительных и строительных норм и правил не позволяет осуществить административный снос самовольной постройки, даже если она расположена в зонах и территориях, перечисленный в пункте 4 статьи 222 ГК РФ [4].

И также законодатель указал только определенные зоны, где самовольная постройка должна быть снесена в административном порядке, если строение находится вне данных категорий, то административный порядок сноса на нее также не распространяется, но в Федеральный закон «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» 30.03.2016 введена статья 22, которая запрещает применение административного сноса в отношении имущества религиозного назначения.

Хотя процедура сноса самовольной постройки, в административном

порядке носит исключительный характер, многие ученые считают, что законодатель должен предусмотреть судебный способ оспаривания административного порядка.

При административном порядке сноса происходит, нарушение принципа состязательности и равноправия сторон: решения о сносе принимаются органом местного самоуправления, который является стороной заявителем в споре о самовольной постройке, так как орган власти наделяется функцией правосудия, то это является вопиющим случае нарушения конституционных прав человека и гражданина.

В 2015 году, когда этот пункт был введен, это вызвало большой общественный диссонанс, поскольку он расширял круг полномочий органов местного самоуправления и ограничивал в некоторых аспектах право на защиту владельца самовольной постройки, также в некоторых случаях нарушались принципы правосудия.

Действительно, признание здания, сооружения или иного строения самовольной постройкой означает наделение органов местного самоуправления функцией правосудия, что в свою очередь противоречит конституционному принципу разделения властей.

Но Конституционный суд Российской Федерации в своем отказном определении, указал, если постройка подвергается административному сносу, то это, не противоречит конституции, потому что тот факт, что принятие административным органом мнения о ликвидации строение, исключает возможности судебного контроля законности такого решения (Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2016 № 1748-О).

Поэтому только в тех случаях, когда строение суд признал не соответствующем требованиям. В противном случае, в различных спорных ситуациях, кто-то приходит к мнению, что закон наделяет один из органов государственной власти функцией судебной, хотя это не будет являться таковым в силу закона и необходимо соблюдение принципов правового государства в частности принцип разделения властей [3].

Вместе с тем, не был установлен порядок признания самовольной постройки органом местного самоуправления, право на это имеет только суд как уже говорилось ранее [4]. Потому что муниципальное образование выступало бы как одна из сторон и наделение ее полномочиями на решение о признание самовольной построй давало бы законодательное дозволение решать спор одной из сторон.

Также стоит сказать про сроки, которые законодатель закрепил для сноса или решения о приведение в соответствие с установленными требованиями постройку.

Проблема самовольного строительства остается актуальной в контексте современного градостроительного законодательства. Вопросы сроков и процедур сноса таких объектов требуют серьезного подхода для обеспечения эффективного контроля и защиты общественных интересов. Нередко владельцы объектов сталкиваются с трудностями при выполнении решений о сносе, что замедляет процесс восстановления законности [5].

В настоящее время установлены лишь сроки для принятия решения об административном сносе, для судебного порядка законодатель не устанавливает сроков. Представляется необходимым внести изменения в законодательство, чтобы установить четкие сроки и процедуры для сноса самовольных построек.

Предлагается включить аналогичные сроки, установленные для административных процедур, в судебные процессы. Это позволит значительно ускорить процесс реагирования на нарушения и обеспечит защиту прав законных собственников земельных участков [6].

Однако принятие срочных мер по сносу самовольных построек требует комплексного подхода и учета местных особенностей [7]. Важно обеспечить сбалансированный подход к решению спорных вопросов, связанных с применением законодательства о самовольном строительстве. Государственные органы и органы местного самоуправления должны активно взаимодействовать для оперативного реагирования на случаи нарушений и предотвращения их последствий для окружающей среды, и общественного блага.

Только такой подход позволит обеспечить справедливость и законность в процессе градостроительства, сохраняя при этом интересы общества в целом. Вопросы, связанные с самовольным строительством и его последствиями, остаются акту-

альными и требуют внимательного рассмотрения в контексте градостроительного права.

Выводы

Таким образом, вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что существует два негативных последствия возведения самовольной постройки: во-первых, лицо не приобретает право собственности на нее; во-вторых, такая постройка подлежит сносу в административном либо судебном порядке. Существует большое количество мнений о целесообразности введения административного порядка сноса самовольной постройки, видится более справедливой точка зрения ученых, выступающих против административного порядка, но также позиция ученых, которые положительно относятся к введению административного порядка сноса самовольной постройки в частности можно выделить Р.С. Бевзенко, который в своей статье Операция «Липовые бумажки» [8] подробно указывает на положительные моменты такого порядка сноса, но в то же время судебный порядок является более гуманным и справедливым. Кроме того, судебный порядок сноса самовольных построек не противоречит принципу разделения властей.

Ведь именно суд наделен полномочиями по оценке сведений и доказательств о факте самовольного строительства на предмет их относимости, допустимости и достоверности.

Литература

1. Преснецова Т.Г. Некоторые особенности рассмотрения судами споров о правах на самовольную постройку//Арбитражные споры. –2017. – № 1. –С.35–38.
2. Маленков Н.А. Самовольная постройка: вопросы правового режима и прав на земельный участок // Право и экономика. – 2009. – № 10. – С. 21–22.
3. Заболотная Н.А. Гражданско-правовая ответственность за самовольное строительство // Молодой ученый. –2017. –№ 40. – С. 26–30.
4. Бондаренко С.А. Самовольная постройка как правонарушение: анализ новелл в межотраслевом аспекте / С.А. Бондаренко // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2020. – № 20–1. – С. 161–163.
5. Шабалин Г.Ю. Административный снос самовольной постройки: противоречия теории и практики // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». – 2018. – № 3 (15). – С. 94–100
6. Бондарчук Д. Самовольные постройки. Право органов местного самоуправления на принятие решений о сносе ограничили // ЭЖ-Юрист. – 2018. – N 31. – С. 2.
7. Алексеев В.А. Снос самовольной постройки и признание права отсутствующим: соотношение исков // Арбитражные споры. – 2019. – N 1. – С. 57–62.
8. Бевзенко Р.С. Операция «Липовые бумажки». К проблеме сноса самовольных построек // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 5. С. 99–108.

DEVELOPMENT OF THE LEGAL INSTITUTION OF DEMOLITION OF UNAUTHORIZED CONSTRUCTION: THE POSSIBILITY OF ADOPTING AN ADMINISTRATIVE PROCEDURE FOR IMPLEMENTING THE PROVISIONS OF PARAGRAPH 2 OF ART. 222 CIVIL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Pereverzev I.O.
Novosibirsk State University

The author sets himself the goal of determining the need to introduce such an institution as the administrative procedure for the demolition of unauthorized buildings in Article 222 of the Civil Code of the Russian Federation and the need for its reform, which has urgently arisen at the present stage of development of legislation. The methodological basis of the study is formal legal, systemic and methods. The work examines the procedure for the demolition of administrative buildings, in particular, we are talking about the extrajudicial demolition procedure, which was introduced by the legislator in 2015. There is a need to reform this procedure for combating unauthorized construction, since it limits the constitutional rights of owners of unauthorized buildings and violates the principles of justice (the adversarial principle.
The author comes to the conclusion that there are both positive aspects of the administrative procedure for the demolition of unauthorized buildings, and negative aspects. There is also no need to abolish this procedure or completely exclude it from the Civil Code; it is only necessary to add a procedure for judicially challenging the decision of local governments to demolish an unauthorized building.

Keywords: unauthorized construction, administrative procedure for demolition, constitutional court, legalization of unauthorized construction, violation of the principle of adversarial rights of the parties.

References

1. Presnetsova T.G. Some features of the courts' consideration of disputes about the rights to unauthorized construction // Arbitration disputes. –2017. – No. 1. –P.35–38.
2. Malenkov N.A. Unauthorized construction: issues of the legal regime and rights to a land plot // Law and Economics. – 2009. – No. 10. – P. 21–22.
3. Zabolotnaya N.A. Civil liability for unauthorized construction // Young scientist. –2017. –No. 40. – P. 26–30.
4. Bondarenko S.A. Unauthorized construction as an offense: analysis of short stories in an intersectoral aspect / S.A. Bondarenko // Current problems in the fight against crimes and other offenses. – 2020. – No. 20–1. – pp. 161–163.
5. Shabalin G. Yu. Administrative demolition of unauthorized construction: contradictions between theory and practice // Bulletin of the Mari State University. Series "Historical Sciences. Legal Sciences". – 2018. – No. 3 (15). – P. 94–100
6. Bondarchuk D. Unauthorized buildings. The right of local governments to make decisions on demolition has been limited // EZh-Lawyer. – 2018. – N 31. – P. 2.
7. Alekseev V.A. Demolition of an unauthorized building and recognition of the right as absent: the ratio of claims // Arbitration disputes. – 2019. – N 1. – P. 57–62.
8. Bevzenko R.S. Operation "Lime Papers". On the problem of demolition of unauthorized buildings // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2016. No. 5. P. 99–108.

Выявление содержания процессуальной ответственности субъектов конкурентных отношений

Носенко Лидия Ивановна,
канд., юрид., наук, доцент, зав кафедрой гражданского права и процесса юридического факультета Оренбургского государственного университета
E-mail: lidiano@list.ru

Окшин Владимир Васильевич,
кандидат социологических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Оренбургского государственного университета
E-mail: okshin.v@gmail.com

Предметом исследования выступают некоторые вопросы, связанные с процессуальной ответственностью субъектов конкурентных отношений. В рамках статьи авторы анализируют проблемы, связанные с теоретическим наполнением понятия юридической ответственности. Исследуют имеющиеся подходы к классификации видов ответственности и находят интересным предположение о возможности существования такого вида ответственности, как процессуальная. Рассматривая процессуальную практику по вопросам судебного принуждения, на примере рассмотрения административных дел с участием субъектов конкурентных отношений, авторы приходят к выводу о том, что процессуальная ответственность может иметь внутреннее деление. Кроме того, авторы считают, что участники судопроизводства по конкурентным делам должны быть заранее информированы как о мерах процессуального принуждения, так и о материальных штрафах, как о видах процессуальной ответственности.

Ключевые слова: юридическая, процессуальная ответственность, субъекты конкурентных отношений.

Вопросам юридической ответственности в теории российского права посвящено большое количество научных разработок.

Теоретики права различных отраслей всегда касаются вопросов, связанных с юридической ответственностью. По этой причине в науке представлено огромное количество определений юридической ответственности, а именно, Дзьоник В.Р. предлагает рассматривать ответственность как разновидность последствий юридического характера, которые наступают только в том случае, когда имеются определенные факты. Автор считает, что наряду с этим, она может сочетаться с общественным порицанием поведения правонарушителя [2.с.16].

Иоффе О.С. склонен признать, что юридическая ответственность обязательно содержит в себе меру государственного принуждения [4.с.316].

Шумейко Н.А. подчеркивает, что ответственность выражается через обязанность правонарушителя нести наказание, предусмотренное правовыми нормами [10.с. 988].

Голикова обосновывает, что содержание ответственности выражается посредством обязанности применения лишений, санкций, мер ответственности к правонарушителю [1.с.85].

Таким образом, исследовав понятие юридической ответственности, мы приходим к выводу об отсутствии единого подхода к формулированию понятия и содержания юридической ответственности. Более того, разное теоретические толкование позволяет нам приблизиться и основательнее подойти к теоретической разработке исследуемого научно- практического феномена.

Отметим, что во всех исследуемых понятиях юридической ответственности прослеживается единый подход, связанный с негативными последствиями, связанными с наличием противоправного деяния и его последствиями в виде возможного санкционного регулирования отношений.

При исследовании теории юридической ответственности мы обратили внимание на то, что в юридической литературе встречаются мнения о возможности выделения в юридической ответственности двух направлений – позитивного [5.с.8] и негативного, что весьма интересно, по нашему мнению.

Мнение авторов, обосновывающих значимость позитивности как составляющей ответственности, выражающейся в необходимости обязательного осуществления правомерных действий, заслуживает особого внимания в научных исследованиях. Позитивная ответственность позволяет профилак-

тировать правонарушения. Она способна развивать правосознание граждан и формировать активную гражданскую позицию.

Наряду с обозначенным, считаем важным прибегнуть к анализу видов юридической ответственности и генезису сложившихся и обсуждаемых в научных кругах классификаций.

Традиционно сложилось, что выделяется уголовная, административная, дисциплинарная, материальная ответственность [6.с.591].

Интересным следует признать, что с появлением новых юридических отраслей стали дифференцировать и юридическую ответственность. К примеру, весьма распространенным является мнение о возможности признания в качестве самостоятельного вида ответственности такого вида как налоговая [9.с.43].

Интересна научная дискуссия, предложенная коллективом авторов [8.с.81], в которой обосновывается возможность существования отдельного вида ответственности – бюджетной. Основанием для привлечения к такому виду ответственности выступает совершение не административных, а бюджетных правонарушений.

Так же выделяют экологическую [7.с.55], земельную [3.с.115] и другие виды ответственности.

Теоретические конструкции, связанные с выделением многообразия новых видов юридической ответственности, имеют право на существование. Между тем, закономерно возникает вопрос, до каких пределов мы вправе расширять классификацию видов юридической ответственности. Насколько важны рассматриваемые нововведения для развития российской науки? Слишком детальная дифференциация понятийного аппарата и выделение новых видов ответственности, по нашему мнению, не совсем уместно. Хотя объединение в определенные группы сложившихся видов, безусловно важно. Что может выступить объединяющим фактором? Может ли быть сгруппирована ответственность по процессуальному аспекту в праве?

Однозначного ответа на поставленные вопросы, конечно, не существует.

Как следствие, развивая далее научную идею о возможности дальнейшего пополнения видов юридической ответственности и потенциально возможного межотраслевого объединения, мы предлагаем, в зависимости от унификации процессуальных отраслей, рассмотреть возможность выделения такого вида юридической ответственности как процессуальная, которая применяется к участникам процесса при реализации судопроизводственных начал.

Прежде чем приступить к анализу содержания процессуальной ответственности, следует рассмотреть ее теоретическую составляющую.

В процессуальном праве всех отраслей имеются предпосылки к применению мер юридической ответственности к субъектам отношений, в том числе и конкурентных.

Мерами процессуальной ответственности, общепринято считать: лишение слова, ограничение выступления, предупреждение, удаление из зала судебного заседания, принудительный привод, судебные штрафы (денежные взыскания).

Между тем, если рассмотреть несколько подробнее меры процессуального принуждения как меру процессуальной ответственности, то, к примеру, ограничение выступления субъектов конкурентных отношений возможно при пространственных суждениях, не имеющих отношения к предмету судебного разбирательства.

Лишение слова возможно при двукратном игнорировании предупреждений председательствующего, а также при использовании грубых выражений при рассмотрении конкурентного спора.

Если же субъект конкурентных отношений в ходе судопроизводства не выступает, но выражается грубо или иным образом нарушает порядок судебного заседания, то к нему возможно применить предупреждение, как меру ответственности. Общепринято, что предупреждение применяется к нарушителям дисциплины в зале судебного заседания и, чаще всего используется как предварительная мера перед удалением из зала судебного заседания тех субъектов конкурентных отношений, которые нарушают порядок судопроизводства. В практике случаи удаления из зала судебного заседания являются весьма редкими. Само удаление субъекта конкурентных отношений из зала судебного заседания не препятствует дальнейшему рассмотрению дела по существу. Но, заметим, уже лишает возможности субъекта надлежащим образом защищать нарушенные права.

Субъекты конкурентных отношений чаще участвуют в административных правоотношениях, поэтому, станем рассматривать применение мер ответственности на примере дел, вытекающих из административных и иных публично- правовых правоотношений.

При анализе нормативного регулирования, мы выявили, что основными участниками административного судопроизводства являются административный истец и административный ответчик. При рассмотрении дела по существу, к ним на практике часто применяются меры материальной ответственности, к примеру, штраф.

Штраф в сфере административной юстиции выражается как денежное взыскание и применяется как к гражданам, так и юридическим лицам. Примером тому может стать применение статьи 3.5 КоАП РФ «Административный штраф».

Отметим, что нас интересуют не просто штрафы, носящие материальный характер, поскольку не именно они являются предметом нашего исследования. Нас интересуют санкции в целом, применяемые за нарушение норм процессуального права к участнику судопроизводства при рассмотрении конкурентных споров.

В административном процессуальном законодательстве принято считать, что к сторонам можно применить ответственность процессуального характера за нарушение норм судопроизводства в виде штрафа, к примеру, за проявленное сторо-

нами и другими участниками процесса неуважения к суду[1], которые налагаются на всех участников процесса и весьма разнообразны по сумме платежа. Самый низкий размер штрафа может быть наложен на граждан и выражается пятью тысячами рублей.

Государственный орган и иной орган государственной власти отвечает за нарушение гораздо содержательнее. К ним может быть применен штраф в размере до ста тысяч рублей. Такая градация весьма оправдана и подчеркивает особое отношение к правовому положению юридических лиц, а также подчеркивает ответственность должностных лиц. В этом же прослеживается забота государства об имущественном положении граждан.

Поскольку мы говорим о субъектах конкурентных отношений, в том числе и о сторонах, то, отметим, что в иногда суд, как основной участник процесса вправе обязать присутствовать в судебном заседании должностных лиц или органов, которые наделены публичными полномочиями и принимающих распорядительные решения или нормативные и ненормативные акты в рамках этих полномочий. в рамках этих полномочий.

За нарушение распорядительного действия суда может быть применена штрафная санкция.

При не извещении суда об отсутствии возможности предоставить доказательства, равно как и при непредоставлении доказательства в срок по тем причинам, которые не признаются судом уважительными, на виновное лицо может быть наложен штраф[2].

Санкция в виде штрафа может быть применена к тем субъектам, которые не исполнили постановление суда о применении мер предварительной защиты по тем категориям дел, по которым это необходимо[3].

Кроме вышеизложенных случаев штраф может быть наложен, если должностные лица не сообщают суду о тех мерах, которые принимают для устранения выявленных случаев нарушения законности, имеющих место и для принятия мер с целью восстановления законности[4]. В рассматриваемом случае должностные лица не всегда являются сторонами судопроизводства. Это могут быть и иные должностные лица, которые к рассматриваемому делу имеют косвенное отношение.

Санкции в виде штрафа могут быть применены в соответствии с нормами КАС РФ к эксперту, переводчику, специалистам. Применяются они при неявке в суд по неуважительной причине, а также при неисполнении обязанности уведомления суда о причинах неявки[5].

Следующая группа неблагоприятных отношений имеет отношение только к сторонам судопроизводства, поскольку предусматривает ответственность, выражающуюся в виде компенсации за фактическую потерю времени. Варианты возможной компенсации возможны тогда, когда истец может заявить необоснованные требования, искового характера. В том случае, когда сторона препятствует своевременному рассмотрению дела, так же возможно применить меры материальной ответственности.

Рассматривая процессуальную ответственность, мы обратили внимание, что весьма распространенной мерой ответственности является штраф, выраженный материальной мерой.

Штраф как мера ответственности предусматривается и за нарушение субъектами конкурентных отношений и норм и уголовного судопроизводства. Например, в случаях неисполнения участниками уголовного судопроизводства процессуальных обязанностей, а также нарушения ими порядка в судебном заседании на них может быть наложено денежное взыскание в размере до двух тысяч пятисот рублей[6].

Уголовным процессуальным законодательством предусмотрены меры воздействия за нарушение порядка в судебном заседании. А именно, при нарушении порядка в судебном заседании, неподчинении распоряжениям председательствующего или сотрудника органов принудительного исполнения Российской Федерации лицо, присутствующее в зале судебного заседания, предупреждается о недопустимости такого поведения, либо удаляется из зала судебного заседания, либо на него налагается денежное взыскание.

Безусловно, штраф, как и любая мера ответственности может быть применена только тогда, когда к этому есть предпосылки.

Как разъяснено в Определении Конституционного Суда РФ от 25.09.2014 № 2093-О, арбитражный суд, рассматривая вопрос о наложении судебного штрафа за неисполнение судебного акта, должен определить, имеются ли основания для применения к должнику мер публично-правового воздействия, направленных на его понуждение к надлежащему исполнению обязанностей, возложенных на него судебным актом[7].

---

[1] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015№ 21-ФЗ в ред. От 06.04 2024// Консультант Плюс. Ст. 122. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons. Дата доступа: 05.06.2024

[2] Там же Ст. 123.

[3] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015№ 21-ФЗ в ред. От 06.04 2024// Консультант Плюс. Ст. 123.[Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons. Дата доступа: 05.06.2024

[4] Там же Ст. 200.

[5] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ в ред. От 25.05 2024// Консультант Плюс. Ст. 49. п. 15. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons. Дата доступа: 05.06.2024

[6] Уголовн0- процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001№ 174-ФЗ в ред. От 22.04 2024// Консультант Плюс. СТ.258. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons. Дата доступа: 05.06.2024

[7] Определение Конституционного Суда РФ от 25.09.2014 № 2093 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы закрытого акционерного общества «Мичурина- Трудобеликовский» Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons. Дата доступа: 05.06.2024.

Рассматривая практику по вопросам процессуального принуждения и возможности наложения штрафа на субъектов конкурентных отношений, на примере рассмотрения административных и иных дел с участием субъектов конкурентных отношений, авторы приходят к выводу о том, что процессуальная ответственность может иметь внутреннее деление, подразумевающее возможность выделения материальной ответственности в виде штрафа и отдельно процессуального принуждения как вида процессуальной ответственности.

Поскольку субъекты конкурентных отношений, в некоторых случаях, могут халатно относиться к вопросам восстановления и защиты прав, считаем, что вопросы, связанные с процессуальной ответственностью, должны быть отдельно доведены до сведения участников отношений. Участники должны быть заранее проинформированы как о мерах процессуального принуждения, так и о материальных штрафах, как о видах процессуальной ответственности. Для чего полагаем возможным внести дополнения в процессуальное законодательство, обязывающие суд знакомить субъектов конкурентных отношений с вопросами процессуальной ответственности.

Литература

1. Голикова А.А. К вопросу р понятии юридической ответственности /А.А. Голикова. Молодой ученый. 2021.№ 2(344). С. 84–87.
2. Дзьоник В.Р. Особенности юридической ответственности в правовом механизме осуществления правозащитной деятельности: вопросы теории и практики. Ученые записки юридического факультета№ 3. Санкт-Петербургский государственный экономический университет. 2021год. С. 15–18.
3. Зазалина Е.В., Деревянкина М.В., Земельноправовая ответственность как вид юридической ответственности – практика реализации в современном законодательстве и возможные пути совершенствования. Ростовский научный вестник№ 5.2022. С. 115.
4. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М., 1961. С. 314–318.
5. Липинский Д.А. Позитивная юридическая ответственность в системе юридической ответственности. Правовое государство: теория и практика№ 3(49) 2017.С. 7–15
6. Остапенко, А.Г. Понятие и виды юридической ответственности / А.Г. Остапенко, А.В. Негодова. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2016. – № 27 (131). – С. 591–593. – URL: https://moluch.ru/archive/131/36465/ (дата обращения: 24.05.2024).
7. Пильгуй Ю.И. Понятие и виды юридической ответственности за нарушение экологического законодательства. Отечественная юриспруденция№ 3(17).2017. С. 54–57.
8. Соловьева С.В. Бюджетная ответственность как самостоятельный вид юридической ответственности: за и против /Соловьева С.В., Удычак Ф.Н.2, Чеботарева И.Ю.3. Тенденции развития науки и образования – 2021. № 76–4. С. 79–85.
9. Чибинев В.М. Проблемы отграничения налоговой ответственности от других видов ответственности. Юрист. № 4. 2006. С. 40–45.
10. Шумейко Н.А. Юридическая ответственность: понятие, основания, признаки. //Форум молодых ученых.2019. № 1–3(29). С. 986–990.
11. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015№ 21-ФЗ в ред. От 06.04 2024// Консультант Плюс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons. Дата доступа: 05.06.2024
12. Уголовн-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001№ 174-ФЗ в ред. От 22.04 2024// Консультант Плюс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons. Дата доступа: 05.06.2024
13. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ в ред. От 25.05 2024// Консультант Плюс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons. Дата доступа: 05.06.2024
14. Определении Конституционного Суда РФ от 25.09.2014 № 2093. «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы закрытого акционерного общества «Мичурина- Трудобеликовский» Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons. Дата доступа: 05.06.2024

IDENTIFICATION OF THE CONTENT OF PROCEDURAL RESPONSIBILITY OF SUBJECTS OF COMPETITIVE RELATIONS

Nosenko L.I., Okshin V.V.
Orenburg State University

The subject of the study is some issues related to the procedural responsibility of subjects of competitive relations. Within the framework of the article, the authors analyze some problems related to the theoretical content of the concept of legal responsibility. They explore the available approaches to the classification of types of responsibility and find it interesting to assume the possibility of the existence of such a type of responsibility as procedural. Considering the procedural practice on issues of procedural coercion, using the example of consideration of administrative cases involving subjects of competitive relations, the authors conclude that procedural responsibility may have an internal division. In addition, participants in the proceedings in competitive cases should be informed in advance about both measures of procedural coercion and material fines, as types of procedural liability.

Keywords: legal, procedural responsibility, subjects of competitive relations.

References

1. Golikova A.A. On the issue of the concept of legal responsibility / A.A. Golikova. Young scientist. 2021. № 2(344). pp. 84–87.
2. Dzionik V.R. Features of legal responsibility in the legal mechanism for carrying out human rights activities: issues of theory and practice. Scientific notes of the Faculty of Law No. 3. St. Petersburg State Economic University. 2021 P. 15–18.

3. Zazalina E.V., Derevyankina M.V., Land legal liability as a type of legal liability – implementation practice in modern legislation and possible ways of improvement. Rostov Scientific Bulletin No. 5.2022. P. 115.
4. Ioffe O.S., Shargorodsky M.D. Questions of legal theory. M., 1961. S. 314–318.
5. Lipinsky D.A. Positive legal responsibility in the system of legal responsibility. Rule of law: theory and practice No. 3 (49) 2017. P. 7–15
6. Ostapenko, A.G. The concept and types of legal responsibility / A.G. Ostapenko, A.V. Negodova. – Text: immediate // Young scientist. – 2016. – No. 27 (131). – P. 591–593. – URL: https://moluch.ru/archive/131/36465/ (date of access: 05/24/2024).
7. Pilguy Yu.I. The concept and types of legal liability for violation of environmental legislation. Domestic jurisprudence No. 3 (17). 2017. P. 54–57.
8. Solovyova S.V. Budgetary responsibility as an independent type of legal responsibility: pros and cons / Solovyova S.V., Udychak F.N.2, Chebotareva I.Yu.3. Trends in the development of science and education – 2021. No. 76–4. pp. 79–85.
9. Chibinev V.M. Problems of delimiting tax liability from other types of liability. Lawyer. No. 4. 2006. pp. 40–45.
10. Shumeiko N.A. Legal liability: concept, grounds, signs. //Forum of Young Scientists.2019. No. 1–3(29). pp. 986–990.
11. Code of Administrative Proceedings of the Russian Federation dated 03/08/2015 No. 21-FZ as amended. From 04/06/2024 // Consultant Plus. [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons. Access date: 06/05/2024
12. Criminal Procedure Code of the Russian Federation dated December 18, 2001 No. 174-FZ as amended. From 04/22/2024 // Consultant Plus. [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons. Access date: 06/05/2024
13. Arbitration Procedural Code of the Russian Federation dated July 24, 2002 No. 95-FZ as amended. From 05/25/2024 // Consultant Plus. [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons. Access date: 06/05/2024
14. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated September 25, 2014 No. 2093. “On the refusal to accept for consideration the complaint of the closed joint-stock company “Michurina-Trudobelikovsky” Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons. Access date: 06/05/2024

Злоупотребление принципом диспозитивности и свободы договора как вид злоупотребления правом на примере договора дарения и прощения долга

Носов Антон Александрович,
студент Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова
E-mail: nosov.a.a@edu.narfu.ru

В статье рассматривается такой вид злоупотребления субъективным правом, как злоупотребление гражданско-правовыми принципами диспозитивности и свободы договора. Автор обращает внимание на то, что недобросовестные участники гражданского оборота, не имея диспозитивной возможности реализовать свой интерес (например, совершить дарение между коммерческими организациями), могут, прикрываясь якобы свободой договора, сокрыть такое дарение под видом фиктивных правовых конструкций.

Ключевые слова: диспозитивность, свобода договора, злоупотребление правом, недобросовестное поведение, подмена правоотношений.

Принципы диспозитивности и свободы договора выступают важнейшими началами гражданского законодательства России.

Как отмечают правоведы, принцип диспозитивности предоставляет участникам гражданского оборота возможность выбрать вариант поведения (действий), который наиболее полно удовлетворяет их интересам, по сути, диспозитивность обеспечивает самостоятельное определение «стратегии», которая позволит субъекту гражданских правоотношений достигнуть цели, для которой данный субъект вступает в гражданские правоотношения. При этом, безусловно, диспозитивность сочетается с правомерностью, иными словами, выбранная участником гражданского оборота модель поведения должна соответствовать требованиям закона и не нарушать императивных норм [5, с.9].

Условно говоря, если гражданское законодательство предоставляет субъекту возможность выбора моделей поведения «А или Б, но не В», диспозитивность реализуется именно в сфере выбора между «А или Б», выбирая вариант «В» субъект нарушит закон, его действия будут расценены как неправомерные.

По сути, по таким моделям конструируется большинство отраслей права, особенности гражданского заключаются в том, что здесь базовыми являются именно диспозитивные нормы, именно они обладают приоритетом, в публичных же отраслях (уголовное право, административное и др.) фундаментом являются императивные нормы.

В свою очередь, принцип свободы договора распространяется на всю систему договорных отношений «сверху вниз» – от самой по себе свободе вступления в договорные отношения до выбора конкретного контрагента и вида договора, в том числе непоименованного в законе, определения содержаний и условий договора, способов обеспечения предусмотренных договором обязательств и др [9, с.19].

При этом принцип свободы договора не является абсолютным, в частности, для субъекта предпринимательской деятельности обязательно заключение публичного договора с любым обратившимся к нему лицом, условия и содержания договора не должны нарушать прямые запреты, установленные законодательством (например, если закон прямо запрещает дарение в отношениях между коммерческими организациями, то заключение между такими организациями договора дарения будет не проявлением свободы договора, а неправомерными действиями).

Следует учитывать, что максимально возможная свобода юридических значимых действий и решений – необходимое условие стабильного развития гражданского оборота.

Цивилистика, будучи частноправовой сферой, не должна суживаться до строгих, заранее определенных законом и не допускающих иных вариантов рамок. Гражданский оборот столь многообразен, что на уровне закона невозможно предусмотреть и детально урегулировать все возможные конструкции, складывающиеся в процессе такого оборота.

Соответственно, без диспозитивности и свободы договора нормальное развитие гражданских правоотношений попросту невозможно – такие отношения либо замрут, либо уйдут в теневой сектор и будут регулироваться внеправовыми, в том числе криминальными, средствам.

Понимание законодателем данных обстоятельств и обуславливает предоставление субъектам гражданского оборота широких возможностей по выбору вариантов юридически значимого поведения, правовых конструкций, регламентирующих их правоотношения и др.

Вместе с тем, недобросовестные лица могут злоупотребить принципами диспозитивности и свободы договора и использовать их в противоправных целях, для причинения вреда иным участникам оборота, для подмены одних правоотношений другими и др.

Следует учитывать, что в своем большинстве гражданские отношения связаны со стремлением субъектов к экономической выгоде, а корысть выступает одной из наиболее распространенных причин правонарушений, соответственно, недобросовестные лица могут, прикрываясь свободой договора и диспозитивности, скрывать запрещенные правовые конструкции фиктивными.

Зачастую злоупотребления диспозитивностью и свободой договора выражаются в смешении сходных, но в то же время различных институтов, например, договора дарения и прощения долга.

В соответствии с п. 1 ст. 572 ГК РФ, по договору дарения одна сторона (даритель) безвозмездно передает или обязуется передать другой стороне (одаряемому) вещь в собственность либо имущественное право (требование) к себе или к третьему лицу либо освобождает или обязуется освободить ее от имущественной обязанности перед собой или перед третьим лицом [2].

Таким образом, дарение фактически предусматривает два подвида – при первом какой-либо объект (вещь или имущественное право) переходит к одаряемому, иными словами, в данном случае имеет место активное дарение, во втором одаряемый освобождается от имущественной обязанности, иными словами, вещь или имущественное право ему не передается, одаряемый освобождается от обязанности выполнить какие-либо действия в пользу дарителя или иного лица, т.е. в таком случае можно говорить о пассивном дарении.

Выделение активного и пассивного дарения крайне важно, поскольку в случае передачи одаряемому вещи, т.е. при активном дарении, проблемы сопряженности с прощением долга не возникает, но вот именно с пассивным дарением прощение долга имеет множественные сходные черты.

Далее в рамках настоящей работы под «дарением», если не указано иное, понимается «пассивное дарение».

При прощении долга в соответствии со ст. 415 ГК РФ, обязательство прекращается освобождением кредитором должника от лежащих на нем обязанностей, если это не нарушает прав других лиц в отношении имущества кредитора [1].

Обязательство считается прекращенным с момента получения должником уведомления кредитора о прощении долга, если должник в разумный срок не направит кредитору возражений против прощения долга.

Следует отметить, что не только в учебной, но и в научной литературе авторы зачастую указывают, что в соответствии со ст. 415 ГК РФ должник освобождается именно от имущественных обязанностей, хотя в самой норме такого указания нет, использован термин «обязанности» без каких-либо признаков и характеристик.

Возможно, убежденность в том, что ст. 415 ГК РФ распространяется только на имущественные обязанности, основана на то, что в данной норме имеется уточнение «…если это не нарушает прав других лиц в отношении имущества кредитора», однако в целом прощение долга может иметь место и в отношение неимущественных обязанностей [7, с.56].

Действительно, например, при заключении договора простого товарищества (ст. 1041) ГК РФ участники вносят в общее дело вклады, которые могут носить имущественный или неимущественных характер. В последнем случае это деловые связи, предпринимательские навыки и др.

Соответственно, иные участники договора могут в силу тех или иных причин и обстоятельств освободить товарища, который обязался внести в общее дело свои предпринимательские навыки и руководить совместным бизнесом, от данных обязанностей, при этом такие обязанности носят неимущественный характер.

Таким образом, если дарение предусматривает освобождение исключительно от имущественной обязанности, то прощение долга может иметь место и в отношение обязанностей неимущественного характера.

Кроме того, в целом дарение рассматривается законодателем как вид договора, в то время как прощение долга – это способ прекращения обязательств.

И здесь возникает вопрос – почему, или зачем, участники гражданского оборота могут спутать (подменять) данные конструкции.

Представляется, что подмена возможна либо по причине умысла на недобросовестное пове-

дение, либо по причине искренних заблуждений участников гражданских правоотношений.

В первом случае, при умышленной подмене, зачастую речь идет о сокрытии факта дарения под прощением долга в целях, например, избежать налогообложения, или же обойти запрет на дарение в пользу должностных лиц, запрет на дарение между коммерческими организациями и др.

Так, например, ООО «СИК Менеджмент групп» и Акционерное общество «Футбольный клуб «Ростов» заключили договор займа, по которому займодателем выступило ООО «СИК Менеджмент групп». При этом спустя некоторое время долг был прощен в соответствии со ст. 415 ГК РФ.

Однако, суд, проанализировав материалы дела, пришел к выводу о том, что правоотношения между ФК «Ростов» и ООО «СИК МГ» были связаны с подменой фактически совершенного дарения иными фиктивными правовыми конструкциями [4].

Суд, безусловно, не стал прямо указывать, в каких, по его мнению, целях, договор дарения был прикрыт иными сделками (по сути, суд в данной ситуации не имел на это права, поскольку для таких утверждений необходимы прямые доказательства), однако однозначно квалифицировал займ и прощение долга по нему как попытку сокрыть дарение.

В случае же «неумышленной» подмены договоров речь идет о ситуации недостаточной грамотности участников гражданского оборота, которые зачастую используют в своей деятельности шаблоны документов, найденные в сети «Интернет», не особо задумываясь о том, действительно ли данный документ соответствует сути сложившихся правоотношений. С другой стороны, даже если в юридической науке нет четкого ответа на вопрос о соотношении дарения и прощения долга, вряд ли можно ожидать глубокого понимания таких отличий от обывателя.

В науке отмечается, что законодательные конструкции прощения долга и договора дарения имеют ряд схожих черт, что привело к возникновению следующих точек зрения на предмет соотношения договора дарения и прощения долга:

1) Договор дарения и прощение долга представляют собой различные правовые конструкции;

2) Прощение долга является разновидность договора дарения.

При использовании формально-логического и грамматического методов толкования можно признать, прощение долга отлично от договора дарения ввиду большого числа различных обстоятельств.

Так, в частости, в предпринимательской сфере прощение долга как правило носит возмездный характер, пусть иногда и опосредованно, когда прощение долга рассматривается как экономический стимул для того, чтобы должник после прощения долга совершил в пользу кредитора выгодные ему (кредитору) действия.

Кроме того, дарение в отношениях между коммерческими организациями запрещено, что, помимо прочего, создает условия для злоупотребления принципами диспозитивности и свободы договора, когда недобросовестные лица подменяют фактически совершенное дарение иными гражданско-правовыми конструкциями [8, с.119].

Григорян Т.В. полагает, что договор дарения есть двухсторонняя безвозмездная сделка, предполагающая свободное волеизъявление обеих сторон, что отличает его от прощения долга и наследования. Исходя из данного утверждения можно заключить, что дарение отличается от прощения долга именно безвозмездностью.

Между дарением и прощением долга имеются отличия по предмету. Предметом прощения долга является требование, то есть обязательственное субъективное право, вытекающее как из договорного, так и внедоговорного обязательства, что имеет отличия от договора дарения, поскольку предметом договора дарения, что прямо вытекает из ч. 1 ст. 572 ГК РФ, может являться вещь, имущественное право либо имущественное требование.

Таким образом, вещь не может являться предметом прощения долга, что свидетельствует о различии данных конструкций.

Прощение долга является способом прекращения обязательства, то есть оно производно по отношению к первоначальному обязательству, тогда как дарение представляет собой полноценную договорную конструкцию.

Тот факт, что прощение долга, как и дарение, являются двухсторонними сделками, не свидетельствует о наличии либо отсутствии между ними сущностной связи. К тому же, вопрос о двухсторонности прощения долга является дискуссионным [6, с.122].

Многие вопросы соотношения дарения и прощения долга разрешены в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 2020 года № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» [3].

В частности, в п. 31 данного Постановления указано, что прощение долга не свидетельствует о заключении договора дарения, если совершается кредитором в отсутствие намерения одарить должника.

Об отсутствии такого намерения могут свидетельствовать, в частности, взаимосвязь между прощением долга и получением кредитором имущественной выгоды по какому-либо обязательству (например, признанием долга, отсрочкой платежа по другому обязательству, досудебным погашением спорного долга в непрощенной части и т.п.), достижение кредитором иного экономического интереса, прямо не связанного с прощением долга, и т.п.

Отношения кредитора и должника по прощению долга квалифицируются судом как дарение только в том случае, если будет установлено намерение кредитора освободить должника от обязанности по уплате долга в качестве дара (пункт 3 статьи 423 ГК РФ).

В таком случае прощение долга должно подчиняться запретам, установленным статьей 575 ГК РФ, пунктом 4 которой, в частности, не допускается дарение в отношениях между коммерческими организациями. Уменьшение на будущее процентной ставки на сумму займа само по себе прощением долга не является

Согласно п. 33–34 Постановления Пленума ВС РФ № 6, по смыслу статьи 415 ГК РФ при прощении долга должны быть указаны условия, позволяющие идентифицировать обязанность, от исполнения которой освобождается должник. Если иное не определено соглашением сторон и не вытекает из обстоятельств дела, считается, что кредитор освободил должника от обязательства в полном объеме.

Если часть долга по уплате денежных средств прощена в определенном размере и неясно, от уплаты каких сумм – основного долга, процентов за пользование денежными средствами, неустоек – освобождается должник, очередность прекращения соответствующих требований устанавливается применительно к правилам статьи 319 ГК РФ.

Крайне важно определить цели, которые преследовал субъект, освободивший другого от какого-либо имущественного обязательства (при освобождении от неимущественного, как уже отмечалось выше, проблемы разграничения конструкций не возникает, это может быть только прощение долга).

При дарении преследуется безвозмездная цель в виде одарения, т.е. активного или пассивного получения одаряемым имущественных благ, какая-либо опосредованная возмездность в данном случае не предусмотрена, прощение же долга может быть связано и с реализацией экономического интереса кредитора иными путями, например, если в целом добросовестный, ответственный должник не может выполнить определенные обязательства в силу объективных обстоятельств, но кредитор, понимая экстраординарный характер ситуации (в частности, если вспомнить пандемию, такие ситуации могли возникать в ее период), желает освободить должника от обязанностей и не требовать, например, признания его банкротом, намереваясь после выправления финансового состояния должника продолжить с ним сотрудничество для получения прибыли, в таком случае может иметь место только прощение долга, но не дарение.

Таким образом, принципы диспозитивности и свободы договора, объективно востребованные сущностью гражданских правоотношений и обеспечивающие максимально широкое удовлетворение интересов участников гражданского оборота, как и многие иные «полезные» гражданско-правовые феномены могут использоваться недобросовестными субъектами либо для введения в заблуждение контрагента и посягательства на его интересы, либо, если недобросовестность проявляют все участники правоотношения, для нарушения прав и интересов третьих лиц, сокрытия противоправных действий от государства (например, когда посредством фиктивного прощения долга обходятся нормы закона, запрещающие дарение между коммерческими организациями).

Литература

1. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 1) [Текст]: федер. закон: от 30.11.1994, № 51-ФЗ (дейст. ред. 2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – № 32. – 05.12.1994. – ст. 3301.
2. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 2) [Текст]: федер. закон: от 26.01.1996, № 14-ФЗ (дейст. ред. 2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – № 5. – 29.01.1996. – ст. 410.
3. Российская Федерация. Верховный Суд. О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств [Текст]: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020, № 6 (дейст. ред. 2024) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2020. – № 7.
4. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 24 ноября 2022 г. по делу № А53–42777/2020 [Электронный ресурс]: Портал судебных и нормативных актов РФ. – Электрон. дан. – Режим доступа: https://sudact.ru/vsrf/doc/70PLfUlD4kZm/, свободный (дата обращения: 20.06.2024). – Загл. с экрана.
5. Брюхов, Р.Б. Диспозитивность в гражданском праве России [Текст] / Р.Б. Брюхов: дисс..канд. юрид.наук. – М., 2016. – 238 с.
6. Григорян, Т.В. Проблема реализации принципа гуманизма в гражданском институте дарения [Текст] / Т.В. Григорян // Время науки. – 2019. – № 3 (15). – С. 122–126.
7. Кропотова, С.А. К вопросу о правовой природе и сущности прощения долга (ст. 415 ГК РФ) [Текст] / С.А. Кропотова // Правоприменение. – 2023. – № 4. – С. 56–62.
8. Нуруллаев, Ф.А. Соотношение прощения долга и договора дарения [Текст] / Ф.А. Нуруллаев // Евразийский научный журнал. – 2018. – № 4. – С. 119–124.
9. Осмоловская, Я.А. Реализация принципа свободы договора на примере сделок с недвижимостью [Текст]: дисс..канд.юрид. наук / Я.А. Осмоловская. – Курск, 2018. – 221 с.

ABUSE OF THE PRINCIPLE OF DISPOSITIVITY AND FREEDOM OF CONTRACT AS A TYPE OF ABUSE OF LAW

Nosov A.A.
Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk)

The article considers such a type of abuse of subjective law as the abuse of civil law principles of dispositivity and freedom of contract. The author draws attention to the fact that unscrupulous participants

in civil turnover, not having a dispositive opportunity to realize their interest (for example, to make a donation between commercial organizations), may, hiding behind the alleged freedom of contract, conceal such a donation under the guise of fictitious legal structures.

Keywords: dispositivity, freedom of contract, abuse of law, unfair behavior, substitution of legal relations.

References

1. Russian Federation. Laws. Civil Code of the Russian Federation (part 1) [Text]: federal. Law: dated November 30, 1994, No. 51-FZ (current edition 2024) // Collection of legislation of the Russian Federation. – No. 32. – 05.12.1994. – Article 3301.
2. Russian Federation. Laws. Civil Code of the Russian Federation (part 2) [Text]: federal. Law: dated January 26, 1996, No. 14-FZ (current edition 2024) // Collection of legislation of the Russian Federation. – No. 5. – 01/29/1996. – Article 410.
3. Russian Federation. Supreme Court. On some issues of application of the provisions of the Civil Code of the Russian Federation on termination of obligations [Text]: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06/11/2020, No. 6 (valid edition 2024) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2020. – No. 7.
4. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 24, 2022 in case No. A53–42777/2020 [Electronic resource]: Portal of judicial and regulatory acts of the Russian Federation. – Electron. Dan. – Access mode: https://sudact.ru/vsrf/doc/70PLfUlD4kZm/, free (date of access: 06/20/2024). – Cap. from the screen.
5. Bryukhov, R.B. Dispositivity in civil law of Russia [Text] / R.B. Bryukhov: dissertation, candidate of legal sciences. – M., 2016. – 238 p.
6. Grigoryan, T.V. The problem of implementing the principle of humanism in the civil institution of donation [Text] / T.V. Grigoryan // Time of Science. – 2019. – No. 3 (15). – pp. 122–126.
7. Kropotova, S.A. On the issue of the legal nature and essence of debt forgiveness (Article 415 of the Civil Code of the Russian Federation) [Text] / S.A. Kropotova // Law enforcement. – 2023. – No. 4. – P. 56–62.
8. Nurullaev, F.A. The relationship between debt forgiveness and gift agreement [Text] / F.A. Nurullaev // Eurasian scientific journal. – 2018. – No. 4. – P. 119–124.
9. Osmolovskaya, Ya.A. Implementation of the principle of freedom of contract using the example of real estate transactions [Text]: diss. Sciences / Ya.A. Osmolovskaya. – Kursk, 2018. – 221 p.

Механизм правового регулирования субсидиарной ответственности

Овсянников Валерий Ильич,
аспирант, Московский финансово-промышленный университет „Синергия“
E-mail: Evinscence@gmail.com

Статья исследует механизм правового регулирования субсидиарной ответственности, подчеркивая необходимость доктринального анализа данного понятия. Рассматриваются различные подходы к пониманию механизма ответственности, включая законодательное формирование санкций, их применение и функциональное воздействие. Особое внимание уделяется разграничению между механизмом правового регулирования и правовым механизмом в целом. Анализ показывает эволюцию понятий и подчеркивает важность учета экономической природы ответственности. Комплексный подход позволяет глубже понять функционирование, возникновение и реализацию субсидиарной ответственности в условиях несостоятельности, внося вклад в теоретическую и практическую базу знаний в данной области.

Ключевые слова: субсидиарная ответственность, правовое регулирование, механизм ответственности, законодательные санкции, правоприменение, банкротство, экономическая ответственность, методология исследования.

Содержание понятия «механизм правового регулирования субсидиарной ответственности» и сама научная корректность такого понятия доктринальному анализу не подвергались. При этом авторами указанный термин широко используется.

Так, И.Ю. Рыков, анализируя изменения в Закон, говорит об одновременном изменении и «механизма правового регулирования субсидиарной ответственности в делах о банкротстве»[1]; Е.В. Кравчук отмечает, что с появлением в КоАП РФ ответственности за фиктивное и преднамеренное банкротстве «можно говорить о новом механизме правового регулирования юридической ответственности»[2] и пр. Другие исследователи избегают такого подхода, высказываясь о механизме ответственности.

Например, С.А. Карелина, О.В. Гутников пишут, соответственно, о «механизме привлечения к ответственности в деле о банкротстве»[3], о необходимости «настройки механизмов ответственности, учитывающей все позитивные и негативные факторы»[4]. Исторически первым возник второй подход. Так, в середине 70-х годов прошлого века, И.Н. Петров, разрабатывая вопросы повышения эффективности законодательства об ответственности, впервые поставил проблему механизма предусмотренной законом ответственности.

Схема механизма ответственности была определена в качестве «принципов ответственности и ее характерных черт, обусловленных предметом и методом правового регулирования исследуемой группы общественных отношений»[5].

А.А. Собчак предложил классифицировать механизм ответственности на три уровня (стадии):

Законодательный уровень, который включает в себя процесс формирования санкций, реализующих меры ответственности.

Правоприменительный уровень, предполагающий применение этих мер.

Функциональный уровень, отражающий влияние санкций на поведение правонарушителя, пред-

[1] Рыков И.Ю. Субсидиарная ответственность в Российской Федерации. М.: Статут, 2017. 192 с. Абз. 205.

[2] Кравчук Е.В. Фиктивность (преднамеренность) банкротства в России. М.: Юстицинформ, 2013. 160 с. Абз. 451.

[3] Карелина С.А. Механизм привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в процессе несостоятельности: современные тренды // Вестник арбитражной практики. 2022. № 2. С. 3–17.

[4] Гутников О.В. Ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве: общие новеллы и недостатки правового регулирования // Предпринимательское право. 2018. № 1. С. 48–60.

[5] Петров И.Н. Ответственность хозорганов за нарушение обязательств. М.: Юридическая литература, 1974. С. 131–133.

усмотренное законодателем (показатель социальной эффективности)[1].

Хотя Собчак рассматривал механизм юридической ответственности как подсистему в структуре механизма правового регулирования, очевидно, что структуры обоих механизмов во многом пересекаются: право – правоотношение – акты реализации.

Другие советские ученые предлагали более узкое понимание механизма ответственности. Так, С.Н. Братусь, придерживаясь нормативно-обязывающего подхода, определял механизм ответственности как принуждение к исполнению обязательств через соответствующий государственный аппарат (прежде всего через арбитраж[2]).

Следует отметить, что термин «механизм правового регулирования ответственности» не имеет теоретического обоснования и используется авторами скорее интуитивно, наряду с традиционным термином «механизм ответственности». Для пояснения необходимо сделать несколько замечаний.

Первый момент касается общей методологии. Юридические конструкции не только представляют собой идеальные образцы абстрактного правового мышления, но и должны отражать сложную структуру регулируемых правом общественных отношений, юридических фактов и их элементов. Они должны функционировать как эпистемологические модели юридической науки и как средство формирования нормативного правового материала[3]. Поэтому выбор юридической конструкции зависит от метода исследования.

Второй момент связан со специальной методологией. Применение системно-структурного и инструментального методов к феномену ответственности за банкротство обусловлено экономической природой данной ответственности в контексте хозяйственной деятельности, а также комплексным характером данного межотраслевого института ответственности, как было доказано ранее.

Третий пункт носит аналитический характер. Несмотря на то что некоторые исследователи считают понятия «механизм правового регулирования» и «правовой механизм»[4] равнозначными, теория права предлагает разделить их следующим образом: первое понятие обозначает динамику, а второе – статику; первое относится к стадиям воздействия средствами, а второе – к системе средств; первое понятие шире по сравнению со вторым. Определение механизма ответственности, данное Е.В., хорошо вписывается в предложенное доктринальное разграничение. Назаровой: Это специфический организационный порядок, представляющий собой систему устойчивых отношений, норм, целей, задач, функций и принципов, определяющих порядок и основания возложения ответственности.

В-четвертых, отметим, что категория ответственности в субъективном смысле также страдает недостаточностью. Она представляет собой официальную окончательную правовую оценку государством деяния как правонарушения, сопровождающуюся неблагоприятными последствиями для правонарушителя. Однако данная категория в основном отражает лишь стадию реализации юридической ответственности.

Мы поставили перед собой научную задачу выяснить, как функционирует ответственность в сфере несостоятельности, как она возникает, конкретизируется и реализуется, а также как влияет на данную сферу. Успешное решение этой задачи зависит от правильного выбора метода исследования.

При таком подходе понятие механизма ответственности трактуется как ответственность в объективном смысле, то есть как правовой институт, включающий в себя совокупность материальных и процессуальных норм, регулирующих отношения, возникающие в процессе привлечения к юридической ответственности.

Очевидно, что такое понимание ответственности является односторонним. Поэтому, помимо вывода о самостоятельном значении категории механизма ответственности, следует признать, что этого недостаточно для полноценного исследования нашего объекта.

В заключение следует отметить, что исследование механизма правового регулирования субсидиарной ответственности показывает сложность и многослойность данного понятия. Термин «механизм правового регулирования субсидиарной ответственности» используется учеными в различных контекстах, несмотря на отсутствие глубокого доктринального анализа. Историческая и современная точки зрения демонстрируют дихотомию в подходе к данному понятию: в одной из них акцент делается на самом механизме регулирования ответственности, а в другой – на процессе реализации этой ответственности.

Такие ученые, как И.Ю. Рыков и Е.В. Кравчук подчеркивают динамичность изменений и появление новых механизмов правового регулирования в связи с изменением законодательства и введением новых форм ответственности. И наоборот, С.А. Карелина и О.В. Гутников акцентируют внимание на практическом применении и тонкой настройке этих механизмов с учетом различных позитивных и негативных факторов.

Анализ также освещает эволюцию понимания этих механизмов от законодательного формирования санкций, их применения и функционального воздействия на поведение правонарушителей. Примечательно, что классификация, предложенная А.А. Собчак, четко разграничивает эти этапы, подчеркивая пересечение правового регулирования и механизмов правоприменения.

[1] Собчак А.А. О механизме гражданско-правовой ответственности // Ученые записки Тартуского государственного университета. 1987. № 765. С. 56.

[2] Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. М., 1976. С. 92.

[3] Черданцев А.Ф. Юридические конструкции, их роль в науке и практике // Правоведение. 1972. № 3. С. 12. – 19.

[4] Поветкина Н.А. Финансовая устойчивость Российской Федерации. Правовая доктрина и практика обеспечения: монография. М.: Контракт, 2016. 344 с

Кроме того, существует острая необходимость различать механизмы правового регулирования и более широкое понятие самого правового механизма. Такое разграничение помогает понять динамические и статические аспекты правового регулирования. Для такого понимания крайне важна специфика организационного порядка и система устойчивых отношений, норм, целей, задач, функций и принципов, определяющих возложение ответственности.

Наконец, хотя субъективный аспект ответственности сосредоточен на правовой оценке государством правонарушения, этот ракурс несколько ограничен. Она отражает в первую очередь этап реализации юридической ответственности, не охватывая весь спектр ее нормативно-правовой базы.

Таким образом, комплексный подход к анализу механизма субсидиарной ответственности в условиях несостоятельности подчеркивает необходимость использования многогранной методологии. Такой подход обеспечивает более глубокое понимание того, как функционирует, возникает и реализуется ответственность в рамках данного правового поля, внося существенный вклад в теоретическую и практическую базу знаний в этой области.

Литература

1. Рыков И.Ю. Субсидиарная ответственность в Российской Федерации. М.: Статут, 2017. 192 с. Абз. 205.
2. Кравчук Е.В. Фиктивность (преднамеренность) банкротства в России. М.: Юстицинформ, 2013. 160 с. Абз. 451.
3. Карелина С.А. Механизм привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в процессе несостоятельности: современные тренды // Вестник арбитражной практики. 2022. № 2. С. 3–17.
4. Гутников О.В. Ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве: общие новеллы и недостатки правового регулирования // Предпринимательское право. 2018. № 1. С. 48–60.
5. Петров И.Н. Ответственность хозорганов за нарушение обязательств. М.: Юридическая литература, 1974. С. 131–133.
6. Собчак А.А. О механизме гражданско-правовой ответственности // Ученые записки Тартуского государственного университета. 1987. № 765. С. 56.
7. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. М., 1976. С. 92.
8. Черданцев А.Ф. Юридические конструкции, их роль в науке и практике // Правоведение. 1972. № 3. С. 12. – 19.
9. Поветкина Н.А. Финансовая устойчивость Российской Федерации. Правовая доктрина и практика обеспечения: монография. М.: Контракт, 2016. 344 с

MECHANISM OF LEGAL REGULATION OF SUBSIDIARY LIABILITY

Ovsyannikov V.I.
Moscow Financial and Industrial University “Synergy”

The article investigates the mechanism of legal regulation of subsidiary liability, emphasizing the need for doctrinal analysis of this concept. Different approaches to the understanding of the mechanism of liability, including the legislative formation of sanctions, their application and functional impact are considered. Special attention is paid to the distinction between the mechanism of legal regulation and the legal mechanism in general. The analysis shows the evolution of concepts and emphasizes the importance of taking into account the economic nature of liability. The integrated approach allows for a deeper understanding of the functioning, emergence and realization of subsidiary liability in insolvency, contributing to the theoretical and practical knowledge base in this area.

Keywords: subsidiary liability, legal regulation, liability mechanism, legislative sanctions, law enforcement, bankruptcy, economic liability, research methodology.

References

1. Rykov I. Yu. Subsidiary responsibility in the Russian Federation. Moscow: Statut, 2017. 192 c. Abs. 205.
2. Kravchuk E.V. Fictitiveness (intentionality) of bankruptcy in Russia. Moscow: Yustitsinform, 2013. 160 c. Abz. 451.
3. Karelina S.A. Mechanism of attraction to subsidiary liability of controlling debtor in the process of insolvency: modern trends // Vestnik arbitratsionnoy praktika. 2022. № 2. C. 3–17.
4. Gutnikov O.V. Liability of the debtor’s director and other persons in the case of bankruptcy: general novelties and shortcomings of legal regulation // Predprinimatelskoye pravo. 2018. № 1. C. 48–60.
5. Petrov I.N. Responsibility of economic organizations for breach of obligations. Moscow: Yuridicheskaya Literatura, 1974. C. 131–133.
6. Sobchak A.A. About the mechanism of civil-law responsibility // Scientific notes of the Tartu State University. 1987. № 765. C. 56.
7. Bratus S.N. Legal responsibility and legality. M., 1976. C. 92.
8. Cherdantsev A.F. Legal constructions, their role in science and practice // Jurisprudence. 1972. № 3. C. 12. – 19.
9. Povetkina N.A. Financial stability of the Russian Federation. Legal doctrine and practice of ensuring: a monograph. Moscow: Kontrakt, 2016. 344 c

Развитие нормативно-правового регулирования договорных отношений розничной купли-продажи товаров

Осипов Сергей Анатольевич,
аспирант кафедры «Правового регулирования бизнеса и гражданского судопроизводства», НОЧУ ВО «Московский финансово-промышленный университет „Синергия“»
E-mail: sergeybeast77@mail.ru

В статье освещаются наиболее актуальные вопросы нормативно-правового урегулирования договора по реализации материальных благ потребителям в Российской Федерации. Автор производит углубленный диссекционный анализ положений Гражданского кодекса и закона «О защите прав потребителей», которые регламентируют данный вид соглашения. Особое внимание уделяется проблемам обеспечения законных интересов приобретателей товаров для личных нужд при розничном приобретении материальных ценностей, таким как предоставление достоверной информации о продукции, соблюдение требований к ее потребительским свойствам и безвредности, порядку и срокам удовлетворения претензий пользователей в случае выявления дефектов товара. Также рассмотрены проблемы, с которыми сталкиваются продавцы при исполнении обязанностей по договору розничной реализации материальных благ, а также, вопросы ответственности реализатора за нарушение прав приобретателей. На основе анализа действующего законодательства и судебной практики автор выявляет противоречия в нормативно-правовом урегулировании, предлагает пути совершенствования норм, регламентирующих договор розничной купли-продажи товаров.

Ключевые слова: розничная купля-продажа, защита прав потребителей, качество товаров, информирование покупателей, сроки удовлетворения требований, обязанности продавца, ответственность продавца.

Введение

Договор розничной купли-продажи является одним из наиболее распространенных видов гражданско-правовых договоров, упорядочивающих взаимоотношения между продавцами и приобретателями товаров для индивидуальных нужд. Несмотря на детальную законодательную регламентацию данного вида договора в Гражданском кодексе Российской Федерации [1] и законе «О защите прав потребителей» [2], в практической деятельности возникает ряд проблем, связанных с обеспечением защищенности прав и законных интересов сторон договора, рассмотрение которых и является целью данной статьи.

Материалы и методы

Анализ статистических данных за период 2020–2023 гг. свидетельствует о сохранении высокого уровня количества споров, касающихся розничной реализации товаров. По информации Судебного департамента при ВС РФ, в 2020 году было рассмотрено около 1,2 млн дел, в 2021–1,1 млн, в 2022–1,3 млн, за 6 месяцев 2023 года – ок. 700 тыс. дел о защите прав потребителей.

Одной из наиболее острых проблем, выявленных на основе анализа судебной практики, является недостаточная защищенность прав покупателей при розничной реализации товаров. Несмотря на закрепленные в законодательстве гарантии для потребителей, их права régulièrement нарушаются [8].

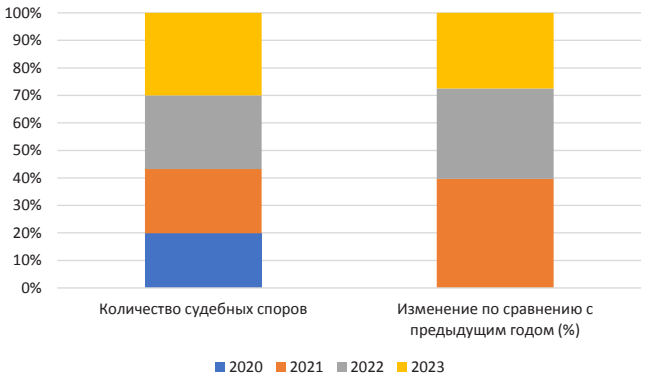

Рис. 1. Количество судебных споров, связанных с договорами розничной купли-продажи

Так, например, согласно данным Роспотребнадзора, в 2022 году было выявлено около 200 тысяч случаев нарушения прав потребителей при розничной купле-продаже товаров, что составило около 30% от общего числа обращений граждан. Наиболее распространенными нарушениями являют-

ся предоставление недостоверной или неполной информации о товаре, продажа товаров ненадлежащего качества, а также отказ в удовлетворении законных требований потребителей.

Анализ проблемных областей

Одной из наиболее острых проблем является недостаточная защищенность прав приобретателей при розничной реализации товаров. Несмотря на то, что законодательство предусматривает ряд гарантий для приобретателей, в том числе право на получение достоверной информации о товаре, право на качественный товар и право на своевременное удовлетворение требований в случае выявления дефектов, в реальных условиях эти права зачастую нарушаются. Автор предлагает усилить административную и гражданско-правовую ответственность продавцов за нарушение прав приобретателей, а также ввести более строгие санкции за предоставление недостоверной информации о товарах.

Основная же, на наш взгляд, проблема здесь, связана с нечетким определением понятия «существенный недостаток товара» в ГК РФ. Это приводит к разночтениям в судебной практике и затрудняет защиту прав потребителей. Исследователями [4; 8 и др.] высказывает предложение внести изменения в Гражданский кодекс Российской Федерации и предоставить четкое определение «существенного дефекта материального блага», а также закрепить перечень критериев, с помощью которых дефект сможет быть признан существенным.

Еще одна проблема, представленная в научных изысканиях [6 и др.], касается сроков удовлетворения требований потребителей. Установленные законодательством для устранения дефектов или замены товара, они являются слишком длительными, нарушающими интересы приобретателей. Целесообразно сократить указанные сроки и внедрить механизм компенсации потребителям за нарушение установленных сроков исполнения обязательств продавцом.

В последние годы договор розничной купли-продажи материальных благ для физических лиц остается одним из распространенных видов гражданско-правовых соглашений в РФ. Однако, несмотря на подробную нормативную регламентацию данного договора в ГК РФ и законе О защите прав потребителей, в практической деятельности по-прежнему возникают проблемы, связанные с обеспечением защиты прав и интересов сторон.

С другой стороны, существуют проблемы, связанные с защитой прав продавцов в договоре розничной купли-продажи. В ряде случаев законодательство необоснованно ограничивает права продавцов, что приводит к нарушению принципа равенства сторон в гражданских правоотношениях. Целесообразно внести изменения в ГК РФ и Закон РФ «О защите прав потребителей», которые позволят более гибко регулировать права и обязанности сторон в зависимости от конкретных обстоятельств сделки.

В систематизированном виде проблемы правового регулирования договора розничной купли-продажи товаров можно представить в табл. 1.

Таблица 1. Проблемы правового регулирования договора розничной купли-продажи товаров в Российской Федерации [5]

Проблема	Описание	Статистика	Предлагаемые меры
Недостатки товара	Товар имеет существенные недостатки, препятствующие его нормальному использованию	В 2022 году на долю споров, связанных с недостатками товара, пришлось 35,8% от общего числа судебных разбирательств	1. Ужесточить требования к качеству товаров 2. Усилить ответственность продавцов за реализацию некачественных товаров 3. Упростить процедуру возврата/обмена товара с недостатками
Нарушение сроков доставки	Продавец нарушает установленные сроки доставки товара покупателю	В 2022 году споры, связанные с нарушением сроков доставки, составили 22,8% от общего числа судебных разбирательств	1. Ввести систему штрафов за нарушение сроков доставки 2. Обязать продавцов предоставлять точную информацию о сроках доставки 3. Усилить контроль за соблюдением сроков доставки
Некачественная упаковка	Товар доставляется в поврежденной или ненадлежащей упаковке	На споры, связанные с некачественной упаковкой, в 2022 году пришлось 12,7% от общего числа судебных разбирательств	1. Ужесточить требования к упаковке товаров 2. Ввести систему штрафов за некачественную упаковку 3. Усилить контроль за качеством упаковки на всех этапах логистической цепочки
Несоответствие описанию	Товар не соответствует описанию, представленному продавцом	В 2022 году споры, связанные с несоответствием товара описанию, составили 9,7% от общего числа судебных разбирательств	1. Обязать продавцов предоставлять полную и достоверную информацию о товаре 2. Ввести систему штрафов за предоставление недостоверной информации 3. Упростить процедуру возврата/обмена товара в случае несоответствия описанию
Отсутствие гарантии	Продавец не предоставляет гарантию на товар или нарушает условия гарантийного обслуживания	В 2022 году на долю споров, связанных с отсутствием или нарушением гарантии, пришлось 7,2% от общего числа судебных разбирательств	1. Ужесточить требования к предоставлению гарантии на товары 2. Ввести систему штрафов за нарушение условий гарантийного обслуживания 3. Усилить контроль за соблюдением гарантийных обязательств продавцами

Окончание

Проблема	Описание	Статистика	Предлагаемые меры
Недобросовестная реклама	Продавец распространяет недостоверную или вводящую в заблуждение рекламу о товаре	На споры, связанные с недобросовестной рекламой, в 2022 году пришлось 5,4% от общего числа судебных разбирательств	1. Ужесточить требования к достоверности рекламы товаров 2. Ввести систему штрафов за распространение недобросовестной рекламы 3. Усилить контроль за соблюдением законодательства о рекламе
Нарушение прав потребителей	Продавец нарушает установленные законом права потребителей	В 2022 году на долю споров, связанных с нарушением прав потребителей, пришлось 6,8% от общего числа судебных разбирательств	1. Повысить осведомленность потребителей об их правах 2. Ввести систему штрафов за нарушение прав потребителей 3. Усилить контроль за соблюдением законодательства о защите прав потребителей

На основании проведенного анализа проблемных ситуаций, наиболее оптимальным направлением совершенствования правового регулирования, на наш взгляд, может стать имплементация поправок в Гражданский кодекс РФ и Закон РФ «О защите прав потребителей», направленных на повышение ответственности продавцов за нарушение интересов покупателей, конкретизацию дефиниций (в частности, определения «существенного дефекта товара»), сокращение сроков удовлетворения претензий со стороны потребителей, а также внедрение механизма возмещения ущерба покупателям в случае несоблюдения установленных сроков исполнения обязательств. При этом необходимо предусмотреть более гибкое законодательное урегулирование прав и обязанностей сторон договора с учетом специфики каждой конкретной сделки для обеспечения баланса интересов продавцов и потребителей.

Проанализировав различные научные источники [4; 6 и др.], можно сделать вывод, что проблемы правового регулирования договора розничной купли-продажи товаров в Российской Федерации являются многогранными и требуют комплексного подхода к их решению. С одной стороны, необходимо усилить защиту прав потребителей, особенно в вопросах предоставления достоверной информации о товарах, соблюдения качества и безопасности товаров, сокращения сроков удовлетворения требований потребителей. С другой стороны, следует обеспечить баланс интересов сторон договора, не допуская необоснованного ограничения прав продавцов.

Как отмечают эксперты, в ряде случаев законодательство необоснованно ограничивает права продавцов, что приводит к нарушению принципа равенства сторон в гражданских правоотношениях. Это особенно актуально в отношении договоров, заключаемых с участием индивидуальных предпринимателей и малых предприятий, для которых чрезмерные ограничения могут создавать серьезные риски для ведения бизнеса [3].

Рекомендации для последующего решения проблем и обсуждение результатов исследований

Проанализировав статистические показатели и экспертные мнения, можно сделать заключение, что проблемы нормативно-правового обеспечения договора розничной купли- продажи товаров для физических лиц в Российской Федерации сохраняют актуальность и требуют комплексного подхода к их разрешению. С одной стороны, необходимо усилить защищенность прав приобретателей, особенно в аспектах предоставления достоверной информации о товарах, обеспечения качества и безопасности товаров, сокращения сроков удовлетворения требований потребителей. С другой стороны, следует обеспечить равновесие интересов сторон договора, не допуская необоснованного ограничения прав реализаторов.

Заключение

По результатам проведенного анализа, наиболее эффективным направлением совершенствования нормативно-правового регулирования может стать имплементация поправок в Гражданский кодекс РФ и Закон РФ «О защите прав потребителей», направленных на повышение ответственности продавцов за нарушение прав покупателей, конкретизацию дефиниций (в частности, определения «существенного дефекта товара»), сокращение сроков удовлетворения претензий со стороны потребителей, а также внедрение механизма возмещения ущерба покупателям в случае несоблюдения установленных сроков исполнения обязательств. Вместе с тем, необходимо предусмотреть более гибкое регулирование прав и обязанностей сторон договора, учитывающее конкретные обстоятельства сделки, что позволит обеспечить баланс интересов продавцов и потребителей.

Такой комплексный подход, основанный на анализе научных источников и судебной практики, позволит повысить эффективность правового регулирования договора розничной купли-продажи товаров, обеспечить надлежащую защиту прав и законных интересов как потребителей, так и продавцов.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 28.06.2022, с изм. от 07.10.2022) (гл. 30 «Купля-продажа») [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.consultant.ru/docu-

ment/cons_doc_LAW_9027/b9a7fef96e7e8340d8a8c9b1a0921be0e0ab8e9a/ (дата обращения: 30.05.2024).
2. Закон РФ от 07.02.1992 N 2300–1 (ред. от 11.06.2022) «О защите прав потребителей» [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/9e8c2dc7a529d8344a6edfe9922a7a04ac36a4c0/ (дата обращения: 30.05.2024).
3. Егорова М.А. Проблемы защиты прав потребителей при продаже товаров дистанционным способом // Законодательство. 2021. № 5. С. 27–35.
4. Кузнецова О.В. Правовое регулирование розничной купли-продажи: проблемы и перспективы развития // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2022. № 1. С. 89–98.
5. Михайлова И.А. Защита прав потребителей при осуществлении розничной купли-продажи: Монография. – М.: Юстицинформ. 2019. 176 с.
6. Новицкий И.Б. Римское право. М.: КНОРУС. 2021. 320 с.
7. Романец Ю.В. Система договоров в гражданском праве России: Монография. М.: Проспект. 2020. 352 с.
8. Сергеев А.П., Толстой Ю.К. Гражданское право. Том 2. М.: Проспект. 2020. 848 с.

DEVELOPMENT OF LEGAL REGULATION OF CONTRACTUAL RELATIONS FOR THE RETAIL PURCHASE AND SALE OF GOODS

Osipov S.A.
Moscow Financial and Industrial University "Synergy"

This article highlights the most pressing issues of the legal regulation of the contract for the sale of material goods to consumers in the Russian Federation. The author performs an in-depth dissection analysis of the provisions of the Civil Code and the Law "On Protection of Consumer Rights", which regulate this type of agreement. Particular attention is paid to the problems of ensuring the legitimate interests of purchasers of goods for personal needs during the retail acquisition of material assets, such as providing reliable information about products, compliance with requirements for their consumer properties and harmlessness, the procedure and time frame for satisfying user claims in the event of detection of product defects. The problems that sellers face when fulfilling their obligations under a contract for the retail sale of material goods, as well as issues of the seller's responsibility for violating the rights of purchasers, are also considered. Based on an analysis of current legislation and judicial practice, the author identifies contradictions in the regulatory framework and suggests ways to improve the rules governing the contract for the retail purchase and sale of goods.

Keywords: retail purchase and sale, consumer protection, quality of goods, informing buyers, deadlines for satisfying requirements, duties of the seller, responsibility of the seller.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Civil Code of the Russian Federation) (Part Two) dated January 26, 1996 N 14-FZ (as amended on June 28, 2022, as amended on October 7, 2022) (Chapter 30 "Purchase and Sale") [Electronic resource] Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/b9a7fef96e7e8340d8a8c9b1a0921be0e0ab8e9a/ (date of access: 05/30/2024).
2. Law of the Russian Federation dated 02/07/1992 N 2300–1 (as amended on 06/11/2022) "On the protection of consumer rights" [Electronic resource] Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/9e8c2dc7a529d8344a6edfe9922a7a04ac36a4c0/ (date of access: 05/30/2024).
3. Egorova M.A. Problems of protecting consumer rights when selling goods remotely // Legislation. 2021. No. 5. P. 27–35.
4. Kuznetsova O.V. Legal regulation of retail purchase and sale: problems and development prospects // Vestnik VGU. Series: Law. 2022. No. 1. P. 89–98.
5. Mikhailova I.A. Protection of consumer rights in retail purchase and sale: Monograph. – M.: Justitsinform. 2019. 176 p.
6. Novitsky I.B. Roman law. M.: KNORUS. 2021. 320 p.
7. Romanets Yu.V. System of contracts in civil law of Russia: Monograph. M.: Prospekt. 2020. 352 p.
8. Sergeev A.P., Tolstoy Yu.K. Civil law. Volume 2. M.: Prospekt. 2020. 848 p.

Доктринальное определение правовой природы объекта самовольного строительства

Переверзев Илья Олегович,
студент, кафедра гражданского права, Институт философии и права Новосибирского государственного университета
E-mail: ilya.pereverzev.2002@gmail.com

Автор ставит перед собой *цель* решить проблему двойственной природы объекта самовольного строительства, так как до сих пор эта проблема была не решена, ни в доктрине, ни в законодательных положениях. *Методологической основой* исследования выступают формально-юридический, системный и методы. В работе рассматриваются, две позиции, согласно одной самовольная постройка является правонарушением, согласно другой самовольная постройка, носит двойственный характер. По общему правилу самовольная постройка является правонарушением, но объектами самовольного строительства могут быть только объекты недвижимости, что создает дискуссию вокруг природы таких объектов.
Автор приходит к выводу о том, что на данный момент проблема двойственной природы объекта самовольного строительства не решена, так как по общему правилу самовольная постройка это правонарушение и она подлежит сносу, но законодатель, говорит о, том что объектами самовольного строительства могут стать только недвижимые вещи, соответственно, ставится вопрос о том, чем все-таки является самовольная постройка. Но в конечном итоге, самовольная постройка будет являться правонарушением, так как её невозможно зарегистрировать и она не может выступать объектом вещного права, так как у её хозяина нет права собственности на такой объект.

Ключевые слова: самовольная постройка, объект недвижимости, правовая природа, двойственная правовая природа, административный снос, правонарушение.

Законодательное и базовое определение самовольной постройки закреплено в пункте 1 статьи 222 Гражданского кодекса РФ «Самовольной постройкой является здание, сооружение или другое строение, возведенные или созданные на земельном участке, не предоставленном в установленном порядке, или на земельном участке, разрешенное использование которого не допускает строительства на нем данного объекта, либо возведенные или созданные без получения на это необходимых в силу закона согласований, разрешений или с нарушением градостроительных и строительных норм и правил, если разрешенное использование земельного участка, требование о получении соответствующих согласований, разрешений и (или) указанные градостроительные и строительные нормы и правила установлены на дату начала возведения или создания самовольной постройки и являются действующими на дату выявления самовольной постройки».

Понятие, данное в статье 222 Гражданского кодекса, не является единственным, также определение самовольной постройки закреплено в ФЗ «Об архитектурной деятельности в Российской Федерации» (статья 24–25).

Вместе с тем многие ученые, занимающиеся изучением самовольной постройки, пытаются сформулировать более четкое и конкретное определение самовольной постройки, разграничить самовольное строительство и самовольную постройку.

Так, А.В. Иваненко считает, что объектом самовольного строительства может быть признан «объект недвижимого имущества, представляющий собой результат (завершенный или незавершенный) строительной деятельности, осуществляемый вне правовых рамок допустимой возможности создания таких объектов» [1]. Станиславов Д.И. предлагает пункт 1 статьи 222 обозначать не как самовольная постройка, а как самовольное строительство [2]. То есть самовольная постройка является последствием незаконной деятельности, которую впоследствии можно легализовать, а самовольное строительство это процесс, который необходимо остановить в момент возведения самовольной постройки.

Таким образом, самовольная постройка представляет собой имущество, попадающее под признаки объекта недвижимости, но создание которого обусловлено нарушением установленных норм земельного законодательства, регулирующего предоставление земельного участка под строительство, а также и градостроительных норм, регулирующих проектирование и строительство.

Если говорить о правовой природе самовольной постройки, то многие ученые которые рассматривают этот вопрос решили, что самовольная постройка считается недвижимой вещью и данное утверждение считается доказанным, но В.А. Бетхер в своей работе «Самовольное создание и изменение объектов недвижимости в Российской Федерации» [3], ставит вопрос о том, можно ли самовольную постройку вообще признать вещью или объектом гражданских прав.

В юридической сфере продолжается обсуждение природы самовольной постройки: является ли она исключительно правонарушением или имеет более сложный характер.

В научной литературе еще не достигнут консенсус по этому вопросу, однако законодатель в статье 222 Гражданского кодекса Российской Федерации однозначно трактует самовольную постройку как правонарушение. Лишь после регистрации объект может считаться частью гражданских правоотношений.

Самовольное строительство, как правило, влечет за собой ряд негативных последствий.

Снос самовольных построек в России может осуществляться как в административном, так и в судебном порядке. Административный снос выполняется соответствующими государственными органами без обращения в суд, тогда как судебный снос предполагает вынесение решения судом о необходимости ликвидации постройки. Одним из важнейших аспектов является отказ лицу, возвёдшему постройку, в праве приобретения собственности на неё.

Самовольное строительство считается правонарушением, и застройщик, не имея необходимых разрешений, не может претендовать на законное владение такой недвижимостью. Даже если застройщик вложил значительные средства и усилия в создание постройки, без легализации через установленные правовые процедуры, он не сможет стать её законным владельцем. Это положение обусловлено необходимостью соблюдения норм градостроительного законодательства и предотвращения хаотичной застройки территорий.

Требования к объектам капитального строительства направлены на обеспечение их безопасной эксплуатации. Нарушение этих норм при самовольном строительстве может привести к ответственности согласно законодательству РФ.

Заключение включает предложения по совершенствованию законодательства, часто встречающиеся в литературе:

– Возможность оспаривания решений о сносе в суде, даже если постройка признана самовольной;
– Установление четких сроков для исполнения решений о сносе как в административном, так и в судебном порядке;
– Расширение перечня случаев для административного сноса для более эффективной борьбы с самовольным строительством;
– Введение механизмов контроля за деятельностью органов власти при принятии решений о сносе для минимизации рисков злоупотреблений.

Также самовольная постройка обладает признаками вещи, которые выделяет Л.В. Щенникова:

1. Признак телесности.

2. Доступность господства субъектов гражданского права.

3. Способность удовлетворить потребности человека [4].

Существуют также позиции, утверждающие, что самовольная постройка не является объектом вещного права [5].

Во-первых, лицо, построившее такой объект, не наделяется правомочием распоряжения до тех пор, пока объект не будет узаконен. Это подчеркивает необходимость правового регулирования и четкой процедуры легализации самовольных построек.

Для совершенствования законодательства в этой области также можно предложить:

– разработку четких критериев и процедур для легализации самовольных построек;
– создание специального органа или комиссии, которая будет рассматривать дела о легализации таких объектов;
– установление механизма компенсации за снос самовольных построек, если они соответствуют определенным техническим и эксплуатационным нормам, но были возведены с нарушением процедуры.

Эти меры помогут урегулировать вопросы самовольного строительства и минимизировать негативные последствия для всех участников гражданских правоотношений.

В августе 2018 года, законодатель решил изменить положения статьи 222 ГК РФ, в контексте того, чтобы окончательно устранить двойственную правовую природу самовольной постройки и признать самовольное строительство как правонарушение. На что неоднократно указывал Конституционный суд Российской Федерации в своих определениях (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 марта 2017 г. N 609-О). Рассматривая правовую природу самовольной постройки в контексте её статуса как недвижимости, следует учитывать судебную практику, которая квалифицирует самовольное строительство как недвижимое имущество.

При этом положения статьи 222 Гражданского кодекса РФ не применимы к объектам, созданным самовольно и не являющимся недвижимостью. Хотя большинство судов признают самовольную постройку недвижимостью, её возведение остаётся правонарушением, что исключает возникновение права собственности на неё с момента создания.

Таким образом, гарантии, закреплённые в статьях 35 и 40 Конституции, не распространяются на владельцев самовольных построек, поскольку право собственности на них не признаётся законным, а самовольное строительство квалифицируется как правонарушение, за которое предусмотрен снос.

Согласно пункту 1 статьи 222 ГК РФ, можно выделить признаки, по которым здание, сооружение или иное строение может быть признано самовольной постройкой и, следовательно, правонарушением.

Во-первых, самовольная постройка создаётся с нарушением норм земельного законодательства, в частности правил землеотвода. Это выражается в том, что строительные работы проводились на участке, не предоставленном в установленном законодательством порядке, что свидетельствует о незаконности использования данного участка для строительства.

Во-вторых, самовольная постройка может возводиться на земельном участке, режим разрешенного использования которого не допускает строительство объекта, который застройщик хочет возвести на данной территории. Например, строительство жилого дома на сельскохозяйственных землях без изменения их целевого назначения является нарушением земельного законодательства. Расширяя данный анализ, можно отметить, что правонарушение в виде самовольного строительства может также включать в себя нарушение градостроительных норм и правил. Это может выражаться в игнорировании обязательных требований по планировке и застройке территорий, что может привести к созданию аварийно опасных объектов. В некоторых случаях это может угрожать безопасности граждан и их имуществу.

Также важным признаком самовольного строительства является отсутствие необходимой разрешительной документации, такой как разрешение на строительство, проектная документация и заключения экспертизы. Без этих документов невозможно гарантировать, что возводимый объект соответствует требованиям безопасности, экологическим стандартам и санитарно-гигиеническим нормам.

Таким образом, соблюдение норм и правил строительства, а также получение всех необходимых разрешений является критически важным для законного возведения зданий и сооружений.

Это не только предотвращает правовые риски, но и способствует созданию безопасной и комфортной среды для жизни и работы. Пример этому есть в определение ВС РФ от 9.06.2020 № 18-КГ20–198, где Верховный суд указал, что не допускается совершать капитальное строительство на участке, предназначенном для для возведения временных строений либо легко возводимых конструкций. Также можно сказать о том, что бывают случаи, когда арендатор злоупотребляет своим правом и может возвести на земле арендодателя объект капитального строительства, хотя такого условия в договоре не было указано и это событие в крайних случаях может привести к утрате арендодателем своего земельного участка в таком случае нужно подавать иск и также в литературе есть точка зрения при которой на законодательном уровне необходимо ввести процент от площади земельного участка, который может занять лицо осуществившее самовольную постройку без потери права собственности на этот участок со стороны его законного владельца.

Для признания объекта самовольного строительства правонарушением является условие о том, что строительство осуществлено без санкционирования уполномоченных на это органы, то есть без разрешения на строительство и ввода постройки в эксплуатацию о важности данных документов, речь будет идти следующих параграфах.

В обзоре Верховного суда по делам, связанным с самовольным строительством в пункте 19 Суд, отменяя решения суда первой и второй инстанции, указал, что суд апелляционной инстанции руководствовался положениями статьи 222, пункта 1 статьи 262 ГК РФ, пункта 12 статьи 1 ГрК РФ, пункта 12 статьи 85 ЗК РФ и пункта 8 статьи 28 Федерального закона от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» и исходил из того, что земельный участок, на котором находится часть спорного объекта, не предоставлен истцу на каком-либо праве, допускающем строительство, что свидетельствует об отсутствии условий признания права собственности на самовольную постройку. При этом доказательств возможности устранения выявленного нарушения представлено не было.

Также следует учитывать нарушения территориального зонирования, которое регламентировано в статьях 35–40 Градостроительного кодекса Российской Федерации.

В заключение, следует подчеркнуть, что государственное регулирование в сфере строительства направлено на обеспечение безопасности и благополучия общества. Законодательство устанавливает четкие рамки и требования, которые необходимо соблюдать для предотвращения правонарушений и обеспечения устойчивого развития территорий. Самовольное строительство является правонарушением. Несмотря на это, законодатели и судебная практика классифицируют самовольно возведенные строения как недвижимость ввиду их физической природы. Однако их правовой статус существенно отличается от иных объектов недвижимости.

Самовольные постройки ухудшают эстетику населенных пунктов, создавая ощущение беспорядка и хаоса, а также способствуя образованию трущоб. Они могут нарушать права соседей, блокируя доступ к свету и воздуху или создавая шум и дискомфорт. Такие строения часто возводятся без соблюдения строительных норм и правил, что ставит под угрозу безопасность и здоровье, проживающих в них людей. Они могут быть небезопасны при землетрясениях, иметь неисправную электропроводку или другие дефекты, которые могут привести к несчастным случаям или авариям.

Литература

1. Иваненко А.В. Теоретические и практические аспекты понимания и легализации самоволь-

ной постройки: автореф. дис… канд. юрид. наук: 12.00.03. – Волгоград, 2013. – С. 20–52.
2. Станиславов Д.И. Некоторые вопросы сноса самовольной постройки // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2011. – № 1. – С. 75–80.
3. Бехтер В.А. Самовольное создание и изменение объектов недвижимости в Российской Федерации: дисс. … канд. юр. наук. Омск, 2016. – 280 с.
4. Щенникова Л.В. Вещное право: учебное пособие. М.: юристъ,2006 – С. 35–44
5. Тюленева И.Г. Требование о сносе самовольной постройки как способ обеспечения надлежащего использования земельного участка // Российский юридический журнал. – 2018. – N 6. – С. 183.

DOCTRINAL DEFINITION OF THE LEGAL NATURE OF AN UNAUTHORIZED CONSTRUCTION PROJECT

Pereverzev I.O.
Novosibirsk State University

The author aims to solve the problem of the dual nature of the unauthorized construction object, since so far this problem has not been solved, neither in doctrine nor in legislative provisions. The methodological basis of the research is formal legal, systemic and methods. The paper considers two positions, according to one unauthorized construction is an offense, according to the other unauthorized construction is of a dual nature. As a general rule, unauthorized construction is an offense, but only real estate objects can be objects of unauthorized construction, which creates a discussion around the nature of such objects.
The author concludes that at the moment the problem of the dual nature of the unauthorized construction object has not been solved, since, as a general rule, unauthorized construction is an offense and it is subject to demolition, but the legislator says that only immovable things can become objects of unauthorized construction, accordingly, the question is raised about what an unauthorized construction is after all. But in the end, unauthorized construction will be an offense, since it cannot be registered and it cannot act as an object of property right, since its owner does not have ownership rights to such an object.

Keywords: unauthorized construction, real estate object, legal nature, dual legal nature, administrative demolition, offense.

References

1. Ivanenko A.V. Theoretical and practical aspects of understanding and legalization of unauthorized construction: abstract of thesis. dis… cand. legal Sciences: 12.00.03. – Volgograd, 2013. – P. 20–52.
2. Stanislavov D.I. Some issues of demolition of unauthorized construction // Laws of Russia: experience, analysis, practice. – 2011. – No. 1. – P. 75–80.
3. Bekhter V.A. Unauthorized creation and modification of real estate in the Russian Federation: dissertation. …cand. legal Sci. Omsk, 2016. – 280 p.
4. Shchennikova L.V. Property law: textbook. M.: lawyer, 2006 – P. 35–44
5. Tyuleneva I.G. Requirement for demolition of unauthorized construction as a way to ensure proper use of land // Russian Legal Journal. – 2018. – N 6. – P. 183.

Понятийный аппарат как критерий самостоятельности корпоративного права в российской законодательной системе

Саратов Александр Сергеевич,
аспирант, кафедра предпринимательского и корпоративного права Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: alsarlaw@gmail.com

Дискуссия о самостоятельности как отрасли права той или иной группы норм права, регулирующей определенные общественные отношения достаточно активно ведется в современной юридической науке. Автор статьи помимо классических критериев разделения групп права исходя из их предмета и метода правового регулирования приводит в качестве дополнительного критерия наличие развитого терминологического аппарата. С точки зрения данного критерия автором рассматривается корпоративное право на предмет отраслевой самостоятельности. В статье указывается на отсутствие на настоящий момент времени доктринальных и законодательно установленных понятий корпоративного права, среди которых понятие «транснациональное предпринимательское объединение». Автор статьи с опорой на доктринальные разработки ведущих ученых-правоведов в области корпоративного права представляет вариант данного понятия и выражает свое мнение относительно самостоятельности корпоративного права как отрасли права.

Ключевые слова: гражданское право, корпоративное право, дефиниция, понятийно-категориальный аппарат, предпринимательское объединение, транснациональное предпринимательское объединение.

Дискуссия об отнесении той или иной группы норм права к самостоятельной отрасли права все чаще поднимается в научных кругах. По вопросу целесообразности дробления существующей системы права, в том числе дробления существующих, устоявшихся отраслей права на отрасли, состоящие из более мелких групп правовых норм, институтов и подинститутов, существуют две точки зрения. Согласно одной из них, консервативной, новые отрасли права – избыточные явления современной правовой науки, которые, при желании, можно размножать до бесконечности, что, в итоге, только помешает четкому правовому регулированию.

Так, по мнению А.А. Головиной, появление большого количества отраслей права является «неблагоприятной тенденцией для целостного системного развития правой науки и юридической практики, способствует «размыванию» системы права, приводит к утрате четких границ между понятиями отрасли права, подотрасли права и института права» [1].

Согласно другой точке зрения спорных отраслей права есть не что иное, как развитие права как системы законодательства и правовой науки как области научного знания.

Отрасль права – главная часть системы права, отличающаяся специальным режимом юридического регулирования и охватывающая целые участки, комплексы однородных общественных отношений [2].

Отечественная дореволюционная, советская и современная правовые доктрины до сих пор так и не выработали единого подхода в вопросе критерия, определяющего деление системы российского права на отдельные отрасли, а разные ученые правоведы предлагали разные критерии деления системы права [3].

Важно отметить, что существующий подход к разделению правовой системы Российской Федерации на отрасли исходя из предмета и метода правового регулирования подвергается критике и все больше переходит в раздел дискуссионного.

В данном контексте остро встает вопрос о критериях, оценивая потенциальную новую отрасль права по которым можно делать вывод о ее существовании как самостоятельной. Представляется необходимым определить определенные признаки, критерии, смотря на которые можно было бы отнести ту или иную группу общественных отношений к самостоятельной отрасли права.

Некоторые авторы, стараясь выйти за достаточно тесные рамки предмета правового регули-

рования и его метода, как основных, базовых критериев деления права на отрасли, вырабатывают иные оценочные категории, среди которых все чаще встречается наличие отраслевого понятийного аппарата. Согласно данному критерию каждой самостоятельной отрасли права, должен принадлежать собственный блок фундаментальных отраслевых понятий.

Считаем возможным отнести к важному критерию самостоятельной отрасли права наличие развитой терминологической системы. Действительно, фундаментальной основой юридического языка является юридическая терминология, которая пронизывает как законодательство, регулирующее определенные правовые отношения, так и правовую науку, которая разрабатывает доктринальные положения. Представляется возможным считать под юридическим термином некую совокупность правовых понятий, посредством которых осуществляется попытка сформулировать и конкретно идентифицировать то или иное правовое явление.

Природа и место корпоративных правоотношений в системе правового регулирования отечественного права являются спорными, дискуссионными вопросами с момента их выявления в качестве специфических правоотношений. И.С. Шиткина считает корпоративное право предметно и структурно обособившейся частью российского права, которая аккумулирует нормы права, регулирующие как внутренние отношения в корпорации, так и внешние отношения, связанные с созданием. деятельностью и прекращением корпораций как отдельной группы юридических лиц, устроенных на началах участия (членства) [4].

Т.В. Кашанина же указывает на уникальность системы норм права, регулирующих корпоративные отношения, в создании которой принимают участие и сами члены корпорации [5].

Представляется возможным считать, что корпоративное право есть подотрасль предпринимательского права, объединяющая в себе значительную часть норм предпринимательского права и регулирующая однородную группу общественных отношений. Полагаем возможным отметить, что при определении отрасли права в основу в первую очередь должны быть заложены, наряду с правовым существом рассматриваемых отношений, правовые категории.

Действительно, понятийный аппарат, категорийный аппарат является важным критерием отделения одной отрасли права от другой и по качеству развития которых можно судить об обособленности группы общественных отношений. Поэтому крайне важно изучение и развитие понятийного аппарата корпоративного права в целях определения степени его самодостаточности и обособленности от иных отраслей права.

Отечественный правопорядок как генерирует самостоятельно, так и вполне успешно заимствует необходимые термины из иностранных правовых систем. Современный понятийный аппарат корпоративного права как научной дисциплины, так и группы норм права, регулирующих корпоративные отношения и претендующих на отраслевую самостоятельность, постоянно развивается. Но, несмотря на развитие, существуют проблемы определения как общих, так и специальных терминов корпоративного права.

Некоторые термины и вовсе отсутствуют как в законодательстве, так и в доктрине, что усложняет как изучение корпоративного права, так и его правоприменение.

Примером такого отсутствующего определения является транснациональное предпринимательское объединение.

В современных экономических реалиях неизбежно формирование новых форм международного экономического сотрудничества России с иностранными государствами. Большая часть такого сотрудничества связана с осуществлением деятельности международных бизнес-организаций, а от наиболее полного и четкого регулирования деятельности таких организаций зависит качество их функционирования.

На настоящий момент времени в действующем законодательстве отсутствует понятийный аппарат как транснационального предпринимательского объединения, так и предпринимательского объединения, несмотря на фактическую экономическую активность таких квазисубъектов права, например, холдингов. Несмотря на ведущиеся в юридической науке споры об определении точной дефиниции этого термина, он активно используется в юридической литературе.

Видится возможным, учитывая важность создания такой дефениции как «транснациональное предпринимательское объединение» изначально осуществить попытку определения дефиниции «предпринимательское объединение», что можно сделать исходя из анализа отличительных черт таких объединений, выделяемых учеными правоведами и синтеза таких черт в единое целое.

К.Я. Портной выделял в качестве отличительного признака предпринимательского объединения осуществление таким объединением единой и согласованной экономической политики в сфере хозяйственного оборота [6].

Аналогичной точки зрения придерживается и О.В. Белоусов, который под объединением определяет организацию, участники которой осуществляют согласованную деятельность [7].

В своей работе В.А. Лаптев, исходя из анализа признаков предпринимательских объединений, предложенных учеными правоведами, выделяет 4 основных:

1) Предпринимательское объединение есть объединение двух и более хозяйствующих субъектов;

2) Участники предпринимательского объединения объединены между собой определенного рода взаимосвязью (экономической, организационной, иной);

3) Предпринимательское объединение создается с целью преодоления многоаспектных технологических, технических, финансовых проблем,

реализации проектов инвестиционного, научно-технического и иного характера, но все цели создания предпринимательского объединения замыкаются на основном признаке предпринимательской деятельности – достижения наибольшей прибыли;

4) Предпринимательское объединение проводит единую экономическую политику [8].

Таким образом, ученым выведена следующая дефиниция: предпринимательское объединение – объединение двух и более коммерческих организаций и/или индивидуальных предпринимателей, между которыми существуют экономическая и/или организационная зависимость в форме участия в уставном (паевом, складочном) капитале (фонде) и/или управлении хозяйственной деятельностью, образованное в целях защиты общих интересов, координации усилий в разрешении сложных проблем, реализации проектов и целевых программ и проводящее единую экономическую политику.

И.С. Шиткина под предпринимательскими объединениями понимает устойчивую форму интеграции, участники которой, оставаясь формально независимыми субъектами, осуществляют согласованную предпринимательскую деятельность в интересах объединения в целом [9].

Существующие научные подходы допускают достаточно вольные формулировки при обозначении сходных по своей сути явлений. Так, например, предпринимательское объединение в научной литературе может заменяться термином «хозяйственное объединение» и другими, что несколько затрудняет процессы правопонимания.

В целях унификации понятийного ряда, ввиду того, что разрабатываемое понятие является базовым, ключевым термином потенциального правового института, предлагается использование единой формулировки – «предпринимательское объединение».

На основе двух вышеуказанных вариантов определения термина «предпринимательское объединение», а также перечисленных выше признаков такого определения предлагается изложить определение предпринимательского объединения в следующем виде: предпринимательское объединение – объединение двух или более взаимосвязанных субъектов предпринимательской деятельности, образованное с целью получения прибыли путем координации деятельности и проводящее единую экономическую политику.

Данный вопрос активно изучался и советскими правоведами. Понятие предпринимательского объединения не было дано в тот период времени в связи с тем, что ученые того периода времени пришли к выводу о том, что нельзя определять дефиницию таких определений без учета сферы его экономической деятельности [10].

Предлагаемая дефиниция может выступать родовой по отношению к предпринимательским объединениям, осуществляющим деятельность в конкретных сферах экономики. Таким образом, формулировка в такой версии согласуется с мнением вышеупомянутым мнением В.В. Лаптева о необходимости дефинирования предпринимательских объединений применительно к сферам их деятельности.

Определив базовую дефиницию предпринимательского объединения, представляется возможным дать понятие и транснациональному предпринимательскому объединению.

Стоит отметить, что в доктринальных положениях касательно определения понятий транснациональных предпринимательских объединений, транснациональных предпринимательских корпораций также отсутствует единообразие. Многими исследователями права в отношении такого типа объединений выделяются два основных признака, отвечающих за транснациональность этих объединений. Во-первых, транснациональность означает многонациональность осуществления деятельности, присутствие в двух и более странах. Во-вторых, опять же, возможность таких объединений проводить согласованную политику [11].

Таким образом, транснациональное предпринимательское объединение – объединение двух или более взаимосвязанных субъектов предпринимательской деятельности, осуществляющее свою деятельность в двух и более государствах, образованное с целью получения прибыли путем координации деятельности и проводящее единую экономическую политику.

Говоря о самостоятельности корпоративного права как отрасли права считаем возможным высказать мнение, согласно которому на настоящий момент времени корпоративное право является значительно обособившейся частью гражданского права, для полного формирования в самостоятельную отрасль которой необходимо дальнейшее развитие, в том числе и путем формирования понятийно-категориального аппарата, который в последующем будет использован законодателем в корпоративном нормотворчестве.

Литература

1. Критерии образования самостоятельных отраслей в системе российского права. Автореф. дис. … канд. юрид. наук / Головина А.А. – М., 2012. 34 с.
2. Государство и право. Начальный курс / Алексеев С.С.. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрид. Лит., 1994. 192 с.
3. Лаптев, В.А. Корпоративное право: правовая организация корпоративных систем: монография / Лаптев В.А. – Москва: Проспект, 2019. 384 с.
4. Корпоративное право: Учебник / Отв. Ред. И.С. Шиткина. – М.: Статут, 2019. 735 с.
5. Кашанина Т.В. Структура права. М.: Проспект, 2015. 580 с.
6. К.Я. Портной. Правовое положение холдингов в России // Научно-практическое пособие. – М.: Волтерс Клувер. 2004. 304 с.
7. О.В. Белоусов. Правовые формы предпринимательских объединений по законодатель-

ству ФРГ и России. Дисс… канд. Юрид. Наук. М.1998. 23 с.
8. Правосубъектность предпринимательских объединений. Дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03 / Лаптев В.А. – М., 2005. 162 с.
9. Правовое регулирование организации и деятельности холдинга как формы предпринимательского объединения. Дис. … д-ра юрид. наук / Шиткина И.С. – М., 2006. 608 с.
10. Правовое положение промышленных и производственных объединений / Лаптев В.В.; Отв. ред.: Тадевосян В.С. – М.: Наука, 1978. 247 с.
11. Защита прав инвестора транснациональной корпорации. Автореф. дис. … канд. юрид. наук / Сутормин Н.А. – М., 2011. 23 с.

CONCEPTUAL APPARATUS AS A CRITERION FOR THE INDEPENDENCE OF CORPORATE LAW IN THE RUSSIAN LEGISLATIVE SYSTEM

Saratov A.S.
Kutafin Moscow State Law University

The discussion about the independence of a particular group of legal norms as a branch of law, regulating certain social relations, is quite actively conducted in modern legal science. The author of the article, in addition to the classical criteria for dividing groups of law based on their subject and method of legal regulation, cites the presence of a developed terminological apparatus as an additional criterion. From the point of view of this criterion, the author examines corporate law for the subject of branch independence. The article points out the absence at the present time of doctrinal and legislatively established concepts of corporate law, including the concept of "transnational business association". The author of the article, relying on the doctrinal developments of leading legal scholars in the field of corporate law, presents a version of this concept and expresses his opinion regarding the independence of corporate law as a branch of law.

Keywords: civil law, corporate law, definition, conceptual and categorical apparatus, business association, transnational business association.

References

1. Criteria for the formation of independent branches in the system of Russian law. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation / Golovina A.A. – M., 2012. 34 p.
2. State and Law. Basic Course / Alekseev S.S. – 2nd ed., revised and enlarged. – M.: Legal Literature, 1994. 192 p.
3. Laptev, V.A. Corporate Law: Legal Organization of Corporate Systems: Monograph / Laptev V.A. – Moscow: Prospect, 2019. 384 p.
4. Corporate Law: Textbook / Ed. I.S. Shitkina. – M.: Statut, 2019. 735 p.
5. Kashanina T.V. Structure of Law. M.: Prospect, 2015. 580 p.
6. K. Ya. Portnoy. Legal status of holdings in Russia // Scientific and practical manual. – M.: Wolters Kluwer. 2004. 304 p.
7. O. V. Belousov. Legal forms of business associations under the legislation of Germany and Russia. Diss… Cand. of Law. M.1998. 23 p.
8. Legal capacity of business associations. Dis. … Cand. of Law: 12.00.03 / Laptev V.A. – M., 2005. 162 p.
9. Legal regulation of the organization and activities of a holding as a form of business association. Dis. … Doctor of Law / Shitkina I.S. – M., 2006. 608 p.
10. Legal status of industrial and production associations / Laptev V.V.; Responsible editors: Tadevosyan V.S. – M.: Nauka, 1978. 247 p.
11. Protection of rights of an investor in a transnational corporation. Abstract of a PhD thesis / Sutormin N.A. – M., 2011. 23 p.

Правовая природа договоров по предоставлению пользователю доступа к программному обеспечению

Семенова Наталья Александровна,
аспирант, ФГБОУ ВО Российская государственная академия интеллектуальной собственности (РГАИС)
E-mail: semenova.lawyer@gmail.com

Все чаще программное обеспечение предоставляется пользователям не путем передачи самостоятельного файла (дистрибутива) для скачивания, установки и дальнейшего использования функциональных возможностей программы, а в форме услуги. Пользователю предоставляются лишь функциональные возможности такой программы через сеть Интернет без необходимости получать доступ к самому программному обеспечению как к самостоятельному результату интеллектуальной деятельности. При этом конструкция предоставления программного обеспечения как услуги не до конца изучена и вызывает в юридическом сообществе дискуссию по поводу правильного определения правовой природы таких договоров с точки зрения гражданского законодательства. С одной стороны такая договорная конструкция близка к лицензионному договору, с другой стороны многие относят данную договорную конструкцию к договору возмездного оказания услуг.

Ключевые слова: программное обеспечение как услуга, программа для ЭВМ, предоставление доступа, облачная платформа, лицензионный договор, договор возмездного оказания услуг, информационный технологии, модель SaaS, исключительное право, правовая природа договора.

Введение

В настоящее время большинство разработчиков программного обеспечения, в том числе на территории Российской Федерации предоставляют пользователям доступ к программному продукту не с помощью передачи отдельного файла для скачивания, установки и дальнейшего использования программного обеспечения на компьютерном устройстве, а с помощью предоставления пользователям удаленного доступа к программному обеспечению непосредственно через сеть Интернет – по модели «SaaS» (Software as a Service), что в переводе с английского языка означает «программное обеспечение, как услуга». То есть пользователь не получает сам экземпляр программы, не хранит его в памяти своего устройства, но при этом имеет полный доступ к функциональным возможностям такой программы, которая хранится на сервере правообладателя (облачное хранилище). Ярким примером такой услуги является предоставление доступа к образовательным онлайн-платформам. Все чаще модель SaaS можно встретить в пространстве компьютерных игр (гейминга).

При исследовании данной договорной модели у юристов возникает множество вопросов относительно правовой природы модели предоставления программного обеспечения, как услуги. Так, ключевым вопросом в юридическом сообществе является возможность отнесения указанной договорной конструкции по своей правовой природе к природе лицензионных договоров, которые регулируются 4 частью Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). [1]

С другой стороны отношения, при которых пользователь после авторизации на сайте получает возможность оперативно использовать необходимые функциональные возможности без дополнительного скачивания и загрузки программы напоминает правовую природу договора возмездного оказания услуг, регулируемого 39 главой ГК РФ. [2]

В соответствии с пунктом 1 статьи 1235 ГК РФ по лицензионному договору одна сторона – обладатель исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации (лицензиар) предоставляет или обязуется предоставить другой стороне (лицензиату) право использования такого результата или такого средства в предусмотренных договором пределах. В этом случае предметом договора является само предоставление исключительных прав на программу как на самостоятельный результат интеллектуальной деятельности, в рамках которого строго

определены способы такого использования, которые могут выходить за рамки использования исключительно функциональных возможностей программного обеспечении.

При этом при реализации договорной модели SaaS исполнитель по такому договору обязуется лишь предоставить доступ к функциональным возможностям программы, а сам экземпляр программы не интересует пользователя (заказчика). Более того онлайн-платформы могут функционировать на облачных серверах благодаря сразу же нескольким самостоятельным программным продуктам, однако для конечного пользователя, которого интересует лишь функциональные возможности сервиса или платформы это не будет иметь значения. Более того, стоимость использования этого сервиса не будет зависеть от количества программ для ЭВМ и / или программного обеспечения, обеспечивающих используемый пользователем сервер. Стоимость использования будет зависеть исключительно от функциональных возможностей, которые развернуты на платформе.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что все-таки договор по модели SaaS в большей степени имеет правовую природу договора возмездного оказания услуг. При этом такой договор в обязательном порядке должен содержать все существенные условия, а именно условия о предмете договора. Для этого крайне важно, чтобы Исполнитель обладал всеми необходимыми правами для предоставления программного обеспечения как услуги. Данное условие может быть выполнено как с помощью заключения лицензионного договора или договора отчуждения с автором (авторами) такого программного обеспечения либо посредством механизма служебных произведений. В случае, если полные функциональные возможности реализуются с помощью нескольких программных продуктов и / или компонентов, то «чистота прав» должна быть обеспечена для каждого результата интеллектуальной деятельности. Зачастую возможность использования программного продукта для оказания услуг конечному пользователю по модели SaaS прямо прописывается в лицензионном договоре как самостоятельный способ использования.

Отметим, что в юридическом сообществе продолжает вестись дискуссия о принадлежности этой договорной конструкции к тому или иному виду договора. Одни полагают, что независимо от способа предоставления программного обеспечения такая договорная модель будет относиться к лицензионному договору, в том числе такой позиции придерживаются А.А. Стебаев.

Другие юристы правоведы, в том числе Е.Е. Веселкова, относят рассматриваемую договорную конструкцию к возмездному договору оказания услуг.

При этом в правовой доктрине встречаются и точки зрения, которые небезосновательно относят данную договорную конструкцию к смешанным договорам, то есть такой договор состоит из элементов договора возмездного оказания услуг и лицензионного договора, в том числе такой позиции придерживаются Е.Б. Подузова, В.И. Матвийчук, А.А. Кожан. Более того, на практике вопрос определения правовой природы того или иного договора может быть решен сторонами самостоятельно, так как «…суды при квалификации договора в спорах в первую очередь смотрят на то, как его квалифицировали сами участники отношений. Если в договоре содержатся условия и терминология лицензионного договора, суды квалифицируют данный договор как лицензионный. Если содержатся условия по оказанию услуг – как договор возмездного оказания услуг». [10]

Романова А.Л. приходит к выводу о несовершенстве обеих существующих позиций и предлагает рассматривать договорную конструкцию как вид непоименованного договора.

Заключение

Изучив правовую природу предоставления программного обеспечения как услуги (модель SaaS), а также рассмотрев позиции изложенные учеными в правовой доктрине можно сделать вывод, что по своей правовой природе такой договор имеет большее сходство с договором возмездного оказания услуг, однако с учетом ряда особенностей, в том числе важна чистота прав на все программное обеспечивание, на котором строится облачная платформа, предоставляющая функциональные возможности пользователям. Данная позиция в настоящий момент может быть подкреплена судебной практикой, но при этом тема требует более детального изучения и рассмотрения.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ Принята Государственной Думой 22 декабря 1995 г. Часть вторая настоящего Кодекса вводится в действие с 1 марта 1996 г. Федеральным законом от 26 января 1996 г. № 15-ФЗ. Текст части второй опубликован в «Российской газете» от 6, 7, 8 февраля 1996 г. № 23, 24, 25, в Собрании законодательства Российской Федерации от 29 января 1996 г. № 5 ст. 410
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ: принят Государственной Думой Федерального собрания Российской Федерации 24 ноября 2006 г.: одобрено Советом Федерации Федерального собрания Российской Федерации 8 декабря 2006 г.: ввод. Федеральным законом Российской Федерации от 18 декабря 2006 г. № 231-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 52, ч. 1, ст. 5496. – С. 14803–14949.
3. Веселкова Е.Е. Правовое регулирование программного обеспечения как услуги облачных сервисов / Е.Е. Веселкова, А.В. Зюзин // Uni-

versum: экономика и юриспруденция. – 2021. – № 9(84). – С. 13–18.
4. Кожан, А.А. Правовая природа конструкции Software as a Service (SaaS) / А.А. Кожан // Интеллектуальная собственность в современном мире: вызовы времени и перспективы развития: материалы Международной научно-практической конференции: в 2 ч., Минск, 20 октября 2021 года. Том Часть 1. – Минск: Альфа-книга, 2021. – С. 252–256. – EDN MTGEPW.
5. Романова, А.Л. Некоторые вопросы правовой квалификации договоров по использованию «облачных» сервисов / А.Л. Романова // Традиции и новации в системе современного российского права: Материалы XX Международной конференции молодых ученых, в 3 т., Москва, 09–10 апреля 2021 года. Том 2. – Москва: Издательский центр Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА, 2021. – С. 146–148. – EDN IQXFPH.
6. Стебаев А.А. Правовая природа договорных отношений предоставления удаленного доступа к программному обеспечению //Юридическая наука. – 2023. – № . 11. – С. 189–192.
7. Подузова Е.Б. Договоры об оказании услуг в сфере использования «искусственного интеллекта» и технологий «искусственного интеллекта»: проблемы теории и практики // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – Т. 17. – № 8. – С. 59–67. – DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8.059-067.
8. Чурилов А.Ю. Правовое регулирование облачного гейминга // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – Т. 17. – № 8. – С. 83–92. – DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8. 083–092.
9. LegalTech, FinTech, RegTech etc.: правовые аспекты использования цифровых технологий в коммерческой деятельности: коллективная монография / рук. авт. кол. и науч. ред. М.А. Рожкова. – Москва: Статут, 2021. – 310 с. ISBN 978-5-8354-1764-3Тьюринг А. Может ли машина мыслить? М.: ГИФМЛ, 1960.

LEGAL NATURE OF AGREEMENTS TO PROVIDE USER ACCESS TO SOFTWARE

Semenova N.A.
Russian State Academy intellectual property (RGAIS)

Increasingly, the software is provided to users not by transferring an independent file (distribution kit) for downloading, installing and further using the functionality of the program, but in the form of a service. The user is provided only with the functionality of such a program via the Internet without the need to access the software itself as an independent result of intellectual activity. At the same time, the design of providing software as a service has not been fully studied and causes a discussion in the legal community about the correct definition of the legal nature of such contracts from the point of view of civil legislation. On the one hand, such a contractual structure is close to a license agreement, on the other hand, many attribute this contractual structure to a contract for the provision of paid services.

Keywords: software as a service, computer program, access provision, cloud platform, license agreement, contract for the provision of paid services, information technology, SaaS model, exclusive right, legal nature of the contract.

References

1. The Civil Code of the Russian Federation. Part Two of January 26, 1996 No. 14-FZ was adopted by the State Duma on December 22, 1995. Part Two of this Code is put into effect on March 1, 1996 by Federal Law No. 15-FZ of January 26, 1996. The text of Part two was published in Rossiyskaya Gazeta dated February 6, 7, 8, 1996, No. 23, 24, 25, in the Collection of Legislation of the Russian Federation dated January 29, 1996, No. 5, Article 410.
2. The Civil Code of the Russian Federation. Part Four of December 18, 2006 No. 230-FZ: adopted by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation on November 24, 2006: approved by the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation on December 8, 2006: introduction. Federal Law of the Russian Federation No. 231-FZ of December 18, 2006 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2006. – No. 52, part 1, article 5496. – pp. 14803–14949.
3. Veselkova E.E. Legal regulation of software as cloud services / E.E. Veselkova, A.V. Zyuzin // Universum: economics and Jurisprudence. – 2021. – № 9(84). – Pp. 13–18.
4. Kozhan, A.A. The legal nature of the Software as a Service (SaaS) design / A.A. Kozhan // Intellectual property in the modern world: challenges of the time and prospects for development: materials of the International Scientific and Practical Conference: at 2 a.m., Minsk, October 20, 2021. Volume Part 1. – Minsk: Alpha-book, 2021. – pp. 252–256. – EDN MTGEPW.
5. Romanova, A.L. Some issues of legal qualification of contracts for the use of “cloud” services / A.L. Romanova // Traditions and innovations in the system of modern Russian law: Proceedings of the XX International Conference of Young Scientists, in 3 volumes, Moscow, April 09–10, 2021. Volume 2. – Moscow: O.E. Kutafin University Publishing Center (MGUA, 2021. – pp. 146–148. – EDN IQXFPH.
6. Stebaev A.A. The legal nature of contractual relations for providing remote access to software //Yuridicheskaya nauka. – 2023. – No. 11. – pp. 189–192.
7. Poduzova E.B. Contracts for the provision of services in the field of the use of “artificial intelligence” and “artificial intelligence” technologies: problems of theory and practice // Current problems of Russian law. – 2022. – Vol. 17. – No. 8. – pp. 59–67. – DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8.059-067.
8. Churilov A. Yu. Legal regulation of cloud gaming // Actual problems of Russian law. – 2022. – Vol. 17. – No. 8. – pp. 83–92. – DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8. 083–092.
9. LegalTech, FinTech, RegTech etc.: legal aspects of the use of digital technologies in commercial activities: a collective monograph / author’s col. and scientific ed. by M.A. Rozhkov. – Moscow: Statute, 2021. – 310 p. ISBN 978-5-8354-1764-3TURING A. Can a machine think? Moscow: GIFML, 1960.

Антимонопольный комплаенс хозяйствующих субъектов как инструмент корпоративного управления

Тарасов Иван Александрович,
аспирант, кафедра гражданского и предпринимательского права, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)
E-mail: tarasov.post@bk.ru

В работе проанализированы основные тенденции в развитии института антимонопольного комплаенса. Установлено наличие роста заинтересованности хозяйствующих субъектов во внедрении указанного института. Эффективность рассматриваемого правового механизма продемонстрирована на примере института «вертикальных соглашений», а также на примере заключения и исполнения сделок, подлежащих государственному контролю за экономической концентрацией, с учетом актуальной судебной практики. Рассмотрены корпоративные аспекты института антимонопольного комплаенса и представлены различные стимулы к его внедрению в коммерческой деятельности. Предложены и обоснованы такие корпоративные стимулы как индивидуальные финансовые бонусы для сотрудников внутри организации, представляющих в органы управления корпорации информацию о рисках, связанных с нарушением антимонопольного законодательства, и предложения для предотвращения и снижения негативных последствий. При этом отмечена важность наличия в таких организациях квалифицированных комплаенс-специалистов, задача которых оценивать практическую значимость представленной информации. Делается вывод о важности формирования корпоративной культуры, основанной на соблюдении этических принципов и добросовестном экономическом поведении, основной целью которой является поддержание баланса между интересами государственного антимонопольного регулирования и получением прибыли корпорации при поддержании финансовой привлекательности и стабильности экономических отношений.

Ключевые слова: антимонопольный комплаенс, корпоративная культура, дополнительные стимулы, «вертикальные соглашения», экономическая концентрация, финансовые выплаты, этический кодекс, антиконкурентные соглашения.

Институт антимонопольного комплаенса уже не является новеллой для законодательства Российской Федерации.

Антимонопольный комплаенс представляет собой систему правовых и организационно-управленческих мер, предусмотренных внутренним актом, которые направленны на соблюдение требований антимонопольного законодательства (далее – также АМЗ) и предупреждение его нарушения. То есть, является упорядоченной системой действий всех участников одной организации в рамках ее хозяйственной деятельности при взаимодействии с контрагентами, потребителями, в том числе с органами государственной власти в широком смысле, нацеленных на недопущение и прекращение нарушений требований антимонопольного законодательства.

В настоящее время в бизнесе усматривается заметная заинтересованность коммерческих организаций в добровольном внедрении антимонопольного комплаенса, при этом в различных сферах. Например, в телекоммуникационной компании «МТС» или продовольственной сети «Дикси», а также финансовом конгломерате «Сбер».

Вместе с тем в связи с экономическими изменениями, произошедшими в 2022 году, хозяйствующие субъекты в условиях неопределенности стремятся снизить свои непрофильные расходы, в том числе за счет отказа от реализации мер, связанных с внедрением антимонопольного комплаенса.

В данном контексте интересна позиция, высказанная Президентом Российской Федерации В.В. Путиным на выступлении в расширенном заседании коллегии МВД по итогам 2022 года, согласно которой «необходимо в корне изменить подходы к работе в экономике и в бизнесе в отношении добросовестных участников экономической деятельности, помогая людям избегать неверных шагов и правонарушений [2].

В связи с этим, в рамках доклада о состоянии конкуренции ФАС России было предложено рассмотреть возможность создания дополнительных стимулов для хозяйствующих субъектов, внедряющих антимонопольный комплаенс. Безусловно примеры дополнительных стимулов для внедривших комплаенс организаций, предложенные ФАС России, лежат в плоскости мер государственного антимонопольного контроля.

В данной работе стоит сделать акцент на корпоративных стимулах к внедрению антимонопольного комплаенса.

Для этого следует отметить два правовых института, на которые можно опираться при рассмотрении указанного вопроса.

Особую роль в предпринимательской деятельности занимают «вертикальные» соглашения. «Вертикальными» соглашениями являются гражданско-правовые договоры, предусматривающие переход товара между субъектами, в том числе договоры поставки, дилерские и дистрибьютерские договоры, то есть соглашения, содержащие условия, в соответствии с которыми такие хозяйствующие субъекты будут осуществлять приобретение, продажу или перепродажу определенных товаров или услуг.

Показательным примером рассматриваемого института является дело № А40–35866/18, в котором суды трех инстанций поддержали решение антимонопольного органа об отказе в возбуждении дела по признакам нарушения статьи 11 Закона о защите конкуренции в отношении ООО «Л›Окситан Рус» (далее – Локситан, Ответчик).

В указанном споре заявитель считает, что наличие в договоре поставки товаров Локситан обязанности по продаже исключительно товаров Ответчика в торговой точке и по заранее определенной стоимости является навязыванием невыгодных условий договора.

При этом, как указал антимонопольный орган и суды, заявителем не было принято во внимание, что заключенный договор являлся договором присоединения, который предполагает согласие на заключение договора на условиях, разработанных другой стороной. Учитывая условия спорного соглашения, которые предусматривали открытие торговой точки под брендом Ответчика, передачу исключительных прав на соответствующий торговой знак (характеризующий сам товар и место его реализации), заявителем был открыт магазин по продаже торговой продукции Локситан, а не собственный магазин.

По вопросу установления фиксированных цен на продукцию и порядка их реализации антимонопольный орган и суды отметили, что рассматриваемые действия Ответчика обоснованы разработанной торговой политикой Локситан, с условиями которой заявитель согласился в силу заключения договора присоединения [3].

Таким образом, «вертикальное» соглашение может содержать условия, определяющие поведение участников договора в взаимоотношениях друг с другом и третьими лицами, если такое поведение обусловлено маркетинговой/торговой политикой поставщика в договоре коммерческой концессии либо в дистрибьютерском договоре.

Формирование маркетинговой/торговой политики – академический пример корпоративной работы в рамках организации, и, в частности, в случаях регулярного использования в своей хозяйственной деятельности договоров присоединения, договоров коммерческой концессии, которые могут включать себя передачу исключительных прав.

Поскольку антимонопольные требования покрывают значительную часть гражданских правоотношений, в том числе отношения, складывающиеся при заключении и исполнении дистрибьюторских соглашений, анализ требований антимонопольного законодательства (как одно из мероприятий антимонопольного комплаенса) при заключении и исполнении «вертикальных» соглашений, позволяет выстроить отношения со всеми иными участниками таких соглашений таким образом, чтобы заранее защитить свой бренд (товарный знак и иные исключительные права) и качество товаров с одной стороны от нарушений со стороны третьих лиц, а с другой стороны обеспечить стабильность экономических отношений (снижение риска признания заключенных соглашений недействительными в судебном порядке по иску антимонопольных органов).

Второй правовой институт – сделки, подлежащие государственному контролю за экономической концентрацией. Например, это касается сделок с активами коммерческих организаций, правами в отношении коммерческих организаций, сделок с акциями (долями), активами финансовых организаций и правами в отношении финансовых организаций, которые совершаются с предварительного согласия антимонопольного органа.

Рассматриваемые сделки представляют особенный интерес, поскольку от их совершения зависят условия эффективного функционирования товарных рынков и объем конкуренции в экономике (для квалификации таких сделок важны пороговые значения относительно размера выручки компаний либо стоимости совершаемых сделок).

Например, в качестве сделки, подлежащей контролю за экономической концентрацией, следует считать приобретение 15 января 2024 года компанией «МТС» 60% акций компании «Юрент», которая предоставляет сервис краткосрочной арендой самокатов, в результате которой компания «МТС» стала распоряжаться более 80% акций последней. Или чуть менее свежий пример о приобретении компаний «Яндекс» 100% активов компании «Delivery Club», каждая из которых оказывает услуги по доставке готовой еды и продуктов.

В результате совершения таких сделок растет риск злоупотребления доминирующим положением, который напрямую связан с нарушением антимонопольного законодательства путем «возможного» навязывания невыгодных условий, необоснованного завышения стоимости оказываемых услуг (статья 10 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции») [1].

Примеры вышеуказанных сделок являются ориентиром для более мелких компаний, которые, тем не менее, таким же образом приобретают активы иных хозяйствующих субъектов и нередко допускают нарушения, в том числе антимонопольного законодательства при их заключении и совершении.

Возвращаясь к корпоративному аспекту необходимости внедрения антимонопольного комплаенса, важно отметить, что при совершении подобных сделок в рамках одной организации задействуются лица, находящиеся на различных этапах (циклах). И на каждом из них лежит ответственность за последствия, наступающие в результате

заключения и исполнения таких сделок, в том числе «вертикальных» соглашений.

И чтобы любая компания имела возможность более детально следить за возможными рисками нарушения АМЗ в результате своей хозяйственной деятельности – важно, чтобы на каждом этапе совершения сделки у сотрудников была возможность обнаружить и представить руководству данную информацию – то есть создать внутрикорпоративный механизм мониторинга ее деятельности.

Для этого возможно предусмотреть систему бонусных выплат для сотрудников, ответственных за соблюдение антимонопольного комплаенса, а также иных сотрудников, которые своевременно могут обнаружить указанные риски и предложить способы их предотвращения в рамках своей зоны ответственности.

Безусловно подобные выплаты становятся дополнительными финансовыми издержками для коммерческих организаций, вместе с тем предполагается, что в идеальных условиях такие издержки будут равны или меньше финансовых издержек, которые хозяйствующие субъекты несут в случае нарушения антимонопольного законодательства – значительные «оборотные» штрафы, расходы, связанные с административными и судебными спорами, упущенная выгода, в результате признания заключенных сделок недействительными.

Позиция о возможности использования механизма вознаграждения отдельных лиц за выявление и предупреждение антимонопольного законодательства рассматривается в научной работе Д. Дэниела Сокола «Antitrust complience».

Д. Дэниел Сокол, в частности, пишет, что «разоблачить противоправные действия, такие как картели, непросто. Это сопряжено со значительными рисками. Сотрудники, сообщающие о нарушениях, несут за это значительные расходы в своих компаниях. У сотрудников мало стимулов сообщать информацию о картелях без вознаграждения, поскольку во многих фирмах культура соблюдения картелей является слабой. Выявляемость может быть повышена за счет индивидуальных финансовых стимулов, которые заявят о нарушениях внутри фирмы» [4].

В указанной работе акцент ставится на вознаграждении лиц, заявивших о совершении хозяйствующими субъектами нарушений АМЗ в контрольно-надзорные органы.

Вместе с тем в контексте моей научный работы представляется интерес в преобразовании данного механизма во внутрикорпоративный механизм финансового вознаграждения сотрудников, которые вправе обнаружить (предупредить) и предложить «органам управления» меры для минимизации рисков от возможных (либо уже совершенных) нарушений АМЗ.

Здесь важно отметить, чтобы конкретные действия сотрудников организаций имели практический результат, необходим высококвалифицированный комплаенс-офицер/менеджер, который будет оценивать каждый выявленный ими фактор, необходимый для предупреждения нарушений АМЗ, с точки зрения практической применимости и эффективности, с целью получения возможности передачи полученной информации руководящим органам организации.

Кроме этого, научным сообществом отечественным и зарубежным совершенно смело отмечается, что иногда коммерческие организации целенаправленно идут на нарушение антимонопольного законодательства (картели, антиконкурентные соглашения) с целью получения краткосрочной прибыли.

Некоторые фирмы имеют сильную культуру соблюдения антимонопольного законодательства, поскольку были введены стимулы для поощрения строгого соблюдения антимонопольного законодательства. Эти стимулы могут принимать форму стимулирования заработной платы, организационных структур, которые позволяют осуществлять эффективный контроль со стороны юристов и сотрудников, отвечающих за соблюдение требований, а также общего создания определенной корпоративной культуры. В других фирмах социальные нормы могут привести к их несоблюдению по многим из тех же причин. Когда людей вознаграждают за противоправное поведение, когда контроль со стороны сотрудников по обеспечению соблюдения требований не является строгим.

Если менеджеры получают бонусы, присуждаемые за определенные показатели прибыльности, это может побудить членов компании достичь своих показателей, основанных на результатах, любыми необходимыми способами, включая участие в картеле. Менеджеры могут пойти на риск вступления в картель, если слишком большая часть их зарплаты связана с производительностью, потому что краткосрочный стимул в виде значительных выплат увеличится, особенно если риск обнаружения низок внутри фирмы со стороны сотрудников по соблюдению нормативных требований и за пределами фирмы со стороны органов, обеспечивающих соблюдение законодательства [4].

Вместе с тем, антимонопольный комплаенс – мера, которая, в том числе направлена на выстраивание внутренней политики организации с целью получения долгосрочной прибыли, повышения репутации и престижа компании, укрепление ее надежности.

Ведь в качестве негативных последствий от заключения недопустимых «вертикальных» соглашений, совершение сделок, подлежащих экономической концентрации, с нарушениями требований АМЗ можно назвать не только высокие административные штрафы и издержки, связанные с административными разбирательствами. Но, как уже отмечалось, и риск признания заключенных сделок недействительными в судебном порядке по инициативе антимонопольного органа, что напрямую влияет на стабильность экономических отношений на определенном товарном рынке.

Восприятие обществом того, что незаконные действия аморальны, может также привести к уси-

лению сдерживания внутри фирм, основанного на культуре соблюдения требований. Благодаря более эффективному использованию «общественного осуждения» можно изменить нормы внутри компаний и общества в целом. Этого можно добиться путем изменения стимулов, например, подчеркивая этическую ценность соблюдения требований. Это одновременно снижает стоимость обнаружения, поскольку другие будут настороже, и повышает потенциальную стоимость участия в незаконной деятельности, поскольку те, кто может попытаться заняться такой деятельностью, увидят, что это причинит им вред [4].

Учитывая изложенное, рассматриваемый корпоративный инструмент преследует цель – долгосрочной «внутренней» работы, направленной на повышение прибыльности компаний без ущерба государственным интересам и в первую очередь интересам самих участников экономической деятельности.

Здесь важно, чтобы совместными усилиями организаций уже внедривших, а также усилиями иных лиц, в том числе молодых ученых, зародился стимул к формированию внутри каждой отдельной организации добросовестного (этического) поведения.

Этика широко понимается, хотя и инстинктивно, а не сознательно, и поэтому обеспечивает простой способ объяснить требования соответствия как сотрудникам, акционерам, так и потребителям. Но что особенно важно, этика позволяет фирме сочетать нормативную этику со своим собственным более широким набором ценностей (которые могут выходить далеко за рамки нормативных требований) для создания набора ценностей, благоприятного для бизнеса. Этот объединенный набор этики и этических ценностей обеспечивает отправную точку для сближения целей регулирования и бизнеса, что так важно для успешного соблюдения требований любого законодательства и создания корпоративной культуры, основанной на соблюдении требований и ценностей.

Например, на международном уровне существует множество отраслевых стандартов, разработанных для организаций или используемых на добровольной основе. В качестве примера можно привести этический кодекс, подготовленный Международной ассоциацией по соблюдению требований (ICA). Среди принципов указанного кодекса можно встретить следующие положения.

1. Соблюдение требований занимает уникальную и важную позицию между фирмой и соответствующими регулирующими органами. Специалисты по соблюдению требований должны четко и прозрачно представлять свои обязанности перед обоими сторонами, а также ограничения их сферы деятельности.

2. Честность и эффективность соблюдения требований основаны на независимости мысли и суждений. Специалисты по соблюдению требований должны защищать и укреплять свою независимость и предупреждать высшее руководство или регулирующие органы, если эта независимость будет поставлена под угрозу.

3. Специалисты по соблюдению требований должны проявлять инициативу в создании позитивного духа и культуры в своей фирме, которые понимают, уважают и привержены целям, ценностям и результатам регулирования.

4. В рамках зрелой культуры соответствия должно быть возможным и поощряемым поднимать неудобные проблемы и задавать сложные вопросы. Специалисты по соблюдению требований должны способствовать конструктивному решению проблем на всех уровнях организации и ценить внесенный вклад.

5. Специалисты по соблюдению требований должны найти возможности раскрыть и принять во внимание дух и цель нормативных актов, а также избегать установки галочек и других методов чрезмерного упрощения, которые умаляют ценность и важность соблюдения требований.

6. Профессионализм требует зрелого суждения, позволяющего сбалансировать конкурирующие приоритеты и различные обязанности, интерпретировать «серые зоны» и принимать окончательные решения. Специалисты по комплаенсу не должны уклоняться от таких трудных решений и признавать, что здравые суждения составляют основу стратегической ценности и воздействия комплаенса.

7. Прозрачность безусловна. Соблюдение требований должно иметь доступ к любой информации и сохранять приверженность открытой, ясной, точной, своевременной и доступной отчетности внутри компании и регулирующим органам.

8. Специалисты по соблюдению требований должны стремиться к открытым отношениям с коллегами, предлагая высококачественные советы и рекомендации, но при этом понимать, в чем заключается ответственность за риск, и не чрезмерно защищать коллег от трудных решений, за которые приходится отвечать.

9. Специалисты по соблюдению требований должны иметь прямой доступ или представительство в главном совете директоров или его эквиваленте с ролью, которая включает регулярные брифинги, вводный курс, обучение, изучение горизонтов, планирование соответствия и управление регуляторными рисками.

10. Специалисты по соблюдению требований обязаны развивать свою собственную компетентность посредством соответствующей квалификации и повышения квалификации, никогда не выходить за пределы своей компетенции и помогать в обучении и развитии других членов [5].

Хотя этический кодекс не решит всех проблем и сам по себе может иметь мало эффекта, он является полезной отправной точкой для соблюдения требований законодательства, в том числе антимонопольного, и для бизнеса в целом.

Таким образом, антимонопольный комплаенс хозяйствующих субъектов – эффективный инструмент корпоративного управления современных

коммерческих организаций, основными функциями которого является укрепление и развитие финансового и репутационного положения этих организаций.

Использование данного инструмента необходимо в том числе при заключении, исполнении и расторжении многочисленных и различных гражданско-правовых договоров, которые являются основой хозяйственной деятельности.

Для того, чтобы каждая сторона договора учитывала существующие антимонопольные запреты хозяйствующие субъекты вправе самостоятельно разработать и использовать систему антимонопольного комплаенса, которая будет учитывать специфику их деятельности на конкретном товарном рынке (рынках), в том числе учитывать критерии доминирования (доля контрагента) на таких товарных рынках, а также отдельные особенности условий договора, допускающие указания относительно поведения во взаимоотношения друг с другом и третьими лицами, например, в договорах коммерческой концессии.

Детально разработанная система антимонопольного комплаенса должна учитывать не только запреты, установленные законодательством, но и практику судебных и административных органов, которая более подробно детализирует и уточняет критерии допустимости «вертикальных» и иных гражданского-правовых соглашений с учетом уровня развития современных экономических отношений.

А для того, чтобы разработанная система работала более эффективно предлагается использование в рамках внутрикорпоративного управления индивидуальных финансовых стимулов для сотрудников, которые смогут обнаружить нарушения АМЗ и предложить способы снижения негативных последствий от этих нарушений органам управления предприятий.

В настоящее время очень важно изменить нормы внутри компаний, чтобы они были нацелены на соблюдение требований, в том числе антимонопольного законодательства. Придавая значение этической ценности соблюдения требований антимонопольного законодательства возможно повысить привлекательность внедрения института антимонопольного комплаенса. Одним из способов достижения данного результата – внедрение в деятельности этического кодекса, база (этические ценности) которого обеспечивает сближение задач государственного регулирования и предпринимательской деятельности, что необходимо для соблюдения требований любого законодательства и создания добросовестной корпоративной культуры.

Литература

1. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/baabe5b69a3c031bfb8d485891bf8077d6809a94/ (дата обращения 01.04.2024).
2. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 03.12.2018 по делу № А40–35866/18. Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/f1315915–9378–4e26-b740–5f7893e07f5b/22c09f44–683a-4fd9-b730–988bc6fb7c64/A40–35866–2018_20181203_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения 17.04.2024).
3. Доклад о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2022 год // Режим доступа: https://fas.gov.ru/documents/689041 (дата обращения 15.04.2024).
4. Д. Дэниел Сокол /Antitrust compliance /Оксфордский справочник по реализации стратегии /Майкл А. Хитт, Сьюзан Э. Джексон и др.// 2017., С. 9–15.
5. Дэвид Джекмен / The Compliance Revolution / 2015., С. 33–41.

ANTIMONOPOLY COMPLIANCE OF BUSINESS ENTITIES AS A CORPORATE GOVERNANCE TOOL

Tarasov I.A.

All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

The paper analyzes the main trends in the development of the Institute of antimonopoly compliance. It has been established that there is an increase in the interest of business entities in the implementation of this institution. The effectiveness of the legal mechanism under consideration is demonstrated by the example of the institution of "vertical agreements", as well as by the example of concluding and executing transactions subject to state control over economic concentration, taking into account current judicial practice. The corporate aspects of the institute of antimonopoly compliance are considered and various incentives for its implementation in commercial activities are presented. Corporate incentives such as individual financial bonuses for employees within the organization who provide information to the corporation's management bodies about the risks associated with violation of antimonopoly legislation and proposals to prevent and reduce negative consequences are proposed and justified. At the same time, the importance of having qualified compliance specialists in such organizations, whose task is to assess the practical significance of the information provided, was noted. The conclusion is made about the importance of forming a corporate culture based on compliance with ethical principles and conscientious economic behavior, the main purpose of which is to maintain a balance between the interests of state antimonopoly regulation and corporate profit while maintaining financial attractiveness and stability of economic relations.

Keywords: antitrust compliance, corporate culture, additional incentives, "vertical agreements", economic concentration, financial payments, code of ethics, anti-competitive agreements.

References

1. Federal Law No. 135-FZ of 07/26/2006 "On the protection of competition." Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/baabe5b69a3c031bfb8d485891bf8077d6809a94 / (accessed 04.01.2024).
2. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated 12/3/2018 in case No. A40–35866/18. Access mode: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/f1315915–9378–4e26-b740–5f7893e07f5b/22c09f44–683a-4fd9-b730–988bc6fb7c64/A40–35866–2018_20181203_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (accessed 17.04.2024).
3. Report on the state of competition in the Russian Federation for 2022 // Access mode: https://fas.gov.ru/documents/689041 (accessed 15.05.2024).
4. D. Daniel Sokol /Antitrust compliance /Oxford Handbook of Strategy Implementation /Michael A. Hitt, Susan E. Jackson et al.// 2017., p. 9–15.
5. David Jackman / The Compliance Revolution / 2015, pp. 33–41.

Институт регуляторной гильотины в российском праве: цели внедрения и сфера применения

Тихонов Сергей Андреевич,
аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Московского финансово-юридического университета (МФЮА)
E-mail: sergeitihonov@yandex.ru

Статья посвящена анализу понятия регуляторной гильотины, как самостоятельного правового института, целям внедрения ее в России, а также сфер применения, определенных государством при разработке, и скорректированных впоследствии при совершенствовании законодательства. Как самостоятельный институт права регуляторная гильотина ориентирована на снижение избыточности обязательных требований, унификацию законодательства. Рассматриваться она может и в качестве инструмента противодействия такому социально опасному явлению, как коррупция. Кроме того, регуляторная гильотина может быть эффективным средством совершенствования законодательства. Признание многофункциональности регуляторной гильотины, то есть применения ее для решения ряда целей, повлекло за собой включение положений о ней в законодательство России. Несмотря на это, институт регуляторной гильотины продолжает оставаться предметом дискуссий с позиции допустимости его последующего использования, а также в аспекте определения сфер применения, потому что мнения теоретиков права, исследователей и правоприменителей по данному вопросу различны. Как следствие сохраняется потребность в анализе понятия регуляторной гильотины, тех задач, решение которых может быть достигнуто при ее применении, целей, которые ставит государство, внедряя регуляторную гильотину. В совокупности результаты подобного исследования могут стать основой для определения перспектив сохранения регуляторной гильотины как самостоятельного института российского права. По проведении анализа норм права, теоретических воззрений, а также законодательства нашего государства, регламентирующего применение регуляторной гильотины, сделаны итоговые выводы о том, каковы причины ее внедрения, а также перспективы применения в дальнейшем.

Ключевые слова: регуляторная гильотина, закупки для удовлетворения государственных нужд, нормативное регулирование, контрольные функции, риск-ориентированный подход, актуализация законодательства, реформа законодательства, обязательные требования.

Функционирование рыночной экономики не может быть произвольным, оно контролируется государством. Степень контроля различна и во многом обусловлена как сферой, так и подходом государства к установлению обязательных требований, а также проведению контрольных мероприятий, определенных, как необходимые. В России контрольно-надзорная деятельность на протяжении длительного периода времени была избыточна, создавая препятствия для развития сферы предпринимательства и, соответственно, экономики государства. Острой стала проблема чрезмерности административного давления на бизнес, а также рост коррупции. Признание наличия проблем обусловило проведение административной реформы, пересмотр действующего законодательства, а впоследствии и подходов к установлению обязательных требований, постепенный переход на риск-ориентированный подход.

Регуляторная гильотина, как правовой институт, нуждается в дополнительном исследовании с позиции возможности и необходимости ее дальнейшего применения, а также пересмотра подходов к сферам, где она применяется, а также сферам, где применение регуляторной гильотины признано нецелесообразным. Настоящая работа посвящена анализу данных аспектов.

Цель исследования проведение комплексного анализа института регуляторной гильотины, целей ее внедрения и сфер применения с позиции доктрины и норм права, как способа определения перспектив сохранения данного института в законодательстве, а также возможности его трансформации для целей совершенствования правоприменительной деятельности, что обуславливает решение следующих задач:

- охарактеризовать понятие регуляторной гильотины как института права в России;
- проанализировать правовое регулирование в части установления целей и задач применения регуляторной гильотины, а также сфер ее применения;
- определить перспективы сохранения и применения в России в дальнейшем.

Институт регуляторной гильотины в России в свете его непродолжительного существования может быть определен как недостаточно изученный на доктринальном уровне, вследствие чего работ уровня диссертационных исследований, а также монографий в настоящее время невелико.

В числе авторов научных работ, уделивших внимание регуляторной гильотине как правовому институту с различных позиций, можно отметить

А.В. Калмыкову, Ю.Н. Калюжного, О.И. Лозинского, С.В. Мазуренко, Н.А. Троян, Е.С. Уланову.

Научных статей, посвященных регуляторной гильотине, достаточно много, но в них преимущественно она рассматривается с позиций применения в той или иной сфере либо в аспекте сравнения российского и зарубежного опыта.

Поэтому можно утверждать, что регуляторная гильотина, как правовой институт, в настоящее время исследована недостаточно.

Для целей рассмотрения заявленной темы были применены научные методы познания, в том числе формально-правовой, сравнительно-правовой, а также методы анализа и синтеза.

Для России пересмотр законодательства, особенно подзаконных нормативных правовых актов является необходимостью. Хаотичность законотворчества и нормотворчества периода девяностых годов прошлого столетия, а также определенного промежутка времени после, проявилась достаточно наглядно для того, чтобы данное обстоятельство было признано государством и определено как нуждающееся в искоренении.

Иными словами, регуляторная гильотина с позиции ее восприятия теоретиками, представляет собой не только обеспечивающий применение законодательства правовой институт, но и механизм совершенствования норм права, что достигается путем ее пересмотра и прекращения действия отдельных нормативных правовых актов. Кроме того, регуляторная гильотина, как нередко отмечается в научной литературе, ориентирована на упорядочение и систематизацию законодательства в сфере контрольно-надзорной деятельности [1, с. 146], на отмену неактуальных требований [2], как повышение качества законодательства в целом [3, с. 67].

Наиболее распространено воззрение, согласно которому регуляторная гильотина, если рассматривать ее не как правовой институт, а как механизм, как инструмент государства, представляет собой способ снижения избыточного воздействия на сферу бизнеса [4, с. 70]. Основывается данное представление на буквальном толковании действующего законодательства, что позволяет согласиться с ним, как соответствующим нормативному пониманию сущности регуляторной гильотины.

Достаточно точно характеризующим причину, по которой, в том числе в России возникла необходимость в регуляторной гильотине, определяет термин «законодательная инфляция», под которой понимается необоснованное увеличение массива законодательства в государстве [5, с. 162].

Возникновение избыточности нормативных актов в России связано с тем, что государство, в какой-то мере ориентируясь на опыт советского периода времени, когда доминировала исполнительная власть, признает за органами исполнительной власти право нормотворчества, то есть регламентации правоотношений на подзаконном уровне.

Такой подход очень часто подвергается критике, в том числе и по причине многочисленности государственных органов, за которым признано данное право, а также вследствие несогласованности их положений как с федеральными законами, так и с иными нормативными правовыми актами подзаконного уровня. Все это в совокупности приводит к тому, что исполнение требований становится крайне затруднено, что возникает огромное количество судебных споров, где позиции государственных органов достаточно часто признаются необоснованными, что можно оценить только как негативный фактор, свидетельствующий о несовершенстве правового регулирования.

Как отмечается в научной литературе, потребность в регуляторной гильотине надлежит связывать и с внедрением риск-ориентированного подхода, когда уменьшается объем контролирующего воздействия, своего рода давления на бизнес, но в качестве исключения выделяются исключительно объекты, функционирование которых связано с повышенным риском [6, с. 69].

Утверждение представляется справедливым. При этом оно полностью согласуется с идеей о снижении в целом чрезмерности административных барьеров для бизнеса, в том числе за счет установления обязательных требований, контроля в отношении их соблюдения и возможности привлечения к административной ответственности.

Положения о регуляторной гильотине появились в законодательства России в свете пересмотра государством подхода к установлению обязательных требований и привлечению к ответственности за их несоблюдение, только с 2020 года, что связано и с изменением правового регулирования государственного и муниципального контроля, хотя, по убеждению некоторых исследователей, во внимание надлежит принимать период, предшествовавший закреплению норм в законе, когда глава государства указал на то, что следует пересмотреть действующие подзаконные нормативные правовые акты, прекратив действие тех, что не отвечают современным требованиям [7], была утверждена «дорожная карта» и разработана методика применения регуляторной гильотины [8, с. 23].

Отчасти можно согласиться с тем, что идея регуляторной гильотины была в некоторой мере воплощена до момента разработки, принятия и введения в действия закона, регулирующего установление обязательных требований. Вместе с тем, сам процесс применения регуляторной гильотины все же надлежит связывать с введением в действие закона и применением обеспечительных мер, то есть непосредственно самой регуляторной гильотины, так как она определена таким образом.

По смыслу закона, регуляторная гильотина – это механизм обеспечения действия законодательства об обязательных требований, направленный на ограничение возможности применения избыточных требований, а также обязательных требований, установление которых было осуществлено до 2020 года, то есть в отсутствие проверки с позиции соответствия закона, а также на предмет избыточности. Тем самым государство реализовывает

политику снижения административного давления на субъектов экономической, в первую очередь, предпринимательской деятельности.

Утверждение основывается на понимании того, что чрезмерное количество обязательных требований, соблюдение которых контролируется со стороны государства, создает предпосылки для злоупотреблений со стороны контролирующих органов. Кроме того, избыточность, в том числе в аспекте многочисленности и сложности соблюдения – это административный барьер, который препятствует развитию предпринимательства.

Теоретики, характеризуя понятие регуляторной гильотины, отмечают его некую метафоричность, что несвойственно в целом юридическому языку, а также заимствование термина из иностранных языков – английского и французского [9, с. 56].

Можно согласиться с тем, что исследуемое понятие имеет экспрессивный характер, но оно достаточно четко определяет сущность регуляторной гильотины, как с позиции доктрины права, так и позиции законодательства, а именно: отсечение излишних норм, прекращение их действия, что предполагает пересмотр действующего законодательства, проведение его ревизии и оценки в аспекте адекватности обязательных требований, выдвигаемых государством к субъектам предпринимательской деятельности.

Применение регуляторной гильотины в России ограничено. Полномочия установления видов государственного надзора, в рамках которых осуществляется ее применение, предоставлены Правительству РФ.

При определении сфер правового регулирования, где регуляторная гильотина не применяется, законодатель исходит из характера деятельности и, отчасти, того значения, которое данная сфера имеет для государства и реализации его функций, для решения государственных задач. Непосредственно в качестве не предполагающих применение регуляторной гильотины выделены сфера электроэнергетики и государственно-частного партнерства.

Интересен тот факт, что регуляторная гильотина не применяется и к ряду подзаконных нормативных правовых актов, в отношении которых продолжаются дискуссии относительно их статуса. В частности, речь идет о тех актах, которые принимает Банк России. В научной литературе отмечается, что в целом акты Банка России не могут быть определены в полной мере как подзаконные нормативные, потому что форма их принятия не соответствует требованиям, установленным в отношении данной категории источников права, хотя при этом Банк России выполняет контрольно-надзорные функции, а его акты имеют общеобязательный характер [10, с. 34].

Не оспаривая утверждения, можно отметить, что статус Банка России специфичен, он определяется специальным законом, а отнесение его к категории государственных органов исполнительной власти будет спорным в силу особенностей присутствующих у него функций.

Подводя итог исследованию, которое было проведено в связи с написанием настоящей статьи, резюмировать полученные результаты можно следующим образом.

Регуляторная гильотина как институт российского права представляет собой совокупность норм, на основании которых осуществляется упорядочивание правового регулирования в части установления обязательных требования для субъектов предпринимательской и иной экономической деятельности, снижение административной нагрузки.

регуляторной гильотины было обусловлено совокупностью причин, в числе которых доминирующими являются:

- Применение необходимость развития экономики государства, что возможно только при отсутствии чрезмерного воздействия на субъектов предпринимательской деятельности, а также снижения коррупционных факторов;
- несистематизированность российского законодательства, его хаотичность и противоречивость норм, закрепленных в нормативных правовых актах разного уровня;
- наличие потенциально коррупциогенных факторов в действовавших на момент внедрения идеи о регуляторной гильотине нормативных правовых актах.

Проанализировав законодательства и теоретические воззрения, можно утверждать, что институт регуляторной гильотины является необходимым для России, его целесообразно сохранить, а также использовать в целях последующего совершенствования законодательства.

Литература

1. Давыдов К.В. Реформы современного административного права России: некоторые тенденции // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 1. С. 144–151.
2. Шунько А.Н. Институциональные основы реформирования контрольно-надзорной деятельности в Российской Федерации // ЭГО: Экономика. Государство. Общество. 2023. № 3.
3. Зыков Д.В. Идеи С.С. Алексеева о правовом воздействии и их современное значение // Вестник Гуманитарного университета. 2022. № 3 (38). С. 59–70.
4. Туманов А.С. Передача полномочий Российской Федерации субъектам Российской Федерации и контроль за их исполнением: правовые и экономические аспекты // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 3. С. 64–73.
5. Кожокарь И.П. Законодательная инфляция: теоретико-правовое исследование // Вестник

Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 56. С. 158–186.
6. Кадиев З.М., Кочетов А.Н. Риск-ориентированный подход в реализации механизма регуляторной гильотины при осуществлении государственного контроля (надзора) соблюдения обязательных требований законодательства Российской Федерации в области безопасности гидротехнических сооружений: правовые коллизии // Юридический вестник ДГУ. 2021. № 3. С. 69–79.
7. Гилязева Е.С., Цыбенко Ю.Д. Проблемы реформирования контрольно-надзорной деятельности в России в контексте реализации «регуляторной гильотины» // ЭГО: Экономика. Государство. Общество. 2022. № 1.
8. Ступникова О.Е. «Регуляторная гильотина»: механизмы реализации, итоги, перспективы // Вестник экспертного совета. 2022. № 1 (28). С. 22–27.
9. Федорченко Е.А. О термине «регуляторная гильотина» в юридическом дискурсе // Юрислингвистика. 2023. № 29. С. 55–60.
10. Пушкарев С.В. Административно-правовое регулирование финансового сектора экономики в современной России // Инновационные технологии управления и права. 2021. № 2 (31). С. 34–37.

THE INSTITUTION OF REGULATORY GUILLOTINE IN RUSSIAN LAW: GOALS OF IMPLEMENTATION AND SCOPE OF APPLICATION

Tikhonov S.A.
Moscow Finance and Law University (MFUA)

This article is devoted to analyzing the concept of regulatory guillotine as an independent legal institute, the purposes of its introduction in Russia, as well as the areas of application defined by the state during its development and adjusted subsequently during the improvement of legislation. As an independent institute of law, the regulatory guillotine is focused on reducing the redundancy of mandatory requirements, unification of legislation. It can also be considered as a tool to counteract such a socially dangerous phenomenon as corruption. In addition, the regulatory guillotine can be an effective means of improving legislation. Recognition of the multifunctionality of the regulatory guillotine, i.e. its application for a number of purposes, led to the inclusion of provisions on it in Russian legislation. Despite this, the institution of the regulatory guillotine continues to be a subject of discussion from the position of admissibility of its further use, as well as in the aspect of determining the spheres of application, because the opinions of legal theorists, researchers and law enforcers on this issue are different. As a consequence, there is still a need to analyze the concept of the regulatory guillotine, the tasks that can be achieved by its application, and the goals set by the state, introducing the regulatory guillotine. In the aggregate, the results of such a study can become the basis for determining the prospects of preserving the regulatory guillotine as an independent institute of Russian law. After analyzing the norms of law, theoretical views, as well as the legislation of our state regulating the application of the regulatory guillotine, the final conclusions are made about what are the reasons for its introduction, as well as the prospects for its further application.

Keywords: regulatory guillotine, procurement to meet state needs, regulatory regulation, control functions, risk-oriented approach, legislative update, legislative reform, mandatory requirements.

References

1. Davydov K.V. Reforms of modern administrative law in Russia: some trends // Bulletin of Voronezh State University. Series: Law. 2023. No. 1. P. 144–151.
2. Shunko A.N. Institutional foundations for reforming control and supervisory activities in the Russian Federation // EGO: Economics. State. Society. 2023. No. 3.
3. Zykov D.V. Ideas of S.S. Alekseeva about legal influence and their modern significance // Bulletin of the Humanitarian University. 2022. No. 3 (38). pp. 59–70.
4. Tumanov A.S. Transfer of powers of the Russian Federation to the constituent entities of the Russian Federation and control over their execution: legal and economic aspects // Bulletin of Voronezh State University. Series: Law. 2022. No. 3. P. 64–73.
5. Kozhokar I.P. Legislative inflation: theoretical and legal research // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2022. No. 56. pp. 158–186.
6. Kadiev Z.M., Kochetov A.N. Risk-based approach to the implementation of the regulatory guillotine mechanism in the implementation of state control (supervision) of compliance with mandatory requirements of the legislation of the Russian Federation in the field of safety of hydraulic structures: legal conflicts // Legal Bulletin of the DSU. 2021. No. 3. P. 69–79.
7. Gilyazeva E.S., Tsybenko Yu.D. Problems of reforming control and supervisory activities in Russia in the context of the implementation of the “regulatory guillotine” // EGO: Economics. State. Society. 2022. No. 1.
8. Stupnikova O.E. “Regulatory guillotine”: implementation mechanisms, results, prospects // Bulletin of the Expert Council. 2022. No. 1 (28). pp. 22–27.
9. Fedorchenko E.A. On the term “regulatory guillotine” in legal discourse // Jurislinguistics. 2023. No. 29. P. 55–60.
10. Pushkarev S.V. Administrative and legal regulation of the financial sector of the economy in modern Russia // Innovative technologies of management and law. 2021. No. 2 (31). pp. 34–37.

Квалификация приобретения подарочных сертификатов или карт как заключения опционной договорной конструкции

Тюменцев Иван Александрович,
магистрант, кафедра гражданского права, Новосибирский государственный университет
E-mail: i.tyumentsev@g.nsu.ru

В статье критически рассматривается подход к пониманию правовой сущности сертификатов и подарочных карт в качестве опционных соглашений. Представлены материалы правоприменительной практики, в которых рассматриваемый инструмент либо квалифицируется как опционное соглашение, либо не признается таковым и расценивается как маркетинговый инструмент продавца, опосредующий внесение предоплаты. Сделан вывод о недопустимости квалификации приобретения подарочных сертификатов или карт потребителем как заключения одной из опционных договорных конструкций, закрепленных в ГК РФ, и необходимости их рассмотрения в качестве подтверждения несения предварительной оплаты за получение товара, выполнение работы или оказания услуги в будущем.

Ключевые слова: опцион, опцион на заключение договора, опционные соглашения, подарочные сертификаты и карты, защита прав потребителей, договорное право.

При осуществлении розничной торговли в условиях рыночной экономики субъекты предпринимательской деятельности используют целый комплекс маркетинговых инструментов, направленных на повышение привлекательности тех или иных брендов, товаров, услуг и т.д. При этом их использование должно основываться на некоторой правовой базе, которая бы создавала условия, поверхностно выглядящие как выгодные для потребителя, но при этом в наибольшей степени обеспечивающие интересы предпринимателя.

Одним из таких инструментов являются подарочные сертификаты и карты, применение которых крайне распространено. В свою очередь, практика показывает, что в качестве правовой основы при их применении субъекты предпринимательской деятельности нередко используют опционные конструкции, относительно недавно введенные в Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) статьями 429.2 и 429.3. Приобретение подарочных сертификатов и карт, таким образом, расценивают как заключение того или иного опционного соглашения.

Между тем, отличие подарочных карт и сертификатов от опциона на заключение договора и опционного договора видится в следующем.

Так, из статьи 429.2 ГК РФ следует, что опцион на заключение договора представляет собой соглашение, в силу которого одна сторона (оферент) предоставляет другой стороне (акцептанту) посредством безотзывной оферты право на заключение одного или нескольких договоров на заранее определенных условиях путем акцепта такой оферты в порядке, в сроки и на условиях, которые определены в соглашении. При этом за заключение данного опционного соглашения по общему правилу уплачивается опционная премия, суть которой состоит в претерпевании оферентом некоторых неудобств, связанных с необходимостью заключить основной договор после изъявления на то воли управомоченной стороной, даже если к этому моменту это будет невыгодно второй стороне.

Под опционным договором же на основании статьи 429.3 ГК РФ следует понимать имущественный договор (оказания услуг, поставки, выполнения работ и т.д.), по которому сторона может потребовать от другой стороны совершения заранее определенных соглашением действий в установленный срок, по общему правилу уплачивая предусмотренную договором денежную сумму. Поскольку детальное рассмотрение отличий опционных соглашений не является целью настоящей работы, кратко отме-

тим, что наиболее существенным и явным из таковых является то обстоятельство, что опцион на заключение договора представляет собой в полной мере организационное соглашение, которое направлено на заключение основного, имущественного договора, в то время как опционный договор обладает двойственной правовой природой и сам по себе является имущественным договором, содержащим организационный элемент, создающий возможность за плату возможность «запустить» исполнение обязательства по требованию управомоченной стороны (в том числе не только требовать исполнения от контрагента, но и предоставить встречное исполнение, например, оплатить товар).

Что касается подарочного сертификата или карты, то стоит отметить, что в зависимости от каждой организации, использующих их в своей деятельности, условия предоставления могут быть различными. Известно, что крайне распространена продажа сертификата на физическом носителе, где указано, что с полные условия его предоставления содержатся, например, на интернет-ресурсе продавца. Тем не менее, исходя в том числе из материалов использованной правоприменительной практики, видится, что сущность подарочного сертификата, состоит в обязательном внесении потребителем определенной денежной суммы, которая входит в стоимость товара, услуги или работы.

Таким образом, под подарочными сертификатами (картами) мы понимаем определенный физический или электронный носитель, наличие которого позволяет лицу, приобретшему его или же третьему лицу, являющемуся его фактическим владельцем, обменять такой сертификат по своему выбору (или не обменивать вовсе) на определенный товар у конкретного продавца в пределах суммы, уплаченной при приобретении сертификата ранее, или же доплатить за товар стоимость с учетом разницы, которую составляет ранее оплаченная за приобретение карты сумма.

Приобретатель сертификата, таким образом, покупает не право требования заключить основной договор или совершение тех или иных действия, а то или иное имущественное благо. В отличие от акцептанта по опционному соглашению, который еще не знает, намерен ли он в дальнейшем заключить основной договор, приобретатель сертификата точно намерен получить имущественное предоставление.

По нашему мнению, приобретение подарочных карт и сертификатов следует расценивать не как способ заключения опционного договора или опциона на заключение договора, а как подтверждение внесения предварительной оплаты («аванса») и право на получение товара, оказания услуги или выполнения работы в будущем. Так, в силу пункта 1 статьи 487 ГК РФ предварительная оплата предполагает, что покупатель вносит полную или частичную стоимость товара до его передачи ему продавцом. Подобная норма, как видно, соотносится с названной нами ранее и распространенной в деловом обороте функцией подарочной карты. Приобретение же самой подарочной карты покупателем у продавца осуществляется не в результате согласования сторонами условий опционного соглашения, а посредством внесения денежных средств и выдачей кассового чека или электронного документа, что в большей степени свойственно для формы заключения договора розничной купли-продажи в силу статьи 493 ГК РФ. Нормы этой статьи допускают также подтверждение оплаты товара не только чеком, но и иными документами, к которым, полагаем, можно отнести и подарочную карту.

Тем не менее, анализ материалов правоприменительной практики показывает, что не во всех случаях судами и субъектами делового оборота признается именно такое понимание правовой природы данного явления, что приводит к его квалификации в качестве одного из видов опционного соглашения. Например, при рассмотрении одного из дел Второй кассационный суд общей юрисдикции счел, что приобретение подарочной пластиковой карты свидетельствует о заключении опционного договора, в связи с чем внесенный потребителем платеж является не предварительной оплатой товара, а опционной премией, которая не подлежит возврату [6]. Примечательно, что этот же суд при рассмотрении аналогичного дела указал, что приобретение подарочной карты является авансом будущей оплаты товара, а не платежом по опционному договору, в связи с чем аванс не может быть удержан продавцом [9]. Ряд иных судов также выражал позицию, согласно которой подарочные карта или сертификат являются опционным соглашением, например, Девятый арбитражный апелляционный суд [13], Московский областной суд [10], Октябрьский районный суд г. Мурманска [14] и другие. Кроме того, в условиях отсутствия специального регулирования отношений, связанных с приобретением подарочных сертификатов и карт, в юридической доктрине также существует мнение, согласно которому их следует рассматривать как опцион на заключение договора, согласно которым возврат средств покупателю не допускается [1, С. 77]. Такой подход по сути своей предполагает, что приобретение подарочной карты опосредует заключение опционного соглашения в устной форме, которая также предусмотрена статьей 493 ГК РФ для основного договора, а именно договора розничной купли-продажи.

Однако мы полагаем, что с учетом специфики отношений, возникающих между потребителями (физическими лицами), приобретающими подарочные карты, и продавцами (юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями), утверждать о возможности применения норм об опционных соглашениях неверно. Так, ранее нами было указано, что акцептант заинтересован в приобретении права по своему выбору заключать или же не заключать основной договор (в случае с опционом на заключение договора), потребовать от второй стороны совершения определенных действий или не делать этого (в случае с опционным догово-

ром), в связи с чем она готова уплатить предусмотренную опционную премию за предоставление ей такого права на определенный срок. В свою очередь, при приобретении подарочной карты покупатель уже оплачивает полную или частичную стоимость товара, который он или третье лицо могут получить от продавца в дальнейшем. Для лица, обладающего подарочной картой, в действительности не может быть никакой пользы от отсутствия реализации своего права на обмен ее на какой-либо товар из ассортимента продавца, в то время как опционное соглашение и создано для того, чтобы акцептант имел возможность при желании не «запускать» имущественную часть правоотношений со своим контрагентом.

В связи с этим обоснованной видится позиция А.И. Бычкова, который отмечает, что для потребителя подарочная карта «сама по себе карта никакой имущественной ценности не имеет», а «для продавца реализация таких инструментов открывает доступ к дополнительному бесплатному каналу финансирования, из чего он извлекает выгоду, пополняя свои оборотные средства» [2]. Похожей позиции также придерживаются, например, судьи арбитражных судов Западно-Сибирского округа [8] и Центрального округа [7], Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда [12] указывая, что приобретение подарочной карты не является заключением опционного договора, а такой способ продажи товаров является исключительно рекламно-маркетинговыми мероприятиями продавца и не изменяет гражданско-правовые отношения между продавцом и потребителем в части обмена, возврата купленного таким образом товара, в связи с чем правоприменитель руководствуется в том числе положениями статьи 16 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300–1 «О защите прав потребителей» (далее – Закон о защите прав потребителей) об условиях договора, ущемляющих права потребителей. Кроме того, иногда судами прямо указывается на сущность подарочных карт, которые «приобретаются потребителями для личных нужд с целью использования для оплаты товара в магазинах, принадлежащих обществу, следовательно, приобретенные потребителями карты являются авансом будущей оплаты товара» [11].

Отсутствие единообразия правоприменительной практики неоднократно приводило к тому, что Верховный Суд РФ уже излагал свою позицию в определениях от 29.12.2017 [5], от 27.12.2018 [4], от 16.03.2022 [3] и других, где указывал, что к правоотношениям по продаже-приобретению подарочных карт следует применять по аналогии нормы, регулирующие отношения договора розничной купли-продажи, при которых приобретение потребителем подарочной карты подтверждает внесение потребителем предоплаты и право на покупку товара в будущем, а, соответственно, в силу Закона о защите прав потребителей, предоплата не может быть удержана обществом. При этом в приведенных нами судебных актах, содержащих указание на отсутствие опционного характера подарочных сертификатов и карт, нижестоящие суды также ссылались на данную позицию Верховного Суда.

Таким образом, несмотря на данные Верховным Судом РФ разъяснения, в настоящий момент в судебной практике прослеживается наличие разных подходов к возможности заключения опционного соглашения путем приобретения подарочной карты, что, на наш взгляд, является следствием отсутствия специального законодательного регулирования отношений, связанных с ее приобретением и относительной новизной закрепления в ГК РФ норм об опционных соглашениях. Решением данной проблемы должно являться полагаем, формирование устойчивой позиции судов вышестоящих инстанций, включая суды округов, относительно сущности подарочных карт с учетом их связи с потребительскими отношениями. Изменение норм об опционе на заключение договора или опционном договоре, а также уточнение положений, касающихся розничной купли-продажи, о подарочных сертификатах и картах в данном случае будут избыточными, поскольку указанная проблема в большей мере связана с ненадлежащим пониманием правовой природы опционных соглашений. В свою очередь, специальное законодательное регулирование правоотношений, связанных с применением маркетингового инструмента в виде подарочных сертификатов и карт, при наличии норм, позволяющих дать им надлежащую квалификацию, стало бы излишним.

Литература

1. Белов В.А. Правовая сущность подарочного сертификата: ООО «Бершка СНГ» против Управления Роспотребнадзора по г. Москве (дела № А40-А40–202419/17 и А40–226793/17) // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 9 (106). С. 71–79.
2. Бычков А.И. Агрегаторы и маркетплейсы // Экономико-правовой бюллетень. 2019. № 12. [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения 07.03.2024).
3. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 16.03.2022 № 307-ЭС21–16004 по делу № А56–101207/2020 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.03.2024).
4. Определение Верховного Суда РФ от 27.12.2018 № 305-АД18–18522 по делу № А40–202419/2017 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.12.2023).
5. Определение Верховного Суда РФ от 29.12.2017 № 305-АД17–19559 по делу № А40–44289/2017 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.12.2023).

6. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 30.12.2020 по делу № 88–623/2021, 2–1027/2019 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.04.2024).
7. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 10.08.2020 № Ф10–2636/2020 по делу № А36–4681/2019 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.03.2024).
8. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 18.06.2020 № Ф04–1879/2020 по делу № А03–12575/2019 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.03.2024).
9. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 16.04.2020 по делу № 88–7937/2020 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.05.2024).
10. Апелляционное определение Московского областного суда от 25.09.2023 по делу № 33–32827/2023 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.03.2024).
11. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 03.06.2022 г. № 07АП-3295/22 по делу № А67–454/2022 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.05.2024).
12. Постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 18.09.2020 № 16АП-2843/2020 по делу № А63–3254/2020 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.03.2024).
13. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 26.07.2018 № 09АП-32896/2018 по делу № А40–226793/17 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.03.2024).
14. Решение Октябрьского районного суда города Мурманска от 11.11.2021 по делу № 2–4247/2021 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.03.2024).

QUALIFICATION OF THE PURCHASE OF GIFT CERTIFICATES OR CARDS AS THE CONCLUSION OF AN OPTIONAL CONTRACTUAL STRUCTURE

Tyumentsev I.A.
Novosibirsk State University

This article critically examines the approach to understanding the legal essence of certificates and gift cards as option agreements. The materials of law enforcement practice are presented, in which the instrument in question is either qualified as an option agreement, or is not recognized as such and is regarded as a marketing tool of the seller, mediating the prepayment. The conclusion is made about the inadmissibility of qualifying the purchase of gift certificates or cards by the consumer as the conclusion of one of the optional contractual structures fixed in the Civil Code of the Russian Federation, and the need to consider them as confirmation of prepayment for receiving goods, performing work or providing services in the future.

Keywords: option, option to conclude an agreement, option agreements, gift certificates and cards, consumer protection, contract law.

References

1. Belov V.A. The legal essence of the gift certificate: Bershka CIS LLC against the Office of Rospotrebnadzor in Moscow (cases No. A40-A40–202419/17 and A40–226793/17) // Actual problems of Russian law. 2019. No. 9 (106). p. 71–79.
2. Bychkov A.I. Aggregators and marketplaces // Economic and Legal bulletin. 2019. No. 12. [Electronic resource]. «ConsultantPlus» Legal Reference System (date of appeal: 07.03.2024).
3. Decree of the Judicial Board for Economic Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated March, 16, 2022 No. 307-ES21–16004 in case No. A56–101207/2020 // «ConsultantPlus» Legal Reference System (date of appeal: 13.03.2024).
4. Decree of the Supreme Court of the Russian Federation dated December, 27, 2018 No. 305-AD18–18522 in case No. A40–202419/2017 // «ConsultantPlus» Legal Reference System (date of reference: 19.12.2023).
5. Decree of the Supreme Court of the Russian Federation dated December, 29, 2017 No. 305-AD17–19559 in case No. A40–44289/2017 // «ConsultantPlus» Legal Reference System (date of reference: 19.12.2023).
6. Decree of the Second Cassation Court of General Jurisdiction dated December, 30, 2020 in case № 88–623/2021, 2–1027/2019 // «ConsultantPlus» Legal Reference System (date of application: 19.04.2024).
7. Decree of the Arbitration Court of the Central District dated August, 10, 2020 No. F10–2636/2020 in case No. A36–4681/2019 // «ConsultantPlus» Legal Reference System (date of application: 09.03.2024).
8. Decree of the Arbitration Court of the West Siberian District dated June, 18, 2020 No. F04–1879/2020 in case No. A03–12575/2019 // «ConsultantPlus» Legal Reference System (date of application: 10.03.2024).
9. Decree of the Second Cassation Court of General Jurisdiction dated April, 16, 2020 in case No. 88–7937/2020 // «ConsultantPlus» Legal Reference System (date of application: 15.05.2024).
10. Appeal judgement of the Moscow Regional Court dated September, 25, 2023 in case No. 33–32827/2023 // «ConsultantPlus» Legal Reference System (date of application: 03.03.2024).
11. Decree of the Seventh Arbitration Court of Appeal dated March, 06, 2022 No. 07AP-3295/22 in case No. A67–454/2022 // «ConsultantPlus» Legal Reference System (date of application: 15.05.2024).
12. Decree of the Sixteenth Arbitration Court of Appeal dated September, 18, 2020 No. 16AP-2843/2020 in case No. A63–3254/2020 // «ConsultantPlus» Legal Reference System (date of appeal: 09.03.2024).
13. Decree of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated July, 26, 2018 No. 09AP-32896/2018 in case No. A40–226793/17 // «ConsultantPlus» Legal Reference System (date of appeal: 22.03.2024).
14. Decree of the Oktyabrsky District Court of the city of Murmansk dated November, 11, 2021 in case No. 2–4247/2021 // «ConsultantPlus» legal Reference System (accessed 05.03.2024).

Развитие института предоставления гарантий дистанционным работникам: на примере «права на отключение»

Чаштанова Диана Петровна,
магистрант, кафедра гражданского права Института философии и права, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет
E-mail: diana_2000_2806@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы правовой регламентации гарантий, предоставляемых дистанционным работникам. Анализируются положения гл. 49.1 ТК РФ, посвященные порядку взаимодействия сторон трудовых отношений, режиму рабочего времени и времени отдыха, дополнительным гарантиям по оплате труда, охране труда, дополнительным основаниям прекращения трудового договора. Выявляются противоречия и пробелы по обозначенному вопросу. Особое внимание уделяется анализу реализации дистанционными работниками «права на отключение», необходимость в котором обусловлена стиранием границ между работой и личной жизнью, которое впоследствии может привести к эмоциональному выгоранию и стрессу на рабочем месте. Анализируется зарубежный опыт закрепления указанного права. Отмечается, что на данный момент «право на отключение» не закреплено на уровне трудового законодательства РФ.

Ключевые слова: дистанционная работа, дистанционный работник, трудовые отношения, гарантии дистанционным работникам, право на отключение.

Дистанционная работа является одной из новых форм занятости, появление которой обусловлено развитием цифровых технологий, информатизацией всех сфер жизни, доступностью средств коммуникации. С 2015 года в мире наблюдается тенденция к активному росту дистанционной работы. Каждый год количество дистанционных работников увеличивается на 1–3%. Однако пандемия COVID-19 в 2020 г. значительно ускорила рост дистанционной работы в мире. В 2023 г. доля дистанционных работников в мире составляла 28% (включая постоянную дистанционную работу и комбинированную дистанционную работу). За последние четыре года это показатель увеличился более чем в два раза, а за последние десять лет – более чем в четыре раза [12]. В РФ в 2023 г. дистанционно работали 36% работников [5]. По данным исследования, проведенного Институтом статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ, на сегодняшний день дистанционный формат работы используют 58,6% российских компаний [14].

До внесения изменений гл. 49.1 Трудового кодекса РФ (далее – ТК РФ) регулировала весьма ограниченный круг вопросов, посвященных правовой регламентации труда дистанционных работников. Впоследствии стало очевидно, что введенных норм недостаточно для полноценного нормативного регулирования дистанционного труда, а их содержание представляется небесспорным. Тем не менее до 2020 года гл. 49.1 ТК РФ оставалась неизменной. Можно предположить, что такое положение дел обусловлено тем, что законодательное закрепление дистанционной работы, по сути, было довольно формальным и напоминало не самую удачную попытку законодателя обратить внимание на новую форму занятости, нуждающуюся в правовом регулировании.

Особой критике подвергались понятие дистанционной работы (оно сужало сферу применения дистанционного труда [11, с. 90]), виды дистанционной работы (отсутствовала возможность сочетать традиционный и дистанционный труд [13, с. 14]), предусмотренные трудовым договором основания его прекращения (дистанционные работники, как правило, оказывались в неблагоприятном положении, поскольку такие основания могли носить произвольный характер (нередко дискриминационный) либо использоваться работодателями в целях уклонения от предоставления гарантий при увольнении дистанционных работников [15, с. 113]).

Обновленная редакция гл. 49.1 ТК РФ была не только изменена в части содержания уже дей-

ствовавших норм, но и дополнена ранее не урегулированными положениями. В соответствии с ч. 4 ст. 312.1 ТК РФ на правовое регулирование труда дистанционных работников распространяются как общие, так и специальные нормы, предусмотренные трудовым законодательством и иными актами, содержащими нормы трудового права. Специальные нормы, закрепленные в гл. 49.1 ТК РФ, ограничивают сферу действия общих норм, предоставляя сторонам трудовых отношений большую гибкость, направленную на усиление локального регулирования.

Можно заметить, что законодатель отказался от выделения особого вида трудового договора: до модернизации рассматриваемой главы в наименованиях статей и их содержании указывалось на формулировку «трудовой договор о дистанционной работе». Безусловно, для дистанционной работы характерны отличительные черты, которыми не обладают классические трудовые отношения, но правовая природа трудового договора остается неизменной, несмотря на вариативность как обязательных, так и дополнительных условий, установленных в ст. 57 ТК РФ, а также специальных положений, предусмотренных гл. 49.1 ТК РФ. Представляется, что указания на дистанционный характер работы будет достаточно для обозначения специального правового регулирования, не требующего уточнений с точки зрения юридической техники.

В рамках настоящей статьи особого внимания требует правовое регулирование гарантий, предоставляемых дистанционным работникам в соответствии с гл. 49.1 ТК РФ.

Порядок взаимодействия сторон трудовых отношений

В соответствии со ст. 312.3 ТК РФ работник вправе использовать как усиленную квалифицированную электронную подпись (УКЭП), так и усиленную неквалифицированную электронную подпись (УНЭП) при заключении в электронном виде трудового договора и иных документов, связанных с работой и установленных анализируемой статьей. При этом обязанность использовать УКЭП в рассматриваемом случае остается только у работодателя. В иных случаях взаимодействие сторон трудовых отношений может осуществляться с использованием других видов электронной подписи или в иной форме, если это предусмотрено соглашением сторон или закреплено на локальном уровне. В целях защиты дистанционного работника и обеспечения интересов работодателя подробный порядок взаимодействия сторон должен регулироваться также либо на локальном уровне, либо в индивидуально-договорном порядке.

Режим рабочего времени и времени отдыха

Регулирование рабочего времени может быть установлено как на локальном, так и на индивидуально-договорном уровне, а при отсутствии такого регулирования – по усмотрению дистанционного работника. В свою очередь, регулирование времени отдыха, касающееся предоставления отпуска, отличается от общеустановленного только при постоянной дистанционной работе. Отдельно отмечается, что время взаимодействия сторон трудовых отношений при дистанционной работе включается в рабочее время, что актуализирует вопрос предоставления «права на отключение».

Стоит отметить, что «право на отключение», или «право на офлайн» позволяет не быть на связи с работодателем за пределами рабочего времени. О существовании указанного права можно говорить применительно к работникам в целом, поскольку современные способы коммуникации используются не только в дистанционных трудовых отношениях, но и в традиционной модели организации рабочего процесса. Вместе с тем для дистанционных работников реализация данного права актуальна в большей степени, поскольку именно они особенно остро ощущают стирание границ между рабочим временем и временем отдыха. На первый взгляд кажется, что данная концепция презюмируется и не требует дополнительного внимания со стороны законодателя, но достаточно ли тех инструментов, которые уже предусмотрены трудовым законодательством и насколько они эффективны?

Стоит отметить, что «право на отключение» уже нашло отражение в законодательстве стран Европейского Союза (Франция, Бельгия, Италия, Испания, Ирландия, Португалия, Греция, Словакия). Примечательно, что в Германии указанное право реализуется на уровне отдельных организаций, но в законодательстве не закреплено. В Австралии и некоторых штатах США (например, Калифорния) находятся на рассмотрении законопроекты о введении «права на отключение». При этом за рубежом реализация «права на отключение» не ограничивается дистанционными работниками.

В январе 2021 г. Европейский парламент принял Резолюцию с рекомендациями для Европейской комиссии по регулированию «права на отключение», которая содержит проект Директивы Европейского парламента и Совета Европейского Союза о «праве на отключение» (далее – проект Директивы). В соответствии с проектом Директивы целью реализации указанного права является обеспечение защиты здоровья и безопасности работников, а также справедливых условий труда, включая баланс между работой и личной жизнью [18]. Однако на данный момент проект Директивы так и не был принят по неизвестным причинам. Тем не менее провозглашение рассматриваемого права на уровне ЕС может оказать существенное влияние на законодательную политику других стран.

Возникает вопрос, закреплено ли «право на офлайн» в трудовом законодательстве РФ? Как отмечалось ранее, в ч. 6 ст. 312.4 ТК РФ закреплено положение, согласно которому время взаимодействия дистанционного работника с работодателем включается в рабочее время. Можно предположить, что в данном случае о непосредственном

выполнении трудовых обязанностей речи не идет. Так или иначе, поскольку данное взаимодействие осуществляется за пределами рабочего времени, оно подлежит оплате по правилам, установленным для оплаты сверхурочной работы, несмотря на отсутствие прямого указания в законе. Вместе с тем предусмотренный ст. 101 ТК РФ режим ненормированного рабочего дня позволяет работодателю нарушать «право на отключение» дистанционного работника с наименьшими для себя потерями. Следует согласиться с О.В. Чесалиной, полагающей, что на данный момент «право на отключение» в гл. 49.1 ТК РФ отсутствует [16, с. 60].

Дополнительные гарантии по оплате труда

Как указывалось ранее, ст. 312.5 ТК РФ не позволяет работодателю снижать размер заработной платы работнику в связи с выполнением трудовой функции дистанционно. Следовательно, изменение размера заработной платы допустимо только в общем порядке и при наличии достаточных оснований. Данная статья является новеллой, отсутствующей в первоначальной редакции гл. 49.1 ТК РФ. Ее введение обусловлено стремлением законодателя предотвратить злоупотребления со стороны работодателя, который в период пандемии пользовался законодательным пробелом и незаконно снижал размер заработной платы работникам, переведенным на дистанционную работу [17]. Важно обратить внимание, что гарантии по оплате труда лицам, работающим в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, распространяются в полной мере и на дистанционных работников, начисление «северных» надбавок (районный коэффициент, процентная надбавка) к заработной плате которых зависит от места выполнений трудовой функции, а не от места нахождения работодателя [9].

Охрана труда

Статья 312.7 ТК РФ закрепляет ограниченный перечень обязанностей работодателя по обеспечению безопасных условий труда и охраны труда дистанционных работников, установленный абз. 18, 21, 22 ч. 3 ст. 214 ТК РФ. Примечательно, что первоначальная редакция гл. 49.1 ТК РФ в результате внесенных в 2020 году поправок осталась неизменной по рассматриваемому вопросу. Вместе с тем отечественным исследователями подвергается критике закрепленные нормы, поскольку, во-первых, отсутствие у работодателя обязанности проводить специальную оценку условий труда ставит дистанционных работников в неблагоприятное положению по сравнению со «стационарными» работниками [7, с. 163–164], а во-вторых, поднимается вопрос, каким образом работодатель может учесть факторы, влияющие негативным образом на здоровье дистанционного работника, в целях расследования и учета профессионального заболевания? [4, с. 48] Однако некоторые ученые объясняют ограниченный круг обязанностей работодателя по обеспечению безопасных условий труда и охраны труда спецификой дистанционной работы, не позволяющей работодателю объективно выполнять общеустановленные обязанности в связи с невозможностью контролировать условия труда на дистанционных рабочих местах [8, с. 80], с чем следует согласиться.

Дополнительные основания прекращения трудового договора

Первое основание, предусмотренное ч. 1 ст. 312.8 ТК РФ, применяется по инициативе работодателя и является дисциплинарным проступком по аналогии с прогулом (пп. «а» п. 6 ч. 1 ст. 81 ТК РФ), за совершение которого работодатель вправе привлечь работника к дисциплинарной ответственности. Несмотря на отсутствие прямого указания законодателя, судебная практика свидетельствует о том, что увольнение дистанционного работника по причине невыхода на связь с работодателем является дисциплинарным взысканием, поскольку возникает в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением дистанционным работником трудовых обязанностей [2], и требует соблюдения работодателем процедуры привлечения дистанционного работника к дисциплинарной ответственности, установленной в статьях 192, 193 ТК РФ [3].

Что касается увольнения по второму основанию, установленному в ч. 2 ст. 312.8 ТК РФ, то в данном случае нет указания на инициативу работодателя и возможно увольнение только при осуществлении дистанционной работы на постоянной основе. Кроме того, изменение местности выполнения трудовой функции, даже если оно произошло без ведома работодателя, не соответствует правовой природе дисциплинарного проступка. Следовательно, не требует соблюдения работодателем процедуры привлечения дистанционного работника к дисциплинарной ответственности. В доктрине анализируемое основание относят к основаниям, не зависящим от воли сторон [6, с. 15]. Введение указанного основания обусловлено тем, что в случае переезда дистанционного работника в район Крайнего Севера или местность, приравненную к нему, работодатель будет вынужден нести дополнительные расходы, связанные с «северными» выплатами.

Стоит отметить, что перечень дополнительных оснований прекращения трудового договора с дистанционным работником, предусмотренный ст. 312.8 ТК РФ, является исчерпывающим, что подтверждается и в судебной практике [1]. Однако имеется и противоположная судебная практика, согласно которой обозначенный перечень носит открытый характер [10]. С приведенным подходом нельзя согласиться, поскольку ст. 312.8 ТК РФ не содержит указания на иные основания.

Таким образом, правовое регулирование гарантий, предоставляемых дистанционным работникам, представляется достаточно полным, но по отдельным вопросам требуется устранение законодательных пробелов, выявленных в правоприменительной практике.

Литература

1. Апелляционное определение СК по гражданским делам Верховного Суда Республики Татарстан от 21.10.2021 по делу № 33–15952/2021 // СПС «Гарант» (дата обращения: 17.06.2024).
2. Апелляционное определение СК по гражданским делам Московского областного суда от 17.05.2023 по делу № 33–16847/2023 // СПС «Гарант» (дата обращения: 10.06.2024).
3. Апелляционное определение СК по гражданским делам Московского городского суда от 05.07.2023 по делу № 33–31545/2023 // СПС «Гарант» (дата обращения: 10.06.2024).
4. Бикметов Р.У. Особенности обеспечения требований охраны труда дистанционных работников. Возможные противоречия в обеспечении социальной защиты дистанционных работников, пострадавших в результате травмы на производстве и профзаболеваний // Трудовое право в России и за рубежом. 2013. № 3. С. 48–49.
5. Более трети сотрудников в российских компаниях работают удаленно. URL: https://spb.mk.ru/social/2023/06/16/bolee-treti-sotrudnikov-v-rossiyskikh-kompaniyakh-rabotayut-udalenno.html (дата обращения: 05.06.2024).
6. Давыдова Е.В. Особенности увольнения дистанционного работника // Отдел кадров государственного (муниципального) учреждения. 2021. № 3. С. 10–18.
7. Киселева Е.В. Развитие дистанционного труда в России: преимущества и недостатки // Известия Алтайского государственного университета. 2018. № 6 (104). С. 162–164.
8. Макаров М.С. Недостатки правовых норм о дистанционном труде // Альманах мировой науки. 2021. № 1 (44). С. 79–82.
9. Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с осуществлением гражданами трудовой деятельности в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.02.2014) // СПС «Гарант» (дата обращения: 10.06.2024).
10. Определение СК по гражданским делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 15.11.2022 по делу № 8Г-22842/2022[88–22185/2022] // СПС «Гарант» (дата обращения: 17.06.2024).
11. Саурин С.А. Особенности регламентации сферы действия российских норм о дистанционной работе по кругу лиц и их соотношение с международными стандартами // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 10. С. 86–92.
12. Статистика удаленной работы в мире. URL: https://inclient.ru/remote-work-stats/ (дата обращения: 19.06.2024).
13. Степанов В. Дистанционные работники – новая категория работников в российском трудовом праве // Трудовое право. 2013. № 6. С. 9–17.
14. Удаленка не теряет популярность. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6636167 (дата обращения: 19.06.2024).
15. Черных Н.В. Влияние нетипичных форм занятости на теоретические представления о трудовом отношении (на примере норм о дистанционном труде) // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 8. С. 108–117.
16. Чесалина О. В. К вопросу о правовой природе права на отключение // Трудовое право в России и за рубежом. 2021. № 2. С. 57–60.
17. Эксперт: Сотруднику на «удаленке» не имеют права снижать зарплату. URL: https://rg.ru/2020/04/14/reg-skfo/ekspert-sotrudniku-na-udalenke-ne-imeiut-prava-snizhat-zarplatu.html (дата обращения: 15.06.2024).
18. Directive of the European Parlament and of the Council on the right to disconnect. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9–2021–0021_EN.html (дата обращения: 06.06.2024).

DEVELOPMENT OF THE INSTITUTION OF PROVIDING GUARANTEES TO REMOTE WORKERS: USING THE EXAMPLE OF THE “RIGHT TO DISCONNECT”

Chashtanova D.P.
Novosibirsk National Research State University

The article discusses the problems of legal regulation of guarantees provided to remote workers. The provisions of Ch. 49.1 of the Labor Code of the Russian Federation, devoted to the procedure for interaction between the parties to labor relations, working hours and rest periods, additional guarantees for wages, labor protection, and additional grounds for termination of an employment contract. Contradictions and gaps on the identified issue are identified. Particular attention is paid to the analysis of the exercise of the “right to disconnect” by remote workers, the need for which is due to the blurring of boundaries between work and personal life, which can subsequently lead to emotional burnout and stress in the workplace. Foreign experience in securing this right is analyzed. It is noted that at the moment the “right to disconnect” is not enshrined in the labor legislation of the Russian Federation.

Keywords: remote work, remote worker, labor relations, guarantees for remote workers, the right to disconnect.

References

1. Appeal ruling of the Investigative Committee for civil cases of the Supreme Court of the Republic of Tatarstan dated October 21, 2021 in case No. 33–15952/2021 // ATP “Garant” (accessed on June 17, 2024).
2. Appeal ruling of the Investigative Committee for civil cases of the Moscow Regional Court dated 05/17/2023 in case No. 33–16847/2023 // ATP “Garant” (accessed on June 10, 2024).
3. Appeal ruling of the Investigative Committee for civil cases of the Moscow City Court dated 07/05/2023 in case No. 33–31545/2023 // ATP “Garant” (accessed on June 10, 2024).
4. Bikmetov R.U. Features of ensuring labor protection requirements for remote workers. Possible contradictions in ensuring social protection of remote workers who suffered as a result of injury at work and occupational diseases // Labor Law in Russia and Abroad. 2013. No. 3. P. 48–49.
5. More than a third of employees in Russian companies work remotely. URL: https://spb.mk.ru/social/2023/06/16/bolee-treti-sotrudnikov-v-rossiyskikh-kompaniyakh-rabotayut-udalenno.html (accessed on June 5, 2024).
6. Davydova E.V. Peculiarities of dismissal of a remote worker // Personnel department of a state (municipal) institution. 2021. No. 3. P. 10–18.

7. Kiseleva E.V. Development of remote work in Russia: advantages and disadvantages // News of the Altai State University. 2018. No. 6 (104). pp. 162–164.
8. Makarov M.S. Disadvantages of legal norms on remote work // Almanac of World Science. 2021. No. 1 (44). pp. 79–82.
9. Review of the practice of courts considering cases related to the implementation of labor activities by citizens in the regions of the Far North and equivalent areas (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on February 26, 2014) // ATP "Garant" (accessed on June 10, 2024).
10. Determination of the Investigative Committee for civil cases of the Eighth Court of Cassation of General Jurisdiction dated November 15, 2022 in case No. 8G-22842/2022[88–22185/2022] // ATP "Garant" (accessed on June 17, 2024).
11. Saurin S.A. Features of regulation of the scope of Russian standards on remote work for a circle of people and their relationship with international standards // Current problems of Russian law. 2019. No. 10. pp. 86–92.
12. Statistics of remote work in the world. URL: https://inclient.ru/remote-work-stats/ (accessed on June 19, 2024).
13. Stepanov V. Distance workers – a new category of workers in Russian labor law // Labor Law. 2013. No. 6. P. 9–17.
14. Remote work continues to be popular. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6636167 (accessed on June 19, 2024).
15. Chernykh N.V. The influence of atypical forms of employment on theoretical ideas about labor relations (using the example of norms on remote work) // Current problems of Russian law. 2019. No. 8. pp. 108–117.
16. Chesalina O.V. On the issue of the legal nature of the right to disconnect // Labor law in Russia and abroad. 2021. No. 2. P. 57–60.
17. Expert: An employee working remotely does not have the right to reduce his salary. URL: https://rg.ru/2020/04/14/reg-skfo/ekspert-sotrudniku-na-udalenke-ne-imeiut-prava-snizhat-zarplatu.html (accessed on June 15, 2024).
18. Directive of the European Parliament and of the Council on the right to disconnect. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9–2021–0021_EN.html (accessed on June 6, 2024).

Проблемы законодательного закрепления и обеспечения соблюдения принципов судебно-экспертной деятельности

Федин Данила Александрович,
аспирант кафедры Фундаментальных юридических и социально-гуманитарных дисциплин, Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

Назначение, производство судебной экспертизы, а также использование ее результатов имеет важнейшее правовое значение для рассмотрения и разрешения многих споров, в том числе споров, возникающих в рамках гражданского и арбитражного процессов. Вместе с тем, нормативно-правовая база, обеспечивающая проведение судебных экспертиз, а также практика правоприменения, отражающая соблюдение принципов судебно-экспертной деятельности, по-прежнему остаются далекими от совершенства. Поэтому автором проанализированы некоторые ключевые проблемы законодательного закрепления и обеспечения соблюдения принципов судебно-экспертной деятельности. Особое внимание обращено на принципы независимости судебного эксперта, объективности, а также на принцип профессионализма, который пока не получил отражения в законодательстве. По итогам исследования представлены варианты преодоления возникающих проблем путем внесения изменений в действующее законодательство, регламентирующее вопросы производства судебных экспертиз.

Ключевые слова: арбитражный процесс; гражданский процесс; принципы судебно-экспертной деятельности; судебная экспертиза; судебно-экспертная деятельность.

Введение

Судебная экспертиза играет немаловажную роль при разрешении дел в рамках любого судебного процесса, в том числе, гражданского и арбитражного. Именно благодаря её назначению и проведению, судья, имеющий, как правило, лишь юридическое образование, но сталкивающийся с решением вопросов, выходящих за рамки правовой сферы, получает возможность воспользоваться специальными знаниями опосредованно (через эксперта, обладающие такими знаниями).

Законодательство, регламентирующее вопросы судебно-экспертной деятельности (СЭД), определяет ряд принципов, на базе которых такая деятельность должна осуществляться. При этом с указанными принципами связан ряд спорных нюансов, требующих детального рассмотрения, чему и посвящена данная статья.

Цель настоящего исследования состоит в выявлении проблем в правовом регулировании и применении принципов судебно-экспертной деятельности, и разработке рекомендаций по совершенствованию правовой основы данных принципов применительно к гражданскому и арбитражному судопроизводству.

Основная часть

Проведение экспертизы предусмотрено и в рамках гражданского, и в рамках арбитражного процесса, и в этой связи в первую очередь следует обратить внимание на соответствующие положения законодательства, регламентирующего данные виды судопроизводства. Так, Гражданский процессуальный кодекс РФ [2] (ГПК РФ) в ч. 1 ст. 79 уполномочивает суд назначить экспертизу при появлении опросов, требующих специальных знаний в различных областях науки, техники, искусства, ремесла, поручив ее проведение судебно-экспертному учреждению, конкретному эксперту или нескольким экспертам. И примечательно, то абз. 2 ч. 2 указанной статьи также наделяет других лиц, участвующих в деле, правом ходатайствовать о назначении проведения экспертизы в конкретном судебно-экспертном учреждении или о поручении ее конкретному эксперту.

Аналогичные по своему правовому смыслу положения содержит и Арбитражный процессуальный кодекс РФ [1] (АПК РФ), устанавливающий в ст. 82 порядок назначения экспертизы. Причем в ч. 3 данной статьи представлено аналогичное положение, наделяющее участвующих в деле лиц, в частности, правом ходатайствовать о привлечении в качестве экспертов указанных ими лиц или

о проведении экспертизы в конкретном экспертном учреждении.

В контексте изложенного становится очевидно, что СЭД является не только средством осуществления правосудия в рамках гражданского и арбитражного процессов, но и одним из инструментов обеспечения состязательности процесса, особенно если обратить внимание на право сторон ходатайствовать о поручение экспертизы конкретному учреждению или конкретному эксперту (группе экспертов).

Нельзя не подчеркнуть особую значимость экспертизы применительно и к судопроизводству в целом, ведь именно благодаря ей достижения науки и техники оказываются применимыми и в рамках системы правосудия.

Предназначение судебной экспертизы, как нам представляется, в полной мере реализуется лишь при соблюдении установленных законом принципов её проведения. В этой связи следует обратить внимание на Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [3] (далее –Закон № 73-ФЗ), ст. 4 которого предусматривает следующие принципы государственной СЭД:

1. Законность.

2. Соблюдение прав и свобод человека и гражданина, а также прав юридического лица.

3. Независимость эксперта.

4. Объективность, всесторонность и полнота исследований, проводимых с использованием современных достижений науки и техники.

Каждый из перечисленных принципов требует особого внимания в силу своей значимости и обязательности соблюдения. Ключевой из них – принцип законности, носящий общеправовой (межотраслевой) характер и детализированный применительно к СЭД в ст. 5 Закона № 73-ФЗ.

Согласно указанной норме, данный принцип состоит в обязательном соблюдении норм Конституции РФ и правовых актов, определяющих основы СЭД. Его соблюдение обязательно, а нарушение влечёт установленную законодательством ответственность. И примечательно, что в указанной норме не упоминается об особой значимости соблюдения норм процессуального законодательства, определяющих порядок назначения экспертиз в рамках каждого конкретного вида процесса (гражданского, арбитражного, уголовного, административного), хотя это представляется крайне важным.

Принцип соблюдения прав и свобод человека и гражданина и юридического лица, также носящий межотраслевой характер, применительно к СЭД раскрывается в ст. 6 Закона № 73-ФЗ и предполагает соблюдение:

1. Равноправия.

2. Свободы и личной неприкосновенности.

3. Достоинства личности.

4. Неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны.

5. Защиту чести и доброго имени.

6. Защиту иных прав и свобод человека и гражданина.

Помимо того, указанный принцип предполагает возможность обжалования действий (бездействия) субъектов, осуществляющих СЭД, что представляется крайне важным в контексте защиты прав и свобод человека и гражданина.

Примечательно, что в указанной статье не раскрывается содержание данного принципа применительно к юридическим лицам, что можно расценить как законодательный пробел. Но, с другой стороны, вполне очевидно, что речь идёт о всех правах и законных интересах, которые гарантированы юридическим лицам действующим законодательством, причём не только Конституцией РФ.

Принцип независимости эксперта раскрыт в ст. 7 Закона № 73-ФЗ и состоит в следующем:

1. Недопустимость нахождения эксперта при производстве экспертизы в какой-либо зависимости от назначившего экспертизу субъекта, сторон и иных заинтересованных лиц.

2. Ориентация эксперта при даче заключении на его специальные знания и результаты его исследований.

3. Недопустимость воздействие на эксперта с чьей бы то ни было стороны.

4. Наказуемость деяний, нацеленных на оказание воздействия на эксперта.

Принцип объективности, всесторонности и полноты исследований конкретизирован в ст. 8 Закона № 73-ФЗ и состоит в обязанности эксперта проводить исследования на строго научной и практической основе, в пределах соответствующей специальности, всесторонне и в полном объеме. При этом в основе заключения должны лежать на положениях, обоснованность и достоверность которых может быть проверена на базе общепринятых научных и практических данных.

Рассмотренные выше принципы имеют именно законодательную основу. Вместе с тем, если абстрагироваться от Закона № 73-ФЗ и обратиться к научной литературе, то можно усмотреть и наличие иных принципов, на которых базируется или должна базироваться СЭД. Так, в числе основ СЭД нужно выделить принцип профессионализма или профессиональной компетентности, упоминаемый в научной литературе [8, с. 89]. Законным основанием для выделения указанного принципа является, в частности, ст. 13 Закона № 73-ФЗ, устанавливающая основные профессиональные и квалификационные требования к эксперту и предполагающие наличие у него высшего образования и дополнительного профессионального образования по конкретной экспертной специальности (хотя в государственных судебно-экспертных учреждениях (ГСЭУ) органов внутренних дел экспертами могут быть и лица со средним профессиональным образование в сфере судебной экспертизы). Вместе с тем, указанный принцип не упоминается в ст. 4 анализируемого Закона в числе прочих принципов СЭД, что представляется упущением законодателя, требующим пристального внимания.

Достаточно интересным представляется принцип профессионального скептицизма, нашедший отражение в научной литературе, но также не представленный в нормах анализируемого законодательства. Указанный принцип предполагает критическую оценку представленных эксперту документов, склонность к проверке их подлинности. И хотя данный принцип Т.В. Пащенко относит к числу принципов судебно-бухгалтерской экспертизы [8, с. 89], его можно включить и в круг принципов СЭД в целом.

Нельзя не обратить внимание на находящийся на рассмотрении с июня 2013 г. и до момента написания настоящей статьи Законопроект «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [4], в котором определенное внимание уделено принципам экспертизы. Законопроект, в частности, более детально раскрывает содержание принципов СЭД, а также предусматривает в ст. 6 в качестве самостоятельных принципы научной обоснованности и соблюдения профессиональной этики судебного эксперта.

Принцип научной обоснованности представляется особенно важным, причем речь не столько о его формальной составляющей, сколько о фактической. Данная проблема актуализируется тем, что в России по-прежнему сохраняется ситуация «когда судебные эксперты разных ведомств проводят экспертные исследования одних и тех же объектов по разным методикам и с использованием разного оборудования, в результате чего получают диаметрально противоположные выводы» [6, с. 28]. Поэтому научная обоснованность должна предполагать не только применение зарекомендовавших себя методов и технологий в рамках СЭД, но и общих подходов к выбору соответствующего экспертного инструментария.

Важно подчеркнуть и принцип соблюдения профессиональной этики, поскольку он в действующем Законе № 73-ФЗ отсутствует, и это также следует расценивать как законодательный пробел.

В настоящее время для многих сфер деятельности свойственно развитие этических ценностей и принципов с соответствующими обязанностями их неуклонного исполнения. Особенно это важно в сферах, связанных с деятельностью государства. И в этой связи СЭД остаётся одной из немногих сфер, где этические этическая составляющая пока не получила должного развития как на законодательном, так и на правоприменительном уровнях. По этой причине представленный законопроект, в том числе в части развития этической составляющей СЭД, представляется особенно значимым и заслуживающим поддержки.

В рамках настоящего исследования представляется необходимым особое внимание сконцентрировать на осмыслении принципа независимости эксперта, который представляется наиболее значимым, поскольку судебный процесс – это всегда конфликт сторон, законное и справедливое разрешение которого не может быть обеспечено без должного уровня независимости эксперта.

В ст. 9 Закона № 73-ФЗ принцип независимости эксперта раскрывается через совокупность следующих составляющих:

1. Самостоятельность эксперта при выборе средств, методов и методик исследования в рамках действующего законодательства.

2. Допустимость обращения к эксперту назначившего экспертизу субъекта лишь в связи с порученной экспертизой и ее заключением.

3. Запрет допроса эксперта по поводу экспертизы и экспертного заключения до дачи им заключения.

В целом можно сделать вывод, что положения рассматриваемого Закона № 73-ФЗ, а также ГПК РФ и АПК РФ в части обеспечения независимости судебного эксперта весьма лаконичны и не учитывают многих нюансов, в связи с чем рассматриваемый принцип независимости в современных российских реалиях обеспечивается не в полной мере.

Так, Ф.Г. Аминев указывает на несоблюдение принципа независимости судебного эксперта, но применительно к органам внутренних дел. Предпосылкой для этого является работа в одном коллективе, под руководством одного начальника и судебного эксперта, и назначившего судебную экспертизу должностного лица. И в таких условиях имеются реальные возможности оказания давления [6, с. 27].

Особенно спорным оказывается вопрос соблюдения принципа независимости экспертов в рамках проведения комиссионной судебной экспертизы (КСЭ), требующей совместной работы двух или более экспертов. Соответствующие требования к такого рода экспертизам устанавливаются, в частности, в ст. 84 АПК РФ, ст. 83 ГПК РФ, ст. 21–22 Закона № 73-ФЗ, и исходя из них, эксперты совещаются (могут совещаться) друг с другом, формируя в результате общее заключение или, в случае расхождения мнений, отдельные заключения. Это обстоятельство дает повод задаться вопросом о том, насколько соответствующие положения законодательства о КСЭ соответствуют принципу независимости эксперта.

О данной проблеме писал в своей диссертации Хассан Виаам, пытаясь понять, в чем смысл работы каждого эксперта независимо от другого, и позволяет ли это достичь цели назначения комиссионной экспертизы [9, с. 35]. В этой связи постановка указанных вопросов представляется вполне обоснованной. При этом однозначный ответ на указанные вопросы вряд ли возможно дать, учитывая наличие множества факторов как объективного, так и субъективного характера, оказывающих влияние на работу экспертов в рамках производства КСЭ.

Так, с одной стороны, на конкретного эксперта совместная работа с другими экспертами в рамках конкретной КСЭ может повлиять положительно: осмысление имеющихся вопросов не только с собственной точки зрения, но и с позиций коллег, может способствовать формированию более объективного взгляда на поставленные вопросы; в таком

случае усматривается меньшая вероятность упущения экспертом каких-либо значимых нюансов.

С другой стороны, участие в проведении экспертизы других коллег и совещание с ними, учет их мнений, может породить сомнения у конкретного эксперта в собственных выводах, даже если эти выводы научно обоснованные, логичные и в целом верные. Факторов для этого может быть много, в том числе, авторитет другого эксперта, обусловленный, например, более высоким уровнем квалификации, более богатым опытом, лучшим умением аргументировать собственную позицию в ходе совещания.

Более того, надо отметить и фактор служебной (должностной) зависимости, играющий далеко не последнюю роль при выполнении комиссионной судебной экспертизы и оформлении ее результатов, обусловленный, в том числе, положениями ст. 21 Закона № 73-ФЗ, согласно которым на руководителя ГСЭУ или на руководителей нескольких ГСЭУ возложены организация и производство КСЭ. Там же говорится и о возможности выполнения одним из экспертов комиссии роль эксперта-организатора, хотя функции организатора при этом не отличаются от функций других экспертов, входящих в группу.

В контексте изложенного надо подчеркнуть, что имеющий статус организатора эксперт, безусловно, не должен навязывать собственное мнение другим экспертам. Однако практика экспертной деятельности в определённой степени не соответствует этому идеалу. В исследованиях отмечается, что нередко эксперт-организатор изучает представленные на экспертизу материалы, а далее докладывает о них на совещании экспертов либо подготавливает заключение от имени всех экспертов самостоятельно, остальные же эксперты зачастую лишь присоединяются к представленной в заключении позиции [9, с. 38–39]. Конечно, это является грубым нарушением, однако подобная практика вряд ли полностью будет искоренена в ближайшей перспективе. В то же время нельзя говорить о том, что подобные недобросовестные подходы к проведению экспертизы являются повсеместно распространёнными.

Законодатель создал инструмент обеспечения независимости экспертов на случай проведения комиссионной экспертизы, предусмотрев возможность дачи отдельных заключений при наличии разногласий между экспертами. По сути, они не обязаны формировать общую, единую позицию по всем вопросам, поставленным перед экспертизой, но имеют право на это, что в целом представляется оправданным.

В случае возникновения разногласий между экспертами и обусловленного этим составления разных заключений перед судом возникает дилемма: какое из заключений брать за основу при разрешении дела? Именно поэтому в литературе высказывалось мнение о том, что комиссионную экспертизу следует считать завершенной лишь в случае согласия с заключением всех экспертов, в противном случае говорить о достижении цели комиссионной экспертизы не приходится [7, с. 107]. Однако при наличии у судьи экспертных заключений, содержащих разные мнения, опять же появляется возможность оценить ситуацию с разных позиций.

Приближаясь к завершению настоящего исследования, важно подчеркнуть, что проблематика несоблюдения принципов СЭД в рамках гражданского и арбитражного процессов, в особенности принципа независимости эксперта от участвующих в деле лиц, находит подтверждение и в судебной практике, в том числе практики Верховного Суда РФ: «Судебная экспертиза проведена лицом, не отвечающим критериям независимости от лиц, участвующих в деле» [5].

Выводы

По результатам проведённого анализа делается вывод о наличии значимых недостатков в законодательстве, регулирующем вопросы производства судебных экспертиз, в том числе в рамках гражданского и арбитражного процессов. Во многом проблемы обуславливаются несоблюдением принципа независимости эксперта. Для разрешения данной проблемы представляется целесообразным детализировать требования к процессу выбора и назначения эксперта и экспертного учреждения. Также представляется важным обязать субъектов, ходатайствующих о поручении производства экспертизы конкретному эксперту или конкретному учреждению, мотивировать свой выбор в пользу соответствующих субъектов СЭД.

Некоторые весьма значимые принципы в законе, регулирующем экспертную деятельность, не перечислены, в частности принцип соблюдения профессиональной этики, принцип профессионализма и некоторые другие. В связи с этим представляется целесообразным поддержать находящийся с 2013 до настоящего времени законопроект о СЭД, в котором представлен более широкий круг принципов, раскрытых более детально. В случае же отклонения указанного законопроекта представляется особенно важным дополнить круг представленных в ст. 4 Закона № 73-ФЗ принципов СЭД, принципами профессиональной компетентности и соблюдения профессиональной этики.

Литература

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 29.05.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.
3. Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Россий-

ской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 23. – Ст. 2291.
4. Законопроект № 306504–6 «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (на рассмотрении) // Система обеспечения законодательной деятельности. – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/306504–6 (дата обращения: 09.06.2024).
5. Определение Верховного Суда РФ № 304-ЭС21–17880 от 11.10.2021 // Картотека арбитражных дел.
6. Аминев Ф.Г. Судебно-экспертная деятельность в Российской Федерации: современные проблемы и пути их решения: автореф. дис. … док. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2016. – 53 с.
7. Жуковский В.В. Комиссионная экспертиза как особый вид судебной экспертизы. методологические особенности проведения // Сборник научных трудов вузов России «проблемы экономики, финансов и управления производством». – 2020. – № 47. – С. 105–109.
8. Пащенко Т.В. Развитие теоретических основ судебно-бухгалтерской экспертизы: определение квалификации эксперта и этические принципы // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. – 2014. – № 3(22). – С. 82–89.
9. Хассан Виаам. Заключение эксперта и консультация специалиста в гражданском судопроизводстве: дис. … канд. юрид. наук. – СПб., 2023. – 285 с.

PROBLEMS OF LEGISLATIVE CONSOLIDATION AND ENSURING COMPLIANCE WITH THE PRINCIPLES OF FORENSIC EXPERTISE

Fedin D.A.
Moscow Financial and Industrial University “Synergy”

The appointment, production of a forensic examination, as well as the use of its results, is of crucial legal importance for the consideration and resolution of many disputes, including disputes arising within the framework of civil and arbitration processes. At the same time, the regulatory framework that ensures the conduct of forensic examinations, as well as the practice of law enforcement, reflecting compliance with the principles of forensic expertise, are still far from perfect. Therefore, the author analyzes some key problems of legislative consolidation and ensuring compliance with the principles of forensic expertise. Special attention is paid to the principles of independence of a judicial expert, objectivity, as well as the principle of professionalism, which has not yet been reflected in legislation. Based on the results of the study, options for overcoming emerging problems are presented by making changes to the current legislation regulating the issues of forensic examinations.

Keywords: arbitration process; civil procedure; principles of forensic expert activity; forensic examination; forensic expert activity.

References

1. The Arbitration Procedural Code of the Russian Federation dated 07/24/2002 No. 95-FZ (as amended on 05/29/2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 30. – Article 3012.
2. The Civil Procedure Code of the Russian Federation dated 11/14/2002 No. 138-FZ (as amended on 04/06/2024) // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 46. – Article 4532.
3. Federal Law No. 73-FZ dated 05/31/2001 (as amended on 07/01/2021) “On State forensic expert activity in the Russian Federation” // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2001. – No. 23. – Article 2291.
4. Draft Law No. 306504–6 “On forensic expert activity in the Russian Federation” (under consideration) // System for ensuring legislative activity. – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/306504–6 (date of application: 06/09/2024).
5. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 304-ES21–17880 dated 11.10.2021 // File of arbitration cases.
6. Aminev F.G. Forensic expert activity in the Russian Federation: modern problems and ways to solve them: abstract. …doc. Jurid. sciences’. – Rostov-on-Don, 2016. – 53 p.
7. Zhukovskiy V.V. Commission examination as a special type of forensic examination. methodological features of the research // Collection of scientific papers of Russian universities “problems of economics, finance and production management”. – 2020. – No 47. – Pp. 105–109.
8. Pashchenko T.V. Development of theoretical bases of judicial and accounting examination: assessment of the expert qualifications and ethical principles // Perm University Herald. Economy. – 2014. – No 3(22). – Pp. 82–89.
9. Hassan Viaam. Expert opinion and expert advice in civil proceedings: dis. … cand. Jurid. sciences’. – St. Petersburg, 2023. – 285 p.

Правовое обеспечение развития электронного документооборота: на примере строительной отрасли

Филатов Кирилл Сергеевич,
магистрант, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина
E-mail: fks17@yandex.ru

Целью исследования является анализ эволюции цифровизации в строительстве и внедрения электронного документооборота между субъектами строительного процесса и выявление существующих проблем на данном этапе. Отдельные аспекты выбранной темы рассматривались в рамках научных исследований о внедрении электронного документооборота, однако аспекты внедрения в строительную сферу в комплексе не рассматривались широко в рамках исследований. Данная тема имеет важное как теоретическое, так и прикладное значение, поскольку ставит задачей проанализировать существующие тенденции в области строительного регулирования за последние годы. Предметом исследования являются нормативно-правовые акты, доктринальные источники в области введения электронного документооборота. В исследовании применялись следующие методы: толкования нормативных актов, сбора и анализа правовых и научных источников, сравнительно-правовой и метод выявления закономерностей развития. В результате выявлены и общие тенденции внедрения электронного документооборота, и существующие проблемы его реализации.

Ключевые слова: электронный документооборот, электронная подпись, строительная документация, хранение документов, цифровизация.

Цифровизация общества и экономики привела к изменению взаимоотношению граждан, государства, бизнеса. Технологии привели к тому, что существенная часть данных взаимоотношений происходит в электронной форме, в то время как всю историю человечества использовался письменный документооборот, что привело к постепенному замещению письменных документов в электронный формат как при обороте документов, так и их хранении. Данные тенденции не могли не затронуть и сферу строительства, где вопрос достоверности подготовленных документов является одним из критических важных. Данный процесс имеет не только технологически обоснованный характер, но и вопрос социальный вследствие значительных объемов строительной документации. В условиях актуализации проблем сохранения и адаптации производства под возрастающие экологические проблемы, отказ от существенного процесса использования бумаги становиться весьма актуальным. Несмотря на важность перехода в сторону цифровизации, тем не менее данные фундаментальные изменения не могут не создавать проблем в практической реализации внедрения.

Говоря об эволюции внедрения электронного документооборота, данный процесс развивается в течение последних 30 лет. Исторически в России термин электронный документ возникает в 1990-е годах, до этого использовались такие термины как машиночитаемый документ, машинограмма и др. Отмечается, что в практике первый случай разбирательства по вопросу использования электронных документов встречается в 1993 году [10]. Далее данная сфера была урегулирована первым законом Федеральный закон от 10.01.2002 № 1-ФЗ «Об электронной цифровой подписи». Именно в этом законе было дано понятие электронного документа, под которым понимался документ, в котором информация представлена в электронно-цифровой форме.

Однако данный закон урегулировал возможность использования электронной подписи для физических лиц, в то время как для юридических лиц такой возможности законом не предусматривалось. Как отмечалось в прессе того периода, закон критиковался специалистами за норму о невозможности использования электронной подписи юридическими лицами, для использования им было необходимо оформление подписи на одного из своего работника (физического лица) в то время, как в иностранной практике юридические лица имеют возможность использовать электронную подпись, что приведет к невозможности ее использования и необходимости переоформления [7].

Вследствие этого в течение десятилетия были установлены высокие требования к использованию электронной подписи, а вследствие и использованию документооборота. Однако прямо пропорционально технологическому росту, ситуация начала изменяться в сторону установления более широких пределов использования электронных подписей. Так в 2011 году принимается новый закон об электронной подписи, а в 2012 году Правительство разрешило государственным органам вносить в Правительство в документы электронном виде с использованием электронной подписи [3]. Также теперь понятие электронного документа содержится в Федеральном законе от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

Развитие электронного документооборота является эволюционным процессом замены объема нормативных актов и адаптацией существующего законодательства с учетом развития цифровых технологий. Как отмечает в своей статье Кирилловых, в мировой практике регулирование электронного документооборота включает в себя принятия законов об электронной подписи, электронном документе и коммерции [4].

На данный момент государство отмечает важную роль перехода на электронный документооборота. Как следует из Распоряжения Правительства РФ от 16.03.2024 № 637-р поставлена цель достичь стопроцентного использования государственным, муниципальным учреждениями и органами местного самоуправления электронного документооборота. Большой толчок к развитию электронного документооборота стало и внедрение BIM технологий в строительства с конца прошлого десятилетия. Отмечается, что одно из преимуществ внедрения технологии, является повышение эффективности взаимодействия между участниками строительства [9], так позволяет более эффективно и быстрее проверять подготовленную документацию на соответствие обязательных требованиям [11]. Однако в практической реализации остается актуальным вопрос затрат на переход на данную технологию для субъектов строительного рынка. Вследствие этого резкий переход может быть воспринят негативно и привести к негативным последствиям, нежели к положительному технологическому рывку. Говоря о иностранной практике, например, в Бразилии в 2020 году был принят закон устанавливающий, 3 этапное внедрение моделирования с 2021 по 2028 годы [12]. В Европейских странах идет также внедрение электронного документооборота [13].

В России определение информационной модели было введено в 2019 году и на данный момент идет постепенное развитие и распространение использование инструмента на все субъектов строительства. Однако необходимо отметить, что согласно статистике, на 2023 год технологией BIM в строительстве использовали меньше 10% застройщиков [2]. На данный момент круг субъектов, которые обязаны использовать информационную модель объекта капитального строительства утвержден Постановлением Правительства РФ от 05.03.2021 № 331, в соответствии с которым первоначально обязательное применение данного инструмента было императивно для проектов с бюджетным финансированием, а с 2022 года перечень расширился за счет включения работ, связанных с долевым строительством и в отношении индивидуальных жилых домов. Также допущение использования информационной модели постепенно вводиться к иным нормативным актам в сфере строительстве. В 2022 году были внесены изменения в Постановление, в соответствии с которыми проектная документация может содержать материалы в том числе и в форме информационной модели.

Оформление работы информационной модели в 2024 году вышло на более структурный уровень с принятием постановления Правительства РФ от 17.05.2024 № 614, установившего в числе прочего порядок ведения информационной модели, ее хранения и состава документов [5]. В связи с этим возможно предположить, что вместе с урегулированием порядка хранения и предоставления информации информационной модели объекта капитального строительства расшириться перечень субъектов, обязанных ее вести.

Говоря о стандартах и технической регулированием, стоит отметить, что на данный момент они допускают введением документации как в электронном, так и бумажном виде. В соответствии с установленными стандартами на данный момент допускается использования как бумажной, так и электронной документации. В 2023 году Минстроем утверждено, что допускается ведение исполнительной документации в электронной форме без дублирования на бумажном носителе [8] Также принимаются схожие нормы на уровне субъектов. В Москве было введено обязательное ведение исполнительной документации в электронном виде с 1 июля 2023 в случае, если работа осуществляется за счет бюджетных средств [6]. Однако на практике возникают ситуации, когда сторона пытается оспорить передачу документов только в электронном виде или оспаривается порядок передачи электронных документов. Например, в деле в Постановлении Арбитражного суда Северо-Западного округа от 28.12.2022 суд рассмотрел спор, где указал, что передача проектной документации посредством ссылки на облачное хранилище не является доказательством передачи документов в электронной форме, так как это не является электронным носителем, в то время как надлежащей передачей было была бы передача на электронном носителе. А в Постановлении Арбитражного суда Поволжского округа от 27.11.2023 № Ф06–10375/2023 по делу № А12–12715/2022 в споре о надлежащей передаче проектной документации, суд указал, что передача документации в электронном виде является достижением результата работ и имеет потребительскую ценность.

Несмотря на существующие тенденции, в переходе на электронный документооборот важней-

шим вопросом остается хранение документов. Законодательством установлены требования к сроку хранения строительных документов. С учетом хранения и объема допуска это комплексная технологическая работа. Не менее актуальным является и проблема перевода уже существующих хранящихся документов в электронный формат. Так попытка регулирования была сделана в 2021 году, когда был внесен на рассмотрение Проект Федерального закона № 1173189–7 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации», который вводил понятия конвертированного электронного документа, электронного дубликата и порядок их хранения. Однако внесенная версия законопроекта критиковалась в силу создания дополнительных сложностей в цифровизации документооборота и на данный момент он не был принят [1].

Кроме финансовых затрат на хранение электронных документов, весьма актуальным являются вопросы обеспечения долгосрочного хранения строительных документов с технической точки зрения. Для реализации эффективной стратегии хранения разрабатываются стандарты, как, например, «ГОСТ Р 54989–2012 (ISO/TR 18492:2005). Национальный стандарт Российской Федерации. Обеспечение долговременной сохранности электронных документов» в соответствии с которым такая стратегия должна разрабатывается исходя из ограниченности срока службы электронных носителей.

Исходя из исследованных тенденций можно сделать вывод о постепенном эволюционном процессе цифровизации строительной отрасли. Быстрые изменения в законодательстве при условии диспозитивности применения электронных документов будут замедлять их внедрение в силу финансовых затрат на их внедрение. Тенденции развития технологий при постепенной адаптации законодательства под изменяющуюся реальность могут привести к существующей цели полной замены бумажного оборота в перспективе нескольких десятилетий при условии технологического развития технологий долгосрочного хранения и удешевления перехода на электронный документооборот для компаний.

Литература

1. Бизнес увидел риски в законопроекте об электронных дубликатах документов. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/14/10/2021/6166e7249a7947a01ae07d21?ysclid=lxhugd9whg299655922
2. Бум на BIM: как «цифровые двойники» изменят строительную отрасль в РФ. URL: https://iz.ru/1574208/naina-kurbanova/bum-na-bim-kak-tcifrovye-dvoiniki-izmeniat-stroitelnuiu-otrasl-v-rf (дата обращения 12.06.2024)
3. Дарькина М.М. Практика использования электронной цифровой подписи в предпринимательской деятельности//Право и цифровая экономика.2020, № 3. С. 28–35.
4. Кирилловых А.А. Нормативное правовое обеспечение в сфере архивного дела: современное состояние и перспективы развития//Право и экономика. 2016 № 3. С. 10–17.
5. Постановление Правительства РФ от 17.05.2024 № 614 Об утверждении Правил формирования и ведения информационной модели объекта капитального строительства, состава сведений, документов и материалов, включаемых в информационную модель объекта капитального строительства и представляемых в форме электронных документов, и требований к форматам указанных электронных документов
6. Постановление Правительства Москвы от 15.03.2023 № 399-ПП «Об особенностях ведения и использования исполнительной документации при строительстве, реконструкции, капитальном ремонте объектов капитального строительства, проведении работ по сохранению объектов культурного наследия за счет средств бюджета города Москвы» (вместе с «Типовым перечнем исполнительной документации, ведение которой осуществляется при строительстве, реконструкции, капитальном ремонте объектов капитального строительства, в том числе объектов метрополитена, за исключением других особо опасных, технически сложных и уникальных объектов капитального строительства, а также при проведении работ по сохранению объектов культурного наследия»). «Вестник Москвы», № 16, 21.03.2023
7. Президент подписал подпись. URL: https://www.kommersant.ru/doc/305241 (дата обращения 10.06.2024)
8. Приказ Минстроя России от 16.05.2023 № 344/пр «Об утверждении состава и порядка ведения исполнительной документации при строительстве, реконструкции, капитальном ремонте объектов капитального строительства», в соответствии с которым
9. Проблемы строительного права. Выпуск 1: сборник статей / Сост. и отв. ред. Н.Б. Щербаков. – Москва: Статут, 2022. – 330 с
10. Шелепина Е.А. Тенденции правового регулирования электронного документооборота в национальном гражданском праве//Право и цифровая экономика. 2021, № 1.С.26–35
11. Ялилов А.Д. Особенности гражданско-правового регулирования отношений в сфере проектирования и строительства при использовании технологии информационного моделирования (BIM)// Актуальные проблемы российского права. 2022, № 11. С. 87–99.
12. BIM Brazil: latest developments and the decree 10.306 / 2020. URL: https://biblus.accasoftware.com/en/bim-brazil-latest-developments-and-the-decree-10–306–2020/#:~: text=On%20April%203%2C%202020%2C%20decree, transition%20

from%20theory%20to%20practice! (дата обращения 17.06.2024)
13. BIM adoption in Europe: 7 countries compared. URL: https://www.planradar.com/bim-adoption-in-europe/ (дата обращения 17.06.2024)

LEGAL SUPPORT FOR THE DEVELOPMENT OF ELECTRONIC DOCUMENT MANAGEMENT: THE EXAMPLE OF THE CONSTRUCTION INDUSTRY

Filatov K.S.
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

The purpose of the study is to analyze the evolution of digitalization in construction and the introduction of electronic document management between the subjects of the construction process and identify existing problems at this stage. Some aspects of the chosen topic were considered within the framework of scientific research on the introduction of electronic document management, however, aspects of implementation in the construction sector in the complex were not widely considered within the framework of research. This topic is of great theoretical and applied importance, as it aims to analyze the existing trends in the field of construction regulation in recent years. The subject of the study is normative legal acts, doctrinal sources in the field of the introduction of electronic document management. The following methods were used in the study: interpretation of normative acts, collection and analysis of legal and scientific sources, comparative law and the method of identifying patterns of development. As a result, general trends in the introduction of electronic document management and existing problems of its implementation have been identified and identified.

Keywords: electronic data interchange, electronic signature, construction documentation, document storage, digitalization.

References

1. Business saw the risks in the draft law on electronic duplicate documents. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/14/10/2021/6166e7249a7947a01ae07d21?ysclid=lxhugd9whg299655922
2. The boom in BIM: how “digital twins” will change the construction industry in the Russian Federation. URL: https://iz.ru/1574208/naina-kurbanova/bum-na-bim-kak-tcifrovye-dvoiniki-izmeniat-stroitelnuiu-otrasl-v-rf (accessed 12.06.2024)
3. Darkina M.M. The practice of using an electronic digital signature in business activities//Law and the digital economy.2020, No. 3. pp. 28–35.
4. Kirillov A.A. Normative legal support in the field of archival business: current state and prospects of development//Law and economics. 2016 № 3. C. 10–17.
5. Resolution of the Government of the Russian Federation dated 05/17/2024 No. 614 On Approval of the Rules for the Formation and Maintenance of an Information Model of an object of capital Construction, the Composition of information, documents and Materials included in the information model of an object of capital construction and Submitted in the form of electronic documents, and requirements for the formats of these electronic documents
6. Resolution of the Government of Moscow dated 03/15/2023 No. 399-PP “On the specifics of maintaining and using executive documentation during construction, reconstruction, capital repairs of capital construction facilities, carrying out works on the preservation of cultural heritage objects at the expense of the budget of the city of Moscow” (together with “A standard list of executive documentation, which is maintained during construction, reconstruction, capital repairs repair of capital construction facilities, including metro facilities, with the exception of other particularly dangerous ones, technically complex and unique capital construction projects, as well as during the work on the preservation of cultural heritage sites”). Bulletin of Moscow, No. 16, 03/21/2023
7. The President signed the signature. URL: https://www.kommersant.ru/doc/305241 (accessed 06/10/2024)
8. Order of the Ministry of Construction of the Russian Federation dated 05/16/2023 No. 344/pr “On approval of the composition and procedure for maintaining executive documentation during construction, reconstruction, and major repairs of capital construction facilities”, in accordance with which
9. Problems of construction law. Issue 1: Collection of articles / Comp. and ed. by N.B. Shcherbakov. – Moscow: Statute, 2022. – 330 p.
10. Shelepina E.A. Trends in the legal regulation of electronic document management in national civil law//Law and the digital economy. 2021, № 1.C.26–35
11. Yalilov A.D. Features of civil law regulation of relations in the field of design and construction using information modeling technology (BIM)// Actual problems of Russian law. 2022, № 11. C. 87–99.
12. BIM Brazil: latest developments and the decree 10.306 / 2020. URL: https://biblus.accasoftware.com/en/bim-brazil-latest-developments-and-the-decree-10–306–2020/#:~: text=On%20April%203%2C%202020%2C%20decree, transition%20from%20theory%20to%20practice! (accessed 06/17/2024)
13. BIM adoption in Europe: 7 countries compared. URL: https://www.planradar.com/bim-adoption-in-europe / (accessed 06/17/2024)

Сроки и размеры субсидиарной ответственности руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве

Холмов Иван Евгеньевич,
аспирант, кафедра правового регулирования бизнеса и гражданского судопроизводства, Университет «Синергия»
E-mail: Kholmov.ivan@gmail.com

Целью статьи является определение положений, позволяющих установить особенности субсидиарной ответственности в делах о банкротстве. Предмет исследования составили правовые основы данной ответственности в сфере банкротства, как вида гражданско-правовой ответственности. Исследование проведено на основе системно-структурный метод позволил применить в исследовании совокупность методологических подходов, приемов и принципов формирования правового регулирования субсидиарной ответственности применяемой при банкротстве. Новизна статьи заключается в том, что в ней анализируются аспекты, связанные с раскрытием особенностей субсидиарной ответственности при банкротстве по соотношению с общими правилами о субсидиарной ответственности предусмотренными Гражданским Кодексом. Автор приходит к выводу, что основными особенностями субсидиарной ответственности при банкротстве, являются особый субъектный состав лиц, к которым может быть применена субсидиарная ответственность, а ее наступление возможно при виновных действиях лица, приведшим фирму к банкротству. Помимо этого автор выделяет такие особенности, как сроки возможного ее наступления и реализация, а также размеры ответственности.

Ключевые слова: субсидиарная ответственность, юридическая ответственность, гражданско-правовая ответственность, банкротство, контролирующее должника лицо, особенности.

Основными целями гражданского общества и государства являются справедливость, правосознание и истина. Необходимым условием достижения указанных целей выступает адекватное, правовое обеспечение, надлежащая динамика гражданских правоотношений.

При этом проблема ответственности, вне зависимости от отраслевой принадлежности является для правовых наук одной из основных. Юридическая ответственность способствует поддержанию стабильности и гармонии в обществе, а также укреплению доверия к правовому государству.

Родовым понятием юридической ответственности выступает гражданско-правовая ответственность (ГК РФ [1]), которая являя собой сложный правовой институт, проявляется как неотъемлемая часть российского законодательства. Сложность института гражданско-правовой ответственности, среди прочего, является то, что она подразделяется на виды по различным критериям. В гражданском праве, исходя из характера распределения ответственности между несколькими субъектами правоотношений, выделяют субсидиарную ответственность.

Правовое регулирование субсидиарной ответственности, как вида гражданско-правовой ответственности, характеризует то, что она также выполняет функции присущие правовому регулированию в целом, а именно регулятивную и охранительную функции.

Поскольку субсидиарная ответственность имеет ярко выраженный имущественный компенсационно-восстановительный характер, связанный с ненадлежащим исполнением, либо неисполнением как договорных, так и внедоговорных обязательств, то ее правовое регулирование в своей основе также имеет компенсационно-восстановительную функцию и превентивную функции.

Регулятивная функция правового регулирования субсидиарной ответственности выражается в совокупности гражданско- правовых норм, позволяющих воздействовать на общественные отношения и упорядочивать их, в случае совершения гражданско-правового нарушения, устанавливающая, либо предоставляющая возможность установить в порядке предусмотренном нормативно-правовыми актами, для виновного лица соответствующих мер гражданско-правового воздействия, направленных на восстановление нарушенных прав и законных интересов, а также предусматривающих в установленных законом случаях выплат, в том числе, компенсационного характера и/или

неустоек (пени и штрафов), в пользу лица права, которого нарушены.

Охранительная функция правового регулирования субсидиарной ответственности выражается в укреплении законности и обеспечении правопорядка в гражданско-правовой сфере, включающей в себя юридические средства защиты прав и законных интересов с применением субсидиарной ответственности сопряженной с негативным стимулированием (государственным принуждением) при нарушении гражданско-правовых норм, установленных законодателем, либо договором сторон, с целью привлечения к ответственности лиц при нарушении установленных правовых норм и договорных условий, основанных на соответствующем нормативно-правовом регулировании, и связанных с охранительными субъективными правами.

Таким образом, неотвратимость субсидиарной ответственности, как вида гражданско-правовой ответственности может быть обеспечена только посредством взаимодействия регулятивной и охранительной функций. Что присуще правовому регулированию в целом. Данная ответственность возникает в силу нормативно-правового регулирования и может быть реализована только при необходимости применения мер государственного принуждения, вызванных наличием правовых и фактических оснований, указывающих на правонарушение в гражданско-правовой сфере.

Субсидиарная ответственность имеет применение в институте банкротства [2]. Стоит отметить, что данный институт играет важную роль в рамках свободной рыночной экономики. Посредством института банкротства обеспечивается не только справедливое распределение средств среди кредиторов, но он также способствует защите интересов должников, выступая в защиту законных прав и интересов обеих сторон. В случае их нарушения, имеет место порицание в виде установленных законодателем субсидиарной ответственности.

Цель установления субсидиарной ответственности руководителя должника и иных лиц, определяется должным поведением субъектов правоотношений, основанном на правовых «целях-ценностях и постоянного долженствования-требования» государства [5, с. 11].

Логикой исследования субсидиарной ответственности по делам о банкротстве диктуется необходимость, краткого рассмотрения субсидиарной ответственности в гражданском праве в целом.

В гражданском праве данную ответственность выделяют, исходя из характера распределения ответственности между несколькими субъектами правоотношений (ст. 399 ГК РФ), к которым по общему правилу относятся основной и субсидиарный (дополнительный) должник.

При этом законодатель в п. 4 указанной статьи предусмотрел возможность установления иного порядка привлечения к исследуемому виду ответственности. Данное положение в полной мере относится к Закону N 127-ФЗ.

При этом Пленумом Верховного Суда РФ [3] даны по этому поводу разъяснения о том, что в части не противоречащей специальным положениям Закона N 127-ФЗ, применению подлежат положения глав 25 и 59 ГК РФ.

Субсидиарная ответственность, предусмотренная Законом N 127-ФЗ, имеет ряд особенностей.

Во-первых, изначально для ее наступления требуется признание должника банкротом.

Во-вторых, законодатель в Законе N 127-ФЗ устанавливает временные ограничения. Они выражаются в том, что эти правоотношения, как правило, возникают и реализуются **в** период рассмотрения дела о банкротстве и в рамках установленных им сроков (ст. 61.19). Однако предусмотрено и исключение для лиц, требования которых не были удовлетворены в полном объеме. Такие лица вправе обратиться с соответствующим заявлением в суд уже после прекращения производства по делу.

Третьей особенностью является особый субъектный состав.

Поскольку лиц, которые могут быть включены в субъектный состав по привлечению к субсидиарной ответственности множество, то законодатель в Закон N 127-ФЗ (п. 1 ст. 61.10) вводит дефиницию контролирующего должника лица (далее КДЛ).

Анализ норм Закона N 127-ФЗ позволяет выделить признаки КДЛ:

1) Возможность принятия управленческих решений в целях реализации деятельности в фирме, а также способность в силу специальных полномочий от лица фирмы заключать договора.
2) Занятие руководящих должностей, которые позволяют использовать предоставленные полномочия влиять на принимаемые управленческие решения.
3) Оказывать опосредованное влияние на принятие решений руководящим составом компании.
4) Состояли в течение трех лет до открытия дела о банкротстве в органах управления должника и имели возможность оказывать существенное влияние на его деятельность, а также лица, которые являются участниками должника, владевшими более 50% его уставного капитала.

При этом п. 5 обозначенной статьи предусматривает, что контролирующим может быть признано лицо по иным основаниям. Так, например, в письме ФНС России [4], в отношении КДЛ предусматривается, что к ним могут быть отнесены лица, состоящие в неформальных личных отношениях с ключевыми лицами фирмы.

Указанные признаки признания лица КДЛ сужают круг лиц, которые могут быть привлечены к субсидиарной ответственности. Однако определение лица в качестве КДЛ не является основанием для его привлечения к исследуемому виду ответственности.

Четвертая особенность, установленная Законом N 127-ФЗ, состоит в следующем. Если в соответствии со ст. 399 ГК РФ субсидиарный ответ-

чик выступает, как дополнительный должник и как указывается в специальной литературе, такой субсидиарный ответчик не является сопричинителем вреда потерпевшему, исходя из того, что им не совершалось какое-либо правонарушение [6, с. 53], то в соответствии с Законом N 127-ФЗ лицо может быть признано субсидиарным ответчиком, если его действия (бездействия) привели фирму к банкротству, т.е. причинили вред.

Законом N 127-ФЗ в отличие от ст. 399 ГК РФ наоборот предусмотрено, что КДЛ может быть признан субсидиарным ответчиком, если с его стороны были совершены неправомерные действия (бездействие).

В этой связи Пленумом Верховного Суда РФ (п. 16) [3] было отмечено, что под данными действиями (бездействием) следует понимать такие, которые стали причиной банкротства должника и без которых объективное банкротство не наступило бы. Таким образом, если КДЛ докажет, что действовало разумно и добросовестно, в соответствии с обычаями делового оборота в интересах должника.

Следует выделить еще одну, пятую особенность субсидиарной ответственности при банкротстве, касающуюся размера ответственности.

В соответствии с Законом N 127-ФЗ размер ответственности привлекаемого к ответственности лица, определяется исходя совокупного размера реестровых, зареестровых и текущих требований кредиторов.

Очевидной особенностью в этой связи является то, что при наступлении субсидиарной ответственности при банкротстве взысканию подлежат не только убытки, но и выше обозначенная совокупность сумм.

Выводы. Особенностями привлечения к субсидиарной ответственности при банкротстве следующие:

1) для ее наступления требуется признание должника банкротом;
2) устанавливаются временные ограничения, которые выражаются в том, что эти правоотношения, как правило, возникают и реализуются в период рассмотрения дела о банкротстве и в рамках установленных им сроков;
3) наличествует особый субъектный состав лиц, к которым может быть применена субсидиарная ответственность;
4) для привлечения КДЛ должны присутствовать виновные действия лица, приведшие фирму к банкротству;
5) размер ответственности привлекаемого к ответственности лица, определяется исходя совокупного размера реестровых, зареестровых и текущих требований кредиторов.

Литература

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ// «Собрание законодательства РФ», 05.12.1994, N 32, ст. 3301
2. Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О несостоятельности (банкротстве)» // «Собрание законодательства РФ», 28.10.2002, N 43, ст. 4190.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 N 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве»// «Бюллетень Верховного Суда РФ», N 3, март, 2018. (далее Постановление N 53).
4. <Письмо> ФНС России от 16.08.2017 N СА-4–18/16148@ «О применении налоговыми органами положений главы III.2 Федерального закона от 26.10.2002 N 127-ФЗ» // URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения 25.05.2024).
5. Политико-правовые ценности: История и современность / Под ред. В.С. Нерсесянца. М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 254 с.
6. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. / Отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2011. Т. 2. – 1164 с.
7. Шайхеев Т.И. Недобросовестность сторон в судебной практике // Арбитражные споры. 2021. N 2. – С. 133–152.

TERMS AND AMOUNTS OF SUBSIDIARY LIABILITY OF THE DEBTOR'S DIRECTOR AND OTHER PERSONS IN A BANKRUPTCY CASE

Kholmov I.E.
Synergy University

The purpose of this article is to determine the provisions that allow us to establish the features of subsidiary liability in bankruptcy cases. The subject of the study was the legal basis of this liability in the field of bankruptcy, as a type of civil liability. The study was conducted on the basis of a systemic-structural method, which made it possible to apply in the study a set of methodological approaches, techniques and principles for the formation of legal regulation of subsidiary liability used in bankruptcy. The novelty of the article lies in the fact that it analyzes aspects related to the disclosure of the features of subsidiary liability in bankruptcy in relation to the general rules on subsidiary liability provided for by the Civil Code. The author comes to the conclusion that the main features of subsidiary liability in bankruptcy are the special subject composition of persons to whom subsidiary liability can be applied, and its occurrence is possible in the event of guilty actions of a person that led the company to bankruptcy. In addition, the author highlights such features as the timing of its possible occurrence and implementation, as well as the extent of responsibility.

Keywords: subsidiary liability, legal liability, civil liability, bankruptcy, person controlling the debtor, features.

References

1. «Civil Code of the Russian Federation (Part One)» dated November 30, 1994 N 51-FZ // «Collection of Legislation of the Russian Federation», December 5, 1994, N 32, Art. 3301
2. Federal Law of October 26, 2002 N 127-FZ (as amended on July 1, 2021) «On Insolvency (Bankruptcy)» // «Collected Legislation of the Russian Federation», October 28, 2002, N 43, Art. 4190.
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 21, 2017 N 53 «On some issues related to holding persons controlling the debtor liable in bankruptcy» // «Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation», N 3, March 2018. (hereinafter referred to as Resolution N 53).

4. <Letter> Federal Tax Service of Russia dated August 16, 2017 N SA-4–18/16148@ «On the application by tax authorities of the provisions of Chapter III.2 of the Federal Law dated October 26, 2002 N 127-FZ» // URL: http://www.pravo.gov.ru (date of access: 05/25/2024).
5. Political and legal values: History and modernity / Ed. V.S. Nersesyants. M.: Editorial URSS, 2000. – 254 p.
6. Russian civil law: textbook: in 2 volumes / Rep. ed. E.A. Sukhanov. M.: Statute, 2011. T. 2. – 1164 p.
7. Shaikheev T.I. Unfairness of the parties in judicial practice // Arbitration disputes. 2021. N 2. – pp. 133–152.

Формирование модели правового регулирования платформенной занятости

Чаштанова Диана Петровна,
магистрант, кафедра гражданского права Института философии и права, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет
E-mail: diana_2000_2806@mail.ru

В статье исследуются перспективы правовой регламентации платформенной занятости. Анализируются доктринальные положения по рассматриваемому вопросу, выдвигаемые отечественными исследователями. Предлагается модель правового регулирования платформенной занятости посредством принятия модельного закона СНГ. Отмечается, что структура предлагаемого модельного закона должна содержать в себе следующие разделы: общие положения, определение статуса занятости, регулирование алгоритмического контроля, доступное информирование о работе платформы, предоставление коллективных трудовых прав. В проекте модельного закона СНГ предлагается закрепить два правовых статуса: 1) работник платформы; 2) самозанятый, работающий посредством платформы. Отмечается, что в зависимости от правового статуса следует определять область правового регулирования платформенной занятости. Вместе с тем положения предлагаемого модельного закона, касающиеся регулирования алгоритмического контроля, доступного информирования о работе платформы и предоставления коллективных трудовых прав, должны распространяться на всех платформенных занятых.

Ключевые слова: платформенная занятость, трудовые отношения, модельный закон СНГ, социально-трудовые гарантии, алгоритмический контроль.

Предоставление базовых социально-трудовых гарантий является первостепенным направлением разрабатываемого правового регулирования платформенной занятости. Важно отметить, что универсальное законодательное решение поставленного вопроса невозможно, так как субъектный состав участников и соотношение их прав и обязанностей могут отличаться.

О.В. Чесалиной предлагается несколько подходов к правовой регламентации платформенной занятости: 1) дополнение ТК РФ новой главой о труде платформенных занятых, выполняющих услуги «офлайн», без указания конкретного перечня услуг, в связи с чем потребуется внесение изменений в гл. 10 ТК РФ; 2) установление множественности лиц на стороне работодателя применительно к труду лиц, работающих по запросу через приложения; 3) изменение понятия трудовых отношений, закрепленного в ст. 15 ТК РФ, путем исключения формулировки «работа по должности в соответствии со штатным расписанием, подчинение правилам внутреннего трудового распорядка» и добавления новой формулировки «управление и контроль (работодателя) могут осуществляться при помощи использования искусственного интеллекта и алгоритмического контроля»; 4) изменение общей презумпции трудовых отношений, установленной в ст. 19.1 ТК РФ, посредством указания на то, что статус самозанятого не должен являться основанием для отказа в признании отношений трудовыми [6, с. 57–59].

По мнению А.В. Гребенщикова, Н.И. Дивеевой, А.В. Кузьменко, распространение трудового законодательства на отношения между платформой-агрегатором такси и платформенным занятым допустимо, однако требуется переосмыслить основные постулаты трудового права, касающиеся норм о порядке заключения трудового договора, о регулировании продолжительности рабочего времени и времени отдыха, предоставлении и использовании ежегодных отпусков, о порядке выплаты заработной платы, о привлечении к ответственности и, наконец, о порядке прекращения трудового договора [2, с. 62–63].

Коллектив исследователей в области экономики труда предлагает принять отдельный Федеральный закон «О платформенной занятости в Российской Федерации», который должен носить общий характер без установления технических требований к платформам, а детальное регулирование платформенной занятости следует дополнительно проработать на подзаконном уровне [3, с. 159].

Не отрицая необходимость предоставления платформенным занятым минимальных социально-трудовых гарантий, следует отметить, что безусловное недифференцированное распростране-

ние на труд платформенных занятых трудового законодательства не подходит для регулирования данного сегмента занятости, имеющего смешанную правовую природу.

На данный момент на уровне стран СНГ, имеющих схожее правовое регулирование, рабочей группой в составе представителей России, Беларуси, Казахстана, Таджикистана, Узбекистана, Киргизии, экспертных и профсоюзных организаций разрабатывается проект модельного закона «О платформенной занятости» [4], содержание которого еще неизвестно. Необходимо отметить, что модельные законы СНГ носят рекомендательный характер и могут в дальнейшем учитываться при разработке законопроектов.

Опережая опубликование подготовленного рабочей группой проекта, следует предложить авторскую концепцию проекта модельного закона, который впоследствии может быть учтен при разработке правового регулирования платформенной занятости на уровне национального законодательства стран СНГ, в том числе и РФ.

Предлагается включить в проект модельного закона следующие разделы:

I. Общие положения.
II. Определение статуса занятости.
III. Регулирование алгоритмического контроля.
IV. Доступное информирование о работе платформ.
V. Предоставление коллективных трудовых прав.

В разделе *«Общие положения»* необходимо закрепить определения ключевых терминов: «платформенная занятость», «цифровая трудовая платформа», «работник платформы», «самозанятый, работающий посредством платформы».

Под платформенной занятостью следует понимать деятельность работников платформ и самозанятых, работающих посредством платформ, по личному выполнению работ и (или) оказанию услуг на основе трудовых или гражданско-правовых договоров, заключаемых с цифровыми трудовыми платформами.

Под цифровой трудовой платформой (платформа) следует понимать физическое или юридическое лицо, которое осуществляет коммерческую деятельность, направленную на непосредственную или опосредованную организацию труда работников платформ и самозанятых, работающих посредством платформ, посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» независимо от способа выполнения работ и (или) оказания услуг.

Под работником платформы следует понимать физическое лицо, вступившее в трудовые отношения с цифровой трудовой платформой.

Под самозанятым, работающим посредством платформы, следует понимать физическое лицо, применяющее специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» и вступившее в гражданско-правовые отношения с цифровой трудовой платформой.

Раздел *«Определение статуса занятости»* должен быть направлен на корректное установление правового статуса платформенных занятых. Предлагается закрепить два статуса: 1) работник платформы; 2) самозанятый, работающий посредством платформы.

Статус «работник платформы» предполагает действие оспоримой презумпции трудовых отношений и распространение национального трудового законодательства и положений данного модельного закона в полном объеме. Оспоримая презумпция трудовых отношений вступает в действие, когда установлены следующие признаки:

- личная зависимость (подчиненное положении работника по отношению к платформе);
- экономическая зависимость (отсутствия влияния работников платформы на размер вознаграждения);
- алгоритмический контроль (распределение заданий, определение рабочего времени, электронный мониторинг, применение санкций за нарушение внутренних правил (лишение заказов, отключение от платформы и т.д.), установление системы поощрений за выполненные задания и др.) [5, с. 159].

Перечисленные критерии должны быть установлены в совокупности: отсутствие хотя бы одного из них не допускает действие оспоримой презумпции трудовых отношений.

Оспоримая презумпция трудовых отношений предполагает возможность опровергнуть существование трудовых отношений в административном и (или) судебном порядке с перекладыванием бремени доказывания на цифровую трудовую платформу. В РФ презумпция трудовых отношений закреплена в ч. 3 ст. 19.1 ТК РФ, согласно которой бремя доказывания отсутствия трудовых отношений между сторонами лежит на работодателе. Установление данной презумпции свидетельствует о наделении платформенного занятого статусом «работник платформы» и распространении национального трудового законодательства и положений предлагаемого проекта модельного закона (разделы III, IV, V) на отношения между работником платформы и цифровой трудовой платформой.

В свою очередь, статусом «самозанятый, работающий посредством платформы» необходимо наделить в том случае, если нет оснований для действия оспоримой презумпции трудовых отношений. Вместе с тем такой признак, как алгоритмической контроль, позволяет распространить на отношения между самозанятым, работающим посредством платформ, и цифровой трудовой платформой национальное законодательство в области регулирования гражданско-правовых отношений и положения предлагаемого модельного закона (разделы III, IV, V).

Раздел *«Регулирование алгоритмического контроля»* должен содержать положения, ограничивающие его применение в платформенной занятости посредством закрепления таких критериев его допустимости, как:

- правовые основания (установленные на нормативном, локальном, индивидуально-договорном уровне);

- оправданные цели (предопределены деятельностью платформ для мониторинга производительности труда, обеспечения имущественных интересов платформ и др.);
- соразмерность (соблюдение баланса интересов платформенных занятых и платформ);
- прозрачность (применение открытых и предсказуемых процедур обработки и использования информации, а также понятных критериев, на основании которых платформа принимает организационно-управленческие решения);
- защита персональных данных (безусловное соблюдение требований действующего законодательства о защите персональных данных при осуществлении алгоритмического контроля) [1, с. 68].

Кроме того, следует установить обязанности платформы по недопущению произвольного использования алгоритмического контроля и применения неоправданных санкций.

В разделе *«Доступное информирование о работе платформ»* предлагается закрепить принципы работы платформы; требование к платформе, касающееся информирования платформенных занятых об используемых автоматизированных системах мониторинга; действия платформенных занятых, контролируемые платформой; возможность получения платформенными занятыми аргументированного ответа на вопрос о том или ином принятом платформой решении; доступность информации для контролирующих органов.

В соответствии с разделом *«Предоставление коллективных трудовых прав»* необходимо наделить платформенных занятых независимо от правового статуса правом на легальное участие в социально-партнерских процедурах в целях защиты социально-трудовых прав и интересов. Прежде всего, платформенные занятые должны иметь беспрепятственное право на объединение в профессиональные союзы.

Таким образом, предлагаемый проект модельного закона «О платформенной занятости» разграничивает правовой статус платформенных занятых на две категории, каждой из которых предоставляется разное правовое регулирование: либо в рамках трудовых отношений, либо в рамках гражданско-правовых отношений. При этом разделы проекта модельного закона, касающиеся регулирование алгоритмического контроля, доступного информирования о работе платформ, предоставления коллективных трудовых прав распространяются на всех платформенных занятых независимо от правового статуса. Впоследствии положения данного модельного закона могут найти отражение в Федеральном законе «О занятости населения в Российской Федерации» от 12.12.2023 № 565-ФЗ.

Литература

1. Воронкова Е. Р., Чаштанова Д.П. Контроль работодателя как признак трудового отношения: история и тенденции развития в условиях цифровизации // История государства и права. 2023. № 5. С. 65–69.
2. Гребенщиков А. В., Дивеева Н.И., Кузьменко А.В. Трудовые отношения с интернет-агрегатором: завтрашняя реальность? // Ежегодник трудового права. 2020. С. 53–66.
3. Забелина О. В., Мирзабалаева Ф.И., Пашкова С.Е. и др. Регулирование новых форм занятости: теория и практика. М.: Инфра-М, 2024. 325 с.
4. И. Святенко: Платформенная занятость должна быть интегрирована в систему трудовых и экономических отношений. URL: http://council.gov.ru/events/news/155295/ (дата обращения: 15.06.2024).
5. Чаштанова Д.П. Правовые способы определения статуса занятых посредством платформ: аспекты предоставления социально-трудовых гарантий // Юридическая наука. 2024. № 3. С. 158–162.
6. Чесалина О.В. Платформенная занятость – как урегулировать в Трудовом кодексе? // Трудовое право в России и за рубежом. 2022. № 1. С. 57–60.

FORMATION OF A MODEL OF LEGAL REGULATION OF PLATFORM EMPLOYMENT

Chashtanova D.P.
Novosibirsk National Research State University

The article examines the prospects for legal regulation of platform employment. The doctrinal provisions on the issue under consideration, put forward by domestic researchers, are analyzed. A model of legal regulation of platform employment is proposed through the adoption of a CIS model law. It is noted that the structure of the proposed model law should contain the following sections: general provisions, determination of employment status, regulation of algorithmic control, accessible information about the operation of the platform, provision of collective labor rights. The draft CIS model law proposes to consolidate two legal statuses: 1) platform employee; 2) self-employed, working through the platform. It is noted that depending on the legal status, the scope of legal regulation of platform employment should be determined. At the same time, the provisions of the proposed model law regarding the regulation of algorithmic control, accessible information about the work of the platform and the provision of collective labor rights should apply to all platform workers.

Keywords: platform employment, labor relations, CIS model law, social and labor guarantees, algorithmic control.

References

1. Voronkova E. R., Chashtanova D.P. Control of the employer as a sign of labor relations: history and development trends in the conditions of digitalization // History of State and Law. 2023. No. 5. P. 65–69.
2. Grebenshchikov A.V., Diveeva N.I., Kuzmenko A.V. Labor relations with an Internet aggregator: tomorrow's reality? // Yearbook of labor law. 2020. pp. 53–66.
3. Zabelina O.V., Mirzabalaeva F.I., Pashkova S.E. et al. Regulation of new forms of employment: theory and practice. M.: Infra-M, 2024. 325 p.
4. I. Svyatenko: Platform employment should be integrated into the system of labor and economic relations. URL: http://council.gov.ru/events/news/155295/ (accessed on June 15, 2024).
5. Chashtanova D.P. Legal methods for determining the status of employees through platforms: aspects of providing social and labor guarantees // Legal Science. 2024. No. 3. P. 158–162.
6. Chesalina O.V. Platform employment – how to regulate it in the Labor Code? // Labor law in Russia and abroad. 2022. No. 1. P. 57–60.

Содержания правовых категорий соединения, разъединения, выделения требований, объединение дел

Чеклинова Валерия Владимировна,
аспирант, кафедра гражданского процессуального и предпринимательского права ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева»
E-mail: Cheklinova@bk.ru

Статья посвящена исследованию правовых терминов: соединение, выделение, разъединение требований и объединение дел с позиции логико-семантического анализа. Автор подчеркивает, что язык права строится на понятиях и терминологии, которые требует точного определения для предотвращения неправильного толкования и непреднамеренных нарушений. Используя логико-семантический анализ, исследователи стремятся установить внутренние и внешние связи между различными элементами содержания дискурса, оперируя понятиями референции и истинности.
Отсутствие конкретности в толковании терминов ведет к неточности и приводит к возможным ошибкам в правовых документах. Подчеркивается необходимость единообразного понимания и использования терминов в юридическом языке для подготовки и применения нормативных документов, что в свою очередь способствует предотвращению ошибок при их толковании и применении.
Автором предложена разработка единых критериев для применения терминов «соединение», «объединение», «выделение» и «разъединение» в контексте процессуальных норм права.

Ключевые слова: соединение требований, выделение требований, объединение дел, юридические понятия, юридические термины, цивилистический процесс.

Введение

Действующее законодательство наделяет участников судебного процесса правом на соединение требований, а суд может объединять дела и выделять требования в отдельное производство, если считает это необходимым для обеспечения эффективного правосудия.

Актуальность темы обусловлена тем, что термины соединение, выделение, разъединение требований и объединении дел не имеют четкого и единого толкования в юридической литературе.

Целью исследования является анализ толковых, профессиональных словарей, а также разработка методов преодоления сложностей в разграничении понятий соединения, разъединения, выделения требований и объединения дел.

Язык – это знаковая система, которая связывает содержание с типовыми звуками (буквами). Знак является материальным представлением предмета, и его освоение требует понимания соответствующих образов и создания моделей на их основе. Знаки служат носителями обобщений и абстракций, созданных обществом.

Логико-семантический анализ языка фокусируется на изучении тех свойств, которые позволяют создавать формализованные языки. В рамках семантического аспекта язык рассматривается как система знаков, отвечающая за определение и обозначение.

Язык права формируется из совокупности понятий терминологического аппарата конкретной правовой системы. Качество подготовки регулирующих документов определяет чёткость и единообразие применения норм. Неверное толкование истинного значения нормы из-за неясности, неоднозначности или противоречий может вызвать непреднамеренные нарушения.

Стиль, форма и содержание нормативных документов должны быть безукоризненными. Теоретическая семантика основывается на точном и строгом введении семантических понятий, но этого недостаточно. Необходимо установить соответствие введённых терминов исходным содержательным понятиям.

Известно, что цель семантических исследований – определить внутренние и внешние смысловые связи между разными частями дискурса. В рамках семантики значение языковых выражений сводится к референции и истинности. Чтобы установить семантическую истинность между предложениями, учёные используют понятие суждения или пропозиции. Под «пропозициональным содержанием» или «пропозицией» подразумева-

ется общая значимость высказывания, которую передаёт семантика составляющих его языковых элементов. [1].

Право, будучи фундаментальным инструментом регулирования общественных отношений, обладает уникальным понятийным базисом, включающим разнообразные комбинации символов. Каждое юридическое понятие, представляющее собой тщательно продуманную концепцию чего-либо, имеет свой индивидуальный смысл. Процесс интерпретации правовых норм играет ключевую роль в определении этих значений.

Логико-семантический метод толкования права основан на применении принципов формальной логики и грамматического анализа для определения смысла правовых норм. Этот метод помогает выявить логические связи между элементами нормы, установить соотношение между гипотезой, диспозицией и санкцией, а также определить значение терминов и слов в контексте конкретной статьи или нормативного документа.

В цивилистическом процессе участники имеют возможность выполнять такие действия, как соединение, выделение требований и объединение дел. Указанные термины относятся к одной единице лексической системы языка – к глаголу.

Глагол обычно имеет сложную семантическую структуру и часто бывает многозначным, что приводит к нечёткости разделения значений и множеству переходных явлений, так наз. «оттенков значений» и обособленных употреблений. Глагол обладает богатой синонимикой. Особенности этой синонимики, её тонкости не всегда фиксируются словарями; однако сама задача семантического словаря исключает возможность какого-либо огрубления, прямой идентификации (отождествления) в описании синонимических схождений и расхождений отдельных значений слов [2, с. 2–3].

Объединение дел в одно производство

Н.Ю. Шведова толкует термин «объединение» следующим образом:

- Объединить – создать единое целое из отдельных единиц, частей [2, с. 167].

Словарь синонимов русского языка З.Е. Александровой [3], Толковый словарь русского языка Д.Н. Ушакова [4] и Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова [5] содержат одинаковые подходы к толкованию указанного термина:

- Объединить – организовать и создать единое целое.

Толковые словари предлагают синонимичные толкования терминов «соединить» и «объединить», подчёркивая их схожесть в значении. Оба термина описывают процесс объединения двух или более элементов в одно целое, указывая на создание связей между ними.

Арбитражный суд Республики Северная Осетия – Алания, в разделе «Образцы форм документов» опубликовал форму ходатайства о соединении требований в одно производство, в просительной части которой заявитель просит объединить дела в одно производство для их совместного рассмотрения [6].

Подольский городской суд Московской области также разместил на своем официальном сайте [7] образец ходатайства о соединении исковых требований в одно производство, при этом в просительной части заявитель просит соединить дела в одно производство.

В указанных формах ходатайств усматривается ошибка, выраженная в неверном названии процессуального документа. Согласно ч. 4 ст. 151 ГПК РФ И ч. 2.1 ст. 130 АПК РФ при наличии оснований заявитель может подать ходатайство об объединении дел. При этом для реализации права на соединение требований, участие суда не нужно. Достаточно перечислить требования в одном исковом заявлении.

В советской юридической литературе также проявляется неточность использования терминов «соединение» и «объединение».

В Советском юридическом словаре указано, если в «суде рассматривается несколько дел, в которых участвуют одни и те же лица на стороне истца или ответчика, то суд по просьбе сторон или по собственной инициативе может **соединить** эти дела в одно производство для совместного их разбирательства» [8].

При этом ГПК РСФСР от 11.06.1964 г. наделяет судей правом объединять дела в одно производство [9].

Соединение исковых требований

Толковые словари дают следующее определение слову «соединение» – составить из многого целое, объединить [2, с. 168], связать во одно целое, в один состав [10, с. 236].

Ранее указанные авторы З.Е. Александрова, Д.Н. Ушаков, С.И. Ожегов дают идентичное толкование:

- Соединить – объединить.

В рамках этого исследования мы также предлагаем изучить специализированные словари.

По мнению В.Н. Додонова соединение исков, представляет собой объединение для совместного разбирательства в одном производстве нескольких исковых требований [11, с. 513]. Аналогичная интерпретация содержится в Большом юридическом словаре [12, с. 697], Юридическом словаре [13], Экономика и право: словаре-справочнике [14], Юридической энциклопедии [15, с. 1016].

При этом ни один из указанных профессиональных словарей не содержит раскрытия отдельного термина «объединение дел». Авторы включают «объединение дел» в состав понятия «соединение исков».

Выделение требований в отдельное производство

В Русском семантическом словаре слово «выделить» определяется как обособление и присвоение

индивидуального положения среди других элементов определённого множества [2, с. 225].

Юридический энциклопедический словарь предлагает следующее толкование «выделение требований в отдельное производство – полномочие судьи, посредством которого он осуществляет разъединение соединенных истцом исковых требований» [16].

Разъединение исковых требований

- Разъединить – нарушить целостность, единство [2, с. 169], нарушить связь [10, с. 44].

З.Е. Александрова, Д.Н. Ушаков, С.И. Ожегов дают следующее определение:

- Разъединить – разделить и прервать соединение.

В Юридической энциклопедии при раскрытии термина «разъединение исков» автор указывает возможность участников процесса «… как соединения исков, так и их разъединения» [15, с. 928].

По нашему мнению, данная формулировка содержит толковательную неточность, а именно у участников процесса нет возможности совершения такого процессуального действия как разъединение исков, так как согласно процессуальному законодательству требования можно выделить в отдельное производство.

Значение правовых норм определяется через изучение официальных правовых источников, потому что только такое толкование имеет обязательную силу и считается юридически значимым. Это обеспечивает единообразное понимание и применение правовых норм [17, с. 264].

Толкование специальных терминов осуществляется Пленумом Верховного Суда РФ и Конституционным Судом РФ в целях обеспечения единого понимания гражданско-процессуальной терминологии. Это необходимо для конкретизации и унификации правовых определений.

До настоящего времени законодатель не посчитал необходимым конкретизировать свои правовые предписания в части толкования терминов «соединение», «объединение», «выделение» и «разъединение».

Если обратиться к дословным формулировкам статей 151 ГПК РФ и 130 АПК РФ, то заявитель вправе только соединять требования, а суд выделять требования в отдельное производство и объединять дела.

Мы считаем, что приведенные примеры в настоящем исследовании наглядно демонстрируют, что отсутствие необходимой конкретизации используемых терминов влечет неточность и невозможность однозначного юридического толкования.

А.Ф. Черданцев считает, что если в законе используются разные термины, это значит, что законодатель вкладывает в них разное значение. Понимание этих терминов может быть однозначным только при наличии веских аргументов [18, с. 41].

Логико-семантический анализ юридического языка позволяет определить его точность или неточность. Речь считается точной, когда каждому термину в языке соответствует конкретное понятие, и отсутствует многозначность (полисемия) языка.

Построение термина правовой системы требует точного и строгого определения понятия с учётом его конгруэнтности.

Во избежание некорректного применения вышеуказанных определений Автор предлагает следующие толкования исследуемых терминов, с учетом их логико-семантического значения:

Соединение – объединения двух или более объектов в одно целое.

Соединение требований – исключительное право истца, выраженное в одновременном предъявлении нескольких требований, связанных между собой по основаниям возникновения или представленным доказательствам.

Объединение – это процесс создания единого целого из нескольких элементов.

Объединение дел – исключительное право суда первой инстанции рассматривать несколько дел в рамках одного производства, если они взаимосвязаны по основаниям возникновения заявленных требований и (или) представленным доказательствам, а также в иных случаях, когда существует вероятность принятия противоречащих друг другу судебных актов.

Выделение – отделения одного элемента или группы элементов от общего множества.

Выделение требований – исключительное право суда первой инстанции, выраженное в организации отдельного производства, посредством разъединения требований, с целью рассмотрения ранее соединенного требования.

Разъединение – разделения ранее соединенных или объединенных объектов на отдельные части.

Разъединение требований – процессуальное действие, осуществляемое судом с целью выделения требований в отдельное производство.

В результате исследования было установлено, что на современном этапе развития процессуального законодательства наблюдается использование терминов «соединить» и «объединить», «выделить» и «разъединить» как синонимичные друг другу, что способствует неверному их использованию. Отсутствие официального толкования исследуемых терминов свидетельствует о сложности и актуальности проблемы.

Литература

1. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью / Е.В. Падучева. – М.: Наука, 1985. – 272 с. / М.: Изд-во ЛКИ, 2010. – 296 с.
2. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Т. 4 / РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: РАН. Ин-т рус. яз., 2007. – 952 с.

3. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. – 11-е изд. – М.: Рус. яз., 2001–568 с.
4. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940. (4 т.).
5. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / Под ред. проф. Л.И. Скворцова. – 28-е изд. перераб. – М.: Мир и образование, 2014. – 1376 с.
6. Арбитражный суд Республики Северная Осетия – Алания: официальный сайт. – Владикавказ. – Обновляется в течение суток. – URL: https://alania.arbitr.ru/process/forms (дата обращения: 18.05.2024).
7. Подольский городской суд Московской области: официальный сайт. – Подольск. – Обновляется в течение суток. – URL: https://podolsky.mo.sudrf.ru/modules.php?name=information&id=112 (дата обращения: 18.05.2024).
8. Юридический словарь/ Гл. ред. С.Н. Братусь и др. – М.: Госюриздат, 1953. – 781 с. – https://determiner.ru/termin/soedinenie-iskov.html (дата обращения: 18.05.2024).
9. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР от 11 июня 1964 г. (ГПК РСФСР) [Электронный ресурс].- (в ред. на 28 апреля 1993 г.) (с изменениями и дополнениями) (утратил силу). Доступ из системы Гарант.
10. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: [в 4 ч.] / В.И. Даль. – Москва: Общество любителей российской словесности, учрежденное при Императорском московском университете, 1863–1866. Ч. 4: Р – Ижица. – 1866. – [2], 4, 625, [55] (разд. паг.) с.
11. Большой юридический словарь / авт.-сост.: В.Н. Додонов, В.Д. Ермаков, М.А. Крылова; под ред.: А.Я. Сухарев, В.Д. Зорькин, В.Е. Крутских. – Москва: ИНФРА-М, 1998. – 790 с.
12. Большой юридический словарь / авт. и сост. А.Б. Борисов. – Москва: Книжный мир, 2010. – 847 с.
13. Юридический словарь/ Гл. ред. С.Н. Братусь и др. – М.: Госюриздат, 1953. – 781 с. – URL: http://law.niv.ru/doc/dictionary/legal-bratus/fc/slovar-209–3.htm#zag-1706 (дата обращения: 18.05.2024).
14. Экономика и право: словарь-справочник / [авт.-сост.: Л.П. Кураков, В.Л. Кураков, А.Л. Кураков]. – Москва: Вуз и шк., 2004. – 1070 с. – URL: http://economics.niv.ru/doc/dictionary/economy-and-law/fc/slovar-209–7.htm#zag-14920 (дата обращения: 18.05.2024).
15. Юридическая энциклопедия / Отв. ред. Б.Н. Топорнин. – М.: Юристь, 2001. – 1272 с.
16. Юридический энциклопедический словарь.: Энциклопедический словарь / под. ред. А.В. Малько 2-е издание – Москва: Проспект, 2016. – 1131 с. – ISBN 978-5-392-19942-6. – URL: https://book.ru/book/919424 (дата обращения: 31.05.2024).
17. Морозова Л.А. Теория государства и права в вопросах и ответах: учеб. пособ. -М., 2009. – 210 с.
18. Черданцев А.Ф. Толкование советского права. – М.: Юрид. лит., 1979. – 168 с.

CONTENTS OF THE LEGAL CATEGORIES OF CONNECTION, SEPARATION, IDENTIFICATION OF REQUIREMENTS, CONSOLIDATION OF CASES

Cheklinova V.V.
Samara National Research University

The article is focused on the study of legal terms: joining, separating, disjoining claims and consolidating of cases from the position of logical-semantic analysis. The author emphasizes that the language of law is built on concepts and terminology, which requires precise definition to prevent misinterpretation and unintentional violations. Using logical-semantic analysis, researchers seek to establish internal and external relations between different elements of discourse content by operating with the concepts of referentiality and truth.
Lack of specificity in the interpretation of terms leads to imprecision and results in possible errors in legal documents. The necessity of uniform understanding and use of terms in the legal language for the preparation and application of normative documents is emphasized, which in turn contributes to the prevention of errors in their interpretation and application.
The author proposes the development of uniform criteria for the application of the terms " joining", " consolidation", "separation" and "disunion" in the context of procedural norms of law.

Keywords: joining of claims, separation of claims, consolidation of cases, legal concepts, legal terms, civilistic process.

References

1. Paducheva, E.V. Expression and its correlation with reality / E.V. Paducheva. – Moscow: Nauka, 1985. – 272 c. / M.: Izd-vo LKI, 2010. – 296 c.
2. Russian Semantic Dictionary. Explanatory dictionary, systematized by classes of words and meanings. T. 4 / RAS. V. V.V. Institute of Russian Language. B. Vinogradov; Under the general editorship of N.Y. Shvedova. – MOSCOW: RAS. Institute of Russian Language, 2007. – 952 c.
3. Aleksandrova Z.E. Dictionary of Synonyms of the Russian Language. – 11th ed. – M.: Russ. yaz., 2001–568 p. 4.
4. Explanatory Dictionary of the Russian Language / Edited by D.N. Ushakov. – Moscow: Gos. Institute "Sov. encycl."; OGIZ; Gos. izdvo foreign. and national. words., 1935–1940. (4 vols.).
5. Ozhegov S.I. Explanatory Dictionary of the Russian Language / Edited by Prof. L.I. Skvortsov. – 28th ed. revision. – Moscow: World and Education, 2014. – 1376 c.
6. Arbitration Court of the Republic of North Ossetia-Alania: official website. – Vladikavkaz. – Updated within a day. – URL: https://alania.arbitr.ru/process/forms (date of reference: 18.05.2024).
7. Podolsk City Court of the Moscow Region: official site. – Podolsk. – Updated within 24 hours. – URL: https://podolsky.mo.sudrf.ru/modules.php?name=information&id=112 (date of access: 18.05.2024).
8. Legal Dictionary / Ed. by S.N. Bratus and others. – Moscow: Gosurizdat, 1953. – 781 c. – https://determiner.ru/termin/soedinenie-iskov.html (date of reference: 18.05.2024).
9. Civil Procedural Code of the RSFSR from June 11, 1964 (GPC RSFSR) [Electronic resource] (in edition on April 28, 1993) (with amendments and additions) (lost force). Access from the Garant system.
10. Dahl, V.I. The explanatory dictionary of the living Great Russian language: [in 4 parts] / V.I. Dal. – Moscow: Society of Russian Literature Lovers, established at the Imperial Moscow University, 1863–1866. Ч. 4: R – Izhitsa. – 1866. – [2], 4, 625, [55] (div. pag.) p.
11. The Big Legal Dictionary / avt.-comp: V.N. Dodonov, V.D. Ermakov, M.A. Krylova; edited by: A.Y. Sukharev, V.D. Zorkin, V.E. Krutskikh. – Moscow: INFRA-M, 1998. – 790 c.
12. Big Legal Dictionary / author. and compiled by. A.B. Borisov. – Moscow: Book World, 2010. – 847 c.

13. Legal Dictionary / Editor-in-chief S.N. Bratus and others. – Moscow: Gosyurizdat, 1953. – 781 c. – URL: http://law.niv.ru/doc/dictionary/legal-bratus/fc/slovar-209–3.htm#zag-1706 (date of reference: 18.05.2024).
14. Economics and law: a dictionary-reference book / [author-composer: L.P. Kurakov, V.L. Kurakov, A.L. Kurakov]. – Moscow: Vuz and Shk., 2004. – 1070 c. – URL: http://economics.niv.ru/doc/dictionary/economy-and-law/fc/slovar-209–7.htm#zag-14920 (date of reference: 18.05.2024).
15. Legal Encyclopedia / Edited by B.N. Topornin. – Moscow: Yurist, 2001. – 1272 c.
16. Legal Encyclopedic Dictionary.: Encyclopedic dictionary / edited by A.V. Malko 2nd edition – Moscow: Prospect, 2016. – 1131 c. – ISBN 978-5-392-19942-6. – URL: https://book.ru/book/919424 (date of reference: 31.05.2024).
17. Morozova L.A. Theory of the state and law in questions and answers: textbook. -M., 2009. – 210 c.
18. Cherdantsev A.F. Interpretation of Soviet law. – Moscow: Yurid. lit., 1979. – 168 c.

Правовой режим защиты интеллектуальных прав на многопользовательские онлайн-игры

Шерстобитов Александр Андреевич,
аспирант кафедры гражданского права и процесса,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
E-mail: alex16394@yandex.ru

В статье исследовательское внимание посвящено вопросу характеристики многопользовательских онлайн-игр как одного из сложных объектов интеллектуальных прав с целью обоснования необходимости разработки специальной нормативно-правовой базы, призванной урегулировать стремительно развивающееся правовое явление. Автор анализирует существующие в законодательстве, юридической науке и правоприменительной практике подходы к понимаю компьютерных игр как родового понятия для онлайн-игр. По результатам анализа различных представлений, автор приходит к выводу о том, что для современного уровня развития информационных технологий и игровой индустрии наиболее характерным будет отнесение компьютерных игр к мультимедийным продуктам. Для отграничения игр от остальных объектов, попадающих под понятие мультимедийный продукт, автор предлагает использовать специфические признаки, которые свойственны только играм.

Ключевые слова: многопользовательские онлайн-игры, мультимедийный продукт, программы для ЭВМ, правовое регулирование, охраняемые результаты интеллектуальной деятельности.

В последнее время в научном сообществе все большее внимание уделяется вопросам, связанным с правовым регулированием различных аспектов компьютерных игр. Например, А.Я. Рыженков указывает на появление новых правовых явлений, которые связаны с виртуальной реальностью и нуждаются в надлежащей правовой защите. Одним из таких явлений, по его мнению, являются многопользовательские онлайн игры, подходы к которым в науке и практике неоднородны [7, с. 7]. Неоднородность различных высказываемых позиций обусловлена отсутствием надлежащего правового регулирования многопользовательских онлайн игр (далее – онлайн игры), которые будучи разновидностью компьютерных игр, имеют ряд собственных особенностей. В связи с чем следует детально проанализировать онлайн игры в целях определениях их статуса в правовом поле.

Прежде всего следует начать с понятия онлайн игр. В действующем законодательстве мы не встретим какой-либо дефиниции онлайн игр. Однако в Правилах вида спорта «компьютерный спорт» (утв. приказом Минспорта России от 22.01.2020 № 22) дается определение видеоигр (компьютерных игр): «инвентарь компьютерного спорта, состоящий из программного обеспечения, позволяющего осуществить организацию соревновательного процесса (геймплея) соревнующимся сторонам (спортсменам), формирующего соревновательное пространство (арену), создающего объекты управления, воспринимаемые органами чувств человека, где участник соревнований через устройства ввода/вывода воздействует на объекты управления» [1].

Как справедливо отмечают А.В. Гапанович и И.В. Гапанович, термин, приведенный в Правилах, отражает понимание компьютерных игр только с позиции спортивного права, игнорируя при этом гражданско-правовой аспект явления [5, с. 31].

Вместе с тем, приведенное определение видеоигр можно по праву считать первой попыткой выделения компьютерных игр из общего понятия программ для ЭВМ, хоть и на уровне подзаконного акта. В этой связи следует упомянуть письмо Минобрнауки России от 28.08.2014 № ЛО-1276/14 «О разъяснении норм законодательства об интеллектуальной собственности», где многопользовательские компьютерные игры отнесены к программам для ЭВМ [3]. Как можно заметить, происходит постепенная трансформация подхода к правовому явлению, однако ее темп не соответствует скорости развития и популяризации компьютерных игр.

К сожалению, какого-либо нормативно-правового акта, который бы учитывал гражданско-

правовой аспект компьютерных игр, не имеется. Поэтому следует обратиться к подходам к пониманию игр, сформированным в юридической науке и правоприменительной практике. Большое внимание изучению природы компьютерных игр уделил В.В. Архипов, который выделяет следующие подходы [4, с. 64]:

– компьютерная игра представляет собой разновидность сложного объекта – мультимедийный продукт. Суть данного подхода состоит в том, что современные игры состоят не только из программ для ЭВМ, но также и из иных результатов интеллектуальной деятельности, охраняемых законодательством;
– компьютерная игра – это программа для ЭВМ. Данный подход, как следует из ранее приведенного письма, является достаточно консервативным, поскольку не предполагает каких-либо расширительных толкований для участников отношений. Такую интерпретацию компьютерных игр можно назвать одной из первых зародившихся, однако не совсем актуальную в настоящее время. Представляется, что такое понимание компьютерных игр не в полной мере отвечает как их наполнению, так и социально-экономической роли в общественных отношениях. В настоящее время игровая индустрия занимает значимую роль на рынке, причем внутри самих игр возможно оказание различного рода услуг между пользователями за реальные денежные средства. Также не стоит забывать про наличие нескольких охраняемых законом результатов интеллектуальной деятельности практически в каждой онлайн игре. Таким образом, рассматриваемый подход был актуален для периода зарождения игровой индустрии, когда многие продукты компаний представляли собой только программу для ЭВМ без возможности добавления иных результатов интеллектуальной деятельности. Однако прогресс не стоит на месте, поэтому в настоящее время компьютерные игры представляют из себя многоэлементный продукт, который помимо программного кода (программы для ЭВМ) может содержать исполнения, специально записываемые для игры, а также иные объекты права интеллектуальной собственности.

Следует добавить, что существует еще один подход, отождествляющий азартные и компьютерные игры. Однако, как справедливо отмечает А.И. Савельев, чаще всего в многопользовательских онлайн играх сложно найти соглашение о выигрыше, которое является обязательным элементом (краеугольным камнем) для азартных игр и пар. По его мнению, в многопользовательских играх нет понятия выигравшего, равно как и проигравшего [8, с. 134]. В целом следует согласиться с предложенной позицией, однако стоит учитывать, что в соревновательных играх, среди которых подавляющее большинство занимают многопользовательские онлайн игры, можно встретить как команду/игрока, являющихся победителями, так и проигравших. Однако выигравший и проигравший в данном случае не соотносятся с понятийным аппаратом, используемом в законодательстве, регулирующем игры и пари. О чем в частности свидетельствует официальное признание одним из видов спорта в России киберспорта с присвоением победителям и призерам соревнований различного уровня спортивных разрядов. Также стоит отметить, что в рамках данного подхода предполагается отсутствие предоставления пользователям правовой защиты, что является серьезным упущением тех судов, которые придерживаются его.

Полагаем, что следует придерживаться подхода, рассматривающего компьютерные игры и, в частности, онлайн игры как мультимедийный продукт. Наш выбор обусловлен тем, что современные реалии индустрии свидетельствуют о тесной интеграции множества различных результатов интеллектуальной деятельности при создании и разработке игры. Так нередки случаи, когда компании привлекают профессиональных актеров для съемок или озвучки игровых персонажей (примером такой игры является разработка компании Respawn Entertainment «Star Wars Jedi: Survivor», где главного игрового персонажа исполнил актер). Приведенный пример иллюстрирует лишь одно из возможных направлений интеграции, однако доказывает обоснованность использования упомянутого подхода к компьютерным играм и онлайн играм.

Но возникает закономерный вопрос, а что же такое мультимедийный продукт. И здесь сложилась интересная ситуация. Статьей 1240 ГК РФ предусмотрено, что мультимедийный продукт относится к числу сложных объектов, включающих несколько охраняемых результатов интеллектуальной деятельности, однако законодатель не разъясняет, что же следует понимать под таким термином. На данный пробел в законодательстве неоднократно обращали внимание в юридической науке.

Так, Е.С. Котенко указывает на отсутствие в правопорядке понимания того, что из себя представляет мультимедийный продукт, каким образом должны осуществляться и защищаться права участников отношений. Также ученый предлагает собственное понятие мультимедийного продукта, которое рассматривает его как объект авторских прав, выраженный в цифровой форме, включающий несколько охраняемых результатов интеллектуальной деятельности и предназначенный для функционирования в процессе взаимодействия с пользователем посредством компьютерных устройств[1].

Полагаем, что приведенное ученым понятие мультимедийного продукта является наиболее оптимальным и в полной мере подходит для онлайн игр, в которых всегда присутствует несколько разновидностей результатов интеллектуальной деятельности, охраняемых законом. Разобравшись с понятием, следует обратить внимание на призна-

[1] Котенко Е.С. Авторские права на мультимедийный продукт: монография. Москва: Проспект, 2013. С. 35

ки, позволяющие отделять онлайн-игры от иных мультимедийных продуктов.

Первым признаком, который неизменно будет сопровождать все онлайн игры, является протекание процесса взаимодействия пользователя с продуктом в виртуальной реальности. Сама сущность игры предполагает, что игрок совершает желаемые действия в специальном мире (виртуальном), при этом нередко пользователь может получать различные игровые предметы, существующие исключительно в виртуальном пространстве.

Вторым признаком можно назвать неразрывную связь с интернет сетью. Само слово «онлайн» означает невозможность осуществления игрового процесса при отсутствии подключения к информационно-коммуникационной сети «Интернет».

Также нельзя не отметить, что для онлайн игр характерен особый порядок доступа. Пользователь, желающий присоединиться к продукту правообладателя, должен пройти регистрацию на официальном сайте, скачать специальное программное обеспечение (специфическая электронная платформа/библиотека для последующего взаимодействия), при этом доступ к онлайн игре чаще всего осуществляется на основании лицензионного договора и условий пользовательского соглашения, не предполагающего распространение на отношения между компанией и игроком законодательства, регулирующего вопросы, связанные с защитой прав потребителей. Если говорить об условиях доступа, то в настоящее время онлайн игры можно разделить на три типа:

– игры с бесплатным доступом, также именуемые free-to-play (Dota 2, World of Tanks, Heartstone и т.п.). В таких играх пользователю достаточно согласиться с условиями лицензионного договора и пользовательского соглашения;
– игры с платным периодическим доступом (World of Warcraft и т.п.). Для таких игр характерно наличие подписок – оплачиваемого периода времени, в течение которого пользователю доступен весь контент (внутриигровое наполнение). При этом правообладатель может предусмотреть условие, согласно которому наиболее актуальный контент приобретается пользователем за дополнительную плату. Так, в приведенной игре World of Warcraft пользователь, оплачивая подписку, получает доступ ко всем дополнениям, за исключением последнего вышедшего;
– игры с платным постоянным доступом (Helldivers II, DayZ и т.п.). Игроки, желающие воспользоваться такими играми, должны одноразово уплатить определенную денежную сумму, после чего получают полный доступ к функционалу.

Таким образом, только для одного типа онлайн игр характерно предоставление безвозмездного доступа пользователям. Отсюда возникает закономерный вопрос о правах потребителей, которые в других типах на возмездной основе получают возможность удовлетворять личные нужды, не связанные с предпринимательской деятельностью. Представляется значительным упущением законодательства отсутствие предоставления пользователям каких-либо гарантий на приобретаемые продукты. Стоит отметить, что в последнее время компании-правообладатели вводят различные дополнительные опции (игровые услуги и предметы), которые пользователь может приобретать за плату. И если на условия лицензионного соглашения законодательство в сфере защиты прав потребителей не распространяется, то в правоприменительной практике имеются примеры его применения к дополнительным опциям.

Так, Постановлением Президиума Московского городского суда от 18.09.2018 г. по делу № 44г-259/2018 было подтверждено распространение законных гарантий, предоставляемых Законом РФ от 07.02.1992 № 2300–1 «О защите прав потребителей», на отношения между пользователем и правообладателем в случае, если последний осуществляет распространение информации в сети «Интернет», направленной на привлечение внимания пользователей, находящихся на территории Российской Федерации. В приведенном деле пользователь, желавший получить компенсацию за платные опции, доступа к которым он был лишен по решению компании, воспользовался правом на определение подсудности, предусмотренным ст. 17 Закона «О защите прав потребителей», так как ответчик (правообладатель) не имел ни представительства, ни филиала на территории России, при этом местом его регистрации являлась Республика Кипр [2]. Примечательно, что пользователю пришлось дойти до кассации, прежде чем его довод (применение пп. 2 п. 3 ст. 402 ГК РФ) был принят во внимание. Учитывая, что в настоящее время, практически все правообладатели ведут активную рекламную компанию своих продуктов, особенно в сети «Интернет», то представляется возможным в последствии увидеть увеличение числа случаев, когда суды будут признавать допустимым использовать законодательство в сфере защиты прав потребителей при рассмотрении таких споров.

Таким образом, судебная практика распространяет на отдельные отношения, связанные с многопользовательскими онлайн-играми, действие норм законодательства в области защиты прав потребителей. Это можно считать положительным моментом, который поспособствует в дальнейшем закреплению и масштабированию иного подхода к рассматриваемому явлению, учитывающего его особенности, так как законодатель, в случае принятия решения о необходимости урегулирования рассматриваемой сферы, будет учитывать сформировавшуюся правоприменительную практику.

В заключении можно сделать вывод о том, что многопользовательские онлайн игры являются разновидностью мультимедийного продукта, который относится к числу сложных объектов в соответствии с действующим законодательством.

Рассмотрение онлайн игр в ином ключе представляется нецелесообразным, поскольку заранее сопряжено с отходом от существующих реалий общественных отношений. Хоть игры и являются разновидностью мультимедийного продукта, они обладают собственными особенностями, позволяющими выделять их на фоне остальных объектов. К числу таких полагаем возможным относить область взаимодействия с пользователем, особенности получения и осуществления доступа, а также неразрывную связь с сетью «Интернет». При всем этом в данном вопросе явно не хватает внимания законодателя, которому следует устранить существующий пробел в законодательстве и разработать специальное правовое регулирование для ряда мультимедийных продуктов, включая онлайн игры. Предполагаем, что игровая индустрия в ближайшее время будет продолжать активно развитие, которому должно способствовать, а не мешать, правовое регулирование.

Литература

1. Правила вида спорта «компьютерный спорт» (утв. приказом Минспорта России от 22.01.2020 № 22) (ред. от 08.12.2022) // СПС КонсультантПлюс
2. Постановление Президиума Московского городского суда от 18.09.2018 по делу № 44г-259/2018 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы [Электронный ресурс] URL: https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/presidium-civil/details/200bb45e-447f-4b9c-81b5-c647b725b3ca?caseNumber=44г-259/2018 (дата обращения 13.05.2024).
3. Письмо Минобрнауки России от 28.08.2014 № ЛО-1276/14 «О разъяснении норм законодательства об интеллектуальной собственности» // СПС КонсультантПлюс.
4. Архипов В.В. Интеллектуальная собственность в индустрии компьютерных игр: проблемы теории и практики // Закон. 2015. № 11. С. 61–69.
5. Гапанович А.В., Гапанович И.В. Киберспорт vs компьютерный спорт: к вопросу о понятийном аппарате // Юрист. 2023. № 3. С. 29–33.
6. Котенко Е.С. Авторские права на мультимедийный продукт: монография. Москва: Проспект, 2013. 128 с.
7. Рыженков А.Я. Игра как юридический факт в гражданском праве // Юрист. 2022. № 7. С. 2–7.
8. Савельев А.И. Правовая природа виртуальных объектов, приобретаемых за реальные деньги в многопользовательских играх // Вестник гражданского права. 2014. № 1. С. 127–150.
9. Тагаева С.Н. Виртуальное игровое имущество – объект гражданских прав? // Юрист. 2023. № 9. С. 11–16.

LEGAL REGIME FOR THE PROTECTION OF INTELLECTUAL RIGHTS FOR MULTIPLAYER ONLINE GAMES

Sherstobitov A.A.
Belgorod State National Research University

In this article, research attention is devoted to the issue of characterization of online multiplayer games as one of the objects of intellectual rights in order to justify the need to develop a special regulatory framework designed to regulate a rapidly developing legal phenomenon. The author analyzes the approaches existing in legislation, legal science and law enforcement practice to understanding computer games as a generic concept for online games. Based on the results of the analysis of various ideas, the author comes to the conclusion that for the current level of development of information technology and the gaming industry, the most characteristic will be the attribution of computer games to multimedia products. To distinguish games from other objects that fall under the concept of a multimedia product, the author suggests using specific features that are peculiar only to games.

Keywords: multi-user online games, multimedia product, computer programs, legal regulation, protected results of intellectual activity.

References

1. Rules of the sport “computer sports” (approved by order of the Ministry of Sports of Russia dated January 22, 2020 No. 22) (as amended on December 8, 2022) // SPS ConsultantPlus
2. Resolution of the Presidium of the Moscow City Court dated September 18, 2018 in case No. 44g-259/2018 // Official portal of the courts of general jurisdiction of the city of Moscow [Electronic resource] URL: https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/ presidium-civil/details/200bb45e-447f-4b9c-81b5-c647b-725b3ca?caseNumber=44g-259/2018 (accessed 05/13/2024).
3. Letter of the Ministry of Education and Science of Russia dated August 28, 2014 No. LO-1276/14 “On clarification of the norms of legislation on intellectual property” // SPS ConsultantPlus.
4. Arkhipov V.V. Intellectual property in the computer games industry: problems of theory and practice // Law. 2015. No. 11. P. 61–69.
5. Gapanovich A.V., Gapanovich I.V. E-sports vs computer sports: on the issue of the conceptual apparatus // Lawyer. 2023. No. 3. P. 29–33.
6. Kotenko E.S. Copyright for a multimedia product: monograph. Moscow: Prospekt, 2013. 128 p.
7. Ryzhenkov A. Ya. Game as a legal fact in civil law // Lawyer. 2022. No. 7. P. 2–7.
8. Savelyev A.I. Legal nature of virtual objects purchased for real money in multiplayer games // Bulletin of Civil Law. 2014. No. 1. P. 127–150.
9. Tagaeva S.N. Is virtual gaming property an object of civil rights? // Lawyer. 2023. No. 9. pp. 11–16.

Обобщение доктринальных позиций по определению целей наказания несовершеннолетних

Андреева Яна Валерьевна,
магистр по направлению «Уголовное право и уголовное судопроизводство», Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: yana.andr06@mail.ru

Несовершеннолетние представляют собой ту социальную группу, своеобразие уголовно-правового статуса которой проявляется в ряде изъятий из общих правил, направленных на обеспечение их повышенной государственной охраны от издержек уголовного преследования. В их перечень, помимо прочего, входят особенности наказания, цели которого, однако, спецификой применительно к данной категории лиц не отличаются и являются общими для всех осужденных. Целью исследования выступает разработка рекомендаций по более детоориентированному подходу к процессу назначения наказания лицам, не достигшим совершеннолетия. В этой связи в статье анализируются доктринальные позиции по их изменению и возможному дополнению ресоциализацией, обеспечением благополучия, перевоспитанием с подбором дополнительных аргументов в поддержку последнего мнения о целесообразности перевода исправительного воздействия в плоскость перевоспитательного. Указанное позволяет нивелировать категоричность утверждения о невозможности наделения перевоспитания подобным статусом. Методологическая основа работы представлена диалектическим, историческим, группой социологических (документальный, метод социологического опроса) методов.

Ключевые слова: уголовная ответственность, цели наказания, несовершеннолетние, ресоциализация, перевоспитание, обеспечение благополучия.

Преступность несовершеннолетних и модернизация уголовно-правовых средств борьбы с ней являются той сферой научного и практического интереса, которая вызывает повышенное внимание прежде всего в силу значимости молодого поколения как естественного резерва развития общества. Предложения по совершенствованию практики привлечения данной группы лиц к уголовной ответственности и назначения им наказания в этой связи высказываются достаточно активно и касаются совершенно разнообразных аспектов, в частности вопросов необходимости выделения специальных целей наказания и отнесения этой категории к той области уголовно-правового регулирования, которая представлена изъятиями и особенностями и не является общей для всех осужденных.

Наказание, согласно статье 43 УК, применяется в целях восстановления социальной справедливости, исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений. В УК отсутствуют положения, касающиеся целей, относящихся исключительно к наказанию несовершеннолетних, в силу чего уголовно-правовая доктрина изобилует позициями, согласно которым цели наказания данной категории лиц также должны обрести специфику посредством дополнения, например, ресоциализацией, перевоспитанием [19, с. 405], обеспечением благополучия [1].

Дословно термин «ресоциализация» переводится как повторная социализация, под которой понимается формирование личности в социуме [17, с. 6]. Согласно определению, закрепленному в статье 25 Федерального закона от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», ресоциализацией является «комплекс мер социально-экономического, педагогического, правового характера, осуществляемых субъектами профилактики правонарушений в соответствии с их компетенцией и лицами, участвующими в профилактике правонарушений, в целях реинтеграции в общество лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы и (или) подвергшихся иным мерам уголовно-правового характера».

В таком контексте суть ресоциализации сводится к помощи осужденному в его адаптации в обществе, установлению и возобновлению социальных связей, утраченных не столько в результате предварительного нахождения в неблагоприятной среде и преступной деятельности, сколько из-за последующей изоляции от социума. А поскольку под целями уголовного наказания понимается «результат, к которому стремится государство, устанавли-

вая и применяя его» [18, с. 272], ресоциализация в этом случае (как результат, а не процесс) будет являться более отдаленной целью – постпенитенциарной помощи, минимизирующей издержки его отбытия.

Согласно позиции Ю.В. Баранова, под ресоциализацией понимается процесс выработки социально приемлемых форм поведения для последующей адаптации к условиям, нормам жизнедеятельности общества [4, с. 10]. Развиваясь в благоприятной атмосфере, индивид осваивает социальные нормы и становится частью общества, реализуя процесс социализации. Попадая в негативные условия, ступая на путь совершения преступления, лицо приобщается к антиобщественным ценностям, отрицательным стереотипам и подвергается асоциализации. И уже в этом случае тем средством, которое должно привести его к возобновлению положительных социальных контактов, и будет являться последнее.

Несмотря на то, что в литературе ресоциализация рассматривается как комплекс мер, ориентированный на усвоение и возрождение социальных связей, утраченных по обеим причинам: и в силу преступной деятельности, и в силу изоляции от общества, вторая ситуация содержит предпосылки для включения ресоциализации в перечень целей наказания.

Ретроспективный взгляд на отечественное законодательство позволяет констатировать, что идея реинтеграции в общество уже имела свое закрепление. В пункте «б» части 3 статьи 3 ИТК РСФСР 1924 г. отмечалось, что исправительно-трудовые учреждения создаются, в том числе для приспособления преступника к условиям общежития [9]. В ИТК РСФСР 1933 г. такая формулировка была употреблена применительно к целям исправительно-трудовой политики (п. «б» статьи 2) [10]. А задачей ИТК РСФСР 1970 г. провозглашалось обеспечение исполнения уголовного наказания «с тем, чтобы оно исправляло и перевоспитывало осужденных в духе честного отношения к труду, точного исполнения законов и уважения к правилам социалистического общежития» (ст. 1) [5], то есть для постепенного возвращения в общество.

На данный момент условия для рассмотрения ресоциализации с позиций целей наказания создают положения актов международного характера. Как гласят Пекинские правила, воспитательная работа с несовершеннолетними, содержащимися в исправительных учреждениях, должна реализовываться с целью «оказания им помощи для выполнения социально-полезной и плодотворной роли в обществе» (правило 26.1). В Правилах Организации Объединенных Наций, касающихся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы, закрепляется, что на несовершеннолетних должны распространяться мероприятия по оказанию помощи при возвращении в общество, к семейной жизни, обучению, трудоустройству (пункты 38, 42, 45, 59, 62, 79, 80 и др.).

Однако хотя идее ресоциализации и следует уделять внимание, в качестве цели наказания несовершеннолетних она несостоятельна. А.И. Рарог рассматривает ресоциализацию как часть исправления и его сущность, так как последнее и должно свидетельствовать о том, что после освобождения осужденное лицо утрачивает общественную опасность и становится добропорядочным, а также законопослушным членом общества [16, с. 136].

Процесс ресоциализации длителен и не ограничивается только сферой действия наказания. Отбытие наказания, связанного с разрушением общественных связей, также может являться предпосылкой для постпенитенциарной адаптации, но только способствовать этому будет изоляция от окружающих сама по себе. А если не проводить разграничения таких случаев и перенести достижение ресоциализации на более поздний этап, то дополнительным аргументом в пользу приведенной позиции будет служить то, что эта цель станет применима лишь к видам наказания, разрывающим социально полезную коммуникацию. А согласно части 1 статьи 88 УК, им является только лишение несовершеннолетнего свободы на определенный срок.

Наконец, применительно к несовершеннолетним ресоциализация не является феноменом, который может охарактеризовать особенности исключительно данной группы. Несмотря на то, что в силу молодого возраста нормальное возвращение таких лиц в общество получает дополнительную важность, ресоциализация взрослых осужденных, обретение ими места в новых условиях также необходимы и значимы.

Что касается воспитания, то оно представляет собой процесс систематического и целенаправленного формирования личности сообразно нормативным моделям, действующим в обществе. Вид воспитания, преследующий цель устранения отрицательных и развития положительных свойств, именуется перевоспитанием и коррелирует по своему смыслу с исправлением. Последнее является результатом освобождения от каких-либо недостатков и пороков. По мнению И.А. Тарханова, перевоспитание и исправление предполагают искоренение у осужденного антиобщественных наклонностей, которые привели его к совершению преступления. И если при исправлении положительные изменения присутствуют избирательно и касаются лишь требующих этого взглядов, то перевоспитание затрагивает жизненные ориентиры и позицию в целом [16, с. 133].

Критическое отношение к перевоспитанию в статусе цели наказания повлекло формулирование тезисов, положенных в обоснование некорректности его рассмотрения с этих позиций. Одной из таких причин стало отсутствие критериев, которые могли бы свидетельствовать о его достижении [16, с. 134]. Как было отмечено, перевоспитание тесно связано с исправлением. Критериями исправления взрослого лица, выделяемыми в науке, являются соблюдение режима содержания,

отсутствие взысканий, участие в воспитательных мероприятиях, добросовестное отношение к труду, получению образования и профессиональной подготовке, участие в общественной жизни [20, с. 58], что частично вытекает из положений УИК (например, из статьи 175).

С.С. Пиюкова, выделяя показатели качественной оценки степени исправления «ординарного» осужденного, формулирует их более пространно: как отношение к законам, морали, труду, обучению, воспитательным мероприятиям, окружающему миру и обществу, криминальной субкультуре, другим людям, себе, совершенному преступлению и наказанию. По утверждению автора, в силу содержательной связанности исправления и воспитания, достижение перечисленных критериев и уровень исправления, определяемый через них, будут свидетельствовать и об эффективности воспитательной работы [12, с. 100–102].

Специалисты в сфере педагогики, на возможность обращения к трудам которых указали и участвовавшие в проведенном в ходе исследования опросе лица (опрос 40 экспертов, в том числе судей, адвокатов, следователей), при формулировании показателей эффективности воспитания позитивной личности школьника относят к ним развитие позитивного мышления, определяемого через оценку ребенком самого себя и его оценку со стороны взрослого окружения; положительные характеристики личности, включая позитивное отношение к себе, родителям, сверстникам, учителям и иным значимым людям, учению и школе, классному коллективу; удовлетворенность учебно-воспитательным процессом, результатами обучения, каждое из которых выявляется путем применения диагностических методик (тест Н.Е. Щурковой «Размышляем о жизненном опыте», методика диагностики склонности к преодолению социальных норм и правил Ю.А. Клейберга, методика изучения социальной адаптированности М.И. Рожкова и др.) [7, с. 130].

Анализируя критерии воспитанности в виде нравственных знаний, мотивов, целей, поступков, А.К. Маркова определяет следующие его уровни. Высокий – отличается развернутыми познавательными мотивами, преобладанием положительных эмоций, широким запасом нравственных знаний, их согласованностью с собственными убеждениями и поведением, единством слова и дела, удержанием целей и доведением работы до конца в трудных ситуациях. О низком уровне воспитанности говорят разрозненные нравственные представления, не всегда становящиеся убеждениями, разлад нравственных знаний и поступков, узкая ориентация на результат, неустойчивость целей в условиях затруднений, преобладание отрицательных эмоций [2, с. 300–303].

Детализация критериев, выделенных С.С. Пиюковой, применительно к несовершеннолетним в свете достижений области педагогики и показателей результативности воспитательного процесса позволяет представить их следующим образом. Отношение к законодательным и моральным требованиям может быть выявлено через соблюдение правил внутреннего распорядка исправительного учреждения (наличие поощрений, отсутствие взысканий), законодательных предписаний (отсутствие фактов привлечения к ответственности за правонарушения), формирование правовой культуры, уяснение основ своего правового статуса, отрицательные взгляды на антиобщественные поступки.

Отношение к общеобразовательному и профессиональному обучению надлежит анализировать через посещение занятий, уровень успеваемости. Трудовая деятельность должна сопровождаться добросовестным отношением к правилам трудового распорядка, имуществу места трудоустройства, качеству работы и т.д. Внимание следует уделять досугу и развлечениям: обретению себя в каком-либо виде спорта, творчества, формированию хобби как ориентиров для правильного направления энергии, участию в спортивных, творческих, просветительских и иных мероприятиях.

Поскольку социализация личности в подростковый период идет более активно, важно определять значимость ее агентов: родителей, педагогов, друзей и знакомых, в том числе из криминальной среды, представителей администрации исправительного учреждения. Важным фактором социализации способна стать субкультура, отношение к которой должно проявляться через призму осуждения алкоголизма, наркомании, иных проявлений зависимости.

В подростковый период усиливается стремление к осознанию себя, поэтому следует оценивать восприятие несовершеннолетним своих преимуществ, сильных сторон и уязвимых мест, рациональный и критический взгляд на собственные желания и поступки, что в совокупности с вышеперечисленным способно сформировать достаточно целостный портрет личности осужденного для оценки уровня его перевоспитания и личностного развития и нивелировать довод об отсутствии выработанных показателей действенности этих процессов.

Следующим аргументом против рассмотрения перевоспитания в качестве цели наказания служит тезис о невозможности достижения перевоспитания в силу того, что настолько глобальное изменение – полное отрицание противоправного поведения – является нереальным [16, с. 134], что делает перевоспитание иллюзорным. Сопровождает это понимание воспитания (перевоспитания) как процесса формирования личности соответственно «определенному социально-педагогическому идеалу» [11, с. 185], воплощение которого должно проявляться в выработке «определенных установок, понятий, принципов».

Термин идеал рассматривается в русском языке как трудно достижимая степень совершенства, предел стремлений и желаний. В такой интерпретации и при постановке перед воспитанием (перевоспитанием) образцово-неосуществимых по-

казателей оно действительно утрачивает практическое значение в связи с недоступностью итога, которым должна быть абсолютно правопослушная личность. При этом, учитывая возможность широкого толкования используемых в определении конструкций – «определенный идеал», «определенные установки», «определенные понятия», «определенные принципы», – результат воспитания можно обозначить и в более эвентуальном виде.

Однако в иных традиционных трактовках анализируемая категория сама по себе не требует от личности идеальных показателей. Погрешности, при которых не все социоодобряемые положения становятся личными убеждениями, а поведение иногда допускает отрицательные (но не противоправные) проявления и рассогласовывается с ними, также могут присутствовать и в равной степени характеризовать воспитанность, хоть и более низкого уровня, о чем свидетельствует градация, приведенная А.К. Марковой.

И если при помощи уголовного наказания нельзя достичь полного морально-нравственного перевоспитания, это еще не повод для отрицания его воспитательного воздействия [1] и исключения потенциала в направлении личностного становления в положительное русло. По этой причине цель перевоспитания не должна приводить к всеобъемлющему преобразованию воззрений, убеждений, принципов [1], касающихся миропонимания и жизненной позиции в целом, но может затрагивать ее более глубинно, чем простое порождение страха перед наказанием и ничего более.

Наконец, в качестве третьего контраргумента выдвигается то, что перевоспитание не может быть отграничено от морального исправления, противопоставляемого юридическому [16, с. 134]. По утверждению С.В. Познышева, юридическое исправление надлежало рассматривать как внушение субъекту путем применения к нему наказания, создания неизбежной связи с невыгодным последствием для осужденного. Нравственное (моральное) исправление же не исчерпывалось только внушением указанного сознания, но и подразумевало воздействие на характер лица, способное повлечь такие изменения, при которых оно в дальнейшем не решилось бы вновь встать на преступный путь [13, с. 35].

На сегодняшний день с точки зрения законодательных конструкций исправление осужденных рассматривается как «формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения» (ч. 1 статьи 9 УИК). Комментируя приведенное определение, Ю.Е. Пудовочкин подчеркивает, что в этой формуле получило отражение широкое понимание исправления в качестве «морального», при котором правомерное поведение строится на осознании ценностей человеческого общежития, а не на боязни перед наказанием [15, с. 166]. Возникновение уважительного отношения к перечисленным ценностям, как следствие, изменение взглядов в положительном направлении, с одной стороны, являются легальными критериями исправления, с другой – не могут быть противопоставлены перевоспитанию и моральному исправлению. А столь широкий перечень объектов положительного отношения стирает грань между исправлением и перевоспитанием, проведенную И.А. Тархановым, при которой исправление реализуется точечно, а перевоспитание затрагивает жизненные ориентиры в самом целом виде.

Тем не менее не все авторы придерживаются подхода о необходимости трактовки исправления с морально-нравственных позиций. Ю.Е. Пудовочкин, развивая свою мысль, объясняет, что сам факт ограничения прав и свобод осужденного в результате наказания не поспособствует укоренению в нем моральных идей. Реальная и достижимая задача, которая может быть разрешена в рамках исправительного процесса, – убеждение виновного соблюдать уголовный закон разве что под страхом назначения наказания без его превращения в «высоконравственную личность», – отмечает А.В. Наумов [8, с. 346].

Однако как было констатировано выше, буквальное понимание воспитания (перевоспитания) как процесса, предполагающего идеальный итог формирования абсолютно правопослушной личности, не является целесообразным и подтверждается корреспондирующим отношением к нему специалистов в сфере психологии и педагогики, допускающих погрешности в этой процедуре. В силу этого, учитывая, что в той области знаний, для которой данное понятие свойственно, оно используется не в смысле результата с недостижимыми показателями, а как вполне пригодный для практики термин, перевоспитание не является идентичным моральному исправлению, будучи более узким по содержанию.

А поскольку применительно к несовершеннолетним мировоззрение в большинстве своем только формируется, наказание должно применяться к ним не столько ради исправления укоренившихся взглядов, сколько ради их ориентации к становлению на основе уважения к социальным нормам и ценностям. Подтверждением этому служит утверждение З.А. Астемирова, согласно которому в отличие от взрослых преступников со сформировавшейся личностью, для которых ведущую роль получает исправительное воздействие, для несовершеннолетних в один ряд с ним становятся общевоспитательные цели, и исправление их должно происходить в единстве с ними [3, с. 83].

Перевоспитание также имело практику законодательного закрепления – в ИТК РСФСР 1924 г. оно фигурировало, в том числе применительно к несовершеннолетним. Статья 188 кодекса гласила, что в целях воспитания общественных навыков и социального перевоспитания несовершеннолетних в трудовых домах для несовершеннолетних организуются самоуправления. В ИТК РСФСР 1933 г. перевоспитание обрело более конкретное значение – как цели исправительно-трудовой полити-

ки (п. «б» части 2). Согласно ИТК РСФСР 1970 г., данная категория использовалась применительно к наказанию, которое должно было являться не только карой за совершенное преступление, но и, как было отмечено ранее, исправлять и перевоспитывать осужденных (ст. 1). В действующем УИК РФ воспитательная работа также упоминается, являясь одним из основных средств исправления осужденных (ч. 2 статьи 9).

Сопровождением этому служит нередко встречающаяся в судебных решениях ссылка на перевоспитание в одном ряду с иными целями наказания, в том числе исправлением, предполагаемыми к достижению в результате назначения и отбытия уголовного наказания [14]. И по причине того, что в подростковый период развитие продолжается, значимость приобретает более адаптивное к несовершеннолетним перевоспитывающее воздействие, прививающее иные нормы поведения и отношение к социальным ценностям.

В этой связи обоснованным видится предложение о закреплении перевоспитания в качестве специфической цели наказания несовершеннолетних. По утверждению И.И. Карпеца, акцент на воспитательной черте наказания должен являться свидетельством его гуманности и отрицанием «голой кары» [6, с. 150].

Учитывая, что большинство ученых исключают кару из целей наказания, она, несмотря на это, связана с ним, неся сущностный характер. Подвергаясь ему, лицо претерпевает определенного рода ограничения и лишения, которые, однако, не могут иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства (ч. 2 статьи 7 УК). В литературе кара трактуется как принуждение осужденного к страданию, объем которого определяется обстоятельствами, указанными в части 1 статьи 6 УК: характером и степенью общественной опасности преступления, обстоятельствами его совершения и личностью виновного. По замечанию А.И. Рарога, кара есть не столько принуждение к страданию, сколько само страдание [16, с, 133].

Страданием в буквальном его понимании являются физическая или душевная боль, состояние страха, тревоги. Антонимичное значение по отношению к нему имеет термин благополучие, содействие которому выделяется З.Р. Абземиловой в качестве еще одной цели наказания лиц, не достигших 18-ти лет [1]. Под ним понимается спокойное течение жизни, не нарушаемое несчастиями, иначе – отсутствие нежелательных событий. И если кара демонстрирует содержание наказания в принципе и не может быть исключена для несовершеннолетних, потому как она и есть само наказание, то благополучие, не предполагающее страданий, вытесняется ей и не может быть достигнуто в результате отбывания наказания.

В качестве основания такого нововведения автором определяются международные акты, например, Пекинские правила, которые гласят, что система правосудия в отношении несовершеннолетних направлена в первую очередь на обеспечение благополучия (правило 5.1). Однако его достижение обозначается в документе в качестве цели правосудия в целом и комментируется автором соответствующим этому образом: «содействовать благополучию несовершеннолетнего – значит не наказать и оградить общество» [1].

Его достижению в данном случае сможет содействовать применение мер, которые не будут выступать наказанием и оказывать свойственное ему высокое карательное воздействие. Такое рассуждение выводит обеспечение благополучия за рамки уголовного наказания и демонстрирует, что реализовано оно может быть, напротив, в результате его неиспользования. Содействие благополучию при подобных условиях следует рассматривать не в виде цели наказания, а как ориентир для государственной политики в отношении несовершеннолетних в целом и в области противодействия преступности в частности.

Таким образом, отечественное законодательство не включает цели наказания в сферу нормативных положений, адаптированных к особенностям несовершеннолетних и содержащихся в специализированной главе 14 УК. Однако для должного учета специфики уязвимой в силу незрелости личности последние могут быть пересмотрены в сторону свойственного этому возрасту перевоспитательного воздействия, предполагающего большую детоориентированность, нежели исправление, при дополнении статьи 89 УК следующим положением: «Наказание к несовершеннолетним применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях перевоспитания осужденного и предупреждения совершения новых преступлений» (ч. 1 статьи 89 УК при последовательном изменении нумерации остальных, имеющихся на данный момент, частей).

Литература

1. Абземилова, З. Р. О целях наказания несовершеннолетних / З.Р. Абземилова. – Текст: электронный // Мудрый Юрист: [сайт]. – URL: https://wiselawyer.ru/poleznoe/18185-celyakh-nakazaniya-nesovershennoletnikh (дата обращения: 06.06.2024).
2. Айсмонтас, Б.Б. Педагогическая психология: учебник для вузов / Б.Б. Айсмонтас. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 483 с. – ISBN 978-5-534-14692-9. – Текст: непосредственный.
3. Астемиров, З.А. Уголовная ответственность и наказание несовершеннолетних: Учебное пособие / З.А. Астемиров; Под ред. [и с предисл.] д-ра юрид. наук, проф. Н.А. Стручкова. – Москва: Изд-во ВШ МВД. СССР, 1970. – 125 с. – Текст: непосредственный.
4. Баранов, Ю.В. Ресоциализация осужденных к лишению свободы и освобожденных от этого наказания: теоретико-методологические и правовые основы: специальность 12.00.08

«Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: диссертация на соискание ученой степени доктора юридически наук / Баранов Юрий Валерианович; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН). – Москва, 2008. – 404 с. – Текст: непосредственный.
5. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР: [утв. ВС РСФСР 18.12.1970: в ред. от 21.12.1996] // Свод законов РСФСР. – Т. 8. – 753. – Текст: непосредственный.
6. Карпец, И.И. Наказание: Социальные, правовые и криминологические проблемы / И.И. Карпец. – Москва: Юридическая литература, 1973. – 287 с. – Текст: непосредственный.
7. Колесова, С.В. Критерии и показатели эффективности воспитания позитивной личности школьника / С.В. Колесова. – Текст: непосредственный // Современные исследования социальных проблем. – 2015. – № 4 (48). – С. 124–133.
8. Наумов, А.В. Российское уголовное право. Курс лекций: в 2 т. Т. 1. Общая часть / А.В. Наумов. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрид. лит., 2004. – 496 с. – ISBN 5-7260-1022-1. – Текст: непосредственный.
9. Об утверждении Исправительно-Трудового Кодекса РСФСР: Постановление ВЦИК от 16.10.1924 // СУ РСФСР. – 1924. – № 86. – Ст. 870. – Текст: непосредственный.
10. Об утверждении Исправительно-трудового кодекса РСФСР: Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 01.08.1933: [в ред. от 20.09.1936] // СУ РСФСР. – 1933. – № 48. – Ст. 208. – Текст: непосредственный.
11. Пархоменко, И. А. К вопросу об определении понятия «Духовно-нравственное воспитание младших школьников» / И.А. Пархоменко. – Текст: непосредственный // Мир науки, культуры, образования. – 2009. – № 5 (17). – С. 184–186.
12. Пиюкова, С.С. Оценка эффективности воспитательной работы с осужденными / С.С. Пиюкова. – Текст: непосредственный // Вестник Самарского юридического института: научно-практический журнал. – 2017. – № 3 (25). – С. 97–104.
13. Познышев, С.В. Основы пенитенциарной науки / С.В. Познышев. – Москва: Юридическое издательство Наркомюста, 1923. – 372 с. – Текст: непосредственный.
14. Приговор Куйбышевского районного суда города Санкт-Петербурга от 16.05.2022 по делу № 1–131/2022 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.
15. Пудовочкин, Ю.Е. Ответственность несовершеннолетних в уголовном праве: история и современность / Ю.Е. Пудовочкин. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. – 255 с. – ISBN 5-88648-339-X. – Текст: непосредственный.
16. Рарог, А.И. Цели наказания в науке уголовного права / А.И. Рарог. – Текст: непосредственный // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 2. – С. 125–139.
17. Ресоциализация и социальная адаптация в УИС: учебное пособие / составитель О.Н. Ничуговская. – Воронеж: Научная книга, 2020. – 96 с. –ISBN 978-5-4446-1463-1. – Текст: непосредственный.
18. Уголовное право. Общая часть: учебник для бакалавров / под ред. А.И. Чучаева. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2021. – 464 с. – ISBN 978-5-39-234089-7. – Текст: непосредственный.
19. Хачатрян, Т.В. Цели уголовного наказания несовершеннолетних: проблемы определения и перспективы развития / Т.В. Хачатрян. – Текст: непосредственный // Социально-экономические явления и процессы. – 2012. – № 12 (46). – С. 404–406.
20. Янчук, И.А. Критерии оценки степени исправления осужденных: какими им быть? / И.А. Янчук. – Текст: непосредственный // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2008. – № 4. – С. 56–58.

GENERALIZATION OF DOCTRINAL POSITIONS ON DETERMINING THE GOALS OF PUNISHMENT OF MINORS

Andreeva Ya.V.
Kutafin Moscow State Law University

Minors represent that social group whose peculiarity in criminal legal status manifests itself in a number of exceptions to general rules aimed at providing increased state protection against the costs of criminal proceedings. Their list, among other things, includes specifics of punishment. However, the objectives of this punishment are not specific to this category of people and are common to all convicted persons. The aim of the study is to develop recommendations for a more child-oriented approach to sentencing persons under the age of majority. In this regard, the article analyses the doctrinal positions regarding their modification and possible additions by resocialisation, ensuring well-being and reeducation, with selection of additional arguments to support the latter opinion on the feasibility of transferring corrective action to the plane of reeducation. This makes it possible to neutralize the categorical statement about the impossibility of conferring such a status on reeducation. The methodological basis of the work is represented by dialectical, historical and a group of sociological methods (documentary and sociological survey methods).

Keywords: criminal liability, goals of punishment, minors, resocialization, reeducation, ensuring well-being.

References

1. Abzemilova, Z.R. On the purpose of punishing minors / Z.R. Abzemilova. – Text: electronic // Wise Lawyer: [website]. – URL: https://wiselawyer.ru/poleznoe/18185-celyakh-nakazaniya-nesovershennoletnikh (date of reference: 06.06.2024).
2. Aismontas, B.B. Pedagogical psychology: textbook for universities / B.B. Aismontas. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2024. – 483 p. – ISBN 978-5-534-14692-9. – Text: direct.
3. Astemirov, Z.A. Criminal liability and punishment of minors: A textbook / Z.A. Astemirov; Ed. [and with a preface.] Dr. Yurid. of Sciences, professor N.A. Struchkova. – Moscow: Publishing House of the Higher School of the Ministry of Internal Affairs. USSR, 1970. – 125 p. – Text: direct.
4. Baranov, Yu.V. Resocialization of those sentenced to imprisonment and those released from this punishment: theoretical, methodological and legal foundations: specialty 12.00.08 “Crim-

inal Law and criminology; penal enforcement law": dissertation for the degree of Doctor of Legal Sciences / Yuri Valerianovich Baranov; Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia (RUDN). – Moscow, 2008. – 404 p. – Text: direct.
5. The Correctional Labor Code of the RSFSR: [approved The Supreme Council of the RSFSR on 12/18/1970: as amended. dated 12/21/1996] // Code of Laws of the RSFSR. – vol. 8. – 753. – Text: direct.
6. Karpets, I.I. Punishment: Social, legal and criminological problems / I.I. Karpets. – Moscow: Legal Literature, 1973. – 287 p. – Text: direct.
7. Kolesova, S.V. Criteria and indicators of the effectiveness of educating a positive student personality / S.V. Kolesova. – Text: direct // Modern studies of social problems. – 2015. – № 4 (48). – Pp. 124–133.
8. Naumov, A.V. Russian criminal law. Course of lectures: in 2 vols. Vol. 1. General part / A.V. Naumov. – 3rd ed., reprint. and an additional one. – Moscow: Yurid. lit., 2004. – 496 p. – ISBN 5-7260-1022-1. – Text: direct.
9. On the approval of the Correctional Labor Code of the RSFSR: The formation of the Central Executive Committee of 16.10.1924 // SU RSFSR. – 1924. – No. 86. – Article 870. – Text: direct.
10. On the approval of the Correctional Labor Code of the RSFSR: The formation of the Central Executive Committee, the Council of People's Commissars of the RSFSR dated 08/01/1933: [ed. dated 09/20/1936] // SU RSFSR. – 1933. – No. 48. – Article 208. – Text: direct.
11. Parkhomenko, I.A. On the question of defining the concept of "Spiritual and moral education of younger schoolchildren" / I.A. Parkhomenko. – Text: direct // The world of science, culture, and education. – 2009. – № 5 (17). – Pp. 184–186.
12. Piyukova, S.S. Evaluation of the effectiveness of educational work with convicts / S.S. Piyukova. – Text: direct // Bulletin of the Samara Law Institute: a scientific and practical journal. – 2017. – № 3 (25). – Pp. 97–104.
13. Poznyshev, S.V. Fundamentals of penitentiary science / S.V. Poznyshev. – Moscow: Legal Publishing House of the People's Commissariat of Justice, 1923. – 372 p. – Text: direct.
14. The verdict of the Kuibyshev District Court of St. Petersburg dated 05/16/2022 in case No. 1–131/2022 // Access from the help.-the legal system "ConsultantPlus". – Text: electronic.
15. Pudovochkin, Yu.E. Responsibility of minors in criminal law: history and modernity / Yu.E. Pudovochkin. – Stavropol: Publishing House of the SSU, 2002. – 255 p. – ISBN 5-88648-339-X. – Text: direct.
16. Rarog, A.I. The purpose of punishment in the science of criminal law / A.I. Rarog. – Text: direct // Actual problems of Russian law. – 2021. – No. 2. – pp. 125–139.
17. Resocialization and social adaptation in the UIS: a textbook / compiled by O.N. Nichugovskaya. – Voronezh: Scientific Book, 2020. – 96 p. –ISBN 978-5-4446-1463-1. – Text: direct.
18. Criminal law. General part: textbook for bachelors / edited by A.I. Chuchaev. – 3rd ed., reprint. and an additional one. – Moscow: Prospekt, 2021. – 464 p. – ISBN 978-5-39-234089-7. – Text: direct.
19. Khachatryan, T.V. Goals of criminal punishment of minors: problems of definition and prospects of development / T.V. Khachatryan. – Text: direct // Socio-economic phenomena and processes. – 2012. – № 12 (46). – Pp. 404–406.
20. Yanchuk, I.A. Criteria for assessing the degree of correction of convicts: what should they be? / I.A. Yanchuk. – Text: direct // Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction. – 2008. – No. 4. – pp. 56–58.

Предъявления прокурорами гражданских исков в уголовном судопроизводстве: проблемы теории и практики

Баграмян Валерий Викторович,
аспирант кафедры уголовного процесса, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
E-mail: advokat126@bk.ru

В статье анализируется практика предъявления прокурорами гражданских исков в порядке, предусмотренном ч. 3 ст. 44 УПК РФ. Рассматриваются как положительные примеры, так и упущения со стороны органов прокуратуры при предъявлении гражданских исков. Отмечается, что проблемные вопросы обозначенной сферы должны обсуждаться на заседаниях координационных совещаний руководителей правоохранительных органов, по итогам которых принимаются решения, направленные на повышение эффективности совместных действий органов прокуратуры и иных правоохранительных органов. В случае предъявления исков о возмещении ущерба государству, как правило они касаются экологических, налоговых, коррупционных преступлений, а также хищений бюджетных средств в ходе исполнения государственных и муниципальных контрактов. Представляется необходимым расширять рамки использования такого механизма как разрешение гражданско-правового спора в процессе рассмотрения судом уголовного дела. Сделан вывод о том, что механизм подачи коллективного иска, посредством публичного представительства прокурором группы гражданских истцов не только поспособствует продуктивному использованию процессуального времени, но и позволит повысить эффективной борьбы с преступностью и обеспечения безопасности общества.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, гражданский иск, гражданский истец, прокурор, судебное разбирательство, возмещение ущерба, судебная практика.

В настоящее время, когда наша страна переживает перемены в политической, экономической и социальной сферах, важно, чтобы правовые нормы были эффективно использованы в целях реального достижения законности. Особенно важно создать условия для действенной защиты интересов общества и государства, предотвращения злоупотреблений, сохранения бюджетных средств, включая средства, выделенные на реализацию национальных проектов.

В последние годы прокурорам удалось значительно изменить свой подход к организации работы, осуществляемой в рамках полномочий, предоставленных ч. 3 ст. 44 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [1] (далее – УПК РФ). Эти изменения привели к повышению ее качества и результативности. Однако современные проблемы ставят перед практическими работниками и научным сообществом новые задачи и цели.

С целью совершенствования деятельности прокуроров на данном направлении Генеральной прокуратурой РФ, аппаратами прокуратур субъектов Российской Федерации непрерывно ведется мониторинг состояния работы, в нижестоящие прокуратуры ежегодно направляются соответствующие информационные письма, проводятся учебно-методические семинары.

Проблемные вопросы обозначенной сферы обсуждаются на заседаниях координационных совещаний руководителей правоохранительных органов, по итогам которых принимаются решения, направленные на повышение эффективности совместных действий органов прокуратуры, дознания и предварительного следствия для реального возмещения ущерба, причиненного преступлениями [2]

Кроме того, в Генеральной прокуратуре Российской Федерации во взаимодействии с рядом правоохранительных органов и Росимуществом разработаны методические рекомендации для сотрудников правоохранительных органов по вопросам применения мер процессуального принуждения по уголовным делам и мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, связанных с арестом, задержанием и изъятием имущества.

В случае предъявления исков о возмещении ущерба государству, как правило они касаются экологических, налоговых, коррупционных преступлений, а также хищений бюджетных средств в ходе исполнения государственных и муниципальных контрактов.

Так, например, Щербиновским районным судом Краснодарского края по результатам рассмотре-

ния уголовного дела в отношении Л. и Ш. по ч. 3 ст. 256 УК РФ 16.09.2016 вынесен обвинительным приговор, которым в том числе удовлетворен гражданский иск прокурора Щербиновского района о солидарном взыскании с Л. и Ш. 765 тыс. рублей в счёт возмещения ущерба, причинённого их действиями государству[3].

Прокуратурой города Севастополя заявлен гражданский иск к Ш., обвиняемому в совершении преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 3 ст. 286, ч. 1 ст. 285 УК РФ, который исполняя обязанности директора ГКУ «УЭОГХ», перечислил ООО «ТК Теплокомфорт» денежные средства в размере 618 тыс. рублей по государственному контракту за работы, которые фактически не выполнены. Приговором Ленинского районного суда города Севастополя от 29.01.2021 иск удовлетворен в полном объеме.

Приговором Майкопского городского суда Республики Адыгея от 30.11.2021 К., являющийся учредителем и генеральным директором ООО «Лимонадная фабрика «Майкопская», признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 286, ст. 289 УК РФ. Указанным приговором удовлетворены исковые требования прокурора Республики Адыгея о взыскании в доход государства денежных средств в размере более 18,9 млн рублей.

Несмотря на обширную положительную практику предъявления гражданских исков при производстве по уголовным делам, имеют место грубые ошибки, допускаемые прокурорами.

Игнорируя положения Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2020 г. № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» [4] часто прокурорами предъявляются иски о признании недействительными сделок.

Так, кассационным определением Девятого кассационного суда общей юрисдикции изменен приговор суда в части удовлетворения гражданского иска, заявленного заместителем прокурора Сахалинской области о применении последствий недействительности ничтожной сделки и взыскании в доход государства 18 млн рублей. Указанный иск оставлен без рассмотрения [5]. Приговором Ленинского районного суда г. Екатеринбурга от 28.09.2023 по делу № 1–442/2023 оставлен без рассмотрения гражданский иск прокурора Ленинского района г. Екатеринбурга к Б. о применении последствий недействительности сделки, заключенной между Б. и неустановленным лицом, а также о взыскании в доход Российской Федерации незаконно полученных им по ничтожной сделке денежных средств в сумме 20 000 рублей.

В ходе исследования судебной практики по обозначенному вопросу мы пришли к выводу о том, что одна из самых распространенных ошибок сотрудников прокуратуры выражается в заявлении регрессных исков, опять же вопреки положениям вышеупомянутого постановления Пленума Верховного Суда РФ.

В Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ приведено кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ [6], согласно которому отменены судебные решения в части удовлетворения гражданского иска потерпевших о взыскании с осужденных в солидарном порядке 500 тыс. рублей в счет компенсации морального вреда, причиненного преступлением, иск передан на рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства.

Подобная ситуация также иллюстрирует просчеты и осмотрительность со стороны органов прокуратуры, что недопустимо, ведь оставление судом иска без рассмотрения в дальнейшем требует от истца активного участия в процессе сбора, обобщения и представления доказательств в порядке гражданского судопроизводства, в то время как в уголовном процессе бремя доказывания лежит в большей степени на государственном обвинителе.

Зачастую в практике прокурорами при подаче исков в защиту интересов несовершеннолетних, лиц, признанных недееспособными либо ограниченно дееспособными в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством, лиц, которые по иным причинам не могут сами защищать свои права и законные интересы неверно определяется размер компенсации морального вреда. Хоть и определение размера компенсации морального вреда носит оценочный характер, считаю верным позицию В.А. Семенцова, который полагает, что «При определении размера компенсации морального вреда должны учитываться не только общие, законодательно установленные правила, но также и восприятие потерпевшим совершенных против него преступных действий, характер его переживаний, эмоциональное и психофизиологическое состояние, каким образом негативные последствия преступления повлияли на возможность полноценно вести привычный образ жизни, осуществлять трудовую деятельности, общаться и взаимодействовать с окружающими людьми, длительность переживаний и т.д.» [7. С. 80–86.] Верное определение прокурором размера причиненного преступлением морального вреда потерпевшему будет способствовать в дальнейшем справедливому размеру его возмещения, что послужит гарантией защиты прав определенного круга лиц, потерпевших от преступления.

В связи с тем, что решения судов об отказе в удовлетворении исковых требований не единичны, государственным обвинителям и вышестоящим прокурорам следует пристальное внимание уделять как тщательному изучению уголовных дел, в том числе с целью выявления оснований для подачи гражданского иска, так и должным образом проверять обоснованность оставления их без рассмотрения.

Приговором Куйбышевского районного суда г. Омска от 14.04.2022 бывший директор АО «Омсктрансмаш» Л. осужден по ч. 4 ст. 160 УК РФ за растрату имущества предприятия на сумму свы-

ше 70 млн рублей. Указанным приговором, оставленным без изменения определением Омского областного суда от 13.07.2022, отказано в удовлетворении искового заявления Территориального управления Федерального агентства по управлению государственным имуществом Омской области.

В феврале 2023 года Восьмым кассационным судом общей юрисдикции по жалобе представителя потерпевшего – территориального органа Росимущества отменен приговор Куйбышевского районного суда г. Омска в части решения об отказе в удовлетворении гражданского иска, заявленного указанным органом в порядке статьи 44 УПК РФ. Суд кассационной инстанции пришел к обоснованному выводу о владении Российской Федерацией акциями АО «Омсктрансмаш», что давало право территориальному органу Росимущества на восстановление нарушенных прав государства путем предъявления иска в рамках уголовного дела.

Как видим органами прокуратуры судебные решения первой и апелляционной инстанций не оспаривались.

В противовес этому можно привести яркий пример восстановления прав граждан при необоснованном отказе в удовлетворении гражданского иска.

Приговором Стерлитамакского городского суда Республики Башкортостан К. признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных п. 4 ст. 159 и п. «б» ч. 3 ст. 174.1 УК РФ, в связи с тем, что К. организовал КПКГ «А.» и ООО «Л.» в целях привлечения денежных средств граждан по договорам займов и обещал выплачивать от 20% до 40% от суммы вклада. Однако договорные обязательства со стороны осужденного не исполнялись.

В рамках уголовного дела более 30 потерпевших заявили иски о взыскании ущерба с К. При этом судами первой, апелляционной и кассационной инстанций указано, что в порядке гражданского судопроизводства этими же лицами предъявлялись иски к ООО «Л.» о взыскании денежных средств в связи с неисполнением договоров, и посчитав иски аналогичными по предмету и основаниям, в рамках рассмотрения уголовного дела отказано в их удовлетворении.

Признав такой отказ необоснованным, заместитель Генерального прокурора РФ обратился в Верховный Суд РФ с представлением, в котором указал, что обозначенные иски не являются тождественными, так как основанием для их направления в порядке ст. 44 УПК РФ являлось совершение преступления К. Юридические лица были созданы исключительно для осуществления преступных действий.

В итоге определением Верховного Суда РФ отменены обжалуемые судебные акты в части прекращения производства по гражданским искам потерпевших о взыскании материального ущерба.

В этой связи считаю необходимым расширять рамки использования такого механизма как разрешение гражданско-правового спора в процессе рассмотрения судом уголовного дела.

Заслуживает внимание позиция Бокова Д.К., согласно которой предлагается предоставить право прокурору предъявлять гражданский иск в рамках уголовного дела, в случае невозможности установления конкретного потерпевшего [8. С. 67.].

Аналогичным образом видится возможность подачи прокурором иска в защиту группы лиц, когда такой иск приобретает публичный интерес вследствие нарушения тождественных индивидуальных прав, объединенных одним преступлением. Это особенно важно в ситуациях, когда отдельные лица не имеют возможности, ресурсов или даже желания для защиты своих прав индивидуально.

Например, это касается уголовных дел о преступлениях в сфере жилищно-коммунального хозяйства. Возникает проблема обеспечения участия потерпевших в уголовном судопроизводстве, когда лица, которым преступлением причинен имущественный вред, не соглашаются с приобретением статуса потерпевших по делу, а в будущем гражданских истцов, в силу малозначительного ущерба.

При этом жилищно-коммунальное хозяйство и топливно-энергетический комплекс одни из самых криминогенных отраслей экономики, напрямую затрагивающие интересы абсолютно всех жителей страны. В управляющие компании и коммунальные службы поступает немалый объем денежных средств от граждан, поскольку данные платежи вносятся не добровольно, а на основании обязанности, установленной законодателем.

Преступность в указанном секторе имеет безусловную социальную составляющую, так как любое хищение имущества и денежных средств в последующем списывается на затраты коммунальных компаний, что приводит к повышению платы за коммунальные услуги. Установить всесторонний контроль за расходованием такого большого денежного потока невозможно, чем пользуются недобросовестные лица, осуществляющие деятельность в сфере ЖКХ.

Именно при подаче гражданского иска прокурора по вышеуказанным категориям дел ярко демонстрирует реализацию защиты публичных интересов государства и общества. В связи с чем считаем справедливым утверждение Х.М. Лукожева о том, что «Прокурор отстаивает публичный интерес даже в случае поддержания гражданского иска. Поскольку гражданский истец всегда отстаивает свой частный (личный) интерес, тогда как прокурор отстаивает интерес государственный, выражающийся в восстановлении прав граждан и юридических лиц, пострадавших от преступления, и тем самым содействует в обеспечении правосудия» [9. С. 289–295].

Как верно указывает Камчатов К.В., при наличии сведений о причинении вреда множеству потерпевших лиц возможна защита их имущественных прав посредством консолидации (аккумулирования) исковых требований через призму публич-

ного интереса, когда существует общее основание [10. С. 211–218].

Следует отметить, что порядок подачи коллективного иска, посредством публичного представительства прокурором группы гражданских истцов не только поспособствует продуктивному использованию процессуального времени, но и позволит повысить эффективной борьбы с преступностью и обеспечения безопасности общества. Ведь непредъявление в рамках уголовного дела десятка или сотни гражданских исков с незначительным ущербом не пресекает длящееся преступление и способствует дальнейшему злоупотреблению правами законопослушных граждан со стороны недобросовестных сотрудников управляющих и ресурсоснабжающих организаций.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 22.04.2024) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (часть I). Ст. 4921.
2. Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства: Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 30.06.2021 г. № 376 (ред. от 13.12.2023) // https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?BASENODE=1–1&req=doc&cacheid=7452EB4BF7897607D965778E408B68FC&mode=-searchcard&rnd=ovT-1pA&base=LAW&n=464842#Hs8QbGU208WrM5UU
3. Уголовное дело 22–12/2022 (22–7673/2021 // https://www.sudrf.ru
4. О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13.10.2020 г. № 23 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2020. № 12. декабрь.
5. Кассационное определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 08.08.2023 г. по делу № 77–1374/2023 // https://www.sudrf.ru
6. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27 ноября 2019 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2020. № 4. Апрель.
7. Семенцов В.А. Моральный вред и его компенсация в отечественном уголовном судопроизводстве //Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2021. № 1. С. 80–86.
8. Боков, Д.К. Дискуссионные вопросы предъявления прокурором гражданского иска в уголовном процессе в защиту интересов государства / Д.К. Боков // Вопросы российского и международного права. 2011. № 1. С. 67
9. Лукожев Х.М. Процессуальный интерес прокурора, участвующего в качестве государственного обвинителя в суде.// Актуальный проблемы Российского права .2010. № 1. С. 289–295.
10. Наука на службе Закону (к 60-летию НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации): сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (г. Москва, 30 мая 2023 г.) / под общ. ред. И.М. Мацкевича; [под науч. ред. А.Ю. Винокурова; сост. К.И. Амирбеков К.И., А.С. Семенов и др.]; Университет прокуратуры Российской Федерации. М., 2023. С. 211–218.

PRESENTATION OF CIVIL LAWSUITS BY PROSECUTORS IN CRIMINAL PROCEEDINGS: PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE

Bagramyan V.V.
Kuban State University

The article analyzes the practice of filing civil lawsuits by prosecutors in accordance with the procedure provided for in Part 3 of Article 44 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. Both positive examples and omissions on the part of the prosecutor's office when filing civil lawsuits are considered. It is noted that problematic issues in this area should be discussed at meetings of coordination meetings of heads of law enforcement agencies, following which decisions are made aimed at improving the effectiveness of joint actions of the prosecutor's office and other law enforcement agencies. In the case of claims for damages to the state, as a rule, they relate to environmental, tax, corruption crimes, as well as embezzlement of budget funds during the execution of state and municipal contracts. It seems necessary to expand the scope of using such a mechanism as the resolution of a civil dispute in the process of consideration by the court of a criminal case. It is concluded that the mechanism of filing a class action, through public representation by the prosecutor of a group of civil plaintiffs, will not only contribute to the productive use of procedural time, but also will increase the effective fight against crime and ensure the safety of society.

Keywords: criminal proceedings, civil action, civil plaintiff, prosecutor, judicial proceedings, damages, judicial practice.

References

1. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation No. 174-FZ of December 18, 2001 (as amended on 04/22/2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52 (Part I). Article 4921.
2. On the participation of prosecutors in the judicial stages of criminal proceedings: Order of the Prosecutor General of the Russian Federation No. 376 dated 30.06.2021 (as amended on 12/13/2023) // https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi? BASENODE=1–1&req=doc&cacheid=7452EB4BF7897607D965778E408B68FC&mode=searchcard&rnd=ovT-1pA&base=LAW&n=464842#Hs8QbGU208WrM5UU
3. Criminal case 22–12/2022 (22–7673/2021 // https://www.sudrf.ru
4. On the practice of consideration by courts of a civil claim in a criminal case: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 13.10.2020 No. 23 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2020. No. 12. December.
5. Cassation ruling of the Ninth Cassation Court of General Jurisdiction dated 08.08.2023 in case No. 77–1374/2023 // https://www.sudrf.ru
6. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 3 (2019) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on November 27, 2019) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2020. No. 4. April.
7. Sementsov V.A. Moral harm and its compensation in domestic criminal proceedings //Legal Bulletin of the Kuban State University. 2021. No. 1. pp. 80–86.
8. Bokov, D.K. Debatable issues of the prosecutor's presentation of a civil claim in criminal proceedings in defense of the interests of the state / D.K. Bokov // Issues of Russian and international law. 2011. No. 1. p. 67

9. Lukozhev H.M. The procedural interest of a prosecutor participating as a public prosecutor in court // Actual problems of Russian law .2010. No. 1. pp. 289–295.
10. Science in the service of the Law (to the 60th anniversary of the Research Institute of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation): collection of materials of the International Scientific and Practical Conference (Moscow, May 30, 2023) / under the general editorship of I.M. Matskevich; [under the scientific editorship of A. Yu. Vinokurov; comp. K.I. Amirbekov K.I., A.S. Semenov, etc.]; University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. M., 2023. pp. 211–218.

Современные возможности раскрытия и расследования преступлений по электронным следам

Бордакова Анна Геннадьевна,
к.ю.н., доцент кафедры ОБЭП, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Самарский государственный экономический университет»
E-mail: ansan12263@mail.ru

Киселёва Екатерина Александровна,
студент, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Самарский государственный экономический университет»
E-mail: eakiselyova72@gmail.com

Исследование посвящено теме обнаружения электронных следов и их использования для раскрытия преступлений. В работе подчеркнута актуальность и важность постоянного улучшения имеющихся средств и инструментов для успешной борьбы с киберпреступностью, которая всё больше принимает различные вариации форм.
Особое внимание авторами статьи уделено рассмотрению технологических средств расследования, в частности, проведён анализ эффективности применяемых методов и инструментов, а также выявлены перспективные направления развития данной сферы. Для достижения цели исследования изучены нормативно-правовые акты и источники доктринальной научно-исследовательской литературы, включая правоприменительную практику в виде материалов реальных судебных процессов.
По результатам выполненного исследования сформулированы выводы об основных возможностях использования электронных следов при раскрытии и расследовании преступлений и были отчерчены проблемы и ограничения применения данных методов. Авторы статьи особо акцентировали внимание на нынешних тенденциях в этой области развития, выделив самый популярный тренд – применение технологии ИИ (искусственного интеллекта), позволяющий повысить и квалификацию специалистов, и качество выполняемой работы.
Тем самым, проведенное исследование подтверждает востребованность и актуальность поднятой в статье темы. Освещение основных аспектов цифрового расследования за счет внедрения особого программного обеспечения, уже активно используется правоохранительными органами для целей извлечения необходимой информации. Работа будет полезна желающим получить дополнительные сведения при изучении правовых дисциплин в сфере юриспруденции

Ключевые слова: электронные следы, киберпреступность, раскрытие преступлений, расследование, цифровые технологии, искусственный интеллект.

В XXI веке все большую популярность набирают правонарушения, содержание которых включает факты использования цифровых технологий. С развитием научно-технического прогресса электронные устройства, Интернет и прочие коммуникационные средства или каналы накапливают собственное значение для современного общества. Мы применяем их в процессе общения, работы, получения образования и с развлекательной целью. Однако, несмотря на преимущества цифровых технологий, зачастую компьютеры и смартфоны играют роль инструментов мошенничества, кражи персональных данных либо кибербуллинга.

Так в 2023 году, согласно статистическим данным Министерства внутренних дел, был зафиксирован рекордный показатель по числу IT-преступлений в количестве больше полумиллиона (677 тысяч) зарегистрированных случаев с удельным весом, равным одной трети по отношению ко всей совокупности правонарушений, совершенных в Российской Федерации[9]. Тем самым, необходимо отметить о темпах роста на 3,3 процентных пункта данного сектора преступлений по отношению к другим.

Во многом, современные преступления характеризуются присутствием цифровых средств и инструментов, позволяющих применять их для увеличения «эффективности» совершаемых правонарушителем противоправных деяний. Современные информационно- коммуникационные технологии (далее – ИКТ) применяются как во благо всего человечества, так и отдельных его личностей, которые имеют личный меркантильный, корыстный умысел для приобретения материального блага и повышения своего личного благосостояния.

Тем самым, необходимо отметить тенденцию роста цифровой преступности в той же мере, что и рост технического прогресса в обществе.

Однако хотелось бы отметить, что уровень раскрываемости таких преступлений всё же повышается и на конец отчетного периода (за 2023год) он принял значение роста на 23% по сравнению с предыдущим периодом[8]. Динамика увеличения доли раскрываемости преступлений обусловлена тем, что цифровые технологии могут быть применимы везде и всеми, и, тем самым, ИКТ не только предлагают широкое разнообразие способов реализации того или иного киберпреступления, но и являются кладезем, т.е. неисчерпаемым источником информации для оперативно – розыскной деятельности оперуполномоченных, дознавателей и следователей в приобщении «электронных следов» преступного деяния лиц, преступивших закон,

к материалам уголовного дела. Порой, именно они выступают ключевыми зацепками при расследовании и дальнейшем раскрытии криминальных случаев в сфере интернет-мошенничества.

В настоящей статье к понятию «электронного следа» авторы оппонируют не раз. Однако, не каждый знаком с его определением. В обыденной среде людей чаще на слуху такое выражение как «цифровой след», которое указывает на наличие личных, профессиональных данных, размещенных когда-то в глобальной сети Интернет либо на локальных цифровых устройствах, благополучно забытых и потерянных в сознании индивида. Слово «цифровой» является более современным и чаще употребляемым в речи по сравнению со словом «электронный», поэтому он более «модный, брендовый, хитовый», но по своим сущностным, онтологическим свойствам он скуднее, т.к. понятие «электронный» охватывает и цифровой, и нейронный и машинный аналоговый след.

Прежде чем перейти к главным функциям электронных следов, рассмотрим, какие формы они принимают. Во-первых, сам термин «электронный след» в юридической практике был упомянут в 1984 году в Соединенных Штатах Америки. Тогда активно велось расследование дела о похищении и убийстве мальчика Эрика Майлза, которое не имело большой огласки и резонанса в прессе. Суть уголовного дела заключалась в периодически совершаемых преступником звонков родителям ребенка с телефона-автомата, расположенного рядом с местом происшествия преступления, и требовал выкуп. Полиция действовала осторожно и создала запрос на распечатку всех соединений через аппарат. В конце концов, они вышли на нескольких подозреваемых и, соответственного, виновника. По результатам вынесенного решения суда в профессиональной среде экспертов преимущественно закрепился слэнг «электронный след», указывающий на наличие доказательств, взятых из данных компьютера, из его оперативной памяти.

Во-вторых, электронный след в криминалистике приобрел материальный характер. В отличие от идеального, субъективного, возникающего в сознании людей (свидетелей), подобными следами считаются отпечатки на цифровых носителях[4. С 65–69], как проявление объективного, статусного состояния вещей. К ним относятся информация о посещениях сайта или веб-страницы, пароли, логины, переписки в сетях и мессенджерах, пленка видеокамер и даже операции с банковскими картами. Перечисленные виды электронных следов, добытые с помощью оперативно-розыскных мероприятий ценны тем, что позволяют изобличить преступника и доказать его вину, так как облегчают идентификацию его личности. База данных позволяет открыть доступ к аккаунтам подозреваемого или изучить историю браузера для изучения мотивов.

Хоть раскрытие преступлений по электронным следам и кажется простым, природа такой процедуры имеет комплексную структуру. При корректном изъятии виртуальных следов с компьютерных запоминающих устройств они превращаются в элемент, позволяющий собрать доказательственную базу, необходимую в судебном процессе для подтверждения вины того или иного лица.

К сожалению, реальность такова, что профессионалов в области программирования и добывания информации из сети Интернет и иных цифровых источников желающих работать в правоохранительных органах, весьма ограничено, а методика расследования не регламентирована четкими нормативными актами.

Современные научные исследования в этой области уголовного процесса и криминалистики указывают на слабость и отсутствие надежности законодательного регулирования процессуального алгоритма фиксации следов, оставленных после киберпреступления. То есть, наблюдаются заметные пробелы в нынешней правовой системе. Обратим внимание на один из них. Так в статье 164.1 УПК РФ в рамках следственного делопроизводства предусмотрена конфискация информационных источников у подозреваемых [2]. Процедура изъятия осуществляется привлекаемым специалистом, копирующим данные. Данный специалист должен обладать рядом профессиональных компетенций в сфере цифровых технологий. С точки зрения Колиева В.В. законодательные требования слишком размыты и расширены, т.к. данная формулировка охватывает крупную область, в то время как рациональнее привлечь уполномоченного эксперта с уникальными навыками по конкретному профилю и умениями [6. С. 196–199].

Помимо кадрового дефицита, проблемой раскрытия и расследования преступлений по электронным следам признается и слабое техническое оснащение в отсутствии современных, прогрессирующих технологических инноваций и тенденций в данной области развития.

Необходимость его совершенствования и достижения достойного качественного уровня актуальна и по сей день. Даже в условиях цифровизации подавляющего большинства сторон общественной жизни система криминалистического учета в киберпространстве не соответствует текущим тенденциям и требует серьезной модернизации. Эта проблема возникла задолго до пандемии COVID-19, которая в свою очередь во многом расширила простор для совершения IT-преступлений, за счёт увеличившегося перехода деятельности людей на дистанционный формат экономической активности.

Во многом эта проблема выражается в отсутствии централизованного финансирования для закупки современного оборудования и разработки востребованных ПО и иных сквозных технологий, позволяющих развивать сферу выявления и раскрытия преступлений в области IT. Современная ситуация правоохранительных структур с финансированием каждого органа в отдельности затрудняется тем, что бюджеты в этих органах не позволяют финансировать создание наукоёмких, техни-

чески сложных в плане материальных затрат технологий для успешного внедрения в работу следственных органов. Необходимо совместная программа софинансирования правоохранительных органов (прокуратуры, следственного комитета, ФСБ и МВД и др.) на обеспечение единой цели инновационного развития базы данных, её технического оснащения и поддержания её в рабочем состоянии (на порядок внесения новых данных и обновления её ПО).

Совместные усилия правоохранительных структур и единая база данных позволит повысить раскрываемость преступлений, усовершенствовать современные ИКТ в сфере осуществления предварительного расследования по уголовным делам, напрямую это касается криминалистической техники, включающей теоретические и практические положения по сбору и исследованию доказательств. Доктор юридических наук, профессор Е.Р. Росинская, соавтор эпохального учебника «Криминалистика» [10. С. 325–330] указывает название этой ветви криминалистики в широком смысле и настаивает на изменении наименования. Возможно, подобные преобразования слишком кардинальны. Целесообразнее дополнить раздел пунктом «Криминалистическое исследование компьютерных средств и систем» для анализа электронных следов на ПК, серверах, мобильных устройствах и т.п.

Применение многопрофильности в правоохранительных структурах, в том числе сосредоточение на повышении квалификации работников информационной отрасли и гарантированности их законной деятельности конкретизированными теоретическими положениями в НПА, в первую очередь, закрывает вопрос, неоднократно поднимаемый отечественными правовыми экспертами насчет статьи 164.1 УПК РФ (кейс охарактеризован выше). А во – вторых, ситуация в интернет-пространстве России, не имея жестко регламентированного мониторинга и правового контроля заставляет отдельные правоохранительные органы осуществлять хоть какие-то действия на пресечение, выявление и раскрытие преступных деяний. Так, например в органах прокуратуры учрежден департамент по обнаружению «зараженного» программного обеспечения.

В ходе отбора источников для написания данной научной статьи проанализированы проблемы раскрытия и расследований преступлений по электронным следам, подчеркнутые разными авторами. Благодаря полноценности их трудов и конкретизации обоснований, можно сформулировать недостатки изученного института, пока находящегося на стадии полноценного формирования. Несмотря на их маленькое значение, меры по предотвращению потенциального негативного влияния лучше принимать сейчас.

Так, шифрование данных бесспорно охватывает все большие и большие масштабы с каждым годом. Из-за непрерывной обработки невероятных информационных объем возникает потребность в ее кодификации. Такое «сжатие» данных не играет на руку государственным структурам, занимающимся расследованием преступлений кибермошенничества, поскольку на начальных этапах процесса доступ к зашифрованной информации бывает затруднен, что выливается в необходимость проведения дополнительных процедур по ее декодификации, временные и денежные затраты.

К тому же, согласно Григорьеву А.Н. и Мешкову А.Н., более 82% процентов россиян ежедневно подключаются к сети Интернет [5. С. 256–264] Колоссальное количество пользователей локальных соединений, многотерабайтный обмен информацией и нескончаемый поток общения через глобальную сеть Интернет, затрудняет поиск правоохранительных структур конкретной личности, попытку обнаружить её идентификационные, отличительные признаки через выборку этого колоссального информационного обмена, её геолокацию и соответственно местопребывание на данный момент, к тому же существует конституционное правомочие личности о неприкосновенности как её самой, так и её жилища. Дело в том, что тайна переписки и неприкосновенность личной жизни закрепляются Конституцией РФ за человеком даже при его участии в судебном процессе как подозреваемого. Отсюда появляются определенные противоречия и затруднения в законности применяемых правоохранительными органами средств и инструментов при расследовании преступлений.

Авторы статьи предприняли попытку рассмотреть современные возможности раскрытия, а также и расследования преступлений по электронным следам. Для реализации указанной цели определена правовая природа электронных следов, рассмотрено их криминалистическое значение, сформулированы актуальные проблемы и меры по совершенствованию механизма расследования.

В целом, употребляя определение электронный след либо цифровой, либо электронно-цифровой след как источник доказательств совершения преступного деяния необходимо сказать о стремительном прорыве технического прогресса (буквально несколько десятков лет), позволяющего использовать ЭВМ, ИКТ и иные электронно-автоматические, нейронные и квантовые устройства на благо общества в области выявления и расследования преступлений. Современный инструментарий раскрытия и расследования преступлений по электронным следам, включает в себя такие действия как: вычисление айпи-адреса преступника, специальные антишпионские программы, средства фиксации, современные цифровые технологии. Во многом наступающая эра электронных машин начинает диктовать свои правила и это порой лишь осложняет и тормозит правоохранительную деятельность. При этом достигнутый уровень развития сферы применения цифровой криминалистики допускает обеспечение в раскрытии, а также и расследовании особо сложных преступлений, которые ранее справедливо считались латентными. Следственные органы и иные правоохранительные структуры в первую очередь должны осуществлять охрану права,

соблюдая законность и правопорядок в своей профессиональной деятельности принимать вызовы современности и служить на благо общества и государства. Следовательно, в настоящий момент правовая политика государства во многом должна быть направлена предпочтительно на адаптацию и конкретизацию законодательства [3] как наказывающего за IT-преступления, так и формирующего нравственно-этические требования к общественным отношениям, позволяющим формировать дисциплину и этикет в области развития электронно-цифровой деятельности человечества.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации: [сайт]. – URL http://pravo.gov.ru/ (дата обращения 13.05.2024)
2. Уголовно-процессуальный Кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации: [сайт]. – URL http://pravo.gov.ru/ (дата обращения 13.05.2024)
3. Указ Президента РФ от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»// Доступ из СПС КонсультантПлюс// www.consultant (дата обращения 23.05.2024).
4. Агибалов, В.Ю. Виртуальные следы в криминалистике и уголовном процессе. М., 2012. 148 с. (дата обращения: 13.05.2024)
5. Григорьев А. Н., Мешков В.М. Некоторые аспекты формирования научных основ расследования преступлений, сопряженных с использованием средств компьютерной техники // Библиотека криминалиста. – 2023. – № 5. – С. 256–264.
6. Колиев, В.В. Современные возможности раскрытия и расследования преступлений по электронным следам // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 4 (220). – С. 196–199. (дата обращения: 13.05.2024)
7. Компьютерная криминалистика. М.: Юридический Мир, 2007. Федотов, Н.Н. Форензика,432//https://www.proexpertizu.ru/bibliography/criminalistics/239/.(дата обращения: 13.05.2024)
8. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2023 года.// Электронный доступ. URL: https://cdn1.tenchat.ru/static/vbc-gostinder/2023–09–25/ba13114d-99bb-4797–8988–7f2d45ac0340.pdf. (дата обращения 23.05.2024).
9. МВД РФ: в 2023 году в стране зарегистрировано рекордное количество IT-преступлений // Хабр: [сайт]. URL: https://habr.com/ru/news/796013/ (дата обращения 23.05.2024).
10. 10.Нестеров, А.В. Следы-отображения в условиях цифровой трансформации/ Сборник материалов конференции «Развитие криминалистики и судебной экспертизы в трудах профессора Е.Р. Россинской»//Издательство Общество с ограниченной ответственностью «Проспект».2020 С. 325–330 https://repository.rudn.ru/ru/records/article/record/69948/ (дата обращения: 13.05.2024)
11. Председатель СК России провел рабочую встречу с заведующей кафедрой судебных экспертиз МГЮА имени О.Е. Кутафина Еленой Россинской // Электронный доступ. URL: https://sledcom.ru/press/events/item/1422292/ (дата обращения: 02.04.2021). В МВД России будут созданы новые подразделения по борьбе с преступностью в сфере высоких технологий // Электронный доступ. URL: https://xn – b1aew. xn – p1ai/news/item/18809813 (дата обращения: 02.04.2024).
12. Русскевич Е.А. Разъяснения Пленума ВС РФ о квалификации мошенничества в сфере компьютерной информации // Уголовный процесс. 2018. № 2. С. 63–69.
13. Сетевая компьютерная преступность: теория и практика борьбы. Омск: Омская акад. МВД России, 2009. Осипенко, А.Л. С. 11.
14. Собирание доказательств в виде сведений на электронных носителях в уголовном судопроизводстве России: необходимо совершенствование процессуальной формы, Труды Академии МВД России. 2018. № 3 (47), Гаврилин Ю.В., Победкин А.В. С. 106–114.

MODERN POSSIBILITIES OF SOLVING AND INVESTIGATING CRIMES BY ELECTRONIC TRACES

Bordakova A.G., Kiseleva E.A.
Samara State University of Economics

The study is devoted to the topic of detecting electronic traces and their use for solving crimes. The paper emphasizes the relevance and importance of continuous improvement of the available means and tools for the successful fight against cybercrime, which increasingly takes on various forms of crime.

Particular attention is paid to the consideration of technological means of investigation, in particular, the analysis of the effectiveness of the methods and tools used, as well as the identification of promising directions for the development of this area. To achieve the goal of the study, the author studies the normative legal acts and sources of doctrinal research literature, including law enforcement practice in the form of materials of real trials.

Based on the results of the study, conclusions are formulated about the main possibilities of using electronic traces in the detection and investigation of crimes, and the problems and limitations of the use of these methods are outlined. The authors of the article focused on the current trends in this area of development, highlighting the most popular trend – the use of AI (artificial intelligence) technology, which makes it possible to improve both the qualifications of specialists and the quality of work performed.

Thus, the study confirms the relevance and relevance of the topic raised in the article. Coverage of the main aspects of digital investigation through the introduction of special software is already actively used by law enforcement agencies to extract the necessary information. The work will be useful for those who want to get additional information when studying legal disciplines in the field of jurisprudence.

Keywords: electronic traces, cybercrime, crime detection, investigation, digital technologies, artificial intelligence.

References

1. Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii" ot 13.06.1996 No 63-FZ (red. ot 06.04.2024) // Ofitsial'nyi internet-portal pravo-

vogo informatsii: [site]. – URL http://pravo.gov.ru/ (accessed 13.05.2024)
2. Ugolovno-protsessual'nyy Kodeks Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon ot 18.12.2001 No 174-FZ // Ofitsial'nyi internet-portal pravovogo informatsii: [site]. – URL http://pravo.gov.ru/ (accessed 13.05.2024)
3. Decree of the President of the Russian Federation of 28.02.2024 No 145 "On the Strategy of Scientific and Technological Development of the Russian Federation"// Access from ATP ConsultantPlus// www.consultant (accessed 23.05.2024).
4. Agibalov, V.Y. Virtual traces in criminalistics and criminal process. Moscow, 2012. 148 p. (accessed: 13.05.2024)
5. Grigoriev A. N., Meshkov V.M. Nekotoryye aspekty formirovaniya nauchnykh osnov rassledovaniia prestupleniya, svyazhayushchennykh s ispol'zovaniya sredstva komp'yuternoy tekhniki [Some aspects of the formation of scientific foundations of crime investigation, conjugated with the use of computer technology]. – 2023. – № 5. – P. 256–264.
6. Koliev, V.V. Sovremennye vozmozhnosti raskrytiya i rassledovaniia prestupleniya po elektronnym sledam [Modern possibilities of disclosure and investigation of crimes based on electronic traces]. – 2023. – № 4 (220). – S. 196–199. (accessed: 13.05.2024)
7. Computer forensics. Moscow: Yuridicheskaya mir, 2007. Fedotov, N.N. Forensika,432//https://www.proexpertizu.ru/bibliography/criminalistics/239/.(date of access: 13.05.2024)
8. Brief characteristics of the state of crime in the Russian Federation for January – December 2023. URL: https://cdn1.tenchat.ru/static/vbc-gostinder/2023–09–25/ba13114d-99bb-4797–8988–7f2d45ac0340.pdf. (accessed 23.05.2024).
9. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: in 2023 a record number of IT crimes was registered in the country // Habr: [site]. URL: https://habr.com/ru/news/796013/ (accessed 23.05.2024).
10. Nesterov, A.V. Traces-Reflections in the Context of Digital Transformation/ Collection of Materials of the Conference "Development of Criminalistics and Forensic Expertise in the Works of Professor E.R. Rossinskaya" // Publishing House Limited Liability Company "Prospekt".2020 P. 325–330 https://repository.rudn.ru/ru/records/article/record/69948/ (date of access: 13.05.2024)
11. The Chairman of the Investigative Committee of Russia held a working meeting with Elena Rossinskaya, Head of the Department of Forensic Examinations of the Kutafin Moscow State Law Academy. Available at: https://sledcom.ru/press/events/item/1422292/ (accessed: 02.04.2021). The Ministry of Internal Affairs of Russia will create new units to combat crime in the field of high technologies // Electronic access. URL: https://xn – b1aew. xn – p1ai/news/item/18809813 (accessed: 02.04.2024).
12. Russkevich E.A. Explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on the qualification of fraud in the field of computer information. 2018. № 2. Pp. 63–69.
13. Network Computer Crime: Theory and Practice of Struggle. Omsk: Omskaya akad. MVD Rossii, 2009. Osipenko, A.L. P. 11.
14. Collection of evidence in the form of information on electronic media in criminal proceedings in Russia: it is necessary to improve the procedural form, Proceedings of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No3 (47), Gavrilin Y.V., Pobedkin A.V. P. 106–114.

Реализация концепции «юридического дизайна» в уголовно-процессуальной сфере

Волохова Ольга Викторовна,
канд. юр. наук, доц. кафедры криминалистики, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: olga1416@yandex.ru

На сегодняшний день невозможно представить себе эффективную деятельность в любой области без использования передовых достижений науки. В современном правовом сообществе, учитывая новейшие технологии, все больше внимания уделяется форме юридических документов, а не только их содержанию. Появление концепции Legal design, юридического дизайна, свидетельствует о стремлении юристов создавать более доступные и понятные юридические документы для обычных граждан. Однако эта идея пока не нашла достойного применений в уголовно-процессуальной сфере и следственной деятельности. В данной статье будет рассмотрено, как можно использовать юридический дизайн для более эффективного составления процессуальных документов следователя, улучшения процесса расследования преступлений и повышения качества работы следственных органов. Делается вывод, что Legal design может быть востребован в процессе сбора и анализа доказательств. Он может значительно упростить и ускорить процесс обработки и визуализации данных, а также помочь выявить связи и модели, которые могут оказаться важными для расследования.

Ключевые слова: следственная деятельность, Legal design, юридические технологии, Legal Tech, процессуальные документы следователя, юридический дизайн, информационные технологии, дизайн-мышление, предварительное расследование.

В наше время невозможно представить себе эффективную деятельность в любой области без использования передовых технологий. Они созданы для упрощения задач и для более глубокого понимания их сути. Не стала исключением и сфера юридической деятельности. Одним из важных и актуальных направлений в этой области является Legal Tech (юридические технологии). Это инновационное направление можно определить как сектор, который предлагает современные решения для правовой сферы, объединяя в себе юридические аспекты и передовые технологии. Эти инструменты помогают юристам автоматизировать поставленные задачи, упрощают составление документации, анализ правовой информации, а также обеспечивают более эффективное информационное обеспечение для работы со сложными юридическими вопросами.

Legal Tech довольно объемное понятие, включающее в себя множество сегментов, использующихся в различных отраслях деятельности и направленных на автоматизацию и оптимизацию юридических процессов. Например, к числу таких сегментов можно отнести:

1. Электронный документооборот: использование электронных подписей, электронных документов и систем электронного хранения для облегчения и ускорения процессов оформления, обработки документов и их пересылки (Naumen Service Desk, F.Doc, Битрикс24 и др.).

2. Юридические информационные системы: предоставляют доступ к базам данных с правовой информацией, такой как законы, судебная практика, более ранние решения судов. Это помогает юристам проводить исследования и выносить обоснованные решения на основе обширной информации («Консультант Плюс», «Гарант», «Кодекс», «Эталон», «Юридический мир», «Ваше право» и др.).

3. Виртуальные ассистенты и боты: помогают юристам и клиентам получать быстрый и точный ответ на юридические вопросы, а также помогают в проведении первоначального анализа и подготовке документов (Cognition IP, Casetext).

4. Автоматизация юридических процессов: использование программного обеспечения для автоматизации рутинных задач, таких как составление договоров, управление сроками и контроль исполнения обязательств (New Era ADR, Ontra).

В частности, New Era ADR со штаб-квартирой в Чикаго является первой полностью виртуальной платформой для посредничества и арбитража, которая разрешает юридические споры менее чем

за 100 дней, экономит время и расходы компаний и частных лиц.

Ontra – мировой лидер в области автоматизации контрактов и аналитики. Платформа Ontra, как считается, сочетает в себе лучшее из искусственного интеллекта и программного обеспечения с глобальной сетью талантливых юристов, предлагая комплексное и масштабируемое решение для повторяющихся юридических процессов, таких как обработка рутинных контрактов и отслеживание обязательств в сложных соглашениях. Ontra предоставляет специализированные инструменты для управления контрактами и данными, позволяющие легко управлять обязательствами, отвечать на ключевые вопросы и анализировать тенденции и контрольные показатели [1].

Эти компании предлагают инновационные решения и технологии, которые помогают юристам и организациям более эффективно выполнять свою работу.

Однако, в основном данные платформы являются иностранными, англоязычными, платными, причем в иностранной валюте, что в настоящее время делает практически невозможным их использование. Одним из исключений является, например, Doczilla AI, созданная для упрощения и оптимизации некоторых процессов работы с юридической документацией. Сервис способен не только создавать сопроводительные документы, но и генерировать дополнительные соглашения, улучшать тексты и формулировки, давать ответы на юридическую переписку, достаточно профессионально править договоры [2].

Трудности создания и использования инновационных юридических платформ также связаны и с языком правового применения. И здесь для сравнения можно привести разницу между русским и английским языком. В английском языке слова всегда следуют строгому порядку, что обеспечивает логическую связь в тексте, в то время как в русском языке структура предложения формируется за счет использования приставок, суффиксов и других морфологических элементов. Английский язык требует наличия подлежащего и сказуемого в каждом предложении, в то время как русский язык позволяет опускать не только ключевые элементы предложения, но и слова, смысл которых явно подразумевается. Каждый из этих языков обладает уникальной структурой, отражающей их специфику и особенности передачи информации. Например, один подозреваемый ударил потерпевшего кулаком, а другой – ногой.

Русский язык уникален не только сам по себе, но и в профессиональной терминологии юристов. Особенно это видно в юридических текстах, в которых могут сочетаться как профессиональные термины, так и общеизвестные выражения, и словосочетания из других сфер деятельности [3].

Из этого можно сделать промежуточный вывод, что, несмотря на многие варианты инновационных технологий, на данный момент в области юриспруденции их использование возможно только в качестве технического помощника юриста для решения «стереотипных ситуаций, в которых нужно принимать типовые решения, как-то: наложение штрафов и арестов, сдача налоговых деклараций, получение различного рода справок и выписок, регистрация прав, заключение простых договоров. В этих сферах искусственный интеллект будет хорошим подспорьем. Работа юристов станет более технологичной, алгоритмы высвободят им время для глубокого анализа норм права, принятия решений об их применении. Судью, следователя или прокурора заменить алгоритмом не получится…» [4, с. 84], поскольку их работа связана не только с процессуальными документами, но и с конкретными людьми. И в некоторых случаях от их действий может даже зависеть судьба человека. Но и здесь тайм-менеджмент следователя играет не последнюю роль, а современные технологии помогут ему эффективнее проводить предварительное следствие [5, с. 58–70].

Также можно отметить, что в основном данные технологии пока применяются в гражданско-правовой сфере.

Если говорить об уголовно-процессуальной отрасли права, то здесь весьма интересен такой сегмент Legal Tech, как Legal design (юридический или правовой дизайн). В настоящее время данное направление относительно деятельности правоохранительных органов только начинает свое развитие, и появляются работы ученых-правоведов и криминалистов [6, с. 387–389].

Данное понятие можно определить, как метод составления процессуальных документов, основанный на использовании визуальных способов и принципов для улучшения процессов восприятия информации в ходе проведения следственных и судебных процедур по уголовным делам. Этот инновационный подход нацелен на повышение эффективности и понятности юридических процессов, учитывая индивидуальные потребности всех участников уголовного процесса.

Legal design в данной сфере может помочь улучшить взаимодействие между сторонами дела, оптимизировать процессы сбора и анализа доказательств, а также повысить понимание юридических процедур как для специалистов, так и для обычных граждан. Он способствует повышению эффективности работы правоохранительных органов и судебных инстанций за счет использования инновационных подходов к решению юридических задач в уголовной сфере.

В любой правовой деятельности важную роль играют разнообразные юридические документы. Адвокаты создают запросы и ходатайства, юристы в гражданском праве – заключают договоры. Данное положение также относится к уголовно-процессуальной сфере, где следователи и судьи проводят расследования уголовных дел и рассматривают их в судебных органах.

Эти юридические документы разнообразны и имеют свои уникальные особенности. Одна из главных задач следователя и судьи при работе

с ними – это осуществление правовой оценки содержания документов, определение характера отношений между участниками, выявление юридических и тактических рисков для заинтересованных сторон и разработка рекомендаций по их уменьшению или регулированию в процессе взаимодействия между участниками расследования.

При анализе внутренней структуры документов, используемых в работе следователя, можно выделить следующие категории:

Документы с конкретной заданной структурой, соответствующие точным законным требованиям и порядку (например, постановления о привлечении в качестве обвиняемого, о применении меры пресечения, о проведении обыска, протоколы опознания и т.д.).

Документы с неопределенной структурой, обычно имеющие стандартные формы, но при этом требующие некоторого творческого подхода (различные запросы и т.п.).

«Свободные» документы, не имеющие четкой формы и содержания, отличающиеся оригинальным подходом к изложению информации. Данный пункт нельзя полностью отнести к следственной деятельности, поскольку все процессуальные документы имеют ту или иную бланковую структуру.

Каждый юридический документ, создаваемый следователями в рамках уголовного процесса, содержит важную информацию, определяющую ход расследования и доказательную базу дела. Особенное внимание следователей уделяется описательной части протоколов следственных действий, которая, помимо формы и содержания, отражает уникальный стиль и профессиональный уровень их подготовки. От правильности описания места происшествия до точности фиксации показаний и результатов экспериментов – каждый документ должен передавать четкую картину происходящего, каждое действие должно быть зафиксировано аккуратно и понятно для последующих читателей, будь то следователь, коллега или судья.

Legal design становится важным инструментом помощи следователям в создании удобочитаемых и информативных процессуальных документов. В этом плане интересно обвинительное заключение.

Создание обвинительного заключения является завершающим этапом предварительного следствия, оно представляет собой важный процессуальный документ, с которым судья начинает знакомиться перед судебным разбирательством. Поэтому важно, чтобы он содержал все ключевые доказательства, не затерявшись среди излишней информации, которая может помешать правильному пониманию дела.

Следователь должен умело комбинировать факты и доказательства в обвинительном заключении, чтобы ясно передать суть обвинений и аргументы по делу, обеспечивая судейское понимание и адекватное решение. Важно не только перечислить факты, но и иллюстрировать их важность для дела, подчеркивая ключевые моменты и участников происходящего.

В статье 220 УПК РФ «Обвинительное заключение» четко перечислены его обязательные элементы. Однако, не имеется указаний относительно структуры текста и объема информации, включаемой в эти разделы обвинительного заключения. Также нет сведений об объеме информации, включаемой в эти разделы обвинительного заключения. Следователи при создании этого процессуального документа руководствуются накопленным многолетним опытом. Однако, как говорится, ничто не постоянно. Почему бы не рассмотреть возможность применения концепций Legal Design, не отходя от процессуальных норм и не отвергая сформированный опыт? Мы считаем, что визуализация содержания обвинительного заключения вполне возможна. На сегодняшний день в обвинительном заключении мы видим ограничение лишь абзацами. Однако выделение отдельных элементов этого документа, например, с использованием полужирного начертания, представляется вполне разумным. Например, блок, содержащий доказательства виновности или невиновности, информацию о личности обвиняемого, суть обвинения – все это можно выделить в тексте обвинительного заключения для более удобного восприятия сразу при судебном рассмотрении. Иногда содержание пунктов обвинительного заключения излишне объемно и содержит излишне обобщенную информацию. Здесь на помощь может прийти юридический дизайн, который не только формирует «привлекательную» структуру текста, но и «привлекательное» содержание. Например, в некоторых случаях можно исключить из текста обвинительного заключения детальное изложение протоколов допросов свидетелей или потерпевших и сосредоточиться на конкретных фактах преступления. В настоящее время многие следователи не обращают на это внимания и просто копируют содержание протоколов следственных действий в обвинительное заключение, делая его излишне громоздким и труднопонимаемым. Вместе с тем, согласимся с мнением Артема Каракасияна, что изложение обстоятельств дела в обвинительном заключении должно быть понятным судье. Именно поэтому в процессуальных документах уголовного дела преобладает канцелярский язык и спецтерминология. Таким образом, можно говорить о специфике Legal Design в уголовном процессе, которая заключается в умении следователя совмещать правила юридического дизайна с особенностями уголовно-процессуальной деятельности [7, с. 64]. Это означает, что содержание обвинительного заключения должно быть ясным, лаконичным и понятным, сочетая в себе традиционный юридический язык. Мы можем говорить здесь о создании модели данного процессуального документа, которая придает ему ощущение «живого» текста, полного оригинальности и легкости восприятия. И вообще, изучая вопросы расследования преступлений, можно констатировать, что моделирование выступает как важное и широко применяемое понятие. Однако обычно оно связано с воспроизведением след-

ственных действий и реконструкцией преступления [8, с. 51–56], чем с созданием процессуальных документов. Этот факт, по нашему мнению, оставляет некоторый пробел в работе следствия, лишая ее нужной гибкости и инновационности. Ведь исследование преступного деликта – это как рисование карты неведомых территорий, требующее не только точности и систематичности, но и оригинального творческого подхода. Как виртуозный художник, следователь должен уметь не только воссоздать действительность на бумаге, но и раскрыть новые грани, пробираясь сквозь туман деталей, чтобы сформировать полное и убедительное представление о преступлении. Именно совмещение строгой логики и креативного мышления позволяет создать подробные и эффективные процессуальные материалы, способствующие дальнейшему успешному разрешению уголовных дел.

Говоря об обвинительном заключении, нельзя не остановиться на иллюстративном его дополнении. Это может быть достигнуто путем использования графических элементов, диаграмм, инфографики и других средств визуализации данных, приложенных к обвинительному заключению. Например, вместо длинных и сложных описаний фактов, можно представить их в виде временных линий или диаграмм, что поможет в будущем сторонам процесса и судье лучше ориентироваться в хронологии событий. Кроме того, использование схем и диаграмм может помочь в визуальном представлении и понимании связей между фактами, доказательствами и аргументами, что, в свою очередь, будет способствовать лучшему пониманию логики обвинения.

Изучая вопрос Legal design в следственной деятельности, нельзя не сказать о возможных перспективах его развития. В частности, разработка понятных графических схем и инфографиков для объяснения сложных правовых концепций в процессе следствия, которые позволят сделать юридическую информацию более понятной и интуитивной для всех участников следственного процесса. Этот вопрос особенно актуален при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних независимо от их процессуального положения, поскольку в настоящее время большинство из них воспринимают информацию именно визуально, так называемое «клиповое мышление».

Также Legal design может быть востребован в процессе сбора и анализа доказательств. Использование инструментов дизайна, например, инфографики может значительно упростить и ускорить процесс обработки и визуализации данных, а также помочь выявить связи и модели, которые могут оказаться важными для расследования. При этом для того, чтобы Legal design мог полностью реализовать свой потенциал в следственной деятельности, необходимо продолжать исследования и разработки не только в техническом понимании, но и в области социально-психологические аспектов, таких как особенности восприятия и взаимодействия людей с юридической информацией. И только совместное усилие юристов, дизайнеров и ученых позволит раскрыть все возможности Legal design в следственной деятельности.

Литература

1. URL: https://builtin.com/companies/location/type/legal-tech-companies (дата обращения 20.05.2024)
2. URL: https://otzyvmarketing.ru/articles/nejroseti-dlya-yuristov/ (дата обращения 22.05.2024).
3. URL: https://habr.com/ru/articles/506086/ (дата обращения 22.05.2024).
4. Митин А. Н. О процессах внедрения в юриспруденцию новых информационных технологий // Российское право: образование, практика, наука. – 2019. – № 3 (111) – С. 84. [Электронный ресурс]. Режим доступа:// https://cyberleninka.ru/article/n/o-protsessah-vnedreniya-v-yurisprudentsiyu-novyh-informatsionnyh-tehnologiy (дата обращения: 22.05.2024).
5. Волохова О.В. Тайм-менеджмент в следственной деятельности // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2019. – № 3 (55). – С. 58–70.
6. Волохова О.В. Legal design в следственной деятельности и судебном рассмотрении уголовных дел // Право и экономика: стратегии регионального развития: сборник материалов III Вологодского регионального форума с международным участием. 2023. С. 387–389.
7. Каракасиян А. Legal design в уголовном процессе // Legal Insight. 2021. № 09 (105). С. 64. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.infralex.ru/media/news/8069f4d137c17d-1f046addd73059c5d0.pdf (дата обращения 23.05.2024)
8. Милованова М.М. К вопросу об установлении и моделировании механизма преступления / М.М. Милованова, О.Н. Васильева // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 4. Правоведение. – 2013. – № 6 (164). – С. 51–56.

IMPLEMENTATION OF THE CONCEPT OF "LEGAL DESIGN" IN THE CRIMINAL PROCEDURE SPHERE

Volokhova O.V.
Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MGUA)

Today it is impossible to imagine effective activity in any field without the use of advanced scientific achievements. In the modern legal community, taking into account the latest technologies, more and more attention is paid to the form of legal documents, and not just their content. The emergence of the concept of Legal design, legal design, indicates the desire of lawyers to create more accessible and understandable legal documents for ordinary citizens. However, this idea has not yet found worthy applications in the field of criminal procedure and investigative activities. This article will examine how legal design can be used to more effectively draft investigator procedural documents, improve the crime investigation process, and improve the quality of work of investigative authorities. It is concluded that Legal design can be in demand in the process of collecting and analyzing evidence. It can greatly simplify and speed up the process of processing and visualizing data, and can also help identify relationships and patterns that may be important to an investigation.

Keywords: investigative activity, Legal design, legal technologies, Legal Tech, procedural documents of the investigator, legal design, information technology, design thinking, preliminary investigation.

Referents

1. URL: https://builtin.com/companies/location/type/legal-tech-comp anies (access date: 05/20/2024)
2. URL: https://otzyvmarketing.ru/articles/nejroseti-dlya-yuristov / (access date: 05/22/2024).
3. URL: https://habr.com/ru/articles/506086 / (access date: 05/22/2024).
4. Mitin A.N. On the processes of introducing new information technologies into jurisprudence // Russian law: education, practice, science. – 2019. – № 3 (111) – S. 84. [Electronic resource]. Access mode:// https://cyberleninka.ru/article/n/o-protsessah-vnedreniya-v-yurisprudentsiyu-novyh-informatsionnyh-tehnologiy (access date: 05/22/2024).
5. Volokhova O.V. Time management in investigative activities // Bulletin of the O.E. Kutafin University (MGUA). – 2019. – № 3 (55). – Pp. 58–70.
6. Volokhova O.V. Legal design in investigative activities and judicial review of criminal cases // Law and economics: strategies of regional development: a collection of materials of the III Vologda Regional Forum with international participation. 2023. pp. 387–389.
7. Karakasyan A. Legal design in criminal proceedings // Legal Insight. 2021. No. 09 (105). p. 64. [Electronic resource]. Access mode: https://www.infralex.ru/media/news/8069f4d137c17d-1f046addd73059c5d0.pdf (access date: 05/23/2024)
8. Milovanova M.M. On the issue of establishing and modeling the mechanism of crime / M.M. Milovanova, O.N. Vasilyeva // Bulletin of the Yanka Kupala Grodno State University. Series 4. Jurisprudence. – 2013. – № 6 (164). – Pp. 51–56.

Соблюдение информационных прав граждан в уголовно-процессуальном законодательстве

Дунаева Марина Сергеевна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора института юстиции, Байкальский государственный университет
E-mail: DunaevaMS@bgu.ru

Цель исследования – показать значение реформирования системы уголовно-процессуальных принципов в целях более полной информационной безопасности участников уголовного судопроизводства, а также значимость интеграции информационного и уголовно-процессуального законодательства. В задачи работы входит внесение конкретных предложений по совершенствованию норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации с учетом положений Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». В исследовании использованы преимущественно методы сравнительного правоведения, контент-анализа и системного анализа. Результаты: обоснована значимость учета базовых положений информационного права и достижений научно-технического прогресса при внесении изменений в уголовно-процессуальные нормы, подготовлены предложения по изменению системы принципов уголовного судопроизводства (в частности, дополнение действующей системы принципом неприкосновенности частной жизни граждан), а также иные предложения, направленные на совершенствование уголовно-процессуального законодательства в части соблюдения информационных прав граждан.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, цифровизация, информационное право, цифровое право, принципы уголовного судопроизводства, права человека

В отечественной юридической науке отсутствует единая точка зрения по поводу того, является ли информационное право самостоятельной отраслью российского законодательства. Основная проблема, по мнению противников «независимого» информационного права, состоит в том, что предмет правового регулирования данной отрасти – правоотношения в сфере информации – достаточно «размыт» и находит свое отражение в предметах правового регулирования других отраслей права. Так называемое «цифровое право» охватывает более специфичный круг правоотношений, но и его с успехом может «поглощать» любая отрасль российской правовой системы, в которой применяется электронный документооборот, решаются вопросы защиты персональных данных и так далее.

С моей точки зрения, такое взаимное пересечение предметов правового регулирования различных отраслей законодательства не исключает самостоятельности каждой из них. Напротив, в рамках единой правовой системы государства взаимосвязь различных отраслей совершенно нормальна и способствует формированию единого правового поля и, в конечном счете, укреплению законности в стране, более быстрой и эффективной реализации правовых норм в интересах граждан и организаций. Примером может служить институт гражданского иска в уголовном деле, целями которого является процессуальная экономия и сокращение сроков судопроизводства, что, безусловно, отвечает интересам как государства, так и потерпевшей стороны (гражданского истца). Наличие «гражданско-правового элемента» в уголовном судопроизводстве способствует достижению конечной цели: защите прав и законных интересов потерпевших [8].

«Информационный» компонент, бесспорно, присутствует в любых правоотношениях. Причина очевидна: без передачи, обработки и хранения информации субъекты правоотношений не могли бы взаимодействовать друг с другом. В уголовно-процессуальном праве данный компонент имеет особое значение. Современный уголовный процесс опирается на фундаментальный принцип презумпции невиновности – каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным до тех пор, пока его вина не будет доказана. Под доказательствами ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) понимаются сведения, на основе которых субъекты уголовного процесса определяют наличие или отсутствие обстоятельств, имеющих значение для установления об-

стоятельств дела. Таким образом, уголовный процесс – это, прежде всего, *работа с информацией* (курсив мой. – М.Д.), и нет ничего удивительного в том, что принципы правового регулирования отношений в сфере информации, информационных технологий и защиты информации, закрепленные в ст. 3 Федерального закона от 2 июля 2006 г. № 149-ФЗ (далее – ФЗ «Об информации») [1], в значительной степени перекликаются с принципами и отдельными нормами УПК РФ.

Некоторые из принципов информационного права, на мой взгляд, сформулированы даже удачнее, чем нормы главы 2 УПК РФ. В частности, по аналогии с ФЗ «Об информации» полагаю целесообразным закрепить в УПК РФ в качестве самостоятельного принципа «Неприкосновенность частной жизни» – положение, предусматривающее недопустимость сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни участников уголовного судопроизводства без их согласия.

В эпоху стремительной цифровизации всех сфер человеческой деятельности защита личных и семейных тайн граждан приобретает особое значение. Частично этот вопрос решает ст. 161 УПК РФ, но, во-первых, в ней идет речь только о данных предварительного расследования, и, во-вторых, не предусмотрено, в какой форме участники процесса должны давать согласие на разглашение приватной информации. На мой взгляд, форма может быть только письменной (либо цифровой, заверенной электронной подписью), а согласие граждан на придание гласности информации частного характера должно быть приобщено к материалам уголовного дела.

Уголовно-процессуальные принципы неприкосновенности жилища, тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений – важнейшие гарантии неприкосновенности частной жизни участников уголовного судопроизводства и их близких. Надо отдать должное законодателю, в последние годы он стремится модернизировать названные выше положения УПК РФ с учетом глобальной цифровизации всех форм связи. Так, Федеральным законом № 375-ФЗ ст. 185 УПК РФ была дополнена частью седьмой, согласно которой органы предварительного расследования должны получать судебное решение для доступа к электронным сообщениям граждан [2]. К сожалению, эта новелла не способствовала появлению совершенно необходимой процедуры регламентации доступа к цифровой переписке. Практическим работникам, по сути, предлагается использовать для этого механизм, закрепленный в ст. 185 УПК РФ.

Вместе с тем, указанная статья абсолютно не адаптирована под цифровую переписку, изложенная в ней процедура подходит только для работы с корреспонденцией в учреждениях связи, а электронные сообщения обладают слишком существенной спецификой. Скорость их передачи несравнима с обычной почтой. Адресат получает электронное письмо практически мгновенно, даже если он находится на другом конце света. Электронная почта легко доступна – любой пользователь сети Интернет может бесплатно зарегистрировать и использовать один или несколько почтовых ящиков на каком-либо сервере. При наличии Интернет-соединения адресат, располагающий средством мобильной связи, имеет возможность прочитать сообщение в любом месте и в любой момент. Если письмо не подписано электронной подписью (а в частной переписке обычно фигурируют именно такие письма), то идентификация отправителя может стать проблемой.

Считаю целесообразным создание самостоятельной процессуальной нормы, регулирующей порядок следственного действия, в ходе которого изымается электронная переписка, и фиксацию его результатов. В настоящее время эти вопросы частично урегулированы ст. 164–1 УПК РФ, в которой идет речь об изъятии электронных носителей информации, но ее содержание также позволяет отметить ряд спорных моментов. Во-первых, участие специалиста, с моей точки зрения, должно быть не обязательным, а факультативным – по усмотрению следователя либо дознавателя. Далеко не всегда работа с электронными носителями требует специальных знаний, в большинстве случаев познаний рядового пользователя электронной техники достаточно и следователь способен справиться с этой задачей самостоятельно. Во-вторых, думается, что рассматриваемая процедура в обязательном порядке должна содержать видеозапись всех действий следователя, дознавателя и (или) специалиста по получению доступа, изъятию и копированию электронной информации. Кроме того, следует отметить, что изъятие электронных носителей информации все же не тождественно осмотру электронной переписки, поэтому необходима самостоятельная процессуальная норма.

Важной гарантией соблюдения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства является также достоверность информации и своевременность ее предоставления (положение, сформулированное в п. 6 ст. 3 ФЗ «Об информации»). Частично оно находит свое отражение в ч. 1 ст. 11 УПК РФ, согласно которой уполномоченные должностные лица обязаны разъяснять участникам уголовного судопроизводства их процессуальный статус. Участники уголовного процесса вправе получать копии процессуальных документов, знакомиться с их содержанием. На мой взгляд, в уголовно-процессуальном законе следует сделать акцент на своевременность предоставления сведений. Если такая информация поступает с опозданием, то это может повлечь необоснованное ограничение прав граждан, включая право обвиняемого, подозреваемого на защиту.

Наглядной иллюстрацией изложенного выступает право обвиняемого, подозреваемого на ознакомление с постановлением о назначении судебной экспертизы. УПК РФ не определяет срок, в течение которого дознаватель или следователь

должен ознакомить обвиняемого (подозреваемого) с данным процессуальным документом. В связи с этим на практике нередки случаи, когда ознакомление с постановлением происходит уже post factum – во время производства экспертизы или даже после ее окончания, одновременно с ознакомлением с экспертным заключением [9]. Очевидно, что это лишает обвиняемого возможности ходатайствовать перед следователем о замене эксперта или о постановке дополнительных вопросов.

Несмотря на правовые позиции Верховного Суда РФ [7] и Конституционного Суда РФ [6], согласно которым ознакомление участников процесса с постановлением о назначении экспертизы необходимо проводить до ее производства, суды (в том числе сам Верховный суд) не признают недопустимыми доказательствами заключения эксперта, при получении которых данный порядок нарушен [5]. Полагаю, что в УПК РФ должно быть закреплено императивное требование об ознакомлении заинтересованных участников уголовного судопроизводства с постановлением о назначении судебной экспертизы до начала ее производства.

Информированность участника уголовного судопроизводства о его правах, обязанностях и ответственности неразрывно связана с обретением данным участником соответствующего процессуального статуса. Без этого он лишен возможности защищать свои права и законные интересы в рамках уголовного дела. В действующем уголовно-процессуальном законодательстве гарантиями своевременности предоставления участникам правового статуса служат, например, норма о том, что обвинение должно быть предъявлено обвиняемому не позднее трех суток со дня вынесения соответствующего постановления (минимальный временной интервал между фактическим приобретением статуса и его разъяснением), и положение, согласно которому потерпевшим лицо признается незамедлительно после возбуждения уголовного дела [3].

Тем не менее, до сих пор существует проблема наличия участников уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом. К их числу относятся заявитель, лицо, в отношении которого проводится доследственная проверка, и некоторые другие участники процесса [10]. Необходимо отдать должное законодателю – в последние годы нормы, регламентирующие стадию возбуждения уголовного дела, были дополнены рядом положений, касающихся статуса указанных лиц. Например, лицу, в отношении которого решается вопрос о возбуждении уголовного дела, было гарантировано право на помощь адвоката [4]. Полагаю, что внесенных изменений недостаточно: в частности, заявителю в случае отказа в возбуждении уголовного дела по его заявлению следует предоставить возможность знакомиться с отказными материалами (за исключением сведений, составляющих государственную и иную охраняемую федеральным законом тайну), чтобы он при необходимости мог обосновать свою жалобу. Также считаю целесообразным закрепить статус заявителя и других участников уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом в разделе втором УПК РФ.

Одним из важнейших принципов, гарантирующих соблюдение прав и законных интересов участников процесса, не владеющих (либо недостаточно владеющих) языком уголовного судопроизводства, является «Язык уголовного судопроизводства» (ст. 18 УПК РФ). Вместе с тем принцип – это закрепленное в законе *положение* (выделено мной – М.Д.), поэтому с точки зрения юридической техники более удачной выглядит формулировка, аналогичная той, что использована в ФЗ «Об информации»: «Равноправие языков народов Российской Федерации при осуществлении уголовного судопроизводства».

Выводы

Уголовно-процессуальные отношения имеют информационную природу: это касается и доказательств, и взаимодействия между участниками правоотношений, и защиты персональных данных граждан. Одним из направлений совершенствования уголовно-процессуального законодательства должна стать интеграция уголовно-процессуального и информационного (цифрового) права, включая пересмотр системы уголовно-процессуальных принципов.

Гарантиями соблюдения информационных прав граждан в уголовном процессе являются не только принципы уголовного судопроизводства, но и отдельные нормы, конкретизирующие принципы применительно к отдельным стадиям и институтам уголовного процесса, а также наличие у лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальную деятельность, четко определенного процессуального статуса.

Процедура получения цифровой доказательственной информации должна включать как гарантии ее достоверности, так и гарантии соблюдения конституционных прав граждан в информационной сфере – прежде всего, права на неприкосновенность частной жизни.

Литература

1. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 31 июля 2006 г. – № 31 (часть I). – Ст. 3448.
2. Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности»// Собрание законодательства Российской Федерации. – 11 июля 2016 г. – № 28. – Ст. 4559.

3. Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 30 декабря 2013 г. – № 52 (часть I). – Ст. 6997.
4. Федеральный закон от 30 декабря 2015 г. № 440-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части уточнения полномочий начальника органа дознания и дознавателя» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 4 января 2016 г. № 1 (часть I). – Ст. 60.
5. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 25 октября 2007 г. № 67-О07–64СП // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – Январь, 2009 г. – № 1.
6. Определение Конституционного Суда РФ от 13 октября 2009 г. № 1161-О-О № «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Артемьева Е.В. на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 63, статьями 195 и 198 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru / document/cons_doc_LAW_93753
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» [Электронный ресурс] // URL: https://vsrf.ru/documents/own/30189
8. Зайцев О.А., Потапов В.Д. Гражданский иск как правовое средство защиты прав и законных интересов личности на современном этапе развития уголовно-процессуальных правоотношений // Мониторинг правоприменения. – № 4 (37). – 2020. – С. 33–36.
9. Масалов В.А. Ознакомление с постановлением о назначении судебной экспертизы обвиняемого // Вестник экономики, управления и права. – 2023. – Т. 16. – № 3. – С. 47–53.
10. Смолькова И.В. Участники уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом // Известия Байкальского государственного университета. – 2017. – Т. 27. – № 2. – С. 205–210.

COMPLIANCE WITH INFORMATION RIGHTS OF CITIZENS IN CRIMINAL PROCEDURAL LEGISLATION

Dunaeva M.S.
Baikal State University

The purpose of the study is to show the role of reforming the system of criminal procedural principles for the purpose of more complete information security of participants in criminal proceedings, as well as the importance of integrating information and criminal procedural legislation. The objectives of the work include making specific proposals to improve the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, taking into account the provisions of the Federal Law «On Information, Information Technologies and Information Protection». The study mainly used the methods of comparative law, content analysis and system analysis. Results: the value of taking into account the basic provisions of information law and the achievements of scientific and technological progress when making changes to criminal procedural norms has been substantiated, proposals have been prepared to change the system of principles of criminal proceedings (in particular, supplementing the current system with the principle of privacy of citizens), and also other proposals aimed at improving criminal procedural legislation in terms of compliance with the information rights of citizens.

Keywords*:* criminal procedure, digitalization, information law, digital law, privacy, criminal procedural principles, human rights.

References

1. Federal Law of July 27, 2006 No. 149-FZ “On Information, Information Technologies and Information Protection” // Collection of Legislation of the Russian Federation. – July 31, 2006 – No. 31 (Part I). – St. 3448.
2. Federal Law of July 6, 2016 No. 375-FZ “On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in terms of additional measures received to counter terrorism and ensure security” // Collection of legislation of the Russian Federation. – July 11, 2016 – No. 28. – Art. 4559.
3. Federal Law of December 28, 2013 No. 432-FZ “On introducing amendments to certain legislative acts of the Russian Federation in order to improve the rights of victims in criminal proceedings” // Collection of legislation of the Russian Federation. – December 30, 2013 – No. 52 (Part I). – Art. 6997.
4. Federal Law of December 30, 2015 No. 440-FZ “On introducing amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in terms of clarifying the powers of the head of the inquiry body and the interrogating officer” // Collection of legislation of the Russian Federation. – January 4, 2016 No. 1 (Part I). – Art. 60.
5. Determination of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 25, 2007 No. 67-O07–64SP // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – January, 2009 – No. 1.
6. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of October 13, 2009 No. 1161-O-O No. “On refusal to consider the complaint of citizen Artemyev E.V. for violation of the Constitution of his rights, part two Article 63, Articles 195 and 198 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation” [Electronic resource] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93753
7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 21, 2010 No. 28 “On forensic examination in criminal cases” [Electronic resource] // URL: https://vsrf.ru/documents/own/30189
8. Zaitsev O.A., Potapov V.D. Civil claim as a legal means of protecting the rights and legitimate interests of an individual at the present stage of development of criminal procedural legal relations // Monitoring of law enforcement. – No. 4 (37). – 2020. – P. 33–36.
9. Masalov V.A. Familiarization with the resolution on the appointment of a forensic examination of the accused // Bulletin of Economics, Management and Law. – 2023. – T. 16. – No. 3. – P. 47–53.
10. Smolkova I.V. Participants in criminal proceedings with an uncertain procedural status // News of the Baikal State University. – 2017. – T. 27. – No. 2. – P. 205–210.

Процессуальное и доказательственное значение материалов налогового контроля в делах о налоговых преступлениях

Косарева Береника Павловна,
аспирант, Кубанский государственный университет
E-mail: berenika01@yandex.ru

Динамика роста размера выявленного ущерба независимо от сокращения или увеличения числа совершаемых налоговых преступлений создает существенные бюджетные риски. Статья посвящена существующей модели взаимодействия между правоохранительными и фискальными органами, призванной повысить эффективность государственной системы в борьбе с противоправной оптимизацией налогообложения.
В статье затронуты вопросы разграничения налоговых правонарушений и преступлений, а также процессуальной роли материалов налоговой проверки в делах о налоговых преступлениях. По мнению автора, основным критерием, отграничивающим налоговое правонарушение от преступления, выступает форма вины.
Автором ставятся вопросы о соотношении норм УПК РФ и НК РФ при оценке допустимости материалов, поступивших от налогового органа, и об их доказательственном значении. На основе проведенного исследования автор приходит к выводу о вспомогательном характере материалов представленных налоговым органом и необходимости проверки содержащихся в них сведений и выводов в соответствии с требования уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, доказывание, налоговая проверка, налоговые преступления, процессуальные действия, правоохранительные органы.

Уплата законно установленных налогов является безусловной обязанностью граждан и организаций. Именно налоговые доходы бюджетной системы создают основу финансовой стабильности государства, создают условия для реализации государственных задач. Несмотря на это налоговые правонарушения и преступления выявляются контролирующими органами ежегодно. Можно предположить, что налоговые правонарушения и преступления представляют собой проявление неэффективной налоговой системы, являются следствием восприятия налогоплательщиками налогового бремени как несправедливой ноши. Не анализируя социально-экономические причины и психологические мотивы, стоит отметить, что с нарушениями налогового законодательства можно бороться только комплексно, совершенствуя налоговую систему и правоохранительные механизмы, адаптируя их к современным реалиям.

Налоговые преступления отличаются скрытым характером, при этом их общественная опасность высока. Существующая динамика роста размера выявленного ущерба независимо от сокращения или повышения количества совершенных преступлений создает бюджетные риски [1, С. 110]. Поэтому своевременное выявление и пресечение налоговых преступлений, а также профилактика их совершения имеют важное государственное значение.

С марта 2022 года в уголовно-процессуальное законодательство возвращен специальный порядок возбуждения дел о налоговых преступлениях, предусмотренных ст.ст. 198–199.2 УК РФ. Поводом для возбуждения уголовных дел данной категории являются только материалы, направленные налоговым органом в соответствии с законодательством Российской Федерации. Аналогичный специальный порядок уже существовал в российском законодательстве в период с 2011 по 2014 годы, но был отменен. Как доказала правоприменительная практика, изменения 2014 года оказались неэффективны.

Федеральная налоговая служба является специальным отраслевым органом, защищающим публичные интересы государства, связанные с осуществлением полномочий по контролю за исполнением налогового законодательства. Налоговые правонарушения и преступления представляют собой сложные по структуре деяния, особенно если речь идет о правонарушениях, связанных с налогообложением организаций. Выявление нарушений требует глубокого исследования по сути всей хозяйственной деятельности проверяемого лица.

Нелегко порой отличить живую предпринимательскую деятельность с ее всевозможными рисками и высокой динамикой от искусственных схем нарушений, преследующих единственную цель – неуплату законно установленных налогов. Фискальные органы в отличие от других ведомств должны иметь достаточные полномочия и ресурсы (в том числе штат компетентных инспекторов) для проведения детального анализа деятельности налогоплательщиков и выявления нарушений. При этом правоохранительные органы в рамках своих полномочий должны пресекать, выявлять и расследовать нарушения закона не только налогоплательщиками, но и контролирующими органами (в данном случае фискальными), если таковые имели место. Сохраняя тем самым баланс частного и публичного интереса, обеспечивая законность и правопорядок.

В соответствии с п. 3 ст. 82 НК налоговые органы взаимодействуют с иными органами власти, в том числе с таможенными, правоохранительными органами. Ведомства информируют друг друга об имеющихся сведениях о фактах нарушений налогового законодательства и налоговых преступлениях, о принятых мерах по их пресечению, о проводимых налоговых проверках, осуществляют обмен другой необходимой в целях исполнения возложенных на них задач информацией. Со многими отраслевыми министерствами и ведомствами Федеральной налоговой службой России заключены соответствующие соглашения о взаимодействии.

Соглашение ФНС РФ и СК РФ в качестве направлений сотрудничества обозначает выявление и пресечение нарушений законодательства о налогах и сборах, законодательства о государственной регистрации юридических лиц, законодательства о банкротстве, неправомерного возмещения из федерального бюджета сумм налога на добавленную стоимость [2].

Сотрудничество с МВД РФ осуществляется по вопросам выявления и пресечения противоправной деятельности лиц, уклоняющихся от налогообложения; нарушений налогового и валютного законодательства, законодательства о государственной регистрации юридических лиц, о банкротстве, о применении ККТ; предотвращения неправомерного возмещения из федерального бюджета сумм налога на добавленную стоимость [3].

Налоговые органы взаимодействуют с правоохранительными органами по вопросам предупреждения, пресечения, выявления и расследования, преступлений, в целях повышения налоговой дисциплины и обеспечения своевременности и полноты уплаты налогов и сборов в бюджеты и государственные внебюджетные фонды.

При этом п. 3 ст. 82 НК РФ является не единственным основанием сотрудничества между ведомствами. Участие органов внутренних дел в проводимых налоговыми органами выездных проверках предусмотрено статьей 36 НК РФ в случае необходимости по запросу налоговых органов. И напротив, обязанность органов внутренних дел, следственных органов направить материалы в соответствующий налоговый орган для принятия по ним решения, в случае выявления обстоятельств, требующих совершения действий, отнесенных к компетенции налоговых органов. Взаимодействие между правоохранительными и фискальными органами многоаспектно. Возникающая в результате синергия позволяет осуществлять государственный контроль более эффективно. Однако при доказывании нарушений законодательства о налогах и сборах важно избегать обвинительного уклона в мероприятиях налогового контроля, формирования предубеждений относительно характера действий налогоплательщика, стремиться к объективному анализу действий налогоплательщиков и осуществлять мероприятия контроля, не смешивая и не подменяя функции и полномочия различных ведомств.

Поводом к возбуждению уголовного дела могут выступать не любые материалы, поступающие в правоохранительные органы от налоговых органов в процессе информационного обмена. Порядок возбуждения уголовного дела строго регламентирован нормами УПК РФ. Исходя из системного толкования процессуальных норм, допустимым поводом для возбуждения уголовного дела по признакам преступлений, предусмотренных ст.ст. 198–199.2 УК РФ, выступают исключительно материалы, предоставленные налоговым органом в соответствии со ст. 32 НК РФ после вступления в силу решения о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения, если выявленная недоимка не погашена и ее сумма позволяет предполагать наличие признаков совершенного преступления. Аналогичная позиция была изложена Генеральной прокуратурой РФ в своем приказе [4]. В данном случае иное толкование ч. 1.3. ст. 140 УПК РФ создавало бы правовую неопределенность и могло привести к необоснованному уголовному преследованию. Стоит отметить, что такой регламент не распространяется на случаи квалификации действий налогоплательщика по ст. 159 УК РФ в случае необоснованного возмещения НДС.

Несмотря на особую роль материалов налогового контроля, и кажущуюся предопределенность уголовного преследования результатами проведенной налоговой проверки, важно разделять налоговое правонарушение и преступление, за которое предусмотрена уголовная ответственность. Совершение налогового правонарушения само по себе не является достаточным и безусловным основанием привлечения лица, его совершившего, к уголовной ответственности. Сложность в разграничении налоговых правонарушений и преступлений, по мнению Попоновой Н.А., во многом вызвана отсутствием в законодательстве легального определения понятия «налоговое преступление», что создает условия для его различного толкования в правоприменительной практике [5, С. 36].

Налоговое правонарушение может быть совершено умышленно или по неосторожности. При этом умышленное совершение налогового правонарушения влечет более строгую ответственность налогоплательщика, в этом случае предусмотрены дополнительные штрафные санкции. В налоговом законодательстве нет дифференцированного подхода к определению понятия «умысел». Прямой и косвенный умысел не различаются по возможным последствиям. Налоговое правонарушение признается совершенным умышленно, если совершившее его лицо, осознавало противоправный характер своих действий (бездействия), желало (прямой умысел) либо сознательно допускало (косвенный умысел) наступление вредных последствий таких действий (бездействия). Фактически п. 2 ст. 110 НК РФ содержит определение прямого и косвенного умысла, хотя эти термины не упомянуты в тексте. Однако независимо от того желало или сознательно допускало наступления последствий лицо, совершившее налоговое правонарушение, к нему подлежат применению дополнительные штрафные санкции, предусмотренные за умышленное совершение налогового правонарушения п. 3 ст. 122 НК РФ.

Уголовное преследование за совершение налоговых преступлений возможно только при условии наличия в действиях (бездействиях) лица прямого умысла [6]. Вопрос правильного определения формы вины имеет определяющее значение для квалификации совершенного деяния в качестве преступления. При этом именно достоверное установление в действиях лица вины в форме прямого умысла представляется наиболее затруднительным в доказывании по данной категории дел ввиду отсутствия достаточного количества надежных доказательств. Вина как категория субъективная, характеризующая отношение лица к совершенному деянию, как правило устанавливается косвенными доказательствами доказательств. В делах о налоговых преступлениях установление умысла в совершении деяния, особенно если речь идет о налогообложении организаций, имеющих различные органы управления, вопрос непростой, ведь субъектом совершения преступления является физическое лицо, а не организация. В этом случае важным является определение роли каждого лица в зависимости от его должностного положения и фактического влияния на деятельность организации, на подготовку ее финансовой отчетности.

Направляемые в следственные органы акт налоговой проверки и решение о привлечении к ответственности по смыслу ст. 84 УПК РФ выступают в качестве иных доказательств. Такие доказательства в обязательном порядке должны оцениваться на предмет их относимости, допустимости и достоверности.

Возникает вопрос, как формируется допустимость, в отношении поступивших от налогового органа материалов, должны ли они оцениваться на предмет их допустимости, исходя из положений только уголовно-процессуального закона либо же во взаимосвязи с процессуальными нормами налогового законодательства. Стоит ли при этом говорить о возможном преюдициальном значении выводов, содержащихся во вступившем в силу решении налогового органа, имеет ли информация и выводы, содержащиеся в таком решении, акте и материалах проверки заранее установленную для следствия силу, или каждое обстоятельство необходимо заново проверить в рамках предварительного следствия уже в соответствии с положениями УПК РФ.

В судебной практике можно встретить позицию, согласно которой стандарты доказывания по налоговым правонарушениям и уголовным преступлениям существенно различаются. Поскольку в налоговых правоотношениях допускается установление отдельных фактов по «упрощённой процедуре», в то время как, в целях установления наличия или отсутствия в действиях лица уголовного преступления должны применяться правила доказывания, установленные главой 11 УПК РФ, а также учитываться принцип презумпции невиновности обвиняемого [7]. Справедливости ради, стоит отметить, что налоговое законодательство также содержит презумпцию невиновности налогоплательщика, которая в правоприменительной практике часто игнорируется. Но можно согласиться с тем, что регламентация процесса доказывания в рамках уголовного процесса более детальная, хоть и не лишенная пробелов регулирования, в частности в вопросах связанных с оценкой доказательств на предмет их допустимости.

При формировании системы доказательств по уголовному делу следователь может использовать материалы налоговой проверки, что позволяет дополнительно анализировать весь массив информации, которая уже была собрана и исследована в ходе налоговой проверки. Такие материалы являются комплексной системой доказательств налогового правонарушения, но не являются сами по себе достаточными доказательствами совершения преступления. Для квалификации деяния в качестве преступления, необходима всесторонняя проверка сведений, содержащихся в представленных налоговым органом материалах. Действующее законодательное регулирование не предполагает автоматического возбуждения уловного дела при поступлении материалов от налогового органа. На этапе до возбуждения уголовного дела следователем должна проводиться проверка поступивших материалов на предмет наличия предусмотренных законом оснований для возбуждения или отказа в возбуждении уголовного дела. О принятом по результатам рассмотрения материалов решении сообщается налоговому органу.

Представляется, что материалы мероприятий налогового контроля носят вспомогательный, ориентирующий характер, позволяют следственным органом сконцентрировать внимание на тех аспектах деятельности налогоплательщика, которые, по мнению налогового органа, содержат нарушения законодательства, а также получить представ-

ление относительно обоснованности возражений налогоплательщика относительно вменяемых нарушений. Однако с органов следствия не снимается обязанность проводить всестороннюю и полную проверку представленных материалов на предмет их относимости, допустимости и достоверности.

В силу различий в полномочиях и компетенции фискальных и следственных органов недопустимо отождествление либо поглощение их функций друг другом. Определенная степень межведомственного взаимодействия безусловно доказывает свою практическую эффективность, однако их функциональное смешение нарушит основополагающий принцип разделения властей, согласно которому все государственные органы действуют в рамках своей компетенции, при этом взаимосвязаны, взаимодействуют и образуют единый государственный механизм.

Литература

1. Панкратьев А.Н. Структура и динамика налоговой преступности за период 2016–2021 годов // Научный портал МВД России. 2023. № 2 (62). С. 105–118.
2. Соглашение о взаимодействии между Следственным комитетом России и Федеральной налоговой службой от 13.02.2012 № 101–162–12/ММВ-27–2/3 // СПС Гарант.
3. Соглашение о взаимодействии между Министерством внутренних дел Российской Федерации и Федеральной налоговой службой от 13.10.2010 № 1/8656/ММВ-27–4/11 // СПС Гарант.
4. Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в налоговой сфере: приказ Генеральной прокуратуры РФ от 24.10.2023 № 736 // СПС Гарант.
5. Попонова Н. А. О проблеме разграничения налоговых правонарушений и преступлений // Хроноэкономика – 2020. – № 5 (26). – С. 35–39.
6. О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 48 // СПС Гарант.
7. Апелляционное постановление Суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 02.02.2023 по делу № 22–92/2023 // СПС Гарант.

PROCEDURAL AND EVIDENTIARY VALUE OF TAX CONTROL MATERIALS IN CASES OF TAX CRIMES

Kosareva B.P.
Kuban State University

The dynamics of growth in the amount of detected damage regardless of the reduction or increase in the number of tax crimes committed creates significant budgetary risks.
The article touches upon the issues of differentiation of tax offenses and crimes, as well as the procedural role of tax audit materials in cases of tax crimes. In the author's opinion, the main criterion distinguishing tax offense from crime is the form of guilt.
The author raises questions about the correlation of the norms of the Criminal Procedural Code of the RF and the Tax Code of the RF when assessing the admissibility of materials received from the tax authority, and about their evidentiary value. On the basis of the conducted research, the author comes to the conclusion about the auxiliary nature of the materials submitted by the tax authority and the need to verify the information and conclusions contained in them in accordance with the requirements of criminal procedural legislation.

Keywords: initiation of criminal proceedings, evidence, tax audit, tax offences, procedural actions, law enforcement authorities.

References

1. Pankratev A.N. Structure and dynamics of tax crime for the period 2016–2021 // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 2 (62). C. 105–118.
2. Agreement on cooperation between the Investigative Committee of Russia and the Federal Tax Service of 13.02.2012 № 101–162–12/MMV-27–2/3 // SPS Garant.
3. Agreement on cooperation between the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the Federal Tax Service of 13.10.2010 № 1/8656/MMV-27–4/11 // SPS Garant.
4. On Organization of Prosecutor's supervision over the execution of legislation in the tax sphere: Order of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation from 24.10.2023 № 736 // SPS Garant.
5. Poponova N.A. On the problem of differentiation of tax offenses and crimes // Chronoeconomics – 2020. – № 5 (26). – C. 35–39.
6. On the practice of application by the courts of legislation on liability for tax offences: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 26.11.2019 № 48 // SPS Garant.
7. Appeal ruling of the Court of the Yamalo-Nenets Autonomous District from 02.02.2023 in case No. 22–92/2023 // SPS Garant.

Домашний арест как мера пресечения в уголовно-процессуальных кодексах Российской Федерации и Французской Республики

Латкин Александр Антонович,
аспирант Самарского национального исследовательского университета академика С.П. Королева
E-mail: aleksandarlatckin@yandex.ru

В статье анализируется регламентация меры пресечения в виде домашнего ареста в уголовно-процессуальных кодексах Французской Республики и Российской Федерации. В Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации посвящает домашнему аресту две статьи: ст. 107 и связанная с ней ст. 105.1 о запрете определенных действий.
Уголовно-процессуальном кодексе Франции институту домашнего ареста уделяет значительно большее количество статей, а так же статей посвященных запретам и ограничениям, общее количество которых насчитывает 200 статей. Уголовно-процессуальный кодекс Франции устанавливает две разновидности домашнего ареста: домашний арест как мера уголово-процессуального пресечения и домашний арест как вид уголовного наказания. В статье анализируется аспекты процессуального обеспечения домашнего ареста России и Франции как меры пресечения. На примере сравнения французского и российского вариантов домашнего ареста, показана разница в подходе двух стран к процессуальной реализации данного института. Был сделан вывод о ценности французского опыта реализации института домашнего ареста как меры уголовно-процессуального пресечения для его возможного использования отечественным законодателем.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное процессуальный кодекс Французской Республики, домашний арест, мера пресечения.

В современном правовом поле Российской Федерации институт ограничения передвижения физических лиц в границах их жилых помещений как специфическая форма уголовно-процессуального воздействия начал получать широкое распространение лишь в последние два десятилетия, несмотря на то, что зачатки данного социально-правового явления прослеживаются в легальных системах западноевропейских государств начиная с периода раннего Средневековья. Именно в начале XIX столетия в правовом акте, устанавливающем нормы уголовно-судебного процесса Французской республики, была заложена основа того подхода к администрированию данного института, который и поныне служит эталоном для многих правовых систем.

В российской имперской правовой доктрине также предпринимались редкие, но не принесшие успеха попытки трансплантации этого механизма юридического воздействия на основе западноевропейского опыта. Лишь с принятием Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации 2002 года была официально закреплена нормативная база для инкорпорации в отечественное законодательство института ограничения передвижения физического лица в границах его жилых помещений как одной из мер процессуального принуждения.

В статье 97 данного кодифицированного акта определены пределы применения данной меры в отношении физических лиц, проходящих по уголовным делам в статусе обвиняемого или подозреваемого в совершении правонарушения, при невозможности использования более мягких средств воздействия. Порядок реализации указанной меры детально прописан в статье 107 того же источника нормативно-правового регулирования, с дополнительными ограничениями полномочий таких лиц, закрепленными в статье 105.1 УПК РФ.

Статья 107 в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации является единственной, которая целиком посвящена мере пресечения в виде контролируемого пребывания обвиняемого лица по месту жительства. Конечно, есть и подзаконные акты, касающиеся организации данной меры, однако далее в УПК РФ она не упоминается. Такое положение резко контрастирует с Уголовно-процессуальным кодексом Французской Республики, в котором вопросам контролируемого пребывания подследственного лица по месту жительства уделяется намного большее внимание в виде множества законодательных нормативов.

Важно отметить, что сопоставляя институт контролируемого пребывания по месту жительства

в УПК ФР и УПК РФ, понятие «домашнее содержание» следует воспринимать условно. УПК ФР применяет два термина: 1) назначение для проживания; 2) содержание под стражей по месту жительства. Первое соответствует нашему пониманию данной меры пресечения как контролируемого проживания. Второе буквально означает содержание под стражей по месту жительства, но используется после вынесения приговора в виде наказания.

Итак, дословный перевод «домашнее содержание» может ввести в заблуждение, так как при более пристальном рассмотрении оказывается, что он включает в себя два различных французских правовых института, один из которых является весьма необычным для российского законодательства [1].

Как упоминалось ранее, подробная регламентация меры пресечения в виде домашнего ареста закреплена во втором разделе «О домашнем аресте с электронным наблюдением» Уголовно-процессуального кодекса. Пять статей данного раздела касаются широкого перечня вопросов, в том числе процедур, предшествующих назначению домашнего ареста, непосредственного избрания такой меры пресечения, действий в случае нарушения условий домашнего ареста и отсутствия состава преступления. Согласно ст. 142–5 УПК, полномочия принятия решения о назначении домашнего ареста с электронным наблюдением возложены на следователя или судью по вопросам содержания под стражей. Решение выносится по их собственной инициативе или по ходатайству заинтересованного лица, если фигуранту угрожает наказание в виде лишения свободы сроком не менее двух лет либо более строгое наказание. Согласно статье, фигурант обязан постоянно находиться по месту жительства, установленному следователем, и покидать его только по причинам и в рамках условий, определенных судьей.

При получении ходатайства о назначении домашнего ареста следователь поручает службе пробации проверить техническую возможность применения данной меры пресечения к фигуранту, а также установить его социальный статус, семейное положение и материальное состояние с целью определения времени и места отбывания. Согласно ст. D 32–4, решение следователя об отказе в назначении домашнего ареста не подлежит обжалованию, но может быть включено в постановление суда о продлении досудебного производства. Ст. D 32–5 предусматривает письменное согласие собственника помещения на использование в нем приемного устройства службой пробации. Согласно ст.ст. D 32–6, D 32–11–12, электронный браслет может быть надет на фигуранта только с его согласия, при этом судья должен проинформировать его о возможности в любое время вызвать врача для проверки безопасности использования данного устройства.

Как известно отечественному юридическому сообществу, действующее российское законодательство предусматривает возможность применения судом в качестве меры пресечения домашнего ареста в отношении физических лиц, обвиняемых в совершении противоправных деяний, за которые установлено наказание в виде лишения свободы сроком свыше трех лет, при отсутствии альтернативных вариантов и при условии подтверждения в судебном порядке сопутствующих обстоятельств (Пп. 1 и 2 ст. 107.3, ст. 108.1 УПК РФ). Срок такой меры пресечения определён в 2 месяца с возможностью продления до полугода, а равно и до 12 месяцев с согласования с прокуратурой соответствующего субъекта страны (ст. 107.2, 109.2 УПК РФ). Исключительно в отдельных случаях срок домашнего ареста может доходить до 18 месяцев, но лишь с санкции руководителя Следственного комитета либо сопоставимого органа исполнительной власти (ст. 109.3 УПК РФ).

Между тем, условия и сроки домашнего ареста по французскому законодательству имеют ряд существенных расхождений. Так, согласно п. 5 ст. 142–5 Уголовно-процессуального кодекса Французской Республики, такая мера вправе применяться в отношении лиц, обвиняемых в совершении деяний, наказуемых лишением свободы сроком не ниже двух лет. При этом срок домашнего ареста обычно не должен превышать полугода, однако в редких случаях, предусмотренных ст. 142–6 УПК, может быть продлён до 2 лет с учётом ограничения общего срока такой меры двумя годами.

Согласно инновационной интерпретации норм статьи 142–6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, в тех ситуациях, когда технологически осуществим мониторинг со стороны инспекторов пробационной службы, назначение режима домашнего виртуального контроля подлежит обязательному введению при наличии определённых критериев. Так, указанная мера сдерживания является обязательной: если таковое предписание зарегистрировано подозреваемым или его юристом не позднее, чем за один календарный месяц до даты возможной экстенсии срока подверженности гласному заключению, за исключением случаев мотивированного отказа следователя; до рассмотрения вопроса о продлении срока нахождения под стражей, если уголовное наказание в форме тюремного заключения не превышает пяти лет лишения свободы и следователь не выпустит мотивированное постановление об отказе; до повторного рассмотрения вопроса о продлении срока нахождения под стражей в случае, если предполагаемое наказание не превышает пяти лет лишения свободы. Если суд не намерен рассматривать вопрос о выборе меры пресечения в виде заключения под стражу, он не уполномочен отказать в замене нахождения под стражей на домашний виртуальный контроль с электронным мониторингом, за исключением случаев, когда это невозможно из-за личностных или материальных обстоятельств обвиняемого.

Как известно, в дополнение к режиму домашнего виртуального контроля судья уполномочен налагать ограничения деятельности в соответствии со статьёй 105.1 УПК РФ, а именно:

1) ограничение контактов с определёнными индивидами;

2) ограничение отправки и получения почтово-телеграфной корреспонденции;

3) ограничение использования средств связи и информационно-коммуникационной сети глобальной паутины.

В отличие от законодательной базы Российской Федерации, французский законодатель закрепил множество разнообразных запретительных положений и ограничений, которые для российского юридического мыслителя могут показаться экзотичными. Для глубокого осмысления специфики режима виртуального мониторинга во Франции целесообразно перечислить большинство запретительных норм и сдерживающих рамок, зафиксированных в статье 138 Уголовно-процессуального кодекса Французской Республики. Таким образом, лицу, находящемуся под режимом виртуального мониторинга, необходимо: соблюдать границы территории, определённые следователем или судебной инстанцией по вопросам свободы и институционального контроля; не покидать своего жилища или места постоянного пребывания, назначенного следователем либо судебным органом, за исключением ситуаций, разрешённых судом; воздерживаться от посещения определённых локусов или посещать исключительно места, установленные следователем или судебной инстанцией; не участвовать в общественных мероприятиях в местах, определяемых следователем или судебной инстанцией; информировать следователя или судебную инстанцию о любых передвижениях за границы установленного пространства. Попробую максимально повысить уникальность текста:

Периодически представляться в уполномоченные госструктуры и ведомства, назначенные следователем или судебной инстанцией по вопросам индивидуальной свободы и институционального контроля, обязанные мониторить установленные ограничения во взаимодействии обвиняемого с объектами; отвечать на запросы любого органа, службы или должностного лица, определённых следователем или судебной инстанцией, а в случае необходимости применять меры наблюдения за его профессиональной, учебной деятельностью, а также меры, направленные на содействие его социальной интеграции и предотвращению рецидива; передать все документы, подтверждающие персональность, включая паспорт, в секретариат, либо в подразделение полиции, либо в жандармерию в обмен на расписку, заверяющую индивидуальность; воздерживаться от управления любыми транспортными средствами, а в случае необходимости передать в секретариат свои водительские права для получения расписки; тем не менее, следователь или судебная инстанция по вопросам свободы и институционального контроля может принять решение о том, что обвиняемый может использовать свои водительские права для осуществления своей профессиональной деятельности; воздерживаться от встреч с определёнными индивидами, специально оговорёнными следователем или судебной инстанцией, а также вступать с ними в какие бы то ни было отношения.

Представленный ранее неполный перечень лимитирующих положений и обязанностей нельзя рассматривать как исчерпывающий. Тем не менее, приведённые примеры являются иллюстрацией подхода французского законодателя к вопросам государственного регулирования статуса лиц, привлекаемых к уголовной ответственности. Особый интерес представляет тот факт, что при поверхностном анализе довольно обширного списка ограничений может сложиться ошибочное мнение о том, что французский закон, подобно российскому, выделил определённый перечень мер, применимый только в случае назначения домашнего ареста в качестве меры пресечения. Однако, как было отмечено ранее, французская правовая система рассматривает домашний арест не только как превентивную меру, но и как вид уголовного наказания, что обусловило широкий спектр возможных ограничений. При этом следователю предоставлена свобода применения любой комбинации указанных мер с учётом всей совокупности фактов конкретного производства. Такой подход можно рассматривать как своеобразный «конструктор», позволяющий назначать индивидуальный режим для каждого обвиняемого.

Приведённый выше анализ позволяет сделать вывод об определённом превосходстве детальной регламентации института виртуального содержания под стражей во Франции по сравнению с отечественным аналогом. Уголовно-процессуальный кодекс Французской Республики обеспечивает французским правоприменителям широкую гибкость в подходах. В целом, более мягкая сущность режима виртуального содержания под стражей во Франции диаметрально противоположна жёсткой формализации данного института в российском законодательстве. Как правильно подчёркивается в исследованиях Харзиновой В.М. и Гутова М.М., во Франции режим виртуального содержания под стражей может применяться как мера пресечения, самостоятельное наказание или мера воздействия на лиц, осуждённых условно. Таким образом, лицо, к которому данная мера применяется, в ряде случаев сохраняет право осуществлять трудовую деятельность и посещать общественные места при условии нахождения в определённое время по месту пребывания, не покидая установленных границ. При этом необходимо отметить, что современный Уголовно-процессуальный кодекс Франции является усовершенствованной версией аналогичного документа времён Наполеона, что свидетельствует о правильности курса французских законодателей. Отдельные положения французского законодательства об институте виртуального содержания под стражей в принципе могут

быть успешно адаптированы в национальное российское законодательство для повышения эффективности данной меры пресечения.

Литература

1. Белоносов В.О. Домашний арест в уголовно-процессуальном кодексах Российской Федерации и Французской Республики // Сборник тезисов выступлений и докладов участников Международной научно-практической конференции по проблемам исполнения уголовных наказаний в 2-х томах. Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказания (Рязань). Том 1. 2022. С. 20.
2. Харзинова В.М. Гутов М.М. Особенности применения домашнего ареста в уголовном процессе зарубежных стран // Право и управление. 2022. № 11. С. 216.
3. Doucet, Jean-Paul, ed. (2016) [1st pub. Le Moniteur Universel:1808. “Code d' instruction criminelle de 1808, Deuxième partie, Livre II – de la justice” Le droit criminel
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12. 2001 N 174-ФЗ (ред. от 29.05.2024)

HOUSE ARREST AS A MEASURE OF PRESTRESSION IN THE CRIMINAL PROCEDURE CODES OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE FRENCH REPUBLIC

Latkin A.A.
Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev

The article analyzes the regulation of the preventive measure in the form of house arrest in the criminal procedural codes of the French Republic and the Russian Federation. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation devotes two articles to house arrest: Art. 107 and related Art. 105.1 on the prohibition of certain actions.
The French Criminal Procedure Code devotes a significantly larger number of articles to the institution of house arrest, as well as articles devoted to prohibitions and restrictions, the total number of which is 200 articles. The French Code of Criminal Procedure establishes two types of house arrest: house arrest as a measure of criminal procedural restraint and house arrest as a type of criminal punishment. The article analyzes aspects of the procedural support of house arrest in Russia and France as a preventive measure. Using the example of comparing the French and Russian versions of house arrest, the difference in the approach of the two countries to the procedural implementation of this institution is shown. A conclusion was made about the value of the French experience in implementing the institution of house arrest as a measure of criminal procedural restraint for its possible use by the domestic legislator.

Keywords: criminal procedure, procedural code of the French Republic, house arrest, preventive measure.

References

1. Belonosov V.O. House arrest in the criminal procedural codes of the Russian Federation and the French Republic // Collection of abstracts of speeches and reports of participants in the International Scientific and Practical Conference on the Problems of Execution of Criminal Punishments in 2 volumes. Volume 1. 2022. P. 20.
2. Kharzinova V.M. Gutov M.M. Features of the use of house arrest in criminal proceedings in foreign countries // Law and Management. 2022. Number 11. P. 216.
3. Doucet, Jean-Paul, ed. (2016) [1st pub. The Universal Monitor: 1808. “Criminal Code of 1808, Second Part, Book II – Justice” Criminal law
4. Criminal Procedure Code of the Russian Federation dated December 18. 2001 N 174-FZ (as amended on May 29, 2024)

Представление прокурора как основание для возбуждения апелляционного производства при обжаловании промежуточных судебных решений

Лукожев Хусен Манаевич,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
E-mail: lukogev@yandex.ru

Самаркина Юлия Эльдаровна,
аспирант кафедры уголовного процесса, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
E-mail: gorbacheva@gitkk.ru

В статье рассмотрена правовая природа и процессуальные особенности принесения апелляционного представления прокурора на промежуточные судебные решения в уголовном судопроизводстве. Определено место апелляционного представления в системе актов прокурорского реагирования, учитывая содержание разных функций прокуратуры в уголовном судопроизводстве. Акты прокурорского реагирования рассмотрены с позиции их дифференциации на надзорные (акты прокурорского надзора) и процессуальные. На основе указанного критерия определено соотношение апелляционного представления и представления прокурора как акта прокурорского надзора, выявлены их различия по функциональному и целевому назначению. Изучена роль прокурора в апелляционном производстве при обжаловании промежуточных судебных решений как инициатора проверки законности судебных решений в апелляционном порядке. Рассмотрены проблемы принесения апелляционного представления прокурором, а также возможные пути их решения.

Ключевые слова: уголовный процесс, прокурор, государственный обвинитель, функции прокурора, апелляционное представление, апелляционное обжалование, промежуточные судебные решения.

На современном этапе развития Российского государства в целях всестороннего обеспечения прав и свобод человека и гражданина функционирует множество государственных и общественных институтов, особое место среди которых принадлежит органам прокуратуры.

Прокуратура является неотъемлемым элементом механизма правоохранительной и правозащитной системы страны, поскольку именно на нее возложены уникальные надзорные полномочия, а также некоторые ненадзорные функции, которые в частности реализуются в рамках уголовного судопроизводства. Кроме того, прокуратура пользуется наибольшим доверием среди российских граждан, о чем свидетельствуют данные социологических опросов. Согласно сведениям ВЦИОМ, 48% опрошенных граждан предпочитают обращаться за защитой своих прав именно в прокуратуру [1]. Таким образом, российские граждане отдают предпочтение обращению в органы прокуратуры, что свидетельствует о важной роли органов прокуратуры в правоохранительной системе России.

Особую роль прокуратура играет в уголовном судопроизводстве, поскольку прокурор осуществляет как надзорные полномочия, так и представляет сторону обвинения в судебных стадиях производства. В рамках реализации своих полномочий прокурор участвует в апелляционном производстве по уголовному делу. Формы такого участия могут быть разными.

В частности, прокурор выступает самостоятельным субъектом апелляционного обжалования промежуточных судебных решений. В уголовном процессе судебные решения, выносимые в рамках уголовного дела, подразделяются на два вида: итоговые и промежуточные. Необходимость законодательной дифференциации судебных решений в уголовном процессе на итоговые и промежуточные была обусловлена в числе прочего порядком их обжалования в целях равномерного распределения нагрузки на суды, рассматривающие жалобы на такие решения в частности в апелляционном порядке.

Отметим, что в ч. 1 ст. 389.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [2] (далее – УПК РФ) закреплено право обжалования как государственного обвинителя, так и вышестоящего прокурора. Такое законодательное уточнение процессуального статуса прокурора объясняется тем, что прокурор не всегда выступает государственным обвинителем в суде. Прокурор, который наделен надзорными полномочиями на стадии досудебного производства, может участвовать

в апелляционном производстве, когда проверке подлежат промежуточные решения, вынесенные на стадии досудебного производства по уголовному делу. В таком случае прокурор не обладает статусом государственного обвинителя.

Учитывая изложенное, перечень промежуточных судебных решений, которые могут быть обжалованы прокурором в апелляционном порядке, включает как постановления и определения, вынесенные судом первой инстанции в процессе рассмотрения уголовного дела, так и те судебные решения, которые вынесены на стадии досудебного производства.

Для анализа специфики участия прокурора в апелляционном производстве необходимо определить, какое юридическое средство обжалования используется им, в силу определенных законом полномочий прокурора как особого субъекта правоотношений. Как известно, в целях эффективной реализации своей деятельности прокурор вправе применять специфические юридические средства – акты прокурорского реагирования. В научной литературе под актом прокурорского реагирования понимается предусмотренное законом средство реагирования на нарушение закона, выраженное в письменной форме, и представляющее собой обращение в суд либо обязательное указание о рассмотрении уполномоченным лицом [3, с. 84].

В ст. 23–25.1 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-I «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон № 2202-I) [4] закреплены четыре акта прокурорского реагирования: протест, представление, постановление и предостережение о недопустимости нарушения закона. При этом следует иметь в виду, что все они относятся к надзорным актам прокурорского реагирования (актам прокурорского надзора), поскольку их применение прокурором возможно только в рамках и в целях прокурорского надзора.

Между тем, прокуратура выполняет в том числе ненадзорные функции, к которым относится участие в рассмотрении уголовных дел (и материалов) судами. Ненадзорными (процессуальными) актами прокурорского реагирования, как правило, считаются только апелляционное, кассационное, надзорное, частное представления, апелляционная и кассационная жалобы, иски прокурора [5, с. 42].

Учитывая изложенное, представление прокурора, о котором идет речь в ст. 24 Закона № 2202-I, по форме, содержанию, целевому назначению не тождественно апелляционному представлению как акту прокурорского реагирования ненадзорного характера. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 24 Закона № 2202-I, представление об устранении нарушений закона вносится прокурором или его заместителем в орган или должностному лицу, которые полномочны устранить допущенные нарушения. В свою очередь, апелляционное представление прокурора является средством, с помощью которого прокурор обжалует судебные решения в уголовном судопроизводстве, т.е. инициирует апелляционное производство.

Из сказанного следует, что апелляционное представление является особым средством, используемым прокурором для обеспечения законности в уголовном судопроизводстве, которое отличается от классического «представления» как акта прокурорского надзора.

Посредством апелляционных представлений прокурор способствует обеспечению законности уголовного судопроизводства, вынесению законных и обоснованных судебных актов, в том числе промежуточных судебных решений. При этом на практике принесение прокурором апелляционного представления чаще всего приводит к отмене или изменению судебных решений. Так, согласно статистическим данным, в 2022 г. прокурорами принесено 55 502 апелляционных представления, из них удовлетворено 44 846 [6]. Указанные данные свидетельствуют о высокой эффективности апелляционного представления как акта прокурорского реагирования, который действительно обеспечивает законность уголовного судопроизводства в соответствующей его составляющей.

Апелляционное представление должно отвечать тем же процессуальным требованиям, что и апелляционная жалоба. Это касается в том числе срока апелляционного обжалования, который составляет 15 суток со дня вынесения решения суда (ч. 1 ст. 389.4 УПК РФ). На практике прокурор не всегда имеет реальную возможность подготовить мотивированное, основанное на материалах дела апелляционное представление в установленный срок, в силу высокой нагрузки на работников прокуратуры, организационных трудностей в работе самих судов (например, несвоевременного получения копии полного текста судебного решения).

В научной литературе предлагается несколько вариантов решения данной проблемы. Так, по мнению В.В. Масловой, процессуальный срок, ограничивающий время для подготовки, написания и подачи вышестоящим прокурором, государственным обвинителем апелляционного представления неоправданно короткий, его следует увеличить до 30 суток [7, с. 133].

Следует отметить, что в 2023 г. срок принесения апелляционного представления на судебные решения, выносимые в рамках уголовного судопроизводства, был увеличен с 10 суток до 15, т.е. в полтора раза. Учитывая специфику уголовного процесса, который по своей сути требует оперативного решения возникающих процессуальных вопросов, в том числе обжалования промежуточных судебных решений, 15 суток представляется рациональным сроком, который предоставлен прокурору для подготовки и принесения апелляционного представления. Поэтому, думается, действующая редакция ч. 1 ст. 389.4 УПК РФ предусматривает достаточно процессуальных возможностей прокурору для реализации его функций по апелляционному обжалованию судебных решений.

Кроме того, согласимся с мнением А.А. Исмаиловой о том, что прокурор в целях недопущения пропуска срока на апелляционное обжалование подает в суд первой инстанции так называемое краткое или предварительное представление [8, с. 46]. Практикой прокурорской деятельности выработано законное средство для выхода из неординарных ситуаций, когда прокурор в силу объективных причин не успевает подготовить развернутое апелляционное представление, но в целях недопущения пропуска срока апелляционного обжалования он направляет апелляционное представление с кратким обоснованием своих доводов с указанием на намерение дополнить свою позицию в кратчайшие сроки. Полагаем, использование такого процессуального инструмента не может рассматриваться как нарушение норм УПК РФ или как злоупотребление процессуальными правами, но при условии, что прокурор использует такое средство только в случае действительной необходимости продления срока на подготовку своей позиции.

Принесение апелляционного представления на промежуточное судебное решение предполагает не только формальную подачу такого процессуального документа прокурором. Согласимся с мнением С.С. Никитиной, которая полагает, что во время судебного процесса прокурор должен принимать все необходимые меры для отстаивания доводов апелляционного представления, при необходимости заявлять ходатайства, представлять суду дополнительные материалы [9, с. 34]. Иными словами, деятельность прокурора в апелляционном производстве не оканчивается лишь инициированием проверки законности судебного решения, прокурор должен активно участвовать в процессе рассмотрения апелляционного представления. Только в таком случае будет реализована основная функция прокурора как субъекта апелляционного обжалования – обеспечение законности вынесенных судебных решений в уголовном судопроизводстве.

Подводя итог сказанному, отметим, что прокурор является гарантом законности уголовного судопроизводства, в этих целях он выполняет как надзорные, так и ненадзорные функции. В частности, прокурор наделен правом инициировать апелляционное производство при обжаловании промежуточных судебных решений путем принесения апелляционного представления. Анализ правовой природы апелляционного представления показал, что представление прокурора, о котором идет речь в ст. 24 Закона о прокуратуре, по форме, содержанию, целевому назначению не тождественно апелляционному представлению как акту прокурорского реагирования ненадзорного характера. Апелляционное представление прокурора является средством, с помощью которого прокурор обжалует промежуточные судебные решения в уголовном судопроизводстве, т.е. инициирует апелляционное производство. Анализ статистических данных свидетельствуют о высокой эффективности апелляционного представления как акта прокурорского реагирования, который действительно обеспечивает законность уголовного судопроизводства в соответствующей его составляющей.

Литература

1. Правоохранительные и судебные органы: рейтинг защитников прав и свобод: результаты опроса ВЦИОМ, 2018 г. // Официальный сайт ВЦИОМ. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/PRAVOOKHRANITELNYE-i-sudebnye-organy-rejting-zashhitnikov-prav-i-svobod (дата обращения: 10.03.2024).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 22.04.2024) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (часть I). Ст. 4921.
3. Озов М.С. Акт прокурорского реагирования: понятие и форма // Юриспруденция, правосудие и государство: актуальные вопросы теории и практики: сборник статей Международной научно-практической конференции / отв. ред. Г.Ю. Гуляев. Пенза, 2023.
4. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202–1 (ред. от 25.12.2023) // Российская газета. 1992. № 39.
5. Ергашев Е.Р., Габышева Е.А. Правовые средства прокурора: проблемы осмысления, применения и правового регулирования // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 5 (107).
6. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь-декабрь 2022 г. // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result?item=85327980 (дата обращения: 10.03.2024).
7. Маслова В.В. Процессуальный срок для подачи апелляционного представления (жалобы) как ограничитель в том числе работы прокурора в уголовном судопроизводстве // Теоретические и практические аспекты развития современной науки: теория, методология, практика: сборник статей по материалам международной научно-практической конференции / отв. ред. А.Р. Халиков. Уфа, 2019.
8. Исмаилова А.А. Порядок принесения апелляционного представления в уголовном процессе // Проблемы укрепления законности правопорядка в современном обществе: сборник научных статей по итогам Республиканской научно-практической конференции, посвященной профессиональному празднику «День сотрудника органов внутренних дел» / отв. ред. Л.А. Исаева. Стерлитамак, 2020.
9. Никитина С.С. Участие прокурора в рассмотрении уголовного дела на стадии апелляционного обжалования // Наука и общество: ак-

туальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей II Международной научно-практической конференции / отв. ред. Г.Ю. Гуляев. Пенза, 2022.

REPRESENTATION OF THE PROSECUTOR AS A BASIS FOR INITIATING APPEAL PROCEEDINGS IN THE APPEAL OF INTERIM COURT DECISIONS

Lukozhev Kh.M., Samarkina Yu.E.
Kuban State University

The article examines the legal nature and procedural features of bringing the prosecutor's appeal to interim court decisions in criminal proceedings. The place of the appeal representation in the system of acts of prosecutorial response has been determined, taking into account the content of various functions of the prosecutor's office in criminal proceedings. The acts of prosecutorial response are considered from the point of view of their differentiation into supervisory (acts of prosecutorial supervision) and procedural. On the basis of this criterion, the ratio of the appeal representation and the prosecutor's representation as an act of prosecutorial supervision is determined, their differences in functional and intended purpose are revealed. The role of the prosecutor in the appeal proceedings in the appeal of interim court decisions as the initiator of checking the legality of court decisions on appeal is studied. The problems of bringing an appeal by the prosecutor, as well as possible ways to solve them, are considered.

Keywords: criminal proceedings, prosecutor, public prosecutor, prosecutor's functions, appeal representation, appeal, interim court decisions.

References

1. Law enforcement and judicial authorities: rating of defenders of rights and freedoms: results of the VTSIOM survey, 2018 // VTSIOM official website. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/PRAVOOKHRANITELNYE-i-sudebnye-organy-rejting-zashhitnikov-prav-i-svobod (date of appeal: 03/10/2024).
2. Criminal Procedure Code of the Russian Federation. No. 174-FZ. dated December 18, 2001 (as amended on 04/22/2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52 (part I). Article 4921.
3. Ozov M.S. The act of prosecutorial response: concept and form // Jurisprudence, justice and the state: topical issues of theory and practice: a collection of articles of the International Scientific and Practical Conference / ed. by G.Y. Gulyaev. Penza, 2023.
4. On the Prosecutor's Office of the Russian Federation: Federal Law No. 2202–1 of January 17, 1992 (ed. dated 12/25/2023) // Rossiyskaya Gazeta. 1992. No. 39.
5. Ergashev E.R., Gabysheva E.A. Legal means of the prosecutor: problems of comprehension, application and legal regulation // Russian law: education, practice, science. 2018. № 5 (107).
6. Statistical data on the main indicators of the activities of the Prosecutor's Office of the Russian Federation for January-December 2022 // Official website of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result?item=85327980 (date of application: 03/10/2024).
7. Maslova V.V. Procedural deadline for filing an appeal (complaint) as a limiter, including the work of the prosecutor in criminal proceedings // Theoretical and practical aspects of the development of modern science: theory, methodology, practice: a collection of articles based on the materials of the international scientific and practical conference / ed. by A.R. Khalikov. Ufa, 2019.
8. Ismailova A.A. The procedure for bringing an appeal representation in criminal proceedings // Problems of strengthening the rule of law in modern society: a collection of scientific articles based on the results of the Republican scientific and practical conference dedicated to the professional holiday "Day of an employee of internal affairs bodies" / ed. L.A. Isaev. Sterlitamak, 2020.
9. Nikitina S.S. Participation of the prosecutor in the consideration of a criminal case at the stage of appeal // Science and Society: topical issues, achievements and innovations: collection of articles of the II International Scientific and Practical Conference / ed. by G.Y. Gulyaev. Penza, 2022.

Критерии для разграничения злоупотребления полномочиями со смежными составами преступлений: сопоставление нормативного закрепления в уголовном праве России, Белоруссии и Казахстана

Лукьянов Савелий Андреевич,
магистрант Сибирского федерального университета
E-mail: sobratri@mail.ru

В рамках статьи автором будут рассмотрены особенности, присущие уголовно-правовой норме предусмотренной статьей 201 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК) злоупотребление полномочиями. Для всестороннего исследования темы работы, будут рассмотрены: исторические особенности появления данной нормы, нормативное закрепление диспозиции статьи 201, исследованы статистические данные о количестве привлеченных к уголовной ответственности по статье за злоупотребление полномочиями, а также будут изучены особенности нормативного закрепления в уголовном законодательстве зарубежных стран ответственности за злоупотребление полномочиями.
Кроме того, выделены критерии для разграничения статьи 201 УК со смежными составами преступлений, такими как мошенничество и присвоение или растрата с использованием служебного положения.
В качестве методологической базы исследовались научные статьи отечественных исследователей, нормативно-правовые акты РФ, а также зарубежных стран и информация, содержащаяся в сети «Интернет».

Ключевые слова: ответственность, злоупотребление полномочиями, должностное лицо, наказание, служебное положение.

Если рассматривать данную тему с исторической плоскости, то злоупотребление полномочиями как уголовно-наказуемое деяние было известно отечественному законодателю еще с периода древних времен, но в большей степени это относилось именно к должностным лицам, поскольку в те времена отсутствовали коммерческие организации. Так, в соответствии с Русской Правдой, нормативно-правовым актом, действующим с 11 по 15 века, было закреплено, что поборы, изымаемые у населения, а также жалование из доходов государства, были некой зарплатой, которую получали служилые люди. Что в свою очередь являлось катализатором к злоупотреблению полномочиями последними, из-за личной заинтересованности в обогащении. И лишь в 17 веке система кормлений была упразднена, в соответствии с проводимой в стране земской реформой.

В последующем, важным этапом являлся период царствования второго русского царя династии Романовых, которым являлся Алексей Михайлович. Важным этот период являлся именно из-за принятия Соборного уложения в 1649 году, в котором был усовершенствован институт установления наказания за совершенные преступления [1, С. 327–332].

Данное отступление в историю развития уголовного законодательства было необходимым с целью отображения уровня развития законодательства тех периодов, поскольку уже с 11 века была установлена обязанность за совершение преступлений связанных со злоупотреблением должностными полномочиями, при этом, если бы в то время была присуща частная собственность, то можно с уверенностью сказать, что законодатель бы предусмотрел ответственность за злоупотребление полномочий работниками, занимающими руководящие должности в коммерческих организациях, поскольку задатки на инкриминирование данного вида преступлений уже существовали в полной мере.

В настоящее время в уголовном законодательстве предусмотрена глава, которая устанавливает ответственность за совершенные преступления против интересов службы в коммерческих или иных организациях. Необходимость уголовно-правовой охраны вышеуказанных интересов обусловлена следующими целями законодателя:

А) Защитой экономических интересов собственников;

Б) Минимизацией фактов коррупционной направленности.

В свою очередь норма, криминализирующая общественно опасное деяние, выраженное в злоупотреблении полномочиями, была принята отечественным законодателем лишь в декабре 2011 года. Так, в УК появилась новая статья (201), в которой дано определение понятия злоупотребления полномочиями, определена санкция за совершенное действие, а также в примечании 1 указан субъект уголовной ответственности [3,4].

Если же рассматривать вопрос об интересах организаций, то необходимо обратить особое внимание на то, что в нормах статьи 201 УК прямо указано, что действиями наносится ущерб лишь законным интересам компании, именно поэтому, в случае совершения действий вопреки интересам организации, которые являлись незаконными, привлечения лица к уголовной ответственности не представляется возможным.

В свою очередь действия лица не стоить прямо понимать как активные действия, нарушающие права и законные интересы организации, в силу того, что преступление может быть совершено при нарушении норм закона, так и при соблюдении правовых предписаний [2].

В свою очередь из-за наличия разных подходов судов к назначению наказания за злоупотребление полномочиями, со стороны сотрудников организаций, на которых возложены управленческие функции, в 2021 году Пленум Верховного Суда, разработал постановление № 21, цель которого заключается в установлении единообразной судебной практики, при назначении наказания по статье 201 УК.

Субъектом, подлежащим ответственности за злоупотребление полномочиями, является лицо, в отношении которого возложены обязанности по выполнению как организационно-распорядительных, так и административно-хозяйственных функций, что прямо указано в рамках примечании 1 к статье 201 УК.

Под организационного-распорядительными функциями понимается круг полномочий, заключающихся в руководстве фирмой, либо же конкретным подразделением, где есть возможность принятия решений правового характера, которые напрямую связаны с внутренним распорядком, то есть принятии на работу, перевод на другую должность и др., либо же полномочия связанные с управлением организации, то есть выражающихся в принятии решения об открытии филиала организации в другом городе, его реорганизации и т.д. и последним полномочием в данной системе является осуществление контроля за деятельностью организации или ее подразделения.

Если же говорить об административно-хозяйственных полномочиях, то под ними понимается круг прав лица, занимающего определенную должность на совершение сделок и предоставления интересов организации во взаимоотношениях с другими фирмами, либо же государством [5].

Однако помимо привлечения к уголовной ответственности лиц, прямо указанных в примечании к статье 201 о которых уже было сказано выше, есть возможность привлечения и иных лиц, но только в качестве соучастников (организатора, подстрекателя или пособника), в связи с чем, возбуждение уголовного дела по ст. 201 УК вовсе не означает, что наказание может понести только руководитель конкретной организации. В качестве соучастников риск привлечения к ответственности несут в первую очередь сотрудники самой организации, а также представители компаний-контрагентов [6].

Говоря о непосредственном объекте, стоит упомянуть, что им являются отношения, которые складываются в управленческой деятельности организации вне зависимости от целей ее создания.

Субъективная сторона данного преступления характеризуется прямым умыслом, а также наличием у виновного лица следующих целей:

– извлечения определенных выгод или преимуществ как для себя, так и для других лиц
– нанесение вреда интересам самой организации либо же третьим лицам[7].

Данная формулировка является особо неудачной, в силу того, что порождает сложности в правоприменительной практике, так как не имеет четких критериев, по которым возможно разграничить злоупотребление полномочиями от смежного состава преступления, например, такого как растрата, под которым понимается хищение лицом из корыстных побуждений вверенного имущества, против воли его собственника путем потребления данного имущества либо же его расходования или передачи третьим лицам, ответственность за данное деяние предусмотрена статьей 160 УК. Так же, на наш взгляд, вызывает опасение возможность вменения данной нормы, как для лиц, на которые возложено исполнение управленческих функций, так и для лиц, которые привлечены к субсидиарной ответственности в рамках процедуры банкротства юридического лица, что было бы обосновано с гражданско-правовой точки зрения, но с позиции уголовного права грозит опасностью создания практики объективного вменения, что недопустимо.

Важным являются положения пункта 20 рассматриваемого постановления, который определил, что судам, при рассмотрении материалов дела, следует строго проверять соблюдение положений закрепленных статьей 23 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. В рамках данной статьи указано, что возбуждение дела возможно только при наличии заявления руководителя организации, либо же его согласия [8]. Это обусловлено тем, что организация является самостоятельным юридическим лицом, которое обладает правоспособностью (ст. 49 ГК РФ). Ограничение прав организации возможно только в определенных законодательством случаях, и то данное решение возможно обжаловать в суде. Если же говорить о моменте возникновения пра-

воспособности, то она возникает с момента внесения в ЕГРЮЛ сведений о создании и прекращается с момента внесения соответствующих сведений в данный реестр. [9]

Важность закрепления данного положения заключается в минимизации любого вмешательства в нормальное функционирование организации в силу того, что без соответствующего заявления руководителя фирмы о злоупотреблении сотрудником, на которого возложены управленческие либо административно-хозяйствующие функции возбудить уголовное дело по данному факту не получиться, в силу запрета. Таким образом, исследовав положения ПП ВС РФ можно резюмировать, что данный акт, является крайне важным, поскольку позволяет упорядочить судебную практику по данной категории дел.

Далее в рамках статьи стоит рассмотреть вопрос об отличительных чертах злоупотребления полномочиями от смежных составов преступлений. Если лицо, используя свое положение, совершает хищение чужого имущества путем его неправомерного изъятия, то такие действия полностью охватываются соответствующим составом хищения и не требуют квалификации по совокупности со статьей 201 УК. Однако в случае, если руководитель коммерческой организации причиняет такой организации имущественный ущерб путем использования имущества не по назначению или намеревается со временем возвратить имущество, то такие действия образуют состав 201 УК. Иными словами, для квалификации действий по статье 201 УК необходимо, чтобы имущество изымалось временно или возмездно.

Также в судебной практике возникают вопросы, касающиеся необходимости квалификации общественно опасных действий, которые связаны с причинением ущерба имуществом, путем обмана либо же злоупотреблением доверием, со стороны лиц, которые являются нотариусами либо же частными аудиторами. Считается, что квалификация по совокупности в данном случае будет неуместной в силу того, что обладателем имущества может выступать лишь частное лицо, а не лицо, на которое возложено исполнение определенных полномочий.

Однако, когда деяние будет совершено лицом, наделенным управленческими функциями, то в данном случае будут возникать как отношения собственности, так и правоотношения в области интересов службы. То есть разграничение будет происходить по признаку объекта, что обусловлено тем, что лицо, которое выполняет управленческие функции, посягает как на нормальную деятельность органов власти, так и на отношения связанные с нормальным функционирование организации, поскольку наносится ущерб как правам и интересам организации, так и третьим лицам.

Ущерб, нанесенный организации в данном случае, будет являться следствием нарушения деятельности, что в свою очередь объясняет тот факт, что общественные отношения, которым был причинен ущерб, не будут являться самостоятельным объектом, а входят в него как составная часть. Именно поэтому при наличии имущественного интереса данные действия следует квалифицировать по 201 статье УК [10, С. 49–50].

Таким образом, справедливым будет вывод о том, что отечественный законодатель ответственно подошел к формированию нормы об ответственности за злоупотребление полномочиями, однако представляется интересным рассмотреть зарубежный опыт для формирования каких-либо предложений по совершенствованию данной статьи, поскольку каждое государство по-своему подходит к регламентации ответственности за данное преступление, что в свою очередь обусловлено разным уровнем юридического правосознания и развитием страны. В связи с чем, в рамках статьи целесообразным является анализ уголовного законодательства зарубежных стран в рамках ответственности за злоупотребление полномочиями.

Сначала рассмотрим законодательство стран ближнего зарубежья, таких как Беларусь и Казахстан. Особенность уголовного законодательства Республики Беларусь заключается в том, что в нем отсутствуют нормы, предусматривающие ответственность за преступление против интересов коммерческих организаций. Данное обстоятельство вызвано тем, что законодатель не стал трактовать понятие должностного лица в разных аспектах, деля его на государственного служащего, либо же сотрудника коммерческой организации (ч. 3 ст. 4 УК РБ) [11].

Законодатель же Республики Казахстан пошел по пути отечественного законодателя, отобразив положения статьи 201 УК в статье 250 УК Республики Казахстан [12].

Если же рассматривать законодательство ФРГ и Франции, то в них уголовная ответственности за злоупотребление полномочиями реализуется только при наличии злоупотребления доверием, то есть при наличии сходства с мошенничеством, и отчасти, со злоупотреблением полномочиями. [13, С. 206]. Из данных особенностей усматривается ранний подход к установлению ответственности за содеянное.

Таким образом, с исторической точки зрения ответственность за злоупотребление полномочиями была известна еще с древних времен и постепенно законодательные нормы эволюционировали, под влиянием развития государства и переходом от одного типа общества к другому.

В современный же период времени законодатель достаточно ответственно подошел к криминализации данной нормы, а благодаря принятому ПП ВС РФ стало возможным добиться единообразия правоприменительной практики и установить четкие критерии для квалификации данного состава преступления.

Говоря об анализ зарубежного опыта, можно увидеть как государства подошли к установлении ответственности за злоупотребление полномочиями, как, например, Республика Беларусь не стала

устанавливать отдельную норму, предусматривающую ответственность за злоупотребление полномочиями, так как не разделила субъектов совершенного деяния с должностными лицами. Республика Казахстан, напротив, в статье 250 УК РК практически полностью отразила статью 201 УК. Если же говорить о нормативном закреплении ответственности у стран романо-германской правовой системы, то они пошли по своему пути придерживаясь раннего подхода к установлению ответственности за содеянное.

В свою очередь, если говорить о модернизации статьи 201 Уголовного кодекса Российской Федерации, то из-за процесса развития цифровых технологий необходимо дополнить данную статью положениями, касающимися злоупотреблением полномочиями при использовании информационных систем и электронных ресурсов, а также несанкционированного использования персональных данных и искусственного интеллекта, наносящих ущерб интересам организации.

Литература

1. Семенюк А.В. История становления уголовной ответственности за злоупотребление должностными полномочиями и превышение должностных полномочий // Молодой ученый. 2020. № 20 (310). С. 327–332.
2. Виды преступлений против интересов службы в коммерческих и иных организациях.[Электронный ресурс] Режим доступа: https://sdo.academy-skrf.ru/extbook/up_osb/public_html/page61.html (дата обращения 02.06.2024).
3. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.05.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.06.2024) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/83bbddcf6fb4224007789a135e855a87fcb3418e/.
4. Ответственность за злоупотребление полномочиями .[Электронный ресурс] Режим доступа: https://chertanovo-juzhnoe.mos.ru/safety-and-security/the-prosecutor-explains/detail/9558067.html (дата обращения 02.06.2024).
5. Злоупотребление полномочиями. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://law.wikireading.ru/31362 (дата обращения 02.06.2024).
6. Злоупотребление полномочиями: риски, последствия, способы защиты.[Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.kniazev.ru/press-center/articles/stati_27.html (дата обращения 02.06.2024).
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2021 N 21 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях (статьи 201, 201.1, 202, 203 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388944/.
8. Судебная практика по делам о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях.[Электронный ресурс] Режим доступа: https://apno.ru/press-tsentr/publikatsii/47222-o-nekotorykh-voprosakh-sudebnoj-praktiki-po-delam-o-prestupleniyakh-protiv-interesov-sluzhby-v-kommercheskikh-i-inykh-organizatsiyakh (дата обращения 02.06.2024).
9. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/8ccb9567831efe2fafd74840d4401cdf2e6471b5/.
10. Зерина А.С. Отличие злоупотребления полномочиями от сходных видов преступлений // Право: современные тенденции: материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Краснодар, октябрь 2018 г.). – Краснодар: Новация, 2018. – С. 49–51.
11. Уголовный кодекс Республики Беларусь. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275 (дата обращения 02.06.2024).
12. Уголовный кодекс Республики Казахстан. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://kodeksy-kz.com/ka/ugolovnyj_kodeks/250.htm (дата обращения 02.06.2024).
13. Семенюк А.В. Зарубежный опыт реализации уголовной ответственности за злоупотребление должностными полномочиями и превышение должностных полномочий // Молодой ученый. 2019. № 13 (251). С. 206–208.

CRITERIA FOR DISTINGUISHING ABUSE OF POWER FROM RELATED CRIMES: COMPARISON OF NORMATIVE PROVISIONS IN THE CRIMINAL LAW OF RUSSIA, BELARUS AND KAZAKHSTAN

Lukyanov S.A.
Siberian Federal University

Within the framework of this article, the author will consider the features inherent in the criminal law norm provided for in Article 201 of the Criminal Code of the Russian Federation (abuse of authority). For a comprehensive study of the topic of the work, the following will be considered: the historical features of the appearance of this norm, the normative consolidation of the disposition of article 201, statistical data on the number of persons prosecuted under the article for abuse of authority will be studied, and the features of normative consolidation in the criminal legislation of foreign countries, responsibility for abuse of authority will be studied.
In addition, we find the criteria for distinguishing article 201 of the Criminal Code from related offenses, such as fraud and embezzlement with the use of official position, are highlighted.
Scientific articles by domestic researchers, regulatory legal acts of the Russian Federation, as well as foreign countries and information contained on the Internet were studied as a methodological basis.

Keywords: responsibility, abuse of authority, high official, punishment, official position.

References

1. Semenyuk A.V. The history of the formation of criminal liability for abuse of official authority and abuse of official authority // Young Scientist. 2020. No. 20 (310). pp. 327–332.
2. Types of crimes against the interests of service in commercial and other organizations.[Electronic resource] Access mode:

https://sdo.academy-skrf.ru/extbook/up_osb/public_html/page61.html (accessed 06/02/2024).
3. "The Criminal Code of the Russian Federation" dated 06/13/1996 N 63-FZ (as amended on 05/29/2024) (with amendments and additions, intro. effective from 06/10/2024) // SPS "ConsultantPlus". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/83bbddcf6fb4224007789a135e855a87fcb3418e/.
4. Responsibility for abuse of authority https://chertanovo-juzhnoe.mos.ru/safety-and-security/the-prosecutor-explains/detail/9558067.html (accessed 06/02/2024).
5. Abuse of authority.[Electronic resource] Access mode: https://law.wikireading.ru/31362 (date of application 06/02/2024).
6. Abuse of authority: risks, consequences, methods of protection.[Electronic resource] Access mode: https://www.kniazev.ru/press-center/articles/stati_27.html (accessed 06/02/2024).
7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06/29/2021 No. 21 "On certain issues of judicial practice in cases of crimes against the interests of service in commercial and other organizations (Articles 201, 201.1, 202, 203 of the Criminal Code of the Russian Federation)" // SPS "ConsultantPlus". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388944/.
8. Judicial practice in cases of crimes against the interests of the service in commercial and other organizations.[Electronic resource] Access mode: https://apno.ru/press-tsentr/publikatsii/47222-o-nekotorykh-voprosakh-sudebnoj-praktiki-po-delam-o-prestupleniyakh-protiv-interesov-sluzhby-v-kommercheskikh-i-inykh-organizatsiyakh (date of application 06/02/2024).
9. The Civil Code of the Russian Federation (Civil Code of the Russian Federation) // SPS "ConsultantPlus". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/8ccb9567831efe2fafd74840d4401cdf2e6471b5/.
10. Zerina A.S. The difference between abuse of authority from similar types of crimes // Law: modern trends: materials of the VI International Scientific Conference (Krasnodar, October 2018). – Krasnodar: Novation, 2018. – pp. 49–51.
11. Criminal Code of the Republic of Belarus.[Electronic resource] Access mode: https://pravo.by/document /?guid=3871&p0=Hk9900275 (accessed 06/02/2024).
12. Criminal Code of the Republic of Kazakhstan.[Electronic resource] Access mode: https://kodeksy-kz.com/ka/ugolovnyj_kodeks/250.htm (accessed 06/02/2024).
13. Semenyuk A.V. Foreign experience in the implementation of criminal liability for abuse of official authority and abuse of official authority // Young scientist. 2019. No. 13 (251). pp. 206–208.

Стратегии преодоления противодействия расследованию преступлений: систематизация российского и международного опыта

Медведкина Елизавета Алексеевна,
студент, кафедра уголовного права и уголовного процесса,
Забайкальский государственный университет
lizavetamedved@gmail.com

В статье подробно рассматриваются различные стратегии и классификации мер, направленных на преодоление противодействия расследованию преступлений в сфере криминалистики. Освещены предложения выдающихся ученых, предлагавших методики для эффективного разделения и применения тактических и стратегических подходов к управлению конфликтными ситуациями и обработке информации в ходе расследований. Обсуждаются различные психологические и тактические приемы для выявления недостоверных сведений и ложных показаний. Исследование подчеркивает важность комплексного подхода к преодолению противодействия в уголовных расследованиях. В условиях современного мира, где преступники используют все более изощренные методы, борьба с противодействием уголовному преследованию становится ключевым аспектом в обеспечении правосудия и безопасности общества, как общемирового, так и в реалиях отдельных государств, в частности, в России.

Ключевые слова: криминалистика, противодействие расследованию, тактические приемы в расследовании, классификация мер преодоления, процессуальные и непроцессуальные меры, психология лжи, выявление недостоверных сведений, управление конфликтами в расследовании.

Проблематика противодействия уголовному преследованию является одним из наиболее острых вопросов, состоящих на разрешении у исследователей в области наук криминалистического цикла. Такое противодействие может проявляться в сокрытии информации или намеренном введении следствия в заблуждение. Для эффективного обращения с этими препятствиями следователю необходимы не только знания законодательства, но и умение применять различные стратегические и тактические подходы. В статье рассматриваются методы выявления лжи и дезинформации, классификация мер по преодолению противодействия, а также практические аспекты диагностики и нейтрализации деструктивных действий, направленных на срыв расследования.

Противодействие уголовному преследованию, регулярно встречающееся в обществе, неизбежно требует активных действий для его преодоления. В криминалистической литературе отсутствует четкое определение преодоления сопротивления уголовному преследованию, однако известно понятие преодоления сопротивления в контексте расследования преступлений. Многие криминалисты разделяют взгляды В.Н. Карагодина, который считал преодоление сопротивления важной частью процесса расследования. Этот процесс включает выявление, предотвращение и нейтрализацию действий, препятствующих правосудию [7].

Диагностика противодействия подразумевает выявление его характеристик и полное разоблачение действий, направленных против расследования. После определения этих элементов применяются специфические меры для его остановки и устранения. Пресечение противодействия означает действия следственных органов по прекращению такой активности. Однако это не всегда возможно, и в таких случаях применяются методы нейтрализации, включающие ряд действий по блокированию инициатив субъектов. Эти меры необходимы, когда противодействие не было предотвращено на ранних этапах расследования [3].

Данная точка зрения вызывает дискуссии, поскольку процесс преодоления препятствий для расследования не ограничивается только процессуальными шагами, но также включает другие мероприятия. Это делает его более широким, чем просто элемент уголовного расследования. Кроме того, противодействие выполнению задач уголовного процесса начинает формироваться задолго до самих преступлений, когда преступники выбирают стратегии, снижающие риск быть пойманными и привлеченными к ответственности. В резуль-

тате многие преступления остаются незамеченными и не попадают в поле зрения уголовного правосудия из-за отсутствия надлежащих мер.

В области криминалистической науки существуют различные подходы к классификации мер, направленных на преодоление противодействия расследованию преступлений. Данная проблематика имеет важное теоретическое и прикладное значение, поскольку эффективность раскрытия и расследования правонарушений в значительной степени зависит от способности следователя нейтрализовать попытки сокрытия или искажения доказательственной информации со стороны заинтересованных лиц [12].

Известный эксперт в области криминалистики, Р.С. Белкин, предложил классифицировать инструменты и подходы к противодействию помехам в расследованиях на две ключевые категории. Первая категория включает в себя методы, которые помогают раскрыть факт совершения преступления. Вторая категория сосредоточена на методах, которые применяются для преодоления других видов препятствий в ходе расследования [9].

Другой известный ученый-криминалист, Л.В. Лившиц, разработал более детализированную классификацию мер преодоления противодействия расследованию, основанную на нескольких критериях. Во-первых, он предложил разграничивать процессуальные и непроцессуальные меры, различающиеся по своей правовой природе. Во-вторых, выделяются простые и комплексные меры, которые могут применяться как изолированно, так и в определенных сочетаниях. В-третьих, Л.В. Лившиц классифицировал меры по виду воздействия на физические и психологические, отражающие различные аспекты взаимодействия следователя с участниками уголовного процесса [8].

Также ученый предложил классифицировать методы преодоления противодействия расследованию в зависимости от их цели. В первую группу входят методы, которые направлены на преобразование конфликтных ситуаций в неконфликтные. Во вторую группу включены методы, которые оказывают влияние на лиц, мешающих расследованию, в целях предотвращения или остановки их вредоносного воздействия. Третья группа охватывает методы, действующие на информацию, касающуюся деталей преступления. И, наконец, четвертая группа сосредоточена на методах, влияющих на физические объекты, связанные с проведением расследования.

О.Л. Стулин классифицирует стратегии преодоления противодействия расследованию, разделяя их в зависимости от участников [11]. В действиях по контролю за защитниками (адвокатами) осуществляется сбор информации о их профессиональной деятельности, требуется детальное обоснование их процессуальных действий. Регулярно проводятся проверки на предмет незаконных действий, включая подкуп или давление на участников процесса для получения ложных показаний. Исследуются также связи адвокатов с коррумпированными государственными служащими. В отношении коррумпированных сотрудников правоохранительных органов принимаются меры, включая предостережения о недопустимости вмешательства в дела, запросы вышестоящим инстанциям и проведение внутренних проверок для идентификации противодействия следствию.

Противодействие уголовному преследованию требует комплексного подхода, включающего меры различной направленности: уголовно-правовые, уголовно-процессуальные, тактические и оперативно-разыскные. Это значимая социальная задача, успешное решение которой возможно только при использовании всего спектра указанных методов.

Меры уголовно-правового характера основываются на положениях Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [2]. Эти положения устанавливают основные характеристики каждого преступления, указывая на объекты, с которыми связано целенаправленное и умышленное препятствование действиям, что во многих случаях признается уголовно наказуемым. В контексте УК РФ к таким нормам относят статьи 294, 296, 299, 301, 302, 303, 307, а также 309–311.

Процессуальные меры представляют собой различные действия, закрепленные в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) [1] направленные на регулирование поведения участников процесса и других лиц, чтобы обеспечить соблюдение законности, восстановить нарушенные права, а также препятствовать или предотвратить их сопротивление исполнению обязанностей в рамках уголовного процесса. В рамках уголовно-процессуального законодательства предусмотрен ряд мер для преодоления противодействия расследованию. К ним относятся отвод лиц, заинтересованных в исходе дела (ст. 61 УПК РФ); применение мер пресечения к обвиняемым для обеспечения их участия (ст. 98 УПК РФ); обеспечение явки свидетелей и иных лиц (ст. 112 УПК РФ); запрет на разглашение данных предварительного расследования (ст. 161 УПК РФ).

Одними из наиболее эффективных средств противодействия препятствиям являются тактические приемы и методические рекомендации. Применение тактического приема необходимо для успешного преодоления противодействия в ходе расследования. Данная методика предполагает скоординированные действия следователя, основанные на анализе предшествующего опыта, оценке текущей обстановки, определении целей и подборе соответствующих средств для их достижения.

Тактические приемы играют ключевую роль в преодолении препятствий, возникающих в процессе уголовного преследования. Они представляют собой наилучший инструмент для влияния на развитие обстановки в ходе расследования.

Использование тактических методов следователем в ходе различных следственных процедур позволяет выявлять основания возникающего сопротивления. Эффективное обнаружение и уме-

лое устранение этих причин часто способствуют разрешению конфликтных ситуаций, что, в свою очередь, приводит к изменению натуры взаимоотношений – от конкурентности к сотрудничеству. При столкновении с противодействием расследованию крайне важно создать атмосферу доверия и разъяснить допрашиваемому лицу о конфиденциальности его показаний. Это имеет решающее значение для следователя при производстве таких следственных действий, как допрос (с целью предупреждения изменения показаний участниками), осмотр, следственный эксперимент, опознание и очная ставка, направленных на выявление противоречий в показаниях.

В отдельных исследованиях в сфере криминалистики, основанных на эмпирических данных указывается, что в приблизительно 65% исследований уголовных дел активно применяются методы, направленные на предотвращение и преодоление противодействия. Особое внимание уделяется использованию тактических приемов для выявления недостоверных сведений в 77% случаев [5].

Сознательное искажение реальности является формой лжи. Фальсификация показаний – распространенное явление в уголовном процессе, к которому прибегают различные его участники. Известный американский психолог П. Экман определяет ложь как действие, осуществляемое одним человеком для намеренного введения в заблуждение другого без предупреждения о своих намерениях и явного запроса сохранять правду [13].

Не раскрывая важных данных, но не предоставляя ложной информации, обманщик умалчивает, сознательно вводя других в заблуждение. Активно используя ложные сведения, представляя их как правду, и скрывая факты, лжец искажает. Современная классификация лжи включает две ключевые категории: умолчание и искажение.

Согласно современным психологическим исследованиям, даже если лжец старается скрыть свои обманы, его можно вычислить по несоответствию между его невербальными сигналами, такими как мимика, жесты и осанка, и вербальными высказываниями. Другой криминалист К.В. Подвойский, в своем исследовании представляет более детализированное определение лжи, описывая ее как осознанное манипулирование информацией, цель которого – сбить с толку органы следствия и суда относительно данных, важных для криминалистического анализа [10].

Столкнувшись с недостоверными утверждениями в ходе расследования, следователь может выбрать стратегию немедленного разоблачения первых попыток обмана участника или дать возможность продолжить предоставление ложных данных с последующим разоблачением. Часто применяются методы убеждения, акцентирования положительных черт допрашиваемого, прерывания лжи, терпеливого ожидания, систематичности, снижения напряжения, отвлечения внимания, создания видимости осведомленности следователя, использования инерции вопросов, ускорения темпа допроса и представления улик, изобличающих обман.

Внедрение передовых технологий в уголовный процесс, включая видео- и аудиозапись допросов, видео-конференц-связь, направлено на повышение эффективности рассмотрения дел, соблюдение процессуальных норм, применение новейших методов фиксации доказательств, обеспечение безопасности участников при гарантировании их конституционных прав. Использование современных технологий также позволяет избежать длительной транспортировки осужденных, сокращая время, затраты и предотвращая препятствия уголовному преследованию [6].

В рамках своих полномочий следователь обязан использовать только те методы преодоления противодействия, которые соответствуют законодательству, например, согласно части 2 статьи 154 УПК РФ, и не искажают основополагающих принципов уголовного процесса, таких как достижение объективной истины. Важно, чтобы действия следователя были направлены на всестороннее, полное и объективное исследование всех обстоятельств дела, с соблюдением скорости проведения необходимых операций, обеспечением конфиденциальности следствия и налаживанием психологического взаимодействия с каждым лицом, которое может оказывать противодействие. Профессиональные навыки, опыт и логическое мышление следователя должны способствовать разработке и применению эффективных стратегий для устранения мотивов противодействия и формированию адекватных методов ответа на любые попытки вмешательства в процесс уголовного преследования [4].

Работа следователя по противодействию помехам в уголовном процессе тесно связана с взаимодействием с оперативно-разыскными службами. Это сотрудничество позволяет определять причины, мотивы и интересы лиц, мешающих проведению расследования. В рамках оперативно-разыскной деятельности особое внимание уделяется сбору информации о планах противодействующих субъектов, обезвреживанию действий, направленных на дискредитацию правоохранительной деятельности и давление на участников уголовного процесса, а также распространению недостоверной информации среди участников процесса и их окружения. Кроме того, важным аспектом является выявление связей между следователями, оперативниками и преступным миром.

Оперативно-разыскные мероприятия, направленные на противодействие и предотвращение препятствования со стороны преступников, считаются наиболее результативными благодаря их конфиденциальности. Хотя анализированные стратегии борьбы с противодействием не охватывают всего разнообразия практически применяемых мер, они могут служить руководством для принятия обоснованных решений следователями, оперативниками и судьями в процессе расследования преступлений.

Подводя итоги настоящего исследования, отметим, что противодействие уголовному преследованию является комплексной проблемой, требующей многоаспектного подхода в контексте уголовно-процессуальной и криминалистической наук. Это понятие охватывает широкий спектр действий, направленных на препятствование правосудию, включая сознательное искажение информации, использование тактических приемов для введения в заблуждение следственных органов и применение различных методов воздействия на процесс расследования. Эффективное преодоление такого противодействия требует не только четкого понимания его механизмов, но и интеграции уголовно-правовых, процессуальных, тактических и оперативно-разыскных мер. Использование полного арсенала доступных инструментов позволяет не только нейтрализовать существующие угрозы, но и предотвращать возможные попытки противодействия в будущем, что способствует укреплению правопорядка и обеспечению справедливости.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 22.04.2024) [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (Дата обращения: 02.05.2024).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 06.04.2024) [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (Дата обращения: 02.05.2024).
3. Варданян А.В., Макаренко И.А. Дискредитация субъектов раскрытия и расследования преступлений и криминалистические методы ее нейтрализации // Всероссийский криминологический журнал. 2022. № 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/diskreditatsiya-subektov-raskrytiya-i-rassledovaniya-prestupleniy-i-kriminalisticheskie-metody-ee-neytralizatsii (дата обращения: 02.05.2024).
4. Вахнина В.В. Требования профессиональной деятельности в современных условиях к профессионально важным качествам следователя // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 7. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/trebovaniya-professionalnoy-deyatelnosti-v-sovremennyh-usloviyah-k-professionalno-vazhnym-kachestvam-sledovatelya (дата обращения: 02.05.2024).
5. Головин А.Ю., Грибунов О.П., Бибиков А.А. Криминалистические методы преодоления противодействия расследованию транспортных преступлений. Иркутск: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2015. 164 с.
6. Казакова А.В. Возможности применения видеоконференц-связи в уголовном процессе // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2019. № 3 (25). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-primeneniya-videokonferents-svyazi-v-ugolovnom-protsesse (дата обращения: 02.05.2024).
7. Карагодин В.Н. Преодоление противодействия предварительному расследованию. Свердловск, 1992. 175 с.
8. Лившиц Л.В. Проблемы преодоления противодействия расследованию преступлений несовершеннолетних. Уфа: Вост. ун-т, 2001. 128 с.
9. Муратшина С.Н. К вопросу о преодолении противодействия уголовному преследованию // Юридическая наука. 2016. № 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-preodolenii-protivodeystviya-ugolovnomu-presledovaniyu (дата обращения: 02.05.2024).
10. Подвойский К.В. Понятие лжи в криминалистике // Пробелы в российском законодательстве. 2020. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-lzhi-v-kriminalistike (дата обращения: 02.05.2024).
11. Стулин О.Л. Тактические основы преодоления умышленного противодействия расследованию преступлений: Дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09. СПб., 1999. 171 с.
12. Шмонин А.В. Криминалистическое учение о противодействии расследованию преступлений: современное состояние и пути развития // Труды Академии управления МВД России. 2011. № 3 (19). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskoe-uchenie-o-protivodeystvii-rassledovaniyu-prestupleniy-sovremennoe-sostoyanie-i-puti-razvitiya (дата обращения: 02.05.2024).
13. Экман П. Почему дети лгут. М.: Педагогика-Пресс, 1993. 272 с.

STRATEGIES FOR OVERCOMING RESISTANCE TO CRIME INVESTIGATIONS: SYSTEMATIZATION OF RUSSIAN AND INTERNATIONAL EXPERIENCE

Medvedkina E.A.
Transbaikal State University

The article considers different approaches and classifications of measures aimed at overcoming opposition to crime investigation in forensic science. Offers from outstanding scientists who proposed various methods for dividing and applying tactical and strategic approaches to conflict management and information processing during investigations are highlighted. Different psychological and tactical techniques used to identify false information and false testimonies are also discussed. The research emphasizes the importance of a comprehensive approach to overcoming opposition in criminal investigations. In the conditions of the modern world, where criminals use increasingly sophisticated methods, the fight against counteraction to criminal prosecution becomes a key aspect in ensuring justice and security of society, both globally and in the realities of individual states, in particular, in Russia.

Keywords: forensics, opposition to investigation, tactical investigation techniques, classification of measures to overcome opposition, procedural and non-procedural measures, psychology of lies, detecting false information, conflict management in investigation

References

1. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FL (revision of 22.04.2024). Available at: Consultant Plus Prof (accessed: 02.05.2024).

2. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FL (revision of 06.04.2024). Available at: Consultant Plus Prof (accessed: 02.05.2024).
3. Vardanyan A.V., Makarenko I.A. Discrediting the subjects of crime disclosure and investigation and the criminalistic methods of neutralizing it. Russian Journal of Criminology, 2022, vol. 16, no. 5, pp. 638–645. (In Russian). EDN: LXWUHY. DOI: 10.17150/2500-4255.2022.16(5).638-645. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/diskreditatsiya-subektov-raskrytiya-i-rassledovaniya-prestupleniy-i-kriminalisticheskie-metody-ee-neytralizatsii Available at: 02.05.2024.
4. Vakhnina V.V. Requirements of professional activity in modern conditions to professionally important qualities of the investigator. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019, no.7, pp. 326–32.(In Russian). DOI: 10.24411/2073-0454-2019-10429. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/trebovaniya-professionalnoy-deyatelnosti-v-sovremennyh-usloviyah-k-professionalno-vazhnym-kachestvam-sledovatelya Available at: 02.05.2024.
5. Golovin A.Yu., Gribunov O.P., Bibikov A.A. Forensic methods of overcoming opposition to the investigation of transport crimes. Irkutsk, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2015. 164 p.
6. Kazakova A.V. Possibilities for videoconferencing in criminal proceedings. Siberian criminal procedure and forensic readings. 2019, no.3 (25). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-primeneniya-videokonferents-svyazi-v-ugolovnom-protsesse Available at: 02.05.2024.
7. Karagodin V.N. Overcoming opposition to the preliminary investigation. Sverdlovsk, 1992. 175 p.
8. Livshits L.V. Problems of overcoming opposition to the investigation of juvenile crimes. Dokt, Diss. Ufa, 2001. 128 p.
9. Muratshina S.N. On the issue of overcoming opposition to criminal prosecution. Legal Science. 2016, no 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-preodolenii-protivodeystviya-ugolovnomu-presledovaniyu Available at: 02.05.2024.
10. Podvoisky K.V. The concept of lies in forensics. Gaps in Russian legislation. 2020, no 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-lzhi-v-kriminalistike Available at: 02.05.2024.
11. Stulin O.L. Tactical fundamentals of overcoming deliberate opposition to the investigation of crimes. Dokt, Diss. St. Petersburg, 1999. 171 p.
12. Shmonin A.V. The criminalistic doctrine about counteraction to investigation of crimes: current state and ways of development. Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2011, no.3 (19). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskoe-uchenie-o-protivodeystvii-rassledovaniyu-prestupleniy-sovremennoe-sostoyanie-i-puti-razvitiya Available at: 02.05.2024.
13. Ekman P. Why children lie. Moscow, Pedagogy-Press, 1993. 272 p.

Исторические предпосылки установления института судебных следователей в Российской империи 1860 года

Латкин Александр Антонович,
аспирант Самарского национального исследовательского университета академика С.П. Королева
E-mail: aleksandarlatckin@yandex.ru

В статье рассматриваются исторические предпосылки установления института судебных следователей в Российской империи в ходе реформ 1860 г. Исследовано состояние уголовно-процессуального права Российской Империи на заре «освободительных» реформ, дана оценка влияния теории разделения властей на российское уголовно-процессуальное законодательство Российской империи в первой половине XIX в. Цель статьи – анализ состояния уголовно-процессуальной системы Российской империи XIX в с точки зрения его эффективности, целей ставившихся законодателем перед уголовным- процессом тех лет. Рассмотрены общие и частные черты инквизиционного процесса Российской империи сформировавшегося к XIX в. Проведен общий анализ исторических событий ставших причинами изменения уголовно-процессуального законодательства Российской империи сделавших возможными появление института следственных судей. Проведен анализ попыток реформирования системы уголовно-процессуальных отношений в Российской империи, выявлены источники вдохновения реформаторов.
Предпринята попытка описания исторических событий ставших причинами изменения уголовно-процессуального законодательства Российской империи сделавших возможными появление института следственных судей.

Ключевые слова: Судебный следователь, следственный судья, инквизиционный процесс, обвинительный уклон, правовое регулирование.

Судебный следователь появился в Российской империи в 1860 году, что стало значительным шагом в развитии уголовно-процессуального права. Перед нами встаёт вопрос, как в условии инквизиционной России появился столь прогрессивный институт, призванный обеспечить защиту подозреваемого от всевозможных злоупотреблений полиции?

Вплоть до реформ Александра II Россия была страной утвердившегося розыскного процесса, который имел ряд важных признаков:

а) Процессуальные функции обвинения и разрешения дела сосредоточены в одном органе;

б) Допущение применения пыток как способа получения информации;

в) Отсутствие стороны защиты как субъекта при рассмотрении уголовного дела

Чтобы ответить на вопрос, в каком состоянии Россия XIX в зашла на путь реформ, необходимо разъяснить общие черты подхода законодателя к сущности уголовного процесса тех лет. Розыскной процесс (инквизиционный) стал основной формой процесса начиная с Воинского устава 1716 года, который окончательно утвердил субъект принятия решения по возбуждению уголовного дела – государство. Особенности данного периода истории уголовного процесса России нужно рассмотреть отдельно, так как сущность уголовного-процесса не изменилась вплоть до реформ 1860-х годов. Начало имперского периода своей истории, Россия встретила как государство, в котором функции обвинения и рассмотрения дела были сосредоточены в одном органе, что было характерно для уголовного процесса большинства стран средневековой Европы. Так уголовный процесс в Российской империи XVIII в не был упорядоченным, стадии предварительного расследования и судебного разбирательства не были разделены при полном подчинении судам органов полиции. Рассмотрение дела в суде было обвинительным, формальным. Соблюдалась полная канцелярская тайна. Во время рассмотрения уголовного дела суд мог через полицию прибегнуть к так называемому «дополнительному следствию». При этом допрос подозреваемого судом, по закону относился к «порядку рассмотрения и дополнения следствия», что не оставляет никаких сомнений относительно роли суда в ходе рассмотрения дела. Так судьи фактически выступали в качестве следователей в их современном понимании, т.е. лиц, готовящих материалы для рассмотрения дел в суде на основе законных процедур, предварительно исследовав доказательства путем допроса, который мог быть

проведен «пристрастно», с применением пыток. При этом суд самостоятельно не занимался сбором доказательств и не осуществлял другие действия: «гонение по следу», «повальный обыск» и т.д. Непосредственно оперативную работу осуществляли сотрудники полиции, судебными приставы и другими должностные лица, процессуальный статус которых не имел четкой регламентации. Закон «О форме суда» устанавливал, что мелкие дела решаются на месте, при этом, если за совершенное преступление полагается серьезное наказание, тогда дело будет отправлено на рассмотрение в земский суд. Так Параграф 1 Положения о земской полиции (ст. 2509 ч. 1 т. 2 Свода законов) установил, что «учреждаемый в каждом уезде земский суд и подчиненные ему, действующие по его предписаниям и постановленным правилам, лица» заведуют «всеми делами и распоряжениями, до земской полиции относящимися» [1]. Если кратко описать систему судов России на заре реформ 1860-х гг, то получится, что нижний ее уровень составляли земские суды, уездные суды, надворные суды, магистраты, ратуши, словесные суды, сиротские суды, волостные расправы, сельские расправы; средний уровень – палаты гражданского и уголовного суда, совестные суды. Высшей судебной инстанцией являлся Правительствующий сенат[2].

Теперь нужно поднять вопрос о целях, которые ставил перед уголовно-процессуальным законом российский законодатель XVIII в. В отличии от XVII в., в котором суд был в подчинении местных воевод, судебная система перешла в полное подчинение центральной власти, местные суды стали строиться в единых правилах в выстроенной системе соподчиненности судов младших старшим. Судебные органы должны были стремиться не столько к установлению истины, сколько к устрашению потенциальных нарушений имперского закона. В сложившемся к началу XIX в порядке, для государства более важно наказать иногда и невиновного, чем вообще никого не покарать[3]. Данная цель уголовного судопроизводства так же нашла свое воплощение в теории формальных доказательств. Согласно этой теории, для успешного исхода дела требовалось не установить истину, а лишь собрать доказательства, юридическая значимость которых была различной и градировалась. Главным документом, используемым в процессе рассмотрения дела судом, была часть Воинского устава под названием «Краткое изображение процессов и судебных тяжб» Список приведенных основных доказательств состоял из следующих видов: присяга, показания свидетелей, документы, собственное признание. При этом нужно заметить, что самым значимым видом доказательств являлось собственное признание. Согласно теории формальных доказательств существует два типа доказательств – совершенные доказательства и несовершенные. Одно несовершенное доказательство оставляло в осуждении и не могло стать основанием осуждения, но «несколько несовершенных доказательств, совокупно взятых, могут составить совершенное доказательство» [4]. При недостатке совершенных улик, но в отсутствии оправдательного и обвинительного приговора, существовала процедура имевшая название «оставлен в подозрении», при этом в большинстве случаев «оставленный в подозрении» человек оставался в этом статусе всю свою жизнь. Собственное признание было самым веским доказательством, при этом, как было упомянуто ранее, законодатель одобрял использование пыток при сборе доказательств. Собственное признание пытались добывать всеми возможными способами, при этом пытки допускалось использовать даже по отношению к свидетелям. Запрещалось использовать пытки против лиц, за исключением подозрения в совершении государственных преступлений, старше 70 лет, малолетних, беременных женщин и чиновников высокого ранга.

Промежуточный вывод при кратком обзоре уголовно-процессуального права Российской Империи – суд являлся гегемоном, при этом заточенным на кару и устрашение, но не на рассмотрение дела по существу. Тому стала причина в виде формального подхода к рассмотрению судами дел и исторических условий сложившихся в Российской империи: стремление законодателя к максимальной централизации власти, повышение бюрократизма при работе государственных структур.

Чтобы понять, как в подобных условиях розыскного процесса мог возникнуть прорывной институт следственного судьи, мы должны обраться к истории уголовного процесса во Франции. Значительным событием, давшим неявный, но определяющий толчок в развитии правовой мысли не только XVIII в, но и XIX в, стало появление теории разделения властей. В 1748 году Шарль Луи де Монтескьё пишет работу «О духе законов», которая продвигала идеи свободолюбия, справедливости, предлагала новые правовые конструкции и методы управления, одной из которых и была теория разделения властей. Через 44 года после опубликования «О духе законов», в 1792 году происходит Великая французская революция, которая приводит к свержению монархии во Франции и установлению Республики. Данные события стали большим потрясением для Европы. Но лишь сменой власти во Франции дело не окончилось, идеи Монтескьё и других философов Эпохи просвещения нашли воплощение в новом французском законодательстве, которое затрагивало все сферы жизни общества и кардинальным способом изменяло устоявшийся уклад феодальной Франции. В 1789 г. была принята Декларация прав человека и гражданина, а в 1808 году был принят кодекс уголовного следствия, который стал, без преувеличения, прорывным. Важнейшим нововведением стало введение института «разделения властей», который в уголовном процессе Франции выражался в разделении власти судебной от исполнительной (т.е. следственной).

В целях разделения судебной и исполнительной власти требовались новые субъекты уголовного-

процесса и иные правовые конструкции. Интересным нововведением стал институт «следственного судьи», который был призван оградить подозреваемого от возможного тенденциозного воздействия со стороны полиции, было обеспечено его статусом представителя судебной власти, который занимался расследованием уголовных дел.

В России интерес к Франции начал стремительно расти (после появления труда Монтескье, успеха Великой французской революции) и даже в какой-то степени после Отечественной войны 1812 года, что подтвердилось восстанием декабристов. «Дух свободы», Конституции, просвещенной (конституционной) монархии витал в образованном обществе Российской Империи, а накопленные (имеющиеся) трудности и противоречия, в т.ч. и в законодательной сфере были препятствием.

12 марта 1801 года на императорский престол вступает молодой Александр I и начинает работу по реформированию российского законодательства в сторону конституционной монархии. Для этого Александр I в 1808 году поручает М.М. Сперанскому, разработать проект государственного преобразования России. Проект был представлен Императору уже в октябре 1808-го года и назывался «Введение к уложению государственных законов» Цели реформ заключались в переходе к конституционной монархии, отмене крепостничества (в перспективе), разделению властей, выборным началам.

М.М. Сперанский адаптировал теорию разделения властей к современной на тот момент правовой системе. Цель его работы было предание институтам государственной власти разную функцию, отделение одной власти от другой. Важной частью реформы должно было стать отделение судебной власти от администрации. Для создания справедливой системы правосудия в правовом государстве, требовалась новая судебная система. Судебную власть предлагалось предоставить областными, уездными и губернскими судами, состоящим из выборных судей и действующих с участием присяжных. Высшей судебной инстанцией должен был стать Сенат, члены которого избирались бы пожизненно Государственной Думой и утверждались Императором лично.

Судебная власть должна была быть независимой юридически и организационно (судебная власть должна быть независимой от власти исполнительной). Исполнительная власть должна была быть в ведении императора, который становился главой исполнительной власти. Таким образом исполнительная власть должна быть в зависимости от правительства, но в то же самое время должен вводиться институт ответственности правительства[5].

Император Александр I положительно охарактеризовал проделанную Сперанским М.М. работу, но в связи с интригами дворянства, которое не желало кардинальных изменений, Сперанский попал в немилость и был отправлен в ссылку.

Во время кризиса престолонаследия 1825-го года восстали декабристы, которых сумели подавить. Это событие стало катализатором для витка «консерватизма» в российской политике.

Новый император Николай I, учитывая авторитет и заслуги Сперанского, поручил ему возглавить работу Собственной Его Императорского Величества канцелярии по составлению общего свода законов Российской империи. В результате сначала появилось составленное в 1830 г. Полное собрание законов Российской империи, куда вошли все законы, как действующие, так и утратившие силу, начиная с Соборного уложения 1649 г. На его основе был подготовлен Свод законов 1832 г. в 15 томах, включивший лишь действующие законодательные акты. Книга 2 последнего тома – т. XV «Законы уголовные» – представляла собой первую в российской истории систематизацию уголовных постановлений и императорских указов. Нужно отметить тот факт, что термины «уголовное право», а также «уголовно-процессуальное право» в лексиконе законодателя тех лет отсутствовали. Большинство указов и законов уголовного характера представляли собой нечто в современном понимании весьма эпатажное и не претендовали на системность и непротиворечивость. Свод законов Российской империи с момента издания приобрел статус официального источника права. При возникновении противоречия или сомнения в принятии верного решения было необходимо обращаться непосредственно «самому к тексту закона», т.е к их публикации в Полном собрании законов Российской империи» [6]. Именно по Своду законов мы сегодня судим о российском уголовном процессе образца XVIII – первой половины XIX в., т.е. о том инквизиционном уголовном процессе, который и называем дореформенным.

Период правления Николая I ознаменовался поражение России в Крымской войне. Данное событие выявило несостоятельность многих аспектов устройства государства. Можно предположить, что экономический кризис, вызванный войной, неэффективность экономики, бунты крестьян, неразрешенные социальные проблемы вынудили власть «либерализовать закон», дать больше свободы населению, постепенно переходить к капиталистическому устройству.

К такому же решению подталкивал и пример Франции, в которой за 18 лет прошли две революции (Июльская революция 1830 г. и Февральская революция 1848 г.), причинами которых стали «консервативные» изменения французских государей в условиях капиталистических отношений. После Февральской революции 1848 года во многих странах Европы начались вооруженные выступления против правительств. Капитализм нуждался в честном суде и справедливом законе, что выразилось в подготовке судебных реформ с ориентированием на иностранное законодательство

Сразу после смерти Николая I, в права императора вступил Александр II, который преступил к работе по либерализации законодательства Рос-

сийской империи. Одним из важнейших направлений реформ стало законодательство судебное. В 1858 г. началась работа по подготовке реформы, которая должна была реформировать систему уголовно-процессуальных отношений, судебное устройство, идти в комплексе с освобождением крестьянства. Работа по совершенствованию полицейских и судебных структур была поручена Комиссии по разработке Устава судопроизводства по преступлениям и проступкам, возглавлявшейся графом Д.Н. Блудовым, занимавшим в разное время должности Министра внутренних дел и Министра юстиции. В состав комиссии также входили такие видные юристы того времени, как С.И. Зарудный, В.А. Арцимович, Я.А. Соловьев[7]. Следует отметить, что работа но составлению проекта этого Устава проходила одновременно с работой над «Уложением о наказаниях уголовных и исправительных» [8].

В 1834 г. Д.Н. Блудов видел необходимость в реформировании системы полиции в целях улучшения процесса следственных действий, и в 1837 г. подготовил предложения, получившие название «Проект о следствии», призванный разделить дознание от предварительного следствия и дознания, подчинив полицию функции дознания, а следствие- суду в лице следователя. Предложения были частично использованы в принятом позже Уставе уголовного судопроизводства 1860 г. В 1859 г. член комиссии Н.И. Стояновский изучил опыт европейских государств, в частности Франции и заключил, что следствие должно относиться к судебной власти. Так сложилась концепция, что сбором информации и доказательств заведует полиция, а следователь отвечает за предварительное расследование и обобщение информации с предварительным решением о виновности и невиновности подозреваемого. Следственный аппарат должен находиться в судебном ведомстве чтобы быть независимым от полиции и администрации.В итоге тому был посвящен акт «Учреждение судебных следователей», утвержденный Александром II именным Указом от 8 июня 1860 года. Так же были утверждены акты, регламентирующие полномочия судебного следователя: «Наказ судебным следователям», а также «Наказ полиции о производстве дознания по происшествиям, могущим заключать в себе преступление или проступок». При этом императорский указ вводил институт судебных следователей в подчинение Министерства юстиции. Используя принцип разделения властей, законодатель преследовал целью возложить дознание на полицию, а следствие на судебных следователей. Как субъект уголовно-процессуальных отношений, судебный следователь был введен Уставом уголовного судопроизводства 1864 года и просуществовал в России вплоть до свержения монархии. При этом среди юристов работавших над реформированием полиции и судебной системы возникали споры о названии нового субъекта уголовного судопроизводства. В итоге было отвергнуто название «следственный судья», и как правильно заметил В.О Белоносов, чисто из филологических соображений[9].

В понимании царских юристов, следственный судья является новым субъектом уголовного процесса и призван быть гарантом законности и соблюдения прав обвиняемого в преступлении. Наряду с отказом от теории формальных доказательств, Судебные уставы и введением оценки на основании внутренних убеждений, сам институт судей был открыт новым вариантом прочтения самого понятия судьи. Так можно сказать, что судебный следователь – это особая разновидность судьи, а статус члена суда придает престиж и статус данному субъекту, но не делает его обычным судьей. Нельзя согласиться с мнением большинства авторов, которые описывают данный институт как институт первых настоящих следователей в истории России, так как деятельность судебного следователя не направлена на обвинение, но на установление справедливости в тех рамках, которые ему дозволенны законом. Так судебный следователь собирает доказательства способные оправдать обвиняемого в равной степени, как и ухудшить его положение. В действительности, Судебные следователи, или как можно еще их назвать – следственные судьи, на ряду с адвокатом, являются одним из первых действительных шагов российского законодателя на пути к улучшению положения, во многом бесправного подозреваемого и обвиняемого. Само существование судебного следователя дает возможность предположить, что обвиняемый из статуса объекта, если не перешел в статус, субъекта, то во многом получил некоторые признаки субъектности. В дальнейшем, уже после реформ 1864-го года, судебный следователь начал терять свою субъектность, так как не смотря на свой судейский статус, он находился в тени прокурора. Попытка утверждения столь прогрессивного института в условиях вчерашнего крепостничества, крестьянских войн Пугачева конца XVIII в, в стране, в которой была «свалка» законов начиная с Соборного уложения 1649 г с огромным количеством указов и распоряжений неотмененных, а лишь фактически не действующих, в стране, где пытки были легализованы, такакая попытка была значительным шагом вперед. Дореформенный уголовный процесс к середине XIX в был абсолютно не отвечающим присущим тому времени социальным и экономическим тенденциям, что приводило в конечном итоге к экономическому отставанию России от Западной Европы, росту социального недовольства со стороны как народных масс, так и аристократии. Во многом воплощение на практике теории разделения властей, которую впервые стал реализовывать Сперанский М.М., стало первой попыткой реформирования застоявшейся российской правовой системы. Сила вещей не позволила Сперанскому завершить свою работу, но его работу продолжили лишь ко второй половине XIX в. Институт следственных судей во Франции стал отличным примером проявления гуманизма в уголовно-процессуальном праве, а рецепция его

российским законодателем была значительным прорывом. Российский законодатель во многом опираясь на идеи гуманизма впервые декларировал справедливость целью уголовного процесса, попытавшись обеспечить ее созданием беспристрастного субъекта в виде судебного следователя. Даже на сегодняшний день институт судебного следователя выглядит интересным в рамках введения его в современном российском уголовно-процессуальном законодательстве, так как наличие дополнительного института гарантирующего законность и справедливость на этапе проведения предварительного расследования поможет избежать нарушения прав подозреваемого.

Литература

1. Полное собрание законов Российской империи. 1-е изд. Т. V. СПб., 1830. № 2673.
2. Бабенко В.Н. Судебная система России: история и современность. М., 2007. С. 118.
3. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных // Российское законодательство X–XX веков. – М., 1988. – Т. 6. – С. 174–309.
4. Шейфер С.А. Досудебное производство в России XIX века: от пристава следственных дел к судебному следователю С. 68.
5. Шворина Т.В. Воинские артикулы Петра I.М., 1940. С. 3.
6. Сперанский М.М. Проекты и записки.- М.; Л., 1961. – С. 32, 36.
7. Сидорчук М.В. Систематизация законодательства России в 1826–1832 годах. Дисс… канд. Наук. Л., 1983. С. 154
8. Катуфин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Судебная власть в России: история и документы: В 6 т., М., 2003 –С. 847.
9. Белоносов В.О. Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королёва, Самара, Россия; Правовое государство теория и практика – С. 9

HISTORICAL BACKGROUND FOR THE ESTABLISHMENT OF THE INSTITUTION OF FORENSIC INVESTIGATORS IN THE RUSSIAN EMPIRE IN 1860

Latkin A.A.
Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev

The article examines the historical prerequisites for the establishment of the institute of judicial investigators in the Russian Empire during the reforms of 1860. The article examines the state of the criminal procedure law of the Russian Empire at the dawn of the "liberation" reforms, and assesses the influence of the theory of separation of powers on the Russian criminal procedure legislation of the Russian Empire in the first half of the XIX century.
The purpose of the article is to analyze the state of the criminal procedure system of the Russian Empire of the XIX century in terms of its effectiveness, the goals set by the legislator before the criminal process of those years. The general and particular features of the inquisition process of the Russian Empire formed by the 19th century are considered. A general analysis of the historical events that became the reasons for the change in the criminal procedure legislation of the Russian Empire, which made possible the emergence of the institute of investigative judges. The analysis of attempts to reform the system of criminal procedural relations in the Russian Empire is carried out, the sources of inspiration of reformers are revealed.
An attempt is made to describe the historical events that became the reasons for the change in the criminal procedure legislation of the Russian Empire, which made possible the emergence of the institute of investigative judges.

Keywords: Judicial investigator, investigating judge, inquisition process, accusatory bias, legal regulation.

References

1. Complete collection of laws of the Russian Empire. 1st ed. T. V. SPb., 1830. No. 2673. (In Russian)
2. Babenko V.N. The Russian judicial system: history and modernity. M., 2007. P. 118. (In Russian)
3. Code of Criminal and Correctional Punishments // Russian legislation of the 10th-20th centuries. – M., 1988. – T. 6. – P. 174–309. (In Russian)
4. Shafer S.A. Pre-trial proceedings in Russia of the 19th century: from the bailiff of investigative cases to the judicial investigator P. 68. (In Russian)
5. Shvorina T.V. Military articles of Peter I.M., 1940. P. 3. (In Russian)
6. Speransky M.M. Projects and notes. – M.; L., 1961. – P. 32, 36. (In Russian)
7. Sidorchuk M.V. Systematization of Russian legislation in 1826–1832. Diss… cand. Sci. L., 1983. P. 154 (In Russian)
8. Katufin O.E., Lebedev V.M., Semigin G.Yu. Judicial power in Russia: history and documents: In 6 vols., M., 2003 – P. 847. (In Russian)
9. Belonosov V.O. Samara National Research University. S.P. Koroleva, Samara, Russia; Rule of law theory and practice – P. 9 (In Russian)

Особенности пенитенциарной преступности в местах лишения свободы

Соболев Николай Гургенович,
кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела разработки методологий социальной, психологической, воспитательной и педагогической работы с осужденными центра исследования проблем исполнения уголовных наказаний и психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников УИС ФКУ НИИ ФСИН России
E-mail: sobolev-nikolay@mail.ru

Ляпин Алексей Иванович,
кандидат педагогических наук, доцент, начальник кафедры физической подготовки Воронежского института МВД России
E-mail: lyapin78@mail.ru

Овсюков Дмитрий Алексеевич,
кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: uro-ru@yandex.ru

В статье представлены подходы к изучению понятия пенитенциарной преступности исследователями в области юридических наук, отражены основные особенности пенитенциарной преступности. Актуальность изучаемого вопроса подтверждается тем, что современные концептуальные подходы не могут предоставить чёткий комплекс исследований по теме объяснения понятия пенитенциарной преступности. Также в статье отмечены типы преступного поведения, которые могут совершаться в исправительных учреждениях. Особо уделено внимание на такие типы преступления, как массовые беспорядки и насилие в местах лишения свободы. Также выделены типы поведения личностей, демонстрирующих преступное поведение. Объектом исследования выступают общественные отношения. Предметом исследования мы определяем нормы уголовного законодательства. Цель исследования – это проведение анализа исследований по проблеме предупреждения преступности с перспективой решения имеющейся проблемы в местах лишения свободы. Теоретический анализ проведённого исследования позволяет определить ряд предложений по совершенствованию правовой политики.

Ключевые слова: пенитенциарная преступность, сотрудники уголовно–исполнительной системы, осужденные, преступление, коррупция, уголовное право, массовые беспорядки.

В современном мире приобретает свою известность особая тенденция. Проблема изучения преступности в местах лишения свободы является особо актуальной на сегодняшний день. Преступность в местах лишения свободы развивается всевозможными быстрыми темпами ввиду нестабильной социально–политической ситуации в мире. Государство ставит перед собой особую задачу, которая заключается в снижении уровня преступности в местах лишения свободы. Причинами возникновения противоправного поведения со стороны лиц, находящихся в исправительных учреждениях, являются психологические факторы, экономические, политические. Сотрудники не всегда готовы разрешить имеющуюся конфликтную ситуацию ввиду нежелания или неумения этого делать.

Актуальность

Проблема предупреждения преступности в местах лишения свободы является особо острой в настоящее время. Уголовное право и криминология, а также иные юридические науки, изучающие преступную среду, не могут предоставить чёткий комплекс исследований по данной тематике, именно по этой причине проблема предупреждения преступности обусловливает поиск методов и путей её разрешения [8, с. 280].

Объект

Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие между субъектами правоотношений и регулирующие вопросы предупреждения преступности в местах лишения свободы.

Предмет

Предметом исследования мы определяем нормы уголовного законодательства. Современное уголовное право регулирует такие характеристики: личность осужденного и ведущие особенности его поведения, деятельность различных субъектов по предупреждению преступности, а также данные, характеризующие структуру преступности [9, с 104].

Цель

Целью данного исследования мы определяем проведение анализа исследований по проблеме предупреждения преступности с перспективой решения имеющейся проблемы в местах лишения свободы.

Научная новизна

В нашем исследовании мы предприняли попытку изложить теоретические концепции по изучению особенностей совершения преступлений в местах лишения свободы. В теоретическом анализе мы дали определение пенитенциарной преступности, отметили её уголовно–правовую характеристику. Также в нашем исследовании мы провели комплексное изучение направлений предупреждения преступлений. В исследовании выделены рекомендации по совершенствованию современного российского законодательства в отношении профилактики деструктивного поведения среди осужденных.

Практическая значимость

Теоретический анализ проведённого исследования в области предупреждения преступности в местах лишения свободы позволяет определить ряд предложений по совершенствованию правовой политики. В исследовании мы провели сравнительный анализ теоретических концепций и разработок отечественных и зарубежных авторов. Данное исследование актуально ввиду проведения реформирования уголовно–исполнительной системы Российской Федерации (далее – УИС).

Далее обратимся к конкретному рассмотрению ведущих понятий исследования и определим их характеристики. Термин пенитенциарной преступности рассматривается исследователями с точки зрения разных подходов, что позволяет достаточно подробно отразить особенности совершения противоправных действий в местах лишения свободы.

Пенитенциарной преступностью, согласно первому подходу, исследователи О.В. Старков и С.Ф. Милюков определяют как «явление, несущее в себе социальные черты, порождаемое противоречиями общественного бытия и сознания, в сфере отбывания наказаний и проявляющееся в массе повторных преступлений, а также в возрождении противоречий этой же сферы» [4, с. 356].

Исследователи Ю.М. Антонян, А.Я. Гришко и А.П. Фильченко придерживаюсь иной точки зрения. Они представляли изучаемый термин, как «совершение субъектом правоотношений незаконных деяний, которые, как правило, посягают на общественные отношения в сфере уголовных наказаний в условиях изоляции от общества, и потому круг пенитенциарных преступлений ограничивается только специфическими составами» [3, с. 32]. Здесь авторы отмечают такие статьи Уголовного кодекса: ст. 321 УК РФ «Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества», ст. 314 УК РФ «Уклонение от отбывания наказания в виде лишения свободы», ст. 313 УК РФ «Побег из места лишения свободы или из–под стражи». Подход данных авторов к изучаемой проблеме не охватывает более частные случаи. В нем не рассматриваются иные преступления, совершаемые осужденными в местах заключения. Трактовка авторов требует к себе дополнения хотя бы по той причине, что она не учитывает преступления, совершаемые против половой свободы и половой неприкосновенности личности.

Учёные в области пенитенциарных наук В.С. Ишигеев и И.П. Парфиненко понимают преступность, как «преступления, предусмотренные Уголовным кодексом РФ, посягающие на общественные отношения в сфере исполнения уголовных наказаний в условиях изоляции от общества, совершённых осужденными или следственно–арестованными» [2, с. 17]. На данное понятие мы и будем опираться в нашем исследовании. Подход авторов определяет нормативно–правовую базу понятия, учитывает отношения, которые подвержены воздействию, а также указывает на факт совершения противоправных действий именно в местах лишения свободы. В.С. Ишигеев, И.П. Парфиненко отражают в своем подходе субъектную сторону изучаемого феномена.

Отрицательные социально–правовые явления, выражающиеся в совершении противоправных действий осужденными в местах лишения свободы, и преследуемые уголовно–правовым законодательством – это понятие пенитенциарной преступности. Данное понятие мы определили, опираясь на подходы известных авторов, интерпретирующие изучаемый феномен. Пенитенциарная преступность имеет место, как со стороны осуждённых и заключенных под стражу, так и со стороны сотрудников администрации исправительных учреждений.

Так, основная причина совершения противоправных действий в местах лишения свободы осужденными является изоляция от общества [6, с. 25]. Осужденные, находясь в исправительном учреждении, лишаются базовой потребности свободы, они не могут реализовать себя должным образом, у них утрачиваются социально–значимые отношения с близкими людьми. Форма наказания, как лишения свободы, является способом государственного принуждения карательного характера к лицам, совершившим преступные действия.

Далее следует определить такие типы преступного поведения, которые могут совершать в местах лишения свободы:

1) Нежелание нести наказание, то есть уклонение от наказания. Элементарным здесь примером является побег из мест лишения свободы.

2) Проявление как физического, так и психического насилия в отношении других осужденных. К психическим можно отнести: клевета, оскорбления личности и достоинства, угрозы и так далее. Физическим насилием в местах лишения свободы можно отметить: нанесение телесных повреждений как самому себе, так и окружающим.

3) Совершение корыстных преступлений с целью получения выгоды. Корыстные преступления представляют собой определённые виды хищения из мест лишения свободы.

4) Совершение действий, направленных на дезорганизацию деятельности исправительного учреждения. Дезорганизационные действия проявляются

ляются в массовых беспорядках, оказания сопротивления представителям администрации, порча имущества учреждения и другое.

Особо серьёзным и требующим к себе отдельного внимания в местах лишения свободы являются массовые беспорядки и правонарушения. Массовые беспорядки наносят ущерб гораздо больше и масштабнее, чем другие виды правонарушений. Массовые беспорядки способствуют возникновению волнения в группах осужденных и всего исправительного учреждения. Массовое преступное поведение выражается в следующих характеристиках:

1) Совершение пенитенциарных преступлений преимущественно группой лиц. Также субъектом может выступить и один осужденный. Сюда мы определяем побег, лишение жизни человека.

2) Массовые беспорядки непосредственно.

3) Массовые эксцессы среди осужденных в местах лишения свободы. К массовым эксцессам мы можем отнести, например, неповиновение требованиям администрации: отказ от работы, нежелание идти на зарядку, приём пищи и так далее.

4) Серьёзными являются преступления, совершаемые против половой свободы и половой неприкосновенности личности. Сюда исследователи относят мужеложство и лесбиянство.

5) Употребление, хранение и распространение наркотических средств и психотропных веществ в местах лишения свободы.

6) Незаконные действия сотрудников УИС. Сотрудники исправительных учреждений не всегда добросовестно относятся к исполнению должностных обязанностей. Пенитенциарные преступления сотрудников УИС часто связаны с коррупционной составляющей, злоупотреблением служебным положением и так далее.

В местах лишения свободы встречается большое количество видов преступлений [7, с. 281]. Есть такие, которые связаны с мелким хищением, а также имеющие наибольший ущерб – убийства. Так, наиболее часто встречающимся видом преступления в местах лишения свободы являются насильственные преступления. Насильственные преступления отличаются особой жестокостью и моральной запущенностью. Исследователи определяют как моральное, так и физическое насилие, которое пагубно влияет на жизнь и здоровье личности осужденного [1, с. 142]. Латентность – это одна из особенностей преступлений насильственного характера. Такие преступления как нанесение тяжкого вреда здоровью, убийство относятся к насилию и чаще фиксируются в исправительных учреждениях. Сотрудники уголовно–исполнительной должны быть психологически и физически готовы к данным происшествиям, возникающим в местах лишения свободы.

Проблема разрешения насильственных преступлений в местах лишения свободы особо актуальна в настоящее время. Осужденные своими противоправными действиями дезорганизуют деятельность исправительного учреждения, подрывают его оперативную обстановку. Она становится нестабильной, в ней характерно возникновение волнения среди масс, недовольства, конфликты между осуждёнными, недоверие органам власти и окружающим со стороны заключенных.

Также особо серьёзной проблемой в исправительных учреждениях определяется совершение противоправных действий сотрудниками УИС с целью получения материальной, чаще всего, выгоды. Коррупционные преступления, злоупотребления должностными полномочиями, насильственные преступления в отношении осужденных, содержащихся в местах лишения свободы, имеют место быть. Профилактика деструктивного поведения основывается на проведении просветительских, профилактических мероприятий с личным составом. Правонарушения среди сотрудников исправительных учреждений часто встречаются в современной практике. Действия сотрудников, совершающих преступления в местах лишения свободы, подвергаются санкциям уголовного наказания. Мы считаем, что современное уголовное законодательство не учитывает факт наличия группы преступлений, совершаемых сотрудниками исправительных учреждений. Важность определения ряда преступлений в определенную группу позволит прогнозировать возможные деструктивы, сделать уголовные наказания более серьёзными, с чёткими сроками уголовного наказания по тяжести и серьёзности совершенного преступления.

Проведенный нами криминологический анализ лиц, совершающих преступления в исправительных учреждениях, позволяет применять полученные знания на практике. Мы определили ряд преступлений, которые наиболее часто встречаются в местах лишения свободы. Пенитенциарные преступления, выявленные среди осужденных и сотрудников, позволяют увидеть статистические особенности, определить благоприятность оперативной обстановки и снизить тяжесть вреда.

Для изучения пенитенциарной преступности стоит не только обратить внимание на сущность, состав преступлений и тяжести причиненного вреда, а также на личность лиц, демонстрирующих противоправные действия [10, с. 292]:

1) Первый тип – ситуативно-криминогенный. Поведение осужденных, относящихся к данному типу, отличается особой непоследовательностью. Они часто нарушают правила внутреннего распорядка дня, не могут организовать свою деятельность, зависят от общей атмосферы, способны дезорганизовать окружающих. Такие осужденные часто прибегают к совершению противоправных действий на почве межличностных конфликтов по средством употребления психоактивных веществ, алкоголя или оскорбительного поведения потерпевших.

2) Второй тип – последовательно-криминогенный. Осужденные за особо тяжкие и тяжкие преступления относятся к данному типу.

3) Третий тип – ситуативный. Осужденные, относящиеся к данному типу, часто являются впервые отбывающими наказание в местах лишения

свободы. Статьи, по которым они отбывают наказания, носят достаточно ситуативный характер, часто не зависящий от них самих. Такие осужденные более, чем все остальные, подвержены побегу из мест отбывания наказания.

Пенитенциарные преступления несут в себе опасность для целостности общественного строя. Важно изучать не только типы совершаемых преступлений в местах лишения свободы, но и личности осужденных [5, с. 237]. Данный анализ позволит прогнозировать противоправное поведение, которое может дезорганизовать поведение других осужденных, поспособствовать возникновению массовых беспорядков и групповых неповиновений.

В местах лишения свободы пенитенциарные преступления возникают не так редко. Осужденные часто прибегают к жестоким способам воздействия на окружающих с целью защиты, доминирования, получения материальной выгоды и так далее. Сотрудники исправительных учреждений также подвержены воздействию неблагоприятных обстоятельств, криминальной среды и профессиональной деформации. Так, проблема изучения пенитенциарной преступности особо актуальна и важна для современного уголовно–правового законодательства.

Литература

1. Абрамова, Н.Г. Некоторые аспекты криминалистической характеристики пенитенциарных насильственных преступлений // Юридический вестник ДГУ. – Т. 26. – 2018. – № 2. – С. 141–144.
2. Акчурин, А. В. О понятии «пенитенциарных преступников» // Ведомости УИС. – 2023. – № 2. – С. 8–20.
3. Барабанов, Н.П. Криминологическая и психологическая характеристика криминальной субкультуры осужденных // Уголовно–исполнительное право. – 2014. – № 2 (18). – С. 28–36.
4. Ишигеев, В. С., Парфиненко И.П. К вопросу создания учений о «пенитенциарной криминалистике» // Культура интернациональных органов в современных условиях. – 2017. – С. 358–361.
5. Кардашевская, М.В. Предмет преступного посягательства как элемент криминалистической характеристики преступлений // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – № 7. – С. 236–238.
6. Марцев, А.И. Общие вопросы учения о преступлении [Текст] / А.И. Марцев. – Омск: Омский юридический институт МВД России, 2000. – 136 с.
7. Ромашов, Р.А. Пенитенциарная преступность: категориально–феноменологический и структурно–функциональный анализ // Вестник Самарского юридического института. – 2013. – № 3. – С. 9–15.
8. Унтеров, В. А. К вопросу о понятии пенитенциарной преступности // Пенитенциарная безопасность: традиции терроризма и зарубежный опыт: Материалы Междунар. науч. – практ. конф. (11–12 окт. 2018 г.). Самара: Самарский юридический институт ФСИН России. – 2018. – С. 279–281.
9. Хлус, А.М. Криминалистический анализ объекта и предмета посягательства в структуре преступлений // Юридический вестник Самарского университета. – 2018. – Т. 1. – № 1. – С. 100–107.
10. Шурухнов, Н.Г. Подозреваемые, обвиняемые, содержащиеся под стражей в СИЗО и ПФРСИ: характеристики, виды совершаемых правонарушений и преступлений // Евразийский юридический журнал. – 2019. – № 3. – С. 290–292.

FEATURES OF PENITENTIARY CRIME IN PLACES OF DEPRIVATION OF LIBERTY

Sobolev N.G., Lyapin A.I., Ovsyukov D.A.

UIS FKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volga-Vyatka Institute (branch) of The Kutafin Moscow State Law University (MSLA)

This article presents approaches to the study of the concept of penitentiary crime by researchers in the field of legal sciences, reflects the main features of penitentiary crime. The relevance of the issue under study is confirmed by the fact that modern conceptual approaches cannot provide a clear set of studies on the topic of explaining the concept of penitentiary crime. The article also highlights the types of criminal behavior that can be committed in correctional institutions. Special attention is paid to such types of crime as mass riots and violence in places of detention. The types of behavior of individuals demonstrating criminal behavior are also highlighted. The object of the study is public relations. We define the norms of criminal law as the subject of the study. The purpose of the study is to conduct a series of studies on the problem of crime prevention with the prospect of solving the existing problem in places of detention. The theoretical analysis of the conducted research makes it possible to identify a number of proposals for improving legal policy.

Keywords: penitentiary crime, employees of the penal correction system, convicts, crime, corruption, criminal law, mass riots.

References

1. Abramova, N.G. Some aspects of the forensic characteristics of penitentiary violent crimes // Legal Bulletin of the DSU. – T. 26. – 2018. – No. 2. – P. 141–144.
2. Akchurin, A.V. On the concept of “penitentiary criminals” // Gazette of the Penitentiary System. – 2023. – No. 2. – P. 8–20.
3. Barabanov, N.P. Criminological and psychological characteristics of the criminal subculture of convicts // Criminal executive law. – 2014. – No. 2 (18). – pp. 28–36.
4. Ishigeev, V. S., Parfinenko I.P. On the issue of creating teachings about “penitentiary forensics” // Culture of international authorities in modern conditions. – 2017. – P. 358–361.
5. Kardashevskaya, M.V. The subject of criminal encroachment as an element of the forensic characteristics of crimes // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2019. – No. 7. – P. 236–238.
6. Martsev, A.I. General questions of the doctrine of crime [Text] / A.I. Martsev. – Omsk: Omsk Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2000. – 136 p.
7. Romashov, R.A. Penitentiary crime: categorical-phenomenological and structural-functional analysis // Bulletin of the Samara Law Institute. – 2013. – No. 3. – P. 9–15.
8. Unterov, V.A. On the issue of the concept of penitentiary crime // Penitentiary security: traditions of terrorism and foreign experience: Materials of the International. scientific-practical conf. (Oct 11–12, 2018). Samara: Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. – 2018. – P. 279–281.
9. Khlus, A.M. Forensic analysis of the object and subject of encroachment in the structure of crimes // Legal Bulletin of Samara University. – 2018. – T. 1. – No. 1. – P. 100–107.
10. Shurukhnov, N.G. Suspects, accused, detained in pre-trial detention centers and PFRSI: characteristics, types of offenses and crimes committed // Eurasian Legal Journal. – 2019. – No. 3. – P. 290–292.

Технико-криминалистическое обеспечение хранения электронных доказательств

Пономарев Виталий Евгеньевич,
старший преподаватель кафедры криминалистики и правовой информатики юридического факультета им. А.А. Хмырова Кубанского государственного Университета
E-mail: 9529788272@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы и пути совершенствования методов хранения электронных доказательств в условиях современной цифровой эпохи. Автор отмечает, что текущие подходы к хранению электронных доказательств аналогичны методам доцифровой эпохи, что не учитывает особенности работы с цифровыми данными и не предполагает современных методов их защиты. Хранение на оптических дисках и других физических носителях имеет ряд недостатков, таких как ограниченная емкость, уязвимость к повреждениям и деградация со временем. Предлагается создание единой электронной базы данных на основе облачных технологий и блокчейна, что обеспечит надежное, безопасное и доступное хранение электронных доказательств. Это позволит повысить достоверность и допустимость электронных доказательств в процессе доказывания.

Ключевые слова: электронные доказательства, методы хранения, цифровая безопасность, уголовное судопроизводство, блокчейн, облачные технологии.

Современная эпоха цифровых технологий создает условия при которых электронные доказательства становятся неотъемлемым элементом системы доказательств по делу при расследовании преступлений любых категорий. Несмотря на это методы хранения электронных доказательств ничем не отличаются от методов, использовавшихся в доцифровую эпоху для обычных вещественных доказательств. На наш взгляд вопросу хранения электронных доказательств уделяется недостаточное внимание, не учитывается их специфика и особенности работы с ними, не применяются методы защиты данных.

Как справедливо отмечено А.В. Смирновым на сегодняшний день сохраняется двойственный подход к электронным доказательствам: с одной стороны под ними понимаются электронные носители информации (компьютеры, компакт-диски, флэш-накопители и т.д.), изымаемые следователем и фигурирующие в процессе расследования, как вещественные доказательства, а с другой стороны в качестве электронных доказательств судами признаются электронные сообщения, электронные документы и иные документы в электронной форме, цифровые аудио- и видеозапись, фотоизображение, информация интернет-порталов публичных органов и организаций, информация в СМИ, SMS-сообщения, бизнес-мессенджеры и социальные сети, электронные копии (образ) документа, цифровой отпечаток сайта (веб-архивы) и др. [1, с.24]

Анализируя нормы закона можно сделать вывод, что электронные носители информации могут попасть в дело либо путем изъятия носителей, обнаруженных в ходе следственных действий – преимущественно осмотра места происшествия, обыска или выемки, либо «созданы» самим следователем в ходе следственного действия и приобщены к соответствующему протоколу.

Так, фотография, аудио- и видеозапись давно и успешно используется следователями в ходе производства предварительного следствия. В соответствии с ч. 2 ст. 166 УПК РФ стенограмма и стенографическая запись, фотографические негативы и снимки, материалы аудио- и видеозаписи хранятся при уголовном деле.

В соответствии с ч. 3 ст. 164.1 УПК РФ следователь в ходе производства следственного действия вправе осуществить копирование информации, содержащейся на электронном носителе информации. При этом такие «скопированные» носители прилагаются к протоколу следственного действия. Также в материалах уголовного дела могут ока-

заться и иные электронные доказательства, полученные следователем в ходе производства следственных действий. Например, в ходе осмотра сайта в сети Интернет могут создаваться снимки экрана («скриншоты») или полные резервные копии сайта [2, с.116].

В пример можно привести и относительно новые случаи применения видео-конференц-связи при производстве допроса и очной ставки. Применение средств видеозаписи в ходе таких следственных действиях в соответствии с ч. 4 ст. 189.1 УПК РФ является обязательным.

Соответственно возникает вопрос хранения полученной электронной информации. В случае изъятия электронного носителя информации, очевидно, информация хранится на том же самом носителе, который был изъят. В зависимости от размеров и форм-фактора носителя это может быть в конверте при материалах уголовного дела (оптические диски, USB-флэш-накопители, Micro-SD-карты и тд.) либо отдельно от материалов (накопители на жестких магнитных HDD, смартфоны, планшеты и др.)

При копировании или получении информации в ходе следственного действия, поскольку электронная информация не может храниться вне электронного носителя информации, её необходимо где-то записать. Как правило, применяются оптические диски. Их широкое использование обусловлено прежде всего небольшой ценой и компактными размерами, которые позволяют легко помещать такой носитель в конверт в материалах уголовного дела.

Также в качестве аргумента за применение оптических дисков выступает свойство некоторых их видов: CD-R и DVD-R предполагают только однократную запись, после чего возможно их только прочитать. Что, в целом не является до конца верным, поскольку при использовании режима специального режима в процессе записи носителя изменить ранее записанную информацию нельзя, но можно добавить на носитель новую информацию. Информацию, которая уже находится на носителе при этом, можно стереть [3].

Оптические диски были популярны в прошлом для хранения данных благодаря своей доступности и относительно низкой стоимости. Однако, использование этих носителей для хранения электронных доказательств имеет ряд серьезных недостатков, которые могут существенно повлиять на целостность и доступность данных:

– Ограниченная емкость. Современные электронные доказательства часто включают большие объемы данных, такие как видеозаписи высокого разрешения, базы данных и объемные файлы. Емкость оптических дисков ограничена (например, CD – до 700 МБ, DVD – до 4.7 ГБ, Blu-Ray – до 50 ГБ). Хранение больших объемов данных требует использования множества дисков, что усложняет управление и увеличивает риск утраты или повреждения отдельных носителей.
– Уязвимость к физическим повреждениям. Оптические диски легко повреждаются. Они подвержены царапинам, трещинам, воздействию влаги и экстремальных температур. Даже небольшие повреждения могут сделать данные на диске нечитаемыми, что приводит к утрате доказательств.
– Деградация со временем. Оптические диски имеют ограниченный срок службы. Со временем они могут деградировать, особенно при неправильном хранении. Деградация может привести к утрате данных, что особенно критично для долговременного хранения доказательств, которые могут быть востребованы спустя годы.
– Медленный доступ к данным и необходимость наличия оборудования для чтения дисков. Скорость чтения данных с оптических дисков значительно ниже по сравнению с современными методами хранения.

Использование иных носителей затруднено ввиду их высокой стоимости по сравнению с оптическими дисками, так как они не являются «расходниками». Однако, иногда могут применяться USB-флэш-накопители или Micro-SD-карты.

При этом при хранении электронных доказательств не используется никаких системы, которые бы обеспечивали шифрование или защиту данных иными способами, отслеживали версии сохраненных файлов, обеспечивающие резервное копирование данных. Системы защиты данных и резервного копирования слабо совместимы с существующими подходами к хранению электронных доказательств. Таким образом электронная информация хранится при уголовном деле в единственном экземпляре, в незащищенном от изменения или повреждения виде. В случае повреждения носителя, подключения носителя к неисправному персональному компьютеру, неисправности дисковода, который повредит оптический диск или иной подобной ситуации информация может быть утрачена навсегда, без возможности восстановления. Обращение к электронным доказательствам также затруднено, а автоматический поиск попросту невозможен.

На наш взгляд, на сегодняшний день от существующих подходов хранения электронных доказательств пора отказаться. Обеспечение надежного хранения электронных доказательств требует комплексного подхода, включающего использование современных технологий, соблюдение законодательных норм и постоянный контроль за процессами хранения и доступа к данным. Только таким образом можно гарантировать, что электронные доказательства будут допустимыми и достоверными, что является ключевым фактором для успешного расследования и последующего использования доказательств в судебном разбирательстве.

Путь решения проблемы видится в создание единой электронной базы данных электронных доказательств по уголовным делам. Данный вопрос является концептуальным, требующим детального рассмотрения и проработки.

Необходимо отметить, что вопросы создания «электронного уголовного дела», концептуальные подходы к его созданию, вопросы допустимости существования такой формы и в том числе вопросы доказывания в электронной форме [4, с.62–67; 5, с.28–33; 6, с.58–65]. Мы поддерживаем мнение авторов, что хоть и переход к полностью электронному уголовному делу неизбежен, но в силу множества очевидных причин такой переход невозможен единомоментно, займет много времени в силу понятных причин, появляющиеся системы будут неизбежно дублироваться бумажными аналогами [7, с.85].

Вне зависимости от процессов, связанных с созданием «электронного уголовного дела», мы считаем, что почва для создания системы хранения (базы данных) электронных доказательств существует уже на сегодняшнем этапе и должно происходить вне зависимости от процессов перехода на полный электронный документооборот, либо как первый этап такого перехода.

Мы поддерживаем мнение Е.Р. Россинской о том, что: «информационно-компьютерное обеспечение криминалистической деятельности – не включает формирование информационно-цифровых сред обеспечения досудебного производства, как это полагают некоторые ученые. Формирование такой среды – отдельная междисциплинарная задача, решение которой позволяет автоматизировать процессы предварительного и судебного следствия, включая формализацию и цифровизацию процессуальных документов, регистрационных и отчетных материалов, но не задача криминалистики» [8, с.200].

Однако, на наш взгляд, вопрос хранения электронных доказательств неразрывно связан с процессом их обнаружения и фиксации, а также создания в рамках производства следственных действий, и не может рассматриваться вне рамок криминалистики, поскольку, напрямую связан с её предметом. Создание информационной системы действительно сложный междисциплинарный вопрос, при этом вопросы её использования остаются в рамках криминалистики.

Первым этапом на пути к внедрению электронной системы хранения доказательств является отказ от двойственного понимания природы электронных доказательств и переход к определению электронных доказательств как отдельных файлов. Пути формирования концепции электронных доказательств, существующих в отрыве от носителя представлены, например, П.С. Пастуховым и А.А. Дмитриевой, разрабатывающих понятия электронных доказательств с целью в числе прочего обеспечить возможность фиксировать и сохранять полученную доказательственную информацию в электронной форме в материалах уголовного дела [9, с.270–295].

Иными словами, файл приобретает таким образом свойства самостоятельного процессуального документа. Свойства такого доказательства были сформулированы Ю.Н. Соколовым, по его мнению электронное доказательство должно отвечать требованиям аутентичности, подлинности, целостности, пригодности для использования и системности, а также общим требованиям к доказательствам: относимостью, допустимостью, достоверностью и достаточностью [10, с.170].

Таким образом, второй задачей является определение свойств, которым должна отвечать информационная система хранения электронных доказательств, что бы сохраненные в ней данные отвечали требованиям к электронным доказательствам, и к доказательствам вообще.

Система должна прежде всего обеспечивать неизменность и целостность данных, записываемых в ней. Электронные доказательства должны быть защищены от любого изменения, повреждения или удаления. Кроме того должны присутствовать механизмы контроля повреждений файлов и ведения журнала версий введенных данных.

Система хранения должна обеспечивать конфиденциальность данных. Для этого необходимо применения двух инструментов, с одной стороны данные необходимо шифровать как при их хранении так и при передаче. А также необходимо строго контролировать доступ к данным.

Следующее свойство система должна отвечать требованиям надежности и доступности. Информация, сохраненная в системе электронных доказательств должна быть доступна в любое время, должна быть обеспечена высокая отказоустойчивость.

Проверяемость также является важным свойством, авторы, называют этой свойство аутентификацией [11, с.102], но по сути оно сводится к возможности установить источник получения электронной информации и лицо, которое эту информацию разместило.

Также на наш взгляд немаловажно обеспечить простоту использования данной системы. Интерфейс должен предполагать минимальные необходимые действия для управления сохраненными данными, получения информации о них, передачи их, например, для производства судебных экспертиз или для иных целей. Отдельным вопросом также является то, как электронные доказательства должны попадать в систему, процесс их копирования и передачи.

Наиболее удачным решением для создания описанной нами системы представляется использования единой удаленной базы для хранения электронных доказательств на базе облачных технологий – удаленных серверов предназначенных для хранения большого объема данных. Подобный подход предложен в смежной сфере для хранения аудиозаписей судебных заседаний в Концепции информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы [12].

Однако, электронные доказательства нельзя просто скопировать на удаленный сервер. Для обеспечения свойств можно применить технологию блокчейн. Блокчейн – представляет собой цепочку блоков, каждый из которых содержит инфор-

мацию. Каждая запись совершаемая в базе данных представляет собой блок данных, который содержит в себе криптографически зашифрованные хеш – данные о предыдущей транзакции, сведения о времени и прочие метаданные [13, с.80]. Блоки следуют один за другим и таким образом связаны между собой обоюдными связями. Внесение изменений в прошлый блок рушит всю «цепочку». Невозможно внести изменения в сохраненную информацию без изменения всех последующих блоков записи. Одновременно с этим применяется распределенное хранение данных и их резервное копирование.

Использование системы на основе технологии блокчейн для хранения доказательств, пока остается концептуальным в сфере уголовного судопроизводства, однако, ранее уже применялась для проведения выборов путем удаленного электронного голосования, в том числе и в России [14, С.25–38]. На наш взгляд переход к электронной системе хранения доказательств лишь вопрос времени, поскольку только такая система может отвечать обозначенным нами свойствам и соответствовать требованиям закона, вывести сферу хранения электронных доказательств на новый уровень из «каменного века».

Литература

1. Смирнов А.В. Электронные доказательства, электронное доказывание, искусственный интеллект: что далее? // Уголовное судопроизводство № 01/2024 С.24–31.
2. Васюков В.Ф., Колычева А.Н. Осмотр и фиксация страниц интернет сайта в сети Интернет // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С.115–118.
3. Уничтожение информации на CD и DVD // Хабр URL: https://habr.com/ru/sandbox/30239/ (дата обращения: 04.06.2024 года).
4. Гимазетдинова И.Н. Перспективы применения электронного уголовного дела в уголовном судопроизводстве: основные тенденции и перспективы применения // Вестник УЮИ. 2021. № 3 (93). С. 62–67.
5. Соколов Ю.Н. Допустимость рассмотрения материалов уголовного дела в электронной форме // Информационное право. 2017. № 1. С. 28–33.,
6. Абдулвалиев А.Ф. Предпосылки и перспективы внедрения электронной формы уголовного дела в деятельность судебных органов // Право и политика. 2013. № 1. С. 58–65.
7. Шереметьев И.И. Электронное уголовное дело: что это такое и пути его создания // Lex Russica. 2020. № 10 (167). С. 81–90.
8. Россинская Е.Р. Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности: концепция, система, основные закономерности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2 (89).
9. Дмитриева А.А., Пастухов П.С. Концепция электронного доказательства в уголовном судопроизводстве // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Т. 1, № 1. С. 270–295.
10. Соколов Ю.Н. Информационные технологии и оборот цифровых данных в криминалистике: вопросы теории и практики: дис. … д-р. юрид. наук: 5.1.4.. Екатеринбург, 2023.
11. Электронное правосудие: Монография / Е.В. Бурдина [и др.]; под ред. Е.В. Бурдиной, С.В. Зуева. – М.: РГУП, 2021.
12. Концепция информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы (одобрена Советом судей РФ 5 декабря 2019 г.) // Гарант.ру Информационно-правовой портал URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73061586/ (дата обращения: 03.06.2024 г.).
13. Шилов К.Д., Зубарев А.В. Блокчейн и распределенные реестры как виды баз данных // Инновации. 2018. № 12 (242).
14. Алексеев Р.А. Технология блокчейн на выборах: прошлое, настоящее и будущее // Журнал политических исследований. 2020. № . 4. С. 25–38.

TECHNICAL AND CRIMINALISTIC SUPPORT FOR THE STORAGE OF ELECTRONIC EVIDENCE

Ponomarev V.E.
Kuban State University

The article examines the problems and ways to improve methods for storing electronic evidence in the context of the modern digital era. The author notes that current approaches to storing electronic evidence are similar to pre-digital methods, which do not account for the specifics of working with digital data and do not incorporate modern methods of data protection. Storage on optical disks and other physical media has several drawbacks, such as limited capacity, vulnerability to damage, and degradation over time. The creation of a unified electronic database based on cloud technologies and blockchain is proposed to ensure reliable, secure, and accessible storage of electronic evidence. This will enhance the reliability and admissibility of electronic evidence in the proving process.

Keywords: electronic evidence, storage methods, digital security, criminal proceedings, blockchain, cloud technologies.

References

1. Smirnov A.V. Electronic Evidence, Electronic Proof, Artificial Intelligence: What's Next? // Criminal Proceedings No. 01/2024 P. 24–31.
2. Vasyukov V.F., Kolycheva A.N. Inspection and Recording of Internet Website Pages on the Internet // Bulletin of Economic Security. 2019. No.1. P. 115–118.
3. Destruction of Information on CD and DVD // Habr URL: https://habr.com/ru/sandbox/30239/ (accessed: 04.06.2024).
4. Gimazetdinova I.N. Prospects for the Application of Electronic Criminal Case in Criminal Proceedings: Main Trends and Prospects // Bulletin of UYI. 2021. No.3 (93). P. 62–67.
5. Sokolov Y.N. Admissibility of Considering Criminal Case Materials in Electronic Form // Information Law. 2017. No. 1. P. 28–33.
6. Abdulvaliev A.F. Prerequisites and Prospects for the Introduction of the Electronic Form of Criminal Case in the Activity of Judicial Bodies // Law and Politics. 2013. No. 1. P. 58–65.
7. Sheremetyev I.I. Electronic Criminal Case: What It Is and Ways of Its Creation // Lex Russica. 2020. No.10 (167). P. 81–90.
8. Rossinskaya E.R. Theory of Information and Computer Support of Criminalistic Activity: Concept, System, Main Patterns // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No.2 (89).

9. Dmitrieva A.A., Pastukhov P.S. Concept of Electronic Evidence in Criminal Proceedings // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Vol. 1, No. 1. P. 270–295.
10. Sokolov Y.N. Information Technologies and the Circulation of Digital Data in Criminalistics: Questions of Theory and Practice: diss. … Doctor of Law: 5.1.4.. Yekaterinburg, 2023.
11. Electronic Justice: Monograph / E.V. Burdina [et al.]; edited by E.V. Burdina, S.V. Zuev. – M.: RGUP, 2021.
12. Concept of Information Policy of the Judicial System for 2020–2030 (approved by the Council of Judges of the Russian Federation on December 5, 2019) // Garant.ru Information and Legal Portal URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73061586/ (accessed: 03.06.2024).
13. Shilov K.D., Zubarev A.V. Blockchain and Distributed Ledgers as Types of Databases // Innovations. 2018. No.12 (242).
14. Alekseev R.A. Blockchain Technology in Elections: Past, Present, and Future // Journal of Political Research. 2020. No. 4. P. 25–38.

Криминологическая детерминация публичного распространения ложной информации о деятельности Вооруженных сил Российской Федерации

Резникова Екатерина Андреевна,
старший преподаватель кафедры «Конституционного, административного и уголовного права» Среднерусского института управления – филиала Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: kat.reznikova@yandex.ru

Рассматриваются причины и условия совершения преступлений, выраженных в распространении ложной информации о деятельности Вооруженных сил Российской Федерации. Распространение ложных сведений о силовой структуре, обеспечивающей обороноспособность страны, безопасность граждан и территорий является одним из проявлений информационной войны. Распространение ложной информации, как способ подорвать боевой дух, сопротивление противника или ослабить внутригосударственный институт власти, применялось с древнейших времен. Наибольшее распространение указанные общественно опасные действия получают в период значимых для общества политических, экономических, социальных изменений. Причины, по которым виновное лицо, совершает указанное уголовно наказуемое противоправное деяние, закрепленное в статье 207.3 УК РФ, могут быть различными, начиная от политической ненависти и вражды до корыстной заинтересованности.

Ключевые слова: информация, интересы государства, ответственность, цель, причины, условия, исторический аспект, политическая и социально-экономическая обусловленность, личностные характеристики.

Публичное распространение сведений об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, имеющих заведомо ложный характер, является распространенной в настоящий период времени категорией преступлений, что обусловлено сложившейся внутригосударственной социально-политической ситуацией и обострившимися международными отношениями. Совершение указанных преступлений связано не только с пренебрежением общепринятыми нормами и ценностями, стремлением подорвать авторитет государственной власти, а также может иметь целью достижение личных целей, мотивацией которых является неприятие государственной власти, политического строя, и стремление реализовать личные интересы, кроме того, возможна и корыстная заинтересованность. Личная заинтересованность может выражаться в желании привлечь к себе и распространяемой информации внимание аудитории (интернет-аудитории, аудитории сайта, аудитории социальных сетей, целевой аудитории слушателей), нанести вред интересам государства, получите материальную выгоду. Например, как следует из приговора Уссурийского районного суда Приморского края от 2 августа 2022 года Э., имея личную заинтересованность, в виде желания продемонстрировать и обсудить с широким кругом лиц заведомо ложную информацию об использовании ВС РФ в целях защиты интересов РФ и ее граждан, совершил преступление, квалифицированное судом по ч. 1 ст. 207.3 УК РФ [8]. Другой пример заинтересованности следует из приговора Ленинского районного суда г. Пензы, которым Г. признана виновной в совершении преступления, предусмотренного п.п. «а, д» ч. 2 ст. 207.3 УК РФ. Как следует из описательно-мотивировочной части приговора преступление совершено по мотиву политической ненависти и вражды, стойкой неприязни к Президенту Российской Федерации в связи с проведением специальной военной операции на территории Украины. Путем распространения заведомо ложной информации Г. пыталась сформировать у учащихся негативное отношение к Президенту России, военным структурам государства, ненависть и вражду к их действиям [9]. Кроме того, в судебной практике имеют место примеры привлечения виновного в распространении ложной информации о действия российской армии на информационных каналах в корыстных интересах. От мотивации распространения ложной информации о российской армии и ее действиях зависит квалификация совершенного деяния и размер уголовного наказания. Для квалификации преступлений

о распространении ложной информации об армии и иных вооруженных структурах России учитываются способ совершения преступления и мотивы, в соответствии с частью 2 статьи 207.3 УК РФ. Например, способ совершения преступления может быть связан с занимаемым служебным положением виновного лица, доступ к каналам и средствам передачи информации, к аудитории слушателей, обучающихся. При назначении наказания применяется дополнительная мера ответственности в виде запрета заниматься определенным видом деятельности.

Криминологической особенностью рассматриваемого преступления, является более обширная, в сравнении с внешним проявлением, цель посягательства, поскольку внешне деяние проявляется в распространении ложной информации, через которую проявляется угроза общественной и государственной безопасности.

Распространение ложной информации выступает средством экономической, политической борьбы, используется, как военная тактика в боевых действиях. В истории можно найти немало примеров использования ложной информации для достижения указанных целей. Термин «лживые новости» использовался древнегреческим историком Ксенофонтом для распространения ложных новостей в качестве военной стратегии, а также Дионом Кассиусом, который приводит реальный пример этой практики (использование дезинформации парфянами в их войне против римлян) [12].

Примеры распространения ложной информации можно встретить в истории Древней Руси. В 1024 году в период страшного голода волхвы сумели поднять восстание, распространяя слухи, что причиной бедствия стало уничтожение прежних идолов и виновны в этом высшие слои («старая чадь»), припрятавшие запасы зерна. Слухи о появлении выжившего царевича Дмитрия, сына Ивана Грозного, привели к величайшим бедствиям в России XVII века, названным Смутой [2]. В XVI веке для формирования общественного мнения стала применяться техническая новинка – книгопечатание. Во время Ливонской войны 1588 года было выпущено около сотни брошюр в 4–8 листов («летучих листков»), размножаемых в западных типографиях, где сообщения «о зверствах московитов» иллюстрировались соответствующими ужасающими картинками. Целью распространяемой через печатные листки информации, было создание негативного образа России и её правителей, поскольку расширение и укрепление русского государства при Иване Грозном вызывало тревогу у западных стран.

Недостоверная информация во все периоды исторического развития представляла серьезную опасность для государства, поскольку, воздействуя на население государства, не только подрывала авторитет государственной власти, но и делала народ орудием достижения целей, направленных против существующих государственных порядков и стабильности общества. Независимо от направления поступления ложной информации – из вне, со стороны враждебно настроенных государств, или изнутри государства, в результате деятельности оппозиционно настроенных в отношении правящего режима групп, в целях пресечения распространения представляющей опасность недостоверной информации нормативно правовыми актами государства устанавливалась уголовная ответственность за указанные противоправные деяния.

Упоминание о нормах, предусматривающих ответственность за распространение недостоверной информации, встречается в законодательных актах различных исторических периодов. Нормы об уголовной ответственности за распространение ложной информации получили закрепление в уголовно-правовых нормативных актах, принимаемых в различные исторические периоды развития Российского государства. Уголовная ответственность в виде лишения сословных привилегий и ссылки на постоянное проживание в Сибирь за распространение с целью сопротивления властям писем и слухов, имеющих заведомо для распространителя ложный характер, была предусмотрена в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, при этом, если указанная информация привела к беспорядкам, помимо лишения сословных привилегий виновный приговаривался к каторжным работам на срок от 6 до 8 лет (ст. 296). Уложение, принятое в 1885 году, предусматривало уголовную ответственность если публично разглашаемая информация ложного характера умело целью нанести урон государственной финансово-кредитной системе (ст. 275.1). В 1906 году отдельно выделены нормы об уголовной ответственности, если публично распространялась информация о деятельности правительства, российской армии, вызывающая негативное отношение к ним, или если такие сведения касались принятых правительственных актов и вызвали общественные беспорядки (ст. 281.1 Уложения 1885 года). За указанные преступные деяния предусматривалось тюремное заключение, арест или денежное взыскание, дифференцированно в зависимости от тяжести и последствий совершенного преступления [5, с. 98].

Для уголовного законодательства советского периода характерно ужесточение наказания за распространение ложных сведений о советском правительстве, Красной Армии, что объясняется тяжелой ситуацией в которой оказалось государство после гражданской войны и интервенции, необходимостью бороться как с внешними, так и с внутренними врагами. Статьей 73 Уголовного кодекса РСФСР 1922 года контрреволюционное распространение недостоверной информации, направленной против власти рабоче-крестьянских советов, Советской Красной армии влекло лишение свободы на срок от 6 месяцев. Если указанное деяние касалось органов государственной власти срок лишения свободы устанавливался до 1 года (ст. 90). Уголовная ответственность устанавлива-

лась за любую контрреволюционную деятельность, включая агитационную и пропагандистскую деятельность в контрреволюционных целях. Нормы об уголовной ответственности за такие деяния содержались в Положении о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления) 1927 года. В дальнейшем уголовное законодательство Советского Союза не содержало норм уголовной ответственности за распространение недостоверной информации о власти, деятельности государственных и военных структур, уголовная ответственность предусматривалась только за призыв к свержению государственного и политического строя, территориальным изменениям.

Послевоенной период стране приходилось восстанавливаться из руин, необходимо было не допустить раскол в обществе и противостоять ослаблению государства изнутри, поэтому любое распространение слухов о государственной власти, о Советской армии жестко пресекалось. Антисоветская агитация и пропаганда строго наказывалась виновные привлекалась к уголовной ответственности в виде лишения свободы. В статье 7 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления, принятого в 1959 году, уголовному преследованию подвергались лица, виновные в распространении информации клеветнического характера в отношении советского государства и общества.

Из изложенного следует, что на любом этапе своего развития государство осознавало опасность, которую влечет распространение ложной информации, и под угрозой привлечения к уголовной ответственности устанавливало запреты на ее распространение.

На современном этапе развития цифровых технологий ложная информация получила широкое и опасное распространение. Деятельность, связанная с распространением лжеинформации, является организованной, имеющей определенный план и определенную скоординированность поведения субъектов противоправного поведения, поскольку требуется совершения необходимых действий, например, подготовить информацию к распространению, придание ей видимости достоверной, определение аудитории для которой будет распространяться информация и способ ее доведения до аудитории. Необходимость совершения указанных действий свидетельствует об умышленном характере распространения заведомо искаженной информации в медиа пространстве с целью получения выгоды политического, экономического, военного и иного характера. Рост распространения недостоверной информации стал одним из факторов деструктивно влияющих на общественную безопасность.

Поскольку ложная информация по своей сути является слухом, распространяемым для изменения общественного мнения, для достижения цели массового распространения ее форма должна быть легкой и запоминающейся. На сегодняшний день быстрым, удобным и массовым средством, используемым для распространения информации, является сеть «Интернет», позволяющая распространить любую информацию без установления ее достоверности. Полученная через интернет ложная информация способна дезинформировать людей и спровоцировать напряженную ситуацию, что относит ее к манипуляторным способам воздействия на общественное сознание [3, с. 75].

Опасность для государства и общества публичного распространения заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации обусловила необходимость установления уголовно-правовых санкций. Криминализация деяний, предусмотренных статьями ст. 207.3 и 280.3 УК РФ [11] направлена на недопущение указанных противоправных действий гражданами и установление запрета на распространение ложной информации о Вооруженных силах под угрозой привлечения к уголовной ответственности [7].

О том, что в государстве совершается большое количество преступлений, связанных с распространением ложной информации, свидетельствуют данные Генеральной прокуратуры РФ, согласно которым в 2022 году было удовлетворено более 340 заявлений прокуроров с требованиями о блокировании сайтов, содержащих ложные данные об СВО [1]. Российские прокуроры в 2023 году направили в суды 70 уголовных дел для привлечения виновных к уголовной ответственности предусмотренной статьей 207.3 Уголовного кодекса РФ [8].

Условия, способствующие совершению указанных преступлений, связаны, во-первых, с доступностью источников распространения ложной информации, психолого-эмоциональные особенности аудитории, так как человек по своей природе внушаем и поддается манипуляционному воздействию. Кроме того, население с недоверием относится к официальным средствам массовой информации, что подтверждается данными социологических опросов, согласно которым, только 10% респондентов указывают на правдивость освещения событий радио и телевидением. Среди основных причин недоверия – замалчивание событий, негласная цензура, искажение информации журналистами [4].

Причины преступной деятельности, выражающейся в распространении ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации можно сгруппировать как постоянные, временные и личная заинтересованность. В первую группу относятся причины, существующие на протяжении всех этапов развития государства – исторические, поскольку на протяжении всего развития цивилизации ложная информация использовалась как средство борьбы. Ко второй группе относятся временные причины, являющиеся реакцией на какие-либо политические, экономические и общественные изменения. Третья группа объединяет причины, связанные с личностными характеристикам лица, распространяющего ложную ин-

формацию, – недовольство государственной властью, социально-экономическим уровнем развития, корыстной заинтересованностью, доступность для лица средств распространения информации.

Следует отметить, что анализ причин и условий совершения преступлений, предусмотренных статьей 207.3 Уголовного кодекса российской Федерации позволит разработать эффективный механизм противодействия совершению указанных преступлений.

Литература

1. Интервью Генерального прокурора Российской Федерации Игоря Краснова газете «Коммерсантъ».08.08.2022. [Электронный ресурс]. – URL: // https://epp.genproc.gov.ru/ (дата обращения: 29.05.2024).
2. Информационные войны в Древней Руси. / [Электронный ресурс]. – URL: https://mednolit.com/informacionnye-vojny-v-drevnej-rusi?ysclid=lvzb4a2yf678644368 (дата обращения 01.06.2024).
3. Каменева Т.Н., Кульчитцкий А.В., Котляров С.А., Казарян М.Ю., Орлова Е.С. Анализ проблемы распространения фейковой информации в интернет-пространстве. Цифровая социология / Digital Sociology. – 2023. – Т. 6. – № 3. – С. 73–78.
4. Левашов В.К., Афанасьев В.А., Новоженина О.П., Шушпанова И.С. Экспресс-информация. Как живешь, Россия? XLVIII этап социологического мониторинга, ноябрь – декабрь 2018 года / под общ. ред. В.К. Левашова. М.: Перспектива, 2019. 59 с. / [Электронный ресурс]. – URL: https://goo.gl/2ZAze1/ (дата обращения 01.06.2024).
5. Маркунцов С.А. Древнейшее русское уголовное право: возникновение первичных уголовно-правовых запретов: учебное пособие Москва: Юриспруденция, 2012. – 156 с.
6. Набиуллина В.Р. Уголовная ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации: историко-правовой аспект // Правопорядок: история, теория, практика. – 2021. – № 4 (31). – С. 155–159.
7. Панькина И. Закон о фейках – предупреждающий сигнал о том, как нельзя действовать // Российская газета (27 июля 2022 г.). [Электронный ресурс]. – URL: https://rg.ru/2022/07/27/reg-pfo/granicy-dozvolennogo.html (дата обращения: 29.05.2024).
8. Петрова И. За фейки о ВС РФ в суды в 2023 году передали дела на 70 лиц. / Деловой журнал Профиль. 08.01.2024 [Электронный ресурс]. – URL: https://profile.ru/news/society/zafejki-o-vs-rf-v-sudy-v-2023-godu-peredali-dela-na-70-lic-1439365/?ysclid=lvziz5n7ux514131375. (дата обращения 01.06.2024).
9. Приговор Ленинского районного суда г. Пензы от 03.08.2022 по делу № 1–184/2022 // [Электронный ресурс]. – URL: https://судебныерешения.рф (дата обращения 01.06.2024).
10. Приговор Уссурийского районного суда Приморского края от 02.08.2022 по делу 1–801/2022 / [Электронный ресурс]. – URL: https://судебныерешения.рф (дата обращения 01.06.2024).
11. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954; 2024. – № 8. – Ст. 1038
12. Фейковые новости в древнем мире [Электронный ресурс]. – URL: https://www.thisgreece.ru/interesnoe-o-gretsii(дата обращения 27.05.2024).

CRIMINOLOGICAL DETERMINATION OF PUBLIC DISSEMINATION OF FALSE INFORMATION ABOUT THE ACTIVITIES OF THE ARMED FORCES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Reznikova E.A.

Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

The reasons and conditions for committing crimes expressed in the dissemination of false information about the activities of the Armed Forces of the Russian Federation are considered. The dissemination of false information about the power structure that ensures the country's defense capability and the safety of citizens and territories is a manifestation of information warfare. The dissemination of false information, as a way to undermine morale, enemy resistance, or weaken the domestic institution of power, has been used since ancient times. These socially dangerous actions are most widespread during periods of political, economic, and social changes that are significant for society. The reasons why a guilty person commits the specified criminally punishable unlawful act (Article 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation) can be different, ranging from political hatred and enmity to selfish interest.

Keywords: information, interests of the state, responsibility, purpose, reasons, conditions, historical aspect, political and socio-economic conditionality, personal characteristics.

References

1. Interview with the Prosecutor General of the Russian Federation Igor Krasnov to the Kommersant newspaper. 08/08/2022. [Electronic resource]. – URL: // https://epp.genproc.gov.ru/ (access date: 05/29/2024).
2. Information wars in Ancient Rus'. / [Electronic resource]. – URL: https://mednolit.com/informacionnye-vojny-v-drevnej-rusi?ysclid=lvzb4a2yf678644368 (access date 06/01/2024).
3. Kameneva T.N., Kulchitsky A.V., Kotlyarov S.A., Kazaryan M. Yu., Orlova E.S. Analysis of the problem of the spread of fake information in the Internet space. Digital Sociology / Digital Sociology. – 2023. – T. 6. – No. 3. – P. 73–78.
4. Levashov V.K., Afanasyev V.A., Novozhenina O.P., Shushpanova I.S. Express information. How are you doing, Russia? XLVIII stage of sociological monitoring, November – December 2018 / general. ed. VC. Levashova. M.: Perspective, 2019. 59 p. / [Electronic resource]. – URL: https://goo.gl/2ZAze1/ (access date 06/01/2024).
5. Markuntsov S.A. The most ancient Russian criminal law: the emergence of primary criminal law prohibitions: textbook Moscow: Jurisprudence, 2012. – 156 p.
6. Nabiullina V.R. Criminal liability for public dissemination of knowingly false information: historical and legal aspect // Legal order: history, theory, practice. – 2021. – No. 4 (31). – pp. 155–159.
7. Pankina I. The law on fakes is a warning signal about how not to act // Rossiyskaya Gazeta (July 27, 2022). [Electronic resource]. – URL: https://rg.ru/2022/07/27/reg-pfo/granicy-dozvolennogo.html (access date: 05.29.2024).

8. Petrova I. For fakes about the Armed Forces of the Russian Federation, cases against 70 persons were transferred to the courts in 2023. / Business magazine Profile. 01/08/2024 [Electronic resource]. – URL: https://profile.ru/news/society/za-fejki-o-vs-rf-v-sudy-v-2023-godu-peredali-dela-na-70-lic-1439365/?ysclid=lvziz5n7ux514131375. (date of access: 06/01/2024).
9. Verdict of the Leninsky District Court of Penza dated August 3, 2022 in case No. 1–184/2022 // [Electronic resource]. – URL: https://judicial decisions.rf (access date 06/01/2024).
10. Verdict of the Ussuri District Court of the Primorsky Territory dated 08/02/2022 in case 1–801/2022 / [Electronic resource]. – URL: https://judicial decisions.rf (access date 06/01/2024).
11. Criminal Code of the Russian Federation dated June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on February 14, 2024) // SZ RF. – 1996. – No. 25. – Art. 2954; 2024. – No. 8. – Art. 1038
12. Fake news in the ancient world [Electronic resource]. – URL: https://www.thisgreece.ru/interesnoe-o-gretsii (access date 05/27/2024).

Проблемы применения бланкетных диспозиций уголовно-правовых норм и влияния арбитражного судопроизводства на процесс квалификации криминальных банкротств

Росляков Владислав Дмитриевич,
магистр кафедры уголовного права, ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
E-mail: roslyakov.vladislaus@yandex.ru

В статье рассматриваются теоретические и практические проблемы применения бланкетных диспозиций при квалификации криминальных банкротств (ст. 195–197 УК РФ). При этом, уделено особое внимание вопросам влияния арбитражного судопроизводства на данный процесс. Автор формирует первичное представление об особом элементе бланкетной диспозиции уголовно-правовой нормы – регулятивной компоненте, которая является новой для науки уголовного права и нуждается в разработке. На основе анализа этой теоретической категории, положений судебной практики и имеющихся доктринальных позиций автор делает вывод о необходимости толкования понятий, используемых в бланкетных диспозициях уголовно-правовых норм о криминальных банкротствах исключительно по смыслу Закона о несостоятельности (банкротстве). При этом, при квалификации деяний должны учитываться факты, установленные в рамках арбитражного судопроизводства. По мнению автора, с целью реализации данных положений на практике Пленум Верховного Суда Российской Федерации должен подготовить соответствующие разъяснения.

Ключевые слова: криминальные банкротства, бланкетная диспозиция уголовно-правовой нормы, квалификация, признаки банкротства, арбитражное судопроизводство.

Криминальные банкротства, как и многие составы преступлений, предусмотренных главой 22 УК РФ, имеют сложную конструкцию норм в части диспозиций. В связи с этим для верной квалификации указанной группы деяний необходимо применять не только нормы уголовного законодательства, но и нормы иных отраслей законодательства. При этом, законодательство о банкротстве, которое является бланкетной основой диспозиций криминальных банкротств, достаточно динамично и содержит немало спорных вопросов, возникающих при их применении.

Если оценить диспозиции ст. 195–197 УК РФ, то можно обнаружить ряд категорий, которые необходимо толковать, исходя из положений законодательства о банкротстве, в частности:
– признаки банкротства;
– контролирующее должника лицо;
– арбитражный управляющий и т.д.

При этом, ряд категорий хотя и не упоминаются в уголовном законодательстве без их использования невозможно верно установить противоправность деяния криминального банкротства. К данным понятиям относятся реестр требований кредиторов, мнимая сделка, сделка с заинтересованностью, кредиторская и дебиторская задолженности и т.д. В связи с этим дискуссионным в юридической науке является вопрос соотношения уголовного законодательства и данной бланкетной составляющей.

Одни авторы указывают, что регулятивное законодательство, на которое отсылают диспозиции уголовно-правовых норм, не является составной частью уголовного законодательства [3, с. 41]. Другие авторы, напротив, считают, что источником бланкетной уголовно-правовой нормы являются и нормы иных отраслей права, раскрывающие соответствующие категории права или устанавливающие определенные правила поведения [1, с. 125]. Действительно, фактическое воздействие регулятивного законодательства в бланкетных диспозициях уголовно-правовых норм на квалификацию преступления позволяет говорить о том, что они являются составной частью уголовного законодательства. Однако, УК РФ вносит в данный процесс свои коррективы, указывая в ч. 1 ст. 1 на собственную монополию регулирования уголовно-правовых отношений. Н.Г. Иванов, анализируя подобные подходы, указал, что подобная полемика в принципе не оказывает никакого влияния на практическое применение норма, а, соответственно, не име-

ет и значения [2, с. 18]. Представляется, что данный вывод автора не в полной мере соответствует действительности, так как современная судебная практика считает данный момент принципиальным для правоприменения.

Конституционный Суд Российской Федерации в своем определении от 18.07.2017 № 1541-О указал, что для оценки правомерности действий руководителя юридического лица (при привлечении его к ответственности по ч. 2 ст. 195 УК РФ) необходимо учитывать положения гражданского законодательства, в том числе Закона о несостоятельности (банкротстве), который определяет ряд важных моментов относительно правомерности действий данного лица[1]. То есть Конституционный Суд Российской Федерации в особенности подчеркнул наличие взаимосвязи между уголовно-правовыми нормами и нормами гражданского законодательства, указав на их особую роль в установлении правомерности действий субъекта предполагаемого преступления. Однако, подобная тесная взаимосвязь не свидетельствует о том, что данная часть бланкетной нормы становится составляющей уголовного законодательства.

Продемонстрированный случай анализа соотношения норм уголовного законодательства и законодательства о банкротстве, не является единственным в судебной практике Конституционного Суда Российской Федерации. Так, в определении от 27.02.2018 № 325-О[2] Конституционный Суд Российской Федерации акцентировал внимание на том, что уголовно-правовая норма о преднамеренном банкротстве (ст. 196 УК РФ) должна рассматриваться во взаимосвязи с положениями Закона о несостоятельности (банкротстве). И в данном случае Конституционный Суд Российской Федерации подчеркивает невозможность действия уголовно-правовой нормы с бланкетным элементом в диспозиции без соответствующего обращения к регулятивному законодательству охраняемых общественных отношений. Безусловно, из самого уголовно-правового запрета криминальных банкротств вытекает его тесная взаимосвязь с нормами законодательства иных отраслей права, так как сам институт банкротства является исключительно искусственной правовой конструкцией. Это обстоятельство предопределяет факт прямого влияния норм законодательства о банкротстве на процесс квалификации преступных явлений в рассматриваемой сфере.

Однако, в указанном определении Конституционный Суд Российской Федерации высказал и более радикальную позицию, согласно которой нормы иных отраслей законодательства, используемые в бланкетных диспозициях уголовно-правовых норм, не регламентируют уголовно-правовые отношения. В данном положении Конституционный Суд Российской Федерации поставил точку в вопросе рассмотрения норм иных отраслей права в качестве уголовно-правовой составляющей при их использовании в бланкетных диспозициях норм уголовного законодательства. Подобные положения закона сами по себе не имеют уголовно-правовой природы, но ввиду системности права являются регулятивной компонентой бланкетной диспозиции уголовно-правовой нормы. Представляется, что данное новое понятие в теории уголовного права подлежит дальнейшей разработке, так как определение подобной категории позволит наиболее эффективно конструировать и применять нормы уголовного законодательства. Предлагается регулятивную компоненту бланкетной диспозиции уголовно-правовой нормы рассматривать в качестве положения отрасли неуголовного законодательства, непосредственно оказывающего влияние на процесс квалификации деяния, но не являющегося составляющей уголовного законодательства. В этой теоретической конструкции нуждаются и составы криминальных банкротств.

Ранее было указано, что ряд категорий, используемых в составах ст. 195–197 УК РФ, определяются иными нормативно-правовыми актами. В частности, дискуссионным является вопрос относительно определения признаков банкротства. Пункт 2 статьи 3 Закона о несостоятельности (банкротстве) устанавливает общее понимание признаков банкротства юридического лица. В приведенном нормативно-правовом акте существуют и специальные признаки банкротств (признаки банкротства физического лица, признаки банкротства ликвидируемого должника и т.д.). Представляется, что полемики авторов относительно тождественности понятия признаков банкротства, применяемого в ст. 195 УК РФ, термину «объективное банкротство», определение которого дается в пункте 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве»[3], или термину имущественного

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2017 № 1541-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бочарова Олега Севастьяновича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 17, частью второй статьи 195, частью первой статьи 201 Уголовного кодекса Российской Федерации, частью второй статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьей 75.1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=512752#NI7tcoTTVdE5nYiT (дата обращения: 20.06.2024).

[2] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27.02.2018 № 325-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Панченко Германа Васильевича на нарушение его конституционных прав статьей 196 Уголовного кодекса Российской Федерации, частью первой статьи 57 и частью второй статьи 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также рядом положений Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=534031#q8owcoTNSg3nwgCK (дата обращения: 20.06.2024)

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Официальный сайт Верховного Суда Рос-

кризиса, используемого Президиумом Верховного Суда Российской Федерации[1], являются безосновательными и не соответствуют буквальному содержанию диспозиций уголовно-правовых норм ст. 195 УК РФ. Признаки банкротства необходимо понимать лишь в смысле, которое ему придают соответствующие нормативно-правовые акты, прямо определяющие содержание указанного термина.

Иное толкование терминологии противоречит содержанию уголовного законодательства (в частности, ст. 3 УК РФ «Принцип законности). Законодатель в составах статьи 195 УК РФ дал однозначное понимание, что ряд перечисленных альтернативных действий преступно лишь при наличии признаков банкротства. Наличие признаков банкротства является обязательной обстановкой совершения данного преступления [5, с. 92]. При этом, если ввиду совершенно неясных причин правоприменитель не будет использовать буквальное толкование термина, которое дается в законодательстве о банкротстве, то будет возникать необоснованное расширительное толкование уголовно-правовой нормы. В частности, под объективным банкротством Пленум Верховного Суда Российской Федерации предлагает понимать «трехлетний период, предшествующий моменту, в который должник стал неспособен в полном объеме удовлетворить требования кредиторов, в том числе об уплате обязательных платежей, из-за превышения совокупного размера обязательств над реальной стоимостью его активов». С учетом ранее указанного общего определения понятия признаков банкротства, представленного в Законе о несостоятельности (банкротстве), прямо следует, что при понимании обстановки совершения преступления в статье 195 УК РФ по смыслу «объективного банкротства» происходит необоснованное ужесточение ответственности. То есть фактически лицо будет нести уголовную ответственность за перечисленные в норме альтернативные действия, совершенные в течение трех лет до наступления неспособности удовлетворения требований кредиторов. В свою очередь, буквальное законодательное толкование признаков банкротства (по общему правилу) определяет несение уголовной ответственности лицом при совершении соответствующих действий лишь через три месяца с момента, когда лицо не смогло удовлетворить требования кредитора в установленный срок.

В связи с изложенным, позиции некоторых исследователей [2, с. 20], анализирующих использование термина признаки банкротства в понимании «объективного банкротства» или «имущественного кризиса» противоречат принципу законности. Применение уголовного закона по аналогии не допускается (ч. 2 ст. 3 УК РФ). При указанном толковании уголовный закон по аналогии применяется к совершенно иной обстановке, нежели указанной законодателем в диспозиции нормы. Определение признаков банкротства с использование буквального толкования Закон о несостоятельности (банкротстве) также поддерживается авторами [6, с. 417].

Однако, следует признать, что возникновение подобной полемики закономерно в связи с тем, что конструкция норм (ст. 195 УК РФ) является весьма казуистичной, а используемая в ней терминология относится к одной из сложнейших отраслей законодательства, ряд норм которой фактически разрабатываются судебной практикой.

Последнее замечание касается и используемого в частях 1^1, 2^1, 4 статьи 195 УК РФ термина «контролирующее должника лицо», которое изначально было разработано в положениях судебной практики, а уже затем получило соответствующее закрепление в ст. 61.10 Закона о несостоятельности (банкротстве). То есть в настоящее время указанная категория также определяется путем применения соответствующего положения законодательства о банкротстве.

Действительно, применение бланкетных норм вызывает некоторые сложности, однако зачастую подобные сложности связаны не с несовершенством действующего законодательства, а с отсутствием достаточных познаний сотрудников правоохранительных органов в иных отраслях законодательства [4, с. 71]. Изложенное указывает на необходимость соответствующих разъяснений относительно толкования регулятивной компоненты бланкетных диспозиций норм о криминальных банкротствах. Представляется, что подобные разъяснения необходимо осуществить на уровне постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Обязательным является включение указания относительно того, что уголовно-правовые нормы о криминальных банкротствах тесно взаимосвязаны с положениями законодательства о несостоятельности (банкротстве) и все используемые в нормах ст. 195–197 УК РФ понятия толкуются исходя из указанных положений, если иное не предусмотрено УК РФ или разъяснениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Связь с нормами иных отраслей права прослеживается при квалификации криминальных банкротств не только в связи с наличием бланкетных диспозиций, но и ввиду тесной взаимосвязи с арбитражным судопроизводством, в рамках которого могут быть установлены факты, которые непосредственно влияют на процесс квалификации. Как отмечают исследователи, статья 90 УПК РФ обязывает правоприменителя учитывать при рассмотрении уголовного дела обстоятельства, которые установлены в судебном порядке и получили правовое значение в результате вступившего в законную силу решения суда. Данное свойство именуется преюдициальностью. При этом, преюдициальность

сийской Федерации. URL: https://vsrf.ru/files/26272/ (дата обращения: 20.06.2024).

[1] Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований, контролирующих должника и аффилированных с ним лиц (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29.01.2020) // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: https://vsrf.ru/documents/all/28682/ (дата обращения: 20.06.2024).

означает не предрешенность вопроса вины лица, а необходимость оценки соответствующих фактов по собственному усмотрению правоприменителя [2, с. 80]. Не смотря на уголовно-процессуальную природу указанного вопроса определенное влияние проблема оказывает и на применение материального права, о чем свидетельствуют положения судебной практики.

В частности, кассационная практика судов общей юрисдикции свидетельствует о том, что преюдиция судебных актов, вынесенных в рамках арбитражного судопроизводства, влияет на процесс квалификации криминальных банкротств. В частности, Седьмой кассационной суд общей юрисдикции при проверке правильности квалификации действий А. по ч. 1 ст. 195 УК РФ принял уже установленный размер ущерба, причиненного каждому из кредиторов, и его суммарную составляющую в качестве преюдициального факта. При этом, кассационная инстанция дала оценку приведенному факту, указав, что оснований не доверять установленному Арбитражным судом Курганской области размеру ущерба, причиненного каждому из кредиторов и его суммарной составляющей, не имеется[1]. Представляется, что использование в процессе квалификации криминальных банкротств фактов, установленных в рамках арбитражного судопроизводства, является оправданным, так как указанный судебный орган является специализированным в вопросах банкротства. При этом, как иллюстрируется в указанном примере, суд кассационной инстанции не просто даёт оценку использования нижестоящими судами факта, установленного в рамках арбитражного судопроизводства, но и указывает на оправданность соответствующего усмотрения правоприменителя.

Необходимость использования установленных арбитражным судом фактов в процессе квалификации криминальных банкротств подтверждается и судебной практикой, когда предметом рассмотрения становятся более сложные вопросы применения Закона о несостоятельности (банкротстве), непосредственно влияющие на применение уголовного законодательства. Четвертый кассационный суд общей юрисдикции акцентировал внимание на том, что по смыслу статьи 195 УК РФ, предусмотренная ею уголовная ответственность наступает за отчуждение не любого имущества, а такого, за счет которого возможно удовлетворение требований кредиторов в рамках дела о банкротстве. Констатировав, что при совершении лицом деяния не было причинено крупного ущерба интересам кредиторов, кассационная инстанция указала, что Арбитражным судом Волгоградской области в определении от 30 октября 2020 года в результате получения Н. имущества от должника в качестве отступного не были нарушены интересы ни должника (у должника погасился основной долг по договору займа), ни конкурсных кредиторов третьей очереди (у кредиторов третьей очереди не возникло никаких убытков, поскольку земельные участки являлись предметом залога и из их стоимости требования кредиторов третьей очереди не удовлетворялись бы)[2]. Представляется, что установить подобные факты в процессе квалификации следователь не может с точки зрения распределения компетенции и с позиций стабильности правоприменения. В ином случае, может возникнуть ситуация, когда следователь придёт к одним выводам, а арбитражный суд к совершенно иным, что создаст сложно устранимые противоречия как в арбитражном, так и в уголовному судопроизводстве. Последнее подтверждается тем фактом, что на арбитражное судопроизводство также оказывают значительное влияние процессуальные решения, принятые в рамках уголовного судопроизводства по делам о криминальных банкротствах[3].

В свою очередь, в последней судебной практике встречаются и прямые противоречия фактических обстоятельств, установленных в рамках уголовного и арбитражного судопроизводств. При этом, кассационные суды не придают значения данным обстоятельствам. В частности, Шестой кассационный суд общей юрисдикции в определении от 22.11.2023 по делу № 77–4735/2023 указал, что выводы арбитражного судопроизводства не имеют значения для уголовного судопроизводства[4]. Однако, подобное положение вещей противоречит свойству общеобязательности судебных актов, частным проявлением которого является преюдициальность. Действительно, арбитражный суд не может предопределять выводы суда общей юрисдикции о виновности или невиновности лица в совершении деяний, предусмотренных статьями об уголовной ответственности за криминальные банкротства. Однако, фактические обстоятельства, установленные в рамках двух видов судопроизводств, не могут быть противоречивыми. Иное свидетельствует о нарушении принципа объективной истины, к достижению которой стремятся суды при осуществлении процесса доказывания.

Следовательно, факты, установленные в рамках арбитражного судопроизводства, должны иметь значение для квалификации криминальных банкротств и использоваться правоприменителем.

[1] Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 31.05.2022 № 77–2412/2022 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ007&n=73733#NdqafpTK6kQlJF95 (дата обращения: 20.06.2024).

[2] Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 11.10.2022 № 77–4079/2022 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ004&n=105623#w4OifpTsjVoXWG3n2 (дата обращения: 20.06.2024).

[3] Определение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22.02.2013 № ВАС-1134/13 по делу № А05–8500/2009 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/n5ml6QToYk14/ (дата обращения: 20.06.2024).

[4] Кассационное определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 22.11.2023 № 77–4735/2023 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ006&n=136506&ysclid=lsejsc2qhu138825475#tNxpm3UTthjyibUM (дата обращения: 20.06.2024).

Данное теоретическое положение к подходу квалификации криминальных банкротств должно найти отражение в конкретных разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Таким образом, теория уголовного права нуждается в разработке и детализации элементов бланкетных диспозиций уголовно-правовых норм, что позволит наиболее эффективно конструировать и применять нормы уголовного законодательства. В частности, необходимо выделять регулятивную компоненту бланкетной диспозиции уголовно-правовой нормы, которую следует рассматривать в качестве положения отрасли неуголовного законодательства, непосредственно оказывающего влияние на процесс квалификации деяния, но не являющегося составляющей уголовного законодательства. В разработке этой теоретической конструкции нуждаются и составы криминальных банкротств.

Понятия признаков банкротства, контролирующее должника лицо, используемые в статьях 195, 196 УК РФ, необходимо понимать лишь в смысле, которое им придают соответствующие нормативно-правовые акты, прямо определяющие содержание указанного термина. Использование термина признаки банкротства в понимании «объективного банкротства» или «имущественного кризиса» противоречит принципу законности (ст. 3 УК РФ).

Сложность действующего уголовного законодательства о криминальных банкротствах и его правоприменения указывают на необходимость разрешения вопросов толкования регулятивной компоненты бланкетных диспозиций норм о криминальных банкротствах, а также признаков составов криминальных банкротств на уровне разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Обязательным является включение указания относительно того, что уголовно-правовые нормы о криминальных банкротствах тесно взаимосвязаны с положениями законодательства о несостоятельности (банкротстве) и все используемые в нормах ст. 195–197 УК РФ понятия толкуются исходя из указанных положений. Пленум Верховного Суда Российской Федерации может дать указание на иное толкование понятия для целей применения соответствующего состава преступления. Также Пленум Верховного Суда Российской Федерации в рамках подобных разъяснений должен указать на необходимость использования правоприменителем фактов, установленных в рамках арбитражного судопроизводства, при квалификации криминальных банкротств.

Литература

1. Беляев П.А., Козодаева О.Н. Особенности конструкции уголовно-правовых норм о криминальном банкротстве // Ученые записки Тамбовского отделения РоСМ У. – 2018. – № 1. – С. 122–127.
2. Иванов Н.Г. Криминальные банкротства: уголовно-правовая характеристика: учебное пособие. – Москва: Проспект, 2023. – 96 с.
3. Кругликов Л.Л. Проблемы теории уголовного права: Избр. ст. (1982–1999 гг.) / Л.Л. Кругликов; М-во образования Рос. Федерации. Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова. – Ярославль: Яросл. гос. ун-т, 1999. – 200 с.
4. Кузнецов П.О. Бланкетные диспозиции: отдельные проблемные вопросы теории и практики // Государство и право: теория и практика: материалы III Международной науч. конф. (г. Чита). – 2014. – С. 70–72.
5. Кузьминов Д.А. Обстановка совершения неправомерных действий при банкротстве (ст. 195 УК РФ): предложения по законодательному конструированию // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2014. – № 2 (26). – С. 91–96.
6. Пестерева Ю.С., Рожкова О.И., Шагланова А.Н. Уголовная ответственность за неправомерные действия при банкротстве: современное состояние, проблемы и пути их решения // Сибирское юридическое обозрение. – 2022. – Т. 19. – № 4. – С. 407–418.

PROBLEMS OF APPLICATION OF BLANK DISPOSITIONS OF CRIMINAL LAW NORMS AND THE INFLUENCE OF ARBITRATION PROCEEDINGS ON THE PROCESS OF QUALIFICATION OF CRIMINAL BANKRUPTCIES

Roslyakov V.D.
Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MSAL)

The article discusses the theoretical and practical problems of using blank dispositions in the qualification of criminal bankruptcies (Articles 195–197 of the Criminal Code of the Russian Federation). At the same time, special attention is paid to the impact of arbitration proceedings on this process. The author forms a primary idea of a special element of the blank disposition of the criminal law norm – the regulatory component, which is new to the science of criminal law and needs to be developed. Based on the analysis of this theoretical category, the provisions of judicial practice and the available doctrinal positions, the author concludes that it is necessary to interpret the concepts used in the blank dispositions of criminal law norms on criminal bankruptcies exclusively within the meaning of the Law on Insolvency (Bankruptcy). At the same time, when qualifying acts, the facts established in the framework of arbitration proceedings should be taken into account. According to the author, in order to implement these provisions in practice, the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation should prepare appropriate clarifications.

Keywords: criminal bankruptcies, blank disposition of the criminal law norm, qualification, signs of bankruptcy, arbitration proceedings.

References

1. Belyaev P.A., Kozodaeva O.N. Features of the construction of criminal law norms on criminal bankruptcy // Scientific notes of the Tambov branch of RoSM U. – 2018. – No. 1. – pp. 122–127.
2. Ivanov N.G. Criminal bankruptcies: criminal law characteristics: textbook. – Moscow: Prospekt, 2023. – 96 p.
3. Kruglikov L.L. Problems of the theory of criminal law: Elected Art. (1982–1999) / L.L. Kruglikov; Ministry of Education of the Russian Federation. Federation. Yaroslav State University named after P.G. Demidov. – Yaroslavl: Yaroslav State University, 1999. – 200 p.

4. Kuznetsov P.O. Blank dispositions: some problematic issues of theory and practice // State and Law: theory and practice: materials of the III International Scientific Conference (Chita). – 2014. – pp. 70–72.
5. Kuzminov D.A. The situation of committing illegal actions in bankruptcy (Article 195 of the Criminal Code of the Russian Federation): proposals for legislative construction // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2014. – № 2 (26). – Pp. 91–96.
6. Pestereva Yu.S., Rozhkova O.I., Shaglanova A.N. Criminal liability for unlawful actions in bankruptcy: current state, problems and ways to solve them // Siberian Legal Review. – 2022. – vol. 19. – No. 4. – pp. 407–418.

Законодательная регламентация пределов ответственности за соучастие в преступлениях, совершенных по неосторожности

Проваткина Валерия Евгеньевна,
студент, Дальневосточный федеральный университет
E-mail: provatkina.ve@students.dvfu.ru

Квасникова Татьяна Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Дальневосточного федерального университета
E-mail: kvvasnikova.tv@dvfu.ru

Рубан Полина Олеговна,
студент, Дальневосточный федеральный университет
E-mail: ruban.po@students.dvfu.ru

Коркин Максим Сергеевич,
студент, Дальневосточный федеральный университет
E-mail: korkin.ms@students.dvfu.ru

В статье рассматриваются актуальные вопросы соучастия в преступлениях, совершенных по неосторожности. Авторы анализируют ключевые аспекты ответственности участников таких преступлений и предлагают возможные пути решения данной проблематики. Исследование призвано расширить понимание такого сложного явления, как участие в преступлениях, связанных с неосторожностью, и способствовать обсуждению этой темы среди специалистов, а также общественности. В итоге авторы делают вывод о том, что проблема соучастия в преступлениях, совершенных по неосторожности, требует дальнейшего изучения и обсуждения в контексте современных реалий и практических требований правоприменения. Авторы считают, что необходимо уделить особое внимание разработке более эффективных механизмов предотвращения и пресечения такого рода участия в преступлениях, а также улучшению уголовного законодательства РФ и практики его применения в данной сфере.

Ключевые слова: соучастие; неосторожность; уголовная ответственность; неосторожное сопричинение; оценка доказательств.

Вопросы участия в преступлениях, совершенных по неосторожности, являются важными уголовно-правовыми плеядами теоретических мнений, что в юридической литературе уходят в сторону неоднозначности всё сильней, разгораясь при этом с новой силой. Само понятие соучастия вызывает множество споров среди учёных-правоведов и иных авторов. Исходя из уголовного законодательства Российской Федерации, соучастие в преступлении признаётся умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления. Сама дефиниция уже носит дискуссионный характер и вступает в противоречие с темой данного исследования. В доктрине споры о возможности соучастия в неосторожном преступлении среди отечественных авторов ведутся достаточно продолжительный период времени.

Особое значение в доктрине находит мнение Р.Д. Шарапова [1], согласно которому возможно выделение института неосторожного сопричинения, сущность которого составляют совместные действия (бездействие) двух или более лиц, по неосторожности, предопределившие наступление единых общественно-опасных последствий, либо создавшие реальную угрозу их наступления.

Так Салимгареев А.Р. утверждает, что область распространенности неосторожного сопричинения в пределах действующего уголовного закона весьма обширна, ввиду чего стоит констатировать о специальной законодательной регламентации пределов ответственности в общей части Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) за данный тип общественно-опасных деяний. Здесь же приводится позиция, что отсутствие специальных норм, к которым он относит неосторожное сопричинение, приводит к неверной квалификации общественно-опасного деяния, и, как результат, к ответственности привлекаются не все сопричинители, либо необоснованно осуждаются лица, не имеющие прямого отношения к совершенному деянию [2, С. 53–60].

Как было приведено ранее, ст. 32 УК РФ предусмотрено, что соучастие возможно только в умышленном преступлении, однако в теории уголовного права существуют позиции о возможности наличия соучастия при совершении преступления с неосторожной формой вины.

Так, Н.Д. Сергеевский полагал, что неосторожное соучастие случается, когда соучастники не предвидели последствий своего деяния, но могли и должны были его предвидеть. Приводя пример про двух строителей, работающих на крыше дома, когда одному был отдан приказ сбросить материал

вниз, тот, заручившись поддержкой другого, приказ исполнил, что впоследствии причинило смерть проходящему мимо человеку. Как итог, отдавший приказ – является подстрекателем, строители – исполнитель и пособник соответственно, резюмирует он. Интересна была позиция авторов, спорящих с таким мнением [3], заключая, что в данном примере действия работников не были направлены на убийство человека, что исключает соучастие. На наш взгляд, необязательно квалифицировать действия работников, как умышленное убийство человека, уголовное законодательство Российской Федерации предусматривает причинение смерти по неосторожности, что больше соотносится с направленностью умысла виновных, используя правила квалификации. Таким образом, хотелось бы, чтобы авторы конкретизировали свою позицию по данному вопросу.

В настоящее время, по мнению некоторых учёных, отсутствие общей преследуемой цели в действиях участников при неосторожном сопричинении противоречит необходимости его самостоятельного урегулирования в уголовном законодательстве Российской Федерации. Наиболее большую часть такого рода неосторожных сопричинений находится в сфере нарушения правил безопасности и использования техники. Примером из судебной практики может служить дело об аварии на Саяно-Шушенской ГЭС в августе 2009 года, когда виновные лица не действовали соучастно, а направленность их умысла не было нацелено на то или иное общественно-опасное последствие. В данном пример чётко прослеживается необходимость урегулирования в уголовном законодательстве Российской Федерации вопросов уголовной ответственности лиц, совершивших общественно-опасные деяния групповым способом за рамками института соучастия.

Некоторые авторы также просят обратить внимание и на то, что из-за отсутствия института неосторожного сопричинения в уголовном законодательстве Российской Федерации к ответственности привлекаются не все сопричинители, чем необоснованно нарушается ст. 6 УК РФ, согласно которой наказание, применяемое к лицу, совершившему преступление, должно быть справедливыми.

А.П. Бохан и Н.В. Петрашева справедливо считают, что законодательного закрепления возможности неосторожного соучастия можно достичь несколькими путями [3]. Так, первая позиция состоит в обосновании самой возможности соучастия в преступлениях с неосторожной формой вины, которая должна выражаться в действиях некоторых соучаствующих лиц, не связанных с причинением вреда, однако создающих все необходимые условия для этого. Вторая же позиция включает в себя введение в уголовное законодательство Российской Федерации термина, что рассматривается в рамках данного исследования – «неосторожное сопричинение» [6], [7].

Большинство авторов считают, что система уголовного законодательства Российской Федерации сталкивается с рядом сложностей при определении степени участия лиц в преступлениях, совершенных по неосторожности. Так, отсутствие прямого умысла, неоднозначность действий и различные уровни ответственности соучастников создают дополнительные вызовы для следователей, прокуроров, а также судей. Законодательное закрепление в уголовном законодательстве Российской Федерации института неосторожного сопричинения могло бы положительно служить правоприменителям. Но в той же степени и не могло бы, ведь, как верно отметил В.А. Нерсесян [5, С. 44–45], законодательство оставило вне рамок соучастия все возможные случаи неосторожных действий нескольких лиц при совершении единого преступления, а также ситуации, в которых несколько лиц умышленно совершают преступление, влекущее неосторожные последствия. Иначе говоря, существование института неосторожного соучастия маловероятно, так как такой институт не практичен и будет противоречить началам уголовного законодательства Российской Федерации. В большей же степени такая новелла будет расширять и без того раздутый УК РФ, как это случилось, в частности, после введения бесполезных «аватаров» к статье 159 УК РФ, что включали те общественно-опасные деяния, что изначально содержались и подразумевались в основной статье особенной части УК РФ.

При рассмотрении данного вопроса следует также выделить основные проблемы, которые возникают при рассмотрении подобных уголовных преступлений:

1. Одной из ключевых проблем является определение границ ответственности соучастников в случае преступлений по неосторожности. В отличие от умышленных преступлений, где преступник действует с намерением, в случае неосторожного преступления намерение отсутствует, что усложняет процесс определения степени участия каждого лица в совершении преступления.

2. Сложности в оценке и представлении доказательств. Доказать участие человека в преступлении по неосторожности может быть сложнее, чем в случае умышленного преступления, так как требуется установить причинно-следственную связь между его действиями и последствиями. При рассмотрении данной проблемы необходимо учитывать различные аспекты, такие как степень осведомленности соучастников о возможности совершения преступления, их активное участие или бездействие, а также их намерения и мотивы.

3. Различные уровни ответственности. Кроме того, существует проблема различных уровней ответственности соучастников в преступлениях по неосторожности. Некоторые могут не осознавать возможные последствия своих действий, в то время как другие могут быть более осмотрительными, но все равно оказаться соучастниками в деянии. Соучастники могут иметь разные уровни вины и ответственности в случае преступления

по неосторожности, что может вызвать разногласия при квалификации их действий.

Таким образом, соучастие при квалификации преступления, совершенном по неосторожности на сегодняшний день является актуальной проблемой в российском законодательстве. Конечно, каждый случай соучастия в преступлении требует индивидуального анализа с учетом конкретных обстоятельств дела и нормативных положений уголовного законодательства. Но для выработки единообразного подхода к решению данной проблемы необходимо внести изменения в уголовное законодательство, тем самым конкретизировать возможность применения ответственности за соучастие в преступлении, совершенном по неосторожности, тем самым устранив пробел в законодательстве.

Литература

1. Шарапов, Р. Д. Ш Соучастие в преступлении и иные формы совместной. преступной деятельности: закон, теория, практика: учебное пособие
2. Салимгареева А.Р. Уголовная ответственность за неосторожное сопричинение // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2017. – С. 53–60.
3. Бохан А.П., Петрашева Н.В. Соучастие в неосторожном преступлении: миф или реальность? [Электронный ресурс] // Lex russica (Русский закон). 2016;(5):217–224. URL: https://doi.org/10.17803/1729–5920.2016.114.5.217–224
4. Пионтковский А.А. Вопросы Общей части уголовного права в практике судебно-прокурорских органов. М., 1954.
5. Нерсесян В.А. Уголовная ответственность сопричинителей вреда по неосторожности / В. Нерсесян // Российская юстиция. 1999. № 10. С. 44–45.
6. Афиногенов С.В. Соучастие в преступлении (понятие, виды и формы): автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1991.
7. Гринберг М.С. Понятие и виды соучастия в неосторожном преступлении // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2008. № 2.

LEGISLATIVE REGULATION OF THE LIMITS OF LIABILITY FOR COMPLICITY IN CRIMES COMMITTED THROUGH NEGLIGENCE

Provatkina V.E., Kvasnikova T.V., Ruban P.O., Korkin M.S.
Far Eastern Federal University

This article discusses current issues of complicity in crimes committed by negligence. The authors analyze the key aspects of the responsibility of participants in such crimes and suggest possible ways to solve this problem. The study aims to expand the understanding of such a complex phenomenon as participation in crimes related to negligence, and to promote discussion of this topic among specialists as well as the public. As a result, the authors conclude that the problem of complicity in crimes committed by negligence requires further study and discussion in the context of modern realities and practical requirements of law enforcement. The authors believe that special attention should be paid to the development of more effective mechanisms for preventing and suppressing such participation in crimes, as well as improving the criminal legislation of the Russian Federation and the practice of its application in this area.

Keywords: complicity; negligence; criminal liability; negligent co-occurrence; evaluation of evidence.

References

1. Sharapov, R. D.S. Complicity in a crime and other forms of collaboration. Criminal activity: law, theory, practice: textbook/
2. Salimgareeva A.R. Criminal liability for negligent co-occurrence // Legal science and law enforcement practice. – 2017. – PP. 53–60.
3. Bohan A.P., Petrasheva N.V. Complicity in a reckless crime: myth or reality? [Electronic resource] // Lex russica (Russian law). 2016;(5):217–224. URL: https://doi.org/10.17803/1729–5920.2016.114.5.217–224
4. Piontkovsky A.A. Questions of the General part of criminal law in the practice of judicial and prosecutorial bodies. M., 1954.
5. Nersesyan V.A. Criminal liability of co-causers of harm by negligence / V. Nersesyan // The Russian justice system. 1999. No. 10. pp. 44–45.
6. Afinogenov S.V. Complicity in crime (concept, types and forms): author's abstract. dis. … cand. Jurid. M., 1991.
7. Grinberg M.S. The concept and types of complicity in a reckless crime // Bulletin of Omsk University. The series "Law". 2008. № 2.

Криминологическая характеристика использования криптовалют в коррупционных контрактах

Садыкова Эльвира Вильусовна,
аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) Федеральный Университет»
E-mail: sadykova.elvira2013@mail.ru

В статье основное внимание уделяется связям между криптовалютами и коррупцией. Представлен обзор возможных сценариев использования криптовалют в коррупционных контрактах. Сценарии подразумевают, что криптовалюты могут снизить затраты и риски, связанные с коррупционным контрактом и облегчить передачу коррупционных выгод на анонимной основе. Их существование также позволяет запятнанным коррупцией контрактам распространяться на те области, где в прошлом это не приносило никаких экономических преимуществ. Затем в статье исследуется, существуют ли какие-либо эмпирические корреляции между криптовалютами и коррупцией. Количество биткойн-банкоматов (АТМ) и пользователей криптовалюты использовалось в качестве показателя криптовалют, а индекс восприятия коррупции (ИПЦ) – в качестве показателя коррупции. Наибольшее количество владельцев или пользователей криптовалют находится в странах с высокой распространенностью коррупции.

Ключевые слова: криптовалюта, криптоактив, коррупция, Биткойн, Биткойн-банкомат, коррумпированный владелец или пользователь.

Введение

Основное внимание уделяется тому, как криптовалюты могут использоваться для коррупционных контрактов и можно ли установить корреляцию или, если необходимо, причинно-следственную связь между уровнем коррупции и степенью использования криптовалют. Для целей статьи коррупция определяется, как «любое поведение, отклоняющееся от общепринятых формальных и неформальных обязательств с целью достижения частной выгоды».

Криптовалюты – это децентрализованные платежные системы, в которых право собственности подтверждается исключительно посредством использования криптографии. Формальное определение криптовалют предъявляет следующие шесть требований [9]: 1. Система достигает консенсуса о своем статусе на децентрализованной основе без помощи центрального органа. 2. Система ведет обзорный учет криптовалютных единиц и их владельцев. 3. Система определяет условия появления новых единиц и порядок определения их собственности. 4. Право собственности на криптовалютные единицы подтверждается исключительно криптографически. 5. Система дает возможность совершать транзакции по смене принадлежности криптовалютных единиц. Право собственности на эти единицы должно быть подтверждено, чтобы иметь возможность осуществить сделку. 6. Если в один и тот же момент совершаются две транзакции, изменяющие право собственности на одни и те же единицы криптовалюты, реализуется только одна из них.

Сначала Европейское банковское управление [17] отнесло криптовалюты к категории виртуальных валют. Виртуальная валюта – это цифровое представление стоимости, которое не выпускается центральным банком и не связано со стоимостью бумажной валюты, но принимается в качестве средства валюты. Виртуальную валюту можно передавать, депонировать и продавать в электронном виде. В настоящее время Европейское банковское управление относит криптовалюты к категории криптоактивов. Криптоактивы – это тип частного актива, который зависит в первую очередь от криптографии и технологии распределенного реестра. Криптоактивы могут иметь платежные, инвестиционные и коммунальные функции. Их можно разделить на централизованные и децентрализованные криптоактивы. Криптовалюты – это децентрализованные криптоактивы. Централизованные криптоактивы включают предшественников криптовалют.

Государственная власть может запретить определенные транзакции или даже конфисковать централизованную цифровую валюту у ее владельцев. В схемах криптовалют центральный орган заменяется децентрализованной анонимной сетью, тем самым устраняя самое слабое место централизованных цифровых валют. В случае с криптовалютами невозможно определить управляющую организацию, и поэтому государственная власть не может обеспечить соблюдение применимых законов или судебных решений. Криптовалюты обеспечивают уверенность в транзакциях без цензуры и делают невозможным конфискацию собственности без согласия владельца.

Право собственности на криптовалюты

Владение криптовалютными единицами полностью отличается от владения как материальными, так и нематериальными активами. Право собственности на криптовалютные единицы заключается в знании закрытого ключа. Для любой транзакции, которая передает единицы криптовалюты в пользу их нового владельца, важно продемонстрировать знание закрытого ключа, соответствующего этим единицам.

Единицы криптовалюты хранятся по адресу. Лицо, доказавшее знание закрытого ключа, соответствующего данному адресу, имеет право совершить сделку, то есть передать эти единицы в пользу другого лица. Подтверждение знания закрытого ключа обеспечивается с помощью криптографической подписи транзакции, предназначенной для передачи единиц криптовалюты. Расчет выполняется только тем, кто знает соответствующий закрытый ключ [16].

Если по адресу присутствуют криптовалютные единицы, мы не можем знать, есть ли у них владелец или владельцы. Закрытый ключ может не существовать, может быть одна копия закрытого ключа, может быть несколько копий закрытого ключа или даже закрытый ключ может быть открыто опубликован. Если не была проведена транзакция по переводу единиц криптовалюты с этого адреса в пользу другого адреса, невозможно определить, какой из вышеперечисленных вариантов имел место. После совершения транзакции можно исключить вариант отсутствия копии закрытого ключа; лицо, осуществившее транзакцию, должно было использовать закрытый ключ. Пока сделка не совершена, невозможно определить, есть ли владелец и кто владелец. После совершения транзакции можно идентифицировать предыдущего владельца, но не нового владельца [3].

Взаимосвязь коррупции и криптовалют

Большинство текстов, посвященных взаимосвязи криптовалют и коррупции, фокусируются только на вопросе о том, могут ли криптовалюты способствовать коррупции или, наоборот, снижать коррупцию. Авторы, считающие, что криптовалюты могут служить средством коррупционных транзакций, обычно подчеркивают анонимность пользователей криптовалют [8]. Ловелл [10] фокусируется на Биткойне и отмечает, что это квазианонимная валюта. Если транзакция совершается в биткойнах, каждый, кто имеет доступ к блокчейну, который играет роль публичного реестра совершенных транзакций, может легко найти информацию об этой транзакции (информацию об адресе происхождения, адресе назначения, отправленной сумме).

Однако стороны сделки или причина сделки остаются неизвестными. Помимо квазианонимности транзакций, которой могут злоупотреблять лица, совершающие преступления, Кэмпбелл-Верден [13] указывает, что транзакции происходят в режиме реального времени и что государственным органам трудно бороться с этими транзакциями в реальном времени любым способом.

Дабровский и Яниковский [6] отмечают, что криптовалюты можно использовать для обхода различных санкций и ограничений, налагаемых государственными органами. Фоли, Карлсен и Путнинс подсчитали, что примерно четверть пользователей биткойнов и половина транзакций биткойнов связаны с незаконной деятельностью. Они не ограничиваются коррупцией, но также включают отмывание денег, уклонение от уплаты налогов, незаконное приобретение наркотиков и оружия, финансирование терроризма, воровство и мошенничество [5]. Альберт и др. [1] анализируют, как криптовалюты способствуют процессу отмывания денег, и приходят к выводу, что коррумпированные фирмы и преступные организации могут конвертировать свои доходы в криптовалюты, а затем переводить эти средства в любую точку мира, чтобы уклониться от налоговых органов. Такая повышенная защита способствует процессу отмывания денег, поскольку позволяет преступным организациям получить полный доступ и контроль над всеми доходами, которые они производят. Шимонова, Ч.Энтеш и Белеш [19] подчеркивают, что часто отсутствует нормативный надзор за финансовыми инновациями, включая криптовалюты, а это означает, что у них часто отсутствует механизм для четкого измерения риска в их операциях.

Однако некоторые авторы [2] придерживаются противоположной точки зрения, утверждая, что криптовалюты могут снизить коррупцию. Они полагают, что если криптовалюта содержит информацию обо всех транзакциях, совершенных в прошлом, то можно идентифицировать, хотя бы приблизительно, различных участников транзакций из их истории, используя современные методы (анализ больших данных) или, где это возможно, можно было бы создать криптовалюту, в транзакцию, которой будет включена информация о договаривающихся сторонах. Конашевич [7] убежден, что децентрализованный характер криптовалют может привести к снижению государственного регулирования или усилению либерализации, где это применимо, тем самым уменьшая причины, по которым люди прибегают к коррупции. Аналогичным образом, Катона [12] заключает, что технология

блокчейна позволит устранить посредников и осуществлять транзакции прозрачным образом. Это приведет к сокращению затрат и, таким образом, сделает бесполезной любую коррупцию, направленную на избежание затрат.

Другие авторы (например, Дешвал, Сингх Кауров и Тхакур [4], Макки и Куомо [8], Берг, Маркиз-Таулер и Новак [17].; Сладичи др.) [18] описывают различные способы использования технологии блокчейн в качестве инструмента прозрачности и средства борьбы с коррупцией в развивающихся странах, а именно: 1. Невозможность одновременного шифрования серверов, что снижает риск незаконных действий; 2. возможность обнаружить и предотвратить мошенничество в процессе закупок; 3. тот факт, что смарт-контракты, основанные на блокчейне, являются самодостаточными – в их чистой форме (то есть, когда все триггеры и условия контракта управляются в цепочке) им не нужны какие-либо внешние органы для обеспечения соблюдения или иного управления спорами; 4. блокчейн позволяет записывать транзакции неизменным и защищенным от несанкционированного доступа образом.

Необходимо подчеркнуть, что приведенный выше оптимизм разделяют не все авторы. Сайед [15] указывает, что транзакции в блокчейне по-прежнему могут быть: несанкционированными, мошенническими или незаконными; заключенные между связанными сторонами; связаны с дополнительным соглашением, которое находится «вне сети»; или неправильно классифицированы в финансовой отчетности. Аналогичным образом, Никерсон [14] утверждает, что блокчейн может знать только входные данные, но не реальность. Блокчейн будет отслеживать их как действительные данные, поэтому, если у вас есть полномочия вводить неверные данные, блокчейн проверит неверные данные. Вы по-прежнему зависите от реальных, надежных источников данных и авторизации. Если вы испортите это, вы испортите и процесс. Таким образом, Дудли, Пуд и Карден [11] предлагают возможное реалистичное видение, подчеркивающее тот факт, что криптовалюты могут снизить коррупцию, а также тот факт, что они могут способствовать коррупции.

Сценарии потенциального злоупотребления криптовалютами в коррупционных целях

Рассмотрим три сценария (А 1, А 2 и А 3) потенциального злоупотребления криптовалютами в целях коррупции; см. рис. 1, табл. 1. Коррупционный агент (X) нарушил свои обязанности и коррупционный агент Y) извлекает выгоду из нарушения. Криптовалюты, которые X получает от Y, представляют собой вознаграждение X за его действия в качестве коррупционного агента. Различные сценарии разделены на четыре этапа. Некоторые сценарии включают только три из четырех этапов, а некоторые этапы (в частности, Этап 3) незначительно отличаются для каждого сценария.

Сценарии А 2, А 3	Сценарии А 1, А 3
Этап 1. Коррупционный агент X передает свой криптовалютный адрес коррупционному агенту Y	**Этап 2.** Коррупционный агент Y получает криптовалюту
Сценарии А 1, А 2, А 3	**Этап 3.** Коррупционный агент Y отправляет криптовалюту коррупционному агенту X
Сценарии А 1, А 2, А 3	**Этап 4.** Коррупционный агент X использует криптовалюту

Рис. 1

Таблица 1

	Этап 1	Этап 2	Этап 3	Этап 4
Сценарий А 1	–	Коррупционный агент (Y) (далее – Y) получает произвольную криптовалюту, которую он отправляет в транзакции на вновь созданный адрес, предназначенный для коррупционного агента (X) (далее – X).	Y предоставляет X закрытый ключ к этому вновь созданному адресу.	В таком случае, если X не переведет взятку в пользу адреса, который он указывает, Y может действовать быстрее и вернуть взятку, выполнив транзакцию в пользу адреса, который он указал сам.
Сценарий А 2	X предоставляет Y свой адрес криптовалюты.	–	Y покупает криптовалюту и поручает продавцу отправить ее непосредственно на криптовалютный адрес X.	X, в свою очередь, может использовать криптовалюту, доступную под его адресом.
Сценарий А 3	X предоставляет Y свой адрес криптовалюты.	–	Если Y владеет соответствующей криптовалютой в необходимом количестве, Этап 2 пропускается, и Y отправляет криптовалюту прямо на криптовалютный адрес X.	Затем X может использовать криптовалюту, доступную по его адресу.

Сценарий А 1 аналогичен сокрытию денег в секретном месте. Коррупционный агент (Y) получает произвольную криптовалюту на Этапе 2, которую он отправляет в транзакции на вновь созданный адрес, предназначенный для коррумпированного агента (X). На следующем этапе Этапе 3 Y предоставляет X закрытый ключ к этому вновь созданному адресу. Когда закрытый ключ передается на этом Этапе 3, X может необязательно обладать какими-либо знаниями о криптовалюте и может даже не понимать, что он только что получил от Y. Более того, Y может иметь в своем распоряжении копию закрытого ключа. В таком случае, если X не переведет взятку в пользу адреса, который он указывает на Этапе 4, Y может действовать быстрее и вернуть взятку, выполнив транзакцию в пользу адреса, который он указал сам.

Сценарий А 2 аналогичен отправке взятки на анонимный банковский счет. X предоставляет Y свой адрес криптовалюты на Этапе 1. Y покупает криптовалюту и поручает продавцу отправить ее непосредственно на криптовалютный адрес X на Этапе 3. X, в свою очередь, может использовать криптовалюту, доступную под его адресом (Этап 4).

Сценарий А 3 предполагает, что и X, и Y знакомы с использованием криптовалюты. X предоставляет Y свой адрес криптовалюты (Этап 1). Если Y владеет соответствующей криптовалютой в необходимом количестве, Этап 2 пропускается, и Y отправляет криптовалюту прямо на криптовалютный адрес X (Этап 3). Затем X может использовать криптовалюту, доступную по его адресу (Этап 4).

Существуют и другие сценарии, требующие от пользователя расширенных знаний о криптовалютах как из X, так и из Y. Они включают использование «смарт-контрактов», то есть децентрализованной программы, выполняемой в блокчейне другой криптовалюты (обычно Ethereum). Например, X может использовать смарт-контракт для создания новой бесполезной криптовалюты и продажи ее единиц Y, который платит X за продажу. Либо смарт-контракт можно использовать для запуска азартной игры, в которой Y проигрывает ставку против X. В обеих ситуациях X получает вознаграждение, которое может быть связано с удобным для Y нарушением его обязанности. Но детали такого сценария довольно сложны.

Во всех сценариях Этап 4 состоит из прибыли от коррупции, полученной коррумпированным агентом. Коррумпированный агент может верить в криптовалюты и может решить сохранить взятку в форме криптовалюты в течение длительного периода времени, например, в качестве сбережений на пенсию. Если X безопасно хранит закрытый ключ своего адреса, например, выучив его наизусть, может оказаться даже невозможным определить, есть ли у адреса X владелец, не говоря уже о том, является ли X владельцем. Например, X может просто захотеть наказать Y, но не желает получать никакой выгоды от взятки ни для себя, ни для любого другого лица, поэтому X предоставил Y адрес, секретный ключ которого никто не знает. В общем, пока X или тот, кому X раскрывает свой закрытый ключ, использует криптовалюты, полученные X от Y, будет сложно доказать, что X получил какую-либо выгоду от своих действий, нарушающих какие-либо его обязанности. Таким образом, раскрыть коррупцию X будет непросто.

Если X решит потратить криптовалюту, он может сделать это, конвертировав ее в бумажную валюту или купив товары. X переведет криптовалюту с текущего адреса на адрес контрагента, предоставляющего X запрошенную бумажную валюту или товары. Эта транзакция записывается в блокчейне. В этот момент можно доказать, что кто-то имел приватный ключ к этому адресу и, таким образом, получил выгоду от взятки. Однако если для взятки была использована криптовалюта с высоким уровнем анонимности, такая как Monero, даже блокчейн не позволяет доказать, что транзакция была осуществлена с адреса X. Monero анонимизирует отправителя транзакции, используя механизм, называемый кольцевыми подписями. Следовательно, в таком случае невозможно доказать, что X использовал криптовалюту, полученную коррупционным путем, что, в свою очередь, затрудняет раскрытие коррупции.

Y при покупке криптовалюты и X при ее продаже (если применимо), могут быть идентифицированы в соответствии с процедурой «Знай своего клиента», в соответствии с которой трейдер должен хранить личные данные клиентов и раскрывать эти данные, если это предписано государственными органами. При использовании криптовалюты с низким уровнем анонимности подозрение на взаимосвязь между ними может возникнуть на основании выполненной транзакции, хранящейся в блокчейне. Но если используется криптовалюта с высоким уровнем анонимности, такая как Monero, эта ссылка не создается в блокчейне; тем не менее, можно продемонстрировать связь между временем покупки X и временем продажи Y, а также количеством купленной и проданной криптовалюты. Однако важно подчеркнуть, что криптовалюты также можно покупать и продавать полностью анонимно; например, на встрече любителей криптовалюты. Анонимный обмен также возможен с использованием биткойн-банкоматов. Тем не менее, можно также выполнить несколько обменных транзакций в течение определенного периода времени или использовать несколько различных биткойн-банкоматов.

Вышеупомянутые сценарии подразумевают, что криптовалюты позволяют сторонам коррупционного контракта передавать взятку (или, в более общем смысле, выгоду, полученную коррумпированным агентом или лицом, связанным с этим агентом) относительно высоко анонимным образом. Таким образом, криптовалюты расширяют возможность коррупции в ситуациях, которые до сих пор создавали риск того, что взятка позволит идентифицировать стороны коррупционного контракта и разоблачить их коррупционное поведение. Если

в качестве взятки используются бумажные деньги, то передача такой взятки наличными связана с риском ее потери или риском того, что для взятки будут использованы фальшивые купюры. В настоящее время при банковских переводах относительно легко идентифицировать как плательщика, так и получателя. Другие формы взяток часто требуют личной встречи коррумпирующего агента с коррумпированным агентом или другими лицами, их представляющими. Криптовалюты хотя бы частично снижают эти риски. Хотя агент-коррупционер все равно должен найти подходящего человека, который нарушит свои обязанности в пользу агента-коррупционера, в настоящее время этот поиск может осуществляться и в режиме онлайн. Следовательно, криптовалюты вместе с онлайн-средой снижают транзакционные издержки, связанные с коррупцией, упрощая контакт между сторонами коррупционного контракта. Все это может привести к расширению коррупционной практики.

Учитывая анонимность криптовалют, однозначно определить страны, в которых проживают пользователи криптовалют, не представляется возможным. В результате лишь косвенно можно определить, широко ли распространены криптовалюты в стране. Один из самых простых способов получить криптовалюту, которая также является анонимной, – это использовать банкомат (ATM), который может обменять бумажную валюту на криптовалюту. Таким образом, количество таких банкоматов можно использовать в качестве показателя наличия криптовалют – можно предположить, что чем выше количество этих банкоматов на одного жителя в данной стране, тем в большей степени в этой стране используются криптовалюты. Вообще, чтобы банкомат был установлен в определенной стране, сначала должны быть созданы адекватные условия, обеспечивающие прибыльность инвестиций; высокий уровень коррупции в стране снижает вероятность возврата инвестиций. Следовательно, к взаимосвязи между количеством биткойн-банкоматов и коррупцией, вероятно, применима следующая причинно-следственная связь: слишком высокий уровень коррупции препятствует установке биткойн-банкоматов.

Что касается количества коррупционеров, то причинно-следственная связь, скорее всего, будет следующей: если коррупция в определенной стране относительно высока, но не превышает критических значений, ситуация может стимулировать использование криптовалют, а именно по двум причинам. С одной стороны, криптовалюты могут служить средством снижения издержек, связанных с коррупцией, и повышения анонимности коррупционно-запятнанных контрактов. С другой стороны, даже те субъекты, которые не участвуют в коррупции в стране, будут стремиться минимизировать ущерб, понесенный ими из-за коррупции. По крайней мере, частичный переход на криптовалюты может предложить такое решение. Их контакты становятся более анонимными, они больше не подлежат такому строгому регулированию, и возникает меньшая необходимость в получении различных разрешений, связанных с использованием законных средств платежа, в то время как такие разрешения можно получить самостоятельно или проще, если подать заявку на разрешение подкреплено взяткой. Цена, уплачиваемая за биткойн выше рыночной цены идет рука об руку с уровнем коррупции. По мере роста коррупции растет и премия, выплачиваемая за биткойн. Этот вывод указывает на то, что люди из стран с высоким уровнем коррупции пытаются получить биткойн и использовать его либо как средство коррупционной транзакции, либо как защиту от последствий коррупции. Но, по крайней мере, должны быть созданы базовые условия для использования криптовалют.

Когда соответствующие транзакции осуществляются удобным способом, криптовалюты могут достичь высокого уровня анонимности, при котором практически невозможно идентифицировать лиц, участвующих в криптовалютной транзакции. Напротив, при неосторожном использовании криптовалютные транзакции полностью прозрачны.

Подразумевают, что криптовалюты снижают транзакционные издержки и риски коррупционных контрактов. Они позволяют, в частности, осуществлять анонимную передачу коррупционного вознаграждения (выгоды), предоставленного коррупционером агенту-коррупционеру, и одновременно расширяют круг возможных видов выплат, которые может предоставить коррупционер. Благодаря своей анонимности и относительной простоте передачи криптовалюты уменьшают необходимость личной встречи между коррумпирующим агентом и коррумпированным агентом для передачи вознаграждения, основанного на коррупции. Другие формы неличного контакта между коррупционным агентом и коррумпированным агентом (например, перевод коррупционного вознаграждения на банковский счет, отправка коррупционного вознаграждения или выгод через посредника) являются более рискованными.

Материалы и методы

Методы проведенного исследования: сравнительный, теоретический, эмпирический, аналитический.

Результаты

Используя криптовалюты, субъекты, потенциально заинтересованные в коррупционном контракте, могут легче добиться контрагента, с которым они не будут напрямую контактировать. Таким образом, коррупция может возникнуть и в тех сферах, где она до сих пор не приносила выгод из-за затрат и рисков.

Там, где коррупция достигает значительно высокого уровня, в стране нет достаточных технических и правовых условий для того, чтобы больше людей могли использовать криптовалюты.

Важно отметить, что криптовалюты, в частности, являются частью быстро развивающегося ми-

ра. Поэтому целесообразно продолжать отслеживать взаимосвязь между криптовалютами и коррупцией в будущем. Особенно желательно получить больше данных о том, насколько распространены криптовалюты в разных странах.

Обсуждение

Противодействие коррупции в России является одним из главных приоритетов правительства. В последние годы было введено множество мер для борьбы с коррупцией и взяточничеством. Однако сниженные транзакционные издержки, связанные с коррупцией, упрощенный подход к контакту между сторонами коррупционного контракта, а также имеющаяся анонимность может привести к расширению коррупционной практики.

Заключение

Когда соответствующие транзакции осуществляются удобным способом, криптовалюты могут достичь высокого уровня анонимности, при котором практически невозможно идентифицировать лиц, участвующих в криптовалютной транзакции. Напротив, при неосторожном использовании криптовалютные транзакции полностью прозрачны.

Подразумевают, что криптовалюты снижают транзакционные издержки и риски коррупционных контрактов. Они позволяют, в частности, осуществлять анонимную передачу коррупционного вознаграждения (выгоды), предоставленного коррупционером агенту-коррупционеру, и одновременно расширяют круг возможных видов выплат, которые может предоставить коррупционер. Благодаря своей анонимности и относительной простоте передачи криптовалюты уменьшают необходимость личной встречи между коррумпирующим агентом и коррумпированным агентом для передачи вознаграждения, основанного на коррупции. Другие формы неличного контакта между коррупционным агентом и коррумпированным агентом (например, перевод коррупционного вознаграждения на банковский счет, отправка коррупционного вознаграждения или выгод через посредника) являются более рискованными. Указанное может способствовать повышению коррупции.

Литература

1. Альберт, К., Маккей Даффин, К., Хокинз, С., Моралес Роча, В.М. Использование криптовалют в процессе отмывания денег. – 2-е изд. – Вашингтон: Контроль за отмыванием денег, 2019. – 210–216 с.
2. Алдаз-Кэролл Э. Могут ли криптовалюты и блокчейн помочь бороться с коррупцией?. – 1-е изд. – Вашингтон: Lawyer, 2018. – 298 с.
3. Биткойн, криптомонеты и глобальная борьба с отмыванием денег // Преступность, закон и социальные изменения URL: http://dx.doi.org/ (дата обращения: 20.05.2024).
4. Блокчейны // Частное предпринимательство URL: http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3301714 (дата обращения: 20.05.2024).
5. Блокчейн-решение для обеспечения безопасности сделок с недвижимостью: пример Сербии // Геоинформация URL: https:// doi.org/10.3390/ijgi10010035 (дата обращения: 24.05.2024).
6. Дабровский М.Н., Яниковский Л.М. Виртуальные валюты и их потенциальное влияние на финансовые рынки и денежно-кредитная политика. – 1-е изд. – Варшава: Сетевые исследования и анализ, 2019.
7. Концепция управления на основе блокчейна: текущие проблемы и общее видение // ResearchGate URL: https://www.researchgate.net/publication/ 330106495_The_Concept_of_the_BlockchainBased_Governing_Current_Issues_and_General_Vision (дата обращения: 20.05.2024).
8. Ламбсдорф Д.Г. Институциональная экономика коррупции и реформ. – 1-е изд. – Кембридж: Издательство Кембриджского университета, 2007. – 2018 с.
9. Ланский Д.Ж. Анализ выживания криптовалюты. – 3-е изд. – М.: Журнал альтернативных инвестиций, 2020. – 64 с.
10. Ловелл А.М. Уклонение от ответственности: изменение структуры регулирования криптовалют меры по обеспечению более законного использования. – 2-е изд. – Де-Мойн: Обзор права штата Айова, 2019. – 927–955 с.
11. Междисциплинарный обзор цифровых технологий для содействия борьбе с коррупцией, прозрачности и подотчетности при закупках лекарств // Глобальные действия в области здравоохранения URL: https://doi.org/10.1080/16549716.2019.1695241 (дата обращения: 20.05.2024).
12. Может ли блокчейн положить конец коррупции? // Европейские новости URL: https://www.yerepouni-news.com/2018/01/04/canblockchain-bring-an-end-to-corruption (дата обращения: 20.05.2024).
13. Мнение EBA о виртуальных валютах // eba.europa.eu URL: https:// eba.europa.eu/documents/10180/657547/EBAOp-2014–08+Opinion+on+Virtual+Currities.pdf. (дата обращения: 24.05.2024).
14. Никерсон Г. Мошенничество в мире передовых технологий. – 1-е изд. – Бостон: Бесконечность, 2019. – 28–34 с.
15. Сайед А. Влияние криптовалюты на развивающиеся рынки. – 1-е изд. – Сент-Пол: Аббас, 2018. – 92–97 с.
16. Секс, наркотики и биткойны: сколько стоит незаконная деятельность за счет криптовалют? // Papers URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3102645. (дата обращения: 20.05.2024).
17. Технология криптовалют: Перспективы успеха различных организаций. // Бумаги URL: https://

papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3323865 (дата обращения: 20.05.2024).
18. Уклоняющиеся маневры. Как злоумышленники используют рычаги воздействия с помощью криптовалюты // Колумбия URL: https://ndupress.ndu.edu/Portals/68/Documents/jfq/jfq-92/jfq-92_58–64_Dudley-et-al.pdf (дата обращения: 20.05.2024).
19. Финансовый анализ инновационных форм // Вопросы предпринимательства URL: http://doi.org/10.9770/jesi.2019.7.1 (дата обращения: 20.05.2024).

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISATION OF THE USE OF CRYPTOCURRENCIES IN CORRUPTION CONTRACTS

Sadykova E.V.
Kazan (Volga Region) Federal University

The article focuses on the links between cryptocurrencies and corruption. An overview of possible scenarios for the use of cryptocurrencies in corruption contracts is presented. The scenarios imply that cryptocurrencies can reduce the costs and risks associated with a corrupt contract and facilitate the transfer of corrupt benefits on an anonymised basis. Their existence also allows corruption-tainted contracts to spread to areas where in the past there were no economic benefits. The paper then explores whether there are any empirical correlations between cryptocurrencies and corruption. The number of bitcoin ATMs (ATMs) and cryptocurrency users was used as an indicator of cryptocurrencies, and the Corruption Perception Index (CPI) – was used as an indicator of corruption. The highest number of cryptocurrency owners or users are in countries with high prevalence of corruption.

Keywords: Cryptocurrency, cryptoasset, corruption, Bitcoin, Bitcoin ATM, corrupt owner or user.

References

1. Albert, K., Mackay Duffin, K., Hawkins, S., Morales Rocha, V.M. Use of cryptocurrencies in the process of money laundering. – 2nd ed. – Washington: Money Laundering Control, 2019. – 210–216 p.
2. Aldaz-Carroll E. Can cryptocurrencies and blockchain help fight corruption? – 1st ed. – Washington: Lawyer, 2018. – 298 p.
3. Bitcoin, cryptocoins and the global fight against money laundering // Crime, Law and Social Change URL: http://dx.doi.org/ (access date: 05/20/2024).
4. Blockchains // Private entrepreneurship URL: http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3301714 (access date: 05/20/2024).
5. Blockchain solution for ensuring the security of real estate transactions: the example of Serbia // Geoinformation URL: https://doi.org/10.3390/ijgi10010035 (access date: 05/24/2024).
6. Dabrovsky M.N., Yanikovsky L.M. Virtual currencies and their potential impact on financial markets and monetary policy. – 1st ed. – Warsaw: Network Research and Analysis, 2019.
7. The Concept of Blockchain-Based Governance: Current Issues and General Vision // ResearchGate URL: https://www.researchgate.net/publication/ 330106495_The_Concept_of_the_BlockchainBased_Governing_Current_Issues_and_General_Vision (access date: 05/20/2024).
8. Lambsdorf D.G. Institutional economics of corruption and reforms. – 1st ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – 2018 p.
9. Lansky D. Zh. Cryptocurrency survival analysis. – 3rd ed. – M.: Journal of Alternative Investments, 2020. – 64 p.
10. Lovell A.M. Avoidance of responsibility: changing the regulatory structure of cryptocurrencies to ensure more legitimate uses. – 2nd ed. – Des Moines: Iowa Law Review, 2019. – 927–955 p.
11. Interdisciplinary review of digital technologies to promote anti-corruption, transparency and accountability in drug procurement // Global Health Action URL: https://doi.org/10.1080/16549716.2019.1695241 (access date: 05/20/2024).
12. Can blockchain end corruption? // European news URL: https://www.yerepouni-news.com/2018/01/04/canblockchain-bring-an-end-to-corruption (access date: 05/20/2024).
13. EBA Opinion on virtual currencies // eba.europa.eu URL: https://eba.europa.eu/documents/10180/657547/EBAOp-2014–08+Opinion+on+Virtual+Currities.pdf. (date of access: 05/24/2024).
14. Nickerson G. Fraud in the world of advanced technologies. – 1st ed. – Boston: Infinity, 2019. – 28–34 p.
15. Sayed A. The impact of cryptocurrency on emerging markets. – 1st ed. – St. Paul: Abbas, 2018. – 92–97 p.
16. Sex, drugs and bitcoins: how much does illegal activity cost using cryptocurrencies? // Papers URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3102645. (access date: 05/20/2024).
17. Cryptocurrency technology: Prospects for the success of various organizations. // Papers URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3323865 (access date: 05/20/2024).
18. Evading maneuvers. How attackers use leverage with cryptocurrency // Columbia URL: https://ndupress.ndu.edu/Portals/68/Documents/jfq/jfq-92/jfq-92_58–64_Dudley-et-al.pdf (accessed: 05/20/2024).
19. Financial analysis of innovative forms // Issues of entrepreneurship URL: http://doi.org/10.9770/jesi.2019.7.1 (access date: 05.20.2024).

Правовые инструменты повышения правозащитного потенциала судебного контроля за обыском в жилище

Тарасов Алексей Александрович,
старший преподаватель кафедры профессиональной деятельности сотрудников подразделений охраны общественного порядка Нижегородской академии МВД России
E-mail: doktoi@inbox.ru

Обыск в жилище является одним из наиболее правоограничивающих следственных действий. Поэтому судебный контроль за ним должен быть максимально эффективным в плане обеспечения прав личности. Однако в судебной практике сложился антигуманный правоприменительный стандарт ухода судов от рассмотрения по существу вопросов, касающихся законности и обоснованности производства обыска в жилище, изъятия в ходе обыска вещей. В статье анализируются основные составляющие этого правоприменительного стандарта. Автором предлагается ряд мер по повышению правозащитного потенциала судебного контроля за обыском в жилище, в виде правовых запретов на определенные решения и действия правоприменителя. Эти запрета должны если не исключить, то ограничить широту усмотрения органов предварительного расследования по изъятию предметов первой необходимости, включая средства связи и средства вычислительной техники.

Ключевые слова: обыск в жилище, судебный контроль, эффективность, защита прав и свобод, изъятие, средства связи, средства вычислительной техники.

Судебный контроль за обыском в жилище является частью судебно-контрольного уголовно-процессуального механизма, прежде всего, превентивного оперативного судебного контроля, осуществляемого в порядке статьи 165 УПК РФ, но также и последующего судебного контроля в порядке статьи 125 УПК РФ, предметом которого является правомерность действия следователя, дознавателя проводившего обыск. Завершающим элементом этого судебно-контрольного механизма является судебный контроль за законностью, обоснованностью промежуточных судебных решений, принятых судами первой инстанции, осуществляемый вышестоящими судебными инстанциями.

Юридической аксиомой, непререкаемым, не требующим доказательств утверждением, является то, что человек и гражданин, его права и свободы, являются приоритетом в правовом, в том числе – уголовно-процессуальном регулировании. Эта аксиома закреплена в Конституции России в главе седьмой. Как указывал Конституционный Суд Российской Федерации, публичные интересы, перечисленные в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, могут оправдать только такие правовые ограничения прав и свобод, которые отвечают требованиям справедливости, являются адекватными, пропорциональными, соразмерными и необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей; цели одной только рациональной организации деятельности органов власти не могут служить основанием для ограничения прав и свобод [1].

Исходя из аксиомы о приоритете прав личности и вытекающих из нее положений, можно заключить, что эффективность судебного контроля проявляется прежде всего в его способности поддерживаться такой правовой стандарт обыска в жилище, который исключал бы чрезмерное ограничение права и свобод человека и гражданина, в том числе закрепленных в ст. 23, 24 и 29 Конституции Российской Федерации, сверх необходимости обеспечить надлежащее собирание доказательств по уголовному делу. При чрезмерном, то есть выходящем за разумные пределы ограничении прав и свобод человека, не вызываемом необходимостью уголовно-процессуального доказывания, будет иметь место искажение сущности обыска, нарушение требований справедливости.

Общепризнанные в науке является мнение о том, что обыск является способом собирания доказательств с ярко выраженным поисковым признаком [2,3] и вместе с тем ему свойственен принудительный характер, что требует неукоснительно-

го соблюдения прав лиц, с ограничением которых неизбежно сопряжено проведение обыска в жилище [4]. Поэтому судебный контроль призван гармонизировать, обеспечивать разумное, справедливое сочетание частного и публичного начал при обыске в жилище. Суды в рамках как превентивного оперативного судебного контроля, так и последующего контроля за обыском в жилище, обязаны правильно провести границу между мерой усмотрения органа предварительного расследования, интересами следствия и свободой, конституционными правами человека, который становится участником этого следственного действия.

В уголовно-процессуальной науке высказывались различные суждения об эффективности судебного контроля за следственными действия, ограничивающими конституционные права граждан. Но в целом авторы, работавшие над этой темой, склоняются к мнению, что под эффективностью судебного контроля можно понимать меру достижения им своего предназначения, исходя из заложенного в него законом потенциала.[5] Поскольку судебный контроль за досудебным производством создавался прежде всего для обеспечения защиты прав граждан, то его эффективность надо связывать с реальным достижением им своего правозащитного (пред)назначения. [6]

Предназначение судебного контроля за обыском, с нашей точки зрения, состоит в том, чтобы обеспечить его правомерность, реальное обеспечение прав граждан при собирании доказательств в контексте статьи 6 УПК РФ. Эффективный судебный контроль за обыском должен гарантировать, с одной стороны, соблюдение конституционных права лиц, а с другой стороны обеспечивать собирание доказательств по уголовному делу посредством данного следственного действия.

Отсюда вытекает запрет такого истолкования и понимания уголовно-процессуальных норм статьи 182 УПК РФ, в котором приоритетом выступает интерес органа предварительного расследования, а не права и свободы граждан.[7] Между тем в практике судебного контроля за обыском возобладал право-ограничительный вид толкования правоприменитем норм, регулирующих принятие решения о производстве обыска, его проведение.

Это является причиной критики судебного контроля за обыском, которая является частью общего скептического подхода к институту судебного контроля в досудебном производстве [8,9], включая и последующий судебный контроль со стороны вышестоящих судебных инстанций.

Критики указывают на то, что судебный контроль за обыском в жилище имеет формальный характер, является беспредметным, то есть в нем имеет место нехватка конкретности в определении предмета, основания, цели обыска.[10] Хотя, надо признать, что сохраняется мнение о том, что в предмет судебного контроля не следует включать проверку обоснованности принимаемого органами предварительного расследования решения.[11] Возможно, что именно установка на проверку законности, на выполнение формальных требований закона правоприменителем ведет к утрате судебным контролем за обыском содержательной – правозащитной составляющей.

Многие исследователи признают низкую эффективность судебного контроля, которая проявляется в низком уровне защиты прав личности при производстве обыска в жилище.[12,13] Данные об удовлетворении судами ходатайств органов предварительного расследования о производстве обыска в жилище, с одной стороны, и другой стороны – данные об отказе судами в удовлетворении судами жалоб на действия следователей, дознавателей в порядке статьи 125 УПК РФ, так же косвенно свидетельствуют об этом: в 95–97% случаев суды встают на строну органов предварительного расследования в споре с гражданами. Очевидно то, что в практике судебного контроля существует перекос в сторону удовлетворения потребностей органов предварительного расследования.

Укажем на основе известных нам судебных решений по осуществлению судебного контроля за обыском те позиции, которые наработали в своей практике суды Нижегородской области.[14] На наш взгляд, они дают представление о реальном уровне защиты прав личности при производстве обыска в жилище.

Прежде всего надо указать на ставший стандартным приемом включение судьями в постановление о разрешении производства обыска в жилище общих формулировок закона (части первой статьи 182 УПК РФ) вместо указания на конкретные объекты, которые подлежат обнаружению и изъятию в обыскиваемом жилище для установления фактических обстоятельств по расследуемому уголовному делу. Отсутствие конкретности, предметности в решении суда открывает простор для усмотрения следователя, дознавателя при производстве обыска и приводит зачастую к тотальному изъятию предметов, документов, электронных носителей информации, включая средства мобильной связи, платежные карты, иные предметы первой необходимости для лиц, проживающих в обыскиваемом жилище.

Второй негативный стандарт, сформировавшийся при реализации судебного контроля в порядке статьи 165 УПК РФ, состоит в ослаблении требовательности судов к мере доказанности (а) обоснованности подозрения и (б) основания проведения обыска в данном жилище с целью обнаружения и изъятия конкретных объектов, относительно которых есть высокая степень вероятности предполагать, что они имеют доказательственное значение по расследуемому делу.

Особенно порочной является, на наш взгляд, практика изъятия при обыске в жилище «на всякий случай», что называется «с запасом», на основании одного только общего предположения о возможном доказательственном значении средств связи и средств вычислительной техники. Из опросов судей и помощников судей выяснилось, что такая модель «тотального изъятия» оправды-

вается судьями (в союзе с прокурорами и следователями) тем, что лучше изъять больше вещей, а затем вернуть собственникам то, что не имеет доказательственного значения, чем утратить возможные доказательства. При этом существует общая презумпция того, что в мобильных средствах связи может содержаться информация, имеющая отношение, хотя бы и косвенное, к событию расследуемого преступления. Поэтому они, на всякий случай и изымаются, а потом осматриваются. Разумеется, безо всякого отдельного судебного разрешения на осмотр сведений, составляющих тайну личной жизни.

Данная позиция судов, осуществляющих превентивный судебный контроль, противоречит сформулированному Конституционным Судом России положению о том, что в постановлении суда о разрешении обыска должны быть прямо указаны цифровые носители информации, отражающей взаимоотношения обвиняемого и свидетелей [15], что дает право следователю на их обнаружение и изъятие. Впрочем, это разъяснение Конституционного Суда России не оказывает сколько-нибудь значительного влияния на правоприменительную практику.

Итак, может констатировать наличие феномена не сдерживаемого превентивным судебным контролем произвольного изъятия объектов, включая электронные носители информации, в ходе обыска в жилище без относительно к предмету доказывания по расследуемому уголовному делу, что ставит под угрозу конституционные прав лиц, проживающих в жилище.

Что касается судебного контроля в порядке статьи 125 УПК РФ, то тут негативная для обеспечения прав личности установка судов проявляется в следующих получивших широкое распространение стереотипных формулировках в судебных решениях: «согласно статьи 38 УПК РФ следователь самостоятельно направляет ход расследования, принимает решения о производстве следственных действий», «Надзор за предварительным следствием, а также контроль за ходом расследования, объемом следственных действий в силу ст. 37 и ст. 39 УПК РФ возложены на прокурора и руководителя следственного органа и поэтому находятся вне компетенции суда при рассмотрении жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ»; «суд в рамках процедуры, предусмотренной ст. 125 УПК РФ, не вправе предрешать вопросы, которые относятся к компетенции суда, которому надлежит разрешать дело по существу»; «На стадии досудебного производства, в том числе при рассмотрении жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ, суд не вправе входить в обсуждение вопросов, которые впоследствии могут стать предметом судебного разбирательства».

Такая позиция судов приводит к фактическому отказу от проверки по существу фактов нарушения конституционных прав и от оперативного принятия мер по восстановления прав, ограниченных действиями следователя, дознавателя при производстве обыска я жилище. Это в принципе противоречит позициям Конституционного Суда России, сформулированным в ряде решений [16,17], в которых вполне определенно указывается на обязанность суда при разрешении жалобы в порядке статьи 125 УПК РФ принять меры по устранению допущенных нарушений закона и по восстановлению нарушенных прав заявителя.

Свои доводы о недопустимости вмешательства суда в рамках судебной проверки, предусмотренной статьей 125 УПК РФ, вмешиваться в деятельность, как органов предварительного расследования, так и в деятельность суда, которому надлежит осуществить разбирательство по делу по существу, основывают ссылками на разъяснения Пленума Верховного Суда России, даваемые им в постановлении «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [18] и, в частности, на пункт девятый этого постановления. Однако, этот довод является несостоятельным, потому что согласно п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 (ред. от 28.06.2022) судья принимает и рассматривает в порядке статьи 125 УПК РФ жалобу независимо от того, на какой стадии судопроизводства находится уголовное дело, «если указанные в ней обстоятельства подлежат самостоятельному расследованию, в частности о совершении должностными лицами при производстве дознания или предварительного следствия преступных действий».

Между тем, из известной нам практики суды ни разу не воспользовались возможностью провести самостоятельное расследование фактов совершения преступных злоупотреблений своими правами, выхода за пределы своих полномочий следователями, дознавателями, проводившими обыск в жилище.

Солидарность судов первой и второй инстанции по вопросам о предмете и пределах судебного контроля в порядке статьи 125 УПК РФ подтверждает согласованность сложившегося в правоприменительной практике судов антиправового стандарта невмешательства судебного контроля в досудебное производство и фактический отказ от защиты прав личности. Позиция невмешательства и самоустранения судебной власти от выполнения функции судебного контроля поощряет произвол органов предварительного следствия и является извращением сущности последующего судебного контроля, предусмотренного статьей 125 УПК РФ, утраты им своего главного – правозащитного назначения. Такие решения искажают сущность и назначение судебного контроля в досудебном уголовном производстве и превращают в фикцию право на судебную защиту человека и гражданина в Российской Федерации.

Способы решения проблемы повышения эффективности судебного контроля, осуществляемом в досудебном производстве, в том числе за законностью, обоснованностью проведения обысков, обсуждаются в науке. Так, в одно время модно было рассуждать о введении института следственных

судей, в качестве субъектов судебного контроля в досудебном производстве.[19,20] Очевидно, что в настоящее время реализация этого проекта по политическим причинам невозможна.

Поэтому совершенствовать надо ту модель судебного контроля, которая сложилась в позитивном уголовно-процессуальном праве. Учитывая наработанные стереотипы в правоприменительной практике и инерцию мышления субъектов правоприменения полагаем, что переломить антигуманистический, анти-правозащитный тренд можно только через введение прямых запретов на некоторые решения и действия сотрудников правоохранительных органов при невыполнении неких условий, прямо указанных в законе. В этом связи мы предлагаем ввести в статью 182 УПК РФ следующие правоограничения:

1. Запрет на производство обыска в жилище по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести. Поэтому суд вправе дать разрешение на производство обыска в жилище только при наличии обоснованного подозрения в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления.

2. Запрет на обыск в жилище без цели собирания конкретных доказательств по расследуемому делу.

3. Запрет на использование в решениях судов и органов предварительного расследования общих формулировок закон без наполнения их фактической конкретикой уголовного дела, по которому проводится обыск в жилище.

4. Запрет следователю, дознавателю при производстве обыска выходить за пределы разрешения, данного судом, на обнаружение и изъятие конкретных предметов, документов.

5. Запрет на изъятие средств связи и средств вычислительной техники при производстве обыска в жилище без отдельного судебного разрешения.

Литература

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.11.2017 № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статей 38 и 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Ченского» //СЗ РФ. 2017. № 49, ст. 7528; Постановление Конституционного Суда РФ от 20.01.2023 № 3-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.А. Саркисяна» //СЗ РФ. 2023. № 5, ст. 914, а также определения Конституционного Суда РФ от 27 мая 2010 г. № 633-О-О, от 29 мая 2012 г. № 1019-О, от 21.05.2015 № 1051-О, от 26.01.2017 № 204-О// СПС КонсультантПлюс» // СПС КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.06.2024).
2. Ратинов А.Р. Обыск и выемка. М., 1961. С. 7–8, 88.
3. Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. М.: Юрлитинформ, 2004. С. 84–85.
4. Фомин М.А. Обыск в современном уголовном процессе: учеб.-практ. пособие. М.: Юрлитинформ, 2006. С. 6–7.
5. Ковтун Н.Н. Оперативный судебный контроль в уголовном судопроизводстве России: фикция или конституционная, по сути, гарантия? // Государство и право. 2011. № 1. С. 60–69.
6. Колоколов Н.А. К вопросу об эффективности превентивного судебного контроля / *Уголовное судопроизводство*: *теория и практика*. С. 689.
7. Определение Конституционного Суда РФ от 28.09.2023 № 2612-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Булатниковой Татьяны Вадимовны на нарушение ее конституционных прав и конституционных прав ее несовершеннолетних детей статьями 182 и 184 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.06.2024).
8. Ковтун Н.Н., Суслова Е.Н. Эффективность оперативного судебного контроля // Уголовное судопроизводство. 2010. № 3. С. 6–14.
9. Россинский С.Б. Размышления об эффективности судебного контроля за производством следственных действий // Вестн. Том. гос. ун-та. 2017. № 423.
10. Ковтун Н.Н. Оперативные судебно-контрольные производства, реализуемые по правилам статьи 165 УПК РФ // Уголовный процесс, 2010. № 1(61). С. 8–16.
11. Исмаилова, С.Д., Гаджирамазанова П.К. Судебный контроль за производством следственных действий, ограничивающих конституционные права личности // Закон и право. 2021. № 8. С. 157–159.
12. Бородинов В.В. Судебный контроль как способ предупреждения беспредметного обыска // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: вопросы теории, законодательства и практики применения (к 5-летию УПК РФ): материалы междунар. науч.-практ. конф. М.: МГЮА, 2007. С. 7–11.
13. Умярова Р.Р. Механизм реализации судебного контроля за отдельными следственными действиями: обыском и выемкой // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2023. № 1 (50). С. 154–160.
14. Дело № 22–53/2024 (22–7080/2023) /Канцелярия Приокского районного суда г. Н. Новгорода, дело № 22–508/2024 /Канцелярия Нижегородского районного суда г. Н. Новгорода, дело № 22–1217/2024; дело № 22–3018/2024 /Канцелярия Советского районного суда г. Н. Новгорода, дело № 22–137/2024 (22–7113/2023), дело № 22–1066/2024 /Канцелярия Канавинского районного суда г. Н. Новгорода, дело № 22–2098/2024, дело № 22–3001/2024 /Канцелярия Московского районного суда г. Н.Новгорода, дело № 22–988/2024, дело № 22–990/

2024, дело № 22–1010/2024 /Канцелярия Сормовского районного суда г. Н. Новгорода.
15. Определение Конституционного Суда РФ от 26.01.2017 № 204-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Сандаковой Ирины Сергеевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 5 части второй статьи 29 и частью третьей статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.06.2024).
16. Определение Конституционного Суда РФ от 27 мая 2010 г. № 633-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Голованова Игоря Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».
17. Определение Конституционного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 1019-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Шарудинова Абдурахмана Курбановича и Шарудинова Курбана Курбановича на нарушение их конституционных прав частью первой статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.06.2024).
18. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1 (ред. от 28.06.2022) «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» //Российская газета. 2009. № 27, от 18 февраля.
19. Ковтун Н.Н. Институт специализированных следственных судей: к дискуссии о векторах законодательной воли // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 2 (3). С. 174–183.
20. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права РФ и Комментарии к ней /А.С.Александров и др. М.: Юрлитинформ, 2015. С. 28, 63 и др.

LEGAL TOOLS TO INCREASE THE HUMAN RIGHTS POTENTIAL OF JUDICIAL CONTROL OVER HOME SEARCHES

Tarasov A.A.
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

A home search is one of the most law-limiting investigative actions. Therefore, judicial control over it should be as effective as possible in terms of ensuring individual rights. However, in judicial practice, an inhumane law enforcement standard has emerged for the courts to avoid considering on the merits issues relating to the legality and validity of a search of a home and the seizure of things during a search. The article analyzes the main components of this enforcement standard. The author proposes a number of measures to increase the human rights potential of judicial control over home searches, in the form of legal prohibitions on certain decisions and actions of the law enforcement officer. These prohibitions should, if not exclude, then limit the discretion of the preliminary investigation authorities to seize essential items, including communications and computer equipment.

Keywords: home search, judicial control, efficiency, protection of rights and freedoms, seizure, communications, computer technology.

References

1. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated November 21, 2017 No. 30-P “In the case of verifying the constitutionality of the provisions of Articles 38 and 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen V.V. Chensky” //NW RF. 2017. No. 49, art. 7528; Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated January 20, 2023 No. 3-P “In the case of verifying the constitutionality of part one of Article 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen V.A. Sargsyan” //NW RF. 2023. No. 5, art. 914, as well as rulings of the Constitutional Court of the Russian Federation dated May 27, 2010 No. 633-O-O, dated May 29, 2012 No. 1019-O, dated May 21, 2015 No. 1051-O, dated January 26, 2017 No. 204-O/ / SPS ConsultantPlus” // SPS ConsultantPlus” (date of access: 06/11/2024).
2. Ratinov A.R. Search and seizure. M., 1961. S. 7–8, 88; Strogovich M.S. Course of Soviet criminal procedure in 2 volumes. Volume 2. M.: Publishing house “Nauka”, 1970. P. 117.
3. Shafer S.A. Investigative actions. Grounds, procedural order and evidentiary value. M.: Yurlitinform, 2004. pp. 84–85.
4. Kovtun N.N. Operational judicial control in criminal proceedings in Russia: a fiction or an essentially constitutional guarantee? // State and law. 2011. No. 1. P. 60–69.
5. Kolokolov N.A. On the issue of the effectiveness of preventive judicial control / Criminal proceedings: theory and practice. P. 689.
6. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated September 28, 2023 No. 2612-O “On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Tatyana Vadimovna Bulatnikova about the violation of her constitutional rights and the constitutional rights of her minor children by Articles 182 and 184 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation” // SPS ConsultantPlus” (date of access: 06/11/2024).
7. Kovtun N.N., Suslova E.N. The effectiveness of operational judicial control // Criminal proceedings. 2010. No. 3. P. 6–14.
8. Rossinsky S.B. Reflections on the effectiveness of judicial control over investigative actions // Vestn. Volume. state un-ta. 2017. No. 423.
9. Kovtun N.N. Operational judicial control proceedings implemented according to the rules of Article 165 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation // Criminal process, 2010. No. 1 (61). pp. 8–16.
10. Ismailova, S.D., Gadzhiramazanova P.K. Judicial control over the conduct of investigative actions limiting the constitutional rights of the individual // Law and Law. 2021. No. 8. pp. 157–159.
11. Borodinov V.V. Judicial control as a way to prevent a pointless search // Current problems of criminal proceedings: issues of theory, legislation and practice of application (to the 5th anniversary of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation): materials of the international. scientific-practical conf. M.: MSYuA, 2007. P. 7–11.
12. Umyarova R.R. The mechanism for implementing judicial control over individual investigative actions: search and seizure // Bulletin of the Siberian Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 1 (50). pp. 154–160.
13. Case No. 22–53/2024 (22–7080/2023) / Chancery of the Prioksky District Court of Nizhny Novgorod, case No. 22–508/2024 / Office of the Nizhny Novgorod District Court of Nizhny Novgorod, case No. 22–1217/2024; case No. 22–3018/2024 / Office of the Sovetsky District Court of Nizhny Novgorod, case No. 22–137/2024 (22–7113/2023), case No. 22–1066/2024 / Office of the Kanavinsky District Court of N. Novgorod, case No. 22–2098/2024, case No. 22–3001/2024 / Office of the Moscow District Court of Nizhny Novgorod, case No. 22–988/2024, case No. 22–990/2024, case No. 22–1010/2024 / Office of the Sormovsky District Court of Nizhny Novgorod.
14. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated January 26, 2017 No. 204-O “On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Irina Sergeevna Sandakova about the violation of her constitutional rights by paragraph 5 of part two of Article 29 and part three of Article 182 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation” / / SPS ConsultantPlus” (date of access: 06/11/2024).

15. The ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated May 27, 2010 No. 633-O-O “On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Igor Alexandrovich Golovanov for violation of his constitutional rights by Article 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.”
16. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated May 29, 2012 No. 1019-O “On the refusal to accept for consideration the complaint of citizens Abdurakhman Kurbanovich Sharudinov and Kurban Kurbanovich Sharudinov for violation of their constitutional rights by part one of Article 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation” // SPS ConsultantPlus” (date of access: 06/11/2024).
17. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated February 10, 2009 No. 1 (as amended on June 28, 2022) “On the practice of courts considering complaints under Article 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation” // Rossiyskaya Gazeta. 2009. No. 27, dated February 18.
18. Kovtun N.N. Institute of specialized investigative judges: to the discussion about the vectors of legislative will // Russian Journal of Legal Research. 2015. No. 2 (3). pp. 174–183.
20. Doctrinal model of criminal procedural evidentiary law of the Russian Federation and Commentaries on it / A.S. Aleksandrov et al. M.: Yurlitinform, 2015. P. 28, 63, etc.

Уголовно-правовая характеристика криптовалюты как предмета и средства совершения преступления

Ушаков Александр Александрович,
аспирант, ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»
E-mail: 7661937@gmail.com

В статье раскрыта уголовно-правовая характеристика криптовалюты как предмета и средства совершения преступления. Определены понятие и отличительные особенности криптовалюты как нового экономико-правового явления. Проанализированы зарубежные подходы к регулированию правового статуса криптовалюты. Приводятся позиции отечественных авторов по вопросу признания криптовалюты предметом и средством и совершения преступления. Констатируется, что в судебной практике нет проблем в части рассмотрения криптовалюты как средства преступления. Отмечается, что наиболее сложным на современном этапе развития уголовного законодательства является вопрос признания криптовалюты предметом преступлений против собственности. Автор анализирует криптовалюту с точки зрения признаков предмета преступления против собственности. В заключение делается вывод о том, что существует практическая необходимость признания криптовалюты как предмета преступлений против собственности.

Ключевые слова: биткоин, криптовалюта, предмет преступления, преступления против собственности, средство преступления.

Быстрые темпы развития цифровизации привели к появлению цифровых денег – криптовалюты. С момента создания криптовалюты и по сей день она продолжает увеличивать количество новых пользователей, которые отказываются от широко «классической» банковской платежной системы. Криптовалюта для них является полностью независимой и свободной валютой будущего, позволяющей осуществлять быстрые, неконтролируемые никакими государственными органами денежные переводы. При этом есть те, кто выступает против использования криптовалюты, поскольку они видят в ней опасный инструмент для совершения преступлений (например, мошенничества, кражи, отмывании денег, финансирования терроризма).

Само понятие криптовалюты было сформулировано российским законодателем относительно недавно – в 2020 году. Анализ законодательного определения криптовалюты, содержащегося в Федеральном законе от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [11], позволяет сделать вывод о том, что российский законодатель в самом общем значении рассматривает их как совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения).

При этом, как справедливо подмечает Я.В. Земляченко, законодатель, дефинируя криптовалюту, говорит о том, что она имеет форму частных денег (валюты) [3, с. 15].

Несмотря на определенное продвижение вперед в части законодательного регулирования криптовалюты, преступные посягательства, совершаемые с использованием криптовалют или осуществляемые в сфере ее обращения, не имеют самостоятельного законодательного определения. Соответственно, на данном этапе в контексте Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [10] можно сказать, что криптовалютных преступлений как специальной группы преступных деяний не существует.

Таким образом, в уголовно-правовом смысле отсутствует и криптовалютная преступность. Ее показатели невозможно подсчитать ввиду того, что нет соответствующих норм в УК РФ. При этом можно исходить из тех цифр, которые публикуются в зарубежных странах, чтобы насколько велик масштаб данного вида преступности. В этой связи очевидно, что Российская Федерация не может на это никак не реагировать. Как показывает практика, новое преступное явление, появившееся на территории одних стран, быстро проникает на террито-

рию других. В этом случае очевидно, что в первую очередь необходимо вносить изменения в действующее уголовное законодательство, поскольку без них разработать и принять эффективные способы противодействия криптовалютной преступности будет невозможно.

Если упростить легальную дефиницию криптовалюты, то ее можно определить как цифровую валюту, основанную на определенных математических принципах, управляемую с помощью специальных компьютерных систем. Криптовалюта имеет определенные разновидности. При этом самым ее распространенным видом является биткоин. Так, его рыночная капитализация в январе 2023 года составляла 410 млрд долл. [2, с. 125].

Криптовалюты являются совершенно новым экономико-правовым явлением, отличным от традиционных фиатных или электронных денег. Исходя из различных подходов к определению различных признаков криптовалют, среди общих их признаков можно назвать:

– отсутствие централизованного эмиссионного центра, то есть их децентрализированный характер;
– анонимность участников операций (в сети используются криптографические методы асимметричного шифрования данных с применением публичного и частного ключей);
– отсутствие реальной их обеспеченности (стоимость криптовалют есть результатом соотношения спроса и предложения на них среди пользователей);
– виртуальные валюты способны перемещаться по миру без ограничений [8, с. 62].

Стремительные рост популярности использования крипттовалют не является случайным. Все дело в том, что криптовалюты отличает повышенный уровень безопасности. Кроме того, на прирост пользователей влияют и неограниченные возможности денежных переводов при использовании криптовалюты. Так, любой человек, который имеет криптокошелек, может осуществить денежный перевод любому своему контрагенту и по любой сделке. При этом у государства сегодня контрольно-надзорные полномочия в этой сфере объективно ограниченны, и, следовательно, никто не может проконтролировать денежный перевод. Отсутствие государственного контроля делает криптовалюту привлекательным способом денежного перевода еще и потому, что контрагентам не нужно платить никакие комиссии кредитным организациям. В криптовалютном мире нет единого крипторегулятора, который бы контролировал осуществление переводов с использованием криптовалюты, систематизировал эти сведения и пр.

Одним из главных преимуществ криптовалюты также считается анонимный характер участников сделки с ним. Однако это можно расценивать не только как преимущество, но большой недостаток. Так, если владелец криптокошелька забудет или потеряет свой специальный криптоключ, то восстановить доступ к цифровым деньгам будет для него невыполнимой задачей. Представить, чтобы владелец банковской карты по аналогии с владельцем криптокошелька, потеряв или забыв свой пароль от нее, не смог больше восстановить доступ к своим денежным средствам, невозможно. Но в криптовалютном мире это довольно распространенное явление. Этим, с одной стороны обеспечивается повышенный уровень защиты криптовалют, с другой – аномнимность владельцев криптокошельков.

На сегодняшний день, с одной стороны нельзя отрицать факта широкого распространения операций с криптовалютами и их использование, а с другой стороны – факта отсутствия в отечественном законодательстве определения правового статуса криптовалюты.

Криптовалюта может, как и обычные деньги, служить мерой стоимости товаров на рынке. Несмотря на это, отношение разных стран к этому виду валюты не тождественно. К примеру, в законодательстве Сингапура криптовалюта прямо названа рыночным товаром. Статус сделки купли-продажи, предметом которой выступает криптовалюта, сингапурский законодатель уравнивает со сделками купли-продажи интеллектуальной собственности. В ФРГ криптовалюта считается частной валютой. В США она называется валютой децентрализованной. В принципе и подход ФРГ, и подход США в целом отражают сущность криптовалюты как нового цифрового явления. В указанных трех зарубежных странах оборот с криптовалютами носит ограниченный характер. Иными словами, законодатели указанных стран предусматривают перечень сделок, при совершении которых использование криптовалюты невозможно. В случае обхода запрета сделка будет признана незаконной [5, с. 31].

Есть зарубежные страны, в которых криптовалюта на законодательном уровне признана незаконной. Наглядные примеры здесь – Боливия и Эквадор. Однако можно выделить и те государства, в которых криптовалюта полностью легализована и нет ограничений по сделкам. В частности, такой страной сегодня является Япония. Один из ближайших соседей Японии – Китай – не легализовал криптовалюту, однако в нем, по аналогии с криптовалютой, развивается собственная цифровая национальная валюта – цифровой юань [5, с. 31].

Таким образом, даже на международном уровне на сегодня отсутствует единство по определению правовой природы криптовалюты. Отечественная правовая теория и практика, как и большинство зарубежных стран, также не решила эту проблему. Так, из-за своих технологических особенностей биткоин не может быть признан «электронными деньгами», поскольку он не содержит обязательства эмитента по его погашению, не имеет единого эмиссионного центра и не привязан ни к каким наличным или безналичных средств.

Сказанное позволяет утверждать, что место криптовалюты как одного из признаков состава преступления является пробелом российского за-

конодательства. Так, в УК РФ невозможно сегодня найти ответ на вопрос о том, можно ли признать криптовалюту предметом какого-либо преступления (например, мошенничества, иного экономического преступления). Или криптовалюта – это средство преступления? Или и то, и другое? Ни на один из указанных вопросов УК РФ в действующей редакции ответа не дает.

Раз законодательство не раскрывает ответы на вопросы о криптовалюте как признаке состава преступления (очевидно, объективном признаке), обратимся к практике. Современная следственно-судебная практика часто исходит из того, что криптовалюта – средство преступления. Так, многие правоприменители, не испытывая никаких сомнений, по ряду уголовным дел признают, что преступники использовали криптовалюту именно как средство. Информация о сделках, совершенных с использованием криптовалют, судами признаются допустимыми уголовно-процессуальными законодательствами [6, с. 198].

Осуществляя денежные переводы с помощью криптовалюты, виновное лицо минимизирует контакты с потенциальным контрагентом, и тем самым оставляет очень мало улик для следственно-судебных органов. Таким образом, установить факт совершения преступного деяния с использованием криптовалюты для правоохранительных органов – это крайне сложная задача.

Криптовалюту можно рассматривать не только как средство, но и предмет преступления. Так, в настоящее время криптовалюта служит очень привлекательным инструментом для оплаты каких-либо услуг, инструментом обмена. Соответственно, криптовалюта может использоваться преступниками и в качестве материального вознаграждения (например, при взяточничестве). Отсутствие в УК РФ норм, которые бы подтверждали возможность признания ее предметом преступления, может повлечь за собой серьезные последствия. Так, в этом случае преступники и их адвокаты, выстраивая линию защиты, могут указывать на то, что никакого нарушения уголовного законодательства нет. Именно поэтому актуальным на современном этапе является вопрос признания криптовалюты предметом преступлений против собственности.

Следует отметить, что предмету преступлений против собственности традиционно присущи определенные признаки. Традиционно эти признаки классифицируют на три группы: экономический (стоимость предмета), физический (материальный характер) и юридический (принадлежность определенному лицу на праве собственности) [4, с. 51]. Представляется, что криптовалюта имеет экономический признак, поскольку есть курс криптовалют, который привязан к официальной валюте. Именно поэтому в настоящее время криптовалюта можно использоваться в качестве платежного средства при покупке товаров или получении возмездных услуг. Например, такие известные коммерческие компании, как Subway, Amazon, Ebay и ряд других, разрешают своим клиентам рассчитываться биткоинами, которые, в свою очередь, являются разновидностью криптовалюты [1].

На наш взгляд, криптовалюты также имеют и юридический признак, так как, несмотря на анонимный характер, они всю равно имеют владельца, и, следовательно, если конкретный криптокошелек не принадлежит данному гражданину, то для него он является чужим.

Сегодня есть определенные затруднения с выделением у криптовалют физического признака как предмета преступлений против собственности. Ведь, как известно, традиционно считается, что предмет этой группы экономических преступлений в обязательном порядке материально должен быть очерчен в реальном пространстве. Иными словами, он должен иметь какую-то материальную форму выражения (твердую, жидкую и пр.). При этом в современной отечественной доктрине нередко звучат мнения о том, что в условиях форсированной цифровизации общества и государства объекты права собственности могут не иметь материальной формы.

Так, например, Ю.А. Тимакина, Д.А. Андреева высказывают точку зрения о том, что в широком уголовно-правовом смысле криптовалюта может признаваться как средством преступления, так и его предметом, если последнее не ограничивать исключительно вещами материального мира, а включать туда и другие явления (например, электроэнергию, информацию и пр.) [9, с. 26].

По мнению В.А. Перова, несмотря на то что криптовалюты выступают в качестве одного из цифровых механизмов, для них характерны все признаки преступлений против собственности, в частности:

– физический признак обнаруживается в том, что криптовалютой можно торговать на цифровой бирже, криптовалюта измеряется в особых единицах, а значит, криптовалюту можно изъять, в том числе незаконно;
– экономический признак проявляется в том, что криптовалюты имеют определенную потребительскую стоимость;
– криптовалюта выступает в качестве чужого имущества для лица, виновного в совершении преступления [7, с. 42].

По нашему мнению, физический признак криптовалюты как предмета преступлений заключается в ее специфической форме – цифровом коде.

Таким образом, вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что в УК РФ должна появиться норма, прямо указывающая на криптовалюту как предмет преступлений против собственности. В условиях, когда существует очевидный законодательный пробел по данному вопросу, есть вероятность того, что преступники смогут уйти от уголовной ответственности.

Литература

1. Биткоин в России: где его принимают и что можно купить за BTC. URL: https://changelly.

com/blog/ru/bitcoin-v-rossii/ (дата обращения: 20.03.2024).
2. Будылин С.Л. Деньги: экономическая функция и правовая природа // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 7. С. 121–164.
3. Земляченко Я.В. Объектоспособность криптовалюты как средства обращения и средства платежа в условиях цифровизации торгового оборота // Гражданское право. 2024. № 1. С. 14–17.
4. Иванов М.Г. Проблемы квалификации преступлений против собственности: монография / науч. ред. А.П. Кузнецов. Чебоксары: ЧПИ МГОУ, 2010. 133 с.
5. Майнинг. Криптовалюта. Право: монография / Р.Ю. Колобов, А.Н. Огородов, М.Г. Тирских, Р.Ю. Хертуев. Иркутск: Издательство ИГУ, 2023. 107 с.
6. Мурадян С.В. Перспективы использования криптовалют для целей финансирования терроризма и меры по предупреждению указанной тенденции // Закон и право. 2022. № 5. С. 196–201.
7. Перов В.А. Квалификация преступлений, совершаемых с использованием криптовалюты: дис. … канд. юрид. наук. М., 2023. 261 с.
8. Правовое регулирование цифровых денег = Legal regulation of digital money: монография / Е.Н. Абрамова, Е.М. Андреева, А.Ю. Брагинец и др.; под ред. Е.Н. Абрамовой. М.: Юстицинформ, 2022. 235 с.
9. Тимакина Ю.А., Андреева Д.А. Криптовалюта как средство и предмет совершения преступлений в современном мире // Современные информационные технологии в профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 2020. С. 24–29.
10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
11. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 11.03.2024) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5018.

CRIMINAL LAW CHARACTERISTICS OF CRYPTOCURRENCIES AS AN OBJECT AND MEANS OF COMMITTING A CRIME

Ushakov A.A.
All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

The article reveals the criminal legal characteristics of cryptocurrency as an object and means of committing a crime. The concept and distinctive features of cryptocurrency as a new economic and legal phenomenon are defined. Foreign approaches to regulating the legal status of cryptocurrencies are analyzed. The positions of domestic authors on the issue of recognizing cryptocurrencies as the subject and means of committing a crime are presented. It is stated that in judicial practice there are no problems regarding the consideration of cryptocurrencies as a means of crime. It is noted that the most difficult issue at the present stage of the development of criminal legislation is the issue of recognizing cryptocurrencies as the subject of crimes against property. The author analyzes the cryptocurrency from the point of view of the signs of the subject of a crime against property. In conclusion, it is concluded that there is a practical need to recognize cryptocurrencies as the subject of crimes against property.

Keywords: bitcoin, cryptocurrency, the subject of a crime, crimes against property, a means of crime.

References

1. Bitcoin in Russia: where is it accepted and what can you buy for BTC. URL: https://changelly.com/blog/ru/bitcoin-v-rossii/ (access date: 03/20/2024).
2. Budylin S.L. Money: economic function and legal nature // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2023. No. 7. pp. 121–164.
3. Zemlyachenko Ya.V. The objectivity of cryptocurrency as a means of circulation and a means of payment in the conditions of digitalization of trade turnover // Civil law. 2024. No. 1. P. 14–17.
4. Ivanov M.G. Problems of qualification of crimes against property: monograph / scientific. ed. A.P. Kuznetsov. Cheboksary: ChPI MGOU, 2010. 133 p.
5. Mining. Cryptocurrency. Law: monograph / R. Yu. Kolobov, A.N. Ogorodov, M.G. Tirskikh, R. Yu. Khertuev. Irkutsk: ISU Publishing House, 2023. 107 p.
6. Muradyan S.V. Prospects for the use of cryptocurrencies for the purposes of financing terrorism and measures to prevent this trend // Law and Law. 2022. No. 5. P. 196–201.
7. Perov V.A. Qualification of crimes committed using cryptocurrency: dis. …cand. legal Sci. M., 2023. 261 p.
8. Legal regulation of digital money = Legal regulation of digital money: monograph / E.N. Abramova, E.M. Andreeva, A. Yu. Braginets and others; edited by E.N. Abramova. M.: Justitsinform, 2022. 235 p.
9. Timakina Yu.A., Andreeva D.A. Cryptocurrency as a means and subject of committing crimes in the modern world // Modern information technologies in the professional activities of employees of internal affairs bodies: a collection of materials from the All-Russian Scientific and Practical Conference. Rostov-on-Don, 2020. pp. 24–29.
10. Criminal Code of the Russian Federation dated June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on February 14, 2024) // Collection of legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.
11. Federal Law of July 31, 2020 No. 259-FZ (as amended on March 11, 2024) “On digital financial assets, digital currency and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation” // Collection of legislation of the Russian Federation. 2020. No. 31 (part I). Art. 5018.

Эволюция правового регулирования мер противодействия коррупции в России

Садыкова Эльвира Вильусовна,
аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
E-mail: sadykova.elvira2013@mail.ru

В статье рассматривается правовое регулирование антикоррупционных мер в России в контексте исторического прошлого. Коррупционная ситуация в России обусловлена разными причинами, в том числе историческими, экономическими, политическими и социокультурными. Основными причинами коррупции в России являются следующие: Наследие советской системы во времена Советского Союза коррупция была широко распространена и часто использовалась для обхода жесткой бюрократии и недостатков централизованной экономики. После распада СССР некоторые из этих практик сохранились и продолжились в новых условиях; экономические факторы неравномерное распределение богатства, высокий уровень бедности и низкая заработная плата в некоторых секторах экономики могут способствовать коррупции, поскольку люди могут искать дополнительные источники дохода путем взяточничества и мошенничества; отсутствие эффективных санкций недостаточная строгость санкций за коррупцию и отсутствие эффективных антикоррупционных мер могут побуждать людей к совершению правонарушений; социальные и экономические факторы отсутствие эффективных антикоррупционных мер может способствовать коррупции. В целом ситуация с коррупцией в России определяется сложным комплексом факторов, и важно понимать их, чтобы разрабатывать эффективные антикоррупционные стратегии и повышать прозрачность и подотчетность общества.

Ключевые слова: История взяточничества, взяточничество, коррупция, правопорядок, ответственность за коррупцию, борьба с коррупционными преступлениями.

Введение

В России коррупция цветет из-за старых проблем, неравенства в доходах, отсутствия строгих наказаний и социальных проблем. В прошлом, в Советском Союзе коррупция была повсеместной, а сейчас экономические трудности и неравномерное распределение богатства способствуют ее распространению. Недостаток строгих наказаний и неэффективные меры против коррупции могут побуждать людей к совершению преступлений. Важно понимать эти причины, чтобы разработать эффективные стратегии борьбы с коррупцией и сделать общество более прозрачным. В России много взяток. Люди дают деньги или подарки, чтобы получить то, что им нужно. Это происходит не только в государственных органах, но и в частных компаниях. Одна из причин этой проблемы недостаток честности и открытости у властей. Также важно наказывать тех, кто берет взятки. Чтобы бороться с коррупцией, нужно улучшить контроль за действиями государственных органов и вовлечь общество в этот процесс. Только совместными усилиями мы сможем уменьшить коррупцию и создать справедливое общество.

За должностными преступлениями установилась репутация, как с преступлениями, не имеющими своего прошлого. В подтверждение и объяснение этого часто обычно ссылаются на тесную связь этой группы преступных деяний с существующим государственным строем, организацией государственной службы. Несомненно, все эти условия влияют на общую конструкцию отдельных деяний, входящих в состав этой группы.

Первые упоминания о коррупции в России можно найти в исторических документах, письмах, мемуарах и хрониках, которые описывают различные периоды и события в истории страны. Также коррупция упоминается в литературе и публицистике, где авторы высказывают свое мнение о проблеме коррупции в российском обществе.

Примеры упоминаний о коррупции в исторических источниках о России могут включать следующее:

1. В письмах и мемуарах царской России, где описываются случаи взяточничества и злоупотреблений властью.

2. В хрониках исторических событий, где упоминаются коррумпированные чиновники и торговля влиянием.

3. В литературе XIX–XX веков, где авторы, такие как Федор Достоевский и Антон Чехов, критикуют коррупцию в российском обществе через свои произведения.

4. В публицистике и журналистике современной России, где раскрываются скандальные случаи коррупции среди чиновников и бизнесменов.

В царской России в различных судебниках были закреплены правила, регулирующие ответственность за взятки. Например, Судебник 1497 года [22] запрещал взяточничество, при этом наказания за данное нарушение не было предусмотрено. Впервые в Русском Царстве ответственность за получение взятки была упомянута в Судебнике 1550 года [20], где это деяние связывалось с преднамеренным неправосудием [11].

Земской собор 1649 году Соборным уложением [17] ввёл Уголовную ответственность за взяточничество, где основная часть свода законов была направлена на коррупцию в сфере правосудия [16]. Закон запретил взятки и посредников.

В царской России в 1718 году Петр I установил, что коррупция является преступлением. По его указу, взяточничество и злоупотребление властью подлежали наказанию. Это означало, что лица, виновные в коррупции, могли быть привлечены к ответственности [9].

Во времена Петра I за коррупцию наказывали очень строго. Виновных могли избивать, клеймить, отправлять в ссылку или даже казнить. Петр I вводил жесткие наказания для коррупционеров, чтобы избавиться от этой проблемы [12].

Петр I строго наказывал взяточников, но это не помогло. После его смерти из-за проблем в стране вернулись к «кормлению» чиновников [14].

Некоторые высокопоставленные люди, включая сенатора Долгорукова и московского губернатора Нарышкина были пойманы на взяточничестве и наказаны [8].

Ряд законов, установленных Петром I и Екатериной II предусматривающих наказание за взяточничество продолжали действовать при Александре I [8].

В 1832 году Сенат издал Указ «О воспрещении начальствующим лицам принимать приношения от общества» [21]. В этом документе основное внимание уделялось запрету на получение подарков и приношений государственными служащими, что должно было способствовать исключения подобной практики из системы государственного управления [5].

Своды законов, изданные в 1832 и переизданные в 1842 и 1857 годах существенно повлияли на борьбу с взяточничеством. В этих сводах были ужесточены наказания за коррупцию и взяточничество, что укрепило законность и повысило ответственность за такие преступления. Вследствие усиления наказания, взятки стали рассматриваться как серьезное нарушение закона, что в итоге способствовало снижению уровня коррупции в обществе. [12].

С 1845 года Уложение о наказаниях уголовных и исправительных играло ключевую роль в борьбе с коррупцией [2]. В нем были установлены строгие меры наказания за преступления, связанные с взяточничеством и злоупотреблением властью. Это способствовало укреплению законности и повышению ответственности за коррупционные деяния. Благодаря этому уложению, коррупция стала рассматриваться как серьезное нарушение закона, что помогло снизить уровень коррупции в обществе [13].

В борьбе с коррупцией важное значение имело Уголовное уложение 1903 года [3]. В нем были установлены более строгие нормы и наказания за преступления, связанные со злоупотреблением властью и взяточничеством государственных служащих. Это способствовало повышению ответственности за коррупционные деяния и укреплению законности действий государственного аппарата.

В 1903 году был принят вводивший ответственность за взяточничество и коррупцию закон о Наказуемости лиходательства [24]. Его суть заключалась в ужесточении наказаний за подкуп и взяточничество, а также в установлении более строгих норм и правил для борьбы с коррупцией. Закон был направлен на укрепление законности, повышение прозрачности и честности в государственных структурах, а также на снижение уровня коррупции в обществе [10].

В 1905 году принят декрет о взяточничестве [23], направленный на борьбу с подкупом и взяточничеством в государственных органах. Основная цель декрета – ужесточение наказаний за взяточничество и подкуп, а также принятие мер для предотвращения коррупции. Значение декрета – укрепление законности, повышение прозрачности и честности в государственных структурах, а также улучшение доверия граждан к власти [19].

Уголовные кодексы 1922 [25] и 1926 годов [26] в Советской России внесли значительные изменения в сферу борьбы с коррупцией. Они ужесточили наказания за взяточничество, введя более строгие меры против должностных лиц, причастных к коррупционным деяниям. Суть этих кодексов заключалась в установлении жесткого контроля за финансовыми операциями и обязанностями государственных служащих, чтобы предотвратить злоупотребления и подкупы. Они имели важное значение для укрепления законности, борьбы с коррупцией и обеспечения честности в государственных структурах. Эти кодексы устанавливали смертную казнь через расстрел в качестве высшей меры наказания для государственных служащих за получение взятки [18].

Этот комплекс мер был введён для предотвращения коррупционных действий и поддержания общественного порядка.

В 1992 году принят антикоррупционный указ с целью укрепления законности и честности в государственном управлении. После распада Советского Союза и перехода к рыночной экономике, коррупция стала одной из основных проблем в России. Принятие указа было направлено на создание эффективных механизмов контроля за деятельностью государственных служащих и предотвращение злоупотреблений. Этот шаг был

важным для установления принципов прозрачности, ответственности и доверия граждан к власти [28].

С принятием и подписанием первым Президентом России Уголовного кодекса в 1996 году [1], сменившего действующий ранее Уголовный кодекс РСФСР от 1960 года [27], наказание за преступления в сфере коррупции стало более строгим. Ужесточены наказания за взяточничество, злоупотребление властью, мошенничество и превышение должностных полномочий. Целью этих изменений является более эффективное предотвращение коррупционных деяний и усиление ответственности за их совершение [6].

В начале 2000-х годов Россия активно принимала участие в подписании международных договоров, направленных на борьбу с коррупцией. Эти договоры способствовали укреплению международного сотрудничества и обмену информацией в этой сфере. Россия стала активным участником глобальных усилий по противодействию коррупции и сотрудничеству в этом направлении [4].

В России против коррупции борются законы, специальные органы и программы. Они помогают наказывать виновных и предотвращать коррупцию. Важно также обучать людей и проводить информационные кампании, чтобы уменьшить коррупцию и создать честное общество.

Материалы и методы

Методы проведенного исследования: сравнительный, теоретический, эмпирический, аналитический.

Результаты

Эволюция законодательства в России по борьбе с коррупцией играет важную роль в эффективном противодействии этому негативному явлению. С течением времени законы и нормативные акты, регулирующие борьбу с коррупцией, постоянно совершенствуются и дополняются, что способствует укреплению институтов противодействия коррупции, ужесточению наказаний за коррупционные преступления и повышению ответственности должностных лиц.

Ужесточение мер по противодействию коррупции создает более прозрачную и законную среду для бизнеса и граждан, способствуя улучшению делового климата, привлечению инвестиций и развитию экономики [15]. Постоянное совершенствование законодательства в этой области также способствует формированию нулевой терпимости к коррупции в обществе и повышению этических стандартов.

Эволюция правового регулирования мер противодействия коррупции в России играет ключевую роль в обеспечении законности, справедливости и прозрачности в обществе, а также способствует укреплению доверия граждан к государственным институтам и органам власти.

Обсуждение

Противодействие коррупции в России является одним из главных приоритетов правительства. В последние годы было введено множество мер для борьбы с коррупцией и взяточничеством.

Заключение

Для успешного противодействия коррупции в стране требуется внедрить целый ряд мер и действий. Усиление законодательной базы, введение строгих наказаний за коррупционные преступления и повышение прозрачности власти – важные аспекты противодействия коррупции. Профессиональная подготовка и повышение квалификации государственных служащих, а также внедрение этических стандартов – ключевые моменты в этом процессе. Контроль и надзор за деятельностью государственных органов, активное участие общественности и профилактика коррупции также играют важную роль. Международное сотрудничество в борьбе с коррупцией необходимо для обмена опытом и передачи лучших практик.

Литература

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996 г. – № 25. – Ст. 2954 с изм. и допол. в ред. от 29.05.2024.
2. Акунченко Е.А., Вырва П.А., Дамм И.А. Основы антикоррупционного просвещения в сфере образования. – 1-е изд. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2016. – 200 с.
3. Анисимов В.П. Новое уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. – 1-е изд. – СПб.: кн. маг. В.П. Анисимов, 1903. – 253 с.
4. Бадрутдинов М.С., Рахимов С.Ф. Борьба с коррупцией: опыт Республики Татарстан // Журнал российского права. – 2019. – № 12. – С. 64–66.
5. Волженкин Б.В. Служебные преступления. – 1-е изд. – М.: Юрист, 2000. – 361 с.
6. Гончаренко Г.С. Запрет на коррупцию. – 24-е изд. – М.: Российский следователь, 2016. – 38–41 с.
7. Гулямова В.Т. Становление и развитие правового регулирования в сфере противодействия коррупции в Пензенской области. – 2-е изд. – Пенза: Наука и просвещение, 2018. – 163–166 с.
8. Гуринская А.Л. Англо-Американская модель предупреждения преступности: автореф. дис. д-р. юр. наук: 5.1.3. – Калининград, 2018. – 21 с.
9. Долгова А.И. Криминология. – 3-е изд. – М.: Инфра-М, 2008. – 724–725 с.
10. Кокунова С.Д., Кокунов А.И. Криминологическое прогнозирование коррупции: проблемы и перспективы. – 5-е изд. – М.: Национальная безопасность, 2018. – 20 с.

11. Крюкова Н.И. Возникновение и история развития коррупции в России. – 12-е изд. – М.: Государственная власть и местное самоуправление, 2013. – 25–30 с.
12. Крюкова Н.И. История государства и права. – 1-е изд. – М.: Юрист, 2014. – 57 с.
13. Кудрявцев В.Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования. – 1-е изд. – М.: Инфра-М, 2017. – 23 с.
14. Литвяк Л.Г. Коррупция в России: история и современность. – 4-е изд. – М.: Историческая и социально-образовательная мысль, 2015. – 35–39 с.
15. Нафиков И.С. Социально-экономические факторы как индикаторы организованной «тенизации» экономики и повышенной коррупционности территорий. – 1-е изд. – Самара: Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовно-исполнительного права, 2013. – 211 с.
16. Овчинский С.С. Преступное насилие. Преступность в городах.. – 2-е изд. – М: Инфра-М, 2016. – 382 с.
17. Софроненко К.А. Памятники русского права. – 6-е изд. – М.: Госюриздат, 1957. – 469–501 с.
18. Страхов В.С. Политико-экономические аспекты коррупции в странах с формирующейся рыночной экономикой. – 1-е изд. – М.: Юрист, 2007. – 18 с.
19. Сулейманов Т.М. История ответственности за злоупотребление должностными полномочиями по российскому уголовному праву (XVII–XX вв.). – 13-е изд. – М.: История государства и права, 2013. – 54–58 с.
20. Чистяков О.И. Российское законодательство X–XX вв.. – 2-е изд. – М.: Юридическая литература, 1984. – 95 с.
21. Юрковский А. В., Евдокимов К.Н., Деревскова В.М. Правовые основы противодействия коррупции. – 1-е изд. – Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2018. – 243 с.
22. Юшков С.В. История государства и права. – 3-е изд. – М.: Ученые записки Саратовского университета, 1961. – 170 с.
23. «Декрет о взяточничестве» от 08.05.1905 // Собрание узаконений. – 1918 г. – № 35. – Ст. 467 в ред. от 14.05.1905., (утратил силу).
24. Совет министров Российской империи. Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. – 1-е изд. – М.: РОССПЭН, 2008. – 252 с., (утратил силу).
25. Постановление ВЦИК. Уголовно-процессуальный Кодекс РСФСР. – 1-е изд. – М.: Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР, 1922. – 230 с., (утратил силу).
26. Постановление ВЦИК. Уголовно-процессуальный Кодекс РСФСР. – 1-е изд. – М.: Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР, 1926. – 600 с., (утратил силу).
27. «Уголовный кодекс РСФСР» от 27.10.1960 // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1960 г. – № 40. – Ст. 591 с изм. и допол. в ред. от 27.12.1996., (утратил силу).
28. Указ Президента Российской Федерации «О борьбе с коррупцией в системе государственной службы» от 04.04.1992 № 361 // Российская газета. – 1992 г. – № 17. – Ст. 923 с изм. и допол. в ред. от 04.04.1992., (утратил силу).

EVOLUTION OF LEGAL REGULATION ANTI-CORRUPTION MEASURES IN RUSSIA

Sadykova E.V.
Kazan (Volga Region) Federal University

This article delves into the legal regulation of anti-corruption measures in Russia, considering its historical context. The corruption landscape in Russia is shaped by a mix of historical, economic, political, and socio-cultural factors. The roots of corruption can be traced back to the Soviet era, where it was widespread and often used to navigate the rigid bureaucracy and inefficiencies of a centralized economy. Following the collapse of the USSR, many of these corrupt practices persisted and adapted to the new environment. Economic disparities, such as unequal wealth distribution, high poverty levels, and low wages in certain sectors, can drive individuals to seek additional income through bribery and fraud. Furthermore, the insufficient severity of sanctions for corruption and the lack of robust anti-corruption measures may embolden individuals to engage in corrupt activities. Overall, the corruption situation in Russia is determined by a complex set of factors and it is important to understand them in order to develop effective anti-corruption strategies and increase transparency and public accountability.

Keywords: History of bribery, bribery, corruption, law and order, responsibility for corruption, combating corruption offences.

Referents

1. «Criminal Code of the Russian Federation» from 13.06.1996 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1996 year. – № 25. – Art. 2954 with amendments and additions in the ed. of 29.05.2024.
2. Akunchenko E.A., Vyrva P.A., Damm I.A. Fundamentals of anti-corruption education in education. – 1st ed. – Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2016. – 200 p.
3. Anisimov V.P. New Criminal Code, Highest Approved 22 March 1903. – 1st ed. – SPb.: kn. mag. V.P. Anisimov, 1903. – 253 p.
4. Badrutdinov M.S., Rakhimov S.F. Combating corruption: the experience of the Republic of Tatarstan // Journal of Russian Law. – 2019. – № 12. – P. 64–66.
5. Volzhenkin B.V. Service offences. – 1st ed. – Moscow: Yurist, 2000. – 361 p.
6. Goncharenko G.S. Prohibition of Corruption. – 24th ed. – Moscow: Russian investigator, 2016. – 38–41 p.
7. Gulyamova V.T. Formation and development of legal regulation in the sphere of combating corruption in the Penza region. – 2nd ed. – Penza: Nauka i enlightenment, 2018. – 163–166 p.
8. Gurinskaya A.L. Anglo-American model of crime prevention: autoref. dis. dr. jur. sciences: 5.1.3. – Kaliningrad, 2018. – 21 p.
9. Dolgova A.I. Criminology. – 3rd ed. – M.: Infra-M, 2008. – 724–725 p.
10. Kokunova S.D., Kokunov A.I. Criminological forecasting of corruption: problems and prospects. – 5th ed. – Moscow: National Security, 2018. – 20 p.
11. Kryukova N.I. The emergence and history of the development of corruption in Russia. – 12th ed. – Moscow: State power and local self-government, 2013. – 25–30 p.
12. Kryukova N.I. History of State and Law. – 1st ed. – Moscow: Yurist, 2014. – 57 p.
13. Kudryavtsev V.N. Genesis of crime. Experience of criminological modelling. – 1st ed. – Moscow: Infra-M, 2017. – 23 p.
14. Litvyak L.G. Corruption in Russia: History and Modernity. – 4th ed. – Moscow: Historical and socio-educational thought, 2015. – 35–39 p.

15. Nafikov I.S. Socio-economic factors as indicators of organised «shadowing» of the economy and increased corruption of territories. – 1st ed. – Samara: Actual problems of criminal law, criminology, penal enforcement law, 2013. – 211 p.
16. Ovchinsky S.S. Criminal violence. Criminality in the cities. – 2nd ed. – M: Infra-M, 2016. – 382 p.
17. Sofronenko K.A. Monuments of Russian law. – 6th ed. – Moscow: Gosyurizdat, 1957. – 469–501 p.
18. Strakhov V.S. Politico-economic aspects of corruption in countries with emerging market economies. – 1st ed. – Moscow: Yurist, 2007. – 18 p.
19. Suleymanov T.M. History of Responsibility for Abuse of Official Powers in Russian Criminal Law (XVII–XX centuries). – 13th ed. – Moscow: History of State and Law, 2013. – 54–58 p.
20. Chistyakov O.I. Russian legislation X–XX centuries. – 2nd ed. – Moscow: Yuridicheskaya Literatura, 1984. – 95 p.
21. Yurkovsky A.V., Evdokimov K.N., Derevskova V.M. Legal bases of counteraction to corruption. – 1st ed. – Irkutsk: Irkutsk Law Institute (branch) of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2018. – 243 p.
22. Yushkov S.V. History of the state and law. – 3rd ed. – Moscow: Uchenye zapiski Saratov University, 1961. – 170 p.
23. «Decree on bribery» from 08.05.1905 // Sobranie uzakoneniya. – 1918 year. – № 35. – Art. 467 in the edition of 14.05.1905, (lost force).
24. Council of Ministers of the Russian Empire. Special journals of the Council of Ministers of the Russian Empire. 1909–1917. – 1st ed. – M.: ROSSPEN, 2008. – 252 p., (no longer in force).
25. Resolution of the All-Russian Central Executive Committee. Criminal Procedure Code of the RSFSR. – 1st ed. – Moscow: Sobranie uzakonenii i ordinances of the RCP RSFSR, 1922. – 230 p., (no longer in force).
26. Resolution of the All-Russian Central Executive Committee. Criminal Procedure Code of the RSFSR. – 1st ed. – Moscow: Sobranie uzakonenii i ordinances of the RCP RSFSR, 1926. – 600 p., (no longer in force).
27. «Criminal Code of the RSFSR» of 27.10.1960 // Vedomosti of the Supreme Soviet of the RSFSR. – 1960 year – № 40. – Art. 591 with amendments and additions. in ed. of 27.12.1996., (lost force).
28. Decree of the President of the Russian Federation «On the fight against corruption in the civil service» from 04.04.1992 № 361 // Rossiyskaya Gazeta. – 1992 year. – № 17. – Art. 923 with amendments and additions. in ed. of 04.04.1992, (lost force).

Правовые основы определения форума в электронной торговле в Европейском союзе и Соединенных Штатах Америки

Блоцкий Евгений Валерьевич,
студент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: evgen.b2002@gmail.com

Статья посвящена вопросам определения форума электронной торговли на примере Европейского союза и Соединенных Штатов Америки. Начало 21 века характеризуется значительными изменениями в мировой экономике, связанными, во многом, с развитием информационных технологий, новых электронных средств связи и широким использованием глобальной сети Интернет. В последнее время активно осуществляется переход экономически наиболее развитых стран на новую стадию развития – стадию информационного общества. В связи с этим регулирование электронной торговли представляется наиболее актуальной проблемой торгового сотрудничества между государствами. Рассмотрев примеры регулирования форума в электронной торговле, автор останавливается на выводе следующего содержания: регулирование пока что не имеет единого и универсального характера. Несмотря на ряд особенностей, присущих разным странам, США и ЕС стремятся выработать критерии, позволяющие однозначно защитить более слабую сторону в конкретном правоотношении.

Ключевые слова: электронная коммерция, онлайн-среда, межюрисдикционные сделки, предписывающая юрисдикция, правоприменительная юрисдикция.

По прогнозу консалтингового агентства «Exactitude consultancy», годовой рынок электронной коммерции к 2030 году составит 20,3 триллиона долларов [1], что сравнимо с годовым ВВП США, либо пятью годовыми ВВП Японии. Стремительный рост электронной коммерции произвел революцию на мировом рынке, позволив компаниям и потребителям совершать трансграничные транзакции с беспрецедентной легкостью и скоростью. Однако эта цифровая трансформация также создает значительные проблемы в определении юрисдикции. Традиционные правовые рамки, которые были разработаны для более локализованного рынка, теперь с трудом справляются со сложностями и нюансами виртуального мира. Определение того, законы какой юрисдикции применяются к сделке электронной коммерции, становится особенно сложным, когда участвующие стороны (продавец и покупатель) находятся в разных странах, каждая из которых имеет свои собственные правовые стандарты и механизмы правоприменения. Частично проблема решается законами «о приземлении», которые обязывают компании-продавцы регистрировать представительство или филиал на территории юрисдикции покупателя, однако далеко не все страны прибегают к подобным мерам. В данной статье я предлагаю ознакомиться с подходами, существующими внутри Европейского союза и внутри Соединенных Штатов Америки.

Глобальный характер онлайн-среды и электронной коммерции практически гарантирует, что вопросы выбора суда и коллизионного права будут возникать значительно чаще, чем когда-либо прежде просто потому, что потребитель и поставщик часто не будут находиться в одной юрисдикции [2]. Рост числа межюрисдикционных сделок означает, что компании будут все чаще сталкиваться с необходимостью соблюдать противоречивые нормативные требования и/или противоречивые толкования договоров, а также с требованиями выступать и защищать свои интересы в широком кругу юрисдикций. Соответственно, возможности потребителей подавать жалобы в удобном для них форуме или быть уверенными в том, что они получат надлежащую защиту, могут быть ограничены. Юрисдикция судов ограничена национальными границами. Но онлайн-транзакции подпадают под юрисдикцию судов по всему миру, и в результате возникает сложная и новая проблема, связанная с компетентным судом и применимым законодательством [3].

Во-первых, для осуществления юрисдикции в отношении какого-либо лица суд должен обладать персональной юрисдикцией в отношении сто-

рон спора, а также в отношении предмета спора. Персональная юрисдикция в киберпространстве – это компетенция суда рассматривать дело против определенной категории лиц (как физических, так и юридических). Это требует определения того, подчиняется ли данное лицо суду, в который подано дело. Персональная юрисдикция рассматривает вопрос с точки зрения «физического присутствия», независимо от того, является ли данное лицо резидентом или нерезидентом.

С другой стороны, если посмотреть на подход США, то существует особая юрисдикция, которая относится к полномочиям применимого суда в отношении конкретного основания для иска, основанного на некотором наборе «минимальных контактов» с государством суда, которые имеют отношение к этому основанию для иска. Суды развивают принципы персональной юрисдикции и распространяют их на киберпространство. Принципы юрисдикции, которые ранее применялись к физическим учреждениям, теперь успешно применяются к онлайн-предприятиям. Веб-сайт представляет собой виртуальную бизнес-модель. Чтобы определить юрисдикцию, можно изучить характер модели веб-сайта, будь то бизнес-ориентированный или информационный. Другими ключевыми элементами, которые необходимо учитывать, являются географическое расположение пользователей, владельца веб-сайта и веб-сервера. Даже соглашения об условиях предоставления услуг, отказы от ответственности и положения о выборе суда или закона играют важную роль.

Ранее однозначная позиция по умолчанию заключалась в том, что страна может осуществлять юрисдикцию только в том случае, если стороны находятся в пределах ее территории. Однако в определенных ситуациях необходимость осуществления экстерриториальной юрисдикции привела к тому, что законы «о длинных руках» наделили суды правом устанавливать контакты и осуществлять юрисдикцию в отношении ответчиков-нерезидентов, когда контакты ответчика в форуме соответствуют определенным законодательным требованиям [4]. Вопрос о перекрестной юрисдикции можно рассматривать с двух точек зрения:

а) преспективная (предписывающая) юрисдикция и

б) правоприменительная юрисдикция.

Преспективная юрисдикция описывает способность государства определять свои собственные законы в отношении любых вопросов, которые оно выберет. Как правило, преспективная юрисдикция государства неограниченна, и государство может издавать законы по любому вопросу, независимо от того, где это происходит, и от гражданства соответствующих лиц.

Правоприменительная юрисдикция предполагает следующее: способность государства обеспечивать соблюдение этих законов обязательно зависит от наличия предписывающей юрисдикции. Однако суверенное равенство государств означает, что одно государство не может осуществлять свою правоприменительную юрисдикцию в конкретном смысле в отношении лиц или событий, фактически находящихся на территории государства, независимо от сферы действия его предписывающей юрисдикции.

Например, Закон об информационных технологиях 2000 года в Индии предусматривает перспективную юрисдикцию. Законодательная функция правительства заключается в принятии законов, а судебная – в обеспечении соблюдения этих законов. Важно отметить, что принципы юрисдикции, которым следует государство, не должны выходить за пределы, которые международное право устанавливает для его юрисдикции. Юрисдикция в киберпространстве осуществляется на основе территориального принципа. Применение этого принципа невозможно, поскольку сопряжено с большими трудностями, так как Интернет способствует анонимности и псевдонимности, что затрудняет идентификацию действующих лиц в киберпространстве. Поскольку сервер должен находиться в какой-либо стране, сложность, связанная с пограничным характером киберпространства, может быть преодолена путем привязки транзакций и действий, осуществляемых через сервер, к гражданству страны, в которой расположен сервер.

Проблемы такого рода привели к полной неразберихе и противоречиям, которые сопровождают судебные решения в сфере интернет-юрисдикции. Учитывая отсутствие физических границ в Интернете, выйти за пределы географических границ суда, чтобы привлечь ответчика к ответственности за поведение в киберпространстве, сложно.

Европейский Союз

Европейский союз активно пытается решить проблемы трансграничной электронной торговли. Комиссия Европейского Союза опубликовала проект постановления, регулирующего юрисдикционные вопросы, связанные с трансграничными электронными транзакциями потребителей [5]. Это предлагаемое регулирование, получившее название Регламент Рим II № 864/2007 (далее по тексту работы – Рим II), создаст юрисдикцию в отношении онлайн-продавцов в стране проживания покупателя, что противоречит принципам Директивы об электронной коммерции [6]. Международная торговая палата, в частности, призвала Европейский союз пересмотреть Рим II в пользу положения, которое сделало бы законы страны происхождения товаров или услуг основой для урегулирования споров, возникающих в связи с электронными деловыми операциями. Более того, компания, осуществляющая продажи через Интернет, все чаще должна учитывать не только юрисдикционные вопросы, но и различные международные законодательные требования в отношении того, как оформляется и исполняется контракт. Например, недавно вступившая в силу Директива Европейского союза об электронной торговле требует, чтобы любые рекламные предложения

или коммерческие сообщения были “четко идентифицированы как таковые”, чтобы можно было четко идентифицировать личность отправителя, и чтобы в предложениях или сообщениях четко и недвусмысленно раскрывались любые договорные условия.

Европейский подход к выбору суда в трансграничных спорах значительно отличается от американского. Правила, определяющие, суды какой страны обладают юрисдикцией в отношении ответчика, изложены в постановлении Совета Европейского союза, известном как Брюссельское постановление. Это новое постановление является обновлением договора 1968 года между европейскими странами, известного как Брюссельская конвенция о юрисдикции и принудительного исполнения судебных решений в отношении гражданским коммерческим делам.

Брюссельский регламент (Положение о юрисдикции и признании судебных решений по гражданским и коммерческим делам), вступивший в силу 1 марта 2002 года, заменяет Брюссельскую конвенцию 1968 года. Это применимо ко всем европейским странам, за исключением Дании, которая продолжит следовать правилам Брюссельской конвенции, и стран Европейской ассоциации свободы торговли (Исландия, Лихтенштейн, Норвегия, Швейцария и Польша), где будут применяться правила конвенции в Лугано 1988 года.

Брюссельский регламент стал общепризнанным законом для разрешения споров, касающихся юрисдикции и исполнения судебных решений по гражданским и коммерческим делам. Регламент также применим для разрешения коммерческих споров в Интернете. Что касается вопроса о юрисдикции, то Брюссельская конвенция устанавливает правило, согласно которому «в соответствии с положениями настоящей Конвенции лица, проживающие в Договаривающемся государстве, независимо от их гражданства, должны быть привлечены к ответственности в судах этого государства». Кроме того, на физическое лицо, проживающее в одном Договаривающемся государстве, в другом договаривающемся государстве может быть подан иск: «по вопросам, касающимся договора, в суды по месту исполнения соответствующего обязательства. Это означает, что на физическое лицо может быть подан иск по месту его основного проживания. Статья 60 предусматривает, что юридическим адресом компании или других объединений (включая партнерство) является место их официального нахождения – центральная администрация или главный офис. Что касается рекламных акций и распродаж, то в Конвенции говорится, что потребитель может возбудить дело в своем собственном суде против продавца «в государстве постоянного проживания потребителя заключению договора предшествовало адресованное ему конкретное приглашение или реклама», в то время как в Регламенте говорится, что потребитель может подать в суд в своей юрисдикции, если продавец «осуществляет коммерческую деятельность в государстве-члене ЕС по месту жительства потребителя или каким-либо образом направляет такую деятельность в это государство-член ЕС».

Поскольку веб-сайты, как правило, доступны из любой точки мира, можно сказать, что торговля через веб-сайт распространяется на все страны ЕС, в случае возникновения спора потребитель имеет право в соответствии со статьей 15 обратиться в суд своей страны. Любое судебное решение, вынесенное там, будет иметь законную силу в стране самого трейдера. Статья 15 расширила сферу ответственности трейдеров, поскольку теперь они могут быть привлечены к ответственности в иностранном суде, т.е. для продавца защита от судебных исков в нескольких юрисдикциях может быть крайне дорогостоящей.

Европейский союз посредством «Брюссельского регламента (БР)» [7] принял общий набор правил для установления компетентной юрисдикции в каждом из государств-членов [8]. Суд, в который участник электронной коммерции намеревается подать иск, должен убедиться, что он обладает юрисдикцией для вынесения решения по данному вопросу [9]. В статье 2(1) BR предусмотрено общее основание для установления компетентной юрисдикции. В статье говорится о суде государства-члена, в котором проживает ответчик. (Определение места жительства компании содержится в статье 60).

В качестве альтернативы «статья 5.1(a)(b) устанавливает особую юрисдикцию». В соответствии с этим положением сторона-ответчик в вопросах, связанных с контрактом, может быть привлечена к ответственности в судах по месту исполнения соответствующего обязательства:

- местом исполнения рассматриваемого обязательства в случае продажи товаров является место в государстве-члене, куда в соответствии с контрактом товары были доставлены или должны были быть доставлены;
- в случае оказания услуг – место в государстве-члене, где в соответствии с контрактом товары были доставлены или должны были быть доставлены. контракт, услуги были предоставлены или должны были быть предоставлены по вопросам, относящимся к настоящему контракту».

Первый возникающий вопрос заключается в том, как суд может установить место конкретного исполнения в договоре лицензирования программного обеспечения или продажи программного обеспечения, если все может происходить в Интернете, где задействовано множество сторон на разных территориях.

Кроме того, статья 5.5 предусматривает, что лицо, проживающее в государстве-члене ЕС, может быть привлечено к ответственности в другом государстве-члене ЕС: (5) в отношении спора, возникающего в связи с деятельностью филиала, агентства или другого учреждения, в судах по месту нахождения филиала, агентства или другого учреждения. расположенный.

Соединенные Штаты Америки

В течение сорока двух лет, прошедших с момента вынесения Верховным судом США решения по делу «Бремен против оффшорной компании Сапата» [10], соблюдение соглашений о выборе суда в международной торговле было прочно закреплено в законодательстве Соединенных Штатов. Почти столько же времени арбитражные оговорки в международных контрактах, называемые «специальной разновидностью оговорки о выборе суда», применялись судами США с одинаковой строгостью [11]. Применению международных арбитражных оговорок в США способствовало принятие Нью-Йоркской конвенции Федеральным законом об арбитраже, включая федеральные законы об арбитраже. предметная юрисдикция для привлечения к международному арбитражу и приведения в исполнение международных арбитражных решений [12].

В Соединенных Штатах предметная юрисдикция связана с полномочиями суда рассматривать и выносить решения по делам в определенных областях права. Персональная юрисдикция – это полномочия суда в отношении ответчика, которые возникают только тогда, когда ответчик имеет достаточные связи с государством, что делает его подотчетным судам этого государства. Когда обнаруживается связь между ответчиком и штатом, ответчику вручается повестка или уведомление о возбужденном против него судебном иске [13]. В большинстве штатов действуют законодательные акты, которые устанавливают руководящие принципы штата в отношении того, когда его суды могут осуществлять юрисдикцию в отношении ответчика-нерезидента. Соблюдать что касается надлежащей правовой процедуры, персональная юрисдикция не может нарушать «традиционные представления о честной игре и правосудии по существу» [14]. Существует два вида персональной юрисдикции – общая и конкретная. Общая юрисдикция применяется к ответчику-нерезиденту только в том случае, если контакты ответчика с государством являются «постоянными и систематическими», даже если эти контакты не имеют отношения к рассматриваемому спору. Особая юрисдикция возникает, когда судебный процесс связан с контактами ответчика с государством суда. В конечном счете, вопрос заключается в том, могут ли «минимальные контакты» ответчика с государством суда стать причиной того, что он обоснованно ожидает предъявления иска в суд государства суда. Суды использовали три теста, чтобы определить, достигли ли минимальные контакты ответчика с государством суда уровня, достаточного для возникновения конкретной юрисдикции. Ответчик может целенаправленно направлять свою деятельность в государство суда [15], целенаправленно пользоваться преимуществами ведения бизнеса в государстве суда или поставлять свою продукцию в торговые сети государства суда [16], чтобы обеспечить необходимый уровень контактов для конкретной юрисдикции.

Стоит ознакомиться с решением по делу Cybersell Inc. Vs Cybersell Inc. [17], которое касалось спора о знаках обслуживания между двумя корпорациями, одной из которых находится в Орландо, а другой – в Аризоне. Суду предстояло решить вопрос о том, было ли простое использование веб-сайта корпорацией Флориды достаточным для предоставления суду юрисдикции в Орландо. Суд ответил на этот вопрос отрицательно и отметил, что «в каждом случае важно, чтобы имело место какое-либо действие, посредством которого ответчик целенаправленно пользуется привилегией осуществлять деятельность в государстве суда, тем самым ссылаясь на преимущества и защиту, предусмотренные его законами».

Аналогичный результат был достигнут в деле Smith v. Hobby Lobby Stores Inc. против Bato Co. Ltd [18]. Суд постановил, что для осуществления личной юрисдикции в отношении ответчика было недостаточно контактов, поскольку у этой компании не было реальных контактов с государством, кроме веб-страницы, доступ к которой можно было получить с веб-сайта <url>. государство.

Подход США к выбору суда и применимого права аналогичен канадскому законодательству. Однако суды США, как правило, осуществляют юрисдикцию в отношении ответчиков, которые заключают контракты с резидентами этой юрисдикции. «За некоторыми исключениями, они, как правило, не желают осуществлять юрисдикцию в отношении ответчиков, которые являются авторами пассивной информации, доступной иностранным пользователям. Выбирая между этими крайностями, суды США обращают внимание на уровень интерактивности между веб-сайтом и пользователем, коммерческий характер взаимодействия и наличие какой-либо другой активности, не связанной с Интернетом» [19].

Все большее число дел последовало за делом Zippo Manufacturing Co. против Zippo Dot Com Inc. [20], в котором был разработан относительно простой активный/пассивный тест для определения юрисдикции в отношении оператора веб-сайта. Веб-сайты подразделяются на чисто пассивные сайты, которые просто предоставляют информацию посетителям, но не сами по себе обеспечить основу для юрисдикции за счет повышения уровня интерактивности полноценных сайтов электронной коммерции, которые позволяют заключать онлайн-контракты и транзакции с резидентами форума, что является достаточным основанием для юрисдикции форума. Чем интерактивнее сайт, тем больше вероятность того, что будет найдена юрисдикция.

Традиционные представления о юрисдикции в значительной степени основаны на местоположении, где была совершена спорная транзакция, чтобы определить надлежащую юрисдикцию для рассмотрения спора. Однако интернет-транзакции осуществляются по сети, и в результате они не соответствуют традиционным географическим границам.

Рассмотрев примеры регулирования форума в электронной торговле ЕС и США, можно сделать следующие выводы: регулирование пока что не имеет единого и универсального характера. В США данное регулирование предоставлено судам ввиду особенностей прецедентной системы права, и именно там было выработано то разнообразие возможных критериев, по которым можно определять применимое право. В то же время регулирование на уровне ЕС имеет более системный характер, что позволяет обеспечить однообразие и правовую определенность как для компаний, так и для потребителей. В целом и США и ЕС стремятся выработать критерии, позволяющие однозначно защитить более слабую сторону в конкретном правоотношении.

Литература

1. Рынок электронной коммерции [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://exactitude-consultancy.com/ru/reports/37408/e-commerce-market/ (дата обращения: 23.05.2024).
2. Peter P. Swire, Of Elephants, Mice, and Piracy: the International Choice of Law and the Internet [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/228207586_Of_Elephants_Mice_and_Privacy_International_Choice_of_Law_and_the_Internet (дата обращения: 23.05.2024).
3. David R. Johnson, Susan P. Deferring to Contractual Law and Forum to protect Consumers (and vendors) in E-commerce [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://kentlaw.iit.edu/ (дата обращения: 23.05.2024).
4. Cybersell, Inc.v. Cybersell, Inc. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://caselaw.findlaw.com/court/us-9th-circuit/1136902.html (дата обращения: 23.05.2024).
5. EU for Cross-border transactions [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/summary/cross-border-payments-in-the-eu.html (дата обращения: 23.05.2024).
6. Ефремкина О.В. Электронная торговля в ЕС (правовые аспекты) // Глобалистика: Энциклопедия. М., 2003. С. 1236–1237.
7. Регламент Совета (ЕС) № 44/2001 от 22 декабря 2000 года о юрисдикции, признании и приведении в исполнение судебных решений по гражданским и коммерческим делам [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2001/44/oj (дата обращения: 23.05.2024).
8. Правовые коллизии в Интернете: широкие возможности для УСО [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/28319445_Internet_Conflicts_of_Laws_A_Space_of_Opportunities_for_ODR (дата обращения: 23.05.2024).
9. Christopher M.V. Clarkson and Jonathan Hill, Jaffey on the Conflict of Laws [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://archive.org/details/jaffeyonconflict0000clar (дата обращения: 23.05.2024).
10. Bremen v. Zapata Off-Shore Co. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://caselaw.findlaw.com/court/us-supreme-court/407/1.html (дата обращения: 24.05.2024).
11. Scherk v. Alberto-Culver Co. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://caselaw.findlaw.com/court/us-supreme-court/417/506.html (дата обращения: 24.05.2024).
12. Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Заключена 10.06.1958, г. Нью-Йорк) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://uncitral.un-.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/en/new-york-convention-e.pdf (дата обращения: 24.05.2024).
13. X.M. Frascogna JR. et. al., The business of Internet Law [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://openlibrary.org/books/OL8118598M/This_Business_of_Internet_Law (дата обращения: 24.05.2024).
14. International Shoe Co.v. Washington [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://caselaw.findlaw.com/court/us-supreme-court/326/310.html (дата обращения: 24.05.2024).
15. Calder v. Jones [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://caselaw.findlaw.com/court/us-supreme-court/465/783.html (дата обращения: 24.05.2024).
16. Burger King Corp.v. Rudzewicz [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://caselaw.findlaw.com/court/us-supreme-court/471/462.html (дата обращения: 24.05.2024).
17. Cybersell v. Cybersell [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.courtlistener.com/opinion/748638/cybersell-inc-v-cybersell-inc/ (дата обращения: 24.05.2024).
18. Smith v. Hobby Lobby Stores, Inc. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/573/682/ (дата обращения: 24.05.2024).
19. Gary W Dunn, What laws apply when transacting e-Commerce [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.dunn.com/papers/paper2 (дата обращения: 24.05.2024).
20. Zippo Manufacturing Company.v. Zippo Dot. Com. Incorporation [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/952/1119/1432344/ (дата обращения: 24.05.2024).

THE LEGAL BASIS FOR DEFINING AN E-COMMERCE FORUM IN THE EUROPEAN UNION AND THE UNITED STATES OF AMERICA

Blotsky E.V.
Financial University under the Government of the Russian Federation

The article is devoted to the issues of defining an e-commerce forum using the example of the European Union and the United States of America. The beginning of the 21st century is characterized by significant changes in the global economy, largely related to the development of information technologies, new electronic means of

communication and the widespread use of the global Internet. Recently, the transition of the economically most developed countries to a new stage of development – the stage of the information society has been actively carried out. In this regard, the regulation of electronic commerce seems to be the most urgent problem of trade cooperation between states. Having considered the examples of forum regulation in electronic commerce, the author stops at the conclusion of the following content: regulation does not yet have a single and universal character. Despite a number of features inherent in different countries, the United States and the EU are striving to develop criteria that make it possible to unambiguously protect the weaker side in a particular legal relationship.

Keywords: e-commerce, online environment, inter-jurisdictional transactions, prescriptive jurisdiction, law enforcement jurisdiction.

References

1. The e-commerce market [Electronic resource]. Access mode: https://exactitudeconsultancy.com/ru/reports/37408/e-commerce-market / (accessed: 05/23/2024).
2. Peter P. Swire, Of Elephants, Mice, and Piracy: the International Choice of Law and the Internet [Electronic resource]. Access mode: https://www.researchgate.net/publication/228207586_Of_Elephants_Mice_and_Privacy_International_Choice_of_Law_and_the_Internet (date of application: 05/23/2024).
3. David R. Johnson, Susan P. Deferring to Contractual Law and Forum to protect Consumers (and vendors) in E-commerce [Electronic resource]. Access mode: https://kentlaw.iit.edu / (accessed 05/23/2024).
4. Cybersell, Inc.v. Cybersell, Inc. [electronic resource]. Access mode: https://caselaw.findlaw.com/court/us-9th-circuit/1136902.html (date of access: 05/23/2024).
5. EU for Cross-border transactions [Electronic resource]. Access mode: https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/summary/cross-border-payments-in-the-eu.html (date of application: 05/23/2024).
6. Efremkina O.V. Electronic commerce in the EU (legal aspects) // Globalistics: Encyclopedia. M., 2003. pp. 1236–1237.
7. Council Regulation (EC) No. 44/2001 of December 22, 2000 on jurisdiction, recognition and enforcement of judgments in civil and commercial cases [Electronic resource]. Access mode: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2001/44/oj (date of application: 05/23/2024).
8. Legal conflicts on the Internet: broad opportunities for SOE [Electronic resource]. Access mode: https://www.researchgate.net/publication/28319445_Internet_Conflicts_of_Laws_A_Space_of_Opportunities_for_ODR (date of access: 05/23/2024).
9. Christopher M.V. Clarkson and Jonathan Hill, Jaffey on the Conflict of Laws [Electronic resource]. Access mode: https://archive.org/details/jaffeyonconflict0000clar (date of application: 05/23/2024).
10. Bremen v. Zapata Off-Shore Co. [electronic resource]. Access mode: https://caselaw.findlaw.com/court/us-supreme-court/407/1.html (date of application: 05/24/2024).
11. Scherk v. Alberto-Culver Co. [electronic resource]. Access mode: https://caselaw.findlaw.com/court/us-supreme-court/417/506.html (date of application: 05/24/2024).
12. Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards (Concluded on 06/10/1958, New York) [Electronic resource]. Access mode: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un-.org/files/media-documents/uncitral/en/new-york-convention-e.pdf (date of access: 05/24/2024).
13. X.M. Frascogna JR. et. al., The business of Internet Law [Electronic resource]. Access mode: https://openlibrary.org/books/OL8118598M/This_Business_of_Internet_Law (date of application: 05/24/2024).
14. International Shoe Co.v. Washington [Electronic resource]. Access mode: https://caselaw.findlaw.com/court/us-supreme-court/326/310.html (date of reference: 05/24/2024).
15. Calder v. Jones [Electronic resource]. Access mode: https://caselaw.findlaw.com/court/us-supreme-court/465/783.html (date of application: 05/24/2024).
16. Burger King Corp.v. Rudzewicz [Electronic resource]. Access mode: https://caselaw.findlaw.com/court/us-supreme-court/471/462.html (date of application: 05/24/2024).
17. Cybersell v. Cybersell [Electronic resource]. Access mode: https://www.courtlistener.com/opinion/748638/cybersell-inc-v-cybersell-inc / (accessed 05/24/2024).
18. Smith v. Hobby Lobby Stores, Inc. [electronic resource]. Access mode: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/573/682 / (date of access: 05/24/2024).
19. Gary W Dunn, What laws apply when transacting e-Commerce [Electronic resource]. Access mode: https://www.dunn.com/papers/paper2 (date of application: 05/24/2024).
20. Zippo Manufacturing Company.v. Zippo Dot. Com. Incorporation [Electronic resource]. Access mode: https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/952/1119/1432344 / (date of access: 05/24/2024).

Международно-правовые основы проведения международных расчетных операций в условиях санкционного давления

Данилова Дарья Павловна,
студент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: danilova.dp9371@gmail.com

В статье рассматриваются особенности организации и функционирования международных расчетных операций в условиях санкционного давления. Обострение геополитической ситуации в последние годы привело к усилению экономических санкций, что значительно усложнило процесс выполнения международных платежей и расчетов. Основной целью исследования является анализ адаптационных стратегий финансовых институтов и предприятий, а также выявление механизмов, позволяющих обеспечить устойчивость и стабильность трансграничных финансовых потоков в условиях ограничительного воздействия санкций. Полученные результаты демонстрируют, что успешная адаптация к санкционному давлению требует значительных изменений в стратегиях управления рисками и внедрения инновационных технологических решений. В заключение статьи предлагаются практические рекомендации для улучшения устойчивости международных расчетных систем в условиях санкционных ограничений, а также направления для дальнейших исследований в данной области.

Ключевые слова: международные расчетные операции, экономические санкции, экономика Российской Федерации, адаптационные стратегии, финансовые институты, альтернативные расчетные системы, ЦФА, управление рисками.

Начиная с 2022 года российские компании, занимающиеся внешнеэкономической деятельностью, столкнулись с рядом трудностей ввиду нарастающего санкционного давления. Серьезные изменения, такие как блокировка транспортных узлов, санкции, отмена поставок и даже заморозка валютных расчетов – вынужденные условия заставили импортеров и экспортеров сменить тактику ведения бизнеса.

Согласно статистическим данным, предприниматели испытывают серьезные трудности в сфере логистики, сокращения числа торговых марок на рынке, осуществлении международных расчетов и поддержании взаимоотношений с иностранными клиентами и поставщиками [1]. Даже тем, кто продолжает сотрудничать с российскими компаниями, необходимы значительные усилия для обеспечения беспроблемной оплаты и поставок.

В связи с этим, в рамках статьи рассматриваются ключевые механизмы и инструменты, такие как использование альтернативных расчетных систем, криптовалютных технологий и новых форматов партнерских отношений между финансовыми учреждениями.

В качестве поддержки бизнеса со стороны государства были внесены изменения в действующее законодательство. Важно отметить, что данные нововведения в сфере межгосударственных расчетов ранее были запрещены. Далее рассмотрим основные, доступные формы расчетов для импортеров и экспортеров в нынешнем году.

1) Банковский перевод считается стандартным способом международных расчетов. В соответствии с Федеральным законом «О валютном регулировании и валютном контроле», перевод проходит через счета, которые открыты резидентами в уполномоченных банках [2].
2) Цифровой рубль. Согласно внесенным изменениям в законодательство от 24 июля 2023 года, отныне резидентам Российской Федерации предоставлено закрепленное право осуществлять расчеты через счета цифрового рубля. Важно отметить, что национальная денежная единица иностранного государства теперь считается иностранной валютой, если она находится в обращении в цифровой форме и является законным средством платежа на территории данного иностранного государства.

Ключевым моментом в нововведениях является также наличие возможности для нерезидентов осуществлять операции с цифровыми рублями без каких-либо ограничений. Они имеют право открывать банковские счета не только в иностранной валюте

или валюте Российской Федерации, но и в цифровых рублях на территории России.

Подчеркнем, что в соответствии с данными изменениями, цифровой рубль представляет собой электронный аналог обычной национальной денежной единицы. Он является цифровой валютой, которая может быть использована для осуществления расчетов и проведения финансовых операций в онлайн-режиме.

3) Наличный расчет. В соответствии с Указом Президента РФ от 8 августа 2022 г. № 529 [5] и Постановлением Правительства РФ от 26 декабря 2022 г. № 2433 [11] был отменен долгосрочный запрет на использование наличного расчета в рамках внешнеэкономической деятельности. Новый порядок, утвержденный указанными нормативными актами, предусматривает возможность проведения наличных расчетов для получения экспортной выручки и возврата предварительных платежей за недоставленные товары.

Одним из ключевых моментов новой системы стало разрешение резидентам осуществлять наличные расчеты в любой валюте за пределами Российской Федерации. При этом резидент имеет право использовать полученные наличные средства для расчетов за границей или вернуть их на территорию России.

С 29 июня 2023 года, согласно введенным изменениям, резиденты-экспортеры могут принимать наличные средства в любой валюте по внешнеторговым договорам до фактической поставки товаров или оказания услуг. Данный шаг направлен на упрощение процесса взаиморасчетов и содействует более гибким условиям внешнеторговых операций.

Важным изменением также стало разрешение продажи резидентом иностранной валюты уполномоченному банку после ее ввоза в Российскую Федерацию с последующей возможностью приобретения любой валюты, а не только национальной. В то же время сохранена обязанность зачисления полученных сумм на счет в уполномоченном банке в соответствии с законодательством.

4) Легализация зачета взаимных требований, также известного как бартер, была также введена в рамках поддержки российского бизнеса. Возможность осуществления зачета требований по контрактам, связанным как с поставкой товаров, так и с иными обязательствами, имеет свое правовое основание в ст. 19 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле», а также в Указе Президента РФ от 8 августа 2022 г. № 529 и официальном разъяснении Центрального банка России от 23 ноября 2022 г. № 11-ОР.

5) С первого марта 2022 года был введен запрет на зачисление иностранной валюты на счета в банках за пределами Российской Федерации согласно Указу Президента РФ от 28.02.2022 № 79 [8]. Однако вскоре данная ограничительная мера была отменена для расчетов по внешнеторговым контрактам по Указу Президента РФ от 05.07.2022 № 430 [10]. Теперь на указанные счета могут быть зачислены денежные средства как в валюте Российской Федерации, так и в иностранной валюте.

Кроме того, 11 марта 2024 года Президентом РФ был подписан закон [4] о применении цифровых финансовых активов (ЦФА) в процессе оплаты внешнеторговых контрактов. Определенные поправки, вступившие в силу после подписания указанного закона, предусматривают передачу банками информации об идентификации клиентов операторам, выпускающим ЦФА.

Цифровые финансовые активы (ЦФА) представляют собой относительно новый вид инвестиционных инструментов, основанных на использовании передовых технологий, таких как блокчейн и смарт-контракты. Законодательная база, регулирующая функционирование ЦФА, была введена в действие в 2020 году, а начало выпуска данных активов на финансовом рынке России пришлось на 2022 год. Под понятием ЦФА подразумеваются разнообразные цифровые права, включающие в себя широкий спектр активов, начиная от долговых обязательств и заканчивая драгоценными металлами. Важно отметить, что, в отличие от криптовалют, эмитенты ЦФА несут определенные обязательства перед инвесторами, что подчеркивает значимость регулирования и контроля со стороны Центрального банка.

В соответствии со вступившими в законную силу изменениями, российские и иностранные контрагенты теперь имеют возможность использовать цифровые финансовые активы для осуществления расчетов по передаче товаров, выполнению работ и оказанию услуг, а также передаче информации и результатов интеллектуальной деятельности, включая исключительные права на них. В рамках данного законодательного акта подобные операции подлежат обязательному контролю в соответствии с «антиотмывочным законом» [9]. В связи с этим, риск потери инвестиций из-за мошенничества или финансовых неправильностей у ЦФА существенно снижается по сравнению с альтернативными средствами инвестирования, такими как криптовалюты и операции на криптобиржах.

Важным аспектом является то, что Центральный банк России получает полномочия по определению условий валютных операций с цифровыми финансовыми активами и установлению запретов на их осуществление. Кроме того, Центральный банк имеет право запрашивать информацию о конечных владельцах цифровых финансовых активов у лиц, выпустивших их, либо у операторов выпуска цифровых активов.

С технической точки зрения, к примеру, при исполнении договора поставки, в рамках которого российский покупатель осуществляет перевод ЦФА на кошелек иностранного поставщика, процесс трансфера средств осуществляется непосредственно на платформе оператора и не требует использования банковских счетов. Предоставленные цифровые активы могут быть использованы иностранным контрагентом согласно их назначению, включая получение доходности, последую-

щую продажу или применение при осуществлении новых сделок.

Важно отметить, что взаиморасчеты через операторов обмена ЦФА не допускаются, ограничивая использование цифровых активов, выпущенных в правовом контуре России, для международных расчетов. Переход к использованию обеспеченных ЦФА в качестве средства расчетов в международных операциях рассматривается как дополнительный механизм обеспечения финансовой безопасности. Однако данный процесс технически сложен и требует изменений в законодательстве не только страны-инициатора – России, но и всех участников международных финансовых операций, в том числе и в том же Китае.

Для успешного применения ЦФА в сфере трансграничных расчетов необходимо разрешить ряд локальных правовых коллизий, которые являются основными препятствиями на пути их широкого использования. Среди данных коллизий следует выделить вопросы, связанные с процедурой проверки клиента (Know Your Customer, KYC) в отношении нерезидентов, а также вопросы выпуска квалифицированной электронной подписи для иностранных юридических субъектов.

Для того чтобы закон, направленный на решение данных проблем, действительно способствовал развитию российского бизнеса и рынка ЦФА, необходимо осуществить переход на новый качественный уровень функционирования ЦФА. Это включает в себя обеспечение соответствующего для внешнеэкономической деятельности функционала ЦФА, увеличение ликвидности рынка цифровых активов, а также разработку четкого порядка расчетов между иностранным участником и российским оператором по выпуску ЦФА.

В данной ситуации предпочтительным является использование стейблкойнов в качестве расчетного инструмента с тем, чтобы значительно ускорить решение вопросов, связанных с трансграничными расчетами для российских участников внешнеэкономической деятельности. Эффективное функционирование механизма ЦФА в торговых сделках предполагает разработку прозрачного законодательного порядка для трансграничного оборота стейблкойнов и признание мировых криптоактивов с учетом российских цифровых прав.

Вместе с тем, в 2024 году вступили в силу и новые ограничения, касающиеся внешнеторговых расчетов, которые не имели прецедентов в предшествующие периоды. Рассмотрим детально ключевые аспекты данных изменений.

Во-первых, особые правила были введены для расчетов за экспортируемый газ и сельскохозяйственную продукцию. Предполагается использование специализированных рублевых счетов и специальных валютных счетов типа «З». Валютная выручка, поступающая из-за рубежа и зачисляемая на счет в уполномоченном банке, конвертируется в рубли, а все расчеты по внешнеторговым контрактам проводятся исключительно в российской национальной валюте.

Во-вторых, введена обязательная продажа части валютной выручки, получаемой по экспортным контрактам. Экспортеры, обязанные осуществлять данную продажу, определены Указом Президента Российской Федерации от 11 октября 2023 года № 771 [11]. Регламент, включающий сроки и проценты продажи валютных средств, установлен постановлением Правительства Российской Федерации от 12 октября 2023 года № 1681 [6].

Кроме того, введены строгие запреты на совершение и исполнение сделок с конкретным перечнем лиц в условиях международных санкций. Постановление Правительства Российской Федерации от 11 мая 2022 года № 851 устанавливает полный запрет на сделки с определенными юридическими и физическими лицами, а также с иностранными государствами. Данный запрет распространяется не только на новые сделки, но и на существующие контракты, включая денежные обязательства и обязательства по поставке товаров.

Эти изменения отражают стремление государства к усилению регулирования внешнеторговой деятельности и укреплению финансового суверенитета Российской Федерации. Главными инструментами данного процесса становятся использование национальной валюты в расчетах и строгий контроль над валютными потоками.

Кроме того, в результате вступления в силу с 1 апреля 2024 года указания Банка России от 09.01.2024 № 6663-У, были внесены значительные изменения в порядок документального оформления валютных операций.

Одним из ключевых изменений является повышение порогового значения для освобождения компаний от обязательства предоставления в банк документов по сделкам с зарубежными партнерами. Новый порог установлен на уровне 1 млн рублей [3], что существенно превышает ранее действовавшую планку в 600 тыс. рублей. Это нововведение, направленное на упрощение процедур внешнеэкономической деятельности, позволяет значительно снизить административную нагрузку на компании.

Также отменена обязанность направлять в уполномоченные банки перевозочные, товаросопроводительные и иные документы, которые подтверждают перемещение товара внутри Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Таким образом, взаимодействие Федеральной таможенной службы с банками будет производиться напрямую в электронном виде, что способствует ускорению и упрощению обработки данных.

Указание Банка России № 6663-У также детализирует особенности предоставления в банк документов по сделкам с зарубежными контрагентами в наличных деньгах и определяет порядок формирования отчетности по таким операциям. Важно отметить, что расширен состав информации, отражаемой в ведомости банковского контроля. Данное расширение направлено на более эффективный мониторинг и учет валютных операций, что является критически важным для обеспечения

финансовой безопасности и прозрачности внешнеэкономической деятельности.

Таким образом, в условиях антироссийских санкций актуальной становится роль катализатора инноваций в финансовом регулировании. Геополитические санкции привели к значительным изменениям в рамках проведения международных расчетных операций.

Наравне с традиционными расчетами, которые, на сегодняшний день, не теряют спрос, наблюдается активное изучение, а также и дальнейшее применение альтернативных способов проведения трансграничных расчетов с участием государственных органов, в лице Минфина РФ и Банка России, а также бизнес-сообщества.

Развитие национальной системы платежей в РФ определяется необходимостью обеспечения технологического суверенитета, поиска надежных партнеров и инструментов для регулирования денежных обязательств, включая альтернативные механизмы.

Литература

1. Карлова Н., Морозов А., Пузанова Е. Ограничения на импорт сдерживают экспорт: результаты опроса предприятий: аналитическая записка, 2023. – Режим доступа: https://cbr.ru/Content/Document/File/144420/analytic_note_20230130_dip.pdf (Дата обращения: 10.06.2024)
2. О валютном регулировании и валютном контроле: Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45458/9575e236ea35c7a2b1f8ce118c0ce12ea9f7cc98/ (Дата обращения: 10.06.2024)
3. О внесении изменений в Инструкцию Банка России от 16 августа 2017 года N 181-И: Указание Банка России от 09.01.2024 N 6663-У – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_473105/ (Дата обращения: 10.06.2024)
4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 11.03.2024 N 45-ФЗ – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_471814/ (Дата обращения: 10.06.2024)
5. О временном порядке исполнения обязательств по договорам банковского счета (вклада), выраженных в иностранной валюте, и обязательств по облигациям, выпущенным иностранными организациями: Указ Президента РФ от 8 августа 2022 г. № 529 / [Электронный ресурс] – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48228 (Дата обращения: 10.06.2024)
6. О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 11 октября 2023 г. N 771: постановление Правительства РФ от 12.10.2023 N 1681 (ред. от 26.04.2024) – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_460055/ (Дата обращения: 10.06.2024)
7. О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 3 мая 2022 г. N 252: постановление Правительства РФ от 11.05.2022 N 851 (ред. от 05.11.2022) – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_416610/ (Дата обращения: 10.06.2024)
8. О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций: Указ Президента РФ от 28.02.2022 N 79 (ред. от 09.06.2022, с изм. от 20.05.2024) – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_410417/ (Дата обращения: 10.06.2024)
9. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: Федер. закон от 07.08.2001 N 115-ФЗ – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32834/?ysclid=luzrlv71pd515197391 (Дата обращения: 10.06.2024)
10. О репатриации резидентами – участниками внешнеэкономической деятельности иностранной валюты и валюты Российской Федерации: Указ Президента РФ от 05.07.2022 N 430 (ред. от 18.12.2023) – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421212/ (Дата обращения: 10.06.2024)
11. Об утверждении Правил осуществления между резидентами и нерезидентами расчетов наличными денежными средствами: постановление Правительства РФ от 26.12.2022 N 2433 (ред. от 24.06.2023) – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_435659/?ysclid=luu0mtcsbm237388848 (Дата обращения: 10.06.2024)
12. Российские экспортеры, включенные в перечень, утвержденный Указом Президента РФ от 11.10.2023 N 771, обязаны зачислять на счета в уполномоченных банках и продавать иностранную валюту // «КонсультантПлюс» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_435960/3c5519052a51a08903f940ceec450bf9bdff39ef/ (Дата обращения: 10.06.2024).

THE INTERNATIONAL LEGAL FRAMEWORK FOR CONDUCTING INTERNATIONAL SETTLEMENT TRANSACTIONS UNDER THE CONDITIONS OF SANCTIONS PRESSURE

Danilova D.P.
Financial University under the Government of the Russian Federation

This article examines the specifics of the organization and functioning of international payment transactions under the conditions of sanctions pressure. The aggravation of the geopolitical situation in recent years has led to increased economic sanctions, which has significantly complicated the process of making international payments and settlements. The main purpose of the study is to analyze the adaptation strategies of financial institutions and enterprises, as well as to identify mechanisms to ensure the stability and stability of cross-border financial flows under the restrictive impact of sanctions. The results obtained demonstrate that successful adaptation to sanctions pressure requires significant changes in risk management strategies and the introduction of innovative technological solutions. In conclusion, the article offers practical recommendations for improving the stability of international settlement systems under sanctions restrictions, as well as directions for further research in this area.

Keywords: international payment transactions, economic sanctions, the economy of the Russian Federation, adaptation strategies, financial institutions, alternative payment systems, digital financial assets, risk management.

References

1. Karlova N., Morozov A., Puzanova E. Import restrictions restrain exports: results of a survey of enterprises: analytical note, 2023. – Access mode: https://cbr.ru/Content/Document/File/144420/analytic_note_20230130_dip.pdf (Date of access: 06/10/2024)
2. On Currency Regulation and Currency Control: Federal Law No. 173-FZ of 10.12.2003 – Access from the reference.- the legal system "ConsultantPlus". – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45458/9575e236ea35c7a2b1f8ce118c0ce12ea9f7cc98 / (Date of access: 06/10/2024)
3. On amendments to the Instruction of the Bank of Russia dated August 16, 2017 No. 181-I: The instruction of the Bank of Russia dated 09.01.2024 N 6663-U – Access from the help.- the legal system "ConsultantPlus". – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_473105 / (Date of access: 06/10/2024)
4. On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Feder. the law of 03/11/2024 N 45-FZ – Access from the help.- the legal system "ConsultantPlus". – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_471814 / (Date of access: 06/10/2024)
5. On the temporary procedure for fulfilling obligations under bank account (deposit) agreements denominated in foreign currency and obligations under bonds issued by foreign organizations: Decree of the President of the Russian Federation No. 529 dated August 8, 2022 / [Electronic resource] – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48228 (Date of access: 06/10/2024)
6. On measures to implement the Decree of the President of the Russian Federation dated October 11, 2023 No. 771: Decree of the Government of the Russian Federation dated 10/12/2023 No. 1681 (ed. dated 04/26/2024) – Access from the reference.- the legal system "ConsultantPlus". – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_460055 / (Date of access: 06/10/2024)
7. On measures to implement the Decree of the President of the Russian Federation dated May 3, 2022 No. 252: Decree of the Government of the Russian Federation dated 05/11/2022 No. 851 (as amended on 11/05/2022) – Access from the reference.- the legal system "ConsultantPlus". – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_416610 / (Date of access: 06/10/2024)
8. On the application of special economic measures in connection with the unfriendly actions of the United States of America and foreign States and International organizations that have joined them: Decree of the President of the Russian Federation dated 02/28/2022 No. 79 (ed. dated 06/29/2022, with amendments. from 05/20/2024) – Access from the help.- the legal system "ConsultantPlus". – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_410417 / (Date of access: 06/10/2024)
9. On countering the legalization (laundering) of proceeds from crime and the financing of terrorism: Feder. the law of 07.08.2001 N 115-FZ – Access from the help.- the legal system "ConsultantPlus". – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32834 /?ysclid=luzrlv71pd515197391 (Date of access d: 06/10/2024)
10. On repatriation of foreign currency and currency of the Russian Federation by residents participating in foreign economic activity: Decree of the President of the Russian Federation dated 07/05/2022 No. 430 (ed. dated 12/18/2023) – Access from the reference.- the legal system "ConsultantPlus". – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421212 / (Date of access: 06/10/2024)
11. On approval of the Rules for cash settlements between residents and non-residents: Decree of the Government of the Russian Federation dated 12/26/2022 No. 2433 (ed. dated 06/24/2023) – Access from the reference.- the legal system "ConsultantPlus". – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_435659 /?ysclid=luu0mtcsbm237388848 (Date of access: 06/10/2024)
12. Russian exporters included in the list approved by Decree of the President of the Russian Federation No. 771 dated 11.10.2023 are required to deposit and sell foreign currency to accounts in authorized banks // ConsultantPlus URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_435960/3c5519052a51a08903f940ceec450bf9bdff39ef / (Date of access: 06/10/2024).

Международно-правовой статус многосторонних институтов развития Латинской Америки и Карибского бассейна

Евсеев Алексей Павлович,
аспирант кафедры международного права Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития России
E-mail: evseev.alexey@yandex.ru

Статья посвящена правовому статусу многосторонних институтов развития Латинской Америки и Карибского бассейна. В современных условиях международной нестабильности важную роль в развитии регионов играют международные институты развития, которые в соответствии со своей деятельностью способствуют экономическому развитию государств, путем финансирования особо важных проектов. Деятельность таких институтов развития направлена на предоставление государствам расширенного доступа к финансированию; на развитие финансовой либерализации; на расширение возможностей по предоставлению займов и стимулированию их использования; на взаимодействие и предоставление финансовой поддержки развивающимся странам. В связи с этим в статье автором проводится анализ правосубъектности институтов развития, их полномочий и компетенции, положения о внутренней организационной структуре.

Ключевые слова: многосторонние банки развития; МаБР, ЦАБЭИ, КБР, БРЛА

На современном этапе существует значительное количество многосторонних институтов развития, называемых многосторонними банками развития (далее – МБР), различающихся по целям деятельности, участникам, источникам финансирования, используемым финансовым инструментам и т.д. Несмотря на отсутствие единого определения о том, что представляют собой МБР, можно выделить некоторые характерные черты данных институтов развития. Во-первых, МБР должны обладать независимым правовым статусом в соответствии с нормами их учредительных договоров, соответственно на МБР не распространяются нормы национальных нормативно-правовых актов. Во-вторых, МБР обладают мандатом именно в публично-правовой сфере, т.е. они создаются для достижения определенных целей в области экономического развития суверенных государств, а не для максимизации прибыли, что характерно коммерческим банкам. В-третьих, для реализации целей развития, МБР создаются двумя или более государствами. В-четвертых, МБР являются самостоятельными и самодостаточными финансовыми организациями, которые осуществляют свою финансовую деятельность путем привлечения заемных средств на международных финансовых рынках, выпуская облигации и иные ценные бумаги, которые приобретают институциональные инвесторы (такие как пенсионные фонды, коммерческие банки, страховые компании и частные корпорации) и государства. Полученные средства используются для средне- и долгосрочного финансирования государств-заемщиков [1].

Стоит отметить, что все существующие МБР можно классифицировать следующим образом. Существуют глобальные, региональные и субрегиональные МБР. Глобальные МБР предоставляют кредиты государствам по всему миру, региональные МБР (далее – РМБР) предоставляют финансовые средства государствам конкретного региона, деятельность субрегиональных МБР (далее – СРМБР) направлены на конкретные субрегионы. Однако данная классификация не является абсолютно точной, поскольку существуют РМБР, которые осуществляют финансирование проектов в государствах разных регионов мира, например Новый банк развития БРИКС.

Необходимо учитывать, что на современном этапе мандаты и инструменты кредитования МБР значительно видоизменились по сравнению с периодом создания таких организаций. Прежде всего это связано с изменением потребностей государств-заемщиков и государств-доноров

на основе изменений экономических и финансовых рыночных условий. Первоначально Международный банк реконструкции и развития (далее – МБРР) уделял внимание финансированию инфраструктурных проектов, в соответствии с существовавшими в период 1950-х и 1960-х годов теориями экономического роста, согласно которым инфраструктура в государстве имела основополагающее значение для экономического развития. К началу 1960-х годов подходы к экономическому развитию стали меняться и многие государства начали признавать необходимость развития человеческого капитала необходимым условием экономического развития самих государств. Именно такие изменения стали необходимым толчком к созданию первых РМБР, целью которых стала реализация не только инфраструктурных проектов, но и социальных. Кроме того, именно РМБР стали уделять большое внимание развитию интеграционных процессов в своих регионах.

Однако долговой кризис 1980-х годов кардинально изменил облик экономического развития регионов мира. Стало понятно, что суверенные займы частных банков подвергают регион экономическому риску, существенно отличающемуся от рисков, связанных с заимствованиями у МБР. В первую очередь это связано с тем, что частное финансирование, если его не ограничивать, может сделать развивающиеся рынки более волатильными, что еще больше усугубит вероятность экономических рисков. На этом фоне в 1980-х и начале 1990-х годов в большинстве стран региона был проведен процесс структурных реформ. Господствовавшая в то время точка зрения, получившая название Вашингтонского консенсуса, заключалась в том, что развивающимся странам необходимо открыть свою экономику, сократить масштабы государственного вмешательства и проводить разумную макроэкономическую и денежно-кредитную политику. В этом контексте МБР содействовали приватизации государственных предприятий и занимались вопросами сокращения масштабов деятельности государств и их модернизации.

Чтобы помочь странам, сталкивающимся с дисбалансом задолженности и платежного баланса, МБР разработали новый набор инструментов – так называемых «политические кредиты». Данный инструмент был основан на необходимости проведения политических и институциональных реформ в государстве, которые, как считалось, должны были устранить структурные причины дисбаланса платежного баланса в обмен на предоставление финансовых средств. Такие кредиты обеспечивали дополнительное быстрое финансирование государствам с крупной задолженностью, нуждающимся в новых средствах. Стимулирование структурных реформ посредством выдвижения политических условий требовало тесной координации между основными международными финансовыми институтами, чтобы гарантировать их реализацию.

Однако к середине 1990-х годов стало понятно, что результаты реформ Вашингтонского консенсуса не оправдали ожиданий, в связи с чем, некоторые реформы были отменены. Вслед за этим во второй половине 1990-х годов и в начале 21 века МБР приняли более полный и комплексный подход к экономическому развитию государств. услуг, а не на сокращение размеров государственного сектора. Отступая от Вашингтонского консенсуса, МБР пересмотрели условия предоставления займов. Страны-заемщики по-прежнему использовали «политические кредиты» в качестве механизма бюджетной поддержки, но условия, включенные в такие кредиты, изменились. Предоставление такого рода займов стало основываться на диалоге межу МБР и государством-заемщиком, нежели чем на навязывании со стороны МБР. Кроме того, в деятельности МБР также произошли следующие изменения: были усилены меры по борьбе с бедностью, пересмотрена обусловленность «политических кредитов». В связи с ростом экологических проблем, МБР стали разрабатывать внутренние механизмы для их решения, а также расширили свое взаимодействие с гражданским обществом для защиты прав человека.

Наконец, Новая Повестка дня в области развития потребовала изменения мандатов МБР на расширение сотрудничества для достижения Целей устойчивого развития (ЦУР). В результате в настоящее время МБР уделяют особое внимание устойчивому развитию государств, социальным и экологическим правам человека, проблемам изменения климата и гендерному равенству. Таким образом, в настоящее время основные стратегические приоритеты и значительная доля операций МБР связаны с реализацией ЦУР.

В целом, сложность многостороннего финансирования развития и растущие потребности Глобального Юга в 1960-х годах привели к субрегиональной экспансии МБР. В период с 1960 по 2006 год появились 15 относительно небольших банков, пытающихся удовлетворить потребности в капитале, недостигнутые деятельностью МБРР и региональных банков развития, а также содействующие субрегиональной интеграции [2]. СРМБР обслуживают регионы внутри регионов, такие как Латинская Америка и Карибский бассейн

Стоит отметить, что на современном этапе довольно большое количество МБР предоставляют финансовые средства государствам Латинской Америки и Карибского бассейна (далее – ЛАК) [3]. Первый глобальный МБР, Всемирный банк (далее – ВБ), был создан для финансирования послевоенного восстановления Европы и Японии. Однако, как только План Маршалла был реализован, организация сосредоточилась на оказании помощи более бедным странам. Первый заем для ЛАК был предоставлен Чили в 1953 году. В 1959 году в условиях холодной войны был создан Межамериканский банк развития (далее – МаБР), который на региональном уровне фактически дублировал основные цели ВБ. В 1960 году в регионе были также созданы СРМБР – такие как: Центральноамериканский банк экономической интеграции (ЦАБЭИ),

а в 1970 году – Андская корпорация развития (АКР, ныне переименованная в Банк развития Латинской Америки – далее БРЛА), а также Карибский банк развития (КБР).

Создание Межамериканского банка развития (МаБР) было связано с необходимость развития региона Латинской Америки, что было отмечено во время первых попыток создания межамериканской системы в 1889–1890 годах [3]. Официальное создание МаБР состоялось 8 апреля 1959 года, когда Организация американских государств представила проект статей Соглашения, учреждающих Межамериканский банк развития [4]. МаБР является ведущим институтом развития в регионе и в отличие от других организаций развития, МаБР традиционно ориентирован на финансирование проектов в социальной сфере, а не на крупные инфраструктурные проекты. Поддержка социального кредитования привела к значительным трудностям для МаБР в начальные годы его функционирования, поскольку такие области, как водоснабжение, здравоохранение и образование, требовали значительных институциональных реформ со стороны заемщиков и, чаще всего, изменений в законодательстве [3]. В результате кредитные соглашения МаБР были довольно развернутыми, включая «множество условий, предшествующих выплате».

В рамках МаБР, в состав которого входят 48 государств-членов, 26 региональных и 22 нерегиональных, также, как и у ВБ существуют два директивных органа – Совет управляющих и Совет исполнительных директоров. Каждое государство-член назначает в Совет управляющих одного управляющего и его заместителя, количество голосов которых пропорционально количеству денежных средств, внесенных в капитал организации. В Совете управляющих МаБР созданы пять постоянных комитетов, которые рассматривают и обсуждают всю операционную деятельность Банка. Как и в Всемирном банке, руководящие должности обычно занимают министры финансов, председатели центральных банков или другие высокопоставленные чиновники того же уровня. В конечном счете они несут ответственность за управление и контроль над деятельностью Банка, хотя на практике многие из этих функций делегируются Совету исполнительных директоров. Данный совет состоит из 14 исполнительных директоров и 14 альтернативных директоров (заместителей исполнительных директоров), представляющих 48 стран-членов, среди которых 9 представляют региональные страны-члены, а остальные 5 – нерегиональные страны-члены. Исполнительные директора от США и Канады представляют свои страны, в то время как все остальные директора представляют группы стран. Совет исполнительных директоров, как правило, собирается один раз в неделю для утверждения повседневных операций Банка, таких как одобрение ссуд и гарантий, обсуждения страновых стратегий развития, бюджет структур Банка и т.д. Примечательно, что устав МаБР гарантирует странам-заемщикам большее количество голосов, нежели чем странам-донорам. Президент МаБР является законным представителем и генеральным менеджером организации. Избранный Советом управляющих, он председательствует на заседаниях Совета директоров, но, тем не менее, не имеет права голоса, за исключением случаев, когда голоса по какому-либо вопросу равны.

В рамках МаБР каждое государство-член обладает базовыми голосами в количестве 135, а также получает по одному голосу за каждую принадлежащую ему акцию. На текущий момент распределение подписки на капитал Банка выглядит следующим образом: страны Латинской Америки и Карибского бассейна владеют 50% голосующих акций; США – 30%; Япония – 5%; Канада – 4%; а другие государства-члены, не являющиеся заемщиками, – 11%. Следовательно, половина акций (50%) отводится региональным государствам-членам, которые являются заемщиками, а оставшиеся 50% распределяются между незаимствующими региональными членами (США и Канада – 34%) и нерегиональными государствами-членами – 15,98%.

Создание МаБР дало толчок к формированию иных институтов развития в регионе [5].

Стоит отметить, что СРМБР ЛАК являются институтами развития, созданными развивающимися государствами, которые могут предоставлять более выгодную специализированную финансовую помощь, чем частные банки, и инвестировать в государства, которые, по мнению МБРР и МаБР, являются рискованными [6]. То есть международная правосубъектность СРМБР от других МБР отличается, поскольку они выполняют те задачи, которые не могут осуществлять региональные и глобальные банки, в этом и заключается их особенность. Интересным аспектом является то, что государства инвестируют небольшие суммы в СРМБР, которые особо важны для относительно бедных стран, способных объединить свои финансовые ресурсы [7].

Несмотря на положительные особенности СРБР, у них существует множество препятствий для эффективной работы. Например, низкая база капитала по сравнению с более крупными многосторонними банками. При этом в субрегиональных банках ЛАК отсутствуют надежные механизмы подотчетности и прозрачности как в региональных банках и в МБРР. Например, Центральноамериканский банк экономической интеграции представляет средний уровень подотчетности через План институциональной ответственности, Управление по соблюдению требований и Экологическую и социальную политику. Более того, только КБР поддерживают операционную прозрачность, поскольку в нем функционирует Центр информационных услуг и раскрытия информации [8].

Важно также отметить, что в субрегиональных институтах развития ЛАК отсутствует деление на стран-получателей помощи и стран-доноров, то есть все члены пользуются займами [9]. Кроме того, в современной действительности увеличивается перечень предоставляемых займов в области изменения климата, обеспечения финансовой ста-

бильности, поддержки системы здравоохранения, предотвращения социальной фрагментации, борьбы с протекционизмом в торговле.

Например, Генеральный договор об экономической интеграции Центральной Америки, подписанный 13 декабря 1960 года Сальвадором, Гондурасом, Гватемалой и Никарагуа, направлен на установление общего рынка и зоны свободной торговли Центральной Америки для стимулирования субрегиональной интеграции и совместного развития [10]. Договор учредил Центральноамериканский банк экономической интеграции в качестве международного многостороннего финансового института развития, который начал свою деятельность как первый СРМБР ЛАК 31 мая 1961 года. Коста-Рика присоединилась в сентябре 1963 года в качестве пятого члена-основателя.

ЦАБЭИ направляет свои ресурсы в проекты, ориентированные на снижение неравенства и бедности, укрепление региональной интеграции и повышение конкурентоспособности государств-членов на мировой экономической арене, с особым акцентом на экологическую устойчивость.

Мандат Центральноамериканского банка экономической интеграции ориентирована на укрепление позиций банка в качестве стратегического партнера в финансовых вопросах своих учредительских и нерегиональных государств с учетом интересов всех членов региона. Таким образом, ЦАБЭИ целенаправленно способствует экономическому и социальному развитию, а также экономической интеграции Центральноамериканского региона.В Соглашении об учреждении КБР установлено, что цель КБР как института развития – содействовать в экономическом росте и сотрудничества стран Карибского бассейна, уделяя внимание потребностям менее развитых стран региона [11].

КБР согласно ст. 1 Соглашения об учреждении КБР выполняет роль, финансового подразделения субрегиональной организации в субрегионе Карибского бассейна [12].

КБР осуществляет сотрудничество с национальными, региональными или международными организациями или иными заинтересованными организациями в развитии Карибского региона. Карибский банк развития заключает Стратегии развития в конкретных областях развития, в которых более детализировано прописывает свои полномочия и функции, исходя из состояния такой области, её потребностей и для повышения уровня развития (например, Политика и стратегия развития частного сектора от 23 ноября 2021; Политика и стратегия аграрного сектора на 2020–2025 годы от 22 июля 2021 года; Процедуры закупок для проектов, финансируемых КБР от 01 января 2021 года; Стратегия устойчивости к изменению климата на 2019–2024 гг. от 23 ноября 2021 года [13]).

Банк развития Латинской Америки, согласно Учредительному соглашению, способствует устойчивому развитию и региональной интеграции в государственном и частном секторах стран-акционеров посредством кредитных операций, безвозмездных услуг и поддержки в техническом и финансовом структурировании проектов.

В соответствии со ст. 4 Соглашения об учреждении функции БРЛА заключаются в проведении исследований, направленных на выявление инвестиционных возможностей; предоставлении технической и финансовой помощи для осуществления многонациональных или взаимодополняющих проектов; получении внешних или внутренних кредитов; выпуске облигаций, долговых обязательства и других; увеличение капитальных и технологических вкладов в наиболее благоприятных условиях; предоставлении займов, облигации и других гарантий; в поощрении создания, расширения, модернизация БРЛА [14].

БРЛА имеет право передавать приобретаемые ею акции, права и обязанности, предлагая их в первую очередь всем государственным или частным организациям государствам-акционерам; координировать свои действия с действиями других национальных и международных организаций по развитию государств-акционеров;

Также БРЛА приобретает и распоряжается личным и недвижимым имуществом, осуществляет административные и судебные действия, выполняет операции по контрактам и соглашениям.

В целом мандат БРЛА по финансированию проектов во всех государствах-акционерах уникален – его проектное финансирование не ограничивается определенными членами, а его географический центр деятельности включает государства в Латинской Америке и кредиты банкам в Испании и Португалии.

Необходимо отметить, что деятельность рассмотренных институтов развития ЛАК призвана способствовать развитию национальных экономик развивающихся государств посредством долгосрочного кредитования на льготных условиях, предоставления грантов, консультационных услуг, оказания технического содействия. Для банков развития свойственна преимущественная ориентация на государственные структуры для осуществления крупномасштабных долгосрочных инфраструктурных проектов. Однако следует отметить, что, акцентируя внимание на решении социально-экономических проблем, банки развития региона нередко подходят к осуществлению своей деятельности, в частности в вопросах предоставления займов определенной группе стран, с учетом политического фактора. Учитывается, прежде всего, политическая ориентация и «демократичность» режима государства – реципиента.

В целом, учреждение банков развития в ЛАК объясняется необходимостью реализации конкретных целей и задач, которые ставят перед собой страны-участницы данных международных организаций.

Кроме того, рассмотренные институты развития ЛАК представляют собой «гибридные» финансовые институты. С одной стороны, функционируя как коммерческие банковские структуры, они оценивают финансовую устойчивость и эф-

фективность осуществляемых проектов. Их промежуточное положение между коммерческими банками и агентствами по развитию (development aid agencies) подтверждается стремлением соблюсти определенный баланс между прибыльностью и социально-экономическим эффектом от инвестиций. Для институтов развития ЛАК важным является достижение определенных социально-экономических показателей в регионе, например, снижение уровня бедности, повышение образовательного уровня населения. Для них главным не является максимизация прибыли, хотя банки постоянно рассчитывают уровень рентабельности осуществляемых ими финансовых операций и одновременно фиксируют социально-экономический эффект от инвестиций. Основными инструментами предоставления такой помощи являются кредиты, техническая помощь, гранты, гарантии и инвестиции в акционерный капитал. Эти инструменты финансируются за счет обычных капитальных ресурсов, специальных фондов, трастовых фондов.

Таким образом, цель деятельности субрегиональных банков развития ЛАК, заключается в удовлетворения увеличивающихся потребностей международного сообщества и перераспределения экономического влияния в мире посредством реализации и финансирования проектной деятельности, которая направлена на обеспечение безопасности, борьбу с бедностью и экологическому благополучию.

В заключении необходимо отметить, что, во-первых, цель деятельности институтов развития ЛАК заключается в удовлетворения увеличивающихся потребностей региона посредством реализации и финансирования проектной деятельности, которая направлена на обеспечение безопасности, борьбу с бедностью и экологическому благополучию.

Во-вторых, за все время существования институтов развития произошло расширение их предметной компетенции – от решения сугубо финансовых проблем к необходимости разрешения социальных и экологических проблем, возникающих при деятельности самих организаций.

В-третьих, МБР могут оказывать влияние на некоторые элементы внутренних дел государств-участников, в том числе принимать участие в законодательном и правотворческом процессе посредством установления требований, которым должны соответствовать члены Банка, для получения кредитов и финансирования.

В-четвертых, международно-правовые основы функционирования банков развития прописаны в их учредительных документах в форме Статута, Устава или Соглашения об учреждении. Рассмотренные институты развития обладают международной правосубъектностью, то есть имеют право заключать договоры, приобретать имущество, предоставлять услуги и финансировать проектную деятельность на территории государств-участников. Кроме того, они также принимают Стратегии развития по видам направления деятельности.

Литература

1. Delikanli, I. U., Dimitrov, T. & Agolli, R., (2018), “Multilateral Development Banks: Governance and Finance”, Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan
2. Wihtol R. 2014. Whither Multilateral Development Finance? // URL: http://www.adbi.org/working-paper/2014/07/21/6359.whither.multilateral.dev.finance/ (date of access: 05/25/2024)
3. Artecona, R., Bisogno, M. & Fleiss, P., (2019), “Financing Development in Latin America and the Caribbean: The Role and Perspective of Multilateral Development Banks
4. AH Weiss, ‘The Inter-American Development Bank’ (1972) Journal of International Law of Economics 232, 233. (date of access: 05/25/2024)
5. IDB, “History of the Inter-American Development Bank” См. https://www.iadb.org/en/about- us/history-of-the-inter-american-development-bank%2C5999.html (date of access: 05/25/2024)
6. R Culpeper, ‘Regional Development Banks: Exploiting their Specificity’ (1994) 15(3) Third World Quarterly 460
7. World Economic and Social Survey 2005: Financing for Development // New York: United Nations. 2005. p.125.
8. Humphrey C. He who pays the piper calls the tune: Credit rating agencies and multilateral development banks // The Review of International Organizations, Springer. 2017. Vol. 12. P. 281–306.
9. Zappile T. Sub-Regional Development Banks: Development as Usual? // In Global Economic Governance and the Development Practices of the Multilateral Development Banks. 2016. P. 187–211.
10. Humphrey C. Altruists or Bankers? A Comparative Study of How Multilateral Development Banks React to Changing External Circumstances // Emerging Research in Political Economy and Public Policy, London School of Economics. 2009. P. 23.
11. General Treaty for Central American Economic Integration (1960) // URL: http://www.sice.oas.org/trade/camertoc.asp (date of access: 05/25/2024)
12. Agreement Establishing the Caribbean Development Bank // URL: https://www.caribank.org/sites/default/files/content/Agreement-establishing-CDB.pdf (date of access: 05/25/2024)
13. Agreement establishing Caribbean development bank // URL: https://www.caribank.org/publications-and-resources/resource-library/document/agreement-establishing-caribbean-development-bank (date of access: 05/25/2024)
14. Policy and strategy of CDB // URL: https://www.caribank.org/about-us/policies-and-strategies (date of access: 05/25/2024)
15. Agreement establishing Latin America development bank // URL: https://www.caf.com/media/3175/convenio-constitutivo-ingles-mar2020.pdf (date of access: 05/25/2024)

THE INTERNATIONAL LEGAL STATUS OF THE MULTILATERAL DEVELOPMENT INSTITUTIONS OF LATIN AMERICA AND THE CARIBBEAN

Evseev A.P.
All-Russian Academy of Foreign Trade of the Ministry of Economic Development of Russia

The article is devoted to the legal status of multilateral development institutions in Latin America and the Caribbean. In modern conditions of international instability, international development institutions play an important role in the development of regions, which, in accordance with their activities, contribute to the economic development of states by financing particularly important projects. The activities of such development institutions are aimed at providing States with expanded access to finance; at promoting financial liberalization; to expand the possibilities of providing loans and stimulating their use; to cooperate and provide financial support to developing countries. In this regard, the author analyzes the legal personality of development institutions, their powers and competencies, and the provisions on the internal organizational structure.

Keywords: multilateral development banks; IaDB, CBEI, CBD, BRLA

References

1. Delikanli, I. U., Dimitrov, T. & Agolli, R., (2018), "Multilateral Development Banks: Governance and Finance", Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan
2. Wihtol R. 2014. Whither Multilateral Development Finance? // URL: http://www.adbi.org/working-paper/2014/07/21/6359.whither.multilateral.dev.finance/ (date of access: 05/25/2024)
3. Artecona, R., Bisogno, M. & Fleiss, P., (2019), "Financing Development in Latin America and the Caribbean: The Role and Perspective of Multilateral Development Banks
4. AH Weiss, 'The Inter-American Development Bank' (1972) Journal of International Law of Economics 232, 233. (date of access: 05/25/2024)
5. IDB, "History of the Inter-American Development Bank" См. https://www.iadb.org/en/about- us/history-of-the-inter-american-development-bank%2C5999.html (date of access: 05/25/2024)
6. R Culpeper, 'Regional Development Banks: Exploiting their Specificity' (1994) 15(3) Third World Quarterly 460
7. World Economic and Social Survey 2005: Financing for Development // New York: United Nations. 2005. p.125.
8. Humphrey C. He who pays the piper calls the tune: Credit rating agencies and multilateral development banks // The Review of International Organizations, Springer. 2017. Vol. 12. P. 281–306.
9. Zappile T. Sub-Regional Development Banks: Development as Usual? // In Global Economic Governance and the Development Practices of the Multilateral Development Banks. 2016. P. 187–211.
10. Humphrey C. Altruists or Bankers? A Comparative Study of How Multilateral Development Banks React to Changing External Circumstances // Emerging Research in Political Economy and Public Policy, London School of Economics. 2009. P. 23.
11. General Treaty for Central American Economic Integration (1960) // URL: http://www.sice.oas.org/trade/camertoc.asp (date of access: 05/25/2024)
12. Agreement Establishing the Caribbean Development Bank // URL: https://www.caribank.org/sites/default/files/content/Agreement-establishing-CDB.pdf (date of access: 05/25/2024)
13. Agreement establishing Caribbean development bank // URL: https://www.caribank.org/publications-and-resources/resource-library/document/agreement-establishing-caribbean-development-bank (date of access: 05/25/2024)
14. Policy and strategy of CDB // URL: https://www.caribank.org/about-us/policies-and-strategies (date of access: 05/25/2024)
15. Agreement establishing Latin America development bank // URL: https://www.caf.com/media/3175/convenio-constitutivo-ingles-mar2020.pdf (date of access: 05/25/2024)

Сравнительно-правовой анализ регулирования применения технологий ИИ в странах БРИКС и ЕС

Багирян Анна Гариковна,
студентка кафедры гражданского права и процесса, Северо-Кавказский Федеральный университет
E-mail: aniuta.bagiryan@yandex.ru

Заиченко Екатерина Александровна,
студентка кафедры теории государства и права, Северо-Кавказский Федеральный университет
E-mail: katren16zach@mail.ru

Каграманян Арутюн Артурович,
студент кафедры теории государства и права, Северо-Кавказский Федеральный университет
E-mail: ipadarte@bk.ru

Туко Адам Русланович,
студент кафедры теории государства и права, Северо-Кавказский Федеральный университет
E-mail: adamec.tuko@gmail.com

Искусственный интеллект представляет собой цифровую автономную систему, обладающую способностью решать интеллектуальные задачи и достигать при этом результатов, недоступных человеку на уровне его когнитивных способностей. Цель данного исследования – провести сравнительный анализ нормативных правовых актов и действий, предпринятых в области регулирования ИИ странами БРИКС и Европейским союзом, а также влияния ИИ на правовые системы данных стран.
В статье исследуется вопрос правового регулирования искусственного интеллекта, а также его применения в судебной практике. Освещаются последние инициативы и законодательные акты, регулирующие ИИ в этих регионах, с акцентом на защиту данных, автономию и ответственность. Статья также затрагивает этические аспекты использования ИИ в правовой сфере, включая вопросы прозрачности и недискриминации.
В заключение, статья предлагает рекомендации по гармонизации правовых норм в области ИИ, что может способствовать сотрудничеству и инновациям между странами БРИКС и ЕС. Эта работа представляет интерес для исследователей юридических наук, политологов и экспертов в области ИИ и всех, кто занимается вопросами правового регулирования технологий.

Ключевые слова: искусственный интеллект, правовое регулирование, БРИКС, Европейский союз, международная безопасность, уголовное судопроизводство.

Введение

Искусственный интеллект – система технологических решений, выполняющая функции и задачи, которые ранее могли быть реализованы людьми. В XXI веке происходит стремительное развитие цифровых технологий не только среди общества, но и в правовых системах различных государств. В данной статье мы разберем основные аспекты влияния искусственного интеллекта в странах БРИКС и Европейского Союза, а также некоторые проблемы его использования и пути их решения.

Основная часть

По мнению многих экспертов, страны БРИКС являются самыми быстрорастущими и развивающимися рынками в мире.

Для того, чтобы страны БРИКС могли продолжать интенсивное развитие и укреплять свои позиции в качестве лидеров на мировой арене, они должны активно стимулировать и поддерживать инновационные процессы в пределах своих территорий. Это особенно значимо в контексте текущего перехода мирового сообщества к глобальной цифровизации, что делает инновационное развитие ключевым фактором в достижении и поддержании конкурентоспособности на международном уровне.

В рамках стратегического плана по цифровому развитию, страны БРИКС последовательно осуществляли законодательные инициативы, закрепляющие ключевые элементы цифровизации. Это отражает признание тем фактом, что инновации являются основой для прогресса в современном мире. Указанные законодательные акты задают основные векторы развития в области инноваций и формирования цифровой экономики.

В 2015 году странами БРИКС был принят Меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в области науки, технологий и инноваций между правительствами Федеративной Республики Бразилия, Российской Федерации, Республики Индия, Китайской Народной Республики и Южно-Африканской Республики. [5]

Данный Меморандум содержит в себе основные понятия ИИ, принципы, цели и задачи, а также план сотрудничества стран-участниц БРИКС.

Цели:

– Разработка плана инновационного сотрудничества между странами БРИКС – является ключевым элементом для укрепления их взаимодействия;

– Решение проблем с помощью цифровых технологий и инноваций как на международном, так и на национальном уровне;
– Коллективное создание новых знаний и инновационных продуктов, услуг и процессов с применением адекватных финансовых и инвестиционных механизмов, способствующих ускорению научно-технического прогресса в странах БРИКС.

В 2019 году БРИКС принял решение о создании совместного альянса стран-участниц для развития технологий на основе ИИ. Его создание позволяет объединить усилия для развития ИИ за счет внедрения единых стандартов членами БРИКС.

Стратегия экономического партнерства БРИКС – еще один важный нормативный акт, который утвержден странами БРИКС в 2020 году. Данный акт устанавливает стратегические ориентиры, которые способствуют усилению экономического развития и повышению уровня конкурентоспособности национальных экономик стран БРИКС на глобальном уровне. Цифровая инновационная экономика выступает как одно из ключевых направлений их сотрудничества, что подчеркивает стремление к интеграции современных технологий в экономическую сферу. Согласно стратегическим положениям, страны БРИКС обязаны инициировать формирование рабочей группы, которая будет заниматься вопросами сотрудничества в области информационных и коммуникационных технологий. Эта группа будет анализировать возможные пути и мероприятия по развитию и углублению сотрудничества в области информационно-коммуникационных технологий, а также по укреплению систематического сотрудничества на министерском и других официальных уровнях. Кроме того, предполагается, что страны БРИКС также будут разрабатывать образовательные программы, способствующие развитию человеческих ресурсов в области информационно-коммуникационных технологий.

Это также включает в себя обмен знаниями и опытом в сфере политики и программ, связанных с информационным обществом, что должно способствовать равномерному распределению преимуществ, получаемых от новейших технологий и услуг. [1]

Характерной особенностью исследуемых стран является то, что первые меры на государственном уровне были предприняты сравнительно недавно, когда были созданы первые отчеты в области искусственного интеллекта и привлечены специальные фонды для исследований, образования и подготовки кадров. Прошло совсем немного времени, поэтому общей чертой всех стран БРИКС является то, что ни в одной из них нет правовых норм, регулирующих область искусственного интеллекта.

В настоящее время повышенный интерес государств к аспектам, связанным с искусственным интеллектом, усиливается за счет достижений, демонстрируемых другими национальными и международными субъектами. В докладах национальных агентств отмечается, что в процессе разработки законодательных инициатив и организации соответствующих мероприятий будет осуществляться ориентация на, среди прочего, принципы, предложенные Организацией экономического сотрудничества и развития, в сфере искусственного интеллекта. [2]

Таким образом, проанализировав вышесказанное, можно отметить, что странам БРИКС необходимо направить силы для разработки более нового правового регулирования искусственного интеллекта, так как он развивается каждый день, а также разработке единого пути развития в сфере правового регулирования ИИ. В дополнение к этому, актуальным является разработка согласованной правовой основы, регламентирующей деятельность в данной области.

Предлагается также, чтобы БРИКС определили компетентные органы, организации и ассоциации для участия в создаваемой рабочей группе. Эта группа будет заниматься разработкой общих рекомендаций по созданию и применению технологической платформы, основанной на искусственном интеллекте, в государствах-членах БРИКС. При этом особое внимание следует уделить учету мнений не только регуляторов, но и представителей бизнеса и конечных пользователей.

Развернутые дискуссии, вызванные искусственным интеллектом в отношении принципов и ценностей, которые должны лежать в основе его разработки и применения, подчеркивают неотложность формирования адекватных этических принципов. Эти принципы предстоит воплотить в систему правового регулирования, регламентирующую деятельность субъектов, основанных на искусственном интеллекте.

В марте 2018 года Европейская комиссия по этике в науке и новых технологиях (EGE) представила комплекс принципов, которые опираются на основополагающие ценности, закрепленные в основных договорах Европейского Союза и Хартии основных прав. Эти принципы ставят человеческий фактор в эпицентр технологического прогресса. Особое внимание заслуживают три этических принципа, укорененных в фундаментальных правах, соблюдение которых является необходимым условием для гарантирования надежности процессов разработки, имплементации и эксплуатации систем искусственного интеллекта:

1. Уважение к автономии личности должно быть основано на неотъемлемых правах человека на честь, достоинство и свободу. По этой причине, предлагается осуществлять разработку моделей искусственного интеллекта таким образом, чтобы минимизировать риск всевозможных форм ограничения, принуждения или доминации над человеком со стороны искусственного интеллекта. Помимо прочего, важно придерживаться основной цели создания искусственного интеллекта, заключающейся в совершенствовании социальных, когнитивных и культурных возможностей человечества.

2. Принципы справедливости, солидарности и честности при отправлении правосудия предполагают равный доступ к любым средствам правовой защиты, а также пресекают всяческие ограничения в использовании этих средств теми или иными участниками производства по делам. Возможность гарантировать, что отдельные лица или, выделяемые по любым признакам, социальные группы не станут объектами дискриминации или проявления неравенства при отправлении правосудия, является важнейшей задачей законодателя.

3. Принципы открытости и гласности являются неотъемлемой частью процесса по формированию доверительного отношения к системам искусственного интеллекта со стороны мирового сообщества. Он заключается в обеспечении прозрачности деятельности искусственного интеллекта, в познании пользователями его функций, задач и внутреннего устройства, а также в возможности осуществлять общественный контроль, с целью понимания причин, стоящих за теми или иными принятыми ИИ решениями.

Особую роль в правовом регулировании отношений в сфере искусственного интеллекта стало создание в июне 2018 года Группы ведущих экспертов по искусственному интеллекту в составе Европейской комиссии (AI HLEG). Она призвана поддерживать внедрение систем искусственного интеллекта и оказывать содействие при претворении стратегии Евросоюза в области ИИ. Она осуществляет разработку рекомендаций по правовым, общественным и этическим вопросам, связанным с ИИ. Результатом деятельности группы стало издание Руководства по этике для искусственного интеллекта в апреле 2019 года. [4] Положения акта закрепляют три фундаментальных критерия, которым должен соответствовать искусственный интеллект:

а) Законность: Искусственный интеллект функционирует не иначе как в соответствии с действующими нормами, установленными законодательными актами.

б) Этичность. ИИ разрабатывается и используется исключительно с учётом и при соблюдении правил этики в этой сфере.

в) Надёжность. Искусственный интеллект должен быть исправен, а риск технического сбоя должен сводится к минимуму. Также, надежность ИИ должна обеспечиваться и с точки зрения его программных установок во избежание возможного непреднамеренный вреда, ставшего последствием его решения.

Помимо прочего, Руководство по этике для искусственного интеллекта регламентирует перечень основных требований, которым должна соответствовать система искусственного интеллекта для обеспечения её надежности.

– Человеческая автономия и контроль: Через механизмы человеческого контроля не допускается ограничении человеческой автономии системами искусственного интеллекта.
– Конфиденциальность и управление данными: Гарантия конфиденциальности и сохранности информации на жизненном цикле системы искусственного интеллекта. Данное требование включает в себя защиту данных на этапах сбора, обработки и хранения любых форм данных.
– Ответственность: Руководство по этике для искусственного интеллекта указывает на важность разработки системы отчётности за работой искусственного интеллекта, как на этапе разработки ИИ, так и после непосредственного его внедрения в практическую деятельность.

21 апреля 2021 года Европейская комиссия представила Закон об искусственном интеллекте (AIA). Тем не менее, детальный анализ указывает на потребность в доработке предложения в различных аспектах. [3]

Статья 2 Закона об искусственном интеллекте (AIA) определяет субъектов его применения следующим образом:

– Поставщики, которые предлагают системы ИИ на рынке или вводят их в эксплуатацию в пределах Европейского Союза, вне зависимости от места их учреждения, будь то внутри Союза или в третьей стране.
– Пользователи систем ИИ, находящиеся на территории Европейского Союза.
– Поставщики и пользователи систем искусственного интеллекта, находящиеся в третьих странах, в случаях, когда продукция, созданная с помощью этих систем, используется внутри Европейского Союза.

Из этого следует, что AIA не распространяется на частных конечных пользователей, поскольку определение пользователя исключает использование систем ИИ в контексте личной и непрофессиональной деятельности. Следует отметить, что AIA не предусматривает каких-либо прав со стороны субъектов данных или других лиц, затронутых системами ИИ. AIA не признает никаких механизмов обеспечения соблюдения физических лиц, таких как процессуальные права, право оспаривать или добиваться возмещения ущерба или даже механизмы подачи жалоб. [6] Кроме того, коллективное воздействие ИИ на общество в целом не отражается на правах общественности или групп гражданского общества на информацию или участие. Таким образом, несмотря на то, что регламент призван защищать основные права, в нем отсутствуют средства правовой защиты, с помощью которых отдельные лица могли бы добиваться возмещения ущерба за нарушение регламента. В частности, проект не предусматривает какого-либо механизма, облегчающего обращение физических лиц против принятия решений, основанных на ИИ. [7] Сравнение упомянутых выше межгосударственных объединений мы предлагаем сделать на примере одной из систем права – уголовного судопроизводства. Использование технологий ИИ, таких как видеоконференцсвязь, дистанционная электронная подача документов в суд, проверка доказательств, моделирование поведения человека и прочее, при-

водит к повышению эффективности расследования преступления, что в свою очередь становится следствием вынесением справедливого судебного решения.

Основной тенденцией использования цифровых технологий в уголовном судопроизводстве стран БРИКС и Европейского Союза является представление электронных доказательств, помощь в работе следователей, судей и других участников уголовного процесса. Благодаря искусственному интеллекту значительно повысится эффективность деятельности органов государственной власти, объективность и достоверность доказательств, а также сведение субъективных ошибок участников уголовного судопроизводства к минимуму. Как же искусственный интеллект влияет на уголовное судопроизводство в некоторых странах БРИКС и ЕС? В чем сходства и отличия? [8]

С 2016 года в Китае наблюдается активная цифровизация судебной системы. Шанхайский суд начал разработку передовой цифровой системы для обширного анализа и точного соблюдения основных принципов к правам и свободам человека на всех этапах расследования уголовного дела. Это также приводит к автоматизации и снижению нагрузки работников суда в процессе сбора, проверки и анализа доказательств. Внедрение так называемых «умных судов» позволило осуществлять подачу документов, представление доказательств, проведение судебных заседаний, вынесение решений и процедуры по пересмотру судебных актов в онлайн-формате. С 2019 года в Китае реализуется программа, которая обеспечивает всем гражданам упрощенный доступ к судопроизводству независимо от ее стадии. Как показала практика, цифровая система «умные суды» действительно упростили работу как суду, так и гражданам, а также повысили эффективность и своевременность вынесения решения. Однако на этом Китай не планирует останавливаться, а наоборот ставит перед собой цель усовершенствовать судебную систему полностью и повысить ее потенциал. [9, 10]

Несмотря на множество положительных аспектов искусственного интеллекта, многие ученые склоняются к необходимости ограничения влияния цифровых технологий на правовые системы государств, входящих в состав БРИКС и Европейского Союза. К примеру, опасность может заключаться в необоснованности многих решений «судей», что будет сказываться на понимании вердиктов иными участниками судопроизводства. В данном случае, важно четкое правовое регулирование внедрение искусственного интеллекта во все области различных стран. Благодаря стремительному развитию ИИ в современном мире, рассматриваемые межгосударственные сообщества могут прийти к совершенствованию как государства в целом, так и отдельных сфер. Он может иметь влияние не только на уголовное судопроизводство, а также на экономику страны, медицинскую сферу и общественную жизнь. Для регулирования такого значимого института государствам необходимо принять ряд нормативно-правовых актов, которые будут регулировать все возникающие вопросы и проблемы.

Литература

1. Аристов Е. В., Беликова К.М. Конституционно-правовое измерение искусственного интеллекта в странах БРИКС (на примере Индии) // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. – 2022. – Т. 47. – № . 2. – С. 238–250.
2. БРИКС сформирует общую структуру управления ИИ. Сайт ИИ РФ//URL: https://ai.gov.ru/mediacenter/briks-sformiruet-obshchuyu-strukturu-upravleniya-ii-chto-zhdet-stran-uchastnits-/ (дата обращения: 22.06.24)
3. Вейл М., Зейдервин Боргезиус Ф. Демистификация проекта Закона ЕС об искусственном интеллекте – анализ хороших, плохих и неясных элементов предлагаемого подхода // Международное компьютерное правовое обозрение. 2021. Т. 22. № . 4. С. 97–112.
4. Понкин И. В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2018. № 1. С. 91–109.
5. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14 марта 2015 г. N 434-р «О подписании Меморандума о сотрудничестве в сфере науки, технологий и инноваций между Правительством Федеративной Республики Бразилии, Правительством Российской Федерации, Правительством Республики Индии, Правительством Китайской Народной Республики и Правительством Южно-Африканской Республики» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Сурден Х. Искусственный интеллект и право: обзор // Юридический обзор Университета штата Джорджия. 2019. Т. 35. С. 19–22.
7. Харитонова Ю. С., Савина В.С. Технология искусственного интеллекта и право: вызовы современности //Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № . 49. С. 524–549.
8. Цветкова И. Искусственный интеллект в суде, боты-юристы и краудфандинг правовых споров – как начинается LegalTech-революция. // URL: https://rb.ru/opinion/legaltech/ (дата обращения: 30.05.2024).
9. Creemers R., Webster, G., & Triolo, P. Cybersecurity Law of the People's Republic of China. Stanford University, 2019. 712 p.
10. Provisions on the Management of Algorithmic Recommendations in Internet Information Services. China Law Translate, 2023. 100 p.

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF REGULATION OF THE USE OF AL TECHNOLOGIES IN THE BRICS COUNTRIES AND THE EU

Bagiryan A.G., Zaichenko E.A., Kagramanyan H.A., Tuko A.R.
North Caucasus Federal University

Artificial intelligence is a digital autonomous system that has the ability to solve intellectual problems and achieve results that are in-

accessible to humans at the level of their cognitive abilities. The purpose of this study is to conduct a comparative analysis of regulations and actions taken in the field of AI regulation by the BRICS countries and the European Union, as well as the impact of AI on the legal systems of these countries.
The article examines the issue of legal regulation of artificial intelligence, as well as its application in judicial practice. Covers the latest initiatives and legislation governing AI in these regions, with an emphasis on data protection, autonomy and responsibility. The article also touches on the ethical aspects of using AI in the legal sphere, including issues of transparency and non-discrimination.
In conclusion, the article offers recommendations for harmonizing legal norms in the field of AI, which can promote cooperation and innovation between the BRICS countries and the EU. This work will be of interest to legal scholars, political scientists and AI experts, and anyone involved in the legal regulation of technology.

Keywords: artificial intelligence, legal regulation, BRICS, European Union, international security, criminal proceedings.

References

1. Aristov E. V., Belikova K.M. Constitutional and legal measurement of artificial intelligence in the BRICS countries (on the example of India) //NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Right. – 2022. – T. 47. – No. 2. – pp. 238–250.
2. BRICS will form a common AI governance structure. Website of the Russian AI //URL: https://ai.gov.ru/mediacenter/briks-sformiruet-obshchuyu-strukturu-upravleniya-ii-chto-zhdet-stran-uchastnits-/ (accessed: 22.06.24)
3. Weil M., Seiderveen Borgesius F. Demystifying the draft EU Law on Artificial Intelligence – analysis of the good, bad and unclear elements of the proposed approach // International Computer Legal Review. 2021. T. 22. no. 4. pp. 97–112.
4. Ponkin I.V., Redkina A.I. Artificial intelligence from the point of view of law // Bulletin of RUDN University. Series: Legal sciences. 2018. No. 1. pp. 91–109.
5. Order of the Government of the Russian Federation dated March 14, 2015 N 434-r "On the signing of a Memorandum of Cooperation in the field of science, technology and innovation between the Government of the Federative Republic of Brazil, the Government of the Russian Federation, the Government of the Republic of India, the Government of the People's Republic of China and the Government of the South -African Republic" // SPS "ConsultantPlus".
6. Surden H. Artificial intelligence and law: a review // Law Review of the University of Georgia. 2019. T. 35. pp. 19–22.
7. Kharitonova Yu. S., Savina V.S. Artificial intelligence technology and law: challenges of our time // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2020. no. 49. pp. 524–549.
8. Tsvetkova I. Artificial intelligence in court, bot lawyers and crowdfunding of legal disputes – how the LegalTech revolution begins. // URL: https://rb.ru/opinion/legaltech/ (access date: 05/30/2024).
9. Creemers, R., Webster, G., & Triolo, P. Cybersecurity Law of the People's Republic of China. Stanford University, 2019. 712 p.
10. Provisions on the Management of Algorithmic Recommendations in Internet Information Services. China Law Translate, 2023. 100 p.

Правовые основы таможенно-тарифного регулирования Российской Федерации в рамках ЕАЭС

Данилова Дарья Павловна,
Студент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: danilova.dp9371@gmail.com

В статье рассматриваются основные меры таможенно-тарифного регулирования, применяемые Российской Федерацией в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Проведен анализ нормативно-правовых актов, регламентирующих таможенно-тарифную политику России, а также их влияния на взаимную торговлю государств-членов союза. Исследуется спектр применяемых инструментов, включая таможенные пошлины, квоты и тарифные льготы, а также оценивается их воздействие на экономическую интеграцию в ЕАЭС. В работе также обсуждаются вызовы и перспективы совершенствования системы таможенно-тарифного регулирования, направленной на углубление экономического сотрудничества в рамках союза. Представленные данные и результаты анализа могут быть использованы для разработки рекомендаций по оптимизации таможенно-тарифной политики России с целью поддержки устойчивого развития и укрепления экономических связей в ЕАЭС.

Ключевые слова: таможенно-тарифное регулирование, право Всемирной торговой организации, Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ), Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Единый таможенный тариф ЕАЭС, таможенно-тарифная политика, таможенные пошлины, квоты, тарифные льготы, экономическая интеграция, экономическое сотрудничество, экономические связи.

В условиях членства Российской Федерации в Евразийском экономическом союзе (далее – ЕАЭС, Союз) публично-правовое регулирование внешней торговли товарами осуществляется посредством взаимодействия трех правовых систем: международного права, права ЕАЭС и законодательства Российской Федерации (далее – РФ). Каждая из этих систем вносит свой вклад в развитие институциональной основы и нормативного регулирования внешнеторгового оборота.

Одним из ключевых направлений воздействия на внешнеторговый товарооборот является таможенно-тарифное регулирование (далее – ТТР), которое представляет собой систему мер, направленных на регулирование внешнеэкономической деятельности путем установления таможенных пошлин [1]. В рамках научных исследований последних лет термин «таможенно-тарифное регулирование» часто увязывается с более широким понятием «таможенное регулирование». В частности, существует тенденция к использованию этих терминов как синонимов, включению ТТР в состав таможенного регулирования или рассмотрению ТТР как одного из инструментов последнего. Следует отметить, что, несмотря на взаимосвязанность таможенно-тарифного и таможенного регулирования в правоприменении, у каждой из этих категорий есть свои особенности и предмет регулирования.

Таможенно-тарифное регулирование представляет собой важный аспект международного торгового права (далее – МТП), включающего акты, регулирующие применение государствами таможенных пошлин. Одним из ключевых источников МТП является право Всемирной торговой организации (далее – ВТО) [3], точнее, Генеральное соглашение по тарифам и торговле (далее – ГАТТ) [2]. Однако, несмотря на значимость ГАТТ, в данном соглашении не выделено и не раскрыто содержание таможенно-тарифного регулирования, а основной акцент делается на ввозных таможенных пошлинах [3].

Ввозные таможенные пошлины играют главную роль в регулировании доступа товаров на иностранные рынки [19], выступая важным средством экономического воздействия. В то же время вывозные таможенные пошлины также упоминаются в международных обязательствах, например, в условиях присоединения России к ВТО в сфере торговли товарами. Это приводит к вопросу: ограничивается ли ТТР только таможенными пошлинами, и включают ли в себя ТТР, например, антидемпинговые или компенсационные пошлины?

Существуют различные мнения относительно включения антидемпинговых и компенсационных пошлин в рамки ТТР. Некоторые специалисты считают, что данные пошлины занимают особое место в таможенно-тарифном регулировании [19]. Другие же утверждают, что эти меры относятся к восстановительным методам нетарифного регулирования [18]. Такое расхождение мнений подчеркивает необходимость четкого определения границ и содержания ТТР.

Для более точного понимания ТТР необходимо учитывать международную классификацию нетарифных мер, предложенную Статистической комиссией ООН. Данная классификация включает 16 разделов, охватывающих широкий спектр мер, таких как технические барьеры, предотгрузочная инспекция, меры торговой защиты, лицензирование и квотирование [8]. Примечательно, что раздел «P» (Меры, касающиеся экспорта) включает экспортные налоги и сборы, что подтверждает возможность включения вывозных пошлин в регулирование, связанное с экспортом.

В свете вышеуказанного, возможно ограничение ТТР исключительно таможенным тарифом, понимаемым как «свод ставок ввозных таможенных пошлин» [6]. Вывозные таможенные пошлины, в таком случае, не рассматриваются как часть таможенного тарифа. Этот подход подчеркивает фокус международного права на регуляции импорта и подтверждается вспомогательными международно-правовыми институтами, такими как статья VII ГАТТ и соответствующее Соглашение, которые устанавливают единые принципы и подходы к определению таможенной стоимости импортируемых товаров [15].

Таможенно-тарифное регулирование ЕАЭС представляет собой важный элемент внешнеэкономической политики Союза. Правовой основой для реализации ТТР служит Договор о ЕАЭС (далее – Договор) [4], который, несмотря на свое комплексное содержание, не предоставляет чёткого определения ТТР. Анализ положений Договора, включая тематическое приложение № 6 [14], позволяет выявить основные компоненты и понятия, связанные с ТТР.

В соответствии со статьей 25 Договора, ключевыми элементами ТТР являются ввозные таможенные пошлины, Единый таможенный тариф ЕАЭС (ЕТТ ЕАЭС), тарифные преференции и тарифные льготы. Статьи 42–45 Договора конкретизируют меру ТТР, включающую: ставки ввозных таможенных пошлин, тарифные льготы, тарифные квоты и единую систему тарифных преференций Союза. Эти положения подтверждаются также другими правовыми актами, включая Таможенный кодекс ЕАЭС [17] и рекомендации Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), которые перечисляют аналогичные меры ТТР [10].

На основании вышеупомянутых положений и актов можно определить ТТР в ЕАЭС как систему мер, направленных на регулирование ввоза товаров из третьих стран с помощью таможенных пошлин. Существенными элементами ТТР являются установление, изменение или отмена ставок ввозных таможенных пошлин, а также применение тарифных льгот, преференций и квот. ТТР служит инструментом для интеграции Союза в мировую экономику, рационализации внешней торговли и поддержки различных отраслей экономики Союза.

Важным аспектом ТТР является разграничение его с ответными мерами, предусмотренными статьёй 40 Договора. Несмотря на применение повышенных ставок ввозных таможенных пошлин, ответные меры существенно отличаются по своим содержательным признакам. Во-первых, они не связаны с ЕТТ ЕАЭС и направлены на реагирование на неблагоприятные действия третьих государств, а не на осуществление обычного регулирования внешней торговли. Во-вторых, целевая направленность ответных мер заключается в ужесточении торгового режима с конкретной страной или группой стран, а не в достижении целей ТТР, таких как интеграция и поддержка экономики [13]. В-третьих, арсенал инструментария ответных мер не ограничен только таможенными пошлинами, но может включать количественные ограничения и другие меры, оказывающие влияние на внешнюю торговлю.

В условиях членства Российской Федерации в Евразийском экономическом союзе таможенно-тарифное регулирование приобретает особую правовую и административную структуру. Национальное ТТР России, в отличие от предыдущих уровней правового регулирования, содержит конкретное юридическое определение. Согласно п. 24 ч. 1 ст. 2 Закона о регулировании внешнеторговой деятельности, ТТР определяется как метод государственного регулирования внешней торговли всеми товарами, который осуществляется путем применения ввозных и вывозных таможенных пошлин [12].

Основные цели данного процесса заключены в защите внутреннего рынка России и стимулировании прогрессивных структурных изменений в экономике, что уточнено в ст. 19 указанного Закона. Это правовое основание, регулируемое как правом ЕАЭС, так и российским законодательством, является фундаментом для реализации конкретных мер в рамках ТТР.

Компетенция передачи части суверенных полномочий РФ межгосударственным объединениям, в том числе ЕАЭС, зафиксирована в ст. 79 Конституции РФ [7]. Согласно п. 1 ст. 5 Договора о ЕАЭС, Россия, подписав и ратифицировав Договор, передала полномочия по применению ввозных таможенных пошлин на наднациональный уровень. Однако страна сохраняет за собой право на самостоятельное предоставление тарифных преференций в определенных случаях. Например, РФ может в одностороннем порядке предоставлять такие преференции на основании международных договоров, заключенных до 1 января 2015 года, как это было сделано в рамках Договора о зоне свободной торговли СНГ [5], в результате которого приоста-

новление предоставления преференций касалось отдельных групп товаров из Республики Молдова.

Передача полномочий по ввозным таможенным пошлинам на наднациональный уровень не означает утрату возможностей для регуляторного вмешательства. Государства-члены сохраняют право на нормотворческую инициативу, что позволяет гибко подходить к каждому официальному предложению в рамках ТТР. Актуальной иллюстрацией этого является обращение РФ в Евразийскую экономическую комиссию (ЕЭК) и последующее принятие Комиссией решений о введении временной количественной тарифной льготы на беспошлинный ввоз мяса и яиц кур домашних в Россию [9].

Инициатива Российской Федерации по предоставлению тарифных льгот в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) приобретает особое значение в условиях напряженных внешнеэкономических отношений и необходимости быстрого реагирования на возникшие вызовы, при условии минимизации негативного влияния на экономику всех стран-членов ЕАЭС. Тарифные льготы подлежат целевому подтверждению, что означает, что, если товар при ввозе окажет негативное влияние на экономику какой-либо страны союза, соответствующий уполномоченный орган может отказать в предоставлении льгот, и будет применена стандартная таможенная пошлина. Таким образом, использование тарифных льгот будет ограничено лишь для определенных целей и конкретных стран, что направлено на балансировку межгосударственных экономических интересов в рамках ЕАЭС.

Для оперативного решения возникающих экономических и фискальных задач, по инициативе Российской Федерации была создана рабочая группа высокого уровня на платформе Евразийской экономической комиссии (ЕЭК). В состав данной группы вошли представители не только экономических направлений, но и финансовых, фискальных и других соответствующих сфер. Основной целью группы является быстрое реагирование на возникающие экономические вызовы через принятие экстренных мер. Это учреждение действует под руководством министра экономического развития РФ Максима Решетникова и обладает полномочиями принимать вне регламентные решения. Эти решения, хотя и принимаются оперативно, всё равно проходят процесс согласования и проработки.

Следует отметить, что на текущий момент рабочей группой было принято пять пакетов мер. Важным аспектом данных решений является снижение таможенных пошлин, что, по сути, является опосредованным содействием бизнесу. В отличие от прямого субсидирования, которое подразумевает непосредственное финансовое вливание в бизнес, предоставление льготных и защитных пошлин выполняет функцию косвенного субсидирования [16]. Это позволяет поддерживать ключевые направления экономики, способные значительно влиять на социально-экономическую и политическую ситуацию в странах-членах ЕАЭС.

Полномочия РФ по установлению вывозных таможенных пошлин остались полностью в юрисдикции страны и регулируются Законом о таможенном тарифе [11]. Несмотря на формальное противоречие национального ТТР, выраженное в отсутствии единого свода ставок вывозных таможенных пошлин, фактически существует большинство необходимых мер ТТР. Национальное ТТР включает введение (изменение, отмену) ставок вывозных таможенных пошлин, применение тарифных льгот и квот на экспортируемые товары, но исключает тарифные преференции, предусмотренные для ввозных пошлин (п. 1 ст. 36 Закона о таможенном тарифе).

Таким образом, национальное ТТР России в условиях членства в ЕАЭС является инструментом воздействия таможенными пошлинами на вывоз товаров из России в третьи государства и на преференциальный ввоз товаров по ранее заключенным соглашениям о свободной торговле. Основные меры ТТР России охватывают установление (изменение, отмену) ставок вывозных таможенных пошлин, а также применение различных видов тарифных льгот и квот, демонстрируя способность гибкого и адаптивного регулирования внешнеэкономической деятельности страны.

Во-первых, в рамках Евразийского экономического союза таможенно-тарифное регулирование России представляет собой самостоятельное направление правового регулирования, характеризующееся специфическим предметом (таможенные пошлины), конкретными мерами (меры ТТР) и системообразующими правовыми источниками (Договор, Закон о регулировании внешнеторговой деятельности, Закон о таможенном тарифе). Наднациональный (союзный) и национальный (российский) уровни ТТР находятся в горизонтальном соотношении и не подчинены друг другу. Ввозные таможенные пошлины применяются на основе права ЕАЭС, в то время как вывозные таможенные пошлины регулируются национальным законодательством России.

Во-вторых, таможенно-тарифное регулирование в ЕАЭС оказывает воздействие на перемещение товаров через таможенную границу Союза посредством ввозных таможенных пошлин. Это воздействие осуществляется через применение различных мер ТТР, включая установление, изменение или отмену ставок ввозных таможенных пошлин, тарифные льготы, преференции и квоты. В условиях членства России в ЕАЭС, национальное ТТР направлено на регулирование вывоза товаров за пределы Союза и преференциальный ввоз товаров по соглашениям о свободной торговле, заключенным до 1 января 2015 года. Меры ТТР России включают установление, изменение или отмену ставок вывозных таможенных пошлин, тарифных льгот, тарифных квот и частичное предоставление тарифных преференций.

В-третьих, ответные меры, выражающиеся в виде повышенных ставок ввозных таможенных пошлин, не могут быть отнесены к мерам ТТР ЕА-

ЭС и ТТР России. Эти меры применяются избирательно к определённым товарам, происходящим из стран, совершающих противоправные действия, нарушающие экономические интересы России. Они не соответствуют целям ТТР ЕАЭС и ТТР России, поскольку ТТР ограничено применением исключительно таможенно-тарифных мер, таких как таможенные пошлины. Виды ответных мер могут варьироваться и включать, например, количественные ограничения.

Таким образом, анализ мер таможенно-тарифного регулирования России в ЕАЭС показывает их значимость и сложность в условиях многоуровневого правового взаимодействия. Улучшение эффективности данных мер требует постоянного совершенствования нормативно-правовой базы и учета международных тенденций в области торговли.

Литература

1. В.В. Покровская. Таможенно-тарифное регулирование внешнеторговой деятельности / СПб.: Интермедия, 2015. – 136 с.
2. Генеральное соглашение по тарифам и торговле 1994 года (Заключено в г. Марракеше 15.04.1994) // СЗ РФ. 2012. № 37 (приложение, ч. V). С. 2032–2048.
3. Дедусенко А.С. Международное торговое право (понятие, принципы и основные институты): дис. … канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2006. – 225 с.
4. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014, с учетом изм. и доп., вступ. в силу с 03.04.2023). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// www.eaeunion.org (дата обращения: 12.06.2024).
5. Договор о зоне свободной торговли (Подписан в г. Санкт-Петербурге 18.10.2011) // СЗ РФ. 2012. № 40. Ст. 5340.
6. Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза (ЕТТ ЕАЭС) // Альта-софт. URL: https://www.alta.ru/ett/ (дата обращения: 12.06.2024).
7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993): офиц. текст, с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ // Российская газета. 1993. № 237
8. Международная классификация нетарифных мер. Изд-е ООН ЮНКТАД. 2019. 94 с
9. О внесении изменений в некоторые решения Комиссии Таможенного союза в отношении отдельных видов мяса домашней птицы, О внесении изменений в некоторые решения Комиссии Таможенного союза в отношении яиц свежих кур домашних: Решения Совета ЕЭК от 12.12.2023 №№ 144, 145 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eaeunion.org/ (дата обращения: 12.06.2024)
10. О согласованных подходах к таможенно-тарифному регулированию в отношении товаров, ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза: рекомендация Коллегии ЕЭК от 17.05.2022 № 19. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eaeunion.org/ (дата обращения: 12.06.2024)
11. О таможенном тарифе: Закон РФ от 21.05.1993 N 5003–1 – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1995/ (Дата обращения: 12.06.2024)
12. Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности: Федерал. закон от 08.12.2003 N 164-ФЗ – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45397/ (Дата обращения: 12.06.2024)
13. Об утверждении ставок ввозных таможенных пошлин в отношении отдельных товаров, страной происхождения которых являются государства и территории, предпринимающие меры, которые нарушают экономические интересы Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 07.12.2022 № 2240 (ред. от 27.12.2023) // СЗ РФ. – 2022. – № 50 (Часть IV). – Ст. 8941.
14. Приложение N 6. Протокол о едином таможенно-тарифном регулировании – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ba302ff5e971940a78d90438f0ca311186a3cdd0/ (Дата обращения: 12.06.2024)
15. Соглашение по применению статьи VII Генерального соглашения по тарифам и торговле 1994 года (заключено в г. Марракеше 15.04.1994) // СЗ РФ. 2012. № 37 (приложение, ч. VI). С. 2679–2704.
16. Таможенное-тарифное и нетарифное регулирование в ЕАЭС как инструмент содействия бизнесу // Альта-софт. URL: https://www.alta.ru/expert_opinion/89683/ (дата обращения: 12.06.2024).
17. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ред. от 29.05.2019) (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315/ (дата обращения: 12.06.2024)
18. Тюрина Н.Е. Публичный интерес в международном торговом праве: дис. … докт. юрид. наук. – Казань, 2015. – 443 с.
19. Шумилов В.М. Международное экономическое право в контексте глобализации мировой экономики (проблемы теории и практики): дис. … докт. юрид. наук. – М., 2001. – 400 с.

MEASURES OF CUSTOMS AND TARIFF REGULATION OF RUSSIA IN THE EAEU

Danilova D.P.
Financial University under the Government of the Russian Federation

The article discusses the main measures of customs and tariff regulation applied by the Russian Federation within the framework of the Eurasian Economic Union (EAEU). The analysis of normative legal acts regulating the customs and tariff policy of Russia, as well as their impact on mutual trade of the member states of the Union, is carried out. The range of tools used, including customs duties, quotas and tariff benefits, is being investigated, and their impact on economic integration in the EAEU is being assessed. The paper also discusses the challenges and prospects of improving the system of customs and tariff regulation aimed at deepening economic cooperation within the Union. The presented data and the results of the analysis can be used to develop recommendations on optimizing Russia's customs and tariff policy in order to support sustainable development and strengthen economic ties in the EAEU.

Keywords: customs and tariff regulation, World Trade Organization law, General Agreement on Tariffs and Trade (GATT), Eurasian Economic Union (EAEU), Unified Customs Tariff of the EAEU, customs and tariff policy, customs duties, quotas, tariff benefits, economic integration, economic cooperation, economic ties.

References

1. V.V. Pokrovskaya. Customs and tariff regulation of foreign trade activities / St. Petersburg: Intermedia, 2015. – 136 p.
2. The General Agreement on Tariffs and Trade of 1994 (Concluded in Marrakech on 04/15/1994) // SZ RF. 2012. No. 37 (appendix, part V). pp. 2032–2048.
3. Dedusenko A.S. International trade law (concept, principles and basic institutions): dis. … cand. Jurid. sciences'. – Rostov-on-Don, 2006. – 225 p.
4. The Treaty on the Eurasian Economic Union (Signed in Astana on 05/29/2014, with amendments and additions, intro. effective from 04/03/2023). – [Electronic resource]. – Access mode: http:// www.eaeunion.org (date of application: 06/12/2024).
5. Agreement on a free trade zone (Signed in St. Petersburg on 10/18/2011) // SZ RF. 2012. No. 40. St. 5340.
6. Unified Customs Tariff of the Eurasian Economic Union (EEU ETT) // Alta-soft. URL: https://www.alta.ru/ett / (date of access: 06/12/2024).
7. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993): official. the text, taking into account the amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation dated 03/14/2020 No. 1-FKZ // Rossiyskaya Gazeta. 1993. No. 237
8. International classification of non-tariff measures. UN Publication UNCTAD. 2019. 94 s
9. On Amendments to Some decisions of the Customs Union Commission regarding certain types of poultry meat, On Amendments to Some Decisions of the Customs Union Commission regarding eggs of fresh domestic chickens: Decisions of the EEC Council dated 12.12.2023 No. 144, 145 [Electronic resource]. – Access mode: http://www.eaeunion.org / (date of access: 06/12/2024)
10. On coordinated approaches to customs and tariff regulation in respect of goods imported into the customs territory of the Eurasian Economic Union: recommendation of the EEC Board dated 05/17/2022 No. 19. [Electronic resource]. – Access mode: http:// www.eaeunion.org / (date of application: 06/12/2024)
11. On the customs tariff: The Law of the Russian Federation dated 05/21/1993 N 5003–1 – Access from the help.- the legal system "ConsultantPlus". – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1995 / (Date of access: 06/12/2024)
12. On the basics of state regulation of foreign trade activity: Federal. the law of 08.12.2003 N 164-FZ – Access from the help.- the legal system "ConsultantPlus". – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45397 / (Date of access: 06/12/2024)
13. On the approval of rates of import customs duties in respect of certain goods, the country of origin of which are states and territories taking measures that violate the economic interests of the Russian Federation: Decree of the Government of the Russian Federation dated 07.12.2022 No. 2240 (ed. dated 27.12.2023) // SZ RF. – 2022. – No. 50 (Part IV). – Article 8941.
14. Appendix No. 6. Protocol on unified customs and tariff regulation – Access from the help.- the legal system "ConsultantPlus". – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ba302ff5e971940a78d90438f0ca311186a3cdd0 / (Date of appeal: 06/12/2024)
15. Agreement on the application of Article VII of the General Agreement on Tariffs and Trade of 1994 (concluded in Marrakech on 04/15/1994) // NW RF. 2012. No. 37 (appendix, part VI). pp. 2679–2704.
16. Customs, tariff and non-tariff regulation in the EAEU as a business assistance tool // Alta-soft. URL: https://www.alta.ru/expert_opinion/89683 / (date of reference: 06/12/2024).
17. Customs Code of the Eurasian Economic Union (as amended on 05/29/2019) (Appendix No. 1 to the Agreement on the Customs Code of the Eurasian Economic Union – Access from the reference.- the legal system "ConsultantPlus". – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315 / (date of access: 06/12/2024)
18. Tyurina N.E. Public interest in international trade law: dis. … doct. Jurid. sciences'. – Kazan, 2015. – 443 p.
19. Shumilov V.M. International economic law in the context of the globalization of the world economy (problems of theory and practice): dis. … doct. Jurid. Sciences. – M., 2001. – 400 p.

Международно-правовой анализ некоторых способов изменения государственной территории

Чувахин Петр Игоревич,
к.ю.н. старший преподаватель кафедры международного и публичного права Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: chuvakhin.petr@yandex.ru

Статья посвящена некоторым правовым способам изменения государственной территории в международном праве. В научно-практических изысканиях в рамках системы международного права традиционно выделяется несколько способов, с помощью которых может быть установлен территориальный суверенитет. Данные способы основаны прежде всего на рецепции норм римского права, касающихся приобретения права собственности. Применение основополагающих принципов римского права в этой сфере было обусловлено исторически сложившейся системой абсолютной монархии, получившей распространение в Европе в период становления европейской экспансии в 16–17 веках, когда монарх по праву считался «владельцем» территории своего государства. В то же время на современном этапе развития правоприменительной практики в системе международного права, использование норм римского права в отношении приобретения права собственности на территорию (территориального титула) считается утратившим свою актуальность, по причине создание искаженного представления о текущей международной практике.

Ключевые слова: государственная территория, оккупация, приобретательная давность, аккреция

В настоящее время презюмируется, что территория может быть приобретена суверенным государством пятью способами: оккупацией, приобретательной давностью, аккрецией, цессией и адъюдикацией. В то же время, перечень таких способов не является исключительным и (или) исчерпывающим. В правоприменительной практике последнего времени представляется маловероятным, что какой-либо из перечисленных способов очевидно использовался в отдельных ситуациях. Данные способы взаимосвязаны между собой и, соответственно, могут использоваться в сочетании друг с другом. Следует также учитывать, что в ряде случаев применение названных способов основано на позициях западных правовых течений о восприятии правового статуса рассматриваемой территории до ее приобретения. Так, например, легальность приобретения территории путем оккупации прежде всего основано на фундаментальном представлении о том, что ранее эта территория была terra nullius, то есть не находилась под суверенитетом какого-либо государства. Несмотря на это, первоначально, под термином terra nullius подразумевалось, что территория не находится под суверенитетом какого-либо другого признанного государства, то есть государства, входящего в небольшой клуб суверенных «цивилизованных» государств, к которым, как считалось, применимы нормы международного права.

Обозначенный способ приобретения территориального титула был основан на неоднозначном логическом заключении определявшем, что в случае, если государство приобретает суверенитет над terra nullius (то есть территорией, которая не находится под суверенитетом какого-либо государства), то такой территорией может быть земля, которая ранее никогда не принадлежала ни одному из суверенных государств. В то же время, возникает актуальный вопрос о возможности применения данного способа по отношению к территории, которая была покинута бывшим сувереном или оккупирована народом и (или) племенем, не имеющим социальной и политической организации, необходимой для создания суверенного государства в соответствии с международным правом.

В материалах консультативного заключения по Западной Сахаре Международным судом ООН обозначено, что территории, населенные группами, имеющими «социальную и политическую организацию», в свете действовавшего в то время законодательства не должны впоследствии рассматриваться в качестве terra nullius [1]. Соответственно, колониальные державы не смогли дока-

зать, что они приобрели территориальные титулы, то есть обосновать тот факт, что они обладали суверенитетом в отношении территории, населенной такими населенными группами на том основании, что на соответствующую территорию не претендовало ни одно другое государство. Кроме того, колониальные государства имели право на так называемый «производный титул», то есть титул, приобретенный в результате цессии, заключенной между соответствующей колониальной державой и местными правителями, или в результате завоевания с целью установления их суверенной власти над территорией.

Отметим, что территория считается оккупированной, когда она находится под полным и эффективным контролем. Отдельные исследователи отмечают, что данное весьма относительное понятие, может варьироваться в зависимости от соответствующей территории. К примеру, будет гораздо легче однозначно установить полный и эффективный контроль над необитаемой территорией, чем над территорией, которая может быть также населена народом и (или) племенем, не имеющим социальной и политической организации, в частности актуальным примером является остров Северный Сентинел.

Дополнительно к вышеизложенному, необходимо учитывать позицию, изложенную Постоянной палатой международного правосудия в материалах дела о правовом статусе Восточной Гренландии (Норвегия против Дании), в которой прямо обозначено: «притязание на суверенитет, основанное не на каком-то конкретном правовом акте, таком как цессия, а просто на продолжающемся властном контроле, включает в себя два элемента, существование каждого из которых должно быть продемонстрировано: намерение действовать в качестве суверена; а также эффективное осуществление такой власти» [2].

Намерение действовать в качестве суверена (animus possidendi)

Существует категория исследователей, которые последовательно утверждают, что намерение действовать в качестве суверена, являясь субъективным критерием, влечет за собой определенную правовую оценку действиям государства и приводит к проблемам между разными государствами. На настоящий момент эволюции международного права почти все пригодные для жизни территории земного шара находятся под властью какого-либо суверенного государства, и, следовательно, важность приобретения путем оккупации заключается не в приобретении новой территории, а в решении существующих претензий, основанных на оккупации в прошлом.

В этой связи, явственное намерение действовать в качестве суверена как одно из условий эффективной оккупации определяется на основе трех взаимообусловленных критериев: действия должны осуществляться суверенным государством или его уполномоченным лицом, а не простым физическим лицом; действия не должны выполняться другим государством без предварительного согласия; действия не должны обосновываться иными причинами, кроме предположения о прежнем суверенитете.

Эффективное осуществление власти

Представленный критерий означает, что оккупирующее суверенное государство должно осуществлять контроль над соответствующей территорией, а также некое подобие государственного управления, схожего с суверенной властью. Традиционное представление об оккупации заключается в расселении населения на данной территории и физическом владении ею. В то же время, необходимый объем и полнота контроля над такой территорией зависит от ряда обстоятельств. К примеру, в материалах дела об острове Пальмас (Королевство Нидерландов против Соединенных Штатов Америки) [3], Соединенные Штаты Америки заявили свои права на данный остров, который находится между Филиппинами и бывшей Голландской Ост-Индией. Соединенные Штаты Америки обосновали свой суверенитет на данный остров, руководствуясь положениями Парижского договора 1898 года, по которому Королевство Испания передала Филиппинские острова Соединенным Штатам Америки. Кроме того, в материалах договора остров Пальмас определялся в качестве составной части Филиппинских островов. В то же время, данный остров находился под контролем Королевства Нидерландов. Соответственно, ключевой вопрос заключался в том, распространялся ли суверенитет Королевства Испании над островом Пальмас, когда она намеревалась передать его Соединенным Штатам Америки. Арбитр указал, что даже если Королевство Испания изначально обладала суверенитетом над островом, то необходимо учитывать, что голландцы управляли им с начала 18 века, что говорит о том, что именно Королевство Нидерландов осуществляло суверенную власть на данной территории. Кроме того, он заявил, что: «постоянное и мирное проявление территориального суверенитета (мирное по отношению к населению) должно восприниматься, как территориальный титул. Проявления территориального суверенитета принимают различные формы в зависимости от условий времени и места. Несмотря на то, что суверенитет в принципе является непрерывным, он не может осуществляться в любой момент времени в любой точке территории. В связи с этим, необходимо в первую очередь различать регион, о котором идет речь, населенный он или необитаемый». Учитывая изложенное, арбитр пришел к выводу, что именно Королевство Нидерландов осуществляли суверенную власть над островом, которая подчеркивается тесной связью, существовавшей с 1677 года между жителями острова и Королевством Нидерландов, а также мирной и постоянной демонстрацией голландского суверенитета

по меньшей мере с 1700 года до возникновения спора в 1906 году.

Кроме того, в этом контексте нельзя не упомянуть решение постоянной палаты международного правосудия по делу о правовом статусе восточной Гренландии (Норвегия против Дании) [2]. Данный спор возник из-за действий Королевства Норвегии, объявившей о своей оккупации части Восточной Гренландии в 1931 году. Королевство Дания, в свою очередь, утверждала, что датский суверенитет распространяется на всю территорию Гренландии. На основании представленных доказательств судьи пришли к выводу, что право на территориальный титул со стороны Королевства Дании на всю Гренландию было подтверждено самое позднее в 1721 году. Следовательно, для удовлетворения датского заявления необходимо было обнаружить доказательства фактического осуществления власти Королевством Данией над спорной территорией. Впоследствии Королевство Дания представила в качестве доказательств следующие факты: отсутствие до 1931 года каких-либо территориальных притязаний со стороны иных государств; арктическая территория, часть которой недоступна для колонизации, в связи с чем требовать постоянного осуществления власти абсолютно неразумно; наличие многочисленных датских законодательных и административных актов, распространявшихся на всю территорию Гренландии; наличие международных договоров с другими государствами, в которых признаются территориальные претензии Королевства Дании на Гренландию. На основе названных фактов, судьи единогласно постановили, что наличие таких фактов в период с 1721 по 1931 год является достаточным для распространения датского территориального титула на всю территорию Гренландии.

Другим примером эффективного осуществления власти в контексте оккупации стало решение Международного суда ООН по спору об островах Менкье и Экреус (Французская Республика против Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии) [4]. Оценивая территориальные претензии обоих государств на данные острова, Международный суд ООН заявил, что он «придает, в частности, доказательную силу актам, которые относятся к осуществлению юрисдикции и местного управления, а также законодательству». В материалах дела судьи также сослались на осуществление уголовной юрисдикции, проведение расследований, сбор налогов, и на ордер британского казначейства от 1875 года, в том числе на «Скалы Экрехос» в порту Джерси.

Аналогично с оккупацией, приобретательная давность основана прежде всего на полном и эффективном контроле над территорией, однако, существует различие, так как оккупация – это распространение территориального суверенитета на terra nullius, тогда как приобретательная давность – это приобретение территории, принадлежащей другому государству. В целом приобретательную давность можно разъяснить в качестве приобретения территориального суверенитета путем постоянного и беспрепятственного владения над территорией в течение такого периода времени, который необходим для формирования уверенности в том, что такое осуществление власти полностью соответствует международному правопорядку [5].

Соответственно, сущность правоприменительной практики в вопросах приобретательной давности заключается в устранении неправомерности территориального титула в силу узурпации власти другого государства с его согласия или молчаливого согласия [6]. Необходимо отметить, что необходимо отличать приобретательную давность от владения с незапамятных времен. Ключевое различие между давностью приобретения и владением с незапамятных времен заключается в том, что в случае последнего дата начала «владения» территорией неизвестна. Следовательно, по общему правилу предполагается, что владение в сочетании с эффективным осуществлением суверенитета является законным, в то время как в отношении приобретательной давности правовой титул на территорию изначально является незаконным.

Общепринятыми критериями приобретательной давности являются:

1. Владение должно осуществляться на правах суверена. Кроме того, должна быть продемонстрирована государственная власть и отсутствие какого-либо признания суверенитета другого государства. Обращаем внимание, что обозначенное условие не применяется в отношении подопечных или подмандатных территорий. Отметим, что данное условие препятствует приобретению государством территориального титула в случае, если отдельные лица в отсутствии полномочий какого-либо государства захватывают и осуществляют контроль над территорией. Так, в материалах дела, касающегося острова Касикили/Седуду (Республика Ботсвана против Республики Намибии) [7], Республика Намибия утверждала, что она осуществляет территориальный суверенитет над островом в силу того факта, что члены племени масубиа, которые также являлись гражданами Республики Намибии, в течение длительного времени осуществляли контроль над территорией острова. Международный суд ООН постановил, что члены племени не владели островом на правах суверена, поскольку они не осуществляли функций государственной власти.

2. Владение территорией должно быть непрерывным и мирным, то есть не сопровождаться протестами со стороны населения, либо иного государства. К примеру, материалы арбитражного дела Чамизале (Соединенные Штаты Америки против Мексиканских Соединенных Штатов) отражают претензии Соединенных Штатов Америки на участок мексиканской территории, который ранее был присоединен к территории Соединенных Штатов Америки, в том числе на основании права непрерывного владения [8]. Арбитраж отклонил иск, поскольку было известно, что Мексиканские Соединенные Штаты направили ряд нот протеста Сое-

диненным Штатам Америки, в результате чего для разрешения возникшего спора была подписана конвенция «о правах двух государств в отношении территориальных изменений, вызванных смещением реки Рио-Гранде». Соответственно, по мнению арбитража, дипломатические ноты протеста Мексиканских Соединенных Штатов предотвратили возникновение правового титула на основании приобретательной давности. В то же время, довольно сомнительно в настоящее время, что одних дипломатических нот будет достаточно для того, чтобы государство защитило свои суверенные права. Необходимо более серьезное выражение несогласия с утратой территориального титула, например, разрыв дипломатических отношений или введение санкций в качестве ответных мер.

В материалах дела об островах Менкье и Экреус (Французская Республика против Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии), Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии утверждало, что протесты Французской Республики против применения норм британского законодательства к спорным островам были неэффективными, в частности, по мнению Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, такие протесты должны были быть подкреплены возможной передачей вопроса на рассмотрение международного трибунала, однако, судьи не стали комментировать данный вопрос [4].

3. Владение должно быть публичным. Все международное сообщество должно видеть, что конкретное государство владеет данной территорией

4. Владение должно быть продолжительным. Полный и эффективный контроль, необходимый для установления территориального титула на основе приобретательной давности, должен осуществляться в течение длительного периода времени. В то же время, требуемый срок не установлен нормами международного права, в результате чего возникает вопрос о том, был ли полный и эффективный контроль, осуществляемый над территорией, достаточно продолжительным, будет зависеть от конкретного случая.

Таким образом, возможно отметить, что существующая концепция приобретательной давности в международном праве весьма противоречива главным образом потому, что нормы международного права не устанавливают какого-либо конкретного периода времени, который должен пройти, прежде чем государство сможет заявить, что его владение территорией на правах суверена должно быть приравнено к законному владению

Необходимо особо отметить, что Международный суд ООН ни в одном деле не выработал точного подхода и критериев относительно того является ли концепция приобретательной давности частью системы международного права. Данная ситуация, прежде всего, связана с тем, что территориальные претензии, основанные только на приобретательной давности, крайне редки, поскольку, полагаясь на приобретательную давность, государство признает, что у него нет правового территориального титула. Кроме того, применение принципа uti possidetis к территориальным спорам еще больше поставило под сомнения актуальность доктрины приобретательной давности. Также, во многих делах, рассматриваемых Международным судом ООН, стороны полагали возможным ссылаться на приобретательную давность исключительно в качестве дополнительного критерия. К примеру, в материалах дела, касающегося острова Касикили/Седуду (Республика Ботсвана против Республики Намибии), Республика Намибия утверждала, что ее территориальный титул на спорную территорию было основан на англо-германском договоре 1890 года, а также на основе приобретательной давности [7]. Обе стороны в споре согласовали критерии, необходимые для обоснования приобретательной давности, однако, Международный суд ООН основывал свое решение лишь на первичном заявлении и, следовательно, не рассматривал по существу дополнительное требование. С учетом изложенного, Международный суд ООН в целом никогда не признавал существование территориального титула, основанного исключительно на приобретательной давности. Кроме того, интересным представляется, что Международный суд ООН предпочитает основывать свои решения, когда речь идет о приобретательной давности, на молчаливом согласии, поскольку трудно не рассматривать приобретательную давность как форму молчаливого согласия, вытекающую из бездействия государства, территория которого частично оккупирована другим государством [9]. Примером этого может служить решение Международного суда ООН по делу, касающегося суверенитета над островами Педра-Бранка/Пулау-Бату-Путех, Мидл-Рокс и Саут-Ледж (Малайзия против Сингапура), в материалах которого разъяснено, что Республика Сингапур приобрела территориальный титул на острова Педра-Бранка (Пулау-Бату-Путех) на основании молчаливого согласия, «хотя существующие факты говорят именно о преобретательной давности» [10].

Планомерное расширение площади суши за счет накопления почвенного материала, такого как песок, ил, глина и гравий, в результате естественных причин называется аккрецией. Соответственно, аккреция основана прежде всего на геологическом процессе, посредством которого формируется новая территория земли и присоединяется к существующей земле суверенного государства, как, например, создание островов в устье реки или изменение направления течения пограничной реки, оставляющее землю там, где она ранее текла. В случае, если новая территория земли возникает внутри территории государства, то она является частью территории этого государства, и никаких правовых споров не возникает. Это значит, что государство обладает исключительным суверенным правом в отношении любых изменений, происходящих на его территории в результате аккреции или в результате образования островов в пределах его

территориальных вод. Отметим, что когда возник остров в Тихом океане после извержения подводного вулкана в январе 1986 года, правительство Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии отметило, что: «Мы понимаем, что остров возник в территориальном море японского острова Иводзима. Поэтому мы считаем его японской территорией».

Противоположностью аккреции является эрозия, которая возникает, когда территория земля постепенно размывается водой. Обращаем внимание, что как эрозия, так и аккреция должны происходить естественным образом, то есть осуществляться медленно, постепенно и незаметно, чтобы каким-либо образом повлиять на территориальный суверенитет. Внезапные территориальные изменения на водных пространствах, вызванные природными силами или стихийными бедствиями, такими как штормы, наводнения и ураганы, называются авульсии.

Относительно изменения течения пограничной реки, то здесь возникает иная ситуация в зависимости от того, является ли оно незаметным и незначительным или существенным смещением (изменением русла). Обычно пограничной линией на несудоходных реках является срединная линия, а на судоходных реках – тальвег – это самый глубокий участок реки, который постоянно используется для судоходства. Следует отметить, что тальвег не является пограничной линией, а выступает в качестве пограничной зоны, поскольку участок реки никогда не имеет четкой линии. Кроме того, судоходных участков может быть несколько. Если пограничная река меняет свое русло в результате аккреции на одном берегу и эрозии на другом, то пограничной линией в случае судоходной реки по-прежнему будет середина тальвега, а в случае несудоходной реки – ее медианная линия. В то же время, если пограничная река изменит свое русло в результате авульсии, то граница останется там же, где она находилась.

Континентальный шельф государства также может быть расширен за счет аккреции. Кроме того, в случае если новый остров возникает в результате аккреции в исключительной экономической зоне государства, то он, как правило, принадлежит этому государству.

В правоприменительной практике существуют интересные материалы по делу Чамизале (Соединенные Штаты Америки против Мексиканских Соединенных Штатов), которое касалось, как аккреции, так и авульсии [8]. В соответствии с договорами 1848 и 1852 годов между Соединенными Штатами Америки и Мексиканскими Соединенными Штатами река Рио-Гранде была признана пограничной рекой между двумя странами. Однако, поскольку река Рио-Гранде часто меняла свое русло, возник спор. До 1864 года Рио-Гранде планомерно изменяла свое русло, что привело к появлению участка суши (в результате аккреции). Впоследствии, в 1864 году внезапно произошел очень сильный разлив вод реки. Это наводнение резко изменило русло реки, в результате чего участок площадью около 600 акров, под названием участок Чамизале, который находился на южном берегу реки недалеко от мексиканского побережья, оказался примыкающим к северному берегу недалеко от американского города Эль-Пасо. Постепенная аккреция и внезапное наводнение изменили русло реки Рио-Гранде. Соединенные Штаты Америки утверждали, что участок Чамизале образовался в результате медленной и постепенной эрозии, в то время как Мексиканские Соединенные Штаты утверждали, что территория образовалась по результатам авульсии.

В материалах данного дела проведено сущностное различие между изменениями в русле реки Рио-Гранде: до 1864 года изменения происходили из-за постепенной эрозии и аккреции, и, следовательно, Соединенные Штаты Америки имели право на часть участка Чамизале в результате постепенного увеличения площади суши в южном направлении, однако, в 1864 году произошли внезапные территориальные изменения, и таким образом Мексиканские Соединенные Штаты получили право на территорию, образовавшуюся в результате разлива реки. Большинством голосов судей Мексиканским Соединенным Штатам досталось 437 акров участка Чамизале, то есть участок суши, который находился на мексиканской стороне реки до наводнения 1864 года. Соединенные Штаты Америки не признавали данное решение по данному делу более 50 лет и лишь в 1963 году между Соединенными Штатами Америки и Мексиканскими Соединенными Штатами был подписан договор о демаркации границ, согласно которому 437 акров участка Чамизале были переданы Мексиканским Соединенным Штатам.

В материалах дела штата Луизиана против штата Миссисипи, Верховный суд Соединенных Штатов Америки применил принципы международного права к пограничному спору между двумя федеральными штатами, граница которых проходила по реке Миссисипи [11]. Суд постановил, что постепенная эрозия почвы на миссисипском берегу и ее аккреция на луизианском берегу в период времени с 1823 по 1912 год привели к переходу части территории в собственность штата Луизианы, однако, когда в 1913 году река внезапно изменила русло, это не лишило штат Луизиану уже приобретенной территории. Это изменение было связано с авульсией, и поэтому граница, существовавшая до 1913 года, осталась прежней. Впоследствии суды Соединенных Штатов Америки применяли данные принципы во многих делах, касающихся территориальных споров между штатами.

Цессия – это передача территории, обычно на основании международного договора, от одного государства другому. При этом важно отметить, что форма такого договора не важна, поскольку любая договоренность будет достаточной при условии, что и государство-цедент, и государство-цессионарий явно обозначили свое согласие. Кроме того, считается, что одностороннего заявления

государства-цедента будет достаточно, если оно будет принято государством-цессионарием. Согласно правоприменительной практике в международном праве, цессия может быть как безвозмездной, так и осуществляться за определенное вознаграждение (например, продажа Королевством Данией Соединенным Штатам Америки датской Вест-Индии в 1916 году, продажа Французской Республикой территории Луизианы Соединенным Штатам Америки в 1803 году, продажа Российской империей территории Аляски Соединенным Штатам Америки в 1867 году) или в обмен (двойная цессия) на другую территорию (например, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии уступило территорию Гельголанд Германской империи в обмен на территорию Занзибара в 1890 году). Многие договоры цессии были основаны на мирных соглашениях, например, на положениях Версальского мирного договора 1919 года. В настоящее время цессия обычно осуществляется в отношении небольших отдельных участков территории вдоль государственных границ с целью устранения сложностей, возникающих в результате особенностей пограничной линии.

Отметим, что процесс цессии приводит к смене одной власти другой над определенным участком территории, поэтому цессионарий не может иметь большее количество прав на землю, чем цедент. Это является ключевым моментом, поскольку там, где третье государство имеет определенные права, например, право на проход по территории, новая власть должна их уважать. Например, в арбитражном разбирательстве по делу об острове Пальмас (Королевство Нидерландов против Соединенных Штатов Америки) Соединенные Штаты Америки утверждали, что согласно Парижскому договору 1898 года они приобрели у Королевства Испании право собственности на остров Пальмас [3]. В то же время, арбитр установил, что на момент предполагаемой передачи острова в 1898 году суверенитет над территорией острова принадлежал не Королевству Испании, а Королевству Нидерландов. Соответственно, Королевство Испания не имела права передать больше прав, чем у нее наличествовало. В этой связи, поскольку в 1898 году Королевство Испания не имела права собственности на обозначенный остров, Соединенные Штаты Америки не могли приобрести такое право у Королевства Испании. Кроме того, когда право собственности на территорию переходит к государству-цессионарию, такое государство становится ответственным за любое противоправное деяние, совершенное на этой территории. Актуальным примером названной ситуации являются материалы дела Илоило (Великобритания против США) [12].

Парижский договор, подписанный 10 декабря 1898 года, предусматривал, что при обмене ратификационными грамотами Королевство Испания передает территориальный титул на Филиппины в пользу Соединенных Штатов Америки. Однако 24 декабря 1898 года местные повстанцы вынудили испанцев отступить, и только 10 февраля 1899 года американские войска в ходе прямого боестолкновения освободили город Илоило от повстанцев. Тем не менее, на следующий день повстанцы подожгли город, чем нанесли ущерб имуществу британских подданных. Британо-американский трибунал, рассматривающий иски о возмещении ущерба имуществу, постановил, что, поскольку договор вступил в силу только после ратификации 11 апреля 1899 года, передача территории Соединенным Штатам Америки де-юре не произошла и вытекающие из этого обязательства не начинались до этой даты.

Еще одним важным способом приобретения права собственности на территорию является совместное решение победителей войн в 20 веке. По результатам Первой мировой войны была создана мандатная система, в соответствии с которой побежденные государства – Германия и Османская империя – были лишены своих колониальных владений, которые были переданы под защиту Лиги Наций и управлялись от ее имени избранными государствами. В соответствии с мирными договорами, заключенными между государствами победителями и побежденными, политическая карта мира и Европы была полностью перекроена. На бывших территориях побежденных государств было образовано множество новых государств. Постоянная палата международного правосудия признала данный способ передачи территориального суверенитета в консультативном заключении по вопросу о границах Явожины [13].

Во время и после Второй мировой войны основные союзные державы (Союз Советских Социалистических Республик, Соединенные Штаты Америки и Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии) договорились о крупных территориальных изменениях в Европе. Отметим также, что в Декларации о признании поражения Германии и принятии союзными державами Верховной власти от 5 июня 1945 года («Берлинская декларация») три государства и присоединившаяся к ним Французская Республика заявила, что они обладают полномочиями «определять границы Германии или любой ее части и правовой статус Германии или любой территории, в настоящее время являющейся частью Германии». Впоследствии три союзных государства приняли совместное решение на Потсдамской конференции в 1945 году, передать «под управление Польского государства» бывшие немецкие территории, расположенные к востоку от линии Одер-Нейсе, до определения окончательной западной границы Республики Польши. Впоследствии немецкое население, проживавшее на этой территории, было переселено на германские территории. Иные освобожденные Союзом Советских Социалистических Республик территории, например такие как Эстония, Латвия и восточная часть Польши были либо присоединены к Союзу Советских Социалистических Республик в качестве союзных социалистических республик (их составных частей) либо получили полную независимость.

Территориальные изменения на политической карте мира, оформленные государствами-

победителями, были официально закреплены в соответствующих договорах, например, между Республикой Польшей и Союзом Советских Социалистических Республик относительно границ между ними на основании договора, подписанного 16 августа 1945 года, между Республикой Польшей и Германской Демократической Республикой на основании соглашения от 6 июля 1950 года и между Союзом Советских Социалистических Республик и Федеративной Республикой Германия на основании договора, подписанного 12 августа 1970 года, в соответствии с которым Федеративная Республика Германия отказалась от всех территориальных претензий к кому бы то ни было и подтвердила нерушимость всех существующих границ в Европе.

Необходимо отметить, что наличие правовых норм, на основе которых государства победителя имели право распоряжаться территориями побежденных государств, все еще остается спорным, но не само существование права на распоряжение этими территориями. В любом случае легальность таких территориальных изменений была подтверждена последующими договорами, подписанными европейскими государствами.

Литература

1. Western Sahara case. URL: https://www.icj-cij.org/index.php/case/61 (дата обращения: 18.06.2024).
2. Legal Status of the South-Eastern Territory of Greenland. URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/permanent-court-of-international-justice/serie_AB/AB_48/01_Groenland_ordonnance_19320802.pdf (дата обращения: 12.06.2024).
3. Island of Palmas (or Miangas) (The Netherlands / The United States of America). URL: https://pca-cpa.org/en/cases/94/ (дата обращения: 19.06.2024).
4. Minquiers and Ecrehos (France/United Kingdom). URL: https://www.icj-cij.org/index.php/case/17(дата обращения: 14.06.2024).
5. R. Jennings and A. Watts (eds.), Oppenheim's International Law, 9th edn, vol. I, Harlow: Longman, 1992.
6. Brownlie, Principles of Public International Law, 7th edn, Oxford: OUP, 2008.
7. Kasikili/Sedudu Island (Botswana/Namibia). URL: https://www.icj-cij.org/index.php/case/98 (дата обращения: 16.06.2024).
8. The Chamizal Case (Mexico, United States). URL: https://www.internationalwaterlaw.org/cases/Chamizal_Arbitration.pdf (дата обращения: 17.06.2024).
9. The Max Planck Encyclopedia of Public International Law.
10. Sovereignty over Pedra Branca/Pulau Batu Puteh, Middle Rocks and South Ledge (Malaysia/Singapore). URL: https://www.icj-cij.org/index.php/case/130 (дата обращения: 19.06.2024).
11. U.S. Reports: Louisiana v. Mississippi, 202 U.S. 58 (1906). URL: https://tile.loc.gov/storage-services/service/ll/usrep/usrep202/usrep202058/usrep202058.pdf (дата обращения: 15.06.2024).
12. Iloilo Claims. URL: https://legal.un.org/riaa/cases/vol_VI/158–160_British_Subjects.pdf (дата обращения: 12.06.2024).
13. Jaworzina. Advisory Opinion of 6 Décember 1923. URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/permanent-court-of-international-justice/serie_B/B_08/Jaworzina_Avis_consultatif.pdf (дата обращения: 12.06.2024).

INTERNATIONAL LEGAL ANALYSIS OF SOME WAYS OF CHANGING THE STATE TERRITORY

Chuvakhin P.I.
Financial University under the Government of the Russian Federation

The article is devoted to some legal ways of changing the state territory in international law. In scientific and practical research within the framework of the system of international law, there are traditionally several ways in which territorial sovereignty can be established. These methods are based primarily on the reception of the norms of Roman law concerning the acquisition of property rights. The application of the fundamental principles of Roman law in this area was due to the historically established system of absolute monarchy, which became widespread in Europe during the formation of European expansion in the 16th and 17th centuries, when the monarch was rightfully considered the "owner" of the territory of his state. At the same time, at the present stage of the development of law enforcement practice in the system of international law, the use of the norms of Roman law in relation to the acquisition of ownership of a territory (territorial title) is considered to have lost its relevance, due to the creation of a distorted view of current international practice.

Keywords: state territory, occupation, acquisition prescription, accretion, cession.

References

1. Western Sahara case. URL: https://www.icj-cij.org/index.php/case/61 (дата обращения: 18.06.2024).
2. Legal Status of the South-Eastern Territory of Greenland. URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/permanent-court-of-international-justice/serie_AB/AB_48/01_Groenland_ordonnance_19320802.pdf (дата обращения: 12.06.2024).
3. Island of Palmas (or Miangas) (The Netherlands / The United States of America). URL: https://pca-cpa.org/en/cases/94/ (дата обращения: 19.06.2024).
4. Minquiers and Ecrehos (France/United Kingdom). URL: https://www.icj-cij.org/index.php/case/17(дата обращения: 14.06.2024).
5. R. Jennings and A. Watts (eds.), Oppenheim's International Law, 9th edn, vol. I, Harlow: Longman, 1992.
6. Brownlie, Principles of Public International Law, 7th edn, Oxford: OUP, 2008.
7. Kasikili/Sedudu Island (Botswana/Namibia). URL: https://www.icj-cij.org/index.php/case/98 (дата обращения: 16.06.2024).
8. The Chamizal Case (Mexico, United States). URL: https://www.internationalwaterlaw.org/cases/Chamizal_Arbitration.pdf (дата обращения: 17.06.2024).
9. The Max Planck Encyclopedia of Public International Law.
10. Sovereignty over Pedra Branca/Pulau Batu Puteh, Middle Rocks and South Ledge (Malaysia/Singapore). URL: https://www.icj-cij.org/index.php/case/130 (дата обращения: 19.06.2024).
11. U.S. Reports: Louisiana v. Mississippi, 202 U.S. 58 (1906). URL: https://tile.loc.gov/storage-services/service/ll/usrep/usrep202/usrep202058/usrep202058.pdf (дата обращения: 15.06.2024).
12. Iloilo Claims. URL: https://legal.un.org/riaa/cases/vol_VI/158–160_British_Subjects.pdf (дата обращения: 12.06.2024).
13. Jaworzina. Advisory Opinion of 6 Décember 1923. URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/permanent-court-of-international-justice/serie_B/B_08/Jaworzina_Avis_consultatif.pdf (дата обращения: 12.06.2024).

Особенности тактики отдельных следственных действий на первоначальном этапе расследования незаконных организации и проведения азартных игр

Гончаров Дмитрий Константинович,
старший оперуполномоченный отдела экономической безопасности и противодействия коррупции УМВД России по г. Керчи
E-mail: dmitrij.goncharov.2016@mail.ru

Статья посвящена анализу следственных действий, проводимых на первоначальном этапе расследования незаконных организации и проведения азартных игр. Автором рассмотрены основные факторы, влияющие на развитие нелегальных игорных заведений на территории Российской Федерации. Приведены статистические данные о количестве возбужденных уголовных дел и лиц, привлеченных к уголовной ответственности по ст. 171.2 УК РФ с момента введения в действие данной нормы до настоящего времени. На основании изученной судебно-следственной практики автором выделены основные проблемы, с которыми сталкиваются сотрудники правоохранительных органов при расследовании преступлений, связанных с незаконными организацией и проведением азартных игр. Рассмотрено значение первоначального этапа расследования и проанализированы типичнее следственные действия, проводимые на данном этапе. Кроме того, автором предложены наиболее эффективные тактические приемы проведения основных следственных действий на первоначальном этапе расследования рассматриваемой категории преступлений и определено их значение для последующих этапов расследования.

Ключевые слова: азартные игры; организатор; анализ; конспирация; следственные действия; первоначальный этап расследования; тактика.

Азартные игры в последние годы набирают популярность среди различных слоев населения. Возможность быстро заработать деньги, не вкладывая больших материальных, физических и умственных затрат, привлекает как игроков, желающих получить деньги здесь и сейчас, так и организаторов, зарабатывающих деньги на жадности игроков. Небезызвестным остается тот факт, что целью любого игорного заведения (легального или незаконного) как элемента предпринимательской деятельности является получение прибыли. Поэтому, в подавляющем большинстве случаев, игорное оборудование настраивается техническими специалистами на получение выигрыша его владельцами, при этом всегда оставляется какой-то процент выпадения выигрышных комбинаций для игроков, с целью пробуждения в них азарта, для продолжения игры. Такие игроки, охваченные азартом, периодически выигрывая определенную сумму денежных средств, даже если она будет в несколько раз меньше проигранных денег, готовы играть до последней копейки, удовлетворяя жажду азарта. Зачастую, азартные игроки не могут вовремя остановиться, что приводит к игре в долг, закладыванию имеющегося у них движимого и недвижимого имущества, оформлению кредитов, с целью отыграться и выиграть еще. Однако, как показывает практика, такие игроки обычно проигрывают больше, чем имеют, что толкает их впоследствии на совершение корыстных преступлений, а в отдельных случаях приводит к суициду.

Негативными последствиями нелегальных игорных заведений является как развитие игромании – психического заболевания, присущего азартным игрокам, так и недополучение прибыли государством в качестве налогов и сборов, предусмотренных для легального игорного бизнеса.

Введенные Федеральным Законом от 29.12.2006 № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» ограничения в сфере организации и проведения азартных игр в виде установления пяти игорных зон, расположенных в Алтайском крае, Краснодарском крае, Приморском крае, Калининградской области и Республике Крым[1], показывают недостаточную

[1] Федеральный закон от 29.12.2006 № 244-ФЗ (в редакции от 02.07.2021) «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации». [Электронный ресурс] // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». URL: http://www.con-

эффективность, так как количество игорных заведений вне установленных игорных зон неумолимо растет. И, несмотря на тяжесть последствий, предусмотренных санкциями статьи 171.2 УК РФ за незаконные организацию и проведение азартных игр[1], организаторы незаконных игорных заведений, рискуя не только материальными ценностями, но и личной свободой, продолжают открывать новые незаконные игорные заведения. С каждым годом незаконный игорный бизнес расширяется и занимает определенный сектор теневой экономики государства. Доходность нелегальных игорных заведений соизмерима с торговлей наркотиками и оружием.

К факторам, способствующим развитию нелегальных игорных заведений, на наш взгляд, можно отнести:

– высокий уровень латентности незаконных организации и проведения азартных игр;
– доступность игорного оборудования;
– развитие информационно-телекоммуникационных технологий;
– коррумпированность правоохранительных органов и чиновников, в обязанности которых входит контроль и борьба с нелегальными игорными заведениями.

Латентность преступлений в рассматриваемой сфере обусловлена не только скрытностью организации и проведения азартных игр на стадии подготовки и совершения, но и сокрытием уже совершенных преступлений со стороны организаторов и лиц, проводящих азартные игры.

Так, например, на территории Республики Крым и г. Севастополя были незаконно организованы и проводились азартные игры в различных помещениях, при входе в которые были размещены табло с надписью «WebMoney, кибероплата», с целью сокрытия фактически осуществляемой деятельности внутри данных помещений[2]. Как показывает практика, игорные заведения размещаются в людных местах, на автовокзалах, рынках, портах[3], при этом входы в такие заведения маскируются либо вышеописанным способом, либо никак не обозначаются. Также, игорные заведения могут маскироваться под компьютерные клубы, Интернет кафе и иные заведения, в которых якобы осуществляется предоставление услуг по аренде компьютеров с возможностью выхода в сеть Интернет[4]. Следует отметить, что после совершения преступления, в случае разоблачения преступников правоохранительными органами, организаторы незаконных азартных игр, как правило, стремятся уничтожить следы совершенного преступления, а также инструктируют лиц, проводивших азартные игры о том, что в случае вызова последних сотрудниками правоохранительных органов им следует давать ложные показания о том, что им ничего не известно об азартном характере провидимых ими игр. Кроме того, организаторы незаконных азартных игр, зачастую, препятствуют проведению следственных действий, скрываются от органов досудебного следствия, пытаются спрятать игорное оборудование, мобильные телефоны, черновые записи и иные предметы, на которых могут содержаться следы совершенного преступления.

В настоящее время, как правило, организаторы незаконных азартных игр используют в качестве игорного оборудования обычные персональные компьютеры, на которые устанавливаются игровые программы либо приложения, позволяющие проводить азартные игры посредством выхода в сеть Интернет и подключения к специальным серверам, предоставляющим возможность играть в азартные игры. Стоимость такого оборудования невелика, по сравнению с игровыми автоматами со встроенными в них платами, которые были широко распространены до вступления в силу ФЗ от 29.12.2006 № 244-ФЗ. Для организации обычного игрового зала достаточно снять в аренду небольшое помещение, установить указанное игорное оборудование, подключить его к сети Интернет, настроить и приобрести доступ к игровому серверу. Учитывая тот факт, что один среднестатистический игровой зал может приносить доход в сумме около 1 млн рублей в месяц, можно сделать вывод о высоком уровне рентабельности данного нелегального бизнеса. Для сравнения, стоимость чистых активов организатора законно проводимых азартных игр в течение всего периода осуществления деятельности не может быть менее 600 млн. рублей[5]. При этом, за нарушение установленного порядка осуществления игорной деятельности, разрешение на осуществление такой деятельности может быть аннулировано.

Организаторы незаконных игорных заведений, в целях конспирации своей преступной деятельности, обычно устанавливают на входах в помещения, в которых проводятся азартные игры, камеры видеонаблюдения, позволяющие дистанционно конт-

sultant.ru/document/cons_doc_LAW_64924/ d6fb3580fbd6ef3e662688c02af241894aa7f3a6/ (дата обращения 05.06.2024).

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (в редакции от 25.12.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. [Электронный ресурс] // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/b20820739fab5a2c2645f2c2dba2d73e9025f6e4/ (дата обращения 13.06.2024).

[2] Гончаров Д.К. Криминалистическое обеспечение противодействия незаконным азартным играм, проводимым с использованием информационно-телекоммуникационных сетей / Д.К. Гончаров // Обществознание и социальная психология. – 2022. – № 9(39). – С. 130–137.

[3] Гончаров Д.К. Криминалистическая характеристика личности азартного игрока / Д.К. Гончаров // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 6. – С. 126–129.

[4] Гончаров Д.К. Криминалистические особенности противодействия незаконной деятельности по организации и проведению азартных игр в новых субъектах Российской Федерации / Д.К. Гончаров // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 9. – С. 108–112.

[5] Гончаров Д.К. Криминалистическая характеристика незаконных организаций и проведения азартных игр на территориях, предназначенных для проведения азартных игр и за их пределами / Д.К. Гончаров // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. – 2023. – № 8. – С. 53–57.

ролировать обстановку снаружи, и следить за появлением «нежелательных посетителей», к которым относятся сотрудники правоохранительных и контролирующих органов. Установленные внутри игорных заведений камеры видеонаблюдения передают изображение на экран смартфона организаторов посредством специально установленных приложений, что позволяет им контролировать работу персонала игорного заведения и оперативно принимать управленческие решения. Кроме того, развитие информационно-телекоммуникационных технологий позволяет организаторам незаконных игорных заведений руководить работой персонала игорного заведения посредством сервисов мгновенных сообщений «WhatsApp», «Viber», «Telegram» и др. путем создания определенных групп и дистанционного общения с их участниками[1].

Так, например, организатор одного из игорных заведений, которое было расположено на территории г. Керчи Республики Крым, находясь на территории г. Владимира Владимирской области, осуществлял контроль и руководство действиями членов преступной группы посредством отправки сообщений через сервис мгновенных сообщений «Viber», а изображения с камер видеонаблюдения, установленных внутри игровых залов, дистанционно передавались на экран его смартфона, что давало возможность оперативно руководить работой игорного заведения[2].

Еще одним фактором, упомянутым нами выше, способствующим развитию нелегальных игорных заведений, является коррумпированность лиц, призванных бороться с незаконными организацией и проведением азартных игр. Такие сотрудники, осведомленные по роду своей деятельности о датах проведения проверок и о запланированных проверяемых объектах, за незаконное вознаграждение делятся полученной информацией с организаторами незаконных игорных заведений.

Так, например, один из сотрудников отделения экономической безопасности и противодействия коррупции ОМВД России по Петушинскому району Владимирской области за вознаграждение в общей сумме 5623 700 рублей, полученное от двух организаторов незаконных азартных игр в период времени с 01.07.2014 по 22.05.2017, систематически предоставлял им информацию о планируемых сотрудниками правоохранительных органов проверках незаконных игорных заведений на территории Петушинского района Владимирской области, за что был приговорен к лишению свободы на срок 6 лет и 4 месяца в колонии строгого режима и штрафу в двукратном размере суммы полученной взятки[3].

Для оценки масштабов распространения незаконных игорных заведений на территории Российской Федерации следует обратиться к официальным статистическим данным ФКУ «Главного информационного центра Министерства внутренних дел Российской Федерации». Так, с момента введения ст. 171.2 «незаконные организация и проведение азартных игр» в Уголовный кодекс Российской Федерации по настоящее время выявлено следующее количество преступлений по указанной статье: в 2011 г. возбуждено 20 уголовных дел, в 2012 г. – 96, в 2013 г. – 106, в 2014–135, в 2015–1423, в 2016–1519, в 2017–1340, в 2018 г. – 1093, в 2019–999, в 2020 г. – 773, в 2021 г. – 681, в 2022 г. – 630, в 2023 г. – 623[4].

Согласно данным судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации, в 2011 году по ст. 171.2 УК РФ никто не был осужден, в 2012 по ст. 171.2 УК РФ осуждено 17 человек, в 2013 году – 54, в 2014–103, в 2015–483, в 2016–1278, в 2017–834, в 2018–1306, в 2019–1067, в 2020–762, в 2021–946, в 2022–1164, в 2023–1267[5].

Динамические колебания числа выявленных фактов незаконных организации и проведения азартных игр и лиц, привлеченных к уголовной ответственности, обусловлены как новыми методами конспирации, применяемыми организаторами незаконных азартных игр с целью ухода от уголовной ответственности, так и приобретаемыми навыками противодействия таким методам конспирации сотрудниками правоохранительных органов в ходе расследования уголовных дел, связанных с незаконными организацией и проведением азартных игр.

Безусловно, немаловажное значение для выявления, раскрытия и расследования рассматриваемой категории преступлений имеют материалы, собранные сотрудниками правоохранительных органов в ходе проведения доследственных проверок, однако, как показывает практика, решающее значение для направления уголовного дела в суд, имеют доказательства, собранные на первоначальном этапе расследования.

Вопросам криминалистического обеспечения расследования преступлений посвящены труды ученых-криминалистов М.Р. Глушкова, О.П. Грибунова, А.В. Гусева, Т.Ф. Дмитриевой С.Ю. Журавлева, В.М. Решетникова, М.Е. Пахомова и т.д. Однако, вопросы криминалистического обеспечения первоначального этапа расследования незаконных организации и проведения азартных игр изучены

[1] Гончаров Д.К. Современное состояние и перспективы развития криминалистической тактики при расследовании незаконных организации и проведения азартных игр / Д.К. Гончаров // Общество, право, правосудие в XXI веке: вызовы и пути их преодоления: монография / А.А. Болотов, Ю.С. Гвоздевских, Д.К. Гончаров, Д.А. Гузеева [и др.] – Москва: Издательство ООО «Ритм», 2023. – С. 81–86.

[2] Официальный сайт Керченского городского суда Республики Крым. URL: https://kerch – krm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=76831253 &delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения 24.06.2024).

[3] Приговор Петушинского районного суда Владимирской области от 04.02.2019. [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ https://sudact.ru/regular/doc/uJXcP8OZfnrb/ (дата обращения 21.06.2024).

[4] Приведены статистические сведения по данным ГИАЦ МВД России.

[5] Официальный сайт судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации [Электронный ресурс] URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения 22.06.2024).

недостаточно и требуют глубокого научного осмысления.

Незаконные организация и проведение азартных игр относятся к категории преступлений в сфере экономической деятельности. При расследовании указанных преступлений проводятся следственные действия, характерные для расследования преступлений экономической направленности, однако, имеют свою специфику, в зависимости от складывающейся следственной ситуации.

Наиболее точное определение следственной ситуации было предложено Р.С. Белкиным, определившим данную дефиницию как «совокупность условий, в которых в данный момент осуществляется расследование, то есть обстановка, в которой протекает процесс доказывания»[1]. Стоит также обратить внимание на мнение М.Ю. Тихомирова, который включает в данное определение «совокупность сложившихся на определенный момент предварительного следствия обстоятельств, которые должны учитываться при разработке и реализации программы дальнейшего расследования»[2]. Таким образом, следственная ситуация – это тот массив информации о преступлении, который имеется в распоряжении следователя на определенный момент расследования.

Первоначальным этапом расследования принято считать период расследования уголовного дела от момента его возбуждения и принятия следователем к своему производству до момента привлечения лица в качестве обвиняемого. Данный этап является наиболее трудоемким и ответственным, поэтому требует от следователя незамедлительного принятия решений о проведении тех или иных следственных действий.

Первоначальный этап расследования незаконных организации и проведения азартных игр характеризуется тем, что от качества и своевременности проведенных следственных действий зависит успех всего расследования уголовного дела и его направления в суд. Организаторы незаконных азартных игр, как правило, после получения информации о возбуждении уголовного дела по факту их противоправной деятельности, пытаются всячески скрыть факты совершения преступлений и предпринимают меры к уничтожению следов преступления. Поэтому, при планировании мероприятий, направленных на раскрытие преступления и получение максимально возможного количества материальных следов готовящегося, совершаемого или совершенного преступления, необходимо учитывать все возможные негативные факторы и прогнозировать дальнейшее поведение преступников, а также принимать исчерпывающие меры по установлению и сохранению следов преступления, которые впоследствии будут признаны вещественными доказательствами и будут иметь значение для предъявления обвинения и установления истины по делу.

Изученная нами судебно-следственная практика расследования незаконных организации и проведения азартных игр свидетельствует о том, что существует две основные следственные ситуации на стадии возбуждения уголовного дела. Первая – когда в распоряжении следователя имеются материалы, собранные сотрудниками правоохранительных органов в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий на стадии доследственой проверки, рассекреченные и предоставленные надлежащим образом следователю для изучения и принятия решения о наличии либо отсутствии в предоставленных материалах признаков состава преступления. При этом, не момент предоставления таких материалов следователю игорное заведение функционирует, организатору и участникам преступной группы, незаконно проводящим азартные игры, не известно о проведении в отношении них проверочных мероприятий, то есть, до проведения осмотра места происшествия. Вторая следственная ситуация характеризуется тем, что осмотр места происшествия игорного заведения проводится на стадии доследственной проверки, до возбуждения уголовного дела, и следователю предоставляются на изучение как материалы, собранные в ходе проведенных оперативно-розыскных мероприятий, так и изъятые в ходе проведенного осмотра места происшествия, после чего следователем принимается решение о наличии либо отсутствии в предоставленных материалах признаков состава преступления.

Как показывает практика и личный опыт выявления, раскрытия и сопровождения расследования незаконных организации и проведения азартны игр автором, первая рассмотренная нами следственная ситуация более приемлема и эффективна при расследовании рассматриваемых преступлений. Во-первых, наличие возбужденного уголовного дела позволяет провести неотложные обыски у участников незаконных организации и проведения азартных игр, тем самым не давая им возможности уничтожить следы совершенного преступления. Во-вторых, в данной следственной ситуации присутствует эффект внезапности, что позволяет проводить следователю осмотр места происшествия во время проведения азартных игр и фиксировать процесс их проведения, а также обнаружить следы преступления на месте их совершения и сразу допросить всех участников преступной группы, не давая им возможности договориться между собой и посоветоваться с иными лицами, в том числе, с организатором, о том, какие показания необходимо давать следователю.

Таким образом, одним из основных и наиболее важных, по нашему мнению, следственных действий, проводимых на первоначальном этапе расследования незаконных организации и проведения азартных игр, является осмотр места происшествия, позволяющий не только обнаружить и зафиксировать материальные следы преступления,

[1] Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования / под ред. Т.В. Аверьяновой и Р.С. Белкина. М., 1997.

[2] Юридическая энциклопедия / под ред. М.Ю. Тихомирова. М., 1998.

но и установить обстановку преступления и его механизм[1]. К тактическим особенностям проведения данного следственного действия можно отнести внезапность, своевременность, объективность, полноту, последовательность и т.п.

Внезапность проведения осмотра места происшествия при расследовании незаконных организации и проведения азартных игр обусловлена тем, что организатор и иные участники преступной группы, ожидая проведения осмотра, могут подменить игорное оборудование на неисправное, удалить всю имеющуюся информации из памяти компьютера администратора и иных компьютеров, используемых для проведения азартных игр, уничтожить документы, или вовсе вывезти все имущество из помещения игорного заведения. Как показывает практика, для обеспечения внезапности проведения данного следственного действия, необходимо заранее изучить схему помещения, в котором проводятся азартные игры, месторасположение игорного оборудования, схемы подключения электропитания, возможное расположение администратора, охранника, игроков. При планировании следственного действия целесообразно определить круг участников предстоящего осмотра, в состав которых включить следователя, специалиста, обладающего специальными познаниями в области компьютерных технологий[2], нескольких оперативных сотрудников, понятых, а также, при необходимости, нескольких представителей подразделений силовой поддержки. При этом, не следует посвящать в планируемые мероприятия иных лиц, с целью снижения вероятности утечки информации. Также, целесообразно заранее проработать маршрут незаметного подъезда к месту планируемого проведения осмотра, а непосредственно перед заходом в помещение игрового зала целесообразно отправить внутрь нескольких сотрудников правоохранительных органов в гражданской форме одежды под видом игроков, которые смогут изнутри оценить обстановку, осуществляя визуальный контроль за участниками азартных игр и, в случае необходимости, смогут обеспечить беспрепятственный проход в осматриваемое помещение остальным участникам осмотра.

Своевременность проведения осмотра состоит в необходимости его проведения в кратчайшие сроки после получения информации о совершении преступления, с целью установления и извлечения максимального количества следов преступления и исключения их утраты.

Объективность рассматриваемого следственного действия достигается исследованием и фиксацией всех обнаруженных на месте происшествия носителей следовой информации в том виде, в котором они были обнаружены, для того, чтобы в ходе расследования такие следы были признаны достоверными, так как доказательственная информация должна обладать признаками достоверности[3].

Полнота осмотра заключается в тщательном исследовании всех объектов, находящихся в местах незаконного проведения азартных игр, с целью выявления и фиксации следов преступления, имеющих значение для дела.

Последовательность проведения осмотра, как правило, реализуется совместно с таким методом обследования места происшествия как наблюдение, состоящее в восприятии следователем и иными участниками осмотра обстановки и осмыслении увиденного[4], и заключается в определенном порядке их действий.

Осмотр места происшествия при расследовании незаконных организации и проведения азартных игр сопровождается планомерным перемещением участников осмотра эксцентрическим методом, то есть от центра к периферии, где центром является компьютер администратора, а периферией – игровые точки, расположенные в осматриваемом помещении. При этом производится тщательный осмотр каждого объекта на предмет наличия не только электронно-цифровых следов, но и иных следов, к которым можно отнести потожировые следы, оставленные на поверхности игорного оборудования и иных предметов, фрагменты эпителия, элементов одежды и т.п. Также, при проведении осмотра необходимо обращать внимание на иные предметы и документы, в которых могут быть обнаружены следы совершенного преступления, такие как тетради с черновыми записями, блокноты и иные документы, в которых может содержаться информация о суммах выигрыша, игроках и иная информация. Тщательный и своевременный осмотр места происшествия в большинстве случаев позволяет зафиксировать все необходимые следы совершенного преступления, исследование которых впоследствии дает возможность установить личность преступника, способ совершения преступления, обстоятельства совершенного преступления, сведения о его участниках, а в некоторых случаях – сумму незаконно извлеченного дохода.

Так, например, при расследовании уголовного дела в отношении группы лиц, которые организовали и проводили азартные игры на территории г. Керчи Республики Крым, в ходе проведения осмотра места происшествия с участием специалиста были осмотрены страницы сайта в сети Интернет, на которые с компьютера администратора производился выход и подключение к серверу для проведения азартных игр. На основании получен-

[1] Колмаков В.П. Тактика производства следственного осмотра и следственного эксперимента / В.П. Колмаков. – Харьков: Изд-во ХГУ, 1956. – 113 с.

[2] Гусев А.В. Концепция формирования специального криминалистического познания и механизма его реализации в уголовном судопроизводстве вне судебно-экспертной деятельности: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Краснодар, 2015.

[3] Лебедев Н.Ю., Степанов С.А. Достоверность и достаточность доказательств в уголовном судопроизводстве: понятие, значение и проблемы установления // Закон и право. 2022. – № 4. – С. 146–150.

[4] Неупокоева И.А., Кочерова Л.А. Обнаружение признаков противодействия расследованию при проведении следственных действий. Проблемы криминалистической науки, следственной и экспертной практики: сб. науч. тр. Омск: Омская академия МВД России, 2017. Вып. 9. – С. 97.

ных данных экспертным путем был установлен размер извлеченного дохода[1].

После проведения осмотра места происшествия и изъятия всех необходимых объектов, целесообразно провести допрос всех установленных участников совершенного преступления, в том числе, свидетелей и очевидцев.

Как известно, допрос является одним из самых распространенных способов получения доказательств. При расследовании незаконных организации и проведения азартных игр, как правило, в первую очередь допрашивают лиц, которые проводят азартные игры, игроков, а затем организатора, в случае его установления. Как правило, перед проведением допроса проводится подготовка, в ходе которой следователь изучает имеющуюся в его распоряжении информацию о личности лица, которое планируется допрашивать, его роль в совершенном преступлении, а также иную информацию, получаемую, как правило, от оперативных сотрудников, которые осуществляют сопровождение уголовного дела. Изучив полученную информацию, следователь определяет очередность допроса лиц, а также предварительную тактику допроса. В ходе допроса следователь выясняет отношение допрашиваемого к совершенному преступлению, его позицию и желание давать или не давать показания. С целью получения достоверных показаний целесообразно применять тактические приемы допроса, к которым относят способы установления с допрашиваемым психологического контакта, устранения его негативного отношения к проводимому следственному действию и оказания на него воздействия[2]. В ходе допроса следователь, как правило, стремится скрыть от допрашиваемого лица объем осведомленности о расследуемом уголовном деле, с целью возможного установления новых обстоятельств и расширения круга участников совершенного преступления. В случае, если допрашиваемое лицо начинает умышленно излагать недостоверные факты либо искажать известную ему информацию о совершенном преступлении, следователь может продемонстрировать имеющуюся у него информацию, полученную в ходе оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, изобличающую вину подозреваемых лиц по расследуемому уголовному делу.

Так, например, при расследовании уголовного дела в отношении группы лиц, незаконно организовавших и проводивших азартные игры на территории г. Керчи, в ходе допроса одного из подозреваемых последний не признавал свою вину, заблуждаясь об имеющихся в распоряжении следователя доказательствах совершенного преступления. После предъявления видеозаписей, полученных в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий, на которых содержались сведения, изобличающие вину подозреваемого, последним были даны признательные показания[3].

Как правило, лица, в отношении которых имеются необходимые доказательства совершенного ими преступления, задерживаются следователем в порядке ст. 91 УПК РФ и допрашиваются в качестве подозреваемых. Игроки, охранники и т.п. допрашиваются в качестве свидетелей. После допроса лиц, круг которых определяет следователь, в качестве подозреваемого допрашивается организатор незаконных азартных игр. В зависимости от имеющихся в распоряжении следователя доказательств вины организатора, его позиции и линии поведения, а также вероятности скрыться от органов следствия, следователь избирает ему соответствующую меру пресечения. В ходе допроса в качестве подозреваемого следователь выясняет все подробности совершенного преступления, уточняет его механизм, используемое игорное оборудование, характер проводившихся азартных игр, роли каждого участника преступной группы, порядок выплаты выигрышей, распределения полученного дохода, выплаты вознаграждения персоналу игорного заведения, применяемые меры конспирации, сумму незаконно полученных денежных средств. От качества проведенных допросов и полученной информации от допрашиваемых лиц зависит дальнейший ход расследования уголовного дела и вероятность предъявления обвинения преступникам.

Также, с целью установления дополнительных доказательств вины организатора и иных участников совершенного преступления, целесообразно провести их личные обыски и обыски по месту их жительства. Личный обыск проводится с целью установления наличия средств связи, записных книжек, денежных средств, флэш-накопителей и иных носителей информации, на которых могут содержаться следы преступления.

Обыски жилища участников преступной группы также позволяют обнаружить носители информации, в том числе, игорное оборудование, а также денежные средства, добытые преступным путем. Кроме того, с целью установления возможных мест хранения игорного оборудования, денежных средств, различных носителей информации и иных объектов, которые могут иметь отношение к делу, целесообразно оперативным путем установить жилые и нежилые помещения, гаражи, автомобили и т.п., используемые членами преступной группы.

Таким образом, от правильности спланированных следственных действий, а также своевременности и объективности их проведения на первоначальном этапе расследования, зависит успех дальнейшего расследования уголовного дела и перспектива его направления в суд, с целью установления истины по делу. Перечень рассмотренных нами следственных действий не является исчерпы-

[1] Официальный сайт Керченского городского суда Республики Крым. URL: https://kerch – krm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=76831253&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения 24.06.2024).

[2] Соловьев А.Б. Процессуальные, психологические и тактические основы допроса на предварительном следствии / А.Б. Соловьев. М.: Юрлитинформ, 2002. 336 с.

[3] Материалы уголовного дела № 118023500006000018 от 31.01.2018 / Архив Керченского городского суда Республики Крым.

вающим, так как на первоначальном этапе расследования могут быть проведены иные следственные действия, необходимость в которых зависит от складывающейся следственной ситуации, порядок и тактика проведения которых определяется следователем.

Литература

1. Гончаров Д.К. Криминалистическая характеристика личности азартного игрока / Д.К. Гончаров // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 6. – С. 126–129.
2. Гончаров Д.К. Криминалистическая характеристика незаконных организаций и проведения азартных игр на территориях, предназначенных для проведения азартных игр и за их пределами / Д.К. Гончаров // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. – 2023. – № 8. – С. 53–57.
3. Гончаров Д.К. Криминалистические особенности противодействия незаконной деятельности по организации и проведению азартных игр в новых субъектах Российской Федерации / Д.К. Гончаров // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 9. – С. 108–112.
4. Гончаров Д.К. Криминалистическое обеспечение противодействия незаконным азартным играм, проводимым с использованием информационно-телекоммуникационных сетей / Д.К. Гончаров // Обществознание и социальная психология. – 2022. – № 9(39). – С. 130–137.
5. Гончаров Д.К. Современное состояние и перспективы развития криминалистической тактики при расследовании незаконных организации и проведения азартных игр / Д.К. Гончаров // Общество, право, правосудие в XXI веке: вызовы и пути их преодоления: монография / А.А. Болотов, Ю.С. Гвоздевских, Д.К. Гончаров, Д.А. Гузеева [и др.] – Москва: Издательство ООО «Ритм», 2023. – 200 с.
6. Гусев А.В. Концепция формирования специального криминалистического познания и механизма его реализации в уголовном судопроизводстве вне судебно-экспертной деятельности: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Краснодар, 2015.
7. Колмаков В.П. Тактика производства следственного осмотра и следственного эксперимента / В.П. Колмаков. – Харьков: Изд-во ХГУ, 1956. – 113 с.
8. Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования / под ред. Т.В. Аверьяновой и Р.С. Белкина. М., 1997.
9. Лебедев Н.Ю., Степанов С.А. Достоверность и достаточность доказательств в уголовном судопроизводстве: понятие, значение и проблемы установления // Закон и право. 2022. – № 4. – С. 146–150.
10. Материалы уголовного дела № 118023500006000018 от 31.01.2018 / Архив Керченского городского суда Республики Крым.
11. Неупокоева И.А., Кочерова Л.А. Обнаружение признаков противодействия расследованию при проведении следственных действий. Проблемы криминалистической науки, следственной и экспертной практики: сб. науч. тр. Омск: Омская академия МВД России, 2017. Вып. 9. – 115 с.
12. Официальный сайт Керченского городского суда Республики Крым. URL: https://kerch – krm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=76831253 &delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения 24.06.2024).
13. Официальный сайт Керченского городского суда Республики Крым. URL: https://kerch – krm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number= 76831253&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения 24.06.2024).
14. Официальный сайт судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации [Электронный ресурс] URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения 22.06.2024).
15. Приговор Петушинского районного суда Владимирской области от 04.02.2019. [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ https://sudact.ru/regular/doc/uJXcP8OZfnrb/ (дата обращения 21.06.2024).
16. Соловьев А.Б. Процессуальные, психологические и тактические основы допроса на предварительном следствии / А.Б. Соловьев. М.: Юрлитинформ, 2002. 336 с.
17. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (в редакции от 25.12.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. [Электронный ресурс] // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/b20820739fab5a2c2645f2c2dba2d73e9025f6e4/ (дата обращения 13.06.2024).
18. Федеральный закон от 29.12.2006 № 244-ФЗ (в редакции от 02.07.2021) «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации». [Электронный ресурс] // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64924/ d6fb3580fbd6ef3e662688c02af241894aa7f3a6/ (дата обращения 05.06.2024).
19. Юридическая энциклопедия / под ред. М.Ю. Тихомирова. М., 1998.

FEATURES OF TACTICS OF INDIVIDUAL INVESTIGATIVE ACTIONS AT THE INITIAL STAGE OF INVESTIGATION OF ILLEGAL ORGANIZATION AND CONDUCT OF GAMBLING

Goncharov D.K.
Russian Ministry of Internal Affairs for the city of Kerch

The article is devoted to the analysis of investigative actions carried out at the initial stage of the investigation of illegal organization and conduct of gambling. The author examines the main factors influencing the development of illegal gambling establishments. Statistical data on the number of criminal cases initiated and persons brought to criminal liability under Art. 171.2 of the Criminal Code of the Russian Federation from the moment this norm came into force to the present. Based on the studied practice of investigating criminal cases, the author identifies the main problems faced by law enforcement officers when investigating crimes related to the illegal organization and conduct of gambling. The significance of the initial stage of the investigation is considered and the investigative actions carried out at this stage are analyzed. In addition, the author proposed the most effective tactics for conducting basic investigative actions at the initial stage of the investigation of the category of crimes under consideration and analyzed their significance for the subsequent course of the investigation.

Keywords: gambling; organizer; analysis; conspiracy; investigative actions; initial stage of investigation; tactics.

References

1. Goncharov D.K. Forensic characteristics of the personality of a gambler / D.K. Goncharov // Humanitarian, socio-economic and social sciences. – 2020. – No. 6. – P. 126–129.
2. Goncharov D.K. Forensic characteristics of illegal organizations and gambling in territories intended for gambling and beyond / D.K. Goncharov // Modern science: current problems of theory and practice. Series: Economics and law. – 2023. – No. 8. – P. 53–57.
3. Goncharov D.K. Forensic features of countering illegal activities in organizing and conducting gambling in new constituent entities of the Russian Federation / D.K. Goncharov // Humanitarian, socio-economic and social sciences. – 2020. – No. 9. – P. 108–112.
4. Goncharov D.K. Forensic support for counteracting illegal gambling conducted using information and telecommunication networks / D.K. Goncharov // Social science and social psychology. – 2022. – No. 9(39). – pp. 130–137.
5. Goncharov D.K. Current state and prospects for the development of forensic tactics in the investigation of illegal organizations and conduct of gambling / D.K. Goncharov // Society, law, justice in the 21st century: challenges and ways to overcome them: monograph / A.A. Bolotov, Yu.S. Gvozdevskikh, D.K. Goncharov, D.A. Guzeeva [and others] – Moscow: Publishing House “Rhythm” LLC, 2023. – 200 p.
6. Gusev A.V. The concept of the formation of special forensic knowledge and the mechanism for its implementation in criminal proceedings outside of forensic activities: abstract of thesis. dis. … Doctor of Law. Sci. Krasnodar, 2015.
7. Kolmakov V.P. Tactics of conducting investigative examination and investigative experiment / V.P. Kolmakov. – Kharkov: KhSU Publishing House, 1956. – 113 p.
8. Forensic support of the activities of the criminal police and preliminary investigation bodies / ed. T.V. Averyanova and R.S. Belkina. M., 1997.
9. Lebedev N.Yu., Stepanov S.A. Reliability and sufficiency of evidence in criminal proceedings: concept, meaning and problems of establishment // Law and Law. 2022. – No. 4. – P. 146–150.
10. Materials of the criminal case No. 118023500006000018 dated January 31, 2018 / Archive of the Kerch City Court of the Republic of Crimea.
11. Neupokoeva I.A., Kocherova L.A. Detection of signs of opposition to the investigation during investigative actions. Problems of forensic science, investigative and expert practice: collection. scientific tr. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017. Vol. 9. – 115 p.
12. Official website of the Kerch City Court of the Republic of Crimea. URL: https://kerch – krm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=76831253 &delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (access date 06/24/2024).
13. Official website of the Kerch City Court of the Republic of Crimea. URL: https://kerch – krm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=76831253&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (date accessed 06/24/2024).
14. Official website of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation [Electronic resource] URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (access date 06/22/2024).
15. Verdict of the Petushinsky District Court of the Vladimir Region dated 02/04/2019. [Electronic resource] // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation https://sudact.ru/regular/doc/uJXcP8OZfnrb/ (date accessed 06/21/2024).
16. Soloviev A.B. Procedural, psychological and tactical foundations of interrogation during the preliminary investigation / A.B. Soloviev. M.: Yurlitinform, 2002. 336 p.
17. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on December 25, 2023) // Collection of legislation of the Russian Federation. [Electronic resource] // Access from the reference and legal system “Consultant Plus”. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/b20820739fab5a2c2645f2c2dba2d73e9025f6e4/ (accessed 06/13/2024).
18. Federal Law No. 244-FZ dated December 29, 2006 (as amended on July 2, 2021) “On state regulation of activities related to the organization and conduct of gambling and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation.” [Electronic resource] // Access from the reference and legal system “Consultant Plus”. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64924/d6fb3580fbd6ef3e662688c02af241894aa-7f3a6/ (accessed 06/05/2024).
19. Legal encyclopedia / ed. M. Yu. Tikhomirov. M., 1998.

Правовые аспекты применения автоматизированных систем мониторинга и контроля в IT-индустрии

Каширин Кирилл Дмитриевич,
студент Московского авиационного института
E-mail: ki.kashirin@yandex.ru

Куровский Станислав Валерьевич,
руководитель научно-исследовательского подразделения,
ООО «Высшая Школа Образования»
E-mail: 8917564@gmail.com

Мишин Денис Александрович,
руководитель редакционно-издательского отдела,
ООО «Высшая Школа Образования»
E-mail: 9651530@gmail.com

Макаренко Вероника Сергеевна,
начальник отдела научно-издательской политики, НИИ Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: Makarenko.vs1509@gmail.com

Рукавишникова Татьяна Александровна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры правового регулирования бизнеса и гражданского судопроизводства, декан юридического факультета, Негосударственное частное образовательное учреждение Университет «Синергия»
E-mail: TRukavishnikova@synergy.ru

В статье рассматриваются правовые аспекты применения автоматизированных систем мониторинга и контроля в индустрии информационных технологий. Подчеркивается актуальность исследования в контексте быстро развивающихся технологий и необходимости нормативного регулирования. В работе исследуется влияние правовых норм на функционирование автоматизированных систем мониторинга и контроля, рассматриваются вопросы защиты персональных данных, интеллектуальной собственности и соблюдения этических стандартов. Особое внимание уделяется необходимости обеспечения юридической ответственности и прозрачности алгоритмов. Также рассмотрены аспекты государственного контроля и защиты информации, применимые к автоматизированным системам мониторинга и контроля, что способствует их эффективной и безопасной интеграции в различные сферы деятельности в рамках индустрии информационных технологий.

Ключевые слова: автоматизированные системы, мониторинг, контроль, информационные технологии, правовое регулирование, требования, защита информации.

Введение

Актуальность исследования правовых аспектов применения автоматизированных систем мониторинга и контроля (далее – АСМК) в IT-индустрии обусловлена быстрым развитием технологий и растущим объемом информации, требующим надлежащего управления и защиты. В условиях интенсивного использования таких систем возникают новые правовые вызовы, которые требуют адекватного нормативного регулирования. В частности, все более значимыми становятся вопросы конфиденциальности данных, защита интеллектуальной собственности и соблюдение норм этики. Данные аспекты имеют важное значение, поскольку сегодня информационная безопасность россиян сталкивается с повышенными рисками и серьезными угрозами [1].

С внедрением АСМК возрастает необходимость обеспечения правовой безопасности как для разработчиков, так и для пользователей данных технологий. Это связано с тем, что автоматизация процессов мониторинга может привести к нарушению прав на неприкосновенность частной жизни, а также к неправомерному использованию данных. Кроме того, всё более значимым становится регулирование ответственности за действия, совершенные с использованием АСМК. Таким образом, исследование правовых аспектов применения данных систем становится не только научным, но и практическим вызовом, способствующим формированию современных и эффективных правовых норм.

Результаты и обсуждение

АСМК представляют собой комплекс программно-аппаратных средств, предназначенных для автоматического сбора, обработки и анализа данных с целью обеспечения эффективного управления и оптимизации процессов в различных областях деятельности. Такие системы функционируют на основе заданных алгоритмов и позволяют осуществлять непрерывное наблюдение за состоянием объектов, фиксировать отклонения от нормального функционирования и обеспечивать оперативное реагирование на возникшие проблемы [2].

В настоящее время в законодательстве Российской Федерации отсутствует общепринятое определение данного термина. В рамках федерального закона «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» даётся определение автоматизированной системы управления (далее – АСУ) как совокупности программ и устройств, созданных для управления обо-

рудованием в производстве или в технологических процессах. АСУ системы позволяют следить за работой оборудования, а также контролировать и направлять его действия, они обеспечивают контроль и управление всем технологическим процессом, от работы машин до их функционирования в производственных линиях [3].

Тем не менее, различные аспекты применения АСМК рассматриваются в ряде нормативно-правовых актов, регулирующих их использование в различных отраслях.

Так, в Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» указано, что федеральным органом исполнительной власти проводится мониторинг (контроль и надзор) сети Интернет, социальных сетей, информационных систем, ограниченных в смысле доступа к ним программ для ЭВМ, а также устанавливается, какая информация и информационные ресурсы должны быть подвержены такому мониторингу [3].

В Федеральном законе «Об охране окружающей среды» предусмотрено применение систем автоматического контроля состояния окружающей среды и контроля уровня выбросов загрязняющих веществ и их сброса, а также автоматизированных систем и стационарных и передвижных лабораторий. Эти системы оснащены необходимым оборудованием и программными средствами для сбора и анализа данных, что позволяет принимать меры по защите окружающей среды и снижению уровня её загрязнения [3].

В области транспорта и логистики АСМК также применяются, что подтверждается соответствующими нормативными актами, регулирующими безопасность на транспорте и управление дорожным движением. Эти системы используются для контроля за передвижением транспортных средств, мониторинга состояния дорожного покрытия и управления светофорными объектами, как это указано в соответствующих постановлениях и технических регламентах [4].

В IT-индустрии АСМК играют ключевую роль в обеспечении безопасности, повышении эффективности и улучшении качества услуг. Современная IT-индустрия охватывает большинство процессов, с которыми связана организация современного общества, что продиктовано всеобъемлющей цифровизацией. В Российской Федерации создана довольно широкая нормативная правовая база в области защиты информации, которая в том числе затрагивает и АСМК. Так, Федеральный закон «О персональных данных» [3] определяет правила автоматизированной обработки персональных данных, что является особенно важным для АСМК, которые работают с информацией, имеющей конфиденциальный характер. Правовые аспекты применения АСМК, исходя из этого закона, заключается в том, что отечественный законодатель определяет, как персональная информация должна собираться, храниться и защищаться для того, чтобы субъекты (пользователи) и их права были защищены.

Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [3] регулирует порядок проведения государственного контроля и надзора, что затрагивает использование АСМК для выполнения контрольных функций, в частности, в рамках Единого реестра контрольных (надзорных) мероприятий.

Также правовые аспекты применения АСМК в IT-индустрии заложены в приказах различных ведомств, к ключевым из которых можно отнести федеральную службу по техническому и экспортному контролю (ФТЭК) и Роскомнадзор. Так, приказ ФТЭК № 17 [3] устанавливает требования к защите информации в автоматизированных системах, определяя их соответствие различным стандартам безопасности. В частности, в приказе представлены различные государственные стандарты в области требований к обеспечению применения АСМК и процессу создания автоматизированных систем: ГОСТ Р 51583–2014, ГОСТ 34.602-89, ГОСТ 34.601-90, ГОСТ 34.201-89.

Таблица 1. Обзор «Правил применения оборудования АСУ и мониторинга сетей электросвязи»

Часть	Объект	Требования
I	Системы коммутации каналов	Управление безопасностью; мониторинг систем и их неисправностей, их конфигурации и управления ей, параметров их работы и управления ими; системы управления и мониторинга средств связи, которые выполняют функции таких систем
II	Цифровые транспортные системы	
III	Системы коммутации и маршрутизации пакетов информации	
IV	Выделенные транзитные пункты сигнализации	

Кроме того, с осени 2022 года были внесены изменения в правила работы с персональными данными. Теперь организации (операторы) обязаны уведомлять Роскомнадзор о том, что они начинают или продолжают обрабатывать персональные данные. Это не касается случаев, когда данные используются для защиты государства и общества, обеспечения безопасности на транспорте или если данные не обрабатываются с помощью автоматизированных систем. При этом Роскомнадзор разработал новые формы уведомлений для организаций (операторов). Так, до введения изменений они,

следуя установленным правилам, могли отправлять такие уведомления через специальный портал или отправлять бумажные формы в территориальные управления ведомства. Кроме того, соответствующими приказами (приказы № 55, № 68, № 2 и № 36) Министерством информационных технологий и связи Российской Федерации (сегодня – Минцифры РФ) были установлены «Правила применения оборудования АСУ и мониторинга сетей электросвязи» [3] (табл. 1).

В общем и целом, правовые требования к АСМК в IT-индустрии обуславливаются тем, что данные должны быть надёжными и безопасными, а права пользователей должны быть защищены. АСМК должны соответствовать нормам защиты персональных данных, обеспечивать конфиденциальность, целостность и доступность информации, что предполагает обязательное внедрение механизмов шифрования данных и управление доступом, которое предотвращает несанкционированное использование информации.

Одним из ключевых аспектов правового регулирования является требование к прозрачности алгоритмов и технологий, используемых в АСМК. Так, организации обязаны документировать все аспекты функционирования таких систем для того, чтобы обеспечить возможность внешнего и внутреннего аудита. Это необходимо для того, чтобы удостовериться в соблюдении нормативных стандартов и исключить возможности для манипуляций с данными или нарушения прав пользователей [5].

Важным требованием является необходимость соблюдения принципа минимизации данных, что означает, что АСМК должны собирать и обрабатывать только те данные, которые необходимы для выполнения заявленных функций. Такой подход снижает риски нарушения прав пользователей и минимизирует возможные последствия утечки информации.

Неотъемлемой частью правовых норм также является обеспечение возможности оперативного реагирования на инциденты, связанные с нарушением безопасности данных. Системы мониторинга и контроля должны иметь встроенные механизмы для обнаружения и устранения угроз, а также для восстановления нормального функционирования после инцидента, что включает в себя обязательное наличие процедур для уведомления соответствующих органов и пользователей о возникших угрозах и предпринимаемых мерах по их устранению.

Таким образом, правовые требования к АСМК направлены на обеспечение комплексной защиты данных и прав пользователей, достижение прозрачности и подотчетности процессов, а также на создание условий для безопасного и эффективного функционирования информационных систем. Правовые аспекты оказывают значительное влияние на эффективность функционирования АСМК (табл. 2).

Таблица 2. Влияние правовых аспектов на эффективность АСМК

Аспект	Субъекты	Ключевой эффект
Требования, направленные на защиту персональных данных и информационной безопасности	Разработчики и операторы	Доверие пользователей и заинтересованных сторон к АСМК повышается
Стандарты конфиденциальности и прозрачности данных	Лица, принимающие управленческие решения	Собираемая информация становится более точной и достоверной
Юридическая ответственность за обработку данных	Менеджеры в области управления рисками	Организации сохраняют свою репутацию и повышают конкурентоспособность

Как видно, правовые аспекты применения АСМК актуальны для различных направлений в IT-индустрии и субъектов, применяющих такие системы. Именно законодательное регулирование применения АСМК позволяет минимизировать риски сбоев и неправомерного использования информации, что может быть особенно важно в рамках построения цифрового правительства [6] и цифровизации бюджетной сферы [7], где сегодня особенно востребованы мониторинг и контроль.

Выводы

Таким образом, правовые аспекты играют ведущую роль в обеспечении эффективности АСМК, поскольку они способствуют созданию безопасных, надежных и прозрачных решений, которые соответствуют высоким стандартам качества и обеспечивают защиту интересов пользователей и организаций.

Литература

1. Уваров А.А. Информационная безопасность граждан России: современное состояние // Lex russica. – 2024. – Т. 77. – № . 1. – С. 133–143.
2. Носкова А. И., Токранова М.В. Обзор автоматизированных систем мониторинга // Интеллектуальные технологии на транспорте. – 2017. – № . 1. – С. 42–47.
3. Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 05.06.2024).
4. Сафиуллин Р. Р., Решетник Е.С. Интеллектуальные системы автоматизированного мониторинга транспортных средств // Воронежский научно-технический вестник. – 2018. – Т. 2. – № . 2. – С. 90–96.
5. Ловцов Д.А. Информационно-правовые основы правоприменения в цифровой сфере //

Мониторинг правоприменения. – 2020. – № . 2 (35). – С. 44–52.
6. Сморчкова Л.Н. Цифровое правительство как перспектива государственного управления в России: информационно-правовые аспекты // Правовая информатика. – 2022. – № . 2. – С. 25–33.
7. Омелёхина Н.В. Цифровизация бюджетной сферы как предмет правового воздействия // Журнал российского права. – 2020. – № . 8. – С. 127–140.

LEGAL ASPECTS OF THE APPLICATION OF AUTOMATED MONITORING AND CONTROL SYSTEMS IN THE IT INDUSTRY

Kashirin K.D., Kurovsky S.V., Mishin D.A., Makarenko V.S., Rukavishnikova T.A.
Moscow Aviation Institute, LLC "Higher School of Education", O.E. Kutafin University (MGUA), Synergy University

The article discusses the legal aspects of using automated monitoring and control systems in the information technology industry. The relevance of the research in the context of rapidly developing technologies and the need for legal regulation is emphasized. The paper examines the impact of legal norms on the functioning of automated monitoring and control systems, discusses the issues of personal data and intellectual property protection, as well as compliance with ethical standards. Special attention is paid to the need to ensure legal responsibility and transparency of algorithms. The aspects of state control and information protection applicable to automated monitoring and control systems which contribute to their effective and secure integration into various fields of activity within the information technology industry are also discussed.

Keywords: automated systems, monitoring, control, information technology, legal regulation, requirements, information protection.

References

1. Uvarov A.A. Information security of Russian citizens: the current state // Lex russica. – 2024. – Vol. 77. – No. 1. – P. 133–143.
2. Noskova A. I., Tokranova M.V. Review of automated monitoring systems // Intelligent technologies in transport. – 2017. – No. 1. – P. 42–47.
3. The legal reference system «ConsultantPlus». – URL: https://www.consultant.ru / (date of access: 05.06.2024).
4. Safiullin R. R., Reshetnik E.S. Intelligent automated vehicle monitoring systems // Voronezh Scientific and Technical Bulletin. – 2018. – Vol. 2. – No. 2. – P. 90–96.
5. Lovtsov D.A. Information and legal bases of law enforcement in the digital sphere // Monitoring of law enforcement. – 2020. – № . 2 (35). – P. 44–52.
6. Smorchkova L.N. Digital government as a perspective of public administration in Russia: information and legal aspects // Legal informatics. – 2022. – No. 2. – P. 25–33.
7. Omelekhina N.V. Digitalization of the budgetary sphere as a subject of legal influence // Journal of Russian Law. – 2020. – No. 8. – P. 127–140.